

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176, 25

Recd. Sept. 1895.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

3 June - 8 Jul. 1895.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1895.

Стр.

I.—ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ И ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. — I-II. — О. Г. Тернера	5
II.—ХОДОКЪ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья и послѣдняя: I-XV. — П. Д. Боборыкина	68
III.—МОЛОДОСТЬ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА. — Очерки. — VII-VIII. — М. М. Ковалевскаго	121
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — Майская ночь. — Первый громъ. — А. М. Федорова	155
V.—ИСКРА БОЖІЯ. — Повѣсть. — Съ польскаго. — VIII-X. — Окончаніе. — Эд. Оржешко	157
VI.—НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ИСКУССТВѢ. — I. Прерафаэлитское братство. — II. Данте-Габриэль Розетти. — III. Вильямъ Моррисъ и Алжернонъ Свинборнъ. — Зип. Венгеровой	192
VII.—ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНІЯ. — Сонетъ. — К. Бальмонта	236
VIII.—ПОЭЗІЯ ГР. А. К. ТОЛСТОГО. — I-XII. — Вл. С. Соловьева	287
IX.—ПОЭТЪ И МУЗЫКАНТЪ. — Der Liedermacher. Roman aus Neu-Berlin; von J. Stinde. — I-VI. — А. Б-г	260
X.—Ф. КОПЦЕ. — „Les petits poèmes“: I. Двѣ гробницы. — II. Который изъ двухъ? — III. Мальяръ. — IV. Дуэль. — V. Бездомная собака. — Пер. съ франц. — О. Михайловой	304
XI.—ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ II. — I. Новый періодъ французскихъ вліяній. — Благоклонность имп. Екатерины II къ философамъ. — Уловія русской жизни и образованія. — Журнальная дѣятельность Екатерины II. — Новиковъ. — Внутреннія протворвѣчія. — А. Н. Пыпина	310
XII.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — Когда душа, расправивъ крылья. — А. М. Жемчужникова	356
XIII.—НОВЫЙ РАЗСКАЗЪ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО. — Соч. гр. Л. Н. Толстого, ч. XIV: „Хозяинъ и работникъ“. — Л. С.	357
XIV.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — Лучей блестящихъ полкъ за полкомъ. — Вл. С. Соловьева	367
XV.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русскій музей Императора Александра III. — Газетные слухи о пересмотрѣ одной статьи закона о земскихъ начальникахъ. — Почетные земскіе начальники и ихъ помощники. — Къ чему приводитъ избытокъ внимательства въ дѣла сельскихъ обществъ. — Ходатайства съѣзда дѣателей по печатному дѣлу. — Полемика о вексельномъ уставѣ. — Инспекторская часть гражданскаго вѣдомства. — И. А. Вышнеградскій †	368
XVI.—ЗЕМСТВО ПО ПОЛОЖЕНІЮ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ 1890 г. — Кн. Друцкаго-Соколинскаго	391
XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Заключение мира между Японією и Китаемъ и вопросъ о внимательствѣ европейскихъ державъ. — Газетныя нападки на японцевъ и отзывы свѣдущихъ лицъ. — Ходъ переговоровъ о мирѣ. — Возможныя послѣдствія японскихъ побѣдъ и наши задачи на дальнемъ Востокѣ. — Вѣдшійя политика Англіи. — Положеніе дѣлъ въ Германіи	410
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — „Починъ“, сборн. общ. люб. русск. словесности. — Изъ путешествія по В. Сибири и т. д., А. В. Потаниной. — Письма Аксаковыхъ къ Тургеневу. — Историческій очеркъ русск. книгопечатнаго дѣла, И. Божерянова. — Т. — Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Н. Белтова. — Л. С. — Новыя книги и брошюры	424
XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Paul Bourget, Outre-Mer. — II. H. Oelsen, The influence of Dante on modern thought. — З. В.	443
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Новыя подвиги газетныхъ „добровольцевъ“. — Митава, какъ „цитадель балтизма“. — Люблинскій епископъ и польскій языкъ. — Обвинительный актъ противъ орловскаго комитета народныхъ чтеній. — „Добровольческая“ театральная цензура. — Разногласіе въ адвокатской средѣ. — Несправедливое нападентіе на Петербургъ. — Густавъ Фрейтагъ †	456
XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Вліяніе морской силы на исторію, А. Мэхена, перев. Н. П. Азбелева. — Домашній бытъ русскихъ царей, Ив. Забѣлина, ч. I. — Происхожденіе современной демократіи, М. М. Ковалевскаго. — Очерки теоретической экономіи, В. В. — Судебная психопатологія, Р. Крафтъ-Эбинга. — Стихотворенія Бодлера, изд. К. Бальмонта	
XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ — I-XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О Ц Ы

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LIX. — ТОМЪ CCXCVII. — 1/10 МАЯ, 1895.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острове, 6-я линія, на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 28. № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1895

131.37
~~131.84~~

PSlav 176, 25

1895, June 3 - July 8.
Sverdrup.

2810

ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ

и

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

I.

Общинное владѣніе, какъ извѣстно, не представляетъ исключительной бытовой принадлежности Россіи; это переходный моментъ образа пользованія землей, черезъ который прошли и другія европейскія государства. Съ развитіемъ культуры, общинное владѣніе вездѣ уступало мѣсто частной собственности, составляющей *идеалъ* народнаго хозяйства всякаго благоустроеннаго и развитога государства...

Таково ходячее понятіе, которое преобладаетъ у насъ и въ литературѣ, и въ общественномъ мнѣніи.

Что общинное владѣніе существовало и въ другихъ странахъ — это несомнѣнно; также несомнѣнно, что оно вездѣ постепенно преобразовывалось въ частную собственность; но представляетъ ли ничѣмъ неограниченная частная земельная собственность *наиболѣе совершанный идеалъ развитія народнаго хозяйства?*

Для отвѣта на такой вопросъ желательно воспользоваться вѣковыми опытомъ другихъ странъ. Если опытъ европейской жизни отвѣчаетъ утвердительно на вышепоставленный вопросъ, то, очевидно, и насъ долженъ ожидать въ будущемъ переходъ къ ничѣмъ неограниченной частной земельной собственности, и вся задача будетъ заключаться только въ томъ — въ какой постепенности и какимъ путемъ слѣдуетъ идти къ осуществленію предлагающей намъ цѣли.

Частная собственность можетъ, однако, принимать различныя формы въ своемъ проявленіи, — какаѣ же изъ этихъ формъ наиболѣе примѣнима къ намъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, слѣдуетъ выяснитъ: какой *наиболѣе совершенный типъ* частной поземельной собственности выработался въ Европѣ, т.-е. какаѣ изъ формъ частной земельной собственности наиболѣе оправдалась въ жизни другихъ странъ?

Поземельная собственность распадается, главнымъ образомъ, на два противоположныя типа: — большой поземельной собственности, преобладающей преимущественно въ Англіи и южной Италіи, — и мелкой поземельной собственности, доступной безграничному дробленію, главнымъ представителемъ коей служитъ Франція.

Средняя земельная собственность нигдѣ не играетъ выдающейся роли; по своему распространенію въ странѣ, она уступаетъ почти вездѣ большой дворянской и мелкой крестьянской собственности, тѣмъ болѣе, что довольно трудно провести грань — гдѣ кончается большое, и гдѣ начинается среднее землевладѣніе, — такъ какъ по своему характеру и по своимъ свойствамъ среднее землевладѣніе весьма мало отличается отъ большой поземельной собственности, между тѣмъ какъ мелкое крестьянское землевладѣніе обладаетъ весьма отличительнымъ признакомъ: это — вождѣлка земли и веденіе хозяйства самимъ землевладѣльцемъ.

Извѣстный „Очеркъ исторіи развитія и упадка народовъ“, Ганзена, и состояніе настоящаго положенія дѣлъ въ Сициліи, по современнымъ итальянскимъ источникамъ, — приводятъ къ несомнѣнному заключенію, что преобладаніе большого землевладѣнія въ странѣ, такъ называемыхъ *латифундіи*, отзывается весьма неблагоприятно на благосостояніи государства. Замѣчательно, что почти два тысячелѣтія тому назадъ, въ отрицательной оцѣнкѣ этой формы землевладѣнія Ганзену весьма уже давно предшествовалъ другой, знаменитый въ свое время писатель, Плиній, слова котораго: „*Latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias*“ — достаточно извѣстны.

Совершенно другія послѣдствія имѣетъ, повидимому, преобладаніе мелкой земельной собственности. Согласно господствующему мнѣнію, измелъчаніе земли привело во Франціи къ самымъ благоприятнымъ результатамъ, не только въ народно-хозяйственномъ, но и въ социальномъ отношеніи, служа лучшимъ оплотомъ противъ распространенія коммунистическихъ ученій, такъ какъ всѣ мелкіе крестьяне — землевладѣльцы, а число ихъ миллионы, — и всѣ стоятъ за идею собственности. Земля свободна, доступна всѣмъ, и по-

тому самый мелкій людъ находится въ обладаніи клочка земли. Какъ же селянину не стоять безусловно за право собственности!

Выразителемъ этого мнѣнія, въ послѣднее время, явился известный писатель Maurice Block, въ сочиненіи: „l'Économie politique, économique et sociale“, изд. 1894 г.

По его указаніямъ, изъ 38 милліоновъ жителей во Франціи, до 19 милліоновъ составляютъ сельское населеніе. Земля распределена между значительнымъ числомъ рувъ. Въ 1875 г. во Франціи считалось 10 милліоновъ участковъ; въ 1882 г.—12 милліоновъ, а въ 1884 г.—уже 14 милліоновъ. Число же собственно земледѣльцевъ, владѣющихъ землею, увеличилось въ десять лѣтъ на 338.000. Изъ числа земельныхъ участковъ только около полупроцента принадлежатъ большой собственности, т.-е. имѣніямъ, превышающимъ 40 гектаровъ. Эти цифры несомнѣнно указываютъ на благоприятное положеніе сельскаго сословія.

Къ тому же результату приходитъ и другой защитникъ измелчачія земельной собственности, нѣмецкій писатель Brentano. По его словамъ, свободная дѣлимость крестьянскихъ земель крайне поощряетъ стремленіе народа къ сбереженію. Всякому желательно купить клочокъ земли, и потому всякій стремится накопить небольшую сумму, чтобы сдѣлаться землевладѣльцемъ. Изъ числа полутора милліона сельскихъ рабочихъ во Франціи 727.000 владѣютъ сами небольшими участками земли. Измелчачіе земли привело къ тому, что вся Франція обработана какъ садъ. Пространство обработанной земли, по отношенію ко всей площади, увеличилось съ 78 на 83⁰/₁₀₀; средній доходъ съ гектара удвоился, и вмѣстѣ съ тѣмъ задолженность крестьянъ за послѣднія двадцать лѣтъ уменьшилась, потому что наследственные дѣлежи происходятъ натурой, и выдѣленіе наследниковъ не вызываетъ отягощенія земли долгами; въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ и уменьшеніе числа рожденій.

Но если ближе взглянуть въ дѣло, то положеніе земледѣльческаго населенія Франціи представляется нѣсколько въ другомъ видѣ. Бернгаузъ, въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Munch. Allg. Zeitung“, доказываетъ, что производительность питательныхъ веществъ съ 1789 года уменьшилась во Франціи. Площадь, занимаемая большими имѣніями, свыше 40 гектаровъ, составляетъ около 45⁰/₁₀₀ всего пространства обрабатываемой земли, хотя по числу имѣній въ сравненіи съ массою мелкихъ участковъ, большія имѣнія, какъ указываетъ M. Block, и могутъ составлять всего $\frac{1}{2}$ ⁰/₁₀₀! Одно большое, „латифундіальное“ имѣніе можетъ по пространству равняться сотнямъ и тысячамъ мелкихъ участковъ. Пространство,

занимаемое мелкими участками, вмѣщающими менѣе 10 гектаровъ, составляетъ только 25% или около одной четверти всей культивируемой земли, такъ что, повидимому, дѣло идетъ къ поглощенію мелкой собственности „латифундіями“ — крупною собственностью.

Параллельно съ оптимистическими воззрѣніями Блока, и во Франціи слышатся другіе голоса, горько жалующіеся на бѣдственное положеніе сельскаго хозяйства и на поглощеніе мелкихъ участковъ большими владѣніями. Вслѣдствіе соперничества дешеваго американскаго и азіатскаго зерна, сельское хозяйство находится въ страдательномъ положеніи во всей Европѣ, но во Франціи къ этому присоединяются еще послѣдствія крайняго измельчанія земли, вызваннаго закономъ о равной дѣлимости наслѣдства, большая подвижность имѣній и постоянная ихъ перепродажа. Наполеоновскій законъ вызвалъ въ жизнь значительное крестьянское сословіе, это несомнѣнно, — но то же измельчаніе земли, содѣйствовавшее въ началѣ распространенію крестьянскаго сословія, впослѣдствіи, при крайнемъ своемъ развитіи, и подорвало это сословіе; — образовать мелкую собственность не трудно, но сохранить ее — гораздо труднѣе. Обязательный равный раздѣлъ имущества между всѣми дѣтьми часто по необходимости приводитъ къ ликвидаціи наслѣдства, т.-е. къ превращенію его въ деньги, для болѣе удобнаго раздѣла капитала между наслѣдниками; это обстоятельство и вызываетъ постоянную продажу и перепродажу земли. Привязанность сельскаго населенія къ землѣ начинаетъ уменьшаться, появляется стремленіе къ хищнической эксплуатаціи земли, а послѣдствіемъ всего этого оказывается разореніе мелкой и средней земельной собственности и переходъ земли въ руки новыхъ большихъ владѣльцевъ. Богатому землевладѣльцу, желающему прикупить сосѣдніе, мелкіе, крестьянскіе участки, приходится только выждать удобное время. Всякій семейный раздѣлъ послѣ смерти хозяина-землевладѣльца даетъ богатому сосѣду случай пріобрѣсть тотъ или другой смежный участокъ, и притомъ съ публичной продажи по дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ, во Франціи за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ начали образовываться настоящіе „латифундіи“; и эти „латифундіи“ расположены не въ самой бѣдной, а въ самой богатой части Франціи. Всѣ виноградники деп. Жиронды, производящіе лучшія вина, перешли въ небольшое число рукъ. Есть владѣльцы виноградниковъ, производящіе ежегодно до *трехъ милліоновъ литровъ* вина. То же самое можно сказать и про пшеничныя и свекловичныя земли. Вездѣ встрѣчаются капиталисты-горожане, пріобрѣтающіе громадныя пространства земли. Новые землевладѣльцы значительно отличаются

отъ прежнихъ, владѣвшихъ наследственно имѣніями; то были дѣйствительно сельскіе люди, а не спекулянты на землю. Живя въ Парижѣ и проживая тамъ доходы отъ своихъ имѣній, новые землевладѣльцы ничѣмъ не связаны съ мѣстнымъ сельскимъ людомъ. Завѣдываніе имѣніемъ предоставляется управляющимъ или фермерамъ. Многіе покупаютъ и продаютъ землю на спекуляцію, какъ акціи, имѣя въ виду нажитыя только на разницѣ въ цѣнѣ. Объ увеличеніи производительности земли въ своихъ имѣніяхъ они мало заботятся. Въ видахъ увеличенія доходности, разбиваютъ землю на мелкіе участки и сдаютъ ихъ въ аренду.

На подобіе того, чтò издавна происходитъ въ Англии и во Франціи, мелкіе фермеры начинаютъ въ послѣднее время вытѣснять классъ мелкихъ землевладѣльцевъ;—положеніе самое неблагопріятное для страны, какъ это показало примѣръ Ирландіи. Ключокъ земли, который едва въ состояніи питать одного хозяина, теперь долженъ питать двухъ—собственника и фермера.

Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ настоящаго затруднительнаго положенія сельскаго хозяйства во Франціи. Въ „Revue des Revues“ (1894 года)—G. Saint-Aclair, давая отчетъ о книгѣ Lair'a: „Etudes sur les populations rurales“, указываетъ, что, по мнѣнію Лара, французское земледѣліе находится въ бѣдственномъ положеніи: „l'agriculture française est aux abois“. Сельскій пауперизмъ, подъ вліяніемъ упадка цѣнъ на хлѣбъ и ряда неурожаевъ, развился въ ужасающихъ размѣрахъ. Массы нищихъ и бродягъ шлеются изъ фермы въ ферму, облагая ихъ рѣшительно контрибуціями (rançonnant et terrorisant les cultivateurs);—въ случаѣ отказа въ помощи, они поджигаютъ дома и амбары, топчутъ дѣтныки и т. п.

Несомнѣнно, паденіе цѣнъ и неурожай имѣли большое значеніе въ упадкѣ земледѣлія и во Франціи. Но еслибы крестьянское населеніе сохранилось тамъ въ лучшемъ положеніи, то эти пагубныя явленія не отразились бы на сельскомъ хозяйствѣ столь разорительнымъ образомъ. Крестьянинъ-землевладѣлецъ менѣе другихъ страдаетъ отъ упадка цѣнъ на зерно, потому что значительную долю своего хлѣба онъ самъ потребляетъ въ своемъ хозяйствѣ. Неурожаи подавляютъ и его, но состоятельный крестьянинъ всегда легче можетъ вынести эту невзгуду;—у него могутъ быть средства и запасы, которые позволяютъ ему безъ разоренія переносить тяжелое время, особенно если онъ не обремененъ долгами. Измельчаніе собственности дошло, однако, до того, что число состоятельныхъ крестьянъ уменьшается изъ года въ годъ;—всѣ эти мелкіе собственники, вслѣдствіе пульверизаціи земли, не

могутъ и думать о какомъ-либо рациональномъ хозяйствѣ, о сбереженіи запасовъ на черный день,—они живутъ изо дня въ день, и потому первымъ же неурожаемъ разоряются.

Что положеніе сельскаго населенія далеко не столь удовлетворительно, какъ его описываетъ Морисъ Блокъ—можно заключить уже изъ того обстоятельства, что вожди социализма начали въ послѣднее время переносить пропаганду своего ученія въ сельскія мѣстности, т.-е. въ ту среду, которая до сихъ поръ была имъ недоступна, и которую М. Блокъ, въ своемъ оптимизмѣ, считаетъ все еще лучшимъ оплотомъ противъ всякихъ разрушительныхъ тенденцій. До сихъ поръ социалистическая партія рекрутировалась, главнымъ образомъ, изъ среды рабочихъ большихъ фабрикъ, горнаго промысла, портовыхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Мелкая промышленность и ремесло держатся отъ нея въ сторонѣ. Но въ настоящее время вожди социализма открываютъ кампанію уже въ средѣ сельскаго населенія; это открыто было заявлено ими на послѣднемъ социалистическомъ конгрессѣ, въ Нантѣ. Давленіе большой поземельной собственности на мелкихъ владѣльцевъ, въ связи съ несправедливымъ распределеніемъ податей, вызываетъ въ значительной мѣрѣ неудовольствіе крестьянъ;—этимъ обстоятельствомъ социаль-демократы и хотятъ воспользоваться для своей агитаціи, полагая не безъ основанія, что наступило время къ вербованію сторонниковъ въ средѣ мелкаго земледѣльческаго сословія. Они заявили въ Нантѣ, что намѣрены приостановиться забастовками въ промышленныхъ центрахъ и перенести пропаганду въ селенія, обѣщая мелкимъ землевладѣльцамъ и сельскимъ рабочимъ новый „аграрный“ законъ. Они намѣрены преимущественно обратиться къ такимъ рабочимъ, которые, вслѣдствіе безпрестанныхъ раздѣловъ земли, превратились въ простыхъ поденщиковъ, со словами: „вы обмануты тѣми, которые владѣютъ теперь вашею землею; они васъ обокрали и продолжаютъ васъ эксплуатировать; мы, социаль-демократы, поможемъ вамъ вернуть вашу собственность, — въ городахъ нашъ девизъ: *право на работу*; въ селеніяхъ—*право на землю*“.

Серьезное значеніе, которое придаютъ во Франціи этому новому направленію социаль-демократической партіи, можно вывести изъ того, что вскорѣ послѣ нантскаго конгресса знаменитый французскій государственный человѣкъ и ученый Jules Simon, специалистъ по рабочему вопросу, въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „Figaro“ и обратившей на себя всеобщее вниманіе, высказалъ мнѣніе, прямо противоположное поверхностному оптимизму М. Блока. Жюль Симонъ полагаетъ, что социалистическимъ

агитаторамъ не особенно трудно будетъ вовлечь въ свои теоріи мелкаго землевладѣльца, которому приходится напрягать всѣ силы, только для того, чтобы съ трудомъ прокормить себя и своихъ, и вселить въ него убѣжденіе, что государство и общество очень мало дѣлаютъ въ его пользу; это имъ удастся, по мнѣнію Ж. Симона, и тѣмъ легче, что въ деревняхъ съ развитіемъ неудовольствія идетъ рука объ руку и уменьшеніе религіознаго чувства. „Если мы допустимъ,—заключаетъ онъ свою статью,—распространеніе социалистической пропаганды въ этой сферѣ, въ средѣ населенія, столь подготовленнаго къ воспріятію ея,—то можетъ освободиться ужасная сила, которая пока еще сама себя не сознаетъ; мы усматриваемъ, какъ возможное и даже вѣроятное послѣдствіе этого начинающагося движенія, повтореніе прежнихъ крестьянскихъ войнъ, такъ-называемой *jacquerie*“.

Можно, однако, замѣтить, что во Франціи дѣло дошло до столь печальнаго положенія не вслѣдствіе свободы дѣлимости земли, а вслѣдствіе *обязательности* раздѣла земли по наслѣдству, между всѣми дѣтьми въ равныхъ доляхъ, въ силу закона Наполеона I.

Въ Германіи такого обязательнаго постановленія не существуетъ (кромя немногихъ мѣстностей южной Германіи, которыя сохранили еще Наполеоновскій кодексъ), а между тѣмъ и тамъ поднятъ въ настоящее время сельско-хозяйственный и землевладѣльческій вопросъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Германіи, приведемъ прежде всего авторитетныя слова, произнесенныя нынѣшнимъ министромъ финансовъ Микелемъ, въ собраніи сельскихъ землевладѣльцевъ, происходившемъ въ началѣ 1894 года:

„Нѣмецкое сельское хозяйство,—говоритъ г. Микель,—находится въ бѣдственномъ положеніи (Nothlage); положеніе это обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что, при возрастающихъ собственныхъ расходахъ производства, ему приходится конкурировать съ продуктами странъ, производящихъ гораздо дешевле. Въ началѣ столѣтія, земельная собственность была освобождена отъ всѣхъ, лежавшихъ на ней, феодальныхъ тягостей, но затѣмъ правительство уже не считало болѣе нужнымъ заботиться о ней. Необходимо вернуться отъ господствовавшаго въ то время убѣжденія, что *поземельная собственность*—*товаръ, какъ и всякій другой*,—къ старогерманскому праву, по которому земля составляла не индивидуальную собственность, но родъ *семейной* собственности, съ особеннымъ наслѣдственнымъ порядкомъ. Въ послѣднія трид-

дать лѣтъ, законы издавались только для промышленности; теперь нужно обратить вниманіе и на сельское хозяйство“.

Если министръ можетъ произносить въ публичномъ собраніи подобныя слова, то это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что положеніе сельскаго хозяйства и землевладѣльцевъ освабощиваетъ въ Германіи всѣхъ и каждого.

Параллельно съ вопросомъ о бѣдственномъ положеніи большого землевладѣнія, вопросъ объ огражденіи крестьянскихъ семейныхъ участковъ отъ крайняго раздробленія и отъ поглощенія ихъ большою собственностью и капиталомъ — въ настоящее время самые жизненные, самые жгучіе вопросы въ Германіи.

Слова: „bauerliches Anerberecht“, крестьянское унаслѣдованіе, — какъ бы нѣкоторая магическая формула, — получили способность приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе. Объ этомъ предметѣ говорятъ и спорятъ въ правительственныхъ сферахъ, въ агрономическихъ, народно-хозяйственныхъ и социаль-политическихъ собраніяхъ, въ наукѣ и литературѣ.

Что же означаютъ эти слова?

„Anerberecht“, это — прямая противоположность римскому праву наслѣдства; оно можетъ быть также переведено словами: *право единичнаго наслѣдованія*. Однимъ словомъ, это не что иное, какъ существующее уже въ дворянскихъ имѣніяхъ майоратное или миноратное право; это понятіе „фиденкомиссовъ“, примѣненное къ крестьянскому землевладѣнію.

На это „Anerberecht“ указываетъ и г. Микель въ своей рѣчи, говоря, что необходимо возвратиться къ древне-германскому праву, по которому земля составляла недѣлимую принадлежность всей семьи.

Но какъ возвратиться къ этому въ настоящее время: слѣдуетъ ли вводить это право обязательно или факультативно, — и если факультативно, то слѣдуетъ ли ввести „Anerberecht“, какъ общее господствующее право, которое получаетъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ духовномъ завѣщаніи не сдѣлано спеціальнаго распоряженія, отмѣняющаго это право по отношенію къ данному случаю (*directes Intestaterberecht*)? — или слѣдуетъ, наоборотъ, предоставить каждому, желающему ввести въ своемъ семействѣ *Anerberecht*, заявить о томъ правительству, для внесенія его имѣнія въ особый списокъ — „Höfegolle“, въ который включаются всѣ земли, стоящія подѣ дѣйствіемъ *Anerberecht*'а (*indirectes Intestaterberecht*)? — затѣмъ, какимъ способомъ удовлетворять другихъ наслѣдниковъ, — выдѣленіемъ ли извѣстнаго капитала, или только части доходовъ; какъ при этомъ опредѣлять стоимость

мнѣнія, на основаніи его дѣйствительной стоимости, или рыночной цѣнности; какимъ образомъ должна происходить уплата выдѣляемой сонаслѣдникамъ части; кому слѣдуетъ предоставить выборъ наслѣдника; вѣтъ ли, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ ограничить при этомъ кредитоспособность крестьянъ: слѣдуетъ ли поставить ее подъ контроль сельскаго общества, съ солидарнымъ ручательствомъ онаго; наконецъ, не слѣдуетъ ли вообще допустить нѣкоторую опеку, нѣкоторый надзоръ деревенскаго общества за всѣми его членами, и въ какой мѣрѣ?—вотъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые сосредоточиваютъ на себѣ въ настоящее время общественное вниманіе въ Германіи, вызывая самыя ожесточенныя пренія ¹⁾.

Дальше всѣхъ, въ смыслѣ преобразования настоящаго положенія частной поземельной собственности, идетъ доцентъ полит. экон. въ Цюрихѣ, Руландъ, въ своемъ „Leitfaden zur Einführung in das Studium der Agrarpolitik“.

По его мнѣнію, послѣ того, какъ всѣ слѣдовавшія одна за другою теоріи, и свобода торговли, и умѣренная протекція, и социализмъ, оказались несостоятельными въ разрѣшенію аграрнаго вопроса,—слѣдуетъ направить стремленіе, главнымъ образомъ, къ эманципации земли отъ власти капитала. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ обращеніе поземельной собственности частью въ артельное, частью въ общинное владѣніе (Vergesellschaftlichung des Grundbesitzes);—въ этихъ видахъ Руландъ не останавливается

¹⁾ До какой степени всѣ заинтересованы этимъ вопросомъ, можно судить по массѣ книгъ и статей, появляющихся въ печати. При поверхностномъ даже обзорѣ литературы этого предмета за самое послѣднее время, можно указать на слѣдующія сочиненія и статьи:

Ed. Braun—Berufsgenossenschaften der Gegenwart und Zukunft in Russland und Deutschland.

Weber—Статья въ Schriften des Vereins für Socialpolitik.

D-r A. Stengele—Das Anerberecht und seine Bedeutung für Süddeutschland.

Th. Saergel—Das häusliche Erbrecht in Baiern und sein Einfluss auf die socialen Verhältnisse.

Rodbertus—Rentenprincip.

Schäffle—Incorporation des Hypothecarcredits. Deutsche Kern und Zeitfragen,

Ratzinger—Erhaltung des Bauernstandes.

Ruhland—Ueber die Grundprincipien actualer Agrarpolitik.

Ero же—Leitfaden zur Einführung in das Studium der Agrarpolitik.

Conrad—Verwerthung des Rentenprincips für Sicherung der Grundbesitzverhältnisse. Jahrbuch für Nat. Oec.

Buchenberger—Agrarwesen und Agrarpolitik.

Brentano—Ueber Gebundenheit und Theibarkeit des ländlichen Grundeigenthum. Vortr. in der jur. Gesel. in München.

даже передъ выкупомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, земли казною; онъ совѣтуетъ организовать сельскій кредитъ по системѣ Родбертуса и Шефле. Наконецъ, Руландъ полагаетъ, что слѣдовало бы допускать приобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній только такими покупателями, которые въ состояніи уплатить всю стоимость имѣнія, безъ пособія кредита; онъ не отрицаетъ, что это будетъ имѣть, въ нѣкоторой мѣрѣ, характеръ монополизациі земли, но онъ считаетъ это полезнымъ въ видахъ перехода земельныхъ участковъ только въ руки самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ.

По его мнѣнію, одна изъ главныхъ задачъ національной хозяйственной политики заключается въ восстановленіи прежняго разграниченія и прежней противоположности (*Gegenatz*) между городомъ и селеніемъ (*Stadt und Land*); это—своего рода естественное дѣленіе труда, такъ какъ горожанинъ-капиталистъ, занятый промышленною и торговою дѣятельностью въ городѣ, не можетъ посвящать себя одновременно завѣдыванію хозяйствомъ своего сельскаго имѣнія, и принужденъ предоставить эту работу другимъ, т.-е. управляющимъ. Необходимо, чтобы земля была сохранена для производительной работы и не сдѣлалась добычей капитала, который прибрѣтаетъ недвижимыя имѣнія большею частью для спекулятивныхъ цѣлей, или для своего удовольствія. Сохраненіе производительной функціи земли необходимо для блага социальнаго организма; сельскохозяйственная дѣятельность была до сихъ поръ носителемъ всего происходившаго въ ней развитія; ее необходимо потому сохранить, въ видахъ поддержанія дальнѣйшаго развитія существующаго. Авторъ описываетъ самыми яркими красками, высказывая притомъ много новыхъ соображеній, опасность, которой подвергается народъ, допускающій развитіе задолженности сельской недвижимой собственности (*Grundbesitz*) городскому капиталу, происходящее оттого опустѣніе земли (*Verödung des flachen Landes*), усиливающуюся зависимость продовольствія страны отъ иностранныхъ рынковъ, и обращеніе земли, агента производительности, на непроизводительныя цѣли, превращеніемъ ея въ сады, парки, охотничьи ограды и т. п.

Древнегерманская, полная свѣжей жизни противоположность между городомъ и сельскою мѣстностью (*Stadt und Land*),—говоритъ Руландъ,—подвергается опасности совершенно исчезнуть. Производство хлѣба все болѣе и болѣе падаетъ ниже уровня потребленія страны. При высокой цѣнѣ земли и значительной задолженности имѣній, сельское хозяйство становится все менѣе и менѣе выгоднымъ; вслѣдствіе того, усиливается переселеніе изъ деревни въ городъ, и въ обратномъ смыслѣ происходитъ движе-

ніе, наплывъ богатыхъ горожанъ въ сельскія мѣстности. Капиталистъ скупаеъ крестьянскіе участки, и скоро въ Германіи придуть къ тому же положенію, въ которомъ находится Англія, гдѣ сельская земельная собственность достигла столь высокихъ цѣнъ, что земля уже не можетъ обрабатываться дѣйствительными сельскими хозяевами. Сельская земельная собственность сдѣлалась роскошью городскихъ обывателей; покупаютъ земли не для обработки ихъ, не для серьезнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ, а для того, чтобы играть въ лэндлорды. Деревни, особенно въ красивыхъ живописныхъ мѣстностяхъ, замѣняются замками, парками и охотничьими оградами. Въ такихъ имѣніяхъ земля допускается къ обработкѣ только въ тѣхъ ея частяхъ, которыя владѣльцу не нужны для его удовольствія. Въ той мѣрѣ, въ какой земледѣіе перестаетъ быть основаніемъ и регуляторомъ заготовки хлѣба для мѣстнаго населенія, въ той же мѣрѣ будущность страны становится менѣе обеспеченной,—говоритъ Руландъ.

Не такъ далеко идетъ Конрадъ въ своей статьѣ: „Verwerthung des Rentenprinzips zur Sicherung der Grundbesitzverhältnisse. Онъ стоитъ за введеніе Aneerberecht'a, съ тѣмъ, чтобы совладѣльцамъ выдѣлялась не часть капитала, а только часть дохода съ имѣнія (Antheil am Gutsertrag in Form einer Rente), такъ какъ наследникъ наследуетъ не капиталъ, а землю, дающую ему возможность полученія дохода приложеніемъ къ ней своего труда. Выстъ съ тѣмъ, Конрадъ предлагаетъ учрежденіе сельскихъ кредитныхъ крестьянскихъ товариществъ, которыя, сообразно высотѣ ренты, обеспеченной за каждымъ сонаследникомъ, выдавали бы на соотвѣтствующій получаемому доходу капиталъ поземельныя облигаціи, могущія быть реализуемы на биржѣ, а главный наследникъ, остающійся во владѣніи имѣнія, уплачивалъ бы ренту и погашеніе въ руки кредитнаго общества, выдавашаго облигаціи. Такимъ образомъ, обязательства главнаго наследника, остающагося владѣльцемъ земли, къ сонаследникамъ опредѣлялось бы не капиталомъ (который приходится занимать), а рентой, и эта рента уже при посредствѣ кредитнаго общества и биржи превращалась бы въ капиталъ соотвѣтственно условіямъ денежнаго рынка въ данное время.

Шефле, сходясь въ этомъ вопросѣ съ Руландомъ, съ своей стороны предлагаетъ „инкорпорацию сельскаго ипотечнаго кредита“, — т.-е. образованіе для крестьянской недвижимой собственности общественныхъ крестьянскихъ земельныхъ банковъ—съ солидарною отвѣтственностью на подобіе тѣхъ кредитныхъ обществъ, которыя издавна уже существуютъ въ Пруссіи для большого землевладѣнія.

Руландъ отличается отъ Шефле тѣмъ, что онъ считаетъ нужнымъ положить въ основаніе оцѣнки имѣнія, какъ при залогѣ его, такъ и при продажѣ, *истинную цѣнность* земли (wahre Werth). Эта истинная цѣнность должна быть опредѣляема на основаніи расчета доходности земли (Ertragswerth) при экстенсивномъ на ней хозяйствѣ, — за которое онъ принимаетъ трехпольную систему, и съ прибавленіемъ къ выведенной на этомъ основаніи цифрѣ стоимости всѣхъ произведенныхъ въ имѣніи меліорацій, улучшеній. Съ этою цѣлью, при каждомъ измѣненіи системы хозяйства стоимость происходящаго отъ того возвышенія доходности, должна быть опредѣляема мѣстными экспертами. Истинная цѣнность должна служить регуляторомъ выдѣла при переходѣ имѣнія по наследству. При отчужденіи крестьянскаго участка, продажа можетъ быть совершаема только черезъ посредство мѣстнаго кредитнаго общества, которое беретъ имѣніе въ свое распоряженіе, выплачивая владѣльцу, желающему его продать, всю *истинную цѣнность* имѣнія. Затѣмъ, кредитное общество предлагаетъ это имѣніе по той же цѣнѣ мѣстнымъ крестьянамъ и отдаетъ его тому изъ нихъ, который въ состояніи внести наибольшую часть капитала истинной цѣнности. При равномъ предложеніи со стороны нѣсколькихъ крестьянъ, рѣшаетъ жребій (торговая цѣна во всякомъ случаѣ устраняется). Индивидуальная ипотека на отдѣльные участки не допускается; кредитоваться на сторонѣ можетъ только само кредитное общество. Въ случаѣ необходимости кредитнаго пособія, отдѣльный хозяинъ долженъ обращаться только къ своему мѣстному кредитному обществу. При этомъ и Шефле, и Руландъ, и Рацингеръ, который въ этомъ отношеніи къ нимъ присоединяется, — требуютъ, чтобы предѣлъ кредитованія каждаго крестьянскаго хозяина былъ ограниченъ извѣстнымъ раамѣромъ (Verschuldungsgränze). Крестьянину разрѣшается заключать займы только для *опредѣленной цѣли*: или для меліоративныхъ работъ, или для расчетовъ по наследству, для покупки имѣнія. Покупаящимъ имѣнія Шефле предполагаетъ разрѣшать кредиты не выше 40%. Минимумъ капитала, который покупатель обязанъ самъ внести, долженъ составить 60%. Руландъ, какъ выше указано, идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше.

На всѣ эти предположенія возражаетъ проф. Brentano, крайній защитникъ свободной дѣлимости земли:

„Несомнѣнно, — говоритъ онъ въ вышеуказанной рѣчи: — примѣненіе теоріи ренты Родбертуса къ регуляціи крестьянскихъ наследствъ значительно облегчило бы положеніе главныхъ наследниковъ (Anerben) крестьянскихъ имуществъ и уменьшило бы

соразмѣрно тяжесть долговъ, лежащихъ на крестьянскихъ имуществвахъ; но я отрицаю, чтобы при этомъ была соблюдена справедливость относительно сонаслѣдниковъ; кромѣ того, подобная система дѣлаетъ невозможнымъ отчужденіе частей крестьянскаго участка, такъ какъ весь участокъ долженъ отвѣчать солидарно за обязательства мѣстнаго кредитнаго общества“.

Поэтому прежде всего слѣдуетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, какіе до сихъ поръ были результаты свободной дѣлимости имѣній?

Въ Пруссіи, дѣйствительно, послѣдовало нѣкоторое поглощеніе крестьянскихъ участковъ большими имѣніями. На 1.000 гектаровъ земли въ 1816 г. приходилось 575 гектаровъ, находившихся въ рукахъ дворянства (Rittergutsbesitz), а въ 1859 г.— 597 гектаровъ,—напротивъ того, на долю самостоятельныхъ крестьянскихъ участковъ приходилось въ началѣ столѣтія 374 гектаровъ, а въ 1859 г. уже только 352 гектара.

Но чтѣ значить,—говоритъ авторъ,—это незначительное уменьшеніе въ виду благотворныхъ результатовъ, достигнутыхъ, напр., во Франціи свободною дѣлимостью земель (данныя его уже приведены выше). Въ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ существуетъ свободная дѣлимость земли, земля находится въ постоянномъ движеніи, и много участковъ приобретаются фабричными рабочими. Когда въ 1848 г. были отмѣнены въ Баваріи прежніе законы, стѣснявшіе свободное распоряженіе поземельною собственностью, крестьяне стали широко пользоваться новою свободой, часто съ пользою для себя, а часто и къ своему вреду. Это обстоятельство и вызвало измѣненіе настроенія общественнаго мнѣнія въ смыслѣ склоненія къ ограниченію крестьянъ въ свободѣ распоряжаться своею землею. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ Anerkennung, какъ обычное право, величина крестьянскихъ участковъ уменьшается, вѣроятно, вслѣдствіе обремененія ихъ долгами при выдѣлѣ сонаслѣдниковъ; въ мѣстностяхъ же нестѣсненной дѣлимости округленіе существующихъ и образованіе новыхъ сельско-хозяйственныхъ участковъ превышаетъ размѣръ измелчанія. Изъ 14 милліоновъ гектаровъ, которые подверглись раздробленію въ 1890 г., 13 милліоновъ были присоединены къ другимъ уже существующимъ имѣніямъ; кромѣ того, образовались около 17-ти новыхъ хозяйствъ величиною не менѣе 5 гектаровъ, и только остальные, менѣе милліона гектаровъ, пошли на образованіе самыхъ мелкихъ участковъ. Такимъ образомъ, оказывается, что ни свобода наслѣдованія, ни дѣлимость, не могутъ считаться причиною упадка крестьянскаго благосостоянія, какъ это обыкновенно полагаютъ. Чѣмъ меньше участковъ, тѣмъ интенсивнѣе на немъ культура.

Лишеніе значительной части населенія (младшихъ наслѣдниковъ) обладанія землею увеличиваетъ мѣстный пролетаріатъ.

Замкнутость имѣній, по мнѣнію Brentano, ведетъ къ крайнему обремененію ихъ долгами, при наслѣдственныхъ выдѣлахъ, и устраняетъ значительное число населенія отъ обладанія землею, что съ своей стороны ведетъ къ развитію въ народѣ непредусмотрительности и къ увеличенію числа рожденій и смертей. Свободная дѣлимость земель большею частью имѣетъ послѣдствіемъ совершенное отсутствіе задолжанія, вызываетъ сильное стремленіе къ сбереженію и, соединяя миллионы людей съ землею, призываетъ ихъ къ охранѣ начала собственности.

Большія имѣнія приобрѣтаются въ видахъ помѣщенія капитала; другое дѣло—крестьянскія мелкія имѣнія. Земледѣлецъ, покупая землю, ищетъ не способа помѣщенія капитала, а возможности примѣнять къ землѣ свою рабочую силу; вотъ почему онъ готовъ уплатить за землю деньги, значительно превосходящія ея доходную цѣнность. При такихъ условіяхъ было бы крайне несправедливо выдѣлять сонаслѣднику только часть дохода—и притомъ не сообразно рыночной цѣнѣ имѣнія, а сообразно оцѣночной ея стоимости; тѣмъ болѣе, что отецъ, можетъ быть при пособіи всѣхъ дѣтей, переплачивалъ за покупаемую землю сумму, превышающую ея цѣнность. Главный наслѣдникъ получаетъ землю, дающую ему положеніе самостоятельнаго хозяина, а наслѣдники лишаются этого преимущества. Несправедливость подобнаго порядка наслѣдованія увеличивается въ той мѣрѣ, въ какой цѣнность земли превосходитъ ея дѣйствительную стоимость.

Brentano приходитъ потому къ заключенію, что и въ хозяйственномъ, и въ политическомъ отношеніи, опасно вводить насильственно Aneerberecht въ такія мѣстности, гдѣ это право не вытекаетъ изъ свободной воли жителей и не составляетъ историческаго обычая.

Можно возразить, прибавляетъ Brentano, что если при свободной дѣлимости земля и не обременяется наслѣдственными долгами, то зато такъ называемые покупные долги возникаютъ въ тѣмъ болѣе мѣрѣ, такъ какъ, вслѣдствіе значительнаго запроса на землю, цѣна ея поднимается совершенно вѣ всякаго соотношенія къ доходности, а стремленіе къ приобрѣтенію весьма сильно. Дѣйствительно, статистика подтверждаетъ, что обремененіе кредитомъ значительнѣе въ мелкихъ владѣніяхъ, чѣмъ въ большихъ. Но для мелкаго землевладѣльца капитальная доходность имѣнія не представляетъ преимущественнаго интереса. Онъ покупаетъ землю, главнымъ образомъ, для того, чтобы имѣть воз-

возможность принимать въ ней свой трудъ, и вотъ почему мелкіе землевладѣльцы быстрѣ другихъ погашаютъ долги, какъ это доказываетъ тотъ фактъ, что продажа мелкихъ имѣній за долги относительно менѣ значительна, чѣмъ продажа среднихъ и большихъ имѣній. На основаніи статистическихъ данныхъ можно утверждать, что экспроприация за долги случается тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе, въ качествѣ источника доходности, приходится собственный трудъ землевладѣльца (*Wirtschaftsreinertrag als Arbeitereinkommen*).

„Да вообще,—заключаетъ Brentano свою рѣчь,—развѣ крестьянское самостоятельное владѣніе представляетъ идеалъ для каждой страны и для каждого времени? Совсе и не существуетъ такого хозяйственного идеала, который бы оставался навсегда неизмѣннымъ. Уже не говоря о томъ, что различныя системы хозяйничанья обусловливаются различною величиною обрабатываемой земли, нельзя же сельско-хозяйственный вопросъ разсматривать исключительно съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія. Сельское хозяйство—только часть народнаго хозяйства и потому должно направляться тѣми требованіями, которыя считаются необходимыми для общихъ цѣлей. Поэтому и распредѣленіе земельной собственности нельзя разсматривать абсолютно, а слѣдуетъ разсматривать его въ связи съ общими условіями народнаго хозяйства. Чѣмъ болѣе наше народное хозяйство изъ преимущественно земледѣльческаго переходитъ, въ настоящее время, въ положеніе преимущественно промышленное; чѣмъ болѣе, съ другой стороны, затрудняется, вслѣдствіе паденія цѣнъ, производство зерновыхъ хлѣбовъ для внутренняго рынка,—тѣмъ важнѣе въ народно-хозяйственномъ отношеніи дробленіе поземельной собственности, въ виду того, что мелкіе участки производятъ только для собственнаго потребленія, а не для продажи. Въ своемъ хозяйствѣ мелкіе владѣльцы сохраняютъ полную самостоятельность, какава бы ни была цѣна хлѣба, а потому мелкія хозяйства и составляютъ главнѣйшую основу государственнаго и общественнаго порядка“...

Радингеръ не считаетъ возможнымъ оставить безъ отвѣта вышеприведенныя соображенія проф. Brentano.

„Столь прославляемая проф. Brentano благодать измелчванія поземельныхъ участковъ въ дѣйствительности приведетъ въ окончательномъ результатѣ только въ горькой нищетѣ и ея послѣдствіямъ“... Вышедшій самъ изъ крестьянскаго сословія и хорошо знакомый съ исторіею ея быта, Радингеръ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія нѣсколько фактовъ, близко ему извѣстныхъ; такъ, напримѣръ, въ общинѣ Обершвейнбахъ изъ 59 крестьянъ-

свихъ хозяйствъ остается только шесть большихъ хозяйствъ, остальные же превратились въ мелкіе подворные участки, включающіе менѣе одного и до 5 гектаровъ. Рацигеръ соглашается съ тѣмъ, что крестьянское сословіе можетъ сохранить свой характеръ только въ томъ случаѣ, если параллельно съ ограниченіемъ владѣнія, котораго безусловно требуетъ общій интересъ, за крестьяниномъ будетъ оставлена возможность свободно распоряжаться своею индивидуальною дѣятельностью. Индивидуализмъ лежитъ въ характерѣ нѣмецкихъ крестьянъ—имъ нельзя жертвовать для ассоціаціонныхъ или корпоративныхъ цѣлей. Округленный крестьянскій дворъ составляетъ для крестьянина его экономическую единицу, его гордость и благополучіе—это чувство должно быть въ немъ сохранено. Но общество (*die Gesamtheit*) имѣетъ, однако, право охранять землю противъ легкомыслія или корыстолюбія ея владѣльца, т.-е. противъ ея раздробленія подъ вліяніемъ минутнаго интереса. Брентано не признаетъ никакого общаго интереса по отношенію къ землѣ. Онъ оставляетъ на точкѣ зрѣнія отдѣльнаго землевладѣльца въ данное время, и потому отстаиваетъ его право распоряженія землею, какъ всякимъ другимъ товаромъ, т.-е. свободно продавать и раздроблять ее по усмотрѣнію.

Разумно-пропорціональное распредѣленіе земли и почвы имѣетъ, однако, не только въ социальномъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи величайшее значеніе. Только подобное распредѣленіе обезпечиваетъ рациональную воздѣлку земли, наибольшій верховой доходъ и сохраненіе плодородія почвы. Только тамъ, гдѣ существуютъ покосы, несоразмѣрные пространству пахотной земли, можетъ существовать достаточное скотоводство, необходимое для удобренія земли. Слишкомъ измельченные участки не допускаютъ примѣненія правильной плодоперемѣнной системы, необходимой для восстановленія почвенныхъ силъ, и потому легко истощаются. Только въ мѣстностяхъ, въ которыхъ значительно развито промышленное производствo, мелкіе участки могутъ существовать съ пользою, какъ дополнительное обезпеченіе работника.

„Мы даже,—говоритъ Рацигеръ:—признаемъ большія владѣнія, если они переходятъ въ латифундіи, величайшимъ несчастіемъ для страны. Но нѣкоторый процентъ большихъ владѣній необходимъ не только для капиталистическаго и хозяйственнаго развитія, но и для введенія культурныхъ усовершенствованій воздѣлки почвы. Многія улучшенія могутъ вводиться только крупными владѣльцами, потому что въ случаѣ неудачи подобные

опыты могутъ быть выносимы только послѣдними; мелкихъ же и среднихъ владѣльцевъ они разоряютъ. Мелкіе владѣльцы могутъ только подражать, въ случаѣ ихъ удачи, нововведеніямъ, вводимымъ крупными владѣльцами съ значительными для себя жертвами, такъ что отъ послѣднихъ исходитъ всякій сельскохозяйственный прогрессъ. Крестьянинъ по своему характеру недобрычно относится ко всякимъ нововведеніямъ, и въ этомъ онъ до известной степени правъ, потому что ему часто совѣтовали мѣропріятія, которыя безъ пользы для его хозяйства обременяли его производство излишнимъ расходомъ, не увеличивая дохода. По самому существу дѣла, за большими имѣніями долженъ оставаться опытъ, а за крестьянскими—подражаніе.

„Вообще совершенно ошибочно полагаютъ, что индивидуальная свобода землевладѣльца находится въ противоположности съ тою связностью (Gebundtheit) имѣнія, которая вызывается интересами общества. Послѣдніе требуютъ, чтобы землевладѣлецъ полагалъ наиболѣе труда на воздѣлку своей земли, а именно тѣ землевладѣльцы, которые знаютъ, что ихъ имѣніе сохранится въ семействѣ, будутъ прилагать наиболѣе старанія къ своему хозяйству. Эти старанія должны ослабѣвать тамъ, гдѣ законъ, устанавливая равную дѣлимость по наслѣдству, ведетъ къ измельчанію имущества. Вотъ почему даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ существуетъ подобный законъ, здравый смыслъ крестьянъ стремится такъ или иначе обойти его вредныя послѣдствія. Въ Баваріи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще дѣйствуетъ французскій законъ, сонаслѣдники болѣею частію соглашались на выдѣлъ столь умѣренной суммы, которая дозволяла бы главному наслѣднику сократить имѣніе, не слишкомъ обремененное долгами, и продолжать рациональную воздѣлку его.

„Между интересами общества и интересами землевладѣльцевъ никакой противоположности не существуетъ. Она создается искусственно закономъ наслѣдственной равной дѣлимости. Съ измельчаніемъ земли уменьшается и ея плодородіе; если же, вмѣсто раздѣла натурой, выдѣлъ совершается путемъ обложенія земли непомерными долгами, то рано или поздно тяжелая задолженность побудитъ владѣльца рѣшиться на раздробленіе или продажу имѣнія. Отстаивая прежнее обычное право, не допускавшее раздѣловъ на равныя части, мы отстаиваемъ поэтому интересъ общества.

„Мы полагаемъ необходимымъ,—прибавляетъ Рацингеръ:—установленіе также гвѣотораго законодательнаго ограниченія и по отношенію къ покупателямъ имѣній. Въ настоящее время

имѣнія приобретаютъ преимущественно спекулянты, которые стремятся превратить въ деньги вѣками накопленный сельскохозяйственный капиталъ, срубая лѣсъ, продавая отдѣльно по высокой цѣнѣ хорошіе покосы и ослабляя такимъ образомъ на долгое время плодородіе и доходность почвы. Подобному хищническому хозяйству долженъ быть положенъ предѣлъ въ интересахъ общества и всего народа. Законодательная преграда должна заключаться въ обязательствѣ для каждаго покупателя прохозяйничать въ имѣніи нѣсколько лѣтъ, т.-е. въ воспрещеніи быстрой перепродажи.

Въ Виртембергѣ подобное законодательство существуетъ, принося полезные результаты и противодѣйствуя поднятію цѣнъ на земли до чрезвычайной высоты.

„Многіе не хотятъ понять, что земельная собственность имѣетъ по отношенію ко всему обществу высокое культурное, нравственное и социальное значеніе; для блага каждой страны необходима нѣкоторая градація въ размѣрахъ землевладѣнія: умѣренное число большихъ имѣній и нѣсколько большее число мелкихъ имѣній при преобладаніи средняго крестьянскаго землевладѣнія. Крестьяне-землевладѣльцы не только прилагаютъ наибольшій трудъ къ воздѣлкѣ земли и тѣмъ обезпечиваютъ наибольшую доходность ея, но и представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ социальнополитическій элементъ высочайшаго значенія“...

Мы воздерживаемся отъ всякой положительной оцѣнки различныхъ, болѣе или менѣе противоположныхъ соображеній, которыя высказываются въ Германіи по отношенію къ аграрному вопросу. Мы привели все вышеизложенное только для того, чтобы указать, какія возрѣвія устанавливаются въ настоящее время въ западной Европѣ относительно наилучшаго типа землевладѣнія.

Въ началѣ настоящей главы мы высказали мнѣніе, что если только западно-европейская жизнь дѣйствительно выработала окончательно наиболѣе совершенный типъ землевладѣнія, то рано или поздно и намъ придется усвоить этотъ типъ. Все вышеизложенное показываетъ, однако, что *впковая европейская жизнь этого типа до сихъ поръ не выработала*. Преобладаніе большой поземельной собственности, съ присущимъ ей стремленіемъ къ поглощенію сосѣднихъ мелкихъ участковъ, осуждено исторіею, какъ вредное для страны и народа. Французская система мелкой собственности съ обязательными раздѣлами по наслѣдству, въ виду вредныхъ ея

послѣдствій, которыя особенно въ послѣднее время высказываются съ полною яркостью, тоже не выдерживаетъ критики. Затѣмъ, третій *типъ*—преобладаніе мелкой крестьянской собственности безъ обязательныхъ наслѣдственныхъ дѣлений—представлялся бы самымъ соотвѣтственнымъ благосостоянію страны, если бы онъ могъ сохраняться самъ собою. Но примѣръ Германіи показываетъ, что онъ не обладаетъ этою способностью; обремененіе долгами по разнымъ поводамъ, съ одной стороны, и сила капитальнаго запроса, съ другой,—приводятъ къ переходу крестьянскихъ участковъ въ одніи руки, особенно въ виду происходящаго подъ вліяніемъ этого запроса на землю спекулятивнаго возвышенія цѣны ея вѣдъ всякой соразмѣрности съ доходностью.

Все общественное мнѣніе Германіи занято въ настоящее время вопросомъ: какъ же предохранить среднюю крестьянскую собственность отъ грозящей ей опасности? Хотя по этому поводу высказываются самыя разнообразныя мнѣнія, однако, повидимому, большинство склоняется въ пользу *нѣкоторыхъ ограниченій* свободы крестьянскаго землевладѣнія, въ смыслѣ установленія недѣлимости крестьянскаго семейнаго участка (недѣлимое тягло), ограниченія права продажи и права кредитованія.

Даже крайніе сторонники индивидуализма и полной свободы дробленія участковъ, какъ проф. Brentano, возражаютъ только противъ насильственнаго введенія семейнаго наслѣдственнаго права въ тѣ мѣстности, гдѣ оно не сохранилось какъ бытовое начало.

Настоящее возрѣніе является въ Германіи не въ видѣ результата отвлеченныхъ умозрѣній или бюрократически-регламентативныхъ стремленій, а въ смыслѣ потребности возвращенія къ прежнему историческому бытовому порядку, который выражался въ семейномъ началѣ, а проявлялся въ средѣ землевладѣнія въ видѣ не частной, а *семейной земельной собственности*. Земля принадлежала не личности, а семейству. Это начало въ теченіе XIX-го столѣтія совершенно исчезло изъ германскаго законодательства; оно сохранилось, однако, въ жизни многихъ мѣстностей, особенно южной Германіи, въ видѣ бытового обычая. Теперь въ семейной собственности начинаютъ усматривать самый *совершенный типъ* мелкаго землевладѣнія—приходятъ къ убѣжденію, что къ нему необходимо возвратиться для блага народа, какъ на это указалъ и мин. Микель въ своей рѣчи, и рады тому, что, въ противоположность къ требованіямъ существовавшаго законодательства, этотъ типъ сохранился по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ народномъ быту, такъ какъ это должно облегчить возможность возвращенія къ нему.

Въ народной жизни бытовья учрежденія вырабатываются всегда подъ вліяніемъ глубокаго историческаго начала, вытекающаго, такъ сказать, изъ души народа. Германскій крестьянскій бытъ выработалъ недѣлимость семейныхъ участковъ земли и не усматриваетъ въ немъ, подобно Брентано, несправедливости относительно другихъ сонаслѣдниковъ, потому что такая постановка вопроса непосредственно вытекаетъ изъ священнаго *семейнаго начала*. По словамъ г. Мибеля, земля не товаръ, какъ всякій другой; она не должна имѣть характеръ индивидуальной собственности, это—родъ семейной собственности. Земля—кормилецъ семьи, потому необходимо сохранить семейный участокъ недѣлимымъ; изъ этого прямо вытекаетъ и *Anerberecht*, и ограниченіе кредитной способности крестьянъ, и воспрещеніе отчужденія отдѣльных частей имѣнія, и надзоръ общества. Все семейство живетъ на семейномъ участкѣ и кормится имъ; братья и сестры, не наѣленные землею, или остаются жить и работаютъ дома на семейномъ участкѣ, или уходятъ на заработки въ другую деревню или въ городъ; но, чтобы нѣсколько обезпечить ихъ существованіе, имъ дается нѣкоторый выдѣлъ въ суммѣ, не могущей, однако, подорвать хозяина имѣнія.

Такимъ образомъ, выработалось историческое начало *семейной собственности*, противоположное понятію частной индивидуальной собственности.

Къ понятію подобнаго семейнаго владѣнія по существу подходитъ и наше общинное владѣніе; оно основано на томъ же семейномъ началѣ; общество есть распространенное семейство. Оно существовало и на Западѣ, гдѣ его замѣнила позже частная собственность; но безусловное примѣненіе индивидуальнаго начала не оправдалось въ жизни, и теперь опять стремятся возвратиться къ началу семейной собственности.

Съ этой точки зрѣнія, вопросъ значительно упрощается; дѣло идетъ уже не о выборѣ между общиннымъ владѣніемъ и частною собственностью; какъ полагаютъ многіе, послѣдняя уже осуждена жизнью въ тѣхъ странахъ, гдѣ она долго господствовала въ крестьянскомъ сословіи. Весь вопросъ сводится къ *выбору между болѣе широкимъ или болѣе ограниченнымъ примѣненіемъ одного и того же начала*. Общинное владѣніе можно назвать распространеннымъ началомъ семейнаго владѣнія, а семейное владѣніе—ограниченнымъ общиннымъ владѣніемъ.

Если въ Германіи, послѣ того какъ начало семейной собственности было упразднено закономъ, послѣ вѣковаго опыта примѣненія начала частной, почти неограниченной собственности

къ крестьянскому землевладѣнію и несмотря на сильно выраженный въ нѣмецкомъ крестьянинѣ типъ индивидуализма, — нынѣ рѣшаются возвратиться къ началу семейной собственности, — то не слѣдуетъ ли опасаться, что и у насъ, послѣ упраздненія общиннаго владѣнія, можетъ настать время, когда, пройдя тоже черезъ опытъ полной частной собственности въ ея примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, выяснится необходимость возвратиться къ тому, что мы старались упразднить, и вводить законодательнымъ порядкомъ, какъ бы внѣшнимъ образомъ, то, что у насъ такъ долго существовало естественно въ видѣ бытового права? Такое опасеніе тѣмъ болѣе основательно, что въ нашемъ народѣ не только не преобладаетъ, какъ въ Германіи, типъ крайней индивидуальности, а напротивъ того, по своему характеру нашъ народъ болѣе склоненъ къ общественности, къ совокупной дѣятельности, какъ это ясно выражается въ проявленіи у насъ артельного начала — въ ремесленной, промысловой и даже торговой дѣятельности.

Но, съ другой стороны, надо замѣтить, что если и древне-германское наследственное право, и наше бытовое общинное владѣніе, сходятся въ отрицаніи частной индивидуальной собственности, то между ними все же существуетъ очень значительное различіе на практикѣ.

Въ Германіи *единицею* владѣнія является *дѣйствительно семья*, семейный участокъ; у насъ же — *распространенная семья*, т. е. *община*. Вслѣдствіе того, тамъ крестьянское владѣніе округляется въ семейномъ участкѣ, имѣющемъ опредѣленныя границы и составляющемъ твердыя, неизмѣняющіяся владѣнія; у насъ, напротивъ того, семейное владѣніе поглощается общиннымъ владѣніемъ, и потому не имѣетъ ни той твердости, ни той округленности, ни того постоянства.

Главная цѣль и древне-германскаго права, и вновь вводимого Anerberecht'a, заключается въ огражденіи недѣлимости семейнаго участка и въ предупрежденіи крайняго измельчанія земли. У насъ же, напротивъ того, при существованіи общиннаго владѣнія повсемѣстно жалуются на постоянные семейные раздѣлы и на крайнее дробленіе полевыхъ участковъ. Общинное владѣніе, повидимому, не въ состояніи оградить насъ отъ этого важнаго неудобства.

Поэтому могло бы казаться, что то, въ чемъ общинное владѣніе сходится съ древне-германскимъ наследнымъ правомъ, это — только ограничительная, отрицательная сторона его, т. е. отрицаніе начала частной собственности, между тѣмъ какъ положи-

тельная сторона — недѣлимость крестьянскихъ участковъ и сохраненіе ихъ въ рукахъ одного и того же семейства, къ чему стремится германское право, у насъ путемъ общиннаго владѣнія не осуществляется.

Необходимо поэтому выяснить, составляютъ ли частые передѣлы и дробленіе участковъ присущее общинному владѣнію свойство, или являются они только случайнымъ придаточнымъ явленіемъ нашего сельскаго быта, т.-е. выяснить—въ чемъ заключается *сущность* нашего общиннаго владѣнія.

Съ формальной стороны, существо общиннаго владѣнія состоитъ въ устраненіи частной собственности. Вся земля принадлежитъ общинѣ: это—юридическое опредѣленіе; но для народнаго хозяйства главное значеніе общиннаго владѣнія заключается не въ юридической, а въ хозяйственной, экономической сторонѣ дѣла. Юридическая сторона уже потому не имѣетъ для насъ особеннаго значенія, что наша народная жизнь не выработала отчетливо того предѣла, гдѣ кончается общинное владѣніе и гдѣ начинаются другія формы владѣнія. И четвертное владѣніе, и участковое владѣніе, нерѣдко сливаются въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ, напримѣръ въ вопросѣ о передѣлахъ, съ общиннымъ владѣніемъ. Затѣмъ, общинное владѣніе, въ смыслѣ типа эксплуатаціи земли, можетъ соединяться съ различными юридическими формами—и съ пользованіемъ, и съ владѣніемъ, и съ собственностью земли. Известно, что нѣкоторые колонисты, на купленныхъ ими земляхъ, переходятъ къ общинному пользованію ими. Существуетъ и общинное пользованіе, и общинное владѣніе, и общинная собственность; въ каждомъ изъ этихъ видовъзмѣненій формы владѣнія преобладающее значеніе принадлежитъ хозяйственной сторонѣ дѣла. Вотъ почему, не входя въ юридическія различія, мы всегда будемъ употреблять наиболѣе принятый терминъ—*общинныя владѣнія*.

Но юридическое понятіе не можетъ не вносить и въ хозяйственныя отношенія своего отпечатка; отсутствіе частной собственности влечетъ за собою отсутствіе опредѣленныхъ семейныхъ участковъ и болѣе или менѣе частые періодическіе передѣлы земли. Этотъ вполнѣ логическій, въ отвлеченномъ отношеніи, выводъ далеко не всегда оправдывается на практикѣ;—намъ лично извѣстны мѣстности, гдѣ не было передѣловъ болѣе четверти столѣтія, — итакъ, общинное владѣніе можетъ существовать очень продолжительное время безъ передѣловъ. Точно также неопредѣленность семейныхъ участковъ не составляетъ существеннаго признака общиннаго владѣнія, ибо во многихъ изъ тѣхъ

мѣстностей, гдѣ продолжительное время не было передѣловъ, семейные участки въ теченіе десятковъ лѣтъ переходять по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ.

Итакъ, ни отсутствіе опредѣленныхъ семейныхъ участковъ, ни частые передѣлы, а тѣмъ болѣе дробленіе земли—не составляютъ существенной принадлежности общиннаго владѣнія, потому что общинное владѣніе можетъ существовать безъ нихъ продолжительное время.

Существенный признакъ общиннаго владѣнія заключается въ *правѣ* общины распоряжаться общинною землею, въ контролѣ за ея распределеніемъ между общинниками и въ завѣдываніи податнымъ дѣломъ.

Общество слѣдитъ за переходомъ участковъ отъ одного владѣльца къ другому, регулируетъ эти переходы и вліяетъ на нихъ; право регулированія распределенія земли не влечетъ, однако, за собою фактически-частыхъ переходовъ земли изъ рукъ въ руки; контроль этотъ вовсе не требуетъ даже каждый разъ непосредственнаго вмѣшательства общества въ распределеніе участковъ земли. Участки могутъ переходить по обычному праву отъ отца къ сыну, отецъ можетъ при жизни выдѣлить сына,—не испрашивая каждый разъ спеціальнаго разрѣшенія на то отъ общества; но все же каждый такой переходъ владѣнія совершается, такъ сказать, съ молчаливаго согласія общества. Общество не протестовало, значитъ—оно согласно. Но въ случаѣ несправедливаго раздѣла или выдѣла общество всегда можетъ вмѣшаться и сказать свое властное слово, ибо оно считаетъ себя владѣльцемъ всей общинной земли. Обиженный наслѣдникъ или выдѣленный самъ можетъ обратиться съ жалобою къ обществу, которое въ этомъ случаѣ разбираетъ его дѣло. То обстоятельство, что въ послѣднее время проявляется стремленіе нѣкоторой правительственной регламентаціи въ этихъ отношеніяхъ, и что часть атрибутовъ общества переходить иногда къ волостнымъ судамъ—не измѣняетъ сущности дѣла.

Обществу принадлежитъ затѣмъ податной контроль; какъ владѣлецъ всей земли, община отвѣчаетъ солидарно передъ казною за исправное поступленіе податей. Она несетъ круговую поруку, хотя, какъ мы дальше увидимъ, эта круговая порука вовсе не требуетъ платежей исправными членами за неисправныхъ. Заботясь объ исправномъ отбываніи податей и повинностей, общество отбираетъ участки отъ неплатящихъ членовъ и передаетъ ихъ такимъ, которые принимаютъ на себя обязанность исправно вносить подати.

При каждой подати предметъ, обложенный податью, отвѣчаетъ своею цѣнностью за исправный взносъ подати. Если домовладелецъ въ городѣ не платитъ налога, то домъ его подвергается публичной продажѣ, т. е. отчуждается отъ него. На этомъ же основаніи происходитъ въ общинѣ отбирание земли отъ неплательщика. Разница заключается только въ томъ, что, при отчужденіи всякаго другого податного предмета за неплатежъ подати, остатокъ проданной суммы, за вычетомъ изъ него недоимки, возвращается недоимщику. Въ средѣ общины отчужденіе земли получаетъ нѣсколько другой характеръ; земля не считается собственностью извѣстнаго лица, а имѣетъ только характеръ орудія производства, предоставляемаго общиннику *даромъ*, чтобы дать ему возможность утилизировать свой трудъ. Разъ онъ дѣлаетъ это не старательно, не исполняетъ обязанностей, связанныхъ съ владѣніемъ,—земля отъ него отнимается. Даромъ онъ получилъ надѣлъ, даромъ онъ отъ него отбирается. Таково основаніе существующаго общиннаго порядка; но это не исключаетъ возможности введенія, въ будущемъ, экспроприаціи, съ возвращеніемъ недоимщику разницы, особенно по мѣрѣ совершенія выкупа земли.

Верховное право общины—свободно распоряжаться землею, принадлежащею общинѣ, контролировать ея распределение между членами общества и переходъ участковъ отъ однихъ общинниковъ къ другимъ — и неразрывно связанное съ этимъ право распорядительнаго контроля надъ исполненіемъ податныхъ обязанностей общинниками; въ этихъ двухъ функціяхъ заключается главная сущность общиннаго владѣнія. Итакъ, если въ юридическомъ отношеніи общинное владѣніе и представляетъ крайнюю противоположность частной собственности, то можно сказать, что въ хозяйственномъ отношеніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда община переходитъ къ продолжительнымъ срокамъ передѣловъ,—съ оставленіемъ, на весь промежутокъ времени между передѣлами, въ рукахъ каждой семьи одного и того же участка,—разстояніе между общиннымъ владѣніемъ и частною собственностью значительно сокращается. Оно становится даже едва замѣтнымъ по отношенію къ тѣмъ видамъ крестьянской земельной собственности, которые подлежатъ ограниченію въ свободѣ завѣщанія, продажи и кредитныхъ сдѣлокъ, т. е. по отношенію къ тому типу мелкой земельной собственности, къ осуществленію котораго стремятся въ настоящее время въ Германіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса: *къ чему намъ слѣдуетъ идти, и слѣдуетъ ли признать послѣднюю цѣлью нашего развитія постепенное упраздненіе общин-*

наго владѣнія, — необходимо рассмотреть предварительно главнѣйшія возраженія, представленныя противниками общины против общиннаго владѣнія.

II.

Главный общій доводъ противниковъ этой формы землевладѣнія, — доводъ, о которомъ уже выше была рѣчь, — заключается въ томъ, что общинное владѣніе не представляетъ особенности русскаго быта; что это — переходное явленіе въ жизни каждаго народа, и что если мы желаемъ достигнуть улучшенія нашего сельскаго хозяйства, то мы должны отрѣшиться со временемъ отъ этой совершенно примитивной формы землевладѣнія, которая, задерживая успѣхи сельскаго хозяйства, не въ состояніи дать того, чего отъ нея ожидаютъ ея сторонники, — т. е. не въ состояніи оградить насъ отъ пролетаріата.

Выше было уже указано, что въ южной части Западной Европы, переходнаго отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности, до сихъ поръ не только не выработалъ нормальнаго типа крестьянскаго землевладѣнія, но что въ послѣднее время на Западѣ даже стала проявляться склонность къ нѣкоторому ограниченію свободнаго распоряженія крестьянскою недвижимою собственностью. Мы видѣли также, что пролетаріатъ является неизбежнымъ послѣдствіемъ избытка населенія, и что потому отъ общиннаго владѣнія и не слѣдуетъ ожидать, чтобы оно могло оградить страну навсегда отъ этой опасности.

Не останавливаясь потому на такихъ общихъ соображеніяхъ, перейдемъ къ рассмотренію другихъ, болѣе практическихъ возраженій и остановимся, главнымъ образомъ, на двухъ самыхъ существенныхъ.

Лишая — говорятъ намъ — отдѣльныхъ крестьянъ права собственности на землю, общинное владѣніе ставитъ сельское хозяйство въ условія противныя основнымъ требованіямъ рациональной экономіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняя каждаго отдѣльнаго крестьянина порядкамъ общаго сѣвооборота, оно устраняетъ всякую возможность инициативы отдѣльныхъ личностей и тѣмъ самымъ тормозитъ усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства.

Рассмотримъ каждое изъ этихъ двухъ весьма серьезныхъ возраженій отдѣльно.

Нельзя оспаривать, что вполне обезпеченная частная собственность и ничѣмъ не стѣсненная свобода распоряженія имуществомъ представляютъ наиболѣе выгодное условіе для производи-

тельности. Для того, чтобы полагать свой трудъ и свои сбереженія— будь это капиталъ, будь это навозъ—въ землю, крестьянинъ долженъ быть увѣренъ, что та же земля останется за нимъ, онъ долженъ быть обезпеченъ въ своемъ владѣнн. Между тѣмъ частые передѣлы лишаютъ его этой увѣренности. Общинникъ, тщательно воздѣлавшій и унавожившій свой участокъ, можетъ получить при передѣлѣ неунавоженную и даже запущенную землю. Это обстоятельство должно отнимать у крестьянина желаніе старательно воздѣлывать свой участокъ.

Но дѣло въ томъ, что не слѣдуетъ смѣшивать возможность известнаго явленія съ дѣйствительнымъ, фактическимъ его осуществленіемъ.

Еслибы дѣйствительно передѣлы были вездѣ очень частые, и еслибы они вообще были связаны исключительно съ общиннымъ владѣніемъ, то несомнѣнно слѣдовало бы признать общинное владѣніе главнымъ тормазомъ нашего сельско-хозяйственнаго развитія. Но уже редакціонныя комиссіи указывали на то, что въ общинномъ владѣнн слѣдуетъ тщательно отдѣлять *юридическую* сторону, т. е. принадлежность земли цѣлому обществу и право ея разверстки, отъ *экономической* стороны, въ смыслѣ практики земельныхъ передѣловъ. Для полноты общественной жизни, по ихъ указанію, вовсе не необходимо одновременное дѣйствіе обоихъ началъ: община можетъ существовать, и во многихъ мѣстахъ дѣйствительно существуетъ, безъ періодическихъ передѣловъ; послѣдніе представляются въ общественномъ быту лишь второстепеннымъ явленіемъ, одною изъ первыхъ ступеней въ развитіи этого учрежденія, формою, постепенно отпадающею по мѣрѣ сгущенія народонаселенія, возвышенія цѣнности земли или приложенія къ почвѣ болѣе усиленнаго труда.

Справедливость этого предположенія можно подтвердить многочисленными данными. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Карелина, въ теченіе двадцатилѣтняго періода, 1858—1878, считая за передѣлы также и общія переверстки,—въ московской губерніи въ одной грети обществъ не было ни одного передѣла, въ половинѣ обществъ было два передѣла; остальные общины дѣлили чаще. Въ тамбовской губерніи передѣлы совершаются черезъ 9, 11 и 12 лѣтъ; только въ моршанскомъ уѣздѣ, потому что тамъ земли болѣею частью не унавоживаются, передѣлы происходятъ черезъ 5—7 лѣтъ. Въ казанской губерніи въ различныхъ обществахъ передѣлы происходятъ черезъ 20, 15, 12, 10 и 6 лѣтъ. Въ смоленской губерніи черезъ 10 и 16 лѣтъ, въ петербургской—черезъ 25, 15 и 10 лѣтъ и т. д.

Сравнивая общинное съ частнымъ владѣніемъ, мы видимъ, что и общинникъ, при отсутствіи частныхъ передѣловъ, поставляется почти *въ столь же нормальныя условія культуры*, какъ и собственникъ земли. Сущность не въ юридическомъ характерѣ владѣнія и не въ названіи: *частная собственность*, а въ обезпеченіи землевладѣльцу продолжительнаго владѣнія обрабатываемою землею; но это достигается и при общинномъ владѣніи. Выше указано, что въ московской, казанской, тамбовской губерніяхъ среднею продолжительностью сроковъ владѣнія можно принять 10 лѣтъ, въ смоленской губерніи—13 лѣтъ, въ петербургской—даже 15 лѣтъ; это—сроки, весьма близко подходящіе къ среднимъ срокамъ владѣнія частною собственностью. Въ рукахъ одного и того же владѣльца имѣніе остается, по словамъ г. Карелина, въ екатеринославской губерніи около 11 лѣтъ, въ московской—около 17 лѣтъ, во Франціи—отъ 12 до 15 лѣтъ, въ Пруссіи—около 15 лѣтъ, и въ Австріи—около 16 лѣтъ.

Частые передѣлы происходятъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на обработку земли еще не полагается большого труда, или гдѣ подати несоразмѣрно велики.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обработка земли находится еще на весьма низкой степени развитія, крестьяне болѣею частію цѣнятъ только естественныя свойства земли, стараясь распределить это естественное орудіе производства, т.-е. почву, по возможности равномѣрно, а потому и передѣляютъ часто земли, чтобы достигнуть большаго выравниванія. Съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля не окушаетъ податныхъ платежей, переверстки и передѣлы происходятъ постоянно, потому что каждый крестьянинъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, стремится облегчить лежащую на немъ тяготу.

Но если съ одной стороны и общинное владѣніе допускаетъ продолжительные сроки пользованія землей, то, съ другой стороны, передѣлы совершенно не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія; они встрѣчаются у насъ и при участковомъ и наследственномъ владѣніи землею, и вызываются необходимою освободиться отъ крайней чрезполосности; то же явленіе встрѣчается даже и за границею. По указанію проф. Посникова, и въ Германіи, при существованіи частной собственности, необходимо отъ времени до времени повторять разверстаніе угодій. Такъ, напримѣръ, нассауская система стремится къ исправленію специальной чрезполосицы крестьянскихъ угодій, вызывающей сервитутъ проѣзда, оборота плуга и т. п. Оставляя число полосъ почти нетронутымъ, межеваніе стремится расположить ихъ такимъ

образомъ, чтобы въ каждой былъ свободный доступъ со стороны дороги или меженка. Приводя эти данныя, заимствованныя у проф. Посникова, авторъ книги: „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“, справедливо замѣчаетъ: „если западные ученые признаютъ необходимость періодически исправлять распланированіе мелкой поземельной собственности,—если нассауская система межеванія построена на признаніи того основного начала расположенія угодій, какое господствуетъ въ нашей общинѣ, если, наконецъ, эта система правительственнаго размежеванія почти не измѣняетъ числа полосъ, то спрашивается: какія сельско-хозяйственныя преимущества связаны съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи?“

Главное заблужденіе противниковъ общины, приписывающихъ вину въ неудовлетворительномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства общинному владѣнію, заключается въ томъ, что они полагаютъ, что культура слѣдуетъ за формою владѣнія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности происходитъ обратное. Между формою владѣнія и формою культуры существуетъ несомнѣнно тѣсная связь, но въ томъ смыслѣ, что существенныя измѣненія въ формѣ культуры вызываютъ обыкновенно соотвѣтствующія измѣненія въ формѣ владѣнія, а не наоборотъ. Однимъ словомъ: *не культура слѣдуетъ за формою владѣнія, а форма землевладѣнія слѣдуетъ за культурой.*

Для выясненія этого положенія возьмемъ примѣръ охотничьяго племени, номада и земледѣльца.

Охотничій народъ нуждается въ обширныхъ лѣсахъ, въ которыхъ охота могла бы обеспечивать ему средства существованія. Напротивъ того, номадное племя, занимающееся скотоводствомъ, не можетъ существовать безъ достаточнаго количества пастбищныхъ пространствъ. Но если надѣлать охотничій народъ самыми богатыми пастбищами, онъ все же не превратится въ номада, предающагося скотоводству.

Только тогда, когда онъ самъ, подъ давленіемъ разныхъ условий, придетъ къ убѣжденію въ необходимости измѣнить образъ жизни и отъ прежнихъ обычаевъ перейти къ занятію разведенія скота, только тогда пастбищныя пространства получатъ для него цѣнность,—однимъ словомъ, съ измѣненіемъ культуры онъ перейдетъ и къ другой формѣ землевладѣнія. Тѣ же луговныя пространства, на которыя онъ прежде не обращалъ никакого вниманія, онъ теперь станетъ считать драгоцѣнною собственностью, за обладаніе коею онъ готовъ будетъ вести ожесточенныя войны съ сосѣдями. Но пока онъ не убѣдится самъ въ необходимости из-

мѣнить свой бытъ, никакими внѣшними мѣрами, никакимъ измѣненіемъ образа землевладѣнія его къ тому побудить нельзя. Многія дикія племена индѣйцевъ въ Сѣв. Америкѣ не могли повѣсть необходимости перехода, съ уменьшеніемъ свободныхъ земель, къ другому образу жизни, и потому мало-по-малу исчезли съ лица земли, не преобразовавшись ни въ номада, ни въ земледѣльца.

Точно также номадное племя скотоводовъ не будетъ придавать никакого значенія пахотнымъ землямъ, лежащимъ по сосѣдству съ его пастбищами; но разъ оно рѣшится перейти къ земледѣльческимъ занятіямъ, эти земли получатъ немедленно въ его глазахъ особенное значеніе, оно станетъ охранять ихъ, обнесетъ ихъ оградой и т. п. Но номадъ сдѣлается земледѣльцемъ не потому, что въ его владѣніяхъ окажутся пахотныя земли, а пахотныя земли получатъ для него цѣнность и значеніе только потому, что онъ рѣшился перейти къ обработкѣ земли.

Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ великороссійскихъ губерній, совместно съ продолжительными промежутками между передѣлами, замѣчается нѣкоторое развитіе, нѣкоторое усовершенствованіе системы обработки земли, связанное съ измѣненіемъ сѣвооборота. Тамъ, напримѣръ, въ смоленской губерніи, гдѣ передѣлы происходятъ черезъ 10—16 лѣтъ, начинается распространяться травосѣяніе. При поверхностномъ, предвзятомъ отношеніи къ вопросу, можно бы изъ этого вывести заключеніе, что продолжительные сроки передѣловъ сдѣлали возможнымъ улучшенный способъ сельскаго хозяйничанья. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, дѣло несомнѣнно происходило въ совершенно обратномъ направленіи. Только потому, что въ данной мѣстности община сознавала необходимость улучшить хозяйство, она рѣшалась продлить сроки владѣнія, понимая, что безъ того улучшеніе культуры невозможно. Г. Карелинъ прямо говоритъ, напримѣръ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ тамбовской губерніи, въ которыхъ существуютъ наиболѣе краткіе сроки передѣловъ, эта непродолжительность пользованія участками земли объясняется тѣмъ, что крестьяне въ этихъ мѣстностяхъ почти не удобряютъ земли (стр. 73).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юго-восточныхъ черноземныхъ губерній происходятъ *ежегодные* передѣлы, тамъ не распространена подесятинная сдача земли подъ посѣвъ на одинъ годъ; — тѣмъ же это объяснить? Тѣмъ, что мужикъ въ этой мѣстности вѣбалованъ прежнему благодатью; онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на Бога и на естественныя силы природы, не заботясь ни объ уваживаніи земли, ни объ улучшеніи культуры. При такихъ усло-

віяхъ только естественныя силы земли и имѣютъ для него цѣнность, а потому онъ и передѣляетъ землю ежегодно или по крайней мѣрѣ въ краткіе сроки.

Точно также, по описанію автора „Прогрессивныхъ теченій въ крестьянскомъ хозяйствѣ“, въ южной степной полосѣ, позже другихъ колонизованной и отставшей отъ остальной Россіи въ дѣлѣ эволюціи хозяйственныхъ формъ, хозяйство находится на полпути отъ залежнаго къ паровому, и для возстановленія производительныхъ силъ почвы не примѣняется ни удобреніе, ни тщательная паровая обработка, а лишь обращеніе истощеннаго участка подъ выпасъ скота,—въ этой полосѣ доходность надѣла зависитъ въ весьма малой степени отъ ухода за нимъ. При такихъ условіяхъ крестьянинъ не привязывается къ тому или другому участку; а такъ какъ доходность хозяйства, при столь экстенсивной его системѣ, въ значительной степени зависитъ отъ естественныхъ свойствъ почвы, то неудивительно, что въ этой мѣстности заботы общества направлены на то, чтобы уравнивать своихъ членовъ въ пользованіи естественными свойствами надѣла; и потому перераспределеніе земли въ натурѣ повторяется такъ часто. Степной крестьянинъ столь мало дорожитъ постоянствомъ пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ земли, что безъ всякой нужды для дѣла, лишь въ виду большей простоты извѣстнаго акта, соглашается каждыя три года получить слѣдующую ему долю земли въ новомъ мѣстѣ.

Всѣ эти данныя указываютъ неопровержимо, что не краткосрочность владѣнія служитъ причиною элементарности культуры, а, напротивъ того, элементарность культуры обуславливаетъ сокращенные сроки.

Мы убѣждены, что еслибы оказалось возможнымъ составить такую хронологическую таблицу, въ которой въ одной графѣ были бы показаны промежутки между передѣлами въ различныхъ мѣстностяхъ, въ другой—время, когда общество перешло отъ болѣе краткихъ къ болѣе продолжительнымъ срокамъ передѣловъ, въ третьей—степени усовершенствованія, введеннаго въ крестьянскую культуру, а въ четвертой—время, когда общество перешло къ этой усовершенствованной культурѣ,—то оказалось бы, что въ большинствѣ случаевъ время продленія сроковъ передѣловъ не предшествовало, а слѣдовало или скорѣе совпадало съ эпохою перехода къ улучшенной культурѣ земли.

Въ каждомъ простомъ экономическомъ вопросѣ крестьянинъ очень хорошо понимаетъ свой интересъ. Правда, по своей натурѣ, онъ не податливъ на всякія усовершенствованія и не легко рѣ-

шается на нововведенія, но, разъ убѣдившись въ необходимости ввести то или другое измѣненіе въ обычную культуру земли, — или унавоживаніе земли, или посѣвъ клевера, — онъ простою мужицкою логикою приходитъ къ заключенію, что при этомъ производить частые передѣлы невыгодно, и естественно переходить къ болѣе продолжительнымъ срокамъ.

Не ограничиваясь удлиненіемъ сроковъ передѣловъ, практической умъ крестьянъ прибѣгаетъ еще и къ разнымъ другимъ мѣрамъ, для устраненія того вреднаго вліянія, которое передѣлы могутъ имѣть на необходимое улучшеніе въ обработкѣ земли.

Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Карелина, въ случаѣ, если какою-нибудь общинникомъ повысилъ качество своего участка удобреніемъ или болѣе глубокою вспашкою и т. п., а другіе надѣлы остались безъ соотвѣтственнаго улучшенія, мѣръ рѣшаетъ — окупилъ ли его трудовыя затраты. Если оказывается, что не окупилъ, то улучшенный участокъ остается внѣ передѣла, или же мѣръ заставляетъ тѣхъ общинниковъ, которые получаютъ части такого надѣла, заплатить прежнему владѣльцу соотвѣтственное сдѣланному улучшенію вознагражденіе. Это вознагражденіе дается, впрочемъ, иногда и въ томъ случаѣ, когда улучшенный участокъ уже окупилъ трудовыя затраты прежняго владѣльца — въ видѣ поощренія къ старательной воздѣлкѣ земли. Въ черноземной полосѣ введенъ обычай, по которому за домохозяевами, удобряющими свои участки, признается право получить при передѣлѣ за удобренную землю равнаго качества удобренную землю или сохранить свой участокъ (въ тамбовской, орловской, тульской, казанской и московской губерніяхъ); или же имъ дается, какъ выше указано, денежное вознагражденіе. Въ казанской губерніи образуются для унавоженныхъ полосъ особые жеребьи, такъ что при передѣлахъ совершенно невозможно для каковаго-либо домохозяина обмѣнъ навозника на ненавозную почву. Такимъ образомъ, общинники придумываютъ разные способы для устраненія невыгодныхъ послѣдствій передѣла.

Возраженіе, что подобныя приемы составляютъ рѣдкое явленіе и исключеніе изъ общаго порядка крестьянскаго хозяйства, не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ значенія. Но даже единичные случаи подобныхъ приѣмовъ доказываютъ, что они вполне совмѣстимы съ общиннымъ порядкомъ землевладѣнія, и потому могутъ быть примѣняемы и въ другихъ случаяхъ, коль скоро крестьяне данной мѣстности сознаютъ необходимость перехода къ лучшей культурѣ.

Въ связь съ общиннымъ владѣніемъ и передѣлами приводятъ

обыкновенно чрезполосность участковъ и крайнюю узкость полосъ. Послѣдствіемъ чрезполосности являются: трата времени при переѣздѣ съ одной полосы на другую, особенно если полосы расположены въ разныхъ клиньяхъ, трата земли на межики между полосками, засореніе полей сорными травами, растущими на межикахъ, перебрасываніе зерна при посѣвѣ на чужія полоски (вслѣдствіе узкости ихъ), затаптываніе сосѣднихъ полосъ при поворотѣ земледѣльческихъ орудій, затруднительность пользованія плугомъ, необходимость переѣзда черезъ чужія полоски, невозможность пахать поперечно, что весьма важно для производительности почвы, и т. д. Можно согласиться, однако, съ защитниками общины, что многія изъ этихъ неудобствъ — какъ, напримѣръ, трата времени при переѣздѣ на различные участки, засореніе полосокъ сорными травами межниковъ, невозможность пахать узкія полоски плугомъ — значительно преувеличены. Можно даже указать на нѣкоторые случаи, въ коихъ узкія полоски приносятъ своего рода пользу; такъ, напримѣръ, хлѣба, растущіе на глинистой почвѣ, подвергаются на широкихъ полосахъ вымочкамъ, между тѣмъ какъ борозды, окаймляющія узкія полоски, служатъ своего рода дренажемъ. Для избѣжанія вымочки, мѣстами полески пахутся бугоркомъ, имѣющимъ выпуклую средину и понижающимся по краямъ; эта выпуклость и не даетъ водѣ застаиваться, — между тѣмъ подобная пахота возможна только на полоскахъ, которыя не шире 15 аршинъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чрезполосность дѣйствуетъ въ смыслѣ страхованія посѣвовъ отъ непогоды. Градъ, дождь, идущій полосой, вымочка — при сплошной запашкѣ подвергаются хояина большиму убыткамъ. Когда же поля разбросаны по разнымъ мѣстамъ, то не всѣ подвергаются дѣйствию непогоды. Въ елизаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи стремленіе крестьянъ имѣть посѣвы въ разныхъ мѣстахъ объясняется именно надеждой, что если не то, такъ другое мѣсто зацѣпитъ дождикъ и все же ровнѣе будетъ урожай. Даже частные сѣмщики земли придерживаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой системы, снимая поля въ разныхъ мѣстахъ.

Не останавливаясь далѣе на техническихъ подробностяхъ, нельзя, однако, оспаривать, что вообще чрезполосность и узкость полосъ представляютъ значительное неудобство. Самымъ очевиднымъ доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что даже сами крестьяне сознаютъ это неудобство и стараются нейтрализовать его разными мѣрами. Такъ, во избѣжаніе чрезполосности бывають случаи, что вмѣсто передѣла надѣлъ новаго общинника нарѣзывается перпендикулярно всѣмъ полосамъ, идущимъ

цѣли параллельно, съ одного конца, такъ что новый надѣлъ отнимаетъ у каждой полоски небольшую часть ея и не приходится мѣнять надѣловъ, т.-е. не требуется ломки межъ. Если новый дворъ долженъ получить полъ надѣла, а надѣлъ въ десяти полоскахъ, то ему отводить не десять половинныхъ полосокъ, а пять цѣлыхъ полосъ въ такой комбинаціи, чтобы качество ихъ почвы и отдаленность участка приблизительно равнялись качеству и отдаленности остальныхъ участковъ и т. п.

Вредное вліяніе чрезполосности и измельчанія участковъ на культуру земли вообще не подлежитъ сомнѣнію, но было бы совершенно ошибочно и неосновательно связывать эти неудобства съ общиннымъ владѣніемъ. Чрезполосность и измельчаніе земли далеко не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія. Въ области подворнаго пользованія землей чрезвычайно распространена не только чрезполосность, но и дробленіе земли. Самый фактъ равномѣрнаго наслѣдованія вызываетъ постоянные дѣлежи земли, послѣдствіемъ которыхъ является та же чрезполосность и то же измельчаніе участковъ, какое встрѣчается и при общинномъ владѣніи, но только безъ того корректива, который имѣется при послѣднемъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ, по словамъ С. Я. Капустина (см. Карелинъ), крестьянской надѣлъ каждаго поселенія, не связаннаго общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую чрезполосность, которая со временемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе сельскаго хозяйства сдѣлается невозможнымъ. Въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ господствуетъ почти исключительно подворно-наслѣдственная форма владѣнія землею, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго. Въ курской губерніи четвертное владѣніе породило страшную чрезполосицу, которая является какъ бы самою характерною особенностью четвертного владѣнія. Вышеизложенное, а также многіе другіе примѣры, которые приводитъ г. Карелинъ, доказываютъ, что при мелкой собственности чрезполосность не только не уменьшается, но даже увеличивается. Вообще же при подворной формѣ землевладѣнія чрезполосность со всѣми ея неудобствами выражается въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при общинномъ замлевладѣніи. Общинники, путемъ передѣловъ, путемъ приурочиванія надѣловъ къ одному мѣсту, всегда могутъ уменьшить чрезполосность; вотъ почему нерѣдко случается, что подворныя общины прибѣгаютъ къ передѣлу земель, какъ къ послѣднему средству выйти изъ затрудненія. Уничтоженіемъ общиннаго владѣнія не достиглось бы ни уничтоженіе чрезполосности, ни прекращеніе дробленія земли; напротивъ того, получи-

лись бы въ этомъ отношеніи еще гораздо худшіе результаты, т.-е. такая запутанность землевладѣнія, которая сдѣлала бы совершенно невозможною сколько-нибудь порядочную обработку земли. Что бы вышло, еслибы всѣ наши общинныя земли разбились на отдѣльные подворные участки, еслибы тысячи общинныхъ владѣній, обведенныхъ одною межою, превратились въ миллионы отдѣльныхъ частныхъ владѣній,—даже трудно себѣ представить.

Точно также неосновательно предположеніе, что общинное владѣніе является причиною скученности деревень и большихъ поселеній.

Въ черноземной полосѣ Россіи крестьяне всегда селились и селятся крупными сплоченными поселками, располагаясь вдоль теченія рѣкъ или по крайней мѣрѣ вдоль такихъ ложбинъ, которыя способны къ образованію запрудъ, такъ какъ въ обширныхъ и ровныхъ междурѣчныхъ пространствахъ, за отсутствіемъ воды, при чрезмѣрной глубинѣ почвенныхъ водъ, образованіе поселковъ невозможно,—сама природа ихъ не допускаетъ. Поэтому существованіе большихъ скученныхъ поселеній ни въ какой зависимости отъ общиннаго владѣнія не состоитъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію второго изъ двухъ вышеизложенныхъ главныхъ возраженій,—къ зависимости каждаго отдѣльнаго общинника отъ общаго сѣвооборота и невозможности, вслѣдствіе того, переходить отъ трехполья къ другимъ, болѣе усовершенствованнымъ системамъ воздѣлки земли.

Необходимость подчиняться, при общинномъ владѣніи, общему сѣвообороту несомнѣнно существуетъ, и несомнѣнно она связываетъ инициаторскую дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Но это положеніе имѣетъ и свою полезную сторону. Энгельгардтъ видитъ въ принудительной обработкѣ полей даже то преимущество, что крестьяне волей-неволей подражаютъ при ней самымъ опытнымъ и дѣловымъ хозяевамъ. Хотя это и не исключаетъ преобладанія рутины и служитъ задержкой нововведеніямъ, но съ другой стороны всякое нововведеніе можетъ считаться обеспеченнымъ, разъ только община убѣдится въ его пользѣ. Если уже общество рѣшится ввести какое-либо улучшеніе въ культуру, то оно можетъ считаться окончательно принятымъ на будущее время, и въ такомъ случаѣ примѣръ одного общества дѣйствуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на сосѣднія общины,—то, къ чему склонилось одно общество, быстро перенимается другими обществами. Авторъ книги „Прогрессивныя теченія въ кр. хов.“ идетъ еще далѣе, онъ говоритъ: „спрашивается, гдѣ правильнѣе поставлено хозяйство,—тамъ ли, гдѣ отдѣльныя лица пользуются полнымъ произволомъ,

или гдѣ ихъ воля подчиняется рѣшенію всего міра? Иначе говоря, регламентація міра вообще и въ частности, какъ представителя общинной формы землевладѣнія, задерживаетъ ли распространѣніе беспорядочной культуры и способствуетъ ли принятію правильной системы смѣны запахиваемой и отдыхающей частей пашни—перваго шага на пути къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ хозяйства,—или дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи... Вмѣшательство міра въ свободу каждаго члена общества распорядиться своимъ участкомъ должно быть признано въ данномъ случаѣ полезнымъ прогрессивнымъ шагомъ. Хотя и вѣроятно, что это стѣсненіе личной инициативы удержитъ нѣсколько человѣкъ отъ еще болѣе широкаго шага, но это возможное неудобство вмѣшательства съ лихвой вознаграждается тою пользою, какую оно приноситъ всему земледѣлію*.

Во всякомъ случаѣ, стѣсненіе инициативы отдѣльныхъ выдающихся личностей не безусловно. Въ настоящее время значительное число крестьянъ уже владѣютъ отдѣльными купленными участками. На этихъ-то участкахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на усадебныхъ и огородныхъ земляхъ, предприимчивые крестьяне нѣрѣдко начинаютъ дѣлать опыты новыхъ культуръ, которые потомъ мало-по-малу переходятъ и къ обществу.

Для доказательства, что общинное владѣніе не служитъ безусловнымъ тормазомъ всякаго усовершенствованія, какъ въ средѣ отдѣльныхъ личностей, такъ и въ средѣ обществъ, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь нѣкоторыя данныя о развитіи травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, почерпнутыя изъ вышеуказаннаго сочиненія „Прогрессивныя теченія въ кр. хоз.“.

Мы считаемъ нужнымъ остановиться именно на травосѣяніи, потому что оно имѣетъ для крестьянскаго хозяйства чрезвычайно важное значеніе. Посѣвъ клевера, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, увеличиваетъ въ двѣнадцать разъ питательность продукта даннаго поля, потому что клеверъ даетъ въ четыре раза болѣе урожая, а нудъ клевера въ три раза питательнѣе пуда обыкновеннаго сѣна. Поэтому травосѣяніе отвѣчаетъ главнѣйшей потребности крестьянскаго хозяйства, потребности въ кормовыхъ средствахъ, недостатокъ которыхъ ведетъ къ сокращенію скотоводства, безъ котораго невозможно удобреніе, а слѣдовательно и сносные урожаи. Крімъ того, введеніе травосѣянія, требующаго измѣненія существующей плодоперемѣнной системы, представляетъ самый наглядный примѣръ побѣды прогресса надъ рутинною общиннаго хозяйства, при существованіи общиннаго владѣнія.

Травосѣяніе практикуется, главнымъ образомъ, въ нечернозем-

ной полосѣ, какъ потому, что здѣсь крестьяне держатъ больше молочнаго скота, а запашки, доставляющія кормъ скоту (солому), имѣютъ сравнительно небольшія, такъ и по существующей возможности отвести подъ посѣвъ травъ особые участки, ибо травосѣяніе, при первомъ появленіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ, обыкновенно начинается не съ пахотнаго поля, а съ выгона, дуга и т. п.

На сѣверѣ посѣвъ травъ производится въ олонецкой и вологодской губерніяхъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ послѣдней травосѣяніе есть дѣло давнее. Посѣвы тимофеевки были извѣстны здѣсь еще въ началѣ настоящаго вѣка. Побережья р. Сухоны считаются колыбелью русскаго травосѣянія; крестьяне этой мѣстности, между прочимъ, производятъ сѣмена тимофеевки для продажи въ Петербургъ и Москву. На сѣверѣ травосѣяніе начинается большею частию съ участковъ, не входящихъ въ правильный полевой сѣвооборотъ, и при обиліи некультивированной земли для него служатъ новины и другіе участки, находящіеся въ распоряженіи отдѣльныхъ членовъ общества, и потому травосѣяніе можетъ здѣсь практиковаться отдѣльными крестьянами; но оно практикуется и цѣлыми обществами на поляхъ, подчиненныхъ правильному сѣвообороту.

Въ центральной Россіи дѣло находится въ иномъ положеніи. Здѣсь земли мало и пользованіе всѣмъ надѣломъ регулируется міромъ. Ограниченность специальныхъ выгоновъ ведетъ къ установленію обязательнаго сѣвооборота, препятствующаго отдѣльнымъ членамъ общества вести травосѣяніе на поляхъ, лугахъ и выгонахъ. Чтобы ввести травосѣяніе даже на особыхъ участкахъ, кромѣ усадебной земли, здѣсь требуется согласіе міра и участіе всей общины. Еще затруднительнѣе введеніе травосѣянія въ полевой сѣвооборотъ, такъ какъ, кромѣ всеобщаго согласія, это требуетъ ломки хозяйства — примѣненія многополья. Несмотря на такіа затрудненія, недостатокъ кормовыхъ средствъ все-таки побуждаетъ крестьянъ вводить травосѣяніе на своихъ поляхъ, при чемъ они придумываютъ различныя системы примѣненія трехполья въ требованіямъ новой культуры. Такъ, крестьяне ярославской губерніи придумали четырехъ-польный сѣвооборотъ, въ которомъ клеверъ снимается два года подъ рядъ и возвращается на прежнее мѣсто черезъ шесть лѣтъ. Къ тому же пришла недавно и одна деревня псковскаго уѣзда. Нѣсколько деревень гдовскаго уѣзда, с.-петербургской губерніи, передѣлили свои поля и перешли къ четырехпольной системѣ съ посѣвомъ клевера.

Въ кашинскомъ уѣздѣ, тверской губерніи, травосѣяніе полу-

чло замѣтное распространеніе. Мѣстное изслѣдованіе земскаго статистическаго бюро 1889 г. зарегистрировало 70 общинъ, въ которыхъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, примѣняется травосѣяніе. Въ 19 изъ этихъ общинъ трава сѣется на приусадебной землѣ, въ 25-ти на особо отведенныхъ для того участкахъ, въ 16-ти—въ одномъ изъ полей, и въ 10 общинахъ посѣвъ травъ введенъ въ правильный полевой сѣвооборотъ, при чемъ травосѣяніемъ занимаются всѣ или почти всѣ домохозяева. Посѣвъ травъ на приусадебной землѣ обыкновенно служитъ началомъ къ тому, чтобы сѣять ихъ и на поляхъ; на него крестьяне такъ и смотрятъ какъ на опытъ. Посѣвы на отдѣльныхъ участкахъ имѣютъ также еще экспериментальный характеръ. Въ этихъ случаяхъ община, замѣтивъ стремленіе большаго или меньшаго числа своихъ членовъ заняться травосѣяніемъ, отводитъ для того особый участокъ, не объявляя каждаго (за исключеніемъ одной общины) утилизировать его непременно путемъ посѣва травы. Поэтому, кто въ силѣ удобрить свою полосу и приобрести сѣмена, тотъ и сѣетъ траву... Въ другихъ уѣздахъ тверской губерніи травосѣяніе распространено гораздо меньше.

Въ смоленской губерніи особенную заботу о своихъ лугахъ проявляютъ крестьяне сычевскаго уѣзда. Испорченные, заросшіе лишаемъ и мохомъ луга они переламываютъ плугомъ, засѣваютъ льномъ, а затѣмъ или получаютъ прекрасный естественный покосъ, или засѣваютъ участокъ клеверомъ. Около 30% деревень уѣзда часть луга съ примыкающею долею пашни огораживаютъ отъ скотины, а иногда и засѣваютъ клеверомъ. Въ другихъ деревняхъ для послѣдняго отводятъ часть поля. Тѣмъ или другимъ способомъ рядомъ съ тремя полями обычнаго сѣвооборота образуется четвертое поле, которое пока живетъ самостоятельную жизнью и служитъ для производства корма скоту, но со временемъ можетъ соединиться съ хлѣбными полями и привести такимъ образомъ къ четырехпольному сѣвообороту. Послѣдующія извѣстія о томъ же предметѣ даютъ болѣе подробныя свѣденія и показываютъ, что включеніе четвертаго поля въ общій сѣвооборотъ есть уже совершившійся фактъ. Первоначально травосѣяніе практиковалось на покупныхъ земляхъ, усадьбахъ и огородахъ отдѣльными, преимущественно зажиточными крестьянами. Затѣмъ посѣвы травъ были перенесены на надѣльную полевою землю, и къ веснѣ 1891 года насчитывали до 40 деревень, гдѣ травосѣяніе на поляхъ примѣнялось всѣмъ обществомъ. Обыкновенно для посѣва травъ отдѣляется часть озимаго поля, но двѣ, три деревни устроили шестипольный оборотъ, а въ деревнѣ Корыт-

невѣ на покупной землѣ заведенъ семипольный сѣвооборотъ. Сѣмена травы обыкновенно приобретаются на мірской счетъ. Для удовлетворенія спроса крестьянъ на сѣмена нѣсколько торговцевъ г. Сычевки открыли у себя сѣменную торговлю; весной 1890 г. они продали 800 пудовъ, а въ 1891 г. уже 2.000 п.; сверхъ того сѣмена продаются богатыми крестьянами многихъ селъ.

Хотя относительно остальныхъ уѣздовъ и не имѣется столь подробныхъ данныхъ, однако, судя по отрывочнымъ свѣденіямъ, крестьянское травосѣяніе производится также въ краснинскомъ, бѣльскомъ, дорогобужскомъ, духовщинскомъ и вяземскомъ уѣздахъ. Спросъ на сѣмена клевера и тимофеевки въ вяземскомъ уѣздѣ въ 1892 г. достигъ небывалыхъ размѣровъ, и въ концѣ апрѣля мѣсяца достать клеверныя сѣмена было совершенно невозможно.

О развитіи крестьянскаго травосѣянія въ московской губерніи мы заимствуемъ изъ статьи г. Крандіевскаго, напечатанной въ ноябрьскомъ номерѣ журнала „Хозяинъ“, слѣдующія свѣденія.

Благодаря нѣкоторымъ, удачно сложившимся мѣстнымъ условіямъ, травосѣяніе въ великоламскомъ уѣздѣ получило наибольшее развитіе сравнительно съ другими уѣздами губерніи. Правильное травосѣяніе можно считать прочно установившимся въ 19 селеніяхъ этого уѣзда, съ общемою площадью пахотной земли болѣе 3.800 дес. и ежегоднымъ посѣвомъ клевера почти въ 500 дес. Въ трехъ селеніяхъ введенъ четырехпольный сѣвооборотъ, въ одномъ шестипольный, а во всѣхъ остальныхъ восьмипольный. Въ 1895 г. предполагено произвести подготовительныя работы къ введенію общественнаго травосѣянія еще въ 10 селеніяхъ. Что касается развитія крестьянскаго травосѣянія вообще, т.-е. безъ введенія его въ правильный сѣвооборотъ, то оно продолжаетъ быстро идти впередъ, чему нагляднымъ доказательствомъ служить тотъ фактъ, что изъ одного лишь волоколамскаго земскаго сельскохозяйственнаго склада весной 1894 г., кромѣ количества сѣмянъ, отпущенныхъ въ ссуду, было до семидесяти случаевъ продажи клевера и тимофеевки, въ тридцати различныхъ селеніяхъ; брали сѣмена отъ 1 фунта до 10 пудовъ. Въ общемъ въ теченіе года изъ склада отпущено крестьянамъ 345,5 пуд. тимофеевки. Кромѣ полученія изъ склада, сѣмена приобретались въ большихъ количествахъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а также непосредственно покупались въ сѣменныхъ магазинахъ Москвы. Значительное количество клеверныхъ сѣмянъ получено крестьянами въ своихъ хозяйствахъ; такъ крестьянами семи селеній заготовлено около 136 пудовъ клевера. Съ цѣлью содѣйствія развитію травосѣянія уѣздное земство уполномочило управу выдавать въ ссуду сѣмена кле-

вера и тимофеевки на льготныхъ условіяхъ тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя при желаніи ввести у себя правильное травосѣяніе не имѣютъ достаточныхъ средствъ для пріобрѣтенія сѣмянъ.

Изъ волоколамскаго уѣзда травосѣяніе постепенно, путемъ естественнаго заимствованія, начинаетъ переходить и въ сосѣдніе уѣзды: русскій, Можайскій, клинскій. Въ первомъ изъ нихъ въ 1894 г. приступило къ правильному травосѣянію 5 селеній. Пахотной земли у нихъ 278 дес., изъ нихъ засѣяно клеверомъ 82 десятины, сѣвооборотъ четырехъ- и восьмипольный. Въ 1895 году приступать еще 7 селеній.

Въ Можайскомъ уѣздѣ первый приговоръ о введеніи травосѣянія поступилъ въ управу въ 1893 г. Крестьяне рѣшились на это подъ вліяніемъ земскаго агронома. Въ 1894 году поступило еще 7 заявленій, и притомъ изъ такихъ волостей, гдѣ нѣтъ даже и усадебнаго травосѣянія. Въ этихъ 8 селеніяхъ 1609 дес. пахотной земли, изъ нихъ 144,5 подъ сѣянною травою, преимущественно четырехпольный сѣвооборотъ; только одно селеніе рѣшилось перейти къ восьмипольному. Въ клинскомъ уѣздѣ правильное общественное травосѣяніе существуетъ уже у крестьянъ 4 селеній, въ 1895 г. рѣшили перейти еще три селенія, а кромѣ того два селенія рѣшили отвести подъ посѣвъ травы особые углы въ овинныхъ поляхъ. Во всѣхъ 9 селеніяхъ подъ клеверомъ будетъ 553 десятины. Нѣкоторые зачатки травосѣянія проявляются также въ Дмитровскомъ и Подольскомъ уѣздахъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ мѣстностей, посѣвъ травъ по крестьянской землѣ начинается еще въ губерніяхъ: архангельской, уфимской, новгородской, рязанской, тульской, полтавской, волынской, кievской, въ губерніяхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ; но мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о развитіи, какое травяная культура уже получила въ этихъ мѣстностяхъ.

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго оказывается, что если общинное владѣніе и можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тормазить введеніе улучшенной культуры, оно все же не представляетъ въ этомъ отношеніи непреодолимаго препятствія. Съ другой стороны, по словамъ автора „Прогрессивныхъ теченій“, выработанная на почвѣ общиннаго владѣнія привалка къ совмѣстному разрѣшенію хозяйственныхъ вопросовъ и отсутствіе въ личности стремленія дѣйствовать во что бы то ни стало по индивидуальному произволу, являются важнымъ факторомъ, способствующимъ распространенію улучшенныхъ пріемовъ въ массѣ рядового крестьянства ¹⁾. Въ

¹⁾ Понятіи травосѣянія, — говоритъ вышеприведенный авторъ въ другомъ мѣстѣ, — отдѣльныхъ крестьянъ по внѣдѣльной землѣ привлекаютъ мало вниманія; внѣдѣ-

обществахъ съ подворнымъ владѣніемъ земель врядъ ли будутъ часто встрѣчаться случаи, составляющіе обыкновенное явленіе при господствѣ общинной формы, — случаи одновременнаго введенія посѣва травъ всѣми или почти всѣми домохозяевами.

Еслибы общинное землевладѣніе было дѣйствительно причиною, задерживающею наше крестьянское хозяйство на его низкой степени развитія, то слѣдовало предполагать, что въ мѣстностяхъ съ участковымъ наследственнымъ порядкомъ пользования земель культура полей должна стоять гораздо выше. Но это предположеніе далеко не оправдывается въ дѣйствительности. Авторъ замѣчательнаго, во многихъ отношеніяхъ, сочиненія „Неурожай и народное бѣдствіе“, въ которому мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, прямо указываетъ на *низкій уровень земледѣлія* въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ общиннаго владѣнія не существуетъ, гдѣ преобладаетъ подворное владѣніе. Этотъ низкій уровень земледѣлія въ подобныхъ мѣстностяхъ, — замѣчаетъ авторъ, — обыкновенно даже служитъ главнымъ доводомъ, приводимымъ противъ подворнаго владѣнія, тѣми лицами, которыя стремятся доказать, что не общинное землевладѣніе служитъ у насъ помѣхою къ развитію крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ главною причиною низкаго уровня земледѣлія въ этихъ мѣстностяхъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что и въ области подворнаго хозяйства преобладаетъ раздробленность земельныхъ участковъ, обычныя рутинныя формы воздѣлки земли и крупныя скученныя поселенія, — т.-е. условія, при которыхъ подворное владѣніе, по справедливому замѣчанію автора, можетъ быть даже еще хуже общиннаго владѣнія.

Несомнѣнно, было бы неправильно видѣть въ подворномъ владѣніи причину низкаго уровня хозяйства въ означенныхъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ это является послѣдствіемъ совершенно другихъ причинъ. Но во всякомъ случаѣ это служитъ доказательствомъ тому, что форму владѣнія далеко нельзя считать главною причиною того состоянія, въ которомъ находится культура земли въ данной мѣстности. И при общинномъ владѣніи, какъ показываетъ примѣръ многихъ мѣстностей, улучшение культуры возможно; а съ другой стороны, одно существованіе подворнаго владѣнія недостаточно для того, чтобы породить культуру тамъ, гдѣ другія условія этому препятствуютъ.

Ограничиваясь вышележащимъ относительно экономическаго

дѣльное общественное травосѣяніе возбуждаетъ уже бѣльшій интересъ, который достигаетъ высшихъ степеней въ случаяхъ, когда посѣвъ травъ производится обществомъ на надѣльной землѣ. Деревня съ травосѣяніемъ служитъ предметомъ новѣйшаго интереса и горячихъ обсужденій въ округѣ съ райономъ иногда верстъ за 80

вліянія общины, посмотримъ еще, какъ она дѣйствуетъ въ административномъ и социальномъ отношеніи.

Мнѣнія по этому предмету крайне различны: есть крайніе оптимисты и крайніе пессимисты.

По мнѣнію однихъ, общинное владѣніе является главнымъ, если не единственнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ неурядицъ въ области крестьянскаго хозяйства, съ которыми приходится нынѣ считаться. Вредъ общиннаго владѣнія далеко не исчерпывается земельными передѣлами, а кроется, главнымъ образомъ, въ мірской солидарности, въ господствѣ міра надъ личностью, во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни, семейныхъ, бытовыхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ. Общество остается безучастнымъ къ судьбѣ каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности, и ничѣмъ не помогаетъ отдѣльнымъ членамъ; всякій членъ общины предоставленъ самъ себѣ, своимъ силамъ, своей судьбѣ; о призрѣніи больныхъ и немощныхъ община не заботится. Общественная польза нигдѣ не полагается въ основаніе дѣйствій и хозяйничанья общины. Каждый отдѣльный хозяинъ вынужденъ эксплуатировать своего собрата; міроѣдство—обычное явленіе; кулаки радуются разстройству сосѣда, чтобы захватить его землю, а хорошіе люди только и думаютъ о томъ, какъ уйти отъ зла, т.-е. отъ земли, не чувствуя возможности стать при такихъ условіяхъ на ноги; однимъ словомъ, община, какъ стимулъ благосостоянія общинниковъ—это отвлеченная идея, которая на практикѣ не облеклась въ жизнь. Въ настоящее время патріархальность общины подорвана, сыновья и внуки вышли изъ-подъ власти отцовъ, авторитетъ старѣйшихъ членовъ общины палъ, старики устранились отъ схода и общественныхъ дѣлъ,—уже не они повелѣваютъ дѣтьми, а дѣти ими. На сходахъ появились водка и подкупъ. При всѣхъ своихъ дурныхъ проявленіяхъ общество все же воспитало въ себѣ сознание своей силы: „міръ силенъ, супротивъ него ничего не подѣлаешь“—и если община еще дорога крестьянамъ, то только въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

Существуетъ затѣмъ противное вышеизложенному мнѣніе, которое все видитъ въ розовомъ свѣтѣ. Общинный порядокъ прежде всего укрѣпляетъ въ крестьянахъ семейную связь, которая держитъ молодыхъ членовъ семейства въ необходимой дисциплинѣ. Общинное владѣніе служитъ гарантіей и залогомъ несомнѣнно самобытнаго прогресса крестьянской культуры,—ибо разъ принятое обществомъ культурное улучшеніе уже окончательно въ ней въбрѣдается. Притомъ же міръ не позволяетъ истощать земли, опредѣляя количество посѣва льна, табаку и т. п. истощающихъ

почву растений на каждое хозяйство; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣръ обязываетъ каждого хозяина уваживать свою полосу земли и запрещаетъ продажу пожни на сторону; гдѣ недостатка выгона, мѣръ опредѣляетъ, какое количество скота можно выгонять каждому хозяину, — подобными распорядительными мѣрами мѣръ сохраняетъ порядокъ и справедливость въ общинѣ и содѣйствуетъ лучшей культурѣ. Мѣръ заботится о больныхъ и немощныхъ, и часто отстаиваетъ права крестьянъ противъ мѣроѣдовъ; мѣроѣдство часто сталкивается съ сильными традиціями міра и находитъ въ нихъ отпоръ. Въ Сибири были случаи, что, по выдѣлѣ усадебъ, кулаки-мѣроѣды стали успѣшно добиваться покупки ихъ, но мѣръ возсталъ на это и постановилъ запретъ крестьянамъ продавать усадьбы. Даже передѣлы земли не вызываются какимъ-либо эгоистическимъ чувствомъ или личнымъ расчетомъ большинства, такъ какъ большею частью передѣлы оказываются невыгодными для большинства; бывають даже случаи (въ воронежскомъ уѣздѣ), когда при передѣлѣ по чувству справедливости часть большинства домохозяевъ сознательно поступаетъ своими интересами въ пользу меньшинства; наконецъ, въ самыхъ передѣлахъ, кромѣ уравнительнаго, усматриваютъ еще и благотворительное вліяніе. По мнѣнію оптимистовъ, богатый крестьянинъ, лишившись при передѣлѣ хорошо уваженнаго имъ участка, перенесетъ этотъ ущербъ довольно легко; обладая значительнымъ числомъ скота, онъ и съ тощимъ участкомъ справится безъ большого труда, — а получение при передѣлѣ хорошо уваженнаго участка можетъ послужить помощью бѣдному крестьянину оправиться и сдѣлаться состоятельнымъ хозяиномъ, между тѣмъ какъ ему самому было бы не подъ силу снабдить свой участокъ достаточнымъ количествомъ навоза, чтобы обезпечить за собою урожай. Карелинъ приводитъ примѣръ крестьянина блазновской общины тверской губерніи, который на вопросъ, не мѣшаютъ ли удобренію передѣлы, отвѣчалъ: „Богъ дастъ соберу хорошій урожай, а тамъ пусть пользуется другой, который не сдюжаетъ удобрить съ мое“.

Въ данномъ вопросѣ необходимо искать истину на срединѣ между этими двумя крайними мнѣніями. Общинные порядки далеко не всегда представляютъ тотъ идеалъ порядка, справедливости и чувства самоотверженія и благотворительности, который желаютъ видѣть въ общинномъ устройствѣ его восторженные защитники; но, съ другой стороны, и черныя картины пессимистовъ или значительно преувеличены, или приписываютъ общинному владѣнію такіе народные недостатки, которые являются послѣдствіемъ неразвитости народа вообще.

Обращаясь къ первымъ, т.-е. къ оптимистамъ, позволительно сомнѣваться, чтобы крестьянская община при передѣлахъ руководилась чувствомъ самоотверженія и благотворительности. Можетъ быть, въ средѣ крестьянъ и встрѣчаются иногда отзвѣы, въ родѣ изреченія блазновскаго крестьянина, но въ общемъ сомнительно, чтобы мужикъ равнодушно смотрѣлъ на переходъ при передѣлѣ хорошо унавоженнаго имъ участка къ другому; при передѣлахъ крестьяне руководятся не чувствомъ благотворительности, а совсѣмъ другими, гораздо болѣе практическими побужденіями, и трудно предположить, чтобы въ окончательномъ результатѣ подобные переходы, еслибы они дѣйствительно часто встрѣчались на практикѣ, имѣли полезные результаты.

Не слѣдуетъ вообще идеализировать мужика. Въ его характерѣ можно находить, какъ и у всѣхъ людей, и хорошія, и худыя качества, а къ этому слѣдуетъ присоединить неразвитость и грубость народа, придающія недостаткамъ крестьянина весьма неприглядный видъ. Вслѣдствіе условій жизни, въ которыхъ поставлены крестьяне, не только у русскаго крестьянина, но и у всякаго другого, — француза, нѣмца, — весьма сильно развивается черта эгоизма; его жизнь такъ тяжела, требуетъ такихъ усилій, что естественно онъ приучается придавать имуществу, которое онъ осуществляетъ съ такимъ трудомъ, преувеличенное значеніе. Доброту можно считать отличительною чертою русскаго народа, и, несмотря на то, крестьянинъ почти всегда готовъ эксплуатировать своего сосѣда; тамъ, гдѣ его интересы сталкиваются съ интересами сосѣда или общества, онъ будетъ стараться всѣми силами проводить свой интересъ, — сдерживающимъ началомъ въ этомъ отношеніи является только интересъ другихъ членовъ общества и самаго общества. Но тотъ же крестьянинъ, который не задумается отобрать при случаѣ землю у своего сосѣда, поѣдетъ съ миромъ возить даромъ гѣсъ для своего погорѣвшаго односельчанина, поможетъ ему рубить избу или пойдетъ на помощь другому при какой-либо спѣшной работѣ, хотя и за угощеніе, но безъ всякаго другого вознагражденія. Такимъ образомъ, мы постоянно наталкиваемся, въ жизни народа, на худыя и хорошія черты, которыя тѣсно переплетены между собою; только слѣдуетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что многія неприглядныя явленія въ этой жизни суть не послѣдствія общиннаго владѣнія, а имѣютъ совершенно другія причины, въ томъ числѣ главнымъ образомъ неразвитость народа и предоставленіе его, болѣе, чѣмъ въ теченіе четверти столѣтія, совершенно самому себѣ, при чемъ худыя качества отдѣльныхъ личностей могли получить преобладающее вліяніе.

Къ сожалѣнiю, ожиданiя, возлагавшiяся составителями крестьянскаго положенiя на благотворное влiянiе въ обществахъ благо-разумнаго и трудолюбиваго большинства на общественныя дѣла, оправдались далеко не въ той степени, какъ бы желательно. Во многихъ обществахъ получали влiянiе не эти члены его, а личности сплошь и рядомъ далеко не безупречной репутацiи, преслѣдовавшiя исключительно свои корыстныя цѣли, которымъ не трудно было составлять на сходкахъ большинство изъ разоренныхъ членовъ и дѣлать сходки своимъ орудiемъ. Еще чаще въ общественныхъ дѣлахъ встрѣчался случай, когда въ отдѣльныхъ обществахъ по тѣмъ или инымъ причинамъ слагалось большинство, состоящее изъ худшихъ элементовъ, плохихъ хозяевъ, мало заинтересованныхъ въ общественномъ дѣлѣ; громадную роль стало играть и вино на сходкахъ.

Все это несомнѣнно; но причину всему этому не слѣдуетъ искать въ общинномъ владѣнiи. Самому неразвитому классу населенiя продолжительное время была предоставлена столь широкая, безконтрольная власть самоуправленiя, какою не пользовался ни одинъ другой классъ общества. На крестьянской судъ не существовало даже права жалобы или апелляцiи. Удивительно ли, что при этомъ во многихъ случаяхъ выработались въ жизни крестьянъ весьма неблагоприятныя привычки.

Но тамъ, гдѣ не ставивались отдѣльные интересы, гдѣ община дѣйствовала въ общемъ дѣлѣ, она, какъ администраторъ, проявляла нерѣдко удивительную мудрость; никакiя полицейскiя мѣры, никакiя регламентацiи, не въ состоянiи дѣйствовать такъ практично и такъ разумно, какъ дѣйствуетъ община, въ тѣхъ случаяхъ, когда она не искушается какимъ-либо личнымъ интересомъ влiятельнаго общинника. Можно сказать потому, что вездѣ, гдѣ община дѣйствовала какъ община, она приносила существенную пользу народно-хозяйственному быту; тамъ же, гдѣ ея дѣйствiя уклонялись въ неблагоприятную сторону, это вызывалось не общиннымъ устройствомъ, а побочными причинами, эгоистическими стремленiями воротилы и т. п. Этимъ объясняется, что народъ, особенно въ великороссiйскихъ губернiяхъ, держится общины, несмотря на всѣ ея грѣхи и недостатки. Онъ инстинктивно сознаетъ ея пользу, и не можетъ себя представить существованiе другого порядка. Свѣденiя, сообщенныя губернаторами, показали, что во всѣхъ великороссiйскихъ губернiяхъ крестьянское населенiе, твердо стоя за общину, видитъ въ ней форму землевладѣнiя, наиболее для него привычную.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія возраженія, приводимыя противъ общиннаго владѣнія, мы теперь можемъ приступить къ обсужденію вопроса: *слѣдуетъ ли сохранять общинную форму землевладѣнія, или слѣдуетъ идти къ постепенному ея упраздненію?*

По размѣрамъ распространенія общиннаго землевладѣнія въ Россіи, этотъ вопросъ имѣетъ крайне важное для будущаго благосостоянія Россіи значеніе.

Общинное землевладѣніе преобладаетъ у насъ въ губерніяхъ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ, а подворно-наслѣдственное—въ Малороссіи, западныхъ губерніяхъ и во многихъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края. Но и въ подворномъ районѣ участковое владѣніе господствуетъ не исключительно; встрѣчаются мѣстами и общинныя владѣнія. Въ Малороссіи на 10.300.000 дес. подворнаго владѣнія считаютъ 18.600.000 дес. общиннаго, такъ что въ сущности нельзя сказать, чтобы даже въ Малороссіи, главномъ центрѣ подворнаго владѣнія, оно было преобладающею формою землевладѣнія.

Такимъ образомъ, смѣло можно утверждать, что болѣе трехъ-четвертей, почти четыре-пятыхъ всей Европейской Россіи находится въ настоящее время подъ началомъ общиннаго землевладѣнія. При такихъ условіяхъ легко понять, какою первостепенную важность имѣетъ разрѣшеніе этого вопроса для благосостоянія Россіи и дальнѣйшаго развитія въ будущемъ крестьянскаго землевладѣнія.

У насъ часто высказывается мнѣніе, что вопроса объ общинномъ землевладѣніи пока не слѣдуетъ касаться, что въ будущемъ сама жизнь уважаетъ тотъ путь, по второму дѣло должно идти.

Съ такимъ возрѣніемъ, однако, согласиться невозможно. Чтобы идти впередъ твердыми шагами, нужно ясно сознать, къ чему идешь. Въ противномъ случаѣ, неизбежна масса ошибокъ, которыя должны вредно отозваться на благосостояніи страны. Каждое мѣропріятіе правительства, которое касается крестьянскаго хозяйства, въ большей или меньшей мѣрѣ всегда будетъ затрогивать вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи, а потому, безъ твердо опредѣленной и ясно поставленной цѣли, въ будущемъ въ этихъ мѣропріятіяхъ всегда будетъ высказываться нѣкоторое шатаніе, нѣкоторое уклоненіе то въ ту, то въ другую сторону, которое не можетъ оставаться безъ невыгодныхъ послѣдствій въ жизни страны.

Предъ нами три пути;—по второму же изъ нихъ слѣдуетъ направляться?

Идеаль будущаго можетъ представляться намъ:

- или въ формѣ сохраненія, развитія и совершенствованія общиннаго владѣнія;
- или въ видѣ постепеннаго его упраздненія, съ переходомъ къ участково-семейной собственности, преимущественно въ формѣ хуторнаго хозяйства;
- или въ видѣ предоставленія всего дѣла случайному ходу, безъ всякаго внимательства администраціи и законодательства—къ чему бы это ни привело въ будущемъ,—признавая, что даже обезземеленіе крестьянъ, если оно состоится подъ естественнымъ напоромъ жизни, не можетъ представить ни вреда, ни опасности.

Каждый изъ этихъ трехъ идеаловъ будущаго имѣетъ своихъ защитниковъ, но слѣдуетъ признать,—въ средѣ значительнаго числа лицъ, раздѣляющихъ убѣжденіе, что общинное землевладѣніе есть только переходная форма пользованія землею,—вторая изъ означенныхъ трехъ идеальныхъ цѣлей будущаго пользуется несомнѣннымъ предпочтеніемъ.

Только небольшое число убѣжденныхъ поклонниковъ англійскаго фермерскаго хозяйства раздѣляетъ мысль о томъ, что слѣдуетъ предоставить ходъ поземельнаго дѣла его собственному произвольному теченію, въ надеждѣ, что и мы придемъ со временемъ къ усовершенствованному капитальному фермерскому хозяйству съ наемными рабочими, въ которыхъ превратятся наши крестьяне послѣ болѣе или менѣе общаго ихъ обезземеленія. Дѣйствительно, разорить общину вовсе не такъ трудно, и это можетъ даже при нѣкоторыхъ условіяхъ совершиться само собою; мы даже готовы допустить, что переходъ земли въ капитальныя руки одновременно съ обезземеленіемъ крестьянъ можетъ временно вызвать быстрый подъемъ благосостоянія страны и сельскохозяйственной культуры. Но этотъ подъемъ будетъ обманчивымъ. За нимъ неизбѣжно послѣдуетъ упадокъ и благосостоянія, и могущества страны. Народъ, желающій существовать вѣками, долженъ думать не только о настоящемъ, но и о будущемъ; культура людей должна идти у него впереди культуры земли.

Исторія показываетъ намъ, что сохраненіе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія служило вездѣ и всегда залогомъ благосостоянія и могущества страны, и что съ исчезновеніемъ крестьянскаго землевладѣнія всякая страна приходила въ упадокъ; исторія показываетъ намъ въ то же время, что крестьянское землевладѣніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ сохраниться,—оно требуетъ законодательной охраны. Непреложность этого послѣдняго положенія, доказанная историческими примѣрами всей

Европы, подтверждается и нашимъ собственнымъ жизненнымъ опытомъ.

Хотя у насъ существованіе мелкой крестьянской собственности представляется еще явленіемъ исключительнымъ,—явленіемъ, которое начало образовываться только въ послѣднее время, но и этого уже было достаточно, чтобы показать на практикѣ, что то, что проявлялось на Западѣ, должно проявиться и у насъ, т.-е. постепенное поглощеніе мелкой собственности большою и сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ, если не будутъ приняты противъ того соотвѣтствующія мѣры.

Во всѣхъ селеніяхъ, отступившихъ отъ мірской разверстки земли,—пишетъ В. Орловъ о московской губерніи,—исподволь развивается значительная неравномѣрность въ размѣрахъ поземельнаго владѣнія отдѣльныхъ дворовъ. У однихъ дворовъ при маломъ составѣ семей земельныя доли настолько велики, что семьи не въ состояніи бываютъ обрабатывать всю землю и часть ея сдаютъ въ аренду; другіе дворы владѣютъ, наоборотъ, столь ничтожными долями, что вести на нихъ правильное земледѣльческое хозяйство бываетъ невозможно, и потому такія доли или *продаются*, или сдаются тоже въ аренду, а владѣльцы ихъ отдаются исключительно стороннимъ промысламъ; наконецъ, нѣкоторые дворы, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, совсѣмъ лишаются земли и становятся такимъ образомъ навсегда безземельными крестьянами.

Еще замѣчательнѣе фактъ изъ нашей же жизни, приводимый княземъ Васильчиковымъ. Въ тѣхъ изъ нѣмецкихъ колоній, въ коихъ былъ принятъ съ самаго начала душевой надѣлъ или русская мірская организація съ передѣлами, всѣ колонисты, по прошествіи цѣлаго столѣтія, остались при землѣ. А напротивъ того, въ тѣхъ, гдѣ было введено подворное владѣніе и единонаслѣдіе, въ настоящее время уже половина колонистовъ остается безъ земли, хотя первоначальный надѣлъ и былъ у всѣхъ равный, и несмотря на то, что большая часть этихъ переселенцевъ была уже переселена вторично на новые добавочные надѣлы (Карелинъ).

То же самое явленіе, еще въ гораздо сильнѣйшей мѣрѣ, стало проявляться въ послѣднее время у нашихъ участковыхъ владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ...

Итакъ, и въковой опытъ западно-европейскихъ странъ, и нашъ собственный опытъ приводятъ къ одному и тому же заключенію. Мелкое крестьянское поземельное владѣніе можетъ быть обезпечено только путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ

ограниченію свободы распоряженія землевладѣльцевъ тою землею, которая находится въ ихъ владѣніи.

Россія имѣетъ предъ собою вѣковую жизнь; она должна думать не только о настоящихъ, но и о будущихъ интересахъ страны, и потому, если сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія, путемъ разныхъ ограничительныхъ мѣръ, и задерживало бы нѣсколько развитіе сельскаго хозяйства въ данную минуту, эту жертву, не колеблясь, слѣдовало бы принести въ интересахъ будущаго страны.

Опытъ европейскихъ странъ, опередившихъ насъ въ своемъ развитіи, долженъ служить намъ указаніемъ. Усиленное развитіе сельскохозяйственной культуры, съ принесеніемъ въ жертву мелкаго землевладѣнія, повело вездѣ къ печальнымъ результатамъ. Эти результаты приводятъ даже нынѣ сосѣднюю намъ Германію къ убѣжденію въ необходимости принятія разныхъ ограничительныхъ мѣръ въ смыслѣ стѣсненія свободы распоряженія частною земельною собственностью. Предоставленное самому себѣ, крестьянское землевладѣніе стало бы у насъ разлагаться даже быстрее, чѣмъ за границей, потому что, лишенный устоя и охраны общины, предоставленный самому себѣ, нашъ крестьянинъ оказался бы еще беззащитнѣе противъ напора капитала, естественно стремящагося завладѣть землею, чѣмъ нѣмецкій, или французскій, или англійскій крестьянинъ, въ характерѣ которыхъ черта индивидуальности выступаетъ гораздо сильнѣе.

По пути сельскохозяйственнаго развитія лучше идти медленнѣе, чѣмъ погубить основы здороваго развитія въ будущемъ.

Выразителемъ второго идеала, т.-е. желательности постепеннаго упраздненія общиннаго владѣнія съ переходомъ къ участково-семейной собственности, преимущественно въ формѣ хуторнаго хозяйства, является между прочими авторъ сочиненія: „Неурожай и народное бѣдствіе“.

„Одного разселенія крестьянъ изъ большихъ поселковъ на отдаленныя надѣльныя земли, по его словамъ, далеко не достаточно для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Необходимо устранить крайнюю ихъ раздробленность. Выходъ изъ этого положенія представляется, повидимому, только одинъ—возможное разселеніе крестьянъ, съ отведеніемъ въ пользованіе каждаго отдѣльнаго двора всей причитающейся ему распахной земли не въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ микроскопическихъ мелкихъ полосъ, но въ *одномъ общемъ округленномъ* участкѣ, по возможности ближе прилежащемъ къ крестьянской усадьбѣ. За симъ, надлежало бы опредѣлить извѣстный *minimum* земельного участка,

соотвѣтственно нормальной потребности средней крестьянской семьи и, конечно, различный въ различныхъ мѣстностяхъ, приуроченный не къ ревизской душѣ, а къ отдѣльному хозяйству, который долженъ бы составлять неотъемлемую принадлежность каждаго двора, и не могъ бы быть отчуждаемъ.

Только при этомъ условіи у крестьянъ могли бы быть развязаны руки въ отношеніи различныхъ, все болѣе и болѣе необходимыхъ земельныхъ улучшеній... Но спрашивается: возможно ли осуществленіе проектируемой мѣры, безъ совершеннаго упраздненія общиннаго землевладѣнія и перехода къ подворному? Переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному есть вопросъ будущаго, но этотъ переходъ рано или поздно неизбѣжно совершится у насъ, точно такъ же, какъ онъ совершился во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ земельная община, въ тѣхъ или другихъ формахъ, существовала нѣкогда. Приуроченіе полей къ огородамъ могло бы служить переходною ступеню и составило бы необходимое улучшеніе. Впредь до времени могли бы оставаться въ общемъ пользованіи отдаленные участки, навсегда луговныя, выгонныя и лѣсныя пространства; при этомъ, гдѣ то окажется возможнымъ, желательно расселеніе крестьянъ на отдѣльные участки надѣльныхъ земель, *хуторами* или даже *отдѣльными усадьбами*, т.-е. подворное пользованіе и неотчуждаемое владѣніе распашиными землями, съ выдѣломъ извѣстнаго числа надѣльныхъ земель изъ подворнаго пользованія для общественныхъ запасекъ, а также временно въ видѣ *запаснаго фонда* ¹⁾ для будущихъ поколѣній. Но и подворное владѣніе только тогда можетъ принести ожидаемые отъ него полезные результаты, когда оно, такъ сказать, развяжетъ руки крестьянамъ въ дѣлѣ земельныхъ улучшеній, приблизитъ крестьянъ къ обрабатываемой ими землѣ и создастъ *обособленные округленные участки* съ *поселками* и *хуторами*, на мѣсто нынѣшнихъ безчисленныхъ едновъ, отрубковъ, смѣнъ и полосъ, которые отдѣлены другъ отъ друга столь же безчисленными, поросшими бурьяномъ, межищами, которые невозбранно вытаптываются скотомъ всего селенія и надъ которыми отдѣльные крестьяне, даже не общинники, а полные собственники, не властны распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Поэтому и при подворномъ владѣніи, возможное объединеніе разбросанныхъ участковъ, округленіе и сосредоточеніе ихъ вокругъ или хотя бы по близости крестьянскихъ дворовъ—состав-

¹⁾ Непонятно, въ какомъ видѣ на практикѣ могутъ осуществиться эти запасные фонды.

ляетъ тотъ идеалъ, къ которому надлежитъ стремиться, какъ къ главному условію сельскохозяйственнаго прогресса въ области крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія⁴.

Итакъ, идеаломъ развитія, къ которому слѣдуетъ стремиться въ будущемъ, представляются, по мнѣнію автора, обособленные, округленные участки съ отдѣльными усадьбами, хуторами, около которыхъ была бы по возможности приурочена и округлена вся принадлежащая каждому хозяйству надѣльная земля. Къ этому идеалу слѣдуетъ стремиться не только въ районѣ подворнаго владѣнія, но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ преобладаетъ общинное владѣніе. При этомъ авторъ задаетъ себѣ вопросъ: возможно ли осуществленіе проектируемой мѣры безъ совершеннаго упраздненія общиннаго землевладѣнія? Но перспектива упраздненія общиннаго землевладѣнія въ будущемъ, по мнѣнію автора, не должна насъ пугать, ибо переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному есть вопросъ будущаго; этотъ переходъ рано или поздно неизбежно совершится у насъ точно такъ же, какъ онъ совершился во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ земельная община въ тѣхъ или другихъ формахъ существовала нѣкогда.

Можно согласиться съ авторомъ, что съ совершенно *отвлеченной* точки зрѣнія подобныя обособленные и округленные участки въ видѣ отдѣльно разбросанныхъ фермъ, мызъ или хуторовъ (при чемъ вся принадлежащая хозяйству земля находилась бы, такъ сказать, подъ руками), представляютъ весьма благопріятное въ отношеніи сельскохозяйственной культуры положеніе, хотя въ социальномъ отношеніи, какъ на это было обращено вниманіе въ Германіи, изолированная жизнь народа, въ отдѣльныхъ хуторахъ или мызахъ, имѣетъ и нѣкоторыя невыгодныя стороны, порождая одичаніе и огрубѣніе въ характерѣ населенія, между тѣмъ какъ общественная жизнь въ деревнѣ способствуетъ нѣкоторой мѣрѣ умственнаго развитія людей.

Но въ *дѣйствительности* расселеніе великороссійской деревни на отдѣльные хуторные поселки было бы до такой степени противно всѣмъ обычаямъ народа, что оно просто невысказуемо. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ въ литературѣ не приведено ни одного случая такого перехода великороссійскихъ крестьянъ къ хуторному образу жизни. Даже дѣйствительные переходы къ подворному владѣнію, т.-е. съ приуроченіемъ и разграниченіемъ участковъ, составляютъ рѣдкое исключеніе; они случаются почти только въ пригородныхъ селахъ, гдѣ земля очень дорога. Большею частью подобныя переходы имѣютъ совершенно фиветивный характеръ и совершаются только въ видахъ уничто-

женія круговой поруки или въ видахъ обезпеченія за семействомъ извѣстнаго *надѣла*, но не опредѣленнаго отграниченнаго участка земли. Переходы къ подворному владѣнію часто приводятъ только къ промежуточной—между общинной и собственной—формѣ землевладѣнія не имѣющей главнаго качества частнаго владѣнія и обладающей всѣми недостатками того и другого;—является типъ, близко подходящій къ четвертному владѣнію, крестьяне продолжаютъ владѣть чрезполосно, устраиваютъ общія переверстки для уравниенія земли или для устраненія чрезполосности.

До какой степени крестьяне свыклись съ понятіемъ общиннаго владѣнія и сколь вообще мало имъ доступна мысль о чистой частной собственности—видно изъ того, что многіе приговоры о переходѣ отъ общиннаго къ подворному владѣнію включаютъ постановленіе: „въ случаѣ кто изъ насъ окажется нерадивымъ къ платежу, то отъ того участоку его земли отобрать и передать другому“. Сообразно съ этимъ и послѣ перехода къ подворному владѣнію они продолжаютъ практиковать свалку и навалку тяголь.

Но еще замѣчательнѣе то, что и въ районѣ давнишняго подворнаго владѣнія эта форма владѣнія часто включаетъ разные общинные порядки, какъ, напр., передѣлы, зависимость отъ общаго сѣвооборота, власть міра-громады на распредѣленіе земли. Въ черниговской и полтавской губерніяхъ лица, владѣющія участками менѣе 50 десятинъ, обязательно получили надѣлы (по объясненію автора соч. „Неурожай“) въ общихъ смѣнахъ (глиняхъ) и должны подчиняться принятому въ данной мѣстности сѣвообороту. Владѣнія крестьянскихъ обществъ въ большинствѣ представляютъ отдѣльные, такъ называемые отрубные участки, но внутри ихъ земля также разбивается обязательно на три поля, при чемъ поле, находящееся подъ паромъ, служитъ пастбищемъ для скота всѣхъ участковъ. Каждый владѣлецъ, земля котораго находится въ общихъ смѣнахъ, имѣетъ по участку въ каждой смѣнѣ.

Въ кievской губерніи, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ подворное владѣніе, въ отдѣльныхъ селеніяхъ тоже замѣчается стремленіе къ введенію нѣкоторыхъ общинныхъ порядковъ землевладѣнія, напр. передѣла земель. Хотя размѣръ подворнаго участка, принадлежащаго каждому домохозяину, и опредѣленъ въ подворныхъ спискахъ, но границы этихъ участковъ не обозначены, такъ какъ полевая земля расположена обыкновенно въ трехъ или четырехъ смѣнахъ. Видѣлъ подворнаго участка

изъ трехъ или четырехъ полей въ одному мѣсту признается невыгоднымъ, потому что при этомъ домохозяинъ лишился бы права пастбища на паровыхъ поляхъ своихъ односельчанъ; каждому пришлось бы, кромѣ того, обзавестись отдѣльнымъ пастухомъ и испытать тому подобныя неудобства. Другимъ доказательствомъ того, до какой степени общинное устройство вошло въ плоть и кровь русскаго человѣка, служить еще и тотъ фактъ, что „власть міра (по словамъ автора соч. „Неурожай“) или громады надъ отдѣльными членами сельской общины здѣсь (въ мѣстностяхъ съ подворными владѣніями) почти такъ же велика, какъ и при общинныхъ порядкахъ. Случаи отобранія земли у ихъ владѣльцевъ, насильственного обмѣна одного участка на другой, и подчиненіе хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго лица рѣшенію большинства на сходѣ случаются весьма часто“. Такимъ образомъ, даже въ районѣ подворнаго владѣнія, типъ частной собственности не сохраняется въ своей чистотѣ, а подходит весьма близко къ общинному владѣнію. Отобраніе земли, насильственная обмѣна участковъ — что же это такое какъ не общинный порядокъ; затѣмъ, та же зависимость отъ общаго сѣвооборота, то же вліяніе громады, т.-е. міра. Но еще замѣчательнѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на югѣ даже иностранные колонисты, поселившіеся въ Россіи и получившіе личные надѣлы, переняли у русскихъ крестьянъ порядки общиннаго владѣнія.

Если общинные порядки проявляются даже въ районѣ подворнаго владѣнія, то можно ли сомнѣваться въ ихъ самобытной силѣ въ районѣ великороссійскаго общиннаго владѣнія; мыслимо ли, чтобы великороссійскіе крестьяне - общинники согласились когда-либо переселиться изъ деревни на обособленные участки, отдѣльные хутора, чтобы они отказались отъ общественной деревенской жизни.

Несомнѣнно, и въ западныхъ государствахъ крестьяне жили общинниками, и, несмотря на разныя практическія трудности, постепенно расселялись въ отдѣльные хутора, хотя и это произошло не вездѣ, но нельзя терять изъ виду нѣкоторыя особенности русскаго характера. Между тѣмъ какъ на Западѣ всегда преобладалъ индивидуализмъ, у насъ въ народѣ проявляется несомнѣнно стремленіе къ общественной, къ ассоціаціи; это замѣтно не только въ сельской, но и въ промышленной области: наши промышленныя артели суть прямое проявленіе этого стремленія. Переходъ отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности совершился на Западѣ повсюду; но едва ли тамъ были случаи обратнаго перехода — отъ частной собственности къ общинному вла-

дѣнію ¹⁾; между тѣмъ у насъ такіе переходы совершенно не составляютъ исключительнаго явленія, и это доказываетъ, въ какой мѣрѣ мы болѣе склонны къ общинному владѣнію, чѣмъ другіе европейскіе народы.

Въ востромской губерніи нерѣдко случаются переходы къ общинному землевладѣнію владѣльцевъ вполнѣ самостоятельныхъ и спеціально размежеванныхъ участковъ. Наши однодворцы, обращенные въ крестьянъ изъ мелкихъ дворянъ Петромъ Великимъ, сохранили за собою собственность земли; и сдѣлавшись потомъ государственными крестьянами, они перешли къ общинному владѣнію, соединивъ свои участки.

Но еслибъ не существовало даже этого препятствія, вытекающаго изъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, къ превращенію общинныхъ деревень въ отдѣльные кустарные поселки представились бы на практикѣ совершенно непреодолимые трудности. Слѣдуетъ только представить себѣ, что такое значить преобразовать общинную деревню въ хуторные участки, съ тѣмъ, чтобы каждый хозяинъ имѣлъ около себя въ одной округѣ и пахоту, и выгонъ, и покосъ. Даже при существованіи общины жалуются на дробленіе участковъ, на измелчаніе полосъ, на чрезполосность; но всѣ эти затрудненія и неудобства увеличатся въ тысячу кратъ, когда общинныя деревни станутъ переходить къ хуторному порядку. Были случаи, что крестьяне дѣлали постановленія о переходѣ къ подворному владѣнію; но когда дѣло доходило до дѣлажа, то никакъ не могли добиться безобиднаго для всѣхъ распредѣленія земли. Переходъ отъ общиннаго владѣнія къ хуторному породилъ бы еще болѣе ужасающую чрезполосность, какъ это доказываетъ примѣръ подворнаго владѣнія.

Г. Карелинъ приводитъ данныя о томъ, что въ сѣверо-западномъ краѣ крестьянскій надѣлъ cadaго поселенія, не связанный общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую чрезполосность, которая со временемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшение въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ. Въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ господствуетъ почти исключительно подворно-наслѣдственная форма владѣнія землею, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго; возникли крайняя чрезполосица и многополосица. Близкое по своей сущности къ подворному — четвертное владѣніе, породило въ тимскомъ уѣздѣ, въ курской губерніи, страшную чрезполосицу. О

¹⁾ Только въ самое послѣднее время стали проявляться въ Германіи, какъ мы видели, нѣкоторыя стремленія къ подчиненію свободы распоряженія частною собственностью въ деревнѣ общественному контролю.

четвертномъ владѣніи въ Предтечевской волости, елецкаго уѣзда, орловской губ., сообщаютъ, что расположеніе угодій является рѣзко различнымъ для общинныхъ и четвертныхъ земель: послѣднія вездѣ (кромя одной деревни) находятся въ страшной чрезполосицѣ; первый, напротивъ того, преимущественно въ одномъ, рѣдко въ двухъ особнякахъ для каждаго общества. Особенно рѣзко это различіе проявляется въ тѣхъ обществахъ, гдѣ часть земли находится въ общинномъ, а часть въ четвертномъ владѣніи. Главная цѣль и главная трудность въ общинныхъ владѣніяхъ заключается въ приуроченіи земли къ одному мѣсту, для уничтоженія чрезполосности; но насколько эта трудность должна еще увеличиться при окончательномъ раздѣлѣ и при намѣреніи округлить владѣніе каждаго хозяина около того мѣста, куда онъ перенесетъ свой хуторъ, когда эта разверстка будетъ окончательною, которую уже нельзя впослѣдствіи исправить, какъ это допускаетъ общинное владѣніе!..

Но и это еще не все;—остается еще отмежевать каждый участокъ, снабдить хозяина законными на то документами, и т. п.

Общинная деревня имѣетъ характеръ большого собственника; она окружена одною границей, съ сосѣдями размежевана, а внутри распределяетъ землю по своему усмотрѣнію, такъ что споры о границахъ землевладѣнія почти не бываетъ. Но что же будетъ, когда каждый такой коллективный собственникъ распадется на десятки и сотни мелкихъ участковъ? — это будетъ такая путаница, изъ которой трудно будетъ когда-либо выбраться. Авторъ сочиненія „Неурожай“ замѣчаетъ, что наше законодательство ставитъ иногда искусственныя преграды приуроченію крестьянской земли къ одному мѣсту и образованію хуторовъ. По свѣденіямъ моск. общ. сел. хоз. видно, что въ полтавской губерніи весьма часто попытки крестьянъ, подворныхъ владѣльцевъ, поселиться на своихъ земляхъ хуторами и даже отгородить свои участки для предохраненія ихъ отъ погравъ не могли быть осуществлены, какъ противорѣчація правиламъ размежеванія въ этихъ губерніяхъ, на основаніи которыхъ лица, владѣющія участками менѣе 50 дес., получили, какъ мы видѣли, свои участки въ общихъ влиньяхъ. Вотъ почему попытки отдѣльныхъ крестьянъ измѣнить принятый въ мѣстности сѣвооборотъ, оградить свой участокъ и выстроиться въ немъ отдѣльными хуторами—по жалобѣ сосѣдей, восходили до суда; и судъ признавалъ ихъ противными положенію о размежеваніи, и присуждалъ крестьянъ къ сносу построекъ и уничтоженію изгородь.

Какъ ни прискорбны подобныя явленія, но она все же слу-

жать доказательствомъ тѣхъ трудностей, которыя встрѣчаетъ на практикѣ выдѣленіе крестьянъ, на надѣльныхъ земляхъ, въ изолированные хутора.

Остальные крестьяне протестовали противъ выдѣла отдѣльныхъ хозяевъ, очевидно, потому, что ихъ интересы значительно нарушались этимъ; они лишались выгона.

Если такія дѣла уже доходили до суда, то тутъ несомнѣнно былъ вопросъ не рутины, а жизненнаго первостепеннаго интереса. Не въ томъ дѣло, чтобы отдѣльныя личности выселялись изъ деревни въ хутора на надѣльной землѣ съ ущербомъ для остальныхъ односельчанъ, а чтобы вся деревня расселилась по хуторамъ. Только тогда вопросъ будетъ окончательно разрѣшенъ, но приуроченіе каждаго хозяина къ отдѣльному мѣсту встрѣчаетъ почти неодолимые препятствія.

Съ другой стороны, постановленіе межевого закона, по которому отдѣльные хозяева, владѣющіе участками менѣе 50 дес., получали свои надѣлы въ общихъ клѣвняхъ, съ общими планами, несомнѣнно обусловлено трудностью обмежеванія каждаго мелкаго участка пространствомъ менѣе 50 дес. въ отдѣльности; оттого и пришлось сгруппировать ихъ въ 50-ные десятинные участки.

Всѣ эти трудности, и разграниченія, и обмежеванія, препятствующія даже въ подворномъ районѣ распространенію хуторнаго хозяйства, въ районѣ общиннаго владѣнія получили бы совершенно неодолимое значеніе.

Но если невозможно преобразовать общину въ хуторное хозяйство, то почему же не перейти просто къ подворно-наслѣдственному семейному владѣнію, т.-е. къ упраздненію общиннаго владѣнія безъ расселенія землевладѣльцевъ въ хутора и безъ немедленнаго приуроченія участковъ, съ ограниченіемъ только права отчужденія и залога земли. Но какую бы это представило выгоду?

Мы видѣли, что при подворномъ владѣніи еще въ большей мѣрѣ преобладаетъ дробленіе участковъ. Дѣло доходитъ до того, что часто подворные владѣльцы (чтобы найти какой-либо исходъ изъ совершенно невозможнаго въ культурномъ отношеніи положенія) рѣшаются переходить къ общинному владѣнію. Неоптѣненное по своимъ результатамъ свойство общиннаго владѣнія заключается именно въ томъ, что при отсутствіи у насъ опредѣленности границъ поземельнаго владѣнія, порождающемъ недостаточную твердость даже самаго права собственности, общинное владѣніе является однимъ изъ важнѣйшихъ условій ликвидаціи этой неопредѣленности въ будущемъ.

Первая и самая существенная задача улучшения нашего землевладѣнія заключается въ приуроченіи участковъ, въ уничтоженіи чрезполосности. Но этого-то результата гораздо легче достигнуть, какъ мы видѣли, при общинномъ, чѣмъ при участковомъ владѣніи. Чтѣ же другое, какъ не это обстоятельство, побуждаетъ крестьянъ, находящихся на положеніи подворнаго владѣнія, переходить къ общинному владѣнію?

При подворномъ владѣніи участки земли остаются неотъемлемо въ пользованіи одной и той же семьи; они имѣютъ характеръ семейныхъ участковъ. Но развѣ при общинномъ владѣніи, тамъ, гдѣ передѣлы очень рѣдки, не достигается то же самое? Развѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, напр., гдѣ не было передѣловъ со времени освобожденія крестьянъ, отдѣльные участки не превратились фактически въ семейные участки?

Мы нигдѣ не говорили противъ семейныхъ участковъ. Образование ихъ въ высшей степени желательно, но только ихъ не слѣдуетъ вводить насильственно, путемъ ломки общиннаго владѣнія, а выжидать, пока они сами фактически образуются въ средѣ общиннаго владѣнія и съ сохраненіемъ этого начала. Потребность имѣть свой опредѣленный участокъ, не мѣняя его постоянно на сосѣдніе участки, такъ естественна, что, по мѣрѣ улучшения сельскаго хозяйства, крестьяне-общинники сами къ тому приходятъ, постепенно удлиняя все болѣе и болѣе промежутки между передѣлами и даже отказываясь отъ передѣловъ. Они довольствуются для уравниенія земли свалкою и навалкою тяголъ, а передѣлы превращаются какъ бы въ отвѣченное право общины, т.-е. такое право, которое хотя болѣею частію и не осуществляется на дѣлѣ, но къ которому можно всегда прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ.

Объ образованіи семейныхъ участковъ заботится само общество.

Превращать общинную землю въ семейно-подворные участки, не приуроченные и чрезполосные, съ тѣмъ, чтобы впоследствии постепенно приурочивать ихъ, уничтожать чрезполосность и устанавливать надъ ними контроль общества, на подобіе Германіи, значило бы идти искусственнымъ путемъ, путемъ ломки народнаго быта, къ тому, чтѣ можетъ быть достигнуто гораздо проще и съ большимъ удобствомъ естественнымъ путемъ, развивая и усовершенствуя то начало общиннаго владѣнія, которое у насъ существовало искони, и которое до того вошло въ плоть и кровь народа, что даже подворные владѣльцы, четвертные собственники и

колонисты, поселенные въ Россіи, себѣ его присвоиваютъ въ болѣе или меньшей мѣрѣ.

Если имѣть въ виду *идеалъ* семейнаго подворнаго владѣнія, т.-е. не то, какъ оно нынѣ существуетъ, съ его дробленіемъ участковъ и чрезполосностью, а подворное владѣніе улучшенное, съ приуроченіемъ отдѣльныхъ участковъ по возможности къ одному мѣсту безъ чрезполосности и т. п., то съ нимъ слѣдуетъ сравнивать общинное владѣніе не въ своихъ самыхъ элементарныхъ проявленіяхъ, но такъ же усовершенствованное. По мѣрѣ же усовершенствованія того и другого, разстояніе между ними все болѣе и болѣе сокращается; такъ что и то и другое въ окончательномъ результатѣ приходитъ почти къ одному и тому же.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы мечтать о хуторномъ хозяйствѣ или искусственно вести дѣло къ превращенію общиннаго въ подворное владѣніе, надо признать неизбежность существующаго факта и идти отъ него.

Задача законодателя заключается въ томъ, чтобы вѣрно оцѣнить данныя условія жизни и сообразить, какъ, считаясь съ этими условіями, вести дѣло. Это единственный практическій и разумный путь, и потому слѣдуетъ ставить окончательною цѣлью не упраздненіе общиннаго владѣнія постепеннымъ преобразованіемъ его въ какую-либо другую *юридическую* форму землевладѣнія, а сохраненіе нашей обычной формы землевладѣнія, съ сосредоточеніемъ вниманія на *экономической* сторонѣ, т.-е. на заботѣ о приѣмленіи къ жизни наилучшей культуры.

Отстаивая необходимость сохраненія у насъ общиннаго владѣнія, мы, однако, полагаемъ, что не слѣдовало бы препятствовать выходу изъ общиннаго владѣнія какъ отдѣльныхъ общинниковъ, такъ и цѣлыхъ общинъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда къ тому явится потребность; но только подъ условіемъ, чтобы такой выходъ былъ дѣйствительный, а не мнимый, т.-е. чтобы участокъ лица, выходящаго изъ общины (или каждаго общинника — въ случаѣ перехода всей общины къ участковому владѣнію), былъ выдѣляемъ предварительно въ натурѣ, съ отмежеваніемъ его въ сторонѣ отъ другихъ общинныхъ земель.

Можно быть увѣреннымъ, что при этомъ условіи переходы общинниковъ къ частному владѣнію общинною землею будутъ явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ и не нанесутъ никакого вреда общинному владѣнію въ Россіи. А въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда *подобный* переходъ будетъ дѣйствительно совершаться, его надо будетъ признавать выраженіемъ дѣйствительной мѣстной потребности и никоимъ образомъ ему не препятствовать.

Точно такъ же, какъ не слѣдуетъ препятствовать *дѣйствительному* выходу въ общины желающимъ, не слѣдуетъ воспрепятствовать и частнымъ владѣльцамъ, четвертнымъ, подворнымъ и другимъ, которые бы пожелали ввести у себя общинное владѣніе, осуществлять это желаніе. Однимъ словомъ, сохраняя и ограждая типъ общиннаго владѣнія отъ разрушенія недѣйствительными выходами изъ онаго, отчужденіемъ невѣдѣнной крестьянской земли и т. п., слѣдовало бы во всемъ остальномъ предоставить полный просторъ движенію жизни.

Намъ остается еще рассмотреть вопросъ: въ какомъ видѣ мы можемъ представить себѣ постепенное усовершенствованіе экономическихъ условій общинной жизни?

Возражая противъ разныхъ искусственныхъ въ этомъ отношеніи проектовъ, которые возникаютъ въ разное время въ нашей литературѣ, г. Карелинъ замѣчаетъ, въ главѣ: „проектируемый типъ общиннаго владѣнія“, что задача современной *экономической политики* должна быть сведена къ реорганизаціи общины въ высшую форму землевладѣнія и землепользованія, т.-е. форму *общинно-артельную*; всѣ другія формы имѣютъ болѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ современное общинное землевладѣніе...

Трудно понять, что авторъ имѣетъ въ виду подъ названіемъ *общинно-артельной* формы. Намъ кажется, что тутъ представляется нѣкоторое смѣшеніе понятій. Землевладѣльческая община и артель суть два понятія далеко не однозначія, такъ что ихъ довольно трудно сочетать вмѣстѣ. Артельное начало заключается въ соединеніи *индивидуальныхъ силъ и средствъ* для общей цѣли, для общей работы, съ распределеніемъ дохода отъ этой общей работы, по известной опредѣленной схемѣ, между отдѣльными членами артели. Общинно-землевладѣльческое начало заключается, напротивъ того, въ распределеніи принадлежащаго *всей общинѣ* земельного имущества между отдѣльными ея членами для самостоятельной эксплуатаціи этихъ надѣловъ отдѣльными членами общины. Артельное начало можно видѣть только въ общинныхъ запашкахъ. Но едва ли превращеніе всей земли каждой деревни въ общинныя запашки, съ соотвѣственнымъ распределеніемъ урожая въ послѣдствіи между отдѣльными хозяевами, можетъ быть тѣмъ идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться.

Такой порядокъ уничтожилъ бы всякую самостоятельность и всякое стараніе къ труду въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ частые передѣлы. Какъ мы видѣли, ходъ дѣла долженъ идти въ совер-

шенно противоположномъ направленіи, а именно: къ все большему и большему осуществленію начала семейныхъ участковъ.

Вообще *экономическая политика* въ данномъ случаѣ должна имѣть въ виду не *реорганизацию*, а *усовершенствованіе* общины. Нечего придумывать что-либо новое, что-либо несуществующее; напротивъ того, слѣдуетъ прислушиваться чутко ко всему, что создаетъ жизнь, что, такъ сказать, придумываетъ народная практическая мудрость; слѣдуетъ въ этомъ направленіи искать путь къ усовершенствованію. Уже нынѣ въ народной сельско-хозяйственной экономіи можно подмѣтить рядъ мѣръ, ведущихъ къ улучшенію общиннаго хозяйства; слѣдуетъ только внимательно изучать эти мѣры и содѣйствовать ихъ примѣненію въ болѣе обширномъ кругу. Слѣдя за тѣмъ, что общественная жизнь осуществила въ разныхъ мѣстностяхъ, можно уже теперь составить довольно богатую программу усовершенствованій, не придумывая ничего новаго, искусственнаго. Каждый отдѣльный фактъ, какъ бы онъ ни былъ изолированъ, проявляетъ известное частное усовершенствованіе, которое совмѣстимо съ общиннымъ владѣніемъ.

Эту программу мы приблизительно могли бы себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ.

Постепенное продленіе сроковъ между передѣлами, такъ чтобы окончательно начало передѣла сохранилось только въ видѣ принципиальнаго права общины, которое примѣнялось бы на практикѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ *ultima ratio*, когда, напр., иначе нельзя выйти изъ образующейся чрезполосности, подобно тому, какъ и помѣщики приступали, во время размежеванія, къ обмѣну земель между собою.

Наслѣдственная передача участковъ отъ отца къ дѣтямъ или отъ родственника къ родственнику, при чемъ они все болѣе и болѣе должны получать характеръ семейныхъ участковъ; переходъ участка въ постороннія руки (свалка и навалка тяголъ) только въ тѣхъ случаяхъ, когда семейство вымираетъ или неспособно поднять всю землю, или не можетъ платить податей. За отчужденный участокъ прежнему владѣльцу могло бы быть назначено общиною нѣкоторое вознагражденіе, соотвѣтственно возвышенію культурной стоимости участка, вслѣдствіе сдѣланныхъ на немъ улучшеній.

Въ видѣ переходной мѣры, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще происходятъ болѣе или менѣе періодическіе передѣлы, примѣненіе тѣхъ различныхъ способовъ, которые уже теперь практикуются въ нѣкоторыхъ общинахъ для поощренія хозяйства, напр. оставленіе унавоженныхъ или вообще культурно-улучшенныхъ

участковъ внѣ передѣла, выдача денежнаго вознагражденія за отходъ улучшеннаго участка и т. п.

Постепенное уничтоженіе, въ границахъ возможнаго, чрезполосности приуроченіемъ участковъ къ одному мѣсту, къ чему уже представляются въ разныхъ мѣстностяхъ различные практическіе приемы, напр. надѣлъ въ большемъ количествѣ землею низшаго качества и т. п.

Возможное сокращеніе семейныхъ раздѣловъ путемъ противодействія крайнему измелчанію участковъ.

Повсемѣстное уравниженіе податной тяготы съ дѣйствительною доходностью земли.

Преобразование круговой поруки въ томъ смыслѣ, какъ будетъ дальше указано.

Улучшеніе крестьянскаго самоуправленія и введеніе контроля надъ нимъ, съ тѣмъ, чтобы, не стѣсняя народную жизнь, противодействовать нѣкоторымъ уродливымъ проявленіямъ эгоизма и личнаго произвола, міроѣдства и т. п.; наконецъ, постепенное опредѣленіе въ законѣ юридическихъ правъ отдѣльныхъ членовъ общины ¹⁾.

Культурное улучшеніе хозяйства...

Уже одного этого краткаго перечня было бы достаточно на многіе и многіе годы совмѣстнаго труда и правительства, и земства, и самихъ общинниковъ.

Роль правительства должна заключаться главнымъ образомъ въ законодательной дѣятельности, направленной къ сохраненію *типа общины*, къ устраненію всѣхъ разрушающихъ общину проявленій, къ улучшенію податной системы, къ регулированію мѣстнаго управленія и т. п.; но во всемъ этомъ слѣдуетъ идти съ крайнею осторожностью, дѣйствовать только послѣ основательнаго извученія мѣстныхъ условий, съ принятіемъ во вниманіе мѣстныхъ, бытовыхъ и культурныхъ особенностей, и болѣе всего онасаться и избѣгать всякой излишней регламентаціи.

Другая сторона дѣятельности правительства должна заключаться въ воспособленіи земству въ его трудахъ, направленныхъ къ культурному улучшенію крестьянскаго хозяйства. Въ этой широкой области самой полезной дѣятельности на благо всего народа, *первая и главная роль должна принадлежать земству*, а въ средѣ земства мѣстнымъ его учрежденіямъ, т.-е. его уѣзднымъ органамъ.

¹⁾ Не входя здѣсь, гдѣ мы рассматриваемъ экономическую сторону дѣла, въ развѣтленіе этого послѣдняго вопроса, мы считаемъ нужнымъ указать нашимъ читателямъ на замѣчательную статью по этому предмету кн. А. Оболенскаго: „Основныя принципы крестьянскаго востроенія“ („Русск. Вѣстн.“, 1894).

Стараніе привлечь къ участию мѣстныхъ силы по отношенію къ сельскохозяйственнымъ мѣропріятіямъ тѣмъ болѣе необходимо, что въ каждомъ уѣздѣ и даже въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ одного уѣзда условія сельскохозяйственной жизни настолько разнообразны, что диктовать какія-либо общія мѣры изъ центра губерніи не представляется возможнымъ. Въ каждой отдѣльной мѣстности должны быть выработаны особенныя мѣры, вполне отвѣчающія мѣстнымъ условіямъ, а это, очевидно, можетъ быть исполнено съ успѣхомъ только мѣстными органами, которые постоянно находятся въ ближайшемъ прикосновеніи съ сельскохозяйственной жизнью отдѣльныхъ уѣздовъ, и которые одни только могутъ успѣшно направлять частности этой жизни, руководствуясь притомъ общими цѣлями, поставляемыми губернскими органами земства, которые въ случаѣ надобности должны имъ приходить на помощь своими матеріальными средствами мѣстному земству.

Въ томъ же направленіи должно дѣйствовать и правительство, помогая земству, поддерживая его въ необходимыхъ случаяхъ своими средствами, но предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣлѣ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній какъ инициативу, такъ и главную дѣятельность самому земству.

Главное условіе успѣха въ этомъ важномъ дѣлѣ усовершенствованія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства всегда будетъ заключаться въ томъ, чтобы не обобщать и не разбрасываться. Никогда не слѣдуетъ предлагать нашимъ крестьянамъ общихъ усовершенствованныхъ системъ культуры, не слѣдуетъ также предлагать имъ одновременно цѣлаго ряда мѣръ; однимъ словомъ, не слѣдуетъ разбрасываться, какъ выше сказано. Опредѣливъ для данной мѣстности наиболѣе необходимое въ данное время, слѣдуетъ сосредоточить на этомъ все вниманіе и не идти далѣе, пока въ этомъ пунктѣ не будетъ достигнуто полного результата. Въ одной мѣстности придется сосредоточиться на травосѣяніи, въ другой—пока еще только на введеніи унавоживанія полей, въ третьей—еще на какомъ-либо другомъ мѣропріятіи; но для этого необходимо предварительно изучить, чтѣ въ данной мѣстности и въ данное время составляетъ, такъ сказать, „злобу дня“ и самую насущную потребность. А на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ можетъ дать только каждое мѣстное земство. Авторъ „Прогрессивныхъ теченій въ кр. хоз.“ представляетъ чрезвычайно яркую картину того совершенно обратнаго въ этомъ отношеніи хода, по которому и правительство, и наука, и сельскохозяйственныя общества, двигались до послѣдняго времени. Изучали новѣйшія агрономическія теоріи, учреждали опытыя фермы, раз-

суждали о культурѣ вообще, но *того, что требуетъ крестьянское хозяйство въ каждой отдельной мѣстности, не давали себѣ труда изучать*, и потому часто нельзя было найти отвѣта на самыя простыя практическія вопросы, возникавшіе изъ этой среды. Такъ г. В. В. приводитъ для примѣра, что когда екатеринбургское и вятское земства, ассигновавъ въ 1881 году значительную сумму на распространеніе среди крестьянскаго хозяйства улучшенныхъ орудій, обратились въ И. В. Э. Общество съ просьбой указать имъ образцы, наиболѣе пригодныя для крестьянскаго хозяйства, то получили въ отвѣтъ откровенное признаніе полного незнакомства общества какъ съ мѣстными условіями края, такъ и съ подходящими для того орудіями, и совѣтъ—путемъ выставокъ и конкурса самимъ познакомиться съ существующими образцами и выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящій. Какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ, свидѣтельствовали о совершенномъ незнакомствѣ съ мѣстными условіями сельскохозяйственной жизни.

У насъ всѣ жалуются на печальное положеніе крестьянскаго хозяйства, на некультурность крестьянъ, на слѣпую приверженность ихъ къ рутинѣ, но много ли у насъ найдется лицъ, которыя бы серьезно старались помочь дѣлу. Благотворная дѣятельность на этомъ поприщѣ московскаго земства и немногихъ другихъ земскихъ дѣятелей, къ сожалѣнію, представляетъ до сихъ поръ довольно рѣдкое исключеніе. Предполагать, чтобы у крестьянъ, несмотря на ихъ приверженность къ заведенной рутинѣ, не проявлялось стремленія къ выходу изъ неудовлетворительныхъ условій существующей культуры, совершенно несправедливо. Вышеприведенные примѣры развитія правильнаго травосѣянія у крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, т.-е. реформы, требовавшей совершенной ломки принятой у нихъ до того времени системы хозяйства и сѣвооборота, лучше всего доказываетъ ихъ способность прогрессировать, разъ они убѣдились въ несомнѣнной пользѣ извѣстной прогрессивной силы. Книга г. В. В.: „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“, изобилуетъ данными, могущими служить подтвержденіемъ вышеприведеннаго мнѣнія. Такъ, напр., въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи крестьяне построили до 1.000 плотинъ для орошенія и водооя. Въ ярославской губерніи огородничество, садоводство, разведеніе лекарственныхъ травъ всецѣло находятся въ рукахъ крестьянъ и доведены ими до сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Но замѣчательнѣе всего—развитіе, которое получило въ послѣднее время среди крестьянъ какъ употребленіе, такъ и постройка сельскохозяйственныхъ машинъ. Одинъ рязанскій округъ

ежегодно пускаетъ въ продажу тысячи экземпляровъ рязанской молотилки. Кустарное производство молотиловъ распространилось на рязанскую, тульскую и владимірскую губерніи, а затѣмъ и на многія другія вплоть до вятской, пермской и даже уфимской. Обыкновенно, построивъ машину зимой или купивъ ее въ долгъ у сосѣда, крестьянинъ отправляется лѣтомъ съ нею на сторону молотить по найму хлѣбъ владѣльцевъ и крестьянъ, знакомить такимъ образомъ хозяевъ съ новой машиной, продаетъ ее и возвращается домой съ тѣмъ, чтобы на будущій годъ возобновить ту же исторію. Ознакомившись съ новымъ орудіемъ, признавъ его удобства и услышавъ о мѣстѣ производства, хозяева сами уже стараются выписать машину, слава о которой такимъ образомъ распространяется дальше и дальше.

Все вышеизложенное доказываетъ доступность русскаго крестьянина разнымъ улучшениямъ въ хозяйствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить явнымъ указаніемъ тому, что общинное владѣніе не является препятствіемъ прогрессу культуры.

Въ своей брошюрѣ: „Освобожденіе крестьянъ“, Н. П. Семеновъ говоритъ, что „природный здравый смыслъ русскаго чело-вѣка создалъ общину. Она ограждала его самостоятельность въ тяжелыя времена крѣпостной зависимости; хотя и расшатанная вліаніемъ реформы, община донинѣ еще держится, какъ основа русскаго народнаго быта. Ломать этотъ бытъ съ его крѣпкимъ семейнымъ началомъ есть то же самое, что разорять гнѣздо, которое свивала жизнь для своего существованія и продолженія. Такое разореніе оставляетъ народъ беззащитнымъ на перепутьѣ, на которомъ гнѣздо уже не можетъ опять скоро и удобно построиться. Это разореніе есть подрывъ государственныхъ народныхъ силъ“.

Мы видѣли, что развитіе культуры вовсе не требуетъ этого „разоренія“; общинное владѣніе можетъ уживаться съ постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ хозяйственныхъ приемовъ. Все зависитъ отъ того, какъ приняться за дѣло. Можно утверждать безошибочно, что вездѣ, гдѣ только найдутся земскіе дѣятели, которые рѣшатся идти по слѣдамъ московскаго земства въ дѣлѣ усовершенствованія крестьянскаго сельскаго хозяйства, — тамъ рано или поздно успѣхъ увѣнчаетъ дѣло.

Намъ остается еще сказать объ отношеніи современнаго законодательства въ крестьянскому землевладѣнію.

О. Тернеръ.

ХОДОКЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРѢХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I *).

Снова потянулось передъ Таманцевымъ широкое полотно Невскаго, съ бурой кашей, вмѣсто снѣга, все съ тѣмъ же мельканьемъ штукатурныхъ, точно отмоклыхъ домовъ — сѣрыхъ, красновато-грязныхъ, желтыхъ, полу-бѣлыхъ.

Въ воздухѣ моросило что-то въ родѣ изморози. Шелъ первый день масленицы. Утромъ — въ часъ прихода скорого московскаго поѣзда — ѣзда была обычная, и чухны кое-гдѣ только показывались въ боковыхъ улицахъ съ своими лошаденками и пошевнями.

Онъ глядѣлъ вправо и влево, сидя въ саняхъ. Лаврентія онъ отправилъ съ вещами отдѣльно и приказалъ извозчику везти его на главный телеграфъ, черезъ весь Невскій.

Тамъ, на этомъ главномъ телеграфѣ, ждетъ его депеша отъ Кэтъ, можетъ быть — и двѣ.

Тотъ же „противный“ Петербургъ снова обступалъ его съ обѣихъ сторонъ; но отчего же въ немъ нѣтъ подавленнаго чувства или той оскотины, которую онъ прежде — особенно въ послѣдній прїѣздъ — постоянно ощущалъ?

Ему ни разу даже не пришелъ на умъ ни одинъ изъ возгласовъ, обращенныхъ къ этому „городу ядовитыхъ признатель-

*) См. выше: апрѣль, стр. 447.

чостей", — какъ называлъ его журналистъ Луцкий, со словъ русскаго сатирика.

Извозчикъ везеть его довольно плохо; а въ немъ нѣтъ и физическаго нетерпѣнія. Онъ ѣдетъ возбужденно, даже безъ неизбежной вялости послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ, гдѣ было съ вечера адски натоплено, такъ что онъ спалъ очень тяжело и часовъ съ шести утра не могъ уже заснуть.

И не могъ, вѣроятно, оттого, что душевное возбужденіе усилилось съ приближеніемъ въ Петербургу. Уѣздъ, Мурашкинская волюсть, земскіе разговоры, докторъ и кандидатъ, Сусловъ и раскольникъ Паренный—все это отошло. Точно дымкою заволокло и сестеръ Болчановыхъ.

До Москвы лицо Глафиры еще то-и-дѣло всплывало передъ нимъ подъ гулъ машины. Ея прїѣздъ на станцію, благородство ея тона, великодушіе и душевная чистота тронули его, и долго въ его ухахъ стоялъ возгласъ доктора:

„Эхъ, ваше сіятельство! Отъ такой дѣвушки бѣжите!“

И въ Москвѣ его еще щемило это прощаніе съ Глафирой. Не хотѣлось ему ѣхать въ знакомымъ. Онъ отобѣдалъ въ „Славянскомъ Базарѣ“, гдѣ не избѣжалъ встрѣчи съ однимъ жирнымъ генераломъ, изъ кавалеристовъ, когда-то гвардейскимъ офицеромъ, извѣстнымъ своими любовными исторіями. Генераль ужасно французилъ и все подбивалъ его остаться почевать и поѣхать куда-то на Рождественскій бульваръ, говоря, что тамъ есть „душканы“, при чемъ онъ два раза щелкнулъ языкомъ.

И такъ ему стало тоскливо, что онъ, распорядившись насчетъ багажа, отправился въ Малый театръ, чтобы какъ-нибудь убить вечеръ и не остаться одному съ своими мыслями.

Пьеса досталась ему, кажется, та самая, про которую говорила Глафира. Исторія развода и борьбы мужа и жены изъ-за ребенка. На сцену выпустили дѣвочку, и дамы, вокругъ него въ креслахъ, плакали въ сильныхъ мѣстахъ; съ одной чуть не сдѣлалось дурно.

Содержаніе пьесы только разстроило его; да и главная актриса играла слишкомъ искренно и сильно—точно передъ нимъ настоящій житейскій случай.

Не могъ онъ освободиться отъ тревожнаго „забѣганья впередъ“. Въ какую исторію попадетъ и онъ въ Петербургѣ? Ребенокъ въ пьесѣ—это была очень милая дѣвочка лѣтъ десяти—навелъ его на вопросъ: нѣтъ ли у Кэтъ ребенка? Онъ этого не зналъ. Петя Долговъ ничего не писалъ ему. Въ ея письмѣ не было намека на то, что она мать.

Свадьба состоялась въ декабрѣ. Прошелъ слишкомъ годъ. Ребенокъ могъ явиться — и весьма! Кто знаетъ, какое осложненіе принесетъ онъ съ собою? Такіе господа, какъ Душковъ, если дѣло дойдетъ до формальнаго развода, сдумаютъ поиграть на ребенкѣ, чтобы произвести давленіе на мать.

Нить этихъ тревожныхъ забѣганій впередъ не прерывалась и въ вагонѣ, когда Таманцевъ укладывался на ночь.

Но утромъ онъ уже не могъ спать. Съ шести часовъ его возбужденіе стало совсѣмъ иное. Онъ точно на десять лѣтъ помолодѣлъ. Его не смутило и то, что утромъ же нога начала ныть, грозя рецидивомъ ревматическихъ болей.

И теперь она ноетъ, въ санахъ; но онъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Ему не страшень климатъ Петербурга. Что-то новое и подмывающее влечетъ его въ омутъ жизни. И это сдѣлала женщина — все та же. Одну ее онъ и любилъ.

Должно быть, природа создала его „однолюбомъ“ — ему припомнилось это мѣткое Тургеневское слово. Не монахомъ онъ жилъ съ тѣхъ поръ, какъ вообще знаетъ женщину. Но развѣ у него была хоть одна страсть раньше, за границей или въ Россіи? Ни страсти, ни даже связи. Мимолетныя встрѣчи въ Парижѣ, одна въ Итали. О нихъ и вспоминать не хотѣлось. Искренно тяготила его холостая свобода и, не проповѣдуя суроваго цѣломудрія, онъ всегда находилъ, сколько грязи, хоть часто и красивой, въ жизни холостяка.

Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ прожилъ онъ „цѣломудренно“ — иначе онъ не можетъ выразиться. Въ деревнѣ, во время голода, чудовищно было бы для него думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ народной нужды. Потомъ — буря въ Петербургѣ. Онъ безумствовалъ; но чувственность молчала въ немъ, такъ же безусловно, какъ и въ деревнѣ. Опять цѣлый годъ прожилъ онъ бобылемъ. Близость съ красивой, даже роскошной дѣвушкой, какъ Глафира, не волновала его. Былъ такой моментъ, когда это равнодушіе какъ будто переходило въ нѣжное настроеніе. И все-таки онъ остался холоденъ, вплоть до письма „Петюни“, точно всколыхнувшего въ немъ душевную дрему.

Извозчикъ завернулъ въ Почтамтскую улицу и подвезъ его къ телеграфу.

Въ приемной залѣ Таманцеву стало какъ-то особенно весело. Онъ съ интересомъ оглядывалъ всю обстановку конторки, перила, дежурныхъ барышень, одѣтыхъ въ форменные сюртучки.

Къ одному изъ отверстій подошелъ онъ съ вопросомъ — гдѣ выдаютъ депеши до востребованія?

Барышня въ сюртучкѣ указала ему, гдѣ именно получить депешу.

Его дожидались—какъ онъ почему-то и думалъ—не одна, а двѣ телеграммы.

Въ первой, лежавшей уже третій день, онъ прочелъ:

„Heureuse de vous voir. Merci d'avance. Kate“.

За что именно она его благодарить, онъ не понималъ. Но довольно было и этого слова „Kate“, поставленнаго въ депешѣ, которая могла попасть и въ чужія руки.

Вторая депеша была снята съ аппарата уже сегодня, полчаса раньше. Въ ней стояло:

„Vous attends aujourd'hui tout l'après midi. Monsieur n'est pas ici en ce moment“.

И опять это имя „Kate“ ласково смотрѣло на него.

„Monsieur n'est pas ici!—повторилъ онъ, выходя изъ залы.— Совсѣмъ развѣхались или только временно?“

Но не все ли это равно? Неужели онъ будетъ смущаться тѣмъ, что Лушковъ—ея мужъ? Зная ея натуру, онъ ручается, что разъ она распознала, кто ея мужъ, она больше не жена его, хотя и продолжаетъ еще носить его фамилію.

Только бы у нея достало твердости пойти противъ разныхъ кастовыхъ предразсудковъ. Да нынче и въ ея кругу стали часты всевозможныя перестановки женъ и мужей.

— На Фонтанку!—молодо крикнулъ онъ извозчику и съ удовольствіемъ подумалъ,—кажется, въ первый разъ въ Петербургѣ,— что ѣдетъ въ собственный домъ, гдѣ и его холостая квартира такихъ размѣровъ, что въ ней можно жить вдвоемъ.

II.

— Карета готова, графъ! — доложилъ Лаврентій, принявшій городскую вѣшность—въ новомъ двубортномъ сюртукѣ.

Онъ доложилъ въ дверяхъ кабинета, гдѣ Таманцевъ уже былъ совсѣмъ одѣтъ и натагивалъ перчатку на лѣвую руку.

Одѣваясь въ спальнѣ, онъ нашелъ, что его туалетъ нуждается въ обновленіи. Сюртукъ узокъ; визитка—не очень свѣжа.

Утромъ онъ не догадался захватить, на Невскомъ, въ куаферу; а теперь нашелъ, что борода у него слишкомъ разрослась, и волосы даютъ ему черезъ-чуръ деревенскій видъ.

Его квартира не казалась ему такой хмурой и скучной, какъ

годъ тому назадъ. И на дворѣ стоялъ довольно свѣтлый день. Окна кабинета выходили на югъ.

Никогда еще—по смерти матери—онъ не чувствовалъ себя значительнымъ домовладѣльцемъ. А сегодня это чувство проснулось въ немъ, вызванное мыслью, что, можетъ быть, ему придется выручать Кэтъ и денежной поддержкой. Домъ былъ заложень, но давалъ порядочный доходъ. Имѣніе также заложено, кромѣ лѣса и двухъ пустошей.

Въ каретѣ новая штофная обивка смотрѣла нарядно. Колеса были на резинахъ. Лошади шли ровно, и онъ въ нѣсколько минутъ очутился на Невскомъ.

Чуть не три года не бывалъ онъ въ этой парикмахерской, куда ходятъ его бывшіе товарищи по „канцеляріи“ и посольскіе атташе, которыхъ онъ когда-то называлъ: „les garçons d'ambasades“.

Все тотъ же главный коммѣ за прилавкомъ обширнаго магазина, сортировавшій товаръ, поднялъ свою коротко остриженную, сѣдѣющую голову и сейчасъ узналъ его.

— Monsieur le comte! Par quel heureux hazard?

Надо было сказать ему нѣсколько пріятныхъ словъ.

Въ парикмахерской залъ было свободное мѣсто. Ни одного знакомаго не нашелъ онъ тутъ; но онъ ихъ не боялся, не имѣлъ брезгливаго чувства, какъ годъ назадъ, не ѣжился, не злобствовалъ.

Русскій молодецъ съ приемами и даже наружностью француза обстригъ и причесалъ его въ десять минутъ.

Выходя отъ куафера, онъ въ тамбурѣ дверей столкнулся съ Банарцевымъ.

— Bonjour! Comment va?—крикнулъ ему тотъ такимъ звукомъ, точно они вчера еще видѣлись.

Таманцеву показалось, что Банарцевъ улыбнулся глазами съ видомъ челоуѣка, которому „все“ прекрасно извѣстно.

Но и это не смутило его.

„Пускай ихъ!“—подумалъ онъ, садясь въ карету.—Теперь уже онъ не будетъ ѣсноваться, какъ мальчишка. Не для себя придется дѣйствовать, а для нея. Чѣмъ „поганѣе“ этотъ городъ, тѣмъ въ сущности больше средствъ борьбы съ нимъ. Онъ будетъ вѣрнымъ другомъ женщины, неспособной пойти на постыдныя компромиссы.

Лушковы жили на Сергіевской. Когда карета повернула на Литейную, Таманцевымъ начала овладѣвать новая тревога, похо-

зам на дрожь ожиданья, какое ощущаютъ тѣ, кто долженъ выйти сейчасъ на судъ тысячной толпы и не увѣрены въ себѣ.

Это малодушіе было скорѣе физическое. Внутренно онъ не боялся. Еслибъ Кэтъ не ждала его съ полнымъ довѣріемъ къ нему, развѣ она послала бы ему вторую депешу, пришедшую сегодня чѣмъ свѣтъ на главный телеграфъ?

Изъ кареты онъ высочилъ и однимъ духомъ взбѣжалъ въ сѣни—съ каминомъ, растениями и каріатидами.

Швейцаръ указалъ ему дверь направо съ площадки,—въ первомъ этажѣ. Лакей сейчасъ же спросилъ его:

— Вы изволите быть графъ Таманцевъ?

Его ждали.

У портьеры угловой комнаты — гостиную Таманцевъ пробѣжалъ, не замѣтивъ въ ней ничего,—лакей, отступая на ходу, проговорилъ:

— Катерина Денисовна сейчасъ будутъ.

У него ёкнуло въ груди, и онъ опустился въ плюшевое кресельцо, слишкомъ низкое для его роста.

Глаза онъ держалъ полузакрытыми, не оглядываясь на стѣны, охваченный новымъ наплывомъ жуткой и сладкой тревоги. Ничего не видѣлъ онъ вокругъ себя; но въ комнатѣ стоялъ запахъ, сейчасъ вызвавшій передъ нимъ образъ Кэтъ—это ея благоуханіе, чуть ощущимое, знакомое ему столько лѣтъ. И какъ будто то именно, какое шло отъ нея пять лѣтъ назадъ, когда она только что стала выѣзжать.

Ее слышныи свистъ полковой нижней юбки вызвалъ въ немъ притокъ крови къ лицу. Онъ поднялся и застылъ на минуту въ одной позѣ.

Кэтъ точно выплыла изъ-за опущенной портьеры, въ свѣтломъ платьѣ, спитомъ какъ полупеньюаръ, въ родѣ дѣтской блузы. Глаза ея нервно замигали и не сразу остановились на немъ. Но онъ уже держалъ ее за обѣ руки и—весь потрясенный—не могъ отвести своего взгляда. Какъ она похорошѣла! Точно другая женщина. Кожа стала какъ бы еще прозрачнѣе и блестящѣе. Румянецъ игралъ на щекахъ, какъ никогда. И эта восхитительная форма ея носа съ вибрирующими ноздрями придавала всему облику вызывающую прелесть. Въ бюстѣ она стала полнѣе.

— André...—вымолвила Кэтъ, и глаза ея на секунду потухли, а краска выступила яснѣе сверху щекъ, подъ глазами.

Онъ цѣловалъ обѣ руки. Внутренняя дрожь не проходила.

Въ одинъ мигъ его захватила страсть. Только теперь его не-

удержимо влекло къ этой женщинѣ, не спрашивая — другъ она или врагъ, сулить ли ему блаженство, или адскія муки.

Въ глазахъ у него заискрилось. Ему стоило усилія, чтобы не взять ее, не привлечь къ себѣ на грудь, не покрыть всю поцѣлуями.

— Катерина...— началъ онъ и не могъ докончить.

— Зачѣмъ не Кэтъ?—выговорила и она по-русски.

И голосъ дѣйствовалъ на него необычайно. Въ немъ звучало что-то и ласковое, и болѣе глубокое, чѣмъ прежде. Это не та изломанная петербургская „goûtée“—нѣтъ! И онъ ей близокъ. Онъ—ея старый другъ. Она готова заглазить прошлое.

— Сядемъ.

Кэтъ тихонько высвободила одну изъ своихъ рукъ и подвела его къ дивану.

— *Ainsi c'est vous?*—сказала она съ тихой усмѣшкой.—*Par-dieu...* вы не любите, чтобы я французила,—употребила она его любимое выраженіе.

— Все равно, все равно!—повторялъ онъ, все еще не овладѣвъ собою.

Онъ не могъ выпустить ея руки, и Кэтъ должна была ощущать, какъ вздрагивали его пальцы.

— *Que vous êtes bon!*—медленно сказала она съ жестомъ головы, и ея взглядъ остановился на немъ съ выраженіемъ серьезнымъ, почти строгимъ.

— *Et que je fus mauvaise, moi!*—прибавила она такъ же значительно.

— Кто старое помянетъ!—пробормоталъ Таманцевъ, — продолжая испытывать неловкость отъ того, что надо говорить.

Къ чему слова, когда все такъ радостно, ясно на душѣ, и только ласки могутъ выразить то, отъ чего въ груди занимается дыханіе? Къ чему?

— Да... тому,—продолжала она по-русски, веселѣе улыбнувшись:—тому глазъ вонъ. *C'est ça!*

— Не нужно никакихъ счетовъ. Вотъ я весь тутъ. Я—вашъ старый другъ... Знаете—наши мужики, когда хотятъ увѣрить, говорятъ: „Одно слово: крышка!“

Кэтъ разсмѣялась, и Таманцевъ обрадованно перевелъ духъ. Нужды нѣтъ, что у него вышли не тѣ совсѣмъ слова. Такъ лучше! Если не взять такой полусутиливый тонъ, то или слезы брызнутъ, или руки стремительно потянутся къ ней, схватишь за голову, за шею, будешь безумствовать.

И она оскорбится,—законно оскорбится. Вѣдь она вызвала

его не на любовное свиданіе. Она еще жена другого, хоть и постылаго человѣка.

— Крышка!—еще веселѣе повторила Кэтъ и, освободивъ и вторую руку, вдругъ закрыла ими лицо. И когда отняла ихъ, то ея взглядъ озарилъ его лаской...

III.

И опять, у камина, передъ нимъ „Петюня“ — все такой же нѣжно-розовый, чистенькій и крайне франтоватый, съ новой прической, вывезенной изъ-за границы.

Оттуда же вывезъ онъ и свой темно-коричневый скюртукъ — „сокре Louis Philippe“ — длинный и съ широкими складками юбки, высокой атласный галстукъ и старинные воротнички. Это придавало ему видъ актера, одѣвагося Бобчинскимъ изъ „Ревизора“, до гримировки.

— Что это у тебя за сукно?—спросилъ его Таманцевъ:—наваринскаго дыма съ пламенемъ?

И онъ весело засмѣялся, потрепавъ Долгова по колѣну. Ножи его облевали панталоны такого же арханческаго покроя и свѣтло-шоколаднаго цвѣта.

— Такъ носить, графъ,—конфузливо отвѣтилъ Петя.

Въ лицѣ онъ возмужалъ и отпустилъ себѣ бакенбарды, отъ уха до угловъ рта, въ формѣ треугольника, тоже въ стилѣ тридцатыхъ годовъ.

Сегодня онъ пожаловалъ съ утра, бросился обнимать Таманцева и проявилъ такую неподдѣльную радость, что тронулъ его. Петя второй мѣсяцъ, какъ уже вернулся изъ-за границы, гдѣ прожилъ годъ, и съ толкомъ около семестра слушалъ лекціи въ Берлинѣ, ознакомился съ парижской жизнью, побывалъ въ Англии, проѣхался по Италиі, гдѣ цѣлый мѣсяцъ ходилъ по Риму. Онъ еще не поступилъ на службу. Въ „иностранную коллегію“—какъ выражается старуха княгиня Брянская—его не очень тянетъ. За границей онъ насмотрѣлся на нашихъ посольскихъ и не желалъ провести всю жизнь на такой „непроизводительной службѣ“ — съ удареніемъ сказалъ онъ. Его „тапан“—съ ней онъ жилъ въ Парижѣ и потомъ на Ривьерѣ — сочувствуетъ его желанію служить въ „Маринскомъ дворцѣ“—онъ такъ назвалъ два раза государственный совѣтъ.

О себѣ Петя заговорилъ потому только, что Таманцевъ сейчасъ же началъ его обо всемъ спрашивать. Но ему смертельно

хотѣлось перейти къ жгучему вопросу. По скромности онъ не хотѣлъ давать понять Таманцеву, что Катерина Денисовна довѣриетъ ему, какъ преданному молодому человѣку, о чемъ она сама упомянула во вчерашнемъ разговорѣ, который затянулся на весь день. Таманцевъ и обѣдалъ у нея.

Въ него, когда пришелъ Долговъ, закралось стыдливое чувство. Оно и остановило его отъ разговора о Кэтъ.

Петя, изложивъ обстоятельно итоги своего заграничнаго житія и планы насчетъ службы, откашлялся на особый ладъ и, опустивъ рѣсницы, спросилъ чуть слышно.

— Видѣли Екатерину Денисовну?

Онъ былъ такъ безукоризненъ во всемъ, что выговаривалъ ореографически имя Катерины съ буквой Е.

— Какже! — откликнулся Таманцевъ спокойнаѣе. Его стыдливое чувство улеглось.

— Она васъ ждала какъ манны небесной.

— Будто? — откликнулся Таманцевъ, немного покраснѣвъ.

Какъ она его ждала—онъ могъ убѣдиться въ этомъ вчера. Кэтъ, такая гордая и сдержанная, ничего отъ него не утаила. Онъ уже зналъ, что съ мужемъ у нея „въ принципѣ“ все покончено. Его теперь нѣтъ въ Петербургѣ, но по возвращеніи она не хочетъ жить съ нимъ въ одной квартирѣ: либо онъ поселится особо, либо она выѣдетъ.

Ей было тяжело входить во всѣ подробности. Она не употребила ни одного рѣзкаго слова, говоря о Лущковѣ; только тонъ былъ глубоко презрительный. Мало того, что онъ проигрался, и она, чтобы спасти „его честь“, заплатила за него сразу пятьдесятъ тысячъ, для чего и должна была продать одно имѣніе; но онъ цинически ставилъ ей условія развода. У него еще столько же долгу, и она „обязана“ обезпечить ребенка, котораго онъ имѣлъ уже отъ своей содержанки, когда сдѣлалъ ей предложеніе.

Но для Таманцева все это исчезало передъ тѣмъ фактомъ, что Кэтъ уже больше не жена Лущкова. Она почти съ омерзѣніемъ ваялась ему въ томъ—какъ могла она „subir ce débauche“. Остальное представлялось ему выполнимымъ: съ такимъ человѣкомъ, какъ Лущковъ, все дѣло сводилось къ деньгамъ.

— Какъ вы ее нашли, графъ?—спросилъ Петя послѣ маленькой паузы.—Не правда ли, какъ похорошѣла?

— Чрезвычайно!

— И какой характеръ! Я долженъ покаяться. Тогда, годъ назадъ, я ее не понималъ. Но и она казалась совсѣмъ другой.

А теперь мнѣ такъ ясно, графъ, что вы могли, раздоп... безумствовать. За такую женщину—не грѣхъ! И въ огонь, и въ воду!

— Петюня, —остановилъ Таманцевъ:—да мы, кажется, опять немного влюблены?

— Ахъ, полноте, графъ!—Петя поднялъ голову и забавнымъ жестомъ поправилъ свой стариковскій галстухъ. — Не обижайте меня! Вы знаете, я вамъ преданъ... могу сказать „безъ лести“. Жаль только, что это девизъ на Аракчеевскомъ гербѣ. Такъ же точно и Екатерина Денисовна имѣетъ во мнѣ вѣрнаго... я не говорю: друга—дружбу ея я долженъ сначала заслужить,—а вѣрнаго союзника.

— Вѣрю, вѣрю, Петюня милый.

Таманцевъ всталъ и, подойдя къ нему сзади, положилъ руки на его закругленные плечи.

— Можетъ быть, вамъ непріятно говорить со мною просто? Я понимаю. Тутъ такъ много деликатныхъ отгѣнковъ... Да я и не думаю вторгаться...

— Ну, началъ опять оправдываться и извиняться. За то, что ты написалъ мнѣ первый о Катеринѣ Денисовнѣ, я тебя готовъ еще разъ расцѣловать.

Долговъ всталъ и прикоснулся рукой къ стану Таманцева, точно хотѣлъ, какъ барышня, взять его за талию и начать ходить по комнатамъ, какъ дѣлаютъ институтки, когда изливаются.

— Ахъ, графъ! Я такъ былъ бы счастливъ, еслибъ...

Онъ зашнурлся.

— Еслибъ что, Петюня?

— Вы сами знаете,—досказалъ онъ, немного лукаво подмигнувъ Таманцеву.—Но вотъ какая гадость!—вдругъ воскликнулъ онъ съ милой, полу-дѣтской искренностью.—Надо мной судьба прямо подсмѣивается. Непремѣнно я попаду въ сложный cas de conscience. Помните, прошлый разъ, я очутился въ роли чуть не шпіона? И былъ причиной какой катастрофы!.. Такъ и теперь.

— Что же такое?

— Екатеринѣ Денисовнѣ я преданъ почти такъ же, какъ вамъ, графъ. Но я не хочу играть роль наушника. Нашептывать ей все, что я знаю. Она и безъ того слишкомъ настрадалась.

— Это о комъ? О Лушковѣ? Такъ она и безъ того все знаетъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не все. А какіе драгоценные есть факты, какіе крупные козыри ей въ руку для того, чтобы

освободиться отъ этой презрѣнной личности какъ можно дешевле! А онъ дешево не дастъ развода, не возьметъ вины на себя.

— И что же ты знаешь, Петюня? — спросилъ Таманцевъ, не удержавшись отъ нервнаго движенія.

— Вотъ тутъ меня судьба и покарала. Только, ради Бога, графъ, не подумайте...

— Опять твой акаеиствъ оговороевъ и оправданій! Говори.

Петя, сложивъ руки на груди, сталъ обстоятельно рассказывать, какъ его товарищъ Костроминъ—тотъ, что былъ съ нимъ секундантомъ Таманцева — сошелся съ одной „балетной“. И черезъ нее попалъ и Петя въ квартиру танцовщицы Наручкиной, съ которой Лушковъ жилъ до своей свадьбы и имѣлъ отъ нея ребенка. У Наручкиной оба они бывають часто, и тамъ онъ можетъ столкнуться и съ Лушковымъ.

— Я долженъ былъ скрыть отъ Екатерины Денисовны мое знакомство съ Наручкиной, — говорилъ Петя, раскраснѣвшись. — Иначе меня стало бы слишкомъ подмывать... вы понимаете... мое чувство къ Лушкову... Вотъ почему она до сихъ поръ не знаетъ, что и Наручкина презираетъ Лушкова, въ глаза называетъ его „содержанцемъ“, потому что когда она сошлась нимъ, — а тогда она была еще невинной дѣвушкой, — онъ уже пользовался капиталами какой-то старой московской купчихи. Къ ней онъ теперь и бросился въ Москву. Наручкина, узнавъ, что жена выгоняетъ его, требуетъ обезпечить ребенка.

— Какая грязь! — вырвалось у Таманцева.

— Да, графъ! И это первый великосѣтскій кавалеръ! Настоящій „souteneur“ парижскихъ бульваровъ... вотъ которымъ полиція по ночамъ дѣлаетъ облавы, какъ уличнымъ собакамъ.

И, застыдившись всѣхъ этихъ нескромностей, Петя отошелъ къ камину съ глубокимъ вздохомъ.

Таманцевъ задумался. Ему тяжело было разспрашивать Петю.

„И такой негодяй, — подумалъ онъ съ дрожью въ груди: — обладалъ ею!...“

IV.

Только-что ушелъ Петя, Таманцевъ получилъ съ посыльнымъ записку отъ Кэтъ.

„Mon ami, — читалъ онъ съ новымъ волненіемъ: — L. — буква эта значила: Лушковъ — vient de me signaler pour demain son arrivée et me demande l'hospitalité, ne fût-ce que pour quelques jours“...

Онъ еще былъ подъ впечатлѣніемъ того, что ему рассказывалъ Долговъ. Неужели опять нужно будетъ прикасаться къ господину Лушкову? Петя не сплетникъ. Все, что онъ рассказалъ о Лушковѣ, конечно, правда. Но какая это грязь! Онъ ее теперь уже предвкушаетъ. Развѣ не достаточно и того, что такой „souteneur“ былъ мужемъ Кать, грязнилъ ее своими развратными ласками, да еще разыгрывалъ навѣрно роль человѣка, сдѣлавшаго ей предложеніе въ видѣ милостыни? Почти физическое чувство тошноты поднималось у него въ горлѣ. Съ такой грязной личностью необходимо будетъ вступать въ сдѣлку. Петя тысячу разъ правъ: этакой „милашка“—хотя бы онъ и сорвалъ въ Москвѣ „здоровый кушъ“ со своей старой вучихи—все-таки дать разводъ не иначе, какъ дорогой цѣной!

И онъ, Таманцевъ—другъ Катерины Денисовны—очутится между ними, будетъ отыскивать браворазводнаго адвоката, входить во всѣ эти мерскія подробности. Вотъ онъ и опять „ходокъ“... Но какой?

Въ прошломъ году прѣвжалъ онъ сюда съ мужицкимъ дѣломъ, но съ такимъ чистымъ и безкорыстнымъ. А теперь что же толкаетъ его въ эту исторію? Вѣдь онъ самъ хочетъ замѣстить Лушкова. Въ награду за его роль ходока онъ жаждетъ обладанія женщиной.

— Какъ это гадко! — почти возмущенно выговорилъ онъ вслухъ.

Въ немъ проснулся тотъ Таманцевъ, котораго не даромъ даже неблагодарные мурашкинцы прозвали „добрымъ баринъ“—честный, чистый, ищущій правды для себя и для всѣхъ, за кого онъ могъ бы постоять, человѣкъ, вызвавшій горячее и великодушное чувство въ такой прекрасной дѣвушкѣ, какъ Глафира Колчанова. Все было бы такъ же чисто и прозрачно въ ихъ любви и бракѣ. „Даже и представить себѣ нельзя, чтобы когда-нибудь она могла связать свою судьбу съ негодяемъ, подобнымъ мужу Катерины Денисовны,—назвалъ мысленно Таманцевъ,—хотя она и вучиха, и не особенно долюбиваетъ свое сословіе“.

А тутъ?

Ему вступило въ виски. Онъ опустился въ кресло и закрылъ лицо ладонями рувъ, освѣжая ими нервно разгорѣвшіяся щеки. Надвигалось на него что-то тяжкое и неопытное, и оно можетъ захлестнуть его на всю жизнь.

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ тревоги и страха.

„Кать ждетъ меня!“—вдругъ вскричалъ онъ мысленно, тотчасъ же поднялся и повонилъ. Онъ уже не имѣетъ теперь права

колебаться. Чтѣ бы ни случилось, онъ *долженъ* стоять около нея, какъ ея вѣрный помощникъ и даже покровитель.

Голова горитъ отъ душевной борьбы, но тамъ, на сердцѣ, въ самомъ потаенномъ клапанѣ его, тамъ вздрагивала все та же струна. Одна женщина на всемъ свѣтѣ и влечетъ его къ себѣ... Такова судьба: онъ „однолюбецъ“.

Перваго попавшагося извозчика взялъ онъ, выйдя отъ себя, и всю дорогу подталкивалъ его. Ему сейчасъ же припомнилось то мѣсто записки, полученной отъ Кэтъ, гдѣ она говоритъ, что мужъ проситъ ее „оказать ему гостепримство хоть на нѣсколько дней“.

Если Кэтъ вынуждена будетъ позволить мужу остановиться въ ихъ квартирѣ, все это время онъ рискуетъ не видать ее. Въ ея интересѣ надо на все это время ступешаться. Встрѣтить Лушкова у Кэтъ было бы для него слишкомъ тяжело.

Не съ тѣмъ захватомъ чувства, какъ вчера, поднялся онъ по лѣстницѣ франтоватыхъ сѣней и позвонилъ самъ у двери направо. По лицу лавка онъ опять увидалъ, что его ждали.

Кэтъ нашелъ онъ на порогѣ угловой комнаты—въ томъ же туалетѣ, чтѣ и вчера.

Лицо показалось ему блѣднѣе и менѣе свѣжимъ, тѣмъ вчера, съ темнотой подъ глазами.

— Нездоровы? — спросилъ онъ, держа ея горячую руку съ тонкими, нервными пальцами.

И онъ тревожно заглянулъ ей въ лицо.

— Нѣтъ... дурно спала.

— И это письмо изъ Москвы?..

— Да-а,—протянула Кэтъ и показала ему рукой на пуфъ около кушетки, куда она сейчасъ и сѣла съ ногами.

Никогда еще не видалъ онъ такъ близко ея ногъ. Онѣ были въ черныхъ чулкахъ, немного узкія, но съ высокимъ подъемомъ, въ лаковыхъ башмакахъ съ пряжками. Близость къ этой женщинѣ—онъ сидѣлъ у изголовья кушетки,—тонкій запахъ ея духовъ, полуоткрытая рука, свѣшенная съ его стороны,—наполнили его тѣмъ же внутреннимъ трепетомъ, чтѣ и вчера. Но теперь она была еще ближе къ нему. Для нея онъ дѣйствительно готовъ былъ на все.

— Eh bien, mon ami?—спросила Кэтъ медленно, упирая на каждое слово.—Que me conseillez-vous?

Что же ей посоветовать? Лушковъ еще мужъ, законный мужъ съ правами. Да и благоразумно ли выгонять его изъ квартиры, если необходимо, въ концѣ концовъ, ладить съ нимъ? Но онъ хитеръ и ловокъ. Кто знаетъ: онъ можетъ разжалобить ее.

Въѣдетъ въ квартиру на три дня, а останется три мѣсяца, если не навсегда. Можно ли отвѣчать за женщину, даже и такую возмущенную и горделивую, какъ Кэтъ?

— На чье имя квартира?

— На мое.

Кэтъ усмѣхнулась вбокъ и опустила рѣсницы.

— Вы имѣете право не пускать его къ себѣ. Но онъ, какъ мужъ, можетъ во всякое время заставить васъ жить съ нимъ, и даже...

— Даже что?

— Вытребовать къ себѣ, черезъ полицію, по этапу.

— *Comme une vulgaire criminelle?*—вскричала Кэтъ и вся выпрямилась на кушеткѣ.

— *Oui, si vous le voulez,*—отвѣтилъ онъ ей въ тонъ.

— *Alors?*

Она задумалась. Ей доставало русскихъ выраженій, а она не хотѣла „французить“, зная, что Таманцевъ этого не любитъ.

— Но я не хочу... я не могу быть съ нимъ... вмѣстѣ... Я лучше уѣду.

— Куда?—вполголоса выговорилъ Таманцевъ.—За границу нельзя... безъ особаго вида... И съ этого вамъ надо начать.

— Съ чего?—переспросила Кэтъ.

— Съ отдѣльнаго вида на жительство.

Она попросила рассказать ей, какъ этотъ „видъ“ получается и гдѣ. Насколько умѣлъ, онъ растолковалъ. Надо ѣхать сейчасъ же туда, а еще лучше сначала къ какому-нибудь сильному человѣку и настроить его въ свою пользу.

Ему вспомнился генералъ въ темной лентѣ, когда онъ завтракалъ въ ресторани на Морской, слишкомъ годъ назадъ, послѣ какихъ-то торжественныхъ похоронъ. Въ то время онъ былъ для него олицетвореніемъ того Петербурга, гдѣ все его возмущало. А теперь такой именно „сильный человѣкъ“ и пригодится.

Онъ назвалъ его фамилію.

— *Mais je le connais!*—оживленно отозвалась Кэтъ.—*Il est toujours très galant. Je m'adresserai à lui.*

И точно затѣмъ, чтобы провѣрить себя, она начала ему говорить о невозможности жить съ Лушковымъ. Въ первый разъ она вводила его въ свою интимную жизнь. И тонъ ея былъ уже не такой, даже когда она разбирала, чѣмъ былъ ея мужъ. Она не употребила парижскаго слова, которое вырвалось даже у Пети Долгова.

— Я сама кругомъ виновата,—говорила она по-французски,

замѣчательно вѣскимъ языкомъ:—и несу теперь достойную кару. И прежде всего я прошу васъ, другъ мой, не вкнить себя даже вотъ на сколько—она указала на кончикъ пальца—въ томъ, что я очутилась госпожой Лужковой. Мое согласіе было глупо и постыдно, *bête et lâche*,—повторила она съ безпощадной строгостью къ себѣ.—Вы его тогда вызвали и могли убить! Но могли и сами быть убиты... О васъ я не думала. Васъ мнѣ не было жаль. И я сдѣлалась его невѣстой вовсе не за тѣмъ только, чтобы устранить дуэль!.. Словомъ, я вкругомъ виновата, и если вы протанули мнѣ теперь руку и готовы защищать меня—я этого не стою! Таманцевъ, растроганный, прильнулъ къ ея рукѣ.

V.

— Да, мой другъ,—начала Катъ тономъ, какого онъ еще не слыхалъ у нея:—въ одинъ годъ я стала совсѣмъ другая. И это не фраза!

Въ ней заговорила долго таившаяся потребность оглянуться на самое себя.

— Развѣ можемъ мы въ дѣвушкахъ знать, что такое жизнь? Больше того—что добро, что зло, что умно, что глупо?

Она поглядѣла на него вопросительно.

— Вы въ правѣ сказать, André, что около меня былъ такой человекъ, какъ вы. И давно уже. Вы были моимъ учителемъ, такъ всегда носились со мною. Но это-то и избаловало меня. Ахъ, Боже мой!—воскликнула она, всплеснувъ своими бѣлыми, прозрачными руками.—Вы, господа мужчины, не знаете насъ... Мы изъ другого гѣста, *d'une tout autre pâte*,—повторила она съ горькимъ юморомъ.

— Пожалуй и такъ!—точно про себя согласился Таманцевъ.

— Какъ же не такъ? Непремѣнно! Чего вы ищете въ женщинахъ? Того, чего въ насъ нѣтъ или всего меньше: успокоенія, гармоніи. Развѣ не правда?

— Правда,—полу-шутливо, полу-убѣжденно выговорилъ Таманцевъ.

— А въ насъ этого-то и нѣтъ! *Nous sommes le trouble personifié*. И нашъ главный инстинктъ—не гармонія съ вами, не слияніе душъ,—выговорила она съ усмѣшкой:—а, напротивъ, безпощадная война. Возьмите дѣвочку десяти-двѣнадцати лѣтъ—въ ней что-то копошится... все тотъ же инстинктъ. Она видитъ, что въ рукахъ мужчины вся серьезная сторона жизни... Онъ гене-

ралъ, онъ министръ, онъ банкиръ, или хозяинъ, администраторъ... Чѣмъ же она возьметъ? Въ чемъ будетъ ея сила?

— Извѣстно въ чемъ,—сказалъ Таманцевъ, тряхнувъ своей курчавой головой.

— Въ томъ, что она—женщина? Да! Но этого мало. Она все-таки должна поддѣлываться подъ него. Изъ-подъ его опеки она никогда не выйдетъ. Но онъ создаетъ ее всегда по своимъ собственнымъ идеямъ. Все это начало бродить и во мнѣ,—Кэтъ обернулась къ нему всѣмъ лицомъ и ея глубокіе глаза остановились на немъ.—*Voilà ce que me travaillait, moi!*—выговорила она значительно.

Таманцевъ, слушая ее, вдругъ вспомнилъ свой первый разговоръ о ней съ Петей Долговымъ въ прошломъ году. И слова Пети всплыли такъ отчетливо въ его головѣ. И тогда Долговъ понималъ ее лучше его, охваченнаго обидой влюбленнаго.

— Помните, *André*,—продолжала Кэтъ:—вы мнѣ принесли разъ номеръ журнала, гдѣ была статья Гончарова, въ родѣ его *profession de foi*. Онъ тамъ говоритъ о своихъ герояхъ.

— Какже, какже!

— И о героинѣ... въ томъ романѣ...

— „Обрывъ“?—подсказалъ Таманцевъ.

— Да, „Обрывъ“. Авторъ говоритъ о ней и о всѣхъ насъ: „она еще не сознавала себя“. Не одна его героиня, а вообще русская женщина. А какъ же было знать себя мнѣ—*une détraquée de fin de siècle*? *Hein?*

И, точно застыдившись этого возгласа изъ жаргона ея мужа и Лили Фризенъ, Кэтъ протянула ему руку и сказала:

— Простите... я все о себѣ...

— Говорите, говорите!

Таманцевъ опять приложился губами къ засвѣжѣвшимъ и трепетнымъ пальцамъ.

— Мы всѣ ищемъ чего-то,—продолжала Кэтъ, измѣнивъ позу: она высвободила руку, подперла ею голову и полулежа сидѣла на кушеткѣ.—И до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ обществѣ для дѣвушки все—запретный плодъ, она осуждена рѣшать свою судьбу такъ, очертя голову. Ей смертельно хочется одного—не быть нелѣпнымъ существомъ, которое зовется: *une fille de famille*.

— Но у васъ было достаточно свободы, — замѣтилъ чуть слышно Таманцевъ.

— И я ею такъ хорошо воспользовалась, въ правѣ вы сказать, *André!* Не правда ли? Но меня, когда еще я была дѣвчонкой, постоянно глодалъ червякъ протеста противъ готовой фразы.

Я ненавижу все, что отзывалось... comment dirai-je?—остановилась она, ища слова:—le ponsif. Vous comprenez?

— Общее мѣсто?—перевел Таманцевъ.

— Да. И отъ васъ меня оттолкнуло то же самое. Вы слишкомъ были честны, благородны...

— И слишкомъ учительствовалъ,—добавилъ Таманцевъ.

— Peut-être... Vous faisiez trop le rouge. И это мнѣ казалось педантствомъ. Я хотѣла быть смѣлой, говорить des choses sages. Вы помните нашу первую размолвку? Разговоръ о нашихъ отцахъ и матеряхъ? Уѣхали вы... Я осталась одна. Роль дѣвицы, которую вывозятъ, надѣла мнѣ... до гадости. А мнѣ пошелъ уже двадцать-второй годъ. La crise fatale d'une demoiselle à marier,—сказала Кэтъ съ юморомъ.—Нѣтъ ничего удивительнаго, что такія „gâtinées“, какъ Лили Фризенъ, были для меня пріятнѣе, чѣмъ дѣвицы, съ какими меня вывозили. Elle représentait la vie à grandes guides... en d'autres termes, le contraire de ce que vous représentiez-vous, André.

— А гдѣ она теперь... ваша пріятельница?

Кэтъ повела ртомъ и не сразу отвѣтила.

— Она въ Парижѣ... Elle est en train de devenir une déclassée.

Помолчавъ, она продолжала съ полужакрытыми глазами, замедляя темпъ рѣчи:

— Все это—позади. Я знаю, какая цѣна всякимъ Лили и ихъ друзьямъ въ родѣ Лушкова,—сказала Кэтъ, поведя правой рукой.—C'est une loterie, ni plus, ni moins... Можетъ быть, и лучше.

— Что вы говорите?...—вырвался у Таманцева горячій звукъ, и онъ протянулъ къ ней обѣ руки.

— Une épornité, n'est-ce pas, то, что я сейчасъ сказала? Что жъ дѣлать, André? Я всегда способна буду думать и говорить такія же чудовищныя истины. Prenez-moi telle quelle! Даромъ ничего не дается. Вся жизнь состоитъ изъ такихъ уроковъ. Или въ родѣ того.

Ему больно было слышать эти жуткіе итоги отъ молодой женщины, годъ спустя послѣ замужства, отъ той, кого онъ такъ любилъ, помимо своей воли, кому готовъ былъ отдать все, что у него было въ себѣ и „вовругъ себя“—какъ говорятъ его таманцевскіе мужики“.

Но развѣ этотъ скороспѣлый скептицизмъ не понятенъ въ ней? Первые годы ея молодости прошли сухо, безъ материнскихъ ласкъ, около черствой старухи, въ воздухѣ петербургскаго „монда“, гдѣ около нея прыгали ничтожные мундиры и фраки и ея сверст-

ницы, которыхъ она считала—почти всѣхъ—дурочками, буками „съ бурымъ мозгомъ“.

Княгиня и теперь, въ такой критическій моментъ жизни своей родной внуки, „умываетъ во всемя руки“, и въ письмѣ, которое Кэтъ показала ему, она дѣлаетъ явный намекъ на то, что имѣнія, находящагося у нея въ пожизненномъ пользованіи, она, ни подъ какимъ видомъ, „компрометтировать“ не желаетъ. И разводъ она считаетъ „un scandale inutile“. „Умная женщина должна каждаго мужчину исправить“,—заканчивала она свое педантское письмо къ внугѣ откуда-то съ Ривьеры, гдѣ она поселилась, кажется, навсегда.

— Да вѣдь у меня и прежде, въ дѣвушкахъ,—сказала Кэтъ, замедляя темпъ,—никогда—протянула она—не было особенныхъ шлюзій. Теперь надо завоевать себѣ полную свободу. Разводъ? Этого мало! Une liberté totale,—выговорила она вдумчиво. Не быть одной изъ тѣхъ бабенокъ, des femmes,—выразилась она по-французски:—русской барыней, у которой ничего нѣтъ своего: ни языка, ни идей, ни вкуса, ни даже пороковъ... Фу!—съ силой вскричала она и встала.

Поднялся и Таманцевъ.

— Et maintenant, mes enfants... помните, André, такая мелодрама есть: „La tour de Nesles“?.. я ее видѣла въ Парижѣ... „Et maintenant, mes enfants,—повторила она полу-дурачливо:—à la tour de Nesles!“ Надо ѣхать къ тому сильному человѣку. Я знаю, гдѣ онъ принимаетъ.

Таманцевъ не сталъ ее удерживать; но что-то въ груди ёкнуло.

VI.

Петя Долговъ ѣхалъ на извозчикѣ, держа въ правой рукѣ большой пакетъ, перевязанный голубыми ленточками. Онъ только-что выбралъ въ кондитерской Крафта красивую трехфунтовую бонбоньерку и приказалъ наполнить ее отборными шоколадными конфетами „съ помадой и съ ликеромъ“,—какъ старательно заказывалъ Петя.

Сегодня день рожденія той самой танцовщицы Наручкиной, куда его ввелъ товарищъ его Костроминъ.

Онъ все рассказалъ графу, и на душѣ у него стало гораздо спокойнѣе. Не хочетъ онъ играть роль „соглядатая“; но теперь—именно теперь—съ какою же стати будетъ онъ упускать такой прекрасный случай быть полезнымъ и графу, и Катеринѣ Денисовнѣ?

Съ Наручкиной у него пошли большіе лады. Разумѣется—безъ всякаго любовнаго оттѣнка. Она ему выкладываетъ всѣ свои жалобы на Лушкова. Въ послѣдній разъ она ему рассказала, зачѣмъ уѣхалъ въ Москву Лушковъ. Когда онъ женился, у нихъ уже былъ ребенокъ, который воспитывается у ея сестры, содержащей модный магазинъ. Наручкина признавалась ему, какъ она хотѣла „устроить скандалъ“, узнавъ, что онъ женихъ; но потомъ раздумала.

— Не поздравляю я ее, эту барышню,—говорила она тогда.— Она въ скоромъ времени распознаетъ, что за чадуюшко ея будущій муженекъ.

До сихъ поръ Петѣ какъ-то удается не то что скрывать,—а обгнать въ разговорѣ свое близкое знакомство съ Катериной Денисовной. Кажется, Наручкина сама объ этомъ не догадывается.

Вернулся ли Лушковъ изъ Москвы—Петя не зналъ. Онъ съ нимъ не сталкивался у танцовщицы. Лушковъ въ послѣднее время не показывалъ глазъ по цѣлымъ недѣлямъ и заѣзжалъ больше въ такіе часы, когда у нея не бывало гостей.

Петя поднесетъ бонбоньерку новорожденной. У нея навѣрно сегодня „шоколадъ“. И онъ везетъ шоколадныхъ конфетъ. Сопяденіе не совсѣмъ пріятное. Но простые конфеты или цвѣты—еще банальнѣе. Онъ держится парижскаго обычая—шоколадные конфеты гораздо больше „въ стилѣ“.

Надежда Теофилактовна Наручкина занимала теперь не прежнюю квартиру въ бель-этажѣ, на три тысячи рублей. Она поднялась этажемъ выше, съ той же, однако, обстановкой. Она получала хорошій окладъ, котораго, конечно, не хватало. Другая бы, на ея мѣстѣ, обзавелась богатымъ покровителемъ и спустила Лушкова. Но себя она считала „съ правилами“. Лушковъ былъ отцомъ ея ребенка. Онъ обязанъ его обезпечить, и она добьется своего. Какимъ способомъ добудетъ онъ капиталъ для обезпеченія ея Онечки—это до нея не касается; пускай хоть душу продастъ дьяволу. Сама она не пропадетъ и безъ него. Въ числѣ ея обожателей есть миллионеръ изъ нѣмцевъ Васильевскаго Острова. Если захочетъ, она можетъ его пресповойно женить на себѣ.

Чистоплотный Петя по неволѣ втягивался во всѣ эти нравы, чувства, расчеты, жаргонъ балетнаго міра. Иногда ему бывало забавно болтать съ товарищами Надежды Теофилактовны. Вотъ и сейчасъ онъ, навѣрно, найдетъ нѣсколько „штуку“. Ее любили. Она считалась превосходнымъ товарищемъ—не интриговала, не жаловалась, не забѣгала къ начальству; танцевала всегда ровно, старательно, безъ особаго блеска; но въ ней нашлись прочныя

качества: стройный станъ, умѣнье очень красиво закидывать руки, прямота колѣнъ и вообще образцовая „пластика“.

Швейцаръ улыбнулся Петѣ, отъ котораго онъ получалъ на воду.

— Много у Надежды Теофилактовны?—спросилъ Петя, снимая калоши внизу.

— Есть-съ.

— Господина Лушкова нѣтъ?

— Никогда нѣтъ.

Петя спросилъ для успокоенія; онъ зналъ, что если Лушковъ и вернулся изъ Москвы, въ этотъ часъ онъ врядъ ли „пожалуетъ“ къ Наручкиной.

Отворила ему горничная, одѣтая по иностранному—въ тюлевомъ чепчикѣ и полковомъ фартукѣ, обшитомъ кружевами. И въ ней было что-то „пейзанское“—точно изъ демихарактернаго балета „Тщетная предосторожность“, или „Лиза и Болѣнь“.

— Здравствуйте, Варя!—обласкала ее Петя, когда она снимала съ него шинель съ бобровымъ воротникомъ.

Въ гостиной уже гудѣлъ разговоръ, когда Петя, оправившись передъ зеркаломъ передней, вошелъ туда.

Очень просторная комната въ три окна была полна мебели и „вещицъ“, на которыхъ лежалъ отпечатокъ „Лушковскаго вкуса“—какъ называлъ про себя Долговъ. Но среди японскихъ зонтиковъ, вазъ и драпировокъ висѣлъ на стѣнѣ огромный вѣнокъ, недавно поднесенный танцовщицѣ, съ широчайшими лентами, а на пьедесталѣ помѣщался подъ стекломъ другой, серебряный вѣнокъ. Висѣло, по стѣнамъ, и нѣсколько хорошихъ пейзажей русской школы и надъ диваномъ портретъ хозяйки въ костюмѣ неаполитанскаго лазарони изъ балета „Наяда и рыбакъ“, въ которомъ она дебютировала когда-то.

На диванѣ сидѣла сама новорожденная передъ круглымъ столомъ, гдѣ стояли серебряный самоваръ, ваза съ фруктами и другая съ печеньемъ. Двѣ огромныхъ коробки конфетъ тѣснились тутъ же.

Наручкиной—безъ гримировки—можно было дать уже подтридцать. Кожа щекъ теряла свѣжесть. Но голова строгаго рисунка съ ярко блонкурыми густыми волосами, зачесанными въ высокую античную „кучку“ на маковѣ съ золотымъ гребнемъ, очень ее красила. Бюстъ съ вырѣзомъ на груди пышно выдавался, и руками она такъ же живописно поводила, какъ и на сценѣ. Голубые глаза „съ поволокой“ и широкими вѣками и маленький розовый ротъ дѣлали выраженіе лица на особый ладъ эффектнымъ.

Пестрый, прекрасно спитый туалетъ, съ громадными буфами на рукавахъ, чрезвычайно шелъ въ ней.

— А! Долговъ! Здравствуйте, Петюня милый!

И здѣсь, благодаря нескромности Костромина, его звали Петюней.

— Здравствуйте! здравствуйте!

Его разомъ окружили гости Наручкиной—всѣ три танцовщицы—Мотя Шмидтъ 2-ая, Оля Тюльпанова и Юля Подревская 3-ья.

Петя поцѣловалъ протянутую ему бѣлую и полную руку хозяйки и, обернувшись въ дѣвицамъ, сталъ жать имъ руки.

Изъ нихъ самая крупная, почти толстая, была Мотя Шмидтъ 2-ая, въ нѣсколько лѣтъ утратившая всякую „элеванцію“, съ нѣмецкимъ красивымъ лицомъ безъ выраженія, съ нѣсколько уже обрюзглымъ и громаднымъ бюстомъ. Ее начали выпускать въ фешъ и молодымъ королевахъ. Оля Тюльпанова—совсѣмъ молоденькая блондинка, тонкая, длиннолицая съ удивительными бровями и рѣсницами—самая хорошенькая изъ своего выпуска. Петѣ она начинала сильно нравиться. Она обратила на себя вниманіе красель въ одномъ изъ новыхъ балетовъ, гдѣ представляла собою—въ ряду другихъ виноградныхъ винъ—„мадеру“ или „хересь“. Третья—Юля Подревская 3-ья—маленькая живая брюнетка, съ курчавой головой, вся „въ комѣ“, обтянутая въ свѣтлое суконное платье, съ вызывающей гримасой своей рожицы, считалась уже „восходящей звѣздой“. По ней уже нѣсколько человекъ „умирало“. Но она еще „держалась“, также какъ и Тюльпанова. Шмидтъ—однокашница Наручкиной—давно уже была матерью семейства, выйдя замужъ за военного, служащаго въ полиціи.

— Мерси!—поблагодарила хозяйка Петю за конфеты, когда онъ присѣлъ въ столу.—Чего хотите, голубчикъ? Чаю или шоколаду? Или, можетъ быть, кофею? Вы не знакомы, господа?

Долговъ поднялся и отвѣсилъ по поклону двумъ мужчинамъ. Одного онъ уже зналъ, нѣмца миллионера, ражаго малаго вершковъ десяти, съ наружностью англичанина. Другой былъ въ вицмундирѣ—прилизанный брюнетъ, съ усиками и чолбой на лбу, постоянно улыбающійся.

— Не знаете его?—спросила Наручкина своимъ балетно-шутливымъ тономъ, съ ровнымъ невзволтымъ тембромъ голоса. Это нашъ докторъ, Иванъ Эдуардовичъ. Магъ и волшебникъ! Можетъ въ одинъ мигъ поднять на ноги. И начальство ему вѣрить.

Всѣ три гости громко засмѣялись.

VII.

— Докторъ, докторъ!—крикнула Юля Подревская, подскочивъ къ красивому высокому брюнету.—Какъ онъ сказалъ? Повторите!..

И остальные двѣ танцовщицы подошли къ столу.

Докторъ только-что рассказалъ, какъ онъ встрѣтился вчера въ конторѣ съ балетмейстеромъ-французомъ, и тотъ ему сказалъ про одну изъ своихъ любимыхъ ученицъ:

— Marie n'est pas classique, non!—mais elle l'emporte dans les danses de caractère!

Ни одна изъ танцовщицъ не могла поддержать разговора по-французски, но изъ пятого слова въ десятое онѣ понимали и привыкли къ возгласамъ и окрикамъ балетмейстера. Наручкину Лушковъ приучилъ немного къ своимъ словечкамъ, но и онъ говорилъ съ ней всегда по-русски.

— Ха, ха! Какъ похоже!—вскричала Подревская и тотчасъ же, обернувъ свой вздернутый носикъ къ Долгову, спросила:—А чтó это такое значить... какъ вы сказали, докторъ... l'emporte?

— Это значить превосходить,—пояснилъ Петя серьезнымъ тономъ и даже нахмурилъ лобъ.

— Превосходить, превосходить!—подхватила Подревская.—Въ чемъ? Если нужно взять вотъ этимъ!—и она, вывернувъ станъ, закинула руки, какъ дѣлаютъ въ испанскихъ па. Всѣ разсмѣялись.—А ноги-то? Дудочки! Макароны! При такомъ ростѣ?!..

Глазки будущей звѣзды злобно заискрились. Наручкина остановила ее.

— Юлія! Зачѣмъ такъ? Маруся, нечего говорить, молодецъ въ характерныхъ... Ты сама знаешь.

Она не любила, чтобы нападали на „своихъ“, особенно изъ ея выпуска. Маруся, про которую сейчасъ стали „кумить“, была какъ разъ одного съ нею класса. Петя очень цѣнилъ въ Наручкиной эту черту. И вообще она съ характеромъ.

Вотъ и сегодня Надежда Теофилактовна сидитъ на диванѣ, въ званіи новорожденной, угощаетъ шоколадомъ и фруктами, а у ней на душѣ навѣрно „кошки скребуть“. Вѣдь Лушковъ можетъ и совсѣмъ ускользнуть отъ нея. Кто его знаетъ?! Изъ Москвы очутятся гдѣ-нибудь въ Монте-Карло съ деньгами, которыя вытянетъ у своей купчихи. Пока онъ жевать, его еще можно было придерживать страхомъ скандала. А если жена раз-

ведется съ нимъ, хотя бы онъ съ нею и сорвалъ большой кушъ, — тогда чѣмъ же его удержишь? И Онечка будетъ безприданница.

Въ дверяхъ повазалась мужская фигура.

Петя первый ее замѣтилъ.

Онъ уже раза два встрѣчался у Наручкиной съ писателемъ Малышевымъ. Это былъ онъ. Малышевъ интересовалъ его, только до сихъ поръ ему не удавалось завести съ нимъ „стоящій“ разговоръ, а на болѣе близкое знакомство съ нимъ Петя не напрашивался — не допускала его всегдашняя чопорность и „корректность“, надъ которой подсмѣивался графъ.

Въ Малышевѣ онъ уже разглядѣлъ слабость къ женщинамъ, подъ прикрытiемъ всегдашняго полу-шутливаго и какъ бы безцеремоннаго тона. Про свое „сочинительство“ Малышевъ съ танцовщицами не говорилъ, да и врядъ ли даже вотъ такія вострухи, какъ Юля Подревская, читали его; развѣ случайно въ фельетонахъ газетъ, гдѣ онъ печаталъ часто свои рассказы.

— А! Вячеславъ Кузьмичъ! — окликнула его хозяйка своимъ прiятнымъ контральто. — Чего хотите — чаю, кофею, шоколаду?

Малышевъ неторопливо пожалъ ея руку; но не поцѣловалъ. Онъ вынулъ платокъ и провелъ имъ по своимъ умнымъ, высматривающимъ глазамъ, потомъ повернулся къ дѣвицамъ. Онъ со всѣми былъ знакомъ, въ томъ числѣ и съ театральнымъ докторомъ, и съ нѣмцемъ, котораго звалъ „верзилой“, когда рассказывалъ объ этомъ балетномъ обществѣ своимъ прiателямъ изъ литераторовъ.

Петя поздоровался съ нимъ почтительно, но немножко чопорно.

— Откуда вы? — спросила его первая Подревская. — Что васъ не видно?

— Вѣдиль въ Москву, такъ же неторопливо, своимъ баскомъ мастерового отвѣтилъ Малышевъ, присаживаясь къ столу. Онъ сейчасъ же отщипнулъ себѣ одну ягоду винограда изъ вазы съ фруктами и сталъ ѣсть.

— Ну и что жъ? — спросила Наручкина тономъ любезной хозяйки.

— Москва! — подхватила Подревская. — Чтѣ вы въ ней нашли хорошаго? Знаемъ мы вашихъ московскихъ! Видали. Неужто въ балетѣ были?

— Былъ, — оттянулъ Малышевъ.

— Ну и какъ же? — спросила Тюльпанова.

— Сколько, я вамъ скажу, свѣженькихъ дѣвочекъ въ хордебалетѣ! И какія все хорошенькія!..

— Воображаю! — перебила Подревская.

— И въ солисткахъ... есть штучки—мое почтеніе. Особенно одна.

— Ну ужъ, ну ужъ! — заговорили разомъ всѣ три танцовщицы, пододвинувшись къ креслу, гдѣ сидѣлъ писатель.

— Тамъ какая-то сочинительница выискалась, — начала задорно Подревская. — Печатаеть всякую скучнѣйшую канитель. Исторію балета. И какая у нея цѣль?

— Вотъ глупости!—наивно встала Тюльпанова.

— Почему?—кликнула хозяйка.—Я сама не читала, а мнѣ говорила одна драматическая, что очень дѣльно. И она стоитъ горой за наше искусство.

— Именно, — полуслутивно подтвердилъ Малышевъ. — Можно и прекрасно танцовать, и статьи писать.

— Еще бы!—подтвердила Наручкина.

Докторъ и нѣмецъ—они еще не сказали ни слова—бивнули въ разъ головой въ знакъ согласія.

Петя подошелъ къ столу и, ставя свою чашку, выговорилъ мягко и немного докторально:

— И я читалъ эти статьи... Въ нихъ видна начитанность. И вы, mesdames, должны бы гордиться такими артистками. Но я думаю, что балетъ все-таки отживаетъ свой вѣкъ.

— Долговъ, какъ вы смѣете?—кривнула Подревская и погрозила ему.

— Это молодой человѣкъ такъ сказалъ, изъ принципа, — замѣтилъ въ томъ же тонѣ Малышевъ.

— Почему же?—обидчиво возразилъ Долговъ.

Ему въ эту минуту совсѣмъ не нравился этотъ „сочинитель“, хотя онъ и признавалъ въ немъ талантъ. Довольно и того, что онъ своими хитрыми и увѣренными глазами все вбираетъ въ себя, точно фотографическій аппаратъ, и потомъ, глядишь, въ какой-нибудь разговоръ тебя и вставить.

— Да потому, — лѣниво отвѣтилъ Малышевъ:—что каждый видъ искусства имѣетъ свой ходъ. И въ балетѣ своя красота — и она послѣдняго слова не сказала.

— Однако...

— Нечего, нечего, Долговъ! Безъ умничанья! — прикрикнула на него Подревская. — Лучше извольте насъ угостить вашими конфетами. Надежда Теофилактовна... душечка! Вы позволяете?

— Еще бы!

Петя кротко сталъ развертывать коробку, немного покраснѣвъ. Онъ чувствовалъ, что надо имѣть съ этими „дѣвчонками“ другой тонъ, — такой, какъ у его друга Костромина, не явившагося по-

здравить Наручкину: онъ былъ на охотѣ, а его подруга не совсемъ здорова и говорила ему, что не пойдетъ поздравлять Наручкину.

— Шоколадъ! Что это вы какъ траурно? А? Ахъ, Петюня! Подревская поднесла ему конфекту къ самому рту.

— Ну, извольте глотать! Только не умничать, слышите?

— Балетъ—дѣло хорошее,—выговаривъ Малышевъ и опять его рука протянулась къ висти винограда.

Петя не сталъ больше возражать и подсѣлъ къ хозяйкѣ.

VIII.

Наручкина оставила Петю обѣдать. За обѣдомъ много смѣялись и спорили и долго засидѣлись за кофеемъ. Мужчины были все тѣ же — докторъ и нѣмецъ. Они, послѣ кофею, сѣли съ двумя танцовщицами играть въ винтъ. Третья—Шмидтъ—запросилась домой. Малышевъ присѣлъ къ играющимъ; но самъ не игралъ.

Подъ голубымъ фонарикомъ, въ тѣсномъ будуарѣ, хозяйка помѣстилась съ ногами на глубокомъ диванѣ и закурила папиросу. Она увела съ собою Петю.

— А вы не хотите покурить?—спросила его Наручкина.

— Благодарю васъ.

— Красная дѣвица!

Ея длинные глаза, возбужденные обѣдомъ съ шампанскимъ и ливерами, поглядѣли на него ласково и съ усмѣшкой.

Петя не обидѣлся тѣмъ, что она назвала его „красной дѣвицей“. Она ему довѣряла, и онъ зналъ впередъ, что сейчасъ же Надежда Теофилактовна начнетъ говорить ему о своихъ интимныхъ дѣлахъ. Самъ онъ не желалъ вызывать ее на откровенность. Ему дѣлалось совѣстно: она до сихъ поръ, кажется, еще не знаетъ, что онъ сталъ близокъ къ Катеринѣ Денисовнѣ.

— Послушайте, Долговъ — начала Наручкина, нагнувъ къ нему голову и вполголоса:—вы вѣдь, голубчикъ, со мной не будете флиртить?

— Въ какомъ же это смыслѣ, Надежда Теофилактовна? — спросилъ Петя, немного встревоженный.

— Мнѣ говорили недавно, что вы съ женой моего чадушки въ пріятельствѣ состоите. А? Правда это?

Онъ не ожидалъ такого именно вопроса.

— Да, я ее давно знаю.

— А пока мнѣ объ этомъ молчѣть? У! Хитрый какой!

— Я не считала порядочнымъ, Надежда Теофилактовна, самому входить въ подробности. А скрывать я не буду. Зачѣмъ же? Но позвольте мнѣ сразу сказать вамъ вотъ что, — Пета выпрямилъ грудь: — Катерина Денисовна стремится теперь къ одному — освободить себя, во что бы то ни стало, отъ чести быть госпожой Лушковой.

— Это и мнѣ извѣстно. Но не въ томъ дѣло. Правда, что она его выгнала?

— Не могу сказать утвердительно, пустила она его къ себѣ, по возвращеніи изъ Москвы, или нѣтъ. Право, не знаю, Надежда Теофилактовна.

— Хитрите! Эхъ, какой вы!

Наручкина повела головой.

— Вовсе нѣтъ. Но согласитесь... мое положеніе чрезвычайно деликатное.

Ему слѣдовало бы признаться ей въ томъ, что онъ „кое-что“ сообщилъ графу въ интересахъ его любви къ Лушковой. Но въ этомъ не было ничего враждебнаго Наручкиной. Напротивъ!

Взволнованнымъ голосомъ Пета добавилъ:

— Вашихъ интересовъ я не нарушилъ, Надежда Теофилактовна, увѣряю васъ.

— Да вы все, голубчикъ, высокимъ слогомъ выражаетесь. Я вѣдь не прошу васъ переносить соръ. Всякая, на мѣстѣ вашей пріятельницы, повела бы себя такимъ же точно манеромъ. Въ одинъ годъ онъ ее обобралъ, да еще съ двумя женщинами жилъ. И продолжалъ пользоваться отъ своей московской купчихи. Я не хотѣла дѣлать скандала, когда онъ женился. Мнѣ эту барышню жаль было, да довольно онъ мнѣ самой опостылѣлъ. На мнѣ онъ не женился бы, да я и сама не добивалась никогда. И теперь, — она кивнула головой на дверь: — вотъ тотъ Эдуардовичъ, — съ юморомъ выговорила она: — только мизинцемъ я помани его — и сейчасъ подъ вѣнецъ поведетъ.

— Что жъ вы медлите? — осторожно замѣтилъ Пета.

— Лушкову въ руку не хочу играть. Онъ обязанъ обезпечить своего ребенка. Я его знаю, голубчикъ. Вѣдь я замужъ — Эдуардовичъ все готовъ будетъ прикрыть... а тотъ чадушко станетъ грозить отнять ребенка, вытягивать будетъ у насъ сначала по тысячѣ рублей, а тамъ и кушъ ему отвали. У меня, слава Богу, совѣсть есть. Я честнаго малаго, который въ меня смертельно влюбленъ, не желаю впутывать въ такую гадость.

И она даже сплюнула.

— Вы вѣдь, кто васъ знаетъ, Долговъ,—и она повела бровями:—пожалуй и меня считаете дрянью, не лучше Лушкова. Я прямо говорю: мнѣ дѣла теперь нѣтъ до того, гдѣ онъ раздобудетъ капиталъ. Но дочь свою онъ обязанъ обезпечить... Про себя я молчу. Хорошо и то, что больше онъ отъ меня вотъ этого не увидитъ.

И она показала на пальцѣ, сколько именно.

Въ головѣ Пети стоялъ вопросъ:

„Тебѣ, голубушка, желательно, чтобы Катерина Денисовна заплатила Лушкову подороже за свою свободу? Хоть и косвенно, но ты этого добиваешься?“

И вдругъ его охватило гадливое чувство отъ всей этой исторіи. Довольно уже и того, что онъ, волей-неволей, очутился между двумя женами Лушкова—законной и съ лѣвой стороны. Таманцеву онъ счелъ „своимъ долгомъ“ передать то, что узналъ здѣсь. И это до сихъ поръ можеть его. А дальше можетъ выйти что-нибудь уже совсѣмъ неопратное.

Изъ гостиной подошелъ къ двери Малышевъ и, просунувъ голову между портьерами, спросилъ:

— Сюда можно, Надежда Теофилактовна, или у васъ какіе секреты?

Наручкина, не мѣняя позы, откленинулась:

— Пожалуйте, пожалуйста, Вячеславъ Кузьмичъ. Никакихъ секретовъ! Вотъ сего господина хотѣла немного позондировать, да онъ не дается.

Малышеву было извѣстно многое про Лушкова—отчасти отъ нея самой, отчасти отъ другихъ.

— Вовсе нѣтъ!—вспыхнувъ, вскричалъ Петя.—Вы, какъ умная женщина, поймете, что мое положеніе щекотливое. Я такъ сочувствую той сторонѣ...

Благодушно-насмѣшливый взглядъ Малышева сначала прошелся по всей фигурѣ Долгова, потомъ повернулъ въ сторону Наручкиной.

— Можно попросить нѣкотораго объясненія? О комъ и о чемъ собственно идетъ рѣчь?

— Да о Лушковѣ—Наручкина затянулась дымомъ папиросы—и о его супругѣ. А Петръ Аркадьевичъ тамъ свой человѣкъ.

— Очутились, значитъ, между двухъ огней?—спросилъ Петя Малышевъ тономъ человѣка, для котораго все въ жизни гораздо проще, чѣмъ на это смотреть обыкновенно.

— Вовсе нѣтъ!—крикнула Наручкина.—Вы поймите, голубчикъ,—обратилась она къ Петѣ:—я этой барыни не касаюсь. Я

уже сказала вамъ, что мнѣ ее жаль. Всѣ мы глупы... извините... великосвѣтская ли барыня, или наша сестра—всѣ безъ исключенія! Вотъ и теперь... Она, поди, затѣмъ и развода будетъ добиваться, чтобы опять за какого-нибудь мусьяка въ такомъ же вкусѣ выйти, а?

Петя замѣтно повелъ плечами. Ему дѣлалось очень жутко.

— Да, кажется, и есть уже замѣститель?—спросила Наручкина и подмигнула Долгову.—Тотъ, съ кѣмъ Лупковъ хотѣлъ стрѣляться. Изъ-за этого скандала его и женили. Какъ бишь его? Онъ опять здѣсь. Мнѣ вчера Банарцевъ говорилъ — пріятель Лупкова; встрѣтилъ его у куафера, на Невскомъ. Графъ Таманцевъ, вспомнила. Онъ здѣсь? Вы должны знать.

— Да, онъ пріѣхалъ,—твердо выговорилъ Петя.

— Графъ Таманцевъ?—переспросилъ Малышевъ, въ сторону Долгова. Я его немножко знаю.

И, точно что-то вспомнивъ, онъ продолжалъ, глядя на Наручкину:

— Да тутъ, значить, цѣлое сплетеніе психическихъ мотивовъ. Пріѣхали сюда и живутъ въ нашихъ номерахъ сестры Болчановы. Одна, меньшая—очень красивая и ученая особа,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой глазъ. — Изъ того самаго уѣзда, гдѣ этотъ графъ игралъ роль большого радикала и народника. И, кажется, не совсѣмъ удачно.

Петѣ захотѣлось „осадить“ писателя; но онъ сдержалъ себя, зачуявъ что-то такое новое, чтó ему, какъ человѣку, преданному графу, необходимо знать.

— И что жъ эта красивая особа?—спросилъ онъ не совсѣмъ своимъ голосомъ.

— Да, кажется,—лѣниво продолжалъ Малышевъ, — жертва увлеченія... этимъ бариномъ.

— Жертва!—повторилъ Петя и опять сдержалъ смертельное желаніе осадить писателя.

Жертва! Развѣ графъ такой человѣкъ, чтобы сдѣлать порядочную дѣвушку жертвой? Можетъ быть, она сама „врѣзалась“ въ него? Но развѣ онъ виноватъ?

— Вы это отъ кого знаете?—позволилъ онъ себѣ суховатый вопросъ.

— Черезъ женскій полъ. Одна ея товарка также у насъ живетъ. Графъ здѣсь давно?—спросилъ Малышевъ.

— Недѣли съ двѣ.

— Вы его хорошо знаете?

Лгать Петя не хотѣлъ; но если сказать, въ какихъ онъ отно-

шеніяхъ въ Таманцеву—онъ выдастъ себя окончательно передъ Наручкиной.

— Мы давно знакомы, — отвѣтилъ онъ тѣмъ же суховатымъ звукомъ и взялся за часы.

Ему надо было удалиться, хотя ему опять смертельно захотѣлось услышать еще что-нибудь про „особу“, пріѣхавшую изъ уѣзда. О ней онъ не имѣлъ никакого понятія.

— Обращаетесь въ бѣгство? — спросила его Наручкина.

— Ей Богу, мнѣ пора.

— Ну, Богъ съ вами... Лукавый вы царедворецъ!

Петя не возразилъ и, поклонившись Малышеву, быстро удался.

IX.

— Какая мразь!

Возгласъ Клавдіи Спиридоновны раздался у окна большого номера, гдѣ сестры жили уже больше недѣли.

Она стояла въ своей любимой позѣ: ладони рукъ на бедрахъ. Фланелевый пеньюаръ былъ также деревенскій.

Колчановы занимали три комнаты въ нижнемъ этажѣ мебелированнаго дома, гдѣ писатель Малышевъ и Ветлугина жили постоянно.

— Мразь! — повторила она, характерно поводя своимъ крупнымъ ртомъ.

Петербургская погода сердила и подавляла ее. На хуторѣ стояла теперь суровая зима, но съ сухими морозными днями, съ солнцемъ, съ блескомъ снѣжныхъ пространствъ и алмазнымъ инеемъ деревьевъ вокругъ дома. Тамъ ей такъ бодро и весело живется—зимой не хуже, чѣмъ весной и лѣтомъ. И сколько тамъ осталось „зимняго“ хозяйскаго дѣла. Безъ нея оно не можетъ идти такъ, какъ подъ ея призоромъ. Но... она сама предложила сестрѣ ѣхать въ Петербургъ. Глафира стала каждый день говорить о своемъ желаніи сдѣлаться „медицкой“. Курсы въ Петербургѣ еще нѣтъ, но они могутъ открыться не сегодня-завтра, въ тому идетъ. А въ ожиданіи ихъ она подготовится въ аттестату зрѣлости и будетъ усиленно брать уроки греческаго, которому она тайкомъ начала учиться еще въ прошломъ году.

Не трудно было Клавдіи догадаться, что все это болѣе предлогъ, чѣмъ настоящій мотивъ. Глафиру влекло туда, гдѣ жилъ Таманцевъ. Теперь рѣшится здѣсь его судьба. Будетъ онъ мужемъ Лупшевой или нѣтъ? А если нѣтъ? Надо быть тутъ. Кто

знать? Быть может, онъ потерпитъ новое и болѣе тяжкое поражение. Когда же, какъ не въ такую минуту, явится добрымъ и преданнымъ другомъ?

Ничего такого Глафира ей не говорила. Но она стала хрипеть. Гордость отверженной или, по меньшей мѣрѣ, не раздѣленной страсти не поднимала ее духа. Она все ему прощала. Ей бы только согрѣться около этого „источника свѣта“ — какъ Клавдія про себя зоветъ иронически графа Андрея Павловича.

И какъ только она спросила: „почему бы намъ не пожить въ Петербургѣ?“ — Глафира вся вспыхнула, глаза разгорѣлись, она вскочила — разговоръ былъ за столомъ — подбѣжала къ ней, схватила ее обѣими руками за голову и жарко-жарко поцѣловала.

И въ два-три дня онѣ собрались. „Точно на пожаръ винулись“, — повторяла Клавдія про себя дорогой, въ вагонѣ, съ сильной головной болью — всегдашнимъ осложненіемъ ея поѣздокъ. Но Глая была ея „чадо“. Все, чтó сохранилось въ ея натурѣ нѣжнаго и отзывчиваго — потребность въ ласкѣ и нѣжности, было отдано младшей сестрѣ, и Глафира знала это.

Съ дороги онѣ послали депешу Ветлугиной — подыскать имъ временную квартиру, и та помѣстила ихъ въ своей же „меблировке“, гдѣ Клавдіи сразу стало тѣсно и душно. Она, по-купечески чистоплотная, привыкшая къ своей образцовой домовитости, испытывала постоянно брезгливое чувство отъ пыли и неряшества петербургскаго гарни средней руки.

— Клавденька! — окликнула ее Глафира изъ третьей комнаты.

Голосъ ея былъ простуженный — она схватила сильнѣйшій насморкъ.

— Чтó тебѣ, Глая?

Клавдія подошла къ полу-отворенной двери.

— Ты пойдешь со мной къ Ветлугиной?

— Когда?

— Да вотъ послѣ завтрака. Она говорила, что у нея будетъ Малышевъ.

— А онъ тебя интересуеть?

— Конечно. Да кромѣ того Илья Ефимовичъ просилъ поговорить съ нимъ.

— Ну, хорошо. Я позвоню, чтобы накрывали на столъ.

Прислуга была распущенная и приходилось звонить по многу разъ. Клавдія уже рѣшила, что больше мѣсяца она въ этомъ „сочинительскомъ лдговѣ“ не останется и уже подыскивала квартиру. Придется прожить здѣсь до конца поста, а можетъ быть и дольше.

Надо было немного приодѣться—и Клавдія вошла въ свою комнату, откуда ей стала видна голова сестры, сидѣвшей передъ зеркаломъ туалетнаго стола. Лицо Глафирѣ дорогой „обвѣтрило“ и даже кончикъ носа немного покраснѣлъ. Она въ ту минуту пудрила себѣ лицо.

„Бѣдная моя Гланя!—думала Клавдія, прикрывая половинку двери.—Зачѣмъ только она идетъ на новыя мытарства!“

А мытарства непременно начнутся. Нѣтъ никакого повода скрываться отъ графа. Онѣ съ нимъ простились друзьями—графъ былъ видимо тронутъ на желѣзной дорогѣ. Какъ только онъ узнаетъ, что онѣ здѣсь, сейчасъ же приѣдетъ. Какой онъ тамъ ни радикаль, а свѣтски воспитанный человекъ въ немъ сидитъ, несмотря на частыя вспышки его темперамента.

Да и сама Гланя уже волнуется, не видя его до сихъ поръ, только ей совѣстно заводить объ этомъ рѣчь, даже и съ сестрой. Не дальше, какъ дня два тому назадъ, Ветлугина спрашивала— „а гдѣ, молъ, тотъ графчикъ, изъ радикаловъ, что приѣзжалъ сюда *ходокомъ* за мужиковъ, а кончилъ скандальной исторіей?“

Клавдія боялась, какъ бы сестра не всмылила, не начала возмущаться „гнусной сплетней“. Ветлугина зубаста и говоритъ съ Глафирой точно та—дѣвочка гимназистка, а она—профессоръ. Вообще эта „дѣва“ не очень имъ обимъ нравится; но Глафира повторяетъ, что общество такой „специалистки“ полезно ей теперь, что Ветлугина поддержитъ въ ней „строго-научный духъ“.

Обѣ сестры—каждая въ своей комнатѣ—дованчивали свой туалетъ, пока коридорный, набонецъ-то явившійся послѣ четвертаго звонка, накрывалъ на столъ въ гостиной, служившей имъ и столовой.

Глафира внутренно негодовала на свой „гриппозный насморкъ“. Съ такимъ лицомъ ей не хотѣлось бы встрѣтить Таманцева. А надо было на этой же недѣлѣ написать ему. Она много разъ уже обдумывала записку. И все ей казалось неискреннимъ и суховато-сладкимъ. Лучше послать депешу, какъ только она немного посвѣжѣе будетъ себя чувствовать. Главное, когда носъ перестанетъ быть похожимъ на „пionъ“.

Въ Петербургѣ и ей не по себѣ. Но она себя подбадриваетъ строгой программой занятій. Надо къ веснѣ быть настолько сильной въ греческомъ, чтобы къ слѣдующему сентябрю выдержатъ на аттестатъ зрѣлости—въ Москвѣ, въ классической женской гимназій—„у Фишероу“, какъ онѣ отзывались съ сестрой.

Голова ея безпрестанно перебирала соображенія усердной студентки, но Глафира была слишкомъ честна, чтобы обманы-

вать себя. Она не было. Безпрестанно наворачивались слезы. Книга не захватывала ее, что бы она ни читала. Она и боялась встрѣчи съ графомъ, и готовилась къ ней съ замираніемъ сердца. Чѣмъ чаще она станетъ его видѣть, чѣмъ проще и искреннѣе будетъ его дружескій тонъ съ нею, тѣмъ она скорѣе „вылечится“. Она должна его довести до того, чтобы онъ разсказывалъ ей все про свою Кэтъ. Вылечиться надо, иначе наживешь полную нервную прострацію и превратишься въ „вликлушу“. У нея уже было два сильныхъ приступа истерики на одной недѣлѣ.

Глафира бросила послѣдній взглядъ въ зеркало и встала, стережь съ лица пудру.

X.

Въ темномъ, узкомъ и совсѣмъ закуренномъ номерѣ Ветлугиной хозяйка его, все въ томъ же пальто, какъ и прошлой зимой, ходила передъ диваномъ, засунувъ руки въ карманы.

На диванѣ сидѣли сестры Колчановы. Какъ будто всё онѣ ждали кого-то.

— Онъ непременно зайдетъ, а если что, я спосылаю,— сказала увѣренно Ветлугина и указала на дверь, гдѣ былъ звонокъ.

Она закурила папиросу и, затаившись, вернулась на средину номера.

— Значить, тебѣ нужно поскорѣе хорошаго классива?— спросила она тономъ авторитетной учительницы.

— Что же терять время,—отвѣтила Глафира, почему-то возбужденная ожиданіемъ знакомства съ Малышевымъ.

— Дѣло хорошее... только вотъ что тутъ не очень мнѣ нравится: все это отзывается утилитаризмомъ.

— Какъ же это, Анна Егоровна?—оливнула Ветлугину Клавдія, улыбнувшись своими большими властными глазами.

— Какъ?—повторила своимъ зычнымъ голосомъ Ветлугина.— А то какъ же? Вѣдь для нея—она указала рукой на Глафиру—греческій нуженъ не an und für sich, а только какъ средство раздобыть себѣ аттестатъ зрѣлости.

— Понятное дѣло,—сказала Глафира, немного сдвинувъ брови. Тонъ Ветлугиной начиналъ ее раздражать.

— Довольно она изъ любви къ искусству сидѣла надъ разными языками и словесными науками,—полу-шута замѣтила Клавдія.

— Врядъ ли!—возразила Ветлугина и обернулась на каб-

дукъ. Все это — дилеттанство, Глафирочка милая, а не настоящее служеніе наукъ, ergo: утилитаризмъ и просвѣтительные опыты.

Глафира сдѣлала нервное движеніе, собираясь возражать, — но въ номеръ вошелъ Малышевъ.

Клавдія онъ поваялся, какъ когда-то Таманцеву, похожимъ на „подмастерье“. Глафира нашла его лицо насмѣшливо-умнымъ. Ей стало сдаваться, по послѣднимъ его статьямъ, что этотъ беллетристъ-художникъ презираетъ человѣка вообще.

— А! Пожалуйте... Пожалуйте! — крикнула ему Ветлугина и, не подавая руки, подвела къ сестрамъ. Вотъ моя молодая товарка — Колчанова, о которой много говорено было при васъ, и ея сестра Клавдія Спиридоновна. А Вячеслава Кузьмича нечего вамъ рекомендовать... Самъ себя достаточно рекомендуетъ передъ русской публикой.

Объ сестры разомъ подумали:

„Какъ она передъ нимъ таетъ!“

Въ Ветлугиной сквозъ рѣзковатый, увѣренный тонъ проглядывала влюбленность старѣющей дѣвицы.

Малышевъ сдѣлалъ сестрамъ два короткихъ кивка головой — какъ кланяются мастерамъ. Каждая протянула ему руку. Пожалъ онъ ихъ такимъ же короткимъ движеніемъ, присѣлъ къ ломберному столу, служившему Ветлугиной письменнымъ, и, закуривъ, вытянулъ ноги.

— Она, — Ветлугина указала рукой на Глафиру: — опять къ вамъ съ грамоткой отъ вашего товарища, земскаго врача, какъ бишь его фамилія, Глафира?

— Домашневъ.

— Да! Онъ, должно быть, изъ тѣхъ земскихъ эскулаповъ, которыми весь Петербургъ залюбовался здѣсь на съѣздѣ? Героическіе экземпляры, суроваго вида, многоглаголивые, съ подоплекой, съ нутромъ. Чтѣ твой гомерическіе атриды! Вотъ будешь зубрить, Глафира, изъ Иліады:

„Атрондѣсь тѣ аваксъ андронъ кай діосъ Ахиллесъ“...

— Ха, ха!

Она скандировала почему-то въ носъ и съ особой франтоватостью ученой словесницы, которая выучилась по-гречески „шута“, между дѣломъ.

Въ глазахъ Малышева заиграли усмѣшка.

— Милѣйшій Ілья Ефимовичъ, — заговорилъ онъ не спѣша и съ покачиваньемъ головы: — будь онъ на этомъ съѣздѣ, пустилъ бы много жалкихъ словъ.

Глафиру точно что укулоло.

— Илья Ефимовичъ,—возразила она, сдерживая себя,—былъ задержанъ во время этого съѣзда эпидеміей въ уѣздѣ. Но еслибъ онъ принялъ участіе въ засѣданіяхъ, онъ сумѣлъ бы сказать много правды, и такой, которая давно стоитъ на очереди.

— На здоровье!—откликнулся тѣмъ же тономъ Малышевъ.— Я и не сомнѣваюсь. Только у насъ вотъ съ Анной Егоровной нѣтъ большого пристрастія къ слишкомъ прямолинейнымъ просвѣтителямъ. У васъ, я вижу, въ уѣздѣ какая-то школа гражданской доблести. Помните,—вскинулъ онъ головой въ сторону Ветлугиной и прядь волосъ упала ему на лобъ:—тотъ баринъ прѣзжалъ... какъ бишь его... графъ Таманцевъ. Никакъ онъ и теперь здѣсь... Мнѣ въ газетѣ говорили кто-то намедни... Кажется, Луцкій.

— Помню, помню! Головой похожъ на Марка Аврелія?

— Ну и что же?—спросила Клавдія, которой тонъ писателя не нравился, но она считала это за манеру; самъ онъ врядъ ли такого издѣвающагося надъ всѣмъ ума.

„Презираеть, презираеть все человѣчество!“—подумала Глафира, чувствуя, какъ теплота внезапно вступила ей въ лицо.

— Вы и его, конечно, знаете?

— Графа?—откликнулась Клавдія своимъ хозяйскимъ тономъ.— Конечно. Это нашъ ближайшій сосѣдъ.

— Что же онъ? Все еще находится подъ ферулой Домашнева? Или деревня отрезвила его и онъ вернулся пожуривать?

— Почему же вы такъ понимаете графа?—заговорила Глафира, бросивъ на Клавдію взглядъ.— Онъ очень самобытная личность. И въ послѣднее время у нихъ съ докторомъ шли большія пренія.

— Значить, поумнѣлъ?—спросила Ветлугина.

— Объ умѣ его, кажется, смѣшно говорить,—замѣтила Глафира порывче, и сестра ея начала бояться, какъ бы не выпло схватки опять за графа.

Но и ей ни писатель, ни Ветлугина, не были по душѣ. Она сочла нужнымъ вступить въ разговоръ и удержать Глафиру отъ опасности выдать себя передъ этой „дѣвулей“.

— Графъ вовсе не книжный человѣкъ,—начала она вѣско, поглядывая то на Малышева, то на Ветлугину.— Ему деревня въ прокъ пойдетъ—я это вижу...

— Чѣмъ же онъ занимается?—перебилъ ее Малышевъ.— Какъ слѣдуетъ хозяйничаетъ? Или играетъ только роль въ уѣздѣ?

— Если хотите,—не выдержала Глафира:—ни то, ни дру-

гое. Онъ—безсребренникъ. Извлекать большіе доходы изъ своего имѣнія, это не его идеаль.

— Чтожъ... въ толстовцахъ, что-ли, состоятъ?

— Вовсе нѣтъ! Какъ будто нельзя съ толкомъ жить въ уѣздѣ и не быть ни скопидомомъ, ни мистическимъ народникомъ?

— А развѣ я это сказалъ?—спросилъ шутливо Малышевъ, оглянувшись на Ветлугину.

Объимъ сестрамъ тонъ этого вопроса понравился еще менѣе, чѣмъ все предъидущее.

— У графа Андрея Павловича,—горячѣ заговорила Глафира:—нѣтъ еще никакой почетной должности въ уѣздѣ. Да онъ, кажется, лишенъ честолюбія... дурного,—прибавила она съ удавленіемъ.

— Что же онъ? Благодѣтель уѣзда? Или примѣръ гражданскаго мужества?—перебила Ветлугина въ тонъ Малышеву.

— Онъ дѣлаетъ то, что надо теперь дѣлать въ деревнѣ всѣмъ, кто любитъ родину,—въ тонъ ей отвѣтила Глафира и выпрямилась.—Занимаетъ скромное мѣсто самаго развитого и великодушнаго земскаго человѣка. Все, что нужно поддержать, онъ поддержитъ, не играя въ благодѣтели; ничего не домогается, ничего не тормазитъ. Въ такихъ дворянахъ всего больше нуждается теперь уѣздъ.

— Пожалуй и такъ,—отозвался какъ бы про себя Малышевъ и поглядѣлъ пристально на сестеръ. Въ этомъ взглядѣ было: „вы, пожалуйста, не думайте, что я глупѣе и ретрограднѣе васъ; только я не желаю поддакивать вамъ въ слащавомъ тонѣ“.

— Пожалуй, вы и правы,—повторилъ онъ.—Это едва ли не самая умная роль... для тѣхъ, кто обрекаетъ себя на сидѣнье въ деревнѣ. Только я, признаюсь, не очень вѣрю и въ безорыстіе дворянскихъ чувствъ. Теперь барину плохо приходится. Отъ сермяги ни преданности, ни уваженія, ни хлѣба-соли, ни ручниковъ, ни яичекъ, въ видѣ вѣрноподанническихъ приношеній.

— Графъ не изъ такихъ!—начала-было Глафира цѣлую тираду, но ее остановилъ быстрый взглядъ сестры: „не трать-де пороку“.

— Словомъ, твой графчикъ, — кинула ей Ветлугина:—герцогъ Герольдштейнскій или, какъ бишь его?.. Изъ „Парижскихъ тайнъ“?

Коридорный вошелъ, не постучавшись, и доложилъ:

— Господинъ васъ спрашиваетъ.

Онъ подалъ карточку Клавдіи.

Это былъ Таманцевъ.

XI.

Клавдія ласково оглядывала гостя. Они сидѣли вдвоемъ на диванѣ въ большой комнатѣ ихъ номера.

Глафира осталась на минуту у Велугиной. Та удержала ее: имъ надо было столковаться насчетъ учителя греческаго языка. Да такъ и лучше было: это дастъ ей время оправиться.

— Спасибо, — весело заговорила Клавдія: — спасибо вамъ, графъ. Сейчасъ же нашли насъ. А мы собирались послать вамъ депешу.

Она сразу замѣтила, что Таманцевъ похудѣлъ въ лицѣ; но въ глазахъ и въ движеніяхъ головы было что-то новое, какая-то бодрая возбужденность. Даже голосъ сталъ мягче и задушевнѣе.

„Онъ любимъ“, подумала она, и ей стало жутко за „Гланю“.

— А какъ вы узнали, что мы уже здѣсь? — спросила она громче, подавляя горькое чувство за сестру.

— Узналъ, — улыбнувшись, отвѣтилъ Таманцевъ.

Узналъ онъ все отъ того же Пети Долгова. Тотъ „счелъ долгомъ“ передать ему разговоръ у танцовщицы Наручкиной.

— Вотъ вы какой милый... И въ Петербургѣ такой же, какъ и въ деревнѣ.

— А вы развѣ сомнѣвались во мнѣ? И Глафира Спиридоновна? — прибавилъ онъ самымъ простымъ тономъ.

— Ну ужъ Глафира... Вы вѣдь знаете, что она въ васъ вѣруеть безусловно, — протянула Клавдія съ блескомъ въ глазахъ. — Вотъ сейчасъ вы были легки на поминѣ. Тамъ сидѣлъ писатель Малышевъ... вы его знаете, кажется?

— Былъ у него, ровно годъ назадъ, и въ этомъ самомъ гарни.

— И какъ онъ на вашъ веусъ?

Клавдія подмигнула по-пріятельски.

— Умень и даровитъ. Но не таковъ, какимъ я себѣ его представлялъ.

— Въ одно слово! И я то же скажу. Какой-то на все взглядъ съ кандачка. Вы знаете — я вѣдь не идеалистка. И на деревню, и на мужика, и вообще на русскую жизнь смотрю по-своему, больше по-купецки, чѣмъ по-барски — или вотъ какъ господа народники требуютъ. Но я не раздѣляю и такого... какъ бы это помягче сказать... умничанья. И нѣтъ ли тутъ рисовки?

— Можетъ быть. Онъ художникъ, а художники на все по-своему смотреть.

— Ну, какъ вы себя чувствуете въ Петербургѣ, Андрей Павловичъ?—спросила, мѣняя тонъ, Клавдія и еще ласковѣе поглядѣла на него.

— Я не замѣчаю совсѣмъ—какъ,—тихой, искренней нотой откликнулся Таманцевъ и опустилъ немного голову.

— Такъ васъ жизнь захватываетъ?

— Жизнь—сила, Клавдія Спиридоновна.

И, пододвинувшись къ ней, Таманцевъ продолжалъ еще искреннѣе:

— Петербургъ—безопасный городъ. Сейчасъ схватить тебя клещами и въ какую прорву затянуть—неизвѣстно. Но отъ своей судьбы не уйдешь. Еслибъ я былъ мужикъ, я бы сказалъ съ наивной вѣрой: „Никто, какъ Богъ“.

— Это на васъ не похоже, графъ. Вы не фаталистъ, и воля у васъ есть.

— Полно, есть ли? — возразилъ онъ вдумчиво. — Не знаю, Клавдія Спиридоновна, не знаю,—проговорилъ онъ медленнѣе.— Я не люблю повторять избитыхъ фразъ о свободной волѣ. Но развѣ не правда, что мы безсильны передъ тѣмъ, что захватило насъ?

Въ первый разъ онъ говорилъ такъ съ нею. Ему нужна была наперсница. Съ нею онъ могъ изливаться, не думая ни о какой неловкости. Клавдія знала отъ доктора Домашнева про ихъ разговоръ, бывший незадолго до отъѣзда Таманцева. Чувство Глафиры не было и для него тайной.

Слѣва отъ крайней комнаты Клавдія сейчасъ же слышала легкій шорохъ. Это вернулась Глафира и оправляется. Какъ ее должна беспокоить краснота щекъ и носа отъ несноснаго насморка! Можетъ быть, переѣмлетъ лифъ.

„Бѣдная моя Глая!—мысленно проговорила Клавдія.— Станетъ онъ теперь разбирать твой цвѣтъ лица!“

— А какъ здоровье Глафиры Спиридоновны?—спросилъ Таманцевъ.

— Простудилась... ужасный насморкъ. Да вотъ она сейчасъ будетъ. Ее тамъ задержали на минутку... Кажется, она уже пришла,—добавила Клавдія и поглядѣла на дверь.— Вы не знаете, Андрей Павловичъ,—Глая рѣшила изучать медицину.

— Это ваше вліяніе, Клавдія Спиридоновна?

— Нѣтъ,—оттанула Клавдія и повела головой.— Я тутъ не при чемъ. Въ Гланѣ произошелъ кризисъ, самъ собою. Это живанъ деревни сдѣлала. Ей хочется живого дѣла. А какъ же народу прямѣ служить, какъ не по лекарской части?

— Да вѣдь курсы давно уничтожены.

— Есть надежда, что опять воскреснуть. А нельзя будетъ здѣсь—уѣхать за границу.

— А вы останетесь... въ одиночествѣ?

— Мало ли чтѣ! Вотъ теперь она и принимается здѣсь вновь за греческій—для аттестата зрѣлости.

Шелковистый шелестъ нижней юбки раздался за дверью, и Глафира вошла къ нимъ скорой и легкой походкой. Слѣды пудры Клавдія сейчасъ же примѣтила; и прическу Глафира успѣла поправить, и надѣть другой кружевной пластронъ.

— Андрей Павловичъ! Отыскали насъ! Какой вы хорошій!

Она протанула ему обѣ руки, и ихъ встрѣча вышла такой пріятельски-простой, что у Клавдія сейчасъ же отлегло на сердцѣ.

Оба они стояли по срединѣ комнаты, и ихъ рукопожатіе еще не кончилось.

— Кажется... о моей особѣ была рѣчь?—спросила Глафира и подвела Таманцева къ дивану.

— О васъ, о васъ, Глафира Спиридоновна... Новость для меня... большая: вы хотите быть?..

— Медичкой? — досказала Глафира. — Это васъ удивляетъ? Да, хочу, какъ въ средніе вѣка, пройти весь кругъ знаній. Но не затѣмъ, чтобы только говорить de omni re scibili. Клавденъка меня заразила. Потянуло къ практикѣ.

— И останетесь здѣсь, въ Петербургѣ? — спросилъ Таманцевъ.

— Пока здѣсь. Домой вернусь не раньше лѣта,—выговорила Глафира твердымъ голосомъ и смѣло глядя на Таманцева. — А вы, Андрей Павловичъ?

— Не могу за себя отвѣтить.

Таманцевъ тряхнулъ своей курчавой головой.

— И не таетъ въ деревню?—спросила Клавдія шутливо.

— Андрей Павловичъ довольно положилъ подошлеки на нашъ уѣздъ,—заговорила Глафира своимъ обычнымъ горячимъ тономъ.—Имѣетъ полное право и отрясти прахъ съ своихъ сандалій.

— Слышите, графъ, — вмѣшалась Клавдія:—въ медики собралась, а сейчасъ сандалиі, ха, ха!

— Нѣтъ, Глафира Спиридоновна, я изъ уѣзда не убѣжалъ. Туда я вернусь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вы знаете, мой образецъ—это сестрица ваша. То, чтѣ она въ хозяйствѣ, то я долженъ быть во всѣхъ другихъ статьяхъ. Простой свайръ въ

аглицкомъ духѣ. Сидѣть на землѣ не для себя, а для уѣзда. Петербургъ не переселить.

— Ой ли?!—вырвался возгласъ у Клавдія.

— По крайней мѣрѣ, я не сдамся до послѣдней крайности. Таманцевъ всталъ.

— Неужели вы бѣжите?—вскричала Глафіра.—Это ужъ со-всѣмъ по-петербургски.

— Видно, развѣдковъ много?—спросила Клавдія и поднялась вмѣстѣ съ сестрой.

— Этотъ визитъ не въ счетъ.

И онъ протянулъ обѣ руки сначала Глафирѣ, потомъ Клавдію.

— Когда же увидимъ васъ?—спросила Клавдія.

— Да я мечтаю... не прійдете ли ко мнѣ... такъ, по-мужски—по-пріятельски, — поправился онъ: — позавтракать или пообѣдать? А?

Длиныя рѣсницы Глафиры нервно вздрогнули.

Она быстро взглянула на сестру.

— Чтожъ! Спасибо. Втроемъ поѣдимъ, какъ у насъ въ Болчановѣ,—откликнулась Клавдія.

Обѣ проводили его до передней и даже вышли въ коридоръ.

— Только, Андрей Павловичъ, — заговорила Глафіра вполголоса,—дайте немного оправиться отъ насморка.

— И туалетномъ обзавестись,—добавила Клавдія.

— Слишкомъ долго ждать! Мы—по-деревенски!

Всѣ трое разомъ разсмѣялись.

Когда шаги Таманцева смолкли и дверь сѣней хлопнула, Клавдія, все еще стоя у дверей, взяла сестру за талію и сказала ей, цѣлуя ее въ въ високъ, полушопотомъ:

— Можетъ быть, и домой уѣдетъ одинъ?

Та только дрогнула всѣмъ тѣломъ и горячо отвѣтила:

— Кто знаетъ—и мы ему здѣсь пригодимся, Клавденышка!

ХП.

Мраморная лѣстница вела Таманцева въ бель-этажъ отеля. Онъ не былъ тутъ очень давно, а когда-то и самъ жилъ разъ, юношей, вернувшись изъ-за границы.

Что бы онъ сказалъ еще два-три мѣсяца назадъ, еслибъ кто-нибудь напроорочилъ ему: „вы поѣдете къ Лушкову въ роли бракоразводнаго агента“.

И вотъ онъ поднимается къ Лушкову, подавляя въ себѣ чувство неловкости. Онъ дѣлаетъ это для любимой женщины. Не дальше какъ вчера онъ самъ предложилъ ей поѣхать къ Лушкову.

Кэтъ не пустила къ себѣ мужа по возвращеніи его изъ Москвы. Опять черезъ Петю Долгова узналъ Таманцевъ, что Лушкову не удалось стянуть съ своей вупчихи крупнаго куша. Теперь онъ не будетъ упираться дать разводъ и возьметъ отступного.

Цифра этого отступного еще неясно вырисовывалась въ головѣ Таманцева. Не щемилъ его и вопросъ: гдѣ достать эту сумму? Кэтъ готова потерять половину того, что у нея осталось—только бы ей сбросить съ себя имя Лушкова. Фактической свободы ей мало. Ей обѣщано выдать отдѣльный видъ на жительство, и мужу не позволять дѣлать ей „гадости“. Даже у тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ, гдѣ онъ былъ такъ долго своимъ человекомъ, на него стали немного коситься. Опасной для Кэтъ поддержки онъ не найдетъ.

Но ей предстояло личное объясненіе съ Лушковымъ, и это такъ ей противно, что онъ не могъ не вызваться. И сдѣлалъ онъ это, не скрѣпя сердце, а въ порывѣ. Ему захотѣлось пройти для нея черезъ самое тяжелое испытаніе; а что можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ такой разговоръ съ господиномъ Лушковымъ?

Вчера же Таманцевъ послалъ ему депешу съ отвѣтомъ, подписавъ ее полнымъ именемъ, и къ вечеру получилъ отвѣтъ, весьма вѣжливый.

Глаза Таманцева остановились на большихъ часахъ лѣстницы.

Лушковъ просилъ быть у него въ одиннадцать — и стрѣлка показывала четыре минуты двѣнадцатаго.

Въ концѣ коридора направо онъ вошелъ въ маленькую переднюю нумера съ стеклянной дверью и постучалъ.

Ему сейчасъ же отвѣтилъ голосъ, который онъ не сразу узналъ.

— Entrez!—еще разъ крикнули изъ-за двери.

Въ просторной гостиной съ каминомъ Лушковъ стоялъ лицомъ къ входу, въ бѣломъ фланелевомъ домашнемъ костюмѣ, съ тонкими розовыми полосками, въ шоловой рубашкѣ и лаковыхъ башмакахъ.

Онъ съ прошлаго года похудѣлъ и постарѣлъ; но усы такъ же задорно торчали вверхъ; на щекахъ были слѣды пудры; маковка рѣдѣла; на лбу тѣ же волочки, которыми Таманцевъ дразнилъ въ прошедшую зиму Петю Долгова.

— Prenez place! — пригласилъ гостя Лужковъ, протягивая ему руку, всю въ кольцахъ.

Они сѣли около камина. Лужковъ вытянулъ ноги и показалъ шелковые полосатые носки. Въ лицѣ его не было ни малѣйшаго смущенія. Онъ улыбался и держалъ себя щепетильно-вѣжливо.

Таманцевъ нарочно заговорилъ по-русски. По крайней мѣрѣ, Лужковъ не будетъ раздражать его своимъ фатовскимъ жаргономъ и выговоромъ. Вѣдь онъ говоритъ же по-русски съ своими двумя любовницами: петербургской танцовщицей и московской купчихой.

Съ первыхъ же фразъ разговора Лужковъ, не уклоняясь отъ русскаго языка, принялъ тонъ, какаго нивакъ не ожидалъ Таманцевъ. Какъ будто дѣло шло о чемъ-то такомъ, что два умныхъ и бывалыхъ человѣка съумѣютъ обработать безъ малѣйшей неловкости.

Передъ Таманцевымъ былъ вовсе не соперникъ, но мужъ, хотя и невѣрный, но все-таки мужъ, съ формальными правами; да онъ, повидимому, и не желалъ дѣлать малѣйшаго намека на свои права.

„Ты хитришь, милый мой, — подумалъ Таманцевъ: — хочешь содрать лишнее за свое избѣсанное джентльменство“.

Но въ немъ самомъ не шевелилось никакого сильнаго чувства. Ему ужъ не было жутко отъ своей „мисси“ — отъ роли бракоразводнаго агента. И самая личность Лужкова не возмущала его, а казалась скорѣе курьезной.

— Мы не будемъ, — говорилъ ему Лужковъ, точно читая по печатному, — мы не будемъ входить въ ненужныя детали. Мы другъ друга понимаемъ.

Онъ перемѣнилъ позу и положилъ одну ногу на другую по-англійски, поперекъ, и оглядѣлъ рисунокъ своего башмака.

Таманцевъ только кивнулъ головой.

— Стало быть, — продолжалъ Лужковъ, растягивая слова: — *voппement et simplement*... Что же Катеринѣ Денисовнѣ угодно наконецъ? Она не можетъ же требовать того, чтобы я самъ бралъ на себя... проходить черезъ всё мытарства?

„Вонъ ты какъ хлѣстко говоришь по-русски!“ — подумалъ Таманцевъ, и его настроеніе стало еще спокойнѣе. Онъ, точно романистъ, наблюдалъ этотъ экземпляръ петербургскаго свѣта. Невольно подумалъ онъ о Малышевѣ, какъ бы тотъ поглотилъ въ одинъ присѣсть такого Лужкова.

— Вы меня понимаете? — спросилъ съ удареніемъ Лужковъ.

— Понимаю, — отвѣтил Таманцевъ съ новымъ наклономъ головы.

— Остальное—детали... Но между людьми de notre bord,— прибавилъ Лушковъ, картавя:—детали—дѣло специалистовъ.

И онъ засмѣялся немного хрипло и сильно въ носъ, прислонясь къ спинкѣ своего кресла.

Гость взглянулъ на него вопросительно.

— Для этого есть такія добрыя души, которыя... *heureusement* *finances*... берутъ на себя переговоры.

Таманцевъ не могъ воздержаться отъ нервной передышки: съ него свалилась обуза. Ему лично не надо входить въ неприятные переговоры о суммѣ отступного.

Лушковъ ни однимъ звукомъ не обмолвился о своихъ требованіяхъ; но подъ его уступчиво-благодушнымъ тономъ чувался „кушъ“.

— Конечно, конечно, — торопливо проговорилъ Таманцевъ, ища нити для дальнѣйшаго разговора.

— Катерина Денисовна, какъ нервная женщина, слишкомъ... — Лушковъ искалъ русскаго слова:—*enfin, elle est trop fantaisiste*. Надо быть терпимымъ. У нихъ, у женщинъ,—пояснилъ онъ:—другая натура. Я, кажется, показалъ ей, что ни на что рѣзкое и непорядочное не способенъ.

„Конечно!“ — воскликнулъ про себя Таманцевъ.

— Она меня лишила... вдова... *N'est-ce pas, c'est ainsi qu'on le dit en style russe—lapidaire?* Hein? Ха, ха!

И, сдѣлавъ жестъ правой рукой, онъ продолжалъ:

— Я буду имѣть честь обратиться къ ней. Надо же намъ произвести раздѣлъ нашего *meuble* безъ всякой исторіи. Вы видите, что нельзя быть миролюбивѣе меня. Не правда ли? Пожалуйста, успокойте... вашего друга, Катерину Денисовну.

Лушковъ всталъ. За нимъ приподнялся и Таманцевъ.

— Какъ это странно! — другимъ, шутливо-искреннимъ звукомъ началъ Лушковъ. — *Bigrement drôle!* — выговорилъ онъ какъ бы про себя. — Вы не находите?

— Что такое?—недоумѣвающимъ тономъ спросилъ Таманцевъ.

— Между нами... теперь это позади... — Лушковъ заморгалъ на особый ладъ.—Помните... Годъ тому назадъ? Мы собрались... *pour souper la gorge*... И вы, *raison*, были главной причиной... *deux ex machina*,—выговорилъ онъ съ французскимъ акцентомъ.—Безъ васъ вашъ покорный слуга врядъ ли былъ бы супругомъ Катерины Денисовны... Но, пожалуйста, извините меня за эти слова! Лушковъ протянулъ ему руку.

— Знаете... Нѣмцы, кажется, въ такихъ случаяхъ говорятъ: „nicht schlimm gemeint“? Вѣдь такъ?

— Совершенно такъ.

— И вотъ вы теперь... совсѣмъ въ другомъ качествѣ.

Кровь прилила къ щекамъ Таманцева.

— Я ничего не хочу этимъ сказать. Это не мое дѣло. Но, знаете... еслибъ мы съ вами встрѣтились въ другихъ условіяхъ, мы бы поняли другъ друга. Стоитъ ли власть свою душу во чтѣ бы то ни было? И прежде всего въ женщины? Помните вы одинъ старій водевиль: какой-то господинъ попадаетъ изъ одной гадости въ другую, и повторяетъ: „Il faut prendre la vie spirituellement“. N'est-ce pas? Puisque tout passe, tout casse, tout lasse— la devise de Sarah, la grande roseuse! Ха, ха!

Таманцевъ пошатнулся къ выходу. Лушковъ граціознымъ жестомъ отворилъ ему половину двери и сказалъ съ удареніемъ:

— Bonne chance. Et sans rancune pour le passé!

На это гость его не нашелъ отвѣта.

XIII.

Все въ той же позѣ, какъ и годъ назадъ, сидѣлъ полулежа на кушеткѣ передъ своимъ племянникомъ генералъ Дергуновъ, въ свѣтло-сѣромъ короткомъ пальтоцѣ и бѣломъ жилетѣ.

И такимъ же точно жестомъ отложилъ онъ газету на столъ и потянулся.

Генералъ за одинъ годъ замѣтно постарѣлъ, хотя и подбадривалъ себя по прежнему.

Волосы на головѣ не порѣдѣли, но были почти совсѣмъ бѣлые. Усы онъ неизмѣнно фабриль. Глаза сильно потускнѣли, и въ лицѣ явилась старческая худоба; но голосъ былъ еще съ сильными хрипловатыми звуками.

Таманцевъ сѣлъ около кушетки и оглядѣлъ своего дядю.

Онъ не чувствовалъ ни тревоги, ни раздраженія. Генералъ казался ему теперь совсѣмъ не такимъ, какъ въ прошломъ году. Даже смѣшиновато дѣлалось ему отъ того, что онъ могъ тогда такъ „въ суркѣзъ“ относиться къ нему.

Но настоящій поводъ его сегодняшняго визита былъ довольно серьезный, и онъ это сразу не разсудилъ показывать.

— Такъ ты здѣсь уже нѣкоторое время обрѣтаешься? — спросилъ Дергуновъ, поглядывая на племянника вбокъ и севозъ золотое рince-nez.

Онъ даже не прибавилъ:

„А во мнѣ — ни ногой“.

Его племянникъ чувствовалъ, что съ прошлаго года въ дядѣ осталось пренебрежительное чувство къ его „шалымъ“ мнѣніямъ и поступкамъ.

— Недѣли съ двѣ, дядюшка.

— А-а! — протянулъ генераль. — Что-жъ? Опять мужицкимъ облакатомъ?

— Нѣтъ, дядюшка, по своимъ дѣламъ.

— Или еще до сихъ поръ не надобно торчать тамъ въ роли народника? А тебѣ тѣ... какъ бишь ихъ... муражинскіе мужики, какъ у Горбунова въ рассказѣ о попѣ, — „въ фіолетовую-то наложили“?

Генераль пренебрежительно выдохнулъ воздухъ изъ своей еще могучей груди и подобралъ подѣ себя правую ногу.

— Наложили, если хотите, — добродушно отозвался Таманцевъ.

— Тутъ былъ вашъ губернаторъ. И теперь еще, кажется, здѣсь. Ты съ нимъ видѣлся недавно?

— Да, обѣдалъ у него.

— То-то. Онъ къ тебѣ очень расположенъ. Ужъ не знаю почему. Хитрятъ они... теперешніе дипломаты. А по моему, такіе дворяне, какъ ты, только компрометируютъ значеніе сословія.

— Можетъ быть, дядюшка.

Что бы генераль ни изрекъ, Таманцевъ чувствовалъ, что онъ возмущаться не въ состояніи. Все это выходило точно въ какой-то комедіи, гдѣ извѣстнаго рода типъ долженъ говорить непременно такіа-то фразы и быть такимъ, а не другимъ способомъ загримированъ.

— И ты доволенъ? Или, быть можетъ, наложилъ на себя такой подвигъ? Такъ лучше бы уже ты тамъ, à la Tolstoj, скитъ завелъ съ опростѣлыми дѣвками и самъ началъ бы пахать. А?

— Этого не собираюсь дѣлать, дядюшка.

— Было бы, по крайней мѣрѣ, вѣрнѣе. Губернаторъ вашъ говорилъ мнѣ, что тебя провалили на черныахъ. И выбрали въ предсѣдатели управы какого-то купчика. Прекрасно! Хорошій урокъ!

— Это была ошибка съ моей стороны. Не слѣдовало баллотироваться.

— И все такая у тебя, топ снэг, смѣшная фанаберія. Начальникъ губерніи предлагалъ тебѣ галуны... или представить къ кресту.

— Мнѣ ничего такого не нужно, дядюшка.

— Смѣшно, старомодно какъ-то, другъ любезный. Ну, иди въ предводителя, если ты хочешь служить краю.

— Выборовъ еще не было. Если меня найдутъ годнымъ, пускай выберутъ.

— Странно! Тебѣ бы было приличнѣе стыдиться сословной должности.

Генераль повелъ плечами и опять перемѣнилъ позу.

Ему съ первыхъ минутъ разговора хотѣлось о чемъ-то спросить племянника, но его что-то удерживало. Таманцевъ догадывался—о чемъ, и это дѣлало его еще сповойнѣе, придавало отъѣнокъ юмора его настроенію.

— Ты въ-время попадаешь,—заговорилъ Дергуновъ, досталъ изъ ящика сигару и сталъ ее закуривать, не докончивъ своей фразы.

— Въ какомъ же это смыслѣ, дядюшка?—спросилъ, усмѣхнувшись, Таманцевъ.

Онъ предчувствовалъ, куда клонить генераль.

Сейчасъ онъ заговорить о Кэтъ и ея „исторіи“. Отъ нея онъ зналъ уже, что генераль, еще до окончательнаго ея разрыва съ мужемъ, явился въ качествѣ совѣтника и даже наперсника. Отъ него она и получила первыя фактическія данныя о проигрышѣ Лушкова, а потомъ и о его любовныхъ дѣлахъ. Генераль поддерживалъ ее въ желаніи добиваться формальнаго развода. Но онъ слишкомъ скоро показалъ свои карты, и былъ такъ забавенъ въ роли влюбленнаго, что она разъ не выдержала и расхохоталась ему въ лицо. Онъ обидѣлся и прекратилъ свои визиты. Съ тѣхъ поръ онъ къ ней ни ногой.

— Въ какомъ смыслѣ?—повторилъ Дергуновъ, пуская длинную ленту сигарнаго дыма.—Что же ты казанской сиротой прикидываешься, милый мой? Ты, вѣроятно, и сюда пожаловалъ поудить рыбу въ мутной водѣ. *Madame Louchkoff est à prendre*,—твоя старая пассія. Вѣдь въ сущности изъ-за твоихъ—извини меня—безумныхъ выходовъ, она и замужъ попала такъ скоропостижно. *Tu lui dois une réparation, mon cher*.

Въ другое время это обвиненіе вызвало бы цѣлую бурю. Онъ и самъ считалъ себя все больше и больше виновникомъ брака Катерины Денисовны, и осадилъ бы дядю непремѣнно. Но теперь ему все это казалось очень забавнымъ.

— Отчего же вы, дядюшка, не попробуете счастья?—спросилъ онъ.

— Я? Съ какой стати?

Генералу Кэтъ ничего не говорила о немъ; а письмо ея къ

нему въ деревню написано было раньше сцены, когда она расхоталась въ ту минуту, какъ Дергуновъ опустился передъ ней на колѣни.

— Отчего же? — продолжалъ въ томъ же тонѣ Таманцевъ. — Вы — вдовецъ, и такъ хорошо сохранились.

Щеки генерала стали багровѣть.

— Глупости какія!

Ему смертельно хотѣлось спросить племянника — думаетъ ли онъ похотѣть утѣшать „разводку“.

— Дядюшка... я васъ задерживать не стану, — началъ Таманцевъ, мѣняя тонъ. — У меня есть къ вамъ серьезное дѣло.

— Что такое? Опять въ какую-нибудь исторію попалъ?

— Нисколько! И вы пожалуйста не стѣсняйтесь... Скажите — можно или нельзя.

— Говори.

— Не хотите ли купить мой домъ?

— Съ какой стати?

— У васъ должны быть порядочныя деньги.

— Ты ихъ не считалъ.

— Предполагаю. Здѣсь я не живу. Доходъ онъ можетъ давать очень хорошей, при хозяйскомъ глазѣ.

— Нѣтъ, милый мой, я на это не пойду.

— Ну, такъ дайте мнѣ ссуду подъ вторую закладную. Долгу на немъ немного; а оцѣненъ онъ былъ весьма низко, какъ вы сами знаете.

— Я не процентщикъ.

— Затѣмъ же въ такомъ тонѣ! — уже серьезнѣе возразилъ Таманцевъ и всталъ. — Еслибъ мнѣ не нужна была сумма, я бы къ вамъ не обратился. Я, мой образъ жизни, мои идеи, вамъ не по сердцу; но вы — добрый человекъ и мой дядя. Почему же вамъ не сдѣлать мнѣ одолженіе и не избавить меня именно отъ процентчиковъ?

Генералъ грузно всталъ съ кушетки, не оставляя своей сигары.

— Уже потому не дамъ я тебѣ денегъ подъ закладную, еслибъ онѣ у меня и были, что это, навѣрно, на что-нибудь...

— Сумасбродное? — подсказалъ Таманцевъ.

— Tu l'as dit toi-même, ха, ха! Извини, братъ!

— Это ваше послѣднее слово?

— И первое, и послѣднее. Tout cela est louche, mon cher, — генералъ погрозилъ указательнымъ пальцемъ. — И ты со мной хитришь. Не хочу допытываться. Вѣдь, все равно, ты меня не слушаешь. Tu me traite comme un vieil imbécile!

— Такъ неужели вы мнѣ вымещаете за это? Я не вѣрю. Не можете, дядюшка,—на нѣтъ и суда нѣтъ.

Осѣчка была чувствительна для Таманцева. Сумму надо было достать, и онъ ее достанетъ—во что бы то ни стало.

XIV.

Артельщикъ ввелъ Таманцева въ кабинетъ-вонтору, съ дубовой мебелью, дѣлового стиля, и попросилъ „минутку обождать“.

Хозяинъ квартиры еще одѣвался, вернувшись вчера съ ужина, гдѣ были француженки „свѣжаго привоза“ — у своего пріятеля, крупнѣйшаго дѣльца, съ которымъ они вмѣстѣ производили, отъ времени до времени, биржевыя операціи на сотни тысячъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ посѣтителей французскаго ресторана, которыхъ онъ съ такимъ гадливымъ чувствомъ оглядывалъ годъ тому назадъ, вспоминая ихъ биржевой ударъ, когда они—играя на пониженіе во время голода—однимъ этимъ „ударомъ“ получали кушъ въ десять тысячъ фунтовъ.

И вотъ теперь онъ самъ пріѣхалъ къ нему по тому же дѣлу, что и въ дядѣ своему.

Третьяго дня онъ возобновилъ съ нимъ знакомство въ томъ же ресторанѣ, и предупредилъ его, что будетъ у него сегодня утромъ „по дѣлу“.

Фамилія его Коробинъ. Онъ такъ же банально франтовать и въ разговорѣ сладковато-вѣжливъ, въ перемежку съ мягкимъ цинизмомъ холостяка, считающагося первымъ „lanceur“омъ“ всѣхъ пріѣзжихъ актрисъ и кокетокъ.

Но отчего же было не обратиться къ нему, какъ къ денежному человѣку? Еще недавно онъ считалъ его достойнымъ висѣлицы за игру на народное бѣдствіе. Это „сильненько“ и черезчуръ отзывалось временами террора, когда нѣкоторыхъ скупищиковъ національныхъ земель слали на гильотину.

Всѣ они здѣсь въ Петербургѣ—хищники и карьеристы; одни погрязнѣе, другіе поопрятнѣе. Продать или заложить домъ ему нужно, и еслибъ комиссіонеръ свелъ его съ такимъ Коробинымъ—онъ не уклонился бы отъ сдѣлки съ нимъ потому только, что тотъ биржевой хищникъ.

Ему надо заручиться капиталомъ какъ можно скорѣе. Кѣтъ, чтобы добиться развода въ одинъ мѣсяць, должна имѣть крупную сумму, а у нея ея нѣтъ. Имѣніе заложено недавно, а продавать его—дѣлая исторія. Онъ самъ вызвался взять на себя всякаго

рода хлопоты, въ томъ числѣ и денежныя, и рѣшилъ, что на отступное Лущкову онъ долженъ предложить ей деньги, хотя бы и въ видѣ займа. Ни на что другое она, конечно, не пойдетъ.

И что такое непріятность получасового разговора съ дѣльцомъ Коробинимъ, если уже онъ самъ ѣздилъ въ Лущкову и, можетъ быть, еще разъ, и не одинъ разъ, будетъ ладиться съ нимъ?

По его душѣ всё эти петербургскія мытарства скользяли, не заставляя его страдать. Онъ проходилъ черезъ все это не для себя, а для любимой женщины.

— Mille pardons, графъ, — раздался отъ двери высокой те-
норъ Коробина. — Заставилъ васъ ждать.

Бѣлокурая голова съ курчавой рѣдьющей челкой, румянецъ пухлыхъ щекъ, прищуренные голубые глаза и грубый ротъ съ фальшивой складкой губъ, непріятно заиграли передъ гостемъ.

Короткій станъ Коробина обтягивалъ свѣтлосиній пиджакъ, и бѣлая шея выступала изъ низка вырѣзанныхъ отложныхъ воротничковъ рубашки.

— Чѣмъ могу, графъ? Вы рѣдкій гость въ Петербургѣ...
Вдались въ культъ мужика, какъ я слышалъ? А?

Пухлой рукой хозяинъ указывалъ на кресло около огромнаго письменнаго стола.

Не отвѣчая на игривый вопросъ Коробина, Таманцевъ прямо приступилъ къ дѣлу вопросовъ:

— Вы, если не ошибаюсь, въ большихъ подрядахъ?

— Да, есть грѣшокъ. Но не пренебрегаю и другими операциями.

— Вы вѣдь знаете много денежнаго народа съ свободнымъ капиталомъ?

— Такіе въ Петербургѣ рѣдкость... Знаете, какъ французы говорятъ: un serle blanc — денежный человѣкъ съ свободнымъ капиталомъ. Кубышки и деревянные кованые сундуки съ мертвой деньгой водятся только въ Москвѣ...

— Все-таки, — остановилъ Таманцевъ. — Я желалъ бы безъ всякихъ проволочекъ продать мой домъ въ возможно лучшихъ условіяхъ и, главное, безъ потери времени, или, въ крайнемъ случаѣ, получить добавочную ссуду подъ вторую закладную.

„Сколько разъ придется мнѣ повторить эту самую фразу?“ — невольно подумалъ Таманцевъ.

— Это особнякъ? — спросилъ Коробинъ, наморщивъ слегка переносицу.

— Онъ въ три этажа. Но покупщикъ, если онъ холостъ, можетъ сейчасъ же занять нижній этажъ.

— Видите, графъ,—заговорилъ дѣловымъ тономъ Коробинъ:— мнѣ лично не надо. Если я выстрою или куплю себѣ домъ, то это будетъ настоящій особнякъ, въ два этажа, въ родѣ парижскихъ небольшихъ отелей, въ *Champs Elusées*. Какъ операція, домъ нынче—вы сами знаете—статья самая непривлекательная. А въ смыслѣ доходности—еще того хуже.

И какъ бы перебивая себя, онъ спросилъ:

— И вамъ нуженъ капиталъ къ спѣху?

Глаза его игриво блеснули.

— Какъ можно скорѣе.

— Это, графъ, всегда невыгодно для продавца. Виновать... Я имѣю удовольствіе быть очень мало знакомымъ съ вашей жизнью; но, насколько я слышанъ, вы человекъ добродѣтельный,—протянулъ онъ съ усмѣшкой.—Или, быть можетъ, деревня такъ поглощаетъ средства господъ владѣльцевъ и ведетъ къ необходимости продавать дома? Простите за нескромный вопросъ.

— Деревня тутъ не при чемъ,—суше отвѣтилъ Таманцевъ.

— Тогда для человека нашихъ съ вами лѣтъ—*ou à peu près*, такъ какъ я васъ постарше—остается одинъ главный источникъ послѣ карты—а вы не игрокъ: *cherchez la femme!* Простите! Я не хочу быть назойливымъ. Но позвольте быть съ вами откровеннымъ. Вы видите, я не могу имѣть на васъ никакихъ денежныхъ видовъ. Совѣтовъ я не имѣю права вамъ давать... но предостереженіе бывалаго петербуржца...

Коробинъ пододвинулъ къ гостю свое кресло и продолжалъ тише звукомъ:

— Нѣкоторый господинъ, извѣстный здѣсь *comme le loup blanc*, не участвуетъ въ мотивахъ вашей спѣшной нужды въ капиталъ?

Таманцевъ ничего не отвѣтилъ.

— Я понимаю, графъ, вы не хотите его называть. Да я и не требую. Но я говорю изъ чистаго интереса къ вамъ. Петербургъ въ сущности деревня. Все здѣсь сейчасъ становится... какъ на бульварахъ говорятъ: *le secret de polichinelle*. Ваше поведение въ прошломъ году всѣми порядочными людьми было оцѣнено по достоинству. Нашъ общій съ вами знакомый Банарцевъ передавалъ мнѣ нѣкоторыя подробности.

— Онъ врядъ ли имѣлъ на это право,—замѣтилъ какъ бы про себя Таманцевъ.

— Все вѣдь это уже достояніе исторіи. И все не къ авантажу вашего соперника. И вотъ теперь, если вамъ нужно опять

игать съ нимъ дѣло, но уже съ другимъ оружіемъ въ рукахъ, я могу быть полезнымъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Не торопитесь, пожалуйста не торопитесь. Есть возможность заручиться хорошими картами съ очень умѣреннымъ запасомъ денежныхъ знаковъ. И если вамъ угодно, я васъ направлю къ дисконтерамъ, которые не будутъ драть жидовскихъ процентовъ.

Слово „жидовскихъ“ Коробинъ выговорилъ особенно выразительно.

— Виновать,—сказалъ Таманцевъ, чувствуя, какъ его начиняетъ поводить отъ этихъ непрошенныхъ излияній дѣльца:—я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Или не хотите понять, графъ. Уважаю вашу деликатность. Мы не будемъ называть именъ. Словомъ, векселя того барина можно приобрести по самой ничтожной цѣнѣ. Тутъ и ростовщичество, и карточные долги. Но чтобы это сдѣлать, надо воспользоваться моментомъ,—вы понимаете меня, графъ?

И голубые глаза спекулятора и любителя женщинъ уставились на гостя, какъ бы договаривая:

„Не слѣдуетъ давать поводъ кредиторамъ Лущкова надѣяться, что онъ получитъ кушъ въ видѣ отступного въ разводѣ, который вамъ такъ нуженъ“.

Сразу стыдливое и гадливое чувство охватило Таманцева.

Стало быть, все извѣстно уже въ ресторанѣ, гдѣ засѣдаетъ компанія дѣльцовъ и вивѣровъ! Пройдетъ еще недѣля—и весь Петербургъ будетъ перебирать на разные лады исторію о разводѣ Кать и рѣшать, дорого или дешево Лущковъ оцѣнить свои супружескія права и какъ онъ „объегоритъ“ дурачка графа, который, послѣ недѣльной исторіи прошлой зимы, пріѣхалъ теперь получать „обглодки“ своего соперника—въ видѣ законнаго брака съ бывшей княжной Брянской.

— На этой почвѣ мы не столкнемся,—сказалъ онъ, поднимаясь... Извините, что побеспокоилъ васъ,—прибавилъ онъ суховѣдливимъ звукомъ.

— Вольному воля, графъ, спасенному—рай!

И глазами Коробинъ добавилъ:

„Тебя хотятъ наставить уму-разуму, а ты брыкаешься! Глупъ же ты, любезный другъ!“

XV.

Кэтъ лежала еще въ постели, когда на ея ночномъ столикѣ бронзовые часики торопливо простучали одиннадцать.

Гардины были спущены, и съ улицы еле проникалъ бурожелтый свѣтъ петербургскаго утра.

Второй день она переживала нѣчто такое, отъ чего то-и-дѣло ее пронизываетъ дрожь и голова кружится отъ напряженія мысли о ея „положеніи“.

Да, сомнѣнія нѣтъ! Третьяго дня ей вдругъ сдѣлалось хорошо—тошнота, слабость. И тотчасъ же ей пришелъ вопросъ: „А если я беременна?“

Она начала кое-что соображать, припоминать изъ послѣдняго времени своей супружеской жизни... И подозрѣнія подтверждались. Это было возможно. Но въ позднѣйшихъ тревогахъ и въ свиданіяхъ съ Таманцевымъ она не замѣтила раньше, чтд въ ней происходить.

Радость быть матерью не успѣла еще проникнуть въ нее, какъ она уже встревожилась—чтд искренно огорчило ее нѣсколько минутъ спустя.

Лушковъ—отецъ ея будущаго ребенка! Лушковъ! Его права поднимаются. Является такое нежеланное осложненіе.

Чтобы поскорѣе убѣдиться, что „это случилось“, она послала за женщиной-врачомъ, въ которой раза два уже обращалась, съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ.

Та подтвердила ей несомнѣнность ея „положенія“. И оно длится уже около трехъ мѣсяцевъ. Черезъ полгода она будетъ матерью.

Не теряя ни минуты, она сейчасъ же написала Таманцеву, что до вечера слѣдующаго дня она проситъ его не пріѣзжать къ ней. Лушкова она спросила депешей, можетъ ли онъ быть у нея сегодня, тотчасъ послѣ завтрака. Онъ отвѣтилъ, что можетъ.

Черезъ два часа она должна имѣть съ нимъ объясненіе; какъ и чѣмъ оно кончится—она не знаетъ. Посоветоваться сначала съ Таманцевымъ удерживало ее стыдливое чувство.

Два часа слишкомъ быстро пролетѣли. Кэтъ была—и до своего одинокаго завтрака, и послѣ него—поглощена тѣмъ, какъ она поведетъ объясненіе съ Лушковымъ. Скрыть отъ него было бы всего лучше. Но чтд же станется съ ребенкомъ? Если ускорить разводъ, онъ можетъ родиться послѣ того, какъ она будетъ называться опять княжной Брянской. А протянуть процессъ—чтд

очень возможно—ребенокъ родится въ законномъ бракѣ. Его отецъ получить на него права. Лушковъ способенъ—весьма и весьма поиграть на этой струнѣ.

Въ виски ей сильно вступило, въ ухахъ стоялъ звонъ, въ груди ныло. Она была близка къ приступу головокруженія, но сильный звонокъ въ передней заставилъ ее встряхнуться. Она выпила рюмку вина и прошла въ гостиную черезъ будуаръ, гдѣ успѣла оправить прическу и освѣжить лицо пудрой.

Лушковъ сидѣлъ въ позѣ человека, пріѣхавшаго съ визитомъ къ молодой, интересной женщинѣ.

Они не видались болѣе двухъ недѣль. Кэтъ не позволила ему поселиться въ ея квартирѣ и дала ему знать, что они не увидятся прежде чѣмъ условія ихъ развода не будутъ окончательно выяснены. Таманцевъ, не дальше, какъ три дня назадъ, передавалъ ей подробности своего разговора съ Лушковымъ, и выборъ адвоката не былъ еще рѣшенъ ими.

Лушковъ подошелъ къ ней маленькими шажками, улыбаясь и протягивая руку, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Comment allez-vous?—спросилъ онъ ее тономъ стараго пріятеля.

И, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:

— Vous savez, comme disent les espagnols: soi à la disposition de Usted.

По лицу Кэтъ онъ догадался, что она смущена чѣмъ-то особенно.

— Est-ce pour autre chose?—спросилъ онъ, не доканчивая своей фразы.

Кэтъ только на половину овладѣла собой.

Лучше было сразу рѣзнуть по живому мѣсту.

— Voilà de quoi il s'agit,—выговорила она строго, съ опущенными глазами.

Черезъ двѣ минуты онъ уже зналъ, въ чемъ дѣло.

Это вызвало румянецъ на его помятое лицо. Онъ развелъ руками и обронилъ свой любимый возгласъ:

— Dame!

Въ такомъ человѣкѣ трудно было ожидать внезапной радости отъ того только, что онъ отецъ.

— Qu'en dites vous?—спросила помягче Кэтъ, и въ тонѣ ея вопроса звучала полная увѣренность въ томъ, что мужъ ея даже и не заикнется: его ли ребенокъ, или нѣтъ.

Лушковъ понялъ это. Онъ наклонилъ голову и сжалъ губы. Его взъерошенные усы пришли въ движеніе.

— A la disposition de Usted,—повторилъ онъ, впадая опять въ шутивый тонъ.

Легкимъ пожиманіемъ своихъ женоподобныхъ плечъ онъ показалъ, что не его дѣло рѣшать что-нибудь, а ея.

— Si cela vous gêne,—началъ онъ, помолчавъ:—eh bien!..

И жестомъ правой руки онъ далъ ей понять, что отъ нея зависитъ освободить себя отъ такой обузы.

Кэтъ вся покраснѣла и встала съ мѣста на диванѣ.

— Jamais!—выговорила она твердо.

— C'est très crâne de votre part,—сказалъ Лушковъ и не остался сидѣть, видя, что она заходила по гостиной.

Его поведеніе удивляло Кэтъ. Онъ хоть и въ фатоватомъ тонѣ, но держался безуворизненно. Не онъ, а она должна говорить, предлагать или просить. „Требовать“ она ничего не имѣла права.

Безъ большой суммы денегъ не обойдется ея разводъ; а теперь—съ твоей „подробностью“—сумма эта можетъ еще подняться. Она готова на все—только бы не быть его женой. Но теперь не она одна завязана въ это, а и новое существо, которое уже живетъ въ ней и черезъ шесть мѣсяцевъ явится на свѣтъ.

— Ecoutez,—сказала она и пригласила его опять на диванчикъ, гдѣ они очутились ближе другъ къ другу.

У нея достало духу свободно, вѣско, безъ нервности выразить то, что, какъ ясный выводъ, она еще не сознавала до его прихода.

Онъ—отецъ, и ихъ ребенокъ долженъ имѣть имя и права. Сдѣлать это нельзя иначе, какъ продливъ разводъ до ея родовъ. Но она должна знать—какъ онъ поведетъ себя. Не признать ребенка онъ не можетъ; но откажется ли онъ отъ всякихъ притязаній, оставить ли онъ этого ребенка матери?

Лушковъ съ серьезной миной выслушалъ ее; но, вставая, выговорилъ опять свою испанскую фразу:

— A la disposition de Usted.

Она поняла, что ему хотѣлось показать ей, какой онъ высокопробный „гидальго“. Разъ онъ согласенъ на разводъ, остальное—„детали“, и между порядочными людьми всегда возможно умное соглашеніе.

И, оглянувъ гостиную, онъ сказалъ тономъ благодушнаго мужа:

— Et en attendant... vous pourriez, madame, partager à l'amiable nos bibelots! Pas aujourd'hui!

Онъ пожалъ женѣ руку и, выходя, бросилъ ей игривый взглядъ въ дверяхъ гостиной.

П. Боворыкинъ.

МОЛОДОСТЬ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА

О Ч Е Р К И.

VIІ *).

Личныя перипетіи сердечной драмы Бенжамена Констана мы поставимъ на второй планъ. О нихъ сказано все, что могло быть сказано и даже, быть можетъ, больше того, что требовалось. Бурже, Родъ, отдали, какъ мнѣ кажется, долгъ справедливости автору „Адольфа“, говоря, что никто безжалостнѣе его самого не анализировалъ своихъ чувствъ и никто не пострадалъ въ такой степени отъ недостатка рѣшимости въ комбинаціи, въ которой всякое рѣшеніе, по необходимости, было бы неудачнымъ. Достаточно сказать, что болѣе близкое общеніе съ престарѣлой и крайне честолюбивой женщиной ни мало не оживило уже ранѣе погасавшаго чувства. Непривлекательныя стороны избалованной судьбою знаменитости, озабоченной рекламой и все приносящей въ жертву извѣстности, стали выступать съ годами такъ рѣзко, что у Бенжамена Констана не разъ вырываются возгласы въ родѣ слѣдующаго: „что за пытка жить съ человѣкомъ, который ежедневно пробуетъ пульсъ собственной чувствительности и сердится на то, что вы не обнаруживаете достаточнаго интереса въ этому самоанализу“; или: „ея эгоизмъ, ея постоянная мысль о себѣ въ связи

*). См. выше: апрѣль, стр. 657.

съ необузданностью темперамента стоять въ рѣзкомъ контрастѣ съ кротостью, спокойствіемъ и скромностью Карлотты ¹⁾ (имѣется въ виду будущая супруга Гарденберга, Дютертрь). Съ меня болѣе тѣмъ достаточно ея вѣчныхъ попрековъ и моихъ не менѣе вѣчныхъ оправданій. Что ни говорите, разъ женщина связана была съ вами любовью, она не можетъ помириться ни на чемъ другомъ ²⁾. Или еще: „я никогда не видѣлъ женщины съ большими требованіями и менѣе способную понять, что она поглощаетъ жизнь тѣхъ, кто ее окружаетъ. Это—испорченный ребенокъ, и этимъ все объясняется“ ³⁾. Еще годъ, другой, и Констанъ уже объявляетъ госпожу Сталь настоящей фуріей, прибавляя: она говоритъ, что убьетъ себя, если я ее брошу. Я не вѣрю ей ни слова, но жалбю и ненавижу ее“ ⁴⁾.

Самая элементарная справедливость заставляетъ однако сказать, что до момента, когда, по волѣ самой госпожи Сталь, бракъ ихъ рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ, Бенжаменъ Констанъ всецѣло озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы сдѣлать для нея изгнаніе возможно менѣе тягостнымъ. Надо сказать также, что онъ не скрывалъ отъ нея правды, и что не его вина, если авторъ „Коринны“ не захотѣлъ помириться съ тѣмъ чувствомъ дружбы, какое онъ предлагалъ ей. Связанное взаимнымъ уваженіемъ, это чувство могло бы обезпечить спокойное существованіе обоихъ подъ одною кровлею. Но какъ быть, когда въ отвѣтъ на предложеніе покончить тайную связь явнымъ бракомъ слѣдуетъ заявленіе о готовности пойти на это только въ случаѣ, если бракъ останется скрытымъ; когда, взаимнъ справедливаго запроса на тихое существованіе, получаютъ только сцены, которыя въ своемъ дневникѣ Констанъ описываетъ словами: „это—потрясеніе міра въ основахъ, движеніе хаоса, или нѣчто чудовищное, безумное“. Въ такихъ условіяхъ не мудрено остановиться даже на такомъ неожиданномъ рѣшеніи, какъ бракъ на тихой и кроткой женщинѣ, когда-то слабо любимой, но безобидной, способной войти въ трудность положенія и пожертвовать личнымъ самолюбіемъ въ интересахъ дорогого человѣка, отказываясь даже отъ счастья слѣть его женою предъ людьми, лишь бы не вызвать тѣмъ, быть можетъ, напрасно ожидаемой кровавой развязки, осуществленія той угрозы самоубійства, къ которой госпожа Сталь обращалась, какъ къ своей *ultima ratio*. Надо процѣсть въ перепискѣ двоюродной сестры Бенжамена Констана опи-

¹⁾ Дневникъ, 1801 года, стр. 127.

²⁾ Дневникъ 1808 года, стр. 120.

³⁾ Тж. стр. 104, 1804 годъ.

⁴⁾ См. Годъ, стр. 480.

саніе хотя одной изъ тѣхъ многочисленныхъ сценъ, которыми госпожа Сталь отравляла существованіе своего друга, чтобы понять, каково исходъ должна имѣть эта несчастная страсть. „Чтобы избѣжать новыхъ попрековъ,—пишетъ Розалія Констанъ,—Бенжаменъ скрылся въ Лозаннѣ у своей тетки, графини Нассау. Онъ начиналъ уже приходить въ себя, когда послышался внизу голосъ госпожи Сталь. Я выхожу къ ней на встрѣчу и застаю ее лежащей навзничь на лѣстницѣ, съ распущенными волосами и кричащей во все горло:—гдѣ онъ? я должна его найти! Моя тетка подымаетъ ее съ полу и ведетъ въ свою комнату, но она слышитъ шаги Бенжамена, бѣжитъ въ нему на встрѣчу, бросается на грудь, затѣмъ снова падаетъ на землю, произнося жестокіе попреки. Я пробую-было заступиться, говоря:—какое право имѣете вы дѣлать его несчастнымъ?—тогда она набрасывается на меня и покрываетъ самыми жестокими ругательствами ¹⁾.

Въ 1804 году ничто не предвѣщало еще, что Констанъ и госпожа Сталь когда-нибудь разойдутся. Правда, чувства его были слабы, но человекъ, котораго попрекали въ томъ, что сознаніе долга ему чуждо, подъ вліяніемъ непосредственнаго порыва сопровождалъ госпожу Сталь въ Германію, говоря, что онъ тѣмъ менѣе можетъ повинуть ее, что она несчастна ²⁾. Когда тетка стала попрекать его въ слабости, Констанъ находилъ вѣрное объясненіе своему поступку, говоря: „я оказалъ истинно дружескую услугу и сдѣлалъ доброе дѣло“ ³⁾. Онъ мечталъ, впрочемъ, устроить свою жизнь вдалькѣ отъ Коппе, обычнаго пребыванія Неккера и его дочери, и колебался въ выборѣ между Веймаромъ и Геттингеномъ. „Я встрѣтилъ въ Веймарѣ,—пишетъ онъ,—такой радушный приемъ, что рѣшился воспользоваться имъ подольше. Герцогъ звалъ моего отца въ Голландію и принялъ меня точно стараго знакомаго. Я даже провожу при дворѣ больше времени, чѣмъ было бы желательно въ интересахъ моей работы. Изъ всѣхъ городовъ Германіи Веймаръ самый интересный, благодаря тому, что въ немъ собрались наиболѣе выдающіеся писатели. Здѣсь живутъ авторъ „Вертера“ и авторъ „Агатона“, другими словами—Гёте и Виландъ. Это люди необыкновеннаго ума, особенно Гёте. Къ сожалѣнію, ихъ трудно встрѣтить въ свѣтъ: дурное здоровье, поддерживаемое неправильнымъ образомъ жизни, принуждаетъ ихъ сидѣть дома. Я однако не разъ пользовался ихъ обществомъ и вы-

¹⁾ См. *Lettres de Benjamin Constant à sa famille. Publiées par T. H. Menoz. Paris, 1890 г. См. Philippe Gaudet, Histoire Littéraire de la Suisse Française, стр. 481.*

²⁾ Письмо графини Нассау, отъ 30-го ноября 1803 года.

³⁾ Письмо, отъ 23-го января 1804 года, и отъ 15-го августа того же года.

несу отсюда весьма любопытныя воспоминанія¹⁾. Знаніе нѣмецкаго языка, еще недоступнаго въ то время госпожѣ Сталь²⁾, ставило Констана въ несравненно болѣе выгодныя условія при изученіи хода и характера умственной жизни въ Веймарѣ; можно думать, поэтому, что многое изъ того, что впоследствии нашло выраженіе себѣ въ книгѣ госпожи Сталь о Германіи, записано было ею со словъ друга. Въ Веймарѣ Констанъ снова принимается за давно начатую работу о религіяхъ, стараясь воспользоваться, какъ мы видѣли, позднѣйшими работами нѣмецкихъ ученыхъ въ области индусской и греческой мѣологіи, а также въ области философіи исторіи. Но и помимо этой работы, онъ находитъ въ общеніи съ германскими мыслителями и историками новую пищу для своего ума и новый импульсъ для своей литературной дѣятельности. Всѣ нѣмецкіе писатели, — пишетъ онъ, — имѣютъ то преимущество предъ французскими, что несравненно болѣе свѣдущи и болѣе склонны къ либерализму³⁾. Надо помнить, что въ то время, когда Констанъ вносилъ эту замѣтку въ свой дневникъ, Франція, благодаря преслѣдованію цензурой ненавистныхъ Наполеону „идеологовъ“ и только-что проведенному конкордату, становилась очагомъ двойной нетерпимости, политической и религіозной. Увлечение классиками и въ особенности греческими трагиками, раздѣляемое родоначальниками романтической драмы въ Германіи, заставляетъ одновременно Констана читать въ подлинникъ Софокла и Эврипида, и все болѣе и болѣе останавливаться на мысли посвятить себя всецѣло литературной карьерѣ. „Три вещи необходимы для моего счастья, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ: — сосредоточеніе всѣхъ моихъ занятій на одной литературѣ, совершенное удаленіе отъ политики и выборъ постоянной осѣлости въ странѣ, богатой знаніями и обезпечивающей мнѣ безопасность и независимость. Приобрѣтенныя уже свѣденія и тѣ, которыя я накопляю ежедневно, доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Одного изученія грековъ, проживи я даже сто лѣтъ, было бы достаточно, чтобы наполнить мое существованіе“³⁾).

Читая эти строки, начинаешь понимать причину, по которой въ своихъ политическихъ трактатахъ Констанъ обнаруживаетъ такую начитанность въ греческой исторіи и такъ часто заимствуетъ изъ нея свои примѣры. Въ этомъ отношеніи онъ вполне примыкаетъ къ писателямъ прошлаго вѣка и въ частности къ Мон-

¹⁾ Dix années d'exil, стр. 86. „J'arrivai à Weimar. J'appris à lire l'allemand“.

²⁾ Мелегари, стр. 16.

³⁾ Ibid, стр. 22.

тескѣ. И это не удивительно, если принять во вниманіе недавній опытъ свободныхъ учрежденій и возможность найти имъ сколько-нибудь подобную иллюстрацію только въ историческомъ опытѣ Спарты, Аѣинъ и республиканскаго Рима. Насколько привлекаетъ его Германія, настолько же ненавистна ему его ближайшая родина — романская Швейцарія. „Эта страна, — пишетъ онъ въ Лозаннѣ, — не представляетъ ни малѣйшаго умственнаго очага; возможно жить въ ней только скрывая половину своихъ мыслей. Благодаря отсутствію людей, способныхъ поддержать во мнѣ жаръ къ мыслямъ и литературному труду, а неизбежно потерю къ нему охоту. Здѣсь трудно быть понятымъ въ чемъ бы то ни было“. И Констанъ все болѣе и болѣе останавливается на рѣшеніи проводить зимы въ Германіи ¹⁾. Но внезапная кончина Неккера и великодушная готовность утѣшить друга въ несчастіи заставляетъ его снова колесить по Европѣ, сперва на встрѣчу, а затѣмъ въ сопровожденіи госпожи Сталь, возвращающейся изъ Веймара въ Коппе. Его письма и дневникъ за это время отличаются особой задумчивостью. „Рѣшаюсь ѣхать въ Германію за госпожою Сталь, — пишетъ онъ при извѣстіи о кончинѣ Неккера. — Что станетъ съ его дочерью? Какое отчаяніе въ настоящемъ, какое одиночество въ будущемъ! Я хочу видѣть ее, утѣшить или, по крайней мѣрѣ, поддержать въ ея горѣ“. Нѣсколько времени спустя, уже по прибытіи въ Веймаръ, Констанъ заноситъ въ свой дневникъ: „Госпожа Сталь прибыла. Первые минуты были конвульсивны. И какія негѣпны и возмутительныя утѣшенія предлагали ей со всѣхъ сторонъ! Какой недостатокъ чувствительности! Не удивляюсь, что меня упрекаютъ въ отсутствіи ея. Вѣдь въ этомъ многіе видятъ совсѣмъ не то, что я — какія-то условныя формулы, предлагаемыя людямъ въ печали, которыя могли бы сдѣлаться для нихъ предлогомъ поскорѣе освободиться отъ печали. Что касается до меня, то я уважаю чужое горе. Видя, какъ профанируютъ чувства, я возмущенъ до глубины души. Я бы сдѣлался даже жестокимъ по отношенію въ опечаленному, еслибы онъ вздумалъ воспользоваться предлагаемымъ ему средствомъ утѣшиться“. По дорогѣ въ Коппе литературные интересы начинаютъ, тѣмъ не менѣе, овладѣвать снова обоими путешественниками. Констанъ читаетъ госпожѣ Сталь стихотворенія Гѣте, „этого, какъ онъ выражается, величайшаго поэтическаго гениа, если имѣть въ виду тотъ неопредѣленный видъ повѣя, въ которомъ ничто не закончено, а только очерчено“. Стихотворенія не чаруютъ госпожи Сталь, и Констанъ пишетъ въ

¹⁾ Ibid, стр. 28.

дневникѣ, какъ трудно человѣку, привыкшему въ французской поэзіи, быть чутымъ въ нѣмецкой. „Французская всегда имѣетъ другія цѣли помимо поэтическаго творчества. Въ ней всегда рѣчь идетъ или о морали, или о пользѣ, или объ опытѣ; много тонкости и насмѣшливости, однимъ словомъ всегда и во всемъ разсужденіе. Нѣтъ этой готовности предаться неосмысленнымъ чувствованіямъ, этихъ правдивыхъ описаній, настолько отвѣчающихъ впечатлѣніямъ автора, что онъ описываетъ, не замѣчая. Въ этомъ, наоборотъ, вся нѣмецкая поэзія и, какъ мнѣ кажется, съ тѣхъ поръ, какъ я ее знаю, всякая истинная поэзія. Не удивительно, если люди, привыкшіе искать въ поэзіи нѣчто постороннее, не находятъ у нѣмцевъ того, чего ищутъ“¹⁾. Не менѣе вѣрны замѣтки, дѣлаемыя Констаномъ о нѣмецкихъ философахъ школы Шеллинга. Поводъ къ тому даетъ присутствіе послѣдователя новой метафизики, одного изъ братьевъ Шлегелей, которому госпожа Сталь поручила воспитаніе своего сына. Занося впечатлѣнія, произведенныя на него продолжительной бесѣдой со Шлегелемъ, Констанъ пишетъ: „подобно всѣмъ новѣйшимъ нѣмецкимъ мыслителямъ, Шлегель думаетъ, что не слѣдуетъ искать источника нашихъ мыслей во впечатлѣніи, производимомъ на насъ внѣшнимъ міромъ, что онѣ лежатъ внутри насъ самихъ, въ нашемъ сердцѣ. Есть въ этомъ доля истины, разъ дѣло заходитъ о религіи, и французскіе философы были неправы, совершенно пренебрегая и этимъ источникомъ вѣрованій. Но какъ, съ другой стороны, согласиться съ этими новыми платоніями, что внѣшнее воспріятіе не нужно для образованія религиозныхъ представленій. Не даромъ же имъ приходится предполагать символы, искать аллегорій для объясненія грубыхъ мнѳовъ диварей. Но съ такимъ методомъ можно прочесть въ нихъ что угодно, точь-въ-точь, какъ въ облакахъ“²⁾.

Снова Констанъ въ Швейцаріи и снова обитатели Женевскаго озера поражаютъ его своимъ педантизмомъ и скукой. Даже любимая тетушка, графиня Нассау, подчинилась окружающей ее атмосферѣ и прониклась всѣми предрасудками своей среды. Констанъ живетъ, однако, въ Коппе, раздѣляя одиночество госпожи Сталь и развлекая ее бесѣдами, въ которыхъ, несмотря на свое горе, хозяйка находитъ не только утѣшеніе, но и случай порисоваться. „Ея душевное настроеніе ужасно, — пишетъ Констанъ, и тутъ же прибавляетъ: — какую изумительную комбинацію представляетъ это сочетаніе глубокой, раздирающей и искренней скорби

¹⁾ Ibid, стр. 86.

²⁾ См. стр. 86.

съ чуткостью ко всякимъ развлечениямъ! Благодаря врожденному характеру, г-жа Сталь никогда не можетъ отрѣшиться ни отъ одной изъ своихъ слабостей, ни отъ крайняго самолюбія, ни отъ потребности ежечасно проявлять свою личность¹⁾.

Время проходитъ въ нескончаемомъ обнаруживаніи ума по разнообразѣйшимъ вопросамъ. Сегодня идетъ рѣчь о религіи, философіи или нравственности, завтра—о торговлѣ и ея послѣдствіяхъ. Констанъ отмѣчаетъ впечатлѣніе, произведенное на него этимъ блестящимъ обмѣномъ мыслей между представителями французской и нѣмецкой школы. „Сегодня я гулялъ съ Шлегелемъ и Сисмонди,—пишетъ онъ:—каждый смотрѣлъ на другого какъ на сумасшедшаго. Французская философія, которая признаетъ только опытъ, и новая нѣмецкая, которая рассуждаетъ только а priori, не могутъ сойтись ни въ чемъ; онѣ даже не понимаютъ другъ друга“. День спустя, Констанъ заноситъ въ свою тетрадь: „Имѣлъ длинный споръ со Шлегелемъ о торговлѣ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, который, ничего не зная о дѣйствительной жизни, полагаетъ, что всего можно добиться распоряженіями и законами, совсѣмъ не думая о томъ, что притѣснительные законы вызываютъ столкновенія гражданъ съ властью и требуютъ все новой и новой репрессіи. Книга Фихте о „замкнутомъ торговомъ государствѣ“ выставляетъ идеаль подобной системы. Въ ней обмѣнъ осужденъ не выходить за предѣлы страны, и съ этой цѣлью рекомендуется установленіе монеты, не имѣющей цѣны за границей и слишкомъ тяжелой для вывоза. Да благословить ихъ Создатель за такіе спартанскіе взгляды, которые плохо вяжутся съ современной гражданственностью, съ требованіями, ею выставленными и сдѣлавшимися частью нашей природы. Это сумасшедшіе, и, еслибы власть была въ ихъ рукахъ, они при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ возобновили бы образъ дѣйствій Робеспьера“²⁾.

Удивительно ли, что, случайно попавъ въ Лозанну, Констанъ пишетъ оттуда: „хотя я люблю все въ Коппе, но эта вѣчная жизнь въ обществѣ, эти нескончаемыя развлечения, бесѣды, утомляютъ и энервируютъ меня. Я теряю всякую способность къ дѣятельности и не разъ съ горечью спрашиваю себя, когда же все это кончится?“ Нѣсколько дальше мы читаемъ: „Вечеръ въ Коппе кончился препирательствомъ госпожи Сталь съ Шлегелемъ о природѣ и задачахъ бесѣды. Для зрителей невыносимо скучно видѣть

¹⁾ Ibid., стр. 87.

²⁾ Ibid., стр. 89.

ихъ другъ противъ друга хвалящими себя одинъ за то, что презираетъ общество, а другая—за то, что имѣетъ даръ къ разговорамъ“.

Всего болѣе возмущаетъ Констана въ ученіи Шеллинга его отношеніе къ политикѣ и религіи. „Сами того не замѣчая,—пишетъ онъ,—новые философы проповѣдуютъ въ этой области взгляды, во всемъ подобныя тѣмъ, какихъ держится французская оффиціозная печать. Какой-нибудь Жоффрау или другой таковой же, какъ и онъ, прохвостъ (gueu), сказалъ бы то же, что и Шлегель, о свободѣ и католицизмѣ“.

Такимъ образомъ, поддаваясь литературному вліянію Германіи, Констану удается сохранить свою какъ философскую, такъ и политическую независимость. Вѣчная распря салоновъ становится ему все болѣе и болѣе невыносимой, и онъ присоединяется къ мнѣнію Сень-Ламбера, говорящаго: „я понимаю два образа жизни: занятіе государственными дѣлами въ большомъ центрѣ,—или одиночество. Мелкія столкновенія и безцѣльныя печали жизни въ обществѣ для меня невыносимы“¹⁾.

Прибавьте къ этому вечернія а parte съ госпожою Сталь, обыкновенно оканчивающіяся „бурею“,—и не трудно будетъ понять, что, живя въ Конне, Констанъ постоянно порывался изъ него. „Сегодня послѣ веселаго ужина, — пишетъ Констанъ, — я остался съ глазу на глазъ съ госпожою Сталь, и гроза постепенно разразилась. Ужасная сцена; она длится до трехъ часовъ утра. Мнѣ ставятъ на видъ мой недостатокъ чувствительности, говоря, что я не заслуживаю довѣрія, и мои дѣйствія въ прямомъ противорѣчій съ моими убѣжденіями. Увы! я только хочу избѣжать монотонныхъ сѣтованій, вызываемыхъ не дѣйствительнымъ горемъ, а законами природы, установившими, что старость слѣдуетъ за молодостью. Какъ мужчина, я бы хотѣлъ избавиться отъ капризовъ старѣющей женщины; я бы хотѣлъ, чтобы послѣ десятилѣтней связи, когда каждому изъ насъ около сорока лѣтъ, отъ меня не требовали больше любви. Двѣсти разъ я объявлялъ, что не имѣю ея; если подчасъ я и бралъ связанное назадъ, то только для усвоенія вонвульсій печали и ярости, которыя приводили меня въ ужасъ“²⁾...

„При моемъ усталомъ организмѣ, моему вкусу къ деревнѣ и одиночеству, прерываемому трудомъ,—пишетъ Констанъ нѣсколько ниже:—бракъ мнѣ кажется необходимымъ“³⁾. Но если я ужъ осуж-

¹⁾ Ibid., стр. 48.

²⁾ Ibid., стр. 49.

³⁾ Ibid., стр. 50.

день жить со дня на день, — прибавляет онъ: — то я хочу какъ можно больше работать. Ничего другого мнѣ не остается ¹⁾).

Болезнь госпожи Тальмъ, жены извѣстнаго трагика и старой пріятельницы Констана, внесла неожиданную перемену въ это однообразное чередованіе философскихъ бесѣдъ и домашнихъ сценъ. Съ обычной отзвучивостью Констанъ отдался всецѣло надеждѣ спасти умирающаго друга. Извѣстіе о ея болѣзни застало его въ деревнѣ, близъ Парижа. Здѣсь онъ, по собственному выраженію, старался въ трудѣ найти пріютъ отъ собственныхъ мыслей и возможность отрѣшиться отъ окружающаго. Въ Парижѣ онъ не находилъ болѣе ни общественнаго духа, ни интереса къ идеямъ, — наоборотъ, большую заботливость о служебной карьерѣ и о всякаго рода денежныхъ выгодахъ. „Тѣ, кто гонится за карьерой, просто задыхаются отъ усталости“, — пишетъ онъ 15-го февраля 1805 года, т.-е. въ полный разгаръ имперскаго режима ²⁾. — „Наоборотъ, тотъ, кто не нуждается въ ней, обнаруживаетъ полнѣйшее равнодушіе ко всему. Прибавьте къ этому гордость тѣхъ, кто ничего не добился, и самодовольную улыбку тѣхъ, кто, получивъ желаемое, ставитъ себя выше своихъ успѣховъ, и вы получите вѣрную картину современнаго Парижа“ ³⁾.

Изъ этого добровольнаго уединенія въ деревенской тиши, связаннаго съ душевной усталостью и пессимистическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, вырываетъ Констана болѣзнь госпожи Тальмъ и желаніе придти на помощь погибающему другу. „Теряя эту женщину, — пишетъ онъ незадолго до ея кончины, — я въ то же время теряю центръ наиболѣе дружественнаго мнѣ кружка; мало того, человѣка, къ которому въ Парижѣ я имѣлъ всего болѣе довѣрія. Она любила меня самой нѣжной привязанностью, не преслѣдуя въ то же время никакихъ личныхъ цѣлей; однимъ словомъ, эта женщина часто доставляла мнѣ удовольствіе и ни разу не причинила мнѣ страданія“. Смерть близкаго наводитъ Констана на мысль о томъ, какъ мало у него общаго съ той средою, которой держатся ненавидимые ему порядки имперіи. „Современное поколѣніе, — пишетъ онъ, — смотритъ на жизнь далеко не нашими глазами. Мы по неволѣ должны ограничиться въ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ простымъ благожелательствомъ. Да и имъ, впрочемъ, оно не дорожить, а скорѣе даже тѣнитъ“ ⁴⁾. Съ сердечнымъ опасеніемъ слѣдитъ Констанъ за тѣми

¹⁾ Ibid., стр. 52.

²⁾ Ibid., стр. 859.

³⁾ Ibid., стр. 389.

⁴⁾ Ibid., стр. 342.

проявленіями національнаго шовинизма, которыя наканунѣ войны, окончившейся тильзитскимъ миромъ, побуждали французскую печать говорить объ анархическомъ состояніи Европы, уподоблять его тому, въ какомъ находилась Франція въ моментъ появленія Наполеона, и дѣлать изъ этой параллели выводъ, что императоръ долженъ подчинить Европу своему единовластію и обезпечить тѣмъ счастье и благоденствіе не одного, а всѣхъ народовъ ¹⁾.

Одновременно Констанъ становился свидѣтелемъ неудачныхъ попытокъ госпожи Сталь примириться съ правящими Франціей властями и тѣмъ пріобрѣсть возможность жить въ Парижѣ. Объ этомъ „Годы изгнанія“, обрывающіеся началомъ имперіи, не говорятъ, разумѣется, ни слова. Въ предисловіи сына г-жи Сталь ко второй части этого сочиненія глухо сказано, что по возвращеніи изъ Италіи и г-да, проведеннаго въ Коппе „любовь къ Франціи“ заставила его мать приблизиться къ Парижу на разстояніе тѣхъ сорока льѣ, за которыми начиналась „запретная для нея полоса“. Этому предшествовали, разумѣется, переговоры съ женеvскимъ префектомъ Барантомъ, французской полиціей и ея главою Фушѣ, стариннымъ посѣтителемъ салоновъ госпожи Сталь въ эпоху директоріи, а нынѣ всемогущимъ министромъ. Эти-то переговоры и имѣетъ въ виду Констанъ, когда говоритъ: „есть въ характерѣ этой женщины нѣчто мнѣ непріятное. Это полное отсутствіе гордости и желаніе быть всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ властью. Въ то же время она не можетъ управлять собою; отсюда постоянная непослѣдовательность въ поведеніи, отсюда возможность для всѣхъ партій подозрѣвать ее въ интригахъ и вѣроломствѣ. Ея двуличность вредитъ достоинству ея характера и успѣхамъ какъ ея самой, такъ и друзей“ ²⁾. Такое строгое отношеніе къ госпожѣ Сталь не мѣшаетъ Констану принимать живой интересъ въ ея дѣлахъ, провозжать ее до Ліона во время поѣздки въ Италію и вообще исполнять при ней обязанности услужливаго друга, котораго госпожа Шарьеръ, въ минуту раздраженія, уподобляетъ „чичивбею“. Мѣсяцы, проведенные г-жею Сталь въ Италіи, проходятъ для Констана въ одинокой жизни въ деревнѣ. Но едва его пріятельница, по возвращеніи въ Коппе, обнаруживаетъ желаніе поселиться во Франціи, даже въ провинціальной глуши, „чичивбей“ снова на-лицо, снова расточается въ соболѣзнованіяхъ насчетъ „чудовищной несправедливости, съ которой правительство держитъ ее далеко отъ Парижа“, снова спѣшитъ

¹⁾ Письмо графинѣ Нассау изъ Коппе, 1-го ноября 1806 г.

²⁾ Ibid., стр. 59 и 60.

къ ней на свиданіе въ Оксерръ, печальнѣйшій, по его выраженію, городъ Франціи, изъ котораго, какъ и вообще изъ провинціи, Парижъ выжалъ всѣ соки ¹⁾).

Сынъ госпожи Сталь слѣдующимъ образомъ рассказываетъ печальный исходъ этой новой попытки его матери приблизиться къ столицѣ. Такъ какъ самъ онъ въ это время поступилъ въ школу политехниковъ, то неудивительно, если, желая имѣть о немъ возможно частыя извѣстія, госпожа Сталь рѣшила обвинять Оксерру на Руанъ, куда ежедневно могли доходить письма изъ столицы. Фушэ въ это время былъ министромъ полиціи. Госпожа Сталь прибѣгла къ его заступничеству и получила разрѣшеніе переѣхать еще ближе къ центру, въ имѣніе господина Кастелана, отстоявшее всего на 12 льё отъ Парижа. Но едва отпечатана была оконченная здѣсь „Коринна“, какъ 9-го апрѣля 1806 года г-жѣ Сталь снова предъявленъ былъ приказъ полиціи: немедленно удалиться въ свое родовое имѣніе—Коппе ²⁾).

Констанъ сгѣшить ее провѣдать, и вотъ что мы находимъ въ дневникѣ объ этомъ новомъ пребываніи его вблизи властительницы если не его сердца, то думъ. „Застаю въ Коппе поэта Монти, своего рода итальянскаго Шеньбѣ. Вечеромъ страшная сцена съ госпожою Сталь. Я объявляю ей, что рѣшился на разрывъ. Новая сцена. Ярость, невозможность примиренія, трудность отъѣзда. Надо жениться... Госпожа Сталь снова овладѣла мной“.

Объ этой жизни въ Коппе въ теченіе лѣта и осени 1806 года сохранилось много любопытныхъ подробностей у современниковъ. Нѣмецкій поэтъ Бонштеттенъ рассказывалъ кузинѣ Констана, что отъ постоянного обмѣна мыслей онъ усталъ здѣсь до смерти. Захарія Вернеръ, также одинъ изъ посѣтителей этого новаго Фернея, вноситъ новыя черты въ характеристику этого новаго салона. Онъ говоритъ, что всѣ, кто имѣетъ возможность приблизиться къ госпожѣ Сталь, при всемъ различіи во мнѣніяхъ, сходятся въ одномъ—въ обожаніи этого идола. Неправы тѣ, кто думаетъ, что она живетъ умомъ другихъ. Она въ свою очередь дѣлаетъ много для общественнаго воспитанія своихъ друзей. Кто разъ попалъ въ ея кругъ, не легко покинетъ его—такъ велика ея притягательная сила ³⁾).

Послѣ того, что было сказано Сентъ-Бэвомъ объ этой жизни въ замкѣ, сдѣлавшемся одновременно самымъ блестящимъ литературнымъ салономъ, не подымается рука для новой картины.

¹⁾ Ibid., стр. 355. Письма, отъ 10-го іюня и 2-го іюля 1806 года.

²⁾ Dix années d'exil, часть II. Avertissement de l'éditeur.

³⁾ Melegari. Introduction, стр. XL.

Взаимнѣ ея позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ только-что отпечатанныхъ воспоминаній одного изъ случайныхъ посѣтителей этого круга, невпательца Годд. Оно относится, впрочемъ, къ послѣднимъ мѣсяцамъ пребыванія госпожи Сталь въ Коппе, когда уже принято было рѣшеніе ѣхать въ Вьну, и Констанъ успѣлъ отвоевать свою независимость. Въ это время самодержавіе госпожи Сталь находило противовѣсъ въ поднимающемся новомъ свѣтилѣ, красавицѣ Рекамьѣ, будущей послѣдней страсти Констана. Все вращается около этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ. „Хотя обѣ много смѣются за обѣдомъ и въ гостиной, — прибавляетъ авторъ воспоминаній, — но обѣ въ дѣйствительности несчастны“¹⁾. Замѣчательно, что госпожа Рекамьѣ не производитъ еще никакого впечатлѣнія на Констана. Все, что мы находимъ на ея счетъ въ дневникѣ, это холодное соболѣзнованіе о томъ, что ея мужъ разорился. Констанъ настолько подавленъ своей личной драмой, что не замѣчаетъ даже большой красоты своей новой пріятельницы, в это равнодушіе длится даже въ ближайшій годъ, когда въ дневникѣ попадаетъ слѣдующая замѣтка: „Странная для меня женщина эта госпожа Рекамьѣ“... и рядомъ: „нѣтъ, рѣшительно, эта жизнь меня утомляетъ“. Въ Коппе даются частыя представленія, „Меропы“, „Магомета“, „Федры“. Въ нихъ принимаютъ участіе и гости, и хозяйка. Госпожа Сталь неподражаема въ главной роли Расиновскаго шедевра. Констанъ болѣе, чѣмъ посредственъ въ своей роли въ „Магометѣ“, что не мѣшаетъ ему находить свою игру превосходной. Письма графини Нассау во многомъ восполняютъ отрывочныя замѣтки дневника, который почти всецѣло занятъ переживаемой авторомъ драмой. Мы узнаемъ изъ нихъ въ частности, что Констанъ не особенно одобрялъ и тонъ бесѣдъ, происходившихъ въ Коппе, гдѣ, подъ вліяніемъ Шлегеля, госпожа Сталь все больше и больше отрѣшалась отъ философскаго скептицизма прошлаго вѣка, вдаваясь постепенно въ религіозность. „Мои уши, — пишетъ Констанъ, — страдаютъ отъ постепенныхъ нападковъ на философію“. Впрочемъ, самъ онъ настолько занятъ дѣйствительностью и возможнымъ выходомъ изъ нея, что по собственному сознанію ничего не читаетъ, уступая въ этомъ отношеніи, — замѣчаетъ онъ шутя, — даже автору „Атала“, т. е. Шатобріану, который все-же дѣлитъ время между Гомеромъ и Библией“²⁾.

Главной цѣлью пребыванія Констана въ Коппе было, повидимому, приготовить разрывъ съ его хозяйкой. „Повончимъ скорѣе,

¹⁾ Philippe Godet. Histoire littéraire de la Suisse Française. Стр. 426.

²⁾ Melegari, стр. 368.

—пишетъ онъ,—буде то возможно; это единственное условіе спокойствія“. 23-го октября 1806 года Констанъ вступаетъ въ сороковую годъ жизни; по этому случаю онъ вноситъ въ дневникъ: „я всегда велъ бурное существованіе, но никогда я не жилъ въ такихъ тревогахъ и въ такой нервнѣтельности, какъ теперь“¹⁾). Желаніе оказать новую услугу госпожѣ Сталь открываетъ вскорѣ затѣмъ Констану возможность уѣхать изъ Коппе, ничего не рѣшивъ. „Я отправляюсь въ Парижъ,—читаемъ мы въ дневникѣ,—съ тѣмъ, чтобы хлопотать по дѣламъ госпожи Сталь“. Прибывъ въ столицу, Констанъ ищетъ свиданія съ министромъ полиціи, Фушэ. Въ дневникѣ значится по этому поводу: „я никогда не устану отъ хлопотъ и всегда готовъ на услуги моему другу, но сколько мнѣ приходится встрѣчать противождѣйствій“. Все недавно имъ пережитое такъ рѣзко выступаетъ въ его воображеніи, ставитъ ему такіа неотвязчивыя психологическія задачи, что онъ тутъ же принимается за свой извѣстный романъ „Адольфъ“, который, какъ онъ самъ пишетъ, долженъ быть его автобіографіей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ уже читаетъ его въ рукописи знаменитому Буфлерсу, который,—говоритъ онъ,—„безъ труда открылъ настоящую подкладку, да и не мудрено: вѣдь это далеко не продуктъ фантазіи“. Нѣсколько времени спустя, слѣдуетъ новое чтеніе, на этотъ разъ у госпожи Рекамьё, гдѣ, пишетъ авторъ, его рассказъ производитъ странное впечатлѣніе. „Слушатели глубоко возмущаются характеромъ главнаго дѣйствующаго лица. Меня рѣшительно не умѣютъ понять“, — восклицаетъ герой²⁾).

Вскорѣ затѣмъ новая встрѣча съ Карлоттой Гарденбергъ, уже успѣвшей не только вступить во вторичный бракъ съ бывшимъ эмигрантомъ Дютертромъ, но и попасть въ безвыходное положеніе протестантки, не признаваемой законной супругой вдавшимся въ католическое изувѣрство мужемъ. Эта встрѣча доставляетъ Констану давно ожидаемый поводъ къ развязкѣ. По мѣрѣ того, какъ изъ Коппе слѣдуютъ новыя и новыя посланія, преисполненныя брани, Констанъ начинаетъ находить все большую прелесть въ спокойномъ и ровномъ характерѣ Карлотты. „Je suis las de l'homme-femme,—стоитъ въ дневникѣ.—Въ теченіе десяти лѣтъ она держала меня въ цѣпяхъ; теперь, когда предо мною женщина, обладающая всѣми прелестями женщины, женщина, которая приводитъ меня въ восторгъ и упоеніе, мое рабство кажется мнѣ особенно

¹⁾ Ibid., стр. 117.

²⁾ Ibid., стр. 119.

тягостнымъ“. Все идетъ какъ нельзя лучше; госпожа Сталь пишетъ короткія и сухія письма; господинъ Дютертръ, притворившійся ревнивымъ, соглашается выпустить жену изъ рукъ подъ условіемъ значительныхъ денежныхъ пожертвованій. „Карлотта продолжаетъ оставаться ангеломъ“. Но, къ несчастію, ея общество начинаетъ уже наводить нѣкоторую скуку на Констана. „Въ ней много прелестей,—пишетъ онъ,—но мало разнообразія“. Да и въ головѣ героя возникаетъ новое сомнѣніе о томъ, примутъ ли его жену въ общество, и хотя сопоставленіе кроткой, лишенной эгоизма Карлотты—съ фуріей, преслѣдующей его съ пѣной у рта и съ винжаломъ въ рукахъ, повидимому, не клонится къ пользѣ послѣдней, но Констанъ уѣзжаетъ въ Коппе, такъ какъ получилъ отъ Шлегеля письмо, въ которомъ говорится, что госпожа Сталь намѣрена покончить съ собою въ случаѣ разрыва. Свиданіе и на этотъ разъ начинается слезами и оканчивается обѣщаніемъ самоубійства. Между тѣмъ Констанъ все подготовилъ для своего брака съ госпожой Дютертръ. Она назначаетъ ему свиданіе въ Лейпцигѣ, и онъ каждый день думаетъ объ отъѣздѣ и не рѣшается на него. „Бѣдная Карлотта! я не повиню тебя,—заноситъ онъ въ дневникъ;—что можетъ быть проще, какъ уѣхать!“ Но, вмѣсто отъѣзда, онъ учитъ роль Пируса въ „Андромахѣ“ и, по собственному сознанію, старается устроить связь госпожи Сталь съ сыномъ маркизы Лангалери, впрочемъ неудачно ¹⁾. 30-го августа 1807 года Констанъ заноситъ въ дневникъ рѣшеніе уѣхать на слѣдующій день безотложно. Онъ пишетъ прощальное письмо. „О, несчастный!—стоитъ въ дневникѣ.—Все перемѣнилось; я неспособенъ на этотъ шагъ. Страшный день, проведенный въ нерѣшимости и опасеніяхъ“. Констанъ ѣдетъ изъ Лозанны предложить госпожѣ Сталь покончить бракомъ и возвращается въ тотъ же день, не получивши отвѣта. „Tout est bien comru,—пишетъ онъ.—Тетка и двоюродная сестра рады этому, но моя душа истерзана... Она явилась, она бросилась къ моимъ ногамъ. Крики горя и отчаянія вырывались изъ ея груди. Имѣя я желѣзное сердце, все-же трудно было бы дать отпоръ. Я сопровождаю ее въ Коппе. Я согласился провести съ нею шесть недѣль, а Карлотта ждетъ меня къ концу сентября“ ²⁾. Она ждетъ и дольше этого. Въ октябрѣ и ноябрѣ Констанъ живетъ въ Коппе и Лозаннѣ, ожидая отъѣзда госпожи Сталь въ Вѣну, чтобы вступить въ тайный бракъ съ долготерпѣливой Карлоттой. Нако-

¹⁾ „Je fais ce que je puis pour que m-me de Stael accepte les consolations qu'il lui offre“.

²⁾ Стр. 125.

нець онъ въ Безансонѣ, гдѣ его больная невіста нашла пріютъ въ домѣ будущаго свекра. „Она вздрогнула, услышавъ мой голосъ, — читаемъ мы въ дневникѣ, — и воскликнула: „вотъ онъ, который убиваетъ меня!“ Я бросаюсь на колѣни и умоляю Провидѣніе простить мнѣ преступныя безумства и дать силу выйти изъ этого ужаснаго положенія“. Карлотта оживаетъ. Но еще проходитъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Констанъ рѣшился выполнить свое намѣреніе и вступить съ нею въ бракъ. Свадьба отпразднована 8-го іюня 1808 года, но втихомолку. Госпожа Сталь оставлена въ неизвѣстности обо всемъ случившемся. Сентъ-Бѣвъ слѣдующимъ образомъ рассказываетъ о первомъ свиданіи ея съ молодыми супругами: послѣ брака Констанъ уѣзжаетъ съ женою въ Сешеронъ, въ окрестностяхъ Коппе, и посылаетъ за госпожой Сталь. Она немедленно является въ гостинницу и принята госпожой Констанъ. Въ такихъ условіяхъ трудно было рассчитывать на трогательное свиданіе. Госпожа Сталь обращается съ новыми супругами весьма рѣзко. Ее въ особенности раздражаетъ „нѣмецкая прѣсность“ сентиментальной Карлотты, которая ежеминутно повторяетъ: „видите ли, Бенжаменъ такъ добръ“¹⁾.

Но къ чему цитировать Сентъ-Бѣва, когда послѣднія перипетіи этого несчастнаго романа рассказаны, хотя и вкратцѣ, самимъ героемъ. Госпожѣ Сталь удается настоять на своемъ. Констанъ соглашается хранить бракъ въ тайнѣ. Требуется вмѣшательство родственниковъ, — въ числѣ ихъ графиня Нассау, — чтобы смягчить суровость покинутой любовницы. Отъ четырнадцатилѣтней связи она хочетъ сохранить по крайней мѣрѣ никогда неизмѣнявшую ей дружбу. 18-го іюля 1809 года, Констанъ пишетъ теткѣ: „Благодаря вамъ, мое положеніе улучшилось и стало несравненно яснѣе. Госпожа Сталь, зная, что вся семья моя въ секретѣ, начинаетъ все болѣе и болѣе связаться съ мыслью о томъ, чтобы бракъ былъ объявленъ. Она согласна на то, чтобы я поселился въ Лозаннѣ съ моей женой, и настаиваетъ на одномъ — на сохраненіи нашихъ дружескихъ отношеній“²⁾.

Между тѣмъ въ Лозаннѣ и Женевѣ начинаютъ ходить неблагоприятныя слухи о поведеніи госпожи Сталь, а, съ другой стороны, о поведеніи самой Карлотты до супружества. Констану ни на минуту не приходитъ мысль, что источникомъ этихъ послѣднихъ надо считать Коппе. Въ короткомъ дневникѣ, бывшемъ въ распоряженіи Сентъ-Бѣва, значится только: „странные слухи

¹⁾ *Causeries du lundi*, tome XI.

²⁾ *Melegari*, стр. 367 и 369.

о Карлоттѣ. Почему я не желаю углубиться въ нихъ!“ Констанъ озабоченъ одной мыслью, какъ бы выгородить своего друга изъ всей этой исторіи. „Я былъ бы въ отчаяніи сдѣлаться причиною какихъ-либо неприятностей для г-жи Сталь. Умоляю васъ, позаботьтесь о томъ, чтобы имя ея не провозносилось во всемъ этомъ дѣлѣ“¹⁾. И на этотъ разъ герой „Адольфа“ поддается влиянію Элеоноры. Онъ уѣзжаетъ съ нею въ Ліонъ. Жена дѣлаетъ попытку посягнуть на свою жизнь. Госпожа Сталь первая бросается на помощь въ погибающей, положеніе которой, впрочемъ, не вызываетъ ни малѣйшей опасности. Послѣ этого эпизода въ записной книгѣ Констанана стоитъ только: „последнее интимное, но бурное пребываніе въ обществѣ госпожи Сталь въ 1810 году. Голова моя идетъ кругомъ. Я теряюсь въ выборѣ между Карлоттой и госпожой Сталь и проигрываю въ одинъ день (13-го октября) двадцать тысячъ франковъ. Госпожа Сталь уѣзжаетъ въ Женеву, а я съ Карлоттой—въ Парижъ. Здѣсь я продолжаю играть и постоянно теряю. Снова ѣду въ Женеву и Лозанну безъ Карлотты (февраль 1811 годъ). Госпожа Сталь увозитъ меня въ Коппе. Я вижу его въ послѣдній разъ. Борьба моя съ Карлоттой и госпожою Сталь. Жизнь несчастная. Госпожа Сталь предлагаетъ мнѣ свиданіе въ Роллѣ; я не смѣю принять его изъ страха Карлотты. Госпожа Сталь прибыла въ Лозанну, и завтра мы увидимся передъ отъѣздомъ“.

Только читая „Годы изгнанія“ и то, что госпожа Сталь пишетъ о внезапномъ одиночествѣ и удаленіи друзей, не рѣшавшихся навлечь на себя гнѣвъ всемогущаго императора сохраненіемъ прежнихъ отношеній съ нею, понимаешь, почему Констанъ не хотѣлъ применить къ числу „неблагодарныхъ и забывчивыхъ“. Въ то время, какъ Матье де Монморанси подвергался опалѣ за простое посѣщеніе Коппе, и Шлегеля силою заставляли покинуть занимаемый имъ постъ воспитателя; въ то время, какъ Сенъ-Присть, товарищъ Неккера по министерству, подвергался изгнанію изъ Швейцаріи за его дружбу къ госпожѣ Сталь, а мадамъ Рекамьё едва рѣшалась провести нѣсколько часовъ въ столь гостепріимной для нея обители, — любовнику цѣлыхъ 14-ти лѣтъ трудно было отказаться отъ роли участливаго друга. Когда госпожа Сталь, 23-го мая 1812 года, наконецъ уѣхала, въ сопровожденіи своего новаго пріятеля и будущаго мужа, рыцаря Рокка, Констанъ впервые вздохнулъ полной грудью. Но вскорѣ извѣстіе о ея болѣзни снова приводитъ его въ сильную душевную тревогу.

¹⁾ Ibid., стр. 371.

„Госпожа Сталь больна,—значится въ дневникѣ:—о, мой Создатель! что мнѣ дѣлать?“—и нѣсколько ниже: „она путешествуетъ съ Роккѣ и не пишетъ мнѣ болѣе, но ея обликъ встаетъ въ моемъ воображеніи и раздраетъ мнѣ душу. Карлотта тиха и добра, но она похожа на всѣхъ женщинъ. Для моей работы и для добрыхъ совѣтовъ недостаетъ госпожи Сталь, и я жалѣю о ней больше, чѣмъ когда-либо... Получаю новое письмо; оно убѣждаетъ меня, что все между нами кончено... Она потеряна для меня безвозвратно... Мнѣ не подняться отъ этого удара“¹⁾).

Проходитъ еще годъ, и память о госпожѣ Сталь не изглаживается изъ головы Констана. „Я также занятъ ею, какъ и десять лѣтъ назадъ,—пишетъ онъ въ дневникѣ, прибавляя:—„Карлотта удручаетъ меня своей добротой“. 1814-й годъ сводитъ, наконецъ, обоихъ друзей въ Парижѣ. Констанъ встрѣчаетъ госпожу Сталь на вечерѣ у Талейрана. Онъ находитъ ее измѣнившейся, блѣдной и худой. Онъ уже занятъ въ это время другой женщиной, которую находитъ въ томъ же салонѣ. Госпожа Рекамьё, та самая, о которой онъ скажетъ въ разгарѣ страсти, что она не болѣе, какъ *linotte*, кажется ему—въ сравненіи съ госпожой Сталь—очаровательной и остроумной до-нельзя. Напротивъ, авторъ „Коринны“ сухъ, разсѣянъ, думаетъ о себѣ, мало слушаетъ и ничѣмъ не интересуется. Констанъ еще бываетъ у нея, обѣдаетъ, встрѣчается съ Велингтономъ, ссорится и приходитъ къ заключенію, что пребываніе въ Парижѣ изгладитъ въ немъ послѣдніе остатки чувства къ госпожѣ Сталь. Имя послѣдней еще два, три раза попадаетъ въ дневникѣ, но о прежнихъ отношеніяхъ нѣтъ болѣе и помину. Констанъ сухо заноситъ въ свою тетрадь, что въ эпоху возвращенія Наполеона съ острова Эльбы госпожа Сталь написала ему письмо, въ которомъ порицалось его поведеніе. То же сдѣлалъ одновременно и Лафайетъ. Констанъ сперва соглашается съ обоими, но затѣмъ обрушивается на госпожу Сталь, говоря: „она хочетъ, чтобы я ничего не сдѣлалъ для своей карьеры и отдалъ бы ей то немногое, чтó имѣю. Нечего сказать, славная комбинація“²⁾). Вскорѣ приходитъ новое письмо, на этотъ разъ яростное, но оно только вызываетъ желаніе „раздавить“ стараго друга и политическаго противника. Партія Наполеона снова приводитъ госпожу Сталь въ Парижъ. Констанъ ходитъ къ ней ежедневно. И когда въ 1817 году она умираетъ, тотъ же Констанъ проводитъ дни и ночи у ея трупa. Изъ-за нея же долгое время отложено было

¹⁾ „M-me de Stael est perdue pour moi, je ne m'en releverai pas“. Стр. 184. Melegari.

²⁾ Ibid., стр. 152.

печатанье романа „Адольфъ“, появившагося только въ 1816 году. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ кончины г-жи Сталь, Бенжаменъ Констанъ еще пишетъ о ней, по словамъ Ламени, самыя краснорѣчивыя, благородныя, трогательныя и деликатныя страницы, когда-либо посвященныя великой писательницѣ, при чемъ тщательно обходитъ все то, что сколько-нибудь можетъ набросить тѣнь на ихъ отношенія. Самый его романъ, по словамъ недавняго критика, скорѣе является актомъ самобичеванія, нежели попыткой выгородить свою личность изъ такъ много надѣлавшей шуму сердечной драмы. „Я ненавижу,—пишетъ авторъ „Адольфа“, —этотъ видъ чванства, который состоитъ въ томъ, чтобы вызывать сочувствіе и соболѣзнованіе рассказомъ о злѣ, вами причиненномъ“¹⁾. Поль Бурже справедливо указываетъ на ту деликатность, съ какою Констанъ, при изображеніи главной героини своего романа, Элеоноры, старался скрыть черты сходства съ характеромъ и положеніемъ госпожи Сталь. Каждая индивидуальная черта сглажена, и читатель имѣетъ передъ собою одно вѣрное изображеніе женскаго горя. Человѣкъ, который такъ строго судилъ самого себя,—справедливо замѣчаетъ французскій критикъ,—который не позволилъ себѣ ни малѣйшаго „каботинства“ при изображеніи собственныхъ соболѣзнованій, не былъ ни ничтожнымъ, ни злымъ человѣкомъ. Сколько надо было умственнаго мужества, чтобы избѣжать малѣйшей лжи въ такой автобіографіи. Этотъ героизмъ сознанія дѣлаетъ взволнованную душу Констана по истинѣ великолѣпною“²⁾.

Годы, проведенные Константиномъ въ тѣсномъ общеніи съ госпожою Сталь и ея кружкомъ, въ путешествіяхъ по Германіи и Швейцаріи, не могутъ считаться самыми плодотворными въ его литературной дѣятельности, не только въ томъ смыслѣ, что за это время Констанъ ничего или почти ничего не печаталъ, за исключеніемъ большого труда о религіи, появившагося въ Парижѣ въ 1809 году и отпечатаннаго одновременно перевода или, вѣрнѣе, адаптаци и, къ тому же, неудачной, Шиллеровскаго „Валенштейна“. Цензурныя условія складывались неблагоприятно для изданія политическихъ памфлетовъ, которыми, какъ мы видѣли, авторъ трактатовъ „о террорѣ“ и „о политическихъ реакціяхъ“ завоевалъ въ свою пользу общественное мнѣніе Франціи. Даже такія отдаленныя отъ политики тѣмы, какъ изображенія совре-

¹⁾ „Je hais cette vanité, qui s'occupe d'elle-même en racontant le mal qu'elle a fait, qui a la prétention de se faire plaindre en se décrivant“.

²⁾ См. въ „Livres du Centenaire du Journal des Débats“ статью Поля Бурже о Бенжаменѣ Констанѣ, стр. 145 и 146.

менной Германіи, или очеркъ революціонныхъ событій съ ихъ естественнымъ завершеіемъ, военною диктатурой, встрѣчали неодобреніе и преслѣдованіе. Одна изъ причинъ гоненій, которымъ подверглась госпожа Сталь, были „разсужденія“ ея отца, Неккера, о французской революціи и ея собственный трактатъ „о Германіи“, которому новый министръ полиціи, преемникъ Фушэ, герцогъ Ровиго не могъ простить умолчаніе объ императорѣ и побѣдоносныхъ французскихъ войскахъ ¹⁾).

Но если Констанъ ничего не печатаетъ по текущимъ вопросамъ политики, оставляя поле свободнымъ для *laudatores temporis acti*, то въ то же время онъ подготавливаетъ самую жестокую, быть можетъ, критику имперскаго строя во Франціи, когда-либо вышедшихъ изъ-подъ пера даже личныхъ враговъ Наполеона, въ числу которыхъ, какъ мы увидимъ, отнюдь нельзя отвести автора „Конституціонной политики“.

1811-й годъ, проведенный Констаномъ вдалекѣ отъ госпожи Сталь, въ замкѣ Гарденбергъ, у родныхъ жены, благодаря отсутствію острыхъ ощущеній, позволяетъ ему значительно подвинуть тотъ трудъ, который, вмѣстѣ съ „Конституціонной политикой“, даетъ автору право на уваженіе потомства. Трудъ этотъ начать былъ ранѣе, въ полномъ разгарѣ страстей, когда письма, получаемыя изъ Коппе, не давали возможности серьезнаго сосредоточенія на работѣ. Теперь онъ кажется Констану единственнымъ убѣжищемъ отъ скуки. „Что случилось бы со мною безъ этого труда?“ пишетъ онъ осенью 1811 года. Сознаніе, что онъ еще мало что сдѣлалъ для упроченія своей литературной репутаціи, не разъ прорывается въ его дневникѣ. „Мнѣ сегодня минуло 44 года,— пишетъ онъ 25-го октября (1811 г.).—Хорошо ли я распорядился этими двумя третями моей жизни? Едва-ли. Постараемся лучше кончить“ ²⁾! 1812-й годъ проходитъ по прежнему или въ замкѣ Гарденбергъ, въ окрестностяхъ Геттингена, или въ этомъ университетскомъ городѣ. Но Констанъ порывается въ Парижъ, противъ котораго возстаетъ теперь его жена. „О, правосудіе небесное!— восклицаетъ онъ.— Чтобы жить въ Парижѣ, я вступилъ въ бракъ,

¹⁾ Вотъ буквальный текстъ письма, 3 октября 1810 года, которымъ герцогъ Ровиго уведомлялъ госпожу Сталь о новомъ изгнаніи ея изъ Франціи: „Il ne faut point rechercher la cause de l'ordre que je vous ai signifié dans le silence que vous avez gardé à l'égard de l'empereur dans votre dernier ouvrage; ce serait une erreur: il ne pouvoit pas y trouver de place qui fût digne de lui... Votre dernier ouvrage n'est point français; c'est moi qui en ai arrêté l'impression“. См.: *Dix années d'exil*, стр. 146.

²⁾ Melegari, стр. 130.

который теперь бросаетъ меня въ Геттингенъ“¹⁾). Въ концѣ 1813 года замысль Бернадотта воспользоваться Наполеоновскими пораженіями для занятія французскаго престола встрѣчаетъ въ Констанѣ готоваго союзника; онъ видимо радъ всякому предлогу выйти изъ семейной тиши и снова попасть въ круговоротъ общественной жизни. Карлотта то удручаетъ его своею сантиментальностью, требуя продолжительныхъ ночныхъ бесѣдъ, то кажется ему скупой и себялюбивой. „Что за проклятыя брава!“ — восклицаетъ онъ, прибавляя изъ чувства справедливости: „tu l'as voulu, George Dandin!“ Правда, по временамъ у него является сознание ответственности передъ женщиной, ставшей невольно его жертвой. „Сдѣлаемъ Карлотту счастливой, — пишетъ онъ: — я достаточно причинилъ зла въ своей жизни; но скува беретъ верхъ надъ всѣми прочими соображеніями. Карлота находитъ утѣшеніе въ сынѣ (отъ прежняго брака), — читаемъ мы въ дневникѣ; — она могла бы остаться здѣсь, еслибы я снова сдѣлалъ опытъ активной жизни. Минута, мнѣ кажется, настала. Политическое положеніе серьезно. Повелитель колеблется“²⁾). Въ такомъ настроеніи Констанъ съ охотою принимаетъ предложеніе Бернадотта, котораго онъ именуетъ „Беарнецъ“, по мѣсту его рожденія. Онъ пускается съ нимъ въ темную интригу, потерпѣвшую полное фіаско. Въ то же время онъ оканчиваетъ первую часть своего трактата и собирается послать его Александру Благословенному. „Но событія, — пишетъ онъ, — идутъ такъ быстро, что скоро и книга моя потеряетъ заслугу смѣлости“. Рѣчь идетъ о трактатѣ, озаглавленномъ: „Въ какомъ отношеніи завоевательныя стремленія и узурпація стоятъ къ европейской цивилизаціи“³⁾).

Рѣдкое сочиненіе было болѣе своевременно и вызвало при появленіи такое сочувствіе. „Со всѣхъ сторонъ слышатся невѣроятныя похвалы моему книгѣ“, — пишетъ Констанъ уже по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, вслѣдъ за войсками союзниковъ. Никто больше его самого не доволенъ написаннымъ. — „Мое сочиненіе прекрасно“, заявляетъ онъ⁴⁾). Констанъ возлагаетъ на него большія надежды. „Будемъ служить правому дѣлу, — говоритъ онъ, сообщая о своей рѣшимости поддержать реставрацію Бурбоновъ, — и не забудемъ въ то же время собственныхъ“⁵⁾). Вѣрный этому девизу, Кон-

¹⁾ Ibid., стр. 133.

²⁾ Стр. 135.

³⁾ De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leurs rapports avec la civilisation européenne. Hannover, 31 décembre 1813.

⁴⁾ „Mon ouvrage est beau“.

⁵⁾ „Servons la bonne cause et servons-nous“. Ibid., стр. 139.

станъ посылаетъ свое сочиненіе русскому императору, который общаетъ дать ему орденъ. Онъ проводитъ даже цѣлый вечеръ въ обществѣ имп. Александра; „но орденъ, — жалуется онъ, — все же не приходитъ“¹⁾).

Какъ всё сочиненія, написанныя для удовлетворенія требованій минуты, трактатъ Констана, разумѣется, устарѣлъ, но въ немъ можно найти и теперь не только блестящія страницы, посвященныя характеристикѣ наполеоновскаго режима, но и глубокія соображенія о невозможности завоевательной политики и всемірной монархіи въ современномъ европейскомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Констана не имѣетъ себѣ равнаго, за исключеніемъ недавно напечатанныхъ и оставшихся ему неизвѣстными „разсужденій Монтескьё“ о всемірной монархіи. Основная мысль обоихъ авторовъ та же. Это — противоположеніе современной гражданственности древней, и въ частности современныхъ условій войны и завоеванія — тѣмъ, которыя существовали въ древнемъ Римѣ. „Въ Азіи, — писалъ Монтескьё, — обширныя имперіи всегда были возможны. Въ Европѣ онѣ не могли продержаться долго“. Причину этого различія онъ видитъ и въ физическихъ условіяхъ, въ обширности восточныхъ степей и отсутствіи тѣхъ естественныхъ границъ, какія представляютъ моря и горы, и въ господствѣ той деспотической власти, безъ которой необходимо сказалась бы центробѣжная сила отдѣльныхъ частей государства, заселенныхъ разными народами и желающихъ жить подъ собственными законами²⁾. Констанъ отправляется отъ тѣхъ же соображеній и приходитъ поэтому въ необходимости связать вопросъ о завоевательной политикѣ съ вопросомъ о томъ, мыслимъ ли въ настоящее время деспотическій образъ правленія, и можетъ ли безъ него удержаться правительство, основанное на узурпаціи. Оба эти вопроса онъ рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ, иллюстрируя все сказанное примѣромъ наполеоновской политики и ея неуспѣха, точь-въ-точь какъ Монтескьё иллюстрировалъ свою мысль грандіознымъ фіаско императора Карла V-го и его преемника Филиппа II-го испанскаго. Но вотъ гдѣ начинаются различія: Монтескьё старается связать невозможность деспотіи съ экономическими причинами, и видитъ въ переселеніи золота и серебра изъ монополизировавшей ихъ Испаніи въ страны, озабоченныя накопленіемъ дѣйствительныхъ богатствъ земледѣліемъ и промышлен-

¹⁾ Въ „Journal intime“ значится на этотъ счетъ: „Je passe la soirée avec Alexandre qui me témoigne une grande bienveillance, mais l'ordre n'arrive pas“.

²⁾ *Réflexions sur la monarchie universelle en Europe.* (См. Deux opuscules de Montesquieu, Bordeaux, 1891 годъ, стр. 18—20).

постью, — доказательство тому, что ни одному государству не возможно обезпечить себя на долгое время преимуществъ надъ другими, такъ какъ всѣ нуждаются во взаимномъ общеніи, и строящія свое благоденствіе на погибели сосѣда — обыкновенно первые отъ того терпятъ. Констанъ же ищетъ причинъ, по которымъ торжествующій милитаризмъ сдѣлался немислимымъ, прежде всего по психологическимъ мотивамъ, — въ запросѣ народовъ новой Европы на спокойствіе, на благосостояніе, на свободу. Къ тому же, въ древности счастливая война доставляла побѣдителю матеріальное богатство въ формѣ уводимыхъ въ плѣнъ жителей и конфискуемыхъ земель, тогда какъ въ наше время она обыкновенно стѣбитъ ему больше, чѣмъ приноситъ. Правительство, наталкивающее на войну и завоеванія, впадаетъ, такимъ образомъ, въ грубый и несчастный анахронизмъ; оно даетъ націи направленіе, противное природѣ. Констанъ какъ нельзя лучше указываетъ и на печальныя послѣдствія, какія эта завоевательная политика имѣетъ на внутренній строй государства. Войско необходимо пріобрѣтаетъ перевѣсъ, и военные порядки дисциплины и безмолвнаго повиновенія становятся образцомъ для гражданскихъ. „Не видѣли ли мы въ самомъ дѣлѣ, — восклицаетъ авторъ, — въ эти послѣднія двадцать лѣтъ попытку замѣнить обыкновенные суды военными и нормальный порядокъ судопроизводства — дискреціонной юстиціей, дѣйствующей поспѣшно и пренебрегающей тѣми гарантіями правосудія, какія даетъ соблюденіе разъ установленныхъ формъ?“ „Наши внуки, — пишетъ онъ, — не повѣрятъ тому, что законодатели, авторы, политическіе преступники — призываемы были къ отвѣту передъ военными судами. Они не повѣрятъ, что войны, увѣнчанныя побѣдой, обращаемы были въ палачей“¹⁾). Указывая на другой источникъ невозможности завоевательной политики — привязанность къ очагу, нежеланіе покинуть близкихъ, Констанъ рисуетъ ужасающую картину тѣхъ пріемовъ, какими наполеоновское правительство обезпечивало правильное поступленіе рекрутъ и полноту военныхъ кадровъ. „Шпіонство и доносъ находятъ поощреніе и награду. Подлые сборщи, подобно воровожаднымъ догамъ, гоняются за бѣглецами по селамъ и городамъ; одна часть общества воспитывается въ привычѣ не повиноваться законамъ, другая — въ привычѣ жить несчастіемъ ближнихъ“²⁾)... „Знаніе и литература теряютъ своихъ лучшихъ служителей. Граждане начинаютъ сторониться отъ власти и становятся молчаливыми зрите-

¹⁾ Ibid., стр. 153.

²⁾ Ibid., стр. 160.

лами происходящаго. Во всемъ государствѣ слышится одинъ монолъ власти, только тогда смѣняющійся діалогомъ, когда рабскіе служители соглашаются прервать его разговорами, диктованными самой властью". Констанъ какъ нельзя лучше указываетъ и связь, какою духъ централизаціи имѣетъ съ этимъ оживленіемъ милитаризма. „Завоеватели нашего времени,—пишетъ онъ,—все равно, будутъ ли то народы или правители, хотять, чтобы ихъ государство представляло сплошную поверхность, на которой взглядъ властителя не могъ бы открыть ни малѣйшихъ различій. Общій для всѣхъ кодексъ, общія для всѣхъ мѣропріятія и регламенты и, если время позволить, общій для всѣхъ языкъ. Для одной религіи допускается изъятіе изъ этого правила, и то лишь потому, что на нее смотрять какъ на ветошь, какъ на пережившее себя заблужденіе“.

Констанъ становится истолкователемъ проявившейся въ Германіи національной идеи, говоря, что патриотизмъ, главнымъ образомъ, держится привязанностью къ мѣстнымъ интересамъ, къ созданнымъ исторіей нравамъ и обычаямъ; что французская революція и смѣнившій ее деспотизмъ своимъ стремленіемъ къ единообразію возстановили противъ себя этотъ мѣстный патриотизмъ. „Всякое поколѣніе,—говоритъ онъ словами Реберга,—наслѣдуетъ отъ предковъ сокровищницу нравственныхъ богатствъ, которую и передаетъ потомству въ нераздѣльности. Замѣна этого сокровища даже чѣмъ-то лучшимъ не можетъ удовлетворить его, если оно сдѣлано силой. Доброкачественность закона менѣе важна, чѣмъ готовность подчиниться его власти“¹⁾. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ завоевательной политики,—думаетъ онъ, сходясь въ этомъ съ Монтескьё,—становится опасеніе и ненависть, съ какими другіе народы начинаютъ окружать виновника ихъ постоянныхъ бѣдствій. Онъ сдѣлается предметомъ общаго ужаса; но такая ненависть несправедлива, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ цѣлой націи, „которая не можетъ быть сдѣлана отвѣтственной за злоупотребленія ея главы“. Что же касается до послѣдняго, то онъ не можетъ ждать пощады. „На что сослаться ему? На справедливость? Но онъ нарушилъ ее; на человѣчность? но онъ попрахъ ее ногами; на вѣрность присягѣ? но всѣ его предпріятія начинались клятвопреступленіемъ; на святость договоровъ? но онъ всегда обращался со своими союзниками какъ съ рабами“²⁾. Въ этой характеристикѣ, въ которой не трудно прочесть критику

¹⁾ Ibid., глава XIII, De l'uniformité.

²⁾ Ibid., стр. 177.

наполеоновской политики, Констанъ присоединяетъ вскорѣ осуществившееся пророчество. „Всѣ народы готовы будутъ соединиться, чтобы общими усиліями добиться мира, независимости и справедливости. Завоеватель рано или поздно принужденъ будетъ сознаться, что ошибся въ расчетѣ, возлагая свои надежды на нравственную испорченность человечества. Онъ увидитъ, что недостаточно презирать людей, чтобы постигнуть ихъ природу и предсказать ихъ дѣйствія“¹⁾).

Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ тѣхъ оцѣнокъ, какія госпожа Сталь давала характеру Наполеона, заявляя, что онъ видитъ въ людяхъ только пристрастіе къ собственнымъ интересамъ и неспособность руководствоваться высшими соображеніями.

Вторую часть своего трактата Констанъ посвящаетъ тому же вопросу, который нѣкогда побудилъ Макиавелли написать знаменитое сочиненіе „О князѣ“, или вѣрнѣе, о диктаторѣ, водворяющемся впервые въ правахъ законнаго правителя. Сопоставленіе обоихъ сочиненій весьма поучительно; оно даетъ возможность убѣдиться въ томъ, какой громадный шагъ сдѣланъ былъ общественной нравственностью съ тѣхъ поръ, когда безъ ироніи, сохраняя полную объективность, великій флорентинецъ считалъ возможнымъ рекомендовать вѣроломство и насиліе, какъ лучшіе способы упроченія престола. Нечего и говорить, что Констаномъ не только не допускается возможность такихъ пріемовъ, но и самая диктатура осуждается съ точки зрѣнія непримиримости ея съ тѣми двумя условіями, отъ которыхъ не можетъ отказаться современная гражданственность: съ свободою и миромъ. „Диктатура или, какъ ее называетъ Констанъ, узурпація не представляетъ, — пишетъ онъ, — ни тѣхъ преимуществъ, какія присущи монархіи, ни тѣхъ, какими отличается республика. Королевская власть всегда находитъ ограниченіе въ обычаяхъ, привычкахъ и тѣхъ посредствующихъ тѣлахъ, которыя, какъ училъ еще Монтескьё, необходимы для ея устойчивости. Диктатура, напротивъ того, ничѣмъ не ограничена; она запечатлѣна индивидуальностью узурпатора, который, стоя въ прямой оппозиціи со всѣми принесенными имъ въ жертву интересами, чувствуетъ себя въ постоянной опасности и испытываетъ вѣчное недовѣріе, тѣмъ болѣе, что его успѣхъ только будитъ въ другихъ честолюбіе и рѣшимость всѣмъ пожертвовать для достиженія равной цѣли. Диктатура, — мѣтко замѣчаетъ авторъ, — можетъ принять титулъ монархіи, но изъ этого не слѣдуетъ, что она пріобрѣтетъ ея устойчивость. Мнимые основатели новыхъ

¹⁾ Ibid., стр. 177.

династій такъ же тревожны, какъ и вожаки борющихся въ республикѣ партій, если только имъ не удалось закрыть ротъ всѣмъ своею тиранией. Имъ нѣтъ другого выбора: или польская анархія, или турецкій деспотизмъ, а нерѣдко они соединяютъ въ себѣ то и другое. Монарху нечего заботиться о составленіи репутаціи: онъ уже пользуется тою, какая создана его предшественниками. Другое дѣло диктаторъ,—и въ доказательство приведены слова самого Наполеона, безъ упоминанія, впрочемъ, его имени: „Надо давать французамъ каждые три мѣсяца что-нибудь новое“. Повторя уже высказанное имъ ученіе о томъ, что государство устойчиво лишь въ томъ случаѣ, когда руководящую роль въ немъ играютъ собственники, Констанъ старается доказать, что узурпаторъ, власть котораго установилась вопреки существующимъ интересамъ, лишень опоры всѣхъ, кромѣ созданныхъ имъ новыхъ собственниковъ. „Но,—справедливо замѣчаетъ онъ,—консерватизмъ, отличающій классъ землевладѣльцевъ, пріобрѣтается только со временемъ. Характеръ собственника не создается такъ быстро, какъ и самая собственность“¹⁾.

Кто знакомъ съ исторіей „молодого дворянства“ во Франціи, вызваннаго къ жизни королевской милостью, тотъ согласится, что этотъ классъ привилегированныхъ гораздо легче становился орудіемъ деспотіи, чѣмъ оплотомъ историческихъ вольностей. Стоитъ только вспомнить, чѣмъ сдѣлалась раздѣлившая между собою церковныя земли англійская джентри во времена Генриха VIII-го, или какой слабый отпоръ абсолютизму оказывали облагороженные Людовикомъ XIV и Людовикомъ XV буржуа, чтобы понять всю основательность только-что изложенной мысли. Но Констанъ не столько руководится опытомъ прошлаго, сколько недавнимъ примѣромъ созданныхъ Наполеономъ маршаловъ, князей, графовъ и бароновъ имперіи. Во все время его единовластія изъ ихъ среды не раздалось ни одного звука протеста; тѣмъ же безмолвіемъ отличались и представленные въ палатѣ депутатовъ болѣе мелкіе землевладѣльцы новой формаціи. „Но,—воскликаетъ Констанъ, вызывая тѣмъ полное сочувствіе всякаго, кто знакомъ съ исторіей римскаго сената въ эпоху имперіи,—нѣтъ большаго политическаго бѣдствія, какъ собраніе, становящееся орудіемъ одного человѣка“.

Доказавъ, что узурпація тѣсно связана съ деспотизмомъ, Констанъ тѣмъ самымъ признаетъ ее непрочной. „Деспотическая власть,—пишетъ онъ,—является анахронизмомъ въ современныхъ намъ обществахъ“. Чтобы обосновать этотъ взглядъ, онъ впервые

¹⁾ „On ne prend pas l'esprit propriétaire aussi lestement qu'on prend la propriété“.

пускается въ развитіе той мысли, которая, нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1819 году, послужить тѣмой извѣстной рѣчи, произнесенной имъ въ Атенеѣ (расположенномъ въ rue de Valois) „о различномъ пониманіи свободы древними и новыми народами“. Древніе, живя въ предѣлахъ тѣснаго городского круга, понимали свободу въ смыслѣ непосредственнаго участія въ суверенитетѣ; свобода означала для нихъ раздѣлъ власти. Новые, въ виду обширности занимаемой ими государственной территоріи, не могутъ осуществлять лично правъ народнаго верховенства; они должны прибѣгнуть къ представителямъ. Правильный выборъ и безотвѣтственность депутатовъ за ихъ образъ дѣйствій въ камерѣ являются, такимъ образомъ, однимъ изъ условій современной свободы. Но ея далеко еще не исчерпывается содержаніе этой послѣдней; она требуетъ предоставленія каждому возможности мыслить, говорить и печатать свободно; она требуетъ также неприкосновенности собственности, а потому отсутствія произвольнаго обложенія. Росси, который, десятки лѣтъ спустя, задается, въ своемъ „Курсѣ конституціоннаго права“, развитіемъ тѣхъ же взглядовъ, придаетъ имъ еще болшую опредѣленность, вдвигая различіе публичныхъ и политическихъ правъ. Подъ послѣдними онъ будетъ разумѣть участіе въ суверенитетѣ, въ формѣ ли прямого голосованія, или—выбора представителей. Эти права, очевидно, извѣстны какъ древнимъ, такъ и новымъ народамъ; но того же нельзя сказать о публичныхъ правахъ, о тѣхъ необходимыхъ гарантіяхъ личности и собственности, на признаніи которыхъ настаивали еще англійскіе публицисты въ эпоху борьбы парламентовъ съ Стюартами. Декларация правъ человѣка и гражданина потому и можетъ считаться великой хартіей вольностей для всѣхъ народовъ новой Европы, что въ ней нашли одинаковое признаніе всѣ и каждое изъ этихъ правъ. „Наполеоновскіе принципы потому только и являются анахронизмомъ въ современномъ обществѣ, что думаютъ ограничить запросъ на свободу однимъ обезпеченіемъ тѣхъ правъ, какія изложены въ гражданскомъ кодексѣ“... Констанъ весьма опредѣленно говоритъ, что свобода, въ томъ пониманіи, какое дано ей новыми народами, означаетъ собою подчиненіе гражданъ одному только закону и ничему, кромѣ закона, невозможность быть задержаннымъ или заключеннымъ въ тюрьму или подвергнутымъ какому-либо насиліямъ и смерти въ силу личнаго приказа одного или нѣсколькихъ человѣкъ. Это—право каждому высказывать свое мнѣніе, распорядиться своей собственностью, избирать для себя профессію, перемѣщаться, не спрашивая ничего разрѣшенія и не давая никому отчета; это—право вступать въ ассоціаціи съ дру-

тими лицами, то для завѣдыванія общими матеріальными интересами, то ради отправления культа, то ради простого времяпрепровождения. Это, наконецъ, право вліять на ходъ управленія выборомъ всѣхъ или части чиновниковъ, представленіемъ ходатайствъ, протестовъ и петицій, которыя власть обязана принять въ расчетъ ¹⁾

Что это, какъ не пересказъ деклараціи 89-го года съ тѣмъ необходимымъ дополненіемъ, какое представляетъ опущенное ею право ассоціаціи, и съ той не менѣ существенной замѣной права сопротивленія правомъ петиціи, безъ которой принципы 89 года, по счастливому выраженію Бентама, продолжали бы оставаться анархическими принципами.

Но диктатура всего менѣ можетъ мириться съ такимъ пониманіемъ свободы. Требуя уничтоженія всѣхъ передъ властью, она не можетъ допустить самоопредѣленія ни въ сферѣ мысли, ни въ сферѣ слова. Но люди не могутъ мириться съ произволомъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, въ формѣ ли революціонной анархіи, подъ которой Констанъ разумѣетъ якобинство 1793 года, или въ формѣ деспотіи, къ которой сводится, по его мнѣнію, владычество Наполеона. А если такъ, то узурпація, или, что то же, диктатура, осуждена на погибель. „Мы доказали,—пишетъ Констанъ,—что она немислима безъ деспотизма, такъ какъ противъ нея встаютъ всѣ интересы. Мы доказали также, что она не можетъ удержаться и при помощи деспотизма, такъ какъ самъ деспотизмъ сдѣлался невозможнымъ въ современныхъ обществахъ. Продолжительное существованіе узурпаціи поэтому немислимо“ ²⁾.

VIII.

Какъ же, спрашивается послѣ этого, могъ Констанъ оказаться въ числѣ оплотовъ Наполеоновской реставраціи, воспослѣдовавшей въ эпоху „ста дней“. Противорѣчіе покажется еще болѣе рѣзкимъ, разъ мы вспомнимъ содержаніе той, въ свое время много надѣлавшей шума, статьи „Journal des Débats“, въ которой Констанъ самъ вооружался противъ политическихъ перебѣжчиковъ,

¹⁾ De la liberté des anciens comparée à celle des modernes, издание Лабурэ, томъ II, стр. 541.

²⁾ „L'usurpation ne peut donc subsister, ni sans le despotisme, car tous les intérêts s'élèvent contre elle, ni par le despotisme, car le despotisme ne peut subsister. La durée de l'usurpation est donc impossible“, глава XIX (томъ II, стр. 257).

приводывая ихъ къ позорному столбу. 19-го марта 1815 года, т.-е. наканунѣ входа Наполеона въ Парижъ, императоръ еще оставался въ его глазахъ „болѣе ненавистнымъ, чѣмъ Аттила и Чингисханъ“; авторъ „Конституціонной политики“ объявлялъ свободу примиримой съ монархіей и ручался за готовность Людовика XVIII пойти за-одно съ націей. „Я никогда не соглашусь—такъ заканчивалъ онъ свою статью—сдѣлаться презрѣннымъ перебѣзчикомъ, готовымъ ползать передъ всякой властью, прикрывая свой позоръ софизмомъ и бормоча опошленные имъ слова клятвы, съ цѣлью выкупить покрытую позоромъ жизнь“¹⁾).

Мы тщетно бы стали искать отвѣта на заданный вопросъ въ дневникѣ. Правда, со свойственной ему проникательностью, Констанъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, послѣ одного только свиданія съ Талейраномъ, уже высказывалъ опасеніе за будущее свободы, говоря: „французы остались прежними, не одобровать имъ“... „Цевзоръ требуетъ, чтобы не писали ни за, ни противъ конституціи... Неисправимая нація! Не хочу болѣе считаться въ числѣ твоихъ членовъ“. Послѣ обѣда у Рейнуара, Констанъ пишетъ: „какое безуміе въ этихъ людяхъ; но ихъ наивность не та, которой отличается безгрѣшность... Мы въ полной реакціи. Законъ противъ печати прошелъ“²⁾. Прощай, конституція, и къ чорту Франція! Всѣ эти правители—просто сумасшедшіе; они убиваютъ общественное мнѣніе, которое было за нихъ. Уберемся отсюда“: Но Констанъ не рѣшается исполнить своего намѣренія. Госпожа Рекамьё держитъ его въ Парижѣ своимъ кокетствомъ. 47-ми-лѣтній Донъ-Жуанъ влюбленъ снова, какъ неопытный юноша. „Я провожу вечеръ у госпожи Рекамьё,—читаемъ мы въ дневникѣ,—и эта женщина, которую я не разъ видѣлъ въ Швейцаріи, въ самыхъ различныхъ условіяхъ, и которая никогда не производила на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія, внезапно овладѣваетъ мною всецѣло, внушая самую сильную страсть. Чтѣ я—дуракъ или сумасшедшій? Но это пройдетъ, я надѣюсь... Увы, это не проходитъ, и эта страстная лихорадка, которая мнѣ слишкомъ хорошо знакома, держитъ меня снова въ цѣпяхъ. Трудъ, политика, литература, все для меня вончено. Царство Юліи наступило“³⁾).

Дневникъ сразу переходитъ въ нескончаемый анализъ собственныхъ чувствъ и чувствъ госпожи Рекамьё. Констанъ то вѣрять, то не вѣрять въ возможность тѣснаго сердечнаго общенія, сперва съ болѣе или менѣе матеріальной подкладкой, затѣмъ только

¹⁾ См. „Le parti libéral sous la restauration“, par Paul Thureau-Dangin, стр. 12.

²⁾ Melegari, стр. 139 по 145.

³⁾ Ibid, стр. 142.

духовной. Великая мистификаторша, баронесса Крюднеръ, общается ему установить „un lien d'ame“, — какую-то мистическую корреспонденцію между нимъ и Юлией. Онъ читаетъ какия-то рукописныя молитвы и заклинанія. Поднимаетъ, стоя на колѣняхъ рядомъ съ Юлией, взоры къ небу. Но все напрасно: русская баронесса, какъ онъ пишетъ, оказалась плохой пророчицей. Юлія начала третировать его еще хуже прежняго. Въ одинъ день она пропустила три свиданія, а вечеромъ была „образцомъ кокетства, предательства, лжи, лицемерства и притворства“. Но зато госпожа Крюднеръ сообщила влюбленному силу переносить смиренно удары рока. „Это много“, — прибавляетъ онъ серьезно. На его несчастье, баронесса увѣщаетъ вскорѣ затѣмъ изъ Парижа, и, представленный снова себѣ, несчастный набрасывается на игру, какъ на единственное средство забыться. Онъ сперва выигрываетъ тридцать тысячъ, а затѣмъ проигрываетъ изъ нихъ двадцать. Это приводитъ его къ безплодному выводу, что игрою не разбогатѣешь, и что она только отниметъ у него репутацію, время и талантъ. Умѣренные роялисты, и во главѣ ихъ Монолозье, принимаютъ его между тѣмъ съ большимъ почетомъ, какъ автора нападокъ на Бонапарта. „Сколько времени я оставался игрушкой ничтожной женщины, — восклицаетъ онъ съ горемъ, — безъ пользы для себя и другихъ“. Но эта ничтожная женщина, тѣмъ не менѣе, достигаетъ своей цѣли. Желая угодить ей, Констанъ соглашается составить мемуаръ въ защиту правъ Мюрата и его жены сестры Наполеона, на неаполитанскій престолъ. Онъ самъ очень доволенъ своей работой, которая должна быть представлена конгрессу въ Вѣнѣ. Но еще ранѣе этого слухъ о ней доходить до правительства, и вскорѣ и Констанъ долженъ признать, что оно отталкиваетъ его отъ себя. „Прекрасно, — пишетъ онъ, — хотятъ видѣть меня въ оппозиціи — и увидать“. Въ эту именно минуту приходитъ извѣстіе о высадкѣ Наполеона въ заливѣ Жуанъ. „Разгромъ начинается, — пишетъ Констанъ. — Жизнь моя въ опасности. Что-жъ, если нужно погибнуть, погибнемъ съ честью“... „Что за трусы эти роялисты! недавно они считали себя настолько чистой пробы, что готовы были объявить меня врагомъ. Теперь они трепещутъ, а я смѣю писать и требовать, чтобы правительство защищалось“. Недолго спустя Констанъ заноситъ въ дневникъ: „всѣ считаютъ все погибшимъ; одинъ я утверждаю, что можно все спасти“. За нѣсколько дней до прибытія Наполеона, когда Фушэ, Себастьяни и другіе бонапартисты уже заигрывали съ Констаномъ, онъ еще пишетъ о готовности отдать свою жизнь для отпора тирану. Его статья въ „Débats“ дѣлаетъ много шуму, но „появляется какъ

нельзя менѣе встать¹⁾: въ самый день отъѣзда короля. Констанъ боится за свою голову и собирается покинуть Францію. Онъ даже приступаетъ къ исполненію своего намѣренія—доѣзжаетъ до Анжэ и здѣсь, подъ предлогомъ отерывшейся сывнова Вандей, т.-е. благоприятнаго Бурбонамъ крестьянскаго движенія, возвращается въ Парижъ. Себастьяни и Фушэ успокаиваютъ его, говоря, что лично ему не грозитъ ни малѣйшей опасности, а братъ императора, Жозефъ, даже высказываетъ надежду, что все устроится въ желательномъ для Констана смыслѣ. „Неужели есть какіе-нибудь шансы для свободы?“ заноситъ онъ въ свой дневникъ. Со всѣхъ сторонъ убѣждаютъ его въ этомъ. Слѣдуетъ, наконецъ, предложеніе занять постъ государственнаго совѣтника. „Что-жъ, примемъ,—значится въ дневникѣ.—Практика останется деспотической, ничего!“²⁾

Однихъ этихъ словъ достаточно, чтобы показать, какъ слабо было приписываемое Констану самообольщеніе. „Госпожа Сталь скажетъ: вбѣрившіе въ возможность союза Наполеона съ свободой обнаружили смѣшную довѣрчивость, и этимъ сама превзойдетъ ихъ въ наивности“³⁾. Констанъ первый сознается, что его поведеніе заслуживаетъ тѣхъ нападокъ, какими покрываютъ его роялисты. „Я уѣду,—пишетъ онъ,—и пребываніе въ Германіи заставитъ все забыть“. Но онъ не только не уѣзжаетъ, а еще соглашается на свиданіе съ императоромъ. Его не останавливаютъ письма съ выраженіемъ неодобренія, присланныя Лафайетомъ и госпожою Сталь. „Они правы“, заноситъ онъ въ записную книжку—и остается. Самъ онъ рассказалъ въ своемъ дневникѣ, а подвѣе въ „Воспоминаніяхъ о ста дняхъ“, какое впечатлѣніе произвело на него первое свиданіе съ императоромъ. „Это человекъ удивительный,—пишетъ онъ,—я долженъ съ этимъ сознаться. Онъ принялъ меня хорошо и послѣ длиннаго разговора поручилъ составить проектъ конституціи. Все будетъ исполнено завтра, но дастъ ли это мнѣ наконецъ возможность выйти въ люди, и долженъ ли я желать этого?“ Вслѣдъ затѣмъ дневникъ сообщаетъ, что проектъ конституціи, изготовленный Констаномъ, не встрѣтилъ ожидаемаго сочувствія. „Свобода, это—далеко не то, чего желаютъ“⁴⁾. Итакъ, нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Констанъ не увѣровалъ внезапно въ либеральную миссію Бонапартовъ. Но что же въ такомъ случаѣ заставило его служить имъ? Личный расчетъ? Едва ли. Во всякомъ случаѣ не-

¹⁾ „On parle de me nommer au conseil d'Etat. Bah! acceptons. La pratique restera despotique, n'importe!“ Melegari, стр. 150.

²⁾ Considérations sur la révolution française: „Si c'était un crime de rappeler Bonaparte, c'était une niaiserie de vouloir masquer un tel homme en roi constitutionnel“.

³⁾ „Ce n'est pas précisément de la liberté qu'on veut“. Ibid, стр. 152.

прочность новаго порядка стала обнаруживаться такъ быстро, и упорство самого Бонстана въ поддержаніи его было такъ сильно, что невольно закрадывается сомнѣніе въ томъ, чтобы одного желанія быть кѣмъ-нибудь, состоять, наконецъ, какъ онъ самъ выражается, въ рядахъ партіи, было достаточно для объясненія его дѣятельности. Въ дневникѣ вскользь высказывается болѣе сильный мотивъ. „Общественное мнѣніе осуждаетъ меня, но я думаю принести пользу“¹⁾. Правда, авторъ портитъ благопріятное впечатлѣніе, производимое этими словами, прибавляя: „я хочу, наконецъ, выйти изъ моего положенія“. Но самое поведеніе Бонстана во время работъ надъ составленіемъ конституціи показываетъ, что политическіе принципы, въ которыхъ еще въ эпоху директоріи онъ видѣлъ единственную путеводную звѣзду, продолжали и въ настоящее время руководить имъ. Соглашаясь служить правительству, онъ надѣялся заставить правительство служить его принципамъ. Будь онъ французомъ, игнорировавъ семейныя или сословныя традиціи, онъ бы не могъ съ такимъ легкомысліемъ связывать свои судьбы съ торжествомъ той или другой династіи; но человекъ, родившійся внѣ Франціи, прожившій большую часть жизни за ея предѣлами, бывшій свидѣтелемъ самой изумительной смѣны событій и дѣйствующихъ лицъ и во все это время сохранившій вѣру въ возможность порядка не иначе, какъ въ союзѣ съ свободой, очевидно, не продавался, требуя отъ Наполеоновскаго правительства, чтобы оно приняло и провело его взгляды. Когда его заставляютъ измѣнить свой проектъ, онъ заноситъ въ дневникъ: „я сдѣлаю это, но не въ томъ направленіи, каковаго они желаютъ“²⁾. Эта рѣшимость настоять на своемъ такъ сильна, что Наполеонъ, сохранявшій дотогѣ въ своихъ переговорахъ рѣдкое спокойствіе, теряетъ самообладаніе. „Меня хотѣтъ заставить пойти дорогой, которая никогда не была моею,—восклицаетъ онъ при обсужденіи отдѣльныхъ статей проекта.—Меня хотѣтъ ослабить, завоевать въ дѣли; Франція ищетъ и не находитъ меня; она спрашиваетъ себя въ недоумѣніи: что случилось съ могучей рукою императора? Мнѣ говорятъ о снисходительности, объ отвлеченной справедливости, о естественныхъ законахъ. Первый законъ необходимости, первое требованіе справедливости — общественное благо“. Въ то же время императоръ передавалъ Молѣ свои внутреннія сомнѣнія, говоря: „я никогда не покинулъ бы острова Эльбы, знай я, что для упроченія моей власти мнѣ придется исполнять волю демократической партіи“.

¹⁾ „L'opinion me blâme assez, mais je crois faire du bien“. Ibid, стр. 152.

²⁾ Ibid, стр. 152.

Эти признаки рѣшительнаго нежеланія стать на новую дорогу нисколько не приводятъ Констанана въ отчаяніе, а только упрочиваютъ въ немъ рѣшимость воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ правительства, нуждою его въ поддержкѣ либераловъ, чтобы склонить его къ такому мѣрамъ, послѣ которыхъ нѣтъ уже возврата, или этотъ возвратъ становится весьма затруднительнымъ. „Императоръ, — пишетъ Констанъ, — не имѣетъ практики свободныхъ учреждений, но онъ какъ нельзя лучше понимаетъ, чѣмъ держится свобода“. Одно уже это обстоятельство должно было сдѣлать игру съ нимъ довольно затруднительной; и все же Бенжамену Констану удается склонить Бонапарта къ немедленному созыву палаты представителей, несмотря на то, что въ самомъ текстѣ новой конституціи значилось, что она вступитъ въ силу не раньше, какъ послѣ одобренія ея народомъ на „майскомъ полѣ“. Обнародованіе конституціи, которая, по желанію императора, получила названіе „дополнительнаго акта“, чѣмъ какъ бы указывалось на цѣлость и природную стройность Наполеоновскихъ учреждений, не встрѣчено было большимъ сочувствіемъ. Демократы, привѣтствовавшіе императора на его пути въ Парижъ, какъ борца за революцію, несочувственно отнеслись къ проведенной Констаномъ системѣ двухъ палатъ, къ созданной имъ новой пѣри и къ тому ограниченію избирательнаго права имущественнымъ цензомъ, которое вполнѣ вытекало изъ давно принятыхъ составителемъ принциповъ, — принциповъ, сложившихся, по всей вѣроятности, подъ ближайшимъ вліяніемъ Неккера и группировавшагося вокругъ него кружка ¹⁾). Недовольство старинныхъ слугъ имперіи, свыкшихся съ совершенно иными порядками, было еще понятнѣе. „На конституцію очень нападаютъ, — пишетъ Констанъ, послѣ обѣда у Фушэ, — но я энергически отстаиваю ее. Вообще я доволенъ собою, я таковъ, какимъ долженъ быть“ ²⁾). Заявленіемъ императора: „конституція что-то не удается“, Констанъ искусно пользуется для того, чтобы приблизить срокъ выборовъ. „Ваше величество, — отвѣчаетъ онъ, — причина неудачи лежитъ въ томъ, что никто не вѣритъ вашему желанію примѣнить конституцію. Приступите къ этому — и всѣ по вѣрятъ“. — Какъ! — отвѣчаетъ Наполеонъ: — даже не дождавшись признанія ея народомъ? Подумаютъ, что я смѣюсь надъ нимъ. — „Когда народъ увидитъ себя свободнымъ, — отвѣчаетъ Констанъ, — а васъ слагающимъ диктатуру въ руки представителей, онъ пойметъ,

¹⁾ Ibid. стр. 163.

²⁾ Въ своемъ сочиненіи объ исполнительной власти Неккеръ настаиваетъ на томъ, что право представительства должно принадлежать только собственникамъ.

что вы надъ нимъ не смѣтесъ". Императоръ задумался и внезапно возразилъ: „что же! есть въ этомъ и своя выгода: это укрѣпить увѣренность въ моей силѣ, а доказать ее всегда полезно“¹⁾).

Этотъ простой рассказъ, заносимый Констаномъ въ его мемуаръ о „ста дняхъ“, какъ нельзя лучше показываетъ, что ни одинъ изъ двухъ союзниковъ не былъ игрушкой въ рукахъ другого. И та же черта проглядываетъ въ характерѣ всѣхъ отношеній Бонапарта съ авторомъ „дополнительнаго акта“, начиная съ первой ихъ встрѣчи, когда, вмѣсто того, чтобы пускаться въ собогъзнованія о прошедшемъ или въ увѣренія, что онъ предастъ отнынѣ свободѣ, императоръ просто сказалъ: „я общалъ французамъ конституцію и намѣренъ сдержать слово. Ограниченная, но все же сильная власть, вполне отвѣчаетъ интересамъ моего сына, которыми я въ настоящее время болѣе озабоченъ, чѣмъ собственными“. Оба бывшіе противника поставлены были обстоятельствами въ необходимость совмѣстной дѣятельности, но они руководимы были разными мотивами: Наполеонъ заботился объ упроченіи династіи, Констанъ—свободы. Недавній бытописатель этой смутной эпохи правъ поэтому, когда говоритъ: „Констанъ не былъ, какъ утверждали его противники, ни игрушкой, ни сообщникомъ. Историкъ не можетъ произнести надъ нимъ осужденія. Онъ работалъ для собственной славы и для блага страны, надѣясь надѣлать ее конституціей. Оставаясь свободнымъ отъ подчиненія какой бы то ни было партіи, онъ служилъ одной только свободѣ. Еслибы отъ основанія до вершины созданное имъ зданіе отвѣчало требованіямъ свободы, то что значило бы для него присутствіе въ немъ императора. Констанъ не измѣнилъ своему прошлому, такъ какъ не только не применилъ къ Наполеоновскимъ принципамъ, но, напротивъ того, навязалъ императору свои, и притомъ съ явной цѣлью ограничить его власть“²⁾).

Но не такъ, разумѣется, повяли поведеніе Констана возвратившіеся во Францію Бурбоны. Имя его попало въ списокъ лицъ, подвергаемыхъ изгнанію, и потребовалась личная оправдательная записка къ Людовику XVIII, чтобы избавиться отъ грозившей ему опасности. Но ничто не могло оградить Констана отъ нападокъ торжествующей реакціи. И вотъ почему онъ временно удаляется въ Англію, занятый всецѣло одной мыслью—составленіемъ собственной апологіи, которой, какъ видно изъ его дневника, предстояло быть также апологіей и Франціи. „Я хочу придать ей

¹⁾ См. Mémoire sur le cent jours, II, 72.

²⁾ „1815 an“, par Henry Houssaye, première partie, стр. 541 и 542.

характеръ національнаго предпріятія, — пишетъ онъ, — я долженъ быть въ Англіи защитникомъ угнетенной страны“. Въ началѣ 1816 года его „Мемуаръ о ста дняхъ“ конченъ. Онъ передаетъ его основную мысль, говоря: „я старался доказать, что Франція могла быть спасена въ 1815 году не чѣмъ другимъ, какъ свободой“. Константъ не сразу рѣшается на возвращеніе въ Парижъ; но извѣстіе о распущеніи *Chambre introuvable* и о торжествѣ конституціоналистовъ на выборахъ беретъ верхъ надъ его сомнѣніями. 16-го сентября 1816 года, съ выѣздомъ изъ Лондона, отрывается для него новая и самая блестящая эпоха его законодательной и публицистической дѣятельности. Неизмѣнно въ рядахъ оппозиціи, на стражѣ народныхъ вольностей, онъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ остается верховнымъ совѣтникомъ націи по конституціоннымъ вопросамъ, главнымъ наставникомъ въ парламентаризмѣ. Смерть застаётъ его въ самомъ апогеѣ его славы, когда дорогіе ему принципы берутъ рѣшительный перевѣсъ вмѣстѣ съ іюльской революціей и вступленіемъ на престолъ Людовика-Филиппа. Жизнь, полная во всемъ остальномъ нескончаемыхъ противорѣчій, закатывается при неуклонномъ служеніи одному и тому же политическому идеалу, такъ что даже злѣйшіе враги принуждены были сказать о Константѣ: „il se vend, mais ne se rend pas“ (онъ продается, но не сдается).

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

Beaulieu, villa Batava.
1-го янв. 1895 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МАЙСКАЯ НОЧЬ.

Что за ночь! Что за тишь! Въ блѣдномъ свѣтѣ луны
По росистой травѣ бродятъ юные сны,
И вого на пути повстрѣчаютъ своемъ —
Озарять, опьянять неземнымъ волшебствомъ.

Отъ цвѣтовъ аромать подниматься усталъ;
Онъ, какъ дымкой сквозной, теплый воздухъ сковаль.
Соловей своихъ пѣсенъ не въ силахъ допѣть...
Въ эту ночь отъ блаженства легко умереть.

Въ эту ночь такъ побѣдно земля хороша,
Что въ мечтахъ къ небесамъ не стремится душа.
И оттуда, дрожа въ очарованной мглѣ,
Даже звѣзды завидуютъ грѣшной землѣ.

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ.

Первый громъ, вешній громъ надъ землею прогремѣлъ;
Отозвалась земля ему эхомъ.
За ударомъ—ударъ, торжествующъ и смѣлъ,
Прозвучалъ живнерадостнымъ смѣхомъ.

Точно богъ молодой, богъ любви и весны,
Прокатился въ своей колесницѣ.
Кони-вѣтры въ нее на подборъ впряжены,
Златоперья молніи—спицы.

Прогремѣлъ, разбудилъ каждый кустъ и цвѣтокъ,
Бъ жизни камни воззвалъ изъ молчанья,
И мгновеннымъ огнемъ ярыхъ молній зажегъ
Въ каждомъ сердцѣ любовь и желанья.

А. М. Федоровъ.

ИСКРА БОЖІЯ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

Окончаніе.

VIII *).

По отъѣздѣ гостя, Романъ очутился съ глазу на глазъ съ хозяйкой дома. Тотчасъ же принялась она выкладывать ему всѣ свои печали и тревоги. На ней понашпилено было сегодня особенно много кружевъ домашняго приготовленія. Поверхъ накинута какая-то еще мантилья; на платьѣ появились новыя фалборочки; на гладко причесанныхъ блестящихъ волосахъ развѣвался крылатый чепчикъ.

Она вся ушла въ старое кресло, словно нахохлившись въ своемъ странномъ нарядѣ, и съ мѣста заняла:

— Самъ посуди... пошла спать! Вѣдь онъ можетъ принять это за формальный отказъ. Пожалуй и не заглянетъ никогда больше сюда... Тоже и прежде, когда мы собирались къ вамъ на встрѣчу: убѣгаетъ изъ комнаты, будто по хозяйству, молчитъ какъ рыба... Я ужъ смекала, что такъ именно кончится, она и сама мнѣ говорила...

Сидѣвшій напротивъ нея Романъ поторопился спросить:

— Что же такое кузина Ирена говорила вамъ, тетя?

Но старушка только кокетливо погровила ему.

*) См. книж: апр., 560 стр.

— Больно прытокъ! Мы, женщины, свято хранимъ свои секреты... Хотя—какая же это тайна! Подождала бы хоть немножечко до его отъѣзда. Поди-жь ты! Спозаранку завалилась спать. Я понимаю—это на зло сдѣлано: она никогда не ложится спать такъ рано. Ахъ, Богъ мой, что она натворила! Вѣдь это же явный афронтъ... Тоже и Броня,—ляпнула прямо! Все теперь пропало... и поправить никакъ нельзя, прахомъ пошло... Ахъ, Богъ мой, что станетъ съ ней, когда я и Ромуальдъ закроемъ глаза? Та-сваться придется бѣдняжечкѣ изъ дома въ домъ...

Тетушка была въ самомъ дѣлѣ разстроена и опечалена всѣмъ случившимся, даже забыла вздыхать и ни разу не проронила свое любимое: „съ другой стороны“. Въ ея выпѣвѣвшихъ глазахъ стояли слезы.

— Ты знаешь, Ромикъ, я съ самаго дѣтства воспитывала ее. Было ей шесть лѣтъ, когда отецъ ея, такъ себѣ, мелкій чиновникъ, померъ, оставилъ ее безъ всякихъ средствъ, круглой сиротой. Матери она лишилась еще раньше. Ромуальду приходилась дѣвочка дальней родственницей. Какъ будто и свое! Мужъ распорядился сейчасъ же, взялъ ее въ Дарновку. Я, конечно, не противорѣчила; дочки у меня тогда еще не было,—воспитывала ее замѣсто дочери. Что и говорить — вознаградила! Ахъ, ахъ, ахъ, и еще какъ вознаградила! Только вотъ теперь, этакое горе... Подумать только! никогда, быть можетъ, не встрѣтится другой такой спутникъ жизни. Положеніе, обезпеченная будущность...

Старуха расхныкалась не на шутку. Дальше продолжала она говорить, не отнимая платка отъ глазъ:

— И какъ ей найти? При женихѣ молчитъ какъ рыба, да еще, ни съ того, ни съ сего, укладывается спать съ пѣтухами. Подумать только: этотъ Росновскій—такой порядочный, милый человекъ; хотя, съ другой стороны, ахъ какія страсти! увезетъ на край свѣта... Ахъ, ахъ, ахъ! И этакъ северно, и такъ не хорошо. Ну, да ужъ лучше бы намъ всѣмъ стало худо безъ нея, чѣмъ оставаться ей сиротой безъ крова и хлѣба...

Вдругъ тутъ же, за спиной рыдающей женщины, тихонько скрипнули двери и мелькнуло нѣчто живымъ протестомъ всякаго горя. Изъ-за полуотворенныхъ дверей заглядывала въ гостиную Ирена, подавшись немного впередъ корпусомъ. Выраженіе лица ея напоминало что-то ребяческое. Словно она собиралась крикнуть: — вотъ и я! вывинувъ забавный фарсъ и поглядывая плутовато изъ-за своей засады. Глаза ея блестя, на устахъ дрожала лукавая усмѣшка. Покрытая отъ шеи почти до полу розовымъ фарфуромъ съ завязочками, ея фигура какъ бы безъ словъ говорила

тонкими линиями изгиба эфирного дѣвичьяго стана:—вотъ и я! а вы въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что я пошла спать? И не думала. Здравствуйте...—Это самое выраженіе всей ея фигуры и блестящія глазки сразу налету подхватилъ Романъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ простояла она такъ, не опуская и не отвращая глазъ. Во взорахъ ея даже легко можно было прочесть довольно ясно: „доброе мое сердце не сжалилось надъ анахоретомъ, оно не ему принадлежитъ“. Въ груди у Романа вспыхнуло-было зарево счастья, но промелькнуло мимолетно. Достаточно было Иренѣ замѣтить платочекъ, приложенный къ глазамъ старухи, и во мгновение ока дѣвушка очутилась передъ ней на колыняхъ.

— Плачешь, тетя? Наверное изъ-за меня? Что же мнѣ дѣлать? Иначе я не могу... не могу...

И стала горячо цѣловать ея руки, колѣни. Старуха обняла дѣвушку и сразу повеселѣла.

— Доброе ты мое дитя!... Дѣлай какъ знаешь, такъ, какъ найдешь лучше. Положимъ, я уже испытала и знаю, что значить... ахъ, ахъ, ахъ! что значить выйти счастливо замужъ; но съ другой стороны... съ другой стороны, у тебя въ сто разъ больше разсудительности, чѣмъ у меня, старухи, и я надѣюсь, ты сумѣешь поступить какъ слѣдуетъ...

Въ комнату влетѣла вихремъ Броня.

— Не угодно ли!—хлопая въ ладоши, затараторила дѣвочка: —Иря и не думала ложиться, и меня провела. Не стыдно ли? Я вправду, въ самомъ дѣлѣ повѣрила, что ты уже спишь... Взяла да и заперлась въ нашей комнаткѣ. Стучу, стучу—хоть бы слово. Что жъ, не слышать—значить, спитъ. Когда понадобится и мнѣ, постучусь сильнѣй—проснется и откроетъ. Иду, гляжу—и слѣдъ простылъ. Постель не тронута. Зачѣмъ же меня было обманывать? Ага! понимаю, понимаю...

И опять она забила въ ладоши, скача на одной ногѣ кругомъ.

— Иря не уйдетъ—запѣла дѣвочка—съ господиномъ Росновскимъ!

И дѣвочка ухватила Романа за обѣ руки и пустилась съ нимъ вертѣться. Онъ нисколько не упирался, кружился повидимому даже съ удовольствіемъ. Его такъ и подмигивало вторить ей: —Иря съ господиномъ Росновскимъ не уйдетъ!

Да развѣ возможно!—смѣялся онъ надъ пустой затѣей ребенка. Вдругъ дѣвочка приостановилась и крикнула:

— Гдѣ же, Ромикъ, орѣхи, которые мы собирали съ тобой для Ири?

Теперь только вспомнилъ онъ о депозитѣ, врученномъ ему

Броней. Еще бы! всё карманы были набиты. Гдѣ-то тамъ, въ передней, валяется цѣлый платокъ.

— Вотъ тебѣ и на! — жалобнымъ тономъ протянула Броня. — Надо же было оставлять орѣхи въ передней! Антошка вѣроятно ихъ скушалъ.

Антошка служилъ въ домѣ на побѣгушкахъ, одновременно учился у Ирены, и повидимому былъ великій любитель до лакомствъ. Какимъ-то чудомъ, однако, орѣховъ, забытыхъ въ передней, Антошка, какъ оказалось, и не попробовалъ. Торжественно внесъ Романъ набитый орѣхами платочекъ и остановился прямо передъ Иреной, подставившей пренаивно свой коленкоровый фартучекъ, перехваченный розовымъ кушачкомъ. Передача депозита продолжалась довольно-таки долго. Романъ методично высыпалъ сначала изъ платка, а потомъ сталъ опорожнять карманы сюртука, таская цѣлыми горстями.

— Чудеса, да и только! — приговаривалъ онъ. — Въ какой-нибудь часъ и столько орѣховъ набрано. И это все мы съ Броней такъ отличились.

— О! ей нипочемъ твоя груда орѣховъ! — отозвался басомъ старикъ Дарновскій, только-что вошедшій со Стефаномъ въ гостиную. — Ничего не подѣлаешь, въ какіе-нибудь четверть часа все сгрызеть, что вы вдвоемъ собирали часъ, по крайней мѣрѣ.

— Да развѣ это возможно! — удивлялся Романъ.

Броня стала упрашивать, приставала неотвязно:

— Да покажи же Ромику, Иря, какъ надо по настоящему кушать орѣхи!

— Ха, ха, ха! — разсмѣялся старикъ. — Похвастайся же предъ кузеномъ своимъ искусствомъ, — ничего не подѣлаешь.

— Не скрывай своего таланта! — убѣждалъ и Стефанъ.

Всѣ окружили корельской березы столъ, за исключеніемъ хозяйки дома, продолжавшей по прежнему сидѣть въ своемъ креслѣ. Стоялъ столъ передъ диваномъ того же дерева, мебели старинной, объемистой. Надъ высокой спинкой висѣло на стѣнѣ нѣсколько старыхъ гравюръ въ деревянныхъ почерпѣлыхъ рамахъ. Горѣвшая на столѣ лампа бросала яркій свѣтъ на диванъ, гравюры и столпившуюся у стола группу людей. Посреди нихъ, со смѣхомъ на устахъ и въ глазахъ, скорѣхонько, скорѣхонько лущила Иря орѣхи, добывая ихъ проворно изъ зеленыхъ гнѣздъ жесткой оболочки. Затѣмъ слѣдовало немедленно: крахъ, крахъ! хрусть, хрусть! И въ какія-нибудь двѣ минуты она съ необычайной быстротою перегрызла порядочную груду. И такъ уморительно это у нея выходило! Быстрыя движенія ея напоминали бѣгу,

перебравшую лапками быстро-быстро, перегрызавшую орѣхъ за орѣхомъ, зернышко за зернышкомъ: крахъ, крахъ! Скорлупа трескается подъ бѣлыми крѣпкими, молодыми и здоровыми зубками: хрусть, хрусть! и орѣха нѣтъ. Слѣдовалъ за нимъ немедленно второй, третій, четвертый.

— Представить себѣ не можешь, сколько эта дѣвица можетъ скушать орѣховъ! — сталъ объяснять старикъ Дарновскій. — Зимнимъ вечеркомъ во всѣхъ углахъ только и слышно — то здѣсь, то тамъ: крахъ, крахъ! крахъ, крахъ! Это Иря, ничего не подѣлаешь, суетится по хозяйству, разгуливаетъ по дому да орѣшки пощелкиваетъ.

Смѣялись всѣ, но не Романъ. Съ улыбкой иной совершенно натуры пожиралъ онъ глазами головку дѣвушки, нѣсколько наклоненную надъ разсыпанными по столу орѣхами. Ореолъ густыхъ волосъ, съ увядающимъ стебелькомъ блѣднаго левкоя, особенно выдѣлялъ чистоту очертаній и необыкновенную мягкость линий всего лица. Освѣщенное снопами свѣта, словно магнитъ притягивало оно его взоры. Старуха Дарновская первая замѣтила и задвигалась усиленно въ своемъ глубокомъ креслѣ. Ея осѣнило внезапно: догадка, предположеніе, быть можетъ, надежда блеснула у нея въ головѣ. Радостная, смѣющаяся, она начала однако вздохами.

— Ахъ, ахъ, ахъ! А помнишь, Ромикъ, какъ вы когда-то танцовали съ Ирей въ этой самой комнатѣ? Я, бывало, играю, а вы кружитесь, какъ дѣти... И вправду дѣтьми еще были вы тогда... Ахъ, ахъ, ахъ, давно было! Можно, впрочемъ, и теперь вспомнить... Хотите? Сейчасъ сыиграю...

Старуха поднялась съ необыкновенной живостью и направилась къ фортепiano. Изъ-подъ ея желтыхъ пальцевъ вскорѣ полились по комнатѣ слабыя звуки стариннаго мелодичнаго вальса, — быть можетъ, Страуса, Лядова, — играли его всюду во времена ея молодости. Силы у нея не было никакой, едва касалась клавишей. Тоны вальса звенѣли и гѣли тихонько, подобно отдаленнымъ воспоминаніямъ давно минувшаго. Не переставая играть, хозяйка повернула голову къ оставшимся у дивана:

— Что-жъ не танцуете? — настаивала она. — Потанцуйте, вспомните старину.

Но тѣмъ, къ кому она обращалась, стало какъ-то не по себѣ. Словно приросъ къ землѣ Романъ, держась въ отдаленіи отъ Ирены, а дѣвушка перегнулась въ открытое окно, разсматривая что-то внимательно въ ночной темнотѣ.

Разомъ съ мелодіей вальса хлынули ему въ голову невыра-

вимо-мучительной волной вешня воспоминанія. Сколько лѣтъ кануло съ тѣхъ поръ!.. Успѣли пронестись цѣлыя толпы... Сколько суетоки, сколько удовлетворенныхъ желаній, а главное—сколько, ахъ, сколько пятенъ легло на мысль и сердце! Жизнь отрѣзала его совершенно отъ святыхъ воспоминаній, даже прикасаться къ нимъ не смѣлъ онъ, буквально не рѣшался подойти къ Иренѣ и молить ее, чтобы сообщая съ нимъ помогла воскресить эти дорогія воспоминанія, придавленные тяжестью лѣтъ, проведенныхъ ими въ разлукѣ. Ему казалось въ эту минуту, что между ними разверзалась пропасть.

И ее тоже растрогало. Чтобы не выдать внутренняго волненія, она глядѣла упорно въ мракъ, разстилавшійся за окномъ. Пропла волна и надъ ней въ эти годы. Пятна ни одинаго, а тоска, сожалѣніе, — кто знаетъ? Несомнѣнно, впрочемъ, были. Быть можетъ, сохранилась искорка влеченія и къ тому, для котораго ее дѣтское сердце билось когда-то учащеннымъ темпомъ при звукахъ этого самаго вальса.

Но тутъ же, въ скромной гостиной Дарновскихъ, находилось еще одно маленькое существо. Время не успѣло еще положить на ее душу ни одной тѣни, не пролило ни одной горькой капли. Оригинальная сценка щелканья орѣховъ Ирей разохотила ее, а материнская музыка унесла дѣвочку въ седьмое небо.

Она не выдержала и подскочила къ Роману. Почернѣвшая отъ загара лапка потянулась къ его плечу, Броня запросила настойчиво:

— Потанцуй со мной, Ромикъ... Дорогой мой, сдѣлай мнѣ удовольствіе!

— А ты, мышка, развѣ умѣешь вальсировать?

— Умѣю, умѣю. Меня Иря выучила.

— А мнѣ что-то не хочется...

— Ну, пожалуйста, ради Бога, родной мой!

Его тронуло особенно послѣднее, и онъ схватилъ ее въ охапку. Разъ нѣсколько обѣжали они кругомъ по комнатѣ, къ великой утѣхѣ висѣвшихъ надъ диваномъ старинныхъ гравюръ. При заколыхавшемся свѣтѣ лампы отъ врывавшагося въ окно широкой струей воздуха, казалось, фигуры на картинахъ двигались, оживали. И большія морщины на огромномъ челѣ старика Дарновскаго заходили, рассыпались во всѣ стороны косыми лучами, будто смѣялись и толковали неслышно:

— Гляди-ко, какъ дѣти скоро сошлись, ничего не подѣлаешь. Славныя, милыя дѣти!

Стефанъ съ Казиміромъ бесѣдовали о чемъ-то негромко въ

углу комнаты. На пороге такъ и застылъ любимецъ Брони, дворовая собака Чувай, громадная, мохнатая, вся въ черныхъ и бѣлыхъ пятнахъ. Завидя, какъ его маленькая благодѣтельница съ развѣвающимися вудрами порхаётъ мотылькомъ по комнатѣ, животное нѣсколько разъ весело тавкнуло. Едва дыша, взволнованная, съ блестящими глазками, закинула объ ручки Броня, послѣ танца, на щеку танцора и чмокнула его прямо въ щеку, да такъ громко, словно выстрѣлила изъ крохотнаго пистолета. Ребенокъ защебеталъ весело:

— Милый, дорогой Ромикъ, спасибо тебѣ за то, что потанцовалъ со мной!

Крѣпко сжимая объ ея ручки, онъ проговорилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Золотая ты моя мышка!

Онъ ощутилъ сразу, что этотъ ребенокъ сталъ для него теперь близкимъ и дорогимъ.

— А теперь, дѣти, пора и на боковую!—объявилъ старикъ Дарновскій, грузно подымаясь съ кресла.

Когда Романъ подавалъ руку Иренѣ на прощанье, черты лица ея были совершенно спокойны, но въ полутѣняхъ опущенныхъ рѣсницъ, въ очертаніяхъ соменутыхъ плотно губъ блуждало что-то неопредѣленное: тихая грусть, молчаливая покорность, быть можетъ, и затаенная подъ вѣками слеза...

Было уже поздно. Долго бродилъ онъ по саду вдоль линіи плакучихъ березъ, танувшейся у забора отъ калитки, пробитой на дугъ.

Напала бессонница. Въ головѣ и сердцѣ вертѣлось множество вопросовъ, тревожныхъ и непонятныхъ. Жизнь поставила ему большой и неотвязный вопросъ,—не было никакой возможности ни обойти, ни отвернуться отъ него. Что же будетъ дальше? Какъ же быть? Выбирай или то, или другое. Теоретически, пожалуй, онъ и порѣшилъ во время бесѣды, происходившей въ его присутствіи между Стефаномъ и Росновскимъ. Съ нимъ произошло нѣчто странное. Онъ почувствовалъ всѣми силами души, что примыкаетъ къ убѣжденіямъ Стефана. Все это скоплялось какъ-то постепенно, капля по каплѣ, во всѣ предъидущіе дни и, наконецъ, опредѣленно и неизмѣнно кристаллизировалось. Понялъ Романъ ясно, что по чувству и убѣжденіямъ онъ становится солидаренъ со Стефаномъ, но это была пока теорія; на практикѣ же отрывалась необходимость принять окончательное рѣшеніе, ведущее неизбѣжно къ раздвоенію жизни на двѣ половины, совершенно несхожія. Въ самомъ выборѣ и предстояла громадная

трудность. Приходилось или успокоиться на слабой жизненной зыби, приятно ласкающей тѣло, хотя на днѣ, онъ хорошо сознавалъ, и холодно, и грязновато. Или же схватиться съ жизнью грудъ съ грудью, напрягая всѣ свои силы, обливаться потомъ, переносить на каждомъ шагѣ невзгоды и сохранить душу въ сферахъ теплыхъ и чистыхъ. Весь строй существованія, вытекавшій изъ понятій о жизни Стефана, не могъ же быть безконечной розовой идилліей; этого, впрочемъ, не утверждаетъ и самъ онъ. Да еслибы онъ и говорилъ иначе, достаточно повнимательнѣе всмотрѣться въ него самого — и легко отгадать массу лишеній и борьбы, быть можетъ, уже поконченной, скорѣе же всего не имѣющей конца, ибо никто не можетъ безнаказанно сойти съ дороги, утопанной раньше его толпой. Не такъ-то легко отречься отъ того, къ чему влечетъ унаслѣдованное отъ цѣлой вереницы предшествовавшихъ поколѣній, позаимствованное отъ прихотливыхъ арабесокъ, украшающихъ вершины высочайшихъ башенокъ цивилизаціи. Неизбѣжно предстояла мучительная ломка. До дна вычерпалъ Романъ теорію, но еще не могъ понять, какимъ образомъ добудетъ силы, чтобы ухватиться за терновый вѣнецъ и понести его добровольно. Можно было сказать даже болѣе: не только онъ усвоилъ до малѣйшихъ подробностей теорію, но его сердце переполнилось тѣмъ давнимъ чувствомъ, которое было вѣроятнѣе всего первоисточникомъ его обращенія. Между тѣмъ, передъ вопросомъ, поставленнымъ жизнью, онъ оставался въ недоумѣніи и глядѣлъ на него съ беспокойствомъ и сомнѣніемъ въ головѣ и сердцѣ.

Минутами онъ забывалъ обо всемъ. Въ ночныхъ сумеркахъ ему грезилась рядомъ съ нимъ, или нѣсколько впереди, статная дѣвушка въ розовомъ фартучкѣ, съ увядающимъ цвѣткомъ въ волнистыхъ волосахъ.

При одномъ воспоминаніи о томъ, что случилось между нею и Росновскимъ, закрадывалась въ его сердце неизреченная радость. Не дала ему и слова промолвить. Натянула ему носъ, да такъ очевидно, что и сомнѣваться невозможно. Любопытно, какъ бы она поступила съ нимъ, еслибы онъ вздумалъ ухаживать серьезно? Быть можетъ, иначе. Въ глазахъ ея, голосѣ, румянцѣ не разъ онъ подмѣчалъ что-то, позволявшее ему предполагать съ сильнымъ биеніемъ сердца нѣчто иное... Нѣсколько минутъ спустя, онъ смѣялся самъ надъ собой. „И что за фантазія! Ну, положимъ, догадки болѣе или менѣе вѣроятны. Что же изъ этого? Раздѣлалась бы и со мной точно такъ же, какъ и съ тѣмъ, и это очевидно. Удивительная вещь! Какъ можетъ она жить сповойно, зная, что ни-

когда для нея не наступит жизненный праздник, страстно ожидаемый каждой женщиной — любовь?! Будто бы только женщиной?*

И онъ почувствовалъ въ эту минуту съ необыкновенной силой, что день, когда бы онъ могъ связать себя: „она меня любить“, былъ бы для него великимъ праздникомъ, — такимъ, какого онъ еще никогда не испытывалъ.

Повидимому, она вовсе и не помышляетъ объ этомъ праздникѣ. Ну, а прежде? Не сжмается ли тоской и сожалѣниемъ ее сердце, быть можетъ, и въ настоящее время? Не тревожится ли она за будущее? Станетъ она цвѣткомъ увядшимъ, не распустившимся вполне, быть можетъ растоптаннымъ. Онъ припомнилъ то, что говорила старуха Дарновская: „Когда я и Ромуальдъ закроемъ глаза... она останется сиротой, безъ крова и хлѣба“... Неужели же ничего подобнаго не приходитъ ей въ голову, и она не тоскуетъ и не боится? Кто знаетъ? Быть можетъ, тоскуетъ и боится.. Хотя бы сегодня, все время была такая веселая, и вдругъ къ концу вечера сильно загрустила, какъ ни старалась скрыть. Его обмануть трудно — онъ стремится и всѣ силы напрягаетъ узнать ее, угадать ее мысли. И онъ бѣсновался, что тутъ ни при чемъ... Такъ онъ и останется, какъ и тотъ, сегодня уволенный, навѣки ей чужимъ.

Разъ третій или четвертый проходилъ онъ уже мимо садовой калитки, лихорадочно бѣгая взадъ и впередъ. Теперь онъ машинально остановился и взглянулъ на окрестности, подернутыя ночью темью, слабо освѣщаемыя туманнымъ блескомъ звѣздъ. Отдѣльныя мелкія подробности мѣстности окончательно затянуло мракомъ; болѣе крупныя пункты выдѣлялись въ видѣ темныхъ пятенъ. Одинъ только замокъ Олавицкихъ выдвигался изъ массы деревъ, подобно отдаленному привидѣнію, закутанному во что-то сѣровато-бѣлое. Романъ не могъ отвести глазъ отъ этого отдаленнѣйшаго пункта горизонта. И въ ночной мглѣ онъ господствовалъ по прежнему надъ всей окрестностью. Та же змѣйка зависти, обиды на судьбу, которую онъ ощутилъ впервые при видѣ всего могущества и богатства блестящаго свѣта на вечерѣ у баронессы Ламони, обвилась снова вокругъ его сердца. — Да, да, повторялъ онъ непрерывно, — тотъ, кто живетъ тамъ — счастливъ, дорога у него прямая, — и канва жизни готова. Ему нѣтъ надобности ни выбирать, ни отречься. Ежели онъ свѣточъ, то и свѣтитъ божьей милостью, нисколько не затрудняясь и не мучаясь. Почему бы ему и не свѣтить? Стѣдить только небольшого усилія доброй воли, жертвы лишь крохами „пирога“. Нельзя не согласиться — Марцелль Домунтъ все-таки правъ: осями свѣта оста-

ются по прежнему богатство и могущество. Они уже потому надежны, что даютъ возможность сооруженія фабрикъ добра. И обязанность вовсе не трудная, почти что необходимая. Почему же и не исполнить, если это почти ничего не стоитъ? Эти же оси свѣта сулятъ также возможность счастья.

Съ какимъ бы наслажденіемъ, съ какой безумно неудержимой радостью Романъ увлекъ бы ее, „сироту, лишенную крова и хлѣба“, и водворилъ бы въ средоточіи изобилія, обеспеченности, всевозможной роскоши и затѣй!..

Грезы какъ-то сразу разлетѣлись; онъ очнулся какъ бы отъ глубокаго сна и расхохотался.

„Опять китайскія ширмочки!—подумалъ онъ про себя.— Экая нелѣпица!“

А когда повернулъ снова по направленію къ дому, началъ разсуждать:

— Ну и пусть будетъ вздоромъ. А если человѣку такъ желательно, и онъ ощущаетъ настоятельную потребность? Титанія, влюбленная въ осла, вотъ онъ—безсмертный символъ человѣческой души. Гонится богиня вѣчно за тѣмъ, надъ чѣмъ сама подчасъ издѣвается. Отлично замѣчаетъ королева „Лѣтней ночи“, при яркомъ свѣтѣ факеловъ эльфовъ, ослиную маску своего милаго, и не перестаетъ однако по немъ съума сходить.

Онъ уже подходилъ къ дому. Въ окнахъ не видно было свѣта, за исключеніемъ одного, слабо мерцавшаго изъ-за развѣсистой акаціи. Романъ проходилъ мимо крыльца, погруженнаго въ глубокой мракъ отъ сгущенныхъ тѣней, бросаемыхъ силуэтами садовыхъ деревьевъ. И онъ приблизился къ освѣщенному окну. Ему почудился голосъ, звуки котораго сразу приковали его къ землѣ.

Это была дѣйствительно Ирена; она исполняла одну изъ безчисленныхъ своихъ обязанностей: громко читала дядѣ. И что ему за дѣло, чтѣ именно читала? Стоя недвижимо подъ раскидистыми вѣтвями акаціи, онъ прислушивался жадно къ ея голосу, вскорѣ сталъ разбирать и слова. Помимо его желанія, сами собой они достигали слуха и неожиданно производили на него сильнѣйшее воздѣйствіе. Сквозь вѣтви акаціи, сквозь стекла, озлащенные свѣтомъ лампы, доносилось:

„Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся.

„Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.

„Блаженны милостивые...“

Зашелестилъ вѣтеръ, затрепетали листья акаціи и заглушили нѣсколько слѣдовавшихъ изреченій. Романъ глядѣлъ вверхъ на

звѣздное небо, и ему казалось—этотъ голосъ, эти слова, въ которыхъ снова онъ сталъ прислушиваться жадно, плыли сверху, съ небосклона.

„Блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю.

„Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное...“

Еще сильнѣе зашелестилъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ акаціи, пронесся дальше, къ деревьямъ сада, прошумѣлъ надъ крышей и ринулся куда-то въ поле. Не ангель ли облетаетъ въ ночную пору землю, разнося благую вѣсть о „блаженствѣ гонимыхъ“?

IX.

Наступило утро праздника. На поляхъ пусто, а по проселочнымъ дорогамъ необыкновенное оживленіе. Орудія труда и работники куда-то запропали. По желтой пожнѣ тихо стелются сѣроватая пушинки клевера и бѣлыя летучки одуванчика, а въ глубокихъ свѣже-вспаханыхъ бороздахъ безпечно копошатся птички, разыскивая кормъ. На этихъ обширныхъ пустынныхъ пространствахъ, залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ, нѣтъ и слѣда человеческого. Никто не мнетъ цвѣтовъ, не тревожитъ птичекъ. Зато по всемъ дорогамъ и тропинкамъ потянулись кучками люди, раскинулись по окрестностямъ въ видѣ гигантскихъ букетовъ, а гдѣ и яркой лентой. Въ женскихъ и мужскихъ даже нарядахъ видѣются рѣзко цвѣта красный и желтый; попадаетса нерѣдко также голубой и зеленый. Эта дивная, рѣзущая глаза пестрота, замелькавшая сразу во множествѣ пунетовъ, придаетъ всей окрестности необычайно веселый тонъ. Въ отдаленіи раздается громкій благовѣсть. Серебристые звуки то смолкаютъ, то снова гудятъ, слабѣютъ, какъ бы набираясь силъ. Затихло. И снова что-то звенитъ, поетъ, вызываетъ въ воздушномъ пространствѣ, напоенномъ блескомъ солнца, несется надъ цвѣточнымъ ковромъ, застилающимъ поля, надъ бѣлыми вышшимъ по дорогамъ людомъ. Звонятъ въ одномъ изъ самыхъ выдающихся пунетовъ на горизонтѣ—въ приходскомъ костелѣ въ Завроцѣ. Въ это время передъ парадными воротами Гурова остановилась телѣжка, покрытая коврикомъ. Въ упряжкѣ все та же пара каштанокъ, и тотъ же возница въ сѣрой свиткѣ на облучьѣ. Двое сѣдиковъ, одинъ много постарше, другой помоложе, спрыгнули оба съ сидѣнья почти въ одно время.

— Вотъ тебѣ и Гуровъ. Хотѣлось тебѣ его повидать, такъ оно и слѣдуетъ, ничего не подѣлаешь, ты правъ. Замовъ, что и

говорить, прекрасный! Кому желательно поближе познакомиться съ нашей стороной, долженъ и на него взглянуть, ничего не подѣлаешь. Стоить онъ того, чтобы приглядѣться къ нему поближе, ничего не подѣлаешь, очень даже стоитъ.

Какъ и всегда, старикъ Дарновскій былъ въ веселомъ настроеніи, можетъ быть даже болѣе обыкновеннаго. Еще чаще повторялъ онъ свою уморительную поговорку и поглядывалъ на племянника съ радостнымъ блескомъ въ глазахъ. Романъ почему-то не рѣшался сразу отойти отъ тѣлѣжки.

— А въ Завроцѣ ужъ звонятъ къ обѣднѣ. Ничего не подѣлаешь, не скоро еще начнется. Поспѣемъ въ самую пору, ничего не подѣлаешь. Что же ты сталъ? Идемъ осматривать паркъ и замокъ. Всѣ уши мнѣ прожужжалъ—поѣдемъ, да поѣдемъ. Иди же, я тебѣ говорю, станемъ осматривать, ничего не подѣлаешь.

Романъ нѣсколько смѣшался.

— Какъ же такъ! Прямо, безъ разрѣшенія?

— Увѣряю тебя, можно, ха, ха, ха! Можно, ничего не подѣлаешь. Ручаюсь тебѣ, ничего не подѣлаешь, не понадобится никакого разрѣшенія... ха, ха, ха!

Старикъ хохоталъ, повидимому, безъ всякаго повода, но выходило у него очень сердечно.

— Ну, вотъ, гляди. Прежде всего обрати вниманіе на эту великолѣпную аллею... а рѣшетка-то какова? На рѣдкость, ничего не подѣлаешь!

Рѣшетчатая ограда съ симметрическимъ рядомъ каменныхъ столбовъ дѣйствительно оказалась и изящной, и дорогой. Тянулась непрерывно безъ конца, обнимала массу зелени, по истинѣ могуче разросшейся. Изъ непроглядной «гущи» кассій и акацій, образующихъ изъ себя какъ бы охранный валъ, поднимались на опредѣленныхъ разстояніяхъ толстые стволы громадныхъ деревьевъ, вершины которыхъ сплетались въ непроницаемую чащу. Общій видъ поражалъ грандіозностью. Однако, присмотрѣвшись попристальнѣе, замѣчалась на столбахъ во многихъ мѣстахъ обвалившаяся штукатурка; обнаженные красные диршичи казались зияющими ранами. Изнутри ограды страшно разросся лопухъ, огуречная трава, крапива, хрѣнь, и образовали собой у самыхъ шпалеръ изъ кассій и акацій двѣ внушительныхъ размѣровъ широкія полосы сорной травы, испещренные обильно грязновато-бѣлыми пятнами сильно разросшагося дягиля. На загибѣ проѣздной дороги грунтъ постепенно понижался, и подсохшая лужа оставила по себѣ черную тинистую ленту, нивогда, вѣроятно, не исчезавшую. За этой

лужей тянулись длинныя сплошныя стѣны безъ оконъ—различныхъ хозяйственныхъ построекъ, все каменныя и довольно обширныя. По другую сторону высались ворота замка, тоже изъ камня, высокія, широкія, изящное архитектурное произведеніе въ выдержанномъ стилѣ, красиво. Но по столбамъ, фризамъ и карнизу свѣтились тоже многочисленныя кровавыя раны. Сиротливо поникъ одинъ створъ, держался на одной только петлѣ, какъ-то еле-еле. Другой свалился въ густую траву; заржавленный металлъ мѣстами еще блестѣлъ.

Въ воротахъ, гостеприимно раскрытыхъ настезъ, Романъ остановился и осматривался кругомъ съ великимъ изумленіемъ.

Дворъ громадный; кругомъ кольцомъ идутъ стройныя ряды деревьевъ; посреди, въ глубинѣ—замокъ, какъ бы драгоценная скръпя королевскаго вѣнца. Съ сановитостью и величіемъ по истинѣ царскими обступаютъ кругомъ пихты, лиственницы и сосны альпійскія, на фонѣ которыхъ, почти темномъ, вырисовываются всевозможныхъ образцовъ, различнаго роста и оттѣнковъ лиственныя деревья. Стройныя, развѣсистыя, одни повыше, другія пониже, раскинули они прихотливо на мрачной зелени стѣны свои хвойныя вѣтви. Отовсюду свѣшиваются гирляндами, букетами, какъ бы фонтанами изъ серебристыхъ, дрожащихъ капелекъ. Заостренныя вершины однихъ, на подобіе башеннаго шпица, будто стрѣляли въ небо. Другія развѣтывались тѣнистымъ вѣеромъ; иныя свѣшивали внизъ вѣтви плакучихъ листьевъ, словно проливая потоки слезъ. Они высались надъ другими правильными уступами; заднія же, въ свою очередь, словно напирали на нихъ. Но въ этомъ нагроможденіи, полномъ живописнаго разнообразія и повидимому случайномъ, ни одна подробность не скрадывалась, ибо каждая, благодаря искусному подбору красокъ и размѣровъ, выдѣляла взаимно другъ друга на подобіе рельефа чудной рѣзбы. Искусство весьма тонкое, природа чрезвычайно благодарная и значительный періодъ времени потрудились сообща надъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, поднявшимся надъ землей и раскинувшимся причудливо по воздуху. Передъ зрителемъ неустанно переливалась яркая игра линий, свѣта, оттѣнковъ. А тамъ, вдали, въ темныхъ сумеркахъ сверкнуть вдругъ что-то серебристое, мелькнетъ бѣлая кора—скользятъ на подобіе привидѣній, быстро убѣгающихъ при первомъ солнечномъ лучѣ. Была это только одна изъ трехъ выдающихся особенностей картины, наблюдаемой изъ воротъ замка. Глаза устремлялись затѣмъ на самый замокъ, построенный въ легкомъ, артистически законченномъ стилѣ. Лозы дикаго вино-

града скутывали дворець сверху до низу. Изъ-подъ непрерывной темнозеленой гирлянды слабо мерцали бѣлыя стѣны, воздушныя балкончики, масса оконъ; высились красивыя горделивыя башенки, обведенныя у самой вершины миниатюрными галерейками, издали казавшимися паутиной пражей, вытканной рукою волшебницы.

И то, и другое—этотъ густо разросшійся вѣнецъ великолѣпныхъ деревьевъ и изящный замокъ—привывали взоры, пожалуй могли даже очаровать зрителя, какъ гармонически прекрасное сочетаніе природы и искусства. Но третья особенность возбуждала крайнее изумленіе и любопытство. Это былъ самый дворець замка, громаднхъ размѣровъ, обсаженный вокругъ сплошь деревьями и получавшій отъ нихъ овальную форму.

Неужели же это и въ самомъ дѣлѣ дворець замка? Не скорѣе ли лугъ, запущенный, изукрашенный неслыханными усилями природы и благодаря прежней своей культурѣ, доставившей почвѣ баснословное плодородіе. Подобно морю, волновалась, вздымалась цѣлыми холмами, валами вся эта громадная площадка. Росъ здѣсь въ изобиліи лопухъ, мать-и-мачиха, щавель, герань луговая; растенія вытягивались до сказочной почти высоты. Кое-гдѣ, вмѣсто холмовъ и валовъ, изъ листьевъ зубчатыхъ, перистыхъ, звѣздообразныхъ, вздымался цѣлый лѣсъ нагихъ стеблей, уже отцвѣвшихъ или же покрытыхъ еще цвѣтами, но такими, какіе попадаются изрѣдка гдѣ-нибудь уединенно на полѣ, въ непролазной чащѣ, куда ни рука, ни вождельніе челоуѣка, еще не могли проникнуть. Посреди двора, тамъ, гдѣ на маленькомъ возвышеніи можно было еще различить остатки солнечныхъ часовъ, стояла группа высокыхъ курслѣповъ. Подобно сотнѣ зажженныхъ свѣчь, качались сотни свѣтло-желтыхъ чашечекъ, широко раскрытыхъ ночью и днемъ, называемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ночными свѣчками. Разбросанныя повсюду въ одиночку пихточки яркой своей зеленью подавляли грязноватую желтизну царскаго скипетра почти одинаковой съ ними высоты. У подножія ихъ подростали, доходя имъ по поясъ, стались ковромъ колокольчики, скутившаяся вероника со своими фіолетовыми колосьями, бѣлыя скабіозы, кружевной пасленъ, султанообразная мата, лапчатка, рассыпавшаяся дождемъ желтенькихъ звѣздочекъ по низкой зелени травы. Все это страшно сгустилось, перепуталось, волною морскою проникало между деревъ и залило весь парадный подъѣздъ замка. Мощные широкіе вѣзды по обѣимъ сторонамъ вѣнчались рядомъ бѣлыхъ красивыхъ колоннъ. Тутъ же, впереди колоннады разросся репейникъ необычайной высоты; онъ только-

что отцвѣлъ; болтались по верхушкамъ длинныя космы сѣрова-
таго пуха. Странное зрѣлище являлъ этотъ волчець: гдѣ повыше,
гдѣ пониже, съ нависшимъ кругомъ пухомъ, напоминалъ онъ
дряхлыхъ нищихъ, собравшихся кучкой у входа въ замокъ. При
каждомъ дуновеніи вѣтра они какъ будто принимались шушу-
каться, тряся сѣдыми бородами. Нѣчто таинственное придавала
всей общей картинѣ мертвая тишина; лишь изрѣдка доносился
щебетъ разсѣвшихся по деревьямъ птицъ—болѣе неслышно было
ни единого звука. Надъ замкомъ царило гробовое молчаніе. Всѣ
окна замкнуты; солнечный лучъ не въ состояніи добыть изъ нихъ
ни одной искорки. Издали трудно было понять, отчего походили
они на зрачокъ, подернутый бѣльмомъ.

Поборовъ первое изумленіе, Романъ, наконецъ, проговорилъ:

— Да тутъ никого нѣтъ.

— Конечно, сразу видать, строеніе нежилое, — весело и
бодро отвѣтилъ Дарновскій. — Да намъ-то что! Оно и лучше,
ничего не подѣлаешь, осмотримъ все, не стѣсняясь. Идемъ-ка въ
садъ.

— А гдѣ же самъ Олавицкій?...

— Ступай сюда. Между этими деревьями будетъ намъ всего
ближе... Каковы деревья-то, а? Ишь раскинулись, жизненность-
то какая! Ты гляди хорошенько, посматривай и, ничего не
подѣлаешь, ротъ развѣвай. Таковой землицы, какъ въ Гуровѣ,
нигдѣ не найдешь у насъ по окружности. Наша Дарновка и въ
подметки не годится. Глядя на все здѣсь, мы, хлѣбопашцы и
хозяева, ничего не подѣлаешь, крахтимъ только да облизываемся.
Рай земной, не правда ли, ничего не подѣлаешь.

— Не мѣшало бы въ раю побольше веселья, — замѣтилъ
Романъ.

— Тебѣ здѣсь скучно? — изумился Дарновскій. — Странно!
Надо тебѣ знать, Гуровъ—вещичка преннтересная, весьма даже
пріятная для собственника. Имѣніе громадное, ничего не подѣ-
лаешь, барское. Представь себѣ—нѣсколько тысячъ десятинъ земли
доподлинно Божией, благодатной, плодородной, милостивой... Къ
этому еще слѣдуетъ добавить, ничего не подѣлаешь, лѣса, воды,
пастбища, мельницы, однимъ словомъ, все, что требуется, а по-
срединѣ владѣнія такой еще домина, ничего не подѣлаешь...

Старикъ разошелся. Бодро шагая рядомъ съ племянникомъ,
Дарновскій болталъ безъ умолку, охотнѣе даже, чѣмъ всегда.
Подробно и всесторонне сталъ онъ выкладывать все, что зналъ
о пространствѣ, особенностяхъ и стоимости Гуровскаго имѣнія.
Голосъ его, густой и громкій, прерываемый часто откровеннымъ

смѣхомъ, проникалъ всюду — подъ мрачныя тѣнистыя своды, въ непроходимую одичалую чащу, гремѣлъ среди абсолютной тиши этой почти дѣвственной пуши, ими пересѣваемой въ различныхъ направлениахъ. Въ саду и паркѣ попадались снова въ необыкновенномъ обилии лиственница, пихта, альпійская сосна, какія-то еще другія хвойныя деревья, мрачныя, хмурыя. На фонѣ ихъ посыпала вѣчную улыбку яркая зелень березъ, сверкавшихъ ослѣпительной бѣлизною коры. Тутъ же возносились цѣлыми купами и длинными рядами столѣтнiе вязы, липы, ясени; подростала заросль и обыкновенныхъ, и самыхъ причудливыхъ кустарниковъ. Все это перепутывалось, дико разрослось. Попадались мѣстами площадки, полныя мрака, а непосредственно за ними развертывались, какъ-то сразу, широкія пространства, залитыя солнечнымъ блескомъ. Осеннимъ огнемъ пламенѣла уже кое-гдѣ красноватая листва. Въ безконечныхъ аллеяхъ взоръ едва могъ прослѣдить до конца. Черезъ густой переплетъ образуемаго вершинами зеленого свода пробивались лишь изрѣдка узкія солнечныя полосы. Почва становилась вся сплошь черною, а въ воздухѣ пахло сыростью и грибами.

Изъ-за группы деревъ, изъ-за заросли кустарниковъ, черезъ просвѣтъ аллеи, гдѣ случайно рухнули на землю поломанные гиганты, нѣтъ-нѣтъ и вынырнетъ замокъ. Сторона, обращенная въ садъ, казалась гораздо красивѣе, чѣмъ самый главный фасадъ, выходящій на дворъ. Красноватая гирлянда заполнила его большія веранды, ползли упрямо по стѣнамъ, свѣшивались надъ потускнѣвшими окнами, на подобіе кровянистыхъ вѣвъ надъ потухшими зрачками. Тянулись и дальше непрерывной сѣткою. Вотъ пропали и опять ползутъ по былымъ лужайкамъ, клумбамъ, дорожкамъ. Глазъ едва успѣваетъ подмѣтить слабыя ихъ побѣги; какъ бы эхо, брошенное въ пространство, вьются все тѣ же красноватая сплетенія, блестящее и одичалое украшеніе пышнаго замка.

И всюду все тѣ же побѣги диваго винограда. Расползлись съ необычайной мощью и обиліемъ. Кружатся вокругъ пней сломанныхъ деревьевъ, поднимаются по травѣ и желтовато-кровяной пѣной разбрасываются по зеленому морю.

Вѣтеръ позаботился раскидать сѣмена. Единственный полномочный хозяинъ, онъ и сѣетъ, и ломаетъ. Благодаря ему одному, да солнцу и благодатной почвѣ, все тутъ произросло. Участвовалъ и трудъ человѣческій, но это давно уже миновало. А теперь царяла тутъ непробудная тишь. Отпечатокъ ея лежалъ на всемъ. Кругомъ по окрестностямъ, съ наступленіемъ праздничнаго дня, кишитъ толпа, пестрятъ яркіе наряды, гудитъ торжественный

звонъ, а здѣсь—пустыня, какая-то глухая чаща лѣсная; только мелкія пичужки пощебетываютъ гдѣ-то, разсѣвшись по деревьямъ. Тамъ, по ту сторону болотистой дороги, между амбарами и хлѣбами, тоже на пустырь, заросшемъ сорною травой, быть можетъ, и билась слабымъ пульсомъ человѣческая жизнь, но едва замѣтная. Отголоски ея не могли доноситься сюда черезъ обширныя пространства, отдѣлявшія ихъ отъ замка. Однѣ мелкія пташки, то тамъ, то здѣсь, зачириваютъ, защебечутъ, лѣниво пронесется вѣтеръ и зашумятъ вершины хвойныхъ деревъ, слабо зашелеститъ густой покровъ листвы. Громадными золотистыми полосами ложатся солнечные лучи по лужайкамъ, усѣянными кустивами задичалыхъ маргаритокъ.

Романъ снялъ шапку и задумчиво провелъ рукой по сильно нахмуренному челу.

— Однако и тоска же здѣсь, дядя! И не воображалъ я видѣть такимъ Гуровъ. Скажи, ради Бога, гдѣ же самъ-то владѣтель, Генрихъ Олавицкій?

Старикъ заговорилъ быстро:

— Почемъ я знаю! Ну, самъ посуди, зачѣмъ и для чего стану я допытываться, гдѣ именно обрѣтается господинъ Олавицкій! Гуровъ, конечно, я знаю давно. Да вотъ, не далѣе какъ мѣсяца два тому назадъ, завернулъ я сюда вмѣстѣ со Стефикомъ; надо было поговорить съ управляющимъ по просьбѣ молодого Выгрыча... Впрочемъ, ничего не подѣлаешь, пожалуй ты и не знаешь, кто такой будетъ Выгрычъ. Ну, да Богъ съ нимъ. Съ тебя, я думаю, и того достаточно; были мы здѣсь, стало быть, со Стефикомъ, осмотрѣли съ нимъ вотъ такъ, какъ теперь съ тобою, всю усадьбу... Постой, скоро выйдемъ изъ аллеи, увидишь премиленькій пейзажики... ничего не подѣлаешь... очень красивъ... А вотъ и дошли! ты погляди только. Не правда ли, прелесть? Стоить полюбоваться, а? Ничего не подѣлаешь!

Видъ открывался дѣйствительно замѣчательный. Впереди видѣлся большой круглый прудъ. Поверхность его не отличалась хрустальной прозрачностью, въ немъ не отражались ни лазурь небесная, ни плывущія по немъ кудреватая облака. Широкіе листья водяного лопуха, плотная сѣтѣя рясокъ, густая заросль ивняка, ситника и камыша затаили сплошь водную поверхность. Мѣстами лишь изъ-подъ зеленой плесени мелькаетъ изрѣдка просвѣтомъ что-то мутно-голубое. Кругомъ по берегу обступили прудъ большія вербы съ серебристыми листьями да виллообразныя ольхи. Тутъ же торчалъ сиротливо единственный тополь итальянскій, вытянувшійся высоко. На вершинѣ его цетинилось оголенными

зубьями бороны гнѣздо аиста—опустѣвшее. Перекошенное страшно вѣтромъ; брошенное гнѣздо рѣзко выдавалось на фонѣ неба зубчатыми, неправильными линиями.

Тотъ же видъ запустѣнія являла собой и стоявшая тутъ большая липовая бесѣдка, заросшая сорной травой. Въ глубинѣ ея что-то маячилось бѣлое. Разставленные когда-то полукругомъ скамейки превратились въ сгнившія, полустлѣвшія деревянные руины. Изъ-подъ кучи трухлятины шибко пробивался снизу чистотѣль, все покрывавшій своей желтизной тоже на подобіе плесени. А въ глубинѣ, почти подъ самымъ сводомъ сплетшихся вѣтвей, на высокомъ пьедесталѣ смутно бѣлѣла статуя, произведеніе искусства. И Дарновскіе остановились, поглядывая съ изумленіемъ.

Отъ мастерского произведенія, чудснаго когда-то, остался одинъ торсъ, превосходно выполненный, и обломки рукъ, благословляющихъ кого-то. Голова отдѣлилась отъ туловища неизвѣстно по какой причинѣ, и невѣдомо куда сватившаяся, быть можетъ, валяется здѣсь же, погребенная въ густой зелени чистотѣля. Что именно, кого изображала статуя—отгадать было невозможно. Въ всякаго сомнѣнія оставалось одно только—этотъ торжественный жестъ благословенія. Передъ аркой бесѣдки разстилался прудъ, весь подернутый зеленью, стоялъ тополь съ покнутымъ гнѣздомъ аиста, а далѣе за прудомъ, не особенно далеко, протянулась по горизонту сѣрымъ пояскомъ деревенка, вся утыканная деревцами. Изъ глубины же бесѣдки, мрачной, сырой, заброшенной, какая-то сватыня безъ имени и облика распростерла свои мраморныя рамена надъ сгнившими скамейками и чистотѣломъ, величественно и обаятельно, какъ и подобаетъ всякому произведенію, озаренному вдохновенной мыслью, посылаетъ благословеніе... этой плесени, гнили, мраку, тиши, не безповоимой здѣсь даже щебетаніемъ птиць. Благословляетъ...

Крупными шагами спѣшилъ Романъ уйти подальше отъ бесѣдки, искалъ глазами мѣстечка, не укрытаго растительностью отъ солнечнаго свѣта. Старикъ Дарновскій немного поотсталъ. Еще разъ остановился онъ взглянуть на прудъ, и въ догонку племяннику крикнувъ, громко смѣясь:

— Погоди, куда же ты торопишься, не покидай же своего „Пятницы“! Ужъ какъ тамъ хочешь: одинъ изъ насъ Робинзонъ, а другой—Пятница. Ничего не подѣлаешь, очутились мы съ тобой на необитаемомъ островѣ. По крайней мѣрѣ надо крѣпко держаться другъ за друга. Чего добраго, ничего не подѣлаешь, еще волки разорвутъ на этой, какъ бышь, дозорной башнѣ. А я, благодареніе Создателю, еще не забылъ, какъ ихъ звать-то:

конечно, Робинзономъ и Пятницей... знаешь, тѣхъ? Ну, да шутъ съ ними! Надо поглядѣть еще, ничего не подѣлаешь, что въ самой серединѣ, въ замкѣ... какъ тамъ все устроено внутри башни... необходимо взглянуть для укомплектованія, ничего не подѣлаешь, въ панданъ...

Глаза у старика разгорѣлись какъ уголья, по большому лбу заходили морщины на подобіе взволнованнаго моря. Такъ, смѣясь и пошучивая, нагналъ онъ племянника.

— Неужели Олавицкій разорился?—спросилъ Романъ.

— Какое тамъ! Онъ страшно богатъ. Кромѣ Гурова, много всякаго добра у этого барича, ничего не подѣлаешь, и земель, и капиталовъ... Бояринъ въ полномъ смыслѣ первостатейный. Дѣтей только двое, да и тѣмъ, когда доведется подѣлить промежъ собой отцовское наслѣдіе, никогда не прожить всего. Намъ-то что, скажи на милость? На то собакъ и шерсть, чтобы было тепло, а крестьянину достатокъ хоть какъ ни какъ перебиваться, не правда ли? Ничего не подѣлаешь! А вотъ и самый дворецъ!

Ну-ка, заглянемъ въ окошечко. Найти бы только одно, мѣломъ не замазанное. И какого дьявола всѣ стекла помарали! Ну, да, понимаю, чтобы не палило солнышкомъ: ничего не подѣлаешь, отъ свѣта, вишь, матерія полиняетъ. Конечно, само собой! Не иначе! Однако, какую-нибудь дырочку да разѣищемъ. Хоть въ щелочку, ничего не подѣлаешь, а заглянемъ-таки въ нутро.

Говоря это, старикъ кружилъ усердно вдоль стѣнъ замка, безпрестанно приподымалъ голову, тщательно осматривалъ каждое окно. И нигдѣ не попадалось ему ни одной дырочки, ни одной щелочки; съ неудовольствіемъ отмахивался онъ рукой, пощелкивая безнадежно пальцами.

Романъ прислонился къ дереву, скрестилъ руки на груди, закинулъ голову назадъ и всматривался пристально въ окна. И они въ свою очередь глядѣли на него тоже помертвѣлыми бѣлками изъ-подъ полуопущенныхъ кровянистыхъ вѣкъ. Рѣшительно становилось жутко оставаться здѣсь. Дрожь пробѣгала поминутно между плечъ, грудь сдавило тяжестью, а въ мозгу проносился трепеть, готовый вотъ-вотъ преобразиться въ ужасъ. Боже мой, какая пустыня, какія развалины, какая гробовая тишина! Ага, кто-то поетъ! Наконецъ-то и сюда проникъ голосъ человѣческой.

Далеко, далеко, отъ золотого поля за заплесневѣвшимъ прудомъ долеталъ сюда мотивъ протяжной, грустной пѣсни.

Какая-то крестьянка, идя по пути въ востель или обходя въ

праздничное утро свою полосу уже назрѣвающаго льна, затянула, видно, во все горло. Пѣснь разносится по всему полю. Отдѣльныя альтовыя нотки доходятъ сюда, чередуются монотонно. За сердце хватало отъ этого примитивнаго напѣва; словно погребальное рыданіе раздаются тутъ эти прерывистые звуки.

Въ это самое мгновеніе показалась голова старика. Нѣсколько минутъ гдѣ-то онъ отсутствовалъ. Лицо выглянуло изъ-за стѣнки виноградныхъ лозъ, а листья вѣнчали обнаженную лысину. Шапку держалъ старикъ въ рукѣ.

— Ступай-ка сюда! — звалъ онъ: — одно, слава Богу, не замазали. Разыскаль-таки. Ну-ка, посмотримъ, чтѣ тамъ въ серединѣ, ничего не подѣлаешь. Глазами, надѣюсь, стеволь не продыравимъ и красокъ на мебели не вытравимъ! Правда? А? Ничего не подѣлаешь! Для укомплектованія полюбуемся!

Въ одномъ изъ оконъ, выходящихъ на тѣнистую веранду, по странной какой-то оплошности осталась пара стеволь, не закрашенныхъ мѣломъ. Въ нихъ можно было свободно совершать двѣ сосѣднія большія комнаты и часть прилегавшей къ нимъ анфилады. Въ царщемъ полумракѣ легко было, однако, замѣтить, что вся мебель сдвинута близко другъ къ другѣ и образуетъ въ различныхъ пунктахъ беспорядочное нагроможденіе, подобно кучкамъ привидѣній едва уловимыхъ очертаній. Погруженные въ безпросвѣтную ночь, всѣ эти кресла, столы, шкафы, экраны, казалось, сбѣжались группами со страху, истомленные, быть можетъ, скукой также, и тихо-тихо совѣщаются, а то и просто зря болтають. Одни гордо выпрямились, застыли отъ изумленія, другіе вытянули длинныя, а то и короткія оконечности; казалось, о чемъ-то разсуждаютъ, чего-то просятъ. Одни, высокіе, богато разукрашенные, глядятъ торжественно и спѣсиво; другіе, низенькіе, приземистые, кажутся бѣдняжечками, — такіе смѣшныя. Съ самаго потолка спускается къ овальному столу лампа на богатыхъ цѣпяхъ, словно вычурная слезница, подвѣшенная въ склепѣ надъ саркофагомъ. У одной изъ стѣнъ довольно отчетливо видѣляется нарисованная на картинѣ нагая фигура. Рамы совершенно утонули во мракѣ; казалось, кто-то летитъ стремглавъ внизъ, патетично растопыря руки. Какое-то огромное зеркало отражаетъ женскій обликъ весь въ бѣломъ одѣяніи.

При скупомъ освѣщеніи, падавшемъ на портретъ и зеркало, можно было различить только бѣлѣющее платье да слабое, почти воздушное очертаніе блѣднаго овала лица. Мимо воли возникало представленіе о синеватомъ разсвѣтѣ, сѣроватыхъ сумеркахъ луннаго освѣщенія, когда этотъ портретъ и его отраженіе глядятъ

другъ на друга не спуская глазъ, безъ перерыва, вѣчно окруженные пустыней и никогда не нарушаемымъ безмолвіемъ полнаго затишья.

А тамъ, вдали, въ самой глубинѣ, ложились на стекла оконъ, прикрытыхъ на подобіе плотнаго миткала слоемъ мѣла, черныя пораздерганныя тѣни отъ деревъ, росшихъ на вѣздномъ дворѣ. Словно заглянулъ рой упырей съ широко разставленными пальцами въ мѣстопребываніе видѣній и шепчутся:—а какъ вы тутъ поживаете? Искорками, потухавшими быстро, сверкнетъ то тамъ то здѣсь позолота подъ самымъ плафономъ. Отъ розетокъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, украсившихъ верхи оконъ, падали на паркетъ красноватыя и синія пятна, на потускнѣвшую мозаику половъ ложились какія-то тѣни—ряды савановъ, а тамъ, гдѣ было посвѣтлѣе—въ видѣ разорваннаго чернаго флера.

Дарновскіе кое-какъ сползли со ступеней веранды, сильно шатавшихся подъ ихъ ногами, пошли напроломъ, продираясь съ трудомъ по густой чащѣ парка, и наконецъ очутились опять на дворѣ, ярко озаренномъ полнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Стоять по прежнему у подѣзда длинными рядами речейники, и при каждомъ дуновеніи вѣтра упрямо трясутся и развѣваются сѣдыя ихъ бороды.

Романъ глядѣлъ задумчиво, печально; казалось, лицо его стало значительно блѣднѣе обыкновеннаго.

Ромуальдъ, напротивъ, болталъ, какъ и всегда, оживленно и съ увлеченіемъ. Онъ сталъ объяснять племяннику, усердно взрывая концомъ палки землю, какого сорта здѣсь почва. А въ воротахъ пріостановился, подбоченился и со сверкающимъ взоромъ поглядывалъ направо и налево.

— Не помѣстятъ, а богатства неисчерпаемыя. Положимъ, землю обрабатываютъ и здѣсь недурно, не очень, однако, старательно, а впрочемъ такъ себѣ. Ничего не подѣлаешь, доходъ приносить. Кто же себѣ врагъ? А я тебѣ скажу, земля не даетъ того, что можно бы получить... Ничего не подѣлаешь, пользоваться не умѣютъ. Что? Какъ? Почему? Тебѣ этого, голубчикъ, не понять. Прежняго ты не зналъ, теперь только-что увидѣлъ, а завтра и слѣдъ твой простылъ. Мало знаешь, ничего не подѣлаешь, я тебѣ говорю, мало, не вникаешь...

Подавленнымъ нѣскольکو голосомъ Романъ отозвался:

— Ахъ, дядя, дядя! кажется, только маленькой Бронѣ прорастительно; неужели же и ты... мнѣ бы хотѣлось...

Ромуальдъ не далъ ему докончить:

— Сохрани меня Богъ и помилуй! я и не думалъ тебя оби-

жать! Даже Броню, и ту, ничего не подѣлаешь, за ея ребяческую выходку еще какъ разнесъ. Да я и не сомнѣваюсь нисколько, ничего не подѣлаешь; конечно, ты европеецъ... ну, разумѣется, несомнѣнно, ничего не подѣлаешь, настоящей европеецъ... а все-таки...

И оборвалъ сразу. Къ говорящимъ подходилъ молодой, видный паренекъ. Онъ только-что показался съ усадебнаго дворика, заслоненнаго хозяйственными постройками. Покрой его платья, сшитаго изъ толстаго сукна, но уже съ явной претензіей на нѣкотораго рода щеголеватость, выдавалъ конторщика. Собрался онъ, должно быть, совершить свой праздничный променады, но замѣтилъ старика Дарновскаго и постѣшилъ къ нему на встрѣчу, отвѣщая низкіе поклоны. Дарновскій протянулъ ему руку; сразу же замѣтно было, что отношенія между ними давнишнія и почти пріятельскія. Нѣсколько минутъ протолковали они о предметахъ для Романа совершенно непонятныхъ. Наконецъ Ромуальдъ тряхнулъ головой по направленію къ замку и спросилъ:

— А скажи-ка мнѣ по чистой совѣсти, Володя, не знаешь ли, гдѣ теперь обрѣтается вашъ баринъ, самъ господинъ Олавицкій? У меня, признаться, со Стефикомъ одно дѣльце есть къ нему... ничего не подѣлаешь... Можетъ быть, слышалъ про мельницу, которую желаетъ взять въ аренду Болеславъ Выгрычъ... Мы бы, пожалуй, и сами написали, ничего не подѣлаешь, да вотъ бѣда — мѣсяца два уже хлопочемъ и ни отъ кого не добьемся толкомъ, гдѣ именно находится г. Олавицкій... Не получили ли вы вѣсточки?.. такъ какъ же?

— Само собой, — отвѣтилъ конторщикъ: — на этихъ самыхъ дняхъ получили мы бумагу отъ главноуполномоченнаго графа на счетъ этой самой мельницы и г. Выгрыча...

— Ну, и что же?

— А пишеть главноуполномоченный къ здѣшнему, стало быть, управляющему, что господинъ графъ Олавицкій съ мѣсяць вотъ уже будетъ какъ проживаютъ въ Остенде; пріѣхали откуда-то съ дальнихъ горъ, — спасались тамъ отъ жаровъ, — стануть теперь, значить, купаться въ морѣ. Пробудуть еще нѣсколько недѣлекъ, а тамъ, по обыкновенію, укатятъ на зиму въ Парижъ.

— Ага! Такъ съ горъ, говоришь, пріѣхалъ, значить, къ морю, — скандовалъ вѣско старикъ Дарновскій, — а потомъ, ничего не подѣлаешь, отправится, какъ и всегда, на зиму въ Парижъ... Спасибо, ничего не подѣлаешь, и за эту вѣсточку. А не слыжать ли про то, согласны или несогласны уступить Выгрычу аренду?

— Ничего пока не известно, — отвѣтил уклончиво конторщикъ. — Господинъ графъ Олавицкій еще не изволили, должно быть, сдѣлать никакого по этому случаю распоряженія. Главноуполномоченный объ этомъ самомъ ни слова не пишетъ нашему управляющему.

— Отъ Аны къ Каиафѣ, ничего не подѣлаешь. А Ана проживаетъ отсюда за тысячу миль, — проговорилъ наставительно Ромуальдъ и протанулъ на прощанье руку конторщику. — Прощай, Володя. Когда будешь писать Игнатію, не забудь пожелать ему отъ меня выучиться хорошенько махать кузнечнымъ молотомъ. Всякая работа да хвалить Господа, ничего не подѣлаешь.

Направляясь къ телѣжкѣ, стоявшей поодаль, старикъ сообщалъ по дорогѣ Роману:

— Болеславъ Выгрычъ — сынъ доктора, можетъ быть, помнишь...

— Знаю, знаю, — перебилъ его Романъ. — Живетъ гдѣ-то въ мѣстечкѣ, наѣзжаетъ и въ Дарновку...

— Вотъ, вотъ... а молодой-то — техникъ... только что окончилъ курсъ въ технологическомъ институтѣ, ничего не подѣлаешь, гостить теперь у отца. Заѣхалъ онъ къ Стефику, жалится. Отецъ, видишь ли, совсѣмъ осунулся, мать еле-еле бродитъ, братья маленька меньше. Безъ него, стало быть, вся семья, ничего не подѣлаешь, пропадомъ пропадетъ. „Хотѣлось бы мнѣ гдѣнибудь здѣсь по близости поселиться, говоритъ, — хотя бы на черствомъ хлѣбѣ“... ничего не подѣлаешь. Стефикъ ему и бурени: да вотъ мельница Олавицкаго. И большая, и хорошая, въ скверныя руки только попала; техникъ изъ нея можетъ еще какую игрушечку сотворить... Понравилась ему очень мысль, да что же тутъ станешь дѣлать, когда никакого толку не добьешься...

Можетъ быть, и не слушалъ Романъ того, что ему дядя рассказывалъ — до такой степени онъ углубился въ свои думы. Неотвязно вертѣлось въ его головѣ: „Свѣточъ, Божьею милостью, свѣтитъ! Канва жизни готова! Богатство — ось міра“.

Стоя у телѣжки, онъ очнулся, провелъ рукою по лбу и произнесъ какъ бы про себя:

— Знаю, давно уже знаю, что такъ оно и быть должно, — заговорилъ онъ тихо. — Но знать и видѣть — разница огромная. А теперь, когда самъ увидѣлъ, все это меня страшно возмущаетъ. Надо быть негодяемъ или сумасшедшимъ...

Онъ не успѣлъ докончить: мозолистые, жесткіе пальцы ухватили его за руку. Заговорилъ теперь горячо Ромуальдъ:

— Замолчи, ни слова! Не слѣдъ такъ! Полегче, братецъ, ни-

чего не подѣлаешь! Какъ же такъ напрямки обзывать людей и негодьями, и сумасшедшими! Да неужели же, по твоему, нельзя добиваться лучшей жизни? Всѣ такъ поступаютъ по мѣрѣ силъ и возможности. Вся штука, замѣть, все на томъ и вертится, ничего не подѣлаешь, на одной силѣ и возможности. Мнѣ вотъ, напримѣръ, подавай хлѣба, тебѣ хочется пирога, ну а тому—Гурова. Что же дѣлать, когда владѣтелю Гурова нравятся лучше Альпы, Остенде и Парижъ. Иная только мѣрка и возможность, а сущность, ничего не подѣлаешь, все одна и та же. И я тебѣ скажу, тутъ и предѣла не видать...

Не сразу отвѣтилъ Романъ.

— Совершенно вѣрно, дядя, ты правъ. Какія же тутъ могутъ быть ограниченія...

Слова эти проговорилъ онъ едва слышно. Грудь его сдавила какая-то страшная тяжесть. Странная вещь! Чѣмъ же онъ виновать, что Гуровъ оказался совершенно инымъ, чѣмъ представлялся ему въ воображеніи. Однако бремя, налегшее на грудь, сдавившее его горло, было, очевидно, сознаниемъ своей собственной вины. Теперь только онъ уразумѣлъ, что и онъ—соучастникъ въ дѣлѣ, осужденномъ имъ столь сурово. И вспомнилъ онъ о стопудовой гирѣ на совѣсти, какъ передавалъ ему Казиміръ Домунтъ.

Оба собесѣдника уже сидѣли въ телѣжкѣ. Романъ взглянулъ искоса на дядю, какъ-то сразу смольшаго. Въ профилѣ старика легко было замѣтить большую переищу. Глубоко врызались углубленія на щекахъ, вѣчная добродушная улыбка куда-то исчезла, обозначились рѣзкія, скорбныя линіи на устахъ. Сѣдые брови, подобно грозовымъ тучамъ, нависли и опустились на вѣки.

Телѣжка застучала, загромыкала, ее стало отчаянно подбрасывать. Въѣзжали на длинную, безконечную улицу сосѣдней деревни. Черная, жидкая грязь покрывала глубокимъ пластомъ дорогу и рѣзко выдѣлялась среди окружавшей съ обѣихъ сторонъ яркой зелени огородовъ. Первобытная мостовая оказалась ужаснѣйшей, но она все-таки спасала и давала возможность двигаться по непролазной топи. Мутныя, отдающія гнилью хляби забирались на задніе дворы, затопляли подножія каменныхъ заборчиковъ. А за заборчиками яркая зелень—назрѣваютъ овощи, конопля, подсолнечники; по задворкамъ разставлены рядами плуги, бороны; стоятъ съ низко опущенными оглоблями телѣги. Все населеніе высыпало по дорогамъ къ востелу, остались дома одни дѣти. При самомъ въѣздѣ въ деревню двое ребятъ, убранные по праздничному, торчали на высокой кучѣ валежника.

Издали они казались двумя сѣровато-красными изображениями

божковъ-идоловъ, поставленныхъ на стражѣ домашнихъ очаговъ. Тамъ и сямъ встрѣчались по деревнямъ кучки дѣтвора разныхъ возрастовъ и половъ. Съ крикомъ выбѣгали они изъ задворковъ; одни останавливались неподвижно, съ разинутыми ртами, у воротъ; другіе переважно усаживались на заваленкахъ. Дворняжки разныхъ мастей, желтыя, пестрыя, мохнатыя, такъ и заливались въ догонку пробѣгающимъ; закудахтали куры; надъ нѣкоторыми трубами вьется тонкой лентой дымокъ. Въ низенькихъ оконцахъ мелькаетъ сѣдая голова, посковная сѣрая рубаха, а иногда и миртъ въ горшечкѣ, пучокъ полевыхъ цвѣтовъ въ кувшинчикѣ.

Ромуальдъ снова разболтался. Деревня, чрезъ которую они проѣзжали, составляла нѣкогда собственность Завроца. Старика Росновскаго, отца Богдана, всѣ считали за человѣка сострадательнаго; крестьянамъ жилось у него рѣшительно недурно.—Однако же посмотри, — замѣтилъ старикъ: — вотъ чтѣ мы называемъ слава Богу еще! Однѣ хаты гниютъ, — ишь какъ ихъ перекосило, и всѣ потонули въ болотѣ. Почему, спрашивается? Да, ничего не подѣлаешь, у насъ и слыхомъ не слыхать ни про культуру, ни про прогрессъ. Посмотри, какъ Богданъ заработался, сердечный, до того, что лихорадка его трасеть, а „Свой“, знай, жалобно подвываетъ. Но это все и справедливо, и разсудительно. О комъ же тутъ заботиться, для кого и мозги свои сушить? Скопище существъ; они, положимъ, ничего не подѣлаешь, на видъ какъ будто и люди, только все это, я тебѣ скажу, обманъ и фальшь. Замѣтилъ ребятъ, разсѣвшихся на грудѣ хвороста и по заваленкамъ? видѣлъ сѣдые волоса за окнами? можетъ быть, примѣтилъ и эту бабу, всю въ морщинахъ, изогнутую подъ тяжестью коромысла съ двумя полными ведрами? А видѣлъ, ничего не подѣлаешь, крестьянина верзилу съ малюткой на рукахъ? — онъ еще такъ сердечно расхохотался, когда ребенокъ улыбнулся намъ... Какъ тебѣ показалось это отраженіе дѣтскаго смѣха на лицѣ почти что дикаря подъ его шапкой мохнатыхъ, спутанныхъ волосъ? Да, и у нихъ что-то есть, ничего не подѣлаешь. Есть тоже дѣтство и старость — эти два полюса жизни, а между ними мигаютъ крошечные лучи и пронизываютъ ихъ разныя тучки житейскія. И у нихъ тоже, ничего не подѣлаешь, есть свое кладбище. Гляди, вонъ тамъ, вишь, желтый песочекъ между сосенками, еще цѣлый лѣсочекъ крестовъ... Это я есть ихъ кладбище. Стало быть, умираютъ, совершенно какъ и другіе люди. Но на этомъ, ничего не подѣлаешь, и кончается сходство. О многомъ человѣческомъ не стоитъ съ ними и говорить, — не поймутъ. По истинѣ — антропоморфы, животныя, под-

ходящія ближе всего къ человѣку. Не иначе, антропоморфы, и, какъ подобаешь настоящимъ антропоморфамъ, понятно, ничего не подѣлаешь, засѣли по уши въ болотѣ. Другіе, настоящіе люди стараются, хлопчуть, селятся тамъ, гдѣ имъ получше, и располагаются такъ, какъ бы повыгоднѣе, ничего не подѣлаешь; зато же они и люди, въдобавокъ еще высше. Антропоморфы же какъ засѣли въ свое болото, такъ и торчатъ тутъ вѣчно. Одинъ Богъ милосердый развѣ сжалится надъ ними и посѣтетъ между ними какой-нибудь цвѣточекъ... ничего не подѣлаешь.

Старикъ произносилъ свой монологъ въ тонѣ самаго простого повѣствованія; рѣчь его текла холодно и монотонно. На Романа не взглянулъ ни разу, да и никуда вообще не смотрѣлъ. Уставился на конецъ трости, крѣпко охвативъ переплетенными пальцами набадашникъ. Вглядываясь пристально въ конецъ, ушедшій въ коврикъ, которымъ покрыта была телѣжка, онъ какъ бы вычитывалъ по немъ все, чтѣ ни говорилъ. Пригорбился немножечко, брови совсѣмъ повисли надъ вѣками и пряди сѣдыхъ волосъ спустились тоже низко.

Все сильнѣй и сильнѣй принимали Романа слова дяди, и онъ поблѣднѣлъ. Волненіе особенно отражалось въ глазахъ, загорѣвшихся необычайнымъ блескомъ. Въ эту минуту сталъ онъ походить болѣе прежняго на Ромуальда и Стефана Дарновскихъ. И у нихъ въ глазахъ блистала тотъ же своеобразный огонекъ.

Нѣсколько разъ уже порывался онъ что-то сказать, но все не рѣшался, а старикъ продолжалъ трещать безъ умолку.

Наконецъ, Романъ заговорилъ; въ голосѣ слышно было нѣкоторое колебаніе:

— Какъ-то Казя Домунтъ толковалъ мнѣ: хорошо бы юристу поселиться здѣсь гдѣ-нибудь, вотъ, напримѣръ, въ ближайшемъ городишкѣ: нашлась бы практика, и людямъ принесъ бы онъ пользу. Чтѣ скажешь, дядя?

Дарновскій поднялъ голову. Огненные взоры старика скользнули быстро по лицу племянника и снова сосредоточились на концѣ трости. Ромуальдъ заговорилъ не сразу:

— Гмъ... что касается пользы, пожалуй... Ну да, понятно, несомнѣнно, ничего не подѣлаешь! Еще бы, разумѣется! У моего Стефива по этому самому предмету въ головѣ крѣпко засѣла даже особаго рода *idée fixe*. А не забылъ ли я, въ самомъ дѣлѣ, чтѣ значить собственно *idée fixe*? Манія—такъ, что-ли? Вотъ видишь ли, то, про чтѣ ты говоришь, и есть манія Стефива. Все-конечно, я первый не стану его разочаровывать. Ну, а что ка-

сается существованія,—поживи тамъ, что-жъ... ничего не подѣлаешь!..

Старикъ заёрзалъ безпокойно на сидѣннѣ, еще внимательнѣе сталъ присматриваться къ концу трости, пуще сгорбился и наконецъ заговорилъ рѣшительно:

— Пожива не особенная, а тебѣ скажу, ничего не подѣлаешь, весьма даже не особенная. Кто на это пойдетъ, тотъ, пожалуй, и не засядетъ въ болото вмѣстѣ съ антропоморфами; ну, а пирога ему, какъ своихъ ушей, не видать, ничего не подѣлаешь,—знаешь, не предстоитъ этого самого пирога даже и въ figuré. Примѣромъ сказать — плохенькая квартирѣнка, полъ, конечно, сосновый, а на потолкѣ балочка. Музыку всякую, само собой, надо по боку, развѣ какой антропоморфъ сварганитъ на гармоникѣ. Этихъ театровъ, зрѣлищъ тоже, ничего не подѣлаешь, ужъ извини, не полагается. Одна только природа Божимъ прозволеніемъ тутъ дѣйствительно раскинулась на громаднѣйшемъ полотнищѣ. Ко всему мною сказанному необходимо добавить — сутолова безъ конца, смертельная дозука,—однимъ словомъ, египетскія казни одна за другой. Кому же охота переносить все это? И зачѣмъ, спрашивается? Ради глупой какой-то маніи? Эхъ, такого дурачка, пожалуй, и не сыщешь! А умные, ничего не подѣлаешь, знаютъ, гдѣ раки зимуютъ! Натурально, весьма даже естественно. Природа творитъ вотъ вола, волка, павлина и все вообще животное царство. Рѣдеому изъ смертныхъ доводится подняться повыше, ничего не подѣлаешь. Н-да, хотя бы и настоящему человѣку, а не то чтобы антропоморфу, рѣдео удается подняться, ничего не подѣлаешь, рѣдео!

Телѣжка остановилась у воротъ церковнаго кладбища. Старикъ поднялъ голову и вскрикнулъ:

— Вотъ тебѣ и нѣ! Опоздали! Крестный ходъ-то и прозѣвали.

И живо выпрыгнулъ изъ телѣжки.

Изъ открытыхъ настежь дверей костела несло широкоею волной по кладбищу пѣніе хора, раздавались густые звуки органа. Подъ высокой аркой сѣрой колокольни гудѣлъ звонъ колокола. Языкъ поминутно билъ въ мѣдные бока. Учащенные, чистые, серебристые, торжественные звуки лились по воздуху. У каменной церковной ограды, подъ развѣсистыми деревьями, цвѣли громадныя дикія мальвы; цвѣты съ розу величиной широко разверзали свои чашечки; тутъ же, рядомъ, группа нищихъ тянула нагѣвъ на перебой и фальшиво, разѣвая во всю свои беззубые рты. Подъ тѣнью деревъ стояли беспорядочной кучей на травкѣ брички, телѣги и масса лошадей. Виднѣлся тутъ же и тильбюри, запря-

женный четверкой. Свернувшись клубочкомъ, лежала возлѣ громадная пестрая, мохнатая собака.

Проходя мимо пса, старикъ наклонился и крикнулъ — „Свой“! Животное приподняло лѣниво морду; заспаннныя, но понятныя глаза смотрѣли вопросительно.

— Гдѣ твой баринъ?

Песъ замигалъ и не торопясь повернулъ морду ко входу въ церковь.

— Такъ и есть! Оно и понятно. Ужъ если ты тутъ, и баринъ недалеко. Не правда ли, „Свой“?

„Свой“ зѣвнулъ и отвѣтилъ короткимъ лаемъ.

Х.

Дарновскіе остановились у входа въ ризницу, неподалеку отъ боковыхъ дверей. Народъ только-что вернулся съ крестнаго хода, волненіе постепенно улегалось, толпа замирала. Пробѣгала лишь легкая рябь; послѣдняя запоздалая нотка хоральнаго напѣва гдѣ-то тянулась еще въ видѣ эхо, слышались лишь отдѣльные глубокіе вздохи. Наконецъ, все стихло, не шелохнется. Затянулъ всендѣзъ у алтара, на хорахъ загудѣлъ органъ. Жадно вбиралъ въ себя воздухъ Романъ въ этой непривычной для него удушливой атмосферѣ, окидывая изумленными глазами всю внутренность костела. Зрѣлище было по истинѣ интересное.

Начиная отъ ступеней алтара и до балюстрады, отдѣляющей пресбитерій отъ середины „корабля“, на бѣлыхъ полотнахъ разстилалась мозаика жита всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ темной пшеницы, кончая арче-желтымъ овсомъ. На этомъ фонѣ, отливавшемъ бронзой, золотомъ, сверкавшемъ желтизной, выдѣлялись черными, бѣлыми и коричневатыми пятнами разбросанныя малыя грудочками макъ, фасоль и льняное сѣмя. На этомъ коврѣ тамъ и сямъ сверкали серебристыя атомы свѣже павшей росы святой воды; лучи солнца врывались узкой полоской въ стрѣльчатыя окна сверху и, ложась на рассыпанныя зерна, превращали все имъ попадавшееся по пути въ струю растопленнаго металла.

А дальше за балюстрадой, сплошь до замѣнутыхъ входныхъ вратъ костела, изъ массы почерпѣвшихъ, загорѣлыхъ рукъ какъ бы выросъ садъ и поражалъ сразу два чувства, заполюя ихъ немощнымъ нагроможденіемъ красокъ и запаховъ. Первенцы лѣтнихъ плодовъ, добытые изъ земли этими самыми сильными руками, словно неслись къ небу.

Дѣтски-наивное воображеніе напрягало всё усилія разукрасить ихъ; пущены были въ ходъ всё слишкомъ извѣстные и безхитростные приемы выдумокъ простецовъ.

Чего только не было тутъ: рядомъ съ развѣсистымъ колосомъ ячменя красовались костырь и трясунка. Прозываемая въ народѣ обувью Божьей Матери, синяя метелка царь-травы воздымалась надъ пучками желтаго огороднаго укропа, отбѣняемаго малиновымъ цвѣтомъ бурачника. Какъ бы сторая любопытствомъ, высовывалась морковь изъ горсточки васильковъ; мелькали кочанки капусты, оваймленные вѣнкомъ астръ, штаббы мальвы въ цвѣту, связочки сухихъ маковыхъ головокъ, серебристая полынь, огромныя чаши подсолнечника, мята, мускатница, барвинокъ и рута. Гирлянды очитка свѣсилась, полузавявшія, вокругъ цѣльной вѣточки, обвѣшенной яблоками. Цѣлыя пасмы изжелта-бѣлаго, лоснящагося льна вились тамъ и сямъ по плечамъ богомольцевъ; пласты сотоваго меда въ глиняныхъ блюдцахъ стояли чинно вдоль балюстрады. И ото всего разомъ било безконечной радугой красовъ, отливавшихъ кое-гдѣ блескомъ металлической руды.

И отъ этого сада, воздушнаго, почти совсѣмъ прикрывашаго людскія головы и лица, разлило одуряющимъ смѣшаннымъ ароматомъ, наполнявшимъ весь костель сверху до низу. Особенно выдѣлялись острые горьковитые запахи. Пахло мятой, полынью и ромашкой, съ примѣсью укропа и тмина; отъ яблоковъ несло виномъ, а внизу стлался чуть примѣтно запахъ овощей, да кое-гдѣ проносилась струйка душистаго меда.

Даже льны издавали свой особый характерный запахъ, словно отъ легкихъ клубовъ пыли, взвивающей надъ проселкомъ. Несло еще тѣмъ-то терпкимъ отъ этого громаднаго пустыря дикихъ ароматовъ. Сразу трудно было распознать: а это былъ запахъ воска, напоминавшій отчасти церковныя свѣчи, жужжаніе пчелъ въ пасѣкѣ, потонувшей въ зелени.

И надъ всѣхъ возносились потемнѣвшія отъ времени стѣны костела. Тамъ и сямъ выдвигалась пятнами старинная живопись, вырѣзывались строгими линиями святыя хоругви. А гдѣ-то высоко, высоко, совсѣмъ за окнами, длинными и узкими, плыли по синевѣ зудявыя облака. Въ пропитанномъ всевозможными ароматами тяжеломъ воздухѣ медленно расплывались густые звуки органа.

Долго водилъ глазами Романъ по толпѣ, наконецъ низко опустилъ голову. Его душу охватила печаль воспоминаній, берущая свое начало постоянно отъ предметовъ уже давно минувшихъ. И встаютъ они тѣнями изъ гроба, стучатся въ сердце, заглохнувшее давно предъ ними. Все это когда-то онъ видѣлъ,

знать, забыть, вспоминать, а теперь распознаеть. Но сверхъ печали, накопившейся капля за каплей съ каждымъ прожитымъ днемъ жизни, онъ испытывалъ нѣчто по природѣ своей гораздо болѣе таинственное. Было это чувство вины. Скользило рядомъ неясно сознаніе. Уже давно оно маячится въ нѣдрахъ души, а теперь только продирается възвъ на поверхность. Это ощущеніе виновности существовало уже и тогда, когда что-то его грѣзло, несмотря на жизнь, повидимому, счастливую, тогда, когда, глядя на сводъ небесный, усѣянный звѣздами, онъ хохоталъ отъ грѣзь о собственномъ величьи, тогда, когда, прислушиваясь среди ночи въ тибанью часовъ, стрелоту стрекозъ въ травѣ, чудилось ему таинственно: такъ — да не такъ! такъ — да не такъ!

Сегодня, съ часъ тому назадъ, ощущеніе виновности вспыхнуло съ новою силой въ заброшенномъ Гуровѣ, а теперь дошло до такихъ размѣровъ, что онъ самъ передъ самимъ собой умалется, перестаетъ быть опредѣленной величиной, отрещивается отъ своего наисущественнѣйшаго права.

Его принимало и пригнетало. Въ этой святынѣ когда-то дѣтскіе его глаза пытливо искали Бога; въ этомъ морѣ знакомаго родного аромата, въ душливой атмосферѣ всей этой толпы проставовъ, начинались муки доселѣ неизвѣданныя. Толкало его куда-то неотступно. Какая-то непонятная сила гнала и понуждала окончательно признать и уразумѣть то, что до сихъ поръ замѣчалось смутно и въ какой-то отдаленной дымкѣ.

Звуки церковной музыки, этотъ аромат, лившійся изъ цвѣтовъ и колосевъ, этотъ непрерывный коверъ зеренъ и лицъ челоувѣческихъ, подобно житу распростертыхъ также у стопъ Всемогущаго, рождали представленія и образы, мѣняющіеся непрерывно, исчезающіе, но могучіе.

Фиксировать все это въ мозгу онъ еще не былъ въ состояніи, но они возникали внезапно, подобно пламени, и, исчезая, оставляли по себѣ слѣдъ, какъ бы опаленный огнемъ.

Въ этой громадѣ людей жадно ловилъ онъ глазомъ отдѣльныя подробности, какъ бы желая угадать отраженіе дна по морской поверхности. Сверкали капли пота въ глубокихъ складкахъ, избороздившихъ эти загорѣлыя лица; на сжатыхъ, блѣдныхъ губахъ застыло безконечное терпѣніе и смиреніе; проголодь ясно отпечатлѣлась на этихъ исхудалыхъ щекахъ. А тамъ, у тонкаго пилястра, возлѣ свернутой хоругви, мердавшей потускнѣвшими своими звѣздочками, пахло весной, какъ бы отъ роскошнаго букета вѣтреницъ и піоновъ, среди этой веселой кучки молодыхъ лицъ. Дальше, гдѣ-то въ самой глубинѣ подъ карнизами хора, свѣтятся

быше волосы, словно снѣжный платъ, озлащенный слабымъ луннымъ сіяніемъ.

Романъ повернулъ голову и увидѣлъ шагахъ въ пятнадцати передъ собой Богдана Росновскаго, стоявшаго на противоположномъ концѣ ковра изъ зеренъ. Оперся онъ объ уголь скамьи. Пальто сидѣло мѣшкомъ на его нѣсколько грузной фигурѣ. На желтоватомъ лицѣ его легко было прочесть равнодушіе человѣка, случайно очутившагося не на своемъ мѣстѣ. Значительная увѣренность въ самомъ себѣ и сановитая повадка занять собой побольше мѣста выказывались во всей его небрежной позѣ и вычурной закругленности локтя державшей шапку руки. Вѣки опущены; надъ искривленными слегка губами торчатъ короткіе густые усы. Какой-то отпечатокъ утомленія, доходящаго до полной анемии, лежитъ на всей его фигурѣ. Въ этомъ осунувшемся, апатичномъ лицѣ осмысленнымъ оставалось одно большое, разумное чело. Но легко было догадаться, что единый, быть можетъ, свѣтъ, ни разу еще не погасавшій въ этомъ человѣкѣ,—мысль—витаала гдѣ-то далеко.

Романъ отвелъ глаза отъ этой фигуры, низко опустилъ голову и первый разъ въ жизни впалъ въ то глубокое раздумье, когда человѣкъ слѣпнетъ и гложетъ для всего окружающаго, вглядывается съ глазу на глазъ въ собственную свою душу, остается съ ней наединѣ и вливается всѣмъ помышленіемъ въ свое естество.

Онъ всматривался, припоминалъ, сравнивалъ и все болѣе приходилъ въ смущеніе, умалаясь, тревожился...

Наконецъ, поднялъ глаза. Взоры его сразу остановились на женскомъ облигѣ неподалеку. Только теперь замѣтилъ онъ Ирену. Она стояла тутъ же на колѣняхъ передъ сплошной стѣнной толпы. Руки ея сплелись на балюстрадѣ, глаза устремлены куда-то ввысь. Въ простомъ одѣяннѣ фигура ея рѣзко выдѣлялась на яркомъ фонѣ подымавшагося за нею сплошнымъ валомъ, убраннаго по праздничному люда. Гирлянды изъ пучковъ растеній, нависшія надъ ея головой и руками, обвели ее цвѣтистой и мудрой рамкой. Жаркая, удушливая атмосфера церкви окрасила лицо ея яркимъ румянцемъ, но что-то видимо смутило до самой глубины души обычное ей спокойствіе. Сильное волненіе трепетало на ея полу-открытыхъ устахъ. Капля за каплей выступали на ея приподнятыя рѣсницы большія росинки, застилали зрачокъ и тихо одна за другой скатывались по щекамъ.

Не отдавая себѣ отчета, побуждаемый точно инстинктомъ, который, быть можетъ, былъ единственнымъ оберегателемъ души

его, Романъ повернулъ лицо туда, куда устремлены были затуманенные слезами взоры молящейся, и увидѣлъ наконецъ то, чего до сихъ поръ не примѣчалъ.

Высоко, надъ самымъ алтаремъ вырисовывалась бѣлая фигура Христа, изогнутая подъ тяжестью креста — темнаго, громаднаго, легшаго всею тяжестью Ему на плечи. Изваяніе возносилось гдѣ-то высоко, но можно было все-таки различить явственно очертанія овала лица, склонившагося подъ тяжкимъ бременемъ. На лицѣ отражалось страданіе и милосердіе. Обликъ Спасителя, окровавленный и измученный, дышалъ безконечнымъ состраданіемъ. Отъ всей фигуры вѣяло апогеемъ любви, готовой принести всаческую жертву. А орудіе жертвы, этотъ громадный крестъ, косыми линиями своими повисъ надъ истерзанной главой. Широкія перекладины креста распростерлись надъ ковромъ изъ зеренъ. Хотя онѣ не выдвигались далеко, глазу зрителя казалось снизу, что онѣ все ширятся, тянутся надъ пестрымъ моремъ людей и растений. Недвижимыя и безгласныя, онѣ какъ бы двигались и говорили. Все дальше и дальше раскидывались рамена креста надъ внутренностью церкви...

И въ душѣ Романа, продолжавшаго глядѣть вверхъ, воцарилось полное затишье, какъ случается передъ самымъ восходомъ солнца. На горизонтѣ начинало вырисовываться магическое слово. Сразу уразумѣлъ онъ значеніе креста, висѣвшаго въ комнатѣ у Стефана, разгадалъ теперь причину спокойствія Ирены, не взирая на предстоящую ей, быть можетъ, грустную, незавидную судьбу. Таеъ вотъ оно, заколдованное право, руководящее всей жизнью этихъ людей, отрекшихся отъ многога и многое выносящихъ. Съ этого лица Распятаго, отъ этихъ распростертыхъ надъ моремъ головъ людскихъ, на горизонтѣ его сознанія выплывало сокровенное слово: жертва! И онъ услышалъ шумъ и грохотъ, подобныя налетѣвшему внезапно шквалу вихря. Взоры его съ трудомъ отрывались отъ горнаго пунета, разсѣяннo глядѣлъ онъ на то, чтѣ творилось въ церкви. Словно ниспадавшія на дно русла воды, опускался на церковныя плиты рой людской. Движеніе совершалось быстро, но постепенно; сначала заколыхалось у самой балюстрады, волненіе передавалось далѣе къ самымъ карнизамъ хора и къ замѣнутымъ вратамъ. Все внутреннее пространство, огражденное почернѣвшими отъ старости церковными стѣнами, это пестрое море людей какъ бы принизилось — народъ палъ на колѣни. И только народъ. Садъ исчезъ. Повергнутые на земь, заслоненные плечами, пригнетенные колѣнями, пучки растений изливала послѣдній усиленный вздохъ аромата и сгинули. Появи-

лись на божій свѣтъ пестрые наряды, море головъ и лицъ. И надъ этой тѣсно сплоченной массой людской разнесся громopodobный напѣвъ:

„Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!“

Антропоморфы заговорили. Снесли они сюда всѣ свои нужды и пожеланія, предвзвущенія чего-то великаго, искорки, дремлющія подъ пеломъ, проголодь, отпечатлѣнную на искудальхъ щекахъ, потъ, не сходящій съ лица...

Высоко вздымалась у Романа грудь отъ глубокаго потрясенія. И взоры его устремились снова ввысь. Громадный крестъ росъ, на его глазахъ разрастался. По мѣрѣ ширившагося гула пѣнія тамъ внизу, рамена все росли и ширились какъ бы движеніемъ безграничнаго милосердія, распростираясь надъ безбрежнымъ моремъ людского горя. А этотъ ликъ, забрызганный кровью, подъ бременемъ креста, казалось, тоже склонялся все ниже и ниже.

Происходило съ Романомъ нѣчто необычайное. Чудилось ему, что собственное его сердце, это крохотное сердечко, входило въ иное, громадныхъ размѣровъ, заполнившее собой весь костель снизу до верху. И это маленькое сердце слилось съ тѣмъ огромнымъ и билось однимъ съ нимъ ритмомъ, пламенѣло, рыдало...

Обитатели стараго дома въ Дарновѣѣ собрались случайно всѣ вокругъ обѣденнаго стола часа за два передъ полуднемъ.

Объ эту пору обыкновенно всякій былъ чѣмъ-нибудь да занятъ. Но сегодня дождь лилъ какъ изъ ведра,—работы на полѣ пришлось оставить. Старикъ Ромуальдъ только-что вернулся изъ овина; еще и теперь громыкала тамъ молотилка. Стефанъ спустился внизъ къ Домунту. Не взирая на дождь, онъ припелся изъ Казиміровки. Съ печами покончено, да вотъ у пильщиковъ не хватаетъ бревенъ, а нужны доски для половъ. Ирена поставила утреннюю чашку для хозяйки: она позже всѣхъ встаетъ, только теперъ наступилъ ея обыденный часъ утренняго кофе. Дѣвушка удалилась распорядиться о закускѣ. Вставая очень рано, старикъ потребовалъ чего-нибудь для себя и гостя, порядочно промокшаго на дождѣ. Въ уголку приютилась Броня, въ рукахъ у нея книга. Не то учить урокъ, не то болтаетъ съ Чуваемъ.

Съ четверть часа уже какъ хозяйка перебрасываетъ свои коклюшки промежъ нитей, растянутыхъ по подушкѣ. Наконецъ она вмѣшалась въ разговоръ мужчинъ, оборвала ихъ толки о печникѣ и доскахъ и сразу обратилась съ вопросомъ:

— Гдѣ же Ромикъ? Неужели еще спитъ? Всегда онъ приходитъ въ это время и вмѣстѣ пьетъ кофе.

Можетъ быть, и спитъ. Отправляясь по хозяйству, Стефанъ замѣтилъ чрезъ неплотно притворенныя двери свѣтъ въ его комнату. Едва ли онъ боленъ. Цѣлую ночь что-то писалъ, должно быть. Передъ тѣмъ какъ уйти къ себѣ вечеромъ, онъ заходилъ къ Стефану за конвертами.

Ирена только-что внесла и поставила передъ дядей подносъ съ хлѣбомъ, сыромъ и ветчиной. По дорогѣ захватила связку ключей, лежащихъ на столѣ у самовара, и вышла.

Дождь опять зачастилъ, стучить въ стекла; по окну потекла струями вода. Сидѣвшіе за столомъ смолкли. Среди всеобщей тишины слышенъ только шелестъ переворачиваемыхъ Броней страницъ. Кто-то быстро спускался съ лѣстницы.

— Вотъ и Ромикъ! — объявляетъ во всеуслышаніе Броня.

Онъ самый. Быстро приблизился молодой человекъ къ столу, поцѣловалъ руку у тетки, поздоровался съ дядей, пожалъ руки Стефану и Домунту.

— Здравствуй, здравствуй! — крикнула ему Броня изъ своего угла.

— Здорово, мышка! — привѣтствуетъ и онъ ее.

— Не забудь и моего Чува! — задираетъ дѣвочка.

— Какъ можно, еще бы, любимецъ твой!

Такимъ веселымъ казался Романъ, — и незамѣтно, что онъ не смыкалъ глазъ. Въ рукахъ нѣсколько запечатанныхъ конвертовъ разной величины. Только какъ будто онъ нѣсколько возбужденъ, глаза необыкновенно блестятъ. Но на свѣжихъ устахъ порхаётъ веселая улыбка изъ-подъ лихо закрученныхъ усовъ. И какъ только сѣлъ, онъ повернулся къ старику.

— А знаешь, дядя, — заговорилъ онъ оживленно: — у меня къ тебѣ большая просьба; позвольте и васъ потревожить, дорогая тетюшка, и тебя, Стефанъ. Дозвольте мнѣ еще погостить у васъ въ Дарновеѣ. Хочу прискаты себѣ гдѣ-нибудь тутъ уголокъ, разобью палатку и помѣшусь тамъ съ моими пожитками.

— Наконецъ-то! — крикнулъ Домунтъ.

— Да, я рѣшился, — отвѣтилъ просто Романъ. — Отписалъ всѣмъ, кому было нужно.

Опираясь обѣими руками въ столъ, не торопясь, поднялся со стула старикъ. Огненные глаза его впидись въ лицо племяннику. Морщинки рассыпались по всему громадному лбу, на подобіе косыхъ расходящихся лучей. И вдругъ, смѣясь, онъ громко заговорилъ:

— И тебя, братецъ, маія, значить, охватила? Ничего не подѣ... — Звукъ застрялъ въ горлѣ, и старикъ отвернулся къ окну. На зрачокъ набѣгала злодѣйка-слеза.

— Вотъ бы только найти, гдѣ поставить верстаки,—промовилъ неувѣренно Романъ.

Стефанъ уже протанулъ въ нему обѣ руки.

— Станемъ вмѣстѣ искать...

Хозяйка заломала руки и стала причитывать.

— Дорогой Ромикъ, какъ же это такъ вдругъ? Вотъ неожиданность-то! Ахъ, ахъ, ахъ, такой свѣтскій человѣкъ, такъ хорошо устроился въ жизни и такъ высоко шагнулъ... И сразу, ахъ, ахъ, ахъ, хочешь засѣсть въ нору, на черный хлѣбъ, быть можетъ?! Хотя, съ другой стороны, мы такъ тебя любимъ и для насъ такая неожиданная радость... А когда кругомъ человѣка все любящiе люди и онъ поступаетъ такъ, какъ Богъ велитъ...

Старуха продолжала еще что-то бормотать, но ея голось пропала въ неумолкаемомъ щебетѣ Брони. Крича и сбѣнуясь, набросилась дѣвочка на Романа, обхватила его шею обѣими ручонками, цѣловала въ обѣ щеки звонко, звонко. А потомъ ухватила за лобъ Чувай и потянула властно собаку въ руки виновника торжества и кричала какъ сумасшедшая:

— Чтѣ же ты, Чувай, изволь благодарить... благодарн же! Ахъ, какъ я рада... Ну, не ломайся, полижи у него ручку...

И' винувъ вдругъ Чувай, она бросилась на встрѣчу входившей въ комнату Иренѣ.

— Ты не знаешь, Иря? Новость! Великое событiе! А вотъ и не скажу! Сама угадай!

Ирена окинула внимательнымъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ и отгадала; руки ея легли смиренно вдоль фартучка, испещреннаго сѣрыми клѣточками, а сама она не сводила глазъ съ Романа; рѣсницы быстро мерцали, какъ бы отъ нестерпимаго свѣта.

Романъ торопливо подошелъ къ ней, протанулъ конверты и заговорилъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Отправь на почту...

А затѣмъ онъ взялъ бережно ея обѣ руки и тихо промовилъ:

— Я одного только и добиваюсь: подари мнѣ сердце твое...

— Оно твое!—прошептала дѣвушка.

И онъ жадно глядѣлъ Иренѣ въ лицо, дышавшее полнымъ счастьемъ и зарумянившееся до самыхъ корней волнистыхъ волосъ. Въ глазахъ ея, думалъ онъ, зажигается наконецъ и для него радостный праздникъ жизни.

Э. Оржешко.

НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ

ВЪ

АНГЛІЙСКОМЪ ИСКУССТВѢ

I.

ПРЕРАФАЭЛИТСКОЕ БРАТСТВО.

Въ одной изъ залъ лондонской Національной Галереи живописи (National Gallery), среди размѣщенныхъ въ ней картинъ конца первой и начала второй половины нашего вѣка, нельзя не обратить вниманія на картину большихъ размѣровъ, изображающую пестрое зрѣлище народнаго гулянья: симметрическія группы юношей, дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ, пышныхъ дамъ и разодѣтыхъ поселянъ двигаются по аллеямъ, толпятся около колясокъ, въ которыхъ сидятъ разряженныя дамы, — окружаютъ продавщиковъ и продавщицъ цвѣтовъ и лакомствъ, — смотрятъ на ломанья фокусниковъ и стараются всѣми силами показать, что имъ весело. Лица всѣхъ улыбаются на одинъ ладъ; выраженіе одного и того же, не знающаго ни отгѣнновъ, ни градацій, довольства лежитъ на всѣхъ лицахъ. Среди солнечнаго свѣта, освѣщающаго сцену, отдѣльные лица, казалось бы, должны были слиться въ одну общую массу, а между тѣмъ они выступаютъ съ отчетливостью, поражающей своей неестественностью и однообразіемъ; пестроту и яркость придаютъ картинѣ только цвѣтные наряды толпы, въ которыхъ преобладаютъ рѣзкіе и нехудожественные тоны. Поражаетъ также зрителя отсутствіе всякой идейной основы въ кар-

тигѣ, отсутствіе общаго замысла. Что представляетъ изъ себя эта случайная толпа? Каково ея настроеніе? Что чувствовалъ художникъ, сгруппировавъ на полотнѣ рядъ моделей, одѣтыхъ по модѣ своего времени? Никакого отвѣта на эти вопросы картина не даетъ, потому что художникъ не задавался, очевидно, никакими психологическими вопросами. А между тѣмъ по техническому совершенству отдѣльныхъ подробностей и по внѣшней эффектности сюжета можно предположить, что картина эта въ свое время имѣла успѣхъ и приходилась по вкусу публики.

Надпись внизу картины (Derby Day) поясняетъ, что дѣло идетъ о волнующемъ все населеніе Англій днѣ скачекъ въ Дерби, а на яркомъ и пестромъ колоритѣ всей картины лежитъ отпечатокъ увѣренности художника въ своемъ успѣхѣ, въ томъ, что онъ сумѣлъ удовлетворить эстетическимъ требованіямъ своихъ современниковъ.

Въ той же залѣ, поближе къ выходу, виситъ на отдѣльно стоящемъ экранѣ другая картина, мимо которой едва ли пройдетъ самый поверхностный наблюдатель. На ней изображена сидящая фигура молодой женщины въ полу-монашескомъ одѣяніи средне-вѣкового покроя, соединяющемъ простоту линий съ мягкостью темныхъ тоновъ зеленого и темно-краснаго цвѣта; изъ широкаго вырѣва платья выступаетъ длинная, своеобразно изогнутая впередъ въ какомъ-то вдохновенномъ порывѣ шея, а поднятое нѣсколько вверхъ лицо съ закрытыми глазами, чуть-чуть раскрытыми полными губами и блѣдными чертами лица освѣщено лишь отраженіемъ блеска золотистыхъ волосъ, падающихъ на плечи тяжелой массой, и какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, связаннымъ въ чертахъ, какъ бы застывшихъ въ волшебномъ снѣ. Руки ея спокойно сложены на колѣняхъ и дополняютъ проникающее картину выраженіе успокоенія просвѣтленной души, погруженной въ созерцательный экстазъ. Къ молодой женщинѣ спускается на колѣни огненнаго цвѣта птица, держащая въ клювѣ красный цвѣтокъ мака; солнечные часы, помѣщенные вблизи, показываютъ часъ, въ которомъ по неволѣ чувствуется нѣчто роковое, а на заднемъ планѣ картины виднѣются двѣ туманныя фигуры, обмѣнивающіяся взглядомъ, полнымъ сознанія грустной торжественности минуты: одна изъ нихъ, аллегорическая фигура ангела въ красной одеждѣ и съ пылающимъ сердцемъ въ рукахъ — очевидно, олицетвореніе любви; въ другой — не трудно узнать сухой профиль и традиціонный костюмъ флорентинскаго монаха, въ которомъ всегда изображается Данте.

При первомъ взглядѣ на картину видно, что трагическая

тѣма художника—смерть. Мертвенно-блѣдное лицо, сливающееся въ согласный аккордъ съ мертвымъ тономъ одежды и фона, застывшая поза и ненарушимый, глубокой покой, которымъ вѣетъ отъ усталыхъ закрытыхъ глазъ и сложенныхъ рукъ, не говоря уже о вѣшнихъ символахъ смерти—красной птицѣ, несущей въ клювѣ цвѣтокъ мака, и солнечныхъ часахъ, — все это говорить, что передъ нами смерть, что земная красота отлетѣла отъ этихъ поблекшихъ губъ и неподвижныхъ чертъ. Названіе картины— „Beata Beatrix“—и образъ Данте въ глубинѣ поясняютъ, что художникъ хотѣлъ изобразить Беатриче въ моментъ смерти, когда душа ея уже наслаждается созерцаніемъ божества (*she gloriosamente mira nella faccia di Colui qui est per omnia saecula benedictus*). И тайна обаянія картины та, что въ ней соединены два момента—смерть тѣла и торжество души. Жизненная красота, выражающаяся въ краскахъ и движеніи, исчезла; но ея мѣсто заступило нѣчто другое, идущее не извнѣ, не изъ живительнаго источника вѣшней природы, солнечнаго тепла и свѣта, а изъ глубины чистой души, сосредоточенной на исканіи божества. Этотъ внутренній свѣтъ создаетъ новую чисто-духовную красоту, и идеальнымъ типомъ этой красоты, волнующей своимъ глубокимъ настроеніемъ и высотой порывовъ вѣрующей души, является „Beata Beatrix“, принадлежащая кисти Данте-Габріэля Розетти, живописца и поэта, создававшего новую эру въ искусствѣ своей родины и внесшаго новый идеалъ красоты въ поэзію.

И точно такъ же, какъ при видѣ безвкусіа, царящаго въ первой изъ названныхъ нами картинъ, чувствуется, что ею достигнутъ крайній предѣлъ паденія искусства, построеннаго на условномъ пониманіи и изображеніи природы и жизни,— „Beata Beatrix“ знаменуетъ собой новую, болѣе плодотворную формулу искусства, выдающую въ искренности и глубинѣ настроенія исходный пунктъ творчества.

Сопоставляя эти двѣ картины, раздѣленные между собой 20-лѣтнимъ періодомъ времени ¹⁾, мы ясно видимъ, что за это время долженъ былъ произойти полный переворотъ въ пониманіи задачъ искусства; что художественный вкусъ воспитался въ совершенно новомъ направленіи, и какое бы развитіе ни получили новыя сѣмена, возвратъ къ прежнему невозможенъ. „*Ceci tuae celsa*“ — можно повторить знаменитую фразу В. Гюго, глядя на обѣ картины; послѣ „Beata Beatrix“, холодная и безсодержа-

¹⁾ „Derby Day“, Фрита, нап. въ 1859 г.; „Beata Beatrix“, Д. Г. Розетти, — въ 1879 г.

тельные картины, въ родѣ „Derby Day“, не могутъ болѣе привлекать вниманіе публики, несмотря на всѣ свои техническія совершенства. Новый идеаль въ искусствѣ отразился на эстетическомъ вкусѣ публики и создалъ новыя требованія, новое, болѣе глубокое и возвышенное пониманіе искусства.

Эта смѣна художественныхъ идеаловъ—не случайное явленіе; въ ней мы видимъ результатъ сложнаго движенія, охватившаго умственную жизнь Англии въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нашего вѣка и ярче всего отразившагося въ живописи и поэзиі. Въ этихъ двухъ областяхъ оно создало новое теченіе, называемое нѣкоторыми англійскими критиками „англійскимъ возрожденіемъ“ или „возрожденіемъ искусства и поэзиі“, но болѣе извѣстное среди читающей публики и въ литературѣ подъ названіемъ „прерафаэлитизма“. Мы увидимъ, изучая это явленіе, что названіе прерафаэлитизма, хотя и придуманное его представителями, было очень неудачно. Оно послужило лишь поводомъ къ ложному толкованію и несправедливому осужденію цѣлей, преслѣдуемыхъ группой поэтовъ и художниковъ, основателей такъ называемаго „Прерафаэлитскаго братства“ (Pre-Raphaelite Brotherhood). Союзъ этихъ объединенныхъ общимъ идеалистическимъ пониманіемъ искусства художниковъ задался цѣлью поборотъ условность и искусственное подражаніе классицизму, царившія въ то время въ Англии, и замѣнить ихъ точнымъ воспроизведеніемъ природы и искренностью настроенія. Существованіе самаго „братства“ было непродолжительно, какъ это въ сущности и предполагалось при его основаніи. Нужно было только дружно выступить съ протестомъ противъ утратившихъ внутреннее содержаніе формъ, чтобы силой таланта пробудить въ публикѣ интересъ къ истинному искусству, павшему среди однообразнаго переживанія стараго. Благодаря этимъ дружнымъ усиліямъ, рядъ картинъ самыхъ разнообразныхъ по характеру живописцевъ, объединенныхъ лишь общей любовью къ природѣ и идеалистической основой своихъ произведеній, видоизмѣнилъ общій характеръ художественныхъ выставокъ въ Англии. Съ другой стороны, издаваемые ими журналы внесли въ литературу и поэзію новыя мотивы мистическаго настроенія, культъ духовной красоты, элементъ средневѣковой поэзиі чистыхъ порывовъ души, на фонѣ загадочныхъ легендъ монастырскихъ хроникъ, Италиі временъ Данте, и т. д., а главное, какую-то особую интенсивность и глубину идеализма, направленнаго на изображеніе сокровенныхъ тайнъ человѣческой души. Но этой формулировкой идеаловъ искусства и ограничивалась задача прерафаэлитизма въ узкомъ смыслѣ слова, и самое брат-

ство поэтому держалось всего нѣсколько лѣтъ; когда оно распалось, члены его, слѣдуя каждый особенностямъ своего таланта, разработывали отдѣльные элементы общаго движенія, послужившаго исходной точкой ихъ творчества, и въ своемъ развитіи значительно расширяли и видоизмѣняли первоначальные принципы.

Кратковременность существованія прерафаэлитскаго братства — очень интересный фактъ. Въ послѣднее время европейская критика, заинтересованная прерафаэлитизмомъ, нерѣдко представляетъ его литературной и художественной школой, существующей до сихъ поръ, близкой по своимъ стремленіямъ французскому символизму и имѣющей опредѣленную литературную физиономію. А между тѣмъ это всего менѣе школа поэтовъ или художниковъ. Значеніе прерафаэлитизма, возникшаго среди общаго возрожденія спиритуализма въ Англіи, — въ томъ, что онъ далекомогущественный импульсъ художественному творчеству, не ограничивъ его опредѣленными формулами и принципами, а прививъ лишь сознанію художника любовь къ природѣ и искренность идейнаго замысла. Въ эти рамки укладываются самые разнообразныя виды живописи и поэзіи; и въ самомъ дѣлѣ, трудно назвать школой или художественнымъ направленіемъ въ строгомъ смыслѣ слова то теченіе, которое создало столь разнообразныя явленія, какъ живопись мистическаго созерцателя души, Розетти, эстетика Берне Джонса, поклонника воинственныхъ преданій Англіи, Ф. Мядовса Броуна, и съ другой стороны вдумчивую, таинственную поэзію того же Розетти, на ряду съ свѣтлымъ эпосомъ В. Морриса и титаническими порывами Свинборна, проникнутаго любовью къ античной красотѣ.

Имѣя въ виду эту разнохарактерность элементовъ, обобщаемыхъ часто подъ общимъ именемъ прерафаэлитизма, мы оговариваемся въ самомъ началѣ очерка, что будемъ понимать подъ словомъ прерафаэлитизмъ лишь тотъ короткій періодъ времени, въ который велась борьба съ господствовавшими въ то время традиціями искусства и устанавливались новые идеалы. Этотъ періодъ интересенъ самъ по себѣ, какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ и полныхъ чистаго энтузіазма кризисовъ въ исторіи эстетическихъ теченій; но его главное значеніе заключается въ результатахъ, въ томъ, что изъ этого идеалистическаго настроенія вышло двойное творчество Д. Г. Розетти, и что оно же, пойдя по совершенно инымъ путямъ, создало поэзію вышеназванныхъ поэтовъ, Морриса, Свинборна и др.

Сороковые и пятидесятые годы нашего вѣка ознаменовались въ англійской литературѣ возрожденіемъ интереса къ среднимъ вѣкамъ, при чемъ, однако, этотъ „медіевализмъ“ былъ очень различенъ отъ прелоненія предъ средними вѣками въ эпоху романтизма. Романтики находили въ живописной по своему колориту жизни среднихъ вѣковъ подходящій фонъ для изображенія широкихъ свободныхъ страстей, а поэтовъ и художниковъ позднѣйшаго періода въ Англій привлекало вдумчивое спиритуалистическое настроеніе, породившее религиозныя движенія и искусство той эпохи.

Такое проникновеніе духомъ среднихъ вѣковъ не возникло случайно, подобно разнымъ мимолетнымъ литературнымъ вѣніямъ; оно находилось въ связи съ религиознымъ движеніемъ, высоко поднявшимъ въ началѣ сороковыхъ годовъ нравственное вліяніе англійскаго духовенства на общественную жизнь. Это движеніе широко отразилось и на художественномъ творчествѣ страны, придавъ ему отпечатокъ ярко выраженного идеализма.

Самымъ интереснымъ моментомъ религиознаго движенія является такъ называемое „оксфордское движеніе“, во главѣ котораго сталъ выдающійся по таланту и громадной эрудиціи богословъ, д-ръ Джонъ-Генри Ньюманъ. Центромъ движенія сдѣлался оксфордскій университетъ, издавна склонный отстаивать независимость и вліяніе церкви, и носившій въ своей внутренней жизни отпечатокъ большей поэтичности и восприимчивости къ идеальнымъ стремленіямъ, чѣмъ соперничающій съ нимъ кембриджскій университетъ.

Въ Оксфордѣ, въ колледжѣ Ориэль жилъ и готовился къ ученой дѣятельности Д.-Г. Ньюманъ, и въ томъ же Ориэль (и отчасти Баліолѣ) выступили на богословскомъ поприщѣ д-ръ Писсей и Кебль, сначала его руководители, потомъ помощники въ трудномъ дѣлѣ. Среди этого кружка, который пріобрѣлъ съ теченіемъ времени много сторонниковъ, возникло стремленіе укрѣпить падшій авторитетъ церкви, вдохнуть въ нее новую жизнь и возстановить ея прежнюю роль руководительницы и вдохновительницы національной жизни; роль же эту, по убѣжденію этихъ идеалистовъ клерикализма, церковь утратила вслѣдствіе недобросовѣстности своихъ представителей при исполненіи ими лежавшихъ на нихъ обязанностей.

Преданность д-ра Ньюмана дѣлу возстановленія забытыхъ традицій національной церкви еще болѣе окрѣпла во время его путешествія по Италіи; онъ вынесъ оттуда презрѣніе къ вырождающимся нравамъ современной ему римской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникся благоговѣніемъ предъ первоначальными принци-

нами католической церкви, не стѣсненной зависимостью отъ государства. Это вліяніе католицизма на развитіе религіознаго чувства Ньюмана сказалось на всей его дальнѣйшей дѣятельности.

Вернувшись въ Оксфордъ, онъ началъ въ 1833 г. издавать, съ помощью своихъ друзей и единомышленниковъ, серію брошюръ, излагающихъ первоначальное ученіе церкви, исторію ея развитія и критикующихъ современное ея положеніе. Брошюры выходили подъ общимъ заглавіемъ: „Tracts for the time“, вслѣдствіе чего оксфордское движеніе получило еще названіе „трактаріанизма“ (tractarianism). Вслѣдъ за первую брошюрою самого Ньюмана появились брошюры Кебля и другихъ, привлекая массу сторонниковъ и возбуждая негодованіе правительственной партіи, усматривавшей въ выходящихъ „tracts“ чисто католическія тенденціи. Нападки на „папскую ересь въ Оксфордѣ“ (Popery in Oxford) стали все громче раздаваться какъ съ проповѣднической кафедрой въ самомъ Оксфордѣ, такъ и въ журналахъ (Edinburgh Review и др.); но они не могли противодѣйствовать вліянію д-ра Ньюмана, который увлекалъ за собой все провинціальное духовенство Англій и всю учащуюся молодежь строгой логикой своей аргументаціи и обаяніемъ своей искренней и поэтической натуры. Д-ра Ньюмана часто сравнивали съ Дж. Ст. Миллемъ по силѣ логическаго склада ума; а съ другой стороны онъ не уступалъ многимъ изъ знаменитыхъ поэтовъ своего времени по высотѣ вдохновенія и поэтичности языка. Этими личными качествами главы оксфордскаго движенія и объясняется вліяніе трактаріанизма на выдающихся людей Англій какъ въ политическихъ, такъ и въ литературныхъ сферахъ. Ньюманъ долгое время искренно отрицалъ ставившееся ему въ вину отступленіе отъ англиканской церкви; онъ считалъ себя только реформаторомъ, стремящимся восстановить прежнее значеніе и вліяніе духовенства. Но кризисъ поднятаго Ньюманомъ оксфордскаго движенія наступилъ въ 1841 г., когда изданъ былъ знаменитый „№ 90“ серіи брошюръ; въ немъ Ньюманъ доказывалъ, что ученіе англиканской церкви направлено не противъ основныхъ положеній римской церкви, установленныхъ Тридентскимъ соборомъ, а только противъ ересей, уже осужденныхъ на этомъ соборѣ. Этимъ заявленіемъ онъ окончательно показалъ свою близость къ католицизму и навлекъ на себя официальное осужденіе высшаго духовенства Англій, былъ отрѣшенъ отъ должности священника прихода св. Маріи въ Оксфордѣ, уѣхалъ изъ Оксфорда и чрезъ два года открыто перешелъ къ римской церкви. Отступленіе Ньюмана было тѣмъ болѣе тяжелой потерей для англійскаго духовенства, что сподвиж-

ники его, Пюсей и Кебль, тоже отступили от установленной англиканской церкви и ушли въ обособленные секты. Это было послѣднимъ фазисомъ оксфордскаго движенія, вызвавшаго вслѣдъ за собой рядъ болѣе мелкихъ реформаціонныхъ попытокъ и отразившагося въ сферѣ религіозной жизни созданіемъ ряда новыхъ сектъ.

Проповѣдническая дѣятельность д-ра Ньюмана имѣла далеко не узко догматическій характеръ, какъ это кажется съ перваго взгляда, и не ограничивалась разъясненіемъ евхаристіи и другихъ спорныхъ пунктовъ католическаго и протестантскаго культа. Благодаря смѣлости и широтѣ взглядовъ Ньюмана на вопросы религіи, и его глубокому знанію исторіи христіанства, онъ открылъ своимъ современникамъ новый міръ идеальныхъ стремленій, нравственнаго величія и высокаго настроенія, эпоху расцвѣта католицизма въ его чистомъ видѣ, забытую вмѣстѣ съ своей мистической поэзіей среди потрясающихъ ужасовъ инквизиціи и внесенной ею деморализаціи церкви. Проповѣдь „трактаріанизма“ вызвала интересъ къ среднимъ вѣкамъ въ ихъ своеобразномъ колоритѣ первобытнаго католицизма, и вслѣдъ за оксфордскимъ движеніемъ, сильно волновавшимъ общество, въ литературѣ сталъ появляться интересъ къ средневѣковой Италиі, къ неизслѣдованнымъ до того областямъ первобытной итальянской живописи, и „медивіализмъ“ сдѣлался основной нотой художественнаго творчества.

Къ проявленіямъ этого общественнаго настроенія принадлежатъ и первые начатки прерафаэлитизма, возникшаго на почвѣ идеализаціи средневѣковой жизни и поэзіи, и стремленія воскресить давно забытыя наивныя и чистыя формы искусства. Конечно, этимъ внѣшнимъ „медивіализмомъ“ не исчерпывается попытка прерафаэлитовъ. Въ противномъ случаѣ, созданное ими искусство и поэзія были бы болѣе или менѣе удачнымъ археологическимъ *tour de force*, не имѣющимъ значенія для литературы. Но за архаизмомъ и отвлеченностью формъ таилось вполне современное и оригинальное содержаніе, благодаря чему прерафаэлитизмъ не оказался бесплодной, мимолетной модой на средніе вѣка, а напротивъ того, сдѣлался школой, въ которой окрѣпли могучіе самостоятельные таланты.

Первая попытка обновить современное искусство, внеся въ него искренность и непосредственность настроенія итальянскихъ мастеровъ до-рафаэлевской эпохи, сказалась въ живописи. До англійскаго прерафаэлитизма въ Германіи возникла такъ называемая „назарейская“ школа живописи, съ Овербекомъ и Корне-

лѣусомъ во главѣ; она тоже протестовала противъ условности и шаблонности изображенія евангельскихъ событій современными художниками и стремилась воскресить традиціи той эпохи живописи, когда послѣдняя служила воплощеніемъ религіозныхъ вѣрованій и идеаловъ. Но школа Овербека носила чисто академическій характеръ; она хотѣла возобновить рафаэлевскій идеалъ во всей его чистотѣ и неспорченности и подчинить современное искусство его требованіямъ и приемамъ. Прерафаэлитизмъ же направленъ былъ именно противъ всякаго стѣсненія искусства академическими традиціями; поэтому совершенно несправедливо объединять, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики и историки искусства, англійскихъ прерафаэлитовъ и германскихъ назареевъ подъ одной общей рубрикой „археологическихъ“ тенденцій въ современномъ искусствѣ.

Прерафаэлитизмъ возникъ среди небольшого кружка молодыхъ англійскихъ художниковъ какъ протестъ противъ „героической“ школы въ живописи, которая усвоила себѣ строгость внѣшнихъ приемовъ классической итальянской живописи, оставаясь при этомъ чуждой внутреннему настроенію, обуславливающему гармонію произведеній Рафаэля. Уклоняясь отъ непосредственнаго изученія природы, живописцы этой школы, воспитанные среди строгихъ академическихъ традицій, полагали, что благородство и грація рафаэлевской живописи могутъ быть достигнуты пышностью величественныхъ мантій на изображеніяхъ святыхъ, строгостью стиля архитектурнаго фона картинъ и строгой симметріей въ расположеніи фигуръ, правильностью контрастовъ въ отдѣльныхъ группахъ (голова брюнета непременно рядомъ съ головой блондина и т. д.), внѣшними признаками святости, какъ ореолы, золото на одѣяніяхъ и т. д. Эти традиціонные приемы, которые усвоивались усерднымъ копированіемъ классическихъ образцовъ, соответствовали столь же условному и холодному выраженію изображаемыхъ героевъ христіанскихъ и языческихъ традицій. Представителями этого холоднаго и безплоднаго жанра живописи въ Англіи 40-хъ годовъ были: Фюзели, Опэй, Гайдонъ, Нарскотъ и нѣкоторые другіе. Ихъ картины, наполнявшія ежегодные художественныя выставки, проходили безслѣдно для эстетическаго развитія общества, не давая ему ни новаго пониманія красоты, ни отраженія современной жизни. Это и вызвало протестъ со стороны очень небольшой, но состоявшей изъ первоклассныхъ талантовъ группы молодыхъ художниковъ, которымъ стало тѣсно въ безжизненныхъ рамкахъ академическихъ традицій. Первымъ изъ протестантовъ былъ Гольманъ Гентъ, въ которому въ теченіе

короткаго времени присоединились художники Данте-Габриэль Розетти и Дж.-Эверетъ Миллэ, скульпторъ Вульнеръ и нѣскольکو художественныхъ критиковъ: Стефенсъ, Колинзонъ и Вильямъ Майкэль Розетти, братъ Д.-Габриэля. Объединенные общей ненавистью къ современному искусству и увлеченные изученіемъ Италіи XIV и XV вѣковъ, они нашли тамъ именно живопись, соотвѣтствующую по своей идеѣ ихъ собственному пониманію искусства и отражающую вѣчные идеалы, нужные цивилизованному англійскому обществу XIX в., также какъ и наивнымъ художникамъ-монахамъ среднихъ вѣковъ.

Начавъ общее дѣло обновленія и оживленія искусства, заглохшаго среди мертвой подражательности, эти семь художниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ то же время поэтами и критиками, сплотились въ артистическую ассоціацію, получившую названіе „праерафаэлитскаго братства“ (Pre-Raphaelite Brotherhood); каждый членъ ея обязывался сопровождать свою подпись на картинахъ или статуяхъ буквами P. R. B. Художественная выставка 1849 г. была официальнымъ дебютомъ праерафаэлитскаго братства, выступившаго съ тремя картинами: „Girlhood of the Virgin Mary“ (Юность Богородицы) Д.-Г. Розетти, „Lorenzo and Isabella“ Д. Е. Миллэ, и „Rienzi“ Г. Гента. Эти картины сразу обратили на себя вниманіе своеобразностью замысла и исполненія, но были встрѣчены въ печати съ недоувѣріемъ и порицаніемъ. Когда же стремленія и принципы праерафаэлитовъ сказались еще болѣе опредѣленно въ появившихся вскорѣ послѣ первой выставки „Annunciation“ (Благовѣщеніе) Д.-Г. Розетти и „The Light of the World“ (Свѣтило міра) Г. Гента, критика раздѣлилась на два враждебныхъ лагера по отношенію къ произведеніямъ праерафаэлитовъ. Въ числѣ противниковъ новой школы былъ, между прочимъ, Диккенсъ, а изъ иностранцевъ—Тэнъ; защитникомъ молодыхъ художниковъ выступилъ знаменитый историкъ искусства Джонъ Рёскинъ, пользовавшійся уже тогда большимъ авторитетомъ. Въ 1851 г., въ то время, когда на членовъ братства сыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія то въ подражательности, то въ оригинальничаньи и аффектированности, въ неумѣнн рисовать, туманности замысла и т. д., Рёскинъ напечаталъ три иностранныхъ письма въ „Times“, въ которыхъ блестяще доказалъ несправедливость вводимыхъ на праерафаэлитовъ обвиненій и изложилъ сущность ихъ теорій; кромѣ того, онъ посвящалъ этому вопросу много статей въ журналахъ и отдѣльных очерковъ и значительно содѣйствовалъ популяризаціи и успѣху идеи праера-

фаэлитизма и его представителей ¹⁾. Онъ вполне заслуживаетъ имя „апостола прерафаэлитизма“, но никакъ не основателя его, какъ долгое время утверждали критики; ни Гентъ, ни Розетти, не говоря уже о другихъ, не были знакомы съ Рёскинымъ до выставки своихъ первыхъ картинъ. Рёскинъ же сталъ превозносить прерафаэлитовъ, потому что видѣлъ въ ихъ глубокихъ настроеніяхъ ту идейную основу, которую онъ считаетъ необходимой въ произведеніяхъ искусства.

Основнымъ принципомъ, объединявшимъ членовъ прерафаэлитскаго братства, была замѣна изученія классическихъ образцовъ искусства и копированія ихъ—изученіемъ и какъ можно болѣе вѣрнымъ и точнымъ воспроизведеніемъ природы. Идеалъ классическаго искусства Рафаэля, въ свое время проникнутый любовью къ природѣ и искренностью чувства, утратилъ эти качества, пройдя сѣвозъ вѣбовую академическую рутину; подражая теперь этимъ, хотя бы и совершеннымъ самимъ по себѣ, образцамъ, художникъ обрекаетъ свои произведенія на безсодержательность и холодную условность. Поэтому, не отрицая совершенства Рафаэля, англійскіе прерафаэлиты отрицали его воспитательное значеніе для современнаго искусства. Авторитетовъ въ искусствѣ нѣтъ и быть не можетъ, потому что какъ ни совершененъ величайшій художникъ въ мірѣ, природа все-таки стоитъ выше его, и изученіе ея обогатитъ художника несравненно больше, чѣмъ заучиваніе пріемовъ ея воспроизведенія хотя бы гениальными мастерами. Художникъ долженъ непосредственно подступать къ изученію природы, руководимый любовью къ ней и пониманіемъ вѣчныхъ идей, которыя она отражаетъ. Вѣра или философское пониманіе міра должны составлять основу художественнаго произведенія, а тщательное изученіе природы должно способствовать совершенству въ изображеніи предметовъ и существъ внѣшняго міра, символизирующихъ идею, которой вдохновился художникъ. Что искренность настроенія и близость природы имѣетъ болѣе значеніе для искусства, чѣмъ самая совершенная техника, занятая подражаніемъ разъ навсегда установленнымъ образцамъ,—это англійскіе прерафаэлиты доказываютъ примѣромъ первыхъ итальянскихъ живописцевъ — Джіотто, Орканьи, Фра-Анжелино, Боттичелли и др. Техническая сторона произведеній лучшаго изъ этихъ предшественниковъ Рафаэля и Лео-

¹⁾ John Ruskin, *The three colours of Preraphaelitism* („XIX Century“, 1857); его же „Preraphaelitiam“ (отд. книжка) и „Modern Painters“, pass. О сущности прераф. см. также Gerald Massey: „Lectures on Preraphaelitism“; P. T. Foranith, „Religion in recent art“; ст. „Preraphaelitism“ въ энцикл. словарѣ Чеккерса и др.

вардо да-Винчи, Боттичелли, обнаруживает большую неопытность и неумѣлость, а между тѣмъ едва ли въ самую блестящую эпоху расцвѣта итальянской живописи найдутся болѣе глубокия и истинно прекрасныя картины, чѣмъ мадонны Боттичелли, съ ихъ скорбящими, „глядящими въ вѣчность“ глазами. У этихъ первобытныхъ итальянскихъ мастеровъ англійскіе новаторы увидѣли идеалъ истиннаго искусства въ гармоніи глубокаго замысла, пронизаннаго мистической вѣрой въ божественное начало міра, съ наивнымъ, непосредственнымъ отношеніемъ къ природѣ, которую они воспринимали, какъ ее видѣли и чувствовали, основывая каждый штрихъ на непосредственномъ впечатлѣніи и чувствѣ. Въ память этихъ первыхъ вдохновенныхъ художниковъ, не знавшихъ другихъ авторитетовъ, кромѣ природы и внутреннего голоса души, англійскіе художники назвали себя прерафаэлитами. Этимъ именемъ они хотѣли сказать, что отрѣшаются отъ подражанія выработаннымъ въ классическую эпоху образцамъ гармоничныхъ формъ творчества, и ставятъ себя въ положеніе итальянскихъ творцовъ живописи, искавшихъ вдохновенія только въ природѣ и въ своей душѣ. Это, конечно, не значитъ, что англійскіе прерафаэлиты *подражали* Боттичелли, Фра-Липпо-Липпи, Фра-Анжелико и другимъ художникамъ ранней поры итальянской живописи; они не вводили въ свои произведенія наивности формъ первобытнаго творчества, какъ ихъ въ этомъ обвиняла критика. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ присмотрѣться къ техническому исполненію деталей картинъ Розетти, Гента и др., чтобы видѣть, что нѣтъ ничего общаго между несмысленнымъ и неумѣльнымъ рисункомъ итальянскихъ художниковъ до-рафаэлевской эпохи съ поражающимъ вѣрностью и совершенствомъ деталей рисункомъ на картинахъ англійскихъ прерафаэлитовъ даже на первыхъ порахъ ихъ кружковой дѣятельности, когда еще не успѣла окрѣпнуть индивидуальность каждаго изъ нихъ. Стави своей задачей точное воспроизведеніе природы, они тѣмъ самымъ признаютъ первостепенное значеніе законченности исполненія, и обвиненіе въ неумѣренномъ пренебреженіи правильностью рисунка противорѣчитъ основному принципу прерафаэлитизма, какъ это доказываетъ Рескинъ въ вышеупомянутыхъ письмахъ въ „Times“. Если же картины Розетти, Миллэ и др. напоминаютъ флорентійскихъ мастеровъ, то это зависитъ не отъ копированія наивныхъ приѣмовъ послѣднихъ, а отъ тождественности настроенія, влекущаго воображеніе современныхъ „искателей божества“ къ мистицизму художниковъ, начинавшихъ, какъ рассказываетъ Вазари про Фра-Анжелико, работать съ молитвой на устахъ. Мистическое на-

строение прерафаэлитовъ разнится по своему внутреннему содержанию отъ наивной вѣры средневѣковыхъ художниковъ, — мы въ этомъ убѣдимся, изучая характеръ творчества Розетти и др., — и это служить новымъ доказательствомъ, до чего мало подражательности было въ начинаніяхъ прерафаэлитовъ, несмотря на несомнѣнный „медіовализмъ“ въ ихъ творествѣ. Всѣ же обвиненія въ дѣланной наивности, архаизмѣ, поддѣлкѣ подъ отжившія формы искусства и т. д. объясняются неудачнымъ выборомъ названія „прерафаэлитизма“; оно повело къ основному недоразумѣнію: симпатіи средневѣковымъ художникамъ приняты были за подражаніе имъ, и предпочтеніе изученія природы всякимъ авторитетамъ въ искусствѣ — за отрицаніе Рафаэля и возведеніе на пьедесталъ непогрѣшимаго совершенства его малозвѣстныхъ предшественниковъ, это послужило источникомъ всѣхъ остальныхъ обвиненій и нападокъ.

Особенности, качества и слабыя стороны англійскаго прерафаэлитизма, какъ опредѣленной „*formule d'art*“, каковой онъ былъ до распаденья братства, особенно ярко отпечатлѣлись на двухъ картинахъ — „*Annunciation*“ Д.-Г. Розетти и „*Light of the World*“ (Свѣтило міра) Г. Гента; по нимъ видно, какъ силенъ былъ подъемъ духа, создавшій это движеніе, и какъ много онъ обѣщаль, несмотря на крайности и ошибки, въ которыя впадали члены братства въ началѣ своей дѣятельности.

„*Annunciation*“ Розетти интересна главнымъ образомъ по своему замыслу, такъ какъ самое исполненіе слишкомъ еще связано юношескимъ стремленіемъ выразить протестъ противъ оттаивающихъ художника тенденцій современной ему живописи и воплотить всецѣло принципы и идеалы новооснованнаго братства; индивидуальности и законченности мало въ картинѣ, но искренность и художественная правда замысла сразу бросаются въ глаза, указывая на то, что основатели новаго теченія пошли по вѣрному пути въ своемъ пониманіи цѣлей искусства. Въ сюжетахъ, заимствованныхъ изъ евангельскихъ сказаній, цѣлью ихъ было представить эти событія не въ условно величественной и торжественной обстановкѣ, въ какой они должны были бы происходить, а просто и жизненно, такъ, какъ они *могли* бы произойти среди наивнаго населенія, близкаго къ пониманію и воспріятію чудеснаго, благодаря своему благочестію и своей наивной вѣрѣ. Въ „*Annunciation*“ Розетти рисуетъ моментъ появленія передъ св. дѣвой Маріей ангела съ цвѣткомъ лиліи въ рукахъ (*esse ancilla Domini*), пришедшаго возвѣстить ей о судьбѣ, ожидающей ее. Вопреки всѣмъ традиціямъ, онъ рисуетъ мадонну не

въ торжественномъ одѣяніи и не въ пышной обстановкѣ, которая свидѣтельствовала бы о величіи ея призыванія; она представлена на картинѣ простой поселанкой, пробужденной отъ сна внезапнымъ видѣніемъ и устремившей глубокой взглядъ на посланника небесъ. Послѣдній стоитъ передъ ней въ простой бѣлой одеждѣ, падающей прямыми строгими складками къ его ногамъ. Элементъ чудеснаго, мистическое величіе момента таятся въ внутреннемъ настроеніи двухъ лицъ, представленныхъ на полотнѣ, — внѣшняя же передача самая простая и реальная: маленькая комната, въ которой происходитъ сцена, синяя занавѣска у кровати Маріа, неоконченная вышивка алтарнаго покрывала въ углу (Маріа, очевидно, работала надъ нею предъ сномъ, и вышитыя лиліи на пурпурномъ полкѣ символизируютъ благочестиво-мистическое настроеніе ея наканунѣ, подготовившее ее къ видѣнію) — всѣ эти подробности придаютъ картинѣ характеръ жизненности, очень тонко отгѣняющій замыслъ художника.

Богѣе туманенъ символизмъ картины Гольмана Гента — „The Light of the World“, гдѣ изображенъ Христосъ съ державнымъ вѣнцомъ на головѣ и фонаремъ въ рукахъ; онъ стоитъ среди густо заросшаго сада и стучится въ закрытую дверь. Этимъ художникъ иллюстрируетъ слова Апокалипсиса о Христѣ, который стучится въ души людскія и ищетъ въ нихъ отклика. Центральная фигура Христа, освѣщеніе и подробности въ изображеніи сада показываютъ, до чего прерафаэлиты выдвигали на первый планъ изученіе и вѣрное изображеніе реальныхъ подробностей въ своихъ произведеніяхъ. Но во внутреннемъ содержаніи картины сказывается злоупотребленіе символизмомъ чисто внѣшняго характера; этотъ недостатокъ замѣчается и въ другихъ произведеніяхъ первой поры существованія братства (особенно у Миллэ въ его „Carpenter's Shop“) и объясняется утрировкой основныхъ принциповъ, которая присуща всякому зарождающемуся движению. Но партійныя крайности скоро сгладились у представителей новаго теченія въ англійскомъ искусствѣ; прерафаэлитизмъ пересталъ быть школой, ограничивающей строгими правилами свободу своихъ приверженцевъ, а на почвѣ его идеаловъ выросло широкое идеалистическое творчество такихъ художниковъ, какъ Розетти, Гольманъ Гентъ, Миллэ, Бернъ-Джонсъ и др. въ лучшую пору ихъ творчества.

Одновременно съ прерафаэлитизмомъ въ живописи — возникло аналогичное теченіе въ англійской литературѣ. Основатели прерафаэлитскаго братства стали проводить свои эстетическіе идеалы въ изящной литературѣ и критическихъ статьяхъ; создавши пере-

воротъ въ живописи, они положили начало новой эрѣ въ поэзи. Оплотомъ возникшаго движенія сдѣлались два журнала: „The Germ“, выходящій въ 1850 г., и „The Oxford and Cambridge Magazine“ — въ 1856.

Оба журнала существовали недолго; коллективное творчество также скоро утратило смыслъ для прерафаэлитовъ-поэтовъ и эстетиковъ, какъ для прерафаэлитовъ-живописцевъ. Какъ только цѣли и направленіе новаго теченія вполне опредѣлились, когда нѣсколько поэмъ и рассказовъ доказали, что среди членовъ братства находятся первоклассные художники, индивидуальность каждаго начала проявляться болѣе широко, и союзъ распался самъ собой. „Зародышъ“ (The Germ), какъ назывался первый журналъ кружка, упалъ на плодородную почву; цѣлый рядъ поэтовъ и критиковъ примѣнулъ къ новымъ идеаламъ, возникшимъ въ средѣ первыхъ прерафаэлитовъ; движеніе окрѣпло, разрослось и обогатилось новыми элементами; но существованіе партійныхъ органовъ сдѣлалось лишнимъ.

Вышедшіе нумера обоихъ названныхъ нами журналовъ представляютъ очень интересные литературные сборники: въ нихъ отсутствуютъ подписи отдѣльныхъ авторовъ, вслѣдствіе чего получается общее впечатлѣніе талантности, молодости и искренняго увлеченія идеалами прекраснаго. Каждое стихотвореніе является какъ бы откровеніемъ новыхъ, не звучавшихъ еще до того въ поэзи струнъ; въ отдѣльныхъ рассказахъ и статьяхъ звучитъ вдохновенное пониманіе завѣтныхъ тайниковъ искусства.

Полиѣ всего сказалась доминирующая нота прерафаэлитизма въ рассказѣ „Рука и Душа“ (Hand and Soul), помѣщенномъ въ „Germ“. Въ неизвѣстномъ авторѣ не трудно было угадать Д.-Г. Розетти, который и не скрывалъ впоследствии своего авторства. Въ рассказѣ передается исторія Кіаро дель Эрма, живописца изъ Ареццо, будто бы жившаго въ XIII в. Въ моментъ душевнаго разлада ему является въ видѣніи его собственная душа въ образѣ таинственной женщины, окутанной сѣро-зеленой одеждой, на которую низко спадаетъ золотистая струя волосъ. Женщина эта даетъ ему слѣдующій завѣтъ: „Кіаро, служитель Божій, проникнись своимъ искусствомъ и нарисуй меня таковой, какъ ты видишь меня теперь, чтобы узнать, какова я на самомъ дѣлѣ, слабая и зараженная тлетворнымъ дыханіемъ времени. Но ты долженъ для этого смотрѣть на меня глазами, которые видятъ въ груди свое призваніе, должны самъ проникнуться вѣрой, не перенятой отъ другихъ, а жаждущей чистыхъ молитвъ. Достигни этого, и душа твоя станетъ передъ твоими глазами и перестанетъ быть для тебя мучительной загадкой“. Въ этомъ завѣтѣ выражена

вся „*formule d'art*“ прерафаэлитовъ: высшая цѣль искусства— познавать и изображать человѣческую душу, но не въ отвлеченной идеѣ, а отраженную въ окружающей жизни съ ея вліяніями и требованіями. Обязанность же художника—внести въ свой трудъ вѣру и любовь, безъ которой творчество теряетъ свое внутреннее значеніе.

Въ „*Oxford and Cambridge Magazine*“ общій тонъ журнала нѣсколько иной, чѣмъ въ „*Germ*“. Крайній идеализмъ Розетти, вдохновителя „*Germ*“, замѣняется здѣсь главнымъ образомъ культомъ мидивіализма въ его болѣе осязательныхъ проявленіяхъ,—самоотверженной любви и преданности, на которую были способны цѣльныя натуры того времени, подробностяхъ монастырскаго и свѣтскаго быта и общемъ приподнятомъ тонѣ жизни съ ея радостными и печальными сторонами. Ту роль, которую въ „*Germ*“ игралъ Д.-Г. Розетти, исполнялъ въ „*Oxford and Cambridge Magazine*“ поэтъ Вильямъ Моррисъ, написавшій въ немъ цѣлый рядъ художественныхъ рассказовъ изъ средневѣковой жизни.

Дѣятельностью этихъ двухъ литературно-художественныхъ журналовъ, „*Germ*“ и „*Oxford and Cambridge Magazine*“, и ограничивается существованіе прерафаэлитизма въ узкомъ значеніи этого слова. Онъ былъ порожденіемъ кружка идеалистовъ, мечтавшихъ о томъ, чтобы воплотить свои мечты въ искусствѣ и поэзій, и противодѣйствовать испорченности эстетическихъ вкусовъ современниковъ. Выступая сплоченнымъ союзомъ, имѣя на своей сторонѣ силу таланта и искренняго убѣжденія, они скоро достигли цѣли. Первая выставка картинъ прерафаэлитскаго братства вызвала негодованіе, первые нумера „*Germ*“—нареканія въ непонятности и мистическомъ отдаленіи изъ жизни. Но слѣдующія выставки и эстетическія толкованія талантливыхъ прерафаэлитовъ въ ихъ журналахъ оказали сильное давленіе на развитіе вкуса въ обществѣ и внушили симпатіи къ новаторамъ. Такимъ образомъ англійская публика была подготовлена къ пониманію отдѣльныхъ поэтовъ и художниковъ, когда, отбросивши корпоративный духъ, они самостоятельно явились предъ обществомъ съ своимъ идеалистическимъ творчествомъ.

Съ этого момента прерафаэлитизмъ, какъ коллективное эстетическое направленіе съ точно опредѣленными задачами и стремленіями, перестаетъ существовать. Его роль въ исторіи литературы сыграна: онъ подготовилъ общество къ новому теченію въ искусствѣ и поэзій и намѣтилъ общій характеръ этого теченія. Отдѣльные его элементы опредѣлили собой творчество цѣлаго ряда поэтовъ и художниковъ, избравшихъ каждый свой

отдѣльный путь, но вышедшихъ изъ общаго принципа. Мы говорили, что основными чертами прерафаэлитизма были мистицизмъ, медивіализмъ и любовь къ природѣ. Каждый изъ этихъ элементовъ получилъ самостоятельное развитіе у отдѣльныхъ художниковъ и поэтовъ послѣ распаденія братства. Ихъ творчество, воспитанное идеалистическими стремленіями ранней поры прерафаэлитизма, свидѣтельствуетъ о благотворномъ значеніи этого подготовительнаго движенія; свидѣтельствуетъ оно также о томъ, насколько первоначальное теченіе измѣнилось у его представителей, и какъ ошибочно объединять общимъ именемъ прерафаэлитовъ рядъ идеалистовъ, сильно различающихся между собой и далеко ушедшихъ отъ своего первоисточника.

II.

Данте-Габріэль Розетти.

Прерафаэлитизмъ имѣетъ большое значеніе для исторіи литературы главнымъ образомъ потому, что изъ него вышелъ Данте-Габріэль Розетти, одинъ изъ свѣточей англійской поэзіи второй половины XIX в. и великій живописецъ, возобновившій среди мертвой условности современнаго ему англійскаго искусства традиціи лучшей поры итальянской живописи.

Д.-Г. Розетти—итальянецъ по крови. Отецъ его былъ родомъ изъ Неаполя и принималъ въ молодости дѣятельное участіе въ восстаніи противъ короля Фердинанда. Послѣ восстановленія неограниченной власти Бурбоновъ онъ принужденъ былъ эмигрировать; поселившись въ Лондонѣ, онъ сдѣлался профессоромъ итальянской литературы въ King's College и приобрѣлъ большую извѣстность своими комментаріями Данте. Мать Данте-Габріэля была дочь Полидори, секретаря итальянскаго писателя Альфіери. Но, родившись уже въ Лондонѣ (12 мая 1828 г.), поэтъ по воспитанію и духу былъ вполне англичанинъ; онъ даже никогда не покидалъ своей родины, кромѣ двухъ-трехъ короткихъ поѣздокъ въ Парижъ и въ Бельгію. Въ литературныхъ вліяніяхъ, среди которыхъ окрѣпло художественное дарованіе Розетти, видна та же смѣсь итальянскаго и англійскаго элементовъ, какъ и въ обстоятельствахъ его жизни. Онъ выросъ среди поклоненія Данте въ своей семьѣ; отецъ его посвятилъ изученію и культу флорентинскаго поэта всю вторую половину жизни, и какъ бы связалъ мистической нитью судьбу своего старшаго сына съ духомъ средне-вѣковой Италіи, давъ будущему поэту имя ея высочайшаго гения.

Д.-Г. Розетти очень рано обнаружилъ интересъ къ итальянской средневѣковой поэзіи, изучалъ съ любовью не только Данте, но весь цѣль родственныхъ ему поэтовъ, переводилъ ихъ ¹⁾ и чувствовалъ душевную близость съ таинственнымъ міромъ ихъ мистическихъ идеаловъ. Но въ то же время его увлекалъ болѣе философскій, нежели религиозный идеализмъ английскихъ романтиковъ; Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и главнымъ образомъ Шелли были духовными руководителями его юности, тогда какъ въ живописи онъ находился подъ обаяніемъ интимной красоты флорентинскихъ мастеровъ, и въ особенности Леонардо да-Винчи. Любимымъ его чтеніемъ были рыцарскіе романы и средневѣковыя английскія легенды; онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходилъ изъ читальной залы Британскаго музея, поглощенный живописными, полными жизни и страстей рыцарскими романами и связанными разныхъ цикловъ; онъ усваивалъ себѣ ихъ языкъ, настроенія и чувства, и впоследствии съ большимъ умѣніемъ пользовался преданіями національной старины въ своихъ балладахъ.

Это взаимодѣйствіе южнаго и сѣвернаго вліяній отразилось на творчествѣ поэта и живописца тѣмъ, что придало особую интенсивность и глубину основной чертѣ его таланта — стремленію отразить вѣчное въ переходящихъ символахъ земныхъ чувствъ и жизненныхъ явленій. Национальное английское чувство, которымъ Розетти проникнуть былъ съ дѣтства, не шло въ разрѣзъ съ южнымъ темпераментомъ, унаслѣдованнымъ отъ итальянскихъ родителей; напротивъ, преобладающая черта англійскаго характера, религиозность и вдумчивое отношеніе къ вопросамъ бытія и высшей нравственности, нашла опору въ душевномъ экстазѣ итальянца, проникнутаго эстетической и мистической стороной католицизма. Основнымъ тономъ души Д.-Г. Розетти было неясное религиозное чувство, тяготѣніе къ таинственнымъ сторонамъ бытія, сближающимъ внутренній міръ человѣка съ божествомъ, котораго онъ жаждетъ. Англійская жизнь не только не противодѣйствовала этому врожденному чувству, а напротивъ, давала ему обильную пищу. Розетти выросъ среди религиозно настроеннаго общества, у котораго вопросы вѣры и нравственныхъ ученій стояли на первомъ планѣ. Оксфордское движеніе волновало умы всей Англій; кардиналъ Ньюманъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во всей странѣ. Представитель крайне идеалистическихъ традицій итальянскаго искусства и итальянской поэзіи оказался такимъ обра-

¹⁾ Его переводъ Дантовской „Vita Nuova“ и поэзіи предшественниковъ Данте имели отдѣльную книжку подъ заглавіемъ: „Dante and his Circle, by D. G. Rossetti“.

зомъ не случайнымъ пришельцемъ въ современномъ ему обществѣ. Онъ только глубже другихъ проникъ духомъ времени и воплотилъ его въ новыхъ символахъ, отражая чувства и настроенія современнаго человѣка въ вѣчныхъ идеалахъ красоты и истины.

Подобно тому какъ два разнородныхъ вліянія гармонично слились въ личности Розетти, творчество его является тоже результатомъ двойственнаго вдохновенія. Онъ видитъ человѣка и его душевный міръ „sub specie aeternitatis“, какъ говоритъ про него одинъ критикъ. Темы его поэзіи и живописи—вѣчныя, классическія: жизнь и смерть, любовь, тѣнная на землѣ и вѣчная въ міровданіи, красота и высшая правда. Но пониманіе этихъ вѣчныхъ вопросовъ и идеаловъ—чисто современное: красоту онъ понимаетъ совершенно по своему и создаетъ новый, оригинальный типъ ея; въ жизни онъ не различаетъ великихъ и мелкихъ событій, потому что во всѣхъ нихъ одинаково отражается вѣчность; чувства и страсти являются у него не въ непосредственномъ дѣйствіи, а въ поэтической дымкѣ воспоминанія, какъ будто просвѣтленная и примиренная душа съ грустью вспоминаетъ свои прежнія страданія и освѣщаетъ ихъ познаннымъ ею свѣтомъ.

Свое полу-мистическое, полу-философское пониманіе жизни и человѣческой души Розетти воплощалъ красками и звуками. Онъ одновременно и живописецъ, и поэтъ, при чемъ общее настроеніе остается однимъ и тѣмъ же въ обѣихъ областяхъ, и самое исполненіе гармонично сливается въ нѣчто цѣлое и прекрасное. Трудно провести границу между живописью и поэзіей Розетти: его картины дышатъ той внутренней поэзіей и глубокой философскаго замысла, которыя превышаютъ общія средства живописи и какъ бы переходятъ въ міръ чистой поэзіи; его сонеты, поэмы и баллады написаны художнивомъ, у котораго каждое ощущеніе, каждая мысль выливается въ живой образъ съ вполне опредѣленными чертами; по богатству и точности деталей, образности каждаго стиха, многія стихотворенія Розетти производятъ впечатлѣніе вполне законченныхъ картинъ и портретовъ. Во всемъ, что онъ создалъ, видно одно цѣльное художественно-идеалистическое міросозерцаніе и стремленіе воплотить его въ новыхъ, близкихъ душѣ его формахъ красоты. Оба искусства, въ которыхъ онъ достигъ совершенства, живопись и поэзія, ведутъ его въ цѣли, восполняютъ другъ друга и служатъ ему средствомъ создать въ англійскомъ искусствѣ и въ поэзіи новый міръ прекраснаго, сочетающій идеалы современнаго, выросшаго на философскихъ вліяніяхъ эстетическаго вкуса съ требованіями вѣчной, божественной красоты.

Двойной талантъ Д.-Г. Розетти обнаружился очень рано. Сохранилось много отрывковъ и законченныхъ поэмъ, написанныхъ имъ въ самой ранней юности. Встрѣчаясь въ домѣ отца съ начинающими молодыми художниками, Гольманомъ Гентомъ, Миллэ, Деверелемъ и др., онъ столь же рано сталъ увлекаться живописью и въ возрастѣ между 18 и 20 годами сталъ дѣятельнымъ членомъ и вскорѣ руководителемъ прерафаэлитскаго братства. Къ періоду его тѣсной связи съ прерафаэлитизмомъ относятся первыя картины Розетти: „The Girlhood of the Virgin Mary“ и вышеупомянутая „Annunciation“. Обѣ картины представляютъ строгое примѣненіе основныхъ принциповъ братства; стремленіе къ безусловной простотѣ и къ точному воспроизведенію природы свозить въ каждомъ штрихѣ. Такъ, напр., для того, чтобы ни одна линія не была выдуманна, а непремѣнно списана съ натуры, Розетти сдѣлалъ всѣ лица на первой изъ названныхъ картинъ портретами живыхъ лицъ,—его собственная сестра и мать послужили ему моделями для Маріи и для св. Анны. Этимъ онъ достигъ большой жизненности, и, кромѣ того, въ обѣихъ картинахъ видна искренность настроенія, съ которымъ художникъ подступаетъ къ религіозному сюжету. Но вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребленіе внѣшнимъ символизмомъ и нѣкоторая угловатость въ исполненіи лишаютъ эти первыя картины Розетти большого самостоятельнаго значенія; онѣ интересны какъ произведенія опредѣленнаго направленія въ искусствѣ и преврасно иллюстрируютъ тенденціи прерафаэлитизма; въ артистическомъ же развитіи Розетти онѣ характеризуютъ подготовительную эпоху, протекшую подъ вліяніемъ прерафаэлитскихъ принциповъ.

Въ поэзіи Розетти эта подготовительная пора сказалась болѣе блестяще. Кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній интимно-идиллическаго характера съ массой жизненныхъ и простыхъ деталей („My sister's sleep“ и др.), въ этой эпохѣ относится одно изъ самыхъ оригинальныхъ и поэтическихъ произведеній Розетти, его „Blessed Damsel“. Оно было написано, когда поэту было 19 или 20 лѣтъ, и напечатано въ „Gegen“, потомъ снова перепечатано въ „Oxford and Cambridge Magazine“. Сильное вліяніе прерафаэлитизма сказалось въ типичномъ медивіализмѣ замысла стихотворенія. Основная тема „Blessed Damsel“—вѣчность любви. Но, противнутый чисто средневѣковой непосредственностью и наивностью, поэтъ понимаетъ вѣчность чувства въ смыслѣ продолженія земныхъ ощущеній и послѣ смерти. Умершая дѣвушка, которая уже десять лѣтъ (одинъ мигъ для вѣчности) ведетъ блаженную жизнь въ сонмѣ ангеловъ и наслаждается созерцаніемъ,

Бога, тоскуеть по оставшемся на землѣ возлюбленномъ и ждеть его на небѣ, а онъ съ своей стороны томится на землѣ, и душа его находится въ постоянномъ общеніи съ умершей. И вотъ между этими двумя существами, объединенными общимъ чувствомъ взаимной любви и вѣрности, но раздѣленными смертью, устанавливается діалогъ въ средневѣковомъ духѣ: чувства и желанія обоихъ одинаковы, — для дѣвушки измѣнилась лишь обстановка, въ которой она живетъ. Разрѣшившаяся загадка жизни не измѣнила ея душевнаго міра, — вѣчность оказывается лишь торжествомъ чувствъ, не удовлетворенныхъ на землѣ, и какъ бы продолженіемъ земной жизни безъ ея заботъ. Для того, чтобы быть счастливой, ей недостаточно созерцать Бога, ей нужно, чтобы вмѣстѣ съ ней небесное сіяніе озаряло и ея возлюбленнаго, въ которому она сохраняетъ совершенно земныя чувства. Это представленіе о вѣчности любви лишено всякаго мистицизма; въ немъ любовь является не символомъ вѣчнаго на землѣ, а напротивъ, наивнымъ перенесеніемъ земныхъ чувствъ и понятій въ вѣчность. Это міросозерцаніе — чисто средневѣковое по своему неумѣнью освободиться отъ земныхъ представленийъ при созерцаніи отвлеченныхъ идей, и Розетти, въ періодъ своего прерафаэлитизма, отдалъ дань увлеченію медивіализмомъ, такъ ярко отразивъ его въ своей художественной поэмѣ.

Помимо характернаго для первой поры творчества Розетти замысла „Blessed Damozel“, стихотвореніе замѣчательно по самому исполненію; въ которомъ блестяще отразился талантъ художника и поэта. Для поэта „блаженная дѣва“ — не туманное, неопредѣленное видѣніе, а живое воплощеніе красоты, образъ которой онъ рисуетъ съ богатствомъ подробностей, характеризующихъ картины прерафаэлитовъ. Она стоитъ, опершись на золотой барьеръ божьяго чертога, построеннаго высоко надъ бездною, въ самой глубинѣ которой зарождается пространство; глаза ея глубоки, какъ успокоившаяся къ полудню пучина моря; волосы, низко спускающіеся на спину, имѣютъ цвѣтъ созрѣвшихъ волосевъ; свободно падающее въ ногамъ платье украшено однимъ только цвѣткомъ розы; въ рукахъ у нея три лиліи и въ волосахъ ея семь звѣздъ. Она напряженнымъ взоромъ глядитъ въ бездну, гдѣ глубоко подъ ней смѣняются дни и ночи въ правильномъ теченіи; она не видитъ волшебнаго зрѣлища вокругъ себя, душъ, возносящихся къ небу въ видѣ вспыхивающихъ огоньковъ, ликованія соединенныхъ на вѣчность влюбленныхъ; она вся выгибается, стараясь уловить долетающіе до нея звуки земли, и отъ напора нѣжной груди золотой барьеръ становится

теплымъ, и лиліи склоняются на ея руку понижешими головками. Тогда начинается обмѣнъ горестныхъ изліаній и смутныхъ надеждъ между влюбленными; голосъ обитательницы небесъ звучитъ какъ голосъ звѣздъ, когда онѣ пѣли среди хора небесныхъ сферъ; ея возлюбленному онъ слышится то въ шелестѣ листвы, то въ пѣвѣннѣ птицы, и когда, полная надеждъ на будущее блаженство, она улыбается и потомъ, вдругъ охваченная тоской, плачетъ, закрывая лицо руками, онъ на землѣ видитъ ея улыбку и слышитъ ея слезы.

Заоблачный міръ, который воспроизводитъ творческая фантазія поэта, поражаетъ не столько своей таинственностью, сколько чистой, поэтической красотой, которою вѣетъ отъ каждаго штриха фантастической, но въ высшей степени цѣльной и ясной въ своихъ подробностяхъ картины. Красота чувствуется и во вѣншихъ краскахъ поэмы, и во внутреннемъ настроеніи поэта, и въ гармоніи радостныхъ и скорбныхъ чувствъ, составляющихъ фонъ описанія. По оригинальности и точности рисунка въ словахъ, художественности фантастическаго вымысла, звучности и нѣжности музыкальнаго стиха, едва ли въ англійской поэзіи найдется стихотвореніе, могущее стать рядомъ съ „Blessed Damsel“.

Но, несмотря на это совершенство формы и высокій поэтический талантъ, сказавшійся въ этомъ стихотвореніи, „Blessed Damsel“ — мертворожденная вещь. Еслибы Розетти пошелъ по пути, намѣченному въ этой поэмѣ, онъ создалъ бы, вѣроятно, еще много художественныхъ реставрацій минувшей красоты, прекрасныхъ и тонкихъ, какъ миниатюры средневѣковыхъ „livres d'heures“, но не былъ бы художникомъ, внесшимъ свою новую ноту въ искусство и оказавшимъ вліяніе, которое чувствуется до сихъ поръ въ англійскомъ искусствѣ и даже въ англійской жизни. „Blessed Damsel“ написана внѣ всякихъ условій времени; она отражаетъ міросозерцаніе и идеалы минувшихъ вѣковъ, и въ ней не чувствуется настроеніе современнаго человѣка. Это лишаетъ ее жизни и превращаетъ ее въ искусное подражаніе, которое можетъ нравиться, но не волновать.

Написанная подъ вліяніемъ кружковыхъ тенденцій, „Blessed Damsel“, къ счастью для Розетти, завершаетъ подготовительный періодъ его творчества. Онъ освобождается отъ швольнаго слѣдованія установленнымъ принципамъ и, глубоко проникнутый духомъ начатой прерафаэлитами реформы, пренебрегаетъ ея техническими формулами и вполне отдается своимъ личнымъ влеченіямъ. Тогда сказывается въ немъ современный человѣкъ, съ новыми идеалами въ душѣ, новыми ощущеніями, и, отражая ихъ,

онъ создаетъ типы красоты, близкой намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчной.

Какъ у великихъ мастеровъ Италіи, пониманіе красоты и тайнъ мірозданія воплотилось у Розетти въ созданномъ имъ типѣ женской красоты. Рафаэль воплотилъ въ Сикстинской Мадоннѣ идею міровой гармоніи въ образѣ святой матери, съ радостью пріемлющей скорбь и отдающей въ жертву людямъ свое божественное дитя. Леонардо да-Винчи отразилъ свою безповойную жажду неземного, свою мистическую скорбь о неразгаданности тайны жизни—въ загадочной улыбкѣ и глядящихъ съ скорбнымъ вопросомъ въ вѣчность глазахъ Джіоконды. Ихъ соотечественникъ, взрослій въ дѣловитой, утилитарной Англій XIX в., томимъ той же вѣчной міровой загадкой жизни и смерти, и такъ же, какъ у нихъ, тайна ея легла въ основаніе его идеала женской красоты. Но, почти не уступающіе по глубинѣ созданіямъ Леонардо, женскіе типы Розетти не напоминаютъ ни мадоннъ Рафаэля, спокойныхъ, женственныхъ и примиренныхъ своей любовью къ человечеству, ни скорбныхъ, полныхъ внутренняго разлада и отрицанія типовъ Леонардо. Женщины Розетти слѣдуетъ назвать мадоннами XIX в.; въ нихъ отразились созданные современной жизнью контрасты сомнѣній и жажды вѣры, грѣха и идеала чистоты,—того, что Розетти называетъ въ своихъ сочетахъ „красотою тѣла“ (body's beauty) и „красотою души“ (soul's beauty). Гармонію замѣняетъ въ нихъ мистическая скорбь, смутное предчувствіе вѣчнаго, и сочетаніе контрастовъ, лишенныхъ примирительнаго аккорда, придаетъ ему особую тревожную красоту, столь близкую и понятную современному человѣку, въ душѣ котораго сочетаются скептицизмъ и жажда вѣры. Прибавимъ къ тому же, что у Розетти менѣе всего аскетическій идеалъ красоты. Красота земная дорога ему, какъ высшій символъ красоты духовной, и картины зрѣлаго періода его творчества поражаютъ полнымъ жизни колоритомъ и отраженіемъ земныхъ страстей и восторговъ. Чопорная англійская критика упрекала Розетти даже въ чрезмѣрной чувственности. Но именно благодаря этому ярво выраженному характеру земной красоты рѣзче выступаетъ контрастъ души и тѣла, жизни и смерти, на которомъ основана таинственная прелесть общаго типа женщинъ Розетти.

Одна изъ самыхъ характерныхъ и прекрасныхъ картинъ Розетти, воплощающихъ этотъ типъ,—его „Прозерпина“, символизирующая тоску души, прикованной своимъ паденіемъ къ землѣ и томимой воспоминаніями о свѣтѣ красоты и истины, утраченномъ навсегда. Высокая женщина, окутанная мрачными склад-

ками черныхъ одеждъ, стоять, вся застывшая отъ ужаса, среди ненавистныхъ ей стѣнъ подземнаго чертога; гранатовое яблоко въ ея рукахъ служить ей постояннымъ напоминаніемъ ея вины; вкусивши его въ царствѣ тьмы, она лишилась права вернуться въ сонмъ бессмертныхъ, и только изрѣдка ей дано вырваться на свѣтъ, чтобы оживить свои воспоминанія о лучшемъ мірѣ. Но тѣмъ безграничнѣе ея тоска, когда она чувствуетъ надъ собою своды темницы, и единственнымъ утѣшеніемъ ей служить мысль, что гдѣ-то, среди сіянія красоты и свѣта, о ней тоскуетъ мать, полная состраданія къ печальной судьбѣ Прозерпины. Мрачное, скорбное лицо, изображенное на картинѣ Розетти, глубокіе глаза, выглядывающіе изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, густая шапка кудрей, окружающихъ чернымъ ореоломъ длинный блѣдный овалъ лица съ полными, чувственными губами, печатью грѣха и земныхъ страстей,—все это воспроизводитъ въ вѣшнихъ символахъ мрачную трагедію души, сознающей роковую власть жизни и тѣла и полной вмѣстѣ съ тѣмъ мистическихъ думъ объ утраченномъ. Что утратила ея тоскующая душа? Вотъ таинственный вопросъ, который придаетъ мистическую красоту ея взгляду, полному горестныхъ видѣній прошлаго, горестныхъ потому, что они невозвратимы, и потому, что уставшая въ борьбѣ душа покорилась року.

Но въ своемъ изображеніи вѣчныхъ загадочныхъ контрастовъ души Розетти не всегда беретъ, какъ въ „Прозерпину“, трагическую ноту. Моменты торжествующей вѣры вдохновляютъ нередко его творчество и воплощаются въ торжественномъ и свѣтломъ настроеніи нѣкоторыхъ картинъ. Такова его „Фіаметта“; сложный идеализмъ этой поэтической картины Розетти самъ разъясняетъ въ сонетѣ, вырѣзанномъ на рамѣ. Цвѣтущая яблоня, подъ которой стоитъ дѣвушка, указываетъ на весенній расцвѣтъ жизни; но лепестки, падающіе какъ капли слезъ на пальцы дѣвушки, радующей вѣтви, красная птица, сорвавшаяся съ вѣтви и улетающая въ невѣдомую даль,—признаки приближенія смерти. Картина полна движенія; въ ней чувствуется переходъ отъ жизни къ смерти въ безпокойномъ движеніи воздуха, отъ котораго развѣвается платье Фіаметты, въ полетѣ ангела, рбющаго надъ ея головой и выдѣляющагося золотистымъ сіяніемъ крыльевъ на сѣромъ стволѣ дерева. Смерть, отраженная въ мрачномъ пейзажѣ, близка къ побѣдѣ надъ весной жизни, но „радужнымъ лучомъ среди мрачной бури смерти“ (On Death's dark storm the rainbow of the Soul) Фіаметта стоитъ какъ предзнаменованіе и залогъ. Сосредоточенное, глубоко серьезное выраженіе

ея лица указываетъ на торжественность минуты; но свѣтлые вдохновенные глаза спокойны, въ нихъ свѣтится безграничная вѣра; Фіаметта—художественный образъ души, познавшей Бога, и предъ ея сіяніемъ смерть и мракъ являются тѣмъ то прошедшимъ, побѣжденнымъ.

Такимъ же воплощеніемъ двухъ противоположныхъ сторонъ одного и того же идеала красоты, какъ „Прозерпина“ и „Фіаметта“, являются двѣ другія женскія фигуры: „Лилита“ (написанный въ картинѣ сонетъ носить названіе „Body's Beauty“) и „Sybilla Palmifera“ (въ сонетѣ—„Soul's Beauty“). Въ Лилитѣ, первой женѣ Адама по апокрифическимъ связаніямъ, Розетти изображаетъ могущественную волшебницу, олицетворяющую земную красоту во всей ея заманчивости и лживости; она умѣла лгать еще до того, какъ впервые раздался голосъ змѣя въ Эдемѣ, и до сихъ поръ опутываетъ сердца людей золотой пражей, которая привлекаетъ къ ней взоры. „Sybilla Palmifera“—воплощеніе высшей духовной красоты, внушающей благоговѣніе и чистые восторги. Она изображаетъ своей торжественной и загадочной красотой душу природы, до того глубокую и неуловимо прекрасную, что природа изнемогаетъ и умираетъ въ безсильномъ стремленіи выразить ее.

Во всѣхъ этихъ картинахъ Розетти намѣчаетъ отдѣльныя проявленія идеальной красоты, отраженной въ глубочайшихъ душевныхъ настроеніяхъ; полнымъ же воплощеніемъ созданнаго имъ типа женской красоты является, кромѣ указанной въ началѣ очерка „Beata Beatrix“, его „Astarte Syriaca“, одна изъ самыхъ гениальныхъ картинъ нашего вѣка. Въ изображенной на ней женской головѣ¹⁾ отразился душевный міръ современнаго человѣка, со всѣми его вѣчными идеалами и минутными настроеніями. Малоазійская Астарта, прародительница Венеры, является богиней любви, созданной изъ контрастовъ, изъ безпкойныхъ порывовъ, въ которыхъ элементы божественнаго и чувственнаго не сливаются, а существуютъ одинъ на ряду съ другимъ, какъ символы высочайшаго религіознаго экстаза и самаго глубокаго паденія, одинаково возможныхъ для человѣка, одинаково понятныхъ въ немъ. И наряду съ этой современной психологіей, отвергающей

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду пастель „Venus Astarte“, видѣнную нами въ картинной галерей Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ. Розетти впоследствии повторилъ ту же голову масляными красками, написавъ Astarte Syriaca во весь ростъ, одѣтую въ серебрянныя ткани и сопровождаемую двумя прислуживающими ей ангелами. Эта картина находится теперь въ частныхъ рукахъ, и мы знаемъ ее только по описаніямъ.

абсолютные критеріи добродѣтели и замѣняющей ихъ отраженіемъ основныхъ настроеній души, Астарта Розетти символизируетъ собой неразгаданную тайну бытія. Она кажется живымъ воплощеніемъ мучительной загадки, и по таинственности, глубинѣ выраженія и идеальной красотѣ лица можетъ сравниться лишь съ „Джіокондой“ Леонардо да-Винчи, только еще болѣе глубоко познавшей паденіе человѣка и болѣе глубоко полюбившей его въ его паденіи. Длинная, изгибающаяся какъ стебель цвѣтка шея, полныя страстныя губы, „отягощенные любовью“ (*love-freighted lips*), какъ говоритъ Розетти въ сонетѣ, посвященномъ картинѣ, золотистая масса волосъ, окружающая теплымъ блескомъ удлиненный овалъ лица,—и среди этого лица, воплощающаго каждую жизнь, экстазъ страсти, въ которомъ сливаются высшая радость и глубочайшая скорбь, потухшіе безстрастные глаза, глядящіе въ вѣчность,—*„absolute eyes“*, какъ характеризуетъ ихъ непереводаемымъ выраженіемъ Розетти. Контрасты, на которыхъ основана красота „Астарты“, получаютъ еще болѣе глубокой смыслъ, благодаря религиозно-мистическому настроенію, въ которомъ картина написана.

Много другихъ картинъ, повторяющихъ одинъ и тотъ же мотивъ одухотворенной женской красоты, дополняютъ созданную Розетти галерею фигуръ, своеобразно прекрасныхъ, живущихъ мистической жизнью надеждъ и предчувствій. „*La Donna della Fenestra*“ воплощаетъ высшее милосердіе въ образѣ женщины, которая, увидя черезъ окно скорбнаго Данте, прониклась жалостью, покорившей его душу; „*La Ghirlandata*“ изображаетъ юность, красоту и достойное небесной аудиторіи совершенство въ искусствѣ—и надъ всѣмъ этимъ грозный призракъ смерти. *Venus Verticordia*, *Monna Vanna*, *La Bella Mano*, *Blessed Damozel* (портретъ „блаженной дѣвы“, описанной въ юношеской поэмѣ Розетти), *Veronica Veronese* и многіе другіе показываютъ, до чего художникъ былъ проникнутъ своимъ поклоненіемъ красотѣ, символизирующей для него душу природы, и съ какой тонкостью настроеній онъ отразилъ созданный имъ идеалъ красоты.

Отдѣльно отъ портретной живописи, въ которой глубже всего сказался мистицизмъ Розетти и его художественный талантъ, стоитъ его „*Dante's Dream*“ (Сонъ Данте), единственная большая и вполне законченная композиція художника. Она служитъ иллюстраціей къ XXIII канцонѣ Дантовской „*Vita Nuova*“ и изображаетъ тотъ моментъ, когда ангелъ любви сообщилъ Данте о смерти его возлюбленной и повелъ его къ Беатриче, посмотреть въ послѣдній разъ на умершую. Картина изображаетъ ком-

нату, чрезъ открытыя окна и двери которой видно ясное небо Флоренціи и пышный расцвѣтъ ликующей природы. На узкомъ ложѣ по срединѣ комнаты лежитъ Беатриче съ закрытыми глазами и сложенными на груди руками; двѣ женщины медленно опускаютъ на нее похоронное покрывало. Вошедшій Данте остановился на порогѣ, а ангелъ любви въ лазурномъ одѣяніи склонился надъ Беатриче, чтобы дать ей прощальный поцѣлуй. Смерть полновластно царитъ въ комнатѣ, усыпанной цвѣтами мака и бѣлыми розами; тихая, безутѣшная скорбь сквозитъ въ чертахъ Данте, въ его взглядѣ, устремленномъ на возлюбленную, къ которой онъ не осмѣливается приблизиться, въ грустныхъ лицахъ двухъ подругъ, свершающихъ печальный обрядъ, въ горестномъ поцѣлѣу ангела любви. Только на лицѣ умершей Беатриче отражается безмятежно покоящаяся душа. Глубокое выраженіе внутренняго счастья на лицѣ Беатриче дѣлаетъ смерть похожей на благословенный сонъ, преисполненный свѣтлыхъ, прекрасныхъ видѣній. Неземная красота отдѣляетъ ее отъ чувствующихъ земную скорбь людей вокругъ нея, и въ закрытыхъ глазахъ читается то настроеніе, которое Данте выразилъ двумя стихами своей канцоны:

Ed avea seco umiltà si vegase,
Che pareo che dicesse: io sono in pace.

(И въ лицѣ ея было столько искренняго умиленія, что, казалось, она говорила: „я обрѣла покой“.)

Мы видимъ, что въ произведеніяхъ зрѣлой поры своего творчества Розетти далеко ушелъ отъ робкихъ начинаній прерафаэлитскаго союза, отъ котораго онъ унаслѣдовалъ завѣтъ искренности и слѣдованія природѣ въ воспроизведеніи прекраснаго. Онъ воплотилъ главнымъ образомъ одинъ элементъ прерафаэлитизма—его мистически религіозную окраску, отражая ее однако не въ толкованіи библейскихъ и евангельскихъ сюжетовъ, какъ въ „*Assumption*“, а въ новомъ типѣ красоты, соответствующемъ настроеніямъ его души. Настроенія эти создала въ немъ современная жизнь, а не стремленіе подражать Боттичелли и другимъ флорентійскимъ художникамъ ранней поры итальянской живописи;—никто изъ наивныхъ средневѣковыхъ художниковъ не доходилъ до этого ярко намѣченнаго у Розетти отверженія аскетизма и пониманія грѣха и чистоты, какъ двухъ сторонъ одного и того же идеала. Современная англійская жизнь дала Розетти и символы его мистическихъ настроеній; воплощенный имъ типъ женской красоты не возникъ въ его воображеніи, и большинство его картинъ—прямые портреты, которые онъ одухотворилъ идейнымъ

содержаніемъ. Такъ, оригиналомъ многихъ картинъ была жена другого поэта прерафаэлита и близкаго друга Розетти, Вилліама Морриса. Наиболѣе же мистическіе и глубоко задуманные образы, какъ „Beata Beatrix“, Беатриче въ „Dante's Dream“ были написаны съ жены Розетти, урожденной миссъ Сидаль. Печальная исторія его кратковременной женитьбы оказала глубокое вліяніе на творчество Розетти, сообщивъ ему тотъ характеръ скорби, примиренной мистическимъ созерцаніемъ вѣчности, которая служить отличительной чертой его произведеній.

Миссъ Сидаль, впервые встрѣченная Розетти за десять лѣтъ до свадьбы, казалась ему воплощеніемъ той идеальной красоты, которая грезилась ему въ его творческомъ воображеніи. Сохранившіеся портреты ея, кромѣ воспроизведенія ея чертъ на картинахъ Розетти, свидѣлствуютъ въ самомъ дѣлѣ о необычайной красотѣ совершенно особеннаго, истинно прерафаэлитскаго, одухотвореннаго, мистическаго типа. Она была скромной работницей въ модномъ магазинѣ; когда Розетти познакомился съ ней и полюбилъ ее. Но, войдя въ артистическій кружокъ Розетти, его семьи и его друзей, она сама обнаружила большія наклонности къ живописи и къ поэзій, много работала на этомъ поприщѣ и была для Розетти вдохновляющей его музой въ истинномъ смыслѣ слова. Какъ истый англичанинъ, онъ не рѣшался однако жениться на любимой дѣвушкѣ, не ставъ на ноги въ матеріальномъ отношеніи. Несмотря на усиленную работу, на множество написанныхъ имъ картинъ (оплачиваемыхъ теперь тысячами ф. ст.), иллюстрацій книгъ и т. д., Розетти долго еще приходилось бороться съ нуждой; къ тому же здоровье миссъ Сидаль было очень слабое; у нея рано обнаружили признаки неизлечимой нервной болѣзни, и уже съ первыхъ лѣтъ послѣ ихъ помолвки Розетти часто говорить о грозномъ призракѣ смерти, ставшемъ на его пути къ счастью. Только въ 1860 г., послѣ десяти лѣтъ знакомства и глубокой обоюдной привязанности, состоялась ихъ свадьба, и черезъ годъ — похороны молодой женщины. Ударъ этотъ былъ роковымъ для Розетти, пошатнулъ навсегда его здоровье и превратилъ его изъ ровнаго въ обращеніи, мягкаго и веселаго человѣка въ раздражительнаго неврастеника, который долженъ былъ постоянно прибѣгать къ хлоралу въ борьбѣ съ бессонницей; злоупотребленіе хлораломъ и свело его въ могилу въ 1882 г., послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ужасныхъ страданій. Первое же отчаяніе Розетти послѣ смерти жены выразилось въ поступкѣ, не имѣющемъ равнаго себѣ въ исторіи литературы: онъ похоронилъ въ ея гробу только-что собранный и приготовленный къ

печати первый сборникъ стихотвореній, нигдѣ до того не появлявшихся въ печати,—въ немъ заключались многія изъ его лучшихъ поэмъ и сонетовъ. Онъ придавалъ своей поэзіи такое же значеніе, какъ и живописи, но считалъ свои стихи духовной собственностью вдохновлявшей его музы, и не хотѣлъ, чтобы они пережили ее. Цѣлыя десять лѣтъ послѣ смерти м-съ Розетти овдовѣвшій поэтъ не писалъ ни одного стиха, и, преслѣдуемый постоянными воспоминаніями объ умершей, написалъ только по памяти ея вѣрный портретъ въ „Beata Beatrix“. Въ 1870 г., когда его нравственное состояніе временно окрѣпло, друзья Розетти убѣдили его своими настойчивыми просьбами дать согласіе на то, чтобы похоронный сборникъ былъ открытъ, что и было исполнено въ присутствіи должностныхъ лицъ, составившихъ протоколъ небывалаго событія. Много трудовъ потрачено было на реставрацію рукописи, возстановленной почти совершенно, и только въ концѣ 1870 г. появился въ печати первый томикъ стихотвореній Розетти, подъ заглавіемъ „Poems by D. G. Rosetti“, посвященный брату поэта, критику В.-М. Розетти. Слѣдующій сборникъ „Ballads and Sonnets“ появился за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэта въ концѣ 1882 г., и Розетти не дожилъ до восторженныхъ отзывовъ критики, поставившей имя его на ряду съ лучшими поэтами вѣка. Онъ успѣлъ испытать въ послѣдній годъ жизни только ядъ пристрастной, узкой критики, пагубно отозвавшейся на его потрясенномъ организмѣ. Надѣлавшій въ свое время много шума инцидентъ Бѣкенена (Bischanan) и Розетти—одно изъ многочисленныхъ въ литературномъ мірѣ проявленій слѣпой партійности: Бѣкененъ помѣстилъ въ „New Review“ (подъ псевдонимомъ) статью противъ Розетти: „The fleshly school of poetry“, вышедшую затѣмъ отдѣльнымъ памфлетомъ уже съ именемъ автора. Въ ней онъ обличалъ Розетти въ развращенности воображенія, безнравственности, и заклеилъ его какъ язву общества;—всѣ доказательства основаны были на разборѣ двухъ сонетовъ. Это обвиненіе оскорбило Розетти въ его самыхъ святыхъ чувствахъ, какъ грубое непониманіе его идеализма и намѣренное топтаніе въ грязь самыхъ чистыхъ побужденій. Онъ отвѣтилъ Бѣкенену статью: „The stealthy school of criticism“, но отвѣтилъ какъ идеалистъ, чуждый наступательныхъ приемовъ газетной полемики.

Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Розетти, Бѣкененъ самъ попялъ свою несправедливость и на страницахъ той же „New Review“ взялъ обратно свои обвиненія, признавая за Розетти не только первоклассный поэтический талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высокую нравственную и душевную чистоту. Онъ публично

рассказалъ въ томъ, что омрачилъ послѣдній годъ жизни поэта; а что въ самомъ дѣлѣ выхода неосмотрительнаго критика принесла много страданій Розетти и ускорила ходъ его болѣзни—свидѣтельствуютъ ближайшіе друзья его и въ особенности неотлучно находившійся при немъ братъ.

Въ числѣ поэтическихъ произведеній Розетти самое выдающееся значеніе имѣютъ его 101 сонетъ, соединенные подъ общимъ заглавіемъ: „The House of Live“; названіе „дома жизни“ поэтъ употребляетъ какъ своего рода знакъ зодіака. Двѣ части, на которыя сонеты подраздѣлены, носятъ заглавіе: первая—„Love and Change“, а вторая—„Change and Fate“, чѣмъ авторъ хочетъ сказать, что „любовь, измѣнчивость и судьба“ составляютъ въ своемъ соединеніи созвѣздія жизни, или „домъ жизни“, какъ онъ это называетъ.

Мы говорили, рассматривая живопись Розетти, что въ ней сливаются вѣчные идеалы съ современными настроеніями, создавая новый типъ мистической, тревожной красоты. То же самое можно сказать и про сонеты Розетти, полные контрастовъ, страстныхъ порывовъ и тоски, и останавливающіеся преимущественно на отраженныхъ ощущеніяхъ, воспоминаніяхъ и предчувствіяхъ, болѣ поэтическихъ и болѣ чуждыхъ суety будничной жизни, чѣмъ рѣзкій драматизмъ чувствъ, не отошедшихъ еще въ прошлое.

Основная тема сонетовъ Розетти—любовь. Онъ самъ жилъ почти исключительно въ мірѣ чувствъ и художественныхъ ощущеній, и центромъ жизни, символомъ божественнаго начала міра, для него была любовь, душа природы. Къ ней, т.-е. въ культу красоты, онъ сводилъ душевный міръ человѣка, и всѣ ея проявленія, какъ въ земныхъ привязанностяхъ, такъ и въ неясныхъ исканіяхъ высшей, неземной красоты, были для него одинаково священны. Это пониманіе любви, легшее въ основаніе всей серіи сонетовъ, особенно ярко отразилось въ двухъ сонетахъ: „Love enthroned“ (I) и „Heart's Hope“ (V). Изъ нихъ мы приводимъ въ русскомъ переводѣ (Н. Минскаго) первый, въ которомъ отразилось доходящее до религіознаго культа пониманіе любви у Розетти. „Престолъ любви“ кажется ему стоящимъ на недостижимой высотѣ, далеко отъ самыхъ благородныхъ побужденій души, надежды, истины, славы, юности, хотя всѣ они и составляютъ часть любви и ею только прекрасны:

Есть много родственныхъ богинь, равно прекрасныхъ:
Нѣмая истина, съ испугомъ на устахъ;
Надежда, чтó съ небесъ не сводитъ взоровъ ясныхъ,
И слава, чтó съ вѣковъ забвенья гонитъ прахъ

И взмахомъ крылъ огонь подъ пепломъ раздуваетъ;
 И юность, съ золотомъ кудрей, съ румянцемъ щекъ,
 Чей нѣжный жаръ слѣды недавнихъ ласкъ скрываетъ;
 И жизнь, что рветъ цвѣты, чтобъ смерти сплестъ вѣнонь.
 Любовь не среди нихъ. Ея престолъ далеко
 Отъ бурь измѣчивыхъ земныхъ разлукъ и встрѣчъ.
 Ея обители ничье не видитъ око,
 Хоть истина ее пытается предрѣчь,
 Надежда видитъ въ снахъ, и слава охраняетъ,
 Хоть юность ей сладка, и жизнь лишь ей плѣняетъ.

Въ „Heart's Nore“ (Упованіе сердца) поэтъ стремится постигнуть тайну любви и говорить, что „не отдѣляетъ духовной красоты своей возлюбленной отъ внѣшней красоты ея тѣла, не отдѣляетъ ее отъ себя, и ихъ любви отъ Бога“. Въ этихъ словахъ (напоминающихъ завѣтъ души художнику въ юношескомъ разсказѣ Розетти „Hand and Soul“) — ключъ къ объясненію чередующихся мотивовъ сонетовъ, перехода отъ экзальтированной страстности, которая чувствуется подъ отвлеченными поэтическими описаніями первой части, къ болѣе туманному и сложному мистицизму второй.

Значительное большинство сонетовъ первой части написаны на тему торжествующей любви и представляютъ безконечный гимнъ красотѣ и свѣтлымъ днямъ счастливой молодой любви. Но за образнымъ описаніемъ восторженныхъ встрѣчъ, согласнаго ликованія весны въ природѣ и весны въ любящихъ сердцахъ, любви, замѣнившей нѣмое преклоненіе передъ внушающей трепетъ красотой, и внѣшней красоты, будящей безпредѣльный восторгъ, — за всей этой страстностью блескомъ красокъ и восторженностью тона кроется другое, болѣе глубокое настроеніе. Въ красотѣ возлюбленной онъ видитъ отраженіе „тихаго умиленія довѣрчиваго сердца“ (The confident heart's still fervour), въ ея озаренномъ любовью лицѣ его болѣе всего влечетъ загадочное выраженіе глазъ: — „покрытые тѣнью глаза и вспоминаютъ, и глядятъ въ будущее“ (The shadowed eyes remember and foresee), — онъ видитъ въ ней олицетвореніе высшаго смысла бытія, видимую душу всего, что жизнь даетъ и пожинаетъ (The meaning of all things that are... The evident heart of all life sown and mown); ея поцѣлуй кажется ему залогомъ безсмертія (seals with thy mouth his immortality), и, описывая сіяніе ея торжествующей красоты, онъ прибавляетъ, что есть въ ней еще нѣчто болѣе высокое и сокровенное, залогомъ чему служить ея имя (Breathe low her name, my soul, for that means more).

Эта мистическая основа чувственного пониманія красоты и составляет особенность поэзии Розетти. Въ ней не чувствуется отрицанія простых, земныхъ чувствъ, какъ въ аскетическомъ идеализмѣ среднихъ вѣковъ, а лишь стремленіе открыть ихъ высшій смыслъ. Еще болѣе это душевное общеніе съ вѣчностью въ видѣ смутныхъ мистическихъ настроеній чувствуется въ сонетахъ, носящихъ мрачную окраску душевныхъ страданій. Торжество любви непродолжительно: смѣна, смерть—спутники ея въ совѣдѣніи жизни. „Призывъ cadaго часа заключаетъ въ себѣ перемѣну“, говоритъ Розетти въ сонетѣ „Гордость юности“ (The Pride of Youth), и „последній подсыѣжникъ появляется на волѣ въ тотъ же день, когда расцвѣтаетъ первый цвѣтокъ мака“ (There is a change in every hours recall—And the last crowslip in the fields we see—On the same day with the first corn poppy). Сонеты, посвященные разлуцѣ и смерти, кромѣ болѣе интенсивнаго мистицизма, носятъ особый характеръ, просвѣтленный какою-то высшимъ пониманіемъ грусти. Скорбь въ настоящемъ является поэтическимъ отраженіемъ былаго счастья и, выраженная въ воспоминаніяхъ и надеждахъ на конечное творчество чистаго чувства въ мірѣ вѣчнаго божества, проникнута спокойнымъ созерцательнымъ настроеніемъ. Особенно красиво это странное сочетаніе искренней печали и свѣтлаго фона отраженнаго счастья въ четырехъ сонетахъ, озаглавленныхъ „Willowwood“ (Ивовая роща). Поэтъ сидитъ надъ озеромъ, думая объ умершей возлюбленной; онъ не рѣшается взглянуть на ангела любви, сидящаго рядомъ съ нимъ, и встрѣчаетъ его тихій взоръ только въ отраженіи волны,—тогда глаза ангела и ровный плескъ воды кажутся ему глазами и голосомъ возлюбленной; онъ вновь соединяетъ съ ней силой ихъ взаимной, не нарушенной смертью любви, онъ счастливъ, глядя на ея мнимое отраженіе въ озерѣ. Ангелъ же въ это время поетъ грустную пѣсню о долгой, печальной разлуцѣ, о смерти и отдаленной надеждѣ на царство вѣчнаго свѣта. Когда пѣснь кончена, поэтъ нагибается къ водѣ и, жадно прильнувъ къ отраженію лица возлюбленной, пьетъ „ея дыханіе, ея слезы, всю ея душу.“ Съ участіемъ и благословеніемъ во взорѣ ангелъ любви склоняется низко надъ водой и осѣняетъ своимъ ореоломъ соединенныхъ на мгновение любящихъ.

Среди воспоминаній, тѣснящихся въ душѣ поэта, самыми грустными являются признаки несбывшихся надеждъ, потерянныхъ дней, не исполненныхъ завѣтовъ. Въ „Know'n in Vain“ (Напрасное просвѣтленіе) поэтъ оплакиваетъ слишкомъ позднее пробужденіе воли и силы; въ „Lost Days“ (Потерянные дни)—безцѣльно

проведенные дни жизни выступают обвинителями передъ престоломъ Бога; въ „Vain Virtues“ (Напрасныя добродѣтели) поэтъ видитъ въ конечномъ осужденіи грѣха печальные призраки добродѣтелей, предшествовавшихъ грѣху въ жизни человѣка и прикованныхъ къ его судьбѣ тѣмъ, что онѣ не были освящены своевременно смертью. Эти и нѣкоторые другіе сонеты показываютъ, какъ высоко настроена была душа поэта, живущаго интенсивной жизнью среди образовъ и ощущеній заоблачнаго міра.

Сонеты Розетти интересны главнымъ образомъ своимъ общимъ высокимъ настроеніемъ, въ которомъ вѣчные мотивы сочетаются съ совершенно новымъ, своеобразно меланхолическимъ идеализмомъ. Самое исполненіе—довольно неровное. Среди 101 сонета Розетти находятся перлы поэзіи, какъ, напр., „Love Letter“, „Portrait“, „Astarte Syriaca“, „Love Enthroned“, въ которыхъ каждый стихъ даетъ вѣрное художественное отраженіе интимнаго ощущенія, и красота красокъ и образовъ, музыка стиха и высота настроенія сливаются въ совершенно идеальную красоту. Кромѣ того, во всѣхъ сонетахъ Розетти видна изумительная пластичность, умѣніе передать однимъ образомъ въ два-три слова, иногда даже однимъ эпитетомъ глубокую мысль, точное, какъ математическая формула, и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтически прекрасное опредѣленіе. Такъ, напр., онъ называетъ сонетъ „памятникомъ момента, мавзолеемъ, воздвигнутымъ вѣчной сущностью души одному умершему, но бессмертному часу“ (A sonnet is a moment's monument — Memorial from the Soul's eternity — To one dead deathless hour); въ другомъ сонетѣ онъ обращается къ возлюбленной съ восклицаніемъ: „O, soul-sequestered face!“ т.-е. лицо, отчужденное отъ другихъ людей отраженіемъ на своихъ чертахъ таинственной души.

Но, на ряду со многими поэтическими чертами, въ сонетахъ Розетти нѣрѣдко чувствуется реторика, натянутость и отвлеченность образовъ и выраженій. Слишкомъ высокъ тотъ таинственный міръ, въ которомъ живетъ его душа, чтобы слова могли всегда передавать настроеніе, не впадая въ нѣкоторую туманность и реторичность. Нѣкоторые сонеты, какъ „Inclusiveness“, „Monochord“ и др., непонятны запутанностью сплетающихся настроеній и нагроможденіемъ образовъ одинъ на другой; въ другихъ сами образы непозитивны по своей отвлеченности; но всѣ эти недостатки неизбежны въ поэзіи, занятой созерцаніемъ идеальнаго міра, и ихъ нетрудно найти въ самыхъ гениальныхъ произведеніяхъ всемірной поэзіи, въ „Vita Nuova“ Данте, въ сонетахъ Петрарки, поэмахъ Шелли и т. д.

Кромѣ сонетовъ, поэтическій талантъ Розетти сказался очень ярко въ его балладахъ и другихъ поѣмахъ, написанныхъ въ большинствѣ случаевъ на тѣмъ вѣчной трилогіи: любви, жизни и смерти. Лучшія изъ балладъ— „Sister Helen“ и „Troу Town.“ Въ первой удивительно удачно примѣненъ обычный приѣмъ Розетти передавать событія и ощущенія не въ непосредственномъ дѣйствіи, а отраженными въ какомъ-нибудь иномъ настроеніи, представляющемъ полный контрастъ съ основной тѣмой. Такъ, преданіе о мести дѣвушки, покинутой своимъ женихомъ, которая жгетъ его восковое изображение на медленномъ огнѣ и губитъ этимъ его душу, рассказывается устами наивнаго ребенка. Онъ допытывается у „сестры Елены“, зачѣмъ она плавить воскъ; онъ видитъ приближающагося отца жертвы сестры, передаетъ его мольбы, ея безжалостные отвѣты, видитъ, наконецъ, самого вѣроломнаго жениха и свершающуюся трагедію возмездія. И вся эта мрачная драма оскорбленныхъ чувствъ, жестокихъ страстей пріобрѣтаетъ еще болѣе глубокой трагизмъ, проходя черезъ невинную душу ребенка, чуждаго недоброе, но не понимающаго его причинъ. Въ „Troу Town“ поэтическое впечатлѣніе производится контрастомъ между живой страстью Елены, взывающей къ богамъ о любви, и грознымъ призракомъ конечной гибели Трои, какъ результатомъ исполненія ея мольбы.

Многія поѣмы Розетти носятъ сильный отпечатокъ „медивіализма“, какъ, напр., „Rose May“, одна изъ его самыхъ прекрасныхъ по исполненію вещей, гдѣ трагизмъ событій и вѣжностъ обрисованныхъ чувствъ и фигуръ проникнута глубокой поэзіей. Той же своеобразной, грустной и мистической поэзіей вѣетъ отъ его меланхолическихъ любовныхъ поѣмъ: „Stratton Matter“, „Love's Nocturn“, „Scrip and Staff“ и мн. др. Въ нихъ замѣчается вѣкоторая искусственность приѣмовъ, частое употребленіе аллитераціи, refrain'a, намѣчающаго основной мотивъ поѣмы (какъ, напр., въ „Eden-Bower“, „Troу-Town“ и др.), стремленіе къ музыкальнымъ сочетаніямъ слоговъ и т. д.; но эти внѣшніе эффекты, вѣсколько расхолаживающіе читателя, не оказываютъ вліянія на внутреннюю поэзію и чистоту настроеній Розетти. Въ каждомъ стихѣ его, въ каждомъ образѣ, въ чуткости къ самымъ тонкимъ движеніямъ души, проявляется истинный, большой поэтъ. Увлеченіе средневѣковой поэзіей оставило слѣды въ его творчествѣ, породивъ въ немъ пристрастіе къ изысканнымъ приѣмамъ, къ манерности, но недостатки эти проявляются рѣдко и не портятъ общаго впечатлѣнія идеализма, красоты и поэзіи, которыми проникнуто все написанное имъ.

Вліяніе Розетти на современниковъ сказалось главнымъ образомъ въ области живописи, въ которой его прямымъ ученикомъ и достойнымъ преемникомъ является живущій понынѣ Эдуардъ Берне-Джонсъ (E. Burne-Jones). Розетти заимствовалъ изъ префаэлитизма и далъ широкое развитіе одному изъ его главныхъ элементовъ—мистицизму. Положивъ его въ основаніе созданнаго имъ типа красоты, Розетти передалъ своему ученику не столько этотъ мистицизмъ, сколько культъ красоты, отраженной въ вдумчивомъ, поэтическомъ настроеніи. Картины Берне-Джонса не такъ глубоки, какъ женскія лица у Розетти; въ нихъ нѣтъ пылкихъ исканій высшей истины, но въ нихъ больше непосредственной живой красоты и прекраснаго вымысла; а по колориту, общей манерѣ и самому типу красоты онъ близко напоминаетъ своего учителя. Длинные женскія фигуры на картинахъ Берне-Джонса, драпированныя въ артистическія складки фантастическихъ одѣяній, гибкія, удлиненыя шея, нѣжныя блѣдныя лица въ ореолѣ золотистыхъ волосъ, — на всемъ этомъ отразились идеалы Розетти, только сказавшіеся въ живописцѣ не мистическаго, а романтическаго склада души. Одной изъ лучшихъ картинъ Берне-Джонса считается его „Angels of creation“ (Ангелы творенія), символизирующіе шесть дней творенія міра отдѣльными группами созидающихъ ангеловъ. Символизмъ картины не глубокъ, но неотразимо поэтична красота интенсивнаго колорита, гармоніи различныхъ настроеній творческаго экстаза съ красками и освѣщеніемъ соответствующихъ фигуръ, — цѣлая гамма растушаго восторга созидающей силы отъ смутнаго, съ тревогой и ожиданіемъ глядящаго въ будущее перваго дня (шестокрылаго серафима, держащаго изображеніе земнаго шара, на которомъ отдѣленъ свѣтъ отъ тьмы), до свѣтлаго ликованія седьмого, отдыхающаго среди розъ и гѣснопѣнія. Изъ другихъ картинъ Берне-Джонса замѣчательны его иллюстраціи сказочныхъ сюжетовъ: „Sleeping Beauty“ (Спящая красавица), „Vivian and Merlin“, и др. картины, не имѣющія ничего другаго въ виду, какъ воспроизведеніе красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ. Такова знаменитая „Золотая лѣстница“ (Golden Stairs) Берне-Джонса, гдѣ бесконечно длинная вереница прекрасныхъ дѣвушекъ въ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ спускается (вѣроятно, гдѣ-то въ раю) по золотой лѣстницѣ. Внутренняго значенія картина не имѣетъ, но внутренняя красота въ ней есть. Въ этомъ сущность живописи Берне-Джонса: онъ влюбленъ въ красоту, видитъ золотые сны, не чуждъ грустныхъ настроеній, — и все это воплощаетъ въ поэтическихъ

картинахъ, подсматрѣвъ секретъ красоты въ творествѣ своего учителя.

На ряду съ близкими Розетти по эстетическимъ идеаламъ живописцами слѣдуетъ упомянуть, кромѣ названныхъ выше прерафаэлитъ-живописцевъ: Гольмана, Гента и Д.-Е. Миллэ, еще Форда-Мэдокса Броуна, перваго учителя Розетти, многимъ пережившаго его, — онъ умеръ только лѣтомъ 1893 г. Мэдоксъ Броунъ не входилъ въ прерафаэлитское братство, хотя и сочувствовалъ ему; занимаясь преимущественно историческимъ жанромъ, онъ не остался чуждъ влиянію прерафаэлитизма и въ особенности своего же ученика и близкаго друга, Розетти.

Изъ новѣйшихъ послѣдователей Розетти назовемъ Шилдса, пытающагося ввести мистицизмъ Розетти въ свои портреты и картины религіознаго содержанія, и многочисленную школу подражателей Верне-Джонса. Но все это слабые эпигоны большого мастера, слѣдовавшаго „свое“ въ искусствѣ тѣмъ, что онъ поднялъ идеаль красоты и уровень эстетическаго развитія на своей родинѣ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что создалъ безсмертные образцы искусства.

III.

Вильямъ Моррисъ и Алжернонъ Свинборнъ.

Кромѣ Розетти, съ прерафаэлитизмомъ связаны имена двухъ другихъ, не закончившихъ еще своей дѣятельности врупныхъ поэтовъ современной Англии, Вильяма Морриса и Алжернона Свинборна. В. Моррисъ, родившійся въ 1834 г. и бывшій лишь на нѣсколько лѣтъ моложе Розетти, фактически близко стоялъ къ развитію прерафаэлитскаго ученія и игралъ въ немъ значительную роль. Онъ не вошелъ въ составъ братства, но принималъ участіе въ „Germ“ и былъ главнымъ руководителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ издателемъ „Oxford and Cambridge Magazine“. Не будучи живописцемъ, т.-е. не написавши въ своей жизни ни одной картины масляными красками, Моррисъ — артистъ до глубины души и выказалъ это на очень разнообразныхъ поприщахъ. Еще будучи студентомъ богословскаго факультета въ Оксфордѣ, онъ интересовался исторіей церкви главнымъ образомъ насколько она служила основаніемъ для развитія искусства. Онъ сошелся въ университетѣ съ другимъ студентомъ богословія, Берне-Джонсомъ, и они вмѣстѣ увлекались средневѣковой готикой и изученіемъ образцовъ живописи по стеклу въ старинныхъ церквахъ. Кончилось это

тѣмъ, что Берне-Джонсъ бросилъ всякую мысль о пасторской карьерѣ, сдѣлался ученикомъ Розетти и обнаружилъ большой талантъ и оригинальность въ живописи. Моррисъ, въ свою очередь, тоже измѣнилъ богословію ради искусства, но обнаружилъ при этомъ своеобразно практическую жилку. Онъ не признавалъ (и до сихъ поръ не отказался отъ этого взгляда) значенія картинъ, какъ чего-то обособленнаго въ области прекраснаго. Цѣлью искусства онъ считалъ украшеніе жизни, замѣну не-эстетической обстановки, среди которой живетъ человѣчество, красотой во всемъ, что насъ окружаетъ. Онъ увлекался средними вѣками, жизнью ремесленныхъ цеховъ въ Европѣ того времени, ихъ сплоченностью и любовью къ искусству, которая побуждала ихъ стремиться къ совершенству въ изготовленіи всѣхъ предметовъ домашняго быта. Искусство среднихъ вѣковъ носило прикладной характеръ; фрески, статуи и картины писались для украшенія церквей и общественныхъ зданій; художники не считали униженнымъ для себя заниматься даже мелкой ювелирной работой, рѣзбой изъ дерева и металловъ; мебель и ткани изготовлялись цехами, носившими тотъ же артистическій характеръ, какъ живописцы и ваятели. Этотъ прикладной характеръ искусства и привлекалъ Морриса къ среднимъ вѣкамъ; онъ съ юности мечталъ о восстановленіи власти прекраснаго въ современной жизни, и основаніе прерафаэлитскаго братства придало осязательную форму его мечтамъ. Среди первыхъ прерафаэлитовъ онъ нашелъ такихъ же служителей идеи красоты, какъ онъ самъ, только ушедшихъ далеко отъ жизни въ своихъ идеалистическихъ и мистическихъ грѣзахъ. Онъ примкнулъ къ нимъ и задался цѣлью примѣнить къ потребностямъ современной жизни отвлеченные идеалы прерафаэлитовъ. Среди идеалистовъ, чуждыхъ интересовъ дня, оказался въ его лицѣ практический дѣятель, соединившій тонкій художественный вкусъ съ трезвымъ умомъ и агитаторской жилкой. Благодаря этому, движеніе, начавшееся въ таинственныхъ сферахъ символической красоты, кончилось такъ называемымъ „эстетическимъ возрожденіемъ“, которое выразилось въ попыткахъ осуществленія въ англійскомъ быту требованій художественнаго вкуса, преобладаніемъ гармоничныхъ сочетаній цвѣтовъ въ устройствѣ домовъ и въ женской одеждѣ, въ высокомъ развитіи декоративнаго искусства за послѣднюю четверть вѣка и въ возрожденіи интереса къ вопросамъ чистой эстетики. Это явленіе крайне характерно для Англій съ ея удивительнымъ сочетаніемъ идеализма и большой практичности; всякое идейное движеніе находитъ непосредственное отраженіе въ

жизни и тѣмъ или другимъ образомъ отзывается на ходъ національнаго развитія.

Практическая пропаганда эстетики Моррисомъ началась основаніемъ „общества охраненія памятниковъ старины“; это общество вступило въ упорную борьбу съ вандализмомъ городскихъ совѣтовъ, безжалостно срывавшихъ старинныя зданія, чтобы замѣнять ихъ гигиеническими скверами. Затѣмъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, уже достигнувъ громкой извѣстности какъ поэтъ, Моррисъ обратилъ на себя вниманіе новымъ, еще болѣе практическимъ предпріятіемъ: онъ вступилъ компаньономъ въ торговую фирму „Моррисъ, Фовнеръ, Маршалъ и комп.“, основавшую фабрику художественныхъ издѣлій домашняго обихода. Вскорѣ Моррисъ сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ фабрики, и до сихъ поръ обои, ковры, мебель, крашенныя стекла и другія произведенія фабрики „поэта-обойщика“, какъ его называютъ въ шутку, составляютъ необходимую принадлежность хорошо устроеннаго (и, прибавимъ, богатаго) англійскаго дома. Цѣль предпріятія Морриса—реформа художественнаго вкуса современной Англій и замѣна уродливыхъ предметовъ промышленнаго производства удовлетворяющими художественному вкусу принадлежностями домашней обстановки. Обладая большимъ эстетическимъ пониманіемъ и громадною эрудиціей въ области искусства, особенно средневѣковаго, Моррисъ изготавляетъ самъ большинство рисунковъ для тканей, рѣзьбы, мозаики, майолики и т. д., выдѣлываемыхъ на его фабрикѣ. Въ этихъ рисункахъ преобладаютъ средневѣковыя темы орнаментовъ, но совершенство современной техники придаетъ имъ новую красоту. Съ той же цѣлью поднятія декоративнаго искусства въ Англій Моррисъ основалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ „The Arts and crafts society“ (общество поощренія искусства и ремесла), члены котораго—артисты и мастера своего дѣла—довели до высшаго совершенства книгопечатное и переплетное дѣло, иллюстрированіе книгъ и т. д.

Въ связи съ дѣятельностью Морриса на почвѣ практической эстетики находится социально-политическая пропаганда, которую онъ ведетъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Моррисъ называетъ себя социалистомъ и состоитъ президентомъ „соціалистической лиги“. Но социализмъ этотъ совершенно особаго рода, и источникъ его кроется отчасти въ прерафаэлитизмъ. Моррисъ—сторонникъ чистаго и свободнаго искусства, и считаетъ необходимымъ условіемъ для его развитія свободный трудъ въ противоположность насильственному, безрадостному батрачеству теперешняго работника. Принципомъ производства рукъ человѣческихъ должно быть, по убѣжденію

Морриса, стремленіе къ прекрасному, какъ это было въ золотую пору средневѣкового искусства, когда люди работали только надъ тѣмъ, къ чему чувствовали призваніе. Условія жизни, не требующія поработанія духа и тѣла однихъ, ради празднаго существованія и бессмысленной роскоши другихъ, необходимы для правильнаго хода эстетическаго развитія націи, для того, чтобы красота сдѣлалась лозунгомъ жизни. Стремленіе же осуществить подобныя условія на землѣ, освободить трудъ отъ гнета унижающаго его капитализма, кажется ему ближайшей цѣлью современнаго человѣчества вообще, а въ частности людей, которымъ дороги идеалы искусства.

Разсуждая такимъ образомъ, идеалистъ-художникъ, воспитанный на культѣ красоты въ кругу прерафаэлитовъ, превратился, благодаря практическому складу чисто англійскаго ума, въ вождя рабочей партіи, дѣятельнаго редактора социалистической газеты „Commonwealth“; онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярныхъ народныхъ ораторовъ на митингахъ и авторомъ столь же популярныхъ памфлетовъ, брошюръ и лекцій о социализмѣ въ связи съ эстетическимъ возрожденіемъ Англій („Labour and Pleasure versus Labour and Sorrow“; „Hopes and Fears for Art“; „Art and Socialism“; „The aims of Art“; „Useful work and useless Toil“ и мн. др.).

Но, конечно, правительская дѣятельность Морриса интересна главнымъ образомъ своею чисто эстетической подкладкой. „Поэтъ-обойщикъ“ и „поэтъ-соціалистъ“ — прежде всего поэтъ, поклонникъ чистаго искусства. Съ прерафаэлитизмомъ онъ связанъ своимъ поклоненіемъ среднимъ вѣкамъ, въ которыхъ видитъ идеальное отношеніе къ задачамъ искусства и идеальныя условія для развитія искусства. Подобно тому, какъ Розетти воплотилъ мистицизмъ, лежавшій въ основаніи прерафаэлитскаго ученія, Моррисъ развилъ въ своей поэзіи элементъ медивіализма, такъ своеобразно и сильно сказавшагося въ прерафаэлитизмѣ. Средніе вѣка привлекали Морриса не вдумчивостью и религіозностью, которая вдохновляла Розетти, а широкимъ развитіемъ индивидуализма, свободой личной инициативы, не стѣсненной условностью и тяжестью узъ гражданственности, обременяющихъ жизнь современнаго человѣка; кромѣ того, внѣшняя красота средневѣковой жизни, дѣятельность цеховъ, которые Моррисъ считаетъ идеаломъ рабочихъ союзовъ, любовное отношеніе ремесленниковъ къ своей работѣ и особая бодрость, энергія и юморъ людей, живущихъ среди постоянныхъ опасностей и забывшихъ поэтому страхъ, — вся эта пестрая картина, на фонѣ которой такъ рельефно и художественно выдѣляются заглавные

характеры национальных героев, вдохновляет творчество Морриса и служит темой цѣлаго ряда его эпических поэмъ. Воссозданіе красоты прошлаго и стремленіе къ осуществленію эстетическихъ идеаловъ въ грядущей исторіи человѣчества — таковы двѣ задачи, которыя ставитъ себѣ Моррисъ. Онѣ создали два направленія въ его творествѣ: одно — ретроспективное, сказавшееся въ его поэзіи; другое — утопическое, отразившееся на его послѣднемъ романѣ: „News from Nowhere“, и на всей его агитаторской дѣятельности.

Первый сборникъ стиховъ Морриса вышелъ въ 1858 г. подъ заглавіемъ: „The Defence of Guenevere and other poems“. Въ немъ сразу обратили на себя вниманіе нѣсколько небольшихъ поэмъ („Sir Peter Harpdon's End“, „Shameful Death“ и др.), обнаруживающихъ большое знаніе средневѣковой жизни и умѣнье воспроизводить чувства и настроенія давно минувшей эпохи. Въ слѣдующемъ своемъ эпическомъ произведеніи „Life and Death of Jason“ (поэма въ 17 книгахъ, написанная пяти-стопнымъ ямбомъ), Моррисъ является непосредственнымъ продолжателемъ традицій основателя англійской поэзіи, средневѣкового поэта Чаусера, влияние котораго еще болѣе ярко отразилось на лучшей пьесѣ Морриса, на его „Earthly Paradise“. Подъ этимъ заглавіемъ „Земного Рая“ поэтъ собралъ 24 отдѣльныя поэмы на классическіе и отчасти средневѣковые сюжеты. Онѣ объединены однимъ основнымъ рассказомъ о выходцахъ изъ Нормандіи, которые объѣздили весь свѣтъ въ напрасныхъ поискахъ „земного рая“, о которомъ они прослышали; въ концѣ жизни они попадаютъ въ вакую-то невѣдомую сѣверную страну и остаются тамъ навсегда. Имъ оказываютъ божескія почести и въ честь ихъ устрояются пиршества, на которыхъ они пересказываютъ слышанныя ими въ разныхъ странахъ поэтическія сказанія. Въ передачѣ этихъ сказаній Моррисъ обнаруживаетъ большой талантъ, въ столь трудной для современнаго поэта области эпоса; отдѣльныя поэмы въ „Earthly Paradise“ интересны сочетаніемъ классическихъ мотивовъ съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ, смягченнымъ влияніемъ христіанства. Герои греческой мифологіи являются, благодаря этому двойственному настроенію поэта, болѣе близкими и понятными намъ; они менѣе пластичны, менѣе неприступно и холодно прекрасны, чѣмъ у языческихъ повѣствователей ихъ подвиговъ. Но ихъ душевный міръ полнѣе въ передачѣ Морриса; ихъ чувства болѣе сложны и болѣе отгѣнены, ихъ красота человѣчнѣе и трогательнѣе. Англійскій поэтъ замѣняетъ въ большинствѣ случаевъ описаніе вѣшняго вида героевъ передачей впечатлѣнія,

которое они вызывали у видящихъ ихъ. Такъ, напр., говоря объ Аталантѣ, безжалостной дочери аркадійскаго царя, онъ не описываетъ ея всепобѣдной красоты, а рисуетъ душевное волненіе юноши при взглядѣ на ту, „которая была слишкомъ прекрасна, чтобы не перешедшій за тридцать лѣтъ человекъ могъ взглянуть на нее и продолжать жить счастливо, не имѣя надежды глядѣть на нее иначе, чѣмъ издали, — слишкомъ прекрасна, чтобы оставить людямъ возможность жить безъ войны“. Эта психологическая подкладка мифологическихъ преданій придаетъ особый, не лишенный современности интересъ поэмамъ Морриса о Психеѣ и Купидонѣ, о любви Альцесты, о Пигмалионѣ и др. Но выше ихъ стоятъ цѣльныя по настроенію поэмы, передающія сюжеты германскаго и скандинавскаго эпоса, а въ особенности между ними трагическая, полная угрюмой сѣверной страсти сага, подъ заглавіемъ: „The Lovers of Gudrun“.

Моррисъ — большой знатокъ исландской литературы; онъ сдѣлалъ нѣсколько прозаическихъ переводовъ сѣверныхъ сагъ, издалъ „The Story of Grettir the Strong“ (въ 1869 г.) — сводъ нѣсколькихъ сагъ X-го вѣка, и затѣмъ „The Story of the Volsungs and Niblungs“, гдѣ собраны основныя саги скандинавской мифологіи. Изъ другихъ его работъ въ той же области интересны переводы отдѣльныхъ сагъ „Frithiof the Bold“, „Gunnlang the Worm-tongue“, „Volsunga“ и воспроизведеніе отрывковъ пьесъ свальдовъ, выдержанныхъ въ строгомъ метрѣ исландской поэзіи. Оригинальными поэмами Морриса, внушенными изученіемъ сѣвернаго эпоса, являются „Love is Enough, or the Freeing of Pharamond: a Morality“, и „The Story of Sigurd the Volsung and the Fall of the Niblungs“. Особенно замѣчательна послѣдняя поэма по совершенству, съ которымъ Моррисъ воспроизводитъ духъ исландской поэзіи и ея внѣшнее построеніе, метръ, образы и т. д., и по широтѣ замысла, въ которомъ Сигурдъ является не только воиномъ и представителемъ идеальной любви въ женщинѣ, — онъ совмѣщаетъ въ своемъ характерѣ геройство и трагизмъ и служитъ воплощеніемъ представленій сѣверныхъ народовъ о Спасителѣ міра; въ поэмѣ затрогиваются вопросы высшей нравственности и духовныхъ идеаловъ, и въ освѣщеніи ихъ Моррисъ обнаруживаетъ исполнѣ современный характеръ своего творчества.

Эпическій талантъ „Чаусера XIX-го вѣка“, какъ англійская критика называетъ Морриса, сказался также въ его прозаическихъ произведеніяхъ, представляющихъ художественную обработку національной мифологіи; таковы: „A Tale of the House of the Wolfings and all the Kindreds of the Mark“ (1889) и „The

Root of the mountains"; оба разсказа относятся къ первобытной исторіи готовъ и обнаруживаютъ знаніе эпохи; съ ея нравами, міросозерцаніемъ и языкомъ авторъ сжился какъ съ обружающей его современностью. Къ тому же повѣствовательному роду въ прозѣ относится послѣднее изъ вышедшихъ до сихъ поръ произведеній Морриса, его „News from Nowhere“, утопическій разсказъ о золотой порѣ, которая наступитъ, когда осуществятся идеалы поэта на землѣ и настанетъ царство „свободнаго и радостнаго труда“.

Во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Морриса и его художественныхъ повѣствованіяхъ въ прозѣ видно прежде всего громадное умѣнье разсказывать. Онъ одинъ изъ самыхъ увлекательныхъ поэтическихъ повѣствователей въ литературѣ, благодаря своему искусству сроднить читателя съ эпохой и людьми, дѣйствующими въ разсказѣ. Въ предисловіи къ „Earthly Paradise“ Моррисъ называетъ себя „беззаботнымъ пѣвцомъ досужаго дня“ (an idle singer of an empty day), и это опредѣленіе вполне вѣрно. Его задача—не поучать читателя, не разрѣшать его сомнѣнія, а доставить ему эстетическое наслажденіе поэтическимъ вымысломъ, и это ему въ большинствѣ случаевъ удается.

Слабой стороной творчества Морриса является архаическое, чуждое современности содержаніе его разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, а также растянутость его эпопей. Но мы видимъ, что освященіе старинныхъ сюжетовъ у него современное, и кромѣ того родъ, которому онъ посвятилъ себя, требуетъ отдаленности описываемыхъ событій, имѣющихъ интересъ для читателя своими результатами въ ходѣ исторіи человѣчества.

Къ числу поэтовъ прерафаэлитовъ причисляется обыкновенно имя Алджернона Свинборна; но связь между его поэзіей и теченіемъ, изъ котораго вышло творчество Розетти и Морриса, въ сущности довольно слабая. Вѣншняя исторія его развитія стоитъ изъ общенія съ художниками и поэтами прерафаэлитскаго братства. Свинборна нельзя назвать прерафаэлитомъ по идеаламъ, воспитавшимъ его творчество, по личнымъ отношеніямъ къ исторіи прерафаэлитскаго братства; онъ не вышелъ изъ одного общаго теченія съ Розетти и Моррисомъ, а лишь находился одно время подъ вліяніемъ поэзіи Розетти и написалъ одинъ томикъ „Poems and Ballads“, на которомъ отразилось увлеченіе поэзіей Розетти, да и то скорѣе ея вѣншними приѣмами, чѣмъ внутреннимъ настроеніемъ. Свинборнъ блестяще выступилъ въ литературѣ двумя трагедіями: „The Queen Mother“ и „Atalanta in Calydon“, въ

которыхъ замѣтно сильное вліяніе Шекспира. Эти трагедіи обнаруживали сильный и смѣлый талантъ поэта и сразу создали ему громкое имя въ Англій. Потомъ, поддавшись духу времени, Свинборнъ издалъ томикъ „Poems and Ballads“, за который былъ не вполне справедливо причисленъ къ прерафаэлитамъ. Сборникъ этотъ интересенъ по манерѣ, въ которой отразилось на авторѣ вліяніе Розетти. Свинборнъ увлекался оригинальностью и богатствомъ поэтическихъ приемовъ Розетти, его сложнымъ стихосложеніемъ, отыскивающимъ подходящія формы для разнообразнѣйшихъ нюансовъ душевныхъ настроеній; его привлекала напыщенная архаичность и искусственность въ внѣшней формѣ балладъ Розетти, подражаніе старой французской и итальянской поэзіи; словомъ, сложное внѣшнее построеніе поэзіи Розетти, столь подходившее къ его своеобразнымъ душевнымъ настроеніямъ. Подражая этой внѣшней оригинальности Розетти, Свинборнъ обнаруживаетъ гибкій и сильный лирический талантъ; онъ достигаетъ тонкихъ музыкальных эффектовъ замысловатымъ метромъ нѣкоторыхъ стихотвореній („Sea-Swallows“; „The King's Daughters“ и др.), искусно пользуется архаическими формами стихосложенія, но внутреннее настроеніе его поэзіи совершенно иное, чѣмъ у Розетти. Мистицизмъ послѣдняго переходитъ у него въ экзальтированный сенсуализмъ, навѣянный Бодлэромъ. Поклоненіе красотѣ, воплощенной въ женщинѣ, у него такое же религиозное, какъ у Розетти, но самый идеалъ красоты уже иной: онъ ищетъ не символовъ духовнаго величія, а отблесковъ обособленности натуры, исключительности инстинктовъ и ощущеній— „le rare et le perevers“—какъ это видно изъ „Madonna Mia“, „Laus Veneris“ и др.

Такой переходъ отъ прерафаэлитизма Розетти, съ его здоровымъ идеализмомъ, къ французскому болѣзненно настроенному символизму очень интересенъ для исторіи литературной эволюціи. Между Розетти и Бодлэромъ, начинателями двухъ родственныхъ теченій въ поэзіи, сходство заключается только во внѣшнихъ приемахъ, въ стремленіи обновить поэзію новыми, болѣе сложными и отзывчивыми ритмами. Внутреннее же содержаніе ихъ поэзіи различно, какъ отличенъ идеалистическій мистицизмъ отъ скептическаго символизма на почвѣ болѣзненной утонченности ощущеній. А между тѣмъ у ихъ послѣдователей оба эти различныя настроенія сливаются въ нѣчто общее, благодаря основному идеализму, который служитъ подкладкой міросозерцанія обоихъ.

Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Свинборна („Songs before Sunrise“, вторая серія „Poems and Ballads“) вліяніе Розетти

сказывается гораздо слабѣе; оно уступаетъ мѣсто новымъ влияніямъ. Французскіе романтики, и главнымъ образомъ Викторъ Гюго, становятся идеаломъ, вытѣснившимъ въ душѣ Свинборна прежнее поклоненіе Розетти, и вся его поэзія послѣднихъ лѣтъ отражаетъ любовь къ морю и титаническое возвеличеніе страстей французскаго поэта, котораго Свинборнъ восхваляетъ въ стихахъ и прозѣ.

Зин. Венгерова.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНЬЯ.

СОНЕТЪ.

На днѣ морскомъ подводныя растенья
Распростирають блѣдныя листы,
И таятся, растутъ, какъ привидѣнья,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ мѣръ безвѣстной высоты;
Имъ хочется любви, лучей, волненья,
Имъ снятся ароматныя цвѣты.

Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчитъ кругомъ холодная вода;
Акулы проплываютъ иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта.
И сверху посылаетъ здѣсь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

К. БАЛЬМОНТЪ.

ПОЭЗИЯ

Гр. А. К. ТОЛСТОГО

I.

Алексѣй Толстой, какъ и Ѳ. И. Тютчевъ ¹⁾, принадлежитъ къ числу поэтовъ-мыслителей; но въ отличіе отъ Тютчева—поэта исключительно *созерцательной* мысли,—гр. А. К. Толстой былъ поэтомъ мысли *воинствующей* — поэтомъ-борцомъ. Конечно, не въ смыслѣ внѣшней практической борьбы. Всякій истинный поэтъ невольно повинуется запрету, выраженному Пушкинымъ: „не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвы“... Но, оставя въ сторонѣ житейскія и корыстныя битвы, поэтъ, „рожденный для вдохновенья“, можетъ вдохновляться и на борьбу—достойную поэтическаго вдохновенія. Нашъ поэтъ боролся оружіемъ свободнаго слова за права красоты, которая есть ощутительная форма истины, и за жизненныя права человѣческой личности.

Самъ поэтъ понималъ свое призваніе какъ борьбу:

Господь, меня готова къ бою,
Любовь и тѣло вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь...

Но именно потому, что путь, указанный поэту, былъ *правдивый*, и борьба на этомъ пути была борьбою за высшую правду, за интересы безусловнаго и вѣчнаго достоинства; она возвышала.

¹⁾ См. выше: апр., 785 стр.

поэта не только надъ житейскими и корыстными битвами, но и надъ тою партійною борьбой, которая можетъ быть безкорыстною, но не можетъ быть правдивою, ибо она заставляетъ видѣть все въ бѣломъ цвѣтѣ на своей сторонѣ—и все въ черномъ на сторонѣ враждебной; а такого равномернаго распредѣленія цвѣтовъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ и не будетъ—по крайней мѣрѣ до страшнаго суда.

По чувству правды, Толстой не могъ отдаться всецѣло одному изъ враждующихъ станомъ, не могъ быть партійнымъ борцомъ—онъ сознательно отвергалъ такую борьбу:

Двухъ станомъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обонимъ—досадъ мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами —
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни стагъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

II.

Для характеристики и оцѣнки поэта очень важенъ вопросъ объ отношеніи его собственной сознательной мысли къ его дѣлу: какъ онъ понималъ и за что принималъ поэзію? Съ этой точки зрѣнія всѣ поэты нашего вѣка (я ограничиваюсь здѣсь одними русскими и изъ нихъ только почившими) распредѣляются на три естественныя группы. Первая достаточно обозначается однимъ именемъ—Пушкина. Здѣсь отношеніе мысли къ творчеству—непосредственное, органическое,—въ процессѣ творчества сознание не отдѣляется отъ самого дѣла, — нѣтъ никакого раздвоенія въ поэтической дѣятельности. Какъ чистый поэтъ, поэтъ-художникъ по преимуществу, Пушкинъ прямо даетъ намъ совершенные образцы красоты, не тревожась общимъ вопросомъ: что такое поэтическая красота, какъ она относится къ жизни, какое ея мѣсто и значеніе во вселенной? Не то чтобы поэтъ вовсе не думалъ и не говорилъ о своемъ дѣлѣ. Но это были случайныя, переходящія мысли по поводу поэзіи, а не окончательный отчетъ сознанія объ ея сущности и значеніи. Несмотря на свой—правда, поверхностный—байронизмъ, Пушкинъ никогда не сомнѣвался въ правахъ красоты и поэтического мировоззрѣнія, а потому и не давалъ себѣ яснаго и полнаго отчета объ этихъ правахъ. Онъ и не бралъ совсѣмъ этого вопроса въ его общности и глубинѣ. Лишь

мимоходомъ указывалъ онъ на различные внѣшніе признаки словеснаго творчества.

Поэтическое вдохновеніе, по свидѣтельству Пушкина, есть нѣчто особенное или исключительное, не сливающееся съ повседневною жизнью. Драгоцѣнное показаніе великаго поэта о процессѣ творчества, важный фактъ психологическаго опыта имѣемъ мы въ извѣстныхъ стихахъ: „Поэма не требуетъ поэта—Къ священной жертвѣ Аполлонъ,—Въ заботахъ суетнаго свѣта—Онъ малодушно погруженъ...“ — „Но лишь божественный глаголь—До слуха чуткаго воснетъ,—Душа поэта встрепенется,—Какъ пробудившійся орелъ“... Но, принимая это „показаніе эксперта“ во всей его силѣ и значеніи, мы не можемъ, однако, сказать, чтобы здѣсь выражалась самая сущность поэзіи. Не выражается она и въ тѣхъ стихахъ, гдѣ поэтъ отвергаетъ ложное въ дѣлѣ поэзіи требованіе практической пользы: „Не для житейскаго волненья,—Не для корысти, не для битъ,—Мы рождены для вдохновенья,—Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“... Все признаки вѣрные, но слишкомъ широкіе и внѣшніе: *вдохновеніе* бываетъ разное, и не одна поэзія есть плодъ вдохновенія; *сладкіе звуки* свойственны музыкѣ еще болѣе, чѣмъ поэзіи; не всякая *молитва* поэтична, и не всякая поэзія имѣетъ молитвенный характеръ. Ни каждый изъ этихъ признаковъ въ отдѣльности, ни всѣ они вмѣстѣ не опредѣляютъ существа поэзіи. Самъ Пушкинъ не принималъ своихъ указаній въ слишкомъ строгомъ смыслѣ и не боялся имъ противорѣчить, когда, напримѣръ, въ „Памятникахъ“ онъ объясняетъ общественную *пользу* своей поэзіи: „Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,—Что въ сей жестокой вѣкѣ я прославлялъ свободу,—И милость къ падшимъ призывалъ“... И это прекрасно, но опять-таки не въ этомъ собственный смыслъ поэзіи. Для пониманія этого смысла лучше намъ обращаться къ тому, что Пушкинъ *создалъ* въ поэзіи, чѣмъ къ тому, что онъ о ней говорилъ,—слова его могутъ иногда вводить въ заблужденіе, напримѣръ: „Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже—Насъ возвышающій обманъ“... Изъ этихъ словъ, сказанныхъ по поводу поэтическаго вымысла, выдававшагося за историческое событіе, можно бы, пожалуй, заключить, что поэзія была въ глазахъ Пушкина *обманомъ*, хотя возвышающімъ и дорогимъ; что онъ допускалъ возможность для истины быть *низкою*, и что онъ предпочиталъ обманъ истинѣ. Но было бы несправедливо искать точныхъ мыслей и опредѣлений въ случайныхъ замѣткахъ поэта, который самъ не относился серьезно къ своимъ рефлексіямъ и не смѣшивалъ ихъ съ „божественнымъ глаголомъ“. Въ одномъ стихотвореніи онъ высказы-

ваетъ скептическую мысль, что жизнь есть „даръ напрасный, даръ случайный“, невѣдомо вѣмъ и зачѣмъ данный человѣку; но когда извѣстный архипастыръ основательно опровергъ эту мысль—тоже въ стихахъ,—Пушкинъ спѣшитъ съ расказаніемъ отъ нея отказаться и сочиняетъ другое стихотвореніе, гдѣ признаетъ первое только за „изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей“. Ясно, что по крайней мѣрѣ одно изъ этихъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу произведеній, а вѣрнѣе—оба созданы постою не по требованію Аполлона и не у его жертвенника.

Все это не важно, когда дѣло идетъ о Пушкинѣ. Онъ потому и есть несравненный представитель органическаго творчества среди нашихъ поэтовъ, что всѣ субъективные грѣхи его мысли оказались бессильными разложить живую цѣльность его поэзіи. Все это—только посторонняя примѣсь, которую ничего не стоитъ отдѣлать отъ настоящаго поэтическаго дѣла. Когда высшій голосъ требовалъ его къ священной жертвѣ, онъ вмѣстѣ съ „заботами суетнаго свѣта“ бросалъ и всякую рефлексію. Она не была составною частью его поэтической организаціи, а скорѣе ее можно сравнить съ тѣми башмаками, въ которыхъ правобѣрные гуляютъ по улицамъ, но оставляютъ ихъ у входа въ храмъ.

Древніе греки и римляне, какъ извѣстно, раскрашивали свои статуи. Это было довольно безвкусно и во всякомъ случаѣ излишне, но не измѣняло совершенства скульптурной формы; такова же рефлексія—байроническая и иная,—которая, къ сожалѣнію, мѣстами окрашиваетъ эту поэзію: наложенная разсудкомъ, эта примѣсь чужда творческому гению и съ годами спадаетъ ветхой чешуей, сохраняя только біографическое и историческое значеніе. Между тѣмъ были и еще встрѣчаются люди, которые изъ-за этой посторонней примѣси вощунственно объявляютъ саму поэзію Пушкина плоскою и безсодержательною, тогда какъ другіе, напротивъ, не ограничиваясь справедливымъ благоговѣніемъ передъ этою поэзіей и восхищаясь всякою фразою поэта, признаютъ его за великаго мыслителя, какимъ онъ нивогда не былъ и по натурѣ своей быть не могъ. На самомъ дѣлѣ его рефлексія, это—пыль на чудесномъ алмазѣ; она не уменьшаетъ его цѣны, но все-таки лучше стереть ее, а не восхищаться ею.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ рефлексія у поэтовъ второй группы—съ Баратынскимъ и Лермонтовымъ во главѣ. Здѣсь рефлексія проникаетъ въ самое творчество и какъ постоянный, пребывающій и преодоляющій элементъ въ сознаніи поэта разлагаетъ цѣльность его воззрѣнія и подрываетъ его художественную дѣятельность. Критическое, отрицательное отношеніе къ собствен-

ной жизни и къ окружающей средѣ—отношеніе болѣе или менѣе справедливое при данныхъ условіяхъ личныхъ и общественныхъ—обманчиво возводится здѣсь на степень безусловнаго принципа и становится господствующимъ настроеніемъ самой поэзіи. Отъ бессодержательности *своей* жизни, заключаая къ жизни *вообще*, эти поэты находятъ, что у нея нѣтъ смысла и цѣли; но въ такомъ случаѣ и поэзія, какъ высшій цвѣтъ жизни, есть бессмысленный обманъ, и въ концѣ всего остается только „пустая и глупая шутка“. То, что у Пушкина было выраженіемъ мимолетнаго настроенія, отъ котораго онъ самъ былъ готовъ сейчасъ же отказаться, то у Лермонтова принимаетъ видъ окончательнаго убѣжденія. Его стихотвореніе: „И скучно и грустно“, если смотрѣть со стороны, конечно, есть только слабое повтореніе той Пушкинскои „бутады“, но самъ Лермонтовъ придавалъ содержанію этихъ посредственныхъ стиховъ трагическую важность и навѣрное не отказался бы отъ нихъ даже при вмѣшательствѣ особъ духовнаго званія.

Еслибы отрицательная точка зрѣнія, на которую стали эти поэты разочарованія, была окончательнымъ выводомъ правильнаго мышленія, тогда дѣйствительно пришлось бы отказаться отъ поэзіи, какъ отъ обмана. На самомъ дѣлѣ и Баратынскій, и Лермонтовъ, при весьма значительномъ, хотя и подорванномъ рефлексіей поэтическомъ талантѣ, были не столько мыслителями, сколько резонерами на почвѣ субъективныхъ впечатлѣній. Но заключеніе отъ собственной зубной боли къ негодности всего мірозданія не оправдывается логикой. Изъ двухъ названныхъ поэтовъ у Баратынскаго, какъ ума болѣе развитого и зрѣлаго, разочарованіе имѣетъ хотя нѣкоторую видимость объективныхъ основаній. Подобно большинству образованныхъ людей нашего вѣка, Баратынскій принялъ матеріалистическія обобщенія нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ за непреложную истину и, видя противорѣчіе этой „истины“ съ поэтическимъ и религиознымъ воззрѣніемъ на міръ и жизнь, рѣшилъ, что это воззрѣніе есть иллюзія. Таковъ, хотя ошибочный, но заслуживающій уваженія мотивъ его тоски—не единственный, но лучший. Лермонтовъ въ свою короткую жизнь не успѣлъ додуматься ни до чего подобнаго, и все его разочарованіе происходило исключительно изъ неприятныхъ впечатлѣній отъ окружающей дѣйствительности, т.-е. отъ свѣтскаго общества въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Пятигорскѣ.

Несмотря на такую свою неосновательность, разочарованная поэзія явилась не даромъ. Субъективная неудовлетворенность имѣетъ огромное значеніе, какъ первый толчокъ къ работѣ со-

знанія и мышленія. Кто доволенъ, тотъ не идетъ дальше; отрицательный моментъ необходимъ, ненормальна и бессмысленна только остановка на немъ, т.-е. *удовлетвореніе своею неудовлетворенностью*, — къ чему такъ склонны многіе скептики и пессимисты.

Будущность русской поэзіи зависѣла отъ того, хватитъ ли у нашихъ поэтовъ силы мысли, чтобы идти дальше субъективнаго отрицанія. Дорога назадъ была заказана. Разъ мысль возбудилась, вопросы возникли, нельзя уже было просто вернуться къ прежней художественной непосредственности, къ органическому творчеству Пушкина. Тютчевъ сказалъ про него: „Тебя, какъ первую любовь, Россія сердце не забудетъ“. Именно такъ: нельзя забыть, но и нельзя повторить!

Невозможно сознанию отказаться отъ рефлексіи, разъ она явилась, — нужно только довести ее до конца. Противорѣчія, возбужденныя мыслью, должны быть разрѣшены ею же; и жизненность русской поэзіи доказана тѣмъ, что она не остановилась на разочарованности Баратынскаго и Лермонтова, что послѣ нихъ явились поэты положительной мысли, сознательно понимавшіе значеніе красоты въ мірѣ, примирявшіе умъ съ творчествомъ и оправдывавшіе поэзію, какъ выраженіе истины. Глубокаго и своеобразнаго представителя этого третьяго рода, — который можно назвать *новой гармонической мысли* — мы находимъ въ Тютчевѣ; сюда же несомнѣнно принадлежитъ по основѣ своего міропониманія и Алексѣй Толстой, присоединяющій къ этой общей умственной основѣ, какъ свою отличительную особенность, элементъ *дѣятельной воли и борьбы*, почти отсутствующій въ поэтическихъ произведеніяхъ Тютчева. Этотъ *божой* элементъ въ поэзіи Толстого дѣйствуетъ до нѣкоторой степени въ ущербъ силѣ и чистотѣ творчества, но зато дѣлаетъ его болѣе разнообразнымъ, яркимъ и доступнымъ.

III.

Нашъ поэтъ называетъ себя „гѣвцомъ, *держащимъ стезю* во имя красоты“. Онъ былъ не только мирнымъ ея жрецомъ, но и воинственнымъ рыцаремъ. Не ограничиваясь спокойнымъ отраженіемъ того, что являлось изъ „страны лучей“, его творчество опредѣлялось еще движеніями воли и сердца, какъ реакція враждебнымъ явленіямъ:

Воспрянулъ я, и негодуя
 Стихи текутъ. Такъ въ бурный день
 Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
 Сугубить блескъ своихъ огней,
 И такъ рѣка, скалами сжата,
 Бѣжитъ сердатѣй и звучнѣй.

Принявъ сознательною вѣрою высшій смыслъ жизни, оцутительное выраженіе котораго есть красота, поэтъ возмущался всѣмъ, что отрицало или оскорбляло этотъ смыслъ, и смѣло шелъ за него *противъ течения*:

Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
 Вѣрте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
 Дружно гребите во имя прекраснаго
 Противъ течения!

.....
 Други, гребите! Напрасно хулители
 Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею
 На берегъ вскорѣ мы, волнѣ побѣдители,
 Выйдемъ торжественно съ нашей святиней,
 Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
 Вѣрою въ наше святое значеніе
 Мы же возбудимъ течение встрѣчное
 Противъ течения!

Свой идеалъ поэта Толстой олицетворялъ въ историческомъ образѣ Іоанна Дамаскина, которому посвящено его первое значительное произведеніе. Созданный для жизни духа, Іоаннъ не вноситъ мірской суеты, но его духовная потребность влечетъ его не къ созерцанію только, а и къ борьбѣ:

И раздавался ужъ не разъ
 Его краснорѣчивый гласъ
 Противу ереси безумной,
 Что на искусство поднялась
 Грозовъ неистовой и шумной.
 Упорно съ ней боролся онъ,
 И отъ Дамаска до Царьграда
 Былъ, какъ боецъ за честь иконъ
 И какъ художества ограда,
 Давно извѣстенъ и почтенъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что Толстой впадаетъ въ анахронизмъ, приписывая Іоанну Дамаскину и его современникамъ заботы объ интересахъ художества. Но ставши на точку зрѣнія нашего поэта, мы увидимъ, что онъ обнаружилъ здѣсь очень вѣрное и глубокое пониманіе дѣла. Вѣдь и собственный его интересъ къ искусству не былъ отвлеченно-техническимъ: и

онъ видѣлъ въ немъ болѣе, чѣмъ изящную и пріятную внѣшность. Красота была для него дорога и священна какъ сіяніе вѣчной истины и любви:

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ возвала изъ ночи,
Любовь ихъ всё какъ солнце оарила
И лишь на землю къ намъ ея свѣтила
Нисходятъ поровнь рѣдкіе лучи.
И поровнь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты:
Намъ вѣстью гдѣсь о ней звучить отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею холодной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

Вопросъ о значеніи красоты сводится къ вопросу: возможно ли полное, окончательное выраженіе высшаго совершенства, или реальное, осязательное воплощеніе абсолютнаго въ опредѣленныхъ формахъ? Но это есть тотъ самый вопросъ, которымъ занимались и на который отрицательно отвѣчали иконоборцы. Они говорили, что осязательное выраженіе абсолютнаго *невозможно*, настаивали на томъ, что *божество неотисуемо*, и на этомъ основаніи отвергали иконы. Здѣсь несомнѣнно отрицался, хотя и безсознательно, самый принципъ красоты и истинное значеніе художества. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ тѣ, которые считаютъ все эстетическое областью вымысла и праздною забавою. Такимъ образомъ, Толстой не ошибся: то, за что онъ боролся противъ господствовавшаго въ его время теченія, было въ сущности то самое, за что Іованъ Дамаскинъ и его сторонники стояли противъ иконоборчества.

IV.

Истинный источникъ поэзіи, какъ и всякаго художества—не во внѣшнихъ явленіяхъ, и также не въ субъективномъ умѣ художника, а въ самобытномъ мірѣ вѣчныхъ идей или первообразовъ:

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незрима оку.

О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ,
Слухъ же душевный сильнѣй напругай и душевное зрѣнье,
И какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныхъ строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступать вдругъ предъ тобою картины,

Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы,
 Отройннн словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значенн,—
 Ты жъ въ этотъ мигъ и внимай, и гляди, притавивши дыханье,
 И совлада потомъ, мимолетное помни видѣнье!

Красота въ явленнхъ внѣшняго мнра есть только отраженне
 той самобытной и вѣчной красоты:

И все сокровища природы,
 Стеней безбережный просторъ,
 Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
 И моря пѣнистыя воды,
 Земля, и солнце, и луна,
 И всѣхъ созвззднй хороводы,
 И синей тверди глубина,—
 То все одно лишь отраженье,
 Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
 Которыхъ вѣчно видѣнье
 Въ душѣ избранника живетъ.

Такой избранникъ можетъ и долженъ быть слѣпъ для внѣш-
 наго мнра, чтобы тѣмъ полнѣе отдаваться владѣющему имъ духу.
 Истинный художникъ не воленъ надъ своимъ творчествомъ. При-
 частный божеству, онъ одинокъ въ толпѣ и окруженъ въ безлюдн
 и, какъ божество, даетъ всѣмъ отъ избытка внутренней жизни,
 не ожидая взаимности. Такова идея превосходной по содержанию
 и только мѣстами нѣсколько растянутаго баллады „Слѣпой“.

Князь съ дружиной, охотясь въ лѣсу, останавливается для полу-
 деннаго отдыха и велитъ позвать изъ сосѣдней деревни убогаго
 слѣпика. Когда тотъ приходитъ, охотники уже отдохнули и
 уѣхали; не замѣчая ихъ отсутствн, слѣпой вдохновляется и поетъ
 до вечера, а когда узнаетъ, что пѣль одинъ, то нѣсколько этимъ
 не смущается:

Во истину, еслибъ очей моихъ ночь
 Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
 Я пѣсни бъ не могъ и тогда перемочь,
 Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
 Чтѣ душу мою охватило.
 Пусть по слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
 Пусть ловлею князь удовольень;
 Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
 А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею неволенъ.

.....
 Охваченный ею не можетъ молчать,
 Онъ рабъ ему чуждаго духа,
 Возгласъ ему въ грудь вдохновенья печать,
 Неволей пль волей—онъ долженъ вѣщать

Что слышитъ подвластное ухо.
 Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
 Потокѣмъ онъ въ степи стремится,
 И бьетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,—
 Придутъ ли къ нему пастухи и стада
 Струями его освѣжаться?..

V.

Вдохновенный художникъ, воплощая свои созерцанія въ чувственныхъ формахъ, есть связующее звено или посредникъ между міромъ вѣчныхъ идей или первообразовъ и міромъ вещественныхъ явленій. Художественное творчество, въ которомъ упраздняется противорѣчіе между идеальнымъ и чувственнымъ, между духомъ и вещью, есть земное подобіе творчества божественнаго, въ которомъ снимаются всякія противоположности, и божество проявляется какъ начало совершеннаго единства, — „единства себя и своего“:

Едино, цѣльно, недѣлимо,
 Полно созданья своего,
 Надъ нимъ и въ немъ, невозмутимо,
 Царить отъ вѣка Божество.
 Осуществилось въ немъ ясно,
 Чего постичь не могъ никто:
 Несогласимое согласно,
 Съ грядущимъ прошлое слитѣ,
 Совмѣство творчество съ покоемъ,
 Съ невозмутимостью любовь,
 И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
 Ея созданья вновь и вновь.
 Всемирнымъ полная движеньемъ,
 Она свѣтлѣамъ кажетъ путь,
 Она нисходитъ вдохновеньемъ
 Въ пѣвца восторженную грудь;
 Цвѣтами рдѣя полевыми,
 Звуча въ паденьѣ свѣтлыхъ водъ,
 Она законами живыми
 Во всемъ, что движется, живетъ.
 Всегда различна отъ вселенной,
 Но вѣчно съ ней сѣдинена,
 Она для сердца несомнѣнна,
 Она для разума темна.

„Разумомъ“ называется здѣсь односторонне-аналитическій рассудокъ. Настоящій, умозрительный разумъ не находится въ противорѣчій съ сердцемъ. Съ твердостью мысли, которая сдѣлала бы честь любому метафизіку и богослову, нашъ поэтъ проводитъ

идею всеединого Божества между Сциллою и Харибдою пантеизма и дуализма:

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
Нераздѣльно въ немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струщаясь отъ Бога
Сила борется со тьмою;
Въ немъ могущества покой,
Вкругъ него время тревога.

Здѣсь устранена пантеистическая мысль о безразличіи всего въ Богѣ; но откуда же эта тьма и эта тревога, вызывающія силу Божью къ дѣйствию и къ борьбѣ?

Міроданіемъ раздвинуть,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ,
Божій образъ въ немъ дрожитъ;
И, всегда обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять.

Такая двойственность несомнѣнно есть основной фактъ міровой жизни; но этимъ только возбуждается новый вопросъ: какимъ образомъ дѣйствительность злого начала можетъ быть согласована съ всеединствомъ Божества? И тутъ мы находимъ у нашего поэта удовлетворительное рѣшеніе—насколько оно возможно въ предѣлахъ поэтической формы:

*И усилиемъ дуга злого
Вседержитель волю дасть,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.
Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Міроданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество.*

Торжество вѣчной жизни надъ смертію и свобода зла какъ условіе еще большаго блага — этимъ устраняется противорѣчіе двухъ началъ и оправдывается всеединство Божіе.

VI.

Торжество вѣчной жизни — вотъ окончательный смыслъ все-ленной. Содержаніе этой жизни есть внутреннее единство всего, или любовь, ея форма — красота, ея условіе — свобода.

Овладевъ сердцемъ поэта, любовь открылась ему какъ сущность всего существующаго.

Меня, во мракѣ и пыли
 Досель влачившаго оковы,
 Любви крылья вознесли
 Въ отчизну пламени и слова;
 И просвѣтилъ мой темный взоръ,
 И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
 И слышать ухо съ этихъ поръ
 Чтѣ для другихъ неуволнимо.
 И съ горней выси я сошелъ,
 Проникнуть весь ея лучами,
 И на волнующійся доль
 Взираю новыми очами.
 И слышу я, какъ разговоръ
 Вездѣ немолчный раздается,
 Какъ сердце каменное горъ
 Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
 Съ любовью въ тверди голубой
 Клубятся медленныя тучи,
 И подѣ древесною корой,
 Весною свѣжей и пахучей,
 Съ любовью въ листья сокъ живой
 Струей подѣмлетса гввучей.
 И вѣщимъ сердцемъ позналъ я,
 Что все, рожденное отъ Слова,
 Лучи любви кругомъ лия,
 Къ нему вернуться жаждетъ снова.
 И жизни каждая струя,
 Любви покорная закону,
 Стремится силой бытія
 Неудержимо къ Божью лону.
 И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
 И всѣмъ мірамъ одно начало,
 И ничего въ природѣ нѣтъ,
 Чтѣ бы любовью не дышало.

Но эта стихійная любовь, которую дышетъ все въ природѣ, есть только стремленіе, только тяготѣніе къ вѣчному царству любви и красоты. Дѣйствительно и окончательно приобщиться къ этому царству можетъ только человѣческая личность, такъ какъ

совершенное соединеніе можетъ быть только при сознательности и свободѣ. Для того-то и злomu началу „Вседержитель волю дагъ“, чтобы чрезъ борьбу съ нимъ человѣкъ могъ свободно достигнуть совершенства.

Безъ свободы и яснаго сознанія возможны многія блага для человѣчества—возможна общая сытость, безопасность, всякія матеріальныя наслажденія,—но все это блага низшаго разряда, доступныя и прочимъ животнымъ, и довольствоваться ими недостойно человѣка. Истинно-человѣческое добро возможно только тогда человѣкъ приходитъ въ нему самъ, своею волею и сознаниемъ принимаетъ его. Сообщить человѣку извнѣ готовую истину, помимо его собственнаго мышленія и опыта, значило бы отнять внутреннее достоинство и у истины, и у человѣка. Еслибы можно было одарить людей какъ высшимъ благомъ — готовымъ, извнѣ обеспеченнымъ благополучіемъ, безъ ихъ трудовъ и усилій, то этимъ бы только обнаружилось, что между счастливымъ человекомъ и сытымъ животнымъ нѣтъ существеннаго различія. Но на самомъ дѣлѣ оно есть. „Не влѣзешь силой въ совѣсть никому, и никого не вгонишь въ рай дубинной“, — ибо совѣсть, измѣняемая насиліемъ, перестала бы быть совѣстью, и рай по принужденію для всякаго человѣка, достойнаго этого имени, ничѣмъ не отличался бы отъ ада.

Доставить человѣку совершенство помимо его собственнаго, свободнаго и сознательнаго участія—никому невозможно. Личная свобода, или свобода самоопредѣленія, есть свойство, которое даетъ человѣку безусловное значеніе въ глазахъ Высшаго Существа.

VII.

Божество вѣчно *обладаетъ* полнотою совершенства; природа въ своихъ формахъ *отражаетъ* это совершенство, и въ своей жизни *тяготеетъ* къ нему; человѣкъ свободнымъ дѣломъ *достигаетъ* его для себя. Въ этомъ процессѣ совершенствованія, составляющемъ смыслъ человѣческой жизни, естественно различаются два полюса. Человѣкъ есть, во-первыхъ, самостоятельная особь, или индивидуальность и, во-вторыхъ, нераздѣльная часть всемірнаго цѣлаго. Соответственно этому единичный человѣкъ можетъ не только совершенствовать самого себя (а чрезъ это косвенно и окружающую среду), но и прямо содѣйствовать общему прогрессу того цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ, сознательно ставя его предметомъ своей дѣятельности. Естественное условіе для

самосовершенствованія есть половая *любовь*, восполняющая чело-
вѣческую индивидуальность; реальное побужденіе къ участию въ
дѣлѣ общаго прогресса есть *патріотизмъ* (въ широкомъ смыслѣ),
т.-е. чувство солидарности съ извѣстнымъ собирательнымъ цѣ-
лымъ — гражданскою общиною, народомъ, государствомъ, религи-
ознымъ союзомъ, — въ благѣ котораго *исторически* воплощается
для отдѣльнаго человѣка благо всемірное.

Не только половая любовь имѣетъ свои корни въ животномъ
мірѣ, но то же должно сказать и про патріотизмъ (у животныхъ
общественныхъ и стадныхъ). Судьба человѣка и челоуѣчества,
наше возвышеніе надъ животностью, зависить главнымъ образомъ
отъ очеловѣченія и одухотворенія *этихъ* основныхъ факторовъ
жизни, отъ перерожденія ихъ изъ слѣпыхъ истиннотвъ природы
въ сознательные принципы достойнаго существованія. Преобла-
дающая роль въ этомъ дѣлѣ естественно принадлежитъ духов-
нымъ вождямъ челоуѣчества — поэтамъ и мыслителямъ.

Въ поэзіи Алексѣя Толстого мотивы любви и патріотизма при-
надлежатъ къ самымъ характернымъ и симпатичнымъ. Только
идеальная сторона любви выражается въ его стихотвореніяхъ на
эту тему. Любовь есть сосредоточенное выраженіе — въ личномъ
живомъ сознаниі, — всемірной связи и высшаго смысла бытія;
чтобы быть вѣрною этому своему значенію, она должна быть
единою, вѣчною и неразрывною:

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,

И выше восходить въ сіянье правды вѣчной
Намъ врозь не суждено.

Дѣйствительныя условія земнаго существованія далеко не
соотвѣтствуютъ этому высочайшему понятію любви; поэтъ не въ си-
лахъ примирить этого противорѣчія, но и не хочетъ ради него
отказаться отъ своего идеализма, въ которомъ — высшая правда.
Отсюда глубокая грусть, которою отмѣнены всѣ его любовныя
стихотворенія, несмотря на общее преобладаніе бодрого, или,
какъ онъ выражается, *мажорнаго* тона въ его поэзіи. Вполнѣ
господствуетъ этотъ мажорный тонъ въ его историко-патріотиче-
скихъ стихотвореніяхъ.

VIII.

Патріотизмъ — природное чувство, заставляющее насъ жить и
дѣйствовать для блага того собирательнаго цѣлага, въ которому
мы принадлежимъ. Само чувство рѣшаетъ въ каждомъ случаѣ,

какое именно изъ многихъ собирательныхъ цѣлыхъ, въ которыхъ я такъ или иначе принадлежу или примыкаю, имѣть на меня преимущественныя верховныя права. Безусловнаго правила на этотъ счетъ установить невозможно; какъ, напримѣръ, рѣшить, что есть *высшее цѣлое* для образованнаго эльзасца-католика: Франція, германская имперія, католическая церковь или европейская культура? Но при обыкновенныхъ условіяхъ вопросъ фактически рѣшается безъ затрудненій. Для огромнаго большинства людей нашего времени, собирательное цѣлое, за которымъ ихъ собственное чувство признаетъ верховныя права, есть *отечество*, т.-е. кристаллизовавшаяся въ государственную форму народность или группа народностей: это цѣлое, преимущественно передъ всѣми другими, есть настоящій предметъ патріотизма (въ точномъ смыслѣ слова) и вытекающаго изъ него гражданскаго долга.

Но если нѣтъ для насъ сомнѣній въ томъ, что мы должны жить и дѣйствовать для блага своего отечества—въ нашемъ случаѣ, Россіи,—то этимъ еще нисколько не рѣшается самый главный и важный вопросъ: въ чемъ же благо моего отечества, и что я долженъ дѣлать, чтобы служить ему. Только при крайнемъ слабоуміи и невѣжествѣ, или же при крайней недобросовѣстности, можно утверждать, что естественное стихійное чувство патріотизма само по себѣ достаточно, чтобы давать должное направленіе патріотической дѣятельности. На самомъ дѣлѣ патріотизмъ, какъ и всякое натуральное чувство, можетъ быть источникомъ и добра, и зла. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что государства и народы какъ спасались патріотами, такъ отъ „патріотовъ“ же и погибали. Что можетъ быть сильнѣе того патріотизма, который заставлялъ персидскихъ вельможъ чинными рядами бросаться въ море, чтобы спасти корабль Ксеркса? Но такой патріотизмъ, будучи сопряженъ съ рабскимъ духомъ, не спасъ, а погубилъ персидское царство. Развѣ не патріотизмъ одушевлялъ тѣхъ парижанъ, которые ликовали при объявленіи войны Германіи, и кричали: à Berlin, à Berlin? Но этотъ патріотизмъ оказался и предвѣстиемъ, и причиной національнаго бѣдствія.

Сверхъ силы непосредственнаго чувства нужно еще патріотическое *сознаніе*, различающее истинное благо отечества отъ кажущагося и ложнаго. Это сознаніе имѣетъ различныя степени, допускающія сравнительную оцѣнку. Мы можемъ сказать, что та степень патріотическаго сознанія, которая выражается у нашего поэта, до сихъ поръ остается *высшею* сравнительно съ господствующими чувствами и представленіями.

Истинный патріотизмъ заставляетъ желать своему народу не

только наибольшаго могущества, но—главное—наибольшаго достоинства, наибольшаго приближенія къ правдѣ и совершенству, т.-е. къ подлинному, безусловному благу. Это благо, согласно міросозерцанію нашего поэта, опредѣляется окончательно какъ единство въ свободной полнотѣ живыхъ силъ. Свободное достиженіе такого совершеннаго состоянія есть смыслъ человѣческаго существованія. Соответственно этому—подвижная прогрессирующая жизнь общества и народа, основанная на свободѣ всѣхъ положительныхъ силъ, въ предѣлахъ общаго государственнаго единства, воплощающагося въ свободной нравственной личности государя,—вотъ патріотическій идеалъ нашего поэта. Прямая противоположность такому идеалу—насилъственное, нивелирующее единство, подавляющее всякую частную особенность и самостоятельность.

Со всею живостью поэтическаго представленія и со всею энергіей борца за идею Толстой славилъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, свой идеалъ истинно-русской, европейской и христіанской монархіи и громилъ ненавистный ему кошмаръ азіатскаго деспотизма. Начало истиннаго національнаго строя онъ находилъ въ кievской эпохѣ нашей исторіи; осуществленіе противоположнаго принципа онъ видѣлъ въ періодъ московскаго государства, къ которому относился съ яростною враждой. „Моя ненависть къ московскому періоду,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—есть моя идіосинкразія... Моя ненависть къ деспотизму—это я самъ“.

Этотъ взглядъ на двойственность началъ въ русской исторіи составляетъ общій тонъ всего, что Толстой писалъ на историко-патріотическія темы. Самое прямое и цѣльное выраженіе своей патріотической идеѣ онъ далъ въ оригинальной балладѣ „Змѣй-Тугаринъ“ (Полное собраніе стихотвореній, т. II, стр. 234. Спб. 1876 г.

IX.

Кіевскій князь Владиміръ съ дружиною и множествомъ горожанъ пируетъ на берегу Днѣпра. Онъ любитъ слушать пѣсни, и вотъ на его вызовъ изъ заднихъ рядовъ пирующихъ выступаетъ пѣвецъ чудовищнаго вида:

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
Ай рожа, ай страшная рожа!

Пѣвецъ начинаетъ пѣсню, въ которой пророчить монгольское иго. Владиміръ и его гости встрѣчаютъ это пророчество громкимъ смѣхомъ.

Пѣвецъ продолжаетъ:—смишна моя вѣсть
И вашему уху обидна?

Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снести!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,

Ихъ клятва: да будетъ мнѣ стыдно!

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле—

Но дни, погодите, ныне придуть,

И честь, государи, замѣните вамъ кнутъ,

А вѣче—каганская воля!

— Стой, молвить Илья, твой хоть голосъ и чистъ

Да пѣсня твоя непригожа!

Былъ воръ-Соловей, какъ и ты, голосистъ,

Да я пятаемъ приглушилъ его свистъ—

Съ тобой не случилось бы тоже!

Пѣвецъ продолжаетъ:—И время придетъ:

Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,

И снова подымется русскій народъ,

И землю единый изъ васъ соберетъ,

Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

И въ теремъ будетъ сидѣть онъ своимъ,

Подобенъ кумиру средъ храма,

И будетъ онъ спины вамъ бить батожемъ,

А вы ему стукать да стукать челомъ—

Ой, срама, ой, горькаго срама!

— Стой, молвить Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ,

Но слушай, поганая рожа:

Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,

Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ—

Тебѣ не было бы того же!

Но тотъ продолжаетъ, ослабивши пасть:

Обычай вы нашъ переймете,

На честь вы поруху научитесь класть,

И вотъ, намотавшись татарщины всласть,

Вы Русью ее назовете!

И съ честной посоритесь вы старинной,

И предкамъ великимъ на соромъ,

Не слушаясь голоса, крови родной,

Вы скажете: станемъ къ варягамъ спиной,

Лицомъ повернемся къ Обдорамъ!

При этихъ словахъ богатырь Добрыня узнаетъ въ пѣвцѣ поганого Змѣя-Тугарина и натягиваетъ лукъ, чтобы выстрѣлить въ него, но тотъ принимаетъ свой настоящій змѣиный видъ и уползаетъ по Днѣпру.

Смѣется Владиміръ:—Вишь, выдумалъ намъ
 Какимъ угрожать онъ поворотъ!
 Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
 Чтобъ спины подставили мы батогамъ!

Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!
 Нѣтъ, шутимъ! Живеть ваша русская Русь,
 Татарской намъ Руси не надо!
 Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь:
 За честь нашей родины я не боюсь—

Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
 А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
 Потомки бѣду перепогутъ!
 Вываецъ, промолвилъ свѣтъ-солнышко князь,
 Неволя заставить пройти черезъ грязь,

Купаться въ ней свиньи лишь могутъ!
 Подайте жъ мнѣ чару большую мою,
 Ту чару, добытую въ свѣтъ,
 Добытую съ ханомъ козарскимъ въ бою—
 За русскій обычай до дна ее пью,
 За древнее русское вѣче!
 За вольный, за честный славянскій народъ,
 За колоколь пью Новограда,
 И если онъ даже во прахъ упадетъ,
 Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живеть—

Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
 Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
 Кѣмъ русская сила подъята,
 Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ приутихъ,
 За синее море, которое ихъ,

Шумя, принесло отъ заката!
 И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
 Какъ плескъ лебединого стада,
 Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
 Народъ отвѣчаетъ:—За князя мы пьемъ—

Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
 Да править по-русски онъ русскій народъ,
 А хана намъ даромъ не надо!
 И если настанетъ година невзгодъ,
 Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ—

Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

X.

Ясно, что съ исторической точки зрѣнія идея кіевскаго Ормузда и московскаго Аримана не выдерживаетъ критики. И кіевская Русь далеко не была идеальнымъ царствомъ свѣта, и татарско-московскій періодъ вовсе не былъ такою безмыс-

ленною напастью, такою, невѣдомо вачѣмъ, надвинувшеюся тучей, какою представлялся онъ Толстому. Коренной порокъ древняго южно-русскаго строя былъ виднѣе автору „Слова о полку Игоревѣ“, нежели автору „Змѣя-Тугарина“. Недостатокъ прочной государственной организаціи, отсутствіе единовластія дѣлало кievскую Русь беззащитною противъ окружающихъ дивныхъ ордъ, отнимало у нея историческую жизнеспособность. Народное вѣче можетъ казаться красивымъ издали, но на самомъ дѣлѣ это было лишь разновидностью междоусобной войны, и повѣстичный колоколъ Новгорода призывалъ обыкновенно не къ гражданскимъ подвигамъ, а просто къ рукопашному бою.

Впрочемъ нашъ поэтъ въ другихъ случаяхъ и самъ болѣе правильно относится къ кievской Руси. Такъ, въ стихотвореніи „Чужое горе“, гдѣ Россія представляется въ видѣ богатыря, несущаго на себѣ тягость разныхъ историческихъ грѣховъ,—вмѣстѣ съ „горемъ“ царя Ивана и „татарскимъ горемъ“, поминается также и „Ярославово горе“, т.-е. именно то горе политической розни и многоначалія, которое сокрушило кievскую Русь.

Какъ организмъ высшаго порядка не можетъ, подобно какой-нибудь губкѣ, или какому-нибудь моллюску, оставаться безъ твердой и опредѣленной формы, такъ великая историческая нація не можетъ обойтись безъ вѣрнѣшаго объединеннаго государственнаго строя. Созданіе этого строя было дѣломъ московскаго періода, дѣломъ совершенно необходимымъ даже независимо отъ татаръ¹⁾. Татарское нашествіе было только окончательнымъ нагляднымъ обличеніемъ несостоятельности кievскихъ порядковъ или беспорядковъ, а никакъ не причиною созданія московскаго государства: и хронологически кievская Русь стала приходить въ явный упадокъ и безсиліе, и сѣверное единоедержавіе стало складываться (въ суздальской области)—*раньше татаръ*.

Московскій періодъ вполне оправдывается съ исторической точки зрѣнія, но дѣло въ томъ, что сама эта точка зрѣнія не есть высшая и окончательная. Если я понимаю смыслъ известнаго историческаго явленія, т.-е. его необходимость при данныхъ условіяхъ и въ данное время, это никакъ не даетъ мнѣ права возводить это явленіе въ принципъ и въ идеаль. Противъ *идеализаціи* московскаго періода, противъ стремленія *улыковачить* его духъ—осужденіе его нашимъ поэтомъ получаетъ всю силу высшей правды. Оправдывается также и предпочтеніе кievской

¹⁾ Мастерское развитіе этой исторической истины см. въ „Исторія Россіи“ Сергія Соловьева, томъ IV.—*Ред.*

Руси—не за ея „вѣче“, конечно, и еще менѣе за ея „поле“, въ которомъ, во-первыхъ, не было ничего хорошаго, и которое, во-вторыхъ, сохранилось и въ московскій періодъ (какъ описывается самимъ Толстымъ въ „Князь Серебряномъ“). Но были у кievской Руси дѣйствительныя преимущества, хотя они и остались тамъ только въ зародышѣ.

Совершенно независимо отъ тѣхъ обстоятельствъ, которые принудили Россію перейти отъ „кievскаго“ строя къ „московскому“, и вообще независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ формъ стоитъ вопросъ о тѣхъ нравственныхъ началахъ жизни, въ осуществленіи которыхъ—окончательный смыслъ исторіи. Эти начала вошли въ Россію при ея крещеніи, и спрашивается: гдѣ они сильнѣе чувствовались и вѣрнѣе понимались: въ Кіевѣ X—XII вѣковъ, или въ Москвѣ XVI-го и XVII-го? Кто былъ ближе къ идеалу христіанскаго государя: Владиміръ Св. и Владиміръ Мономахъ, которыхъ совѣсть не мирилась съ казнью преступниковъ, или Иванъ IV, который такъ легко совмѣщалъ усердное благочестіе съ массовыми избиеніями и утонченными терзаніями невинныхъ людей? Тутъ дѣло вовсе не въ личной жестокости: ею вовсе не отличались такіе цари, какъ Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ, однако и при нихъ не прекращались свирѣпыя казни дѣйствительныхъ и мнимыхъ преступниковъ (напр., сожженія старообрядцевъ). Ясно, что московская эпоха, какова бы ни была ея историческая необходимость въ другихъ отношеніяхъ, сопровождалась полнымъ затмѣніемъ нравственнаго сознанія, рѣшительнымъ искаженіемъ духовнаго образа человѣческаго, если не въ страдательной массѣ народной, то въ верхнихъ слояхъ, отдавшихъ всецѣло грубому дѣланію внѣшней исторіи. Задача истиннаго патріотизма—не возвеличивать это тяжелое и мрачное прошлое, а стараться объ окончательномъ искорененіи изъ нашей жизни всѣхъ остатковъ и слѣдовъ пережитаго озвѣренія:

Неволя заставить пройти черезъ грязь,—
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ.

Какъ патріотъ-поэтъ, Толстой былъ въ правѣ избрать не историческую, а пророческую точку зрѣнія. Онъ не останавливался на матеріальныхъ необходимостяхъ и условіяхъ прошедшаго, а мѣрилъ его *сверху*—нравственными потребностями настоящаго и упованіями будущаго. *И тутъ онъ не ошибался.* Для нашего настоящаго духовнаго исцѣленія и для нашихъ будущихъ задачъ нужны намъ, конечно, не монгольско-византійскія

преданія московской эпохи, а развитіе тѣхъ христіанскихъ и истинно-національныхъ началъ, что какъ бы было *общаю* и *предсказано* свѣтлыми явленіями кievской Руси.

XI.

А. Толстой былъ поэтъ-борецъ. Но это была не та борьба, которая отнимаетъ у человѣка духовную свободу, дѣлая его рабомъ какой-нибудь, хотя бы и великой, но все-таки внѣшней цѣли. Для кого высшая цѣль борьбы есть правда Божія, — всеобъемлющая и надъ всѣмъ возвышающаяся, тотъ — свободенъ возвыситься и надъ самою борьбою въ увѣренномъ сознаніи окончательнаго примиренія. Нашъ поэтъ не разъ въ своей жизни знавалъ минуты такого высшаго успокоенія, но съ полною ясностью оно далось ему передъ концомъ и выражено въ стихотвореніи, составляющемъ прекрасный заключительный аккордъ всей его дѣятельности:

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
 Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
 Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
 Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
 Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
 Природу всю широко осѣнивъ,
 Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
 Могучихъ силъ мнѣ слышалось движенье.
 Не шелеста надъ головой моею,
 Въ прозрачный мракъ дерева улетали;
 Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
 Какъ легкій дымъ, терялся въ горней дали;
 Лѣсной чеберъ и полевой шалфей,
 Блестя росой, въ травѣ благоухали.
 И думалъ я, въ померкшіи глядя сводъ:
 Куда меня такъ манить и влечеть?
 Проникнуть весь блаженствомъ былъ я новыиъ,
 Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
 Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
 Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
 То свершено однимъ, казалось, словомъ,
 И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
 Перехожу, подыять природой всею,
 Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!
 Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
 Надежды я не зналъ, ни опасенья..
 Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ,
 Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?

Со злобой дна души постыдный торгъ
 Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
 Для всѣхъ тревогъ безсгддно умерь я
 И ожилъ вновь въ сознанъ бытiя...
 Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
 И какъ отвѣтъ слышалоса мнѣ:
 Задачи то старинной разрѣшенъе
 Въ таинственномъ ты видишь полу-снѣ!
 То творчества съ покоемъ соглашенъе,
 То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...

ХП.

Я не имѣлъ въ виду излагать и разбирать все написанное А. Толстымъ; я хотѣлъ только напомнить въ общихъ чертахъ существенное содержанiе его поэзи. О многомъ хорошемъ и превосходномъ (напримѣръ „Драконъ“, „Алхимикъ“, Трилогія) я вовсе не упоминалъ, указывая только главное. При всемъ различii возможныхъ эстетическихъ оцѣнокъ, никто не усомнится, я увѣренъ, дать за поэта добрый отвѣтъ на вопросъ, которымъ оканчивается одно изъ послѣднихъ его стихотворенiй:

Всему насталъ покой, прими жъ его и ты,
 Пѣвецъ, державшій стагъ во имя красоты
 Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
 Ты въ бороды бросаешь, оставленные всѣмъ,
*По совѣсти ль тобой задача свершена,
 И жатва дней твоихъ обильна или скудна?*

Да! задача свершена имъ по совѣсти и содержанiе того, что имъ оставлено, важно и обильно. Какъ поэтъ, Толстой показалъ, что можно служить чистому искусству, не отдѣляя его отъ нравственнаго смысла жизни,—что это искусство должно быть чисто отъ всего низменнаго и ложнаго, но никакъ не отъ идейнаго содержанiя и жизненнаго значенiя. Какъ мыслитель, онъ далъ въ поэтической формѣ замѣчательно ясныя и стройныя выраженiя старому, но вѣчно-истинному платоническо-христіанскому міросозерпанiю. Какъ патриотъ, онъ горячо стоялъ за то именно, что всего болѣе нужно для нашей родины, и при этомъ—что еще важнѣе—онъ самъ представлялъ собою то, за что стоялъ: *жизненную силу свободной личности.*

У русскаго народа есть важныя добродѣтели преимущественно передъ народами Запада, — это именно тѣ, которыя общи намъ съ близкимъ намъ Востокомъ: созерцательность, покорность, тер-

пѣніе. Этими добродѣтелями долго держалась наша духовная метрополия—Византія, однако онѣ не могли спасти ея. Значить, однихъ этихъ восточныхъ свойствъ и преимуществъ самихъ по себѣ—мало. Они не могутъ уберечь великую націю, если къ нимъ не присоединится тотъ другой элементъ, который, конечно, не чуждъ и Россіи, какъ странѣ европейской и христіанской, но по историческимъ условіямъ имѣлъ доселѣ у насъ (какъ и въ Византіи) лишь слабое развитіе—я разумѣю *сознаніе безусловнаго человеческого достоинства, принципъ самостоятельной и самостоятельной личности*. Поэтъ, котораго мы теперь помянули, былъ однимъ изъ очень рѣдкихъ у насъ носителей этого истинно-человѣческаго жизненнаго начала, въ развитіи котораго главное условіе будущности каждаго народа. И съ этой стороны его произведенія привлекательны и значительны своею искренностью: онъ стоялъ въ нихъ за то, что было глубоко заложено въ немъ самомъ, — такъ какъ онъ самъ былъ сильною и свободною индивидуальностью, человѣкомъ внутренняго достоинства, чести и правды прежде всего. Эти качества не суть единственные добродѣтели, но *безъ нихъ* всѣ прочія стоятъ немного: безъ нихъ отдѣльный человѣкъ есть только произведеніе одной внѣшней среды, а сама такая среда является стадомъ.

Владиміръ Соловьевъ.

ПОЭТЪ И МУЗЫКАНТЪ

— Der Liedermacher.—Roman aus Neu-Berlin, von Julius Stinde *)

I.

ДНЕВНИКЪ.

„И съ какою стати она меня приглашала? Изъ любви ко мнѣ?.. Но развѣ кто-нибудь меня любить?.. Или, можетъ быть, изъ желанія мною похвастать?..“

Горькая, злобная усмѣшка искривила ея тонкія губы, и она стала рѣшительно некрасива. Мало-по-малу горечь обиды исчезла, и ея выраженіе смѣнилось одной только злобой. Сѣрые глаза засверкали, зрачки расширились и метали искры гнѣва.

*) Извѣстный нѣмецкій писатель-юмористъ, *Юлій Штинде*, который подписывался также псевдонимами: Альфреда де-Вальми, Ю. Штейнмана и Вильгельмина Бухгольцъ,—сынъ Конрада Штинде (пастора), родился въ Голштиніи въ 1841 году. Семнадцатилѣтнимъ юношей окончилъ Юлій Штинде гимназическій курсъ, и отецъ помѣстилъ его на службу въ г. Любекъ, въ аптеку. Но, повинувшись своему стремленію къ наукамъ, Штинде съ трудомъ вынесъ это испытаніе въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ чего бросилъ службу и поочередно перебывалъ въ университетахъ: кильскомъ, гиссенскомъ и іенскомъ. Въ 1863 году онъ уже былъ назначенъ заведующимъ работами на химическихъ заводахъ, а съ 1864 г., кромѣ того, и редакторомъ газеты „Hamburger Gewerbeblatt“, вплоть до 1868 года. Въ качествѣ журналиста онъ выступаетъ впервые въ 1866 г., какъ сотрудникъ гамбургскаго періодическаго изданія „Reform“, на поприщѣ же беллетриста заявляетъ себя лишь въ 1872 г., своимъ сборникомъ рассказовъ: „Alltagmährchen“, и лишь въ 1874 г. появляется его первый романъ: „In eiserner Faust“. Затѣмъ, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ, онъ отдается драматическому творчеству и одну за другой выпускаетъ въ свѣтъ: двѣ комедіи, народную пьесу и драму—„Aepfchen von Tharau“, обратившуму на себя вниманіе читающей публики. „Die Opfer der Wissenschaft“ (1879 г.),

Фрейлейнъ Ридеръ обмакнула перо въ чернила и продолжала заносить въ дневникъ свои впечатлѣнія.

„Она просто боится меня. Я ее ненавижу. И какое право она имѣетъ быть богатой? Кажется, еслибъ я только умѣла колдовать, я бы ее...“

Эту послѣднюю фразу она зачеркнула.

— Еслибъ кому случилось это прочесть, меня подняли бы на смѣхъ!—проговорила она про себя.—А все-таки, еслибы были на свѣтѣ такія волшебныя чары... О, только бы мнѣ умѣть колдовать!!...

И она посмотрѣла прямо передъ собою съ такимъ видомъ, какъ будто бы ея желаніе уже осуществилось.

Ей чудилось, что она молода и красива, богата, осыпана дорогими камнями, окружена толпою поклонниковъ. Домъ ея—полная чаша. Все, чтѣ ни есть самаго лучшаго, избраннаго въ обществѣ, все стремится къ ней въ домъ, считаетъ за счастье быть принятымъ у нея... и у ея мужа, избранника ея души и сердца. Какія греческія статуи сравнятся съ нимъ въ красотѣ? Кому онъ уступить въ силѣ ума и сложенія? Трудно сказать, съ его или съ ея стороны сильнѣе горитъ беззабѣтная страсть, которая даритъ блаженство, осыпаетъ подѣлуями любви и нѣги...

Она вздрогнула и... очнулась. Мечты отлетѣли, и не сразу освоилась она снова съ неприглядной дѣйствительностью. Эта дѣйствительность, эта скучная обстановка, были ей слишкомъ хорошо знакомы. Все ея помѣщеніе: гостиная, спальня, миниатюрная кухня и два чуланчика,—все это было куда меньше, чѣмъ одна только зала ея богатыхъ знакомыхъ, ихъ роскошная зала, въ которой она только-что была вмѣстѣ съ другими гостями, такими

„Waldnovellen“ (сборн. разск., 1881 г.) и др. изъвали также полное сочувствіе, но наибольшій успѣхъ, утвердившій за Ю. Штинде славу юмориста, выпалъ на долю его романа-новѣли: „Buchholzens in Italien“ (1888 г.)—одного изъ цѣлой серіи романовъ подобнаго же названія: „Die Familie Buchholz“ и др. Въ русскомъ переводѣ были напечатаны: „Бухгольцы въ Италіи“ и „Бухгольцы въ Индіи“ („Русск. Вѣстникъ“) и изъ сборника „Humoresken“: „Митя и Матя“—(Петерб. Вѣдом. 1892 г.) и „Не въ бородѣ счастье“ („Живоп. Обзор.“ 1892 г.). Легкость слога и неподдѣльный юморъ Штинде являются исключеніемъ изъ общихъ чертъ довольно тяжеловѣсной дѣмцевой юмористики. Сверхъ того, какъ бытописатель, Ю. Штинде обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ одинаково живо и прочувствованно изображать какъ бытъ народа съ его типичными особенностями, такъ и жизнь высшихъ и среднихъ слоевъ современнаго общества въ ея многоразличныхъ стремленіяхъ и отклоненіяхъ. За послѣднее время его любименною темой является Берлинъ, въ которомъ онъ живетъ съ 1876 г. и гдѣ, помимо своей беллетристической дѣятельности, онъ сотрудничаетъ въ повременномъ изданіи: „Schorers Familienblatt“.

довольными и веселыми. Впрочемъ и она сама казалась такою же довольной...

Коричневая полковая обивка ея гостиной, уже сильно потертой, выставляла на показъ порѣдѣвшія, оголенные нити изнанки; особенно потерты были ручки кресель, на которыя нельзя было, какъ на спинки, граціозно накинуть вязанныя салфеточки самыхъ причудливыхъ рисунковъ. На кругломъ переддиванномъ столѣ также красовалась вязаная большая скатерть. По стѣнамъ висѣли въ узенькихъ, дешевыхъ бронзированныхъ рамкахъ недорогія гравюры, которыя изображали большихъ собакъ, спасающихъ людей въ горахъ. Тамъ и сямъ стояли блѣдныя статуэтки, плохо отдѣлявшіяся отъ сѣрыхъ стѣнъ съ бѣлыми разводами. Не оживляли мертвящей обстановки гостиной ни коврики, ни безчисленное множество бумажныхъ и шерстяныхъ вязанныхъ и вышитыхъ украшеній; впечатлѣніе ея было до того снотворно, что, вошедши туда въ первый разъ, вы невольно искали глазами кровать. Но кровати тамъ не было: она стояла въ сосѣдней комнатѣ, въ спальнѣ, которая была настоящимъ „свята святыхъ“ всей квартиры. Спальня была еще бѣднѣе, чѣмъ гостиная, и вся утопала въ бѣлоснѣжной кисеѣ: занавѣси, шторы, чехлы на кровати и на мебели, пологъ и даже шкафъ и умывальный столъ, все, все было покрыто кисеєю. Петролеумъ недаромъ говорилъ всѣмъ, что спальня фрейлейнъ Ридеръ усыпана снѣгомъ.

Этотъ Петролеумъ былъ не кто иной, какъ сыннишка служащаго въ пивномъ погребѣ того же дома, гдѣ жила и она. Мальчикъ былъ у нея, такъ сказать, на побѣгушкахъ, хотя это опредѣленіе и несовсѣмъ подходило къ его обязанностямъ: бѣгать, собственно говоря, ему приходилось мало. Онъ только долженъ былъ ежедневно приносить извѣстный запасъ каменнаго угля, выносить воду и исполнять кое-какія порученія, когда прислуга, которая вочевала у себя дома, по чему-нибудь предпочитала дать себѣ нѣкоторый отдыхъ, не подниматься въ пятый этажъ, куда ей полагалось являться рано утромъ.

Петролеумъ тамъ и родился въ Лейпцигской улицѣ, и при его крещеніи отецъ самъ потребовалъ, чтобы ребенка такъ именно и называли, но церковныя власти не могли того допустить, и отцу пришлось остановиться на двухъ христіанскихъ именахъ: „Петро“ и „Лео“. Но мальчикъ росъ, а вмѣстѣ съ нимъ росла и привычка окружающихъ называть его не иначе, какъ Петролеумъ, чему воспротивиться не могли ужъ никакія власти на свѣтѣ.

Еще днемъ полагалось мальчику принести топлива, но онъ

всегда поступалъ по своему усмотрѣнiю, и потому, вѣроятно, не желалъ сегодня вовсе топить печи у фрейлейнъ Ридеръ.

Въ комнатѣ становилось все холоднѣе, и хозяйка дрожала, подумывая: не закутаться ли во что-нибудь потеплѣе? И тотчасъ же, злобно шипя, какъ змѣя, добавила вслухъ:

— А впрочемъ, чему быть, того не миновать!..

Зубы заболѣли сильнѣе. Она подвизалась большимъ теплымъ платкомъ, который обхватилъ ее подбородкомъ, щеки и голову, и надъ нею, какъ ослиныя уши, торчали его завязанные концы. На плечи она накинула старое пальто, которое ужъ давно служило ей капотомъ. Сегодня, какъ и всегда въ торжественныхъ случаяхъ, она была въ гостяхъ въ своемъ мундирѣ—сѣромъ шолововомъ платьѣ, которое потому только и не выходило изъ моды, что никогда и не было сшито по модѣ. Боже! Какъ она ненавидѣла это несносное платье, которое, казалось, не хотѣло изнашиваться!

— Вѣдь могло бы оно хоть на что-нибудь быть похоже! Но потому-то оно и не можетъ быть ни на что похоже, что ему полагается разыгрывать роль наряднаго и дорогого платья, а между тѣмъ—оно не дорого и не нарядно! Волей-неволей, оно обязано мнѣ служить нескончаемое число лѣтъ, не измѣняя своего старомоднаго вида. Передѣлать его невозможно: матерiи бы не хватило.

Да и сама фрейлейнъ Ридеръ была некрасива. Она была слишкомъ умна, чтобы заблуждаться насчетъ своей непривлекательной наружности. Лобъ ея былъ бы недуренъ, еслибъ отъ него правильнѣе отдѣлялся большой толстый носъ, за который, она понимала, ее легко могли прозвать „носатой“. И ротъ, и подбородокъ, были бы еще сносны, еслибъ ихъ не портило то, что ротъ окаймлялся неприятно-тонкими губами. И всѣ-то эти недостатки еще сошли бы благополучно, еслибъ ихъ скрасили большiе сѣрые выразительные глаза; но ея узкiе глазки, хоть они и были чистаго сѣраго цвѣта, не отличались выразительностью, а лѣвый глазъ, вдобавокъ, еще не поспѣвалъ за правымъ. Длинными, густыми, прекрасными пепельными волосами она могла бы похвастать: когда она распускала ихъ по плечамъ, они, какъ пышной мантией, окутывали ея тщедушную, нестройную фигуру. Все такъ,—но кому на радость могла бы она хвастать ихъ непокушной красотою? О, какъ ненавидѣла она гордыхъ богачихъ, которымъ деньги доставляли всю ту роскошь наряда, которая служила имъ украшенiемъ и помогала имъ прикрывать свои природныя недостатки! Фрейлейнъ Ридеръ не могла имъ

простить богатства, въ которомъ ей отказала судьба, и ежедневно, вернувшись изъ гостей, по ночамъ изливала на бумагѣ всю горечь зависти и злобы, которую она вынуждена была скрывать отъ людей. Ничего, ни малѣйшаго сучка, ни задоринки, не прощала она своимъ ближнимъ: а любви къ нимъ,— о любви и прощениі, по наставленію Христа-Спасителя, не могло быть и рѣчи. Ничего не спускала въ своемъ дневникѣ озлобленная старая дѣва своимъ названнымъ друзьямъ и пріятельницамъ: она, что называется, ставила имъ всякое лыко въ строку. Но чтобы и по смерти ея никто не проникъ ея сокровенныхъ чувствъ и мыслей, она писала особымъ, ей одной извѣстнымъ шрифтомъ, въ родѣ іероглифовъ, тѣмъ болѣе, что уже многіе знали о существованіи ея таинственной рукописи. Мнѣнія объ этомъ раздѣлялись: одни полагали, что она готовитъ свой дневникъ къ печати и до поры до времени не хочетъ ничего разглашать о немъ; другіе говорили, что уже и теперь ей предлагаютъ за его обличительное содержаніе большія деньги; иные даже доходили до того, что утверждали, будто и теперь она уже тайно сотрудничаетъ въ одной рѣзкой, критически-настроенной газетѣ. Но никто не могъ бы прямо указать на источникъ своихъ разнорѣчивыхъ мнѣній, и фрейлейнъ Ридеръ могла только радоваться, что она такъ умна и такъ искусно скрываетъ свои настоящіе ощущенія, и не мѣшала молвѣ, которая гласила, что такое ничтожное существо, какъ она, можетъ сильно навредить людямъ властнымъ и богатымъ: такимъ образомъ, всѣ были съ нею вѣжливы и предупредительны, даже дружны и ласковы, изъ боязни попасть ей на зубокъ.

Вотъ и теперь она задавала себѣ въ десятый разъ одинъ и тотъ же вопросъ: въ чему такъ усердно звала ее въ себѣ г-жа Терменъ, эта горделивая, напыщенная богачиха? Ужъ не оттого ли, что боялась ея злого язычка, готоваго разболтать, съ безграничными добавленіями, кое-что изъ тѣхъ сплетенъ, которыя ходили на счетъ г-жи Терменъ, и которыя, по всей вѣроятности, стояли въ ея таинственномъ дневникѣ?

— Или она просто хотѣла подавить меня своей любезностью? — мучила себя сомнѣніями старая дѣва: — изъ желанія просто похвастать своимъ положеніемъ въ свѣтѣ передъ нею, несчастной, не имѣющей ни власти, ни красоты, ни положенія, ничего, ничего?!

И фрейлейнъ Ридеръ въ волненіи подернула головой.

Крикъ ярости вырвался изъ ея чахой груди.

На стѣнѣ передъ нею дрогнула и протянулась большая,

безобразная тѣнь, своей длинной шеей и торчащими ушами напоминавшая, какъ двѣ капли воды, голову кенгуру.

— Ого! Такъ это я-то и есть кенгуру?—задыхаясь, воскликнула она.—Это они „меня“ такъ величали? Ну, погодите, голубчики: это вамъ даромъ не пройдетъ!!..

Фрейлейнъ Ридеръ мигомъ припомнила, что сегодня, въ гости у Терменъ, она неожиданно вошла въ комнату, гдѣ весело потѣшались хохотавшіе молодые люди: завидя ее, они вдругъ умолкли, но до нея услѣло-таки долетѣть насмѣшливо-сказанное слово: „кенгуру“.

— Зачинщикомъ насмѣшки былъ, конечно, Викторъ Монна, молодой, талантливый и уже избалованный публикою піанистъ... —Тобой восхищаются, тебя рвутъ на части, голубчикъ? Ну, постой: я ужъ постараюсь принять мѣры, чтобы мода на тебя прошла! Стоить только при комъ-нибудь сказать вполголоса, что онъ не понимаетъ Бетховена... Сначала это замѣчаніе пройдетъ безъ вниманія; но если его повторить разъ-другой, кто-нибудь подхватитъ его, не вникая въ его обстоятельность и... готово дѣло! Молва будетъ расти и въ конецъ подорветъ его славу даровитого музыканта... Хорошо, такъ и сдѣлаемъ.

— Второй изъ насмѣшниковъ—горе-пѣвецъ, весь репертуаръ котораго ограничивается четырьмя-пятью романсами, которыми онъ старается блеснуть... послѣ ужина. И какъ это онъ можетъ пѣть на полный желудокъ?.. Про него можно распустить слухъ, что театральныя власти прочать его въ оперу: тогда слушатели станутъ строже относиться къ нему, и вся его красота (которую онъ считаетъ неотразимой) не поможетъ!

— Ну, а третій... Третій мнѣ даже... почти понравился: таковъ у него открытый, чуть не юношескій видъ! Но это ему не вредитъ. Онъ именно своей простотой и чистосердечностью отличается отъ молодыхъ людей и юношей свѣтскаго круга, на лицѣ которыхъ написано, что они, какъ сами выражаются, „рано жить начали“... А жаль его! Испортится онъ въ ихъ средѣ, въ дружеской близости всякихъ Монна и К^о! Онъ покраснѣлъ, бѣднѣйка, покраснѣлъ, какъ ребенокъ, замѣтивъ меня, хоть и смѣялся вмѣстѣ съ ними. Да: онъ, какъ ребенокъ, нуждается въ опытныхъ совѣтахъ и помощи... Но кто онъ такой? Говорятъ, у него есть кое-какія средства, но чѣмъ онъ занимается? А, вѣроятно, изучаетъ медицину. Нѣтъ, для медика онъ недостаточно рѣвокъ и суровъ: онъ бы самъ расхворался отъ сочувствія въ своимъ больнымъ. Ну, богословіе, что-ли? На каедрѣ онъ бы казался воплощеніемъ св. Іоанна Богослова: что за чудные у

него глаза, что за волнистые, длинные волосы съ золотистымъ отливомъ!.. Жаль, что и онъ испортится, погибнетъ вмѣстѣ съ ними. Онъ такой нѣжный, простодушный. Есть у него кто-нибудь въ живыхъ, кто бы о немъ заботился: отецъ, мать, сестра? А интересно бы знать: было ли бы ему жаль, еслибъ онъ зналъ, какъ меня огорчила насмѣшка? Сказать ему объ этомъ, предупредить о порочныхъ сторонахъ столичной жизни? Или онъ только посмѣется надо мною, какъ уже смѣялся? Нѣтъ, нѣтъ: этого я ему болѣе, чѣмъ кому другому, не прощу: не имѣетъ онъ права меня оскорблять, и тѣмъ болѣе, что онъ совсѣмъ еще дитя, несмотря на свои двадцать (кажется, двадцать?) лѣтъ... О, еслибы я знала могучія чары, чтобы всѣмъ имъ воздать по заслугамъ!

Зубы заболѣли нестерпимо. Фрейлейнъ Ридеръ захлопнула свой дневникъ и послѣшила положить за щеку крезовоту; но вкусъ его былъ такъ противенъ, что она не выдержала и выплюнула его, несмотря на нестерпимую боль.

Пройдя въ спальню, она торопливо раздѣлась и, еще разъ подумавъ про себя: „О, еслибъ имъ отомстить!..“ легла въ свою бѣлую и холодную, какъ снѣгъ, постель.

II.

Монна и Виттъ.

— Если вы ничего противъ этого не имѣете, — сказалъ Монна, выходя отъ Терменовъ вмѣстѣ съ Виттомъ: — мы еще успѣемъ зайти на полчаса въ „Кайзергофъ“. Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ еще вовсе не хочется спать.

— Съ удовольствіемъ... съ большимъ удовольствіемъ! Я тоже не прочь поболтать, хоть часъ ужъ довольно поздній.

— Да, правда: всѣмъ этимъ сборищамъ не мѣшало бы пораньше кончаться, а то собираются на нихъ поздно, и поздно, или, говоря вѣрнѣе, рано расходятся. Такимъ образомъ, неволью явится привычка полуночничать.

— Вы, значить, врагъ всякихъ чаепитій?

— Ахъ, да не въ нихъ тутъ дѣло!.. Это не чаепитіе, а торгъ какой-то. Всѣ эти люди сходятся вмѣстѣ въ такихъ домахъ, большею частью, гдѣ имъ мало кто извѣстенъ, и каждый, какъ на торгахъ, старается набить себѣ дѣну. Кто силится выставить напоказъ свои личныя совершенства; кто спѣшитъ въ погоню за

богатыми наследницами; кто хвастаетъ своимъ умомъ или знатнымъ происхожденіемъ, а кто вертится въ свѣтскихъ салонахъ отъ нечего дѣлать или чтобы не отставать отъ другихъ. Дамы—исключительно съ цѣлью блистать, волочить за собой цѣлую толпу поклонниковъ, или просто изъ желанія нравиться. Здѣсь, какъ и вездѣ, предложеніе превышаетъ спросъ: выборъ большой и разнообразный всевозможныхъ талантовъ, званій, искусствъ и состояній, и всего, всего, что мало-мальски съ ними связано...

— Какъ видно, общественная жизнь не особенно вамъ по вкусу?

— Претить она мнѣ, вотъ что!

— А мнѣ, признаюсь, она даже нравится.

— Вы, вѣрно, еще недавно въ Берлинѣ? Поживете, испытаете съ мое—и будете непремѣнно моего мнѣнія. Нѣтъ, когда вы дойдете до того, что съ первымъ же глоткомъ будете въ состояніи сказать, отъ кого предложенный вамъ обѣдъ; когда вы пребываете на полсотнѣ торжественныхъ обѣдовъ (или, вѣрнѣе, ужиновъ), тогда пятьдесятъ-первый будетъ представляться вамъ не удовольствіемъ, а лишь докучнымъ поводомъ измѣять бѣлый галстухъ, испачкать пару свѣжихъ перчатокъ, потратиться на „на-чай“ и на извозчика...

Виттъ ничего не отвѣчалъ. Ему больно было слушать раздраженную рѣчь его собесѣдника. Онъ не могъ допустить, чтобы Монна говорилъ на-вѣтеръ, не испытавъ на себѣ всю горечь разочарованія; но и самое это разочарованіе показалось Витту неблагодарностью съ его стороны. Ужъ, кажется, чего лучше было сегодня у Терменовъ?

Вся квартира, несмотря на зимнее время, утопала въ весеннихъ цвѣтахъ. Дорогое столовое бѣлье, хрусталь, отливающийъ всѣми цвѣтами радуги, дорогое, искристое вино и вся роскошь обстановки, которая, благодаря чрезвычайному радушію хозяевъ, казалось, была предложена гостямъ исключительно для ихъ удовольствія. Какъ мила и любезна хозяйка дома, какъ равно предупредительна со всѣми, посѣтившими ее! Что же такое онъ самъ, Виттъ, передъ нею? А и съ нимъ она обращалась какъ съ равнымъ, нѣсколько разъ вступала съ нимъ въ разговоръ; благодарилась за то, что онъ принялъ ее приглашеніе и просила впредь не забывать ее домъ своими посѣщеніями. Относительно же общаго мнѣнія Монны о свѣтской жизни, о томъ обществѣ, которое вертится въ ея круговоротѣ, Виттъ рѣшительно не могъ допустить, чтобы его собесѣдникъ включалъ въ него такую семью, какъ Термены. И, наконецъ, начать хотъ съ того, какъ они от-

носятся къ нему самому, почти-что начинающему музыканту: развѣ не сама г-жа Терменъ просила его, Монну, играть и затѣмъ первая подошла и въ самыхъ милыхъ выраженіяхъ благодарила за доставленное наслажденіе.

— Я у васъ въ неоплатномъ долгу,—говорила она, радушно улыбаясь.—Наслажденіе искусствомъ не имѣетъ цѣны въ моихъ глазахъ: оно слишкомъ велико, слишкомъ духовно! И выразить не могу, какъ я вамъ благодарна за то, что ваша талантливая игра явилась главной приманкой нашего вечера и доставила нашимъ гостямъ такое ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе! Таково, я думаю, мнѣніе всѣхъ, въ ушахъ которыхъ еще звучать дивныя звуки вашей прелестной музыки.

Тогда всѣ гости бросились, по ея почину, къ молодому pianistu и принялись пожимать ему руки, непрерывно осыпая его восторженными похвалами. Наконецъ, и самъ хозяинъ дома, передъ которымъ толпа разступилась, подошелъ и крѣпко пожалъ ему руку, при чемъ Монна отвѣтилъ ему болѣе низкимъ поклономъ, чѣмъ другимъ...

Нѣтъ, рѣшительно онъ не могъ быть такого мнѣнія о семьѣ Терменовъ!

Въ глазахъ Витта, Монна былъ тѣмъ, чѣмъ бы онъ самъ желалъ быть: онъ былъ статенъ, коренасто сложенъ, красивъ лицомъ и приятенъ въ обхожденіи. Лицо его выгодно отгѣняли волнистыя, почти черныя волосы; густыя брови и бакенбарды были нѣсколько свѣтлѣе отгѣнкомъ. Когда онъ сидѣлъ за роялемъ, черты лица его принимали порой выраженіе какой-то досадливой рѣшимости, словно ему приходилось преодолевать невидимыя препятствія и свое нежеланіе съ ними бороться.

— Онъ красивѣе всего, когда злится!—говорили тогда милыя дамы.—Онъ словно борется съ бѣсовскою силой, которая хочетъ завладѣть его духомъ, и эта борьба изливается въ дивныхъ, бушующихъ звукахъ.

Привѣты и поклоненіе были для Монны дѣломъ привычнымъ, и онъ принималъ ихъ какъ должное, съ нѣкоторой даже снисходительностью, но ни на минуту не забывая быть въ высшей степени свѣтски-вѣжливымъ. Въ кругу мужчинъ онъ имѣлъ не меньшій успѣхъ, какъ незамѣнимый собесѣдникъ, умѣвшій вести самую пріятную и разнообразную бесѣду о новостяхъ дня, которая, кстати сказать, никому лучше его не были извѣстны. Онъ выбалтывалъ эти новости такъ, между прочимъ, за чашкой послѣобѣденнаго кофе, за дорогой сигарой; а оттуда, на слѣдующій

же день онѣ разносились по городу и становились уже настоящей „злой днѣ“.

Что же касается его, Витта, — онѣ до сихъ поръ еще не могъ отдѣлаться отъ смущенія, если съ нимъ заговаривала какая-либо важная особа, и только добрыя сутки спустя, вспоминая все происшедшее, онѣ разсуждалъ самъ съ собой хладнокровно: „Вотъ такъ-то или такъ отвѣчать бы тебѣ слѣдовало, а не бормотать смущенно, какъ дуракъ. Стыдись! Когда же, наконецъ, перестанешь ты быть тупоголовымъ, какъ баранъ?..“ и т. д. въ томъ же духѣ.

Монна восхищалъ его своимъ самообладаніемъ, своимъ пренебреженіемъ къ восторгамъ толпы, на которую онѣ смотрѣлъ какъ бы съ высоты своего величія; и онѣ восторгался имъ, преклонялся предъ его совершенствами, какъ нѣкогда юноши-идеалисты, влюбленные въ рыцарей-героевъ. Онѣ и не ожидалъ, не смѣлъ ожидать, чтобы такой человѣкъ, какъ Монна, замѣтилъ его, отличилъ его своимъ вниманіемъ; и потому его приглашеніе выйти вмѣстѣ и затѣмъ побесѣдовать наполнило его блаженствомъ.

Виттъ чувствовалъ себя безгранично-довольнымъ и счастливымъ, и это чувство рвалось наружу; но слова казались ему для этого слишкомъ обиденными, неподходящими къ его свѣтлому, приподнятому настроенію. Лицо его свѣтилось безмятежной радостью; въ головѣ быстро проносились звучныя рѣзмы, складывались восторженные картины, но онѣ пролетали мимо, словно испуганныя зимнею стужей, отъ которой Монна и рядомъ съ нимъ шагавшій, молчаливый Виттъ снѣжили укрыться въ теплое кафѣ.

Молча дошли они до Врангельбруннена.

— Да, такова ужъ людская несправедливость! — заговорилъ снова Монна, указывая своему спутнику на выставку за окномъ въ концѣ аллеи Побѣды. — Для скульптуры и живописи у города и у правительства всегда найдутся лишнія деньги; но на долю музыки у нихъ нѣтъ ни гроша! Молодому, начинающему артисту просто ходу нѣтъ! Послѣ перваго же концерта онѣ обыкновенно просыпается еще обѣднѣе, чѣмъ былъ наканунѣ: наемъ залы, объявленія, билеты и плата участвующимъ стоятъ больше, чѣмъ можно выручить. Самое меньшее, что городъ и правительство могли бы для насъ сдѣлать, это — выстроить особый домъ съ большими концертными залами, которыя освѣщались и отдавались бы подъ концерты бесплатно!

— А я всегда былъ того мнѣнія, — возразилъ Виттъ: — что

для музыки дѣлается больше, чѣмъ для какаго-либо другого искусства, особенно сравнительно съ поэзіей. Однакоже изъ нашихъ словъ явствуетъ совершенно противное: повидимому, всѣ другія искусства имѣютъ надъ музыкой неоспоримое преимущество.

— Положимъ, правительство озабочивается преподаваніемъ музыки, но для самого искусства и его представителей — артистовъ — оно не дѣлаетъ ровно ничего. Въ наше время конкуренція такъ велика, требованія, предъявляемыя артисту, такъ высоки, что самый даровитый, самый выдающійся человѣкъ безъ денежныхъ средствъ ничего не добьется, — хотя бы только того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ! А для этого нужны большія затраты на концерты и рекламы!

— Мнѣ думалось, что сила искусства одна можетъ преодолѣть всѣ препятствія, и что лавры — ея естественное украшеніе...

— Можетъ быть, такъ оно и было... въ старину, — перебилъ его Монна. — А теперь все это песь побралъ!

Виттъ не могъ себя представить, что бы могло значить такое картинное выраженіе, какъ „песь побралъ“; но изъ тона своего собесѣдника онъ понялъ, что это, должно быть, нѣчто весьма нежелательное, ужасное, отвратительное.

Но вотъ и Фоссова улица, вотъ и „Кайзергофъ“. Еще минута, другая — и наши молодые люди уже сидятъ за уютнымъ столикомъ отеля, и передъ Монной, своимъ завсегдатаемъ, слуга стоитъ, почтительно изгибаясь, съ любезной улыбкой.

— Что, никого изъ нашихъ нѣтъ? — спросилъ его Монна.

— Изволили уйти съ часъ тому назадъ.

— Хорошо. Дайте намъ грогъ... нѣтъ, пару! И живѣй!

Пока слуга сбѣгалъ за грогомъ, Монна добѣжалъ до прилавка, за которымъ сидѣли двѣ дѣвицы, и одна изъ нихъ, высокая блондинка, встрѣтила его веселымъ смѣхомъ.

„Ему вездѣ рады, — подумалъ Виттъ. — Не знаю, доставлю бы мнѣ удовольствіе поболтать съ этими блондинками, еслибы я часто заходилъ сюда? А впрочемъ, кажется, что — да“.

Тѣмъ временемъ собесѣдница Монны оглядывала Витта, который поймалъ на себя ея взглядъ и покраснѣлъ, опустивъ глаза. Дѣвушки осыпали музыканта разспросами: кто такой его новый пріятель, изъ какаго онъ явился захолустя.

— Красивый малый, только не-эффектный, — замѣтила одна изъ нихъ.

— Слишкомъ молодъ: ничего, потомъ образуется,—возразила другая.

— А что бы вамъ взяться его образовывать?—спросилъ Монна.

— У кого же ему и учиться, какъ не у васъ? — смѣялась блондинка.

— Спасибо за лестное мнѣніе,—весело засмѣялся Монна ей въ отвѣтъ и, на ходу кивнувъ головой въ знакъ прощанья, вернулся къ Витту.

— Чего жъ вы не пьете? Или не любите грога?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, я жду, пока вы подадите примѣръ,—вѣжливо проговорилъ Виттъ.

— Какъ вы любезны! Отъ моихъ друзей такой вѣжливости не дожدهшься. Приди мы немножко пораньше, вы бы кой-кого изъ нихъ увидали. Есть между ними очень милые, есть и безтолковые; да, впрочемъ, кто же изъ музыкантовъ въ наше время можетъ похвалиться толковостью.

— Артистъ рѣдко можетъ довольствоваться окружающей его средой,—задумчиво началъ Виттъ.—А разъ, что онъ выдѣляется, иначе говоря, стоитъ особнякомъ, ему даже естественно прослыть чудачомъ или безтолковымъ. Какъ бы хорошъ былъ Божій міръ, еслибы большинство поэтовъ и артистовъ было именно въ этомъ смыслѣ безтолково!

Монна какъ-то бокомъ посмотрѣлъ на пріятеля, точно безъ словъ говоря: „Вижу, вижу, къ чему ты клонишь, голубчикъ!“ Но у Витта глаза такъ ясно и открыто смотрѣли, а голосъ звучалъ такъ убѣжденно, что это предположеніе не могло къ нему относиться.

Чтобы перейти къ иному предмету разговора, Монна поспѣшилъ торопливо ему поддакнуть.

— Да, да!..—сказалъ онъ.—Ну, а скажите-ка: вы какимъ образомъ попали къ Терменамъ?

— Къ нимъ-то? Да вѣдь самъ Терменъ завѣдуетъ моимъ капиталомъ.

— Вотъ какъ!—протянулъ Монна, неволью принимая мѣнѣ небрежную позу.—Теперь мнѣ все понятно. Но только вотъ что меня удивляетъ: такіе люди, какъ вы, нравятся въ обществѣ: отчего же васъ такъ мало видно?

— Я только недавно пріѣхалъ въ Берлинъ.

— ...Чтобы просадить въ него всѣ свои денежки?

— Нѣтъ; я еще слишкомъ молодъ, чтобы кутить, и предпочитаю пока заниматься...

— Чѣмъ же именно, позвольте спросить?

— Я изучаю „германистику“.

— Гм! Странная наука. Первый разъ слышу!.. Ну, а о чемъ она трактуетъ, позвольте спросить?

— Это еще совсѣмъ юная отрасль наукъ, и цѣль ея—изученіе рѣчи, законовъ и обычаевъ нашихъ предковъ въ связи съ древностью.

— И цѣль ея... зарабатывать хлѣбъ?

— Да, если сдѣлаться профессоромъ; инымъ способомъ она не прокормить.

— Ну, такъ вы можете считать себя счастливымъ, что имѣете возможность заниматься тѣмъ, что для васъ пріятно, и при этомъ не испытывать ежечасной, гнетущей заботы о томъ, какъ бы не умереть съ голоду? Для того же, кто вынужденъ губить свой талантъ, свое искусство необходимостью снискивать себѣ пропитаніе, нѣтъ, кажется, минуты, когда ему дала бы вздохнуть свободно чудовищная перспектива захворать и очутиться, такимъ образомъ, кандидатомъ въ домъ призрѣнія бѣдныхъ... вмѣсто блестящей будущности, полной успѣховъ и славы! Нѣтъ, что ни говорите, деньги—главный... самый главный рычагъ всегда и во всемъ!

— Ну, однако: безъ таланта и деньги не помогутъ,—а его за деньги не купишь!—горячился Виттъ.

— Не спорю; но реклама стѣитъ не мало, а безъ нея, какъ бы великъ ни былъ талантъ, о немъ никому не будетъ извѣстно. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы композитора: богатъ онъ, имѣетъ связи—и оперу его ставятъ, говорятъ о ней, расхваливаютъ до небесъ, если она хороша. Если жъ онъ бѣденъ и безъ протекцій, —какъ бы хороша она ни была, она не будетъ имѣть ни извѣстности, ни успѣха. Сколько нападокъ вытерпѣли гениальнѣйшіе изъ композиторовъ, пока ихъ оперы, впоследствии сдѣлавшіяся бессмертными, стали извѣстны и любимы публикой! Ихъ не сразу поняли, не сразу оцѣнили. Эти люди были слишкомъ горды и бѣдны, чтобы прибѣгать къ рекламѣ или пользоваться ея добровольными услугами. Черезъ какія муки и несправедливости долженъ пройти даже гениальнѣйшій изъ композиторовъ на пути къ извѣстности—трудно себѣ и представить!

— Вы говорите такъ, какъ будто вамъ самимъ приходится испытывать все это; а между тѣмъ, васъ уже теперь вездѣ такъ чествуютъ, такъ любятъ!—возразилъ Виттъ въ удивленіи.

— Вотъ мнѣ-то именно и приходится испытывать это на себѣ. Мой успѣхъ въ публикѣ уже не тотъ, что былъ. Я началъ

быть знаменитостью еще ребенкомъ, когда на удивленіе всѣмъ исполнялъ на эстрадѣ Шопена и Бетховена, и особенно хорошо послѣдняго. Долгое время, съ самаго младенческаго возраста, уроки музыки и розга были для меня чѣмъ-то неразлучнымъ; но съ первымъ же публичнымъ успѣхомъ я понялъ всю притягательную силу славы и успѣха. Съ той поры въ розгѣ уже не было надобности: я занимался охотно и самъ замѣчалъ, что дѣлаю поразительные успѣхи. Слава моя шла все возрастая, пока я самъ не выросъ изъ своихъ бархатныхъ курточекъ и не пересталъ быть „чудо-ребенкомъ“. Къ тому времени появился какой-то восьмилѣтній пианистъ, и на него посыпались и похвалы, принадлежавшія до тѣхъ поръ мнѣ безраздѣльно, и конфеты.... „мои“ конфеты! Отецъ мой держалъ гостиницу, велъ продажу пива оптомъ, чтобы только дать мнѣ возможность усовершенствоваться и, въ свою очередь, зарабатывать деньги... Но я рано его лишился; мать умерла еще раньше...

— Какъ и моя: я тоже сирота,—сочувственно подхватилъ Виттъ.

— Оставшись безъ средствъ въ жизни, я уже взрослымъ юношей долженъ былъ, все-таки, прежде всего подумать о своемъ образовательномъ цензѣ, необходимомъ для отбыванія воинской повинности. За все это время, не могъ же я, при всемъ своемъ желаніи, идти впередъ, работать по десяти часовъ въ день, какъ теперь...

— Неужели? Да это сломить хоть какіе нервы!

— Но мои не сломить,—самодовольно проговорилъ Монна.— Иначе, откуда бы взялась такая сила мышцъ и мускуловъ, съ которой самыя страшныя техническія трудности мнѣ нипочемъ? Потрогайте-ка мою руку. А? Вѣдь чтѣ твое желѣзо!

— Нѣтъ, гранитъ!—убѣжденно подтвердилъ Виттъ.

— Да, батюшка; а иначе ничего не подѣлаешь; иначе ни силы, ни бѣглости не добьешься.

— Но вѣдь должны же ваши труды увѣнчаться успѣхомъ: они непременно обратятъ на себя вниманіе...

— Нѣтъ, конкуренція слишкомъ велика: и не такіе таланты проходятъ незамѣченными. Нравится теперь только что-нибудь совсѣмъ новое, оригинальное; а такого найти не легко. Одному изъ моихъ знакомыхъ теперь много хлопотъ надъ симфонической картиной, и ему, счастливцу, удалось найти такіе оркестровые эффекты, которыхъ еще не употреблялъ никто. Вотъ ужъ кому можно позавидовать!

— Ну, а вы сами развѣ не пишете ничего?

— Писать-то я пишу, помаленьку; да темы откуда возьмешь? Все самое красивое и удобное для воспроизведенія музыки уже истолковано на всѣ лады, а тексты Гейне, Эйхендорфа, Годмана фонъ-Фаллерслебенъ и Юліуса Вольфа—просто нарашивать. Вотъ, кабы у меня были подъ рукою новыя, еще никому неизвѣстныя вещи... Я увѣренъ, что моя музыка понравилась бы непременно!

Виттъ, слушая его, видимо волновался. Нѣжный, почти дѣвическій румянецъ разгорался у него на щекахъ, и еще бѣлѣе и изящнѣе выступала бѣлизна его висковъ, обрамленныхъ волнистыми, мягкими, какъ шолкъ, кудрями. Его губы невольно раздвинулись улыбкой, радостной и чистосердечной, какъ улыбка ребенка, который слышитъ пріятную для него новость.

— У меня есть тексты,—началъ онъ несмѣло:—они граничатъ съ народною пѣсней; но мнѣ кажется, что за исходную точку поэтического творчества, или, вѣрнѣе говоря, современной поэзіи, слѣдуетъ принять именно это естественное, народное творчество...

— А чьи это стихотворенія?—перебилъ его Монна.

Виттъ не сразу рѣшился отвѣтить:

— ...Мои.

— Вотъ какъ!.. Они есть въ печати?

— О, нѣтъ, нѣтъ: я не посмѣлъ бы отдать ихъ на судъ публики. Мнѣ они кажутся недостаточно хороши: въ нихъ точно чего-то не хватаетъ. Я долго не могъ понять, чего именно? Но теперь я знаю: музыки!

— А, такъ они не напечатаны; уже это одно придаетъ имъ большую цѣнность! Но только жаль. Мнѣ послѣднее время все нездоровилось,—простудился я, что-ли,—а все равно приходится выходить, играть за деньги (вотъ какъ сегодня у Терменовъ), чтобы не сидѣть впроголодь... И это называется жизнь! Да это мука, это тяжелое ярмо!.. О, только бы мнѣ его стряхнуть!

Въ безграничномъ возбужденіи слушалъ его Виттъ, и душа его болѣла за этого полу-бога, какимъ представлялся ему красавецъ и виртуозъ Монна. И этотъ полу-богъ искусства долженъ чуть не голодать, разбивать на гроши свое неопѣненное дарованіе, когда обезпеченный кусокъ хлѣба могъ бы дать полную свободу его гениальному музыкальному таланту! Виттъ тутъ же порѣшилъ, что онъ не можетъ сдѣлать лучшаго употребленія изъ своего маленькаго матеріальнаго излишка, какъ придти на помощь нуждающемуся артисту, а слѣдовательно, косвеннымъ образомъ, и развитію искусства.

— Позвольте мнѣ прислать вамъ на просмотръ нѣкоторыя изъ моихъ пѣсенъ?—робко предложилъ онъ.

— Пожалуйста; вы меня крайне обяжете! — былъ любезный и привѣтливый отвѣтъ.—А не согласитесь ли вы написать либретто?

— Для васъ? Надо попробовать.

— Вотъ и прекрасно! Только смотрите, не проболтайте: у васъ въ столицѣ надо держать ухо востро, особенно съ такими особами, какъ фрейлейнъ Ридеръ...

— Ахъ, это та, надъ которой сегодня мы такъ потѣшались? А вѣдь она и въ самомъ дѣлѣ похожа на кенгуру.

— Она настоящій ходячій телефонъ, и вамъ, какъ новичку у насъ, тѣмъ болѣе надо ея опасаться. Кельнеръ, получите!

И Монна стала разсчитываться. Виттъ хотѣлъ уплатить половину, но музыкантъ не позволилъ:

— Сегодня пусть будетъ мой чередъ, а слѣдующій—вашъ, —сказалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ,—привѣтливо согласился поэтъ и рѣшилъ про себя, что въ ихъ будущихъ общихъ затратахъ всегда будетъ „слѣдующій“ разъ. Ему хотѣлось хоть такимъ образомъ придти на помощь своему новому другу.

Разставаясь уже на улицѣ, на перекресткѣ, Монна спросила пріятеля:

— Вы сами мнѣ принесете свои пѣсни? Завтра я буду цѣлый день дома.

— Нѣтъ, ужъ я лучше ихъ пришлю и подожду отъ васъ письменнаго отвѣта: а то еще неизвѣстно, какъ онѣ вамъ понравятся?

— Ну, и то хорошо. Вы знаете мой адресъ?

— Да, я еще сегодня шелъ мимо вашей квартиры.

— Ну, и отлично... До свиданья!

III.

БОГАТЫЕ ЛЮДИ.

Послѣ ухода гостей, Терменъ сидѣлъ задумавшись въ своей „курильнѣ“—просторной комнатѣ, убранной въ древне-нюрнбергскомъ стилѣ. Теперь онъ могъ на свободѣ выкурить цѣлую сигару, чего за весь вечеръ ему не удавалось сдѣлать. Это была совсѣмъ особая, дорогая сигара, изъ того сорта, которымъ онъ

не потчивалъ гостей и поберегалъ для себя. Она была слишкомъ хороша для того, чтобы ее бросать наполовину недокуренной, какъ это дѣлаетъ громадное большинство не-профессіональныхъ любителей сигаръ, и потому имъ предлагался большой выборъ самыхъ разнообразныхъ, но не такихъ дорогихъ сортовъ, разложенныхъ въ пестрыхъ коробкахъ и опоясанныхъ цвѣтными ленточками или золотыми полосками.

Небрежное отношеніе къ достоинству сигаръ, пожалуй, еще болѣе раздражающимъ образомъ вліяло на Термена, нежели недопитые стаканы вина, — особенно если это было вино старое, вылежавшееся. Во набѣжаніе этого и себѣ въ успокоеніе, Терменъ завелъ у себя за столомъ порядокъ подавать для такихъ винъ стаканы и рюмки превосходнѣйшаго хрустала, но меньшаго размѣра, а въ красивыхъ коробкахъ—небольшія и недорогія сигары. И, наконецъ, хозяину дома хотѣлось имѣть хоть что-нибудь свое, отдѣльно отъ гостей.

Недаромъ же говаривалъ онъ въ шутку самъ себѣ:

— Изъ всего моего богатства, у меня только и есть своего собственнаго, что сигара, и ужъ ее-то я никому не уступлю!

И въ самомъ дѣлѣ, онъ усердно поработалъ на своемъ вѣку на денежномъ рынкѣ, искусно направляя свой чолнъ по его бурнымъ и непостояннымъ волнамъ. Онъ не былъ скупъ отъ природы и щедро дѣлилъ все, чтд имѣлъ, съ женой и дочерью, а изъ постороннихъ—съ гостями, для которыхъ у него двери всегда были настежъ открыты. Ради желанія своихъ блистать въ обществѣ и принимать у себя сообразно со своими связями и матеріальнымъ положеніемъ, Терменъ поступался многимъ, потому что самъ понималъ, что во-время брошенные деньги вернутся сторицею. Такъ было, на примѣръ, однажды, когда онъ далъ большой праздникъ, о которомъ заговорили всѣ газеты, прокричалъ весь городъ. Положеніе его было отчаянное, и о немъ уже ходили глухіе, но упорные, зловѣщія слухи. Праздникъ стоилъ страшныхъ денегъ, но зато заставилъ умолкнуть зловредную молву и еще выше поднялъ славу торговой фирмы Термена, доказавъ, что дѣла ея крѣпче, чѣмъ когда-либо. Заботы и волненія состарили Термена, и онъ, дѣйствительно, казался почти старикомъ въ сравненіи со своей статной, красивой, замѣчательно молодожавой женою. Она прекрасно сохранилась и только при очень близкомъ и строгомъ наблюденіи можно было замѣтить, что ея свѣжести весьма обдуманно и ловко помогали нѣкоторыя искусственныя средства.

Когда она была еще дѣвушкой,—дочерью бѣдныхъ артистическихкихъ дѣятелей,—ея красота и природная свѣжесть привлекли

къ ней сердце Термена, и ему казалось, что верхъ блаженства—обладать этимъ юнымъ, прекраснымъ существомъ. Итакъ, его привлекала ея красота, а ее—его денежные средства; но, повѣнчавшись, супруги искренно и сознательно полюбили другъ друга, и дочь ихъ уже была взрослой дѣвушкой, а они все еще явля душа въ душу.

Чѣмъ больше узнавала молодая женщина своего мужа, тѣмъ больше привязывалась къ нему, цѣнила его. Ей было пріятно его обоженіе, и ее радовало сознаніе, что ни въ чемъ ей нѣтъ отказа, что она дѣлаетъ честь деньгамъ, которыхъ онъ для нея не жалѣетъ. Она была ему благодарна, что онъ осыпаетъ ее золотомъ и драгоценными камнями; она научилась цѣнить его достоинства, и ея добрыя чувства къ нему перешли въ искреннюю любовь и привязанность. Молва приписывала имъ, однако, и дурныя наклонности: мужу—скупость, а женѣ—чрезмѣрное желаніе нравиться. Но тѣ же самые люди, которые за глаза ихъ бранили, первые спѣшили на зовъ въ богатый домъ радушныхъ хозяевъ и пили и ѣли за ихъ столомъ...

Дверь отворилась — и въ комнату вошла г-жа Терменъ въ сопровожденіи двухъ ливрейныхъ лакеевъ, которые несли большіе подносы съ серебромъ. Такъ ужъ велось съ давнихъ поръ, по собственному желанію мужа, чтобы жена послѣ каждаго большого вечера или обѣда сама запирала въ несгораемый шкафъ серебро, которое сама же отъ нихъ принимала по счету.

Какъ только лакеи удалились, Терменъ спросилъ:

— А гдѣ Гизела?

— Она до того натанцовалась, что устала до невозможности и поскорѣй легла спать.

— Не попрощавшись со мной?

Жена не отвѣчала, но лицо ея, слегка зарумянившееся отъ смущенія, не было видно мужу, благодаря выступу большой кафельной печки, бросавшей отъ себя густую тѣнь; но ея округленную фигуру и серебристо-сѣроватое шелковое платье, падавшее тяжелыми складками на темный пушистый коверъ, обливала полнымъ свѣтомъ ближайшая стѣнная лампа.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Терменъ пыхнулъ разокъ-другой своей душистою сигарой и, не поднимая глазъ на жену, проговорилъ:

— Конечно, въ порядкѣ вещей, чтобы сердце ея заговорило, т.-е. чтобы въ ея сердцѣ любовь къ родителямъ отошла на второй планъ. Въ этомъ отношеніи я никогда не ласкалъ себя пріятными заблужденіями и давно подготовился къ той минутѣ, когда

ей кто-либо до такой степени понравится, что ей покажется, какъ и вообще влюбленнымъ, что она „жить безъ него не можетъ“...

— О, Теодоръ!..

Нѣжно и такъ задушевно звучалъ ея голосъ упрекомъ, что ему сразу вспомнилось, какъ онъ самъ, еще женихомъ, говорилъ ей, что жить безъ нея не можетъ и дѣйствительно чувствовалъ то, что говорилъ. И эти воспоминанія были для него такъ еще ярви, такъ отрадны, что онъ вполне подчинился ихъ непреодолимой силѣ, забывъ на мгновеніе все окружающее.

Вскинувъ глаза на жену, которая все еще стояла въ полутьмѣ и потому казалась еще красивѣе и моложе, онъ подумалъ, что годы замужства не измѣнили ея красоты.

— Дитя мое,—заговорилъ онъ шутивно:—будь же благоразумна, пойми, что ни по отношенію въ Гизелѣ, ни къ тебѣ самой я не желаю разыгрывать роль грознаго отца и властелина. Я слишкомъ разсудителенъ для того, чтобы волю свою деспотически навязывать вамъ обѣимъ; что же касается Гизелы, я удовольствуюсь и той крупницей любви, которую она удѣлитъ мнѣ отъ своего всепоглощающаго чувства къ мужу, и даже за эту крупницу буду ей благодаренъ! Но на какую именно часть ея былыхъ чувствъ ко мнѣ я могу рассчитывать—доказалъ мнѣ сегоднешній вечеръ: она не пришла со мною проститься,—она обманула мои ожиданія...

— Да полно же! Она просто устала...

— Однако и въ послѣдней кадрили она не отказала своему кавалеру, этому... этому...

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, сколько искателей ея руки получили отъ нея самый категорическій отказъ,—ты просто бы удивился! А ты вотъ...

— Совершенно вѣрно, дитя мое; но тѣмъ дѣламъ, которыя потергѣли крахъ, я уже не удивляюсь и вообще не удѣляю имъ своего вниманія. Мнѣ и безъ нихъ есть о чемъ подумать. Поди-ка ты лучше сюда; сядь ко мнѣ поближе! Когда-то было время, что ты принадлежала только мнѣ, мнѣ одному...

— Какъ и сегодня, и всегда!

— Нѣтъ, нѣтъ: сегодня ты всецѣло принадлежала нашимъ гостямъ и на дѣлѣ, и въ сокровеннѣйшихъ помыслахъ своихъ!.. Не извиняйся: это такъ понятно! Таковъ уже круговоротъ жизни и такъ называемаго свѣта, въ которому мы принадлежимъ. Нашъ вечеръ былъ послѣднимъ въ эту зиму?

— Нѣтъ, предпослѣднимъ! Мы должны дать еще одинъ.

— Должны?!..

— Да, иначе нельзя!

— Общество требуетъ того или другого, — и мы должны всему беспрекословно подчиняться... О, еслибы ты знала, какъ меня тяготитъ это тяжелое бремя! Знаешь ли ты, какъ бы мнѣ иногда хотѣлось бросить все и хоть на время бѣжать, бѣжать подальше отсюда, куда глаза глядятъ, лишь бы не видѣть за собой и впереди длинную вереницу скучныхъ вечеровъ и безсонныхъ ночей, которые ставятся намъ въ обязанность свѣтскими законами, а слѣдовательно и гнетутъ насъ, какъ непосильное ярмо! Я бы хотѣлъ вздохнуть полной грудью среди простора деревенскихъ полей, гдѣ жилье далеко одно отъ другого и сосѣди не торчатъ вѣчно у васъ подъ носомъ, какъ это дѣлается здѣсь, гдѣ каждый знаетъ, когда его сосѣдъ перестраиваетъ или чинитъ свои хоромы...

— Но ты вѣдь такъ именно и отдыхаешь лѣтомъ? Или ты хочешь совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ?

— И да, и нѣтъ. Но, конечно, не одинъ, а вмѣстѣ съ вами.

— О, я пойду за тобой, куда угодно; но Гизела?... Имѣемъ ли мы право требовать отъ нея такой жертвы?

— Жертвы?! Это разлука-то съ обществомъ, по твоему, „жертва“? Кажется, и для тебя это было бы нежелательно, — а? Ты знаешь, однако, что я ни въ чемъ не отказываю вамъ, да и обществу, будь покойна, не выпустить васъ изъ своихъ когтей!.. А помнишь, въ древности, младенцевъ приносили въ жертву жельзному идолу, Молоху, который сжималъ ихъ до смерти въ своихъ раскаленныхъ рукахъ? Нашъ Молохъ — общество, а мы, его поворонные рабы, и по сей часъ приносимъ ему жертвы.

— Ну, ты преувеличиваешь. Модѣ нельзя не слѣдовать.

— Ага! Вотъ въ томъ-то и штука, въ этой самой модѣ! Я вижу, что ошибся: не самое общество, а „мода“, вотъ кто Молохъ нашего времени! Такъ бы мнѣ и слѣдовало сказать.

Жена тихо придвинулась къ нему и слегка провела своей вѣшной, пухленькой ручкой по его возбужденному лицу.

— Знаю, знаю! — мягко проговорила она. — Ты у меня всегда бываешь звомо въ такомъ настроеніи. Но мы постараемся уѣхать изъ города какъ только можно раньше и поѣдемъ въ горы, чтобы быть однимъ, совсѣмъ, совсѣмъ однимъ!

— Ну, а Гизела?

— И ей будетъ полезно отдохнуть...

— Какъ? Ей, такой юной, уже нуженъ отдыхъ?

— Помилуй, Терменъ! Да какъ же иначе? Или ей вовсе не полагается жить и веселиться? Неужели отказывать ей во всемъ томъ, чего ты не жалѣешь для своихъ друзей и знакомыхъ?

Еслибъ ты сталъ скупиться для нея, общество не дало бы тебѣ пощады...

— Ну, ужъ конечно! Его дѣло предписывать порядки и законы, которые оно и возводитъ въ степень высшаго „haut-goût“. Впрочемъ, говорятъ, человѣкъ во всему привыкаетъ, даже къ отравѣ, которую развиваетъ въ немъ укусъ змѣи... А какой ужъ сначала неприятный вкусъ во рту отъ этого яда!..

Г-жа Терменъ расхохоталась.

— Твое „не въ духѣ“ прошло, мой голубчикъ! Ты начинаешь шутить, а это—добрый знакъ.

Мужъ посмотрѣлъ на нее и улыбнулся.

— А ты, ты не перестаешь быть все такой же милой и прекрасной, какъ... въ день нашей свадьбы!

Жена ласково прижалась головой къ его лицу.

— Ахъ, и тутъ брилліанты!—вдругъ усталымъ голосомъ проговорилъ онъ и всталъ съ дивана.

Г-жа Терменъ сняла свою брилліантовую діадему, и волосы ея густыми, волнистыми прядями рассыпались у нея по плечамъ. Ея темные, красивые глаза полу-вопросительно смотрѣли на мужа изъ-подъ черныхъ бровей.

— Прелесть моя!—воскликнулъ онъ. — Ты хочешь окончательно околдовать меня?.. Ну, говори скорѣе: въ чемъ же у васъ дѣло? Кого Гизела прочитъ мнѣ въ зятя?

— О, до этого еще далеко! Гизела хоть и очень еще молода, но разсудительнѣе всякой другой въ ея положеніи. Если она и полюбитъ, то захочетъ, чтобы и ее полюбили не за богатство, а за ея личныя совершенства; пока же ея сердце принадлежитъ искусству.

— Искусству, или же артистамъ?

— Пожалуйста, не извращай ты моихъ словъ! И чтобы окончательно разубѣдить тебя, скажу прамѣ, что она хочетъ посвятить себя пѣнію, какъ любимому своему искусству, но боится, что ты не позволишь...

— Что-жъ тутъ такого? Пусть себѣ съ Богомъ забавляется тѣмъ угодно, пѣніемъ, живописью или скульптурой...

— Но тутъ не о забавѣ рѣчь: она хочетъ работать серьезно, быть извѣстной, выступать передъ публикой... Все-жъ это лучше, тѣмъ выйти за перваго встрѣчнаго...

— Позволь! Я думалъ, что общественные законы и предразсудки, мода, наконецъ,—конечная граница вашихъ измышленій; а между тѣмъ оказывается, что вамъ этого мало.

— Что-жъ дѣлать, если Гизелѣ надоѣла свѣтская жизнь, и

она хочетъ уйти отъ нея, но только не въ уединенъе, не туда, гдѣ вовсе нѣтъ людей.

— А, она, все-таки, стремится къ людямъ? Довольно бы съ нея и одного, лишь бы человекъ былъ хорошій.

— Ну, да такого не найдется: вѣдь тебѣ не угодишь!

— Нѣтъ, отчего же? У меня и сейчасъ есть на примѣтѣ такой, за котораго я не задумываясь отдамъ нашу Гизелу.

— Да говорите же скорѣй: кто такой вашъ избранникъ?

— Это... Виттъ!

— Ахъ, это тотъ неуклюжій юноша, котораго ты такъ радушно со всѣми знакомишь? И что же? Онъ богатъ?

— Если съумѣетъ жить расчетливо, на его долю хватить. Его опекунъ поручилъ мнѣ завѣдывать его капиталомъ, и такимъ образомъ мы съ нимъ познакомились. Онъ сирота и его воспитали двѣ старухи-тетки; теперь ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, и онъ остался жить одинъ какъ перстъ. Я завѣдую его деньгами, даю ему совѣты, и что меня, признаюсь, въ немъ прельщаетъ, такъ это его чисто-дѣтская довѣрчивость.

— И только потому, что онъ тебѣ нравится...

— Меня такъ мучаетъ, терзаетъ мысль, что мое дитя будетъ въ зависимости отъ человека, который можетъ и обижать ее, и помыкать ею! Мнѣ до того ужасно одно только предположеніе, что и богатство мое не поможетъ, что она можетъ быть осуждена на бракъ безъ любви, безъ теплаго душевнаго чувства... я чуть съума не сложу!..

— Но, милый!.. Теодоръ!..

— А Виттъ, я знаю, хоть не такъ богатъ деньгами, зато богатъ какъ законный владѣлецъ добраго сердца и привѣтливаго нрава...

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь не завтра же ты выдаешь свою дѣвочку замужъ! И пока она мечтаетъ только объ искусствѣ, — мнѣ кажется, надо только благодарить Бога, что ни о комъ другомъ... Значить, я ей могу сказать, что ты согласишь?

— Да, но подъ условіемъ: молчать про мои виды на Витта. Иначе она будетъ съ нимъ стѣсняться, и молодые люди не дадутъ воли развиться своимъ чувствамъ.

— Ну, хорошо... Повойной ночи, милый! Не сиди только такъ долго; ложись себѣ съ Богомъ!

— Да и Гизела еще слишкомъ молода для семейной жизни, — продолжалъ онъ.

— Ну, право, какъ мы съ тобой всегда и во всемъ согласны!.. Еще разъ: повойной ночи! — и она подставила мужу свои пух-

лыя губки, мило улыбавшіяся на радостяхъ, что ея мечта осуществилась.

Быстро и легко вбѣжала г-жа Термень на лѣстницу, которая вела во второй этажъ, гдѣ помѣщались ея спальня и комната дочери.

— Гизела! Ты не спишь?

— Нѣтъ, мама. А что?

— Папа на все согласенъ: ты можешь посвятить себя искусству!

— Ахъ, какъ чудесно! Мамочка, да какъ ты ухитрилась? Да можете ли это быть?

— Говорать тебѣ: будь спокойна!.. Спи себѣ съ Богомъ, ужъ поздно!

— Нѣтъ, мама, посиди еще немножко: расскажи все хорошенько!..

— И мнѣ самой пора отдохнуть, да и папа ужъ ложится... А ты только тѣ подумай: у тебя не будетъ недостатка въ бриллиантахъ, нечего тебѣ будетъ надѣвать на сценѣ стемпльшки, какъ другія. Ты у меня будешь, какъ Патти, вся—въ настоящихъ!

— Да, да, совсѣмъ какъ Патти!

И мать вѣжно поцѣловала Гизелу, личико которой, окруженное бѣлоснѣжными кружевными оборками подушки, казалось нѣсколько утомленнѣе, желтѣе, чѣмъ при яркомъ освѣщеніи балльной залы.

За цѣлый день, его бѣлизна, выхоленная и нѣжная цвѣтомъ, какъ дорогая слоновая кость, постепенно принимала оттѣнокъ усталости и къ вечеру казалась уже не такой свѣжей, какъ съ утра. Да и самыя впечатлѣнія дня не имѣли уже для молодой дѣвушки той свѣжести, какую она въ нихъ находила прежде: съ утра до вечера, все это было одно и то же; — все знакомое, уже давно извѣданное. Роскошь окружавшей ее обстановки и все, что она видѣла и слышала ежедневно, были ей ненормальны и скучны,—скучны, главнымъ образомъ, потому, что ей больше ничего не оставалось желать...

И поэтому только—учиться пѣть и выступать въ концертахъ казалось ей такимъ заманчивымъ и интереснымъ.

IV.

Откуда пѣсни.

Виттъ выросъ сиротой, на попеченіи своихъ старыхъ тетокъ, Амаліи и Гетти, которыя весь свой вѣкъ прожили въ дѣвушкахъ и всю долю своей нѣжной заботливости излили на свое любимое дѣтище. Онѣ кормили, кутали, ласкали племянника, и не выѣшайся въ это дѣло одинъ изъ его соопекуновъ, старикъ-ректоръ, Виттъ окончательно превратился бы въ изнѣженную, вялую дѣвчонку. Старикъ долго и убѣдительно доказывалъ бѣднымъ обиженнымъ и огорченнымъ женщинамъ, что ни къ чему путному не приведутъ всякіе шарфы и наушники, платки и муфты... и что особенно послѣднее только подвергаетъ мальчика насмѣшкамъ нѣсколькихъ товарищей.

— Закалить его, сдѣлать для него нестрашнымъ холодъ и вьюгу!— строго возразилъ ректоръ на замѣчаніе Амаліи, что у ребенка руки воченьютъ.— Потому онъ и чувствуетъ стужу, что слишкомъ изнѣженъ!— И затѣмъ воспослѣдовала длиннѣйшая лекція о спартацахъ, о воспитательно-дѣлительныхъ свойствахъ природы и ея стихій.

На слѣдующій же день Витта начали „закалять“, и... закалили.

Нѣсколько дней спустя мальчикъ схватилъ воспаленіе въ легкихъ и былъ двѣ недѣли между жизнью и смертью. Въ бреду онъ улыбался блаженной улыбкой и говорилъ, что видитъ свою маму; радовался, что скоро къ ней придетъ. Очнувшись, онъ переставалъ ее видѣть и жаловался, зачѣмъ ему помѣшали, и горько плакалъ. Ребенокъ поправлялся туго, но все-таки поправился; и тутъ-то ужъ ничто не могло побороть убѣжденія его тетокъ, баловавшихъ его теперь еще сильнѣе. На угрозы и увѣщанія старика-опекуна онѣ отвѣчали только напоминаніемъ о минувшей ужасной болѣзни ихъ любимца, которому, стало быть, спартацкое воспитаніе не пристало. Тогда старикъ хоть въ одномъ постарался исполнить свой долгъ, — какъ ему казалось: онъ сумѣлъ заставить робаго, молчаливаго мальчика полюбить книги. Виттъ читалъ, что называется, не зная ни отдыха, ни сроку; и, читая, далеко залеталъ въ своихъ счастливыхъ мечтаньяхъ. Онъ чувствовалъ себя, какъ путникъ, который потому только и не ощущаетъ усталости, что переходитъ отъ одной красоты природы къ другой — такой же совершенной...

Съ теченіемъ времени, въ кругу товарищей и сверстниковъ, Виттъ настолько избавился отъ своей застѣнчивости, что ничѣмъ не отличался отъ нихъ; не отставалъ и въ шуткахъ, и въ юношескихъ играхъ. Но въ чужомъ обществѣ онъ все-таки терпѣлся и робѣлъ, становился застѣнчивымъ и легко смущался, словно красная дѣвица. Его пылкое, восторженное вниманіе привлекалъ Викторъ Монна, всеобщій баловень и любимецъ, — жрецъ высшего изъ культовъ: искусства!

Съ радостью въ сердцѣ спѣшилъ Виттъ домой, подѣлиться своимъ счастьемъ... но съ кѣмъ? Квартира его пуста: нѣтъ въ ней добрыхъ старушекъ, которымъ онъ замѣнялъ все на свѣтѣ; нѣтъ и матери, которую онъ не могъ позабыть даже въ забытѣ...

Ихъ нѣтъ уже давно; но все вокругъ напоминаетъ ему о томъ, что онѣ были. Недалеко отъ его письменнаго стола стоятъ швейные столики и кресла тетовъ, которыя, умирая, боялись, чтобы эти вещи, служившія имъ долгіе годы вѣрой и правдой, не попали въ чужія небрежныя руки. Въ сторонѣ — полочка съ ихъ книгами въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ; и повсюду, гдѣ только было мѣсто, цвѣты изъ перьевъ — любимая работа тети Гетти, — тщательно накрытые отъ пыли стеклянными колпаками...

Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ большой портретъ масляными красками, къ которому и поднесъ Виттъ свѣчу поближе: это былъ портретъ молодой и замѣчательно красивой женщины — его матери.

— О, мама! — воскликнулъ Виттъ восторженно, какъ ребенокъ, и его глаза загорѣлись свѣтлымъ огнемъ, которымъ, казалось, оварено было лицо его матери, какъ живое. — Наконецъ-то я дождался того, чего долго и страстно желалъ: у меня есть другъ, — другъ моихъ пѣсень! Онъ вложитъ въ нихъ силу музыки, силу дивныхъ, чарующихъ звуковъ! Мои пѣсни томятъ меня, рвутся уже на просторъ изъ моей стѣсненной груди... Я хочу пѣть, хочу дать имъ жизнь... хочу пѣть полной грудью!.. Теперь... да, только теперь могла бы ты полюбить меня: теперь только я понимаю, чего имъ не хватало, чтобы звучали онѣ; — чтобы пѣли, — дѣйствительно пѣли, какъ голосъ, который льется изъ глубины души, и смѣется, и плачетъ... и другіе его понимаютъ. Мнѣ казалось, что я слагаю стихи и выражаю въ нихъ всѣ свои чувства... Но нѣтъ: то были только слова, — речемованные, мѣрные, но бездушные звуки... слоги пусты! Я знаю, чего имъ не хватало: жизни... звуковъ! Вотъ, когда запоютъ мои стихи, вотъ, когда музыка вдохнетъ въ нихъ жизнь и привлечетъ къ себѣ сердца всѣхъ... всѣхъ безъ изъятія! И каждый, кто услы-

шить—запомнить ихъ, и долго-долго будутъ они звучнымъ отголоскомъ отзываться у него въ ухахъ!.. О, милая, родная! О, еслибъ ты была еще жива!

Виттъ поставилъ свѣчу на столъ, и портретъ матери словно отодвинулся въ полутемный, общій фонъ стѣны; но черты обожимаго прекраснаго лица все еще стояли передъ нимъ, какъ живыя.

— Кто бы ни былъ невѣдомый художникъ, вистъ котораго воскресла ихъ на полотнѣ, спасибо ему отъ души за это, какъ за доброе, христіанское дѣло милосердія! О, да, искусство, ты—великая святыня! Ты утѣшаешь немощныхъ и сирыхъ!..

Такъ думалъ, полный благоговѣйной радости, молодой поэтъ и, низко склонившись надъ своимъ столомъ, выдвинулъ одинъ изъ его ящичковъ. Отблескъ свѣчи упалъ на старомодный большой портфель, на которомъ тетя Амалія нѣкогда вышила золотомъ изумрудную вѣтвь. Еще ребенкомъ онъ держалъ въ немъ свои первые опыты литературнаго изложенія, которыми онъ занимался потихоньку отъ буйныхъ товарищей—школьниковъ; теперь, кромѣ нихъ, въ этомъ портфелѣ было много небольшихъ листковъ, покрытыхъ ровными ровнованными строчками. Это были стихотворенія, которыя онъ пробовалъ писать въ разное время: съ самаго дѣтства и вплоть... до настоящей минуты. И вспомнилось Витту, какъ тетя Амалія, тайкомъ отъ своего любимца, показала однажды его мальчишескіе стихи учителю нѣмецкаго языка.

Виттъ былъ тогда уже юношей, и ему больно было узнать отъ чужого, что ему извѣстна его тайна; но еще больнѣе—услышать строгій приговоръ: лучше, молъ, ему вовсе бросить писать стихи, нежели кропать ихъ вкось и вкривь, не зная даже самыхъ начальныхъ правилъ стихосложенія. Самъ же учитель зналъ его законы даже у грековъ и у римлянъ.

— Ну, знаешь ли ты, напримѣръ, чтѣ такое „трибрахій“? Или что такое: „молоссъ“?—говорилъ онъ.

И Виттъ, конечно, не зналъ.

— Вотъ, видишь ли: „трибрахій“ состоитъ изъ трехъ короткихъ слоговъ и такъ же мало самостоятеленъ, какъ и двусложный „пририхій“. „Молоссъ“ же, наоборотъ, состоитъ изъ трехъ длинныхъ—и служитъ для изображенія чего-нибудь важнаго, трогательнаго, торжественнаго. Кто этого не знаетъ, тотъ непростительно грѣшитъ, по невѣденію своему, употребляя молоссъ для передачи чего-либо игриваго, легкаго, полнаго жизни... У тебя же, мой юный другъ, больше всего такихъ именно молоссовъ! Вотъ

твой портфель, который мнѣ дала фрейлейнъ Амалия. Возьми его и помни, что добрый мой совѣтъ: ужъ больше не грѣшить!

Долго, долго... нѣсколько лѣтъ послѣ того не писалъ Виттъ стиховъ, и теперь даже, вспоминая эту тяжелую сцену, онъ снова началъ самъ въ себѣ сомнѣваться. Жадно пробѣгая глазами каждый листокъ, онъ съ грустью, почти съ отчаяніемъ швырнулъ его въ сторону.

— Все, все не то!.. Какъ мелко, ничтожно... даже совсѣмъ бездарно!—воскличалъ онъ.—Ихъ прятать надо, а не совать напоказъ! Мнѣ надо ихъ стыдиться!

Страшная робость овладѣла имъ. Ему и всегда-то было страшно отдать себя на судъ публики; ему казалось, что это все равно, что душу свою выворачивать передъ первымъ встрѣчнымъ. Онъ и самъ понимаетъ, какъ все, что онъ написалъ, слабо, неумѣло и недостойно вниманія. Въ припадкѣ малодушія, Виттъ окончательно упалъ духомъ, какъ и тогда, въ дни ранней юности, когда старикъ-учитель разочаровалъ его.

Но все-таки надо же послать своему новому другу обѣщанныя пѣсни; надо сдержать слово. Можно написать Моннѣ, чтобы онъ просмотрѣлъ ихъ повнимательнѣе; написать, что теперь, при благопріятномъ настроеніи, онъ напишетъ гораздо лучше; онъ это чувствуетъ, знаетъ навѣрное!

— Ахъ, вотъ что! Есть у меня еще одно небольшое стихотвореніе, которое я написалъ невольно, какъ возраженіе на суровый приговоръ моего наставника... который его, конечно, и въ глаза не видалъ. Пошлю-ка я и эти строки тоже: онѣ могутъ служить какъ бы предисловіемъ ко всѣмъ остальнымъ.

Сказано — сдѣлано. Виттъ разыскалъ клочокъ бумаги, на которомъ оно было написано еще неустановившимся, дѣтскимъ почеркомъ, и приложилъ его въ общей кучкѣ, но предварительно переписавъ его въ видѣ письма.

„Многоуважаемый г. Монна!

Во зеленомъ во лѣсочкѣ
Крошка-пташечка поеть,
Никакой о себѣ вѣсти
Никому не подаетъ:
Кто она, взялась откуда,
И какъ надо величать?
Незвѣстная, покуда,
Хочетъ только щебетать,
Не справляется съ закономъ,
Хорошо ль она поеть?
И зеленому лѣсочку

Свои пѣсни отдастъ.
 Такъ и шевельнеть, вешнимъ утромъ,
 Вдоль по улицѣ поетъ;
 Только съ солнцемъ, вешнимъ солнцемъ,
 Его пѣсенка замретъ...
 Но въ душѣ его надолго
 Звуки стройныя звучать...
 Подчинять себя законамъ
 Мальчижъ съ пташкой не хотять!..

„Преданный вамъ.—С. Виттъ.

„P. S. Прилагаю при семъ эти пѣсни. До нѣкоторой степени онѣ, пожалуй, и выражаютъ цѣлый рядъ такихъ ощущеній. Впрочемъ, надѣюсь въ скоромъ времени (если онѣ вамъ понравятся), прислать вамъ еще... и лучше этихъ!..“

Несмотря на то, что часъ былъ уже очень поздній, Виттъ усердно принялся переписывать лучшія изъ своихъ старыхъ стихотвореній: ему хотѣлось угодить другу во что бы то ни стало. Перечитавъ первое изъ нихъ, уже готовое на-бѣзд, онъ снова почувствовалъ приливъ робости, неувѣренности въ себѣ.

Это была одна изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя онъ написалъ, едва оправившись отъ тяжелаго урока, даннаго ему учителемъ. Съ наступленіемъ пасхальныхъ каникулъ, на душѣ у юноши стало свѣтлѣе: со всей впечатлительностью своего возраста поддался онъ животворному вліянію весны и возрожденію природы. То было въ лѣсу, куда онъ пошелъ, повинувъсь стремленію побродить на просторѣ, побыть наединѣ съ природой. Никогда еще не оживляла такъ его внутренняго міра новая весна. Почему-то и солнце теперь казалось ему ярче, привѣтливѣй; и зелень шелестящей листвы—свѣжѣе; воздухъ—чище, прозрачнѣе; пташки въ лѣсу—веселѣе. Но все это не вынудило бы его снова взяться за перо, чтобы слагать свои неудачныя риемы, еслибы не случайная встрѣча, которая произвела сильное впечатлѣніе на его чуткую душу, вообще склонную въ лиризму и къ художественнымъ представленіямъ.

За поворотомъ тропинки, близъ опушки лѣса, куда еще проникло косыми лучами яркое солнце, Виттъ вдругъ увидаль молодую дѣвушку-крестьянку, одѣтую въ свой красивый національный нарядъ: короткую красную юбочку съ чернымъ ворсажемъ, который еще ярче отгнѣнялъ бѣлизну пышныхъ рукавовъ ея рубашки. Дѣвушка-босоножка сидѣла глубоко задумавшись и держала въ руцѣ пару танцевальныхъ башмачковъ, не сводя съ нихъ

своего грустнаго безмолвнаго взора, а на колѣняхъ у нея лежалъ развязанный платочекъ. Все опечаленное личико ея, складка въ углахъ сжатыхъ пухленькихъ губъ и подернутые грустью, большіе и темные, влажные отъ слезъ глаза безъ словъ говорили, въ чемъ ея горе. Замѣтно было, что она плакала.

Тихо и непримѣтно отошелъ въ сторону растроганный юноша, и его влеченіе къ стихотворству не устояло противъ искушенія изобразить на бумагѣ ту трогательную картину перваго дѣвичьяго гора, которая вставала передъ нимъ, когда онъ думалъ о своей встрѣчѣ. Въ его пѣснѣ,—простой и безхитростной, какъ сама та, которая ее внушила,—говорилось о башмачкахъ, которыхъ ей не придется носить, какъ она мечтала, въ танцахъ со своимъ суженымъ, въ день своей свадьбы. Ужъ она ли ихъ не берегла, не хранила свято въ своемъ сундучкѣ, вмѣстѣ со своимъ незатѣйливымъ приданымъ.

О, еслибъ не въ рукавахъ моихъ,
На ножкахъ красовались
Вы, милые, любимые,
Чтобъ вами любовались!

Когда умру, пускай со мной
Землей засыплютъ васъ.
Ни танцы, ни пиръ ночной,
Тамъ не разбудятъ насъ!

—въ сердечной тоскѣ восклицаетъ бѣдняжка, оставленная милымъ. И вотъ, одни за другими рисуются пылкому воображенію Витта всѣ различныя думы и ощущенія и простыя, но оттого еще болѣе трагическія, событія, которыя нарушили душевный миръ дѣвушки-крестьянки; и одна за другой, строка за строкою, появляются на бумагѣ чистосердечныя, незатѣйливыя пѣсни, съ самыми разнообразными заглавіями, то повѣствовательно-лирическія, то исключительно лирическаго содержанія: „Лѣсная тропа“ (первая встрѣча съ милымъ); „Дождусь ли я?“ (ожиданіе свѣтлаго дня, когда онъ поведетъ ее къ алтарю); „Утѣшеніе въ разлуку“ (горячая и дѣтски-наивная вѣра въ Провидѣніе, которое охраняетъ ласточекъ и влагаетъ въ нихъ любовь къ родинѣ, даритъ соловья искусствомъ пѣть,—и не попуститъ, чтобы „милый“ забылъ ее, свою „суженую“, и свой родимый край), и т. п.

Наконецъ пѣсни сложены, запечатаны въ большой конвертъ, и Виттъ ложится спать, хоть на томъ успокоенный, что сдержалъ свое обѣщаніе Моннѣ: утромъ конвертъ уже будетъ у него.

V.

„Мирлированные комнаты С. Чмиттъ“.

Изъ всей роскоши прежнихъ дней, во всей семьѣ только и удѣлило, что старый, разбитый вѣнскій рояль. Въ минуты крайней нужды и отчаянiя семьѣ служило большимъ утѣшенiемъ сознанiе, что у нихъ есть еще послѣднее прибѣжище — этотъ рояль, который всегда можно продать, — ну, хоть за безцѣноу. И это сознанiе придавало настолько бодрости бѣдной матери семейства, что она какимъ-то чудомъ изворачивалась, и... рояль свято и неприкосновенно продолжалъ украшать ея скудное помѣщенiе. Глава семьи, Стефанъ Чмиттъ, — полякъ по происхожденiю, — красивый и рослый мужчина, производилъ сильное впечатлѣнiе на женщинъ; что же мудренаго, если дѣвушка изъ хорошей и зажиточной семьи влюбилась въ него и не побоялась отцовскаго гнѣва, ушла изъ родительскаго дома, думая только о счастiи быть любимой такимъ умницей и красавцемъ? Но пошли дѣти, нужда дала себя знать и высокомерное отношенiе поляка-дворянина къ служебному начальству — также. Стефанъ лишился мѣста; но чѣмъ онъ виноватъ, что самолюбіе мѣшаетъ ему гнуть спину съ утра до вечера надъ глупѣйшими канцелярскими бумагами и подхалимничать, въ ожиданiи благосклоннаго вниманiя лицъ, власть имѣющихъ? Чѣмъ же онъ виноватъ, что въ жилахъ его течетъ благородная польская кровь и умъ настроенъ гордо и свободно? Вотъ еслибъ пришлось проливать кровь за освобожденiе родины! О, тогда онъ бы первый подставилъ врагу свою широкую грудь! Онъ навѣрно бы отличился и, увѣщенный знаками отличiя и военной доблести, снова получилъ бы обратно всѣ богатства именинаго рода Чмиттовъ: капиталы, помѣстья и лѣсныя дачи...

Такъ говорилъ частенько Стефанъ и договорился до того, что самъ, наконецъ, повѣрилъ своимъ словамъ. Вѣрили имъ и всѣ остальные. Жена его вполне раздѣляла возвращенiя мужа: ея преданная любовь не знала предѣловъ. Съ нимъ, говорила она, и сухая корка хлѣба покажется вкусна и не помѣшаетъ полнѣйшему счастiю. На это Стефанъ замѣчалъ:

— Да это не женщина, а чистѣйшій алмазъ! Она достойна была бы родиться полькой!

Они повѣнчались.

Стефанъ Чмиттъ билъ баклуши. Жена боготворила его, и все шло хорошо, пока было чѣмъ жить. Но затѣмъ, когда явилась

потребность служить и на службѣ ему не повезло, Чмиттъ согласился на предложеніе жены отдавать часть квартиры въ наемъ. Въ квартирантахъ не было недостатка: хорошая, мягкая и рѣзная мебель, рояль, ковры и картины всѣмъ приходились по вкусу, и жильцы были очень довольны хозяевами. Но хозяева не могли быть довольны ими, когда тѣ, зачастую, исчезали безслѣдно, не уплативъ за нѣсколько мѣсяцевъ ни гроша. Дѣла пошли все хуже и хуже. Родины и крестины стѣдили денегъ; да не меньше ихъ уносили и частые переезды съ одной квартиры на другую. Чмитты сами по неволѣ должны домохозяевамъ и вынуждены были вести самую жалкую, скитальческую жизнь. Мягкую и рѣзную мебель уже давно смѣнили рыночные жесткіе стулья, а жильцы становились все незначительнѣе и... безденежны! Рояль, дѣйствительно, отчасти выручалъ хозяевъ, привлекая жильцовъ и *желающихъ упражняться*, — какъ гласила надпись на дверяхъ. За пользованіе роялемъ взымалась плата по-часамъ, и дозволялось оно также постороннимъ, *обывателямъ столицы и прїезжимъ, во всякое время дня*. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ исключительно Стефанъ Чмиттъ, а потому и доходы съ него были въ его распоряженіи; это установилось какъ-то само собою, и ни за что на свѣтѣ не посягнули бы на *его* деньги жена и дочери: Илова и Леслова.

Уже пятый годъ жилъ Викторъ Монна у Чмиттовъ. Онъ бы и радъ былъ давнымъ-давно уѣхать отъ нихъ куда-нибудь подальше, но не имѣлъ возможности: онъ былъ имъ долженъ.

Мать съ дочерьми пила въ кухнѣ утренній кофе, когда почтальонъ подалъ ей на имя Монны большой пакетъ.

— Ничего добраго это не предвѣщаетъ, — замѣтила она: — такіе пакеты приходятъ или отъ судебныхъ властей, или со счетами: они стоятъ денегъ... и большихъ денегъ!

— Да вѣдь это не намъ: это Моннѣ, — возразила Леслова.

— А, ну хоть это утѣшительно! Снеси-ка ему, Илова.

— Онъ еще спитъ.

— А! Вѣрно вчера опять только подъ утро вернулся.

— Не знаю; не слыхала... Да, наконецъ, чтѣ-жъ я могу подѣлать?

— Какъ чтѣ? Долженъ же онъ сдержать свое слово: кажется, не ты первая пошла ему на шею вѣшаться! Ты не поощрала его. Онъ самъ во всемъ виноватъ...

— Ну, стѣдить ли объ этомъ говорить, мамѣ? Все случилось такъ, какъ и должно было случиться; никто въ этомъ не виноватъ. Я долго ждала; подожду и еще.

— Помилуй! Тебѣ уже двадцать-шестой годъ пошелъ!

Илова промолчала и молча, усталыми движеніями своихъ стройныхъ рукъ принялась убирать чайную посуду съ кухоннаго стола.

— Леслова, ты протопила въ гостиной?

— Конечно: въ половинѣ одиннадцатаго Эбербергъ придетъ заниматься.

— А знаешь ли что?—спохватилась мать.—Хорошо бы ему намекнуть, что ему было бы удобнѣ нанять у насъ комнату, чѣмъ ходить каждый день для занятій музыкой Богъ вѣсть откуда.

— Ну нѣтъ, мамá: мнѣ какъ-то неловко, а вотъ еслибы папá...

— Ну, нѣтъ; ужъ это не годится! Для чего долженъ папá жарочно подниматься такую рань?.. Да, да: самое лучшее, чтобы ты сама съ нимъ переговорила. А гдѣ жъ Илова?

— Вѣроятно, понесла Моннѣ завтракъ и письмо.

Леслова угадала. Монна еще лежалъ въ постели и сладко спалъ, когда молодая дѣвушка подала ему пакетъ. Остальнымъ жильцамъ прислуживала сама мать, а къ Моннѣ въ комнату разрѣшалось входить и дочерямъ: его уже считали членомъ семьи.

— Что ты такъ рано?—проворчалъ онъ.

— Совсѣмъ не рано: скоро одиннадцатый часъ.

— Да что съ тобой? Ты такъ угрюма...

— Будешь угрюма, если ужъ шесть недѣль, какъ комната рядомъ съ твоей пустуетъ; Галлерштейнъ задолжалъ за мѣсяцъ, а ты...

— Да заплачу же я перваго числа!

— Это откуда? Ужъ не съ концерта ли, который еще Богъ вѣсть, когда будетъ?

— Отстань ты и съ концертомъ! Говорю тебѣ: перваго дамъ денегъ, подведу счеты...

— Но мамá просто не знаетъ, что дѣлать! Ей такъ нужны деньги и теперь... сейчасъ же!

— Пусть ей дастъ пока хоть самъ вашъ папенька взаймы, а тамъ посмотримъ: до перваго недалеко. Но онъ не дастъ, и вамъ всѣмъ это хорошо извѣстно. Онъ все прокутитъ, а вамъ—ни гроша!

— Стыдно тебѣ, Викторъ, нападать на папá. Онъ видывалъ лучшіе дни, и еще надо удивляться, какъ онъ умѣетъ примѣняться къ обстоятельствамъ...

— Полно, пожалуйста! что за вздоръ! Будто я не знаю, что вы всѣ лишаете себя куска хлѣба, чтобы онъ только могъ пойти

позавтракать въ ресторанъ; что вы сами стираете и гладите свое болѣе чѣмъ скромное бѣлье, чтобы нахрамалить его безуважно-бѣлук рубаху и жилетъ. Вы ходите въ трапезахъ, а онъ наряжается, какъ богатъ-милліонеръ... Ну, есть ли тутъ здравый смыслъ?

— Онъ намъ отецъ; но, значить, и для тебя тоже мы все дѣлаемъ бесплатно... если ты такъ и не заплатишь. Ты знаешь, что у насъ нѣтъ прислуги; держали мы мальчижа на побѣгушкахъ, да и тотъ оказался намъ не по средствамъ...

— А кто же теперь дѣлаетъ черную работу? Кто чистить сапоги?

— Мамá.

Голосъ Иловы звучалъ совершенно спокойно и даже безучастно, но чуть замѣтная дрожь выдавала ея волненіе.

Ей было невыразимо больно, когда Монна нападала на отца, —этого полу-бога, кумира ея матери, а слѣдовательно и всей семьи. Съ ранняго дѣтства помнила Илова, что ему приносились всевозможныя жертвы, переживались ужасныя лишенія, лишь бы онъ, нѣжно-любимый, не чувствовалъ ихъ на себѣ! И, въ силу обыкновенія, мать и дѣти совершенно свыклись съ такимъ порядкомъ вещей, который онѣ сами себѣ создали, и который не тяготилъ ихъ только потому, что онѣ его любили беззавѣтно и испытывали своего рода опьяненіе, какъ мученики, которыхъ мучаютъ тяжело и продолжительно, но которые уже не чувствуютъ своихъ мученій и видятъ только свою лучезарную цѣль.

Самой тяжелой заботой была плата за квартиру, но и то мамá избѣгала про нее говорить безъ особой необходимости. Такая необходимость, —или даже, можно сказать, крайность, очевидно, настала: иначе мамá не заговорила бы о ней сегодня сама. Потому-то Илова и пришла предупредить Монну заблаговременно: онъ былъ уже слишкомъ много долженъ.

Но Викторъ молчалъ; Илова тоже не проронила больше ни слова. Она стояла передъ нимъ совершенно спокойно; ей вѣдь не привыкать-стать дожидаться отвѣта. Такъ стояла она и у ростовщика, пока онъ отчислялъ проценты; въ мясной, въ ожиданіи того, пока платящіе покупатели отпустятъ мясника, и онъ можетъ заняться ею; и передъ Монной она стояла такъ же точно неподвижно, только ея большіе темные глаза выразительно смотрѣли на него.

И глаза, и брови, были у нея удивительно красивы, а пепельнаго цвѣта волосы —просто роскошными прядями волнисто сбѣгали у нея по плечамъ и вились ниже пояса. Замѣчательно хорошо

сохранились дѣвическія формы и линіи ея стройнаго тѣла, несмотря на избытокъ горя и недостатковъ хорошаго питанія. Въ болѣе дорогомъ или изящномъ платьѣ ея фигура была бы прелестна, но неказистая, дешевая матерія и плохой, мѣшкватый фасонъ платья скрывалъ и уродовалъ ея красивую фигуру.

— Послушай, Илова, — началъ Монна немного поласковѣе: — я постараюсь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ. Мнѣ предлагать уроки...

— Но ты еще вчера отказался, когда къ тебѣ приходили съ предложеніемъ?...

— Ну, что ты понимаешь? Не могу же я самъ сбивать себѣ цѣну? Пусть я только разъ понижу плату за уроки, и никогда ужъ мнѣ больше не дадутъ того, что прежде!

— Но все-таки пока деньги такъ нужны, а до концерта твоего еще далеко, — не можешь ли ты, въ счетъ того, гдѣ-нибудь занять... ну, хоть немножечко?

— Попрошу тебя, Илова, потерпи! Кажется, ужъ пора бы вамъ привыкнуть къ образу жизни артистовъ: ихъ, слава Богу, не мало перебывало у васъ на квартирѣ. Дай мнѣ сначала приобрести извѣстность, имѣй терпѣніе!

— Ну ужъ терпѣнія-то, кажется, у меня довольно; только мамá говоритъ...

— Чего еще ей отъ меня нужно? Почему я вдругъ сталъ недостойнъ вашей каморки и ея рухляди?

— Почему я знаю?.. Можетъ быть, у тебя гдѣ и въ другомъ мѣстѣ столько же долгу накопилось? Вотъ нá тебѣ пакетъ: мамá говоритъ, что это не къ добру.

— Пустяки! — проговорилъ Монна, заглянувъ въ него, и разсмѣялся. — Вамъ, женищинамъ, всегда что-нибудь да кажется!

— А, значить, не въсканіе? Ну, слава Богу! А то папá у насъ просто самъ не свой, когда онъ получаетъ такія бумаги. Судебный приговоръ для него самое ненавистное слово... хоть и обходится все, по возможности, благополучно.

— Слушай-ка, Илова: я, кажется, нашелъ вамъ жильца въ маленькую комнату.

— И тоже... музыканта?

— Нѣтъ, поэта.

— А!.. Значить, бѣдняка? — невольно вырвалось у нея со вздохомъ.

— Нѣтъ, видишь ли, есть двоякаго рода стихотворцы, — началъ Монна насмѣшливо-поучительнымъ тономъ. — Одни имѣютъ право „творить стихи“, другіе не имѣютъ на это никакого права.

Мой повѣтъ—перваго рода, т.-е. имѣющій полное право: онъ чело-
вѣкъ состоятельный.

Илова такъ широко раскрыла глаза, что можно было подум-
ать, будто она считаетъ это слишкомъ сказочнымъ, невѣроятнымъ.

— Состоятельный?!.. Ну, такъ у насъ онъ жить не станетъ.

— Какъ знать? Для него—главное, чтобъ его пѣсни были
положены на музыку, а я уже ввязался за это. Но въ словахъ
придется кое-что измѣнять, переставлять, и для этого намъ удобнѣе
всего жить вмѣстѣ. Конечно, можетъ случиться, что маленькая
комнатка придется ему не по вкусу,—ну, тогда вытурите Галлер-
штейна, и конецъ тому дѣлу!

— Да вѣдь онъ еще за послѣдній мѣсяцъ долженъ!

— Велика важность! Гоните его вонъ, а его долгъ накиньте
на новаго жильца.

— А какъ тотъ не захочеть?

— Я ему скажу, что такъ надо, и онъ заплатитъ, навѣр-
ная заплатитъ!

— Ахъ, какъ бы это было хорошо! Еще никогда не бываю
у насъ жильца съ состояніемъ: всѣ квартиранты только у насъ
занимали, а у насъ у самихъ ни гроша за душой... Такъ, зна-
чить, а могу сказать мамѣ...

— Нѣтъ!—рѣзко перебилъ ее Монна.—Вы съ вашей бол-
товней можете все дѣло испортить. Молчи, пивнуть не смѣй!..
Ну, а затѣмъ... ступай!

И бѣдная дѣвушка, привыкшая повиноваться, тихо вышла
изъ комнаты. Бываетъ, что птицеловъ крѣпко зажметъ въ рукѣ
бойкую пичужку, и она лежитъ у него на ладони, какъ очаро-
ванная, даже послѣ того, какъ рука ужъ разжата. Не рукой, но
своимъ властнымъ взглядомъ заколдовывалъ ее человекъ, который
былъ ей близокъ. Илова не смѣла послушаться его...

Водворившись, въ качествѣ жильца, въ семьѣ Чмиттовъ, Вил-
торъ Монна, не теряя времени, принялся заигрывать съ молодой
дѣвушкой, которая сначала смотрѣла на него просто, какъ на
всякаго другого, жившаго у нихъ и тѣмъ самымъ поддерживав-
шаго ихъ собственное существованіе. Но ея равнодушіе сердце
Монну, и онъ поставилъ себѣ цѣлью поворотить непреклонную,
которая рѣшительно знать его не хотѣла. Тогда онъ принялся
нашептывать ей слова любви и нѣжности, и слова эти такъ ла-
скали ей душу, такъ убаюкивали разсудокъ, что ему отраднѣе было
умолкнуть подъ ихъ задушевный, тихій говоръ. Но и говоръ

умолялъ, а вмѣсто него на беззащитную дѣвушку уже сыпались страстные поцѣлуи... Мать была рада счастью дочери и собиралась уже справлять ея свадьбу, но папá-Чмиттъ и слышать ничего не хотѣлъ.

Онъ говорилъ, что будущіе молодые и въ самомъ дѣлѣ еще слишкомъ молоды для такого серьезнаго дѣла, какъ бракъ; что жениху и самому-то еще не мѣшало бы сначала стать на ноги, а потомъ уже приходиться свататься. Да Илова и дома нужна: уйдетъ она изъ дому,—придется нанять прислугу, а прислугамъ подавай жалованье, корми ихъ, пон, дари на праздникахъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть на Рождествѣ. Тогда ему самому, Чмитту, придется во всемъ себя урѣзывать... Нѣтъ, нѣтъ: это просто немислимо!

— Голубчикъ Монна!—говорилъ онъ жениху:—это слишкомъ большая жертва; вы вѣдь не знаете, какъ безгранично дорога мнѣ моя Илова! Вы и представить себѣ не можете, чѣмъ она была для меня! Да одинъ ея милый голосокъ, ея ласковый взглядъ, когда она говоритъ: „Съ добрымъ утромъ!“ чего стоить!.. А ей вы что дадите взамѣнъ? И что—мнѣ?

— Какъ это: вамъ?—удивился Монна.

— Да, мнѣ!.. Я взростилъ, вспоилъ, вскормилъ свое дитя, далъ ей образованіе. Даромъ я, что-ли, трудился и тратился на нее? Даромъ живу въ Берлинѣ? Я затратилъ трудами и деньгами извѣстный капиталъ; теперь Илова платитъ мнѣ съ него проценты своими заботами, трудами, своей любовью. Кто же можетъ мнѣ замѣнить ее, если я ее утрачу?

Артисту показалось, что его будущій тесть шутить, и онъ самъ шутливо спросилъ:

— Вопросъ только въ томъ: въ какую сумму вы цѣните свою дочь?

— Совершенно точный и опредѣленный итогъ я затрудняюсь подвести,—былъ серьезный отвѣтъ:—но, я думаю, намъ обоимъ было бы всего удобнѣе, еслибъ вы дали мнѣ подписку отчислять въ мою пользу извѣстный процентъ съ вашихъ доходовъ.

Монна почувствовала, что Чмиттъ не шутить, и это обозлило его:

— Никакой подписки я не дамъ!—грубо отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь вы любите Илову? Вы дали ей слово?

Раздраженный артистъ предпочелъ молчать.

— Да вы сдѣлали ей предложеніе: да или нѣтъ?

— Да.

— Ну, такъ вы и сдержите его! Ваше благосостояніе слишкомъ зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, чтобы вы могли имъ

пренебречь. Дурная слава хоть куда преграждаетъ доступъ артисту: она можетъ въ конецъ его уничтожить... Смотрите же: чтобъ ваше слово было свято!

Чмиттъ улыбался, но Монна готовъ былъ растерзать его на части; оно стоялъ передъ нимъ блѣднѣе полотна, и рука его чесалась проучить дерзкаго, но онъ удержался.

— Вы великій артистъ, у васъ впереди блестящая будущность,—продолжалъ между тѣмъ папá-Чмиттъ.—Вы честный человѣкъ и, я увѣренъ, сдѣлаете дочь мою вполне счастливой. Работайте, надѣйтесь; и я увѣренъ, что недалекъ тотъ день, когда я со слезами радости васъ благословлю...

Едва владѣя собою, Монна уже не стала больше слушать его разглагольствованій: какъ вихрь вылетѣлъ онъ вонъ изъ комнаты и заперся у себя. „Благословеніе“ Чмитта ему было просто противно! Бросившись на кровать, онъ упалъ лицомъ въ подушку, готовъ былъ ихъ кусать и рычать отъ злости, что его—такого унищю!—провели такъ ловко! Вотъ онъ каковъ этотъ „милый папá“, котораго такъ беззаветно любить Илова! Надо, чтобъ она поняла, каковъ онъ есть; чтобъ остыла къ нему ея дѣтская горячая любовь и преданность!..

Но этого Монна никакими средствами не могъ добиться. Илова продолжала любить отца, какъ и прежде; зато любовь къ ней жениха постепенно остывала, и бывали минуты, когда онъ охотно побѣждалъ бы отъ нея, отъ ея нѣжныхъ ласкъ. Но, какъ онъ ни вертѣлъ, а выгнать отъ Чмиттова рѣшительно не могъ. Съ Иловой онъ былъ на ты, когда они были одни, и безо всякаго труда говорили другъ другу *сы* при постороннихъ. Онъ то считался членомъ семьи, то, въ минуту нужды, къ нему прибѣгали за помощью, какъ къ жильцу, который долженъ же когда-нибудь уплатить за квартиру.

Вотъ и теперь настала такая минута: иначе Илова не пришла бы къ нему жадоваться на безденежье. А откуда онъ возьметъ денегъ? Вотъ развѣ занять у Витта, ну, хоть на проценты. Ужъ и то была бы благодать!

„Да вѣдь и то сказать, — продолжалъ думать про себя Монна:—вчера я заплатилъ; теперь его чередъ!.. Посмотримъ-ка, что онъ написалъ? Что у него за пѣсни? Вѣрно неважны!..“

И онъ углубился въ чтеніе.

— „*Башмачки*“? Гм! Никуда не годится. Ну, какая дама изъ общества согласится выйти на эстраду, чтобъ воспѣвать какіе-то тамъ мужицкіе башмаки? А вотъ это—ничего себѣ, недурно. Пожалуй и на музыку положить удобно; только какъ-то оно не-

доделано, несмѣло... Эта—совсѣмъ негодится: прочь ее,—и вся недолга! Вотъ это— „Утѣшеніе отъ разлуки“,—очень, очень недурно, но коротко: не мѣшало бы прибавить еще хоть строфу... Вотъ еще „Встрѣча отъ лѣсу“... Ну, на это у меня, кажется, хоть сейчасъ готовъ подходящій мотивъ...

Монна запѣлъ вполголоса и, поглядывая на слова незатѣйливой, но милой пѣсенки, еще и еще повторялъ ее все громче и волнѣе. Музыкальная иллюстрація была ужъ почти закончена, какъ вдругъ за тонкой перегородкой загремѣлъ старый рояль... Эбербергъ упражнялся. Ему крайне необходимо было основательно пройти упражненія въ октавахъ и другихъ слѣшкомъ шумныхъ интервалахъ, чего дома ему не разрѣшалось. Поэтому вѣнскій рояль въ меблированныхъ комнатахъ Чмитта былъ для него сущей находкой. Упраженія „по-часамъ“ были здѣсь не въ диковину, и всѣ мирные обитатели этихъ комнатъ съ ними сжились, какъ невольны сживаются съ грохотомъ мостовой, отъ котораго нигуда изъ дому не убѣжишь. Но теперь, къ довершенію неудобства и досады бѣднаго Монны, со двора также неслись громовые и нестройные звуки: это кузнецъ ковалъ съ невѣроятнымъ остервенѣніемъ, и не воображая, какъ больно отзывается каждый ударъ его молота въ ухахъ артиста.

Чѣмъ громче ударялъ молотъ по наковальнѣ, тѣмъ громче гремѣли клавиши подъ усердными руками Эберберга.

Монна вскоцилъ, какъ бѣшенный.

— Силь монхъ нѣтъ! Я, кажется, съ ума сойду!—вскричалъ онъ въ себя. — Во чтѣ бы то ни стало, мнѣ надо денегъ, денегъ... и денегъ!

VI.

МАЙОРША ФОНЪ-ВИНГЛВЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ далъ свое согласіе, Гизела пошла интересъ и цѣль въ своей роскошной, безпечной жизни; и это ее занимало. Она и любила искусство, и, въ то же время, отчасти не вѣрила въ свое дарованіе. Но когда отецъ разрѣшилъ ей заняться пѣніемъ серьезно, она даже начала надѣяться, что ей удастся до чего-нибудь и доработаться. Теперь весь вопросъ для нея былъ только въ томъ: у кого и гдѣ брать уроки?

Мать стояла за Ламперти, въ Миланѣ; дочь хотѣла ѣхать въ Парижъ, къ Віардо.

Былъ чудный, свѣтлый зимній день, когда ихъ застала за спо-

ромъ майорша фонъ-Винглебъ, родная сестра г-на Терменъ, — такая же статная и красивая, какимъ онъ былъ въ дни своей молодости.

— Ахъ, тетя Магіе! Какъ хорошо, что ты пришла! — воскликнула Гизела. — Мы съ мамой споримъ, и ты рѣшишь нашъ споръ.

— Ну, хоть и не рѣшу, а посовѣтовать я всегда готова, — привѣтливо улыбаясь молодой дѣвушкѣ, проговорила майорша и ласково притянула ее къ себѣ. — Въ чемъ дѣло? Не можете рѣшить, что вамъ надѣть на предстоящій вечеръ?..

— Ну, нѣтъ: это бы еще ничего... А мы вотъ никакъ не можемъ ни на чемъ остановиться. Я хочу ѣхать учиться у Віардо, а мама говоритъ, что лучше въ Миланѣ, у Ламперти.

— Мнѣ кажется, съ тебя довольно бы и берлинскихъ учителей, чтобы пѣть для своего удовольствія.

— Да, для себя, — конечно; но не для сцены! — горячо возразила Гизела.

Майорша хотѣла сѣсть въ кресло, но такъ и осталась стоять на мѣстѣ, не сводя съ молодой дѣвушки удивленнаго взгляда своихъ большихъ, ясныхъ, темныхъ глазъ. Тетя Магіе была поклонницей искусства, но искусства самого по себѣ, безъ желанія представлять его напоказъ. И г-жа Терменъ это знала такъ же хорошо, какъ знала и то, что ея воззрѣнія совершенно противоположны воззрѣніямъ ея золовки. Чтобы замать неловкое молчаніе, она проговорила:

— Что же вы не садитесь?

Ей было ясно, что Магіе прекрасно понимала, по чьему назначенію Гизела вдругъ вздумала „посвятить себѣ сцену“.

Магіе опустила въ кресло и, держа за руку племянницу, нѣжно допрашивала ее:

— Для сцены, дитя? Но объясни мнѣ, пожалуйста, что это за новая выдумка запала въ твою голову?

— Мнѣ кажется, кто хочетъ выступать передъ публикой, тотъ необходимо долженъ задаваться самыми серьезными и трудными цѣлями, — замѣтила г-жа Терменъ. — Если Гизела будетъ стремиться къ такой обширной и славной дѣятельности, это облегчитъ ей трудъ и еще возвыситъ ея природное дарованіе, которое жаль губить въ простомъ дилеттанствѣ...

— Я съ этимъ согласна; но мнѣ бы казалось, что для Гизелы уже и то должно быть достаточнымъ поощреніемъ къ труду, что ей самой пѣніе доставляетъ отраду и величайшее эстетическое наслажденіе; что силою ея искусства оживаютъ бездушныя,

испещренные черными знаками страницы и воплощаются въ дивныя, полныя задушевной прелести и вѣчно прекрасныя звуки. А съ ними вмѣстѣ связано и сознание того, что ради чистаго, безсмертнаго искусства откажешься отъ славы и въ упоеніи забудешь все на свѣтѣ...

— Не знаю; мы думаемъ иначе.

— Да и я прежде думала такъ же точно; но мой мужъ подалъ мнѣ примѣръ, что можно любить искусство и не гоняясь за славой. Онъ самъ играетъ прекрасно, но еще лучше знаетъ толькѣ въ музыкѣ. А между тѣмъ его высшее удовольствіе играть для меня одной; говорить объ искусствѣ и его гениальныхъ представителяхъ со мною одной...

— Ну, такъ что же? Неужели вы готовы осудить артиста, который хочетъ подѣлиться съ другими тѣмъ даромъ, который ему данъ природой, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать свое матеріальное существованіе?..

— Я глубоко ему признательна за удовольствіе, которое онъ вамъ доставляетъ, и всей душой желаю ему какъ можно больше слушателей, и славы, и доходовъ. Но мнѣ не по сердцу стремленіе богача или торговца залѣзть въ область служенія искусству,—музыкѣ, пѣнію или струннымъ инструментамъ. Пусть онъ достигнетъ извѣстной степени совершенства,—я и это готова допустить; пожалуй, я сама, вмѣстѣ съ другими, буду ему аплодировать, но такая игра—плодъ ремесленнаго труда и терпѣнія—не тронетъ, не увлечетъ меня, не захватитъ мнѣ умъ и сердце: на это способенъ только врожденный гений,—талантъ, данный свыше! Только гений, подобно царевичу въ „Спящей Царевнѣ“, способенъ разбудить очарованный замокъ и ввести въ него... насъ, своихъ слушателей. И дай Богъ, чтобы ихъ было у него какъ можно больше!

— А если вашъ царевичъ не явится вовсе? Тогда вѣдь и царевна не проснется,—вставила свое словечко Гизела.

— Какъ бы то ни было, онъ одинъ настоящій царевичъ, призванный освободить духъ несчастныхъ, до тѣхъ поръ погруженныхъ въ тяжелый, безжизненный сонъ!—горячо продолжала тета Магіе.

— А какъ вамъ кажется, можно ли искусственно подстроить успѣхъ?—спросила г-жа Термень.

— Да; по крайней мѣрѣ, мой мужъ такъ полагаетъ. За деньги чего не добудешь!.. Но тебя—порадовалъ бы *такой* успѣхъ?—вдругъ обратилась къ племянницѣ майорша.

Г-жа Термень вспыхнула какъ зарево. Ей досадно было, что

золовка проникла ея сокровеннѣйшіе помыслы. А ужь чего осторожнѣ держала она себя не только съ другими, но даже съ дочерью!.. И ее раздражала увѣренность тона, съ которымъ обратилась къ Гизелѣ проникательная майорша.

— Нѣтъ,—послѣ нѣкотораго колебанія проговорила молодая дѣвушка.—Я лучше совсѣмъ отъ него откажусь!

— И я того же мнѣнія,—подхватила мать.— Но скажите мнѣ, пожалуйста, милая Магіе: отчего бы это зависѣло, что пѣвцамъ и пѣвицамъ поклоняются больше, чѣмъ музыкантамъ и поэтамъ? Толпа выше всего ставитъ пѣвца; затѣмъ — музыканта и композитора и, подъ конецъ,—поэта. Таковъ порядокъ вещей и тогда, когда рѣчь идетъ о первомъ представленіи: и тутъ, опять-таки, пѣвецъ—первѣйшій представитель.

— Да; къ сожалѣнію, все это такъ. Но посмотрите, чтѣ происходитъ дальше. Пѣвецъ или пѣвица могутъ потерять голосъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою славу; а пѣсни и музыка не теряютъ своей прелести и мелодичности, хотя бы ихъ творецъ давно сошелъ въ могилу. Такимъ образомъ, все, чтѣ говоритъ душѣ, и все, чтѣ вылилось изъ ея нѣдръ—остается и останется безсмертнымъ.

— Нѣтъ, я не могу съ вами согласиться! По моему, пѣвецъ самъ даетъ поводъ къ музыкальному творчеству; а музыка, въ свою очередь, даетъ жизнь стихотворенію. Не помню, кто мнѣ это сказалъ, еще вчера... Ахъ, да, знаю. Это Виттъ!

— Онъ, вѣрно, самъ поетъ?

— О, нѣтъ: онъ просто любитъ музыку, а самъ... Самъ онъ изучаетъ не то стихотворство, не то... не то что-то въ этомъ родѣ.

Въ эту минуту слуга подаль на серебряномъ блюдѣ чью-то скромную карточку. Майорша встала, чтобы проститься, но г-жа Терменъ удержала ее.

— Пойдите минутку! Это Виттъ и есть. Онъ, должно быть, неглупый малый; посмотримъ-ка, чтѣ онъ намъ скажетъ по этому поводу?.. Проситъ!—приказала она лавео, и минуты двѣ спустя передъ дамами предсталъ молодой стихотворецъ.

Его лицо казалось очень юнымъ и свѣжимъ, съ легкимъ румянцемъ, навѣяннымъ морозомъ. Въ его осанкѣ и поступи на этотъ разъ замѣтно было больше спокойствія, больше самоувѣренности, а въ глазахъ ясно можно было прочесть, что съ нимъ случилось что-то пріятное, отчего у него стало особенно легко и отрадно на душѣ. Его появленіе разсѣяло натянутое настроеніе, въ которомъ велась до тѣхъ поръ бесѣда, и всѣмъ также стало легче на душѣ при взглядѣ на него.

Витта еще на балу представили майоршѣ, и она, какъ уже знакомая, едва обмѣнявшись съ нимъ привѣтствіемъ, поспѣшила спросить:

— Вы изучаете поэзію?

— Не совсѣмъ; но въ моихъ научныхъ занятіяхъ мнѣ приходится касаться и вопросовъ поэзіи. Меня особенно прельщаютъ народные пѣсни; вѣдь еслибъ не было въ человѣкѣ отъ природы потребности пѣть, народъ не слагалъ бы такихъ чудныхъ образныхъ пѣсенъ, которыя тѣмъ и прекрасны, что вылились у него невольно, для него самого незамѣтно. Люди вообще любятъ украшать свое тѣло одеждой или драгоценностями; пѣсни же—лучшее украшеніе души и ея настроеній.

— Ахъ, какъ мило!—воскликнула Гизела.

— Вы, значитъ, думаете, что народъ и самъ не знаетъ, откуда взялись тѣ пѣсни, которыя хранятся въ немъ, изъ рода въ родъ?—перебила племянницу майорша.

— То-есть, авторъ каждой есть всегда и непремѣнно кто-нибудь одинъ,—отвѣчалъ Виттъ; *имя же* народу *леионъ*. Но кто бы ни былъ первоначальный творецъ народной пѣсни,—все равно, и онъ самъ, и его пѣсня становятся достояніемъ своего народа.

— Однако, не всѣ же пѣсни Гёте стали народными, — возразила Гизела.

— Да потому, что не всѣ онѣ поются; а настоящая народная пѣсня такъ проста и легко переложима на музыку, что каждый споетъ ее безъ затрудненія, словно онъ самъ подыскалъ подходящую къ ней мелодію. Съ пѣсней безъ музыки та же исторія, что и съ цвѣтами, которые такъ искусно дѣлала моя покойная тетя Гетти. Они были такъ хороши, такъ натуральны, что трудно было и желать лучшаго, особенно зимою. Но съ первой же весенней, самой скромной фіалкой, они теряли всю свою прелесть: имъ не хватало ея нѣжнаго благоуханія!..

— О, да вы сами—поэтъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ Виттъ и смутился.

Но его не оставляли въ покоѣ и старались допытаться: не пишетъ ли онъ самъ стиховъ?

— Ну, кто изъ насъ не пробовалъ въ дѣтствѣ подбирать рѣмы?—наконецъ согласился уклончиво молодой человѣкъ, какъ бы извиняясь въ своей слабости.—И я не избѣгъ общей участи. Но, все-таки, я не поэтъ.

— Вы въ этомъ твердо увѣрены? Вы не спрашивали ничего мнѣнія... мнѣнія компетентнаго лица, конечно?

— Нѣтъ... то-есть, да: одинъ такой господинъ сказалъ мнѣ, что

у меня не настоящіе стихи, а только „молоссы“. Я никому ужъ больше не показываю своихъ пѣсень.

— Пѣсень?—переспросила Гизела.—Такъ вы, значить, пишете такія пѣсни, которыя можно пѣть, которыя могутъ остаться въ народѣ?

— Можетъ быть, еслибъ ихъ положить на музыку, изъ нихъ и вышло бы что-нибудь, — замѣтилъ Виттъ. — Впрочемъ, и несравненно лучшія пѣсни, чѣмъ мои, остались незамѣчены народомъ.

— Но если вы никому не покажете своихъ пѣсень, кто же ихъ замѣтитъ, кто подберетъ къ нимъ музыку?—съ укоромъ въ голосъ возразила г-жа Термень.

— Мой другъ Монна взялся за это, — отвѣчалъ сіяющій поэтъ.—Онъ просмотрѣлъ мои пѣсни, и его похвалы, его справедливое порицаніе подняло во мнѣ бодрость духа и увѣренность въ себѣ; онъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ пѣсенкахъ мелодія такъ и рвется наружу... и это особенно радуетъ меня!

— И скоро мы ихъ услышимъ? — спросила Гизела.

— Теперь Монна еще готовится къ своему концерту; но послѣ него онъ тотчасъ же за нихъ возьмется. Мы съ нимъ ужъ многое пообсудили. Ему еще мѣсяць осталось усиленно трудиться, и ужъ теперь въ обществѣ возникаютъ пари: выдержитъ ли онъ это испытаніе? Онъ вѣдь играетъ теперь по десяти часовъ въ день, чтобы преодолѣть гигантскія трудности какого-то „Carriccio“ одного русскаго композитора, котораго одни считаютъ выдающимся гениемъ нашего времени, а другіе просто называютъ полоумнымъ и увѣряютъ, что такія руколомныя трудности можно написать лишь въ принадлежѣ сумасшествія.

— И чтѣ же? Это каприччіо красиво? — спросила маіорша.

— Трудно сказать. Я самъ его еще не слышалъ, а мнѣніе общества, какъ всегда въ такихъ выдающихся случаяхъ, раздѣлилось: одни кричатъ, что слушать противно, другіе—превозносятъ до небесъ!

— Какъ бы то ни было, это каприччіо значительно пробудитъ любопытство и усилитъ вниманіе публики къ концерту вашего друга. Что же касается меня лично, —прибавила тета Магіе,—для меня, каюсь, главный вопросъ: красиво ли оно? Искусство — главная краса нашей жизни, и я рѣшительно считаю, что это заблужденіе считать за искусство какое-нибудь ученое и хитроумное, но уродливое произведеніе.

— Но у Монны тонкій, изящный вкусъ и глубокое пониманіе всего прекраснаго, — заступился за друга Виттъ.

— Не знаю, но только я рада за него, что въ его прекрасному исполненію придетъ на помощь ваша любовь и стремленіе во всему совершенному, чистому. Онъ, мнѣ кажется, прекрасный толкователь или вѣрнѣе исполнитель, но не идеалистъ.

— Простите, но я не знаю никого болѣе идеально-настроеннаго, чѣмъ Монна! Онъ терпитъ нужду, онъ отважно борется съ жизнью изъ любви къ своему искусству: въ немъ вся его дѣла, все стремленіе!.. — горячился поэтъ.

— Конечно, я сужу о немъ только по его игрѣ, которая прекрасна, но не говоритъ чувству. А для насъ, женщинъ, это главный двигатель въ нашихъ дѣлахъ и мнѣніяхъ. Мы любимъ все, что прекрасно, свѣтло, или все, что намъ кажется прекраснымъ. Я потому и люблю искусство, что оно для меня—праздникъ жизни. Какое было бы трудиться, еслибы будни не освѣщались праздничнымъ отдыхомъ; еслибы на голой, черной землѣ не было прекрасныхъ садовъ, а въ жизни—искусства? Я бы и дѣла не могла прожить, еслибы свѣтъ искусства погасъ... Нѣтъ безъ него красы и радости, и жизнь не въ жизни!

Искреннимъ увлеченіемъ звучали слова маіорши, и ея свѣжее, оживленное лицо казалось прекраснѣе и моложе хорошенькаго, но утомленнаго свѣтской суетою личика племянницы.

Виттъ выслушалъ ее, не сводя съ нея восхищеннаго взора, и затѣмъ поспѣшно простился. А въ душѣ его все сіяло, все ликовало; ему казалось, что это не женщина, не простая смертная высказываетъ дорогія ему, его завѣтныя убѣжденія, а сама богиня искусства, поэзіи... его муза!

На лѣстницѣ онъ встрѣтился съ фрейлейнъ Ридеръ и такъ привѣжливо ей улыбнулся, какъ еслибы она была его первѣйшимъ другомъ или даже возлюбленной.

„Онъ, право, безъ ума, какъ влюбленный! — подумала и она, глядя ему въ слѣдъ. — Тутъ что-нибудь да кроется. Не я буду, если до этого не докопаюсь!“

Она повонила.

— Барыня дома?

— Пожалуйте-съ!—и дверь за нею захлопнулась.

А изъ другой двери, поспѣшно поцѣловавъ золовку и племянницу, бѣжала отъ нея маіорша Винглебъ. Ужъ очень она недолюбливала эту невзрачную особу...

А. Б—г—

„LES PETITS POÈMES“

Ф. КОППЕ.

1.—Двѣ гробницы.

Тимуръ, побѣдитель персидской земли,
Чьи полчища всюду гровою прошли,
Враговъ разгоняя, какъ тигры лисицъ,—
Тимуръ преклонился предъ тайной гробницъ.
Когда полудикихъ монголовъ орда,
Селеня разграбивъ и взявъ городъ,
Ему воздвигала зловѣщій трофей—
Колонны изъ мертвыхъ головъ и костей,—
Угрюмо склоняся надъ лудю сѣдла,
Горѣвшаго блескомъ камней безъ числа,
И словно не слыша привѣта дружинъ,
Суровъ и безмолвенъ, спѣшилъ властелинъ
Къ воротамъ кладбища. Межъ старыхъ могилъ,
Подъ тѣнью деревьевъ, онъ долго бродилъ;
И часто, встрѣчая могилу бойца,
Великаго духомъ имама, пѣвца,—
Предъ нею склонялся съ почтеніемъ ханъ.

Со взятіемъ Туси совпалъ рамазанъ,
Но городъ старинный Тимуръ пощадилъ
За то, что когда-то родился и жилъ
И тамъ же нашелъ безмятежный конецъ
Фирдуси, великій народный пѣвецъ.
И долго, волнуемый странной мечтой,

Стоялъ властелинъ предъ могилою той,
Гдѣ мирно поэта покоился прахъ.
Тимуръ повелѣлъ отворить саркофагъ—
О, чудо! Подъ мраморомъ бѣлымъ плиты,
Въ гробницѣ поэта лежали цвѣты!

При взглядѣ на массу душистую розъ,
Въ умѣ властелина явился вопросъ:
Во чтѣ обратится со смертью онъ самъ?..
Вернувшись въ отчизну, спѣшитъ онъ во храмъ,
Гдѣ прахъ Чингисъ-хана со славой зарытъ.
И вотъ саркофагъ величавый открыть,—
Но, трепетомъ страха невольно объять,
Въ испугѣ Тимуръ отступаетъ назадъ,
Блѣднѣя и хмура въ волненіи бровь...
Въ гробницѣ героя увидѣлъ онъ кровь!

2.—Который изъ двухъ?

Разсказъ относится къ началу термидора.
Послѣдніе лучи кроваваго террора
Зажглась надъ городомъ, гремѣлъ послѣдній громъ,
И смерть являлася едва-ль не въ каждый домъ.
Не прекращалася работа гильотины,
Но страха не было предъ близостью кончины.
Всѣхъ обвиняемыхъ въ тюрьмѣ Консьержери
Считалось до трехсотъ. Съ сіяніемъ зари
Къ нимъ утро каждое являлся безобразный
И пьяный секретарь. Читая списокъ грязный
Охрипшимъ голосомъ, онъ вызывалъ того,
За кѣмъ пріѣхала телѣга роковая.
И обвиняемый, поспѣшно обнимая
Оставшихся друзей и на призывъ его
Отвѣтивъ твердо: „Здѣсь!“ на плаху шель спокойно.
Въ то время умирать умѣли всѣ достойно:
Простые буржуа, дворяне и народъ—
Безтрепетно всѣ шли на эшафотъ.

Однажды секретарь, со спискомъ осужденныхъ
Всегда являвшійся въ темницѣ поутру,
Въ бумагу заглянувъ, промолвилъ:— Шарль Леру!—

И сразу не одинъ, а двое заключенныхъ
Откликнулись на зовъ. Обоихъ звали такъ.

Раскохотался онъ.—Попался я въ просаки!
Котораго же брать?—

Въ костюмѣ небогатомъ,
Одинъ изъ нихъ, судя по важности манеръ
И виду общему, казался депутатомъ.
Другой же—молодой, блестящій офицеръ—
Глядѣлъ вокругъ себя сповойно гордымъ взглядомъ.
Передъ чиновникомъ они стояли рядомъ.
—Вы оба носите прозваніе одно?—
—Мы оба смерти ждемъ.—

—Такъ я возьму любого!—

Но тутъ же посланный раскохотался снова:
—А впрочемъ, граждане, мнѣ это все равно,
И вы промежь себя устройвайтесь сами...
Да только поскорѣй: Сансонъ ¹⁾ не за горами!—

Бесѣда ихъ была проста и коротка.
Цвѣтущій юноша спросилъ у старика:
—Женаты?—

Да, женаты.—

—А сколько дѣтокъ?—

—Трое!—

—Скорѣй!—ворчалъ писецъ:—болтаете пустое!—
Но твердо офицеръ тутъ вышелъ изъ рядовъ:
—Я осужденъ на казнь. Идемте... Я готовъ!—

3.—Мадьяръ.

Графъ Иштланъ изъ рода Бекко, истинный магнатъ,
Былъ недаромъ между всѣми знатенъ и богатъ.
Разъ на праздникѣ въ селенѣ, пышно наряженъ,
Посреди своихъ вассаловъ появился онъ.
На его одежду глядя, изумлялся міръ:
Изумруды и алмазы, жемчугъ и сафиръ,
Чуть скрѣпленные, горѣли искрами на немъ,
И при всѣхъ его движеньяхъ сыпались дождемъ...

¹⁾ Палачъ.

Ослѣпленные сіаньемъ блѣстокъ дорогихъ,
Жадно всё его вассалы подбирали ихъ.

Лишь одинъ—мадьяръ типичный, въ черномъ колапѣ
И въ плащѣ—не шелохнулся, стоя вдальгѣ;
И съ толпою не мѣшаясь, смуглый и худой,
Онъ покручивалъ рукою длинный усъ сѣдой.

И къ нему-то, усмѣхаясь, подошелъ магнатъ.
—Ну, старикъ, передъ тобою я не виноватъ:
Посмотри, на всемъ кафтанѣ ни цехина нѣтъ.
Отчего не подбираешь ты блѣстокъ и монетъ?—
Но мадьяръ спокойно молвилъ, словно про себя:
—Оттого, что нагибаться не умѣю я!—

4.—Дуэль.

(Средневѣковая картина.)

Два щеголя среди толпы зѣвакъ,
Почтительно раздавшейся предъ ними,
Спѣшили въ Лувръ. Отъ рукояти шпагъ,
Украшенной камнями цвѣтными,
До шляпъ съ перомъ, надѣтыхъ на бекрень
И легкую набрасывавшихъ тѣнь
На ихъ черты, все было въ нихъ красно.
И рѣчи ихъ звучали горделиво,
И смѣлостью горѣлъ надменный взоръ,
А въ смѣхѣ слышался воинственный задоръ.
Одинъ—сокольниковъ, другой—наѣздникъ смѣлый,
Обоимъ—двадцать лѣтъ,—но кто рукою бѣлой
Искуснѣй ихъ закручиваетъ усъ,
Въ костюмѣ чьемъ замѣтенъ большій вкусъ,
На комъ уборъ изящнѣй и дороже?
Любой изъ нихъ—и бѣлизною кожи,
И граціей изысканной манеръ,
Отъ головы до ногъ—миньонъ и кавалеръ.

Дорогою брюнетъ такъ говоритъ блондину:
—Я, кромѣ золотыхъ, не признаю волосъ,
И пусть я дворъ изгнанникомъ повиню,
Когда хоть разъ мнѣ пряди черныхъ косъ—

Не золотистыя—послужать изголовьемъ!—

—Что до меня—всегда любви условьемъ

Я ставлю кудри, черныя какъ смоль,—

Сказалъ блондинъ,—храни свою лилею!—

—А ты—свой мажъ!—Однако, графъ, позволь...

Твои слова?..—За нихъ я постоять сумѣю.—

—Что жъ? Очень радъ... На шпагахъ?—Да, маркизъ.—

—Когда?—Сейчасъ! Такъ будетъ ближе къ цѣли.—

—Прекрасно! Къ чорту всё эднеты о дуэли!

Я предложу сойти немного внизъ,

Тутъ менѣе встрѣчается народу...

Побиться я не прочь въ подобную погоду!—

Спустясь къ рѣкѣ и по дорогѣ взявъ

Двоихъ солдатъ свидѣтелями, графъ

Съ маркизомъ сбросили свои полувафтанья—

И сталь рапиръ блеснула съ двухъ сторонъ
Червонымъ золотомъ при солнечномъ сіяньѣ.

Какъ требуетъ того учтивости законъ,

И воины оружье обнажили.

Бойцы равны по ловкости и силѣ,

Но въ фехтованьѣ предпочесть должно

Всѣ правила методы флорентинской.

Съ увертливостью чисто сатанинской

Маркизъ ударъ пріятелю нанесъ—

И графъ упалъ, проколотый насквозь...

Тогда солдатъ, маркизу помогавшій

Надѣтъ камзолъ и шпагу пристегнуть,

Спросилъ его:—Навѣрно чѣмъ-нибудь

Обиду вамъ нанесъ большую павшій?—

Вы были съ нимъ врагами?—

—О, ничуть!—

—Но чѣмъ тогда былъ вызванъ поединокъ?—

—Брюнетзамъ онъ предпочиталъ блондинокъ.—

—И только-то?!.. Красивыхъ, монсеньеръ,

Тѣхъ и другихъ достаточно въ Парижѣ.—

—Ты правъ,—сказалъ съ усмѣшкою бреттеръ,—

—Тѣмъ больше, что теперь я увлекаюсь рыжей...—

5.—БЕЗДОМНАЯ СОБАКА.

Когда спѣшите вы по улицѣ пустой,
Гдѣ въ лужахъ, грязью липкой и густой
Наполненныхъ, огней мерцаетъ отраженье,—
Вамъ на пути встрѣчалась, безъ сомнѣнья,
Одна изъ брошенныхъ хозяиномъ собакъ—
Худая, жалкая, которую бѣднякъ
Прогналъ пинкомъ со вздохомъ сожалѣнья?
Она идетъ за вами по пятамъ,
Съ настойчивостью робкой и упорной,
И каждый разъ, когда случится вамъ
Взглянуть назадъ—вы встрѣтите упорный
И долгій взоръ ея печальныхъ глазъ.
И что за взоръ—тоскующій, молящій,—
Какимъ глядеть утрадкою подчасъ
Лишь очи женщины, за счастье дрожащей,
Иль бѣдняка, кому грозить отказъ...

Вы остановитесь въ раздумьѣ,—и собака,
Какъ будто чувствуя, что происходитъ въ васъ,
Тревожно ждетъ движенія иль знака
И словно говоритъ движеніемъ хвоста
Лохматаго:—Возьми меня съ собою!—
Вы тронуты въ душѣ ея судьбою,
Но сами вы бѣдны: лишенья, тѣснота...
И вдругъ съ невольною, прорвавшеюся злостью,
Вы, на нее замахиваясь тростью,
Кричите ей сердито:—Прочь пошла!—
И хвостъ поджавъ, смущенно-торопливо,
Она къ другимъ плетется сиротливо—
Искать пріюта и тепла.

О. МИХАЙЛОВА.

1894 г.

ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ II

I. — Новый периодъ французскихъ влияній. — Благосклонность имп. Екатерины къ „философамъ“. — Условія русской жизни и образованія. — Журнальная дѣятельность Екатерины II. — Новиковъ. — Внутреннія противорѣчя.

Периодъ времени, слѣдующій за дѣятельностью первыхъ начателей новой литературы и обнимающій почти всю вторую половину XVIII вѣка, можетъ быть обозначенъ именемъ императрицы Екатерины II не только по вышнему хронологическому основанію, но и по важнымъ внутреннимъ причинамъ. Никто изъ русскихъ государей, раньше и послѣ, не отдавалъ литературѣ столько вниманія, или поощряя, или стѣсняя ее; никто въ такой мѣрѣ не былъ близокъ къ тому умственному движенію въ Европѣ, которое имѣло для нашей литературы сильное возбуждающее и руководящее значеніе; никто, наконецъ, не принадлежалъ къ литературѣ своимъ собственнымъ трудомъ. Только Петръ Великій въ свое время принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи знаній, въ размноженіи нужныхъ для этого книгъ, даже самъ работалъ для этой цѣли; но самая роль литературы заключалась тогда только въ одномъ усвоеніи учебнаго матеріала, — теперь, напротивъ, возникала извѣстная самостоятельная дѣятельность. Воспріятыя литературныя влиянія отражались примѣненіемъ ихъ къ собственной жизни, первыми проблесками умственной работы и поэтическаго творчества. Екатерина II, по условіямъ личнаго дѣятельнаго характера и политическихъ обстоятельствъ, не только не

осталась равнодушна въ движенію, но сама принимала въ немъ живѣйшее участіе, хотѣла руководить имъ, а когда оно ускользало отъ ея вліянія, раздражалась и стремилась остановить его. Факты того и другого наполняютъ время ея правленія и ея собственную литературную дѣятельность: внѣ ея прямого или косвеннаго вліянія или отзыва не осталось ни одного изъ крупныхъ литературныхъ явленій того времени.

Вторая половина XVIII вѣка отмѣчена въ особенности обширнымъ и разнообразнымъ вліяніемъ французской литературы. Мы видѣли раньше, что оно возникало само собою: какъ скоро русская образованность вступала въ европейскую школу, она естественно должна была находить свой главный источникъ въ томъ авторитетѣ, который въ самой Европѣ игралъ тогда господствующую роль. Этимъ авторитетомъ была французская литература, и мы видѣли, что первые начинатели новой литературы, Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, заимствовали отсюда руководящія правила и образцы. Это было еще во времена Анны Ивановны. Царствованіе Елизаветы открыло еще болѣе широкіе пути французскимъ вліяніямъ: отчасти это было естественное расширеніе французскихъ образцовъ, какое произвело, на примѣръ, драматическія творенія Сумарокова; отчасти распространеніе французскихъ вкусовъ въ самомъ обществѣ, что привело наконецъ произведенія Сумарокова на придворную сцену. Французскіе обычаи, какъ придворная и свѣтская мода, обошли тогда всю Европу и приходили наконецъ къ намъ; высшее образованіе, которое считалось наконецъ необходимымъ въ высшемъ кругу, а по его примѣру проникало и въ средній, возможно было только на французскомъ языкѣ и на французскихъ книгахъ. Любимецъ императрицы Елизаветы, который былъ вмѣстѣ и прославляемымъ меценатомъ и приобрѣлъ дѣйствительно великую историческую заслугу основаніемъ московскаго университета, И. И. Шуваловъ, находился уже въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Екатерина II была вполне воспитана на французской литературѣ; съ первыхъ годовъ своего царствованія она вступаетъ уже въ дружескую переписку съ первостепенными свѣтилами французской „философіи“. Такимъ образомъ вліяніемъ французской литературы открыта была, такъ сказать, официальная дорога.

По мѣрѣ того, какъ расширялось внѣшнее знакомство съ французской литературой, расширялся и объемъ идей, которыя изъ нея почерпались. Это не были уже только литературные образцы, которыми у насъ силились подражать; но это были также извѣстныя общественныя понятія, „философскія“ мысли. Сама французская

литература, которую узнавали во второй половинѣ столѣтія, была уже иная. Со времянь Людовика XIV, когда корифеи ея были тѣмъ, чего отъ нихъ ожидали—украшеніемъ великолѣпнаго двора, когда въ торжественной драмѣ языкомъ изящнаго общества говорили греческіе и римскіе герои,—съ тѣхъ времянь литературный центръ тяжести перемѣстился, вмѣстѣ съ настроеніемъ общества, а также и съ успѣхами общеевропейской мысли. Новая литература Европы была вообще созданіемъ эпохи Возрожденія. Мы указывали, какъ однимъ изъ первыхъ результатовъ Возрожденія было рѣшительное отрицаніе средневѣкового преданія: въ сравненіи съ ясностью античной философской мысли, съ тонкими красотами античной поэзіи и искусства, стали казаться грубыми произведенія среднихъ вѣковъ, ихъ необработанный языкъ, неспособный къ выраженію глубокой мысли и изысканнаго чувства, ихъ легендарная мифологія, которая не давала разсматривать себя какъ поэзію, но требовала непосредственнаго признанія. Вліяніе античной мысли развило духъ критическаго анализа, и за Возрожденіемъ естественно слѣдовало движеніе Реформы, охватившее католическій міръ. Отчаянная борьба вызвала религіозныя войны и преслѣдованія, инквизицію и орденъ іезуитовъ, но вызвала также и энергическую литературу, которая еще съ XVI вѣка, со времянь Эразма и Гуттена, подрывала авторитетъ защитниковъ средневѣкового іерархическаго преданія; послѣдніе уже съ той поры приобрѣли репутацію „обскурантовъ“,—и долго потомъ ими усердно поддержанную. Успѣхи классическихъ изученій, съ другой стороны, шли рядомъ съ великими научными открытіями, которыя встрѣчены были крайне враждебно „обскурантами“ и пріветствованы защитниками свободы научнаго изслѣдованія. Наконецъ, отъ общихъ философскихъ вопросовъ новая мысль перешла къ непосредственнымъ вопросамъ общественной жизни, и та литература, которая прежде считала необходимыми классическіе котурны, спустилась въ буржуазной драмѣ къ простому быту и нравамъ средняго круга. Это обращеніе литературы къ среднему кругу, т.-е. къ общественной массѣ, выразилось и еще въ одномъ явленіи: еще въ средніе вѣка установилось господство латинскаго языка въ изложеніи предметовъ науки; это господство на первое время поддержано было классическими пристрастіями эпохи Возрожденія (хотя уже въ другомъ тонѣ: вмѣсто средневѣкового схоластическаго языка стремились къ изящной рѣчи Цицерона и Горация),—теперь въ ту же массу общества стремятся ввести на языкъ этого общества и самыя высокіе вопросы науки. Ньютонъ писалъ еще

поэты свои исследования, Вольтеръ вводилъ ихъ въ популярную французскую литературу.

Особенный подъемъ французской литературы второй половины XVIII столѣтія и расширеніе ея вліянія въ остальной Европѣ приведены были различными условіями времени. Окончилось знаменитое царствованіе, когда Франція пользовалась широкимъ политическимъ вліяніемъ и была законодательницей вкуса и просвѣщенія, наполняя самихъ французовъ сознаниемъ славы и національнаго достоинства; но это царствованіе смѣнилось слабымъ правленіемъ и печальными послѣдствіями старой системы: въ обществѣ пробуждалось критическое отношеніе къ тому порядку вещей, гдѣ за внѣшнимъ блескомъ скрывалось крайнее притѣсненіе народной массы, религіозная нетерпимость и вмѣстѣ съ нею подавленіе критической мысли. Мысль невольно обращалась къ условіямъ общественнаго и политическаго быта, и несостоятельность даннаго порядка вещей все больше бросалась въ глаза. Отмѣна Нантскаго эдикта удалила изъ Франціи цѣлую массу разумаго и трудолюбиваго населенія, и церковное притѣсненіе было отомщено все сильнѣе развивавшимся охлажденіемъ къ религіи, распространеніемъ отрицательныхъ философскихъ ученій, деизма и даже атеизма. Знаменитый французскій выходецъ, Пьеръ Бэйль (ум. въ 1706), сталъ горячимъ защитникомъ вѣротерпимости и начинателемъ философскаго скептицизма XVIII вѣка: его зналъ уже нашъ Татищевъ. Съ другой стороны, французская литература воспринимала и перерабатывала вліянія, исходившія отъ другихъ европейскихъ литературъ. Здѣсь въ результатѣ Возрожденія шла своя оживленная дѣятельность и первостепенные умы сходились въ общихъ запросахъ философскаго и общественнаго знанія. Во Франціи въ особенности отозвалось англійское вліяніе. Мы уже указывали его у Вольтера, который въ своей популярной философіи распространялъ ученія англійскихъ мыслителей, а затѣмъ Бондильякъ развивалъ мысли Локка въ „Опытѣ о происхожденіи человѣческихъ познаній“ и въ „Трактатѣ объ ощущеніяхъ“, которые надолго доставили своему автору великую славу. Вольтеръ былъ еще деистомъ, но другіе пошли дальше: Дидро являлся болѣе рѣшительнымъ отрицателемъ, и наконецъ Гельвецій въ книгѣ „De l'esprit“ (1758), получившей опять чрезвычайное распространеніе въ европейскомъ обществѣ, былъ уже окончательнымъ матеріалистомъ, какъ нѣсколько позднѣе авторъ другой знаменитой книги своего времени, „Système de la nature“ (Гольбахъ, 1770). Отрицая всѣ старыя преданія, новая философія указывала вообще на права разума, и конечно открывала этимъ широкій

путь для критики во всѣхъ направленіяхъ нравственной и общественной жизни. Знаменитая „Энциклопедія“, объединившая своимъ названіемъ всю эту группу философовъ, ученыхъ и публицистовъ, явилась съ введеніемъ d'Аламбера, „Discours préliminaire“, излагавшимъ систему человѣческихъ знаній (первое изданіе Энциклопедіи 1751—1772, послѣднія прибавленія 1777). Но рядомъ съ тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ ученій жизнь сводилась въ дѣйствию чисто матеріальныхъ началъ, успѣхи человѣчества приписывались только силѣ разума и прошлымъ состоянію человѣчества объяснялись только невѣжествомъ (а религія— „обманомъ жрецовъ“),—въ литературѣ той же эпохи явился имъ сильный противовѣсъ: съ одной стороны глубокое, разумное размышленіе о судьбахъ человѣчества, съ другой—идеалистическая потребность въ жизни чувства, стремленіе къ простымъ условіямъ челоуѣческаго существованія вызывали въ этомъ философскомъ движеніи явленія совершенно иного характера, гдѣ противъ отвлеченнаго отрицанія прошедшаго, какъ продукта невѣжества, выставлялось понятіе историческаго закона, а противъ восхваленія разума и просвѣщенія, какъ единственныхъ основъ будущаго благополучія человѣчества, высказано было сильное сомнѣніе въ тѣхъ благахъ, какія даетъ просвѣщеніе, высказано даже полное отрицаніе этихъ благъ и требовалось возвращеніе къ природѣ. Таковы были книги Монтескьё: „*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*“ (1734) и въ особенности „*Esprit des lois*“ (1748),—и затѣмъ знаменитыя разсужденія Руссо на темы Дижонской академіи: „*Si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs?*“ (1749) и „*Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes et si elle est autorisée par la loi naturelle?*“ (1753), за которыми послѣдовали „*Emile ou de l'éducation*“ и „*Contrat social*“, не говоря о другихъ его произведеніяхъ.

Всѣ названныя имена извѣстны были по всей Европѣ. Какъ нѣкогда повсюду распространилась литература временъ Людовика XIV, такъ теперь та же слава сопровождала новыхъ французскихъ писателей, которые затрогивали самые существенные и тревожные вопросы челоуѣческой природы, общественной жизни и нравственности, притомъ затрогивали иначе, чѣмъ это бывало у философскихъ писателей прежняго времени, не въ тяжелыхъ формахъ школьной учености, а въ изложеніи доступномъ для всякаго образованнаго читателя. Здѣсь еще разъ сказалась та черта французской литературы, которую Тэнъ считаетъ національной чертой, *le talent de bien dire*—,эта средина между высшимъ умозрѣніемъ

и подробнымъ наблюденіемъ, между смѣлымъ изобрѣтеніемъ всеобщихъ идей и старательнымъ собираніемъ мелкихъ фактовъ; этотъ талантъ вращается между двумя крайностями и сближаетъ ихъ; онъ умѣетъ истолковать, объяснить, развить; онъ способенъ сдѣлать всякую идею доступной для всякаго ума: онъ знаетъ пути мышленія самые ровные, самые прямые и плавные; онъ по преимуществу методичный и всеобщій; это профессоръ человѣческаго рода и секретарь человѣческаго ума; это не ученый и не живописецъ, и съ другой стороны это не метафизикъ и не художникъ; онъ предоставитъ грекамъ и нѣмцамъ изслѣдовать внутреннюю природу предмета и возьметъ изъ нея только общую идею¹⁾... Этотъ „ораторскій талантъ“, которымъ Тэнъ объяснялъ характеръ французской литературы XVII вѣка, время Расина, Корнеля, Фенелона, Боссюэта, Лабрюйера, съ извѣстными видоизмѣненіями перешелъ къ писателямъ XVIII столѣтія. Прежняя классическая увлекательность французской поэзіи (особливо драмы) продолжалась въ увлекательности произведеній „философскихъ“, которыя впрочемъ не были ограничены формой спеціальнаго трактата, но являлись и въ видѣ поэмы, драмы, повѣсти (какъ повѣсти Вольтера). Рѣдко въ европейской литературѣ бывали примѣры такого обширнаго распространенія писателей внѣ собственнаго поприща ихъ дѣятельности: прежде слава французской псевдо-классической поэзіи, теперь слава французской философіи явились первыми примѣрами обширной международной популярности, которая шла рядомъ съ распространеніемъ французскаго языка, не только въ кругу придворномъ и свѣтскомъ, но и въ литературномъ. Знаменитый Эйлеръ писалъ по-французски „Lettres à une princesse d'Allemagne“; Фридрихъ Великій хотѣлъ быть только французскимъ писателемъ и презиралъ нѣмецкую литературу: историкамъ нѣмецкой литературы осталось утѣшаться за великаго короля тѣмъ, что на французскомъ языкѣ онъ поднялъ національное чувство нѣмцевъ и повысилъ уровень просвѣщенія. Какъ сами французы воспользовались для себя результатами англійской мысли, такъ теперь французская философія господствовала въ Германіи. Фридрихъ II желалъ имѣть д'Аламбера президентомъ берлинской академіи; тотъ отказался, но тѣмъ не менѣе президентомъ академіи былъ другой французъ, Мопертюи; ученые труды берлинской академіи издавались на французскомъ языкѣ... При этомъ примѣрѣ неудивительно, что и изданія петербургской „де-Сіансъ“ академіи долго издавались на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ.

¹⁾ Taine, „Nouveaux essais de critique et d'histoire“. Paris, 1865, стр. 208—209.

Когда послѣ первыхъ своихъ шаговъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка русская литература расширила свои образовательныя поиски, естественно было, что французская литература стала ея основнымъ авторитетомъ. Самымъ знаменитымъ именемъ въ этой литературѣ былъ тогда Вольтеръ, и еще во времена Елизаветы съ нимъ вступили въ прямыя сношенія и петербургская академія, и И. И. Шуваловъ, и, наконецъ, Сумароковъ, который воображалъ, что онъ рядомъ съ Вольтеромъ можетъ быть законодателемъ литературнаго вкуса; русскіе путешественники уже бывали у Вольтера съ поклономъ. Самъ Вольтеръ, чрезвычайно самолюбивый, искавшій почестей, давно добивался быть избраннымъ въ почетные члены петербургской академіи, что ему и удалось; онъ предлагалъ потомъ написать исторію Петра Великаго, еслибы ему сообщены были необходимыя свидѣнія. На первый разъ предложеніе было отклонено, но потомъ, подъ вліяніемъ Шувалова, оно было принято. Въ доставленіи матеріаловъ должна была послужить академія и именно Ломоносовъ; послѣдній былъ весьма высокаго мнѣнія о достоинствахъ Вольтера, какъ писателя; онъ писалъ Шувалову: „Къ сему дѣлу, по правдѣ, г. Вольтера никто не можетъ быть способнѣе, только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое, что онъ человѣкъ опасный и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. Второе, хотя довольно можетъ получить отъ насъ записокъ, однако переводъ ихъ на языкъ, ему знакомый, великаго труда и времени требуетъ“. Дѣйствительно, Вольтеру доставлено было множество матеріаловъ, дѣлались ему разныя любезности и подарки, но когда трудъ Вольтера появился въ печати (1759—1763), въ Россіи остались имъ не совсѣмъ довольны. Штелинъ записалъ въ своихъ анекдотахъ: „не щадили никакихъ издержекъ, чтобы возбудить въ этомъ знаменитомъ писателѣ охоту къ отчетливому исполненію такого труда. Ему послали впередъ отъ имени ея императорскаго величества подарки великой цѣны: полное собраніе изображеній русскихъ людей, выбитыхъ на золотѣ, значительный запасъ дорогихъ мѣховъ изъ отборныхъ соболей, черныхъ и голубыхъ лисицъ и пр., которые одни даже въ Россіи цѣнились въ нѣсколько тысячъ рублей. Но какъ былъ изумленъ дворъ, когда, послѣ долгаго промежутка времени, вмѣсто ожидаемой отъ знаменитаго писателя полной и обстоятельной исторіи русскаго монарха, явился голый остовъ“... Думали, что здѣсь оказались „любопытнѣйшіе виды сочинителя“, который „утаилъ“ многое изъ присланныхъ документовъ, чтобы воспользоваться ими для дру-

гихъ изданій своей книги ¹⁾. Предполагался „корыстный расчетъ“ но въ появленіи дополненныхъ изданій не было бы большой бѣды, и въ концѣ концовъ, по замѣчанію Соловьева, „Вольтеръ сдѣлалъ все, что могъ, и, несмотря на всѣ недостатки, ошибки и промахи, книга его въ свое время была вовсе не лишняя не только на западѣ, но и въ Россіи, и стояла тѣхъ шубъ, которыя были отправлены за нее автору“ ²⁾. Вольтеръ хотѣлъ быть историкомъ трехъ знаменитѣйшихъ государей начала столѣтія: Людовика XIV, Карла XII и Петра, и при всѣхъ недостаткахъ книги, исторія Петра, написанная самымъ прославленнымъ писателемъ того времени, все-таки заставляла говорить о Россіи и о великомъ преобразователѣ,—чего и желали въ Петербургѣ. Что эта цѣль достигалась, можно было видѣть изъ того, что Фридрихъ II былъ недоволенъ книгой Вольтера, вздумавшаго прославлять „страну волковъ и медвѣдей“, и говорилъ, что „не будетъ читать исторіи этихъ варваровъ“; въ письмѣ къ д'Аламберу Вольтеръ замѣтилъ, что они, однако, „вели себя въ Берлинѣ медвѣдями очень благовоспитанными“.

Задатки французскихъ вліяній, которые сказывались такимъ образомъ во времена Елизаветы ³⁾, еще сильнѣе развились при Екатеринѣ II, когда французская литература получила очень обширное, хотя довольно странное, распространеніе не только въ общественномъ кругу, но и въ официальной придворной сферѣ. Это явленіе весьма характерно для цѣлаго періода и наложило особую печать какъ на образовательные интересы общества, такъ даже и на факты жизни государственной. Таково было вліяніе французскихъ образцовъ въ литературѣ, пристрастіе къ французской модѣ и обычаю въ нравахъ общества, и таково было вліяніе французской философіи въ воспитательныхъ планахъ Екатерины и Бецкаго, и въ особенности въ знаменитомъ „Наказѣ“. Въ самомъ разгарѣ этихъ вліяній развивается и оппозиція противъ нихъ, которая заняла столько мѣста въ тогдашнихъ сатирическихъ стихотвореніяхъ, въ комедіи и въ нравоучительныхъ обличеніяхъ тогдашнихъ журналовъ. Историки нашей литературы того вѣка посвятили не мало вниманія тѣмъ и другимъ явленіямъ, отда-

¹⁾ Пезарскій, Исторія Академіи наукъ, II, стр. 617, 759.

²⁾ Исторія Россіи, XXVI, изд. 2-е. М. 1883, стр. 217.

³⁾ Тредьяковскій въ „Словѣ о премудрости, благоразуміи и добродѣтели“ возставалъ уже съ величайшимъ негодованіемъ противъ ученія Руссо, „обывателя жеманскаго“, что „отъ Ученій больше поврежденія произошло Добронравію, и что безъ Наукъ и Знаній добродѣтельные люди пребываютъ и житьеуютъ въ Обществѣ“. (Сочин. Тредьяковскаго, изд. Смирдина, I, стр. 539—541).

вали высокую дань похвалы просвѣтительнымъ попеченіямъ императрицы Екатерины, которая почерпались изъ французской философіи, съ другой стороны хвалили сатириковъ, обличавшихъ подражаніе французамъ; новѣйшій біографъ Новикова указывалъ одно изъ величайшихъ золь того вѣка въ вольтеріанствѣ и одну изъ лучшихъ заслугъ Новикова — въ его изобличеніи, точно такъ же, какъ осмѣяніе французской моды считается признакомъ національныхъ стремленій. Такимъ образомъ по словамъ историковъ выходятъ, что изъ одного источника французской литературы исходятъ одновременно вліянія и благотворныя, и крайне зловредныя, и „Наказъ“, и вольтеріанство. Нѣтъ сомнѣнія, что были различныя теченія во французской литературѣ и въ другихъ, которыя были у насъ доступны въ XVIII вѣкѣ; были теченія отрицательныя, матеріалистическія, и направленія консервативныя (и послѣднія нашли у насъ ревностныхъ послѣдователей), но въ данномъ случаѣ похвалы и обличенія относятся нерѣдко къ одному и тому же явленію, къ однимъ и тѣмъ же представителямъ французской „философіи“: то восхвалялось новѣйшее просвѣщеніе, для котораго такъ много сдѣлано было трудами французскихъ писателей, — и импер. Екатерина оказывала величайшее вниманіе корифеямъ французской философіи, Вольтеру, Дидро, д'Аламберу, — то предавалось строгому осужденію „вольтеріанство“ и иное вольномысліе. Противоположныя сужденія встрѣчаются иногда въ одной книгѣ, подъ перомъ одного писателя. Эта двойственность лежала нѣкогда въ самыхъ понятіяхъ русскихъ писателей, которые не умѣли разобратъ въ содержаніи, приходившемъ изъ французской литературы, и повторилась у ихъ историковъ. Разыскивая источники этой двойственности, мы найдемъ ихъ во всѣхъ условіяхъ умственной жизни тогдашняго русскаго общества — слѣшкомъ отличныхъ отъ условій той жизни, которая создавала эту иноземную, приходившую къ нему литературу, — и въ частности въ томъ двойственномъ отношеніи, въ какомъ стояла къ французской литературѣ сама императрица.

Екатерина воспиталась на этой французской литературѣ; еще бывши великой княгиней, она много читала, передъ ней вставляли уже тѣ вопросы, которые бралась разъяснять новѣйшая философія, и она, по выраженію Соловьева, любовалась въ себѣ философскимъ умомъ¹⁾. По восшествіи на престолъ, ея „философскіе“ интересы не только нашли себѣ весь теоретическій просторъ, но и практическое поприще. До сихъ поръ Екатерина доволь-

¹⁾ Исторія Россіи, XXV, изд. 2-е. М. 1831, стр. 246.

ствовалась книгами, теперь она вступаетъ въ сношенія съ самими философами: ей была интересна бесѣда, въ которой она хотѣла и поучаться, но и поучать, потому что теперь она встрѣчалась уже и съ тѣмъ опытомъ нравственной и политической жизни, котораго не могло быть у ея собесѣдниковъ,—они только наблюдали жизнь, но не управляли ею. Къ прямымъ сношеніямъ съ кругомъ французской философіи были теперь и довольно серьезные для Екатерины практическіе поводы.

Она вступала на престолъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ, потребовавшихъ всей ея нравственной энергии; черезъ нѣсколько дней послѣ того ей пришлось вынести еще страшное потрясеніе вслѣдствіе катастрофы 6 іюля. При воцареніи она была справедливо убѣждена въ необходимости положить конецъ тому невозможному ходу вещей, который становился унижительнымъ для Россіи и опаснымъ для нея самой; но во всякомъ случаѣ это былъ опять дворцовый переворотъ, которыхъ уже такъ много происходило со времянъ Петра и въ которыхъ, при всей удачѣ въ данную минуту, могла заключаться опасность для будущаго. Нужно было установить отношенія въ своей ближайшей обстановкѣ, нужно было успокоить умы въ народной массѣ и обществѣ (отъ времени Елизаветы остался еще претендентъ, Иванъ Антоновичъ, имя котораго въ эти годы дѣйствительно не однажды было поводомъ къ политическимъ замысламъ); наконецъ, нужно было оправданіе переворота въ европейскомъ общественномъ мнѣніи, которое надо было увѣрить и въ полной прочности новаго порядка. Екатерина съ самаго начала приняла мѣры въ этомъ отношеніи: до нея дошли слухи, что И. И. Шуваловъ внушалъ Вольтеру неблагоприятныя о ней представленія; изъ Петербурга были написаны Вольтеру оправданія переворота; сначала обмѣнивались привѣтствіями черезъ женеваца Пиктѣ, служившаго при Екатеринѣ для иностранной переписки, а вскорѣ начались прямыя сношенія, и въ 1763 г. Вольтеръ говоритъ уже объ Екатеринѣ: „моя дорогая императрица“. Вольтеръ сталъ ея ревностнымъ приверженцемъ, и Соловьевъ замѣчаетъ, что, восхваляя потомъ ея подвиги, „едва ли Вольтеръ не первый сталъ толковать о томъ, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить и возсоздать отечество Софокла и Алевивада, такъ что Екатерина должна была сдерживать его слишкомъ разыгравшуюся фантазію“¹⁾.

Вскорѣ эти сношенія еще расширились. Екатерина писала вскорѣ къ д'Аламберу, котораго хотѣла пригласить для руковод-

¹⁾ Исторія Россіи, XXVI, 2-е изд., стр. 219.

ства воспитаніемъ наследника престола, и настойчиво повторила свое приглашеніе послѣ его отказа: она дѣлала предположеніе, что причина отказа заключалась въ любви къ спокойствію, въ желаніи отдавать свое время литературѣ и дружбѣ. „Но что же мѣшаетъ?—писала она.—Пріѣзжайте со всѣми вашими друзьями, я общаю вамъ и имъ всѣ удовольствія и удобства, отъ меня зависящія, и, быть можетъ, вы найдете здѣсь больше свободы и спокойствія, чѣмъ у васъ“. Когда Екатерина общалась ему „больше свободы и спокойствія“ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Парижѣ, это объясняется тѣмъ, что въ тѣ самые годы дѣлалось изданіе Энциклопедіи, которая въ первое время была въ Парижѣ запрещена; теперь д'Аламберъ подпалъ гоненію за сочиненіе объ уничтоженіи іезуитовъ и былъ лишенъ пенсіи; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что король не зналъ объ этой несправедливости. Екатерина писала на это: „У васъ во Франціи, должно быть, большое количество великихъ людей, если ваше правительство не считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать тѣмъ, которыхъ генію удивляются въ странахъ самыхъ отдаленныхъ. Вы находите для себя утѣшеніе въ томъ, что король французскій не знаетъ объ оказанной вамъ несправедливости: я нахожу, что это вовсе не утѣшительно для него; вѣроятно, окружающіе его по деликатности не дадутъ ему знать объ этомъ. На сѣверѣ (безъ сомнѣнія, вліяетъ тому причиной, здѣсь чувства не такъ утонченны), на сѣверѣ государямъ не позволяютъ не знать объ отличныхъ умахъ, имѣющихъ право на ихъ милости. Они обязаны поощрять таланты, иначе заподозрятъ, что у нихъ самихъ нѣтъ талантовъ“. Съ небольшою любезностію Екатерина отнеслась къ другому философу, съ которымъ д'Аламберъ работалъ въ Энциклопедіи, къ Дидро; Екатерина даже пригласила его въ Петербургъ для личнаго знакомства и бесѣды, купила у него его бібліотеку, оставивъ, однако, ее въ рукахъ Дидро до его смерти и назначивъ ему жалованье въ качествѣ хранителя. Вольтеръ писалъ по этому поводу къ одному изъ своихъ корреспондентовъ: „Кто бы могъ вообразить пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что придетъ время, когда снѣмъ будутъ такъ благородно вознаграждать въ Парижѣ добродѣтели, знаніе, философію, съ которыми такъ недостойно поступаютъ у насъ?“ Д'Аламберъ писалъ въ самой императрицѣ: „Вся литературная Европа рукоплещетъ отличному знаку уваженія и милости, каковой ваше императорское величество оказали Дидро; онъ достоинъ его во всѣхъ отношеніяхъ по своимъ добродѣтелямъ, талантамъ, сочиненіямъ и положенію“. Въ первые годы царствованія Екатерина вступила также въ переписку съ знаменитой

тогда г-жей Жоффренъ, у которой былъ одинъ изъ главныхъ литературныхъ салоновъ въ Парижѣ. Позднѣе, съ 1774 года, она вела дѣятельную переписку съ извѣстнымъ Гриммомъ, составителемъ „Литературной Корреспонденціи“: эта переписка продолжалась до самой смерти императрицы.

По сохранившимся замѣткамъ Екатерины, писаннымъ ею во времена Елизаветы, задолго до водаренія, можно видѣть, что уже съ этого времени занимали ее вопросы нравственные, политическіе, вопросы будущаго правленія, и въ этихъ раннихъ мысляхъ были задатки позднѣйшихъ мыслей, выраженныхъ въ „Наказѣ“, изъ которыхъ она хотѣла сдѣлать кодексъ своего правленія. Переписка съ французскими философами, съ г-жей Жоффренъ, Циммерманномъ, наконецъ Гриммомъ, доходящая до послѣдняго года ея жизни, свидѣтельствуетъ, что она въ теченіе всей своей жизни сохранила интересъ къ европейской мысли, — хотя точка зрѣнія сильно измѣнилась. Въ первые годы правленія она была усилленно занята „философскими“ идеями, которыя были высшимъ результатомъ тогдашняго движенія, находила въ нихъ и пищу для своего живого ума, и, какъ ей казалось, глубокія нравственные основы для своихъ правительственныхъ дѣйствій. Не безъ ея собственнаго расчета достигалась и другая цѣль: философы не остались равнодушны къ ея дружеской любезности и царственной щедрости и стали ревностными глашатаями ея славы: это была Семирамида Сѣвера, покровительница наукъ, гонимыхъ въ своемъ отечествѣ; это было рѣдкое явленіе, которому удивлялись въ Европѣ вслѣдъ за панегиристами Екатерины. Понятно, что эта слава тѣмъ болѣе поощряла домашнихъ панегиристовъ, восхваленія которыхъ не знали уже никакого предѣла.

Искренность увлеченій Екатерины подтверждалась фактически: императрица приглашала д'Аламбера, вызывала къ себѣ Дидро, и въ особенности подтвердила свое высокое уваженіе къ французскимъ мыслителямъ въ „Наказѣ“. Онъ былъ построенъ главнымъ образомъ на Монтескьѣ, какъ она и сама объ этомъ заявляла. Нѣсколько разъ она говоритъ объ этомъ въ письмахъ къ д'Аламберу и къ г-жѣ Жоффренъ. „Вы увидите, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескьѣ, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то простить этотъ литературный грабежъ для блага двадцати милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализировать, его книга—это мой молитвенникъ“. Въ тѣхъ же выраженіяхъ она говоритъ въ письмѣ къ г-жѣ Жоф-

френъ: „Имя президента Монтескье, упомянутое въ вашемъ письмѣ, вырвало у меня вздохъ... Его Духъ Законовъ есть молитвенникъ государей, если только они имѣють здравый смыслъ“. Она переслала по частямъ свою работу д'Аламберу и такъ упоминала объ этомъ въ письмахъ къ Жоффренъ: „Прошу васъ сказать д'Аламберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія гениальныхъ людей, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе; надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ этимъ трудомъ; хотя онъ и написалъ перомъ новичка, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ... Я все адѣс сказала и послѣ этого не скажу ни слова всю жизнь; всѣ тѣ, которые видѣли мою работу, единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но мнѣ кажется, что еще надобно почистить; я не хотѣла, чтобъ кто-нибудь мнѣ помогалъ, боюсь, чтобъ помощники не нарушили единства“. Въ своей запискѣ о составленіи Наказа Екатерина писала: „Всѣ требовали и желали, чтобъ законодательство было приведено въ лучшей порядокъ. Я начала читать, потомъ писать Назакъ комиссіи уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучіе всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и cadaго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ и, между прочими, князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: *Ce sont des axiomes à renverser des murailles*“ (это аксіомы способны разрушить стѣны)¹⁾...

Панинъ былъ совершенно правъ: аксіомы, заключавшіяся въ Назакѣ, могли дѣйствительно разрушить стѣны, то-есть разрушить тотъ порядокъ вещей, который господствовалъ не только въ Россіи, но и въ самой Европѣ, и особенно въ Россіи. Политическія идеи, которыя продолжали развиваться во Франціи со времени

¹⁾ Записка, находившаяся въ государственномъ архивѣ, приведена у Соловьева XXVI, стр. 227—228. Упомянута о Назакѣ въ письмахъ Екатерины собраны въ новомъ изданіи Наказа, Спб. 1898, предисловіе г. Безгина, стр. 17 и далѣе. Самия письма Екатерины и другіе матеріалы, относящіеся къ Назаку, въ „Сборникѣ Р. Истор. Общества“, т. I, VII, X, и въ отдѣльномъ изданіи: „Бумаги импер. Екатерины II“ (два тома, подъ ред. Пекарскаго). Спб. 1871—1872. Указанія о замѣсто-
ваніяхъ „Наказа“ изъ Монтескье и Бенгаринъ сдѣланы давно историками Наказа и Екатерининской Комиссіи.

Монтескьё и броженіе которыхъ было чрезвычайно усилено дальнѣйшимъ движеніемъ,—съ одной стороны представленіями о томъ, что жизнь должна строиться на теоретическихъ началахъ разума, съ другой стороны фантастическими идеями о первобытномъ состояніи, наконецъ, фактическимъ разложеніемъ старой монархіи,—нашли свое окончательное завершеніе въ томъ переворотѣ, который въ концѣ столѣтія совершился во Франціи и отозвался затѣмъ во многихъ другихъ странахъ западной Европы. Многія стѣны были въ самомъ дѣлѣ разрушены. Но чтѣ было дѣлать съ этими аксіомами въ Россіи? Безъ сомнѣнія, сама Екатерина въ ту минуту не имѣла объ этомъ никакого яснаго представленія... Тѣ мысли, которыя она вычитывала въ „сочиненіяхъ гениальныхъ людей“, бывали теоретически совершенно справедливы и увлекали ее той истиной, которая такъ отвѣчала человѣческому достоинству. Еще раньше своего воцаренія, въ упомянутыхъ замѣткахъ, писанныхъ ею, когда она была великой княгиней, уже высказано то настроеніе, какое господствовало у нея въ эти годы. „Желаю и хочу только *блага странъ*, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея—дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать... *Свобода, душа всею на свѣтъ, безъ тебя все мертво. Хочу повиноватся законамъ, но не рабовъ*; хочу общей дѣли—сдѣлать счастливыми, но вовсе не своеправія, ни чудачества, ни жестокости, которыя несовмѣстны съ нею“.

„Когда имѣешь на своей сторонѣ истину и разумъ, тогда это слѣдуетъ *выказывать предъ народомъ*, объявляя ему, что такая-то причина привела меня въ тому-то; разумъ долженъ говорить за необходимость“... „Самое неудобное дѣло, это—составленіе новаго закона; въ такомъ случаѣ не будутъ излишни никакія размышленія и обдуманность“... Въ то время, въ этомъ настроеніи мысли, для нея очевидна была необходимость освобожденія крестьянъ. „Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей (они всѣ рождаются свободными). Одинъ соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ (прежнихъ крѣпостныхъ) въ Германіи, Франціи, Испаніи и пр. Осуществленіемъ такой рѣшительной мѣры, конечно, нельзя было заслужить любви землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ“,—и она уже придумывала средства достигнуть постепеннаго освобожденія крестьянъ (посредствомъ постановленія, что при продажѣ имѣній крестьяне дѣлаются свободными)... Одна черта, мимоходомъ приведенная Екатериною въ тѣхъ же замѣткахъ, объясняетъ, почему эти смѣлыя мысли и повднѣйшія аксіомы „Наказа“ были

для нея возможны: „я свободна отъ предрасудковъ,—говоритъ она,—и у меня умъ отъ природы философскій“¹⁾.

Первая молодость Екатерины прошла внѣ русскихъ предрасудковъ; тѣ впечатлѣнія, какія вынесла она на родинѣ, въ обстановкѣ мелкаго нѣмецкаго двора, были слишкомъ незначительны при той громадной перспективѣ, какая представлялась воображенію умной и честолюбивой женщины. Ближайшій кругъ, въ которомъ она жила въ Петербургѣ во времена Елизаветы, за очень немногими исключеніями былъ таковъ, что она оставалась умственно одинокой, и вслѣдствіе этого ея мысль въ особенности должна была направиться на тѣ общіе теоретическіе вопросы, какіе мы видѣли въ ея замѣткахъ и въ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ присоединялась большая практическая наблюдательность. Первые годы царствованія впервые доставили просторъ для ея мысли, которая при безграничной власти могла ожидать и практическаго осуществленія.

Мы остановились на „Наказѣ“ именно какъ на замѣчательномъ памятникѣ литературной образованности того времени. Идеалистическія ожиданія Екатерины не исполнились, но „Наказъ“ не остался безъ своего историческаго вліянія. „День изданія Наказа,—говоритъ одинъ изъ его историковъ,—былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутренняго приобщенія къ европейской цивилизаціи, днемъ, въ который русскіе въ первый разъ получили право именоваться гражданами“²⁾. „Теоретическія идеи Наказа,—говоритъ другой историкъ,—никогда не были законодательными опредѣленіями. Но онѣ явились во многихъ отношеніяхъ руководящими началами нашего положительнаго права. Отголосокъ Наказа слышится въ законодательныхъ актахъ какъ самой императрицы, такъ и Александра I“³⁾. Наказъ остался, наконецъ, источникомъ, изъ котораго въ то время и долго послѣ почерпали опору тѣ писатели, которые стремились разъяснять здравыя требованія челоѣчности и просвѣщенія.

Впослѣдствіи, когда собралась, наконецъ, депутація въ Комиссію о составленіи новаго уложенія, Екатерина должна была увидѣть, что мнѣнія большинства депутатовъ не совпадали съ ея идеями, что благія намѣренія или не были поняты, или встрѣтились съ упорнымъ противодѣйствіемъ своекорыстія или невѣжества.

¹⁾ Эти замѣтки, написанныя по-французски, въ переводѣ Пекарскаго, въ „Бумагахъ Екатерины II“, I, стр. 82 и д.

²⁾ Гр. Елисейевъ, о Наказѣ по случаю столѣтней годовщины его перваго изданія, „Отеч. Записки“, 1868, январь.

³⁾ А. Градовскій, Начала русскаго госуд. права. Спб., 1875, т. I.

Тѣмъ не менѣе, она была довольна общимъ результатомъ: „Коммиссія уложенія, — говорила она послѣ ея распушенія, — бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣденіе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распушены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цѣбтахъ судить по цѣбтамъ, а не яко слѣпые о цѣбтахъ. По крайней мѣрѣ, стали знать волю законодавца и по оной поступать“¹⁾).

Но это было или только собственное утѣшеніе, потому что, какъ увидимъ дальше изъ нѣкоторыхъ подробностей, идеи „Наказа“ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ не оказали никакого дѣйствія въ коммиссіи, или сама Екатерина стала весьма охладѣвать къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужна была бы энергія такого характера, какъ Петръ Великій, и нужно было бы много самоотреченія, чтобы дать въ нѣсколько значительной мѣрѣ господство тѣмъ новымъ началамъ человѣчности и просвѣщенія, какія были положены въ основѣ „Наказа“... Вѣроятно нужна была бы и болѣе подготовленная почва, или во всякомъ случаѣ нужна была бы со стороны власти поддержка тѣмъ лучшимъ людямъ, въ умахъ которыхъ эти идеи произвели свое нравственное дѣйствіе. Но этого не случилось.

Екатерининская коммиссія не удалась, сама Екатерина охладѣла къ своему идеалистическому порыву, отъ положеній „Наказа“ остались только отрывочные отголоски. Этотъ фактъ характеренъ для цѣлаго вопроса о французскомъ, или вообще европейскомъ литературномъ вліяніи въ нашемъ XVIII вѣкѣ. Историки тогдашней литературы и общества придаютъ вообще большое значеніе этому вліянію, производятъ изъ него цѣлыя направленія нашей общественной мысли, считают нужнымъ строго осуждать нѣкоторыя изъ этихъ направленій, именно „вольтеріанство“, которому приписывается зловерное дѣйствіе на нравы и т. п. Но въ обычномъ представленіи этого дѣла есть не малое заблужденіе. Французское или вообще западное литературное вліяніе не могло имѣть тѣхъ обширныхъ размѣровъ, какіе ему придаютъ. Дѣйствительно, читалось много французскихъ книгъ, много изъ нихъ переводилось, но ихъ содержаніе никакимъ образомъ не могло усваиваться въ его дѣйствительномъ объемѣ. Мы назвали

¹⁾ Соловьевъ, XXVII, стр. 189.

выше цѣлый рядъ знаменитыхъ именъ писателей, которые доставляли тогда французской литературѣ господствующее положеніе. Эти имена были извѣстны болѣе или менѣе и у насъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, имя Вольтера, проникли даже въ захолустья (гдѣ имя Вольтера стало для благочестивыхъ людей стараго вѣка настоящимъ пугаломъ, олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ—точка зрѣнія, которой держится между прочимъ новѣйшій биографъ Новикова); но между содержаніемъ просвѣтительной литературы второй половины XVIII вѣка и той умственной почвой, на которую оно могло дѣйствовать у насъ, лежала цѣлая пропасть. Прежде всего эта пропасть заключалась въ томъ, что западная просвѣтительная литература у себя дома была результатомъ цѣлой длинной исторіи самостоятельнаго труда, возбуждаемаго и работою мысли, и реальнымъ столкновеніемъ религиозныхъ, политическихъ и общественныхъ интересовъ. Каждая философская школа, каждое общественное и литературное направленіе были результатомъ цѣлаго предъидущаго процесса; широкая философская мысль, остроумная сатира, оригинальное поэтическое произведеніе встрѣчали подготовленную среду, гдѣ знакома была почва, изъ которой выросло произведеніе, понимались всѣ его подробности, аргументы, намеки и угадывались его выводы. Такъ понятны были расудочная философія д'Аламбера, отрицанія Дидро, памфлеты Вольтера, сентиментальная мизантропія Руссо, грубый матеріализмъ „Системы природы“; въ возбужденной жизни общества все это находило и отголосокъ, и новые поводы къ дальнѣйшему развитію. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ бывали ошибки, грубыя крайности, но было и много весьма серьезнаго, оставившаго глубокой слѣдъ въ развитіи европейской мысли, и во всякомъ случаѣ это было движеніе живое, органическое... Ничего подобнаго не было въ той узкой средѣ, въ которую приходило это содержаніе. У насъ не было тѣни того могущественнаго научнаго развитія, которое шло въ Европѣ со временъ Возрожденія. Въ старой кievской и московской школѣ къ намъ приходили только схоластическія извращенія, безсвязные отрывки западно-европейскаго гуманизма безъ его глубокаго внутренняго содержанія, и мы видѣли, какъ, наконецъ, наша схоластическая школа, вмѣсто того, чтобы двигать науку, становилась гнѣздомъ обскурантизма или, по крайней мѣрѣ, знала ее только на элементарныхъ ступеняхъ. Дѣйствительное знаніе, стоявшее на уровнѣ европейской науки, въ первой половинѣ столѣтія принадлежало лишь очень немногимъ, и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ оно сохраняло свое достоинство, не прилаживаясь къ

господствующему невѣжеству и суевѣрію. Во второй половинѣ столѣтія повидимому наступало иное время; знаменитѣйшій вольнодумецъ западной Европы пользовался милостями двора еще при Елизаветѣ, ему поручали писать исторію Петра Великаго, потому что это былъ и первостепенный писатель, а при Екатеринѣ онъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ того же передового круга свободныхъ мыслителей становятся предметомъ самаго любезнаго вниманія самой императрицы. Конечно, это сильно способствовало распространенію ихъ славы между русскими читателями, но никакъ не могло сразу поднять степени пониманія. Для громаднаго большинства, ихъ писанія (многое уже и на русскомъ языкѣ) были занимательнымъ чтеніемъ, глубокомысленнымъ или остроумнымъ, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно принималось поверхностно, анекдотически, не становясь цѣльнымъ продуманнымъ убѣжденіемъ. Наша литература XVIII-го вѣка представитъ множество примѣровъ этого поверхностнаго отношенія къ содержанию, почерпаемому изъ западно-европейской литературы—все равно, сочувствовалъ ли нашъ писатель этому содержанию или опровергалъ его какъ вольномысліе и „свободозвучіе“. Правда, мы не однажды встрѣтимся здѣсь съ разсужденіями, повидимому весьма свободными, о вещахъ, совсѣмъ серьезныхъ, какъ, напр., о свойствахъ власти, о похвальныхъ достоинствахъ и присорбныхъ недостаткахъ царей, о томъ, какъ портятъ ихъ льстивые паредворцы и т. п. Но у громаднаго большинства это было поверхностное повтореніе вычитанныхъ моральныхъ сентенцій, которія были въ таковой модѣ въ XVIII столѣтіи, а въ основѣ лежали тѣ же понятія стараго вѣка, мирившія это свободомысліе съ прислужничествомъ, сентиментальность съ крѣпостничествомъ. Примѣры людей съ серьезными убѣжденіями въ духѣ новаго просвѣщенія были очень рѣдкимъ исключеніемъ; мы увидимъ, что они однако были... Для того, чтобы новое содержаніе могло быть принимаемо сознательно, нужна была, не говоря о чисто личныхъ свойствахъ ума и характера, извѣстная степень образованія, которая только и могла дать новымъ ученіямъ органическую основу, образовать ихъ въ послѣдовательное мировоззрѣніе. Это возвращаетъ насъ къ вопросу о средствахъ просвѣщенія.

Во второй половинѣ столѣтія эти средства, въ сущности, подвинулись очень мало противъ прежняго. Мы видѣли, какъ прежде онѣ были бѣдны. Можно было бы ожидать, что въ царствованіе, которое хотѣло примѣнить на дѣлѣ идеи новѣйшаго просвѣщенія, будетъ обращено особенное вниманіе на умноженіе средствъ образованія, какъ средняго, такъ и особенно высшаго,

которое должно было бы подготовить исполнителей философскихъ предначертаній; но этого не случилось. Какъ прежде, такъ и во второй половинѣ столѣтія учебное дѣло въ имперіи было очень бѣдно и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло странный хаосъ. Университетъ, основанный Елизаветою, остался единственнымъ до времени Александра I; гимназій въ Петербургѣ (при академіи наукъ), въ Москвѣ и въ Казани, нѣсколько военныхъ училищъ, всѣ основанныя еще при Елизаветѣ, остались и теперь единственными средними учебными заведениями. Самый университетъ въ Москвѣ долго находился въ зачаточномъ состояніи. Въ первое время было въ немъ только два русскихъ профессора: Поповскій и Барсовъ, учившіеся сначала въ духовныхъ школахъ, потомъ въ академіи наукъ; одинъ преподавалъ философію и краснорѣчіе, другой—математику, а потомъ русскую словесность; потомъ присоединился еще третій профессоръ, Савичъ, обучавшій географіи; остальные были иностранцы,—они начали навязать въ Москву съ 1756 года, такъ что московскій университетъ для ихъ помѣщенія выхлопоталъ себѣ право имѣть собственную гостиницу ¹⁾).

Но профессоровъ вообще было пока мало, такъ что, напримѣръ, весь юридическій факультетъ состоялъ изъ одного профессора Дильтея, читавшаго на французскомъ языкѣ; на медицинскомъ факультетѣ въ первое время тоже былъ только одинъ профессоръ. Извѣстны разскзы Фонъ-Визина о томъ, какъ онъ учился въ московской гимназій, которая тогда была соединена съ университетомъ; но онъ все-таки научился тамъ по-латыни и по-нѣмцки. Въ шестидесятыхъ годахъ число русскихъ профессоровъ умножилось питомцами, которые дополнили свое домашнее ученіе за границей. Это были медики, натуралисты и юристы. Иностранцевъ было еще не мало, но Шуваловъ, который былъ кураторомъ университета, принималъ мѣры къ тому, чтобы иностранцы не могли играть здѣсь той роли, какую играли въ петербургской академіи. По обычаю времени, университетъ довольно часто устраивалъ торжественные акты съ рѣчами профессоровъ, диспутами студентовъ; для публики читались также особые курсы. На первое время родители затруднялись отдавать дѣтей въ университетъ потому, что они, занимаясь науками, теряютъ время передъ ровесниками, которые опередаютъ ихъ въ чинахъ. Поэтому уже въ 1756 году сенатскій указъ разрѣшалъ недорослямъ изъ шляхетства, обязаннымъ службой, учиться въ университетѣ и за успѣхи въ наукахъ имъ давались чины... При

¹⁾ Соловьевъ, XXVI, стр. 297.

университетъ заведены были типографія (сюда была переведена гражданская часть синодальной типографіи съ ея инструментами и книгами) и книжная лавка... Въ 1761 упомянутый Дильтей читалъ публичныя лекціи о естественномъ правѣ, геральдикѣ, исторіи и географіи; цѣна каждому курсу была 12 рублей, бѣднѣе могли слушать бесплатно. На другой годъ онъ объявилъ лекціи на французскомъ языкѣ по универсальной исторіи отъ сотворенія свѣта до Р. Х.; но „чтобъ не терять времени въ писаніи оныхъ уроковъ, то онъ сочинилъ и перевелъ свои историческія лекціи и издалъ ихъ въ печать по два рубля экземпляръ. А ежели любители наукъ сею книжкою пользоваться пожелаютъ, не слушая толкованія, то оныя имѣютъ прислать два рубля въ домъ помянутаго профессора съ изъявленіемъ своего имени и ранга, почему немедленно получаютъ три первые листа“ ¹⁾.

Школъ было немного, но и для нихъ недоставало учителей. Въ 1763 морской корпусъ помѣстилъ въ вѣдомостяхъ слѣдующую патриархальную публикацію: „Желающимъ опредѣлиться въ морской шляхетный кадетскій корпусъ *отъ учителей* для преподаванія въ ономъ географіи, генеалогіи, французскаго языка и другихъ наукъ; *также* поставить на шитье гардемаринамъ епанечъ синяго сукна, каразей, подблюдочнаго холста и синихъ гарусныхъ пуговицъ, явиться немедленно въ канцелярію означеннаго корпуса“. Въ слѣдующемъ году такая публикація: „Въ морской кадетскій шляхетный корпусъ потребны: навигацкихъ наукъ профессоръ 1, корабельной архитектуры учитель 1, *подмастерье* 1, механикъ 1, *подмастерье* 1, для обученія словеснымъ наукамъ, философіи, географіи, генеалогіи, реторики и проч. учителей 3, дацкаго языка учитель 1, шведскаго учитель же 1, *подмастерьевъ* нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, дацкаго и швецкаго языковъ, къ каждому языку по одному, переводчиковъ 2, тапчмейстеръ 1, геодезіи учитель 1, геодезистовъ 3“. Въ 1765 году оберъ-прокуроръ синода Мелиссино, который прежде былъ директоромъ московскаго университета, сообщилъ синоду высочайшую волю, чтобы изъ учениковъ семинаріи, „которые дошли уже до реторики и подають хорошую надежду *отъ памяти* и предъ прочими взяли преимущество въ честныхъ поступкахъ“, послать десять человѣкъ, съ двумя инспекторами для надзора за ними, за границу для обученія въ тамошнихъ университетахъ, на пользу государства, высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. Дѣйствительно отправлено было нѣсколько человѣкъ

¹⁾ Соловьевъ, XXVI, стр. 298.

въ Оксфордъ, Гёттингенъ и Лейденъ. Посланнымъ въ Англію рекомендовалось: „обучаться вамъ греческому, еврейскому и французскому языкамъ; не упоминается о латинскомъ и англійскомъ, ибо латинскому уже обучились, въ которомъ должны себя разговорами и чтеніемъ книгъ экзерцировать, а англійскому языку самое обращеніе, а притомъ и преподаваемыя лекціи научать должны. Нѣмецкій языкъ и другіе восточныя діалекты оставить всякому по произволію. Всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, также и не пространной богословіи. Инспектору наблюдать, чтобъ ежедневно читаны были поутру утреннія, а ввечеру на сонъ грядущихъ молитвы... Дважды въ годъ, а по крайней мѣрѣ одною, на праздники Рождества Христова или св. Пасхи, ѣздить въ лондонскую или грекороссійскую церковь для исповѣди и св. причастія, и ни мало не мѣшая возвращаться. Всѣмъ вообще ходить на публичныя диспуты и другія ученныя университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго штиля“... Инспекторы должны были при этомъ остерегать ихъ и объяснять разницу догматовъ христіанскихъ исповѣданій ¹⁾).

Какъ дальше будемъ имѣть случай видѣть, поѣздки за границу для образованія, начавшіяся при Петрѣ, продолжавшіяся при Елизаветѣ, еще умножаются при Екатеринѣ: одни учились въ заграничныхъ университетахъ, — въ которые отправляло молодыхъ людей само правительство, подъ надзоромъ „гофмейстеровъ“ (такъ называли тогда воспитателей или гувернеровъ), — другіе обращались въ свѣтскомъ обществѣ, состояли при посольствахъ; проживая или путешествуя за границей, русскіе сближались съ западными учеными и писателями, съ учеными и литературными кружками, — такъ русскіе въ 1780-хъ годахъ были членами литературнаго общества въ Женевѣ, въ которому принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный Лагарпъ, будущій воспитатель Александра I. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины совершилъ свое путешествіе замѣчательнѣйшій *воляжиръ* того времени, Карамзинъ.

Къ концу царствованія въ русскомъ обществѣ размножилось число людей съ извѣстнымъ образованіемъ, но общій уровень былъ все-таки весьма невысокъ. Немногія существовавшія школы были, безъ сомнѣнія, недостаточны, несмотря на то, что въ самомъ „шляхетствѣ“ была еще велика старая умственная лѣнь и со-

¹⁾ Соловьевъ, XXVI, стр. 306—307, въ московскаго Архива мин. иностр. дѣл.

нѣніе въ какой-нибудь пригодности науки, и несмотря на то, что это унаслѣдованное отъ предковъ пренебреженіе къ свѣтской наукѣ, даже боязнь ея, крѣпко держались въ цѣлыхъ классахъ общества, напримѣръ въ купечествѣ. Недостатокъ школъ повелъ къ тому, что приходилось довольствоваться частными средствами обученія, весьма недостаточными, а нерѣдко и крайне сомнительными въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи. Многие должны были ограничиваться одной грамотностью; другіе, искавшіе нѣсколько большихъ познаній и, напр., знанія иностранныхъ языковъ, должны были обращаться къ учителямъ иностранцамъ, — и здѣсь надо было брать, что есть. А было всякое. Извѣстенъ разсказъ Державина о томъ, какъ въ Оренбургѣ онъ учился въ школѣ, которую держалъ сильно-ваторжный нѣмецъ Розе, чело-вѣкъ развратный, жестокій, а также и невѣжественный; шестнадцати лѣтъ Державинъ поступилъ въ казанскую гимназію, гдѣ хорошихъ учителей также не было, а въ девятнадцать лѣтъ былъ уже вытребованъ на службу въ Преображенскій полкъ. Комедіи и сатиры второй половины столѣтія, начиная съ Сумарокова и Фонъ-Визина, множество разъ обличали тогдашнее дурное воспитаніе дворянскихъ молодыхъ поколѣній подъ руководствомъ иностранныхъ учителей и гувернеровъ (бывшихъ кучеровъ, лакеевъ, парикмахеровъ и т. п.) и французскихъ мадамъ и мамзелей. Составъ этихъ преподавателей обратилъ, наконецъ, на себя вниманіе правительства и по указу 1757 года иностранцы, желавшіе быть домашними учителями или заводить частныя школы, должны были держать экзаменъ въ Петербургѣ въ академіи наукъ, а въ Москвѣ въ университетѣ. Едва ли сомнительно, что эта мѣра не устранила невѣжественныхъ иностранныхъ учителей, которые и долго послѣ являются предметомъ сатирическихъ обличеній. Учителя и мадамы предлагали черезъ газеты свои педагогическія услуги, и эти объявленія даютъ понятіе о постановкѣ преподаванія. Два ученыхъ французъ съ нѣмцемъ, не называя своихъ именъ, объявляли, въ 1757, что принимаютъ дѣтей для обученія французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ и наукамъ совсѣмъ новымъ, легкимъ, краткимъ способомъ, а жены ихъ служанокъ обучаютъ мыть, шить и экономіи. Содержатель другой школы объявлялъ, что получилъ отъ академіи наукъ аттестатъ, что можетъ обучать людей публично исторіи, географіи, употребленію глобуса, „митологіи“, геральдикѣ, французскому штилю, начальнымъ основаніямъ въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и ариметикѣ; для начинающихъ будутъ въ классахъ „подмастерья“; кромѣ того для желающихъ учитель будетъ составлять на тѣхъ трехъ языкахъ проси-

тельные и другія письма. Учитель французъ брался обучать своихъ пансіонеровъ обоего пола французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, также ариметикѣ, геометріи, исторіи, рисовать и играть на клавирѣ. Мадамъ объявляла, что если кто дастъ на ея содержаніе дѣвицъ для обученія французскому языку и географіи, то она не преминетъ удовольствоваться, показывая притомъ благородныя поступки, пристойныя къ ихъ природѣ. Французскій учитель намѣренъ былъ обучать дворянство по-французски, географіи, *политикѣ*, ариметикѣ, геометріи, фортификаціи, архитектурѣ ¹⁾).

Видимо, учились чему-нибудь и какъ-нибудь... Во всѣхъ этихъ педагогическихъ предложеніяхъ не было совсѣмъ рѣчи о преподаваніи закона Божія. Синодъ въ 1764 обратился къ сенату съ напоминаніемъ указовъ имп. Елизаветы, предписывавшихъ наблюдать, чтобы дворяне и разнаго званія люди учили своихъ дѣтей православной вѣрѣ и чтобы черезъ это они могли охранять себя отъ „иноувѣрныхъ развратниковъ“, а иначе тѣхъ, которые не обучатся, не повышать въ чины. Сенатъ отписался, сославшись на новыя учрежденія для воспитанія русскаго юношества и напомнивъ съ своей стороны высочайшія повелѣнія о томъ, чтобы при архіерейскихъ домахъ имѣть училищныя дома, и при двухъ или трехъ монастыряхъ въ епархіи учредить малыя гимназіи для насажденія плодовъ духовныхъ... Но въ томъ же году сенатъ одобрилъ предложеніе архангельскаго магистрата о заведеніи малыя школы для дѣтей обоего пола и всякаго чина въ городѣ, съ денежнымъ взносомъ отъ достаточныхъ родителей и съ пособіемъ отъ магистрата. Для примѣра прочимъ рѣшено было публиковать объ этомъ, и для школьнаго руководства предложено старое „Краткое ученіе“ Теофана Прокоповича и сочиненіе новой азбуки, съ прибавленіемъ „правилъ Ивана Гартунга, изданныхъ въ Кенигсбергѣ, и выбранныхъ ректоромъ Гибнеромъ библейскихъ священныхъ исторій“, которыя должны были быть переведены на русскій языкъ при академіи наукъ и „освидѣтельствованы“ въ св. синодѣ ²⁾).

Такимъ образомъ явная необходимость приводила къ тому, что сенатъ, рассчитывая на академію наукъ, сталъ заботиться объ учрежденіи народныхъ школъ и о составленіи священной исторіи для дѣтей при помощи нѣмецкихъ протестантскихъ книгъ... На это безпомощное положеніе русскаго школьнаго обученія указывалъ, наконецъ, въ своихъ представленіяхъ посторонній человѣкъ,

¹⁾ Эти объявленія конца временъ Елизаветы и начала царствованія Екатерины собраны у Соловьева, XXVI, стр. 308—309.

²⁾ Тамъ же, стр. 310—311.

иностранецъ Шлѣцеръ, между прочимъ, упрекавшій академію наукъ, что она не дѣлала ничего для составленія учебниковъ... Такою же случайностью отличались и литературныя предпріятія. Тотъ же сенатъ, завѣдуя академіей наукъ, велѣлъ академическому переводчику Волчкову перевести книгу Гуго Гроція о мирномъ и военномъ правѣ и за переводъ назначено было вознагражденіе; когда первый томъ былъ конченъ, сенатъ послалъ книгу въ синодъ для цензуры и просилъ не замедлить своимъ „свидѣтельствомъ“, чтобы книги могли быть скорѣй напечатаны и „въ народную пользу употреблены“; при этомъ сенатъ требовалъ, „чтобъ синодъ о имѣющихся въ своемъ вѣдомствѣ на иностранныхъ языкахъ непереведенныхъ духовныхъ книгахъ сенату сообщилъ краткій реестръ, почему сенатъ не преминетъ взять по-леченіе, дабы оныя дозволеннымъ всякому переводомъ съ пристойнымъ награжденіемъ скорѣе для общей пользы народу выданы были, и чтобъ изъ академіи наукъ такой же реестръ немедленно въ сенатъ былъ поданъ“. Гуго Гроцій пролежалъ въ синодѣ три года и переводчикъ, представляя въ 1764 второй томъ, просилъ разсказать первый. Читатель можетъ оцѣнить наивность сенатскаго вопроса объ имѣющихся въ вѣдомствѣ синода непереведенныхъ духовныхъ книгахъ... Весьма простодушно заботились и объ обогащеніи русской литературы: „симъ объявляется, — оповѣщено было черезъ вѣдомости въ 1761, — чтобъ имѣющіе у себя исправно переведенныя на російскій языкъ книги, которыя бы для народной пользы могли быть напечатаны, объявили оныя въ академической книжной лавкѣ, за что чинено будетъ имъ пристойное награжденіе деньгами или равномѣрно нѣкоторымъ числомъ экземпляровъ по напечатаніи той книги. Ежели кто пожелаетъ въ свободное время переводить книги изъ платы, то оныя даны будутъ ему изъ оной же книжной лавки, выбирая такія матеріи, къ которымъ кто наибольше склонности и способности имѣть будетъ“. Повидимому, большой успѣхъ имѣли переводы романовъ, — примыкавшихъ прямо къ той рукописной литературѣ первой половины вѣка, о которой мы говорили раньше.

Довольно неожиданную форму получала и забота о театрѣ. Въ первый разъ правильная сцена, взамѣнъ старыхъ „дѣйствъ“, появится только въ царствованіе Елизаветы: первые актеры — бабеты Шляхетнаго корпуса, потомъ выписанные въ Петербургъ ярославскіе любители; въ Москвѣ Шуваловъ завелъ театръ въ университетѣ, и въ 1757 было помѣщено въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ объявленіе: „женщинамъ и дѣвцамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, также

пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію университета¹⁾).

Въ такомъ смутномъ состояніи находилась школа, частное преподаваніе, народное училище, литературныя предпріятія, сцена: ни одна отрасль общественной образовательной дѣятельности не находила своего настоящаго мѣста и какой-либо правильной организаціи. Къ концу правленія Екатерины сдѣланъ былъ нѣкоторый успѣхъ, въ особенности благодаря собственному развитію общественныхъ интересовъ; но главное дѣло—среднее и высшее образованіе—осталось въ томъ же неустроенномъ видѣ. Какъ мы замѣчали, въ теченіе всей второй половины столѣтія литература переполнена обличеніями дурного воспитанія, пристрастія къ французскимъ модамъ и языку и обыкновенно соединяемаго съ этимъ пристрастіемъ легкомыслія и, наконецъ, безнравственности: эти обличенія мы найдемъ въ сочиненіяхъ Сумарокова, Фонъ-Визина, Новикова и пр., наконецъ въ сочиненіяхъ самой императрицы Екатерины,—но эта сатира, которую обыкновенно восхваляютъ историки литературы, какъ выраженіе здраваго національнаго чувства, поражаетъ однако своей односторонностью. Въ самомъ дѣлѣ, говорили о просвѣщеніи, но гдѣ можно было получить его? Школъ достаточно не было и, напр., въ захолустѣхъ, гдѣ росъ Державинъ, по неволѣ приходилось пользоваться школой каторжника-нѣмца и въ самыхъ столицахъ обращаться къ заѣзжимъ французамъ, потому что иначе негдѣ было научиться хотя бы французскому языку, который, однако, считался необходимымъ для порядочнаго образованія. Въ сущности онъ и былъ необходимъ, потому что для ума, нѣсколько разбуженнаго изъ дѣдовской спячки, онъ открывалъ цѣлую богатую литературу. Въ то время у насъ дѣйствительно начинаютъ обильно пользоваться этой литературой; въ особенности съ шестидесятихъ годовъ наибольшая часть многочисленныхъ тогдашнихъ переводовъ была сдѣлана съ французскаго; а для тѣхъ, кто зналъ французскій языкъ, открывалась, конечно, и еще болѣе обширная масса чтенія во французскомъ источникѣ. Безъ сомнѣнія, не всѣ шли къ французскимъ учителямъ только для того, чтобы научиться однимъ фразамъ свѣтскаго разговора: желали получить какія-нибудь познанія, которыя дѣйствительно были бы нужны для нѣсколько образованнаго человѣка. Противъ кого же направлялась сатира? Очевидно, осужденіе ея прежде всего должно было упасть не на тѣхъ, кто все-таки шелъ учиться, а на тотъ порядокъ вещей,

¹⁾ Тамъ же, стр. 320, 323.

который не умѣлъ организовать необходимѣйшей потребности общества, его школьнаго образованія.

Время изданія „Наказа“, сколько можно судить теперь, отличалось особымъ возбужденіемъ. Шло избраніе депутатовъ въ объявленную Коммиссію для составленія уложенія; обсуждались на мѣстахъ, среди людей разныхъ сословій, указы или инструкціи депутатамъ, которые должны были представлять нужды, защищать интересы своего мѣста и своего сословія; впереди предстояло дѣло государственной важности, въ которомъ обыватели должны были подать свой голосъ. „Сія работа требуетъ отъмѣннаго ободренія духа“, писала тогда Екатерина, — и оно дѣйствительно явилось. Какъ видно изъ напечатанныхъ теперь документовъ Коммиссіи, депутаты ревностно исполняли свое дѣло, составили, конечно, отголосокъ того, что говорилось и обдумывалось дома. Въ засѣданіяхъ самой коммисіи высказывались самыя разнообразныя, между прочимъ, прямо противоположныя мнѣнія по самымъ существеннымъ пунктамъ государственной жизни, и эти мнѣнія иногда совершенно не сходились съ тѣми основными мыслями, какія были высказаны въ „Наказѣ“ или въ упомянутыхъ личныхъ замѣткахъ Екатерины. Еще раньше собранія Коммиссіи императрица могла видѣть, что ея мысли не были понимаемы даже людьми, которые могли считаться въ ряду наиболѣе образованныхъ. Въ числѣ лицъ, которымъ „Наказъ“ былъ данъ для прочтенія, былъ Сумароковъ. Замѣчанія русскаго Вольтера не понравились Екатеринѣ; кое-что нашла она остроумно сказаннымъ, но не новымъ, но вообще заключила, что „изображеніе (т.-е. воображеніе) въ поэтѣ работаетъ, а связи въ мысляхъ понять ему тяжело“. Между прочимъ, онъ высказался противъ освобожденія крестьянъ. „Сдѣлать русскіхъ вѣрноподанныхъ людей вольными вельязъ, — писалъ онъ: — скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ“ („и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ“, прибавляетъ Екатерина), „вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища... А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакныхъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ“, — „и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи“, прибавляла Екате-

рина. Вообще она заключила: „Господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣтъ“¹⁾.

Любопытно, что въ то самое время, когда уже работала Комиссія, Екатерина задумала дѣйствовать на общество другимъ путемъ, именно путемъ журнала. Въ 1769 году стала выходить „Всякая Всячина“, издателемъ которой считался Козницкій, состоявшій при Екатеринѣ къ принятію челобитныхъ, но которую въ дѣйствительности вела сама Екатерина. Вслѣдъ за этимъ журналомъ явился въ томъ же году цѣлый рядъ другихъ изданій подобнаго рода, выходившихъ небольшими тетрадами, которыя въ цѣломъ составляли книгу или даже только книжку. Таковы были: „Трутень“ Новикова, „Адская почта“ Эмина, „И то и сію“ Чулкова, „Смѣсь“ и другіе. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ журналовъ былъ „Трутень“. Эти журналы вмѣстѣ съ „Бригадиромъ“ Фонъ-Визина были самыми замѣчательными литературными фактами изъ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины. Это былъ первый опытъ публицистики и болѣе или менѣе прямой сатиры, тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ немъ сказалась большая смѣлость журналистовъ относительно „Всякой Всячины“, истинный издатель которой не могъ быть имъ неизвѣстенъ. Такъ какъ „Всячина“ явилась первой въ этомъ рядѣ листовъ, то остальные журналы дали ей названіе „бабушки“ и относились къ ней съ такою свободой, которая можетъ казаться удивительною. Надо думать, что на это было воссвенно дано разрѣшеніе, и вѣроятно именно вслѣдствіе этого явилось вдругъ до десятка подобныхъ изданій²⁾.

Историки литературы, которые останавливались на этомъ эпи-

¹⁾ Бумаги Екатерины II, II, стр. 82—87.

²⁾ Историки литературы давно обратили вниманіе на эти журналы и послали имъ подробнаго изслѣдованія:

— Аванасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. М. 1859.

— Добролюбовъ, Русская сатира въ вѣкъ Екатерины (Современникъ, 1859); Собесѣдникъ любителей Русскаго Слова (Современникъ, 1856);—Сочиненія, т. I.

— Мордовцевъ, Обличительная литература первыхъ русскихъ журналовъ и стѣсненіе гласности, въ Р. Слово, 1860, февраль, мартъ.

— Пекарскій, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, въ „Запискахъ“ Академіи наукъ, т. III, 1868, приложение.

— Нежеленовъ, „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Спб. 1875“.

— Е. Шумигорскій, Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Спб. 1887.

Первые журналы Новикова были переизданы П. А. Ефремовымъ, съ объяснительными примѣчаніями: „Трутень Н. И. Новикова 1769—1770. Изданіе третье“. Спб. 1865; „Живописецъ Н. И. Новикова 1772—1778. Изданіе седьмое“. Спб. 1864.

водѣ, приходили къ весьма различнымъ выводамъ о значеніи этой журнальной сатиры. Одни находили его совершенно ничтожнымъ, потому что не видѣли въ этой сатирѣ ничего самостоятельнаго: она начиналась лестью, обличала только то, что было разрѣшено, и не хотѣла видѣть настоящаго смысла наблюдаемыхъ фактовъ, какъ, напр., изъ крайняго угнетенія крестьянъ заключала не необходимость освобожденія, а только предосудительность помѣщичьяго „тиранства“... Другіе, напротивъ, считали журнальную сатиру замѣчательнымъ свидѣтельствомъ пробужденія общественнаго мнѣнія, стремленіемъ указать прискорбныя явленія жизни, и находили въ ней также большую смѣлость, потому что въ некоторыхъ случаяхъ она вовсе не вторила заданному тону... Болѣе справедливая историческая оцѣнка лежитъ между двумя этими выводами. Нѣтъ сомнѣнія, что сатира этихъ листовъ, — которую будемъ называть Новиковскою, потому что Новиковъ, какъ издатель „Трутня“ и вскорѣ потомъ „Живописца“, занимаетъ здѣсь наиболѣе выдающуюся роль, — что эта сатира самымъ существованіемъ своимъ была обязана позволенію, которое было дано и — всегда могло быть отнято. Это условіе не могло не отразиться на объемѣ содержанія сатиры, — но подъ этимъ условіемъ русская литература существовала всегда. Нельзя сказать, однако, чтобы писанія Новикова были только лестью существующему порядку, удобнымъ обличеніемъ уже признаннаго и осужденнаго зла, какъ напр. лихоимство, противъ котораго возстала и сама Екатерина въ своихъ сочиненіяхъ, суевѣріе, невѣжество „шляхетства“ и его жестокость къ крестьянамъ, пристрастіе къ французскимъ модамъ и т. п. (мы, впрочемъ, перечислили почти все, о чемъ говорила тогдашняя сатира, и полу-оффиціальная, и частная). Если Новиковъ въ началѣ своего „Живописца“ ставилъ посвященіе автору комедіи „О, время“¹⁾, это было не только лстивымъ громоотводомъ, но, вѣроятно, еще болѣе выраженіемъ искренняго чувства. Припомнимъ, что Новиковъ, которому было только 24 года, когда онъ сталъ издавать свой первый журналъ „Трутенъ“, былъ передъ тѣмъ, будучи „унтеръ-офицеромъ“, назначенъ къ „держанію дневной записки“, т. е. протоколовъ, въ одномъ изъ отдѣленій Коммиссіи, а вскорѣ потомъ ему было поручено держаніе дневной записки въ общемъ собраніи Коммиссіи; такимъ образомъ онъ стоялъ очень близко къ дѣлу, требовавшему „отмѣннаго ободренія духа“ и вонечно возбуждавшаго это ободреніе во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ, какимъ Новиковъ

¹⁾ Ср. замѣчанія Добролюбова, „Сочиненія“, I, 1862, стр. 111.

былъ несомнѣнно. Предпріятіе, котораго онъ былъ столь близкимъ участникомъ, не могло не возбуждать въ немъ великихъ патріотическихъ ожиданій и естественно, что свои надежды онъ переносилъ на императрицу, которой принадлежала вся инициатива этого дѣла; разочарованій еще не было и онъ безъ всякаго противорѣчія съ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ могъ сливать свое дѣло съ намѣреніями императрицы. Его сатира нерѣдко дѣйствительно совпадала съ этими намѣреніями, была осторожно отвлеченна, обращалась на предметы давно затронутые, избѣгала слѣшкомъ рѣзкаго обличенія недостатковъ жизни, которые требовали бы принципиальнаго осужденія, какъ, напр., крѣпостное право; но достаточно вспомнить, что впоследствии, напр., этотъ послѣдній вопросъ былъ совершенно исключенъ изъ вѣденія русскаго общества, чтобы понять, почему и онъ не досказывалъ своей мысли, которую вѣроятно имѣлъ. Тонъ изданія былъ, однако, таковъ, что оно вовсе не могло бы считаться дѣломъ литературнаго угодичества: бытовья картины, напр., помѣщичьяго самодурства, любопытны и въ часто литературномъ отношеніи умѣньемъ схватить нравы и „умоначертаніе“ изображаемаго круга—эти картины переступали мѣру легкой сатиры и безобидной морали, которыя предпочиталъ авторъ комедіи „О, время“, и въ концѣ концовъ отношенія Новикова къ этому автору и издателю „Всякой Всячины“ стали очень натянуты и „Трутень“ прекратился, повидимому, не по своей доброй волѣ. Основная точка зрѣнія, которой держался Новиковъ въ своемъ журналѣ, была, повидимому, выработана имъ самостоятельно. Во-первыхъ, Новиковъ думалъ, что мы, отказавшись отъ нашего прошлаго, отъ обычаевъ предковъ, дѣлаясь слѣплыми подражателями всему французскому, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ; во-вторыхъ, онъ негодовалъ на угнетеніе крестьянства. Въ обоихъ случаяхъ мысли Новикова не вполне совпадали со взглядами императрицы¹⁾. Она могла впоследствии поощрять старыя нравы въ одномъ отношеніи, что они не знали свободомыслія; теперь она, кажется, была къ нимъ довольно равнодушна или, напротивъ, ей скорѣе могли представляться ихъ неблагопріятныя стороны, ея самое виданья,—у Новикова предпочтеніе старины вызывалось патріотическимъ негодованіемъ на подражаніе иноземцамъ, въ которомъ было такъ много легкомысленнаго. По его мнѣнію, мы въ большинствѣ случаевъ наше старое добро промѣняли на новое чужое зло, какъ промѣниваемъ „разныя домашнія наши бездѣлицы,

¹⁾ Невзленовъ, стр. 148, 153, 168 и др.

кавъ-то пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотна и проч.", на „нужные намъ товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки, черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахрамки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, зановки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи". „Въ старину думали,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то-есть посвятить себя наукамъ, отстать отъ всѣхъ должностей въ обществѣ, вѣкъ учиться и быть проповѣдываніемъ добродѣтели согражданамъ своимъ, а наконецъ и самому себѣ въ тягость; изъ чего здѣлали пословицу: *Вѣкъ жизни, и отъкъ учился*. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли, и изъ стараго правила сдѣлали новое: *Недолго учился и отъкъ жизни*". Въмѣстѣ съ легкомысленной погоней за французскою модой шло паденіе нравственности; главной причиной его становилось дурное воспитаніе, получаемое отъ французскихъ учителей и „гофмейстеровъ", которыхъ принимали въ дома, „не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведенія". Вообще Новиковъ противопоставилъ испорченныхъ людей новѣйшаго моднаго воспитанія людямъ старыхъ нравовъ, воспитаннымъ въ простотѣ и добродѣтели... Другая постоянная тема Новикова было положеніе крестьянъ. Правда, онъ говоритъ о немъ довольно осторожно, когда, напримѣръ, обличаетъ „изверга (помѣщика), преобразующаго *нужное подчиненіе* въ неспосное иго рабства", когда подобнымъ извергамъ противопоставляетъ помѣщиковъ, подъ властью которыхъ крестьяне „наслаждаются вождѣльнымъ спокойствіемъ, *не завидуя никакому на свѣтѣ щастію*, ради того, что они въ своемъ званіи благополучны", и т. п. Но по всей вѣроятности подобныя оговорки о „щастіи" крестьянъ у хорошихъ помѣщиковъ были только необходимой уступкой, какъ объясняетъ его биографъ¹⁾: дѣйствительно, Новиковъ настойчиво возвращается къ объясненію того, что крестьяне—такіе же „человѣки", какъ ихъ господа, и къ изображенію нелѣпаго высокомірія господъ, воображающихъ, что они принадлежатъ къ высшей породѣ. Рѣзкость выраженій, какія употребляетъ при этомъ Новиковъ, должна указывать его настоящей взглядъ на крѣпостное право. Онъ изображаетъ, напримѣръ, его превосходительство г. Недоума, больного духовною горячкою: „тотчасъ начинается его трясти лихорадка, еслии кто предъ нимъ упомянетъ о мещанахъ или крестьянахъ"; онъ желаетъ, „чтобъ простой народъ со всемъ

¹⁾ Невзленовъ, стр. 154.

былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ пробы, которые многими ради хорошихъ и отгнанныхъ мыслей были похвалены. Въѣсть съ этимъ его превосходительство „ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и искусства, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы“; „философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, не стѣяющія вниманія дворянскаго“. Онъ читаетъ, по складамъ, только гербовники и патенты; но на родословныхъ деревьяхъ Недоума „нѣтъ таково гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ таковой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство“. При другомъ случаѣ онъ изображаетъ человѣка, который „по нарѣчію ¹⁾ нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ есть человѣкъ подлой: ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мещанъ. Природной ево разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи, и въ чужихъ краяхъ ученіемъ, учинили его мужемъ совершеннымъ. Мало такихъ наукъ, которыхъ бы онъ не зналъ, или о которыхъ бы онъ не имѣлъ понятія; защитникъ истинны, помощель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества; вѣрной другъ, благоразумной отецъ, безмятежной сосѣдъ, разсмотрительной и безпристрастной судья“. Такимъ образомъ идеально образованный человѣкъ и гражданинъ представляется Новикову въ „среднемъ родѣ людей“... Чтобы объяснить отношенія его къ крѣпостному вопросу, надо вспомнить, что въ Комиссіи онъ былъ, вѣроятно, свидѣтелемъ тѣхъ сильныхъ, иногда рѣзкихъ споровъ, какіе шли особенно по крѣпостному вопросу; самъ онъ, безъ сомнѣнія, увлекался тѣми перспективами гражданскаго развитія, какія представлялъ „Наказъ“, и тѣмъ больше былъ возбужденъ противъ тѣхъ понятій и фактовъ русской жизни, которые этому совершенно противорѣчили. Рѣзкость выраженій, какія употреблялъ онъ относительно Недоума, позволяетъ даже предполагать, что онъ имѣлъ здѣсь въ виду какое-нибудь определенное лицо: въ своемъ журналѣ онъ настаивалъ на томъ, что сатира не должна быть неопредѣленной, въ которой никто не захочетъ себя узнавать, что, напротивъ, она должна быть сатирой „на лицо“... Къ сожалѣнію, біографія Новикова очень мало извѣстна; между прочимъ и относительно этой поры сатирическихъ листовъ мы должны довольствоваться только догадками, какія можно извлекать изъ самихъ изданій.

Едва ли, однако, подлежитъ сомнѣнію, что журналъ Нови-

¹⁾ По выраженію.

кова не совсѣмъ нравился въ литературно-придворномъ кругу. Въ концѣ концовъ между „Всякой Всячиной“ и журналомъ Новикова произошло крупное полемическое столкновение. Первая, въ противоположность второму, предпочитала относиться къ чело-вѣческимъ недостаткамъ снисходительно. Отказываясь помѣстить статью нѣкоего А., повидимому очень суровую, „Всякая Всячина“ такъ объясняла свой отказъ: „любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и чело-вѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому... Итакъ, просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе до небеси: сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ“. Въ другой статьѣ тотъ же журналъ осмѣивалъ чело-вѣка, который „ездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе... на силу приглядѣть могли слабости“; журналъ сравнивалъ его по злости съ Калигулой, и говорилъ, что „всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ“; онъ рекомендовалъ поставить себѣ слѣдующія правила: „1) Никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ чело-вѣколюбіе; 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было; 4) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ вротости и снисхожденія; 5) впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслить, и 6) никому не думать, что онъ весь свѣтъ можетъ исправить“. Нравоученія едва ли были адресованы только къ неизвѣстному г. А.; они легко могли быть отнесены и къ журналу Новикова, который дѣйствительно не замедилъ представить свои возраженія. Въ „Трутѣ“ появилось письмо Правдулюбова, довольно рѣзко опровергающее эти совѣты: „Я самъ того мнѣнія, — говорилъ авторъ письма, — что слабости чело-вѣческія сожалѣнія достойны; однакожь не похваляю, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила свою мыслью и душею Госпожа ваша прабабка, давъ знать... что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе *слабой совѣсти* люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному чело-вѣколюбія. Они говорятъ, что слабости чело-вѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать чело-вѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ спину изъ чело-вѣколюбія кафтаны; но такихъ людей чело-вѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше чело-вѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходить, или (сказать по Руски) потакаетъ...

Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой Госпожи, то-есть, чтобъ отнюдь не называть слабости порокомъ, будто Іоанъ и Иванъ не все одно". Онъ приводитъ примѣры, что такъ-называемая „слабость“ становится настоящимъ порокомъ и даже беззаконіемъ. На замѣчаніе „Всякой Всячины“, что она не любитъ меланхолическихъ писемъ, Правдулюбовъ косвенно отвѣчаетъ въ концѣ своего письма: „Я хотѣлъ было сіе письмо послать къ Госпожѣ вашей прабабѣ; но она меланхолическихъ писемъ читать не любитъ; а въ семь писемъ, я думаю, она ничего такого не найдетъ, отъ чего бы у нее отъ смѣха три дни бока болѣть могли“. Если принять въ соображеніе, что Новиковъ звалъ съ точностію, кто былъ писателемъ „Всякой Всячины“, этихъ выраженій нельзя не назвать довольно рѣзкими.

Этимъ полемика не кончилась. „Всякая Всячина“, заявивъ, что не хочетъ отвѣчать на „ругательства“ Трутня, на разсужденія Правдулюбова замѣчала слѣдующимъ образомъ: „Г. Правдулюбовъ не догадался, что, исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ ни на есть быть могло снисхожденіе; а можетъ статься, что и умъ его не доставаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь“. Ему дается совѣтъ лечиться отъ „черныхъ паровъ и желчи“, а объ его меланхоліи говорится, что она нужна была бы въ трагедіи, а въ сатиры нуженъ смѣхъ, веселье. „Трутенъ“ вслѣдъ затѣмъ помѣстилъ отвѣтное письмо Правдулюбова, ссылаясь на то, что сама „Всякая Всячина“ отдавала это дѣло на судъ публики. Правдулюбовъ писалъ: „Госпожа Всякая Всячина на насъ прогнѣвалась, и наши правоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на Рускомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ, и Русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ; а сія вина многимъ нашимъ писателямъ свойственна“. Онъ предоставляетъ публикѣ рѣшать, справедливо ли обвиненіе „Всякой Всячины“, писалъ ли онъ противъ милосердія и противъ снисхожденія. „Ежели я написалъ, что больше челоуѣволюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ, то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе. Видно, что госпожа Всякая Всячина такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, естли кто ее не похвалитъ“. „Не знаю почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскрѣбло по

сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнотовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся!" Правдулюбовъ надѣялся еще больше разъяснить дѣло въ „будущихъ письмахъ"; но этихъ писемъ не послѣдовало. Надо полагать, что объясненіе этого заключается въ письмѣ нѣкоего Чистосердова, помѣщенномъ въ томъ же номерѣ „Трутня". Чистосердовъ выражаетъ свое сочувствіе къ журналу, но предостерегаетъ его: пусть порочные видятъ себя въ зеркалѣ, потому что зеркало и дѣлается для того, чтобы смотрящіеся въ него видѣли свои недостатки и ихъ исправляли. „Но дѣло то въ томъ состоитъ, что въ нашемъ зеркалѣ, названномъ Трутень, видятъ себя и многіе знатные Бояре... а каково имѣть дѣло съ худыми людьми и знатыми Боярами, я уже испыталъ. Я доживаю шестой десятокъ лѣтъ, и во всю мою жизнь имѣлъ нещастіе тягаться съ большими Боярами, угнѣтавшими истинну, правосудіе, честь, добродѣтель и челоуѣчество". Онъ думаетъ, что теперь такихъ бояръ не много. „Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ. Чтожъ дѣлать! *Во семь не безъ урода*. Надобно и за то благодарить Бога, что ихъ не много". Но замѣнь того есть теперь молодые придворные господчики, и Чистосердовъ передаетъ, что говорилъ одинъ такой господчикъ: „Не въ свои де етотъ авторъ садится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ Бояръ, дамъ, судей именитыхъ, и на всѣхъ. Такая де смѣлость ничто иное есть какъ дерзновеніе. Полно де ево недавно отпрала Всякая Всячина очень хорошо: да ето еще ничево, въ старыя времена послали бы де ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни на есть царства Рускаго владѣнія: но нынче де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ, и за такіе сатиры не наказываютъ. Вѣтъ де знатной господинъ не простой дворяникъ... Гораздо бы было лучше, ежели бы де онъ обиралъ около себя, и писалъ сказочки, или что-нибудь посмѣшнѣе, такъ какъ другіе писатели журналовъ дѣлаютъ". Чистосердовъ не совѣтуетъ журналу слѣдовать совѣту господчика: пусть онъ истребляетъ закоренѣлыя предрасудки, обличаетъ слабости и пороки, „да только не въ знатныхъ". „Я слыхалъ, — говоритъ онъ, — слѣдующія разсужденія: въ положительномъ степенѣ, или въ малинькомъ челоуѣкѣ *воровство* есть преступленіе противу законовъ; въ увеличивающемъ, то-есть среднемъ степенѣ, или средостепенномъ челоуѣкѣ *воровство* есть порокъ; а въ превосходительномъ степенѣ, или челоуѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ изчисленіямъ *воровство* ничто иное, какъ слабость". (Припомнимъ

разсужденія „Всякой Всячины“ о порокахъ и слабостяхъ). Правда, превосходительные люди по своимъ дѣламъ и награжденіе и наказаніе должны бы получать превосходительное; „но полно вѣтъ вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится!“

Историки Новикова утверждаютъ, что издательница „Всякой Всячины“ не раздѣляла мнѣній придворнаго господчика, и что послѣ предостереженій Чистосердова Новиковъ продолжалъ обличать знатныхъ людей съ такою же рѣзкостью ¹⁾. Послѣ упомянутаго столкновенія въ обоихъ журналахъ помѣщены были письма въ болѣе примирительномъ тонѣ, но въ концѣ концовъ вторая половина журнала Новикова была уже гораздо слабѣе, точно такъ же, какъ въ послѣдствіи вторая половина „Живописца“ была слабѣе первой. Замѣтимъ опять, что за полнымъ отсутствіемъ ближайшихъ данныхъ мы не имѣемъ возможности объяснить этихъ измѣненій тона; тѣмъ не менѣе предполагаютъ, что журналъ Новикова прекратился не по собственной волѣ ²⁾.

Въ чемъ же состояла сущность столкновенія, представляющаго такое оригинальное явленіе въ исторіи нашей литературы? Объясненія историковъ были до сихъ поръ не совсѣмъ удовлетворительны. Существенная разница взглядовъ Всякой Всячины и Трутня, какъ мы видѣли, заключалась въ томъ, что первая вообще смотрѣла на общественные недостатки гораздо болѣе снисходительно, чѣмъ второй: кричать о порокахъ — но это только „слабости“, требуютъ кары нарушителямъ справедливости—но не слѣдуетъ же забывать милосердія, бранять лихоимцевъ и ябедниковъ—но пусть не искушаютъ лихоимцевъ тѣ, кто даетъ имъ взятки и пусть люди живутъ мирно, чтобы не давать пищи ябедѣ, и т. п. „Трутень“ мѣтко отвѣчалъ, что называть порокомъ слабостью и требовать къ нему милосердія, значитъ шить изъ милосердія кафтанъ для порока; совѣтъ „не искушать“ лихоимцевъ былъ или страннымъ непониманіемъ, или неумѣстной шуткой, потому что обыкновенное отношеніе лихоимца къ тому, отъ кого онъ получалъ взятку, вовсе не было отношеніе равнаго къ равному, а отношеніе грабителя къ его жертвѣ: странно было бы требовать, чтобы ограбленный „не искушалъ“ грабителя. „Всякая Вся-

¹⁾ Неизеленовъ, стр. 168; Шумигорскій, стр. 9—10.

²⁾ Обыкновенно полагаютъ (какъ мы указывали), что Новиковъ и другіе тогдашніе издатели журналовъ знали, кто пишетъ во „Всякой Всячинѣ“; но точныхъ доказательствъ этого все-таки нѣтъ, и можетъ быть, что на крайней мѣрѣ на первое время они этого не знали, и этимъ могла бы объясняться рѣзкость политическихъ выраженій, въ родѣ приведенныхъ: она была бы все-таки понятна и возможна, если бы относилась только къ Кошццову, хотя и близкому при дворѣ человеку.

чина" не любила „меланхолин“, ей хотѣлось, чтобы сатира не шла дальше веселаго смѣха; но та дѣйствительность, о которой говорилъ сатирикъ въ журналѣ Новикова, гораздо больше давала пищи горькому, а не веселому смѣху, и если онъ смотрѣлъ на эту дѣйствительность сколько-нибудь серьезно, то во многихъ вопросахъ, какъ, напр., крѣпостной, не могло быть мѣста для веселыхъ шутокъ. Биографъ Новикова удивительнымъ образомъ объясняетъ, что снисходительная мораль Всякой Всячины есть ничто иное, какъ „материалистическая мысль волтеріанства“, что изъ того же волтеріанства заимствовано и оружіе ея полемики противъ Новикова—софизмъ¹⁾; но историкъ не объясняетъ, какъ въ этого волтеріанства могли проистекать тѣ категорическія осужденія крѣпостнаго права, которыя находятся въ другихъ писаніяхъ Екатерины, когда она высказывала свои мнѣнія не для печати. Другой историкъ, хотя признаетъ теоретическую несостоятельность идей „Всякой Всячины“, но отвергаетъ объясненіе ихъ волтеріанствомъ: „эти правила,—говоритъ историкъ,—подсказывались императрицѣ добрымъ сердцемъ, не допускавшимъ жестокости, и практическимъ, чуждымъ иллюзіи умомъ; весьма шаткія при теоретическомъ ихъ обсужденіи, правила эти... вытекали какъ изъ трудныхъ обстоятельствъ внутренняго положенія Россіи екатерининской эпохи, такъ изъ личныхъ особенностей императрицы. Мысль, что къ слабостямъ людскимъ должно относиться съ духъ вротости и снисхожденія, явилась у Екатерины вовсе не потому, что свѣтъ казался ей совсѣмъ не такъ худъ, какъ представляется онъ инымъ людямъ, а наоборотъ, въ силу глубокаго убѣжденія ея въ нравственной испорченности современнаго ей общества и отсюда недовѣрія и къ отдѣльнымъ его представителямъ“²⁾. Тотъ же историкъ объясняетъ, что Екатерина не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она дѣйствовала, что нельзя мѣрять жизнь на идеальную мѣрку, что исторія не знаетъ „кабинетной прямолинейности, навязываемой ей теоретиками“, и т. п., что по этой послѣдней причинѣ она, „поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, какъ ни уважала людей мысли и науки, но къ теоріямъ ихъ относилась крайне осторожно, никогда не забывая, что ея сфера—земля, т. е. жизнь, какова она есть, а не воздухъ и небо, какъ называла она кабинетныя умозрѣнія“. Историкъ припоминаетъ, напр., какъ недовѣрчиво относилась она къ практическимъ совѣтамъ своихъ философскихъ

¹⁾ Незеленовъ, стр. 164—165.

²⁾ Шумигорскій, стр. 84.

друзей, о чемъ мы упомянемъ далѣе... Но, обсуждая этотъ вопросъ, историки забываютъ два обстоятельства: во-первыхъ, противорѣчя, въ какія впадала Екатерина съ своими собственными мыслями, и во-вторыхъ то, что едва ли такъ велики были затрудненія, которыя помѣшали бы болѣе полному примѣненію ея теоретическихъ началъ прежняго времени. Можно именно думать, что послѣ собранія Коммиссіи она охладѣла къ самому предпріятію, которому посвятила первые годы своего царствованія; теперь она привыкла къ своему положенію, увидѣла, что не было надобности торопиться съ преобразованиями, которыми она хотѣла ослѣпить Европу, своихъ подданныхъ и которыми, безъ сомнѣнія, искренно ослѣплялась сама; преобразованиями, которыя между прочимъ должны были, по ея прежнимъ взглядамъ, укрѣпить ея престолъ и которыя теперь, по голосамъ самихъ депутатовъ Коммиссіи, оказывались не только ненужными въ данную минуту, но и вообще нежелательными ¹⁾). Она впадала, наконецъ, въ столь частую иллюзію правителей, что дѣйствительно государственныя дѣла идутъ какъ слѣдуетъ, что „все обстоитъ благополучно“. Отсюда видимое раздраженіе противъ людей, которые, напротивъ, находили въ этомъ благополучномъ порядкѣ вопіющіе недостатки; она приписывала эти мрачныя картины „чернымъ парамъ и желчи“, совѣтовала просить Бога о духѣ кротости и снисхожденія и убѣждала, чтобы никто не думалъ, что весь свѣтъ можетъ исправить... Это было уже начало того настроенія, когда она нетерпѣливо и уже весьма угрожающимъ образомъ останавливала всякое противорѣчье, всякую мысль, которая ей не нравилась, когда она дѣлала суровые выговоры за „свободозычіе“, когда она раздражалась, предполагая, что ее хотятъ „учить царствовать“. Но если она сама вступала на литературное поприще, то всякое разногласіе съ ея мыслями, всякое доказательство въ пользу противнаго мнѣнія, могло получать видъ такого желанія, —хотя бы съ *философской* точки зрѣнія противоположное мнѣніе должно было быть допущено и хотя поэтъ воспѣвалъ, что въ тѣ времена „и знать и мыслить позволяютъ“.

Но зачѣмъ же было въ такомъ настроеніи начинать журналъ и, прямо или косвенно, вызывать къ этому другихъ? Екатерина отличалась живымъ, подвижнымъ умомъ, въ ней пока еще не совсемъ прошло возбужденіе временъ „Наказа“; послѣ Коммиссіи она думала еще работать для нравственнаго воспитанія своихъ подданныхъ, но по всей вѣроятности издательница „Всякой Всячины“

¹⁾ Споры въ Коммиссіи о крѣпостномъ правѣ, о чемъ далѣе.

не предполагала, что ея затѣя отзовется въ тогдашней литературѣ такими страстными разсужденіями объ общественныхъ вопросахъ, хотя бы въ полузакрытомъ видѣ. Она едва ли ожидала такихъ рѣзкихъ противорѣчій и на первое время выносила ихъ, потому что, во-первыхъ, сама вызвала эту литературу, во-вторыхъ, сама еще недавно писала свои свободолюбивые планы и въ то самое время вела сношенія съ философами... Но въ концѣ концовъ домашняя обстановка взяла верхъ, противорѣчіе задѣвало самую сущность ея политической мудрости и стало образовываться то настроеніе, о которомъ мы говорили, и которое тѣмъ или другимъ путемъ приводило къ превращенію непріятныхъ изданій.

Объясняя факты этой литературной эпохи, нѣкоторые изъ ея историковъ¹⁾, между прочимъ, сильно осуждаютъ французскихъ друзей и корреспондентовъ императрицы, которые, съ одной стороны, предлагали ей свои невыполнимыя теоріи, а съ другой проповѣдовали величайшее презрѣніе къ народу и, между прочимъ, возставали противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ: „стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противо-дѣйствіе со стороны тѣхъ же философовъ, сошедшихся въ этомъ случаѣ во взглядахъ съ ярыми крѣпостниками екатерининской эпохи“²⁾. Припоминаютъ пріѣздъ въ Петербургъ Дидро и его бесѣды съ императрицей, которая сказала ему, наконецъ, что его высокими идеями хорошо наполнять книги, но плохо дѣйствовать по нимъ въ жизни. Припоминаютъ разсказъ Сегюра о Мерсье де-ла-Ривьерѣ, политико-экономическомъ писателѣ, котораго Екатерина пригласила въ Россію и который вообразилъ, что она хочетъ поручить ему управленіе Россіей, началъ нанимать и передѣлывать дома для разныхъ департаментовъ своего будущаго управленія, такъ что Екатерина должна была, наконецъ, прекратить эту комедію, заплативъ, конечно, за всѣ его издержки: „онъ ухалъ, — разсказывала она Сегюру, — довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко“. Справедливость требуетъ, однако, взглянуть на другую сторону этого дѣла. Если заявленія любезности

¹⁾ Незеленовъ, Шумигорскій и др.

²⁾ Шумигорскій, стр. 21. Тамъ же авторъ полагаетъ, ссылаясь на г. Незеленова, что „темныя стороны вліянія Вольтера и другихъ философовъ на Екатерину и современное ей русское общество уже установлены съ достаточною ясностью“. Напротивъ, эти вліянія еще далеко не установлены, и самому автору пришлось въ той же книжкѣ расхотѣться по этому же вопросу съ г. Незеленовымъ.

Любопытно, между прочимъ, что, обличая французскихъ философовъ, наши историки переводятъ слово *canaille* (простой народъ, чернь) „канальями“.

и уваженія доходили до того, что этихъ людей вызывали въ Петербургъ изъ Парижа, что при тогдашнемъ способѣ путешествій было дѣломъ не легкимъ, приглашенные философы не могли не думать, что ихъ бесѣдами именно желаютъ поучаться, и надо думать, что въ приглашеніи Мерсье де-ла-Ривьера былъ помѣщенъ неосторожный комплиментъ, который и позволилъ ему вообразить себя первымъ министромъ въ Россійской имперіи. Во всякомъ случаѣ Дидро и Мерсье были специально приглашены въ Петербургъ, какъ раньше приглашали д'Аламбера. Что касается до отзывовъ французскихъ философовъ о русскомъ народѣ, какъ о грубой массѣ, которая еще неспособна была бы пользоваться свободою, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія мнѣнія были заимствованы философами отъ самихъ русскихъ: путешествующіе „бояре“, съ которыми они могли встрѣчаться и бесѣдовать, по всей вѣроятности именно и внушили имъ эти мысли. Съ другой стороны странно было спрашивать у людей, совершенно не знавшихъ Россіи, ихъ мнѣнія о томъ, какъ должно рѣшать вопросы ея внутренней жизни, именно самыя сложные и трудные: мы сами рассказывали иностранцамъ о невѣжествѣ и грубости своего народа, и естественно, что они повторяли то же самое. Наконецъ, историки, такъ строго осуждающіе философовъ, забываютъ, что въ ихъ же числу долженъ быть причисленъ и тотъ Монтескьё, книгу котораго сама Екатерина называла молитвенникомъ для государей: изъ него прямо заимствовано было очень многое, что привлекаетъ восхваленія историковъ въ правительственныхъ идеяхъ императрицы.

Укажемъ, наконецъ, нѣсколько подробностей того времени, освѣщающихъ правительственный опытъ императрицы. До своего воцаренія она довольно долго прожила въ Россіи. Сильный умъ, тонкая наблюдательность рано познакомили ее съ русскою жизнью; она замѣчательнымъ образомъ изучила русскій языкъ и хотя писала на немъ не весьма правильно (что всегда сама признавала), но живая рѣчь была ей знакома до такихъ оттѣнковъ, между прочимъ, простонароднаго языка, которые свидѣтельствуютъ о рѣдкой наблюдательности. Теперь она, конечно, старалась сколько возможно расширить свое знаніе русской жизни. Въ то время, когда собиралась въ Москву Коммиссія (1767), она совершила, со свѣтой тысячи въ двѣ человекъ, извѣстное путешествіе по Волгѣ, въ продолженіе котораго, между прочимъ, въ ея придворномъ кругу сдѣланъ былъ переводъ „Велизарія“ Мармонтеля, который во Франціи былъ запрещенной книгой. Вѣроятно, и здѣсь многое было представлено ей съ повазной стороны, хотя, конечно, не въ

тѣхъ чудовищныхъ размѣрахъ театральной декораціи, какъ послѣ, во время знаменитаго путешествія въ Крымъ. Между прочимъ, Екатерина могла видѣть при этомъ весь объемъ царственнаго авторитета. Она писала изъ Костромы Панину 15-го мая: „завтра поѣду отселя, а иноплемениковъ (дипломатическій корпусъ) отпущу въ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я изъ всѣхъ не одиножды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, и И. Гр. Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ дѣшнаго двоянства благочиннаго и ласковаго обхожденія“. Казань произвела на нее самое благопріятное впечатлѣніе. „Мы нашли городъ, который всячески можетъ слѣдовать столицею большого царства; пріемъ мнѣ отмѣнной; намъ отмѣнной онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Еслибъ дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, и въ дномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною оставить (!), съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой быть здѣсь не долго“. Она умѣла понять чрезвычайное разнообразіе бытовой жизни, которое увеличивало трудности „громднаго предпріятія нашего законодательства“. Отъ нея не ускользнули и многія темныя стороны этой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ начиналась та добровольная иллюзія, о которой мы выше говорили. По дорогѣ ей подано больше 600 челобитенъ, и большая часть изъ нихъ подавана помѣщичьими крестьянами и заключала жалобы на тяжкіе боры отъ помѣщиковъ. Императрица выражала удовольствіе, о такъ какъ не было жалобъ на правительственныя лица, то, значитъ, правосудіе было въ порядкѣ. Жалобы на помѣщиковъ были *вращены* съ подтвержденіемъ, чтобы впредь таковыхъ не повали; „но, — замѣчаетъ Соловьевъ, — въ сенатъ съ начала года поочино приходили извѣстія о крестьянскихъ возстаніяхъ“¹⁾. Возстанія принимали, наконецъ, именно на уральскихъ заводахъ, кіе размѣры, что нужно было для усмиренія ихъ послать йска и пускать въ дѣло пушки. Между прочимъ, посланъ былъ да человекъ разумный, извѣстный А. И. Бибиковъ, съ инструкціей дѣйствовать кроткими мѣрами: онъ успѣлъ возстановить покоемъ, вниавуши въ причины волненій, — но общее положеніе не оставалось то же самое и прошло немного лѣтъ послѣ этихъ иненій, какъ поднялся Пугачевскій бунтъ. Въ своей ближайшей обстановкѣ Екатерина имѣла людей правдивыхъ и знавшихъ положеніе народа; таковъ былъ Бибиковъ, таковъ былъ Сиверскій, но они не имѣли достаточно вліянія. Извѣстія о положе-

¹⁾ Исторія Россіи, XXVII, изд. 2-е, стр. 62—63.

ни народа доходили и изъ другихъ источниковъ и не мало важныхъ указаній могли представить рѣчи и показанія депутатовъ Коммиссiи, но въ той же Коммиссiи обнаруживалась и другая сторона дѣла: авились притязанiя еще распространить крѣпостное право. Бупеческiе депутаты настаивали, чтобы право владѣть крѣпостными предоставлено было и ихъ сословию; противъ нихъ возстало дворянство, лучшiе представители котораго, какъ извѣстный историкъ князь М. М. Щербатовъ, находили даже нужнымъ ограничить нѣкоторыя злоупотребленiя помѣщичьей власти; но купцы не унимались, а кромѣ нихъ потребовали права владѣть крестьянами казаки и, наконецъ, духовенство. Такое рѣшенiе вопроса о крѣпостномъ состоянiи выборными русской земли въ половинѣ прошлаго вѣка, — говоритъ Соловьевъ, — происходило отъ неразвитости нравственной, политической и экономической. „Владѣть людьми, имѣть рабовъ считалось высшимъ правомъ, считалось царственнымъ положенiемъ, искупавшимъ всякiя другiя политическiя и общественныя неудобства, правомъ, которымъ потому не хотѣлось дѣлиться со многими и такимъ образомъ ронять его цѣну. Право было такъ драгоцѣнно, положенiе такъ почетно и выгодно, что и лучшiе люди закрывали глаза на страшныя злоупотребленiя, которыя естественно и необходимо истекали изъ этого права и положенiя. Представленiя, которыя должны были мало-по-малу подорвать цѣнность этого права и положенiя въ глазахъ лучшихъ людей, только еще начинали и очень слабо начинали проникать въ общество; то было представленiе научное о государствѣ, о высшей власти и отношенiи ея къ подданнымъ, отношенiи непохожемъ на отношенiе помѣщика къ крѣпостнымъ и отнимавшемъ у послѣдняго царственный колоритъ; потомъ представленiе о рабствѣ, какъ печати варварскаго общества, представленiе оскорбительное для людей, имѣющихъ притязанiя на образованность; представленiе о народности, о чести и славѣ народной, состоящихъ не въ томъ, чтобы всѣхъ бить и угнетать, а въ содѣйствiи тому, чтобы какъ можно меньше били и угнетали. Чтобы всѣ эти представленiя, усиливаемыя все болѣе и болѣе европейскою жизнью народовъ и распространенiемъ просвѣщенiя, мало-по-малу подкопали представленiе о высотности права владѣть рабами, для этого нужно было пройти еще вѣку“.

„Кромѣ означенной неразвитости, благоприятному рѣшенiю вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ могущественно препятствовала неразвитость экономическая“. Обширность страны, рѣдкость населенiя, когда земля дешева, работникъ дорогъ, первобытныя формы жизни, когда рабство составляетъ обычное явленiе, промышлен-

ная неразвитость повели къ установленію крѣпостного права. Восемнадцатый вѣкъ въ этомъ отношеніи напоминалъ еще времена Русской Правды. „Заявленія купцовъ въ Коммисіи объ уложеніи, что на вольнаго прикащика положиться нельзя, указываютъ, что условія, въ которыхъ появилась Русская Правда, не совсѣмъ еще исчезли и во времена Коммисіи объ уложеніи, въ которой отъ дворянства, купечества и духовенства послышался этотъ дружный и страшно печальный крикъ: рабовъ!“¹⁾

Мы видѣли выше, что первоначальнымъ убѣжденіемъ Екатерины было отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. Сохранилась въ государственномъ архивѣ собственноручная замѣтка императрицы, выражавшая неудовольствіе ея по поводу взглядовъ членовъ Коммисіи на крѣпостныхъ людей: „Есть ли крѣпостного,—писала она,—нельзя признать персоною²⁾, слѣд. онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“³⁾.

Такое же противорѣчіе съ мыслями „Наказа“ представилъ вопросъ о пытѣхъ; депутаты возставали противъ ея уничтоженія. Желали и здѣсь сохраненія стараго порядка, требовали жестокихъ казней ворами и разбойникамъ, требовали мѣръ противъ бѣгства крестьянъ и укрыванія бѣглыхъ, указывали невозможность для дворянства противоудѣйствовать этому злу безъ правительственной помощи... Но крѣпостное право защищали, желали даже его распространенія,—а въ дѣйствительности крестьяне продолжали бѣгать и разбой, направляясь противъ помѣщиковъ, превратился наконецъ въ Пугачевскій бунтъ. Разумные люди, какъ Библиковъ и самъ графъ П. И. Панинъ, понимали, гдѣ лежала причина печальнаго явленія... Еще раньше, правительству, рядомъ съ мѣрами для охраненія крѣпостного права, приходилось угрожать и дикія проявленія жестокости помѣщиковъ. Въ числѣ процессовъ этого рода первое мѣсто принадлежитъ, конечно, дѣлу знаменитой Салтычихи, которая, однако, могла безнаказанно совершать свои злодѣянія въ теченіе многихъ лѣтъ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 114—116.

²⁾ Т.-е. признать за нимъ личныя человѣческія права.

³⁾ Исторія Россіи, XXVII, стр. 317.

⁴⁾ Рѣшеніемъ самой юстицъ-коллегіи она была обвинена положительно въ убійствѣ 88 человѣкъ и оставлена въ подозрѣніи относительно 26. Это было въ 1768.

Въ послѣднее время надано уже не мало извѣстій объ этой сторонѣ правовъ XVIII вѣка. Для общаго обзора см. Исторію Россіи, XXV (изд. 2-е), стр. 271; XXVII, стр. 123, 125, 147; XXIX, стр. 136—137; въ книгѣ г. Неведенова о Новиковѣ вводная глава: „Нравы русскаго общества Екатерининскихъ временъ“.

Таковы бывали грубые факты, съ которыми должны были встрѣтиться теоретически построенные законодательные планы Екатерины. Полагаютъ, что эти разочарованія и охладилъ ее прежнее теоретическое или идеалистическое настроеніе. Современные наблюдатели замѣчаютъ и другое. Съ перваго времени своего воцаренія, въ заботахъ объ успокоеніи умовъ, объ утвержденіи своего престола, Екатерина была во внутреннихъ дѣлахъ и въ ближайшихъ отношеніяхъ чрезвычайно осторожна. „Она въ обязанія отъ престола, — писалъ одинъ иностранный дипломатъ въ первое время ея царствованія, — но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее беспокоить и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партіи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе, — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человекъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомерный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; во-вторыхъ, потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ“. Въ тѣ же первые годы другой дипломатъ писалъ по поводу польскихъ дѣлъ: „У императрицы обычай каждаго выслушивать, и чрезъ это она подчиняется различнымъ влияніямъ. Люди неблагонамѣренные нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи ввернулся въ ней и дѣлаетъ ее робкою“¹⁾. Но въ это же время робкая императрица собирала матеріалы для „Наказа“.

Противорѣчія между теоріей и дѣйствительностью казались неразрѣшимыми: оставалось колебаніе между двумя крайностями, и этимъ колебаніемъ объясняется тотъ характеръ журнальной дѣятельности императрицы, который мы выше указывали. Историки, осуждая французскихъ философовъ, приводятъ слова императрицы къ Дидро²⁾: теоріи не всегда сходятся съ практическою жизнью.

¹⁾ Исторія Россіи, XXV, изд. 2-е, стр. 159—160, 315.

²⁾ Шумигорскій, стр. 87: „Вы трудитесь на бумагѣ, которая все тернитъ: она

Дѣйствительно, теоріи пишутся на бумагѣ, которая все терпитъ, а законы отзываются на человѣческой кожѣ, — но по крайней мѣрѣ надо бы рѣшительно признать неудобство тѣхъ законовъ, которые въ тѣ времена слишкомъ жестоко отзывались на кожѣ крестьянъ... Въ писательской дѣятельности императрицы уже съ этого времени замѣтно желаніе устранить тѣ непосредственные выводы, какихъ требовала ея собственная теорія: „Всякая Всячина“ желала удалить „меланхолію“, предлагала „духъ кротости и снисхожденія“; но съ другой стороны Новиковъ указывалъ вопіющіе факты дѣйствительности, которые не могли не породить меланхоліи, которыхъ нельзя было исцѣлить однимъ духомъ кротости и снисхожденія и которыхъ, при всемъ желаніи, нельзя было скрыть...

Указанные факты чрезвычайно характерны, какъ для опредѣленія смѣны личныхъ настроеній Екатерины II, такъ и для объясненія судьбы литературы того вѣка. Въ первые годы Екатерина была увлечена высокими идеалами, и требованія нравственнаго достоинства человѣческой личности и требованія справедливости она желала примирить съ суровыми законами дѣйствительности. Нѣкогда ей мечталась картина народнаго благополучія во взаимной благожелательности. Однажды она писала Вольтеру: „Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены. Я думаю, вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что еслибъ кто-нибудь предложилъ депутату сечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существому, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: онъ человѣкъ, какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра и никакого зла. Увѣряю васъ, что дѣла идутъ буквально такъ, какъ я вамъ говорю: еслибы понадобилось под-

глядя, мягка и не представляеть затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива“.

тверженіе, у меня бы нашлось 640 подписей съ подписью епископа впереди. На югѣ, быть можетъ, скажутъ: какія времена, какіе нравы!... Тѣ немногія извлеченія, какія приведены нами изъ тогдашнихъ писаній Екаторины, относящихся къ „Наказу“, указываютъ уже на тотъ обильный запасъ возвышенныхъ и благотворныхъ идей, которыя наполняли тогда ея умъ и которыя обѣщали, повидимому, новую эпоху нашей исторіи. Подъ вліяніемъ этихъ идей и возникало то общественное чувство, которое одушевляло ея лучшихъ современниковъ, которое, между прочимъ, отразилось въ журнальныхъ листкахъ Новикова и еще долго помнилось въ средѣ людей, преданныхъ общественному благу. Но изданія Новикова не могли удержаться... „Наказъ“ только-что былъ изданъ, только-что собиралась Коммиссія, какъ онъ былъ уже на половину запрещенъ. Въ сентябрѣ 1767 года, сенатъ опредѣлилъ разослать экземпляры „Наказа“ только въ высшія правительственныя вѣдомства, но и здѣсь велѣно было, чтобы эти экземпляры „никому ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даваны были“. „Такимъ образомъ, — по словамъ Соловьева, — Наказъ былъ доступенъ только старшимъ и составлялъ запрещенную книгу для младшихъ; о немъ сдѣлано постановленіе, подобное тому, какое сдѣлано въ латинской церкви относительно св. Писанія. Найдено, что сочиненіе самодержавной государыни, и прошедшее чрезъ строгую цензуру подданныхъ, все еще содержитъ въ себѣ аксіомы, способныя разрушить стѣны, по выраженію Никиты Ив. Панина“¹⁾.

Историкъ объясняетъ это тѣмъ, что, какъ правительство узнало, злонамѣренные люди распространяли слухи о перемѣнѣ законовъ и собирали съ крестьянъ поборы, обѣщая выхлопотать имъ разныя выгоды и отвращая отъ повиновенія помѣщикамъ²⁾... Во всякомъ случаѣ пришлось измѣнить выставленному нѣбогда правилу: „Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, должно выставить ихъ предъ глаза народу“³⁾.

Словомъ, теорія приходила въ столкновение съ жизнью: въ результатѣ явилось колебаніе, неувѣренность, которыя потомъ

¹⁾ Исторія Россіи, XXVII, стр. 139—140.

²⁾ О крестьянахъ давно писалъ Сиверсъ: „по незнанію грамотъ тѣмъ болѣе они достойны сожалѣнія“ (Соловьевъ, XXVII, стр. 69); но они понимали свое положеніе. Ср. „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка“, составленный именно въ эпоху Коммиссіи объ уложеніи (изданъ съ предисловіемъ Тихонова въ „Починѣ“, сборникъ моск. Общества любит. рос. словесности, 1895, стр. 9—14).

³⁾ Бумаги Екаторины II. I, стр. 84.

превратились въ раздраженіе къ противорѣчію. Вопросы были поставлены, но развитіе ихъ въ общественномъ пониманіи было остановлено.

Въ 1765 умеръ Ломоносовъ. Со времени первыхъ Новиковскихъ изданій наступилъ второй періодъ Екатерининской эпохи, въ которой относится дѣятельность главнѣйшихъ писателей второй половины вѣка.

А. Пыпинъ.

* *
* *

Когда душа, расправивъ крылья,
Дерзаетъ выпрепный полетъ
И я взнесусь не безъ усилъя
Во область чистую высоту,—

Какъ мячъ, взлетѣвшій въ высь невольню,
Къ землѣ я падаю, спѣша;
И снова въ ухахъ жизни дольной
Задремлетъ грѣшная душа.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

НОВЫЙ РАЗСКАЗЪ

ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО

— Сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Часть XIV. Москва. 1895, стр. 83—168:
„Хозяинъ и работникъ“.

Въ изображеніи смерти, въ анализѣ ощущеній и чувствъ, сопровождающихъ процессъ умирающаго, графъ Левъ Толстой не имѣетъ соперниковъ въ современной литературѣ. Кто не помнитъ того до безвѣстности яркаго описанія смерти, какое онъ даетъ въ рассказѣ объ Иванѣ Ильичѣ? Человѣкъ въ забытьѣ; ему кажется, что „его съ болью суютъ куда-то въ узкій и глубокой черный мѣшокъ, и все дальше просовываютъ, и не могутъ просунуть. И это ужасное для него дѣло совершается съ страданіемъ. И онъ боится, и хочетъ провалиться туда, и борется, и помогаетъ. И вотъ, вдругъ онъ оборвался и упалъ, и очнулся... Вдругъ, какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдвинуло ему дыханіе, онъ провалился въ дыру и тамъ въ концѣ дыры засвѣтилось что-то“. Въ этихъ немногихъ словахъ мучительный переходъ отъ жизни къ смерти обрисовывается такъ наглядно, что читателю дѣлается жутко.

Но графъ Толстой изображаетъ смерть не просто какъ художникъ, старающійся реально передать самыя сложныя и темныя состоянія человѣческой души, но и какъ философъ-моралистъ, поставившій себѣ задачей разрѣшеніе великаго вопроса о смыслѣ жизни. Изображеніе смерти служитъ гр. Толстому только для того, чтобы выяснитъ ложь и пустоту нашего обычнаго существованія.

Иванъ Ильичъ мучился страхомъ смерти только до тѣхъ поръ, пока не понялъ неправильности всей своей жизни. Барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, онъ испытывалъ особенное мученіе оттого, что не можетъ пролѣзть въ него; „пролѣзть же ему мѣшааетъ признаніе того, что жизнь его была хорошая. Это-то оправданіе своей жизни дѣлало и не пускало его впередъ, и больше всего мучило его“. Когда же онъ провалился, онъ увидалъ свѣтъ, и „ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить“. Страхъ смерти исчезъ, потому что и смерти не было. „Вмѣсто смерти былъ свѣтъ“. Радостное чувство овладѣло умирающимъ, ибо онъ понялъ то, чего не понималъ раньше. Такъ же точно и въ послѣднемъ произведеніи графа Толстого—въ рассказѣ „Хозяинъ и работникъ“—пониманіе смысла жизни впервые является у Василя Андренча передъ самою смертью, доставляя ему „какую-то особенную, не испытанную еще никогда радость“. Человекъ, не знавшій другой цѣли въ жизни, кромѣ пріобрѣтенія и накопленія денегъ, почувствовалъ вдругъ „какое-то особенное торжественное умиленіе“, когда рѣшилъ отогрѣть замерзавшаго работника своимъ собственнымъ тѣломъ; глаза его наполнились слезами, и онъ ничѣмъ не хотѣлъ нарушить то радостное состояніе, въ которомъ находился. „Страха онъ теперь не испытывалъ никакого“; руки и ноги его начинали забнуть, но „онъ думалъ не о нихъ, а думалъ только о томъ, какъ бы отогрѣть лежащаго подъ собою мужика“. Онъ сознаетъ, наконецъ, что самъ замерзаетъ, но нисколько не огорчается этимъ; ему кажется, что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ работникѣ Никитѣ. И онъ радостно, умиленно разстается съ жизнью.

Въ обоихъ случаяхъ сознаніе ложности всей прежней жизни приходитъ слишкомъ поздно,—когда жизнь ушла, и это запоздалое сознаніе не только не усиливаетъ горечи послѣднихъ минутъ, но, напротивъ, вноситъ радостный свѣтъ, прогоняющій страхъ смерти. Въ чемъ же заключается это внезапное просвѣтленіе и почему оно приноситъ радость такимъ зауряднымъ грѣшникамъ, какъ Иванъ Ильичъ и Василій Андренчъ? Оба они, умирая, поняли всю бессмысленность того, чѣмъ они жили, чѣмъ занимались и о чемъ хлопотали; оба они убѣждаются, что провели свою жизнь въ пустыхъ и ненужныхъ заботахъ и дѣлахъ, и все ничтожество этихъ дѣлъ и заботъ выступаетъ предъ ними съ неумолимою ясностью въ послѣдній роковой моментъ провала въ черную дыру смерти. Художникъ не напрасно выбралъ примѣры неожиданной кончины во цвѣтѣ лѣтъ; люди въ старости обыкновенно теряютъ способность къ мучительнымъ сомнѣніямъ и раз-

очарованіямъ, и естественный фактъ смерти не представляетъ для нихъ ничего трагическаго. И Иванъ Ильичъ, и Василій Андреичъ, погибають среди самаго разгара ихъ обычной дѣятельности, — погибають отъ тѣхъ именно пустяковъ, которыми они наполнили свою жизнь, и весь трагизмъ ихъ положенія заключается въ этомъ контрастѣ между суетными житейскими хлопотами и внезапно послѣдовавшей катастрофой. Люди блуждали во тьмѣ, пока жили, и уразумѣли истину только на минуту, подъ вліяніемъ вѣшняго тяжелаго толчка, положившаго конецъ ихъ суетливому прозябанію. Почему же они приходятъ въ радостное настроеніе передъ смертью? Оттого ли они рады, что бесплодно прожитая жизнь сдѣлалась имъ противна и разстаться съ нею есть для нихъ истинное удовольствіе? Не должны ли они, наоборотъ, глубоко скорѣть о томъ, что они не сумѣли и не успѣли устроить свою жизнь какъ слѣдуетъ?

Графъ Толстой не даетъ отвѣта на эти вопросы. Въ „Хозяинъ и работникъ“ есть еще подобіе христіанскаго подвига въ заключительномъ поступкѣ Василя Андреича, и, слѣдовательно, можно еще понять причину его душевнаго подъема и умиленія; но Иванъ Ильичъ ничего не совершаетъ таковаго, чтѣ измѣнило бы его репутацію черстваго, сухого эгоиста, и даже загадку своего послѣдняго нравственнаго просвѣтленія онъ эгоистично хранитъ про себя, не подѣлившись ею съ женою и дѣтьми подъ предлогомъ, что „пойметъ тотъ, кому надо“. Великолѣпный анализъ обычныхъ условій жизни того круга общества, къ которому принадлежитъ членъ судебной палаты Иванъ Ильичъ, способствуетъ пониманію и его личной психологіи, съ ея странностями и противорѣчіями; его возмущаетъ ложь, которая въ самомъ дѣлѣ есть правда, — ложью кажется ему несомнѣнное равнодушіе родныхъ и знакомыхъ къ его печальной судьбѣ, прикрываемое соблюденіемъ необходимыхъ приличій, — какъ будто искреннее сочувствіе къ нему обязательно уже въ силу его служебнаго и семейнаго положенія. Онъ никогда не заботился о томъ, чтобы заслужить чью-либо любовь, и не имѣлъ въ жизни другихъ цѣлей, кромѣ стремленія къ хорошей карьерѣ, къ удовольствіямъ и комфорту; даже въ собственной семьѣ онъ оставался холоднымъ, безучастнымъ эгоистомъ, — а между тѣмъ онъ удивляется и негодуетъ по поводу этой холодной, равнодушной атмосферы, которую самъ себя окружилъ. Просвѣтленіе касается у него только такихъ предметовъ, которые и безъ того понятны каждому неглупому человѣку его круга; для него какъ будто новость, что знакомые только изъ приличія интересуются его болѣзнью, что врачи не говорятъ и не должны говорить правду опасно больнымъ пациентамъ, что близкіе родные

питають къ нему тѣ же чувства, какія онъ самъ питалъ къ нимъ, и что вообще никто не любитъ и не жалѣетъ его, хотя въ сущности рѣшительно не за что его любить и жалѣть, ибо и самъ онъ былъ неизмѣнно равнодушенъ къ семьѣ и къ людямъ. Тѣ истины, которыя узнаетъ Иванъ Ильичъ во время своего тяжелаго болѣзненнаго состоянія, были конечно извѣстны ему и раньше, но не возбуждали его вниманія, какъ привычныя житейскія аксіомы, надъ которыми не стоитъ задумываться. Онъ размышляетъ о жизни и лицемѣрїи другихъ, чтобы не имѣть повода обвинять самого себя, и еслибы дѣйствительно ему открылся смыслъ жизни передъ смертью, то это пониманіе для него лично никакъ не могло бы быть утѣшительно. Онъ остается до конца тѣмъ же эгонистомъ, каковымъ былъ прежде, и не перестаетъ смотрѣть на все и всѣхъ съ точки зрѣнія своего личнаго „я“; онъ всецѣло занятъ собою, своими страданіями и удобствами, своимъ страхомъ смерти, и даже для несчастнаго сына-гимназиста „съ ужасною синевою подъ глазами, значеніе которой зналъ Иванъ Ильичъ“, онъ не находитъ ласковаго слова, когда тотъ бросается цѣловать его руку. Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для избавленія этого мальчика отъ пагубнаго порока и чувствуетъ ли онъ угрызеніе совѣсти за свою недостаточную заботливость объ его участи? Подобныя мысли не приходятъ ему въ голову. Нравственное перерожденіе, которое будто бы совершилось въ немъ, остается неяснымъ и загадочнымъ для читателя; оно абсолютно ни въ чемъ не выражается на дѣлѣ и существуетъ лишь въ неопредѣленныхъ намекахъ автора. За просвѣтленіе выдается здѣсь нѣчто такое, что вовсе не есть просвѣтленіе.

Совершенно другое видимъ мы въ „Хозяинѣ и работникѣ“: въ понятіяхъ и чувствахъ Василя Андренча происходитъ крутой переломъ, и изъ бездушнаго денежнаго кулака онъ превращается передъ смертью въ истиннаго христіанина, притомъ не въ просто церковномъ, а еще въ болѣе глубокомъ и человѣчномъ смыслѣ, — хотя въ характерѣ его, какъ онъ описанъ въ разсказѣ, не видно никакихъ данныхъ для такого радикальнаго превращенія. Онъ былъ всегда поглощенъ идеєю наживы и вездѣ кругомъ встрѣчалъ поощреніе своимъ кулаческимъ инстинктамъ; онъ видѣлъ, что всѣ отдають почетъ деньгамъ, что высшіе и низшіе преклоняются предъ капиталомъ, что нѣтъ болѣе уважаемой и признанной силы между людьми, и все его міросозерцаніе съ дѣтства образовалось и окрѣпло на этой почвѣ. Лежа въ саняхъ, среди застигнутой его мятели, онъ „думалъ все о томъ же самомъ, что составляло единственную цѣль, смыслъ, радость и гордость его жизни; о томъ,

сколько онъ нажилъ и можетъ еще нажить денегъ; сколько другіе, ему извѣстные люди, нажили и имѣютъ денегъ, и какъ эти другіе наживали и наживаютъ деньги, и какъ онъ такъ же, какъ и они, можетъ нажить еще очень много денегъ". Отецъ, — продолжаетъ онъ думать, — былъ „такъ себѣ, деревенскій мужикъ богатый: рунка да постоялый дворъ — и все имущество въ томъ. А я что въ пятнадцать лѣтъ сдѣлалъ? Лавка, два кабака, мельница, ссыпка, два имѣнія въ арендѣ, домъ съ амбаромъ подъ загвѣною крышею. Не то, что при родителяхъ! Нынче кто въ округѣ гремитъ? Брежуновъ. А почему такъ? Потому — дѣло помню, стараюсь, не такъ, какъ другіе — лежни или глупостями занимаются. Думаютъ, что въ люди выходятъ по счастью. Вонъ Мироновы въ миллионѣхъ теперь. А почему? Трудись, — Богъ и дастъ". Замѣчательно тонко разобранъ постепенный переходъ его отъ этого чувства самодовольства къ усиливающимся ощущеніямъ страха и къ послѣднимъ человѣческимъ порывамъ, бончающимся смертью. Великое искусство графа Толстого выступаетъ тутъ во всемъ своемъ блескѣ.

Спасая собою работника Нивиту, хозяинъ вспоминаетъ еще про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи и миллионы Мироновыхъ; но „ему трудно понять, зачѣмъ этотъ человѣкъ, котораго звали Василиемъ Брежуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался. „Что-жъ, вѣдь онъ не зналъ, въ чемъ дѣло“, — думаетъ онъ про Василія Брежунова. „Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки. *Теперь знаю*“. — Что онъ узналъ и какъ узналъ? Онъ впервые испыталъ чувство любви къ ближнему и проникся той новою для него истиною, что жизнь держится только любовью. И этотъ переворотъ совершился въ немъ самъ собою, безъ участія религіи. За нѣсколько часовъ до того онъ вспомнилъ про церковь и про Николая Чудотворца; „онъ сталъ просить этого самаго Николая Чудотворца, чтобы онъ спасъ его, обѣщалъ ему молебень и свѣчи; но тутъ же онъ ясно, несомнѣнно повялъ, что этотъ ликъ, риза, свѣчи, священникъ, молебенъ, — все это было очень важно и нужно тамъ, въ церкви, но что здѣсь они ничего не могли сдѣлать ему, что между этими свѣчами и молебнами и его бѣдственнымъ теперешнимъ положеніемъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи“. Почему онъ повялъ это такъ ясно и несомнѣнно, — этого не поясняетъ авторъ. Могъ ли Василій Брежуновъ усомниться въ спасительности формальной вѣры и внѣшнихъ обрядовъ, когда другой вѣры у него не было и быть не могло? Откуда взялось у него пониманіе того, что превышаетъ пониманіе огромнаго большинства народа?

Невѣжественный сельскій барышникъ дорастаетъ тутъ до такого нравственнаго просвѣтленія, какое могъ сообщить ему только графъ Толстой. Если у Ивана Ильича просвѣтленіе было слишкомъ поверхностное и обманчивое, то у Василя Брехунова оно оказывается ужъ слишкомъ глубокимъ и радикальнымъ. Трудно надѣяться на чудеса, а духовная метаморфоза, которой подвергся Василій Андрейчъ, является настоящимъ чудомъ. Притомъ не было бы особенной надобности въ такомъ чудѣ, еслибы окружающая жизнь поставлена была болѣе нормально. Въ округѣ гремитъ Брехуновъ съ его кабаками и арендами—потому что нѣтъ никакихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, которые отвлекали бы людей отъ бессмысленнаго поклоненія туго набитому карману; нѣтъ облагораживающаго вліянія школы и церкви, потому что обѣ эти силы поставлены на мѣстѣ въ униженное и подчиненное положеніе; представители мѣстной власти выдвигаютъ Брехуновыхъ на первый планъ при устройствѣ мѣстныхъ дѣлъ, внимательно выслушиваютъ требованія и ходатайства этихъ сельскихъ богачей, оказываютъ имъ всевозможное уваженіе и содѣйствіе, тогда какъ образованные и безкорыстные дѣятели находятъ подъ сомнѣніемъ, а школа влечетъ жалкое существованіе. Становой бываетъ въ гостяхъ у Василя Андрейча, но если взглянуть въ сельскому учителю, то конечно не за тѣмъ, чтобы поддерживать съ нимъ хорошія отношенія и возвысить его авторитетъ въ глазахъ деревенскихъ обывателей. Всѣ окружающіе условія быта даютъ оправданіе и поддержку хищническимъ стремленіямъ Брехуновыхъ. Чтѣ же удивительнаго въ томъ, что этотъ типъ господствуетъ въ мѣстной жизни и вырабатывается въ крѣпкую сознательную силу, чуждую всякихъ нравственныхъ и умственныхъ побужденій? Наживъ капиталы нечистыми путями, предприимчивый дѣлецъ откупится отъ угрызений совѣсти крупнымъ пожертвованіемъ на церковь и усиленнымъ внѣшнимъ благочестіемъ, и этимъ онъ вполне удовлетворитъ свою потребность въ раскаяніи на старости лѣтъ, послѣ чего умретъ спокойно, окруженный общимъ почетомъ и завистью.

Въ противоположность хозяину, его работникъ Никита сразу и безропотно отдается на волю Божію, въ ожиданіи смерти, не испытывая при этомъ никакого страха и никакихъ душевныхъ волненій. Жизнь была для него повинностью, и ему не жаль расстаться съ нею. Подобно слугѣ Ивана Ильича, Герасиму, Никита олицетворяетъ собою здравое, простое народное пониманіе жизни. Несмотря на свои грѣхи и слабости, онъ неизмѣнно сохраняетъ въ себѣ чувство христіанскаго смиренія, и „кромя тѣхъ

хозяевъ, какъ Василій Андреичъ, которымъ онъ служилъ здѣсь, онъ чувствовалъ себя всегда въ этой жизни въ зависимости отъ главнаго хозяина, Того, который послалъ его въ эту жизнь"; онъ „зналъ, что и умирая онъ останется во власти этого же Хозяина, а что Хозяинъ этотъ не обидитъ“. Надо замѣтить, что Никита выставленъ въ разказѣ какъ мужикъ лукавый, недоброжелательный къ хозяину и скрывающій это недоброжелательство подъ личиною усердія и покорности; онъ умалчиваетъ передъ Василюмъ Андреичемъ, что они заблудились, когда первый разъ потеряли дорогу, и во всемъ своемъ послѣдующемъ поведеніи онъ нисколько не обнаруживаетъ приписанныхъ ему христіанскихъ чувствъ. Если у него есть любовь, то развѣ только къ лошади, а никакъ не къ хозяину и не къ другимъ людямъ. Хозяина онъ жалѣетъ, но съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ злорадства, которое исчезаетъ только при мысли объ его кончинѣ. Онъ твердо знаетъ, что „всѣ подъ Богомъ ходимъ“, что „двухъ смертей не бываетъ, одной не миновать“; но жизнь его еще болѣе бессмысленна, чѣмъ жизнь Василя Андреича, и чувство беспѣльности и нецѣнности своего существованія должно было передъ смертью еще сильнѣе угнетать его, чѣмъ хозяина. Плохо и неправильно употребилъ свою жизнь Василій Андреичъ; но именно этой плохой и неправильной жизни служилъ своими трудами работникъ Никита, послѣ того какъ испортилъ свою собственную жизнь и жизнь своей семьи многими годами пьянства и безтолковости. Развѣ служеніе чужой бессмысленной жизни, въ качествѣ наемнаго работника, можетъ имѣть какой-нибудь разумный человѣческій смыслъ? Конечно, Никита долженъ былъ зарабатывать свой хлѣбъ, но отъ него зависѣло бы не поступать на службу къ заданнымъ хищникамъ, ростовщикамъ и кабатчикамъ, имена которыхъ гремятъ въ округѣ. Точно такъ же Герасимъ, буфетный мужикъ Ивана Ильича, устроилъ свою жизнь нисколько не лучше, если не хуже, тѣхъ господъ, у которыхъ онъ жилъ, ибо служеніе тужой лжи и лицемерію не заключаетъ въ себѣ ничего разумнаго или нравственнаго. Условная ложь столь же обязательна для Герасима и окружающей его лакейской атмосферы, какъ и для самого Ивана Ильича; работникъ Никита столь же мало можетъ быть правдивымъ и откровеннымъ съ своимъ хозяиномъ, какъ Василій Андреичъ съ своими покупателями и продавцами. Если же душевное спокойствіе обоихъ работниковъ происходитъ оттого, то они не отдають себѣ яснаго отчета въ бессмысленности и неправильности своей жизни, то ставить ихъ въ образецъ другимъ людямъ въ этомъ отношеніи было бы крайне странно. Идеаломъ

слѣдовало бы тогда считать Мухортова, лошадь, описанную съ неподражаемымъ мастерствомъ въ послѣднемъ разсказѣ графа Льва Толстого. Мухортый дѣйствуетъ и умираетъ съ гораздо большимъ спокойствіемъ и смирениемъ, чѣмъ Никита, и однако никому не придется въ голову видѣть нравственное преимущество лошади передъ человѣкомъ въ этомъ спокойномъ, простомъ отношеніи ея къ жизни и смерти.

Вопросъ объ истинномъ смыслѣ жизни совершенно затемняется противопоставленіемъ такихъ работниковъ, какъ Никита и Герасимъ, ихъ хозяевамъ и господамъ. Простота вѣры и чувства не замѣняютъ пониманія, безъ котораго невозможно сознательное и разумное отношеніе къ жизни; подобная простота вполне совмѣстима съ безцѣльнымъ, хлопотливымъ прозябаніемъ, составляющимъ удѣлъ большинства и работниковъ, и хозяевъ, — прозябаніемъ даже безъ того заключительнаго просвѣтленія, которое выпало на долю Ивана Ильича и Василя Андренча. Очень многіе люди, проведшіе свою жизнь въ родѣ Ивана Ильича, находятъ достаточное утѣшеніе въ формальномъ соблюденіи правилъ общепринятой морали и религіи, и умираютъ въ искреннемъ убѣжденіи, что прожили свой вѣкъ съ пользою для общества и семьи. Простая вѣра въ церковные обряды и въ неизмѣнность установленнаго строя жизни спасаетъ очень многіхъ единомышленниковъ Василя Брежунова отъ всякихъ нравственныхъ колебаній и сомнѣній, точно такъ же, какъ она спасаетъ и Никиту, и Герасима. Съ другой стороны, можно представить себѣ такое умственное состояніе работниковъ, при которомъ и Никита, и Герасимъ способны были бы скорбѣть о томъ, что бессмысленно потратили свою жизнь на служеніе чужимъ бессмысленнымъ дѣламъ, чужому хищничеству и тщеславію.

Разказы и разсужденія графа Льва Толстого не разрѣшаютъ вопроса о смыслѣ жизни, но затрогиваютъ самыя слабыя и важныя стороны современнаго человѣческаго существованія. Приготовленіе къ жизни и собираніе для нея средствъ слишкомъ часто подавляютъ самую жизнь, заставляя людей забывать о цѣли своихъ усилій. Средство становится само по себѣ цѣлью, и источники жизни губятся ради внѣшнихъ ея принадлежностей: въ этомъ — великое общее зло, отъ котораго страдаютъ даже передовые культурные народы. Люди устриваются такъ, какъ будто имъ предстоитъ жить вѣчно или, по крайней мѣрѣ, вдвое или втрое больше положеннаго срока; погоня за матеріальными благами слишкомъ часто превращается въ исключительный интересъ жизни, такъ что для самаго пользованія этими благами не остается уже ни вре-

мени, ни силъ. Когда богатый коммерсантъ съ утра до вечера хлопочетъ и волнуется ради дальнѣйшаго своего обогащенія, которое ему вовсе ни для чего не нужно, то говорятъ, что онъ занятъ дѣломъ; за этимъ дѣломъ застаётъ его смерть, и онъ едва успѣваетъ сообразить, для чего онъ всю свою жизнь убивался надъ увеличеніемъ средствъ, которыми не суждено ему пользоваться. Любопытно, что склонность человѣка задумываться, т.-е. дѣлать то, что отличаетъ его отъ автомата, считается признакомъ умственной ненормальности, а негѣлая рѣшимость посвятить всю жизнь на собираніе средствъ къ жизни признается доказательствомъ трезвой дѣловитости. Богатство дѣлается предметомъ особаго честолюбія, въ ущербъ другимъ интересамъ, ради которыхъ накопленіе средствъ только и имѣло бы смыслъ. Культурные Брехуновы повсюду играютъ большую роль, создавая сложныя предприятия, синдикаты и добываясь привилегій и льготъ, съ спеціальною цѣлью умноженія доходовъ безъ соотвѣтственнаго расширенія производительной дѣятельности. Наши Василии Андреевичи — только грубые зародыши будущихъ просвѣщенныхъ капиталистовъ, и если у нихъ нѣтъ еще твердой вѣры въ правальность своей жизни, то эта вѣра явится со временемъ, имѣя къ своимъ услугамъ даже особыя философско-экономическія теоріи. Многие думаютъ, что люди не могутъ дѣйствовать иначе, чѣмъ они дѣйствуютъ, и что стремленіе къ упорному и непрерывному добыванію избыточныхъ денегъ зависитъ отъ особой функціи капитала, стоящей уже внѣ сознательной воли человѣка. Капиталъ будто бы дѣйствуетъ самъ по себѣ, по своимъ особымъ законамъ, противъ которыхъ безсильны внушенія человѣческой совѣсти и морали. Эту поверхностную теорію, прикрытую внѣшними признаками учености и глубокомыслія, усердно проповѣдуютъ нѣкоторые экономисты, относящіеся даже вполне сочувственно къ бѣдствіямъ многочисленныхъ жертвъ односторонняго развитія и торжества капитала. Графъ Толстой смѣлой и сильной рукою художника срываетъ покрывало съ тѣхъ убогихъ софизмовъ, которыми соблазняются денежные и иные честолюбцы, бесплодно тратящіе свою жизнь въ погонѣ за призраками. Только призракъ смерти беспощадно разрушаетъ эти пустые идола, которымъ поклонялся человѣкъ, — но разрушаетъ только въ сознаніи тѣхъ, кому житейскіе уроки уже не нужны. Художникъ дѣлаетъ это сознаніе понятнымъ и убѣдительнымъ для всѣхъ, и въ этомъ великая и несомнѣнная его заслуга.

Господство призраковъ и условныхъ формъ даетъ кажущееся содержаніе жизни, лишенной положительныхъ идеаловъ, личныхъ

и общественныхъ. При болѣе высокомъ уровнѣ культурнаго развитія, типы, выставленные Толстымъ, были бы болѣе сложны и интересны. Василій Брехуновъ долженъ былъ бы придумывать болѣе усовершенствованные способы обирания сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ; онъ поставилъ бы свою дѣятельность на широкую почву, устраивалъ бы новыя и, быть можетъ, полезныя предприятия, сдѣлался бы, пожалуй, покровителемъ наукъ и искусствъ, а нажитые миллионы пожертвовалъ бы передъ смертью на основаніе новаго университета, музея или библіотеки, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ путемъ удовлетворить запоздалые порывы нравственнаго чувства, парализованнаго коммерческою дѣловитостью. При другихъ условіяхъ, и Иванъ Ильичъ не былъ бы механическимъ исполнителемъ мертвой буквы закона, а живымъ, сознательно дѣйствующимъ судьей, толкователемъ права и справедливости, твердымъ охранителемъ законности, и у него никакъ не могло бы возникнуть то чувство пустоты и безцѣльности жизни, которое такъ рѣзко изображаетъ графъ Толстой. Но основная идея автора сохраняетъ свое общее значеніе, независимо отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ; въ каждой странѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, замѣчается преобладаніе формъ надъ содержаніемъ, средствъ надъ цѣлями, орудій надъ чело-вѣкомъ.

„Хозяинъ и работникъ“ — самое замѣчательное изъ произведеній графа Толстого за послѣдніе годы. Сравнительно съ этимъ рассказомъ, непосредственно примыкающимъ по мысли и исполненію къ „Смерти Ивана Ильича“, кажется болѣе блѣднымъ все остальное въ вышедшей недавно XIV-й части сочиненій автора. Нравоучительныя повѣсти и разсужденія, имѣющія своимъ предметомъ прямую проповѣдь христіанской морали, не могутъ по существу представлять собою что-либо новое и оригинальное, хотя бы они принадлежали такому великому художнику, какъ Толстой.

Л. С.

ВОСКРЕСШЕМУ

Лучей блестящихъ полей за полкомъ
Намъ шлетъ весенній юный день,
Но укрѣпляетъ тихомолкомъ
Твердыню льда ночная тѣнь.

Земля чернѣетъ межъ снѣгами,
Но этотъ трауръ веселить,
Когда побѣдными лучами
Весны грядущей онъ залить.

Души созрѣваго расцвѣта
Не сдержитъ снѣгъ сѣдыхъ кудрей,
Лишь эту смѣсь зны и лѣта
Освѣтитъ взоръ твоихъ очей.

Владиміръ Соловьевъ.

На Сайтѣ, 16 апрѣля 1895 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1895.

Русскій музей Императора Александра III.—Газетные слухи о пересмотрѣ одной статьи закона о земскихъ начальникахъ.—Почетные земскіе начальники и ихъ помощники.—Къ чему приводить избытокъ внимательства въ дѣла сельскихъ обществъ.—Ходатайства съѣзда дѣятелей по печатному дѣлу.—Полемика о вѣсельномъ уставѣ.—Инспекторская часть гражданскаго вѣдомства.—И. А. Вышнеградскій †.

Именнымъ указомъ 13-го апрѣля учрежденъ въ Петербургѣ русскій музей Императора Александра III-го, въ которомъ предполагается сосредоточить выдающіяся произведенія русской живописи и вааянія, а также этнографическія и историческія коллекціи. Между послѣдними видное мѣсто будетъ отведено всему касающемуся жизни и трудовъ въ Божѣ почившаго Государя, которому принадлежитъ первая мысль объ образованіи музея. Помѣщеніе, предоставляемое музею, вполне соотвѣтствуетъ его значенію: это—Михайловскій дворецъ, недавно приобрѣтенный въ казну отъ наслѣдниковъ Великой Княгини Екатерины Михайловны. Къ управленію музеемъ призванъ Великій Князь Георгій Михайловичъ. Новымъ учрежденіемъ будетъ пополненъ пробѣлъ, становившійся все болѣе и болѣе чувствительнымъ; лучшимъ произведеніемъ русскихъ пластическихъ искусствъ не прідется больше искать для себя пріюта въ частныхъ галереяхъ, существованіе которыхъ ничѣмъ не обезпечено, пользованіе которыми для публики не всегда доступно. Подобно тому, какъ въ Берлинѣ рядомъ съ музеями, Старымъ и Новымъ, есть Національная галерея, въ Парижѣ, рядомъ съ Лувромъ—Люксембургъ, у насъ, рядомъ съ Эрмитажемъ, будетъ музей, олицетворяющій собою современную художественную жизнь Россіи.

Почти незамѣченнымъ въ нашей повременной печати прошло весьма важное сообщеніе, появившееся недавно въ „Московскихъ Вѣдомо-

статье" (№ 87). „Намъ положительно извѣстно,—говоритъ московская газета,—что министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ приступить въ непродолжительномъ времени къ выработкѣ новой редакціи ст. 61 Положенія о земскихъ начальникахъ, болѣе широкой, болѣе соответствующей требованіямъ практической жизни“. Припомнимъ текстъ этой статьи: „въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, земскій начальникъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взыскаію не свыше шести рублей“. Что статья 61-ая нуждается въ пересмотрѣ— въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: весь вопросъ въ томъ, съ какою цѣлью и въ какомъ направленіи онъ будетъ предпринятъ. Соображеній, по которымъ его признаетъ необходимымъ министерство внутреннихъ дѣлъ, мы не знаемъ; весьма можетъ быть, что они не совпадаютъ съ аргументаціей „Московскихъ Вѣдомостей“—но она во всякомъ случаѣ весьма характеристична и заслуживаетъ подробнаго разбора.

Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, статья 61-ая, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляется чѣмъ-то въ родѣ компромисса между двумя различными теченіями. Министерство внутреннихъ дѣлъ настаивало на томъ, чтобы правило ст. 61-ой было принято въ возможно болѣе широкой редакціи, предусматривающей самыя разнообразныя случаи; противники реформы возставали вообще противъ безконтрольной дискреціонной власти земскаго начальника. Первое мнѣніе восторжествовало въ главномъ, но должно было сдѣлать уступки въ частностяхъ— и въ результатѣ получилась нынѣшняя редакція ст. 61-ой. Эта историческая справка едва ли правильна. Въ первоначальномъ законопроектѣ, какъ и въ дѣйствующемъ законѣ, объектомъ административно-карательной власти земскаго начальника являлось, сколько намъ извѣстно, именно *неисполненіе законныхъ его распоряженій*, въ которому присоединялось еще неповиновеніе должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго управленія ¹⁾. Если о послѣднемъ и не упоминается въ ст. 61-ой, то это, очевидно, нисколько не уменьшаетъ дискреціонную власть земскаго начальника, какъ потому, что сами волостныя и сельскія власти облечены правомъ налагать дисциплинарныя кары, такъ и потому, что всякое ихъ требованіе всегда можетъ быть подкрѣплено требованіемъ земскаго начальника. Сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, законъ ограничилъ *размѣръ* дискреціонной власти земскаго начальника по отношенію къ аресту

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г., стр. 841.

(три дня вмѣсто семи), нѣсколько увеличивъ его по отношенію къ штрафу (шесть рублей вмѣсто пяти); но вѣдь въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ идетъ рѣчь не объ *обостреніи* административно-карательной власти земскаго начальника, а о *расширеніи ея круга дѣятельности*. Итакъ, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что передѣлать ст. 61-ую, въ смыслѣ указаній московской газеты, значило бы не возвратиться къ первоначальнымъ намѣреніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а пойти далеко за нихъ предѣлы.

Опытъ примѣненія новаго закона,—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости“,—не замедлил выяснить, насколько неосновательны и преувеличены были опасенія противниковъ реформы; самыя крайніе должны были, наконецъ, признать, что всюду, гдѣ земскіе начальники штрафовали и сажали подъ арестъ, это не имѣло никакихъ ужасныхъ послѣдствій, кромѣ развѣ возстановленія порядка и законности; что русская администрація не превратилась изъ-за этого въ турецкій произволъ; что въ Россіи не вспыхнула социальная революція, какъ это многіе предсказывали¹⁾. Оставляя въ сторонѣ все сочиненное московской газетой, всю безобразную утрировку, съ какою она передаетъ несимпатичныя ей мнѣнія, мы предложимъ ей только одинъ вопросъ: гдѣ и когда противники реформы, „крайніе“ или хотя бы не-крайніе, признали неосновательность опасеній, вызывавшихся дискреціонною властью земскаго начальника? Что касается до насъ, то менѣе чѣмъ годъ тому назадъ мы посвятили цѣлое обзорѣніе²⁾ подробному и фактически-обоснованному выясненію нежелательныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ и не можетъ не приводить ст. 61-ая положенія 12-го іюля 1889 г. Въ другомъ мѣстѣ³⁾ мы имѣли случай указать на крайне различное примѣненіе этой статьи въ различныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи и на обнаруживаемую опытомъ возможность вовсе не прибѣгать къ дѣйствию дискреціонной власти. Болѣе чѣмъ когда-либо для насъ несомнѣнно, что правило ст. 61-ой подлежитъ не распространенію, а отиженію или, по меньшей мѣрѣ, ограниченію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться поближе къ дальнѣйшей аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“.

Редакція ст. 61-ой, по мнѣнію московской газеты, „страдаетъ, прежде всего, неопредѣленностью. Чтѣ значитъ неисполненіе законныхъ требованій? Требованіе не выгонять изъ дому престарѣлыхъ родителей и давать имъ пропитаніе едва ли можетъ быть само по себѣ названо незаконнымъ. Между тѣмъ, еслибы земскій начальникъ, въ случаѣ неисполненія этого требованія, примѣнилъ 61-ую статью,

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ 1894 г., № 6.

²⁾ См. Обществ. Хроника въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ.

онъ сдѣлалъ бы ошибку, такъ какъ дѣла этого рода принадлежать вѣденію суда. Да и возможно ли всѣ случаи ослушанія, грубаго обращенія, всѣ случаи мелкихъ проступковъ, правонарушеній, изъ которыхъ состоитъ ежедневная деревенская жизнь (!), подводить подъ понятіе неисполненія законныхъ требованій? Крестьяне ежедневно, почти систематически, пропиваютъ свои арендныя статьи, самовольно рубятъ общественный лѣсъ, разбираютъ, безъ разрѣшенія, хлѣбъ изъ общественныхъ магазиновъ; неужели же, прежде чѣмъ примѣнять къ виновнымъ 61-ую статью, земскій начальникъ долженъ предъявить имъ законное требованіе не пьянствовать, не рубить лѣса, не таскать общественный хлѣбъ?" Исходя изъ этихъ соображеній, московская газета находитъ, что лучше и цѣлесообразнѣе, чѣмъ ст. 61-ая, редактированы тѣ статьи положенія 19-го февраля 1861 г. (64 и 86), которыми предоставлено волостному старшинѣ и сельскому старостѣ подвергать крестьянъ аресту или штрафу за *мелкіе проступки*. Это послѣднее выраженіе московская газета понимаетъ, однако, весьма своеобразно. „Земскій начальникъ, — говоритъ она, — усматриваетъ со стороны крестьянина какой-нибудь *проступокъ (разумеется, кроме такихъ, которые специально предусмотрены въ законѣ и наказаніе за которые назначается по суду)* и штрафуетъ виновнаго: онъ долженъ имѣть это право, ибо въ противномъ случаѣ какъ же отъ него требовать поддержанія порядка?" Мы думали, до сихъ поръ, что *проступкомъ* можетъ считаться *только* дѣяніе или упущеніе, прямо предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ и запрещенное имъ подъ страхомъ наказанія. „Московскія Вѣдомости“ ont changé tout cela; какъ видно изъ подчеркнутыхъ нами словъ, имъ извѣстны и такіе проступки, которые „закономъ специально не предусмотрѣны“, но тѣмъ не менѣе подлежатъ наказанію. Это не что иное, какъ попытка возвести въ теорію сплошь и рядомъ встрѣчающееся уже теперь на практикѣ — попытка поставить земскаго начальника выше и внѣ закона, соединить въ его лицѣ власть карательную съ правомъ опредѣлять, за что именно можетъ или должна быть назначаема кара. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что „всѣ случаи ослушанія и грубаго обращенія, всѣ случаи мелкихъ проступковъ и правонарушеній“ нельзя подводить подъ понятіе неисполненія законныхъ требованій; но мы не видимъ въ томъ и никакой надобности. Изъ числа мелкихъ проступковъ законодатель не случайно выдѣлилъ только одинъ — неисполненіе законныхъ требованій и распоряженій земскаго начальника. Не будь ст. 61-ой, оно было бы наказуемо по ст. 29-ой уст. о наказ. налаг. миров. суд.; но этотъ способъ привлеченія къ отвѣтственности признанъ былъ, въ данномъ случаѣ, слишкомъ медленнымъ и сложнымъ. Съ цѣлью возвысить авторитетъ земскаго на-

чальника, найдено было нужнымъ вооружить его правомъ немедленно, безъ всякаго формальнаго разбора, карать неисполнителя его законныхъ требованій и распоряженій. Идти еще дальше, даже съ точки зрѣнія, положенной въ основаніе узаконеній 12-го іюля 1889 г., не было и нѣтъ никакой причины; всякій другой проступокъ можетъ, безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій, составить предметъ обыкновеннаго судебного разбирательства. Нѣсколько болѣе медленное, чѣмъ административное распоряженіе, оно представляетъ, зато, несравненно болѣе гарантій для правосудія. Вступить на путь, рекомендуемый „Московскими Вѣдомостями“, значило бы просто упразднить, для массы населенія и для громаднаго большинства такъ называемыхъ „маловажныхъ“ дѣлъ, всякое понятіе о судѣ, замѣнивъ его суммарной расправой, и всякое понятіе о проступкѣ, замѣнивъ его усмотрѣніемъ земскаго начальника. Къ числу случаевъ, въ которыхъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, земскій начальникъ долженъ быть облеченъ административно-карательною властью, газета относитъ, наряду съ дѣяніями, запрещенными уголовнымъ закономъ (напр. отказъ дѣтей въ доставленіи родителямъ средствъ къ жизни), дѣянія вовсе не наказуемыя (напр. неправильное полученіе хлѣба изъ запаснаго магазина, произнесеніе на сельскомъ сходѣ, въ нетрезвомъ видѣ, „безсвязныхъ рѣчей“ и т. п.). Область, открываемая, такимъ образомъ, для произвола, можетъ, очевидно, быть расширена до безконечности, если только будетъ поколеблена грань, отдѣляющая *проступки* отъ дѣяній и упущеній, не запрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія. Первое условіе правильнаго гражданскаго быта — увѣренность каждаго гражданина, что, соблюдая законъ, онъ обезпечиваетъ себя, этимъ самымъ, отъ всякаго взысканія. При господствѣ порядковъ, намѣчаемыхъ „Московскими Вѣдомостями“, для такой увѣренности, въ средѣ народа, не останется мѣста. Старое различіе между сословіями податными и неподатными, только-что исчезнувшее изъ нашихъ законовъ и далеко еще не изгладившееся въ нравахъ, воскреснетъ вновь, въ видѣ различія между сословіями огражденными и неогражденными отъ внѣ-судебныхъ наказаній. И теперь, конечно, ст. 61-ая проводитъ демаркаціонную черту между большинствомъ и меньшинствомъ сельскаго населенія; но углубляетъ и обостряетъ эту черту не столько законъ, сколько практика—а тогда она будетъ возведена на степень основнаго начала нашего судебно-административнаго устройства. Напрасно защитники произвола стараются подтвердить свой основной тезисъ ссылкой на положеніе 19-го февраля 1861 г. Дискреціонная власть, предоставленная имъ волостнымъ и сельскимъ властямъ, могла казаться необходимой, когда только-что рушилось крѣпостное право, и была, притомъ, совершенно ничтожна въ

сравненіи съ властью помѣщика и его агентовъ; теперь обстоятельства перемѣнились всецѣло, да и земскіе начальники не могли бы, еслибы и захотѣли, играть, по отношенію къ крестьянамъ, ту патріархальную роль, которая была совершенно естественной для первыхъ волюстныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ.

Пересмотръ ст. 61-ой—далеко не единственная мѣра, предлагаемая въ печати для усиленія власти земскихъ начальниковъ. Привѣтствуя слухъ о предстоящемъ увеличеніи числа земскихъ участковъ, „Московскія Вѣдомостя“ возвращаются, по этому поводу, къ своей старой мысли о замѣнѣ почетныхъ мировыхъ судей почетными земскими начальниками, на которыхъ, помимо участія въ уѣздномъ сѣздѣ, можно было бы возложить и нѣкоторыя административныя обязанности. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не провозгласить „почетными земскими начальниками“ всѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, живущихъ или часто бывающихъ въ своихъ имѣніяхъ и хорошо аттестуемыхъ мѣстнымъ губернаторомъ и предводителями дворянства?!... Отчего бы не признать за ними, вмѣстѣ съ правомъ „распоряжаться“, право карать за неисполненіе распоряженій или вообще за „желкія правонарушенія“?!... Административно-карательная власть, придвинутая, такимъ образомъ, къ населенію, охватила бы его со всѣхъ сторонъ и не упустила бы изъ виду ни одного проступка или quasi-проступка, всюду и во всемъ регламентируя, регулируя, понуждая и пресѣкая... Инымъ путемъ стремится къ той же цѣли нѣкто г. Д. Малютинъ, въ обнародованной имъ недавно брошюрѣ: „Ошибки, сдѣланныя при составленіи положенія о крестьянахъ 19-го февраля 1861 г., и ихъ послѣдствія“. Находя, что „земскіе начальники дѣйствуютъ мѣстами лучше, мѣстами хуже, но, въ общемъ, едва ли оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды“, онъ ищетъ объясненія этому въ недостаточномъ ихъ числѣ и излишнемъ обремененіи ихъ занятіями. Простотѣ діагноза соответствуетъ и простота леченія: все будетъ хорошо, если за земскимъ начальникомъ останется формальная судебно-административная дѣятельность, а для *потеченія* о крестьянахъ создана будетъ новая должность—помощника земскаго начальника. „Помощникъ земскаго начальника, не отвлекаемый посторонними дѣлами,—такъ рассуждаетъ г. Малютинъ,—долженъ стоять ближе къ народу, входить въ его нужды, помогать ему добрымъ совѣтомъ и указаніемъ, въ которыхъ такъ часто нуждается нашъ темный крестьянинъ. Онъ долженъ быть именно тѣмъ *ангеломъ-хранителемъ*, о которомъ мечталъ Я. И. Ростовцевъ“. Другое лекарство, прописываемое г. Малютинымъ—это усиленіе надзора за земскими начальниками, для чего, въ свою очередь, достаточно усилить личный составъ губернскаго присутствія. Итакъ, еще нѣсколько сотъ чиновниковъ, еще

нѣсколько милліоновъ рублей — и все русское крестьянство будетъ поставлено подъ надлежащую и даже двойную охрану; хранитель низшаго разряда будутъ имѣть попеченіе о крестьянахъ, а хранитель высшаго разряда будутъ наблюдать, чтобы попеченіе сіе отнюдь не оскудѣвало... Серьезно опровергать такіе наивные прожекты мы, конечно, не станемъ; посмотримъ, лучше, къ чему приводитъ на самомъ дѣлѣ избытокъ вмѣшательства въ крестьянскую жизнь—вмѣшательства, прямо пропорціональнаго числу лицъ, облеченныхъ властью надъ крестьянами, и степени этой власти.

Сельскому обществу принадлежитъ, какъ извѣстно, право постановлять объ удаленіи изъ своей среды порочныхъ и вредныхъ своихъ членовъ, что влечетъ за собою для послѣднихъ ссылку въ Сибирь. Земскому начальнику предоставлено повѣрять приговоры схода по этому предмету и представлять ихъ, съ своимъ заключеніемъ, въ губернское присутствіе. Совершенно очевидно, что онъ не можетъ и не долженъ ни брать на себя инициативу подобной мѣры, ни, тѣмъ менѣе, побуждать или понуждать къ ней сельское общество. Она имѣетъ такой исключительный характеръ, грозитъ такими тяжелыми послѣдствіями, что должна быть принимаема только въ исключительныхъ случаяхъ съ величайшею обдуманностью и осторожностью, и только по свободному убѣжденію тѣхъ, чьи интересы прямо и непосредственно ея требуютъ. Для общества, ежедневно и почти ежечасно имѣющаго дѣло съ каждымъ изъ своихъ членовъ, дальнѣйшее присутствіе одного изъ нихъ можетъ иногда сдѣлаться труднопереносимымъ; но ничѣмъ подобнымъ оно не можетъ быть для лица посторонняго, къ составу общества не принадлежащаго. Каждый членъ сельскаго общества соединенъ съ другими общественниками тысячей разнородныхъ связей, порвать которыя общество рѣшается только въ случаѣ крайней необходимости; между крестьяниномъ и начальствомъ такихъ связей нѣтъ, и къ требованію объ удаленіи, разъ что оно исходитъ отъ земскаго начальника, легко могутъ привести и не особенно вѣскія причины. Изъ числа *свободно постановляемыхъ* общественныхъ приговоровъ едва ли найдется хоть одинъ, въ основаніи котораго лежала бы „непочтительность“ удаляемаго, его „строптивость“, наклонность критиковать дѣйствія начальства, готовность и умѣнье жаловаться на нихъ—а поводомъ къ приговору *вынужденному* всѣ эти и имъ подобныя качества могутъ стать очень часто. Съ другой стороны, *инициатива* въ дѣлѣ удаленія несовмѣстна съ *повѣркой* его основаній. Безпристрастное заключеніе земскаго начальника по вопросу объ удаленіи немисливо, если имъ же самимъ этотъ вопросъ и возбужденъ. Между тѣмъ, такой починъ встрѣчается на практикѣ, принимая иногда даже форму приказанія. Въ

„Саратовскомъ Дневникѣ“ (№ 25 и 26) напечатано, съ наименованіемъ волости, села и крестьянина, слѣдующее требованіе земскаго начальника: „предписываю волостному правленію немедленно предложить обществу крестьянъ села Николаевского составить приговоръ объ удаленіи изъ нихъ среды крестьянина Герасима Андреева, въ виду заявленія его объ ономъ ¹⁾ и порочномъ его поведеніи и въ видахъ предохраненія общественнаго порядка и безопасности“ (авторомъ газетной статьи сдѣлана здѣсь оговорка, что бумага приводится дословно, съ сохраненіемъ грамматическихъ ея особенностей). Изъ сорока ²⁾пяти крестьянъ, присутствовавшихъ на сходѣ, противъ удаленія Андреева высказалось 37, заявляя, что онъ никому ничего дурного не дѣлалъ вплоть до своего столкновенія съ старшиной. Черезъ два дня въ село Николаевское пріѣхалъ земскій начальникъ и приказалъ пересмотрѣть дѣло въ его присутствіи. Сходъ, однако, опять высказался противъ удаленія Андреева, послѣ чего нѣсколько крестьянъ, говорившихъ въ этомъ смыслѣ, получили отъ земскаго начальника приказаніе съѣсть на три дня подъ арестъ, за неисполненіе законныхъ (?) его распоряженій ³⁾.. Намъ могутъ замѣтить, что дѣйствія земскаго начальника соединяютъ въ себѣ всѣ признаки превышенія власти, и что изъ злоупотребленій, допущенныхъ какимъ-нибудь однимъ должностнымъ лицомъ, нельзя выводить никакихъ общихъ заключеній. Что превышеніе власти, въ данномъ случаѣ, имѣется налицо—это безспорно; но для насъ интересенъ самый фактъ вмѣшательства земскаго начальника во внутреннія дѣла общества, независимо отъ тѣхъ правонарушеній, которыми онъ сопровождался. Допустить, что земскій начальникъ не настаивалъ бы, *per fas et nefas*, на удаленіи Андреева; характерно было бы уже и то, что онъ предложилъ этотъ вопросъ на рассмотрѣніе сѣзда. Со стороны опекающей, руководящей и во все входящей власти попытки давленія на крестьянъ даже въ томъ, что закономъ предоставлено ихъ свободному рѣшенію, почти неизбежны—и неизбежны тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе власть придвинута къ населенію, чѣмъ многочисленнѣе ея личный составъ, чѣмъ меньше территоріальный районъ ея дѣйствій.

¹⁾ Андреевъ, въ пыломъ видѣ, просилъ сослать его въ Сибирь, чтобы избавиться отъ преслѣдованій старшины и урядника.

²⁾ Мы получили отъ лица, близко знающаго обстоятельство этого дѣла и вполне заслуживающаго довѣрія, письмо, во всемъ подтверждающее рассказъ „Саратовскаго Дневника“ и дополняющее его нѣкоторыми интересными сѣдѣніями. Наканунѣ послѣдняго схода земскій начальникъ призвалъ къ себѣ трехъ вліятельныхъ крестьянъ и приказалъ имъ склонять крестьянъ къ удаленію Андреева; они отвѣчали ему, что во совѣсти не считаютъ Андреева заслуживающимъ такой жестокой кары. Двумъ изъ нихъ земскій начальникъ велѣлъ во время схода стоять отдѣльно, въ углу, и запретилъ говорить. Всѣ трое были потомъ посажены подъ арестъ, по 61-й статьѣ.

Наравнѣ съ удаленіемъ изъ общества, свободному усмотрѣнію сельскаго схода предоставленъ закономъ пріемъ новыхъ членовъ, а также принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ въ пополненію недоимокъ, на основаніи ст. 188 общ. полож. о крестьянахъ. И въ томъ, и въ другомъ направленіи права сельскаго схода также нарушаются земскими начальниками. Вотъ, на примѣръ, что сообщаетъ „Недѣля“ (№ 10) объ одномъ изъ земскихъ начальниковъ николаевскаго уѣзда, самарской губерніи. Въ общество села Березовыхъ-Луки изъявили желаніе вступить два богатыхъ крестьянина, занимающихся, какъ говорятъ, „выдачею ссудъ“. Земскій начальникъ созвалъ сходъ и предложилъ ему уважить это желаніе. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ приговоръ, который подписали менѣе половины всѣхъ домохозяевъ; въ числѣ согласныхъ были записаны лица, несогласныя съ приговоромъ. Боясь обжаловать приговоръ земскому начальнику, крестьяне послали жалобу въ казенную палату. Черезъ нѣсколько времени былъ созванъ новый сходъ. Земскій начальникъ повѣрилъ по списку присутствующихъ и отсутствующихъ, а потомъ сказалъ: „Ну вотъ! сходъ полный и приговоръ законный. Пучковъ и Цѣтковъ приняты. За это они уплатятъ обществу 500 рублей“ (сперва они хотѣли уплатить 1000 р.). Между тѣмъ, приговоръ даже не былъ написанъ. Когда несогласные крестьяне вновь стали указывать земскому начальнику неправильность его дѣйствій и стали заявлять, что будутъ жаловаться, онъ отвѣтилъ, что пусть себѣ жалуются: жалобы вѣдь подаются ему же... Тотъ же земскій начальникъ (г. Муравлевъ), по словамъ корреспондента „Недѣли“, „усиленно понуждаетъ крестьянскія общества отбирать у наиболѣе задолженныхъ недоимщиковъ (т.-е. у бѣднѣйшихъ и наиболѣе пострадавшихъ за послѣдніе годы домохозяевъ) ихъ надѣлы и сдавать ихъ въ аренду богатымъ, на погашеніе недоимокъ“. Эти понужденія вызвали въ средѣ крестьянскихъ обществъ безконечныя земельныя распри. Большая часть обществъ, однако, приговоромъ объ отобраніи надѣловъ не составила, „справедливо разсудивъ, что подобная мѣра увеличила бы число недоимщиковъ безнадежныхъ. Нѣкоторыми обществами, тѣмъ не менѣе, было произведено обезземеленіе своихъ бѣднѣйшихъ членовъ“. Въ довершеніе всего земскій начальникъ не допускаетъ ходатайствъ о разрочѣѣ и отерочѣѣ недоимокъ (на основаніи закона 7-го февраля 1894 г.), запрѣщая сельскимъ старостамъ прикладывать печать въ приговорахъ о такомъ ходатайствѣ. Повторяемъ сказанное нами выше: опасно не только превышеніе власти, допущенное, въ данномъ случаѣ, земскимъ начальникомъ—опасно самое вмѣшательство въ дѣла схода, хотя бы оно и не было сопряжено съ столь явными злоупотребленіями. Принятіе или непринятіе новыхъ членовъ общества, выборъ

того или другого способа взысканія недоимокъ—все это касается только самого схода, во всемъ этомъ онъ долженъ сохранять полную свободу, не стѣсняемую ни формальными „предложеніями“, ни закусными внушеніями... И въ саратовскомъ, и въ николаевскомъ уѣздахъ насъ поражаетъ одна и та же черта, въ первомъ изъ нихъ выразившаяся съ особенною ясностью; рѣшимость крестьянъ не поддаваться давленію земскаго начальника, отстаивать принадлежащее имъ по закону право. Мы заключаемъ отсюда, что нѣсколько десятилѣтій сравнительной самостоятельности не прошли безслѣдно: крестьяне научились отличать законное отъ незаконнаго и перестали составлять безличную толпу, которою можно понукать какъ стадомъ. Спрашивается, однако, всегда ли они выдерживаютъ до конца, всегда ли встрѣчаютъ надлежащую защиту? Вездѣ ли находятся люди, рѣшающіеся говорить на сходѣ противъ требованія земскаго начальника и готовы скорѣе подвергнуться взысканію, чѣмъ подать голосъ противъ совѣсти? Вѣдь кромѣ дисциплинарныхъ каръ, неповорнымъ сломъ и рядомъ угрожаютъ и другія, непредусмотрѣнныя никакимъ закономъ. По словамъ „Недѣли“, тотъ же земскій начальникъ, который понуждаетъ сельскія общества къ приему новыхъ членовъ и къ обезземеленію недоимщиковъ, избилъ, при значительномъ собраніи крестьянъ, старосту с. Острой-Луки, сорвалъ съ него знакъ и тутъ же объявилъ старостой другое лицо ¹⁾. Въ саратовскомъ уѣздѣ безнаказанно дерутся волостной старшина и урядникъ.

Въ какой степени желательно вообще распространеніе и усиленіе начальственной опеки надъ крестьянами, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по отвѣту, данному недавно административнымъ присутствіемъ камышинскаго (саратовской губ.) уѣзднаго сѣзда ²⁾ на вопросъ о послѣдствіяхъ закона 8-го іюня 1893 г., установившаго минимальный срокъ для земельныхъ передѣловъ. Примѣненіе этого закона, по словамъ сѣзда, „за немногими исключеніями не встрѣчаетъ сочувствія въ мѣстномъ населеніи. Въ общемъ наблюдается болѣе сочувственное отношеніе къ новому закону со стороны крестьянъ зажиточныхъ и хозяйственныхъ и явно несочувственное—со стороны бѣднѣйшихъ членовъ сельскихъ обществъ“. По вопросу о томъ, насколько новый законъ можетъ повліять на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, члены сѣзда пришли къ слѣдующему за-

¹⁾ Известно, что законъ, по которому сельскій староста избирается сельскимъ, волостной старшина—волостнымъ сходомъ, сохраняетъ пока всю свою силу. Это не имѣло тому же земскому начальнику назначить своею властью и волостного старшину, прибавивъ при этомъ 100 руб. къ его жалованью.

²⁾ Въ административномъ присутствіи уѣзднаго сѣзда большинство, вмѣстѣ съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, всегда составляетъ земскіе начальники.

ключенію: „въ большинствѣ случаевъ въ камышинскомъ уѣздѣ встрѣчаются многолюдныя селенія, съ весьма большимъ протяженіемъ надѣловъ; обстоятельство это ведетъ къ тому, что, по дальности разстояній крестьянскихъ полей отъ усадебъ, уваживаніе земли является почти невозможнымъ. Главная цѣль закона—побудить крестьянъ уваживать землю—въ камышинскомъ уѣздѣ, можно сказать съ увѣренностью, достигнута, поэтому, не будетъ. Неудобство новаго закона заключается въ томъ, что земли въ камышинскомъ уѣздѣ весьма разнообразны по достоинству: крестьяне, получившіе по передѣлу худшіе и болѣе отдаленныя участки, будутъ обездолены противъ остальныхъ на цѣль двѣнадцать лѣтъ“. Съѣздъ допускаетъ удобство передѣла на долгій срокъ для небольшихъ сельскихъ обществъ, у которыхъ земля болѣе или менѣе одного качества и расположена не въ далекомъ разстояніи отъ усадебъ; но въ такихъ обществахъ долгосрочныя передѣлы были установлены крестьянами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по собственному почину, и до изданія новаго закона“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти соображенія примѣнимы не къ одному только камышинскому уѣзду—а во многихъ другихъ мѣстностяхъ обязательная долгосрочность передѣловъ сопряжена съ неудобствами другого рода.

Въ всеподланинѣйшемъ отчетѣ московскаго губернатора за 1893 г. замѣчено было, между прочимъ, что „обязанности земскаго начальника требуютъ знанія закона и, еще болѣе, знанія жизни, знакомства съ мѣстною средой, усиленной дѣятельности, безусловнаго такта въ разнообразныхъ сношеніяхъ по службѣ, и, что едва ли не всего важнѣе, не одного только формальнаго, но и сердечнаго отношенія къ службѣ“. Противъ этого мѣста отчета Государю Императору угодно было написать: *именно*, и слова: *сердечнаго отношенія къ службѣ*—подчеркнуть. Приводя Высочайшую отиѣтку, „Новое Время“ выразило увѣренность, что она „заставитъ смолкнуть тѣхъ не по разуму усердствующихъ челоѣконенавистниковъ, которые, путемъ печати, изо дня въ день прилагали усилія внушить земскимъ начальникамъ дикую мысль объ ихъ призваніи, клонящемся, будто бы, исключительно къ обузданію, къ мѣрамъ строгости, къ оскорбленію челоѣческаго достоинства въ крестьянской средѣ“. „Московскія Вѣдомости“ посмѣшили заявить, что „Новое Время“ говоритъ „сознательную неправду; что упоминаемые имъ челоѣконенавистники существуютъ лишь въ нездоровомъ воображеніи его публицистовъ“. „Что хотѣло сказать *Новое Время* своею выходкой?—допрашиваютъ „Московскія Вѣдомости“. — Вѣдь если отбросить отъ словъ газеты тотъ буквальный крайній смыслъ, который они имѣютъ, и пуститься въ догадки о томъ, что хотѣла сказать газета, то можно предположить лишь,

что ея публицисты проповѣдуютъ бездѣйствіе власти, произволь, оставленіе населенія безъ руководства и попечительности, „сердечную безнаказанность“ и мирволеніе преступнымъ и порочнымъ! Каковъ комментарий, каково „чтеніе въ мысляхъ“! Хорошъ и самый приемъ „отбрасыванья отъ словъ ихъ буквальнаго смысла“, чтобы дать волю догадкамъ.. Что извѣстная часть нашей печати проповѣдуетъ систематическое „обузданіе“, защищаетъ мѣры, „оскорбляющія человѣческое достоинство“ — въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; даже профессоръ Владиміровъ, признавая (въ извѣстной защитительной рѣчи за земскаго начальника Протопопова) „добрыя намѣренія охранительныхъ органовъ“, находилъ, виѣсть съ тѣмъ, что они способствовали затемненію идеи новаго учрежденія и созданію вокругъ него „какой-то особой атмосферы“: „выходило такъ, что одинъ классъ *шелъ обуздывать*, а другой какъ будто готовился защищать свои человѣческія права“... Намъ неважѣмъ, впрочемъ, углубляться въ прошедшее: въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ связи съ тою же замѣткой „Новаго Времени“, появилось недавно письмо земскаго начальника 4-го участка сычевскаго уѣзда (смоленской губерніи), кв. А. Н. Мещерскаго, въ которомъ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Здравый умъ русскаго крестьянина выработалъ въ немъ здравый взглядъ на цѣлесообразность тѣлеснаго наказанія, какъ средства исправительнаго и устрашающаго, карающаго, притомъ, лишь самого виновнаго, а не безвинныхъ членовъ его семьи. Право, предоставленное земскимъ начальникамъ 29 ст. вр. пр. о вол. с. (т.-е. право замѣнять тѣлесное наказаніе другимъ взысканіемъ), дано не для того, чтобы они, подъ влияніемъ своихъ личныхъ вкусовъ или газетныхъ статей, злоупотребляли имъ безъ крайней необходимости и подрывали тѣмъ значеніе сословнаго крестьянскаго суда — необходимаго придатка крестьянскаго самоуправленія. Русскіе „интеллигенты“ и „либералы“ жалуются на „деспотизмъ“ земскихъ начальниковъ. Къ чему же этимъ послѣднимъ къ незаслуженнымъ нападкамъ присоединять новыя поводы къ нареканіямъ, которыхъ они вполне заслужили бы произвольною отпѣной приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи, потому лишь, что такого рода ихъ произволь былъ бы угоденъ интеллигентамъ?“ Съ софизмомъ, заключающимся въ послѣднихъ словахъ, мы встрѣчались уже раньше; мы имѣли уже случай показать, что въ пользованіи правомъ, предоставленнымъ земскому начальнику ст. 29 прав. о вол. судѣ, никогда, какъ бы оно ни было широко, не можетъ быть ничего похожаго на „деспотизмъ“, на нарушеніе закона ¹⁾). Теперь мы хотимъ только

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ № 9 „Вѣсти. Европа“ за 1894 г.

подчеркнуть, что земскій начальникъ выступаетъ публично съ принципиальной защитой наказанія, несомнѣнно „оскорбляющаго человѣческое достоинство“. И пускай намъ не говорятъ, что такой взглядъ на тѣлесное наказаніе выдуманъ „либералами“. Еще недавно за него высказался съ большою силой „Церковный Вѣстникъ“ (№ 4). „Неужели еще не настала пора,—восклицаетъ журналъ, издаваемый при с.-петербургской духовной академіи,—освободить многомилліонное, обладающее гражданскими правами крестьянство отъ того *унизительнаго, позорящаго человѣческое достоинство наказанія*, отъ котораго освобождены каторжники? Есть, правда, защитники розогъ, не стыдящіеся доказывать, что крестьянину безъ розогъ невозможно прожить; но этотъ фактъ свидѣтельствуешь лишь, что не всѣ члены современнаго интеллигентнаго общества доросли до того нравственнаго уровня, на которомъ существованіе тѣлесныхъ наказаній признается противорѣчающимъ моральнымъ требованіямъ“. Не менѣе характерично, съ занимающей насъ точки зрѣнія, письмо предводителя дворянства (нижнедѣвickaго уѣзда, воронежской губерніи), напечатанное на дняхъ въ „Недѣль“ (№ 15). „Я имѣлъ случай наблюдать народъ,—говорить г. Алисовъ,—въ тяжелые годы испытаній (холеры и голода). И вотъ, за всѣ три года моей службы въ нижнедѣвickомъ уѣздѣ ни разу розга не опустилась на тѣло крестьянина, хотя всегда и висѣла надъ нимъ Дамокловымъ мечомъ. Уѣздный сѣздъ всегда замѣнялъ это позорное наказаніе строгимъ арестомъ, и мнѣ пріятно было видѣть полнѣйшую солидарность въ этой замѣнѣ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Несмотря на такое, какъ нѣкоторые говорили, либеральное направленіе въ уѣздѣ, онъ спокойно пережилъ три тяжелыхъ года испытаній; никто въ немъ ни разу и ничѣмъ не нарушилъ спокойствія. Не то было въ одномъ изъ уѣздовъ нашей же воронежской губерніи, въ которомъ розга возведена чуть ли не въ культъ. И что же: въ холерное время народъ здѣсь въ щепы разноситъ холерный баракъ и чуть не убиваетъ весь врачебный персоналъ. Такимъ образомъ, розга не сослужила той службы, которую на нее возлагали, а можетъ быть сослужила и прямо противоположную“. Эти слова въ высшей степени знаменательны; было бы слишкомъ прискорбно, еслибы они прошли безслѣдно... Нижнедѣвickій уѣздъ пошелъ еще дальше, чѣмъ нѣкоторые другіе (ржевскій, бѣлевскій); въ послѣднихъ случаяхъ примѣненія тѣлеснаго наказанія сведены къ минимуму, въ первомъ оно устранено совершенно. Нужно ли, въ виду такихъ фактовъ, доказывать еще разъ, что тѣлесное наказаніе отжило свое время? Возможно ли отстаивать положеніе вещей, при которомъ въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ,—а иногда и въ двухъ сосѣднихъ частяхъ одного и того же уѣзда — дѣйствуютъ

существенно-различныя карательныя системы?.. Замѣчательно, что ближайшимъ поводомъ къ письму г. Алисова послужило недопущеніе въ воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи обсужденія вопроса о ходатайствѣ, направленномъ къ ограниченію или отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Во многихъ другихъ собраніяхъ послѣдней сессіи подобныя ходатайства обсуждались безпрепятственно и проходили почти единогласно или значительнымъ большинствомъ голосовъ...

Намъ приходилось уже нерѣдко говорить о попыткахъ слишкомъ широкаго толкованія ст. 39 положенія 12 іюля 1889 г., возлагающей на земскаго начальника попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преусиѣнаніи крестьянъ. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ циркулярное письмо, съ которымъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ гравворонскаго уѣзда (курской губерніи) обратился недавно ко всѣмъ священникамъ своего участка. Первый признакъ благосостоянія крестьянъ, — говорится въ этомъ письмѣ, — бездомочное поступленіе съ нихъ платежей казенныхъ, земскихъ, мірскихъ и др. Исходя изъ этого убѣжденія и признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что хозяйственное благоустройство крестьянъ возможно только при благотворномъ воздѣйствіи церкви, авторъ письма находитъ, что такое воздѣйствіе можетъ проявиться во вседневныхъ сношеніяхъ священника съ крестьянами и, главнымъ образомъ, въ воскресныхъ, краткихъ, но сильныхъ поученіяхъ по главнымъ вопросамъ крестьянскаго быта. Темами для поученій предлагаются, между прочимъ, бездомочные платежи казенныхъ и другихъ повинностей. Не говоря уже о томъ, что бездомочные платежи далеко не всегда служатъ „признакомъ благосостоянія крестьянъ“, мы думаемъ, что церковная кафедра — не мѣсто для развитія подобныхъ темъ и что смѣшеніе пастырскихъ назиданій съ содѣйствіемъ подобнымъ задачамъ мѣстной власти отнюдь не можетъ увеличить доброе вліяніе священника на крестьянъ. Предметы для проповѣдей и бесѣдъ едва ли могутъ быть указываемы священнику со стороны; онъ самъ долженъ знать, въ какихъ наставленіяхъ всего больше нуждается его паства. Помощникомъ чиновника священникъ можетъ стать только въ ущербъ своему достоинству и своему призванію.

Въ одномъ изъ недавнихъ „Дневниковъ“ кн. Мещерскаго („Гражданинъ“, № 89) приведенъ довольно любопытный разговоръ предводителя дворянства съ издателемъ „Гражданина“. Земскіе начальники, по словамъ предводителя, дѣйствуютъ „въ духѣ временъ Аргаксеркса“. Они „вообразили себѣ, что крестьяне — это какія-то дѣти, ничего не понимающія, ничего не знающія, которыхъ надо вести какъ барановъ“. Между тѣмъ, крестьяне — „полноправные граждане русскаго государства. У нихъ и индивидуумы есть, и общественность,

но и то, и другое земскій начальникъ порабощаетъ деспотизмомъ... Крестьянину онъ приказываетъ, какъ въ помѣщичьи времена приказывалъ господскій бурмистръ; общественные сходы должны разсуждать и рѣшать такъ, какъ этого хочетъ земскій начальникъ, какъ онъ приказываетъ,—словомъ, порабощеніе личности и общественной свободы полное". Прочитавъ эти слова, мы пожалѣли о томъ, что въ „Гражданинѣ“ такъ трудно отличить правду отъ вымысла, бесѣды, происходившія на самомъ дѣлѣ, отъ бесѣды, сочиненныхъ по типу „литературныхъ діалоговъ“. Весьма любопытно было бы знать, были ли слова, приведенныя нами выше, дѣйствительно произнесены предводителемъ дворянства? Если были, то за ними слѣдуетъ признать немаловажное значеніе. *Возможность* такого отзыва со стороны предводителя дворянства мы отнюдь не отрицаемъ: намъ самимъ довелось прочесть, на дняхъ, письмо одного предводителя, въ которомъ онъ признаетъ, что изъ восьми лицъ, назначенныхъ, по его рекомендаціи, земскими начальниками, „подходящими“ оказалось только двое...

Весьма интересенъ рядъ ходатайствъ, возбужденныхъ недавно закрывшимся съѣздомъ дѣятелей по печатному дѣлу. Между участниками этого съѣзда было очень мало писателей — и тѣмъ не менѣе онъ единогласно призналъ необходимость серьезныхъ перемѣнъ въ нашемъ законодательствѣ о печати. Главныя пожеланія, высказанныя съѣздомъ, касаются освобожденія отъ цензуры сочиненій извѣстнаго объема не только въ столицахъ, но и повсемѣстно; уменьшенія для переводныхъ сочиненій объема, освобождающаго отъ цензуры, съ двадцати листовъ до десяти (т.-е. уравниенія ихъ, въ этомъ отношеніи, съ оригинальными); предоставленія самому издателю рѣшать вопросъ, желаетъ ли онъ выпускать періодическое изданіе подъ цензурой или безъ цензуры (теперь рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ); отиѣны правила, въ силу котораго ни одно періодическое изданіе не можетъ быть основано безъ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ¹⁾; отиѣны залога, требуемаго теперь отъ изданій, выходящихъ безъ цензуры; установленія давности для предостереженій (теперь, какъ

¹⁾ Такъ, повидямому, слѣдуетъ понимать новую редакцію ст. 117 Уст. о ценз. и печ., проектируемую съѣздомъ: „каждый желающій издавать повременное изданіе подаетъ прошеніе въ главное управленіе по дѣламъ печати, при чемъ отъ издателя зависитъ, издавать ли газету (или журналъ, сборникъ) безъ цензуры или подъ условіемъ цензуры“. Что *прошеніе* имѣетъ здѣсь только значеніе *заявленія*—это явствуетъ изъ сравненія съ нынѣшней редакціей, гдѣ прямо идетъ рѣчь объ *испрошеніи разрѣшенія*.

извѣстно, сохраняющихъ силу на неопредѣленное время). Эти пожеланія представляются намъ основательными. Въ самомъ дѣлѣ, почему возможность освободиться отъ цензуры существуетъ теперь только для столичныхъ изданій? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что единственнымъ объясненіемъ этому служить отсутствіе, въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ, особыхъ цензоровъ. Не ясно ли, однако, что небольшой расходъ, сопряженный съ увеличеніемъ числа цензоровъ (обязанности которыхъ, въ менѣе крупныхъ центрахъ, могли бы быть соединяемы, притомъ, съ другими функциями во вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ), не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ потерями, матеріальными и иными, обусловливаемыми подчиненіемъ всѣхъ провинціальныхъ изданій предварительной цензурѣ? Само собою разумѣется, что уравненіе съ столичной прессой желательно не только для не-періодической, но и для періодической провинціальной печати—для послѣдней еще больше, чѣмъ для первой. Печатаніе книги можетъ быть, хотя и не безъ большихъ неудобствъ, перенесено въ столицу—но періодическое изданіе, служащее специально интересамъ извѣстной мѣстности, только въ ней и мыслимо, а подъ дѣйствіемъ цензуры его цѣль сплошь и рядомъ оказывается недостижимой... Почему, далѣе, отъ переводныхъ сочиненій требуется, для освобожденія ихъ отъ цензуры, объемъ болѣе большой, чѣмъ отъ оригинальныхъ? Потому ли, что первыя могутъ быть продаваемы по цѣнѣ болѣе дешевой, чѣмъ послѣднія? На самомъ дѣлѣ разница въ цѣнѣ между тѣми и другими, при равномъ объемѣ, весьма невелика, такъ какъ при наданіи *жизни* авторъ часто довольствуется гонораромъ немногимъ болѣе переводческаго, да и минимальная цѣна десятилистнаго переводнаго сочиненія вовсе не такъ мала, чтобы оно могло проникнуть въ среду народа. Или, быть можетъ иностранная литература считается болѣе опасными, чѣмъ наша? Но вѣдь для устраненія заимствованій, признаваемыхъ вредными, есть достаточно средствъ и помимо цензуры. Если, наконецъ, въ различномъ отношеніи къ сочиненіямъ оригинальнымъ и переводнымъ слѣдуетъ видѣть нѣчто въ родѣ привилегіи для отечественной литературы, то нужно было бы узнать, дорожитъ ли послѣдняя этой привилегіей, т.-е. желаетъ ли сохранить ее *только* для себя? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отвѣтъ на это получился бы отрицательный... Требованіе залога было вызвано возможностью взысканій, налагаемыхъ по суду—но судебныя преслѣдованія проступковъ печати давно уже составляютъ у насъ величайшую рѣдкость. На покрытіе немногихъ и невысокихъ штрафовъ по дѣламъ о клеветѣ, диффамаци и т. п. у газетъ всегда хватитъ средствъ и помимо залоговъ. Необходимость срока, погашающаго предостереженія, выте-

каеть уже изъ того простаго соображенія, что нѣтъ не только проступка, но даже преступленія, которыхъ не погашала бы давность... Устраненіе тѣхъ, въ большинствѣ случаевъ непреодолимыхъ стѣсненій, которыми обставлено теперь основаніе періодическаго изданія, было бы, наконецъ, первымъ шагомъ къ подведенію печати подъ дѣйствіе *общаго права*.—Многихъ, весьма многихъ вопросовъ, отнюдь не менѣе важныхъ для печати, съѣздъ дѣятелей печатнаго дѣла вовсе не затронулъ; но это и свидѣтельствуетъ о тяжести условій, остановившихъ на себѣ его вниманіе. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что для лицъ, интересъ которыхъ въ печатномъ дѣлѣ имѣеть преимущественно имущественный характеръ, легче всего было бы примириться съ предварительной цензурой, уменьшающей, до извѣстной степени, рискъ матеріальныхъ убытковъ. Оказывается, однако, что больше всего возраженій вызываетъ съ ихъ стороны именно эта цензура. Это весьма характеристично.

Стремясь къ охранѣ своихъ имущественныхъ интересовъ, представители книжной торговли обнаружили, на съѣздѣ, явленія большой общественной важности. Упадокъ книжной торговли, зависящій отъ административныхъ мѣропріятій, знаменуетъ собою потерю не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для всего народа. Торговлѣ народными книгами въ разность повредило въ особенности распоряженіе, обуславливающее ее дозволеніемъ губернатора. Крайне вредно отразилось на книжной торговлѣ и воспрещеніе торговать книгами вмѣстѣ съ другими товарами, такъ какъ специально-книжный магазинъ можетъ существовать даже не во всякомъ губернскомъ городѣ. Въ Великомъ-Устюгѣ прежде торговали книгами 10 торговцевъ на 6.000 р.; теперь ихъ всего двое и торгуютъ они на 3.000 р. Въ Сызрани при другихъ товарахъ книгъ продавалось на 10.000 р.; теперь одна лавка торгуетъ едва на 1.500 р. Съѣздъ постановилъ ходатайствовать о сравненіи книжной и картинной торговли съ торговлей всякимъ другимъ товаромъ... Къ той же категоріи ходатайствъ, непосредственно направленныхъ въ пользу интересовъ частныхъ лицъ, но косвенно имѣющихъ крупное общественное значеніе, принадлежатъ и тѣ, которыя относятся къ предоставленію редакторамъ и издателямъ повременныхъ изданій права открывать, *безъ особаго на то разрѣшенія*, типографіи, кабинеты для чтенія и книжныя лавки.

По поводу большого успѣха публичныхъ лекцій, прочитанныхъ П. И. Вейнбергомъ въ Харьковѣ (а въ прошломъ году—въ Кіевѣ и Одессѣ), въ газетахъ, въ послѣднее время, много говорилось о необходимости организовать подобныя чтенія, въ провинціи, на болѣе широкихъ и прочныхъ основаніяхъ. Совершенно соглашаясь съ этою мыслью, мы не можемъ не замѣтить, что осуществленіе ея крайне

загруднительно, пока дѣйствуетъ нынѣшняя, сложная и медленная процедура разрѣшенія подобныхъ чтеній (по соглашенію мѣстнаго губернатора съ попечителемъ учебнаго округа)—процедура, на точномъ соблюденіи которой еще недавно вновь настаивало министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ къ двумъ инстанціямъ—попечителю учебнаго округа и губернатору—должна присоединяться еще третья: департаментъ полиціи. „При сомнѣніи въ возможности удовлетворенія ходатайства о разрѣшеніи публичной лекціи — сказано въ послѣднемъ разъясненіи по этому предмету, — или по характеру избранной для чтенія темы, или же въ виду имѣющихся неблагопріятныхъ указаній относительно благонадежности лектора, губернатору надлежитъ, прежде сообщенія попечителю учебнаго округа просимаго имъ заключенія, входить въ сношенія съ департаментомъ полиціи“. Не трудно разсчитать, сколько времени потребуется на полученіе разрѣшенія, напримѣръ, въ Саратовѣ, если для этого необходимо обратиться съ прошеніемъ въ Казань (саратовская губернія входитъ въ составъ казанскаго учебнаго округа), откуда пойдетъ бумага въ Саратовъ, затѣмъ можетъ быть въ Петербургъ, потомъ опять въ Саратовъ, еще разъ въ Казань и наконецъ въ послѣдній разъ въ Саратовъ (окончательный отвѣтъ на прошеніе). Распространеніе просвѣщенія путемъ публичныхъ лекцій встрѣчаетъ у насъ такія же препятствія, какъ и распространеніе его другими путями.

Въ законодательной области бывають вопросы, которые можно назвать закодированными. Они не сходятъ со сцены въ продолженіе дѣльныхъ десятковъ лѣтъ, но никакъ не могутъ получить окончательнаго разрѣшенія. Таковы, напримѣръ, вопросы о введеніи гипотечной системы, о преобразованіи опеки, выдвинутые въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и все еще остающіеся вопросами. Еще раньше, въ 1847 г.— ютти *полотка* тому назадъ! — признана была необходимость новаго вексельнаго устава, вмѣсто обнародованнаго въ 1832 г.—и все-таки иъ до сихъ поръ остается неизданнымъ. Работали коммиссіи и совѣщанія, требовались заключенія разныхъ вѣдомствъ, собирались мнѣнія экспертовъ, русскихъ и иностранныхъ—но все это вело лишь къ замѣнѣ однихъ предположеній другими, и только въ 1884 г. проектъ вексельнаго устава былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Это было, однако, лишь началомъ новыхъ мытарствъ: министерство финансовъ (при И. А. Вышнеградскомъ) занялось переработкой статей проекта, совѣщаніе 1891 г. не пришло къ рѣшительному результату, въ государственной канцеляріи составлены были

два варианта устава, сходные по содержанию правил, но различные по их группировкѣ—и наконецъ, въ 1893 г., представленъ въ государственный совѣтъ новый и по существу проектъ, принадлежащій перу проф. Цитовича. Одновременно съ этимъ разгорѣлась полемика въ печати: въ „Журналѣ Юридическаго Общества“ (а затѣмъ и отдѣльно) появилась статья А. А. Книрима (одного изъ авторовъ проекта 1884 г.), посвященная разбору проекта г. Цитовича; послѣдній отвѣчалъ особой брошюрой: „Къ вопросу о вексельномъ уставѣ“ (Спб., 1895). Предметъ спора такъ специаленъ и такъ сложенъ, что разсматривать его подробно мы, безъ сомнѣнія, не станемъ; мы хотимъ только коснуться нѣкоторыхъ деталей, не лишенныхъ общаго интереса. Уже въ 1887 г., возражая, въ особой брошюрѣ („Вексель и задача его кодификаціи въ Россіи“), противъ проекта 1884 г., г. Цитовичъ прибѣгалъ къ довольно страннымъ полемическимъ приемамъ. Онъ подчеркивалъ „національность именъ“ составителей проекта (фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ — повидимому иностраннаго происхожденія) и обвинялъ ихъ въ томъ, что они, работая „чуть не подъ диктовку иностраннаго посла“ (1), „преслѣдовали цѣли второстепенныя для русскаго законодательства“ (всемирное вексельное право). „Въ итогѣ итоговъ“ проектъ 1884 г. казался г. Цитовичу не „серьезной работой озабоченнаго своимъ предметомъ законодателя, а вздутымъ самодовольнымъ Schwindel особой спеціальности—промысловаго законодательства“. Все это далеко не соответствовало нормальнымъ условіямъ научной контroversы, не допускающей ни заподозриванія мотивовъ, ни розысковъ о національности противника¹⁾—но, къ сожалѣнію, ничего необычнаго здѣсь не было; примѣры подобной „ученой“ полемики встрѣчались и прежде. Совершенно новымъ является перенесеніе ея на официальную почву. Въ объяснительной запискѣ, составленной г. Цитовичемъ къ проекту 1893 г., встрѣчается слѣдующее мѣсто: „со стороны юридической техники вексельный уставъ (нынѣ дѣйствующій) крайне несовершенный; въ немъ нѣтъ ни одной статьи, отчетливо сознанный по содержанию, точно и ясно выраженной по формѣ. *Подобный уставъ мотъ сочинить разве экспертъ*“. Съ перваго взгляда послѣдняя фраза совершенно непонятна: по обыкновенному словоупотребленію, *экспертъ* — человекъ знающій, отъ котораго, по теоріи вѣроятностей, можно ожидать работы хорошей, а не „крайне несовершенной“. Оказывается, что, говоря пренебрежительно объ экс-

¹⁾ У насъ въ Россіи не-русскую фамилію сплошь и рядомъ носятъ люди многіе русскіе по воспитанію, чувствамъ, интересамъ, умственному складу, и даже православію. Намеки въ родѣ тѣхъ, которые дѣлалъ г. Цитовичъ, должны быть признаны, поэтому, не только некрассивны, но и лишенными всякаго серьезнаго значенія.

чертъ, г. Цитовичъ имѣлъ въ виду тѣхъ специалистовъ, которые, подъ именемъ экспертовъ, принимали участіе въ совѣщаніи о вексельномъ уставѣ, происходившемъ въ государственномъ совѣтѣ въ 1891 г., и въ числу которыхъ принадлежалъ одинъ изъ главныхъ составителей ненавистнаго г. Цитовичу проекта 1884 г. Этого достаточно, чтобы выраженіе *экспертъ* обратилось, въ устахъ г. Цитовича, чуть не въ бранное слово. Въ брошюрѣ, въ журнальной статьѣ такое превращеніе могло бы пройти незамѣченнымъ или подвергнуться критикѣ лишь съ точки зрѣнія его успѣшности или неуспѣшности; но въ объяснительной запискѣ, идущей, официально, не отъ лица ея составителя, а отъ имени цѣлаго вѣдомства, оно представляется чѣмъ-то совершенно небывалымъ... Не менѣе удивительно, хотя и по другимъ причинамъ, то мѣсто объяснительной записки, которое касается передаточной надписи. По ст. 34 проекта, составленнаго г. Цитовичемъ, „передаточная надпись (на векселѣ) можетъ быть именная или бланковая; та и другая есть передаточная надпись полная“. Примѣчаніе къ той же статьѣ гласитъ, что „бланковая надпись выполненная есть надпись именная“. Въ объяснительной запискѣ приведены, по этому поводу, слѣдующія соображенія: „проектъ допускаетъ превращеніе бланковой надписи въ именная или такъ называемое выполненіе. Эта необходимая, но крайне опасная манипуляція передаточной надписи: а) не выставлена какъ *право* и на показъ, а спрятана въ примѣчаніе къ ст. 34, б), обозначена техническимъ терминомъ, понятнымъ не для всякаго. Напр., извозчикъ, который найдетъ вексель на улицѣ или послѣ сѣдока, чего добраго задумалъ бы воспользоваться *правомъ* превратить бланковую надпись найденнаго векселя въ именная на свое имя“. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ничего подобнаго не встрѣчалось до сихъ поръ ни въ одной объяснительной запискѣ. Никогда еще и нигдѣ не высказывалась мысль, что примѣчаніе къ статьѣ закона менѣе доступно и менѣе замѣтно, чѣмъ самая статья; никогда и нигдѣ законодатель не заботился о томъ, чтобы *спрятать* свою мысль въ примѣчаніе или какъ-нибудь иначе; никогда и нигдѣ законодатель не прибѣгалъ къ техническимъ терминамъ съ цѣлью сдѣлать законъ менѣе понятнымъ, т.-е. уничтожить одно изъ главныхъ его достоинствъ или, лучше сказать, одно изъ существенныхъ его условий. На замѣчанія г. Книрича по этому вопросу г. Цитовичъ, вообще чрезвычайно многословный, отвѣчаетъ, въ своей брошюрѣ (стр. 22), только ссылкой на объяснительную записку, повторяя, что „выполненіе бланковой надписи“ *спрятано* въ примѣчаніи, но ничего не говоря въ защиту этого новаго способа игры въ прятки... О внѣшней формѣ проекта г. Цитовича можно судить по ст. 41-ой: „взаим-

ное предшествованіе передаточныхъ надписей опредѣляется порядкомъ ихъ слѣдованія. Надписатели взаимно предшествуютъ и слѣдуютъ другъ другу, какъ предшественники и преемники, въ порядкѣ ихъ предъидущихъ и слѣдующихъ надписей⁴. Подробно защищая эту редакцію противъ нападеній г. Книрима, г. Цитовичъ допускаетъ, что *взаимною предшествованіемъ* нѣтъ при двухъ надписяхъ, но считаетъ его несомнѣннымъ при *нѣсколькихъ* надписяхъ; при девяти надписателяхъ, напримѣръ, у пятаго будетъ четыре предшественника и четыре преемника. Въ этомъ никто и не сомнѣвается: весь вопросъ въ томъ, гдѣ же тутъ *взаимное* предшествованіе? Второй надписатель предшествуетъ третьему, но третій не предшествуетъ второму: *взаимности*, т. е. тождества или сходства отношеній, здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Вся вообще редакція ст. 41-ой грѣшитъ крайней неточностью и неясностью; послѣдняя часть ея, напримѣръ, по буквальному своему смыслу предполагаетъ *нѣсколько* надписей каждаго надписателя, между тѣмъ какъ объ этомъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и рѣчи... Приведемъ еще одинъ образецъ изложенія г. Цитовича, который дастъ намъ случай познакомиться и съ его юридической аргументаціей. По 2-ой статьѣ проекта „несовершеннолѣтній, достигшій семнадцатилѣтняго возраста, можетъ обязываться по векселямъ безъ согласія попечителя, если имѣетъ торговое или промышленное заведеніе, а также если ведетъ хозяйство въ качествѣ землевладѣльца или арендатора“. Неточность редакціи, по справедливому замѣчанію г. Книрима, заключается здѣсь въ томъ, что *обладаніе* промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ поставлено на одинъ уровень съ *веденіемъ* сельскаго хозяйства. Залогомъ вексельной способности въ обоихъ случаяхъ служить, очевидно, *самостоятельная дѣятельность* векселедателя; условіемъ ея нужно было поставить, слѣдовательно, не *имѣніе* промышленнаго или торговаго заведенія, а *завѣдываніе* имъ. Въ самомъ содержаніи статьи г. Книримъ усмотрѣлъ нѣчто въ родѣ эманципаціи несовершеннолѣтняго, неполной и односторонней, и нашелъ, что едва ли логично предоставлять несовершеннолѣтнему обязываться, безъ согласія попечителя, векселями, пока согласіе это требуется для другихъ актовъ, даже менѣе важныхъ. Что же отвѣчаетъ на это г. Цитовичъ? Онъ утверждаетъ, въ двухъ мѣстахъ своей брошюры (стр. 8 и 98), что эманципація несовершеннолѣтнихъ уже теперь существуетъ въ Россіи, даже въ большемъ объемѣ, чѣмъ гдѣ-либо, и доказываетъ это ссылкою на ст. 220 т. X ч. I Св. Зак. Гражд. Но вѣдь ст. 220-ая опредѣляетъ права, общія всѣмъ несовершеннолѣтнимъ, и столь же общія правоограниченія, между тѣмъ какъ подъ именемъ эманципаціи несовершеннолѣтнихъ разумѣется освобожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ

отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ ограниченій, которымъ подчинены несовершеннѣйшіе вообще. Никакой эманципаціи, поэтому, ст. 220-ая не устанавливаетъ.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы пожелать, вмѣстѣ съ г. Книрикомъ, примѣненія къ проекту г. Цитовича порядка, соблюдавшагося по отношенію къ прежнимъ проектамъ вексельнаго устава, т.-е. возможно широкаго и гласнаго его обсужденія, прежде разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ.

Въ газетахъ появился слухъ о предстоящемъ упраздненіи весьма недавно созданнаго—или, правильнѣе, восстановленнаго—учрежденія: особаго управленія инспекторскою частью гражданскаго вѣдомства. Со стороны различныхъ министерствъ представлены указанія на серьезныя неудобства, сопряженныя съ этимъ учрежденіемъ—медленность назначеній, неопредѣленность положенія многихъ должностныхъ лицъ, значительное усиленіе переписки, ростъ непроизводительныхъ расходовъ. „Замѣчательно, — говорить „Новое Время“, — что учрежденіе, призванное охранять законность въ движеніи бюрократическаго люда, само возникло съ безпримѣрнымъ почти игнорированіемъ требованій, которыя поставлены въ основныхъ законахъ для образованія новыхъ правительственныхъ учрежденій, имѣющихъ постоянное назначеніе и существующихъ на основаніи штатовъ и положеній: учрежденіе инспекторскаго департамента состоялось помимо государственнаго совѣта и безъ предварительнаго сношенія съ заинтересованными вѣдомствами“. Въ этихъ словахъ есть только одна неточность: „игнорированіе требованій“, заключающихся въ основныхъ законахъ, у насъ далеко не безпримѣрно (см. наше январское Внутр. Обзорѣніе). Нужно надѣяться, что настоящій случай обнаружитъ съ особенною яркостью необходимость законности въ изданіи законовъ... Говоря, въ іюлѣ прошлаго года, о восстановленіи инспекторской части, мы выразили увѣренность, что злоупотребленій, вытекающихъ изъ протекціи, оно не устранивъ, а къ болѣе нормальному регулированію служебныхъ условій можетъ привести только пересмотръ устарѣлыхъ и именно потому постоянно обходимыхъ правилъ. Такого пересмотра и слѣдуетъ ожидать въ настоящее время, если подтвердится слухъ о новой пережвѣвѣ въ организаціи надзора за прохожденіемъ гражданской службы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ смерть И. А. Вышнеградскаго была бы событіемъ въ нашей государственной жизни; теперь она прошла почти незамѣченной. Дѣятельность его, какъ министра финансовъ,

продолжаетъ находить весьма различную оцѣнку, но во всякомъ случаѣ не слышно болѣе восторговъ, которые она возбуждала въ 1887—1889 г., равно какъ замолкли и злобныя нападенія на его предшественника. Будущее покажетъ, какой періодъ нашей финансовой исторіи принесъ, въ концѣ концовъ, больше пользы: первая ли половина восьмидесятыхъ годовъ, съ ея дефицитами—и преобразованіемъ основъ податнаго строя, или вторая, съ ея блестящими балансами—и преращеніемъ коренныхъ преобразованій.

ЗЕМСТВО ПО ПОЛОЖЕНІЮ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ 12 ІЮНЯ 1890 Г.

III *).

Къ положенію 12-го іюня 1890 г. приложены правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи земскихъ смѣтъ и раскладокъ. Въ сущности они почти одинаковы съ бывшими прежде^{см} правилами о земской росписи, земскихъ смѣтахъ и раскладахъ. Единственное серьезное нововведеніе заключается въ 3-й статьѣ новыхъ правилъ, по которой нынѣ обязательно вносится въ земскія смѣты: „а) сумма (запасная) на непредвидѣнныя издержки и недоборъ въ доходахъ, назначаемая въ размѣрѣ не свыше пяти процентовъ общаго итога расходовъ, а съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и свыше сего предѣла; и б) сумма въ размѣрѣ^{см} не менѣе двухъ процентовъ смѣтнаго итога окладныхъ земскихъ сборовъ^{см}; отчисляется для образованія оборотнаго капитала до тѣхъ поръ, пока совокупность ежегодныхъ на сей предметъ отчисленій не достигнетъ полугодового оклада земскихъ сборовъ^{см}“. Несомнѣнно, введеніе предусмотрительности въ земскія смѣты, разъ такой не было, является съ перваго взгляда только полезнымъ. Всякое увеличеніе расхода въ земской смѣтѣ приводитъ къ соответственному повышенію и дохода, получаемому увеличеніемъ взиманія съ предметовъ обложенія земскимъ сборомъ. Такъ какъ съ патентовъ, торговыхъ свидѣтельствъ и т. п. земство беретъ уже все то, что законъ ему позволяетъ, то неограниченнымъ предметомъ обложенія для земства остается только земля, съ которой и взимается всякое увеличеніе земскихъ расходовъ. Незнакомый съ настоящимъ положеніемъ какъ землевладѣнія, такъ и земскихъ финансовъ, прочтя вышеприведенную 3-ю статью новыхъ правилъ, не можетъ придти къ другому заключенію, какъ къ тому, что благосостояніе землевладѣнія вполне окрепло, обезпечено; что земство также вполне успѣшно справляется съ удовлетвореніемъ указанныхъ ему закономъ мѣстныхъ нуждъ, и наконецъ пришла потому пора подумать о будущемъ, когда и благосостояніе и успѣшность могутъ пошатнуться. Обязательное отчисленіе въ земскихъ смѣтахъ, нынѣ требуемое для обезпеченія ихъ будущности,

*) См. выше: апр., 826 стр.

не настолько значительно, чтобы быть серьезнымъ отягощеніемъ земскихъ плательщиковъ; но оно крайне важно какъ официальное мнѣніе о настоящемъ положеніи земскаго хозяйства, о которомъ и безъ того нельзя не говорить, разъ рѣчь идетъ о земствѣ и его дѣятельности.

Чтобы ознакомиться съ положеніемъ земскихъ финансовъ, нельзя избѣгнуть подробностей ихъ веденія. Въ главныхъ чертахъ земское хозяйство всюду почти одинаково, и также одинаково настоящее трудное его положеніе; возьмемъ для примѣра смѣту на 1895 годъ, доложенную мокшанскому уѣздному собранію въ концѣ сентября 1894 г., и рассмотримъ ее во всѣхъ ея частяхъ, а затѣмъ только коротко коснемся губернскихъ земскихъ расходовъ и способа ихъ удовлетворенія.

Уѣздные расходы мокшанскаго земства, какъ и всякаго другого, дѣлятся на обязательные и необязательные. Къ первому разряду принадлежить: квартирное довольство судебному слѣдователю и полиціи 1.150 р.; пособіе казнь на содержаніе преобразованныхъ уѣздныхъ учрежденій, согласно закону 12 іюля 1889 г., 7.150 р.; содержаніе арестнаго помѣщенія въ г. Мокшанѣ 690 р.; пособіе Лунинскому образцовому училищу, согласно Высочайше утвержденному 27 октября 1878 года мнѣнію государственнаго совѣта, 300 р.; на содержаніе 77 лошадей при 10 станціяхъ для развѣзда полиціи и другихъ лицъ, имѣющихъ по закону право на подводъ безплатно или платно, 9.625 р. Необходимо объяснить, что мокшанскій уѣздъ, сравнительно небольшой, растянутъ лентой, и потому, несмотря на постоянныя старанія и ходатайства земскаго собранія такъ или иначе уменьшить послѣдній расходъ, онъ не только не сокращался, но въ годы дороговизны овса еще увеличивался. Итогъ обязательныхъ расходовъ 18.915 рублей. Необязательные расходы: содержаніе управы и канцеляріи при ней 6.100 р.; страхованіе зданій, принадлежащихъ земству—494 р., на народное образованіе 3.735 р. Въ мокшанскомъ земствѣ еще въ 1868 г. принято за правило каждому открываемому первоначальному училищу, находящемуся въ вѣденіи уѣзднаго училищнаго совѣта, выдавать 130 р. ежегоднаго пособія, кѣмъ бы оно ни было открыто: сельскимъ обществомъ, волостью или частнымъ лицомъ. Единственное исключеніе—мокшанское городское женское училище, получающее 425 р. въ годъ. Въ вѣденіи уѣзднаго училищнаго совѣта было въ 1894 г. 27 училищъ, а въ 1895 г. будетъ 28; послѣднее, двадцать-восьмое уже открыто, но получать земское пособіе будетъ по смѣтѣ 1895 г. На народное здравіе тратится земствомъ 18.152 р. На эту сумму содержатся двѣ больницы: одна въ г. Мокшанѣ на 31 кровать, другая въ с. Лунинѣ на

20. Игнѣются два доктора, восемь фельдшеровъ при больницахъ и на пунктахъ, три акушерки, три оспопрививателя и двѣ сестры милосердія. Больные лечатся бесплатно въ больницахъ, а также при амбулаторномъ леченіи получаютъ медикаменты бесплатно. Кромѣ того въ смѣту на 1895 г. былъ внесенъ новый расходъ вслѣдствіе требованія закона 8 іюня 1893 г. на оцѣнку недвижимыхъ имуществъ—2.305 р. Расходъ этотъ многими гласными былъ признанъ и чрезмѣрнымъ, и излишнимъ. Въ собраніи однако выяснилось, что требованіе правительства должно быть исполнено; затѣмъ, если правительство желаетъ дѣйствительной, точной оцѣнки земли, то она неминуемо потребуетъ значительныхъ расходовъ по измѣренію и расцѣнкѣ всѣхъ частей землевладѣнія, разнохарактерность которыхъ относительно почвы, урожайности и выгодности встрѣчается очень часто въ пахотной землѣ одного владѣнія, не говоря уже о лугахъ и особенно лѣсахъ. Если же правительственныя требованія удовлетворятся поверхностной, приближительной оцѣнкой земли, то никакого расхода не будетъ нужно, ибо въ мокшанскомъ уѣздѣ классификація земли установлена вскорѣ по введеніи земскихъ учрежденій; на нее никто не жалуется, и она принята правительствомъ въ основаніе при взиманіи государственнаго поземельнаго сбора. Собраніе разрѣшило внести въ смѣту требуемую сумму. На уплату процентовъ по займамъ земства было еще внесено 1.427 р. 45 к. Въ общемъ смѣта на 1895-й годъ составляла 51.128 р. 45 к.; съ прибавленіемъ же требуемыхъ нынѣ положеніемъ 12-го іюня 1890 г. 5%—2.556 р. 42 к. и 2%—1.002 р. 8 к. къ обложенію земскихъ плательщиковъ подлежало 54.686 р. 95 к. Смѣта еще нѣсколько увеличилась включеніемъ въ нее расхода по ремонту больничныхъ зданій, по уплатѣ одному фельдшеру награды за четырнадцатилѣтнюю его службу и на покупку самолетнаго ткацкаго станка для Скачковскаго училища, учительница котораго по собственному почину и на собственные средства ѣздила въ г. Пензу, гдѣ занималась у командированной министерствомъ земледѣлія г-жи Доливо-Добровольской усовершенствованнымъ тканьемъ. Все это экстренные расходы, которые могли быть и не быть;—главное, желательно, чтобы читающая публика ознакомилась съ нормальной, такъ сказать, расходной смѣтой уѣзда и затѣмъ съ характеромъ земскихъ расходовъ, равно и съ отношеніемъ земскихъ собраній къ этимъ расходамъ. Дополнительные, вышеупомянутые расходы были приняты собраніемъ не безъ возраженій, не безъ вреній. Слушая споры по вопросу, дать или не дать 25 р. награды фельдшеру и тому подобное, невольно улыбаешься при мысли, что существуетъ теченіе въ общественномъ

она не уменьшалась, а скорѣе увеличивалась. Что значитъ такая недоимка? Чѣмъ она на практикѣ сказывается? Полною невозможностью вести дѣло со стороны исполнительныхъ органовъ земства; а при желаніи этихъ органовъ поддержать во что бы то ни стало существующія земскія учрежденія—задолженностью крупною и мелкою. Земство своихъ средствъ не имѣетъ; оно можетъ исполнить указанныя ему закономъ обязанности только тѣми сборами, которые ему разрѣшены тѣмъ же закономъ, и разъ сборы не поступаютъ, остается одно изъ двухъ: или прекратить свое существованіе, или должать. Недостаточное поступленіе земскихъ сборовъ — явленіе давнишнее, принявшее дѣйствительно въ послѣднее время острую форму вслѣдствіе своей продолжительности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мокшанское земское собраніе разрѣшило управѣ занять у частнаго лица 14.000 р. изъ десяти процентовъ годовыхъ. Съ тѣхъ поръ, при все увеличивающейся недоимкѣ, не только не удалось уплатить этотъ долгъ, но въ 1893 г. земское уѣздное собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о ссудѣ въ 51.000 р., для расплаты съ кредиторами земства. Губернское земское собраніе одобрило это ходатайство; но правительство не признало положеніе мокшанскаго земства настолько опаснымъ, чтобы выдать ему просимую сумму, а отпустило только 25.000 р. И то была великая помощь. Благодаря ей стало возможнымъ полученіе медикаментовъ, и медицинскій, а также учительскій персоналъ нѣсколько поправился (онъ бѣдствовалъ чуть не до голода). Положеніе мокшанскаго земства далеко не исключительное, не единичное. Все земство страдаетъ болѣе или менѣе отъ недоимокъ, и потому желательно ихъ выясненіе. Говоря только о мокшанскомъ земствѣ, мы тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени поможемъ разрѣшенію и общаго вопроса.

Изъ вышеприведенной вѣдомости недоимокъ уѣзднаго сбора по мокшанскому уѣзду видно, что на землѣ частныхъ лицъ недоимка хотя и значительна, но она уменьшилась въ 1893 г. и, въ общемъ, менѣе годового оклада. Изучая земскіе отчеты за нѣсколько лѣтъ, видно, что цифра этого разряда недоимокъ мало измѣняется и переходитъ изъ года въ годъ почти въ одинаковомъ размѣрѣ. Это объясняется тѣмъ, что по закону къ описи имущества земскихъ недоимщиковъ, частныхъ лицъ, можно приступить не иначе какъ по истеченіи восемнадцатимѣсячнаго срока по зачисленіи платежа въ недоимку. Необходимо еще добавить, что частныя лица платятъ пеню въ размѣрѣ одного процента въ мѣсяць, что до нѣкоторой степени возмѣщаетъ земству тѣ затрудненія и расходы, которые оно несетъ вслѣдствіе неаккуратности поступления слѣдующихъ ему платежей. Не таково положеніе сельскихъ обществъ относительно

лежащей на нихъ недоимки, за которую они никакой пени не платятъ. При меньшемъ окладѣ она значительнѣе. При окладѣ въ 16.499 р. 25 к. недоимка сельскихъ обществъ къ 1 января 1893 г. составляла 38.600 р. 8 коп., а къ 1 января 1894 г. возросла до 50.064 р. 54¹/₂ коп., т.-е. болѣе чѣмъ три годовыхъ оклада. Такое положеніе заставляетъ предполагать, что 1893 годъ, признанный вообще урожайнымъ и вслѣдствіе сего, по принятому взгляду, упрочившимъ благосостояніе крестьянства, въ дѣйствительности былъ бѣдственнымъ для сельскихъ обществъ, если они въ продолженіе его не могли внести такой сравнительно ничтожный платежъ, какъ шестнадцать съ половиною тысячъ рублей, тогда какъ крестьянскаго населенія въ уѣздѣ числится, по свѣденіямъ губернскаго статистическаго комитета за 1893 годъ, 90.128 человекъ. Такое заключеніе было бы не вполнѣ правильно: при окладѣ въ 187.612 р. сельскія общества мокшанскаго уѣзда внесли въ 1893 году казенныхъ сборовъ 184.251 р., т.-е. 98,2⁰/₁₀₀ оклада и кромѣ того еще мірскихъ сборовъ 50.816 р. при окладѣ послѣднихъ въ 50.142 р., т.-е. болѣе оклада. Изъ приведенныхъ послѣднихъ двухъ цифръ очевидно, что сельскія общества мокшанскаго уѣзда справились успѣшно въ 1893 г. съ гораздо болѣе крупными платежами, чѣмъ уѣздный земскій сборъ. Но не одна недоимка по этому сбору тяготѣетъ надъ ними; надо къ ней прибавить еще губернской земскій сборъ, котораго къ 1 января 1894 г. числилось въ недоимкѣ 20.077 р. 9³/₄ коп., и еще крайне важный страховой платежъ по обязательному страхованію. Не всякому, пожалуй, извѣстно, что земское страхованіе дѣлится на добровольное и обязательное: первое руководствуется тѣми же основаніями, что и коммерческія страховыя общества, и тутъ недоимокъ быть не можетъ; второе учреждено только для сельскихъ обществъ и въ случаѣ пожара уплачиваетъ опредѣленную за каждую изъ крестьянскихъ построекъ сумму. По обязательному страхованію страховые платежи вносятся крестьянами вмѣстѣ съ податями, но безъ круговой поруки. Полагаю, нѣтъ надобности распространяться о пользѣ, даже необходимости правильнаго поступленія страховыхъ платежей, безъ которыхъ земство не въ состояніи уплачивать премии при пожарахъ, къ несчастью, часто случающихся. Недоимка страховыхъ платежей по мокшанскому уѣзду къ 1-му января 1893 г. была 112.373 р. 5³/₄ к., а къ 1-му января 1894 г. составляла уже 137.690 р. 54³/₄ коп. Очень вразумительны цифры по всей губерніи: къ 1-му января 1893 г. недоимка страховыхъ платежей по всей губерніи составляла 1.104.135 р. 82³/₄ коп., а къ 1-му января 1894 г. 1.357.071 р. 15 коп., т.-е. при годовомъ окладѣ въ 420.502 р. 70³/₄ коп. страховая недоимка страховыхъ платежей по губерніи имѣетъ совершенно тотъ же харак-

теперь, что уѣздный земскій сборъ съ мокшанскихъ сельскихъ обществъ: она составитъ болѣе трехъ годовыхъ окладовъ. Какъ же земство ведетъ страховое дѣло при такихъ условіяхъ? такъ же, какъ и все остальное—путемъ займовъ и въ концѣ концовъ посредствомъ правительственныхъ ссудъ, разрѣшаемыхъ подлежащими учрежденіями по всестороннему разсмотрѣніи и обсужденіи представленныхъ ходатайствъ.

Настоящее положеніе земскихъ финансовъ можетъ привести къ заключенію, что земскія собранія и ихъ исполнительные органы—управы—относились, какъ принято говорить, халатно къ своимъ обязанностямъ и запустили недоимку всѣхъ земскихъ сборовъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ она нынѣ уже превышаетъ платежную способность крестьянскаго населенія. Такое заключеніе будетъ крайне ошибочно. Прежде всего необходимо принять въ соображеніе, что земство и его органы не имѣютъ ни права, ни возможности взимать закономъ разрѣшенные земскіе сборы. Это лежитъ на обязанности полиціи, и земскимъ собраніямъ ничего другого не оставалось, какъ ходатайствовать предъ администраціей, отъ которой зависитъ дѣятельность полиціи, чтобы взиманіе земскихъ сборовъ производилось согласно существующимъ на сей предметъ узаконеніямъ. Такъ и поступали земскія собранія. Для примѣра укажу на постановленіе пензенскаго губернскаго земскаго собранія 12 декабря 1887 года, состоявшагося по ходатайству керенскаго уѣзднаго земскаго собранія относительно распредѣленія казначействами поступающихъ въ оное платежей по казеннымъ и земскимъ сборамъ. Губернское собраніе по сему случаю ходатайствовало передъ правительствомъ объ упорядоченіи земскихъ сборовъ и повторяло свои ходатайства въ томъ или другомъ видѣ чуть не ежегодно, несмотря на ихъ безуспѣшность.

Для выясненія вопроса о порядкѣ поступленія земскихъ сборовъ приведу вкратцѣ весьма обстоятельный докладъ по сему предмету губернской управы пензенскому губернскому земскому собранію въ его сессію 11—20 декабря 1893 года. Сообщая, что недоимка земскихъ сборовъ уѣзднаго и губернскаго къ 1-му января 1892 г. составляла 1.129.333 р. 23³/₄ к., а къ 1-му ноября того же года увеличилась до 1.520.420 р. 65 коп., т.-е. болѣе трехъ годовыхъ окладовъ; страховая же къ тому числу представляла собой цифру въ 1.108.514 р. 93 коп., управа признаетъ, что такое положеніе нельзя объяснить однимъ неудовлетворительнымъ экономическимъ состояніемъ населенія губерніи, но скорѣе существующимъ порядкомъ взиманія земскихъ сборовъ, объ измѣненіи котораго неоднократно ходатайствовали земскія собранія—губернское и уѣздныя.

Недоимка земскихъ сборовъ существовала прежде настоящаго дѣйствительнаго обѣдѣнія населенія. Къ 1-му января 1889 г., несмотря на предъидущій вполне удовлетворительный урожай, ее уже числилось 573.900 р. 90 коп. Управа затѣмъ напоминаетъ собранію, что, согласно 90 ст. IV т. св. зак. уст. о подат. изданія 1857 г., было установлено, чтобы изъ вносимыхъ плательщиками суммъ покрывались прежде всего сборы на мѣстные потребности и уже затѣмъ остальная сумма поступала бы на уплату слѣдующихъ въ казну сборовъ. Та же статья въ изданіи 1876 г. была измѣнена слѣдующимъ образомъ: изъ внесенныхъ плательщиками суммъ, если ими не указана сборъ, въ который эти суммы должны поступить, отчисляются только 12% въ пользу земскихъ сборовъ. Эти 12%, хотя и недостаточны для пополненія земскихъ сборовъ, нерѣдко совѣмъ не отчисляются.

Остановимся на приведенной статьѣ въ редакціи 1876 г. Ею предоставляется на волю каждаго плательщика вносить свои деньги въ казначейство именно въ тотъ разрядъ сборовъ, въ который онъ желаетъ. Какъ бы ни ходатайствовали земскія собранія, но это ни къ чему не приведетъ, если сельскія общества предпочитаютъ платить болѣе крупныя казенныя сборы, а воздерживаются вслѣдствіе сего отъ взноса болѣе легкихъ земскихъ. Дѣйствительно, нельзя стѣснять обезпеченную закономъ свободу плательщиковъ вносить свои деньги туда, куда они желаютъ. Со стороны сельскихъ обществъ, однако, никакой враждебности къ земству, его расходамъ, а слѣдовательно и къ сборамъ, долженствующимъ покрыть эти расходы, положительно нѣтъ. Крестьянство прекрасно понимаетъ и видитъ всю ту пользу, которую именно оно получаетъ отъ земства. Прежде дѣйствительно существовавшее предубѣжденіе противъ докторскаго леченія и особенно противъ больницы давно исчезло въ крестьянствѣ. Теперь чаще слышишь жалобы на непринатіе въ больницу и просьбы помѣстить туда. Нѣтъ, не по своей волѣ крестьянство даетъ предпочтеніе казеннымъ сборамъ. Какъ взыскиваются съ него эти сборы, прекрасно извѣстно не однимъ только живущимъ въ деревнѣ, и врядъ ли нужно воспроизводить эту грустную картину. Надо отдать полную справедливость мѣстной администраціи. Во взысканіи казенныхъ сборовъ она, въ послѣднее время, достигла своего рода художественности, проявляемой въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Правда, выражаясь мягко, употребляются крутыя приемы; но они, вслѣдствіе долготѣнейшей практики, вошли уже въ обычай. Приводить ли таковая дѣятельность, однако, къ достиженію намѣченной цѣли? Нисколько-

Къ 1 января 1893 г. недоимки казенныхъ сборовъ съ сельскихъ обществъ числилось по всей пензенской губерніи 5.208.042 р. 99 коп.
 Къ 1-му же января 1894 г. ея было 5.404.966 р. 45 коп.

Собственно недоимка значительна только по выкупнымъ платежамъ, а именно она

къ 1 января 1893 г. была . . . 5.082.761 р. 21 коп.
 „ 1 января 1894 г. „ . . . 5.318.805 „ 73 „

Въ сущности, если и эту недоимку сравнить съ земской, то она значительно меньше ея, правда относительно, такъ какъ составляетъ съ небольшимъ два оклада (годовой окладъ 2.504.459 р. 47 к.). По государственному же поземельному сбору, при годовомъ окладѣ въ 219.366 р. 70 коп., за сельскими обществами къ 1-му января 1894 г. состояло недоимки всего 18.832 р. 83 коп. для всей губерніи.

Правда, при той второстепенной роли, которую играютъ прямыя налоги передъ косвенными въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, Россія можетъ успѣшно прожить и при бѣльшей недоимкѣ выкупныхъ платежей; но земство не можетъ существовать безъ земскихъ сборовъ. Трудность взысканія всякихъ сборовъ съ сельскаго населенія зависитъ не отъ того или другого порядка этого взысканія, не отъ того или другого вѣдомства, коему оно поручено, а кроется гораздо глубже. Причина одна,—сельское населеніе разорено, и не въ одной только пензенской губерніи. Общественное мнѣніе уже обратило вниманіе на это явленіе и, между прочимъ, ожидается отъ земства могучаго содѣйствія въ улучшеніи быта сельскаго населенія и въ возвращеніи ему утраченнаго имъ благосостоянія. Постараемся, хотя бы коротко, бѣгло разсмотрѣть, въ состояніи ли земство оправдать возлагаемыя на него надежды; но прежде необходимо выяснитъ, исполнило ли земство возложенныя на него закономъ обязанности.

IV.

Одна изъ важнѣйшихъ народныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ по закону земствомъ—первоначальное образованіе, далеко не достигло того развитія, которое желательно. До сихъ поръ грамотность въ деревнѣ—явленіе если уже не исключительное, то все же рѣдкое. Тѣмъ не менѣе земство въ этомъ отношеніи оказало громадную услугу, если припомнить, что такое было первоначальное образованіе до введенія земскихъ учреждений.

Изъ упомянутой уже книги „Двадцатипятилѣтняя дѣятельность пензенскаго земства (1865—1889 гг.)“, мы узнаемъ, что въ учебный

1865—1866 годъ въ пензенской губерніи было 235 первоначальныхъ училищъ (17 городскихъ и 218 сельскихъ). Въ нихъ числилось 7.128 учащихся; о количествѣ же окончившихъ курсъ свѣдѣній не имѣется. Содержаніе этихъ училищъ стоило 22.940 р. Въ 1875 г. училищъ было 282 (23 городскихъ и 259 сельскихъ), учащихся было 14.976; окончило курсъ и выдержало экзаменъ 906. Содержаніе этихъ училищъ стоило 82.208, изъ коихъ 48.464 израсходовано земствомъ. Въ 1889 г. училищъ было 378 (32 городскихъ и 346 сельскихъ), учащихся 22.347; окончило курсъ 3.134. Израсходовано на содержаніе училищъ 190.947 р., изъ коихъ земствомъ 118.392 р.

До введенія земскихъ учрежденій начальныя сельскія народныя училища находились въ вѣденіи палатъ государственныхъ имуществъ, удѣльныхъ управленій и духовенства. По штату, приложенному къ наставленію для управленія училищами у государственныхъ крестьянъ, на содержаніе каждаго училища полагалось 250 р., точно распределенныхъ по разнымъ рубрикамъ. Недостатка, какъ видно, не было ни въ упорядоченіи вопроса о первоначальномъ образованіи, ни въ средствахъ къ его осуществленію. Въ дѣйствительности же болѣе половины училищъ имѣли средства менѣе установленной для нихъ нормы; а въ какомъ положеніи они находились, мы встрѣчаемъ вотъ какой отзывъ отвѣтственнаго учрежденія. Въ отчетѣ пензенской палаты государственныхъ имуществъ за 1863 годъ, между прочимъ, сказано: „и при настоящихъ средствахъ къ развитію народнаго образованія можно было бы ожидать лучшихъ результатовъ, чѣмъ оказывается на дѣлѣ, еслибы сельскія училища имѣли хорошихъ и дѣльныхъ наставниковъ. Наставниками сельско-приходскихъ училищъ состоятъ или мѣстные приходскіе священники, или же воспитанники семинарій. Первые, за исключеніемъ прямой своей обязанности, не могутъ быть постоянно въ училищѣ, а послѣдніе не видятъ для себя никакой пользы быть постоянно сельскими наставниками, такъ какъ вознагражденіе за труды получаютъ очень ограниченное“. Церковно-приходскія школы находились въ самомъ плачевномъ состояніи, что съ особенной яркостью было выяснено въ журнальномъ обзорѣніи благочиннаго с. Верхняго-Ломова. Во многихъ училищахъ, какъ было удостовѣрено училищными совѣтами и уѣздными управами, ученія никогда не происходило. Земству пришлось создавать все въ дѣлѣ первоначальнаго образованія, и оно поставило его прочно. Несомнѣнно, въ послѣднее время дѣло это нѣсколько остановилось въ своемъ развитіи. Къ несчастію, для увеличенія сельскихъ училищъ недостаточно желанія дать народу первоначальное образованіе и умѣнія его организовать, а необходимы средства, которыхъ нынѣ, какъ мы видѣли, земство не имѣетъ. И то замѣчательно, что земство умудряется

сохранить существующія училища. Настоящее развитіе церковно-приходскихъ школъ какъ будто отчасти дополняетъ болѣе медленный и нѣмъ ходъ земской дѣятельности по удовлетворенію потребности народа въ первоначальномъ образованіи, особенно тамъ, гдѣ эти школы идутъ по указанному земствомъ пути. По личному опыту, участвуя не одинъ годъ въ экзаменахъ въ нѣсколькихъ церковно-приходскихъ школахъ, я убѣдился, что при совершенно тождественной съ земскими училищами программѣ эти школы идутъ усильно только тамъ, гдѣ преподаваніе въ нихъ производится наемнымъ, специальнымъ, учительскимъ персоналомъ, взятымъ изъ того же источника, изъ котораго черпаютъ и земство для своихъ училищъ. Гдѣ же преподаетъ одинъ причтъ, тамъ на экзаменахъ встрѣчаешь или мало представленныхъ учениковъ, или плохо приготовленныхъ. Само сельское духовенство сознаетъ, что при исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей оно не можетъ вести всего дѣла первоначальнаго образованія. Другой, противоположный тому отзывъ мнѣ очень рѣдко приходилось слышать отъ представителей сельскаго духовенства.

Переходя къ общественному призрѣнію, поступившему также въ вѣденіе земства, мы увидимъ, что и тутъ земство не только развило взятое имъ въ свои руки дѣло, но впервые устроило мѣстную медицинскую помощь на цѣлесообразныхъ основаніяхъ, хотя эта помощь далеко еще не достигла того развитія, которое желательно и необходимо.

Медицинская помощь мѣстному населенію какъ въ пензенской, такъ и въ другихъ губерніяхъ, двояка, смотря по тому, кѣмъ она оказывается: губернскимъ или уѣзднымъ земствомъ. Въ руки перваго собственно перешли благотворительныя учрежденія, содержащіяся прежде приказомъ общественнаго призрѣнія. Въ пензенской губерніи приказъ этотъ былъ открытъ въ 1771 году и получалъ необходимыя для благотворительной цѣли средства первоначально изъ ассигнуемой правительствомъ суммы, а затѣмъ отъ пожертвованій частныхъ лицъ, сборовъ, установленныхъ закономъ, и преимущественно отъ производимыхъ имъ кредитнымъ операціямъ. Получаемыхъ пензенскимъ приказомъ доходовъ было не только достаточно на содержаніе сѣхъ находящихся въ его завѣдываніи богоугодныхъ заведеній, но казвался значительный, свободный остатокъ, изъ котораго, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, ежегодно отпускалось, съ 1854 г., 5.599 р. 10¹/₂ коп. с.-петербургскому приказу въ видѣ безпроцентнаго займа. Капиталъ, принадлежавшій пензенскому приказу общественнаго призрѣнія, въ 1865 году составлялъ 398.877 р. коп.; но, согласно Высочайше утвержденному въ 1868 году мнѣнію государственнаго совѣта, въ пользованіе пензенскаго губернскаго зем-

ства на содержаніе благотворительныхъ заведеній изъ этого капитала было предоставлено только *сто семьдесятъ тысячъ* рублей. Губернское земское собраніе въ 1869 и въ 1870 г. ходатайствовало передъ правительствомъ о выдѣлѣ ему полностью всего капитала, принадлежавшаго приказу, такъ какъ расходы на содержаніе перешедшихъ въ земству богоугодныхъ заведеній ежегодно росли, доходы же значительно сократились. Необходимо объяснить, что главный доходъ приказа общественнаго призрѣнія составляла плата за призрѣваемыхъ, дошедшая въ 1865 г. до 29.333 р. Она получалась преимущественно за содержаніе въ больницѣ воинскихъ чиновъ; но за открытіемъ въ Пензѣ воинскихъ лазаретовъ она почти прекратилась. Ходатайства пензенскаго земскаго собранія были отклонены.

Расходы губернскаго земства на содержаніе богоугодныхъ заведеній возросли постепенно до очень круной цифры. Приказъ общественнаго призрѣнія тратилъ на этотъ предметъ въ 1863 г.—30.450 р.; въ 1864 г.—38.779 г., а въ 1865 г.—35.386 р., тогда какъ по отчету за 1893 г. губернскимъ земствомъ израсходовано на содержаніе благотворительныхъ заведеній 100.658 р. 43¹/₄ коп. Чтобы дать понятъ, въ какой степени увеличилась потребность въ медицинской помощи, беру только домъ умалишенныхъ. Въ 1816 г. отдѣленіе для умалишенныхъ существовало лишь на 16 человекъ, и въ немъ въ теченіе года призрѣвалось 12. Въ 1852 г. комплектъ кроватей увеличенъ былъ до 30, а число душевно-больныхъ, бывшихъ въ расширенномъ помѣщеніи въ продолженіе года, возросло до 44. Нынѣ, по отчету за 1893 г., въ продолженіе этого года призрѣвалось 673 больныхъ и, за выбытіемъ 382, къ 1 января 1894 г. состояло 291 человекъ; къ первому же ноября 1894 г. больныхъ было 304. Тѣхъ помѣщеній, которыя земство приняло отъ приказа общественнаго призрѣнія, разумѣется, недостаточно при такомъ увеличеніи призрѣваемыхъ, тѣмъ болѣе, что и въ общей больницѣ,—правда, не до такой степени,—но количество больныхъ постоянно, изъ года въ годъ, растетъ, не говоря уже объ эпидеміяхъ, требующихъ особыхъ, исключительныхъ и средствъ, и помѣщеній. Расходы губернскаго земства не ограничиваются вслѣдствіе того однимъ содержаніемъ поступившихъ въ нему заведеній, но значительно увеличиваются необходимостью расширенія помѣщеній и снабженія ихъ надлежащимъ медицинскимъ персоналомъ и инвентаремъ. Больницы приказа общественнаго призрѣнія находились въ прекрасныхъ зданіяхъ, построенныхъ на лично избранномъ для сего мѣстѣ императоромъ Николаемъ Павловичемъ во время пребыванія его въ Пензѣ въ 1836 году; но при приѣмѣ ихъ земствомъ онѣ оказались въ такомъ состояніи, что для сохраненія ихъ потребовался капитальный ремонтъ, могущій

бить произведеннымъ въ нѣсколько лѣтъ. Въ первый же годъ самое настоятельно-необходимое для приспособленія больницъ къ ихъ назначенію потребовало со стороны земства расхода въ 5.472 р.

Штатъ служащаго въ больницахъ губернскаго земства медицинскаго персонала чуть не утроился съ тѣхъ поръ, какъ эти больницы перешли къ земству. Въ настоящее время, при обязательномъ введеніи, съ 1-го іюля 1895 г., Высочайше утвержденнаго 10 іюня 1893 года устава лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, штатъ этотъ еще болѣе увеличенъ безъ особенной, видимой въ томъ надобности. Напримѣръ, для больницъ второго класса, къ которому, по числу кроватей, причислены больницы пензенскаго губернскаго земства, обязательна (ст. 26), должность врача-прозектора. На него (ст. 33) возлагается производство патолого-анатомическихъ изслѣдованій. Польза отъ такихъ изслѣдованій не подлежитъ сомнѣнію, но нельзя не пожалѣть, что настоящее финансовое положеніе земства настолько мало, значить, извѣстно, что оно именно нынѣ вынуждается на новые расходы, когда и съ существующими оно справиться не можетъ. Между мѣропріятіями и возможностью ихъ осуществленія существуетъ такая тѣсная, неумолимая логическая связь, нарушать которую рѣшительно невозможно. Новый, обязательный для земства, лечебный уставъ заслуживаетъ особаго изученія и разбора, здѣсь неумѣстнаго; но нельзя не сказать, что устраненіе исполнительныхъ органовъ земства отъ завѣдыванія учрежденіями, содержимыми на средства того же земства, не обезпечиваетъ успѣшнаго хода этихъ учрежденій. Больницы приказовъ общественнаго призрѣнія были въ прямомъ подчиненіи администраціи; существовала въ нихъ строгая бумажная отчетность и все дѣлалось согласно бывшимъ штатамъ и узаконеніямъ, предусматривавшимъ и указывавшимъ дѣятельность каждаго изъ служащихъ; однако эти больницы не пользовались ни хорошей извѣстностью, ни довѣріемъ публики. Нѣтъ основанія надѣяться, что со введеніемъ новаго лечебнаго устава возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ не будетъ имѣть прежнихъ результатовъ.

Для окончательнаго уясненія дѣятельности губернскаго земства по содержанію богоугодныхъ заведеній, необходимо прибавить, что имъ въ 1867 г. учреждена при этихъ заведеніяхъ фельдшерская школа, а въ 1868 г. открыто родильное отдѣленіе и при немъ школа сельскихъ повитухъ. Въ отношеніи дѣятельности уѣздныхъ земствъ по устройству медицинской помощи въ уѣздахъ, разница между тѣмъ, что было до введенія земства по этой части, и что существуетъ нынѣ, настолько значительна, даже громадна, что достаточно нѣсколькихъ цифръ, чтобы дать понятіе объ этой дѣятельности. Во всемъ мѣ-

шанскомъ, вапримѣръ, уѣздѣ былъ только одинъ уѣздный врачъ и одна городская больница на шесть кроватей; теперь же, кромѣ уѣзднаго врача, два земскихъ и двѣ больницы на пятьдесятъ-одну кровать. Необходимо пояснить, что еще недавно, когда земскіе сборы поступали нѣсколько болѣе исправно, въ мокшанскомъ уѣздѣ было три земскихъ врача и при третьемъ приемный покой на четыре кровати. Не безъ сожалѣнія и не безъ вреда для населенія пришлось сократить какъ третьяго врача, такъ и состоявшій при немъ приемный покой. Въ сосѣднихъ съ мокшанскимъ — ниже-ломовскомъ и инсарскомъ уѣздахъ врачебная помощь устроена и шире, и цѣлесообразнѣе; впрочемъ оба уѣзда гораздо значительнѣе какъ по территории, такъ и по народонаселенію. Слѣдовало бы еще сказать о ветеринарной части, о добровольномъ страхованіи скота отъ всѣхъ болѣзней и о санитарномъ бюро, введенныхъ въ губерніи земствомъ; но это вполнѣ новыя учрежденія, не имѣвшія предшественниковъ въ до-земской мѣстной жизни.

V.

Въ послѣднее время, при томъ очевидномъ, даже общемъ, желаніи придти на помощь сельскому населенію,—рѣдкая предполагаемая, или предлагаемая, мѣра не имѣетъ въ виду земства для ея осуществленія. Оказывается, что съ придачей земству сословнаго характера и съ болѣшимъ его подчиненіемъ администраціи оно сдѣлалось болѣе удобнымъ проводникомъ въ мѣстную жизнь кабинетныхъ способовъ ея улучшенія. Тутъ организація земства собственно ни при чемъ; но оно все же осталось лучшимъ выразителемъ мѣстныхъ интересовъ и лучшимъ способомъ ихъ удовлетворенія. Попытка замѣнить земство болѣе эластичной и подходящей къ той или другой идеѣ организаціей какъ ни желательна, съ кабинетной точки зрѣнія, но врядъ ли возможна въ виду громадности потребныхъ для того расходовъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ существенныхъ указаніяхъ общественнаго мнѣнія, которымъ придается наибольшее значеніе при вопросѣ о помощи сельскому населенію.

Послѣднее время очень много и часто писалось и говорилось на тему, что крестьянство страдаетъ вслѣдствіе своего невѣжества. Безспорно, невѣжество—весьма нежелательное явленіе, и чѣмъ скорѣе оно будетъ прекращено, тѣмъ лучше; но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что зависимость настоящаго разоренія сельскаго населенія отъ одной безграмотности крестьянства и отсутствія спеціальныхъ свѣденій вообще въ сельскомъ населеніи—отнюдь не доказана. Предположимъ,

что при сохраненіи настоящихъ, общихъ, экономическихъ условій намъ удастся достигнуть, что весь школьный деревенскій возрастъ станетъ не только грамотнымъ, но усвоитъ вполне успѣшно, тамъ, гдѣ указано будетъ, необходимыя спеціальныя свѣденія сельскохозяйственныя и ремесленныя. Предположимъ далѣе, что вышедшія изъ школъ дѣти, возмужавъ, сохранять настолько приобретенныя познанія, что съумѣютъ приложить ихъ къ дѣлу. Будетъ ли отъ этого сельское населеніе сразу сытѣе, зажиточнѣе?—весьма сомнительно. Деревня въ настоящее время рѣшительно разорена, и это результатъ многихъ годовъ. Смѣло можно сказать, что потребуется еще болѣе годовъ, чтобы она возвратила себѣ прежнее, весьма скромное, утраченное благосостояніе. Отъ чего болѣе страдаетъ сельское населеніе?—отъ невыгодности земли, отъ невыгодности сбыта ея произведеній. Найдется ли выгодный сбытъ произведеній земледѣлія вслѣдствіе того, что обрабатывающій землю грамотенъ и знакомъ съ основными началами сельскаго хозяйства? Логически никакъ нельзя придти къ заключенію, что, распространяя общее и спеціальное знаніе въ сельскомъ хозяйствѣ, мы тѣмъ самымъ достигнемъ болѣе выгоднаго сбыта его произведеній. Напротивъ, разъ мы не находимъ сбыта нашего зерна, когда у насъ десятина даетъ въ среднемъ немного, мы еще менѣе его найдемъ, если мы заставимъ нашу десятину, путемъ затратъ по улучшенной обработкѣ, производить гораздо болѣе. Сельское населеніе поучается авторитетно, что именно вслѣдствіе отсутствія знанія это населеніе ограничивается однимъ зерновымъ хозяйствомъ, сохраняя трехпольный сѣвооборотъ,—всюду, кромѣ нашей родины, давно отброшенный,—тогда какъ, при разнообразіи культуры, переходъ на мясное хозяйство и съ введеніемъ болѣе рациональнаго сѣвооборота, мы легко можемъ достигнуть и болѣе производительности нашего сельскаго хозяйства, и болѣе его доходности. Для того требуется, однако, знаніе, и вотъ для распространенія его приглашается земство къ новой, плодотворной дѣятельности.

Разнообразіе культуры, гдѣ только возможно и выгодно, существуетъ давно. Уже давно сельское населеніе согласуетъ свои пользы съ требованіями рынка. Лѣтъ 5—6 тому назадъ появилась въ нашей мѣстности столовая, французская чечевица и быстро стала распространяться даже между крестьянами на ихъ поляхъ, благодаря единственно тому, что хлѣбъ этотъ покупался ходко и по хорошей цѣнѣ. Крестьяне по весѣ всколько не затруднялись платить громадныя сравнительно деньги за чечевицу на сѣмена. Откуда она явилась, несмотря на близость времени, мнѣ не удалось съ точностью узнать. Достоверно лишь одно, что первымъ крупнымъ польщикомъ этого хлѣба былъ землевладѣлецъ чембарскаго уѣзда,

Л. И. Владыкинъ, и еще болѣе достовѣрно, что ни земство, ни правительство, ничего не сдѣлали для введенія посѣва чечевицы. Достаточно было видимой, на дѣлѣ доказанной выгоды новаго хлѣба, чтобы онъ сразу получилъ широкое распространеніе. Уже въ 1893 г. чечевица стала по осени выказывать наклонность къ пониженію своей цѣны. Пониженіе это въ 1894 г. выразилось въ рѣзкой формѣ, и воплотивъ естественно усиленное предложеніе даннаго хлѣба на рынкѣ не могло имѣть другаго послѣдствія, какъ пониженіе его цѣны. Разъ спросъ удовлетворенъ или даже только легко можетъ быть удовлетворенъ, происходитъ не только пониженіе цѣны предлагаемаго продукта, но и строгая его расцѣнка. Въ 1894 г. покупатель безусловно платилъ хорошую цѣну только за высшіе сорта чечевицы, и этого было достаточно, чтобы на сѣмена оставалось повсюду зерно требуемаго качества, и чтобы крестьяне научились прекрасно различать, какая чечевица выгоднѣе для посѣва. Въ будущемъ производствѣ этого хлѣба будетъ зависѣть отъ степени его выгоды. То же мы видѣли, лѣтъ 15 тому назадъ, съ сурепкой, а нѣсколько позднѣе съ крупнымъ горохомъ-викторіей. Пока хлѣба эти были выгодны, они распространялись, и никто не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе сѣмянъ требуемаго качества; посѣвы ихъ затѣмъ сокращались при паденіи ихъ цѣнъ. Развитіе мясного ховяйства, развитіе скотоводства точно также зависятъ отъ степени его выгоды. Прежде, напримѣръ, въ самарской губерніи даже некрупныя села имѣли по пяти, шести и болѣе стадъ рогатой скотины; теперь—одно, и врядъ ли какія бы то ни были научныя лекціи или поощренія со стороны земства или правительства могутъ измѣнить такое положеніе. Прежде, когда мясо шло гонимъ по скотопрігоннымъ трактамъ изъ самарской губерніи въ столицы, волъ обходился гуртовщику шесть рублей; нынѣ же, при обязательной доставкѣ въ вагонъ желѣзной дороги, тотъ же волъ обходится чуть ли не въ три раза дороже. Цѣна мяса на потребительныхъ рынкахъ не измѣнилась и очевидно должна была пасть на мѣстахъ закупки скотины. При такихъ условіяхъ скотоводство должно было сократиться въ самарской губерніи, и старанія упорядочить мясную торговлю, несомнѣнно полезныя, не въ силахъ, однако, устранить это сокращеніе. Въ томъ углу мокшанскаго уѣзда, въ которомъ мы живемъ безвыѣздно вотъ уже пятнадцать лѣтъ, искони существовало свиноводство, которое на моихъ глазахъ постепенно падало и теперь значительно сократилось. Въ нашей мѣстности у крестьянъ много коноплянниковъ, и потому съ давнихъ поръ очень развито, такъ сказать, кустарное производствѣ коноплянаго масла. Въ одномъ сосѣднемъ со мной с. Михайловскомъ, сравнительно не очень большомъ, еще недавно было семьдесятъ масло-

боенъ. вмѣстѣ съ производствомъ масла развилось и свиноводство, такъ какъ откормъ свиней производился преимущественно конопляными выжимками (по здѣшнему, колобомъ). Цѣна свиныхъ тушъ въ Москвѣ, куда они почти исключительно доставлялись, стала падать все ниже, и свиноводство сократилось. То же можно сказать о баранинѣ. Гурты овецъ, составлявшіеся прежде по осени въ нашей мѣстности, теперь стали и рѣдки, и малы. Прежде послѣ стрижки браковныя овцы и старыя валуха покупались ходко и дорого; теперь на нихъ съ трудомъ находишь покупателя и по низкой цѣнѣ. Какъ для свинины, такъ и для баранины, необходимо пояснить, что мѣстное ихъ потребленіе значительно сократилось. Прежде крестьянинъ; привозя овцу на базаръ, по продажѣ ея, покупалъ нѣсколько фунтовъ баранины или свинины; теперь онъ или совсѣмъ ничего не покупаетъ, или очень мало. Отсутствие потребленія этихъ предметовъ сняло въ общей сложности съ мѣстныхъ рынковъ громадную цифру спроса и въ свою очередь тѣмъ самымъ понизило цѣну на продаваемые въ этихъ рынкахъ продукты. Обѣднѣніе сельскаго населенія служить кореннымъ препятствіемъ къ устраненію того же обѣднѣнія. Это во всякомъ случаѣ чисто экономическое явленіе. Мы видимъ то же самое и относительно зерна. Въ изданіи центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ: „Урожай 1894 года. I. Озимые хлѣба и сѣно“, выяснено, что урожай ржи въ 1894 г. превысилъ значительно какъ средній за пятилѣтіе 1889—1893 г., такъ и урожаемъ каждаго года этого пятилѣтія; тѣмъ не менѣе, чистый остатокъ на одну душу обоюго пола одного лишь сельскаго населенія составляетъ всего для 65 губерній 11,89 пуда. Цифра отнюдь не чрезвычайная, если мы примемъ въ соображеніе, что для питанія взрослою требуется не менѣе двухъ пудовъ ржаной муки въ мѣсяцъ. Между тѣмъ паденіе цѣнъ на рожь приняло въ настоящее время такіе размѣры, какихъ никогда не бывало. Очевидно и относительно ржи мы видимъ то же явленіе, что и съ масомъ, т. е. сокращеніе ея потребленія, несмотря на увеличеніе народонаселенія. У насъ вѣрують, что паденіе цѣны ржи зависитъ отъ международнаго хлѣбнаго рынка, и тутъ не мало говорится о томъ, что „нѣмцы насъ обижаютъ“. Пожалуй, съ бѣльшей достовѣрностью нѣмцы скорѣе могутъ жаловаться, что мы ихъ обижаемъ, ибо какъ ни низка цѣна, мы все же заваливаемъ ихъ рынокъ нашимъ хлѣбомъ. Вывозъ ржи за границу безспорно имѣетъ вліяніе на ея цѣну, — вліяніе, которое легко поддается вычисленію, тогда какъ дробное потребленіе той же ржи на мѣстахъ не можетъ быть съ точностью опредѣлено. Изъ того же уже упомянутаго источника мы видимъ, что чистый остатокъ ржи урожая 1894 г. въ тысячахъ пудовъ составляетъ для 65 губерній и областей

Россіи 1.134.295,4; вывозъ ржи за границу въ среднемъ около шестидесяти ¹⁾ миллионѣвъ пудовъ. Сопоставленіе этихъ двухъ цифръ вполне ясно указываетъ, гдѣ можетъ быть главная причина паденія цѣны на рожь, а слѣдовательно куда должны быть направлены старанія излечить болѣзненное состояніе, вызываемое этимъ паденіемъ.

Врядъ ли что можно сказать противъ желательности измѣненія существующей у насъ почти повсемѣстно системы полеводства; но эта система зависитъ отъ мѣстныхъ климатическихъ, почвенныхъ и бытовыхъ условий, и измѣнить ее—задача не легкая. Частичныя попытки вести хозяйство на новыхъ научныхъ, видимо разумныхъ началахъ, даже если эти попытки будутъ успѣшны, мало могутъ вліять на принятый въ данной мѣстности порядокъ обработки земли, когда совокупность мѣстныхъ условий, существовавшая цѣлый рядъ лѣтъ, не измѣнится. Позволю себѣ выяснить это однимъ примѣромъ изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній. Въ 1870 г., проживъ десять лѣтъ въ Италіи, я поѣхалъ въ Ташкентъ, Кокандъ и Самаркандъ. Минувавъ степныя пространства, въ которыхъ кочуютъ киргизы, и достигнувъ около Чимкента мѣсть, гдѣ земля уже обрабатывается осѣдлымъ населеніемъ, я былъ пораженъ тѣмъ, что форма видимыхъ мною полей совершенно напоминала Италію: тѣ же, скорѣе узкія, полосы земли, засѣяныя разными хлѣбами, обсаженныя по межиамъ деревьями, на которыхъ развѣшена была лоза винограда. Еще тогда я убѣдился, что формы, въ которыхъ въ данной мѣстности выражается сельское хозяйство, зависятъ только отъ совокупности мѣстныхъ же условий.

Не къ участію въ только-что перечисленномъ призывается нынѣ земство, но и во многомъ другомъ, и все съ одной и той же цѣлю придти на помощь сельскому населенію. Мы старались, насколько могли, выяснить, что неудобства жизни этого населенія зависятъ отъ общихъ экономическихъ условий, измѣнить которыя земство не можетъ. Нельзя не сказать, однако, что въ изысканіи способовъ помочь сельскому населенію земство, какъ близко къ нему стоящее, можетъ быть въ высшей степени полезно; въ незнакомствѣ же съ дѣйствительностью ни въ какомъ случаѣ обвинять земство нельзя. Къ несчастію, предлагаемыя или предполагаемыя мѣры въ помощь сельскому населенію связаны съ болѣе или менѣе значительнымъ расходомъ. Совершенно безразлично, откуда будутъ взяты средства для удовле-

¹⁾ По исчисленіямъ департамента мануфактуръ и торговли, средній вывозъ ржи за 1888 — 1893 годъ выдѣлительно, т.-е. за 11 лѣтъ, составляетъ въ тысячахъ пудовъ 64.249.

творенія этого расхода—отъ земства или отъ государства. Въ обоихъ случаяхъ это будетъ изъ кармана того же общаго плательщика. При трудности взысканія прямыхъ налоговъ, не надо забывать, что и косвенные налоги поступаютъ изъ того же кармана. При этомъ положеніи необходимо постоянно имѣть въ виду, что всякое увеличеніе какъ земскихъ, такъ и государственныхъ расходовъ требуетъ для себя и соответственнаго увеличенія доходныхъ статей...

Кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1895 г.

Заключеніе мира между Японіею и Китаемъ и вопросъ о вѣдѣтельности европейскіхъ державъ.—Газетныя нападки на японцевъ и оганни сѣдущихъ лицъ.—Ходъ переговоровъ о мирѣ.—Возможныя послѣдствія японскихъ побѣдъ, и наши задачи на дальнемъ Востоцѣ.—Внѣшняя политика Англии.—Положеніе дѣлъ въ Германіи.

Предварительныя условія между Японіею и Китаемъ, подписанныя въ Симоно-Секи 17 (5) апрѣля, поставили на очередь вопросъ о политическихъ задачахъ и отношеніяхъ великихъ европейскихъ державъ на дальнемъ Востоцѣ. Слѣдуетъ ли позволить побѣдителямъ воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, и можно ли вообще допустить преобладаніе Японіи надъ Китаемъ? Кому полезно и кому опасно такое усиленіе японскаго могущества? Объ этомъ возникли горячіе журнально-политическіе споры тотчасъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій между воюющими сторонами. Пока происходили кровавыя битвы, дипломатія воздерживалась отъ вмѣшательства, чтобы не нарушать „естественнаго хода вещей“, и только теперь европейскіе кабинеты выступаютъ на сцену въ качествѣ охранителей и защитниковъ общаго мира. Журналисты и дипломаты обсуждали уже давно возможность занятія японцами Пекина и, слѣдовательно, ясно предвидѣли полный разгромъ Китая, а теперь они какъ будто удивлены и недовольны естественною требовательностью побѣдителей при добровольномъ ихъ соглашеніи съ побѣжденными.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ упорно высказываются почему-то рѣзкія огульныя осужденія японцевъ, какъ жестокихъ будто бы варваровъ и опасныхъ сосѣдей, могущихъ причинить намъ много вреда въ будущемъ. Между прочимъ, недавно еще фельетонистъ одной изъ распространенныхъ газетъ и пишущій обыкновенно въ разумномъ и отчасти симпатичномъ духѣ, проникся вдругъ сильнѣйшею неприязнью и недовѣріемъ въ Японію; онъ съ такою злобою обрушился на эту отдаленную страну и ея обитателей, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нашелъ тамъ источникъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій. Этотъ фельетонистъ приводитъ въ своемъ этюдѣ различныя факты изъ исторіи японскаго народа, въ доказательство его природнаго бессердечія и звѣрства; онъ забываетъ, что съ такимъ же основаніемъ иностранцы еще не такъ давно заключали о нашемъ собственномъ неисправимомъ варварствѣ, ссылаясь на кровавыя расправы и казни при Іоаннѣ

Грозномъ, на стрѣлцкіе бунты, казацкіе разбои, на всякія насилія и беззаконія, повальное пьянство и т. п. Нѣтъ ничего легче, какъ дѣлать подобныя обобщенія относительно чужихъ и малоизвѣстныхъ націй, и въ то же время нѣтъ ничего несправедливѣе и произвольнѣе. Японцамъ приписывается особая страсть къ военнымъ предпріятіямъ и захватамъ; а между тѣмъ за многіе годы они не вели ни одной войны, и въ частности относительно Россіи они всегда оставались дружественными и мирными сосѣдами. Недавно еще принято было говорить о безнадежной отсталости и варварствѣ Китая, въ противоположность быстрому культурному развитію Японіи; въ той самой газетѣ, гдѣ пишеть этотъ фельетонистъ, обсуждался еще въ прошломъ году вопросъ о великихъ опасностяхъ, представляемыхъ для Европы многомилліоннымъ китайскимъ населеніемъ, и на эти опасности указывалось, какъ на оправданіе всеобщихъ вооруженій, а теперь вдругъ рисуются, въ видѣ грозныхъ враговъ, предприимчивые японцы, успѣвшіе одолѣть этотъ страшный для Европы Китай и разоблачить его внутреннее безсиліе. Небесная имперія изображается уже невинною и алочастиною жертвою алчныхъ островитянъ, мечтающихъ будто бы о постоянныхъ завоеваніяхъ, набѣгахъ и хищеніяхъ. Откуда берутся эти скороспѣлые, переищивые выводы? На чемъ основаны эти общія заключенія и предсказанія?

Люди, выдавшіе японцевъ въблизи, держатся совершенно другихъ взглядовъ, чѣмъ сотрудники нашихъ подобныхъ газетъ. Мнѣнія о китайцахъ также болѣе или менѣе установились. Нѣкоторые наблюдатели жизни и быта японцевъ готовы даже преувеличивать ихъ хорошія качества, точно такъ же, какъ ислѣдователи Китая часто увлекаются въ ту или другую сторону. Японцы, — какъ говоритъ г. А. Максимовъ въ недавно вышедшей книгѣ, — народъ рыцарскій, не выносящій высокомѣрія и политическаго двуличія; онъ признаеть только политику чести, благородумія, взаимнаго довѣрія и безпристрастія. Японцы чрезвычайно цѣнятъ искреннюю, безкорыстную дружбу и всегда готовы отнестись къ дружелюбной націи съ рѣдкою, вполне рыцарскою предупредительностью; они съ превѣніемъ относятся къ интригамъ и подпольной политикѣ и умѣютъ хорошо отличать искренній образъ дѣйствій отъ лицемерія и подтасовокъ. Японія, по мнѣнію г. Максимова, — „единственный вѣрный нашъ союзникъ на берегахъ Великаго океана; дружба ея для насъ одинаково дорога, какъ наша дружба для Японіи. Мы должны быть по возможности солидарны съ этою державою, такъ какъ имѣемъ съ нею много общихъ точекъ политическаго соприкосновенія“. Будучи рыцарскимъ народомъ, японцы вмѣстѣ съ тѣмъ народъ смѣтливый, практическій, способный понимать обоюдную выгоду дружескихъ отношеній.

Не таковы китайцы, по описанію г. Максимова. „Съ словомъ „китаецъ“,—замѣчаетъ онъ,—въ воображеніи большинства связывается понятіе о существѣ слабомъ, апатично-сонливомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тихомъ и безотвѣтномъ. Между тѣмъ китайцы далеко не таковы, какими ихъ представляетъ себѣ значительная часть русскаго общества и почти всѣ русскіе дипломаты. Надо помнить, что это врагъ серьезный, настойчивый, терпѣливый, энергичный и ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ врагъ въ высшей степени хитрый, двуличный, притомъ злой и злопамятный. При усмирении безконечныхъ возстаній, то тайпинговъ, то племени мѣаоцзе, то мусульманъ, китайцы убивали миллионы (?) мужчинъ, женщинъ и дѣтей, истребляли цѣлыя народы, какъ, на примѣръ, джунгаровъ. По китайскимъ понятіямъ, всѣ девять колѣвъ родства должны быть казнены за одного бунтовщика“. Къ Россіи китайцы издавна относятся съ нескрываемою враждебностью. Въ Китаѣ, по словамъ г. Максимова, „уже давно замѣчается глухое неудовольствіе противъ Россіи, которое разразилось бы кровопролитною, упорною войною въ самомъ непродолжительномъ времени, еслибы японско-китайская распря изъ-за Кореи не отдалила этой войны, благодаря полному успѣху всѣхъ японскихъ военныхъ дѣйствій, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Японія въ данномъ случаѣ выноситъ на своихъ плечахъ многое изъ того, чтѣ предстояло въ недалекомъ будущемъ совершить намъ“. Китай терпѣливо ожидаетъ только удобнаго случая свести съ нами старые счеты за Амуръ и Уссури ¹⁾.

Въ новѣйшемъ спеціальному изслѣдованіи полковника генеральнаго штаба Д. В. Путаты о Китаѣ также подтверждается фактъ неприязненныхъ отношеній Небесной имперіи къ Россіи. „Если современныя военныя неудачи Китая въ столкновеніи его съ Японіей, именно въ Манджуріи, — говоритъ этотъ авторъ,—обнаружили несостоятельность многихъ его военныхъ мѣропріятій, то это не исключаетъ дѣйствительности его прежнихъ намѣреній. Конечно, Китай, предоставленный самому себѣ, никогда не сдѣлается опаснымъ для Россіи сосѣдомъ, но Китай подъ опекою иностранныхъ агентовъ, настойчиво предлагающихъ ему вооруженіе, инструкторовъ и стратегическіе планы, удовлетворяющіе политическимъ комбинаціямъ Запада, — такой Китай заставляетъ насъ быть бдительными“ ²⁾. Какой же смыслъ имѣютъ послѣ этого разсужденія нѣкоторыхъ газетъ о не-

¹⁾ А. Я. Максимовъ, Наши задачи въ Тихомъ океанѣ. Спб., 1894, стр. 27—28, 39, 69—71 и др.

²⁾ Китай. Очерки географіи, экономическаго состоянія, административнаго и военнаго устройства и пр. Съ XVI чертежами. Полковника генер. штаба Д. В. Путаты. Спб., 1895. Стр. 265.

обходимости намъ вѣшаться въ войну для спасенія бѣднаго Китая и для обузданія честолюбивой и кровожадной Японіи?

Безъ сомнѣнія, японцы честолюбивы и предприимчивы, какъ и всѣ вообще энергическіе и способные къ культурному развитію народы; поэтому и стѣдуетъ поддерживать съ такимъ народомъ дружественныя отношенія, основанныя на обоюдной выгодѣ. Съ какой стати отталкивать отъ себя полезныхъ и толковыхъ сосѣдей и искусственно превращать ихъ въ враговъ, подъ предлогомъ какихъ-то фантастическихъ опасностей въ будущемъ? Японія, уже по своему объему и по численности своего населенія, не можетъ соперничать съ Россією или грозить ей въ какомъ бы то ни было отношеніи. Видѣть въ культурномъ ростѣ Японіи угрозу для російской имперіи—значило бы допускать мысль о томъ, что Россія когда-нибудь уподобится Китаю по своему внутреннему состоянію и народному развитію! Въ сущности къ этому именно предположенію сводятся толки нашихъ мнимыхъ патриотовъ, напуганныхъ новѣйшими успѣхами Японіи; но такое предположеніе слишкомъ нелѣпо само по себѣ и всего менѣе должно было бы занимать людей, претендующихъ на патриотизмъ.

Не слѣдуетъ забывать, что все новѣйшее возрожденіе Японіи произошло въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ,—періодъ крайне короткий въ жизни народа и слишкомъ недостаточный для дѣйствительнаго внутренняго преобразованія общественнаго быта, нравовъ, идей и стремленій. Старые сословные порядки, дававшіе поводъ къ періодическимъ междоусобіямъ, далеко еще не исчезли; оттого и новая правительственная система не можетъ еще дѣйствовать нормально, и всѣ усилія общественныхъ дѣятелей употребляются пока на попытки практическаго осуществленія тѣхъ началъ, которыя провозглашены и усвоены въ теоріи. Нѣкоторые полагаютъ, что эти внутреннія политическія условія Японіи именно и толкнули ея правительство на путь войны съ цѣлью выйти изъ труднаго хроническаго кризиса при помощи вѣшнихъ побѣдъ. Такъ смотритъ на дѣло, напр., г. Д. Покотиловъ въ брошюрѣ о японско-китайскомъ столкновеніи. По его мнѣнію, „при всѣхъ послѣднихъ реформахъ въ Японіи, въ политической жизни ея и до сихъ поръ еще можно прослѣдить средневѣковую борьбу феодальныхъ клановъ, господствовавшую здѣсь съ давнихъ временъ. Инициаторами и исполнителями послѣднихъ реформъ въ странѣ явились именно представители нѣкоторыхъ изъ этихъ клановъ, которые съ тѣхъ поръ, одолѣвъ своихъ противниковъ, приверженцевъ старины, держатъ власть въ своихъ рукахъ. Сознаніе настоятельности реформъ и необходимости обновленія и прогресса проникло нынѣ во всѣ слои японскаго общества, безъ различія политическихъ партій; но инициаторы реформъ, разъ захвативши

власть въ свои руки, не соглашаются разстаться съ нею, и высшія, наиболѣе вліятельныя должности въ государствѣ раздаются исключительно ихъ родичамъ и землякамъ. Такимъ образомъ, въ Японіи царитъ олигархія, противъ которой и ведется въ настоящее время ожесточенная, но пока безплодная борьба въ парламентѣ. Борьба эта является характерною чертою парламентаризма въ Японіи за послѣдніе годы⁴. По многимъ существеннымъ вопросамъ обнаруживалось непримиримое разногласіе между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Понятно поэтому, что министерство охотно воспользовалось корейскими замѣшательствами, чтобы отвратить вниманіе общества отъ внутренней политики. Другого исхода, повидимому, не оставалось правительству,—заключаетъ г. Покотиловъ,—и кризисъ, разрѣшившійся объявленіемъ войны Китаю, могъ бы весьма легко повести къ возникновенію кровавой междоусобной распри¹⁾. Во всякомъ случаѣ Японія переживаетъ теперь критическую переходную эпоху, когда старыя основы быта, подвергнушіяся отчасти формальному преобразованію, оказываютъ упорное противодѣйствіе новымъ теченіямъ и интересамъ. Несправедливо было бы предъявлять особенно высокія требованія къ народу, находящемуся въ такомъ періодѣ внутренней борьбы и недавно только освободившемуся отъ вѣковыхъ путъ феодализма; нельзя прямо прилагать западно-европейскую мѣрку къ явленіямъ и условіямъ жизни современныхъ японцевъ, но слѣдуетъ сочувственно, по-человѣчески, смотрѣть на энергическія стремленія передовыхъ дѣятелей этой страны къ высшимъ благамъ культуры и науки для пользы своего народа и государства.

Ходъ событій до заключенія японско-китайскаго мира извѣстенъ уже изъ газетъ. Послѣ цѣлаго ряда уснѣховъ на морѣ и на сушѣ японское правительство выразило готовность вступить въ мирныя переговоры съ китайскимъ уполномоченнымъ, Ли-Хунгъ-Чангомъ, прибывшимъ для этой цѣли въ Симоно-Секи. Глава японскаго кабинета, графъ Ито, и виконтъ Мутзу имѣли съ представителемъ Китая продолжительныя совѣщанія, которыя, однако, давали мало надежды на скорый успѣхъ. Прискорбное происшествіе, отъ котораго пострадалъ Ли-Хунгъ-Чангъ, неожиданно ускорило ходъ переговоровъ и побудило японскаго императора распорядиться немедленно приостановкою военныхъ дѣйствій. Китайскій уполномоченный, возвращаясь съ своимъ свитомъ отъ графа Ито по направленію къ своему отелю, подвергся преступному покушенію со стороны какого-то молодого фанатика или сумасшедшаго, который выстрѣлилъ ему въ лицо изъ пистолета. Ли-

¹⁾ Д. Д. Покотиловъ, Корея и японо-китайское столкновение. Съ картой Корея. Сиб. 1895, стр. 60.

Хунгъ-Чангъ былъ серьезно раненъ, и пуля не могла быть вынута на первыхъ порахъ; а такъ какъ ему уже 72 года, то положеніе его вызвало справедливыя опасенія. Задержанный преступникъ, по имени Ёяма, едва достигшій 21 года, объяснилъ, что цѣлью его было избавить Японію отъ ея злѣйшаго врага. Этотъ бессмысленный поступокъ произвелъ особенно тягостное впечатлѣніе на японскихъ уполномоченныхъ и правителей, которые не могли уже сохранить тонъ побѣдителей по отношенію къ Ли-Хунгъ-Чангу. Всего обиднѣе было японцамъ то обстоятельство, что преступленіе одного безумца бросало тѣнь на репутацію цѣлаго народа и давало благодарную пищу для нареканій и обвиненій, которыя и безъ того съ разныхъ сторонъ сыплются на Японію въ послѣднее время. Рана, полученная китайскимъ дипломатомъ, косвенно облегчила и ускорила заключеніе мира, и по этому поводу можно было съ полнымъ правомъ сказать, что нѣтъ худа безъ добра. Выстрѣлъ японца сдѣлалъ, быть можетъ, больше для Китая, чѣмъ все искусство Ли-Хунгъ-Чанга, и оказался въ сущности равносильнымъ чрезвычайно ловкому и удачному шахматному ходу со стороны послѣдняго. Воинственный патриотизмъ японцевъ, возбужденный побѣдами надъ сильнѣйшею и древнѣйшею имперіею азіатскаго материка, оказался далеко не столь жестокимъ, какъ описывали его наши газеты; побѣдители отнеслись къ побѣжденнымъ довольно добродушно и не потребовали отъ нихъ ничего такого, что было бы несовмѣстимо съ честью и независимостью Китая. Надо сознаться, что наши патриоты не могли бы въ подобныхъ случаяхъ удовлетвориться тѣми пріобрѣтеніями, которыми ограничилась Японія, и непременно настаивали бы на занятіи непріятельской столицы, съ цѣлью полного разрушенія могущества враждебной державы.

Условія мира, предложенныя японскимъ правительствомъ, сами по себѣ не производятъ впечатлѣнія чрезмѣрныхъ или слишкомъ суровыхъ; но крайней мѣрѣ, сами правители Китая нисколько не были ими поражены и приняли ихъ безъ особенныхъ колебаній. Японія прежде всего признала независимость Кореи, изъ-за которой началась война, такъ что въ этомъ отношеніи исполнено было заявленное ранѣе желаніе Россіи; затѣмъ, часть полуострова Ляо-Тонгъ, съ портомъ Артуромъ, должна была перейти подъ власть японцевъ, тогда какъ другой изъ занятыхъ ими приморскихъ пунктовъ, Вей-ха-вей, на противоположномъ берегу Печилійскаго залива, возвращается китайцамъ послѣ уплаты части военнаго вознагражденія. Японія присоединяетъ къ себѣ также островъ Формозу и небольшую группу Пескадорскихъ острововъ, между Формозою и материкомъ. Китай обязывается уплатить Японіи, въ теченіе семилѣтняго срока, около 800 мил. франковъ за военныя издержки и убытки. Китайское правительство обѣ-

щаютъ не подвергать никакимъ наказаніямъ тѣхъ китайскихъ подданныхъ, которые были въ плѣну у японцевъ или имѣли съ ними какія-либо сношенія по поставкѣ провіанта, при перевозкѣ для нихъ военнаго матеріала и т. п. Пять китайскихъ портовъ, закрытыхъ нынѣ для иностранной торговли, дѣлаются доступными японцамъ и вообще иноземцамъ; допускается привозъ машинъ изъ Японіи и другихъ странъ, пользующихся, въ силу трактатовъ, правами наиболѣе благоприятствуемой націи. Значительныя торговныя преимущества, выговоренныя въ пользу Японіи, становятся общимъ достояніемъ западно-европейскихъ державъ, имѣющихъ торговые договоры съ Китаемъ, ибо въ этихъ трактатахъ постановляется обыкновенно, что данное государство пользуется всѣми выгодами, принадлежащими по договорамъ другимъ странамъ. На этихъ основаніяхъ миръ былъ подписанъ въ Симоно-Секи китайскимъ уполномоченнымъ Ли-Хунгъ-Чангомъ, съ особаго разрѣшенія богдыхана. Императорская прокламаціи, выражающая согласіе на японскія требованія, была въ то же время обнародована въ Тянь-Тзинь и Пекинъ. Съ своей стороны, микадо обратился къ своему народу съ воззваніемъ, въ которомъ высказано между прочимъ слѣдующее: „Только посредствомъ мира достигается національное благополучіе. Къ несчастію, вслѣдствіе разрыва нашихъ отношеній съ Китаемъ, мы вынуждены были вести войну, которая продолжалась около десяти мѣсяцевъ и не окончилась до сихъ поръ. Въ настоящее время, когда заключено перемиріе и переговоры приведены къ концу, предстоитъ уже окончательное прекращеніе неприязненныхъ дѣйствій. Мирныя условія, опредѣленныя нашими министрами, даютъ намъ полное удовлетвореніе. Послѣднія побѣды возвысили славу имперіи; но мы знаемъ, что намъ остается еще долго подвигаться впередъ на пути цивилизаціи. Мы надѣемся поэтому, что, въ общемъ согласіи съ нашими вѣрными подданными, мы не станемъ руководствоваться чувствами преувеличеннаго самолюбія, и что наши усилія, въ духѣ скромности и умѣренности, будутъ направлены къ усовершенствованію нашей военной обороны, не впадая въ крайности. Однимъ словомъ, мы желаемъ, чтобы правительство и народъ трудились вмѣстѣ для общей цѣли и чтобы наши подданные всѣхъ классовъ работали, каждый въ своей сферѣ, для утвержденія основъ прочнаго благосостоянія. Настоящимъ заявленіемъ мы доводимъ до свѣденія всѣхъ, что мы рѣшительно воспротивимся какимъ бы то ни было манифестаціямъ людей, которые, возгордившись недавними побѣдами, позволяютъ себѣ оскорбительные поступки или отзывы относительно другихъ державъ, причиняя этимъ вредъ нашимъ отношеніямъ съ дружественными государствами и особенно съ Китаемъ. Послѣ общаго ратификацій мирнаго договора должна восста-

новиться дружба между старыми врагами, и необходимо сдѣлать усилія, чтобы облегчить и расширить между ними отношенія добраго сосѣдства”.

Это воззваніе японскаго императора могло бы служить образцомъ сознательной человѣчности и скромности не только для нашихъ газетныхъ патріотовъ, но и для государственныхъ дѣятелей и публицистовъ западной Европы. Никогда европейскіе побѣдители не говорили такимъ языкомъ, когда заявляли о своемъ торжествѣ надъ непріязненнымъ народомъ, съ которымъ только-что окончена война. Трудно даже представить себѣ, чтобы нѣмцы послѣ Седана публично и официально осуждали всякіе оскорбительные отзывы о французахъ и выражали рѣшимость возстановить съ ними добрыя сосѣдскія отношенія. Что касается нашей патріотической печати, то она совершенно неспособна возвыситься до того христіанскаго пониманія международныхъ обязанностей и задачъ, которое выражено правителемъ нехристіанской державы тотчасъ послѣ окончанія побѣдоносной войны съ давнишними соперниками и врагами. Наши патріоты, обвиняющіе японцевъ въ жестокосердіи и неумѣренномъ честолюбіи, не могутъ говорить такъ миролюбиво и спокойно не только о чужихъ и враждебныхъ народахъ, но и о племенахъ, входящихъ въ составъ російской имперіи. И эти господа, неустанно проповѣдующіе политику племенной злобы и ненависти у себя дома, берутся поучать другихъ идеямъ гуманности и умѣренности послѣ побѣды. Газеты, не стѣсняющіяся систематически возбуждать самыя дурныя чувства противъ инородческаго населенія собственной страны, толкуютъ о неразумности и смѣлости японскаго шовинизма, нуждающагося будто бы въ насильственномъ или по крайней мѣрѣ дипломатическомъ обузданіи. Оказывается, однако, что японскій шовинизмъ, если онъ существуетъ, публично отвергнуть и осужденъ самимъ правительствомъ Японіи еще прежде, чѣмъ дошли до нея совѣты и угрозы нашихъ доморощенныхъ шовинистовъ. Скорое согласіе Китая на японскія условія мира лучше всего доказываетъ, что требованія побѣдителей соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей и не представляются чрезмѣрными самимъ побѣжденнымъ. Возможно также, что между недавними врагами установились бы со временемъ тѣ дружественныя сосѣдскія отношенія, которыя предсказываются въ прокламаціи японскаго микадо, и о которыхъ до сихъ поръ не смѣютъ мечтать нѣмцы и французы въ Европѣ, черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ побѣдъ Мольте и Бисмарка!

Если же теперь послѣдовало вмѣшательство европейской дипломатіи въ дѣло заключенія окончательнаго мира между Китаемъ и Японіей, то этотъ серьезный шагъ имѣетъ, конечно, другія, болѣе вѣскія причины, чѣмъ желаніе защитить китайцевъ отъ преувели-

ченныя японскія притязанія, какъ полагаютъ, повидимому, наши газетные охранители. Съ точки зрѣнія международной справедливости вообще, трудно было бы, напр., сказать что-нибудь противъ присоединенія къ Японіи порта Артура, взятаго ея войсками штурмомъ; а этотъ портъ составляетъ южную оконечность полуострова Лiao-Тонгъ, включеніе котораго въ условія мирнаго договора вызвало наибольше протестовъ въ нашей и заграничной печати. Но полуостровъ Лiao-Тонгъ есть часть Манджурии, прилегающей къ русскимъ владѣніямъ, и находится на сѣверо-западѣ отъ Кореи, объявленной независимой; а портъ Артуръ, лежащій у входа въ Печилійскій заливъ, былъ бы постоянно угрозою для Пекина, вслѣдствіе чего Японія приобрѣла бы преобладающее положеніе одновременно относительно Кореи и Китая. Заинтересованныя стороны, быть можетъ, мирно устроились бы, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, безъ ущерба для сохраненія мира на дальнемъ Востокѣ; но интересы другихъ державъ, имѣющихъ политическія и торговныя связи съ Китаемъ, могли бы пострадать отъ такой перемѣны и очутились бы въ нѣкоторой зависимости отъ доброй воли Японіи. Притомъ и для насъ было бы, безъ извѣстныхъ гарантій, не совсѣмъ удобно имѣть новыхъ предпримчивыхъ и энергическихъ сосѣдей на азиатскомъ материкѣ, гдѣ обширныя области населены весьма рѣдко и гдѣ у насъ нѣтъ и еще долгое время не можетъ быть многочисленныхъ армій. Чтобы предупредить эти нежелательныя послѣдствія и обезпечить миръ на восточной окраинѣ Азіи, Россія вмѣстѣ съ Германією и Францією протестовала противъ присоединенія полуострова Лiao-Тонга къ Японіи. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, забыть, что современное состояніе „вооруженнаго мира“ Европы коренится именно въ томъ обстоятельстве, что Германія овладѣла Эльзасомъ и Лотарингією и что вообще условія мира между Францією и Германією остались тогда безъ всякаго протеста. Европа расплачивается за то и по настоящее время ежегодными расходами по вооруженію, сверхъ тѣхъ 5 миллиардовъ, которые заплатила тогда Франція.

Въ этомъ совмѣстномъ дипломатическомъ вмѣшательствѣ обращаютъ на себя вниманіе два факта, изъ которыхъ одинъ, болѣе важный, остался почти незамѣченнымъ въ европейской журналистикѣ. Всѣ разсуждаютъ и спорятъ о томъ, почему Англія уклонилась отъ участія въ предпринятой дипломатической мѣрѣ, и мало кто вспомнилъ, что въ первый разъ Германія дѣйствуетъ за-одно съ Францією и Россією въ серьезномъ международномъ вопросѣ, могущемъ привести къ совмѣстнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Уклончивость британскаго правительства вполнѣ понятна и не должна бы вовсе вызывать удивленіе или недоумѣніе, такъ какъ она естественно выте-

каеть изъ всегдашнихъ особенностей и традицій англійской внѣшней политики. Лондонскій кабинетъ предлагалъ внѣшаться въ китайско-японское столкновеніе, когда можно было еще повліять на исходъ войны въ смыслѣ заблаговременнаго удержанія Японіи отъ дѣйствій и рѣшеній, невыгодныхъ для европейскихъ державъ; но когда побѣда окончательно осталась за японцами, то Англія благоразумно предпочла сойтись съ ними миролюбиво и сохранить ихъ дружбу для болѣе удобной защиты своихъ колониальныхъ и торговыхъ интересовъ. Англія, — какъ справедливо замѣчаетъ „Times“, — имѣетъ по отношенію къ Китаю несравненно болѣе крупныя торговыя и политическія интересы, чѣмъ Германія и Франція, вмѣстѣ взятыя, и если англичане считаютъ лишнимъ возражать противъ новыхъ территориальныхъ приобретеній Японіи, то это доказываетъ, что и нѣмцы и французы могли бы отстоять свои права безъ прямого противодѣйствія предположенному японско-китайскому договору. Не подлежитъ сомнѣнію, что британской дипломатіи легче и удобнѣе имѣть дѣло даже съ побѣдоносною Японіею, чѣмъ съ Россіею или Франціею, а чтобы приобрести вліяніе на японское правительство, слѣдуетъ прежде всего поддерживать съ нимъ хорошія отношенія и принимать на себя роль какъ бы ихъ покровителей и защитниковъ. Англія никогда не скрывала того, что почему-то отрицаютъ или замалчиваютъ сантиментальные публицисты другихъ державъ, — что правительство обязано соблюдать и охранять свои политическія интересы тѣми способами, какіе въ данное время представляются наиболѣе подходящими и наименѣе обременительными для страны. Откровенность Англіи въ этомъ отношеніи заслуживаетъ подражанія, а не осужденія. Въ частности, мы давно уже имѣли бы нужный намъ незамерзающій портъ на восточномъ побережьи Азіи, еслибы мы слѣдовали англійскому примѣру и строго сообразовали свои затраты и усилія съ необходимостью достигнуть опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, безъ ущерба для интересовъ общаго мира.

Какъ бы то ни было, Россія выступила и вѣроятно должна была выступить въ данномъ случаѣ противъ Японіи, въ союзѣ съ Германіею и Франціею, и этотъ временный фактическій союзъ трехъ великихъ державъ есть чрезвычайно благоприятный симптомъ современнаго политическаго положенія въ Европѣ. Уже ради этой новой — хотя, быть можетъ, и случайной и непрочной — группировки европейскихъ державъ стоило предпринять дипломатическій шагъ, который долженъ повлечь за собою временное разстройство старыхъ дружественныхъ отношеній съ страню „восходящаго солнца“. Мы увѣрены, впрочемъ, что отношенія эти не превратятся въ скрытую неприязнь, крайне нежелательную и неудобную для сосѣдей, и что го-

лоса нашихъ мнимыхъ патріотовъ, толкающихъ насъ въ объятія Китая, не будутъ услышаны руководителями нашей дипломатіи.

Въ Германіи общественное мнѣніе все еще занято старыми вопросами — о правительственныхъ мѣрахъ борьбы противъ разрушительныхъ партій и о возможныхъ способахъ разрѣшенія или облегченія сельско-хозяйственнаго кризиса. Притязанія такъ называемыхъ аграріевъ, выразившіяся особенно ярко въ извѣстномъ проектѣ графа Канитца, были отчасти отвергнуты правительствомъ, но не настолько рѣшительно, какъ этого желали умѣренныя либеральныя партіи. Судьба проекта графа Канитца до сихъ поръ еще не рѣшена, хотя императоръ Вильгельмъ II съ самаго начала отнесся къ нему весьма неодобрительно. Въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, созваннаго въ прошломъ году для обсужденія сельско-хозяйственныхъ и землевладѣльческихъ нуждъ, при участіи свѣдущихъ лицъ и представителей крупнаго землевладѣнія, не было выработано никакой положительной программы и не могло быть поэтому достигнуто никакихъ опредѣленныхъ результатовъ. Вильгельмъ II лично руководилъ тогда преніями государственнаго совѣта, и, въ качествѣ его предсѣдателя, долженъ былъ непосредственно имѣть дѣло съ оппозиціею; ему возражали и дѣлали замѣчанія, какъ обыкновенному предсѣдателю, и онъ относился къ этому вполне добродушно. Консервативныя землевладѣльцы, или аграріи, подробно излагали предъ нимъ свои требованія относительно регулированія хлѣбныхъ цѣнъ и настойчиво оспаривали высказанное имъ въ самомъ началѣ мнѣніе о практической несостоятельности и непримѣнимости проекта графа Канитца. Канитцъ, Мантейфель, фонъ-Плетцъ и другіе упорно стояли на своемъ, но большинство не соглашалось съ ихъ воззрѣніями, и государственный совѣтъ закончилъ свои занятія обстоятельно мотивированнымъ отклоненіемъ проекта, который не могъ быть принятъ уже въ силу существованія международныхъ торговыхъ договоровъ. Такъ какъ при созваніи государственнаго совѣта обѣщано было аграріямъ обсудить главнѣйшія потребности сельскаго хозяйства и придумать средства для удовлетворенія ихъ, то довольствоваться разборомъ программы графа Канитца было не совсѣмъ логично со стороны совѣта; аграріи остались совершенно разочарованными и открыто выражали свое неудовольствіе, а императоръ признавался, что извлекъ большую для себя пользу изъ выслушанныхъ имъ мнѣній заинтересованныхъ лицъ и изъ множества полученныхъ свѣденій о фактическомъ положеніи нѣмецкаго земледѣлія. Вильгельмъ II не усматривалъ ничего страннаго въ томъ, что консерваторы, считающіе себя опорю престола,

отказываются подчиняться его взглядамъ и желаніямъ; естественно, что въ защитѣ своихъ интересовъ они руководствуются своими собственными идеями. Сессія государственнаго совѣта была по существу бесплодна, отчасти, быть можетъ, по винѣ самихъ аграріевъ, и послѣдніе продолжали по прежнему рѣзко нападать на правительство въ своихъ газетахъ. Проектъ графа Канитца, несмотря на формальное неодобреніе его императоромъ, былъ внесенъ въ имперскій сеймъ за подписью 59 консерваторовъ, 10 членовъ имперской партіи, 11 социалистовъ и прогрессивистовъ, 8 поляковъ, одного національ-либерала и 9 „дикихъ“, въ томъ числѣ графа Герберта Бисмарка. Въ парламентѣ приверженцы монополіи хлѣбнаго ввоза добились того, что проектъ не былъ отвергнутъ при первомъ чтеніи, а переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи изъ 28 членовъ; — это само по себѣ была уже побѣда. Консервативныя группы оказывались въ этомъ случаѣ въ оппозиціи, и съ ними дѣйствовали заодно нѣкоторые социаль-демократы; зато въ вопросѣ о мѣрахъ противъ разрушительныхъ партій тѣ же консерваторы поддерживаютъ правительство.

Въ нынѣшнемъ имперскомъ сеймѣ нѣтъ вообще опредѣленнаго большинства; составъ послѣдняго мѣняется смотря по тому, какіе предметы подлежатъ обсужденію. Чтобы располагать большинствомъ, правительство должно заручиться поддержкою партіи центра; эта партія находится на сторонѣ правительства при обсужденіи законопроекта противъ социалистовъ, но легко переходитъ въ оппозицію, когда возбуждается какой-нибудь щекотливый вопросъ общей политики. Стоило бы только центру отказаться отъ поддержки проекта противъ социалистовъ или отнестись одобрительно къ проекту графа Канитца, и правительственное большинство тотчасъ превратилось бы въ оппозиціонное. Разладъ между главнѣйшими элементами возможнаго большинства и взаимное неудовольствіе между правительствомъ и наиболѣе многочисленными консервативными группами вызываютъ толки о распущеніи имперскаго сейма и о новыхъ выборахъ; распущеніе сдѣлается неизбежнымъ, когда парламентъ формально разоидется съ правительствомъ по какому-либо изъ серьезныхъ предметовъ текущей политики. Мы говоримъ о правительствѣ, а не о министерствѣ или канцлерѣ, такъ какъ правительственная власть сильнѣе чѣмъ когда-либо сосредоточивается въ настоящее время въ рукахъ Вильгельма II. Князь Гогенлоэ играетъ лишь почетную роль и обнаруживаетъ гораздо меньше самостоятельности и инициативы, чѣмъ генералъ Каприви, который въ свою очередь казался безцвѣтнымъ сравнительно съ княземъ Бисмаркомъ. Нынѣшнія парламентскія затрудненія происходятъ, впрочемъ, не столько отъ недостатка искусства и энергіи со стороны правительства, сколько отъ старыхъ грѣховъ, унаслѣдованныхъ отъ

перваго канцлера. Бисмаркъ также не умѣлъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ ладить съ парламентомъ; онъ или боролся съ нимъ, грозилъ распущеніемъ, опираясь на авторитетъ короны, или прибѣгалъ къ особымъ временнымъ сдѣлкамъ съ отдѣльными партіями, по принципу обмѣна услугъ, чтобы достигнуть нужнаго большинства по данному вопросу и затѣмъ начать новую игру съ другими группами по той же системѣ. Прежніе союзники оставлялись безъ вниманія, когда въ нихъ миновала надобность; группировка парламентскихъ партій приобрѣла отпечатокъ случайности и переменчивости и въ то же время отношенія партій между собою и съ правительствомъ прониклись духомъ недовѣрія и подозрительности. Послѣдствія этой системы дадутъ себя знать и теперь, и они изглядятся не скоро, хотя бы правительственная тактика вполнѣ измѣнилась.

Въ той области, гдѣ Вильгельмъ II можетъ распоряжаться свободно, не стѣсняясь парламентскими соображеніями, онъ дѣйствуетъ порывисто, по мотивамъ нерѣдко загадочнымъ и неяснымъ. Такимъ характеромъ отличаются многія неожиданныя переменны въ составѣ его ближайшихъ сотрудниковъ и довѣренныхъ лицъ. Никто до сихъ поръ не знаетъ, почему графъ Вальдерзе, намѣченный въ преемники Мольтке еще при жизни знаменитаго фельдмаршала, и считавшійся одно время наиболѣе серьезнымъ соперникомъ Бисмарка, внезапно лишился своего вліянія и значенія и низведенъ на степень простого корпуснаго командира. Малоизвѣстные генералы назначались на руководящія посты, которые когда-то занимали Мольтке и Роонъ, а графъ Вальдерзе оставленъ въ тѣни. Причины отставки Каприви и Эйленбурга были также неизвѣстны или недостаточны, съ точки зрѣнія нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Выборъ престарѣлаго князя Гогенлоэ на должность имперскаго канцлера могъ быть оправданъ желаніемъ превратить эту должность въ почетное званіе безъ дѣйствительной власти и безъ самостоятельной активной роли; но назначеніе малоизвѣстнаго консервативнаго чиновника Келлера прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, взамѣнъ такого выдающагося дѣятеля, какъ графъ Эйленбургъ, при существованіи авторитетныхъ и талантливыхъ кандидатовъ, въ родѣ Беннигсена, должно было возбудить недоумѣніе въ нѣмецкой публикѣ. Рѣшенія принимаются въ этихъ случаяхъ быстро, внезапно, такъ что печать не имѣетъ даже возможности высказаться о происшедшей переимѣнѣ и принуждена лишь вдаваться въ безплодныя догадки о причинахъ совершившагося факта. Никто не могъ объяснить въ свое время, почему графъ Радовицъ, опытный дипломатъ и знатокъ восточныхъ дѣлъ, былъ вдругъ отозванъ изъ Константинополя и на его мѣсто посланъ туда князь Радолинъ; столь же неожиданнымъ является недавнее переимѣненіе

князя Радолина въ Петербургъ, на мѣсто генерала Вердера, уволеннаго въ отставку безъ всякаго предупрежденія. Генералъ Вердеръ, бывшій много лѣтъ военнымъ агентомъ при русскомъ дворѣ и замѣнившій потомъ графа Швейница въ должности посланника, пользовался издавна общими симпатіями въ правительственныхъ и свѣтскихъ кругахъ Петербурга, что значительно облегчало дипломатическія сношенія между правительствами обѣихъ державъ; онъ могъ быть отозванъ по старости лѣтъ или потому, что, какъ говорятъ, собирался дѣлать подношеніе князю Бисмарку отъ имени петербургской нѣмецкой колоніи, но онъ самъ ничего не зналъ о мотивахъ постигшей его немилости, по свидѣтельству корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ. Увольненіе Вердера надѣлало въ свое время много шума въ германской печати; по этому поводу придумывались и высказывались всевозможныя гипотезы, изъ которыхъ ни одна не могла быть поддержана ничѣмъ положительнымъ. Нервная впечатлительность Вильгельма II выражается въ полной силѣ въ этихъ загадочныхъ отставкахъ и назначеніяхъ; склонность къ быстрымъ перемѣнамъ получаетъ здѣсь тотъ просторъ, котораго нѣтъ въ другихъ областяхъ правительственной дѣятельности въ Германіи. Ни парламентъ, ни общество, ни печать не имѣютъ въ этомъ случаѣ права голоса, такъ какъ назначать и увольнять сановниковъ и должностныхъ лицъ предоставлено всецѣло верховной власти. Только дѣйствія и упущенія этихъ лицъ подлежатъ публичному контролю, подѣ влияніемъ котораго неудачный выборъ обнаруживается со временемъ самъ собою; поэтому возможныя въ этой области ошибки не могутъ быть особенно опасны для интересовъ страны.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1896 г.

— Починъ. Сборникъ Общества любителей Россійской словесности на 1896 годъ.
М. 1896.

Старинное московское Общество любителей Россійской словесности за послѣдніе десятиа лѣтъ только изрѣдка заявляло о себѣ отдѣльными изданіями и не имѣло постоянного органа, хотя бывало иногда центромъ, гдѣ собирались московскія литературныя ученые силы, гдѣ происходили интересныя литературныя событія. Теперь Общество задумало правильное ежегодное изданіе. Въ предисловіи Сборника читаемъ: „Общество Любителей Россійской Словесности предпринимаетъ ежегодное изданіе литературнаго сборника. Въ составъ сборника войдутъ прежде всего,—какъ живая лѣтопись его дѣятельности,—статьи и рѣчи, читанныя на публичныхъ собраніяхъ и литературныхъ вечерахъ Общества, и рефераты, обсуждавшіеся на очередныхъ закрытыхъ засѣданіяхъ,—затѣмъ оригинальныя и переводныя произведенія членовъ, специально написанныя для сборника, историко-литературныя матеріалы и т. д. Желаніе содѣйствовать обмѣну мыслей и литературныхъ взглядовъ дастъ возможность встрѣтиться на страницахъ сборника различнымъ отгѣнкамъ современной словесности, честно и серьезно относящимся къ ея задачамъ. Важнѣйшія явленія ея за годъ будутъ, начиная съ слѣдующей книги, подвергаться критическому разбору, а весь составъ литературныхъ новостей (книгъ и статей) библиографическому описанію“. Во второмъ отдѣлѣ сборника предполагается помѣщать справочныя свѣденія, полезныя для людей, ближе стоящихъ къ литературѣ и печатному дѣлу.

Настоящій томъ сборника составился подъ редакціей временнаго предсѣдателя Общества, Алексѣя Ник. Веселовскаго; въ настоящее время предсѣдателемъ Общества состоитъ профессоръ моск. университета Н. И. Стороженко: эти имена могутъ характеризовать изданіе Общества, отыравшаеся „Починомъ“.

Въ этомъ первомъ началѣ изданія мы встрѣчаемъ дѣйствительно много интереснаго: кромѣ беллетристики, которая представлена разсказами гг. Мамина-Сибиряка, Нефедова, стихотвореніями г. Балюнта (между прочимъ, изъ „Фауста“ Гёте), г. Минскаго (переводъ третьей пѣсни „Иліады“), кн. Цертелева (изъ „Фауста“ Гёте), цѣлый рядъ статей посвященъ вопросамъ литературной исторіи. Во главѣ сборника стоитъ вступительная лекція неададаннаго курса о Данте, читаннаго Ѳ. И. Буслаевымъ въ 1866—1869 гг. въ московскомъ университетѣ: „Язычество и христіанство“—въ ихъ встрѣчѣ въ области поэзіи и искусства; лекція отличается обычнымъ достоинствомъ сочиненій г. Буслаева—изяществомъ изложенія при всей серьезности предмета; надо сожалѣть, что цѣлый курсъ остался неизданнымъ. Къ области нашего древняго эпоса относится изслѣдованіе г. Всев. Миллера о Чурилѣ Пленковичѣ, извѣстномъ щеголѣ и ловеласѣ нашихъ былинъ, происхожденіе котораго все еще остается загадочнымъ; по мнѣнію г. А. Веселовскаго, Чурила относится къ старой былинѣ, это—герой иноземный, франкскаго рода, повидимому изъ итальянскихъ колоній въ Тавридѣ, поражающій киевлянъ своимъ богатствомъ и невиданной галантерейностью; г. Всев. Миллеръ, напротивъ, считаетъ его сравнительно болѣе позднимъ, и не южнымъ, а сѣвернымъ, именно новгородскимъ, и его щегольство идетъ отъ иноземцевъ нѣмецкихъ. Авторъ остроумно доказываетъ свое положеніе, но нельзя сказать, чтобы онъ разрѣшилъ всѣ недоумѣнія, какія возникаютъ при его теоріи... Новую подробность изъ *рукописной* литературы XVIII-го столѣтія представляетъ „Плачь холоповъ прошлаго вѣка“, сообщенный покойнымъ Тихонравовымъ. Въ небольшой замѣткѣ къ этому стихотворенію, писанному около 1767 г., т.-е. именно въ эпоху „Наказа“ и Екатерининской Комиссіи, — Тихонравовъ еще разъ указываетъ тотъ фактъ, что восемнадцатый вѣкъ продолжалъ старую рукописную литературу, и особенно ту, которая не могла найти оффиціального дозволенія или даже не думала искать его. „Въ то время какъ русскій пійтъ прошлаго вѣка, сознательно отторгаясь отъ современной жизни и быта, „парилъ къ верхамъ Парнасса“, т.-е. болѣею частію пресмыкался передъ дворомъ и знатію, рукописная литература средняго сословія вращалась среди современной дѣйствительности. Въ грубыхъ архаическихъ виршахъ и старинныхъ литературныхъ формахъ эта литература нерѣдко затрогивала вопросы, которыхъ не смѣла касаться подцензурная печатная литература. Озлобленіе крѣпостнымъ правомъ и общественнымъ положеніемъ крестьянъ выражалось не въ однихъ крестьянскихъ волненіяхъ—нѣтъ! Холопъ прошлаго вѣка чувствовалъ потребность высказаться—въ стихахъ!“ Въ стихотвореніи, которое нашелъ Тихонравовъ, по словамъ его „не

слѣдуетъ искать какихъ-либо достоинствъ стиля, но поражаетъ глубина и искренность чувства, коимъ оно внушено. Это въ полномъ смыслѣ слова „плачъ холоповъ прошлаго вѣка“. Форма—старинныя силлабическія вирши; другія формы еще не дошли до простонародной массы; въ содержаніи мы найдемъ характерныя черты крѣпостного права, точность которыхъ можно было бы провѣрять и по обычаю болѣе поздняго времени.

Нѣсколько статей посвящено характеристикамъ старыхъ и новѣйшихъ писателей: о Новиковѣ—статья г. Якушкина, о Грибоѣдовѣ—Алексѣя Веселовскаго, о Крыловѣ—г. Кирпичникова, о Гоголѣ (къ вопросу о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“) —г. Шенрока, о Баратынскомъ—г. Стороженка, объ Аполлонѣ Григорьевѣ—Гольцева, о Некрасовѣ—г. Иванова, объ Огаревѣ—г-жи Некрасовой; о Левитовѣ—воспоминанія г. Златовратскаго; упомянемъ, наконецъ, отрывокъ изъ воспоминаній Сатина, университетскаго товарища и одного изъ близкихъ друзей Герцена и Огарева.

Далѣе, цѣннымъ вкладомъ являются въ сборникѣ „Три притчи“ гр. Л. Н. Толстого, повторенныя, впрочемъ, и въ отдѣльномъ изданіи его сочиненій. Въ формѣ притчъ авторъ хотѣлъ дать апологию своимъ послѣднихъ произведеній, которыя подвергались столькимъ осужденіямъ, но, по мнѣнію гр. Толстого, были только непоняты и неправильно истолкованы. Такимъ образомъ въ притчахъ затронуть цѣльный вопросъ о значеніи послѣднихъ произведеній гр. Толстого: къ сожалѣнію, для этого вопроса, во всѣхъ его подробностяхъ, наша литература должна быть сочтена некомпетентной. Въ самомъ дѣлѣ, она не знаетъ многихъ весьма существенныхъ произведеній гр. Толстого; эти произведенія обращаются въ рукописяхъ или геттографияхъ, являются на иностранныхъ языкахъ, но не принадлежатъ къ литературѣ, гдѣ онѣ были бы признаннымъ произведеніемъ писателя и были бы открыты правильнымъ образомъ для критики,—какъ другія его произведенія. Но „Притчи“ едва ли достигаютъ своей цѣли и въ другомъ отношеніи: нельзя сказать, чтобы авторъ былъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ (религіозно-нравственнаго содержанія) вполне послѣдователенъ; напротивъ, въ нихъ встрѣчались не только разнорѣчія, но даже противорѣчія,—и опровергаемый гр. Толстымъ критикъ едва ли всегда былъ повиненъ въ томъ, за что осуждаютъ его „Притчи“: его „непониманіе“ не однажды могло происходить именно отъ упомянутыхъ разнорѣчій, не говоря о томъ, что инорда онъ не безъ основанія могъ не согласиться и съ самымъ существомъ ученій, и имъ не послѣдовать, потому что существо бывало не совѣмъ ясно...

Въ сборникѣ принялъ участіе и г. Боборыкинъ рефератомъ: „Судьбы русскаго романа“, который былъ имъ читанъ въ одномъ изъ частныхъ

ислѣдній московскаго Общества и, кажется, также въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ въ Петербургѣ. Эти „судьбы“ не изложены въ статьѣ г. Боборыкина, а составляютъ собственно исконое: авторъ скорбитъ о томъ, что русскій романъ, который въ послѣднее время сдѣлалъ въ Европѣ такіа блестящія завоеванія, до сихъ поръ у насъ самихъ остается неизслѣдованнымъ съ его внутренней эстетико-психологической стороны; авторъ указываетъ, что должно было бы сдѣлать это изслѣдованіе, обличаетъ „ходячую критику“, которая будто бы ищетъ кому-то предпринять подобное изслѣдованіе, и т. д. На нашъ взглядъ вопросъ выясненъ мало, и укору, предъявляемые русской критикѣ, не совсѣмъ доказательны, когда авторъ тутъ же заявляетъ, что основы эстетико-психологической критики еще не установлены и въ самой западной наукѣ. Статья носитъ вообще обличительный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ слишкомъ много спорнаго, напримѣръ когда авторъ говоритъ о какихъ-то „противникахъ обработки изящной литературы (т.-е. обработки ея исторіи?) на научно-эстетической почвѣ“, когда онъ говоритъ о шестидесятыхъ годахъ, когда онъ говоритъ, что развитію творчества могутъ вовсе не мѣшать „внѣшнія препоны“ и т. д. Требуя „научно-эстетическаго“ изученія русскаго романа, авторъ приписываетъ своимъ противникамъ этого изученія такіа слова: „Никто не мѣшалъ сторонникамъ принциповъ научно-эстетической критики заниматься русской изящной литературой, какъ имъ угодно, отстаивать необходимость отношенія къ искусству вообще, какъ къ продукту самобытной психической дѣятельности человѣка. Если наша критическая литература бѣдна по этой части, то это показываетъ, что не было серьезной потребности въ статьяхъ и книгахъ подобнаго направленія“. Въ сущности эти слова совершенно справедливы, но авторъ считаетъ ихъ неискренними и неосновательными и тутъ же утверждаетъ, что можетъ „указать въ исторіи литературныхъ идей на западѣ, какъ односторонняя тенденція, овладѣвъ симпатіями большинства, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, глушила вполне, или очень значительно, всякую другую обработку данной области“. Мы думаемъ, напротивъ, что въ исторіи литературныхъ идей можно указать множество примѣровъ, что одностороннія тенденція, даже завладѣвшія симпатіями большинства, нисколько не мѣшали образованію и новыхъ формъ творчества въ рукахъ сильныхъ талантовъ, и новыхъ теоретическихъ понятій о значеніи поэзіи. Одностороннія тенденція могутъ имѣть силу только надъ обыкновенными или посредственными дарованіями. И въ русской литературѣ въ особенности никакая односторонняя критика не мѣшала развитію новыхъ литера-

турныхъ направленій, если только былъ въ наличности дѣйствительно сильный талантъ.

Укажемъ, наконецъ, очеркъ изъ исторіи французской публицистики М. М. Ковалевскаго, написанный съ обычнымъ мастерствомъ: очеркъ представляетъ характеристику Прево-Парадоля, извѣстнаго публициста временъ второй имперіи.

Таково содержаніе „Почина“. Пожелаемъ всякаго успѣха новому предпріятію московскаго общества.

— Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю. Сборникъ статей А. В. Потаниной. Съ біографіей, портретами, пятью таблицами рисунковъ и 34 полиптиками въ текстѣ. Изданіе Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Москва. 1895.

„Александра Викторовна Потанина, — читаемъ въ предисловіи книги, — скончавшаяся въ 1893 году, въ Китаѣ, оставила по себѣ неизгладимую память въ исторіи землевѣденія Азіи. Неутомимая путешественница, посвятившая всѣ зрѣлые годы своей жизни странствіямъ по Сибири, Монголіи, Тибету, Китаю, она была незамѣнимой, дѣятельной спутницей своего супруга, Григорія Николаевича Потанина, помогая ему собирать новыя данныя и наблюденія по географіи и этнографіи мало извѣстныхъ частей Центральной Азіи. Выбѣтъ съ тѣмъ, она пользовалась своими наблюденіями и для самостоятельныхъ очерковъ, въ цѣляхъ болѣе широкаго ознакомленія съ азіатскимъ міромъ русскаго общества“.

Прекрасный памятникъ этой дѣятельности составилъ настоящее изданіе, исполненное на частныя пожертвованія Географическимъ отдѣломъ московскаго Общества естествознанія, антропологии и этнографіи. Сборнику сочиненій предшествуетъ обстоятельная біографія, для которой послужили между прочимъ собственныя воспоминанія Потаниной объ ея дѣтствѣ и нѣсколько ея писемъ. „Полойная А. В. Потанина, — говоритъ ея біографъ, — принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ женщинъ, которыя были дѣятельными помощницами и сотрудницами людей, посвятившихъ себя беззаветному служенію наукѣ, и которыя дѣлили съ подвижниками науки всѣ ихъ труды, лишенія и славу, — какъ О. А. Федченко, супруга извѣстнаго путешественника въ Туркестанѣ, и г-жа Черская, сопровождавшая своего мужа въ его экспедиціи на сѣверо-востокъ Сибири, въ Якутскую область. Эти женщины не только содѣйствовали своимъ мужьямъ въ ихъ трудахъ и помогали имъ переносить лишенія, но и служили для нихъ огромной, нерѣдко ничѣмъ незамѣнимой, нравственной под-

держкой, удваивая такимъ образомъ силы и энергію дѣятелей, отдавшихъ обществу свою жизнь“.

„Это была скромная, застѣнчивая женщина,—писалъ о ней Ядрищева,—высокая, сухощавая блондинка, съ подстриженными волосами и тонкимъ глѣвучимъ голосомъ. Она одѣвалась очень скромно и просто, и лицо ея носило печать серьезной и интеллигентной женщины. Въ обществѣ она была молчалива, но отличалась тонкой наблюдательностью,—качество, оказавшееся впоследствии весьма цѣннымъ для путешественницы. Ея мнѣнія и сужденія были сдержанны, по мѣткимъ и отличались тонкимъ остроуміемъ“... Со времени замужества, жизнь ея прошла почти въ постоянныхъ путешествіяхъ, а затѣмъ всего больше она жила, кажется, въ Иркутскѣ и Петербургѣ. „Во время всѣхъ этихъ продолжительныхъ странствій“ (по Монголіи и Китаю) „она обнаружила замѣчательную неутомимость и выносливость... въ слабомъ тѣлѣ ея имѣлся большой запасъ нервной энергіи, воли и способности преодолевать трудности. Переносить же приходилось не мало. Тѣ люди, которые увлекаются романтической стороною путешествій и судятъ о нихъ по Майнъ-Риду и Жюль Верну, не имѣютъ понятія о томъ, что ожидаетъ путешественниковъ въ пустыняхъ и негостепріимныхъ странахъ, за славою путешественника они не заглядываютъ оборотной стороны медали. Прежде всего, путешествуя по Монголіи и Центральной Азіи, нужно примириться съ походной поювкой или съ грязной юртой, гдѣ часто въ непогоду съ людьми поучетъ мелкій скотъ; нужно примириться съ жесткимъ ложемъ изъ войлока, съ немытымъ котломъ и чашкой, которую облизываютъ языкомъ, съ нечистоплотностью кочевниковъ. По такимъ юртамъ наши путешественники проводили цѣлые мѣсяцы, и эти юрты въ пустынѣ были еще желаннымъ пріютомъ. Далѣе, путешественникъ долженъ привыкнуть качаться цѣлые дни на верблюдѣ, или ѣхать медленно верхомъ на лошади подъ палящимъ солнцемъ. Нужно быть готовымъ ко всякимъ переменамъ погоды. Усталые и измученные, путешественники послѣ цѣлаго дня ѣзды, вечеромъ, когда прислуга, поужинавъ, отдыхаетъ, должны еще долго работать, ведя записи, дневники, классифицируя собранныя коллекціи и т. д.

„Все это испытала и переносила покойная путешественница вмѣстѣ съ супругомъ, дѣятельно помогая ему. Надо затѣмъ принять во вниманіе, что съ дикимъ народомъ ѣхала женщина, возбуждавшая недоѣдливое любопытство“.

Къ этой энергіи труда присоединялся у Потаниной высочайшій личный характеръ: „Тонкая гуманность и сочувствіе всѣмъ несчастнымъ были лучшими ея чертами. Она зналась преимущественно съ бѣднымъ людомъ и помогала ему, чѣмъ могла. Живя весьма небогато и

часто нуждаясь, она иногда отдавала послѣднее; у нея всегда была забота о томъ, чтобы кого-нибудь пристроить, кому-нибудь помочь. Точно также она покровительствовала учащейся молодежи, которая была ея лучшимъ другомъ. Въ Иркутскѣ и Петербургѣ около нея всегда былъ кружокъ учительницъ, слушательницъ разныхъ курсовъ, большею частью сибирячекъ, которымъ она старалась быть полезной и которыхъ поощряла и воодушевляла въ ихъ занятіяхъ^а.

„Способность угадывать людей у нея была изумительная, но, слишкомъ осторожная въ своихъ отзывкахъ, она часто боялась открыто передать впечатлѣніе, если оно неблагоприятно. Въѣсть съ тѣмъ это была прямая и безукоризненно честная натура, чуждая мелочности, дешеваго самолюбія и позировки. Она не любила рассказывать о себѣ и своей прошлой жизни. А между тѣмъ, какъ глубоко поучительна вся ея труженическая жизнь, проведенная въ непрерывной борьбѣ съ матеріальными невзгодами и лишениями! Какой сильный умъ нужно было имѣть, чтобы всю жизнь сохранять глубокий интересъ къ наукѣ и людямъ, при постоянной необходимости обдумывать, какъ бы не истратить лишняго гривенника! Мы лично были свидѣтелями, какъ однажды ей пришлось шить грубые холщевые мѣшки для присковъ, потому что ей, человѣку образованному, знающему языки, занимающемуся литературой, въ Иркутскѣ не нашлось соотвѣтствующаго занятія, а была нужда^а.

Таковъ былъ этотъ замѣчательный характеръ. Въ экспедиціяхъ она вела дневники, собирала и сохраняла коллекціи, помогала дѣлать метеорологическія наблюденія, наконецъ, находила время для литературныхъ трудовъ, матеріаломъ которыхъ служили большею частью ея собственные наблюденія въ продолжительныхъ путешествіяхъ. Еще въ 1887 году Географическое Общество наградило ея труды золотою медалью. Она помѣщала свои работы отчасти въ „Извѣстіяхъ“ Восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго Общества и въ другихъ сибирскихъ изданіяхъ, отчасти въ газетахъ и журналахъ, особливо популярныхъ; это отчасти статьи съ серьезнымъ этнографическимъ содержаніемъ, отчасти статьи для легкаго чтенія. Собранные теперь въ цѣльную книгу (статья о Тибетѣ является здѣсь въ первый разъ), рассказы Потаниной доставляютъ любопытное, а въѣсть и научно цѣнное чтеніе о природѣ и нравахъ далекихъ странъ, съ которыми она близко освоилась въ теченіе своихъ странствій. Всего больше Потанина останавливается на подробностяхъ быта и нравовъ, которыя въ гораздо меньшей степени входили или не входили совсѣмъ въ большія описанія экспедиціи. Текстъ сопровождается большимъ числомъ рисунковъ, между прочимъ рисунками въ краскахъ одежды и украшеній.

— Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ Тургеневу. Съ введеніемъ и при-
мѣчаніями Л. Майкова. М. 1894.

Когда въ „Вѣстникѣ Европы“ (1894, январь, февраль) печатались письма Тургенева къ Аксаковымъ, не было извѣстно, сохранились ли соотвѣтственныя письма Аксаковыхъ; оказывается теперь, что эти послѣднія письма нашлись въ той части бумагъ Тургенева, которая послѣ его смерти перешла въ собственность П. В. Анненкова, и его вдова передала ихъ для изданія г. Майкову. Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь сполна переписку между замѣчательными представи-
телями двухъ различныхъ направленій сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Всего въ настоящемъ сборникѣ находится 56 писемъ съ 1851 до 1861. Здѣсь находятся письма Сергѣя Тимофеевича, Константина и Ивана Аксаковыхъ.

Извѣстно, что въ сороковыхъ годахъ, когда уже ясно обозначи-
лись коренныя разногласія въ направленіи такъ-называемыхъ запад-
никовъ и славянофиловъ, между двумя лагерями не вдругъ прерва-
лись отношенія, которыя въ началѣ сороковыхъ годовъ были, между
нѣкоторыми представителями того и другого круга, очень дружескія.
Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ это былъ даже почти одинъ
кругъ—кругъ людей, которые, отдаляясь отъ мало привлекательной
дѣйствительности, отдавались философскимъ и философско-историче-
скимъ изученіямъ и стремились проникнуть въ самыя глубокія основы
національной жизни. Бѣлинскій былъ нѣкогда другомъ Константина
Аксакова; Герценъ любилъ встрѣчаться и дружески, но очень горячо,
спорить съ главами возникашаго славянофильства; въ этомъ кругу
бывалъ и К. Д. Кавелинъ, который до конца жизни сохранилъ теп-
ллыя воспоминанія о П. В. Кирѣевскомъ. Въ концѣ концовъ этотъ
кругъ молодого, образованнаго и идеалистически настроеннаго поко-
лѣнія распался на два лагеря, потому что слишкомъ разошлись ихъ
философскіе и историческіе взгляды. Тургеневъ уже не засталъ этихъ
первыхъ споровъ, когда сближался съ славянофильскимъ кружкомъ,
но къ нему перешло изъ его ближайшаго круга уваженіе къ глав-
нымъ представителямъ славянофильской школы, какъ къ людямъ
глубокаго убѣжденія, съ которыми все-таки могло быть много об-
щаго по взглядамъ на существующій порядокъ жизни и идеалисти-
ческимъ стремленіямъ. Вскорѣ нашлись и болѣе близкія точки сопри-
косновенія, и одинаковыя увлеченія въ области искусства. Раньше мы
имѣли случай указывать, что младшій изъ Аксаковыхъ, Иванъ, въ
концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ далеко не схо-
дился въ историческихъ и общественныхъ взглядахъ съ братомъ

Константиномъ, который былъ оракуломъ семейства, и напротивъ съ Иваномъ въ ту пору очень часто могли согласиться люди такъ называемыхъ западныхескихъ взглядовъ. Съ начала пятидесятихъ годовъ дѣятельно вступаетъ на литературное поприще Аксаковъ-отецъ съ своими охотничьими разсказами, а затѣмъ „Семейной хроникой“: достоинства ихъ и особенно послѣдней были высоко и единогласно оцѣнены критикою обѣихъ партій, и это была новая связь въ сочувствіяхъ художественныхъ. Указавъ упомянутыя старыя отношенія двухъ литературныхъ лагерей, г. Майковъ замѣчаетъ, что, несмотря на послѣдующій разладъ, „когда въ 1850 году Тургеневу случилось прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, онъ, чистый западникъ по своему образу мыслей, могъ поддерживать дружелюбныя сношенія съ людьми славянофильскаго лагеря. Съ братьями Кирѣевскими Тургеневъ былъ знакомъ еще съ юности по деревенскимъ и частію родственнымъ связямъ (мать Ивана Сергѣевича доводилась имъ дальнею родственницею), и еще въ 1843 году, когда появилась въ печати его первая поэма „Параша“, Ив. В. Кирѣевскій, встрѣтись съ авторомъ въ Москвѣ, привѣтствовалъ его поздравленіями по случаю этого произведенія; но смущенный Т. Л.,—такъ означена была на книжкѣ фамилія сочинителя,—послѣдшилъ отъязаться отъ своего дѣтища“. Къ П. В. Кирѣевскому Тургеневъ питалъ глубокое уваженіе и говорилъ о немъ: „Это человекъ хрустальной чистоты и прозрачности“. Съ Ю. О. Самаринымъ Тургеневъ также находился въ короткихъ сношеніяхъ. Напротивъ того, къ А. С. Хомякову онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія, хотя былъ знакомъ и съ нимъ. Зато съ семействомъ Аксаковыхъ Тургеневъ сошелся довольно близко“.

Эти близкія отношенія начинаются съ 1850 года. Ихъ соединили общіе художественные интересы, а вскорѣ и общая печаль. Въ 1852 году умеръ Гоголь и его смерть одинаково поразила людей двухъ лагерей, вызвала равную скорбь о великой потерѣ русской литературы. Извѣстно, что вскорѣ послѣ того въ связи съ этимъ событіемъ послѣдовалъ арестъ Тургенева и ссылка его въ деревню. Самъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ приписывалъ эту бѣду обвиненіямъ извѣстнаго Мусина-Пушкина, который былъ тогда попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателемъ цензурнаго комитета. „Я нисколько не намѣренъ обвинять тогдашнее правительство,—писалъ Тургеневъ;—попечитель с.-петербургскаго округа, теперь уже покойный, Мусинъ-Пушкинъ представилъ, изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ, все дѣло какъ явное неповиновеніе съ моей стороны. Онъ не поколебался завѣрить высшее начальство, что онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе печатать мою

статью. А я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ, и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ. Нельзя же было правительству подозрѣвать сановника—довѣренное лицо—въ подобномъ искаженіи истины!« Г. Сухомлиновъ, повидимому, имѣвшій въ рукахъ официальные документы по дѣлу объ арестѣ Тургенева, говоритъ: „Не знаемъ, откуда Тургеневъ заимствовалъ сообщаемыя имъ свѣденія, но они не вполне подтверждаются обстоятельствами дѣла“¹⁾. По этимъ документамъ Мусинъ-Пушкинъ не самъ возбудилъ это дѣло, а былъ спрошенъ по его поводу и въ своихъ показаніяхъ не упоминаетъ объ умышленномъ будто бы неповиновеніи Тургенева. На вопросъ гр. А. Ѳ. Орлова о томъ, была ли статья Тургенева (о смерти Гоголя) представлена въ цензурный комитетъ, Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ: „Статья о Гоголѣ представлена мнѣ была въ корректуру 29-го прошедшаго февраля цензоромъ Пейкеромъ, для помѣщенія въ „Спб. Вѣдомостяхъ“. Прочитавъ статью, я не дозволилъ оную печатать. Мнѣ казалось неумѣстнымъ писать о Гоголѣ въ такихъ пышныхъ выраженіяхъ, едва ли приличныхъ, говоря о смерти Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей, и представлять смерть Гоголя какъ незамѣнимую потерю, а нераздѣляющихъ это мнѣніе—легкомысленными или близорукими. Мнѣ казалось, что всѣ эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія, не должно дозволить представлять какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія“. За заключеніемъ этого письма,—замѣчаетъ г. Сухомлиновъ,—нѣтъ другихъ слѣдовъ участія Мусина-Пушкина въ дѣлѣ Тургенева;—но возможно, что слова, о которыхъ было передано Тургеневу, были дѣйствительно сказаны и только не попали въ документъ. Въмѣсто того г. Сухомлиновъ указываетъ другіе поводы къ обвиненію Тургенева, прямые и косвенные; онъ говоритъ, нѣсколько неясно, что нѣкоторые лица, читавшія статью до появленія ея въ газетѣ (?), были озадачены тѣмъ, что Тургеневъ называлъ Москву сердцемъ Россіи, а Гоголя—великимъ писателемъ, что въ томъ кругу общества, „гдѣ нѣмецкій языкъ предпочитался русскому“ (?), не могли понять, какъ рядомъ съ Friedrich der Grosse хотятъ сказать: Gogol der Grosse. Тургеневъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что одна высокопоставленная дама хотѣла-было хлопотать за Тургенева, но отказалась отъ своего намѣренія, когда ей доложили, что онъ называетъ Гоголя великимъ писателемъ.

Затѣмъ г. Сухомлиновъ сообщаетъ выписки изъ тогдашнихъ пи-

¹⁾ Некрологъ Тургенева въ академическомъ отчетѣ за 1883 годъ, см. „Сборникъ“ II отдѣленія Академіи наукъ, т. XXXIII, Спб. 1884, стр. 14—19.

семь Тургенева къ Ивану Аксакову и В. П. Боткину, и далѣе замѣчаетъ, что *усиливающимъ ему* обстоятельствомъ признано и то, что „въ нынѣшнее время литераторы являются дѣйствующими лицами во всѣхъ сѣдственныхъ для государства смутахъ“ и то, что „Тургеневъ долженъ быть человѣкъ пылкій и предприимчивый“. Надо полагать, что названныя два письма были также въ числѣ официальныхъ документовъ... Въ официальномъ докладѣ по этому дѣлу говорилось, что Мусинъ-Пушкинъ запретилъ статью, а Тургеневъ „вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Графъ Орловъ, рѣшая дѣло, полагалъ сдѣлать Тургеневу внушеніе и учредить за нимъ секретный надзоръ, но императоръ Николай написалъ на докладѣ: „Полагаю, этого мало, а за явное ослушаніе посадить его на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ“. Черезъ нѣсколько дней по арестованіи Тургенева, приставу второй адмиралтейской части приказано было, чтобы онъ отнюдь никого не допускалъ для свиданія съ содержащимся при этой части „помѣщикомъ Тургеневымъ“. Этотъ „помѣщикъ“ былъ уже знаменитымъ тогда авторомъ „Записокъ Охотника“.

Въ настоящемъ собраніи помѣщено письмо Ивана Аксакова, изъ которое вѣроятно и было отвѣтомъ то письмо, которое упомянуто у г. Сухомлинова. Г. Майковъ разъясняетъ недоумѣніе замѣчаніемъ, что отвѣтъ Тургенева „не дошелъ по назначенію, но попалъ въ другія руки“, а вслѣдствіе этого и послужилъ однимъ изъ поводовъ къ ссылкѣ писавшаго. Не дошедши по назначенію, это письмо Тургенева и не попало въ тотъ сборникъ его переписки съ Аксаковымъ, который изданъ былъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Изъ письма извѣстенъ только отрывокъ, сообщенный изъ официальныхъ документовъ въ некрологѣ у г. Сухомлинова. „Скажу вамъ безъ преувеличенія,—писалъ Тургеневъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ смерть Гоголя. Эта страшная смерть—историческое событіе, понятное не сразу, это—тайна, тяжелая, грозная тайна... Ничего отраднаго не найдете въ ней тотъ, кто ее разгадаетъ. *Трагическая судьба Россіи* отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кои ближе другихъ стоятъ къ ея нѣдрамъ... Гоголь погибъ! Мнѣ, право, кажется, что онъ умеръ потому, что рѣшился, захотѣлъ умереть... Г. Мусинъ-Пушкинъ не устыдился назвать Гоголя публично писателемъ лакейскимъ... Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь—на здоровье! Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, держаться

за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя! ¹⁾

Эта переписка людей, которые всѣ были замѣчательными представителями нашей литературы, послужить драгоценнымъ матеріаломъ для будущаго историка: заключая въ себѣ не только личныя подробности, но касаясь крупныхъ явленій тогдашней литературы, эта переписка дополняетъ новыми чертами и личную характеристику этихъ писателей, и общую картину тогдашней литературы. Г. Майковъ въ заключеніе говоритъ, что будущему біографу Тургенева предстоитъ важная задача опредѣлить, какая роль принадлежитъ вліянію Аксаковыхъ въ развитіи Тургеневскаго творчества; самъ онъ склоняется къ мысли, что это вліяніе было значительно: на эту мысль могутъ наводить тѣ критическія замѣчанія по поводу тогдашнихъ сочиненій Тургенева, которыя встрѣчаются въ письмахъ и безъ сомнѣнія дѣлались также и въ бесѣдахъ. Но подобныя замѣчанія Тургеневъ слышалъ и съ другой стороны, напримѣръ въ особенности отъ Бѣлинскаго; а главное, обращеніе въ народу,—пунктъ, на которомъ сосредоточивались совѣты и замѣчанія славянофильскихъ друзей,—совершилось въ „Запискахъ Охотника“ гораздо ранѣе ихъ вліянія. Можно думать съ другой стороны, что сближеніе съ Тургеневымъ не осталось безъ вѣкотораго слѣда у Аксакова-отца. Въ письмѣ 1853 года С. Т. Аксаковъ между прочимъ говоритъ: „Я говорю вамъ безъ шутокъ, что вы дадите Богу отвѣтъ за мое авторство, потому что я столько же уважаю ваше мнѣніе (въ искренности котораго не сомнѣваюсь), сколько и люблю васъ“.

— Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла. Составилъ И. Н. Божеряновъ. Спб. 1895.

Первая выставка печатнаго дѣла, которая происходитъ въ настоящее время въ Петербургѣ, вызвала нѣсколько серьезныхъ трудовъ по исторіи русскаго печатнаго дѣла, о которыхъ мы постараемся дать отчетъ: это—труды гг. Лисовскаго, Пташицкаго, Соболевскаго. Книжка г. Божерянова вышла еще до выставки и имѣетъ цѣль популярную и благотворительную: сборъ отъ продажи этой брошюры назначенъ въ пользу первой школы печатнаго дѣла, вспомогательной кассы наборщиковъ въ Петербургѣ, и въ капиталъ на вспомошествованіе служащимъ и рабочимъ товарищества „Общественная Польза“.

¹⁾ Ср. въ воспоминаніяхъ Тургенева, Полное собр. соч., 3-е изд. X, стр. 76.

Какъ популярный рассказъ объ исторіи русской печати, книжка г. Божерянова можетъ быть полезна. Мы сдѣлаемъ только двѣ замѣтки.

На страницѣ 16 авторъ утверждаетъ, что черногорцы, „устроивъ въ Венеціи печатню для книгъ кирилловскаго шрифта и ввучившись тамъ печатанію, перенесли самую типографію въ Цвѣтныя“. Не понимаемъ, откуда авторъ взялъ городъ Цвѣтныя; такого не существуетъ, а есть городъ Цетинь или Цетинье.

Въ заключеніи книжки, страница 60, читаемъ: „Всѣ новѣйшія усовершенствованія печатнаго дѣла, представляющія послѣднее слово техники, читатель найдетъ на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, которая служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что *русское печатное дѣло* стоитъ у насъ почти на той же высотѣ, какъ и за границей, и работы исполняются большею частью русскими рабочими, какъ, напримѣръ, товарищество „Общественная Польза“ имѣетъ типографію, гдѣ нѣтъ ни одного рабочаго не-русскаго, а также и нѣкоторыя другія типографіи. Пожелаемъ же Россіи имѣть побольше подобныхъ заведеній, свидѣтельствующихъ о способностяхъ русскаго человѣка!“ Здѣсь есть большая неточность. Дѣло въ томъ, что новѣйшія усовершенствованія и послѣднее слово техники, которыя можетъ читатель увидѣть на выставкѣ, принадлежатъ не русскому, а заграничному искусству; главнѣйшія (если не всѣ) машины, находящіяся на выставкѣ, иностранныя, какъ на нихъ и означено, в только „работы исполняются *большею частью* русскими рабочими“. Очень хорошо, конечно, что иностранныя усовершенствованія приняты русскими типографіями, но присвоить себѣ заслугу „послѣдняго дѣла техники“ онѣ никакъ не могутъ. Даже главные предприниматели печатнаго дѣла не всегда русскіе.—Т.

— Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ г. Михайловскому, Карѣву и ком. Спб. 1895.

Книга г. Бельтова производитъ странное впечатлѣніе. Въ видѣ „отвѣта“ на разсужденія нѣкоторыхъ русскихъ писателей, она даетъ разборъ и оцѣнку разныхъ постороннихъ теорій, начиная съ французскаго матеріализма прошлаго вѣка и кончая нѣмецкою идеалистическою философією. Цитаты изъ Гельвеція, Гольбаха, Сень-Симона, Анфантана, Сисмонди, Гизо, Гегеля и многихъ другихъ чередуются съ рѣзкими полемическими выходками противъ г. Михайловскаго, проф. Карѣва, г. В. В., г. Кривенко и др., безъ всякой системы.

Это какой-то пестрый калейдоскопъ именъ и цитатъ, восклицаній и остротъ, рядомъ съ дѣльными замѣчаніями и разсужденіями.

Основная идея самого автора можетъ быть выражена двумя словами: онъ горячій послѣдователь Карла Маркса и его экономическаго пониманія исторіи,— послѣдователь болѣе непреклонный и самоувѣренный, чѣмъ всѣ наши марксисты въ совокупности. Онъ тоже заявляетъ, что никто, кромѣ него, не понималъ истиннаго смысла и содержанія книги о „Капиталѣ“. Обращаясь къ лицамъ, писавшимъ у васъ объ этой общезвѣстной, но почему-то и загадочной книгѣ, онъ въ опроверженіе ихъ взглядовъ ссылается на „Капиталъ“, тотъ самый „Капиталъ“, — говоритъ онъ далѣе, — „который вы всѣ читали, съ которымъ всѣ вы согласны, но котораго ни одинъ изъ васъ не понималъ, милостивые государи“ (стр. 210). А понимать эту книгу необходимо, ибо она содержитъ въ себѣ истины болѣе важныя и плодотворныя, чѣмъ открытіе Коперника. Одни, какъ Тэнъ, доказываютъ, что состояніе умовъ и нравовъ опредѣляется соціальной средой; другіе утверждаютъ наоборотъ, что свойства соціальной среды опредѣляются состояніемъ умовъ и нравовъ. Въ самомъ же дѣлѣ и соціальная среда, и состояніе умовъ и нравовъ, опредѣляются экономическими отношеніями и борьбою классовъ, а эти отношенія въ свою очередь зависятъ отъ состоянія производительныхъ силъ въ каждое данное время. Такое упрощенное пониманіе исторіи и есть тотъ „монистическій взглядъ“, который составляетъ великое открытіе Маркса. „До Маркса, — поясняетъ авторъ, — люди общественной науки исходили изъ понятія о человѣческой природѣ; благодаря этому, оставались неразрѣшенными важнѣйшіе вопросы человѣческаго развитія. Ученіе Маркса придало дѣлу совершенно другой оборотъ: между тѣмъ какъ человѣкъ для поддержанія своего существованія, — сказалъ Маркъсъ, — воздѣйствуетъ на природу внѣ его, онъ измѣняетъ свою собственную природу... По своей великой важности для науки, это открытіе можетъ быть смѣло поставлено на ряду съ открытіемъ Коперника и вообще на ряду съ величайшими, плодотворнѣйшими научными открытіями. Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо болѣе лишена твердой основы, чѣмъ астрономія до Коперника... И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной“ и т. д. (стр. 160—161). Словомъ, нѣтъ другого пророка, кромѣ Маркса, и нѣтъ другихъ истолкователей его, кромѣ немногихъ посвященныхъ, въ родѣ г. Вельтова. Если кто-нибудь думалъ, напримѣръ, что чисто-экономическій взглядъ на исторію, проповѣдуемый Марксомъ, есть нѣчто противоположное идеализму, то онъ жестоко ошибался; наоборотъ, по увѣренію г. Вельтова, теорія Маркса, изслѣдующая реальную дѣйствительность, опи-

рается на будущую новую дѣйствительность, которая еще только нарождается, и въ этомъ смыслѣ доктрина Маркса „есть самая идеалистическая теорія, которая когда-либо существовала въ исторіи человѣческой мысли“ (стр. 207). Марксъ для г. Вельтова и ему подобныхъ—не просто ученый писатель и теоретикъ, а существо сверхъестественное, стоящее выше всякой человѣческой логики и всякаго пониманія; по ихъ мнѣнію, для него ничего не стоитъ опираться на предполагаемую будущую дѣйствительность и въ то же время презрительно отвергать всякія утопіи, не основанныя на реальной дѣйствительности.

Возможные враги Маркса сокрушаются авторомъ съ беспощадною жестокостью. Приводимъ одинъ образецъ полемической аргументаціи автора. Буржуазные писатели ссылались на Дарвина, какъ ссылались на него и послѣдователи Маркса; но первые, по словамъ г. Вельтова, рекомендовали своимъ читателямъ „не научные приемы Дарвина, а только звѣрскіе инстинкты тѣхъ животныхъ, о которыхъ у Дарвина шла рѣчь“. Марксъ сходится съ Дарвиномъ, а „буржуазные писатели сходится съ звѣрами и скотами, которыхъ изучалъ Дарвинъ“ (стр. 231—232).

Остается только пожалѣть, что большая начитанность и несомнѣнныя положительныя знанія автора нашли столь одностороннее и отчасти бесплодное употребленіе. Въ книгѣ разработанъ или затронутъ литературный матеріалъ, который представляетъ интересъ для читателей; но онъ предложенъ въ такомъ фантастическомъ видѣ, съ такою примѣсью развязной и рѣзкой полемики, что даже отдѣльныя хорошія главы не производятъ серьезнаго впечатлѣнія. Между тѣмъ одно оглавленіе содержанія книги показываетъ, что предметы, трактуемые авторомъ, весьма серьезны и значительны: первая глава посвящена французскому матеріализму XVIII-го вѣка, затѣмъ рѣчь идетъ о „французскихъ историкахъ временъ реставраціи“, объ „утопистахъ“, объ „идеалистической нѣмецкой философіи“ и о „современномъ матеріализмѣ“; наконецъ, въ пространномъ заключеніи (стр. 244—279) резюмируются взгляды автора на Маркса и на отношеніе къ нему нашей литературы и журналистики. Наибольше мѣста уделено, однако, нападкамъ на г. Михайловскаго, на его субъективный методъ, на его ошибочныя разсужденія и толкованія, что придаетъ всей книгѣ чисто полемическій характеръ.—Л. С.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры.

Азбелсъ, Н. П.—Вліяніе морской силы на исторію. 1660—1783 г. Изсѣдованіе капитана А. Т. Мэхэна (сѣв.-ам. флота). Переводъ съ англійскаго. Изданіе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича В. К. Георгія Александровича. Спб. 95. Стр. 634.

Альмедитенъ, А.—Руководство для приготовленія горькихъ водокъ, ливеровъ и наливокъ домашнимъ способомъ. Спб. 95. Стр. 90.

Андерсень.—Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Перев. съ датскаго подлин. А. и П. Ганзенъ. Т. IV: вып. 15. Спб. 95. Стр. 257—400. За 4 т. 8 р.

Архателъскій, С. И.—Практическое руководство къ содержанію и воспитанію растеній въ жилыхъ помѣщеніяхъ, со сѣденіями изъ фیزیологіи растеній. Оренб. 95. Стр. 64. Ц. 75 к.

Бальмонтъ, К. Д.—Сочиненія Шелли. Перев. съ англ. Вып. 3. Спб. 95. Стр. 93. Ц. 50 к.

Берендтсъ, Э.—О шведско-норвежской униі. Историко-политическій этюдъ. Яросл. 95. Стр. 80.

Бокль, Г. Т.—Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи О. К. Нотовича. 2-е изд. Спб. 95. Стр. 196. Ц. 50 к.

Бретано, Л.—Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. В. Дана и В. Святловскаго 2-го. Спб. 95. Стр. 87. Ц. 75 к.

Бруссиловскій, Е., д-ръ.—Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства. Од. 95. Стр. 53. Ц. 50 к.

Быстреминъ, В.—Земельный кредитъ и оскудѣніе. Спб. 95. Стр. 27. Ц. 25 коп.

Враніель, гр. К. Г.—Книга о Лошади. Обработана для примѣненія въ Россіи, по 3-му нѣм. изд., п. р. кн. С. П. Урусова. Вып. 1. Подп. ц. въ 20 вып. 10 руб., въ пер. 12 р.

Водозовой, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ: Итальянцы. Спб. 95. Стр. 189. Ц. 40 к.

Ваня, Ив. И.—Русскій словарь. Т. I. Словарь чешско-русскій. Прага, 95. Стр. 193.

Виндембандъ.—Философія Канта. Съ нѣм. пер. Н. Платонова. Спб. 95. Стр. 202.

Гаринъ, Н.—Гимназисты. Изъ семейной хроники. Спб. 95. Стр. 324. Ц. 1 р. 25 к.

Гейеръ, А. А.—Сборникъ матеріаловъ для статистики Смиръ-Дарьинской области. Т. III. Таше. 94.

Германъ, д-ръ Л. Ф.—Суевѣріе въ медицинѣ. Харьк. 95. Стр. 40.

Гертвигъ, Оск.—Современные спорные вопросы о біологіи. Вып. 1: Эволюція или эпигенезъ? Основы теоріи развитія организмовъ, съ 4 рис. Перев. В. Львова. М. 95. Стр. 125. Ц. 60 к.

Дрестельнъ, Елиз.—О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. 95. Стр. 30. Ц. 20 к.

Забѣлинъ, Ив.—Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Ч. I. 3-е изд. съ доп. М. 95. Стр. 759. Ц. 4 р.

Зоммерфельдъ, д-ръ Т.—Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скар-

латины, дифтерита, чакотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Од. 95. Стр. 52. Ц. 20 к.

Измаильскій, А. А.—Влажность почвы и грунтовая вода, въ связи съ рельефомъ мѣстности и культурнымъ состояніемъ поверхности почвы. Полт. 94. Стр. 323. Ц. 1 р.

Кавось-Дестерева, Софія.—А. Г. Рубинштейнъ. Биографическій очеркъ (1829—1894 г.) и музыкальныя лекціи (курсъ фортепианной литературы) 1888—1889 г. Съ двумя портретами и 35-ю нотными примѣрами. Спб. 95. Стр. 280. Ц. 2 р.

Бардо-Сисоевъ, Н. Е.— Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. М. 95. Стр. 80. Ц. 50 к.

Картевъ, Н.—Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 3-е. Спб. 95. Стр. 164. Ц. 50 к.

Басперовъ, В. И.—Цѣны на пшеницу на современномъ международномъ рынкѣ. Спб. 95. Стр. 121, съ таблицами и діаграммами.

Каутскій, Карлъ.— Возникновеніе брака и семьи. Спб. 95. Стр. 120. Ц. 50 коп.

Башкаровъ, Ив.—Откровенное слово русскаго дворянина. Думы старика. Спб. 95. Стр. 162. Ц. 1 р.

Килландъ, Александръ.—Ядъ. Фортуна. Два романа. Перев. Э. А. Русаковой. М. 95. Стр. 324. Ц. 1 р.

Коноваловъ, П. Н., д-ръ.—Объ алкоголизмѣ. Красноарскъ, 95. Стр. 28.

Косинскій, К. В.—Систематическій Сборникъ приказовъ по военному вѣдомству и циркуларовъ Главнаго Штаба, за 1893—94 г. Спб. 95. Стр. 456. Ц. 5 р.

Крамъ, Л. Э.—Крахмальное производство и значеніе его для сельскаго хозяйства. Юрьевъ (Дерптъ). 95. Стр. 206.

Кутузовъ, гр. П.—Завѣтъ царя Петра. Спб. 95. Стр. 24.

Лась, Надежда.—Ангель Смерти. Народное сказаніе на день кончины возлюбленнаго Государа Императора Александра III. Спб. 95. Стр. 80.

Лесажа.—Исторія Жиль Блаза де-Сантильяна. Пер. съ франц. Спб. 95. Стр. 617.

Магаймъ, Эрн., проф.—Профессиональные рабочіе союзы. Перев. съ франц. Н. Водовозова. Спб. 95. Стр. 334. Ц. 1 р. 25 к.

Мамъевъ, С. Н.—Библиографія желѣзнодорожнаго вопроса Сибири. Указатель статей, корресп. и замѣтокъ, помѣщ. въ сибирскихъ період. изданіяхъ и сборникахъ за 1857—94 гг. Tob. 95. Стр. 56.

Мартенсъ, Ф.—Собраніе Трактатовъ и Конвенцій, заключенныхъ съ иностран. державами. Т. XI: Трактаты съ Англіею. 1801—1831. Спб. 95. Стр. 492.

Мушкетовъ, И. В.—Инструкція для изученія мерзлости почвы въ Сибири. Съ 8-ю политик. Спб. 95. Стр. 23.

Никитинъ, В. Н.—Разнообразіе. Повѣсти, рассказы и очерки. Спб. 95. Стр. 378. Ц. 1 р.

Орловъ, Н. А.—Суворовъ на Треббін въ 1799 г. Спб. 95. Стр. 124. Ц. 1 р. 50 коп.

Петровскій, Н. Ф.—Древніе арабскіе дорожники по средне-азиатскимъ мѣстностямъ, входящимъ нынѣ въ составъ русскихъ владѣній, Ташк. 94. Стр. 60. Ц. 50 к.

Пославская, А., и Мандельштамъ, Е.—Обзоръ 10-лѣтней дѣятельности

амбулаторной лечебницы для туземныхъ женщинъ и дѣтей въ Ташкентѣ. Ташк. 94. Стр. 124.

Реклю, Эл.—Земля и Люди. Всеобщая географія. XV: Сѣверная Америка, Гренландія, Полярный архипелагъ, Аляска, Канада, Нью-Фаундлендъ. Съ 55 рис. Спб. 95. Стр. 575. Ц. 8 р.

Салтыковъ, М. Е.—Полное собраніе сочиненій, т. VIII: Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. За рубежомъ. 3-е изд. Спб. 95. Стр. 591. Ц. 1 р. 75 к.

Соттловъ, В.—Кавказскія преданія и легенды. Спб. 95. Стр. 265. Ц. 1 р. 25 коп.

Слуцескій, В.—Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. Изд. 2-е, передѣл. и дополн. Спб. 95. Стр. 791. Ц. 5 р.

Смитъ, Адамъ.—Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. Перев. М. Щелкина. М. 95. Стр. 288. Ц. 1 р.

Соколова, М. М.—Земля и ея обитатели, первое знакомство съ географіею всеобщю и русскою. Пособіе для самообразованія. Съ 170 рис. въ текстѣ. Спб. 95. Стр. 338. Ц. 1 р.

Столетовъ, А. Г.—Введеніе въ акустику и оптику. Съ 285 чертеж. М. 95. Стр. 325. Ц. 2 р.

Травастовъ, И. М.—Иррациональныя числа и дѣяна окружности. Спб. 95. Стр. 38. Ц. 60 к.

Тенисонъ, Альфр.—Магалина (Maud). Поэма. Перев. А. М. Федорова, съ вступит. статью Ив. Ив. Иванова: „Тенисонъ и его поэзія“, и съ вортр. поэта. М. 95. Стр. 64. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н.—Хозяинъ и работникъ. Разсказъ. М. 95. Стр. 95. Ц. 20 к.

Федо, Ф.—Домашняя лабораторія. Руководство къ ознакомленію съ основными химіи. Перев. и доп. Н. Диминъ. Съ 37-ю рис. Стр. 160.

Фортуатовъ, А., проф.—Нѣсколько данныхъ по статистикѣ европейской Россіи. М. 97. Съ 7 картами.

Халанскій, М.—Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ, въ связи съ прозведеніями русскаго бытсваго эпоса. Сравнительныя наблюденія въ области героическаго эпоса южныхъ славянъ и русскаго народа. III. Варш. 95. Стр. 800. Ц. 2 р. 50 к.

Циллера, Т.—Что такое нравственность? Пер. съ нѣм. А. Острогорскаго. Спб. 95. Стр. 101. Ц. 50 к.

Числовъ, В.—Не былъ, но и не выдумка. Спб. 95. Стр. 227.

Шарпантье де-Боссити.—Земледѣльская гидравлика. Руководство къ орошенію. Перев. съ 2-го изд., п. р. А. И. Подольскаго, съ примѣненіемъ къ русскимъ условіямъ. Съ 170 черт. и рис. Спб. 95. Стр. 497. Ц. 6 р.

Шелл.—Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Вальмонта. Вып. 3. Спб. 95. Стр. 95. Ц. 50 к.

Шмидтъ, Н. Я.—Къ гигиенѣ рыбнаго промысла въ устьѣ р. Волги. Санитарно-статистическое изслѣдованіе. I. Санитарныя условія жизни рабочихъ. М. 95. Стр. 475. Ц. 5 р.

Штейншюеръ, И. С.—Первые уроки географіи, примѣненныя къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Спб. 95. Стр. 90. Ц. 40 к.

Щеловъ, Ив.—О народномъ театрѣ. М. 95. Стр. 148. Ц. 1 р.

Bourget, Paul.—Ostre-Mer. Notes sur l'Amérique. T. I et II. Par. 95. Стр. 313 и 330. Ц. 7 фр.

Hervey, Paul.—L'Armature. Par. 95. Стр. 324. Ц. 3 фр. 50 сант.

- Изданіе кн. склада П. К. Приишнникова: Джени всему дому голова, расск. С. Грандъ. — Деньщикъ Кенъ, расск. С. Грандъ. — Русскій актеръ самоучка А. С. Яковлевъ. — Иголка, расск. изъ малорус. жизни. М. 95.
- Каталогъ Книжнаго Склада А. М. Калмиковой. 1895 годъ. 4-е дополн. изд. Спб. 95. Стр. 49. Ц. 10 к.
- Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1894 г. М. 95. Стр. 20.
- Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріемовъ (основано 15-го января 1870 г.). Отчеты за 1894 г. и смѣты на 1895 г. Спб. 95. Стр. 55.
- Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Имп. Вольномъ Экономич. Общ. Спб. Комитета грамотности за 1894 г. Спб. 95. Стр. 96.
- Полевная Библіотека: Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми. — Жизнь земли, проф. Пуша. — Пять вѣншихъ чувствъ, Л. Фигье. — Электричество въ домашнемъ быту, Н. Довьязовскаго. — Чудеса гипнотизма, В. Битнера. Домашній обиходъ, Ф. Г. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 94. Ц. по 50 к.
- Починъ. Сборникъ Общества любителей русской словесности на 1895 г. М. 95. Стр. 464.
- Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 94: Протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта. 1729 г. Изд. п. р. Н. Э. Дубровина. Т. VII (январь—июнь 1829 г.). Спб. 95. Стр. 871. Ц. 3 р.
- Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1894 г. М. 95.
- Тридцатилѣтіе Товарищества „Общественная польза“. 1860—1895 г. Спб. 95. Стр. 36.
- Труды Комиссіи Высочайше учрежденной для составленія проекта Положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и складовъ и о надворь за производствомъ въ нихъ работъ. Т. I—IV. Спб. 95.
- Труды V сѣзда Общества русскихъ врачей, въ память Н. И. Пирогова, изданные правленіемъ V сѣзда. Т. II. Спб. 95. Стр. 780.
- Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Т. XIV: Калача-Керо. Спб. 95. Стр. 1—960.
- Юридическая Библіотека: № 1. Честь въ философіи и въ правѣ, проф. І. Экштейна. № 2. Литературная собственность, Я. Кантаровича. № 3. Общественное мнѣніе, проф. Ф. Гольцендорфа. № 4. Женщина въ правѣ, Я. Оровича. Спб. 95. Ц. 4 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Paul Bourget. Outre-Mer (Notes sur l'Amérique). Tome I, p. 313; T. II, p. 335. Paris. 1895.

Поль Бурже составилъ себѣ большую извѣстность главнымъ образомъ своими романами. Чуткій, наблюдательный и склонный къ постояннымъ обобщеніямъ, онъ нашелъ въ изображеніи типовъ парижскаго общества широкое поле для своихъ психологическихъ экспериментовъ и безпокойной погони за новыми оттѣнками ощущеній. Но этотъ создатель психологическаго романа—таково признанное критикой положеніе Бурже въ современной французской литературѣ—слишкомъ озабоченъ стремленіемъ отразить фізіономію общества въ самый послѣдній моментъ современности, съ ея манерой думать и чувствовать, жить и относиться къ жизни, вплоть до покроя платьевъ и моды въ устройствѣ квартирной обстановки. Романы Бурже слишкомъ наполнены описаніями рамокъ парижской жизни; слишкомъ онъ мудрствуетъ надъ капризами, или тѣмъ, что онъ называетъ *états d'âme* у своихъ праздныхъ героинь, проводящихъ долгіе часы за зеркаломъ и занятыхъ культомъ своей красоты и размышленіями о характерѣ своихъ сложныхъ отношеній къ вѣсколькимъ интимнымъ друзьямъ. За этими подробностями исчезаетъ идейная подкладка, болѣе интересная у этого тонкаго знатока современности, чѣмъ его художественное творчество. Значеніе Бурже для литературы заключается въ его умѣнѣиъ понять сущность всякаго общественнаго явленія, въ его отзывчивости на самыя разнообразныя проявленія современной жизни.

Но это проникновеніе въ истинный смыслъ окружающихъ явленій лишь въ слабой степени отразилось въ романахъ Бурже, слишкомъ манерныхъ для искренняго философа жизни, каковымъ Бурже хотеть казаться, слишкомъ открытыхъ всякому идейному влиянію извнѣ, будь то евангельская проповѣдь Толстого, или нео-католицизмъ французскихъ писателей, или эстетизмъ англійскихъ прерафаэлитовъ. Бурже прежде всего стремится къ полнотѣ изображенія современности, и потому, слѣдя за болѣе глубокими теченіями современной мысли, онъ доступенъ и тѣмъ мимолетнымъ настроеніямъ, которыя составляютъ въ области идей господствующую моду въ тотъ или другой моментъ.

Автора „Mensonges“, „Disciple“, „Cosmopolis“, недружелюбные критики называютъ „Вортомъ въ литературѣ“, создающимъ новыя моды своими подробными и обстоятельными описаніями костюмовъ и экипажей, мебели и предметовъ роскоши. Въ области идейной это стремленіе воплотить послѣднее слово, послѣднее движеніе мысли, еще ближе граничить съ добросовѣстностью хроникера, и романы Бурже заслуживаютъ названіе „хроники идейныхъ модъ“ еще болѣе, чѣмъ это примѣнимо къ его описаніямъ рамокъ свѣтской жизни. Успѣхъ же его романовъ объясняется именно этимъ поверхностнымъ трактованіемъ всякихъ философскихъ и психологическихъ проблемъ, создаваемыхъ жизнью, умѣньемъ сочетать кажущуюся глубину съ несомнѣнной легкостью изложенія и отражать эффектно, хотя и поверхностно, болѣзненность и сложность нервной организаціи „конца вѣка“, всѣ капризные изгибы современной души.

Гораздо полнѣе сказываются истинныя качества таланта Бурже, его тонкій умъ, наблюдательность и умѣнье находить философскую формулу самыхъ сложныхъ явленій современности—въ его критическихъ очеркахъ и теоретическихъ статьяхъ; въ нихъ онъ перестаетъ гнаться за удовлетвореніемъ капризовъ общественнаго вкуса и дѣлается искреннимъ искателемъ правды, анализирующимъ съ научной безпристрастностью и тонкимъ чутьемъ художника всѣ характерныя явленія идейной жизни, въ которыхъ онъ видитъ основные элементы современной культуры. Таковы его: „Essais de psychologie contemporaine“, „Etudes et portraits“ и другіе очерки, посвященные разбору и оцѣнкѣ наиболѣе интересныхъ и сильныхъ выразителей нашей эпохи. Въ послѣдніе годы Бурже расширилъ это изученіе индивидуальностей изученіемъ дѣльныхъ націй, воплощающихъ въ себѣ элементы современной культуры. Онъ путешествовалъ по сѣверу и по югу Европы и въ своихъ путевыхъ очеркахъ обнаруживаетъ удивительное—особенно у француза—пониманіе духа чуждыхъ ему цивилизацій. Онъ не судитъ изучаемыя имъ страны съ высоты своихъ личныхъ идей и вкусовъ, а ищетъ основъ національной жизни, философскій принципъ, управляющій дѣятельностью страны; значеніе этого принципа для общей исторіи человѣчества дѣлается для него критеріемъ въ оцѣнкѣ народа и общества.

Смѣлость обобщеній и точность наблюденій, умѣнье отыскивать самое характерное въ подробностяхъ жизни и въ особенностяхъ встречаемыхъ людей, составляютъ основное качество путевыхъ очерковъ Бурже, и они сказались съ особенной полнотой и блескомъ въ вышедшихъ недавно въ свѣтъ двухъ томахъ объ Америкѣ. Книги эти, носящія общее заглавіе „Outre-Mer“, соединяютъ привлекательность „импрессионистской“ манеры съ безпристрастіемъ психолога школы Тэнъ.

Космополитизмъ Бурже сказался въ этихъ очеркахъ съ большою яркостью; отправляясь въ совершенно чуждую ему по духу страну, онъ умѣетъ отдѣлаться отъ всѣхъ предвзятыхъ понятій и сразу освоится съ новой средой. Впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ путешествія по Америкѣ, послѣ девяти мѣсяцевъ пребыванія тамъ, въ высшей степени разнообразны и поучительны, именно благодаря этому умѣнью ассимилироваться со всякими формами жизни, и пропускать сквозь нихъ въ сущность явленій. Философскіе и практическіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ, очень любопытны для француза, извѣрившагося въ жизнеспособность современной французской культуры и жаждущаго найти путь къ возрожденію національной энергіи. Въ общемъ полнота и новизна его наблюденій и художественность въ изображеніи американской жизни дѣлаютъ книгу Бурже однимъ изъ самыхъ занимательныхъ описаній жизни „по ту сторону океана“. Если же, по свойственной французамъ манерѣ увлекаться, онъ доводитъ иногда до апогея подмѣченные имъ типы и явленія, то это придаетъ большую рельефность изображенію особенностей американскаго быта, которыя должны были привлечь французскаго писателя именно своимъ контрастомъ съ основными чертами французской жизни и національнаго характера французовъ.

Въ первыхъ страницахъ своихъ очерковъ, писанныхъ на пароходѣ во время переправы въ Нью-Йоркъ, Бурже объясняетъ цѣль своего путешествія и говоритъ о томъ, что онъ надѣется найти въ Новомъ Свѣтѣ. „Меня интересуетъ въ Америкѣ,—говоритъ онъ,—не она сама, а Европа и прежде всего Франція; меня влечетъ къ ней стремленіе понять и разрѣшить задачу будущаго для Европы и для Франціи“. Будущее кажется ему въ зависимости отъ трехъ силъ, проявляющихъ свое могущество во всѣхъ начинаніяхъ Стараго свѣта. Силы эти—демократія, наука и идея расы. Онѣ дѣйствуютъ разрушительно въ европейской цивилизаціи, создавая иллюзію свободы въ всеобщей подачѣ голосовъ, т. е. тиранніи числа, приводя къ философскому нигилизму, почти къ банкротству знанія, признающаго невозможность никакихъ вѣчныхъ выводовъ; наконецъ, идея расы, казавшаяся великой „при освѣщеніи пушечнаго огня въ Сольферино“, тоже привела къ варварству вѣчныхъ угрозъ, къ миру среди вооруженныхъ армій, готовыхъ ежечасно начать кровопролитіе, не имѣющее равнаго себѣ въ исторіи. А между тѣмъ эти силы, разрушительныя для Европы, создали въ Америкѣ новую цивилизацію, демократическую съ первой минуты своего существованія, положившую науку въ основу своей внутренней жизни и развившуюся среди большаго смѣшенія расъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Желаніе увидѣть вблизи эту цивилизацію и извлечь изъ этого урокъ для своей родины и побудило

Бурже совершить путешествіе въ страну чуждую его эстетическимъ и философскимъ стремленіямъ. Онъ предвидѣлъ, что не вынесетъ оттуда никакихъ поэтическихъ впечатлѣній, какъ изъ странъ съ великимъ прошлымъ, Италиі, Греціи, Сиріи, гдѣ онъ путешествовалъ съ восторгомъ въ душѣ. „Я знаю, что отправляюсь къ людямъ чуждымъ мнѣ по душѣ и разуму,—пишетъ онъ.—Но куда бы я не пошелъ, чтобы почерпнуть хоть немного вѣры въ будущее цивилизаціи, которая у насъ кажется иногда накануне гибели!“

Съ этой предначертанной программой Бурже высаживается въ Нью-Йоркѣ и начинаетъ свое изученіе Америки, ея общественнаго устройства и внутренней жизни, типовъ, созданныхъ лихорадочной жизнью американскихъ городовъ, неизмѣрною быстротой цивилизаціи, которая въ десятокъ лѣтъ превращаетъ пустынное мѣсто въ городъ съ многотысячнымъ населеніемъ, желѣзными дорогами и конками, электричествомъ и всякими ухищреніями комфорта, бібліотеками, газетами и т. д. За время своего пребыванія Бурже успѣваетъ близко познакомиться съ положеніемъ всѣхъ классовъ населенія Америки въ главныхъ ея центрахъ, и два тома его очерковъ полны фактовъ, подтверждающихъ его теоретическіе выводы, оригинальныхъ сценъ жизни, сотканной изъ случайностей, экзотическихъ картинъ быта прерій и южныхъ городовъ.

Основной чертой разнообразныхъ существованій въ американскихъ штатахъ Бурже считаетъ инициативу личности, получающую весьма широкій просторъ среди условій мѣстной жизни. Въ этомъ, по его мнѣнію, главное отличіе французской демократіи отъ американской. Французская демократія покорила личность тиранинн большинства, а въ Америкѣ каждый самый маленькій центръ живетъ своей индивидуальной, свободной жизнью, развиваетъ всѣ свои силы; все дѣлается энергіей отдѣльныхъ людей, которые создаютъ поражающія своими размѣрами предпріятія и группируютъ вокругъ нихъ населенія цѣлыхъ городовъ, накладывая на все вокругъ тотъ отпечатокъ колоссальности, преувеличенности размѣровъ, который прежде всего поражаетъ иностранца въ Америкѣ. Энергія, желѣзная воля—таковъ принципъ американской жизни во всѣхъ слояхъ населенія. Бурже показываетъ, какой отпечатокъ придаетъ эта сила личной инициативы жизни высшаго общества, т.-е. людей, обратившихъ свою энергію, изобрѣтательность и практичность на добываніе богатствъ и достигшихъ тѣхъ грандіозныхъ результатовъ, которые возможны только въ этой странѣ сказочныхъ предпріятій.

Размѣры американскихъ богатствъ и роскошь, которой умѣютъ окружать себя владѣльцы собственныхъ отелей въ Нью-Йоркѣ и виллы въ Ньюпортѣ, кажется европейцу преувеличенной, кричащей, и сви-

дѣлаетъ, что владѣльцамъ чуждо чувство гармоніи и мѣры, такъ же, какъ понятіе покоя и нерѣшимости—ихъ предпріимчивыя натурамъ. Но въ самихъ владѣльцахъ колоссальныхъ состояній Бурже видитъ ту силу характера, которая исключаетъ пошлость изъ этихъ существованій, гдѣ столько разъ ставилась жизнь на карту, прежде чѣмъ были достигнуты столь блестящіе результаты. Американскіе богачи, будь то строители желѣзныхъ дорогъ, владѣльцы приисковъ или устроители огромныхъ заводовъ и фабрикъ, отличаются, по наблюденіямъ Бурже, необыкновенной широтой замысловъ, доходящей иногда до геніальности и, съ другой стороны, практичностью и ясностью ума, которая научаетъ ихъ предвидѣть всѣ детали въ осуществленіи разъ задуманнаго дѣла. Все предпринимается въ колоссальныхъ размѣрахъ, благодаря гигантской силѣ воли, отличающей американцевъ. Это люди съ могучимъ воображеніемъ на подкладѣ точныхъ знаній и огромной практичности, среди пустынныхъ пространствъ, далекихъ отъ человѣческаго жилья; они видятъ большой городъ, который необходимо долженъ вырасти тамъ, и согласуютъ свои схемы новыхъ предпріятій съ той цифрой населенія, которую предвидятъ въ своихъ расчетахъ. Бурже наблюдалъ вблизи нѣсколько крупныхъ предпріятій, осматривалъ желѣзныя дороги, посѣщалъ боины въ Чикаго, провелъ много часовъ въ администраціи одного изъ громаднхъ американскихъ журналовъ и во всѣхъ этихъ разнообразныхъ мѣстахъ видѣлъ сочетаніе основныхъ чертъ американской природы—предпріимчивости, естественной въ новой странѣ, открытой для всѣхъ случайностей, и холодной разсудочности, все предвидящей и принимающей въ расчетъ.

Жизнь дѣльцовъ и богачей въ Америкѣ наполнена лихорадочной дѣятельностью, не оставляющей имъ почти времени для отдыха, и только когда нервы не выдерживаютъ чрезмѣрнаго напряженія, эти люди подвергаютъ себя радикальнымъ способамъ леченія и проводятъ долгіе мѣсяцы въ морскихъ путешествіяхъ, отрѣшаясь отъ поглощающихъ ихъ дѣлъ. Роскошь, которую они создаютъ себѣ своими необычайными усиліями, мало измѣняетъ ихъ личное существованіе,—ею пользуются главнымъ образомъ женщины, которыми держится свѣтская жизнь Америки. Французскій романистъ посвящаетъ много краснорѣчивыхъ страницъ описанію женскихъ типовъ, встрѣчаемыхъ въ Америкѣ. Онъ неистощимъ въ восхваленія ихъ независимости, ихъ энергичныхъ и свободныхъ натуръ и умѣнья устроить свою жизнь согласно своимъ личнымъ потребностямъ. Свѣтская женщина въ Америкѣ является тѣмъ же воплощеніемъ воли, какъ вся жизнь этой страны инициативы. Мужчина воплощаетъ въ ней свои идеалы роскошной и веселой жизни, которую онъ самъ не имѣетъ

времени пользоваться. Онъ работаетъ безъ устали въ своихъ заводахъ и конторахъ, взращиваетъ и экспортируетъ быковъ, строитъ новыя желѣзнодорожныя линіи, спекулируетъ на цѣнѣ домовъ въ новыхъ городахъ—и, быть можетъ, единственнымъ удовлетвореніемъ его самолюбію служитъ мысль о молодой дѣвушкѣ, его дочери, составляющей центръ свѣтской жизни въ своемъ городѣ и на водахъ проживающей съ лихорадочной быстротой и легкостью десятки тысячъ долларовъ, на добываніе которыхъ предпримчивый янки посвятилъ свою жизнь. Назначеніе свѣтской женщины въ Америкѣ Бурже видитъ въ томъ, что онъ „les délégués au luxe“, какъ онъ ихъ называетъ. „Ихъ миссія—внести въ жизнь то, что американецъ не имѣетъ времени создать, но что онъ хочетъ имѣть у себя: вершину элегантности, немного красоты и аристократичности. Онъ—представительницы аристократіи въ этой странѣ дѣльцовъ, аристократіи, которая живетъ развитіемъ индустріи, потому что деньги, зарабатываемыя въ конторахъ, стекаются къ женщинамъ, и въ ихъ рукахъ онъ преобразуются, превращаются въ драгоценныя украшенія, уходятъ на удовлетвореніе интеллектуальныхъ капризовъ и, такъ сказать, теряютъ свой утилитарный характеръ (l'argent se désutilise)“.

Жизнь этихъ создательницъ роскоши, сочетающихъ большую жажду пользоваться жизнью и веселиться съ трезвостью ума и холодностью темперамента, постоянно заставляетъ Бурже думать о контрастѣ съ европейскими женщинами, въ особенности съ французженками. Онъ отиѣчаетъ, какую сравнительно незначительную роль сердечныя привязанности играютъ въ жизни американокъ, веселыхъ и умныхъ собесѣдницъ, смѣлыхъ и свободныхъ въ своихъ манерахъ и рѣчахъ, отзывчивыхъ на всякія идейныя движенія, самостоятельныхъ въ жизни, покоряющихся всегда требованіямъ разсудка и безъ всякаго лицемѣрія говорящихъ о своихъ практическихъ соображеніяхъ въ вопросахъ чувствъ. Разговоры о замужствѣ—повденны у большинства американокъ, болѣе свободныхъ до брака—поражали французскаго писателя своей трезвостью. Богатая американка говоритъ о себѣ какъ объ акціи какого-нибудь промышленнаго предприятия, но ея слова не кажутся циничными, потому что въ ней нѣтъ сентиментальности и лицемѣрія, прикрывающаго матеріальныя расчеты притворными чувствами. Бракъ разсматривается какъ форма общественной жизни, болѣе или менѣе удобная въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—вопросы чувства почти не входятъ при этомъ въ расчетъ. Чистота нравовъ, наслѣдіе пуританскихъ предковъ, и легкость развода дѣлаютъ семейную жизнь американцевъ крайне удобной. Мужчины и женщины одинаково самостоятельны, ведутъ полную

жизнь среди дѣлъ и умственныхъ развлеченій; широкое развитіе спорта имѣетъ тоже большое вліяніе на образованіе здоровыхъ, цѣльныхъ натуръ, и въ этой нормальной обстановкѣ нѣтъ мѣста для той развинченности нервовъ, которая лежитъ въ основаніи сложной сердечной жизни въ европейскихъ странахъ. Хороша или дурна эта нормальная сердечная атмосфера американскаго общества—Бурже не высказываетъ опредѣленнаго мнѣнія на этотъ счетъ. Если отсутствіе сильныхъ и сложныхъ страстей ведетъ къ отсутствію истиннаго искусства, то оно, съ другой стороны, ведетъ къ созданію наиболѣе благоприятныхъ условий для жизни среднихъ людей. Эта страна умѣренныхъ душевныхъ страстей и желѣзной воли въ практическихъ предпріятіяхъ—истинный очагъ демократизма. „Тутъ живетъ съ сознаніемъ, что вокругъ много довольныхъ и счастливыхъ“, говорить Бурже встрѣченный имъ французскій эмигрантъ, старавшійся самъ найти въ своихъ словахъ утѣшеніе послѣ того, какъ онъ жаловался на отсутствіе идейной жизни въ Америкѣ.

Въ очеркахъ Бурже отдѣлено много мѣста изслѣдованію рабочаго вопроса, болѣе жгучаго тамъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, благодаря рѣзкимъ контрастамъ въ распредѣленіи богатствъ. При первомъ взглядѣ на условія труда въ сѣверныхъ штатахъ, они кажутся несравненно лучшими, чѣмъ въ Европѣ. Бурже приводитъ нѣкоторыя статистическія данныя изъ книги Элеоноры Эвелингъ: „The working class movement in America“, и по нимъ оказывается, что минимальный заработокъ фабричнаго рабочаго варьируетъ между 1—1½ долларами, т.-е. 2—3 рублями въ день. Но эти цифры, привлекающія главнымъ образомъ эмигрантовъ въ Америку, нужно разсматривать въ связи съ дороговизной необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ. Самымъ яркимъ примѣромъ этой дороговизны является описываемый Бурже ночлежный домъ въ Нью-Йоркѣ, нѣчто въ родѣ нашей „вяземской лавры“, посвящей почему-то названіе „Бисмаркъ“. Въ этомъ притонѣ, въ который стоитъ войти, по словамъ полицмена, чтобы при выходѣ почувствовать блаженство свѣжаго воздуха, ночлегъ на голомъ полу стоитъ 14 копѣекъ, на нарахъ—20 коп., а на тюфякѣ—24 копѣйки. Понятно, что тамъ, гдѣ существуетъ на ряду съ „Бисмарками“ безумная роскошь дворцовъ въ Fifth Avenue, гдѣ каждый вечеръ обѣденный столъ усыпается розами по доллару за штуку, происходятъ и постоянныя столкновенія классовъ населенія рабочихъ и капиталистовъ, и грозныя стачки прошлаго года показали, до какихъ предѣловъ могутъ доходить выведенные изъ терпѣнія рабочіе. Но Америкѣ не грозитъ социальная революція, по словамъ собесѣдниковъ Бурже, представителей могущественнаго въ Америкѣ духовенства и съ другой стороны защитниковъ народныхъ

правъ. Рабочаго въ Америкѣ сдерживаетъ природная благочестивость, уваженіе къ закону и чистота нравовъ, а съ другой стороны вѣра въ трудъ и стремленіе самому добиться того же положенія, какому пользуется и эксплуатирующій его капиталистъ; они—не враги капитала, а, напротивъ, спекуляторы по характеру. Таково объясненіе прелатовъ. Руководители народныхъ массъ, въ обществѣ которыхъ Бурже изучалъ рабочіе кварталы Нью-Йорка и посѣщалъ живописные и страшные по нищетѣ кварталы иностранныхъ рабочихъ, даютъ другое объясненіе. Они вѣрятъ въ мирное разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ и ведутъ социалистическую пропаганду съ вѣрой въ побѣду нравственныхъ началъ въ человечествѣ, въ побѣду справедливости. Описанія жизни въ итальянскомъ, китайскомъ, еврейскомъ и другихъ кварталахъ сдѣланы Бурже съ большой яркостью и оставляютъ сильное впечатлѣніе. Съ тѣмъ же блескомъ разсказано его путешествіе на югъ Америки и описана жизнь фермеровъ, въ которой сохранилось еще много первобытной дикости. На югѣ Бурже поваялъ значеніе расоваго вопроса въ антагонизмѣ бѣлой и черной расы, неискоренимомъ, несмотря на свободу негровъ; чернокожій, по его мнѣнію, остался тѣмъ же дикаремъ подъ вѣшнимъ слоемъ культуры и слияніе этой расы съ побѣдителями невозможно.

На картинахъ жизни „cowboys“ и фермеровъ заканчивается книга Бурже. Онъ возвратился на родину съ массой новыхъ впечатлѣній, утвердившихъ въ немъ вѣру въ благотворность американской демократіи, не сковывающей индивидуальную волю, а напротивъ, дающую ей полный просторъ.

II.

Hermann Oelsner. The influence of Dante on modern thought. London 1895. Стр. 120.

Небольшое изслѣдованіе англійскаго писателя Эльснера нельзя отнести къ категоріи типичной литературы о Данте. Это не комментаторъ, объясняющій съ новой точки зрѣнія тѣ или другія мѣста Божественной Комедіи и спотыкающійся на тѣхъ же трудностяхъ, какъ и его предшественники, когда дѣло доходитъ до изложенія схоластическихъ воззрѣній поэта. Книга его не является также разсужденіемъ о философскомъ и эстетическомъ значеніи поэмы. Авторъ затрогиваетъ очень современный и близкій намъ вопросъ о значеніи Данте для мысли и искусства нашего времени. За послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ замѣчается усиливающійся интересъ къ творчеству флорентійскаго поэта, и трудно видѣть простую случайность въ томъ, что выдающіеся люди въ различныхъ странахъ Европы обращаются почти одновременно къ изученію средневѣковой поэмы,

столь чуждой намъ, казалось бы, по своему міросозерцанію, по католическимъ идеямъ автора и его наивному пониманію вѣчной справедливости. Эльснеръ собираетъ въ своемъ небольшомъ этюдѣ множество мнѣній, высказанныхъ о Данте за послѣдніе десятилетия дѣтъ, и приходитъ къ заключенію, что мы переживаемъ возрожденіе дантовской славы, затмившейся во время переживаній классицизма въ XVII в. и матеріализма XVIII в.

Англійскій критикъ задался мыслью прослѣдить вліяніе Данте на вѣкахъ, послѣдовавшихъ за его смертью. Онъ дѣлаетъ попытку установить преемственность между временемъ, породившимъ Данте и культъ его поэзіи въ теченіе всего XV и значительной части XVI вѣка, и нашимъ временемъ въ его эстетическихъ идеалахъ. Смутное представленіе объ этой преемственности существовало у многихъ отдѣльныхъ художниковъ и критиковъ XIX в., особенно второй его половины. Сводя эти отдѣльныя свидѣтельства въ одно цѣлое, Эльснеръ очень рельефно освѣщаетъ ту мысль, что если Данте ближе и понятнѣе намъ, чѣмъ предъидущимъ поколѣніямъ, то это потому, что у насъ съ нимъ много общихъ настроеній, много общаго въ отношеніи къ жизни и къ вѣчному въ природѣ. Какая связь между итальянскимъ поэтомъ, предвозвѣстникомъ возрожденія, и извѣрившимся, но жаждущимъ новыхъ идеаловъ культурнымъ человечествомъ второй половины XIX вѣка? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ книга Эльснера не даетъ, но авторъ доказываетъ существованіе этой связи, и въ этомъ заключается главное значеніе книги. Очень характерно, что мысль о параллели между нашимъ временемъ и эпохой возрожденія исходитъ отъ англичанина. Современное англійское искусство переживаетъ фазисъ, ближе всего напоминающій по своимъ настроеніямъ и идеаламъ итальянское возрожденіе, и этотъ характеръ англійскаго искусства привился во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ; говоря о родствѣ эстетическихъ стремленій современной Европы съ тѣмъ, что вдохновляло итальянскихъ художниковъ quattro cento, Эльснеръ формулируетъ несомнѣнный фактъ. Въ поэзіи основной характеръ возрожденія съ его глубокими настроеніями полнѣе всего сказался въ Данте; показывая его вліяніе на искусство нашего времени, критикъ тѣмъ самымъ устанавливаетъ духовную близость двухъ эпохъ, отдѣленныхъ столькими вѣками.

Интересно прослѣдить вмѣстѣ съ Эльснеромъ судьбу дантовской поэзіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, отдѣляющихъ флорентійскаго поэта отъ насъ. Какъ общій фактъ, англійскій критикъ замѣчаетъ, что эпохи поклоненія Данте совпадаютъ съ процвѣтаніемъ искусства, и, напротивъ, уменьшеніе его вліянія указываетъ въ большинствѣ случаевъ на отсталость въ художественномъ развитіи. „Упадокъ на-

чинается, когда художники перестают носить въ душѣ Данте"; эти слова Гримма—Эльснеръ цитируетъ въ подтвержденіе своей мысли. Онъ показываетъ, какъ мощный характеръ дантовской поэзіи, съ ея сильными страстями и переходами отъ бурныхъ чувствъ патриота и проповѣдника къ неземной нѣжности влюбленного, не могъ имѣть прежняго вліянія на итальянскіе умы въ періодъ процвѣтанія виртуозности и красоты Аріоста, Тассо и ихъ подражателей вплоть до легкомысленныхъ мадригаловъ Марини, который ввелъ въ моду *soncetti*, игру словъ и всякіе внѣшніе эффекты. Сильно противодѣйствовали вліянію Данте также іезуиты, видѣвшіе въ великомъ поэтѣ исключительно еретика и предвозвѣстника реформаціи. Только отдѣльные голоса раздаются въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ за Данте, только нѣсколько истинныхъ поэтовъ понимаютъ его величіе и поддаются его обаянію. Боккачіо открыто признавалъ себя ученикомъ великаго флорентинца и говорилъ, что обязанъ ему своимъ гуманизмомъ, своимъ тяготѣніемъ къ классической древности. Но уже Петрарка не сознавался въ томъ, насколько онъ черпалъ изъ Данте, и Эльснеръ приводитъ любопытное письмо, въ которомъ Петрарка старается убѣдить Боккачіо въ своемъ незнаніи Данте, въ томъ, что онъ не читалъ „Божественной Комедіи“. За границами Италіи величайшіе поэты Англіи, Чаузеръ и Мильтонъ, вдохновлялись Данте, и насколько близокъ былъ Шекспиру духъ флорентійской поэзіи, ясно показываетъ „Ромео и Джульетта“. Знаменитое описаніе южной ночи, или вѣрнѣе настроеній, которыя она вызываетъ, несомнѣнно навѣяно поэзіей Данте, перваго поэта душевныхъ настроеній.

Но эти великіе поэты, прозрѣвшіе глубину творчества Данте, стоятъ отдѣльно среди своихъ современниковъ, которымъ чужды настроенія Дантовской поэзіи. Еще сильнѣе это непониманіе „Божественной Комедіи“ сказалось въ XVIII вѣкѣ; для Вольтера, также какъ для его друга итальянца Беттинелли, поэзія Данте была лишена всякаго внутренняго смысла, и злая насмѣшка Вольтера была смертнымъ приговоромъ флорентинскому поэту въ глазахъ Европы того времени, видѣвшей въ каждомъ сужденіи Вольтера неоспоримый законъ. Переломъ въ отношеніи къ Данте произошелъ со времени французской революціи; среди всеобщаго оупьяненія идей свободы, флорентійскій патриотъ сталъ привлекать умы, какъ пѣвецъ освобожденія, какъ изгнанникъ, скорбящій о рабствѣ своей родины. Универсальность гениа Данте выразилась въ томъ, что онъ глубоко волновалъ души людей, постигшихъ далеко не всю глубину его поэзіи, а лишь тѣ гражданскіе мотивы, которые были на поверхности его души и были отголоскомъ пережитыхъ страданій. Викторъ Гюго и Ламартинъ, говорившій: „Dante semble le poète de notre époque“,—видѣли въ пѣвцѣ неземной любви главнымъ образомъ и почти исключительно поэта-

патріота, громителя тирановъ. Ламена, вдохновлявшійся поэзію Данте, въ своихъ „*Paroles d'un croyant*“, отразилъ его очень неполно, хотя чувствовалъ душевное родство съ его религиозными идеями и чувствами, постоянно читалъ „Божественную Комедію“ съ своими учениками и въ послѣдніе годы жизни занимался переводомъ Данте на французскій языкъ. Конечно, всѣ эти поэты и писатели, вернушіеся въ Данте послѣ двухъ вѣковъ упадка его вліянія, видѣли въ немъ только автора „Божественной Комедіи“, воплотившей духъ итальянскаго свободолюбія въ мятежную пору возрожденія. Такого же пророка свободы почитали въ немъ политическіе дѣятели Италіи; Манцони, несмотря на то, что онъ выросъ и воспитался подъ вліяніемъ французскихъ матеріалистовъ, понялъ духъ величайшаго поэта своей родины и написалъ „*Inni Sacri*“, преисполненные Дантовскаго вліянія. Мадзини, основатель „молодой Италіи“ и герой освободительныхъ войнъ, говорилъ, что „мысль, горѣвшая въ душѣ Данте, та же, которая волнуется душою въ наше собственное время“. Онъ увѣрялъ, что принципъ, который руководилъ дѣйствіями и творчествомъ Данте, тотъ же, какъ у него, Мадзини, и у его партіи. Такимъ же героемъ освободительной идеи признавалъ Данте и самъ Карлейль, считавшій Италію болѣе объединенною гениемъ Данте, чѣмъ нѣкоторыя европейскія державы—могуществомъ своихъ правителей.

Но струна гражданственности, мощно звучащая у Данте, не исчерпываетъ внутренняго смысла его поэзіи. Пониманіе чисто поэтической высоты его творчества явилось позже преклоенія предъ его культомъ свободы. Только около половины нашего столѣтія сталъ пробуждаться интересъ къ тѣмъ настроеніямъ, которыя легли въ основаніе какъ „Божественной Комедіи“, такъ и „*Vita Nuova*“, непонятаго и неоцѣннаго источника высочайшей поэзіи. Англійскій критикъ вполне правъ, приурочивая это истинное возрожденіе Дантовскаго вліянія къ тому, что называется „готическимъ возрожденіемъ“ въ Англій, возобновившимъ интересъ къ среднимъ вѣкамъ. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ моментовъ этого возрожденія было „оксфордское движеніе“ съ его проповѣдью религиозной чистоты и мистическими порывами. Въ немъ были задатки того идеалистическаго теченія, которое охватило въ настоящее время искусство всѣхъ европейскихъ странъ, и центромъ этого новаго искусства сдѣлался культъ Данте, наложившій особый характеръ духовной красоты на художественное творчество нашего времени. Художники и поэты вдохновляются тѣми „*Vita Nuova*“ и „Божественной Комедіи“, воспроизводятъ образы Дантовской легенды, живутъ его чувствами и настроеніями, близкими современному человѣку.

Конечно, во главѣ этихъ преемниковъ флорентійскаго поэта въ нашемъ вѣкѣ нужно поставить истинно великаго художника-поэта,

Данте-Габріэля Розетти. Онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ итальянскихъ предковъ любовь и пониманіе Данте и привилъ своеобразную флорентійскую поэзію и красоту англійской культурѣ. Поэзія Д.-Г. Розетти, помимо переводовъ „Vita Nuova“ и лирики Дантовскаго періода, окружена той особенной благочестивой, мистической атмосферой идеальной любви, которая характеризуетъ Данте; но еще ближе къ настроеніямъ флорентійскаго поэта живопись Розетти, посвященная въ значительной мѣрѣ мотивамъ изъ „Vita Nuova“, прошедшимъ черезъ душу человѣка сѣверной культуры. Лучшія картины Розетти:— „Сонъ Данте“, „Beata Beatrix“, „Паоло и Франческа“, „Восса Vasciata“, „Данте и Беатриче“, „Пробужденіе Данте“ и др. Въ нихъ англійскій художникъ создалъ новый идеалъ красоты, роднящій флорентійскій ренессансъ съ девятнадцатымъ вѣкомъ, и послѣ Розетти близость Данте нашему времени сдѣлалась несомнѣннымъ фактомъ въ художественномъ творествѣ. Розетти послужилъ проводникомъ между двумя родственными, хотя и далекими другъ отъ друга эпохами; онъ не подражалъ Данте и не стремился возобновить отжившія тѣмы, но въ немъ проснулось то же основное настроеніе, которое создало не только поэзію Данте, но и все флорентійское искусство XIV и XV вв. Какъ у Данте, душа англійскаго художника тяготѣетъ къ вѣчному и видитъ красоту только въ томъ, что служитъ символомъ божественнаго. Данте сочеталъ языческій элементъ античной культуры съ средне-вѣковымъ христіанствомъ и внесъ этимъ въ свою поэзію тотъ дуализмъ, который составляетъ секретъ вѣчной красоты, не доведенной до конца и потому вѣчной, ведущей душу къ недостижимому идеалу. Изъ этого основного дуализма вытекаетъ двойственность всѣхъ настроеній поэта, раздѣленнаго между любовью къ свободѣ и вѣрой въ папскую власть, между своими гражданскими чувствами и своей неземной любовью. Эти контрасты сводятся въ сущности къ вѣчному разладу неба и земли въ душѣ человѣка, и Розетти такъ же сильно чувствовалъ этотъ разладъ, какъ флорентіецъ XIV вѣка, и отразилъ его только въ новыхъ символахъ, исходя изъ тѣхъ же настроеній.

За Розетти культъ Данте привился не только художникамъ и поэтамъ прерафаэлитской школы въ Англій, но всей англійской поэзіи вообще. Эльснеръ показываетъ, какую большую роль играетъ Данте въ поэзіи Теннисона, написавшаго лучшую изъ своихъ вещей, „In memoriam“, по образцу „Божественной Комедіи“ съ ея грустнымъ началомъ и примиреннымъ, радостнымъ концомъ. Американскіе поэты Лоуэлъ, Лонгфелло и Томасъ Парсонсъ своими переводами Данте и проникнутыми его духомъ поэмами распространили его вліяніе въ Америку и принадлежатъ тоже къ прозрѣвшимъ глубину Дантовскаго гения.

Насколько всѣ новыя ученія въ французской поэзіи проникнуты

культу́мъ Данте, видно при первомъ знакомствѣ съ поэзіею лучшихъ изъ французскихъ символистовъ, поэтовъ психологической и импрессионистской школы. „Dante, que je considère le plus grand de tous les poètes“, — говоритъ Жозе-Маріа де-Эредиа въ известной книжкѣ Гюре, — „son poème tout entier n'est qu'un symbole“. Другой изъ поэтовъ новой формации прибавляетъ: „Soyons symbolistes comme Dante. Cultivons le symbolisme sans le rigoriser, ni l'édifier en petite tente sous l'ample soleil artistique“. Въ этихъ словахъ уже заключается цѣлая формула новаго искусства, приведеннаго въ связь съ манерой Данте. Дантовскій символизмъ и флорентійскія настроенія становятся отличительной чертой современнаго искусства, такъ что, напр., говоря о „Jardin de Béguise“ Мориса Барреса, Анато́ль Франсъ говоритъ о „прафааизмѣ и флорентизмѣ“ автора. Поль Буржэ сравниваетъ своихъ героинь-парижанокъ съ головками ангеловъ на картинахъ Боттичелли; новый романъ А. Франса, „Le Lys rouge“, весь проникнутъ красотой флорентинскаго прошлаго, странно переплетающагося съ современной психологіей, а романы итальянца Аннуцио рисуютъ эстетическіе идеалы флорентійскаго ренессанса, перенесенные въ рамки современной дѣйствительности.

Если въ живописи и скульптурѣ флорентійское искусство, столь близкое намъ по настроенію, обнимаетъ цѣлый вѣкъ и воплощается въ цѣломъ рядѣ мастеровъ, изъ которыхъ Леонардо да-Винчи самый великій, но не единственный, то въ поэзіи весь геній ренессанса сосредоточенъ въ одномъ Данте, и это объясняетъ его великое значеніе. На немъ яснѣе всего сказалась общность настроеній, которая роднитъ насъ съ той эпохой. Разбираясь въ отдѣльныхъ чертахъ этого духовнаго родства, мы видимъ его прежде всего въ субъективности Данте. Онъ создалъ лирическую поэзію, ввелъ „культъ личности“ въ искусство, дерзновенно создалъ пьедесталъ своимъ душевнымъ страданіямъ, и вмѣсто того, чтобы воспѣвать дѣянія героевъ или святыхъ, сдѣлалъ центромъ своей поэзіи свою душу съ ея индивидуальными чувствами и настроеніями, сталъ анализировать свой душевный міръ. Искусство и философія нашего времени, возведшіе въ идеалъ индивидуализмъ, нашли въ Данте пророка своихъ идеаловъ. Можно ли придумать болѣе грандіозное воплощеніе индивидуальности, чѣмъ поэта, который съ полнымъ сознаніемъ своего величія ставитъ себя въ кругъ безсмертныхъ геніевъ, дѣлаетъ изъ окружающаго міра орудіе для удовлетворенія своихъ страстей и создаетъ собственной рукой легенду вокругъ своего имени!

Этотъ гордый и спокойный поэтъ, поглощенный „культуромъ своей души“, вмѣстѣ съ тѣмъ одаренъ той крайней впечатлительностью и тонкостью ощущеній, которая у насъ является результатомъ долгихъ вѣковъ эстетической культуры. Его любовь къ Беатриче, по тонкости

ощущеній, кажется произведеніемъ современнаго намъ поэта, у котораго гиперстезія чувствительности находится на границѣ между экстазомъ и неврозомъ. У Данте преобладаетъ, конечно, экстазъ, поднимающій на такую небесную высоту каждую подробность его удивительнаго романа, — но еще одинъ шагъ дальше по пути этихъ неземныхъ ощущеній, и мы — въ области современной поэзіи съ ея искаженіями неуловимыхъ оттѣнковъ ощущеній. Вспомнимъ его встрѣчу съ Беатриче на небѣ, описаніе его чувствъ при разсказѣ Франчески о ея любви, его робкій вопросъ о томъ, какимъ образомъ влюбленные дали понять другъ другу о своей любви, и наконецъ всю безконечно вѣжную и глубокую элегію любви къ умершей Беатриче въ „Vita Nuova“, и мы увидимъ, что анализъ тончайшихъ движеній любящей души былъ сдѣланъ Данте съ недостижимымъ мастерствомъ, оставляющимъ далеко за собой всѣхъ поэтовъ и романистовъ, создавшихъ „психологическій анализъ“ въ современномъ художественномъ творчествѣ. Субъективизмъ Данте сказался и въ его описаніяхъ природы, въ которыхъ онъ первый внесъ психологическій элементъ, и благодаря этимъ двумъ основнымъ чертамъ своего генія, дуализму и субъективизму, онъ сдѣлался отчасти поэтомъ нашей эпохи, вдохновителемъ и учителемъ современнаго искусства. — 3. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1895 г.

Новые подвиги газетныхъ „добровольцевъ“. — Митава, какъ „цитадель балтизма“. — Люблинскій епископъ и польскій языкъ. — Обвинительный актъ противъ орловскаго комитета народныхъ чтеній. — „Добровольческая“ театральная цензура. — Разногласіе въ адвокатской средѣ. — Несправедливое нападеніе на Петербургъ. — Густавъ Фрейтагъ †.

Намъ уже не разъ приходилось говорить о „добровольцахъ“ особаго рода, появившихся у насъ въ послѣднее время и дѣйствующихъ преимущественно путемъ печатнаго слова. Они зорко наблюдаютъ, не предпринимается ли гдѣ-нибудь — особенно на окраинахъ — что-либо несовѣстное съ ихъ взглядами на государственные интересы, и, усмотрѣвъ признаки „злоумышленія“, спѣшатъ довести о томъ до свѣденія власти, для принятія надлежащихъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія. Образцомъ такихъ сообщеній можетъ служить корреспонденція изъ Митавы, напечатанная въ № 99 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Митава выставляется здѣсь какъ „цитадель балтизма“, какъ центръ борьбы за старые порядки. Въ этой борьбѣ „курляндцевъ“ поддерживаетъ увѣренность, что имъ удастся-таки помѣшать проведенію реформы до конца или, забравъ ее въ свои руки, модифицировать ее по своему, тѣмъ болѣе, что съ русской стороны реформаторская настойчивость и послѣдовательность можетъ не сегодня-завтра ослабѣть, *да и на самомъ дѣлѣ уже значительно ослабла*. Въ этихъ послѣднихъ словахъ слышится основная нота, постоянно звучащая въ „добровольческихъ“ заявленіяхъ. Усердію „добровольцевъ“ угодить весьма трудно; за исключеніемъ немногихъ администраторовъ, удостоиваемыхъ ихъ довѣріемъ и горячо ими восхваляемыхъ, исполнители правительственныхъ мѣръ всегда кажутся имъ недостаточно послѣдовательными и энергичными; подогрѣвать рвеніе администраціи, возбуждать его, когда оно, въ ихъ глазахъ, ослабѣваетъ, непрерывно и шумно восклицать: „*sentinelles, veillez!*“—такова главная задача „добровольцевъ“. Въ чемъ же заключаются, въ данномъ случаѣ, *политическіе* успѣхи (курсивъ въ подлинникѣ), достигнутые курляндцами и озабочивающіе митавскаго наблюдателя?—Въ предстоящемъ возстановленіи ирмлауской учительской семинаріи, а можетъ быть и гольдингенской гимназій, недавно закрытыхъ курляндскимъ дворянствомъ, вслѣдствіе несогласія его исполнить требованія правительства (относительно преподаванія на русскомъ языкѣ и подчиненія правительственному контролю). Что же, дворянству удалось добиться отказа администраціи отъ этихъ требованій? Нѣтъ: въ возстановляемой семинаріи всѣ предметы, кромѣ закона Божія, будутъ преподаваться по-русски; учебному начальству предоставляется право ревизовать семинарію и командировать на экзамены своего чиновника, съ правомъ голоса. Гдѣ же, затѣмъ, опасность, заставляющая корреспондента поставить во главѣ своего письма, въ видѣ эпиграфа, вариантъ извѣстнаго Timeo Danaos: „*боюсь я курляндцевъ, даже дары приносящихъ*“? А вотъ гдѣ: во-первыхъ, въ *предполагаемыхъ* намѣреніяхъ новаго губернскаго предводителя дворянства, гр. Кейзерлинга; во-вторыхъ, въ *предполагаемыхъ* недомолвкахъ устава семинаріи. „Смѣнившій въ прошедшемъ году слишкомъ прямолинейнаго и откровеннаго барона Гейкинга, — читаемъ мы въ корреспонденціи, — гр. Кейзерлингъ далъ дворянству, передъ своимъ выборомъ, торжественное обѣщаніе возстановить оба закрытыя учебныя заведенія, сдѣлавъ правительству лишь кажущуюся уступку по отношенію къ языку преподаванія. Вѣдь иное дѣло—обученіе на русскомъ языкѣ, и иное — успѣхи въ немъ, которые могутъ-де зависѣть отъ весьма сложныхъ обстоятельствъ!“ И вотъ, гр. Кейзерлингъ начинаетъ ѣздить въ Петербургъ и „ведетъ дѣло такъ ловко, что министръ народнаго просвѣщенія испросилъ Высочайшее

повелѣніе о продолженіи пріема воспитанниковъ въ ирмлаускую семинарію ранѣе представленія въ министерство новаго ея устава". Само собою разумѣется, что такіа обѣщанія, какъ приписываемое корреспондентомъ гр. Кейзерлингу, не даются гласно: какимъ же путемъ узналъ о немъ корреспондентъ? Съ помощью какихъ способовъ ему удалось „прочитать мысли“ предводителя дворянства? Вѣроятно ли, далѣе, приписываемая курляндцамъ надежда на явный обходъ устава, на фиветивное преподаваніе русскаго языка, разъ что администраціи принадлежитъ право ревизіи и контроля? Что касается до *недомолвокъ* въ уставѣ семинаріи, то ихъ не усмотрѣлъ самъ корреспондентъ, прочитавъ проектъ устава; на существованіе ихъ ему только кто-то намекнулъ, назвавъ ихъ „незамѣтными для непосвященнаго глаза“. Не проще ли, при такихъ условіяхъ, было бы признать, что коварныхъ „недомолвокъ“ нѣтъ вовсе? Конечно—но вѣдь тогда не была бы достигнута главная цѣль корреспонденціи: возбудить недовѣрчивость въ томъ вѣдомствѣ, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая судьба устава. Недомолвокъ и оно, вѣроятно, не найдеть, потому что будетъ смотрѣть на уставъ „непосвященнымъ глазомъ“; но, опасаясь чего-то скрытаго и недоброкачественнаго, оно можетъ отказать въ утвержденіи устава—а это только и нужно нашимъ „добровольцамъ“... Странной, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать неосторожность, съ которою—если вѣрить корреспонденту—дѣйствуютъ сторонники устава. Одинъ изъ этихъ „хитроумныхъ Улиссовъ“ не только показываетъ автору корреспонденціи проектъ устава (не позволяя ему, однако, снять съ него копію, т.-е. въ одно и то же время и не довѣряя ему, и довѣряя), но и раскрываетъ передъ нимъ всѣ карты своей партіи: возстановленіе ирмлауской семинаріи и гольдн-генской гимназіи „послужить дворянствамъ лифляндскому и эстляндскому прецедентомъ для открытія вновь, на тѣхъ же основаніяхъ, своихъ закрытыхъ гимназій и семинарій—а тогда... ну, да вы, mein lieber, сами знаете, что тогда будетъ“. Чтобы устранить послѣдніа сомнѣнія, какія могли еще остаться у корреспондента, собесѣдникъ его, уходя, „торжественно напѣваетъ: Deutschland, Deutschland über alles“!

Что же случится, однако, если будутъ вновь открыты—на тѣхъ же основаніяхъ, какъ ирмлауская семинарія,—другія закрытыа остзейскимъ дворянствомъ учебныа заведенія? По увѣренію корреспондента, это повлечетъ за собою „фактическое упраздненіе достигнутыхъ результатовъ учебной реформы“. Категорическимъ опроверженіемъ смѣлаго предсказанія могутъ служить данныа, приводимыа самимъ корреспондентомъ. Онъ утверждаетъ, что учителя въ дворянскихъ учебныхъ заведеніяхъ остзейскаго края были болѣею частью слабы, учебныа пособия нерѣдко совершенно отсутствовали, учебное

дѣлошло плохо, вмѣсто дисциплины царилъ распущенность; не лучше, повидимому, будутъ порядки и въ возстановляемыхъ теперь заведеніяхъ, такъ какъ отъ учителей ирмлауской семинаріи предположено требовать только средняго образованія. Между тѣмъ, въ остзейскомъ краѣ имѣется въ настоящее время 10 гимназій, 1 прогимназія, 6 реальныхъ училищъ, 3 учительскія семинаріи—т.е. довольно значительное число среднихъ учебныхъ заведеній. Кому же и чему могутъ, затѣмъ, угрожать опасностью дворянскія училища? Многіе ли родители предпочтутъ плохое хорошему, и долго ли будетъ продолжаться такое предпочтеніе? Образование—сила: приобретаемая его въ меньшей степени и худшаго качества, остзейскіе дворяне повредятъ только самимъ себѣ. Одно изъ двухъ: или дворянскія училища повысятся до уровня правительственныхъ, или они должны будутъ закрыться, не въ силу запрещенія извнѣ, а въ силу недостатка учениковъ... Если взглянуть на дѣло безъ предубѣжденія, то нетрудно найти въ самой корреспонденціи весьма простое объясненіе настойчивости, съ которою курляндское дворянство стремится къ возстановленію ирмлауской семинаріи. Это учебное заведеніе должно имѣть строго конфессиональный (лютеранскій) характеръ и, кромѣ народныхъ учителей, готовить также „кюстеровъ“; обучающіеся въ немъ латыши должны, поэтому, хорошо изучить нѣмецкій языкъ. Не ясно ли, что такихъ условій не соединяетъ и не можетъ соединять въ себѣ ни одна изъ правительственныхъ школъ остзейскаго края? А что ими дорожить курляндское дворянство—это совершенно понятно. Къ чему же искать *midí à quatorze heures* и приписывать сословию, безъ того не обрѣтающемуся въ авантажѣ, какой-то утонченный „политическій“ макиавелизмъ?

Система заподозриваній и перетолкованій примѣняется нашими „охранителями“ и къ другой окраинѣ—къ привислянскому краю. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 97) напечатано распоряженіе католическаго епископа люблинской епархіи, предписывающее духовенству „воздерживаться отъ чтенія въ костелахъ Высочайшихъ манифестовъ на русскомъ языкѣ, еслибы таковыя мѣстными административно-полицейскими властями, *вопреки дѣйствовавшимъ до послѣдняго времени правиламъ*, были для этой цѣли присылаемы, въ виду того, что русскій языкъ для католическаго населенія является недоступнымъ, почему Монаршая воля могла бы быть злонамѣренными лицами превратно толкуема, а чтеніемъ въ костелѣ акта такой важности на языкѣ, народу непонятномъ, не исполнилась бы воля Монарха, который, издавая манифестъ, желаетъ, конечно, быть понятнымъ всѣми своими вѣрнопоподанными“. Къ этому епископъ прибавляетъ, что чтеніе Высочайшаго манифеста на языкѣ, донинѣ не

употреблявшемся въ католическихъ храмахъ, „было бы введеніемъ въ церковную обрядность новой формы“, на что ни священникъ, ни даже епископъ не имѣеть права. Въ этомъ распоряженіи московская газета—не привыкшая стѣсняться въ выраженіяхъ, когда рѣчь идетъ объ учрежденіяхъ и лицахъ, особою охраною не пользующихся,—видитъ коварство и *езуитскую фальшь*. Образованная часть польскаго населенія, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, „пройдя русскую школу, не можетъ не знать и не понимать русскаго языка“; простой народъ также „понимаетъ русскій языкъ вполне и никогда ничѣмъ не протестовалъ противъ чтенія манифестовъ на русскомъ языкѣ“. Онъ даже понялъ бы ихъ при этомъ „еще правильнѣе, нежели въ польскомъ переводѣ, въ который *можно бытъ* внесены отѣнки, не совпадающіе съ мыслию и словомъ Монарха“. Отмѣтимъ, прежде всего, неполноту этой аргументаціи. Епископъ люблинскій ссылается на *дѣйствовавшія до послѣдняго времени правила*, допускавшія чтеніе манифестовъ на польскомъ языкѣ; „Московскія Вѣдомости“, повидимому, этой ссылке не вѣрятъ, но не опровергаютъ ее положительно и прямо. А между тѣмъ, это вопросъ первостепенной важности: если епископъ не шелъ дальше подтвержденія установленнаго порядка, то обвиненіе его въ коварствѣ и т. п. падаетъ само собою. Ничего не сказано, дальше, объ указаніи епископа на требованія *церковной обрядности*, тѣмъ болѣе важномъ, чѣмъ усерднѣе католическая церковь охраняетъ свои традиции даже въ внѣшней сторонѣ богослуженія. Если, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о языкѣ актовъ, читаемыхъ во время богослуженія, требуетъ особаго обсужденія со стороны высшей католической іерархіи, то можно ли удивляться, что епископъ не рѣшается взять на себя инициативу новшества по этому предмету?.. Едва ли, наконецъ, справедливо обвиненіе, столь безцеремонно выводимое „Московскими Вѣдомостями“ изъ словъ епископа о незнаніи его частью русскаго языка. Изъ числа образованныхъ поляковъ далеко не всѣ „прошли русскую школу“, да и прошедшіе ее не всегда сохраняютъ надолго пріобрѣтенное въ ней знаніе русскаго языка. Что касается до простаго польскаго народа, то *малое пониманіе* имъ русскаго языка—увѣреніе весьма смѣлое, хотя газета и подтверждаетъ его „единогласнымъ (?) свидѣтельствомъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ“. Она сама признаетъ необходимымъ не только пониманіе манифеста вообще, но и правильное разумѣніе всѣхъ его *оттѣнковъ*—а что такого разумѣнія легче достигнуть при помощи роднаго языка, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. За вѣрной *передачей* оттѣнковъ, при переводѣ съ русскаго языка на польскій, конечно наблюдала администрація. Даже московская газета говоритъ не о дѣйствительной, а только о *возможной* неправильности перевода;

но гораздо больше оснований считать ее *невозможной*, въ виду усиленной бдительности, которою отличается управление привислянскими губерніями... Заслуженный отпоръ московская газета встрѣтила даже со стороны своего петербургскаго alter ego. „Московскія Вѣдомости“, — читаемъ мы въ „Гражданинѣ“, — никакъ не хотять бросить скверную привычку пускать въ оборотъ свой специфическій патріотизмъ тамъ гдѣ онъ или смѣшонъ, или неумѣстенъ, и гдѣ, кромѣ того, подчасъ онъ можетъ быть прямо вреденъ интересамъ порядка, дѣлаясь орудіемъ возбужденія политическихъ и религіозныхъ страстей... Народъ въ привислянскомъ краѣ — вѣрнопопданный Русскому Государю народъ, но онъ польскій народъ; слѣдовательно, на своемъ языкѣ онъ призванъ славить Бога и на своемъ языкѣ онъ долженъ воспринимать обращенныя къ нему слова Русскаго Царя, и всякія попытки этому мѣшать, кромѣ того, что онѣ противны духу христіанской терпимости и политической мудрости, не могутъ не вредить интересамъ русскаго государственнаго правительства, такъ какъ сѣютъ сѣмена политической розни не только въ церкви и посредствомъ церкви, но и въ семейной жизни всегда покойнаго, всегда преданнаго польскаго народа въ Привислянскомъ краѣ“. На этотъ разъ издатель „Гражданина“ оказался несравненно болѣе гуманнымъ и справедливымъ, чѣмъ его соперникъ въ дѣлѣ „охраненія“.

Московская газета продолжаетъ, однако, стоять на своемъ. „Только люди безъ всякихъ національныхъ принциповъ, — говоритъ она (№ 106), возражая „Гражданину“, — могутъ небрежно утверждать, что поляки не обязаны знать русскаго языка. Конечно, мы до сихъ поръ не имѣемъ, къ сожалѣнію, достаточно школъ, чтобы потребовать отъ инородцевъ знанія русскаго языка, какъ *обязанности* (курсивъ въ подлинникѣ). Но лишь по недостаточному количеству школъ мы не можемъ этого требовать. Въ принципѣ же, разумѣется, всякій русскій подданный *обязанъ* знать государственный языкъ“. Итакъ, въ одно и то же время знаніе государственнаго языка признается и обязательнымъ, и необязательнымъ — обязательнымъ „въ принципѣ“, необязательнымъ *de facto*! Объясненіе этой несообразности можно найти развѣ въ томъ, что газетѣ вспомнилась извѣстная юридическая фикція, предполагающая общезвѣстность закона („невѣденіемъ закона никто отговариваться не можетъ“). Нетрудно замѣтить, однако, что аналогіи между обоими случаями нѣтъ никакой. Допустить отговорку незнаемъ закона — значило бы поставить его исполненіе или неисполненіе въ зависимость отъ воли каждаго отдѣльнаго лица — другими словами, значило бы пойти въ разрѣзъ съ самымъ понятіемъ о законѣ. Совсѣмъ не то — признать возможность незнанія государственнаго языка. Государственныхъ и гражданскихъ обязанностей это ни въ чемъ не измѣняетъ;

въ случаѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, это даже способствуетъ ихъ уясненію, уменьшаетъ шансы ихъ непониманія... Что касается до фактическаго вопроса о томъ, знаютъ ли поляки русскій языкъ, то утвердительное его разрѣшеніе „Московскія Вѣдомости“ мотивируютъ мѣрами, принятыми при покойномъ Государѣ для распространенія русскаго языка въ привислянскомъ краѣ. „Поляковъ,—воскликаетъ газета,—такъ много учили русскому языку, что *просто уже стыдно имъ не знать его*“. Покойный Государь царствовалъ менѣе четырнадцати лѣтъ; дѣйствіе мѣръ, принятыхъ въ его управленіе, могли испытать, слѣдовательно, лишь тѣ поляки, которымъ теперь не болѣе 25—30 лѣтъ и которые, притомъ, прошли по меньшей мѣрѣ черезъ начальную школу. А всѣ остальные? У нихъ не можетъ быть даже того чувства „стыда“, къ которому апеллируетъ московская газета... „Еслибы даже,—читаемъ мы дальше,—вся толпа, наполняющая площадь или общественное зданіе, не понимала ни одного слова по-русски, то все же читаемый предъ нею манифестъ, или произносимая ею присяга, должны быть читаны на *двухъ* языкахъ, то-есть на государственномъ и на мѣстномъ. Это принципъ. Это необходимо для того, чтобы всѣ, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, знали и помнили, что *подлинникъ* манифеста, или текстъ присяги, писанъ *по-русски*, что государственная мысль, государственное слово въ російской имперіи есть русская мысль и русское слово, а для инородцевъ они только переводятся“. Это—верхъ узкаго формализма и близорукаго буквѣдства! Кто же не знаетъ, что государственные акты російской имперіи пишутся на русскомъ языкѣ? Кому нужно, для удостовѣренія въ этомъ, прослушать комплекс непонятныхъ ему звуковъ, ничѣмъ, для его уха, даже не свидѣтельствующихъ о принадлежности ихъ именно къ русскому языку? Неужели страшная какофонія, неизбежная при повтореніи нѣсколькими десятками или сотнями лицъ совершенно незнакомыхъ имъ словъ русскаго текста присяги, можетъ увеличить торжественность или усилить впечатлѣніе этого дѣйствія?.. Манифесты читаются и присяга приносится въ церкви, т.-е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ меньше всего удобно принужденіе. Сомнительною пользой отъ прочтенія манифеста или присяги на русскомъ языкѣ едва ли былъ бы уравнивленъ несомнѣнный вредъ, сопряженный съ пререзаніями по этому предмету.

Однѣми окраинами далеко не ограничивается область „добровольческаго“ усердія. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 98) предпринимается *une charge à fond* противъ орловскаго „комитета народныхъ чтеній“, подвѣдомственнаго министерству народнаго просвѣщенія и устроившаго недавно читальню имени Тургенева, съ книжнымъ складомъ дешевыхъ народныхъ изданій. Приведемъ бук-

ально программу комитета, съ сохраненіемъ курсива, которымъ она испещрена при перепечаткѣ ея въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Цѣль склада — воспитывать въ читателѣ чувства *человѣческой и гражданскаго достоинства*. Для этого въ складѣ должны быть книги: 1) сообщающія знаніе *правъ* и обязанностей; 2) указывающія наилучшіе пути для *защиты правъ* и выполнения обязанностей; 3) воспитывающія въ читателѣ желаніе *защищать свои права* и выполнять свои обязанности; 4) знакомящія съ исторіей *общественныхъ учреждений*. Этой цѣли могутъ вредить и потому подлежать исключенію изъ склада книги: 1) воспитывающія въ читателѣ чувства *національной, сословной и религіозной* нетерпимости, и 2) развивающія въ немъ мистицизмъ и индифферентное отношеніе къ жизни общественной. Другая цѣль склада—*ознакомить народнаго читателя съ интеллигенціей, какъ передовою частью общества*, стремящеюся къ созданію такихъ общественныхъ условій, которыя способствовали бы умственному, нравственному и физическому совершенствованію личности. Для этой цѣли желательны книги: 1) содержащія свѣденія объ *общественныхъ движеніяхъ* и *той роли, которую играла и играетъ* въ нихъ интеллигенція, и 2) знакомящія съ дѣятелями и типами изъ среды интеллигенціи. Въ виду этой цѣли, въ складѣ не должны быть допускаемы книги, въ которыхъ цѣли и стремленія интеллигенціи представляются въ искаженномъ видѣ“. Орловскій комитетъ—такъ толкуетъ эту программу московская газета—„поставилъ себѣ задачей съ одной стороны—воспитать въ читателяхъ не только знаніе ихъ *правъ*, но и указать *пути* для защиты этихъ правъ и даже *желаніе* защищать ихъ, а съ другой—вытравить въ народѣ чувство національное, сословное и даже религіозное, обозвавъ эти чувства чувствами нетерпимости. А для того, чтобы пропаганда была вѣрнѣе, комитетъ любезно озаботился исключить изъ своего книжнаго склада все, что могло бы напоминать простому народу объ его православной вѣрѣ, которою живетъ русская земля, и объ его національномъ самосознаніи; главнымъ же образомъ предупредительно исключить всѣ книги, въ которыхъ цѣли и растлѣвающія стремленія интеллигенціи представляются-де въ искаженномъ видѣ. И вотъ такая-то духовная пища преподносится читателямъ—подъ эгидою министерства народнаго просвѣщенія!.. Ужасно сказать, что слишкомъ 70 процентовъ читателей въ Тургеневской читальнѣ падаетъ на долю учащихся, если вѣрить отчету комитета народныхъ чтеній за 1894 годъ. Чего же спрашивается, смотреть учебныя заведенія города Орла, если на глазахъ у всѣхъ совершается такое развращеніе юныхъ натуръ, ввѣренныхъ имъ родителями на воспитаніе? Чего смотреть и сами родители?“... Съ такимъ же „благороднымъ негодованіемъ“ повѣствуется,

далѣе, о томъ, что, съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ, открыты два отдѣленія склада, въ гор. Брянскѣ и въ трубчевскомъ уѣздѣ, и допущена продажа изъ него книгъ вообще по деревнямъ орловской губерніи. Къ испугу и смущенію „Московскихъ Вѣдомостей“ слѣдуетъ присоединиться и „Гражданинъ“, подчеркивая, между прочимъ, разногласіе между директоромъ народныхъ училищъ орловской губерніи и директоромъ орловской гимназіи: послѣдній строго запретила гимназистамъ посѣщать Тургеневскую читальню.

Мы привели обширную выписку изъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“, потому что видимъ въ ней чрезвычайно характеристичный признакъ времени. Если бы она одна уцѣлѣла изъ всей текущей „охранительной“ литературы, будущій историкъ нашей прессы могъ бы по ней одной возстановить цѣлое направленіе, подобно тому, какъ палеонтологъ по одной кости возстановляетъ цѣлое животное. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь соединены всѣ отличительныя черты газетнаго мракобѣсія; поддѣлка подъ древнеримское „*saveant consules*“ (на русской почвѣ это выходитъ чѣмъ-то среднимъ между формулами „караулъ“ и „слово и дѣло“), стараніе запугать общество, игнорированіе самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ, перетолкованіе самыхъ невинныхъ намѣреній, отрицаніе и осужденіе самыхъ законныхъ стремленій. Прочитавъ филиппику „Московскихъ Вѣдомостей“, можно подумать, что орловскій комитетъ народныхъ чтеній—какое-то подпольное учрежденіе, дѣйствующее внѣ всякихъ правилъ и всякаго контроля, ничѣмъ не стѣсняющееся (и не стѣняемое) въ проведеніи своихъ преступныхъ плановъ. Упущена здѣсь изъ виду только сущая бездѣлица: существованіе индекса книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ публичныхъ бібліотекахъ, и затѣмъ каталога, опредѣляющаго весьма точно—и до крайности строго,—какія книги могутъ входить въ составъ народныхъ читаленъ. Заключенный, какъ и всякое другое аналогичное учрежденіе, въ столь узкіе предѣлы, орловскій комитетъ не могъ бы, если бы и желалъ, стремиться къ „вытравленію въ народѣ національнаго и религіознаго чувства“. На какомъ основаніи, однако, приписывается ему желаніе дѣйствовать въ этомъ смыслѣ? Съ которыхъ поръ національная и религіозная *нетерпимость* является синонимомъ національнаго и религіознаго *чувства*? Изъ того, что сознаніе различія между обоими понятіями—различія глубокаго и огромнаго—утрачено московскою газетою, въ правѣ ли она выводить, что и всѣ другіе могутъ вѣрить—только осуждая и притѣсная иначе вѣрующихъ, любить свой народъ—только недовѣрчиво и враждебно относясь къ чужимъ и чужому? Что у русскаго человѣка, хотя бы онъ и принадлежалъ къ „низшему роду людей“, нѣтъ ни правъ, ни законныхъ путей къ ихъ защитѣ—этого даже „Московскія Вѣдомости“ утвер-

ждать не стануть; а если и есть и то, и другое, то что же непозволительнаго или подозрительнаго въ стремленіи ознакомить народъ и съ тѣмъ, и съ другимъ? Почему же нельзя возбуждать въ немъ *желаніе* защищать путемъ закона свои права—желаніе, безъ котораго самыя права становятся пустымъ звукомъ и жертвой буквой? Рядомъ съ желаніемъ защищать права, орловскій комитетъ говоритъ и о *желаніи исполнять обязанности*—но этого сопоставленія московская газета не подчеркиваетъ, не выдвигаетъ на первый планъ, сознавая, вѣроятно, что имъ однимъ уничтожаются всѣ обвинительныя ея натяжки. Что злоуреднаго и страшнаго, наконецъ, въ исторіи *общественныхъ* учреждений и даже *общественныхъ* движеній (можно подумать, что мы имѣемъ дѣло съ купчихой изъ комедіи Островскаго, для которой все *общественное*—своего рода „металль“ или „жупель“)? Почему бы народу не знать, на примѣръ, исторію земства или исторію того „общественнаго движенія“, которое было вызвано голодомъ 1891-1892 гг. Со стороны народа, какъ это показало недавнее прошлое (припомнимъ хотя бы холерныя безпорядки), всегда возможны самыя печальныя недоразумѣнія по отношенію къ „интеллигенціи“; почему же не заботиться о предупрежденіи ихъ на будущее время или, по меньшей мѣрѣ, не остерегаться всего того, что можетъ служить новой для нихъ пищей?.. Орловскому комитету выходки „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“ угрожаютъ, къ сожалѣнію, серьезною опасностью; тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся утверждать, что онѣ имѣютъ и хорошую сторону, раскрывая во всей наготѣ задушевные вождельнія нашихъ газетныхъ „охранителей“. Имъ ненавистно все содѣйствующее развитію „чувства человѣческаго и гражданскаго достоинства“; имъ нуженъ народъ, не знающій своихъ правъ, не знающій правильныхъ путей къ ихъ защитѣ и *не желающій* защищать ихъ, т.-е. безропотно и покорно все переносащій и всему подчиняющійся. Имъ нуженъ народъ недоувѣрчиво относящійся къ „интеллигенціи“, не дорожащій „общественными учреждениями“, въ которыхъ онъ встрѣчается съ ея представителями. Чтобы достигнуть этой цѣли, они не прочь намекнуть, что „общественное движеніе“—все равно что революція, а „желаніе защищать свои права“—все равно что готовность къ бунту.

Къ тому же разряду явленій относится и добровольческая театральная цензура, которая въ прошломъ году возмущалась какими-то сценами въ „Венецейскомъ истуканѣ“, а теперь вопіетъ противъ постановки „Ганнеле“. Застрѣльщиками ея выступили маленькія газеты — „Сынъ Отечества“ въ Петербургѣ, „Русское Слово“ въ Москвѣ“, — но къ нимъ скоро присоединилась тяжелая артиллерія „Московскихъ Вѣдомостей“. Снисходительно признавая, что *коммунистическія намѣренія* у лицъ, способствовавшихъ представленію „Ганнеле“, *вѣроятно*

не было, московская газета называетъ самый фактъ представленія „соблазнительнымъ и возмутительнымъ до самой послѣдней степени“ и сурово осуждаетъ тѣхъ, кто долженъ *наблюдать* (курсивъ въ подлинникѣ) за недопущеніемъ публичнаго оскорбленія религіознаго чувства. И здѣсь, слѣдовательно, приемъ обычный: апеллація отъ власти недостаточно бдительной и энергичной къ власти бодрствующей и суровой! Всего противнѣе это фарисейское усердіе именно тогда, когда оно мотивируется религіознымъ чувствомъ. „O, liberté, — воскликнула madame Роланъ, всходя на эшафотъ:—que de crimes on commet en ton nom!“ Въ наше время можно сказать съ неменьшимъ правомъ: „о, религіозное чувство! сколько во имя твое говорится фальшиваго и совершается дурнаго!“

Въ газетахъ появились свѣденія о горячихъ спорахъ, происшедшихъ недавно въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ по поводу одного рѣшенія совѣта. Присяжный повѣренный П. напечаталъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій статью: „Цицероны нашей присяжной адвокатуры“, содержащую въ себѣ, по выраженію „Новаго Времени“, настоящій обвинительный актъ противъ адвокатскаго сословія. Вопросъ о томъ, можетъ ли авторъ этой статьи быть привлеченъ за нее къ дисциплинарной отвѣтственности, разрѣшенъ совѣтомъ отрицательно, такъ какъ статья написана г. П. какъ литераторомъ, а не какъ членомъ сословія. Въ правильности такого рѣшенія не можетъ быть, думается намъ, никакого сомнѣнія. Корпорация призвана только къ надзору за *дѣйствіями* присяжнаго повѣреннаго, прямо вытекающими изъ его профессиональныхъ обязанностей, имѣющими къ нимъ хотя бы косвенное, но близкое отношеніе, а отнюдь не за его *мнѣніями*, хотя бы и высказываемыми публично. Меньше, чѣмъ всякое другое, подвѣдомственно суду совѣта именно мнѣніе присяжнаго повѣреннаго о корпорации, къ которой онъ принадлежитъ, потому что въ противномъ случаѣ совѣтъ явился бы судьей въ собственномъ дѣлѣ. Да и съ какой точки зрѣнія могъ бы быть желателенъ подобный судъ? Если предметомъ нападеній является цѣлая корпорация, то они, по необходимости, имѣютъ характеръ общихъ разсужденій, которыя можно оспаривать, опровергать въ печати, но не клеймить дисциплинарнымъ приговоромъ. Если нападеніе направлено противъ отдѣльныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, то отъ нихъ, и *только отъ нихъ*, зависить предъявить противъ автора въ судебномъ порядкѣ обвиненіе въ оскорбленіи, диффамациі или клеветѣ (при чемъ, конечно, возстановить честь обвинителя можно только послѣднимъ изъ этихъ путей). Еще болѣе цѣлесообразнымъ представляется въ подобныхъ случаяхъ товарищескій судъ чести, образованный по соглашенію между сторо-

нами и не имѣющей другой задачи, кромѣ раскрытія истины. Возможно, наконецъ, обсужденіе вопросовъ, затронутыхъ статью, въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, съ цѣлью всесторонняго ихъ освѣщенія и разъясненія. Мы не можемъ не пожалѣть, поэтому, что въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ нашлось не мало лицъ, порицавшихъ рѣшеніе совѣта и стоявшихъ за дисциплинарную отвѣтственность адвоката-писателя. Меньше всего уваженіе къ адвокатской корпораціи можетъ быть поддерживаемо стѣсненіемъ критики, отъ кого бы она ни исходила и въ какой бы формѣ ни выражалась. Въ какомъ бы смыслѣ, впрочемъ, ни высказалось большинство ¹⁾, это будетъ только *мнѣніемъ* его, а не *рѣшеніемъ*, обязательнымъ для совѣта. Члены совѣта, какъ *суды*, обязаны руководствоваться только своимъ убѣжденіемъ, хотя бы оно и противорѣчило взглядамъ избирателей. Отъ послѣднихъ зависитъ только одно — измѣнить составъ совѣта на ближайшихъ выборахъ. Было бы, однако, слишкомъ прискорбно, еслибы оппозиція противъ совѣта избрала своимъ боевымъ кличемъ стѣсненіе печатнаго слова.

Въ Москвѣ состоялся недавно благотворительный базаръ, чистая выручка котораго превзошла восемьдесятъ тысячъ рублей. Одна изъ петербургскихъ газетъ проводитъ по этому поводу параллель между Москвой и Петербургомъ. Петербургъ, по словамъ газеты, „такъ гнусно-скарედень, что малѣйшій благотворительный размахъ приводитъ его въ искреннѣйшее недоумѣніе. За примѣрами далеко ходить не надо. Недавно одинъ изъ здѣшнихъ миллионеровъ пережилъ цѣлую передрагу, будучи заподозрѣнъ въ разстройствѣ умственныхъ способностей. Этотъ миллионеръ, изволите видѣть, началъ „безразсудно сорить деньгами“, то-есть щедро жертвовать на добрыя дѣла. Въ Москвѣ щедрому жертвователю никто не подивился бы, но у насъ это—событіе. У насъ сейчасъ же тащутъ щедрого жертвователя свидѣтельствоваться. — Дай-ка, милый человѣкъ, голову пощупать. Должно-быть ты рехнулся, что сыплешь деньгами направо и налево, не извлекая изъ нихъ никакой выгоды“. Мы также слышали кое-что объ этомъ случаѣ, но никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы здѣсь былъ въ чемъ-нибудь виноватъ Петербургъ. Нѣчто подобное могло бы произойти и въ Москвѣ, и во всякомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ аличность частныхъ лицъ встрѣчаетъ поддержку въ административномъ самовластіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ „Петербургъ“, развѣ петербургское общество или какая-либо его группа, возбудили вопросъ о причинахъ необыкновенной щедрости известнаго миллионера? „Петербургу“ объ этомъ даже ничего неизвѣстно, или извѣстно только по слухамъ; не онъ, во вся-

¹⁾ Когда мы пишемъ эти слова, вопросъ, возникшій въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ, еще не получилъ окончательнаго рѣшенія.

комъ случаѣ, игралъ активную роль въ этомъ дѣлѣ. Вѣсто того, чтобы огульно обвинять Петербургъ, газетѣ слѣдовало бы подѣлиться съ публикой дошедшими до нея свѣденіями и обнаружить, такимъ образомъ, чѣмъ рискуетъ въ настоящее время человѣкъ, не отступающій передъ жертвами для общепользнаго дѣла...

Германія счастливѣе Россіи въ томъ отношеніи, что крупныя ея писатели чаще умираютъ въ преклонномъ возрастѣ, сдѣлавъ все, что было въ ихъ силахъ. Скончавшемуся на дняхъ Густаву Фрейтагу было почти 80 лѣтъ, и онъ уже давно отдыхалъ на лаврахъ; послѣдній большой его романъ—заключительная часть „Ahnen“—вышелъ въ свѣтъ въ концѣ семидесятихъ годовъ. Популярность его держалась, однако, на прежней высотѣ. Исчезъ почти безъ остатка тотъ міръ, который онъ изображалъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ: нѣтъ болѣе ни стараго бюргерства, опозитизированнаго имъ въ „Soll und haben“, ни стараго дворянства, къ которому онъ относился здѣсь полу-сочувственно, полу-иронически, ни профессоровъ-идеалистовъ, выведенныхъ на сцену въ „Verlorene Handschrift“, ни наивно-добродушныхъ журналистовъ (см. комедію того же имени); но если самыя явленія отошли въ прошедшее, то ихъ художественныя снимки уцѣлѣли въ нѣмецкой литературѣ и въ памяти нѣмецкаго народа. Въ нашемъ журналѣ былъ помѣщенъ подробный очеркъ дѣятельности Фрейтага, когда она уже почти подходила къ концу ¹⁾. Мы думали тогда и думаемъ теперь, что Фрейтагъ можетъ считаться писателемъ международнымъ. Онъ нѣмецъ съ головы до ногъ, но нѣмецъ добисмарковскаго времени, чуждый высокобѣрнаго отношенія къ другимъ племенамъ. Въ картины нѣмецкой жизни, составляющія главную его силу, онъ сумѣлъ вложить многое возвышающееся надъ узконаціональнымъ, одинаково доступное и одинаково цѣнное для его соотечественниковъ и для иностранцевъ. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые, не будучи великими, были много любимы и заслуживали быть любимыми.

Издатель и редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

¹⁾ См. Вѣстн. Европы 1879 г., № 4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. совѣд.	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1895 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лив., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ включать въ себя: явл. отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго утрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого утрежденія въ савѣи мѣстожительства подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно обявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Вилеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 кон. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Влияніи морской силы на историю, 1660—1783 г. Исследованіе капитана А. Т. Мэхина. Перев. съ англ. Н. П. Азбелева. Изданіе Е. И. В. Насѣдника Цесаревича, Великаго Князя Георгія Александровича. Сиб. 93. Стр. 634.

Изданный нынѣ переводъ историческаго труда американскаго спеціалиста доводитъ собою въ нашей литературѣ недавно еще появившійся, также въ переводѣ, трудъ англійскаго адмирала Колонба: „Морская война“. — предназначенный для изученія свойствъ морской силы и наилучшихъ способовъ пользованія ею. Въ трудѣ Мэхина излагаются результаты вѣдѣнія того или другого развитія морской силы на ходѣ всемірныхъ событий; нынѣ авторъ ограничивается эпохою столѣтія, непосредственно предшествовавшего французской революціи 1789 г. и заключающагося появленіемъ на исторической сценѣ новой великой морской державы въ лицѣ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (1783 г.). Авторъ, преслѣдуя историческія задачи, касается однако и вопросовъ морской политики, стратегіи и тактики, но при этомъ всегда наблюдаетъ техническаго языка, а поэтому обширный его трудъ можетъ представить большой интересъ не для однихъ спеціалистовъ. Изданіе русскаго перевода, весьма тщательно выработаннаго, и во своей изящной внѣшности не уступитъ изданію оригинала; оно снабжено такими же 4-мя картами морей, служившими ареною для борьбы, и 21 планомъ сраженій.

Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII стол. Соч. Ив. Забѣлина. Ч. I. Третье изд. съ довами. М. 95. Стр. 759. Ц. 4 р.

Новое изданіе этого известнаго классическаго труда, который вполнѣ удовлетворяетъ любознательность однихъ, а для другихъ, изучающихъ нашу старину, служить не только настольною книгою, но и можетъ руководить ихъ въ повныхъ изслѣдованіяхъ своею точно и ясно установленною системою, — является нынѣ, какъ и при сторонъ изданій, значительно дополненнымъ въ отдѣлѣ матеріаловъ и рисунковъ. Предметомъ перваго тома служатъ: „Государств. дворъ или дворецъ“ и „Обрядъ государственной жизни, компаній и выходной“. Въ виду крайняго разнообразія предметовъ описанія древняго быта, почтенный авторъ присовокупилъ къ настоящему труду подробный алфавитный ихъ указатель.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Изд. К. Т. Соловьевскаго. Москва, 1895. Стр. VIII+658. Ц. 2 р. 50 к.

Новый трудъ М. М. Ковалевскаго имѣетъ значеніе не только для нашей, но и для западно-европейской исторической литературы, представляя самостоятельное изслѣдованіе важнѣйшихъ социально-экономическихъ условий и обстоятельствъ, при которыхъ развились и достигли торжества демократическія идеи въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи. Авторъ изучаетъ эпоху революціи съ точки зрѣнія социального и политическаго антагонизма между различными классами французскаго общества при старомъ режимѣ, и съ этой стороны онъ вноситъ новый свѣтъ въ изученіе многихъ явленій и событий того времени. Вышедшій нынѣ первый томъ распадается на четыре части: нынѣ общественномъ

строй Франціи въ концѣ XVIII вѣка, о старинной французской конституціи, объ общественныхъ и политическихъ доктринахъ Франціи прошлаго столѣтія, объ англоманіи и американофильствѣ въ связи съ теоріею демократической монархіи. По богатству содержанія и по полнотѣ многихъ фактовъ и выводовъ, книга М. М. Ковалевскаго, безъ сомнѣнія, обратила бы на себя большое вниманіе во Франціи, еслибы являлась и на французскомъ языкѣ, неизлечимо отъ русскаго изданія.

В. В. Очерки теоретической экономіи. Сиб., 1895. Стр. 319. Ц. 2 р. — Артеза въ дустарломъ промислѣ. Сиб., 1895. Стр. 200. Ц. 1 р.

Авторъ этихъ книгъ хорошо извѣстенъ у насъ, какъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей крестьянской общины и пугарской промисловости и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ призванный представитель и защитникъ народничества въ литературѣ и журналистикѣ. Во всѣ свои экономическія работы и разсужденія онъ вноситъ пытливаю мысль, не довольствуясь установленными шаблонами, и постоянное стремленіе выдвинуть на первый планъ тѣ стороны народно-хозяйственнаго быта, которыя заслуживаютъ сочувствія и поддержки. Какъ экономистъ-теоретикъ, онъ придерживается ученія Маркса, но отвергаетъ практическіе выводы, дѣлаемые изъ этой теоріи нѣкоторыми нашими „марсистами“. Въ „Очеркѣ теоретической экономіи“ особенно интересны два послѣдніе отдѣла — о „капитализмической эволюціи промисловости“ и о „русскомъ марксизмѣ“.

Судебная психопатология. Составилъ д-ръ Р. Ф. Крафтъ-Эбингъ, проф. психіатріи въ Кіевскомъ университетѣ. Съ 3-го изданія перевелъ съ примѣчаніями и дополненіями по русскому законодательству Александръ Черемшанскій, директоръ больницы Вѣкъ скорбныхъ въ С.-Петербургѣ. Сиб. 1895. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. XXIV+672. Ц. 5 р.

Обширное новое руководство проф. Крафтъ-Эбинга отличается тѣми же достоинствами, какъ и его учебникъ психіатріи, переведенный на русскій языкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ д-ромъ Черемшанскимъ. Ясность и легкость изложенія соединяются въ этихъ книгахъ съ точнотою научныхъ и фактическихъ свѣдѣній, а такое сочетаніе привлекаетелной формы съ важнѣйшею ученостію дивольно рѣдко встрѣчается въ нѣмецкой литературѣ. При разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся невменяемости и дѣеспособности душевно-больныхъ, авторъ обращаетъ въ виду только законодательства Германіи, Австріи и Франціи; переводчикъ съ своей стороны добавилъ свѣдѣнія о русскій законахъ и русской судебной практикѣ. Самъ переводъ сдѣлалъ омыткою и искусною рукою и не оставляетъ ничего желать по точности и литературности передачи нѣмецкаго текста.

Стихотворенія Бодлера. Москва. 1895. Стр. IX и 119. Ц. 1 р.

Собраніе въ этой книжкѣ переводовъ стихотвореній Бодлера, какъ сказано въ предисловіи, сдѣланы поэткою, пожелавшимъ остаться въ неопредѣленности; вступительный же очеркъ, заключающийся стихами, принадлежатъ А. К. Голубовичу.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

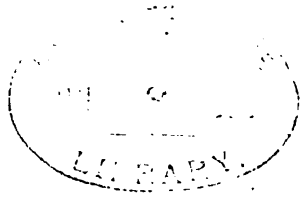
Издатель: А. А. Шварцманъ

Digitized by Google

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1895.

Сод.

I.—ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ И ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. — III. — Окончание. — Ф. Г. Тернера	409
II.—ХОДОКЪ, — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья: XVI-XXXII. — Окончание. — П. Д. Боборыкина	500
III.—ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ДЕЗАРИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ. — В. И. Герье	564
IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I-II. — Вл. С. Соловьева	612
V.—МИНУСИВСКАЯ БЫЛЬ. — Изъ сибирской жизни до желѣзной дороги. — С. В. Петрова-Батурича	614
VI.—МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ С.-АМ. СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. — I-III. — П. А. Тверского	651
VII.—ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ ПОЭТОВЪ. — Мария Конопницкая. — I-V. — Перев. М. Гербаиовскаго	670
VIII.—БОГИНЯ ВЕСНЫ И СМЕРТИ въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ. — I-III. — Ал. С. Фамициана	678
IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Марс. — II. Безслепъ звукъ. — III. Не вѣрь, не вѣрь. — IV. Дождь. — V. Изъ Багузда. — А. П. К. — шеша	700
X.—ПОЭТЪ И МУЗЫКАНТЪ. — Der Liedermacher. Roman aus Neu-Berlin, von Jul. Stinde. — VII-XII. — А. Б-г	704
XI.—ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ II. — II. Поворотъ въ мѣтлахъ императрицы, и его причины. — Французская революція. — Состояніе русскаго общества и литературы въ концѣ вѣка. — Отношенія Екатерины II къ литературѣ; Державинъ; Фонъ-Визинъ. — А. П. Нынина	720
XII.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Весна. — II. Ранняя осень въ Крыму. — Если на лѣтѣ, утромъ росистѣтъ. — Чуть трепещеть душа у поэта. — У синяго моря. — У бурнаго моря. — Л. П. Бѣльева	600
XIII.—ДЕНЕЖНЫЯ НЕДОУМВІЯ — Л. З. Слонимскаго	824
XIV.—ХРОНИКА. — По исполненію государственной росписи на 1894 г. — Ф.	820
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Законъ 10 апрѣля о льготахъ по званию полагать крѣпостныхъ и съ беззвѣднаго перехода имущество. — Проектъ уголовного уложенія. — Отсрочка въ осуществленіи устава лечебныхъ заведеній. — Земство и проектъ продовольственнаго устава. — Выясненіе податей съ заработка фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ. — Десятилѣтіе фабричной инспекціи	840
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Улучшеніе японскими дѣлами. — Неумѣстное усердіе нѣкоторыхъ газетъ. — Рашодушіе къ дѣламъ Балканскаго полуострова. — Письмо изъ Вѣлграда о сербскихъ дѣлахъ. — Отставка графа Калитки и вѣршая австрійскаго политика. — Внутреннія дѣла Германіи	890
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Л. К. Гротъ. — Памла Н. С. Тихомирова. — О народномъ театрѣ, Ил. Щеглова. — Т. — Новая книга и брошюры	878
XVIII.—Г-нъ Д. ИЛОВАЙСКІЙ, въ новой роли школьнаго публициста. — Письмо въ Редацію. — Л. М.	887
XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — Pierre Loti, Jerusalem. — В.	888
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Организация владимирской коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. — Предстоящее открытіе женскаго медицинскаго институту. — Ибѣтъ ли женщинамъ медицинское образованіе и право на материальную поддержку государства? — Дальнѣйшія рѣшительнѣя высшаго женскаго образованія. — П. В. Павловъ †. — Post-scriptum: Новый эпизодъ изъ войны городского фильтра съ ключевой водою	888
XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Изъ отчета секретари и казначей общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г.	912
XXII.—ВНЕЛЮБГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Очерки политико-экономической литературы, Н. Х. Булга. — Нефтяная промышленность Соед. Штатовъ, Ст. Гулишамбарова. — Исторія русской литературы, ч. I, А. Незеленова. — Русская поэзія, вѣн. V, С. Венгерова. — Сочиненія Шелли, вѣн. 2, перев. К. Вальмонта	
XXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ — I-XVI стр.	

ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ

И

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Окончаніе.

III *).

Наше до-реформенное законодательство устранялось отъ всякаго вмѣшательства во внутренніе поземельные распоряженія сельскихъ обывателей. Въ значительной части Россіи, т.-е. во всѣхъ великороссійскихъ мѣстностяхъ, съ незапамятныхъ временъ существовало владѣніе землею цѣлыми обществами, которое распределяло его между своими членами по установившемуся обычаю. Начало общиннаго владѣнія настолько укоренилось въ нашей жизни, что наше законодательство примѣняло его даже къ иностраннымъ выходцамъ-колонистамъ. Только въ тридцатыхъ годахъ, при преобразованіи государственныхъ крестьянъ, являются нѣкоторыя распоряженія, касающіяся поземельныхъ распоряженій крестьянъ. Относительно землевладѣнія удѣльныхъ крестьянъ существовалъ отдѣльный сводъ постановленій, который, между прочимъ, ограждалъ (ст. 367) права отдѣльныхъ крестьянъ на землю отъ вмѣшательства со стороны общины, отъ одной ревизіи до другой предоставляя, впрочемъ, обществу отбирать надѣлы у недоимщиковъ.

4
Читайте: май, стр. 5.

Положеніе 19 февраля 1861 г. привело къ полной развязкѣ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, но оно предоставляло будущему опредѣленіе дальнѣйшихъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ.

Устанавливая главныя основанія землевладѣнія и новаго быта крестьянъ, законодательство 1861 года предусматривало дальнѣйшее постепенное развитіе его изданіемъ цѣлаго ряда дополнительныхъ постановленій.

Но въ теченіе истекшей четверти столѣтія ничего въ этомъ отношеніи не было сдѣлано,—это важное дѣло оставалось незаконченнымъ,—и въ этомъ слѣдуетъ между прочимъ искать причину тѣхъ недостатковъ и вредныхъ явленій, которые постепенно выработались въ крестьянскомъ быту, и на которыя такъ часто жалуются.

Только въ послѣднее время вниманіе нашего законодательства было обращено опять на вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи.

Съ 1886 по 1893 годъ было издано три закона, весьма близко касающіеся этого предмета.

Въ 1886 г. обнародованъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ; въ 1893 г.—законъ о передѣлахъ, и въ томъ же 1893 г.—законъ о выкупѣ, отчужденіи и обремененіи кредитомъ крестьянской земли.

На распространеніе семейныхъ раздѣловъ между крестьянами раздавались всеобщія жалобы. Несомнѣнно, что семейные раздѣлы отзываются весьма неблагоприятно на крестьянскомъ благосостояніи. Многорабочая семья всегда представляетъ лучший залогъ упроченія благосостоянія семьи. Въ многорабочей семьѣ одинъ помогаетъ другому: заболѣетъ одинъ работникъ—его могутъ замѣнить другіе, такъ что дѣло никогда не останавливается; кромѣ того, въ большерабочей семьѣ и больше скота, и большій инвентарь, т.-е. всѣ условія хорошаго хозяйства. Все это исчезаетъ, напр., когда три брата, у которыхъ было три лошади, раздѣляются. Въ каждой изъ раздѣлившихся семей остается одинъ работникъ и одна лошадь; при этомъ хозяйство будетъ очевидно поставлено въ гораздо худшія условія; заболѣй самъ работникъ, или заболѣй у него лошадь—ему не откуда ждать помощи, и хозяйство его страдаетъ. Вотъ почему семейные раздѣлы всегда признавались вредными; такъ на нихъ посматрѣли и редакціонныя комиссіи. Но, опасаясь впасть въ излишнюю регламентацію, и понимая, что сельскія общества, будучи прямо заинтересованы въ сохраненіи многорабочихъ, экономически болѣе сильныхъ семей, хотя бы уже потому, что при круговой поруке за иску-

для семьи приходится отвѣчать состоятельнымъ членамъ общества,—а они умѣютъ сдерживать стремленія своихъ членовъ къ раздѣламъ въ границахъ дѣйствительной потребности,—ограничились подчиненіемъ дѣла о семейныхъ раздѣлахъ введенію сельскихъ сходоу. По п. 5 ст. 51-ой Положенія 19 февраля 1861 г., совершеніе семейныхъ раздѣловъ подчинено разрѣшенію сельскихъ сходоу, и для приданія рѣшенію сельскихъ сходоу въ этихъ вопросахъ большаго значенія, примѣчаніемъ къ ст. 57 было, кромѣ того, постановлено, что подобныя рѣшенія сельскихъ сходоу должны были вноситься въ особую книгу.

Ожиданія, что сельскіе сходы изъ-за собственнаго интереса крестьянъ будутъ сдерживать излишнее развитіе семейныхъ дѣленій, не оправдались однако въ дѣйствительности. Оказалось, что въ 21-лѣтній періодъ, съ 1861—1882 г., въ 46 губерніяхъ европейской Россіи раздѣлилось 2.371,248 крестьянскихъ семей, при чемъ разрѣшенныхъ сходами было только 12,8%. Можно было предположить, что столь значительныя дробленія происходили только въ началѣ освобожденія крестьянъ, которые, пользуясь данною имъ свободой, спѣшили подѣлиться, тѣмъ болѣе, что до введенія всесословной воинской повинности дробленіе семей могло представлять для крестьянъ нѣкоторую выгоду по отправленію воинской повинности. Но и это предположеніе оказалось несостоятельнымъ. За пятилѣтіе, съ 1879 по 1884 г., среднее число крестьянскихъ раздѣловъ по 43 губерніямъ европейской Россіи дошло до 150.000 въ годъ, т.-е. превысило даже значительно среднее ежегодное число раздѣловъ, производившихся въ той же мѣстности за время, слѣдовавшее непосредственно за отмѣною крѣпостной зависимости. По всеобщему отзыву, постоянное ослабленіе численнаго состава крестьянскихъ семействъ, являвшееся послѣдствіемъ такого чрезвычайнаго развитія раздѣловъ и возникновенія множества новыхъ семействъ, не обладающихъ необходимыми для правильнаго веденія хозяйства рабочими силами и матеріальными средствами, составляли одну изъ главныхъ причинъ замѣчавшагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упадка благосостоянія сельскаго населенія и грозящаго ему въ будущемъ еще большаго разоренія.

Подобное положеніе дѣла и побудило правительство сдѣлать первый шагъ по пути урегулированія семейныхъ раздѣловъ въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуютъ *общинныя* пользованія мірскою полевою землей—въ видахъ нѣкотораго ограниченія свободы раздѣловъ.

Правила Высочайше утвержд. 18 марта 1886 г. заключаются въ слѣдующемъ.

1) Семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, обязано заявить о томъ сельскому сходу и указать при этомъ какъ подлежащее раздѣлу имущество (ст. 5, п. а), такъ и справедливые способы распредѣленія его между предполагаемыми къ образованію новыми хозяйствами.

2) По такому заявленію, сходъ прежде всего удостовѣряется въ томъ, послѣдовало ли на испрашиваемый раздѣлъ согласіе родителя или старшаго члена семьи, и при отсутствіи упомянутого согласія приступаетъ къ обсужденію заявленія о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ нему служить расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина.

3) При разсмотрѣніи заявленія о раздѣлахъ сходъ обсуждаетъ: а) существуетъ ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи; б) способны ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства; в) достаточны ли принадлежащія имъ усадебныя участки для устройства на нихъ усадебъ съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ—представляется ли возможнымъ отвести ихъ изъ мірской усадебной или полевой земли, и г) будетъ ли, въ случаѣ допущенія раздѣла, обезпечено исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ овладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ.

4) Если, по разсмотрѣніи дѣла, окажется, что предполагаемый раздѣлъ не удовлетворяетъ сказаннымъ въ ст. 3 условіямъ, то сходъ отказывается въ дозволеніи его.

5) Разрѣшая раздѣлъ, сходъ: а) распредѣляетъ между членами дѣлящейся семьи отведенный ей полевой надѣлъ и утверждаетъ, по надлежащемъ исправленіи, заявленныя ему предположенія о томъ, что именно долженъ получить каждый участникъ раздѣла изъ принадлежащихъ семьѣ усадебнаго участка строеній и того движимаго имущества, которое составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства (какъ-то: земледѣльческія орудія, скоть и т. п.); б) производитъ раскладку между вновь образуемыми хозяйствами лежащихъ на семьѣ податей, повинностей и другихъ казенныхъ взысканій, а также числящихся на ней недоимокъ, и в) въ случаѣ недостаточности принадлежащаго дѣлящейся семьѣ усадебнаго участка для возведенія необходимыхъ усадебныхъ построекъ (ст. 3 п. б), отводитъ таковой участокъ изъ свободныхъ мірскихъ земель.

6) Сельскій сходъ не вмѣшивается въ распредѣленіе между

членами семейства другихъ, кромѣ указанныхъ въ статьѣ 5-ой движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, какъ-то: усадебныхъ, полевыхъ и иныхъ земель, приобретенныхъ въ собственность, другими, кромѣ надѣленія, способами, а также въ раздѣлѣ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства (ст. 5, п. а).

7) Для разрѣшенія семейнаго раздѣла, требуется согласіе не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ сходѣ (Общ. пол. о крест. ст. 47).

8) Семейный раздѣлъ, хотя бы онъ послѣдовалъ съ разрѣшенія схода, не предоставляетъ участвующимъ въ семъ раздѣлѣ лицамъ никакихъ новыхъ правъ по исполненію воинской повинности. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія сельскаго схода, почитается, въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей, а также по платежу другихъ вазенныхъ взысканій, — за одну семью, при чемъ всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей.

9) Приговоры сельскихъ сходовъ, постановленные по заявленіямъ о семейныхъ раздѣлахъ, на которые не было изъявлено согласія родителями, почитаются окончательными въ томъ случаѣ, когда сходъ отказалъ въ разрѣшеніи раздѣла, соответственно желанію родителя. Въ противномъ случаѣ, а также когда несогласіе на раздѣлъ послѣдовало со стороны старшаго члена семьи (заступающаго мѣсто родителя), недовольные рѣшеніемъ схода члены семьи могутъ въ теченіе четырнадцати дней, считая съ постановленія приговора, принести жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а гдѣ оно не учреждено — мировому посреднику, которыми жалоба сія разсматривается по существу. Принесеніе жалобы останавливаетъ исполненіе приговора о допущеніи раздѣла. Рѣшенія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и мировыхъ посредниковъ по симъ дѣламъ признаются окончательными.

Осторожная предусмотрительность, съ которою составлено положеніе, доказывается уже тѣмъ, что это положеніе распространяется только на районъ общиннаго владѣнія; при такомъ ограниченіи дѣйствія новаго закона, законодатель очевидно имѣлъ въ виду, что *общинная* и *участковая* форма землевладѣнія, вызывая совершенно различныя отношенія крестьянъ къ землѣ, не могутъ оставаться безъ вліянія на степень ихъ самостоятельности въ имущественныхъ распоряженіяхъ. При *общинной* формѣ владѣнія, собственникомъ полученной въ надѣлъ полевой земли состоитъ общество, и отдѣльныя крестьянскія семьи пользуются отводи-

мыми имъ участками только временно, впредь до новаго передѣла. Въ качествѣ владѣльца, охранителя и распорядителя мѣрской земли, общество должно заботиться, чтобы распределенныя между его членами угодья получили хорошую обработку, и, слѣдовательно, въ правѣ не допускать какъ такого раздробленія участковъ, при которомъ невозможно правильное веденіе на нихъ хозяйства, такъ равно и перехода ихъ къ лицамъ, не обладающимъ нужными для удовлетворительнаго ихъ воздѣлыванія средствами. Въ противоположность сему тамъ, гдѣ полевая земля распределена *подвижно*, отведенные крестьянскимъ семьямъ земельные участки считались собственностью, которою они распоряжаются по своему усмотрѣнію, безъ вмѣшательства общества. Существующій законъ дозволяетъ каждому домохозяину при жизни передать принадлежащую ему землю ближайшему наслѣднику или приемышу, а на случай смерти владѣльца постановляетъ, что земельный его надѣлъ переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку. При этомъ, ни передача полевыхъ угодій, при жизни хозяина, ни распределение остающейся послѣ его смерти недвижимости между наслѣдниками умершаго собственника не становится въ зависимость отъ согласія общества; это послѣднее приобретаетъ право распоряженія подворнымъ участкомъ лишь въ случаяхъ выхода владѣющаго имъ семейства изъ общества или неимѣнія наслѣдниковъ послѣ умершаго домохозяина. Поэтому подчиненіе предположеннымъ правиламъ семейныхъ раздѣловъ крестьянъ, владѣющихъ полевыми угодьями наслѣдственно, составило бы прямое ограниченіе тѣхъ правъ на самостоятельное распоряженіе своимъ достояніемъ, которыя дарованы имъ закономъ и успѣли уже твердо укорениться въ народномъ сознаніи. Колебать это право по прошествіи двадцати пяти лѣтъ съ того времени, когда оно получило свое начало, не могло представляться удобнымъ. Наконецъ, чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ въ Малороссіи ограничивается особеннымъ параграфомъ ихъ мѣстнаго положенія. Такимъ образомъ, въ той части Россіи, гдѣ преобладаетъ подворная форма землевладѣнія, измелчанію крестьянской поземельной собственности былъ поставленъ уже нѣкоторый предѣлъ дѣйствующимъ законодательствомъ.

Ограничивая дѣйствія закона райономъ общиннаго владѣнія, законъ весьма послѣдовательно изъясняетъ изъ дѣйствія его даже въ этомъ районѣ всякую недвижимую собственность, не принадлежащую къ надѣльной землѣ, а приобретенную ея владѣльцами купчею или иными способами.

Новый законъ сохраняетъ въ силѣ основное правило крестьянскаго положенія 1861 года, по которому главнымъ контролирующимъ элементомъ въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ является мирской сходъ. Только во измѣненіе 57-й статьи Общаго положенія мирскіе приговоры о семейныхъ раздѣлахъ включены въ число тѣхъ, кои для законной силы требуютъ согласія двухъ третей голосовъ.

Къ сохраненію существующаго порядка, кромѣ желанія не допускать излишней ломки и не вдаваться въ крайнюю регламентацию, могло побуждать еще и то соображеніе, что незначительность числа раздѣловъ, разрѣшенныхъ до сего времени сходами, сравнительно съ общемою ихъ цифрою, могла свидѣтельствовать о томъ, что дозволенія на раздѣлы давались сельскимъ сходамъ весьма осторожно, и что такимъ образомъ надежда на сдерживающую, по отношенію къ раздѣламъ, дѣятельность сходовъ должна была считаться основательною; явленія же, не соответствовавшія первоначальнымъ ожиданіямъ, можно было приписать недостаточно полному и ясному опредѣленію въ законѣ порядка совершенія раздѣловъ и допущенія возможности лицамъ, не желавшимъ подчиниться рѣшенію схода, дѣлаться самовольно, не подвергаясь за то никакимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ.

Къ восполненію этого недостатка Положенія 1861 г. и направлено главнымъ образомъ содержаніе правилъ 1886 года, какъ видно изъ вышеприведеннаго.

На основаніи статьи 2-ой, условіемъ раздѣла, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, постановляется согласіе отца семейства или старшаго члена, замѣняющаго отца.

По этому поводу нельзя не замѣтить, что при жизни отца отдѣленіе сына съ надѣломъ ему земли безъ согласія отца почти немислимо; если отецъ не согласится его выдѣлить, ему просто не дадутъ земли;—онъ можетъ выйти изъ семьи, уйти на работу на сторону, но подѣлиться самовольно онъ не можетъ. Гораздо обыкновеннѣе обратный случай—что отецъ выдѣляетъ одного сына, и это обыкновенно происходитъ вслѣдствіе неладовъ выдѣляемаго сына съ отцомъ или съ другими лицами семейства, и такой выдѣлъ обыкновенно совершается не къ выгодѣ выдѣляемаго, такъ какъ часто не онъ, а другіе члены семейства виновны въ происходящихъ неладахъ. Это обстоятельство совершенно упущено изъ вида 2-ю статью. Въ семействахъ же, въ которыхъ нѣтъ отца въ живыхъ, авторитетъ старшаго брата въ настоящее время крайне ослабѣлъ; впрочемъ, если два или три брата желаютъ подѣлиться, то это обыкновенно не желаніе одного изъ

нихъ, а всѣхъ, такъ какъ каждый желаетъ зажить отдѣльнымъ семействомъ.

На эту разницу, впрочемъ, отчасти обращено вниманіе въ ст. 9-ой, устанавливающей окончательную силу за приговоромъ, отказывающимъ въ раздѣлѣ по несогласію отца, и допускающей обжалованіе приговора, если неразрѣшеніе произошло по несогласію со стороны не отца, а старшаго члена семьи.

Въ виду этихъ соображеній, нельзя придавать особеннаго значенія содержанію ст. 2-ой, такъ какъ она только выражаетъ то, что дѣйствительно въ народномъ быту существуетъ и что до сихъ поръ нисколько не препятствовало семейнымъ раздѣламъ.

Статьи 3, 4 и 5-ая опредѣляютъ также образъ дѣйствія сходоу, способъ распредѣленія имущества при раздѣлѣ и т. п. Наконецъ ст. 8-ая опредѣляетъ послѣдствіе самовольнаго раздѣла. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія схода, почитается въ отношеніи отбыванія податей и повинностей нераздѣлившимся, при чемъ всѣ члены семейства продолжаютъ нести общую отвѣтственность, несмотря на то, что они подѣлились.

Такимъ образомъ, всѣ эти опредѣленія никакой новой существенной преграды для семейныхъ раздѣлоу не налагаютъ. Единственно что въ этомъ отношеніи могло бы имѣть дѣйствительно сдерживающее вліяніе на желающихъ дѣлиться, это недопущеніе раздѣлоу недоимщиками и требованіе предварительной уплаты недоимки. Но законодатель очевидно опасался идти такъ далеко въ принудительномъ направленіи, полагая вѣроятно, что потребность въ раздѣлѣ нерѣдко вызывается именно неудовлетворительнымъ ходомъ хозяйства семьи, происходящимъ отъ расточительности, пьянства или безпечности домохозяина. Въ такихъ случаяхъ, желающая раздѣлиться семья почти всегда явится неисправною въ отбываніи лежащихъ на ней повинностей, при чемъ требованіе взноса ею недоимки и текущихъ платежей, будучи равносильнымъ прегражденію для нея выхода изъ бѣдственнаго положенія, могло бы привести къ полному ея разоренію. Кромѣ того, потребность раздѣла можетъ представиться въ такое время года, когда, по причинѣ отсутствія спроса на сельскіе продукты, спѣсныхъ полевыхъ работъ или крайняго бездорожья, даже вполне обеспеченная семья оказывается не въ состояніи немедленно пополнить всѣ причитающіеся съ нея платежи. По этимъ, вѣроятно, причинамъ, законодатель ограничился указаніями на то, что при разрѣшеніи семейныхъ раздѣлоу сельскіе сходы обязаны заботиться объ обеспеченіи уплаты состоящей на дѣля-

и ется семействѣ недонки и опредѣлять, какую часть ея долженъ вносить каждый изъ участниковъ раздѣла (статья 5-ая и сл., п. б).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, законъ 18 марта 1886 года представляетъ собою только нѣкоторое развитіе, дополненіе и разъясненіе основного правила Крестьянскаго Положенія 1861 года, о подчиненіи семейныхъ раздѣловъ контролю мірскаго схода.

Никакихъ новыхъ существенныхъ ограниченій не введено; опредѣляется только нѣсколько точнѣе, въ какихъ размѣрахъ и какими приемами долженъ совершиться контроль схода, на что онъ долженъ особенно обращать вниманіе и т. п.

Нельзя не отнести съ крайнимъ сочувствіемъ къ осторожности законодателя, воздержавшагося отъ всякой излишней регламентаціи, въ сознаніи недостаточности тѣхъ мѣстныхъ свѣденій о крестьянскомъ бытѣ, которыми онъ обладалъ. При такихъ условіяхъ всякія слишкомъ рѣшительныя мѣропріятія, а въ особенности рѣшительное воспрещеніе совершать семейные раздѣлы, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, могли бы вызвать только опасныя неурядицы въ семейномъ быту крестьянъ.

Но, съ другой стороны, можно было предвидѣть, что если положеніе 1861 г. осталось безъ сдерживающаго вліянія на крестьянскія семейные раздѣлы, та же участь постигнетъ и новый законъ о семейныхъ раздѣлахъ, составляющій одно только развитіе п. 5-го статьи 51-ой Крестьянскаго Положенія. Эти опасенія вполне подтвердились. Со времени изданія закона прошло восемь лѣтъ, и, вѣроятно, всѣ сельскіе хозяева и деревенскіе жители подтвердятъ, что до сихъ поръ уменьшенія семейныхъ раздѣловъ незамѣтно, до сихъ поръ еще законъ 1886 г. остается мертвой буквой.

Противодѣйствовать семейнымъ раздѣламъ по самому существу весьма трудно. Дѣло въ томъ, что желаніе жить своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ—чувство, врожденное каждому чело-вѣку. Въ видахъ преуспѣянія хозяйства желательно, чтобы крестьяне жили большой семьей,—но много ли мы найдемъ подобныхъ семейныхъ сожителствъ въ другихъ классахъ общества, гораздо болѣе развитыхъ и образованныхъ. Жить общимъ хозяйствомъ въ гостинницѣ или казармѣ гораздо выгоднѣе, гораздо дешевле, но, несмотря на это экономическое преимущество, каждый семейный чело-вѣкъ стремится жить самостоятельно въ своемъ хозяйствѣ. Семейное общеніе сохраняется еще чаще, чѣмъ въ другихъ кругахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ сферахъ; фирма „братья такіе-то“—довольно распространена въ Россіи. Но это

все-же только общеніе капитала и промышленной дѣятельности, не препятствующее каждому брату жить отдѣльно въ своемъ личномъ семействѣ, своимъ хозяйствомъ. Это важное соображеніе, вытекающее изъ природы человѣка и обуславливаемое обстоятельствами семейной жизни, необходимо имѣть въ виду. Такое же стремленіе сосредоточиться въ своей семьѣ и быть независимымъ въ своей хозяйственной и домашней дѣятельности, проявляется и у крестьянъ; а вслѣдствіе ихъ бѣдности, отсутствія всякаго домашняго комфорта, оно проявляется въ этой сферѣ еще съ гораздо большею, почти стихійною силою, — и вотъ почему такъ трудно противодѣйствовать этой силѣ. Многобачія семьи еще сохраняются при жизни отца, у котораго нѣсколько взрослыхъ сыновей; отеческій авторитетъ уравниваетъ до извѣстной степени въ этомъ случаѣ индивидуальныя интересы отдѣльныхъ членовъ семейства, хотя и тутъ часто бываютъ споры изъ-за предпочтенія однихъ членовъ семейства другимъ и т. п. причинъ. Но чтобы два или три семейные брата оставались въ общемъ хозяйствѣ — вещь исключительно рѣдкая. Значеніе старшаго брата почти совсѣмъ упразднилось въ народѣ, а при равноправности ихъ въ хозяйскомъ быту неизбежно являются споры и столкновенія разныхъ мелкихъ интересовъ, ведущихъ къ раздѣлу. Разладъ начинается обыкновенно изъ-за женщинъ-хозяйекъ и ихъ столкновеній въ хозяйствѣ. При ограниченности удобствъ крестьянскаго хозяйства и крестьянской жизни, когда двумъ-тремъ хозяйкамъ приходится вести общее хозяйство въ одной избѣ, различныя мелкіе споры и столкновенія являются неизбежными и, повторяясь почти ежедневно, приводятъ къ семейному разладу и окончателю къ семейному раздѣлу. И варка пищи, и уходъ за дѣтьми, и забота о скотѣ, всѣ эти мелкія хозяйственныя отправленія, стѣсненныя въ одно мѣсто, неизбежно должны порождать постоянныя препирательства и столкновенія; — какъ разграничить сферу дѣятельности каждой хозяйки въ одномъ домѣ?! Къ этому присоединяется у мужчинъ обычное всѣмъ людямъ чувство эгоизма, которое у малосостоятельныхъ крестьянъ получаетъ особенную силу. Каждый желаетъ какъ можно болѣе приобрѣсть для себя лично, имѣть свое отдѣльное достояніе, распорядиться независимо отъ брата своимъ личнымъ имуществомъ; это чувство у крестьянина такъ сильно, что оно подавляетъ въ немъ совершенно мысль о той пользѣ, которую онъ можетъ сдѣлать изъ совмѣстнаго съ братомъ хозяйства, и о томъ обезпеченіи, которое онъ находилъ бы въ общей семейной жизни. Можно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ крестьяне, нынѣ свободные люди, дѣлятся? Ограничивать и стѣс-

нять стремленія свободнаго человѣка жить своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ довольно трудно и едва ли справедливо, даже въ виду несомнѣнной экономической выгоды и пользы. Намъ самимъ приходилось бесѣдовать объ этомъ предметѣ съ крестьянами; приводимъ здѣсь одинъ разговоръ, который съ наглядною ясностью, какъ бы фотографируетъ побужденія, руководящія обыкновенно крестьянами при семейныхъ раздѣлахъ. Разговоръ шелъ о двухъ братьяхъ, которые собирались подѣлиться, и, разумѣется, немедленно выяснилось, что первое побужденіе къ тому явилось вслѣдствіе спора между хозяйками— „бабы не поладили“. Оба брата зажиточные, у нихъ двѣ избы, и лѣтняя, и зимняя, — поэтому естественно было спросить: если хозяйки не могутъ ужиться въ одномъ хозяйствѣ, то почему же, раздѣлившись домашнимъ хозяйствомъ и перебравшись каждый въ отдѣльную избу, имъ не продолжать по прежнему общаго полевого хозяйства, пользуясь всеми выгодами естественной семейной ассоціаціи? „Нѣтъ, ужъ дѣлиться, такъ дѣлиться совсѣмъ,—отвѣтилъ намъ нашъ собесѣдникъ:—потому что каждый братъ заботится о томъ, какъ бы улучшить свое хозяйство, а потому каждый и желаетъ хозяйничать отдѣльно; вотъ, онъ думаетъ, куплю себѣ лишнюю корову, побольше унавожу поле, получу лучшій урожай, и это все мнѣ пойдетъ въ пользу, а то пришлось бы дѣлить съ братомъ прибыль—а каждый о себѣ заботится!“ Эти подлинныя слова лужскаго крестьянина лучше всего выясняютъ, какимъ чувствомъ руководится крестьянинъ при семейномъ раздѣлѣ. Если чувство эгоизма дѣйствуетъ во всѣхъ людяхъ, даже въ самыхъ образованныхъ, то слѣдуетъ ли дивиться тому, что оно проявляется такъ сильно въ малоразвитыхъ людяхъ. Въ виду всего этого нельзя не придти къ заключенію, что насильственно сдерживать семейную жизнь тамъ, гдѣ она естественно стремится распасться на отдѣльные элементы, т.-е. на отдѣльныя семьи—задача неосуществимая.

Раздѣлъ семьи и соединенное съ нимъ дробленіе земли представляютъ, однако, въ хозяйственномъ отношеніи несомнѣнно вредное явленіе, которому желательно противодействовать. Для достиженія прагматическаго результата необходимо прежде всего дать себѣ ясный отчетъ въ положеніи дѣла и въ тѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которые вызываютъ данное явленіе. Если придти къ убѣжденію, что стремленіе крестьянъ къ образованію отдѣльныхъ семейныхъ участковъ есть стремленіе вполне естественное, то вмѣсто того, чтобы воздѣйствовать на это стремленіе непосредственно, слѣдуетъ подойти къ нему съ другой стороны и поставить его на болѣе практическую почву. Не втор-

гаясь въ семейные распоряженія крестьянъ, слѣдуетъ принять мѣры для противодѣйствія крайнему дробленію земли. Этимъ путемъ, на который стали уже многія другія страны и который начертанъ и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ положеніяхъ, гораздо легче будетъ достигнуть удовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ результата.

По 96-ой ст. малороссійскаго положенія, крестьянскіе участки могутъ быть дѣлимы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть полевого участка была *не менѣ* половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка. А на основаніи 38-ой статьи и приложенія къ ней эти размѣры точно обозначены.

На основаніи 85-ой статьи положенія для сѣверо-западныхъ губерній, при переходѣ участковъ, на основаніи ст. 83, и переходѣ по наслѣдству, они могутъ быть, съ согласія помѣщика, раздѣляемы на части, но съ соблюденіемъ при этомъ условія, чтобы каждая часть была не менѣ десяти десятинъ.

Установленіемъ путемъ закона *минимальныхъ* участковъ крестьянскаго надѣла, которые уже не должны подлежать дальнѣйшему раздробленію, былъ бы положенъ предѣлъ и измелченію почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнему развитію семейныхъ раздѣловъ, такъ какъ семейства, дошедшія до минимальнаго надѣла, не имѣя возможности дѣлить даже землю, воздерживались бы по необходимости и отъ семейнаго раздѣла.

При установленіи минимальнаго размѣра земли, когда надѣлъ будетъ достигать этого послѣдняго предѣла дѣлимости, всѣ члены семейства, въ виду невозможности дальнѣйшаго раздѣла, по необходимости будутъ предаваться общему совмѣстному хозяйству на своемъ семейномъ участкѣ; если же наличность рабочихъ силъ въ семьѣ станетъ превышать потребность въ ней для обработки даннаго участка, тогда избытокъ населенія, т.-е. тѣ члены семейства, которые уже не будутъ находить примѣненія своему труду въ своей семьѣ, стануть выбывать изъ семейства, или переселяясь въ другія мѣстности, или посвящая себя отхожимъ работамъ.

Въ сѣверной и средней Россіи занятіе отхожими промыслами составляетъ уже постоянный удѣлъ части крестьянскаго населенія. Въ черноземной же и степной полосѣ, гдѣ занятіе промыслами и ремеслами не развилось среди крестьянъ, избытокъ сельскаго населенія пойдетъ на постоянную работу къ сосѣднимъ помѣщикамъ—отчего со временемъ выиграетъ и помѣщикъ, и крестьянское хозяйство. Въ настоящее время крестьяне въ этой полосѣ, снимая какія-либо работы у сосѣднихъ

помѣщиковъ, ведутъ ихъ одновременно съ своимъ хозяйствомъ, стараясь справиться и то и другое; а отъ этого страдаетъ ихъ собственное хозяйство, потому что они лишены возможности производить у себя необходимыя работы въ удобное для того время; отъ этого страдаетъ и ихъ работа у помѣщиковъ, потому что имъ все же приходится заботиться и о своемъ хозяйствѣ. Когда же дробленіе земли достигнетъ узаконеннаго минимальнаго размѣра, тогда часть крестьянъ посвятится, вѣроятно, исключительно своему собственному домашнему дѣлу, а другая часть, составляющая избытокъ населенія, пойдетъ ужъ на постоянныя работы въ сосѣднимъ помѣщикамъ и не будетъ отрываться отъ этихъ работъ заботами о собственномъ хозяйствѣ. Когда такимъ образомъ постепенно образуется изъ избытка сельскаго населенія классъ постоянныхъ сельскихъ наемныхъ рабочихъ, то по всей вѣроятности, чтобы еще болѣе обезпечить за собою трудъ хорошихъ рабочихъ, многоземельные помѣщики станутъ надѣлять своихъ рабочихъ небольшими клочками земли, для устройства на нихъ усадьбы и огорода,—такъ что между землевладѣльцами-крестьянами и безземельными крестьянами образуется еще средній классъ осѣдлыхъ рабочихъ, надѣленныхъ отъ хозяина усадьбой въ долгіе годы. Нѣкоторые изъ выдѣляющихся изъ семьи крестьянъ станутъ арендовать у помѣщиковъ отдѣльныя мызные участки, превращаясь нѣкоторымъ образомъ въ фермеровъ. Начало тому уже положено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Авторъ книги „Неурожай“ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ уже теперь устраиваются хутора, сдаваемые въ аренду крестьянамъ. Такъ, въ имѣніяхъ Д. А. Столыпина въ пензенской губерніи устроено 31 такой хуторъ, въ саратовской губерніи—7 хуторовъ, въ таврической—23 хутора. Затѣмъ въ екатеринославской губерніи подобныя хутора завелъ г. Короленко, водворяя на нихъ выходцевъ изъ малоземельныхъ частей полтавской губерніи. Въ виду подобныхъ удачныхъ примѣровъ хуторно-фермерской системы весьма желательно дальнѣйшее развитіе дѣла; созданіе прочнаго класса осѣдлыхъ арендаторовъ-хуторянъ, безъ ущерба для крестьянъ-землевладѣльцевъ, имѣло бы несомнѣнное значеніе какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ.

Задача государства заключается, какъ мы видѣли, совершенно не въ томъ, чтобы привязывать весь избытокъ населенія къ землѣ, а въ томъ, чтобы сохранять и укрѣплять сильное и здоровое крестьянское населеніе.

Такимъ образомъ, установленіе минимальныхъ участковъ представляетъ самую важную и самую насущную задачу будущаго;

отъ удачнаго разрѣшенія этой задачи зависитъ и поддержаніе благосостоянія и силы крестьянскаго населенія, и улучшеніе культуры земли, задерживаемой нынѣ во многихъ мѣстностяхъ у крестьянъ крайнимъ дробленіемъ земли, а у помѣщиковъ отсутствіемъ достаточнаго числа постоянныхъ рабочихъ.

Опредѣленіе минимальныхъ участковъ для каждой мѣстности составляетъ несомнѣнно для законодательства крайне трудную задачу, потому что опредѣленіе этихъ размѣровъ потребуетъ предварительнаго весьма тщательнаго изученія мѣстныхъ условій крестьянскаго хозяйства въ различныхъ районахъ общиннаго владѣнія; но исполненіе этой задачи никакъ нельзя признать для насъ непосильнымъ. Задача редакціонныхъ комиссій въ этомъ отношеніи, которымъ предстояло опредѣлить не только размѣры минимальныхъ участковъ для Малороссіи и для сѣверозападнаго края, но и размѣры нормальныхъ надѣловъ для всей Россіи, была несравненно труднѣе, и, несмотря на то, она получила удовлетворительное разрѣшеніе, и это въ такое время, когда существовавшія въ ихъ распоряженіи свѣденія были еще малочисленнѣе, чѣмъ въ настоящее время, и когда всѣ данныя пришлось собирать на мѣстахъ, такъ сказать, изъ жизни. Въ настоящее время весьма важно обратить вниманіе на то, какіе результаты дало въ практической жизни примѣненіе статей малороссійскаго и сѣверозападнаго положенія, установившихъ минимальный размѣръ крестьянскихъ участковъ. Одно это изслѣдованіе дастъ богатый матеріалъ для разрѣшенія вопроса.

Обратимся теперь въ разсмотрѣнію закона 8-го іюня 1893 года о крестьянскихъ передѣлахъ.

Содержаніе этого закона слѣдующее:

1) Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, соблюдаютъ относительно передѣловъ нижеслѣдующія правила.

2) Дѣйствию сихъ правилъ подлежатъ: а) всѣ земли пахотныя и б) тѣ изъ прочихъ угодій, которыя передѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ пахотными землями.

3) Передѣлы упомянутыхъ въ статьѣ 2-ой земель производятся не иначе, какъ съ соблюденіемъ условій, опредѣленныхъ въ особомъ приговорѣ общества.

4) Въ приговорѣ объ условіяхъ передѣла должны быть означены: а) срокъ, на который совершается передѣлъ; б) по какому расчету распределяется земля между домохозяевами (по душамъ

ревязскимъ или наличнымъ, по тягламъ и т. п.), и в) сколько по этому расчету душевыхъ или иныхъ надѣльныхъ участковъ причитается на каждаго изъ домохозяевъ.

5) Срокъ передѣла назначается въ двѣнадцать или болѣе лѣтъ.

Примѣчаніе. Устанавливаемые настоящими правилами ограниченія относительно срока и прочихъ условій передѣла не распространяются на тѣ случаи, когда разверстка мірской земли совершается для окончательнаго раздѣла земли на постоянные наслѣдственные участки.

6) Въ случаяхъ исключительныхъ новый передѣлъ можетъ быть производимъ и до наступленія срока, опредѣленнаго въ приговорѣ объ условіяхъ предъидущаго передѣла, но не иначе, какъ по испрошенію обществомъ особаго разрѣшенія губернскаго присутствія на сокращеніе сего срока.

7) Приговоръ объ условіяхъ передѣла постановляется порядкомъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 54-ой положенія, и вступаетъ въ силу по провѣркѣ его на мѣстѣ земскимъ участковымъ начальникомъ и утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ.

8) Уѣздный съѣздъ, рассмотрѣвъ приговоръ, представленный земскимъ начальникомъ при его заключеніи, или утверждаетъ таковой, или отказывается въ утвержденіи, если признаетъ, что онъ постановленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ. Въ случаѣ отказа въ утвержденіи, съѣздъ указываетъ обществу причины неутвержденія приговора и предоставляетъ обществу составить новый приговоръ объ условіяхъ передѣла.

9) При всякомъ передѣлѣ крестьянамъ, улучшившимъ качества своего надѣла посредствомъ удобренія земли, осушенія ея, устройства орошенія или инымъ способомъ, а равно правопреемникамъ сихъ крестьянъ, надѣлъ предоставляется, по возможности, въ прежнемъ мѣстѣ. При невозможности сего, означеннымъ лицамъ или отводится надѣлъ равнаго качества съ прежнимъ, или, въ случаѣ отвода земли худшаго качества, назначается вознагражденіе, производимое посредствомъ соотвѣтственной сдѣлки въ уплатѣ повинностей, либо на иныхъ основаніяхъ.

10) Со времени приведенія въ дѣйствіе приговора объ условіяхъ передѣла до утвержденія новаго по тому же предмету приговора, участки отдѣльныхъ домохозяевъ не могутъ быть отбираемы обществомъ ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ, за исключеніемъ случаевъ: а) смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору,

или безвѣстной его отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если притомъ послѣ умершаго или выбывшаго лица не осталось въ обществѣ членовъ семейства, за которыми участю можетъ быть оставленъ; б) отказа самого домохозяина отъ пользованія землею, и в) неисправности его въ платежѣ повинностей (ст. 188 положенія).

11) Обществу предоставляется: а) передавать участки, поступающіе въ распоряженіе его, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ пунктами 1—3 предыдущей статьи; въ полномъ составѣ или по частямъ, въ пользованіе другихъ домохозяевъ на время до слѣдующаго передѣла или на болѣе краткій срокъ, или же б) сохранить сіи участки до новаго передѣла въ общественномъ пользованіи, въ видѣ мірскихъ оброчныхъ статей.

12) Приговоры общества по предметамъ, означеннымъ въ статьяхъ 10-ой и 11-ой, постановляются порядкомъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 54-ой положенія, объявляются лицамъ, до которыхъ относятся, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляются земскому начальнику. Приговоры сіи могутъ быть обжалованы лицами, до коихъ относятся, земскому начальнику въ теченіе тридцати дней со времени объявленія ихъ.

13) Земскій начальникъ провѣряетъ каждый представленный ему по статьѣ 12-ой приговоръ на мѣстѣ, рассматриваетъ принесенныя на оный жалобы и засимъ или разрѣшаетъ обществу привести приговоръ въ исполненіе, или входитъ съ представленіемъ объ отиѣнѣ онаго на общемъ основаніи (Пол. о зем. нач., ст. 31).

14) До утвержденія перваго, постановленнаго на основаніи настоящихъ правилъ, приговора объ условіяхъ передѣла, сельское общество въ распоряженіяхъ своихъ относительно отдѣльныхъ участковъ, отведенныхъ въ пользованіе домохозяевъ по послѣдней разверсткѣ, руководствуется постановленіями статей 10—13-ой сихъ правилъ, а участками, временно предоставленными домохозяевамъ послѣ общей разверстки (накладныя души), общество распоряжается сообразно тѣмъ условіямъ, на которыхъ участки сіи были предоставлены означеннымъ домохозяевамъ, но съ соблюденіемъ притомъ постановленій, содержащихся въ статьяхъ 12 и 13-ой сихъ правилъ.

Кн. А. Оболенскій, въ указанной выше статьѣ: „Основная причина крестьянскаго нестроенія“, замѣчаетъ по поводу закона 8-го іюня, „что онъ представляетъ собою первую попытку если и не дать правила для сельской общины, то вызвать само общество на установленіе опредѣленнаго порядка пользованія землей

и земельных передѣловъ. Съ этой точки зрѣнія законъ этотъ представляется въ высшей степени важнымъ, но, конечно, онъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе и разумное примѣненіе, лишь когда выяснятся тѣ общіе вопросы общиннаго землевладѣнія, безъ разрѣшенія которыхъ немислимо установленіе въ немъ прочнаго и твердаго порядка".

Какъ первый опытъ побудить общество крестьянъ къ урегулированію и болѣе точному опредѣленію всѣхъ отношеній къ землѣ, законъ 8-го іюня 1893 г. имѣетъ несомнѣнно немало-важное значеніе. Еслибы онъ ограничился требованіемъ постановленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мірскихъ приговоровъ, ясно опредѣляющихъ условія передѣла, и еслибы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ нѣкоторыя мѣропріятія, клонящіяся къ устраненію всякихъ положительныхъ злоупотребленій и правонарушеній, могущихъ случаться при передѣлахъ, то цѣлесообразная польза этого закона была бы внѣ всякаго сомнѣнія. Къ сожалѣнію, законъ 8-го іюня идетъ далѣе; онъ не ограничивается требованіемъ установленія опредѣленнаго порядка при передѣлахъ, онъ вступаетъ на путь регламентаціи, опредѣляя минимальные сроки передѣловъ и случаи, въ коихъ допускается сбавка и надбавка тягола.

Всматриваясь во всю совокупность закона, нельзя не придти къ убѣжденію, что главная цѣль его—устраненіе вредныхъ послѣдствій передѣловъ вообще. Законъ состоялся несомнѣнно подъ вліяніемъ существовавшего и существующаго у насъ еще во многихъ кругахъ мнѣнія о мнимомъ вредѣ, наносимомъ передѣлами крестьянской культурѣ. Съ отвлеченной точки зрѣнія важется совершенно несомнѣннымъ, что крестьянинъ, не обеспеченный въ пользованіи своимъ участкомъ, не станетъ заботиться о хорошей его обработкѣ; зачѣмъ ему сегодня уваживать поле, которое, можетъ быть, завтра отберутъ у него... Но дѣйствительная жизнь ставитъ вопросъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ представляется отвлеченнымъ теоретическимъ соображеніямъ. Чтобы ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вопроса, необходимо было предпослать составленію закона основательное изслѣдованіе на мѣстахъ порядковъ и обычаевъ крестьянскаго быта—а этого изслѣдованія, къ сожалѣнію, сдѣлано не было.

Несмотря на господствовавшее у насъ убѣжденіе во вредномъ вліяніи передѣловъ, о совершенномъ воспрещеніи ихъ не могло быть и рѣчи; такое воспрещеніе равнялось бы упраздненію общиннаго владѣнія въ Россіи.

Опасаясь идти такъ далеко, законъ ограничивается установ-

леніемъ однообразнаго минимальнаго двѣнадцати-лѣтняго срока, въ видахъ устраненія по крайней мѣрѣ слишкомъ частыхъ передѣловъ. Таково, очевидно, его значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, при разнообразіи почвенныхъ, климатическихъ и культурныхъ условій въ Россіи, установленіе одного минимальнаго размѣра для всей Россіи должно представлять на практикѣ большія и несомнѣнныя неудобства. Цифра, подходящая къ одной мѣстности, можетъ не подходить къ другой. Слѣдовало требовать вообще, чтобы въ приговорахъ опредѣлялся *срокъ*, на который производится передѣлъ, хотя могутъ быть случаи, когда, какъ мы дальше увидимъ, даже опредѣленіе срока представляетъ неудобства, — но опредѣленіе двѣнадцати-лѣтняго минимальнаго срока едва ли вызывалось дѣйствительными потребностями нашей сельской жизни. Чѣмъ вообще обусловленъ этотъ двѣнадцати-лѣтній минимумъ? Можно предположить, что на немъ остановились какъ на періодѣ, представляющемъ три трехгодовыхъ сѣвооборота. Но почему же приняты именно три, а не два или четыре сѣвооборота? Особеннаго основанія къ тому быть не можетъ. Затѣмъ, какъ примѣнить этотъ срокъ въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне уже начали вводить и многопольные сѣвообороты, вызванные посѣвами клевера, — мѣстный сѣвооборотъ можетъ совсѣмъ не составлять крайняго числа 12-ти; можно, правда, его удлинить, ибо 12 лѣтъ составляютъ не обязательный, а только минимальный срокъ, — но какое значеніе остается тогда за этой цифрой?

Устанавливаемый минимальный срокъ не произведетъ никакой пертурбаціи только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже фактически существуютъ близко подходящіе къ нему 8-ми, 9-ти, 10-ти и 11-ти-лѣтніе сроки, но тамъ примѣненіе его будетъ совершенно индифферентно; сами крестьяне уже придерживаются въ этихъ мѣстностяхъ подходящихъ сроковъ.

Но на двухъ крайнихъ концахъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда уже и теперь преобладали очень продолжительные сроки, и съ другой стороны, въ случаяхъ примѣненія до сихъ поръ самыхъ краткихъ, даже одногодovýchъ сроковъ на передѣлы, польза примѣненія статьи 5-ой болѣе чѣмъ сомнительна.

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ періодическихъ передѣловъ совершенно не существуетъ; земля остается до 20 и болѣе лѣтъ въ рукахъ одной и той же семьи; есть даже случаи, что, разъ подѣлившись при освобожденіи, крестьяне съ тѣхъ поръ не производили болѣе передѣловъ. Въ такихъ мѣстностяхъ регламентативное постановленіе статьи 4-ой и 5-ой можетъ имѣть по-

слѣдствія прямо противоположныя предусматриваемой цѣли. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ періодическихъ передѣловъ не существуетъ, передѣлы становятся исключеніемъ изъ общаго порядка. Къ нимъ прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. при развитіи крайней чрезположности и т. п. Законъ 8-го іюня устраняетъ на будущее время эту возможность; въ случаѣ передѣла, надо опредѣлить срокъ. При безсрочномъ распредѣленіи земли, можетъ быть, прошло бы опять 10, 20, 30 лѣтъ до новаго передѣла, а можетъ быть, въ таковомъ и совсѣмъ не представлялось бы надобности, но законъ требуетъ опредѣленія срока впередъ. Можно, несомнѣнно, превысить 12-ти-лѣтній срокъ, назначить 20—30 лѣтъ. Но едва ли крестьяне на это рѣшатся. Имѣя возможность передѣлиться во всякое время и не имѣя къ тому никакой необходимости, крестьяне спокойно оставались бы безъ передѣла долгое время. Но связывать себя впередъ приговоромъ на срокъ болѣе установленнаго правительствомъ имъ покажется опаснымъ; мало ли что можетъ случиться въ промежутокъ времени, а они связаны постановленіемъ схода. Вотъ почему, по всей вѣроятности, въ такихъ мѣстностяхъ при случающихся передѣлахъ станутъ принимать 12-ти-лѣтній срокъ и привыкнуть мало-помалу смотрѣть на эти 12 лѣтъ какъ на нормальный срокъ, установленный правительствомъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя общины, у которыхъ передѣлы уже перешли въ область преданія, опять возвратятся къ 12-ти-лѣтнимъ періодическимъ срокамъ. Въмѣсто удлинненія получится сокращеніе сроковъ; едва ли это желательно и полезно.

Для устраненія этого неудобства слѣдовало бы при сохраненіи даже 5-ой статьи постановить: что въ тѣхъ случаяхъ, когда община желаетъ подѣлить землю на болѣе продолжительный срокъ, ей разрѣшается въ мірскомъ приговорѣ *не обозначать срока*, оговоривъ, что къ передѣлу будетъ приступлено, когда къ тому окажется необходимость, но во всякомъ случаѣ съ условіемъ, чтобы ранѣе 12 лѣтъ община не приступала къ передѣлу.

Совсѣмъ другого рода трудность будетъ встрѣчать примѣненіе закона въ тѣхъ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ землю до сихъ поръ не уваживаютъ и гдѣ потому передѣлы происходятъ въ самые краткіе промежутки времени, иногда даже ежегодно. Рѣшительно непонятно, какимъ образомъ возможно будетъ привести въ исполненіе тамъ требованія статьи 5-ой.

Статья 6-ая допускаетъ въ исключительныхъ случаяхъ измѣненіе въ постановленіяхъ приговора, т.-е. разрѣшаетъ приступъ

къ передѣлу ранѣе опредѣленнаго срока; въ степной области это исключеніе превратится несомнѣнно въ общее правило.

Какой же поводъ могъ быть къ понужденію этихъ примитивныхъ мѣстностей переходить разомъ отъ годового до 12-ти годового срока? Очевидно, это было постановлено подъ дѣйствіемъ убѣжденія, что измѣненіе формы владѣнія землей должно повлечь за собою и измѣненіе формы культуры; между тѣмъ, мы видѣли, что въ дѣйствительности дѣло идетъ совершенно противоположнымъ образомъ. Если закрѣпить за нашимъ степнякомъ, не уваживавшимъ до сихъ поръ землю, его участки на 10, 20, 30 лѣтъ, этимъ однимъ онъ никогда не вызовется на уваживаніе пашни, а только его полу-захватное хозяйство будетъ приведено въ разстройство. Если же общество само додумается до того, что пора приступить къ уваженію поля, то оно само удлиннитъ въ соразмѣрности сроки, такъ какъ лучшая обработка земли требуетъ и болѣе продолжительнаго владѣнія ея.

Въ виду всего вышеназложеннаго слѣдовало бы сохранить постановленіе статьи 4-ой для всѣхъ передѣловъ до 12 лѣтъ, но съ предоставленіемъ обществу *устанавливать сроки по своему усмотрѣнію*, не связывая его ограниченіемъ статьи 5-ой. Только въ случаѣ составленія бессрочныхъ приговоровъ, таковыя могли бы подлежать 12-ти-лѣтнему ограниченію, какъ выше указано.

Остальныя статьи устанавливаютъ самый порядокъ производства раздѣловъ. Приговоръ о передѣлѣ долженъ, кромѣ срока, опредѣлять съ точностью всѣ условія владѣнія, по какому расчету земля распределяется между хозяевами, сколько надѣловъ приходится на долю каждаго. Самый порядокъ распределенія земли по душамъ ревизскимъ или наличнымъ, или тягламъ, предоставляется весьма осторожно на усмотрѣніе самихъ обществъ, — всякая регламентація въ этомъ отношеніи могла бы принести только вредъ.

Статья 9-ая устанавливаетъ, что при всякомъ передѣлѣ крестьянамъ, улучшившимъ путемъ удобренія, осушенія, орошенія или *инымъ способомъ*, а равно и правопреемникамъ этихъ крестьянъ, надѣлъ предоставляется по возможности въ тѣхъ же мѣстахъ, равнаго качества или имъ назначается вознагражденіе.

При трудности опредѣленія характера улучшенія и опредѣленія стоимости его, означенная статья, при всей своей цѣлесообразности, на первое время будетъ находить примѣненіе довольно рѣдко; на нее надо смотрѣть, какъ на поощреніе крестьянъ къ примѣненію этого полезнаго порядка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ уже началъ входить въ народный обычай.

Особеннаго вниманія, вслѣдствіе содержащейся въ ней регламентаціи, заслуживаетъ статья 10-ая, трактующая о скидѣ и накидѣ надѣловъ, т.-е. о такъ называемыхъ частныхъ передѣлахъ. Урегулированію этого проявленія крестьянской жизни посвященъ рядъ постановленій, опредѣляющихъ съ точностью всѣ тѣ случаи, когда вообще можетъ быть допусаема скидка и накидка тяголь.

Нельзя отрицать, что при скидѣ и накидѣ надѣловъ дѣйствительно происходили весьма серьезныя правонарушенія. До сихъ поръ скидки и накидки надѣловъ порождали нерѣдко широкую практику произвола и насилій; бывали случаи, что за воду отбирались надѣлы отъ бѣдныхъ домохозяевъ для передачи богатымъ, и отбиралась не часть надѣла, а весь надѣлъ, такъ-что происходило полное обезземеленіе крестьянъ-домохозяевъ. Въ видахъ устраненія явныхъ правонарушеній, сенатскимъ опредѣленіемъ было постановлено, что приговоры о свалѣхъ и навалехъ тяголь нуждаются, для полученія законной силы, въ большинствѣ двухъ третей голосовъ, и что отбирание всего надѣла вообще допустимо только при неисправности общинника въ отбываніи повинностей. Это опредѣленіе сената значительно ограничило кругъ злоупотребленій, но не могло ихъ устранить совершенно. Стали отбирать не весь надѣлъ, а столь значительную его часть, что хозяйничать на остальномъ становилось невозможнымъ.

Могло казаться, что, оставляя открытымъ вопросъ о свалѣхъ и навалехъ тяголь, тѣмъ самымъ открывался широкій просторъ обходить постановленія закона, направленнаго къ урегулированію періодическихъ передѣловъ.

Подъ влияніемъ вышеназженныхъ опасеній, законодатель не рѣшился ограничить вопросъ—необходимостью введенія мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію злоупотребленій, происходившихъ при скидѣ и накидѣ надѣловъ, онъ пошелъ дальше. Считаая нежелательнымъ слишкомъ частое проявленіе этой стороны общиннаго быта (даже при отсутствіи положительныхъ злоупотребленій) и исходя, съ другой стороны, изъ той точки зрѣнія, что правительство въ правѣ и обязано полагать предѣлы такихъ проявленій народной жизни, которыя онъ признаетъ вредными съ государственной точки зрѣнія, законъ 8-го іюня склонился къ нѣкоторому стѣсненію даже нормальнаго проявленія этого бытового порядка, ограничивъ его примѣненіе—нѣкоторыми точно опредѣленными случаями.

Еслибы дѣйствительно, путемъ частныхъ передѣловъ можно было обходить общій законъ о періодическихъ передѣлахъ, то

такая постановка вопроса не могла бы возбуждать никаких сомнѣній въ своей цѣлесообразности. Но при ближайшемъ изслѣдованіи предмета нельзя не признать опасенія, побудившія законодателя вступить въ этомъ вопросѣ столь рѣшительно на путь регламентаціи, чрезмѣрными и мало основательными. Въ сущности, — за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, носящихъ несомнѣнно характеръ злоупотребленій, — *переверстаній угодья* подъ видомъ скидки и навидки земли почти никогда не происходитъ. Самые слова *частный передѣлъ* въ деревнѣ неизвѣстны; это — созданіе административнаго и литературнаго языка, для выраженія предвзятаго понятія, которому въ дѣйствительной жизни ничего не соотвѣтствуетъ. До 1893 г. общіе передѣлы были предоставлены свободной волѣ обществъ; какой же интересъ могли имѣть общества скрывать общіе передѣлы подъ видомъ частныхъ передѣловъ? — очевидно, никакого; передѣлъ такъ передѣлъ! — производить же передѣлъ путемъ скидки и навидки надѣловъ — объ этомъ крестьяне никогда и не помышляли. При скидкѣ и навидкѣ земли въ средѣ хозяйствъ дѣло ограничивается обыкновенно передачею всего или части надѣла отъ одного домохозяина другому; при этомъ ни переверстки, ни ломки межъ не допускается. Бываютъ несомнѣнно злоупотребленія, но эти злоупотребленія заключаются въ несправедливомъ отобраніи отъ домохозяина части надѣла, но никакъ не въ практикованіи общаго передѣла путемъ свалки и навалки тяголъ. Частные передѣлы — это отвлеченная фикція, крестьянскимъ обществамъ неизвѣстная.

Сбавка и набавка надѣловъ не только не составляетъ, какъ полагаютъ многіе, случайнаго осложненія общиннаго владѣнія, но напротивъ того, этотъ процессъ до того связанъ съ сущностью общиннаго владѣнія, что безъ него существованіе послѣдняго немислимо. Безъ періодическихъ передѣловъ, какъ мы уже указывали, община можетъ существовать продолжительное время, но лишеніемъ права скидки и навидки все отправленіе общинной жизни было бы подорвано. Только благодаря повременнымъ скидкамъ и навидкамъ надѣловъ, общины могутъ обходиться долгое время безъ передѣловъ. Жизнь проявляетъ въ этомъ отношеніи столько разнообразныхъ частныхъ, что ихъ довольно трудно подвести подъ регламентацію закона. Вызванная чрезмѣрными, не основанными на дѣйствительныхъ явленіяхъ жизни, опасеніями, статья 10-ая неизбежно должна стѣснить естественное теченіе общинной жизни.

Изъ собственнаго наблюденія, во время пребыванія въ деревнѣ, и изъ разговоровъ съ земскими начальниками мы не могли не

вынести убѣжденія, что могутъ случаться такія проявленія и потребности скидки и накидки земельныхъ угодій, потребности, прямо вытекающія изъ условій крестьянской жизни, которыя не подходятъ подъ регламентативные пункты статьи 10-ой.

Чтобы не стѣснять крестьянской жизни, болѣе толковые земскіе начальники принуждены въ такихъ случаяхъ подводить, даже съ натяжкой, вызываемую необходимостью скидку или накиду подъ тотъ или другой пунктъ статьи, при помощи иногда крайне распространительнаго толкованія. Только этимъ путемъ и удастся устранить въ данномъ случаѣ вредныя послѣдствія регламентаціи.

Желаемая цѣль устраненія злоупотребленій была бы вполне достигнута безъ всякаго стѣсненія общинной жизни, еслибы статья 10-ая, вмѣсто принципиальнаго воспрещенія всякой свалки и навалки, съ перечисленіемъ, затѣмъ, тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда можетъ быть производима сбавка и прибавка надѣловъ, просто бы постановляла, что свалка и навалка не допускается, безъ согласія самого домохозяина, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ рабочемъ составѣ семейства домохозяина не произошло никакого измѣненія и когда домохозяинъ исправно уплачиваетъ повинности.

Слишкомъ значительному группированію участковъ въ однихъ рукахъ легко противодѣйствовать установленіемъ максимальнаго числа надѣловъ, которое можетъ быть соединено въ рукахъ одного домохозяина, на подобіе того, что уже существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ положеніяхъ; такъ напр., 84 ст. сѣверозападнаго положенія ограничиваетъ число надѣловъ, могущихъ принадлежать одному домохозяину, *тремя*. Стремленію же малоземельныхъ семей отбирать надѣлы, путемъ свалки, у большеземельныхъ хозяевъ, была бы полагаема нѣкоторая преграда постановленіемъ ст. 9-й настоящаго закона, которая требуетъ, чтобы владѣльцу отбираемаго участка назначалось извѣстное вознагражденіе за произведенныя имъ на участкѣ улучшенія.

Подобныя органическія мѣры лучше всякой регламентаціи сдерживали бы процессъ скидки и накидки участковъ въ здоровыхъ и нормальныхъ границахъ. Вмѣстительство администраціи въ это проявленіе мѣстной жизни могло бы тогда быть допускаемо только въ случаѣ жалобъ заинтересованныхъ сторонъ, для устраненія злоупотребленій.

Но законъ 8-го іюня не остановился на этой почвѣ, онъ пошелъ далѣе, и потому про него можно сказать, что въ крайнемъ случаѣ излишняя регламентація, вносимая имъ во внутреннее дѣло общины распредѣленіемъ надѣловъ, особеннаго вреда не принесетъ, потому что жизнь найдетъ возможность такъ или

иначе обходить ее; что же касается тѣхъ статей положенія 8-го іюня, которыя имѣютъ цѣлью упорядоченіе дѣлопроизводства при составленіи мірскихъ приговоровъ и устраненіе всякихъ злоупотребленій и насилій, то ихъ нельзя не признать безусловно полезными.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ законъ 22-го ноября 1893 года. Онъ затрогиваетъ самые коренные вопросы крестьянскаго землевладѣнія, вводя въ существовавшій до того времени порядокъ такіа измѣненія, которыя будутъ имѣть несомнѣнно самое благотворное вліяніе на весь крестьянскій землевладѣльческій бытъ.

Содержаніе закона слѣдующее:

1) Продажа надѣльной земли цѣлыми сельскими обществами допускается не иначе, какъ на основаніи особаго о томъ приговора общества, постановленнаго съ согласія не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, и утвержденаго губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по принадлежности. Если стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ пятьсотъ рублей, то для продажи его требуется, сверхъ того, разрѣшеніе министра вн. д., по соглашенію съ министромъ фин., а въ случаяхъ, когда участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей, — и по соглашенію съ министромъ госуд. имуществъ.

Дѣйствіе устанавливаемаго настоящимъ правиломъ ограниченія не распространяется на случаи: а) обмѣновъ на основаніи ст. 86 пол. учр. крест. и обмѣновъ при размежеваніи, и б) отводъ земли по мірскимъ приговорамъ въ пользу причтовъ вновь устрояемыхъ приходоѡ. Означенные обмѣны и отводы производятся на существующемъ основаніи.

2) Участки надѣльной земли, пріобрѣтенныя отдѣльными крестьянами или состоящія въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи, могутъ быть отчуждаемы посредствомъ даренія или продажи, какъ добровольной, такъ и съ торговъ, за недоимки въ выкупныхъ платежахъ, только лицамъ приписаннымъ или присылающимся въ сельскимъ обществамъ.

Дѣйствіе устанавливаемаго настоящимъ правиломъ ограниченія не распространяется на случаи: а) обмѣновъ на основ. ст. 86 пол. учр. крест. и обмѣновъ при размежеваніи, и б) отчужденія надѣльной земли для промышленныхъ цѣлей. Въ семъ послѣднемъ случаѣ надѣльные участки могутъ быть продаваемы лицамъ всѣхъ состояній, но не иначе какъ съ особаго разрѣшенія, даваемаго министромъ вн. д., по соглашенію съ министрами фин. и гос. имущ., по принадлежности.

3) Крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ воспре-

щается отдавать надѣльные земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учреждениямъ, хотя бы выкупная ссуда по симъ землямъ и была погашена. Обращеніе възысканія на означенныя земли по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ и продажа оныхъ на основаніи такихъ рѣшеній допускаются только для удовлетворенія претензій по закладнымъ, въ установленномъ порядкѣ, совершеннымъ до обнародованія настоящаго закона.

Во измѣненіе и дополненіе положенія о выкупѣ постановить: до уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, приобретенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода.

Дѣйствіе вышеназложенныхъ правилъ не распространяется на губерніи царства польскаго, прибалтійскія, а равно на губерніи и области кавказскаго края и азіатской Россіи.

Постановленія закона 14 декабря касаются трехъ существенныхъ предметовъ: во-первыхъ, права отчужденія выкупленной надѣльной земли какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными крестьянами; во-вторыхъ, права залога надѣльныхъ земель, и въ-третьихъ, права досрочнаго выкупа и выдѣла участковъ.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ трехъ предметовъ отдѣльно, и такъ какъ прежде чѣмъ продавать участокъ, надо его выкупить, то мы и начнемъ наше разсмотрѣніе съ послѣдняго пункта.

Право досрочнаго выкупа и выдѣла участка поставляется разсматриваемымъ закономъ въ зависимость отъ *согласія* крестьянскаго общества; никакихъ другихъ ограниченій законъ на досрочный выкупъ не налагаетъ.

Согласіе общества въ данномъ случаѣ кажется столь естественнымъ и столь справедливымъ условіемъ, что слѣдуетъ удивляться, какъ положеніе 19-го февраля могло устранить это условіе.

На основаніи 165-ой статьи положенія о выкупѣ—до уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, изъ земли, приобретенной обществомъ, допускается не иначе, какъ *съ согласія общества*. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество *обязывается* выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный ему участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самаго общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться приобретенною имъ частью земли, въ составѣ мирскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей.

Въ связи съ этимъ ст. 36-ая Общаго Положенія опредѣляетъ, что каждый членъ сельскаго общества можетъ *требовать*, чтобы изъ состава земли, приобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ приобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, *денгами*, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

Такимъ образомъ, положеніе 1861 года требовало согласія крестьянскаго общества только на выдѣлъ невыкупленной земли. Но каждый членъ общества могъ *безъ согласія* общества *приступить* во всякое время къ *досрочному выкупу*, *требовать*, на основаніи такового, *обязательнаго выдѣла* ему отдѣльнаго участка, *сохраняя право*, до совершенія такого выдѣла, *пользоваться надѣломъ въ общей мѣстѣ*, и при окончательномъ выходѣ изъ общества, въ случаѣ невозможности выдѣленія земли, *получать удовлетвореніе отъ общества денгами*.

Устраненіе согласія общества на досрочный выкупъ было несомнѣнно вызвано желаніемъ облегчить по возможности каждому общиннику выходъ изъ общины съ землею, въ видахъ поощренія частнаго участковаго хозяйства. По мнѣнію законодателя 1861 г., каждый членъ общества долженъ былъ имѣть право на опредѣленную часть общей собственности; для осуществленія этого права слѣдовало предоставить каждому сообщнику не только уступать другимъ свое право участія въ общемъ пользованіи землею, но и требовать до окончательнаго раздѣла земли между всѣми членами общества выдѣла ему соответственнаго участка въ натурѣ.

Но можно ли по справедливости согласовать такое требованіе съ тѣми началами, на которыхъ зиждется крестьянское общество и мірское общинное владѣніе?

На основаніи и народнаго обычая, и положенія 1861 года, надѣльная земля составляетъ принадлежность общества, и въ общемъ порядкѣ выкупается всѣмъ обществомъ. На основаніи 160 ст. пол. о вык., когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами. Какъ первоначальная разверстка земли, такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы оной между крестьянами допускаются не иначе какъ по приговору, утвержденному, по крайней мѣрѣ, двумя третями общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Спрашивается, какъ можно логически согласовать съ содер-

заніемъ 160-ой статьи содержаніе 165-ой статьи и 36-ой статьи Общаго Положенія?

Если надѣльная земля составляетъ собственность всего общества и въ общемъ порядкѣ выкупается всѣмъ обществомъ, то на какихъ основаніяхъ можно было предоставить отдѣльному члену общества выкупать, безъ согласія общества, досрочно свой участокъ и право требовать себѣ выдѣла части общаго имущества, пока община продолжаетъ еще существовать и выкупъ остальныхъ надѣловъ еще не завершился? Понятно, что общество должно имѣть право ликвидировать свое общинное устройство, если оно признаетъ это умѣстнымъ, т.-е. перейти къ участково-наслѣдственному способу владѣнія землей. Точно также общинѣ, какъ владѣльцу всей земли, должно принадлежать право выдѣлять участки тѣмъ изъ общинниковъ, которые съ ея согласія выходить изъ общины. Общество при этомъ всегда можетъ сообразить, какое количество земли и какую землю можно допустить къ досрочному выкупу безъ вреда для общины, т.-е. съ тѣмъ, чтобы право общества на всю остальную надѣльную землю тѣмъ самымъ не подрывалось. Обязывать же общину отрывать часть отъ общаго достоянія отдѣльнымъ ея членамъ, которые самовольно, безъ согласія другихъ членовъ, будутъ выходить изъ общины, въ такую эпоху, когда общій выкупъ земли еще не завершился,— это несомнѣнно противно всѣмъ требованіямъ ассоціаціонной справедливости. Можно ли представить себѣ, по отношенію ко всякому другому промышленному или торговому ассоціаціонному предпріятію,—напримѣръ по отношенію къ акціонерной компаніи,—чтобы каждый отдѣльный членъ компаніи имѣло право выйти во всякое время изъ компаніи, съ требованіемъ, чтобы ему была выдѣлена извѣстная доля самаго предпріятія, часть магазина или фабрики или опредѣленная отрасль всей компанейско-торговой дѣятельности. При такихъ условіяхъ нивакое ассоціаціонное предпріятіе не могло бы существовать; подобное право, предоставленное каждому изъ членовъ компаніи, неизбѣжно привело бы къ разоренію всякое промышленное и торговое общественное предпріятіе, а между тѣмъ къ сельско-хозяйственной общинѣ нашли возможнымъ примѣнить именно такое правило! Можно ли послѣ того удивляться, что это правило приводило къ неблагоприятнымъ для общества результатамъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно вступало въ силу.

Допущеніе досрочнаго выкупа безъ согласія общества представляло еще и съ другой стороны поражающую несправедливость. Лица, выкупающія надѣльную землю въ различныя эпохи,

находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ. Вносящій выкупъ за надѣлъ, которымъ онъ пользуется въ данное время, можетъ въ дѣйствительности выкупать такую землю, которою до него владѣли и за которую платили десятины гдѣ другіе члены общества. При передѣлахъ надѣльной земли, потомки первоначальныхъ плательщиковъ выкупной ссуды могутъ, въ зависимости отъ состава ихъ семейства, владѣть большимъ или меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое было во владѣніи предшествующихъ поколѣній. И эта несправедливость распредѣленія должна все болѣе и болѣе усиливаться, по мѣрѣ приближенія выкупной операціи къ окончанію, такъ какъ при досрочномъ выкупѣ требуется взносъ не всей стоимости земли, а только остальной, не выплаченной еще части капитальнаго долга; такимъ образомъ одни могутъ получать выгоду на счетъ другихъ. Вотъ почему устраненіе общества отъ рѣшенія вопроса о досрочномъ выкупѣ представляло явную несправедливость.

Эту несправедливость крестьяне-общинники очень хорошо сознаютъ и потому относятся обыкновенно очень недружелюбно къ требованіямъ о выдѣлѣ земли лицамъ, совершающимъ досрочный выкупъ. Г. Карелинъ приводитъ нѣсколько примѣровъ неблагоприятнаго отношенія крестьянъ къ досрочнымъ выкупамъ. Въ одной деревнѣ самарскаго уѣзда крестьяне, выкупивъ четыре надѣла, требовали выдѣла ихъ въ отдѣльное мѣсто; мѣръ согласился, но съ тѣмъ, чтобы они вышли изъ общества и убирались со всѣмъ своимъ домоу на выдѣленную землю, за пять верстъ отъ села. Вслѣдствіе такого постановленія міра крестьяне отказались отъ выдѣла выкупленнаго ими надѣла. Другому крестьянину, выкупившему надѣлъ, въ бугульминскомъ уѣздѣ, крестьяне отвели въ верстѣ отъ селенія безводный съ галькою участокъ. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести еще много. Проф. Посниковъ передаетъ между прочимъ весьма интересный въ этомъ отношеніи разговоръ съ крестьянами села Знаменки, мелитопольскаго уѣзда (Ю.-Русск. Крест. Хозяйство). Когда ему случилось заговорить съ выборными села на тему о болѣе законной раскладкѣ земли, и онъ упомянулъ о происходящемъ выкупѣ земли, одинъ изъ крестьянъ, рѣзко прервавъ его, сказалъ: „мы всѣ землю выкупаемъ, земля у насъ общая“,—вотъ какъ смотритъ большинство крестьянъ на выкупаемую землю.

Предусматривая практическія затрудненія въ дѣйствительному выдѣлу досрочно выкупленной земли (тѣмъ болѣе, что дѣйствительный выдѣлъ въ сущности могъ бы состояться только съ согласія общества, ибо нельзя же, не упразднивъ самаго начала

общественности, требовать наследственнаго выдѣла и приуроченія земли безъ участія общества). Ст. 165 допускаетъ, въ видѣ временной мѣры, оставленіе выкупленной земли въ составѣ мірскаго надѣла, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи выкупной операціи (ст. 36 Общ. Пол.) окончательно совершился отводъ земли, а если и тогда къ тому окажутся затрудненія, то выдѣляющійся крестьянинъ можетъ быть удовлетворенъ деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

Уже не говоря о томъ, что какъ-то странно, что крестьянинъ, желающій выдѣлиться, вносившій столько лѣтъ выкупные платежи за землю, въ окончательномъ результатѣ остается безъ земли и самъ получить денежное вознагражденіе, — можетъ быть, совершенно несоотвѣтственное тѣмъ суммамъ, которыя онъ самъ уплатилъ въ теченіе времени, — такой выдѣлъ будетъ вовсе не выдѣломъ, а простымъ личнымъ выходомъ крестьянина изъ общества безъ земли ¹⁾.

Но еще удивительнѣе постановленіе конца 165-ой статьи, допускающее досрочный выкупъ безъ предварительнаго выдѣла земли. Несомнѣнно, разрѣшеніе досрочнаго выкупа, даже безъ согласія общества, совершенно несогласное съ основными началами общества, могло быть объясняемо только желаніемъ содѣйствовать образованію самостоятельныхъ семейныхъ участковъ, на которыхъ хозяинъ могъ бы вести свою культуру и свой сѣвооборотъ, не стѣсняясь сѣвооборотомъ общины, — но оставленіе до времени выкупленныхъ участковъ въ надѣлѣ устраняетъ возможность осуществленія именно означенной цѣли; ибо какой это самостоятельный семейный участокъ, когда земля остается по прежнему въ общинномъ пользованіи. При этомъ та польза, которой можно было ожидать отъ выкупа земли, такимъ образомъ не осуществлялась, а весь вредъ, наносимый общинному хозяйству подобнымъ распоряженіемъ, оставался въ полной силѣ. Дозволеніе крестьянину, выкупившему свой надѣлъ, оставаться до времени въ общемъ владѣніи съ другими членами общины, должно было вызывать разныя неурядицы, весьма вредно дѣйствующія на общинную жизнь. Правда, эта комбинація должна была имѣть только временное дѣйствіе, но такъ какъ дѣйствительный выдѣлъ земли и приуроченіе надѣла къ одному мѣсту пока осуществимы только въ рѣдкихъ случаяхъ, то исключеніе превратилось въ общее правило. Крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, остаются по прежнему въ

¹⁾ Постановленіе это довольно трудно согласовать съ постановленіемъ ст. 180 Общ. Пол., которое полагаетъ довольно стѣснительныя условія выходу крестьянъ изъ общины.

общинномъ владѣніи съ другими членами общества — и такимъ образомъ создается неопредѣленное положеніе, которое, сохраняя всѣ невыгоды общиннаго владѣнія, не осуществляетъ дѣйствительныхъ выгодъ ни общиннаго владѣнія, ни частной собственности. Отсутствие требованія дѣйствительнаго выдѣла земли давало возможность ловкимъ скупщикамъ пріобрѣтать крестьянскія земли, и, оставаясь въ надѣлѣ, эксплуатировать и остальныхъ крестьянъ, приводя общество къ постепенному разоренію. Такимъ образомъ въ среду общества водворялись лица, къ обществу не принадлежавшія, ничего общаго съ нимъ не имѣвшія, не несшія никакихъ повинностей на общественныя надобности и пользовавшіяся положеніемъ собственниковъ, оставаясь среди крестьянскихъ надѣловъ и пользуясь этимъ для эксплуатаціи крестьянъ. Оставшаяся во владѣніи общества земля вслѣдствіе того обезцѣнивалась, общество стѣснялось въ пользованіи выгономъ и во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ отправленияхъ, — и все это должно было вести къ окончательному разоренію общины.

На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя не признать положеніе закона 14 декабря, поставляющее досрочный выкупъ земли отдѣльными общинниками по крайней мѣрѣ въ зависимость отъ согласія двухъ третей голосовъ общества, исполнѣ рациональнымъ и справедливымъ.

Остается только сожалѣть, что и законъ 14 декабря допускаетъ досрочный выкупъ надѣла безъ предварительнаго его выдѣла.

Вопросу о предварительномъ выдѣлѣ выкупаемаго участка и о пріуроченіи его къ отдѣльному мѣсту мы придаемъ столь важное значеніе, что, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдовало согласіе крестьянъ на подобный выдѣлъ и *самый выдѣлъ съ пріуроченіемъ къ одному мѣсту дѣйствительно состоялся*, можно бы, безъ опасенія какого-либо вреда для крестьянскаго быта, допустить и ничѣмъ нестѣсненный досрочный выкупъ и даже отчужденіе подобнаго участка постороннимъ лицамъ; однимъ словомъ, при одномъ этомъ условіи можно бы предоставить владѣльцу каждаго такого выдѣленнаго и пріуроченнаго участка земли всѣхъ правъ частнаго собственника, безъ ограниченія. Если общинное владѣніе дѣйствительно глубоко сроднилось съ бытомъ русскаго народа, то нѣтъ и повода поддерживать его искусственно, — слѣдуетъ только не разрушать его искусственно. А между тѣмъ допущеніе временнаго пользованія выкупленнымъ надѣломъ, съ оставленіемъ его въ составѣ мірскаго надѣла, — то, чтѣ предполагалось допустить въ видѣ временной мѣры,

и что превратилось въ господствующій порядокъ,—именно и служить къ искусственному подрыву общиннаго владѣнія. Не въ томъ опасность для крестьянскаго землевладѣнія, что нѣкоторая небольшая часть надѣльной земли перейдетъ въ полную собственность отдѣльныхъ крестьянъ,—лишь бы только она была дѣйствительно выдѣлена изъ общей межи. Фактъ такого выдѣла будетъ всегда исключительнымъ фактомъ, потому что крестьяне не легко согласятся на выдѣлъ выкупленной земли, такихъ случаевъ будетъ немного, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда подобный выдѣлъ окажется выполнимымъ, ничего, кромѣ пользы, отъ того произойти не можетъ. Опасность для крестьянскаго землевладѣнія представляетъ та неопредѣленная, двусмысленная форма владѣнія, которая—ни общинное владѣніе, ни частная собственность, и которая, благодаря 165-ой статьѣ, все болѣе и болѣе стала вводиться у насъ. Для устраненія этой вредной по своей неопредѣленности формы владѣнія и слѣдовало бы требовать, чтобы выдѣлъ участка всегда предшествовалъ его досрочному выкупу.

Съ какою цѣлью совершается у насъ вообще досрочный выкупъ? Такъ какъ онъ обыкновенно происходитъ безъ выдѣла, то это лучше всего доказываетъ, что при этомъ обыкновенно совершенно не имѣется въ виду образованіе самостоятельнаго хозяйственнаго участка, къ чему было направлено законодательство 1861 года. Эта цѣль совершенно остается въ сторонѣ, а выкупаютъ для обезпеченія надѣла за стариками, за женщинами, у которыхъ безъ того надѣлъ былъ бы отобранъ; крестьяне, находящиеся на сторонѣ, на хорошихъ заработкахъ, выкупаютъ иногда надѣлъ, чтобы обезпечить за семьей спокойное пользованіе надѣломъ, въ всякихъ платежныхъ обязательствахъ къ казнѣ и обществу, выкупаютъ просто подать, т.-е. выкупаютъ надѣлъ, чтобы сразу освободиться отъ выкупныхъ платежей и круговой поруки; наконецъ, выкупаютъ для того, чтобы перепродать участокъ другому, постороннему лицу; при этомъ самый выкупъ часто происходитъ на деньги, ссужаемыя поупателемъ, т.-е. земля продается еще до выкупа.

Всякій такъ называемый выкупъ податей, т.-е. досрочный выкупъ участка, въ видахъ освобожденія отъ круговой поруки, не заслуживаетъ особеннаго поощренія, ибо этимъ путемъ часто устраняются отъ круговой поруки самые состоятельные члены общества, оставляя ее на плечахъ бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Что же касается выкупа земли, для обезпеченія участка за стариками, женщинами или за семействами, рабочіе члены коихъ находятся на сторонѣ, то подобный выкупъ, при согласіи об-

щины, могъ бы безъ вреда совершаться—и не требуа дѣйствительнаго выдѣла.

Но самый вредный—это выкупъ съ цѣлью немедленной перепродажи участка постороннему. Намъ лично извѣстны факты, гдѣ постороннее лицо, выкупившись въ общество, т.-е. сдѣлавшись владѣльцемъ невыдѣленнаго, но выкупленнаго участка, мало-по-малу распространяло кабалу на остальныхъ членовъ общества, вса деревня бѣдѣла, разорялась и приходила въ полную зависимость отъ вкупщика.

Противъ послѣдняго рода отчужденій направлены запреты-тельные постановленія закона отъ 14 декабря, объ отчужденіи крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ. Продажа надѣльной земли цѣлыми сельскими обществами разрѣшается только на основаніи приговоровъ, постановленныхъ съ согласія двухъ третей всѣхъ голосовъ общества и утвержденныхъ губернскимъ присутвіемъ; участки же надѣльной земли, выкупленные отдѣльными крестьянами, могутъ быть отчуждаемы только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Продажа надѣльной земли цѣлымъ обществомъ случается весьма рѣдко; поэтому главная сущность вопроса—въ отчужденіи надѣловъ отдѣльными крестьянами.

Требованіе, чтобы покупатель былъ приписанъ или приписанъ къ сельскому обществу, имѣетъ очевидно цѣлью воспрепятствовать вторженію постороннихъ элементовъ въ общество и переходу крестьянской надѣльной земли въ руки не-крестьянъ. Но въ сущности это ограниченіе большого значенія имѣть не можетъ. Лицо, приписывающееся къ обществу въ моментъ пріобрѣтенія участка, будетъ, по всей вѣроятности, столь же чуждо интересамъ общества, какъ и всякое другое лицо не-крестьянскаго сословія. Точно также и лица, уже состоящія приписанными къ обществу, едва ли будутъ представлять полезный элементъ, въ качествѣ пріобрѣтателей участковъ въ чужой деревнѣ. Такъ какъ крестьяне фактически не могутъ принадлежать одновременно двумъ обществамъ, то покупателями земли будутъ или лица, владѣющія въ другомъ мѣстѣ землю на подворно-участковомъ основаніи, или общинники, бросающіе свою общину, чтобы перейти въ другую. Какая же цѣль можетъ быть у этихъ двухъ категорій лицъ вкупаться въ чужую общину? Простой крестьянинъ-землевладѣлецъ никогда не станетъ приписываться къ чужой общинѣ,—развѣ онъ перейдетъ въ нее въ родственное семейство; но въ этомъ случаѣ ему незначѣмъ будетъ покупать землю, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Покупать землю въ чужой общинѣ могутъ крестьяне

какъ участковые, такъ и общинники, бросающіе свою общину только со спекулятивною цѣлью кулачества, т. е. въ видахъ эксплуатаціи той общины, въ которую онъ вкупается, при чемъ устройство кабалы играетъ обыкновенно выдающуюся роль. Подобныя лица даже гораздо опаснѣе всѣхъ покупателей изъ другихъ сословій.

Вотъ почему для дѣйствительнаго огражденія крестьянскихъ обществъ отъ вторженія въ ихъ среду подобныхъ личностей, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, не выставляя требованія никого не ограждающей приписки къ обществу, постановить, что выкупленный и выдѣленный къ одному мѣсту крестьянскій участокъ можетъ быть продаваемъ всякому желающему, безъ ограниченія; выкупленные же и невыдѣленные участки могутъ быть отчуждаемы только членамъ того же общества, къ которому принадлежатъ продавецъ.

Воспрещеніе продажи надѣльной земли постороннимъ лицамъ можетъ несомнѣнно повести къ уменьшенію рыночной стоимости земли; но эта послѣдняя не играетъ никакой роли по отношенію къ надѣльной землѣ, которая предоставлена крестьянамъ не для спекулятивныхъ оборотовъ, а для обезпеченія жизненной потребности массы сельскаго населенія. Вѣдь сами крестьяне приобрѣли свои надѣлы не на рынкѣ, а получили ихъ по условной цѣнѣ при участіи правительства. На крестьянскую землю нельзя смотрѣть какъ на товаръ, ничѣмъ не отличающійся отъ всѣхъ другихъ цѣнностей, обращающихся на мѣновомъ рынкѣ. Даже въ Германіи, какъ видно изъ вышеприведенной рѣчи министра финансовъ Миллера, перестали смотрѣть на крестьянскую землю какъ на обыкновенный товаръ.

Крестьянинъ можетъ рѣшиться на продажу своего участка или просто потому, что ему предлагается мѣстнымъ промышленникомъ очень большая цѣна за землю, или потому, что стѣсненный въ хозяйствѣ у себя дома, онъ желаетъ или приобрѣсть землю по сосѣдству въ сторонѣ, или совершенно переселиться въ другую мѣстность.

Въ первомъ случаѣ совершенно нежелательно, въ видахъ государственныхъ интересовъ, чтобы подобныя продажи совершались, ибо онѣ имѣли бы послѣдствіемъ не только выдѣленіе одного крестьянина изъ общины, но болѣею частію постепенное разореніе всей общины, которая подпадетъ подъ эксплуатацію промышленника, кулака, вкупившагося въ общину.

Но во второмъ случаѣ, когда крестьянинъ, продающій свой надѣлъ, желаетъ совершенно переселиться—или приобрѣсти уча-

стою въ другомъ мѣстѣ, онъ можетъ быть поставленъ въ необходимость отказаться отъ своего намѣренія вслѣдствіе невозможности выгодно продать свой участокъ, при условіи возможности отчужденія его только своимъ сообщникамъ; спрашивается, желательно ли подобное искусственное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и выгодно ли это для государственной экономіи.

Лишенный возможности продать свой участокъ на сторону, выселяющійся крестьянинъ будетъ притомъ поставленъ въ полнѣйшую зависимость отъ мѣстныхъ кулаковъ, въ пользу коихъ такимъ образомъ будетъ создаема какъ бы искусственная монополія, особенно въ мелкихъ селеніяхъ, гдѣ вообще покупателей будетъ немного.

Для огражденія выселяющихся крестьянъ отъ эксплуатаціи мѣстныхъ спекулянтовъ-монополистовъ слѣдовало бы въ каждой мѣстности установить минимальныя цѣны за усадьбу и надѣльную землю, которую общество обязано было бы каждый разъ выплачивать выселяющемуся семейству, за оставляемый имъ участокъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это семейство не найдетъ возможности продать свой надѣлъ кому-либо изъ общинниковъ по болѣе значительной цѣнѣ. Минимальная цѣна надѣла могла бы слагаться изъ суммы выкупныхъ платежей, произведенныхъ уже выселяющимся общинникомъ за свой участокъ, съ присоединеніемъ стоимости улучшеній, введенныхъ въ обработкѣ участка, по установленной оцѣнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ для облегченія покупки оставляемой переселяющимся земли, правительство должно бы было приходить на помощь обществу выдачею ему нѣкоторой дополнительной ссуды подъ землю. Можно надѣяться, что если такимъ образомъ каждому крестьянину будетъ обеспечена возможность получить во всякомъ случаѣ извѣстную минимальную сумму за свой надѣлъ, то невозможность продавать его въ постороннія руки, вѣроятно, никого не удержитъ отъ переселенія или отъ перехода къ другому, болѣе выгодному для него промыслу.

Возбращая прямое отчужденіе крестьянскихъ надѣловъ постороннимъ лицамъ, законъ 14 декабря 1893 года, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ предусмотрѣть возможность востановленія отчужденій, путемъ кредитныхъ сдѣлокъ. Предупрежденію такого рода операций посвященъ 3-й пунктъ означеннаго закона, не допускающій ни отдачи въ залогъ надѣльной земли, ни обращенія на нее взысканій по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, ни продажи ея на основаніи такихъ рѣшеній, за исключеніемъ случаевъ удовлетворенія претензій по закладнымъ, совершеннымъ до обнаруженія закона.

Соблазнъ получить разомъ значительную сумму денегъ подъ залогъ надѣльной земли такъ великъ, что, не говоря уже объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, трудно разсчитывать, чтобы этому соблазну не поддались даже цѣлыя общества, при извѣстныхъ условіяхъ, напримѣръ, при благопріятныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ урожаяхъ. Измѣнившіяся условія урожайности земли или денежной цѣнности продуктовъ на рынкѣ легко могутъ опровергнуть самый предусмотрительный рассчетъ, а послѣдствіемъ этого является немедленно худшее изъ бѣдствій, которое можетъ постигнуть крестьянское общество: продажа общественной земли за недоимку и сопряженное съ такою продажей обезземеленіе цѣлаго общества. Въ нашей крестьянской жизни уже существуютъ факты, доказывающіе, что подобное предположеніе не составляетъ отвѣтственнаго опасенія, но, напротивъ того, можетъ очень легко осуществиться въ дѣйствительной жизни крестьянскихъ обществъ.

Обычныя возраженія, что никакая промышленность не можетъ развиваться безъ кредита, что слѣдуетъ не стѣснять, а облегчать полученіе ссудъ подъ землю крестьянами и т. п., едва ли могутъ быть примѣнимы къ настоящему именно случаю.

Обращаясь къ совокупности ограничительныхъ постановленій закона 14 декабря 1893 года, по отношенію къ выкупу, залогу и отчужденію крестьянскихъ надѣловъ, — возникаютъ еще два общіе вопроса, на которые намъ остается отвѣтить: какъ бы всѣ эти ограниченія ни оправдывались съ точки зрѣнія общихъ соображеній, но вызываются ли они однако дѣйствительнымъ опытомъ жизни? и во-вторыхъ, не представляются ли эти ограниченія несправедливыми въ смыслѣ лишенія крестьянъ такихъ правъ, которыя разъ уже были имъ дарованы, и не могутъ ли они поколебать въ нихъ понятія о собственности?

Разсмотримъ каждое изъ этихъ возраженій въ отдѣльности.

До сихъ поръ, какъ случаевъ досрочнаго выкупа, такъ и случаевъ отчужденія земли въ постороннія руки, въ дѣйствительности было немного. До послѣдняго времени въ 46 губерніяхъ изъ общаго оклада надѣльной земли 96.000.000 десят. въ теченіе 28 лѣтъ выкуплено досрочно только 658.000 дес., т.-е. не болѣе $\frac{1}{2}\%$. Изъ нихъ перешла въ постороннія руки только одна треть, а двѣ трети выкупленной земли остаются въ рукахъ крестьянскихъ обществъ. Параллельно съ этимъ, частію на собственные средства, частію съ помощью крестьянскаго банка, крестьяне приобрѣли въ собственность на сторонѣ пространства

земли, неважимо превосходящія ту незначительную часть крестьянской надѣльной земли, которая перешла въ постороннія руки.

При такихъ данныхъ возникаетъ вышеуказанный общій вопросъ: слѣдуетъ, ли на основаніи повидимому отвлеченныхъ соображеній, останавливать насильственно движеніе по выкупу крестьянскихъ надѣловъ и по отчужденію ихъ, которое хотя и можетъ имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредныя послѣдствія, но въ другихъ можетъ приводить и къ полезнымъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что это движеніе остается до сихъ поръ въ столь скромныхъ границахъ.

Дѣйствительно, до сихъ поръ крестьянами выкуплено досрочно еще не очень большое количество земли, но все же замѣтно постоянное усиленіе этого движенія. Съ 1872 по 1881 г. выкуплено всего земли на 8 милліоновъ рублей, а въ слѣдующее десятилѣтіе, съ 1882 по 1891 г., сумма слѣловъ доходить уже до 10 милліоновъ. По указаніямъ г. Сазонова („Неотчуждаемость крестьянскихъ земель“), постоянный ростъ досрочныхъ выкуповъ выражается по пятилѣтіямъ слѣдующими цифрами:

съ 1864 по 1869 г.	6%
„ 1870 „ 1875 „	13%
„ 1876 „ 1881 „	30%
„ 1882 „ 1887 „	48%

А такъ какъ съ каждымъ годомъ сумма, подлежащая взносу при выкупѣ земли, будетъ уменьшаться, то несомнѣнно, что досрочный выкупъ будетъ усиливаться все быстрѣе и быстрѣе.

Затѣмъ, тотъ фактъ, что двѣ трети выкупленной земли остаются въ рукахъ крестьянъ—еще ничего не доказываетъ, точно также какъ сокращеніе площади надѣльной земли отнюдь не уравнивается приобрѣтаемыми крестьянами на правѣ частной собственности пространствами земли, такъ какъ надѣльная земля имѣетъ совершенно исключительное назначеніе.

Дѣло не въ томъ, чтобы всѣ были надѣлены землею, а также и не въ томъ только, чтобы земля оставалась въ рукахъ крестьянъ. Какъ бы ни мельчала земля, даже до совершенной ея пульверизаціи, но по мѣрѣ возростанія населенія все труднѣе и труднѣе будетъ надѣлять всѣхъ земель, поэтому такимъ неосуществимымъ идеаломъ не слѣдуетъ и задаваться. Съ другой стороны, вопросъ также не въ томъ только, въ рукахъ какого слова находится земля, а какъ она распределена. Сосредоточеніе значительнаго количества крестьянской земли въ однѣхъ рукахъ, даже если это и крестьянскія руки, не желательно. Отъ того, въ

какому сословію принадлежит скупщикъ, дѣло нисколько не измѣняется; скупщикъ надѣловъ крестьянинъ будетъ такъ же вреденъ, какъ и скупщикъ-купецъ или скупщикъ-дворянинъ. Желательно сохраненіе отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Необходимо не то, чтобы всѣ были надѣлены землею, желательно не то, чтобы значительныя пространства земли были сосредоточены въ рукахъ отдѣльныхъ крестьянъ, а желательно, чтобы въ странѣ постоянно сохранялось достаточное число крестьянскихъ семей, обеспеченныхъ въ своемъ существованіи земельнымъ надѣломъ,—а это и достигается огражденіемъ надѣльной земли отъ всякихъ на нее поповноженій, съ какой бы стороны они ни происходили. Н. П. Семеновъ считаетъ, что въ моментъ освобожденія крестьянъ крестьянское населеніе составляло около 60 милліоновъ душъ, которыя были надѣлены 134 милліонами десятинъ. Если считать среднимъ числомъ по четыре души на крестьянское семейство (мужа, жену и двоихъ дѣтей), то 60 милліоновъ душъ будутъ соответствовать 15 милліонамъ семей, которымъ изъ 136-милліоннаго надѣла приходилось, среднимъ числомъ, по 9-ти десятинъ на каждое семейство.

Такимъ образомъ, при сохраненіи всей надѣльной земли непочатою, пятнадцать милліоновъ крестьянскихъ семей навсегда были бы обеспечены въ своемъ существованіи; избытокъ же населенія частію селился бы на сторонѣ, увеличивая такимъ образомъ еще численность обладающаго землею крестьянскаго населенія, частію обращался бы къ другимъ промысламъ.

Весьма важно потому самое распредѣленіе крестьянской земли; необходимо заботиться, съ одной стороны, о томъ, чтобы участки не дробились въ такой мѣрѣ, при которой бы отдѣльный участокъ переставалъ обеспечивать существованіе отдѣльной семьи, тѣмъ, какъ мы видѣли, можетъ быть достигнуто установленіемъ законнаго предѣла дѣлимости, а съ другой стороны—необходимо заботиться о томъ, чтобы число семейныхъ участковъ тоже не уменьшалось и скупкою значительнаго числа участковъ въ однѣ руки ¹⁾.

¹⁾ Выше было указано, что для предупрежденія скопленія значительнаго числа надѣловъ въ однѣхъ рукахъ необходимо установить максимальное число надѣловъ, которыми можетъ владѣть одинъ домохозяинъ. Но этого недостаточно; въ видахъ предупрежденія обхода указанного требованія, слѣдовало бы еще постановить, что и временныя переуступки частей надѣловъ, покосовъ и др. угодій бѣднѣйшими домохозяевами своимъ болѣе состоятельнымъ односельчанамъ должны быть допускаемы только на извѣстное, точно определенное число лѣтъ, не болѣе срока одного или двухъ сѣвооборотовъ.

Итакъ, весьма важно самое распредѣленіе земли; а относительно того, какъ распредѣлялась выкупленная земля и сколько изъ нея сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ скупщиковъ, относительно этого никакихъ статистическихъ данныхъ въ виду не имѣется.

Но еслибы даже всѣ вышеприведенныя цифры и соображенія о быстротѣ хода досрочной выкупной операціи и о распредѣленіи земли не имѣли значенія,—можно сказать, что разъ это извѣстное проявленіе жизни считается вреднымъ, само по себѣ, съ какою бы быстротою или медленностью оно ни распространялось, — оно должно быть задержано. На основаніи всего вышеизложеннаго, невозможно сомнѣваться въ томъ, что досрочный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ и продажа ихъ въ другія руки, *безъ предварительнаго выдѣла участка изъ общаго крестьянскаго надѣла и приуроченія его къ одному мѣсту*, составляетъ вредное явленіе, ведущее къ разоренію крестьянскихъ обществъ,—а потому и слѣдовало положить предѣлъ этому движенію заблаговременно, не ожидая его развитія. Чѣмъ позже было бы приступлено къ видоизмѣненію соответствующихъ статей положенія, тѣмъ дѣло представило бы болѣе трудности, ибо зло получило бы уже болѣе развитіе. Такимъ образомъ, незначительность отчужденія, до сихъ поръ, надѣльныхъ земель въ постороннія руки не только не можетъ служить доводомъ противъ полезности и цѣлесообразности принятой мѣры, но, напротивъ того, указываетъ еще на своевременность ея принятія, въ такой моментъ, когда зло еще не успѣло распространиться.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію второго вопроса: справедливо ли лишать крестьянъ того права полной собственности на землю, за которое они уже тридцать лѣтъ вносили выкупные платежи; не пошатнется ли это мѣропріятіе въ умахъ крестьянъ понятіе о частной собственности, что могло бы имѣть весьма неблагоприятныя послѣдствія.

Еслибы устанавливаемое закономъ 1893 года ограниченіе правъ дарованныхъ крестьянамъ, было предпринято для выгоды какого-либо другого сословія или класса людей, то подобное ограниченіе было бы крайнею несправедливостью. Но вѣдь данная мѣра принята въ интересъ однихъ крестьянъ, совершенно въ ихъ духъ и согласно съ ихъ бытовыми воззрѣніями; можетъ ли при такихъ условіяхъ возникать вопросъ объ отвлеченной несправедливости извѣстнаго мѣропріятія? Мы видѣли изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, что крестьянскія общества смотрять очень неблагоприятно на досрочный выкупъ надѣловъ отдѣльными общинниками; отчуж-

деніе выкупленнаго участка постороннимъ лицамъ еще менѣе можетъ правиться обществу. Замѣчаніе, что несправедливо лишать лицъ, тридцать лѣтъ платившихъ за извѣстное право пользованія этимъ правомъ, — лишено достаточнаго основанія уже по той причинѣ, что выкупали землю въ теченіе тридцати лѣтъ не только общинники, желающіе совершить досрочный выкупъ и затѣмъ отчудить свой участокъ, но и всѣ остальные общинники; при этихъ условіяхъ — огражденіе интересовъ всего крестьянскаго общества противъ посягательства на эти интересы отдѣльныхъ общинниковъ, стремящихся выдѣлиться изъ общества и продать свой участокъ постороннему лицу, вполнѣ отвѣчаетъ началамъ справедливости.

На основаніи нашего собственнаго опыта и на основаніи всего того, что намъ пришлось слышать отъ другихъ лицъ, мѣропріятія 1893 года до сихъ поръ нигдѣ не возбуждали неудовольствія среди крестьянъ, и въ литературѣ до сихъ поръ не встрѣчалось ни одного такого указанія. При томъ же, всѣ эти обвиненія пали бы сами собою, еслибы законъ 1893 г., вмѣсто заключающихся въ немъ ограничительныхъ статей, просто постановилъ, что для досрочнаго выкупа и для отчужденія выкупленнаго участка требуется предварительно выдѣлъ такого участка въ натурѣ. Никто не могъ бы ничего возразить противъ раціональности и справедливости подобнаго мѣропріятія, — а на самомъ дѣлѣ совершеніе дѣйствительнаго выдѣла въ натурѣ представляло бы каждый разъ гораздо болѣе затрудненія, чѣмъ полученіе согласія двухъ-трехъ голосовъ на досрочный выкупъ или приписка посторонняго, всякой правдой и неправдой, въ сельскому обществу.

Опасеніе, что лишеніе девяносто-милліоннаго населенія правъ собственности можетъ пошатнуть въ народѣ самое понятіе о собственности — точно также неосновательно. Крестьяне не лишаются права собственности вообще, а только ограничиваются ихъ права на *надѣльную землю*, на которую они сами привыкли смотрѣть какъ на общинно-семейное достояніе. На ряду съ своимъ владѣніемъ въ общемъ надѣлѣ и крестьянскія общества, и отдѣльные крестьяне, сплошь и рядомъ приобрѣтаютъ покупкою участки земли, относительно полнѣйшей принадлежности коей покупателю, на правахъ полной собственности, они никогда не сомнѣвались и не сомнѣваются. Въ мысли ихъ всегда проводится рѣзкое различіе между купленною землею и надѣльною, на которую они смотрятъ какъ на земельный фондъ, обеспечивающій быть всей общины и нисколько не препятствующій отдѣльнымъ общинникамъ, на ряду съ пользованіемъ общимъ надѣломъ, покупать себѣ на сторонѣ землю въ полную собственность.

Если въ западной Европѣ, гдѣ столь сильно выработалось индивидуальное начало, приходятъ къ сознанию необходимости ограничить права крестьянъ въ пользованіи ихъ семейными участками, то можетъ ли быть сомнѣніе въ необходимости нѣкотораго ограниченія и у насъ въ правахъ пользованія надѣльной землею?

Сводя вмѣстѣ все вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію, что законы 1886 и 1893 года представляютъ только первые шаги по тому трудному и длинному пути, который намъ еще предстоитъ.

Кн. А. Оболенскій справедливо замѣчаетъ въ концѣ указанной нами статьи: „Основная причина крестьянскаго нестроенія“, что „великая и широкая задача предстоитъ нашему поколѣнію, быть можетъ, также и будущему, работа трудная и тяжелая, — устройство частнаго быта освобожденныхъ крестьянъ на основаніи положительнаго закона;.. пересмотръ Положеній 19-го февраля въ законодательномъ порядкѣ съ цѣлью устранить всѣ противорѣчія и неясности этого закона и сдѣлать изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ дѣломъ государственнымъ и придать ему то значеніе, которое оно, послѣ освобожденія народа, должно имѣть“.

Задача дѣйствительно громадная; по своему объему, она можетъ сравниться только съ первоначальнымъ трудомъ составителей Положеній 19-го февраля. Но до тѣхъ поръ, пока эта работа не будетъ исполнена, величавое зданіе шестидесятихъ годовъ будетъ оставаться безъ кровли, и упраздненіе вѣрнопостного состоянія не будетъ еще завершено.

Ө. ТИРНИЕРЪ.

ХОДОКЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Окончаніе.

XVI *).

Съ тревогой въ груди поднимался Таманцевъ на площадку бель-этажа. Швейцаръ снизу позвонилъ въ квартиру Лущевыхъ.

Таманцевъ зналъ, что Катъ ждетъ его. Но почему два дня она не желала его видѣть? Чтѣ случилось? Въ ея двухъ депешахъ не было ни одного лишняго слова.

Лавей отворилъ ему съ почтительнымъ поклономъ, какъ-то особенно парадно.

— Катерина Денисовна несовсѣмъ здорова?—тихо спросилъ Таманцевъ въ передней.

— Никакъ нѣтъ-съ. Онѣ въ угловой. Пожалуйте.

Въ Таманцевѣ сегодня разыгралось чувство сомнѣнія, но не въ себѣ. Онъ готовъ на всякія жертвы. Въ себѣ онъ увѣренъ, и ни одинъ расколаживающій вопросъ не пробрался въ его душу съ того вечера, когда Катъ заговорила съ нимъ какъ съ близкимъ человѣкомъ.

Но кто знаетъ? Вдругъ все разлетится? Развѣ съ теперешними женщинами не все возможно? Прежде, у поколѣнія ихъ матерей, были вѣрованія, традиціи. „Elles avaient du bleu“, какъ та же Катъ повторяла, скептически усмѣхаясь, чуть не съ пятнадцати лѣтъ. И это „bleu“ замѣняло часто болѣе твердые

*) См. выше: май, стр. 68.

принципы, придавало стойкость и упругость порывамъ сердца или протестамъ женскаго оскорбленнаго достоинства.

Тишина квартиры, коверъ гостиной, глушившій его шаги, поддерживали его жуткое настроеніе. Онъ даже остановился передъ входомъ въ кабинетикъ Кэтъ.

— Это вы, André?—раздался ея голосъ.

Онъ показался Таманцеву совсѣмъ не тѣмъ, какимъ она въ послѣдній разъ говорила съ нимъ.

— Это я... Можно войти?

— Пожалуйста, André.

Возгласъ былъ оживленнѣе, чѣмъ первый окликъ.

Кэтъ поднялась съ дивана и пошла къ нему, протягивая, по обыкновенію, обѣ руки.

Онъ медленно поцѣловалъ ихъ одну за другой.

Его взгляда она точно избѣгала, и въ ея пожатіи чувствовалась нервность.

— Здоровы?—спросилъ онъ, садясь съ ней на тотъ самый узенькій диванъ, гдѣ утроемъ она сидѣла съ мужемъ.

— Здорова.

Онъ хотѣлъ спросить: „въ чемъ же дѣло“, но побоялся быть слишкомъ стремительнымъ и безъ нужды смутить ее.

Кэтъ, не освобождая своей руки, подняла рѣсницы и, глядя черезъ его плечо, выговорила чуть слышно:

— П у а du pouvais.

Какъ она ни готовилась къ этому объясненію, съ губъ не сходили тѣ два-три слова, по-русски или по-французски, которые въ одинъ мигъ все отероютъ.

Сегодня, послѣ ухода Лушкова, она—въ первые два часа—была настроена смѣло и мирилась съ тѣмъ, что разводъ будетъ продленъ на полгода. Ее не смущало то, что можетъ произойти послѣ того, какъ она произведетъ на свѣтъ своего ребенка, и очутится опять княжной Брянской. Она вѣрила въ то, что все сдѣлается такъ, какъ она рѣшить. Но чѣмъ ближе подходило къ минутѣ, когда войдетъ Таманцевъ, тѣмъ ей становилось жутче.

Ребенокъ—Лушкова! И она беременна всего три мѣсяца. Стыдъ все усиливался. И, кромѣ стыда, страхъ потерять того, кто ее такъ любитъ.

До сихъ поръ она въ своихъ самыхъ тайныхъ мысляхъ не рассчитывала на то, что André непремѣнно поведетъ ее къ алтарю. Но въ ней жило уже прочное чувство того, что они не разстанутся, что около нея *всегда* будетъ Таманцевъ. Ея тугая на нѣжность натура распустилась. Лишиться прелестнаго воздуха сер-

дечности и душевной граціи, который обволакиваетъ ее—было бы жестоко.

Когда раздался звонокъ Таманцева, сердце у ней такъ застучало, что она боялась упасть въ обморокъ, и это показало ей самой, какъ Таманцевъ сталъ ей дорогъ.

— André,—погромче заговорила Кэтъ:—вы услышите нѣчто такое...

Ей трудно было докончить по-русски.

— Une épornité... quoi!—точно съ сердцемъ вымолвила она.

— Une épornité?—повторилъ онъ и замгаль.—Что-нибудь... отъ него... отъ Лушьева?

Они оба такъ называли его по фамилии, съ особенными интонаціями голоса.

— Да и нѣтъ!

Собственный голосъ показался ей фальшивымъ. Постыдно было для нея—гордой Кэтъ—выказывать такое малодушіе.

Да и нервы не выдержатъ. Она почти судорожно схватила его за плечо, голова склонилась, другой рукой она прикрыла себѣ глаза.

— Je suis enceinte,—прошептала она и заплакала тихо, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Таманцева что-то точно ударило. Кэтъ почти у него въ объятіяхъ, и это не заставило закипѣть его кровь, онъ не сталъ душить ее ласками, или утѣшать горячими страстными рѣчами.

Нѣсколько секундъ это было настоящее онѣмѣніе всего его организма.

И такъ же быстро это онѣмѣніе исчезло. Около него страдало существо, сдѣлавшееся ему вдругъ еще дороже.

— Quelle horreur! Et que je suis lâche!

Кэтъ отняла голову отъ его плеча, выпрямилась, отерла слезы и, не глядя ему въ глаза, заговорила совсѣмъ другимъ голосомъ, значительно строго:

— Я во всемъ виню себя. Мнѣ стыдно...—она не досказала: „передъ вами“.—Вы въ правѣ, мой другъ, бросить вашу пріятельницу. Пускай она выкарабкается сама.

Это слово „выкарабкается“ Кэтъ произнесла съ отгнѣнкомъ ироніи, обращенной къ самой себѣ.

Онъ взялъ обѣ ея руки и сталъ цѣловать, часто-часто, и такъ порывисто, что она вся просіяла и подняла голову, уже нища его взгляда.

— Какой вы...

Слезы опять стали душить ее; но она поборола ихъ.

— И что же теперь?—упавшимъ голосомъ спросилъ Таманцевъ, боясь, въ свою очередь, поглядѣть ей въ глаза.—Неужели?..

Лишиться ея! эта возможность ужаснула его, какъ что-то хуже смерти, хуже всего...

— *Escoutez-moi, André...*

По-русски она какъ бы не рѣшалась продолжать.

И, оставляя свои прозрачныя руки въ его рукахъ, она повторила ему, въ другихъ выраженіяхъ, то, что уже сказала Лушкову. Разводъ долженъ быть замедленъ; но онъ будетъ. Она обязана это сдѣлать для ребенка. Его отецъ—Лушковъ, и онъ долженъ носить имя отца.

Съ первыхъ ея словъ лицо Таманцева обличало невыносимую боль. Это было для него что-то такое же страшное, какъ сразу и навсегда лишиться ея. Онъ не смогъ дослушать ея послѣднихъ доводовъ, которые она выговорила уже тономъ безповоротнаго рѣшенія.

— Нѣтъ!—почти крикнулъ онъ, однимъ порывомъ привлекая ее, крѣпко обнявъ за талію, потомъ за плечи и, не смѣя еще цѣловать, прижался головой къ ея плечу и зарыдалъ.

Она не защищалась. Ни одного звука не издали ея вздрагивающія губы. Его беззавѣтная страсть обожгла ее, и за этимъ обжогомъ разлилось по всему ея существу ощущеніе невыразимой отрады.

— *André! André!*—повторяла она.—Не плачьте! Умоляю! Зачѣмъ? Развѣ я не ваша?—вырвался у нея вопросъ, и когда онъ прозвучалъ, то ей показалось, что кто-то за нее выговорилъ это.

— Не надо! не надо! Онъ—мой...—съ трудомъ выговорилъ Таманцевъ.

Но ей такъ ясно было значеніе этихъ безсвязныхъ, почти бессмысленныхъ словъ. „Онъ“—его, графа Таманцева,—только бы не тянулся разводъ и она была бы свободна. Сейчасъ готовъ онъ назвать ее женой.

Кѣтъ схватила его голову, первая ища его поцѣлуя.

XVII.

И Клавдія, и гостю ея, Таманцеву, хотѣлось остаться однимъ. Они одинаково тяготились засидѣвшейся Ветлугиной.

Все, что та говорила, они оба находили ненужнымъ и незанимательнымъ, а тонъ ея давно уже раздражалъ Клавдію. У

Ветлугиной чередовались постоянно три темы: „умственное франтовство“, тѣмъ она попрекала Глафиру; огромный талантъ Малышева и мазурничество издателей журналовъ и газетъ, которыхъ надо нещадно „обдирать“.

Сейчасъ она выпытывала у Таманцева его мнѣніе о Малышеві и осталась недовольна.

— Вы всё здѣсь, господа, — почти крикнула она, — пропитаны духомъ просвѣтительства! Вамъ нужна слащавая мораль, а не настоящая смѣлость писательства, вотъ такая, какъ у Вячеслава Кузьмича. Это все Шпильгагены да Джоржи Эллиоты надѣлали! И такія вислосладкія моралистки, какъ госпожа Андре Лед.

— Какая такая? — откликнулась Клавдія.

— Вотъ видите! Вы про нее и забыли. Да она и не стоитъ памяти. А лѣтъ не больше двадцати, и даже пятнадцати, какъ ею зачитывались! Въ засосъ! Это все равно, какъ слава одной нашей сентиментальщицы, увлекшей когда-то самого Ивана Сергѣевича...

Таманцевъ посмотрѣлъ на часы, и они переглянулись съ Клавдіей.

— Глафира Спиридоновна скоро возвратится? — вполголоса спросилъ онъ.

— Ну-съ, — остановила себя Ветлугина: — вамъ, кажется, господа, нужно интимно переговорить. Не буду мѣшать. Клавдія Спиридоновна, скажите Глафирѣ, что послѣ-завтра засѣданіе и я читаю свой рефератъ. Если желаетъ, я могу ей дать прочесть накануне. Да возражать врядъ ли она станетъ. Для нея это тарабарская грамота. Прощайте!

Не подавая никому руки, она вышла.

Клавдія обмѣнялась улыбкой съ своимъ гостемъ.

— Очень она насъ подавляетъ съ Гланей, — вполголоса выговорила Клавдія.

Ей Ветлугина была и потому еще несимпатична, что она сама, манерами и тономъ, боялась смахивать на нее.

— Глафира Спиридоновна уѣхала на цѣлый день? — еще разъ освѣдомился Таманцевъ.

Клавдія уже знала, изъ его депеши, полученной утромъ, что онъ желалъ бы переговорить съ ней „по дѣлу“. Сестра ее уѣхала сегодня съ ранняго утра.

— Гланя раньше обѣда не будетъ. Да вѣдь она намъ бы не помѣшала, графъ.

Таманцевъ ничего не сказалъ на это. И Клавдія тутъ же.

поняла, что ему не совсѣмъ ловко было бы говорить съ ней подробно при Глафирѣ.

— Я къ вамъ за совѣтомъ, Клавдія Спиридоновна, — начал Таманцевъ, присаживаясь къ ней поближе.

— Всегда всей душой, Андрей Павловичъ, и всѣмъ своимъ умишкомъ.

— Ну, это зачѣмъ же, Клавдія Спиридоновна?! Ума у васъ палата.

Она только тряхнула своими короткими волосами.

— Видите, — голосъ его сталъ вибрировать: — пришелъ рѣшительный моментъ въ моей личной жизни...

Онъ опустилъ голову и какъ будто слегка покраснѣлъ.

— Вы женитесь? — спросила быстро Клавдія; она не могла воздержаться отъ этого вопроса.

— Не сейчасъ, — отвѣтилъ Таманцевъ. — Предстоятъ еще всякія мытарства. Но что же дѣлать, Клавдія Спиридоновна?! Я — однолюбу.

— Да? — полу-вопросительно выговорила Клавдія.

— Это, кажется, Тургеневъ сказалъ про себя въ письмѣ къ какому-то пріятелю. Онъ такъ назвалъ себя уже пожилымъ, почти старымъ человѣкомъ, а мнѣ всего тридцать лѣтъ.

— И за себя ручаться нельзя?.. — тихо спросила Клавдія.

— Мнѣ кажется, что я — настоящій однолюбъ. Я въ этомъ убѣждаюсь именно теперь. Вѣдь меня хоть и считаютъ, у насъ въ уѣздѣ, чуть не божьей коровкой, а во мнѣ довольно гордости и самолюбія; и обидчивъ я былъ всегда, и задорень... И вотъ, въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, здѣсь, въ этомъ милѣйшемъ Петербургѣ, я прошелъ черезъ многія вещи, для меня очень тяжкія и прямо противныя...

Ему самому было въ диковину, что онъ такъ говоритъ съ ней. Значить, въ немъ самомъ слишкомъ назрѣла потребность изліяній. Она его пойметъ. И съ ней ему гораздо легче, чѣмъ было бы съ Глафирой.

„Женится, уйдетъ“, повторяла про себя Клавдія, и ея крупный ротъ поводила двойственная усмѣшка.

Да, онъ уходитъ отъ нихъ обѣихъ, даже если и будетъ жить съ женой въ деревнѣ. Она сразу поняла его. Ему пришлось пройти черезъ противныя вещи. Тутъ, навѣрно, разводъ, хлопоты, неопытные переговоры. Его гордость и чопорность смялись, потому что онъ опять охваченъ страстью.

„Глазя моя, Глазя! — продолжала скорбно думать Клавдія. —

Простись съ своей дѣвичьей сухотой. Не знать тебѣ того, чѣмъ онъ теперь преисполненъ... И ты тоже однолюбка*.

— И что же,—заговорила Клавдія тронутымъ звукомъ:— вы ничего не боитесь?

— Ничего, Клавдія Спиридоновна.

— И... васъ любятъ?—тономъ полу-вопроса обронила она.

— Знаете,—нервнѣе сказалъ онъ, и въ глазахъ его зажглись огоньки:—это что-то стихійное! Еслибъ даже... и не добился я полного отеллика на свое чувство, и тогда я бы отдалъ себя всего...

— Понимаю,—протянула Клавдія и, чтобы не измѣнить себѣ выраженіемъ лица, отвернула голову.

— Жизнь—такая грубая вещь,—говорилъ Таманцевъ, опять опустивъ голову.—И мнѣ именно теперь надо ломать голову надъ разными комбинаціями. Вотъ по этой-то части я и хочу васъ побеспокоить.

„Ужли будетъ денегъ просить?“—пронизало Клавдію, и она возбужденно оглянула Таманцева.

На деньги она прижимиста. Тутъ запахнетъ не однимъ десяткомъ тысячъ. Конечно, не обойдется безъ круглой суммы для устранения того „чѣдушки“, за которымъ еще пока замужемъ его „разлѣпушка“, не безъ злобности назвала она мысленно.

И въ то же время стало ей неловко и за него. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, будетъ онъ просить денегъ у нихъ? Вѣдь Глафира владѣетъ капиталомъ нераздѣльно съ нею. Распорядиться частью этого капитала, не сказавъ Глафирѣ, она не можетъ. Та такая, что способна будетъ—изъ одного того, чтобы лишній разъ доказать свою любовь—предложить ему свою долю безъ всякихъ процентовъ.

Щеки Клавдіи измѣнили окраску, и она замолчала, точно боясь какъ-нибудь проговориться. Купеческая осторожность сейчасъ же овладѣла ею.

Таманцевъ началъ очень просто, безъ малѣйшаго волненія, соображать вслухъ, что всего толковѣе и выгоднѣе было бы прозвѣсти съ имѣніемъ, на которомъ тяготѣетъ долгъ банку, хотя и не очень значительный. Продать ли теперь часть лѣса, съ переводомъ долга? Или искать покупателя на двѣ пустоши, на которыхъ нѣтъ долга?

По мѣрѣ того, какъ онъ излагалъ свои соображенія, въ Клавдіи началась другая тревога. Хозяйка-пріобрѣтательница заговорила въ ней. Пріобрѣсть часть лѣса было бы превосходнымъ прирѣвкомъ къ ея лѣсной дачѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщается

ея конскій заводъ. И одна изъ пустошей — та, что сдана крестьянамъ на короткій срокъ. Ясное дѣло — деньги ему нужны „до зарѣзу“. Не дешевой цѣной достанется ему его великосвѣтская „краса“. Онъ пойдетъ на то, что ему предложешь, а больше того, какія есть цѣны у нихъ, она не дастъ ни рубля.

Безъ Глафиры она не можетъ этого рѣшить. Она всему дѣлу голова — это точно; но у нихъ все ведется на началахъ самой строгой порядочности и равноправія.

Послѣ быстрой вспышки хозяйскаго чувства, Клавдія тотчасъ же застыдилась. Положимъ, этотъ титулованный баринъ разбилъ всю жизнь ея сестры — ея дорогого и единственнаго „чада“. Но сама-то Глафира — развѣ она способна воспользоваться его тесками? Обратись онъ къ ней — она бы, навѣрно, стала отговаривать его лишаться лѣса и пустошей и предложила бы ему капиталъ на самыхъ „христіанскихъ“ условіяхъ. Клавдія знала свою Глаю.

Подумавъ, она приложила указательный палецъ къ щекѣ и заговорила значительно, тономъ искренней пріятельницы:

— Нѣтъ, графъ, продавать ни лѣса, ни пустошей не слѣдуетъ.

— Если потому, что это проволочка, то вы правы.

— Вамъ деньги нужны къ спѣху?

— Никакихъ еще обязательствъ нѣтъ, но надо имѣть капиталъ черезъ мѣсяцъ, много черезъ два.

— Въ такой срокъ продать безъ огромнаго убытка немисливо.

Таманцевъ посмотрѣлъ на нее съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы хотѣлъ спросить: „А вы? Развѣ вамъ самимъ не нужны ни лѣсъ, ни пустошь?“

— Нѣтъ, не продавайте! — вскричала она и, испытывая новый приливъ неловкости, заходила по комнатѣ.

— Заложить трудно... Пришлось бы по второй закладной; а свободныя отъ долга пустоши — заочно; отсюда еще большая предстоятъ проволочка...

Онъ не прибавилъ, что подъ вторую закладную дома не легко добыть сумму; да и продать его — не сразу найдешь покупателя.

О домѣ — Клавдіи не пришло на умъ. Кажется, она и не знала доподлинно — есть ли у него собственный домъ въ Петербургѣ.

XVIII.

— Вотъ и я!—раздался въ передней голосъ Глафиры.

— Такъ скоро? — окликнула ее Клавдія, подойдя къ переродкѣ.

— И графъ здѣсь? — спросила Глафира, торопливо входя, съ пороровѣлыми щеками. — Андрей Павловичъ! Какъ я рада, что захватила васъ здѣсь. Вы къ кому пріѣхали? Къ Клавдинькѣ?

Весело-возбужденный тонъ ея показался сестрѣ неестественнымъ. Она хотѣла сразу показать Таманцеву, что можно съ ней говорить о самыхъ интимныхъ вещахъ.

— Мы съ Клавдіей Спиридоновой были въ дѣловомъ совѣщаніи, — сказала Таманцевъ, крѣпко пожимая руку Глафиры. — Но оно кончилось.

— Вы еще посидите, графъ? — спросила за сестру Клавдія.

— Немножко. Знаете, здѣсь весь день раздѣленъ на клѣточки. И все по часамъ. И всюду надо поспѣвать.

— Я точно васъ гоню! — замѣтила шутливо Глафира.

На лицѣ сестры она ничего не могла разглядѣть. И Таманцевъ сказалъ сейчасъ про дѣловое совѣщаніе совсемъ простымъ тономъ.

— Нисколько не гоните, Глафира Спиридоновна. Но черезъ десять минутъ я долженъ ѣхать.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на часы.

— Когда же мы васъ заплучимъ, графъ, какъ-нибудь вечеромъ? — спросила Клавдія.

— На той недѣлѣ непременно. Позвольте мнѣ васъ извѣстить наканунѣ депешей.

Онъ протянулъ руку Глафирѣ, пріятельскимъ жестомъ отвелъ ее къ дивану и посадилъ. И тотчасъ же заговорилъ о ея планахъ и занятіяхъ.

— Стало, это рѣшено? Будете докторомъ? — выговорилъ Таманцевъ полушутливо.

— Усиленно зубрить греческіе глаголы, — отвѣтила Клавдія за сестру.

— Останетесь здѣсь до лѣта или хотите за границу?

— Если вопросъ о курсахъ будетъ рѣшенъ отрицательно, я поѣду въ Бернъ или Парижъ — я еще не рѣшила, но во всякомъ случаѣ поѣду, — сказала Глафира, избѣгая его взгляда.

Она уже вполне овладѣла собою. Голосъ, лицо, движенія

Таманцева, все говорило ей о томъ, что онъ любить и любимъ. Но еслибъ онъ даже сталъ съ глазу на глазъ изливаться ей о своемъ счастьѣ—она себѣ не измѣнитъ.

Счастливъ ли онъ? Почему-то ей стало жаль его, нелице-мѣрно жаль, и не изъ чувства женскаго злорадства, не потому, что она готова напрогочить ему новую бѣду.

Десять минутъ пролетѣли. Таманцевъ всталъ и опять пожалъ ей руку. И во взглядѣ его было что-то такое особенно доброе и сочувственное.

Если бы она взяла его подъ руку, увела бы къ себѣ въ комнату и начала бы разспрашивать обо всемъ, и онъ бы остался, и все было бы по прежнему, какъ въ Колчановѣ, годъ тому назадъ...

— Когда же? — замедленно выговорила она и быстро под-няла рѣсницы.

— Назначьте сами вечеръ... на будущей недѣлѣ.

— Безъ обмана, графъ? — спросила Клавдія, провожая его вмѣстѣ съ сестрой до дверей.

— Безъ обмана! — весело откликнулся онъ и, берась за ручку двери, тономъ пріятеля сказалъ: — пожалуйста, не провожайте меня... въ коридоръ свѣжо... простудитесь.

Клавдія, войдя въ гостиную, не сразу заговорила. Она что-то начала искать на столѣ, гдѣ лежало нѣсколько книгъ.

— Послушай, — окликнула ее Глафира, присаживаясь на край дивана. — Клавдинька...

— А что?

— Это не секретъ — какою вы съ нимъ разговоръ имѣли?

Глафирѣ было не совсѣмъ пріятно, что она первая сдѣлала этотъ вопросъ; но сестра ея какъ будто стѣснялась.

— Ничего не секретъ. А очень мнѣ его жаль. Обчистятъ они его, какъ луковку.

— Кто они?

— Да предметъ его страсти и ея муженекъ.

— Ахъ, Клавдинька, — нервно перебила Глафира: — затѣмъ такъ рѣзко? Ну, поди сюда, сядь, скажи мнѣ, если это не секретъ.

— Да что, Глаша, — Клавдія присѣла къ ней: — онъ, дѣйстви-тельно, пріѣзжалъ посоветоваться со мною. Ему — вынь да по-ложь — нужна сумма въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Рѣшается продать часть лѣса и двѣ пустоши или заложить.

— И онъ... обратился къ тебѣ?

— То-есть, какъ ко мнѣ?..

— Ну, да... Не войдешь ли ты въ такую комбинацію?..

Клавдія быстро перебила:

— Ничего такого онъ не говорилъ! А только просилъ совѣта. Я ему сказала, что разставаться съ лѣсомъ и съ пустошами—безуміе... Продать ихъ надо за безцѣнокъ. Пустоши онъ можетъ заложить въ банкъ; но на это нужно время; а ему—подъ обувь!

— Въ тоя сестры Глафира чуяла что-то двойственное.

Она тоже встала, подошла къ Клавдію, взяла ее за талію и прижалась къ ней.

— Клавдинька... жаль его. Но не можетъ быть, чтобы онъ ничего тебѣ не говорилъ о ней... о своей любви... А?

Глубокіе глаза ея уставились на лицо сестры.

— Говорилъ... Называлъ себя однолюбомъ.

— Однолюбомъ? Это тургеневское слово.

— Вотъ и онъ вспомнилъ. Самъ признается: какъ тамъ ему ни придется горько впоследствии—онъ не можетъ вырвать этой привязанности.

— Не можетъ,—чуть слышно повторила Глафира, не отнимая головы отъ плеча сестры.

— Все это превосходно, но зачѣмъ же въ петлю лѣзть, за безцѣнокъ все спускать?

— Ты такъ ему и сказала?

— Такъ и сказала.

— А сама... ты... Развѣ мы не могли бы?

Глафира не досказала.

— Чтѣ? — быстро и съ нервнымъ движеніемъ головы спросила Клавдія и повернулась такъ, что Глафира отвела голову отъ ея плеча, и, держа ее за талію, прошла съ ней взадъ и впередъ по комнатѣ.

Щеки ея блѣднѣли, и въ глазахъ волненіе сказывалось въ частомъ миганіи. Клавдія бокомъ взглянула на нее и стала ждать того, о чемъ она уже подумала во время разговора съ Таманцевымъ.

— Клавдинька, — начала Глафира, сдерживая себя. — Онъ обратился къ тебѣ.. Къ намъ обѣимъ. Только деликатность заставляла его говорить исключительно съ тобой. Я не отрицаю—онъ хотѣлъ слышать твой совѣтъ. Но не такъ же онъ неловокъ и несвѣдущъ въ дѣлахъ,—могъ и самъ сообразить, что лишаться части состоянія за безцѣнокъ—безуміе... по крайней мѣрѣ, для каждаго хозяина, и для тебя, для первой.

— А для тебя?—съ усмѣшкой спросила Клавдія.

— Я на его мѣстѣ поступила бы совершенно такъ же. Ну, да, онъ—однолюбецъ... Что жъ изъ того, что та женщина его не сдѣлала? Развѣ можно резонировать, когда любишь?

— Никто и не осуждаетъ его, Гламя. Жаль только.

— А если жаль, то мы должны показать себя достойными его довѣрія и дружбы,—выговорила Глафира, какъ бы нарочно торжественнымъ тономъ, чтобы сдержатъ свое нервное возбужденіе.—Мы должны сдѣлать это!—повторила она горячѣе и опять обняла сестру.

— Это щекотливо.

— Почему?—почти строго спросила Глафира и остановилась по срединѣ комнаты, положивъ обѣ руки на плечи сестры.—Почему, Клавдинька? Я мало смыслю въ дѣлахъ; но для меня это ясно, какъ день. Продать землю и лѣсъ—нельзя въ одну, двѣ недѣли; заложить въ банкѣ—точно такъ же. Сдѣлать частный заемъ здѣсь, въ Петербургѣ, подъ закладную—надо платить возмутительные проценты. Мы должны выручить его.

„Такъ я и знала!“—вскричала про себя Клавдія.

— Предложить ему,—сказала она дѣловымъ звукомъ:—довольно-таки щекотливо, Гламя. Онъ можетъ подумать, что я подбираюсь къ его пустошамъ и хочу затянуть его крупнымъ займомъ.

— Ничего такого онъ не подумаетъ! И закладной не надо.

— Какъ не надо?—строже и тревожнѣе спросила Клавдія.

— Такъ. Дадимъ ему... я не знаю, какъ тамъ... на весель, что-ли... Если тебѣ нужно на другое—у меня деньги все равно такъ лежать.

— Гламя!—выговорила Клавдія тономъ матери и покачала головой.—Гламя!.. Ты хочешь удивить его великодушіемъ.

— Хочу выручить друга! Ничего больше!—радостно вскричала Глафира и стала цѣловать сестру.

XIX.

Въ каминѣ потрескивалъ ковшъ и теплое его пригрѣвало спину Таманцева, согнувшася надъ письменнымъ столомъ. Свѣта было еще достаточно, чтобы написать письмо. Только-что пробило два.

Таманцевъ кончалъ письма въ деревню, къ кандидату въ предводители. Не найдетъ ли тотъ случай позондировать немного

Кувшинкова насчетъ одной изъ пустошей. Ему купить ее было бы очень на-руку, не меньше, чѣмъ Клавдіи Спиридоновѣ.

Послѣ вчерашняго дѣловаго разговора со старшей Колчановой онъ—въ такомъ же спутанномъ настроеніи. Надо „реализировать“ сумму; а какъ это сдѣлать скоро, въ какой-нибудь мѣсяцъ—онъ не видѣлъ.

Когда онъ ѣхалъ къ Клавдіи, у него не было тайнаго расчета предложить ей самой купить у него часть лѣса или одну изъ пустошей... Дать подѣ залогъ—быть можетъ.

Она и отъ того, и отъ другого, уклонилась. Разумѣется, если онъ намекаетъ ей вотъ теперь, не можетъ ли она выручить его, осудить его подѣ залогъ пустошей—она это сдѣлаетъ.

Сама—врядъ ли. Хоть ей деньги и не нужны (навѣрно, у обѣихъ сестеръ большой запасный капиталъ), но Клавдія прижимиста. Еслибы она согласилась дать ему денегъ подѣ закладную, то тутъ не обошлось бы безъ вліянія Глафиры.

Это его смущало. И вчера, когда онъ возвращался отъ нихъ, ему вдругъ стало такъ совѣстно, что онъ покраснѣлъ. Вѣроятно, Глафира знаетъ уже, за какимъ совѣтомъ онъ пріѣзжалъ къ сестрѣ.

Неужели онъ такъ огрубѣетъ подѣ натискомъ нужды въ деньгахъ, что у него пройдетъ всякая деликатность, и онъ кончить тѣмъ, чтѣ будетъ „клянчить“ у сестеръ Колчановыхъ?

Эта мысль заставила его безпокойно задвигаться на жесткомъ дубовомъ креслѣ. Онъ не высидѣлъ, отложилъ письмо, не задржавъ его въ конвертъ, и сталъ ходить по кабинету.

Опять онъ въ чаду, какъ и годъ назадъ. Его воля точно онѣмѣла—для всего, что не Кэтъ, не желанный исходъ всей исторіи.

Да, это—„исторія“, и на взглядъ очень многихъ довольно-таки неопытная. А чтѣ еще предстоитъ дальше? Вотъ надо искать адвоката по бракоразводнымъ дѣламъ. Кэтъ до сихъ поръ сама объ этомъ не позаботилась. Такое дѣло неразлучно съ грязью. Надо нанимать свидѣтелей, дѣлать обстановку супружеской невѣрности. Онъ никогда ни въ чему подобному не прикасался и даже въ воображеніи не представлялъ себѣ подробностей настоящаго развода, гдѣ одна изъ сторонъ добровольно беретъ на себя вину. А даже Петюня Долговъ знаетъ это и рассказывалъ ему на дняхъ двѣ бракоразводныхъ исторіи. Это будетъ стоить не одну тысячу, если скрутить въ одинъ мѣсяцъ, а скрутить необходимо.

Положеніе Кэтъ требуетъ этого. Она еще вчера повторяла

ему, что она не пожалѣетъ никакихъ средствъ на расходы; и она гораздо бѣднѣе его. Половину ея состоянія прожилъ Душковъ; подъ остальное придется искать займа въ частныхъ рукахъ. Онъ по себѣ видитъ, какъ это легко; а у него есть недвижимая собственность, на виду у всѣхъ—хорошій домъ.

Голова его еще томительно работала, какъ вдругъ все въ одинъ мигъ соскочило съ него. Теперь Кэтъ любить его. Она—совсѣмъ другое существо. Такая трепетная и обаятельная! Не въ ослѣпленіи страсти вызвался онъ быть отцомъ ея ребенка. Онъ плакалъ отъ радости. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько дней. И войди сейчасъ Кэтъ—онъ кинется къ ней и готовъ будетъ, безъ счета разъ, повторять тѣ же безумныя слова. Въ своихъ мечтахъ о ней онъ чистъ. Не близость обладанія трасеть его, какъ лихорадка, а болѣе беззавѣтное чувство, почти болѣзненная потребность идти на всякую жертву.

Чѣмъ же смущаться?—разъ ея сердце загорело и она готова уйти съ нимъ изъ той жизни, гдѣ она очутилась женой Душкова. Все пройдетъ: разводъ, денежные хлопоты, дразги, неприятныя житейскія подробности. И настанетъ та минута, когда они съ Кэтъ забудутъ о существованіи какого-то жалкаго снобса, продавшаго свои права мужа за нѣкоторую крупную сумму.

— Графъ, здравствуйте!

Таманцевъ такъ ушелъ въ себя, что не слыхалъ ни звонка въ передней, ни шаговъ гостя.

Петя Долговъ протягивалъ ему руку—розовый съ холода и—въ первый разъ у Таманцева—въ виць-мундирѣ.

— А! Петюня! Поздравляю! На государственной службѣ! Когда поступилъ?

— На прошлой недѣлѣ.

— Куда?

— Въ Совѣтъ. Матап желала, чтобы я служилъ въ Маринскомъ дворцѣ.

Личико Пети немного нахмурилось, и онъ сталъ говорить тономъ солиднаго петербуржца.

— Служба прекрасная. Въ родѣ какъ редакціонная. Буду составлять записки. Можно сейчасъ же показать и слогъ, и подготовку. Почти никакого формализма. Знаешь только своего... son chef hiérarchique.

— И вакаціи большія?—добавилъ Таманцевъ.

— Около четырехъ мѣсяцевъ.

Мѣная тонъ, Долговъ остановился—они оба ходили по комнатѣ—и вполголоса спросилъ:

— Вы никуда не торопитесь, Андрей Павлович?

— Никуда особенно. А что такое?

По улыбкѣ Пети Таманцевъ могъ подумать:

„Ты опять съ какимъ-нибудь конфиденціальнымъ соображеніемъ?“

— На этотъ разъ... не бойтесь. Я не разстрою васъ ничѣмъ. Напротивъ. Вы позволите присѣсть?

Они сѣли другъ противъ друга у камина.

Петя зналъ, что Таманцевъ ищетъ покупателя на домъ. И насчетъ своего имѣнія онъ съ нимъ говорилъ на дняхъ.

— Вы отъ меня еще не слыхали, графъ,—началъ Петя все еще вполголоса: — маман настолько поправилась, что хочетъ вернуться сюда.

— Надолго?

— Навсегда, если здоровье позволитъ. Будетъ проводить два-три зимнихъ мѣсяца на югъ—безъ этого не обойдется, но устроиться хочетъ здѣсь. Ей очень тоскливо. Теперь я на службѣ. Полной свободы передвизовъ у меня не будетъ. Kurz und gut, графъ... Маман надумала продать свое нижегородское имѣніе и купить въ Петербургѣ домъ.

Таманцевъ вопросительно взглянулъ на Петю.

— Когда она мнѣ это написала, я сейчасъ же закричалъ: „Чего же лучше?“ Вы хотите раздѣлаться съ вашимъ домомъ. Вамъ деньги нужны...—Петя точно что проглотилъ.—Если даже у маман и не будетъ суммы за продажу имѣнія раньше, какъ черезъ два-три мѣсяца—все равно... Мы можемъ заключить запродажную запись. А вы выдаете вексель... Или въ крайнемъ случаѣ отдадите домъ въ обезпеченіе... подъ вторую закладную.

Глазки Пети досказали, кому пойдетъ этотъ вексель и съ кѣмъ будетъ совершена закладная. Но голосокъ его звучалъ ужъ очень убѣжденно и вѣско. И все его личико дышало сознаниемъ большого душевнаго довольства. Графъ сталъ для него еще дороже. Онъ какимъ-то особеннымъ чутьемъ догадался и о томъ, въ какомъ положеніи Катя, и не сомнѣвался въ томъ, что такой „рыцарь“, какъ графъ, способенъ „взять все на себя“.

— Петюня!—возбужденно вскричалъ Таманцевъ и похлопалъ его по плечу.—Да ты—дѣлецъ!

— Далеко нѣтъ!

— Какъ все это своро и толково уложилось въ твоей головѣ! Ты въ какой департаментъ поступилъ?

— Въ департаментъ экономіи, Андрей Павловичъ.

— Тамъ тебѣ и сдѣлать карьеру... Спасибо, Петюня. Ты—

настоящій другъ. Выйдетъ или нѣтъ что-нибудь изъ вашей комбинаціи—еще разъ спасибо.

— Выйдетъ, выйдетъ, графъ! Вы увидите! Это избавитъ васъ отъ всякихъ разорительныхъ мѣропріятій.

— Очень вѣроятно!

— Я вамъ говорю!—крикнулъ Петя и даже захопалъ въ ладоши.

XX.

На порогѣ прихожей Таманцевъ придержалъ Петю и взялъ его за бортъ новенькаго вицъ-мундира.

— Развѣ эта сбруя обязательна?—шутливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ... у насъ тамъ и въ пиджакѣ можно работать. Я представлялся сегодня одной особѣ.

— А что же галстухъ-то обыкновенный надѣлъ, Петюня? Почему не старомодный, какъ въ прошломъ году, чтобы поднимать подбородокъ? А?

— Довольно уже поносилъ...

— И что же? Привилось у здѣшнихъ франтовъ?

— Носятъ, но мало.

Въ вицъ-мундирѣ Петя былъ такъ забавно серьезенъ и милъ, что Таманцеву хотѣлось погладить его по головѣ, съ ея бѣлымъ брововымъ проборомъ и аккуратно причесанными висками.

Лаврентій стоялъ все время съ шубкой Долгова.

— Ахъ, извините!—сказалъ ему Петя.—Дайте, дайте...

И онъ сталъ торопливо всовывать руки въ рукава.

Позвонили.

Петя уже застегивалъ свою шубку.

— Прикажете принимать?—осторожно спросилъ Лаврентій.

— Прими.

— Катерину Денисовну такъ давно не видалъ,—игриво и вполголоса выговорилъ Петя.—Боюсь безповинтъ.

— Какъ-нибудь вечеромъ... я дамъ знать.

— Вотъ бы отлично! Идите, идите, графъ; а то, можетъ, кто-нибудь, кого вамъ не хотѣлось бы принять.

Въ эту минуту Лаврентій отворилъ дверь и впустилъ даму Передняя стояла почти темная. Таманцевъ не сразу узналъ Глафиру. Она была въ пальто съ брововымъ воротникомъ и въ бобровой же шапкѣ съ вуалеткой.

Петя скромно опустилъ рѣсницы; но тотчасъ же быстро и

отчетливо оглядѣлъ гостью. Наружность и фигура ея вызвали въ немъ невольный взглядъ, брошенный имъ на Таманцева.

„Какая женщина! — говорили его глаза. — Счастливецъ вы, графъ!“

Онъ такъ же быстро сообразилъ, что эта дама должна быть одна изъ сестеръ-сосѣдокъ графа, купчихъ-миллионщицъ.

— Глафира Спиридоновна!

Она смѣло протянула руку Таманцеву, не поднимая, однако, вуалетки, доходившей до рта.

— Мой молодой другъ Петръ Арсѣдьевичъ Долговъ... О немъ я вамъ часто рассказывалъ.

— Какже. Очень приятно,—сказала Глафира увѣреннымъ звукомъ.

Петя могъ видѣть, что эта особа нисколько не стѣснена присутствіемъ посторонняго лица въ квартирѣ холостого человѣка.

Она пожала ему руку крѣпко, по-мужски.

Петя, уходя, врикнулъ у дверей:

— Мерсі, графъ, буду ждать вашего словечка!

Таманцевъ понялъ, что это насчетъ вечера у Кэтъ.

— Вы снимете?—спросилъ Таманцевъ Глафиру.

— Нѣтъ, графъ, позвольте мнѣ остаться такъ. Я на минуту... У васъ, кажется, не жарко.

— Почему же на минуту?—весело спросилъ Таманцевъ, вводя ее въ кабинетъ.—Присядьте... гостией будете.

Отъ Глафиры на него приятно пахнуло холодкомъ; щеки ея чуть-чуть зарумянились. Давно онъ не видалъ ее такой красивой и величавой—настоящая русская боярышня, даже боярыня: она смотрѣла молодой женщиной, а не дѣвушкой. Подъ вуалеткой ея густыя соболиныя брови и рѣсницы придавали лицу что-то необычайно привлекательное.

„Какая она... роскошная женщина! — вскричалъ онъ про себя.—И что за чудесное русское лицо!“

— Не хотите ли чашку кофе съ холодомъ?—спросилъ онъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

— Благодарю, Андрей Павловичъ. Я на одну минуту. Меня ждутъ.

— Кто?—игриво спросилъ онъ.

— Мой учитель греческаго языка. Онъ уже сидитъ тамъ у насъ.

— Подождеть.

— Вы ли это говорите? Вы—такой деликатный по этой части! Я въ вамъ отъ Клавдиньи. У ней захватило горло, и

она не выходить. Прислала меня съ запиской. Просить васъ захватить какъ-нибудь и покончить... по вашимъ дѣламъ.

Она протянула къ нему записку.

— Вы, пожалуйста, прочтите.

Записка Клавдіи оказалась письмомъ на трехъ страницахъ. Въ немъ она сразу предлагала ему взять у нихъ— „у меня и сестры Глафиры“—читалъ онъ—ту сумму, какая ему нужна, если желаетъ, подъ простой вексель. Дальше шли дружескіе доводы, что продавать или закладывать пустоши и лѣсъ—просто „преступленіе передъ землею!“.

„Это сдѣлала она“, почувствовалъ Таманцевъ, и когда поднялъ голову и взглянулъ на свою гостью, то ему захотѣлось—почти неудержимо—обнять ее, какъ самаго близкаго, почти родного человѣка.

Онъ съ первыхъ ея словъ, еще тамъ въ передней, понялъ, что Глафира желаетъ выказать самообладаніе, простоту пріятельскаго тона, дать понять, что она только его другъ и хочетъ, чтобы между ними не оставалось и тѣни какой бы то ни было неловкости. Черезъ какую борьбу прошла она изъ-за него и для него, и чего ей стоитъ и въ эту минуту быть такою, какою она выказывала себя, даже если въ ней страсть и замолкла!..

Растроганный, онъ сѣлъ около нея на диванчикъ и взялъ опять ее за обѣ руки. Муфта ея висѣла на шнуркѣ.

— *Васъ* я во всемъ этомъ вижу, Глафира Спиридоновна.

— Меня?

— Не отговаривайтесь! Клавдію Спиридоновну я очень люблю, ставлю ее высоко; но она одна такъ бы не поступила. Это дѣло вашихъ рукъ, и я глубоко...

Онъ не договорилъ. Губы у него замѣтно задрожали.

— Вотъ вы какой другъ...

И невольно спустилъ онъ на коверъ одно колѣно.

Глафира не отнимала рукъ и нагнулась къ его головѣ. Буапетка скрывала тревогу ея лица.

— Да, я вашъ пріятель, Андрей Павловичъ,—раздѣльно, съ усиліемъ выговорила она, чтобы не разрыдаться.

— Вамъ сестра передавала?—чуть слышно спросилъ онъ, все еще стоя однимъ колѣномъ на коврѣ.

— Да... Что жъ?... вы однолюбъ... Вѣдь такъ вы себя назвали, Андрей Павловичъ?

— Выходитъ такъ.

— Это большое счастье, если можно любить...—обмолвилась она

и тотчас же потянула его за руку.—Садитесь. Переговорюемъ, какой я отвѣтъ должна принести Клавдиньѣ.

Онъ сѣлъ и выпустилъ ея руки изъ своихъ.

— Буду... хоть сегодня... передъ обѣдомъ... часовъ въ пять.

— Прекрасно.

— Только у меня есть вотъ какая комбинація. Такъ будетъ лучше,—значительно добавилъ онъ.—Вотъ этотъ домъ я хочу продать, и есть покупщица... мать Пети Долгова. Продажа можетъ состояться скоро... А пока вы обѣ должны согласиться взять въ обезпеченіе этотъ домъ подъ вторую закладную.

Глафира поднялась.

— Ни о какой закладной и рѣчи быть не можетъ!—вскричала она и замахала рукой.—И если вы будете деликатничать, Андрей Павловичъ, я серьезно огорчусь. Вы сдѣлаете такъ, какъ шплетъ Клавдинья.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Таманцевъ, усмѣхнувшись, и ему еще сильнѣе захотѣлось обнять ее и поцѣловать въ голову, какъ сестру.

XXI.

Лаврентій сидѣлъ въ своей комнатѣ, рядомъ съ передней, и читалъ газету. Колчановской барышнѣ онъ не очень обрадовался. Положимъ, онъ съ сестрой слывуть миллионщицами, положимъ и то, что она собою „авантажна“; но все-таки купчиха. Да и слишкомъ уже „дѣшко“ охотится за бариниомъ. Въ деревнѣ какъ увивалась, когда графъ заболѣлъ. Онъ думалъ тогда, что у нихъ непременно дойдетъ до „любовнаго дѣла“. Однако, графъ не поддакъ. Его потянуло въ Питеръ—Лаврентій соображалъ, зачѣмъ. И здѣшняя любовь графа тоже не особенно тѣшила его. Ему даже не хотѣлось раздумывать, куда можетъ опять попасть графъ—въ какую передрагу. И добро бы онъ былъ „охотникъ“ до женскаго пола, а то и этого нѣтъ. И все-таки его изловить на чемъ-нибудь. Или въ разореніе впадетъ, или своему титулу измѣнить.

Чуть слышно доходили до него голоса изъ кабинета. Подслушивать онъ считалъ „большой гнусностью“, да и газета его интересовала—разбирательство у мировыхъ судей. Онъ то-и-дѣло ухмылялся, вычитывая смѣшныя отвѣты истцовъ.

Въ передней затрещалъ электрическій звонокъ. Лаврентій неторопливо отложилъ газету и пошелъ отворять.

Дама—лицо ея показалось ему знакомымъ—спросила:

— Графъ дома?

— Дома-съ, — отвѣтилъ онъ ей не сразу. — Только они теперь заняты.

Онъ что-то сообразилъ — почему благоразумиѣе было бы не сразу впускать гостю.

Сейчасъ же распозналъ онъ въ ней настоящую барыню: и шубка, и шляпа, и муфта, и духи такіе особенные.

— Вотъ моя карточка, — сказала она увѣреннымъ тономъ. Карточка была по-французски.

— Сію минуту доложу-съ. Пожалуйста въ гостиную.

Когда Лаврентій вошелъ въ кабинетъ, Таманцевъ и Глафира стояли уже у двери. Она собралась идти.

Лаврентій подаль барину карточку и спросилъ вполголоса:

— Я сказалъ, графъ, что вы заняты...

Одного взгляда на карточку довольно было, чтобы вызвать краску на лицо Таманцева.

— Андрей Павловичъ, я скрываюсь... Извините.

И Глафира сейчасъ же подумала: „это она“.

Но надо было пройти гостиной. Кэтъ сидѣла тамъ. Не проводить Глафиру до передней — непорядочно и малодушно.

Онъ отворилъ дверь и выпустилъ Глафиру. Дама — тоже съ вуалеткой и въ богатой шубѣ, отдѣланной песцомъ — поднялась. Обѣ женщины оглядѣли одна другую — быстро и отчетливо — въ одинъ разъ опустили рѣсницы.

— Pardou! — выговорилъ Таманцевъ въ сторону Кэтъ, и проводилъ Глафиру до двери передней.

И тотчасъ же онъ подбѣжалъ къ Кэтъ, взялъ ее за обѣ руки и, увлекая въ кабинетъ, прошепталъ:

— Какъ я радъ!

Онъ былъ смущенъ встрѣчей этихъ двухъ женщинъ, но глаза его быстро схватили ростъ, лицо и фигуры ихъ обѣихъ. Ростомъ Кэтъ ниже Глафиры, и станомъ гораздо суше, и какъ бы напряженнѣе. Лицо утомленное, очень худое; глаза не съ такими бровями и рѣсницами, какъ у Глафиры. Величавость посадки Колчановой и живописность ея облика въ народно-русскомъ вкусѣ навѣрно не ускользнули и отъ Кэтъ.

Первыми ея словами были, когда они вошли въ кабинетъ:

— Qui est cette belle créature?

Слово „créature“ употребила она не въ презрительномъ смыслѣ, а какъ принято въ свѣтскомъ жаргонѣ. Однако оно неприятно прошло по немъ.

О сосѣдкахъ его Кэтъ ничего не знала. Не то, чтобы онъ

скрывалъ отъ нея свои отношенія къ Колчановымъ; а разговоръ не заходилъ въ эту сторону.

Кэтъ попадала къ нему въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Петербургѣ. Прежде, подросткомъ и очень молодой дѣвушкой—при жизни его матери—она бывала въ этихъ комнатахъ.

— Какъ я радъ! Вотъ сюда, къ камину.

Онъ какъ будто избѣгалъ мѣстоименія. Они еще не были на „ты“. Кэтъ говорила больше по-французски, особенно все интимное, и слишкомъ привыкла къ мѣстоименію „вы“. Съ Лущиковымъ за весь годъ замужства она осталась на французскомъ „vous“.

Таманцевъ посадилъ ее въ кресло, а самъ присѣлъ на низенькій пуфъ.

— Здѣсь тепло. Не жарко въ шубѣ?

— Нѣтъ. У меня все какая-то нервная дрожь.

Кэтъ не поднимала вуалетки; но и сквозь нее онъ замѣтилъ, что вѣки у нея красны и все лицо утомленное.

— Дурно спали, Кэтъ?—спросилъ онъ, заглянувъ ей въ лицо.

— Ужасно!

Ея приходъ былъ неожиданностью для него.

Тревожно поглядѣвъ онъ на нее еще разъ, боясь услышать что-нибудь тяжелое.

— Alors... qui est cette pittoresque personne?—съ полу-улыбкой спросила Кэтъ.

Онъ назвалъ ее и сказалъ, что она—его сосѣдка по имѣнію, и пришла по дѣлу, съ письмомъ отъ сестры.

Остальное онъ долженъ былъ скрыть.

— Une demoiselle alors? Et riche?

— Très riche, — обронилъ Таманцевъ.

Кэтъ вытянула ноги къ рѣшеткѣ камина—въ темныхъ кожанныхъ ботинкахъ — и вся болѣзненно потянулась.

— André!—начала она нервнымъ голосомъ.—Вотъ какую бы вамъ жену, а не такую, какъ я!

Она сказала эту фразу по-французски, и не своимъ обычнымъ отрывистымъ ритмомъ, а медленно и уныло, звукомъ, близкимъ къ слезамъ.

— Чтѣ съ вами, Кэтъ?

Таманцевъ началъ цѣловать ея руку въ перчаткѣ, другая была въ муфтѣ.

— Чтѣ со мной?—повторила она, и нагнула впередъ голову.—Я не знаю, André. Мнѣ гадко... за себя гадко.

Кэтъ отняла руку и быстро обернула лицо къ камину.

Той же рукой она вытщила платокъ изъ муфты и, не отводя головы отъ камина, прошла съ платкомъ по губамъ.

— Во что я васъ втягиваю! — говорила она раздѣльно, съ выраженіемъ искренней гадливости. — Это такъ нечестно! Такъ по-женски! — вскричала она, и энергическое движеніе всѣмъ станомъ задержало слезы на рѣсницахъ.

Таманцевъ не ждалъ ничего подобнаго.

— Что же такое вышло? — порывисто заговорилъ онъ, ловя свободную руку. — Неужели онъ...

— Кто онъ? Душновъ? Я забыла о его существованіи. Отъ него можно откупиться... но васъ, васъ, André, зачѣмъ я втягиваю?.. Во что? Какъ это все грязно! Je ne suis qu'une misérable égoïste.

Этотъ возгласъ пронизалъ его своей силой и неподдѣльнымъ негодованіемъ.

Слезы потекли изъ-подъ вуалетки. Кэтъ стала обтирать ихъ, все еще не поворачивая къ нему лица.

— Милая! — трепетно прошепталъ онъ, и опустился передъ ней на колѣни. — Драгоценная моя! Что ты?.. Почему такое настроеніе? Кэтъ!

Ему страстно захотѣлось схватить ее за голову и покрыть поцѣлуями. Но стыдливое чувство удержало его.

Она сама, въ первый разъ, безъ его зова, у него въ его холостой квартирѣ. Погнали ее изъ дому, послѣ бессонной ночи, взрывъ сомнѣній, боязнь загубить жизнь человѣка, любящаго ее слишкомъ слѣпо.

XXII.

Муфта Кэтъ была брошена на кресло. Она сняла и шляпу, и прилегла на кушетку.

Сразу она очень ослабла. Таманцевъ принесъ самъ, не дожидаясь Лаврентія, графинъ съ марсалай и бисквитовъ.

Кэтъ выпила маленькую рюмку и съѣла одинъ бисквитъ. Щеки ея стали розовѣть. Въ глазахъ улеглась нервная тревога. Она держала Таманцева за руку и силилась улыбнуться.

— Мнѣ хорошо, — повторила она упавшимъ голосомъ.

Но онъ видѣлъ, что она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не выскажетъ вполнѣ всего, что у нея назрѣло на душѣ.

— Послушайте, André, — заговорила она, взглянувъ на него бокомъ, съ неуловимой игрой во рту и въ ея вздрагивающихъ

воздрахъ:—вы меня тогда увлекли вашимъ порывомъ. И я была слишкомъ счастлива... я была слишкомъ польщена вашимъ чувствомъ. Но честно ли это?

— Полноте, голубушка! — въ первый разъ назвалъ ее такъ Таманцевъ, по-русски.

— Дайте мнѣ высказать все... Умоляю васъ.

Глаза ея просительно остановились на немъ.

— Я знаю, куда вы придете,—проронилъ онъ.

Кэтъ повела рукой, болѣе требуя, чѣмъ прося.

И въ этомъ нервномъ настроеніи ея личность проявляла себя.

Надо было ее выслушать.

Таманцевъ опять схватилъ ея руку, сильно похудѣлую, съ прозрачными длинными пальцами, и поднесъ къ губамъ.

— Чтѣ жъ съ вами дѣлать!—выговорилъ онъ, слегка поведя плечами.

— Честно ли это, André?—еще разъ спросила Кэтъ. — Довольно и того, что вы уже имѣли разговоръ... avec l'individu en question, — брезгливо добавила она по-французски. — Я — женщина... и здоровье мое уже не то. И будетъ еще хуже. C'est inévitable!—вырвалось у нея сильнымъ звукомъ.—La maternité ne me réussit pas, —выговорила она съ юморомъ.—И вотъ вы будете за меня хлопотать. Вы—съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ характеромъ. Вы—такой чистый!.. Ужасно чистый!

Она сама взяла его за другую руку и потрясла объ.

— Да, вы ужасно чистый! Я такихъ мужчинъ еще не встрѣчала. Какой-нибудь мальчишъ, лиценстикъ, или пажикъ—и онъ уже испорченъ въ конецъ. C'est un vicieux, c'est un chasseur de femmes! У него ничего нѣтъ, кромѣ глупой blague. Всѣ похожи на моего... законнаго супруга,—выговорила она веселѣе.— Да, André,—продолжала она, оживляясь,—вы гораздо чище меня. Quelle comparaison! Вы душой...

— Младенецъ,—подсказалъ Таманцевъ.

— А я уже старуха. Не лѣтами—душой. И это меня пугаетъ.

Она быстро опустила голову на его плечо.

— Опять разстройте себя.

— Нѣтъ! Я не буду плавать!—сказала она, такъ же быстро отнимая голову отъ его плеча.—Assez de pleurnicherie!—строго окрикнула она самоё себя.—Но вы должны меня понять, André. Я не могу... не могу, — протянула она медленно, и брови ея дрогнули и поднялись,—принять то, на чтѣ вы идете. Ce serait vous exploiter! Подумайте!

Она вся поднялась станомъ и опустила ноги на коверъ.

„Но какъ же быть?“—спросилъ про себя Таманцевъ, чувствуя, какъ тревога сообщилась и ему.

— Иначе нельзя... милая Кэтъ. Нельзя—поймите и вы.

— *Ce monsieur*,—выговорила она опять съ брезгливой мимой рта:—*ne sera mon mari que de nom*. Я и не допущу его... къ себѣ. Онъ долженъ будетъ признать, что ребенокъ—его. И тогда я буду свободна...

— Помилуйте!—перебилъ ее Таманцевъ и, не давая ей говорить, стремительно продолжалъ:—На чтѣ вы себя обрекаете? Вѣдь такой господинъ навѣрно кончитъ очень печально. Пока онъ молодъ, онъ будетъ торговать собой. А потомъ—съ его страстью къ игрѣ—онъ будетъ систематически эксплуатировать васъ, и уже не такъ, какъ вы меня, Кэтъ. Если, наконецъ, онъ и не въ правѣ будетъ требовать къ себѣ ребенка, такъ какъ онъ согласенъ при разводѣ взять на себя вину и будетъ объявленъ явнымъ прелюбодѣемъ...

— *Comment?*

— Явнымъ прелюбодѣемъ,—повторилъ Таманцевъ.

— *Comme c'est lui!*

— Все равно, вы всегда будете жить въ тревогѣ. А избѣжать этого такъ легко!

— Нѣтъ,—рѣзко остановила его Кэтъ.—Мой ребенокъ будетъ все-таки...

Она искала слова.

— Вы хотите сказать, Кэтъ, онъ родится нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей свадьбы... Чтѣ жъ изъ этого?

Тонъ Таманцева сталъ рѣшительнѣе и сильнѣе. Голосъ его звучалъ громко и горячо. Кэтъ глядѣла на него съ явнымъ удивленіемъ.

— *Vous êtes un idéaliste incorrigible!*—вырвалось у нея.—Но я не должна этого допускать.

— Должны, Кэтъ, должны! Вы дали слово, вы согласились.

— *Vous m'avez entraîné, André! C'était lâche de ma part! Archilâche!*

— А если это мое непремѣнное условіе?—спросилъ Таманцевъ другимъ тономъ, и лицо его затуманилось.

Кэтъ вскинула на него рѣсницы, и вполголоса спросила по-русски:

— Вы серьезно, André?

— Совершенно серьезно.

И она впервые почувствовала, что онъ—мужчина, ея буду-

щій мужъ, чистый и мягкій, какъ дитя, но убѣжденный и умѣющій отстоять то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Она не имѣетъ права отнимать у него радость и гордость поступка, въ которомъ его любовь нашла свое выраженіе.

Она замолчала и съ наклоненной головой сидѣла противъ него.

— И я прошу васъ, Кэтъ, я требую,—мягко прибавилъ онъ: —чтобы вы теперь не тревожились ничѣмъ, никакими заботами и расчетами. Я вашъ — ходокъ.

— Ходокъ?—повторила она съ полу-иностраннымъ произношеніемъ.

— Да! Такъ мужики называютъ своихъ ходатаевъ... адвокатовъ, по нашему.

— Я понимаю.

— Все будетъ сдѣлано. Я не допущу васъ ни до чего.

Тутъ только она поняла, что онъ намекаетъ на деньги. О томъ, какъ достать сумму для уплаты Лушкову, она тоже хотѣла говорить съ нимъ.

— *Jamais de la vie!*—почти крикнула она и встала.—*C'est moi, qui dois pourvoir...*

— *Pourvoir! Pourvoir!*—передразнилъ ее Таманцевъ.—Какое судейское выраженіе! Кэтъ! Радость моя!... Ни слова болѣе объ этомъ.

Онъ схватилъ ее за плечи и привлекъ къ себѣ. Ея гибкій станъ вздрогнулъ, и слезинки показались на ея рѣсницахъ. Закрывъ глаза, она не защищала ихъ отъ его поцѣлуевъ. Она знала, что „чистый“ Таманцевъ не увлечетъ ее до потери всякой власти надъ собою. Онъ будетъ ждать. И эта чистота проникла ее сладкимъ преломленіемъ передъ тѣмъ, кто держалъ ее въ своихъ объятіяхъ...

XXIII.

Опратно одѣтый мальчикъ впустилъ Таманцева въ тѣсную переднюю, гдѣ висѣло на двухъ стѣнахъ нѣсколько тарелокъ изъ майолики. Дверь была задрапирована восточнымъ бумажнымъ одѣяломъ, и въ углу стоялъ японскій цилиндрическій горшокъ для палокъ и зонта.

Мальчикъ силился снять съ него шубу.

— Баринъ дома?

— Пожалуйте... дома-съ.

Таманцевъ зналъ, что Луцкій ждетъ его и, какъ человекъ чрезвычайно аккуратный, не могъ не сказаться дома.

По идеѣ Пети Долгова, онъ хотѣлъ обратиться къ журналисту за совѣтомъ насчетъ адвоката. Когда онъ на лѣстницѣ подавилъ пуговку звонка, ему стало немного неловко отъ того, что онъ раньше не навѣстилъ журналиста. Тотъ, какъ истинно порядочный человекъ, не только въ прошломъ году нашелъ для него ходатая по дѣлу крестьянъ Мурашкинской волости, но и писалъ ему раза два въ деревню.

Мальчикъ впустилъ его въ кабинетъ — высокую комнату съ фонаремъ, выходящимъ на улицу. Все смотрѣло очень опрятно и солидно, безъ лишней мебели, но съ хорошими картинами и цѣнными артистическими вещами. Даже запахъ стоялъ въ кабинетѣ приятно-ароматичный.

Хозяинъ былъ въ бархатной визитѣ и въ башмакахъ. Съ прошлой зимы онъ похудѣлъ, и волосы на маковкѣ порѣдѣли.

— Графъ! Безмѣрно радъ!— встрѣтилъ онъ гостя съ низкимъ поклономъ.— Давно ли въ нашей Пальмирѣ? Вотъ сюда—на диванъ. Большую честь изволили оказать мнѣ вашимъ посѣщеніемъ.

— Я передъ вами виноватъ,— остановилъ его Таманцевъ.— Вы такъ были добры въ прошломъ году... Вотъ и теперь я— мнѣ совѣстно сознаться — хочу прибѣгнуть къ вашему знанію Петербурга.

Въ имени и отчествѣ Луцкого онъ не былъ твердъ, и это его тоже стѣсняло.

— Помилуйте, графъ! Да я весь къ вашимъ услугамъ. Вы думаете, что эксплуатируете меня, а можетъ быть наоборотъ. Ха, ха! Вѣдь я по профессіи аппаратъ, вбирающій въ себя русскую дѣйствительность. А вы приносите съ собою ароматъ почвы, уѣзда, какъ нынче начинаютъ выражаться. Что же? Вы все такъ же, графъ, преданы землѣ и народу? Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Задору поменьше,— съ тихой усмѣшкой выговорилъ Таманцевъ.— Прошлой зимой вы меня видѣли въ трагикомическомъ настроеніи.

— Почему трагикомическомъ, графъ?— въ очень серьезномъ! Только слышнее ужъ вы уничтожали нашъ Петербургъ.

— Къ вашему городу и теперь сердце мое не лежитъ. И опять я въ „ходакахъ“, только совсѣмъ не въ такихъ, какъ въ ту зиму.

Не совсѣмъ легко оказалось для него сразу начать о томъ, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ къ Луцкому.

— Вы знаете такъ хорошо Петербургъ,— началъ онъ.— Обратите меня къ специалисту по...

— По какой части?— подсказалъ Луцкій серьезнымъ тономъ.

— По бракоразводнымъ дѣламъ.

— А-а!—протянулъ Луцкій и на особый ладъ сжалъ губы.

Онъ не позволилъ себѣ вопросительно взглянуть на своего гостя; но Таманцеву показалось, что ему что-то извѣстно.

Да и какъ же могла быть неизвѣстна фельетонисту, обязанному знать все, о чемъ говорить Петербургъ, такая скандальная исторія, какъ прошлогодняя его схватка съ Лушковымъ и выходъ замужъ — „изъ за этой дуэли“ — княжны Брянской? Навѣрно знаетъ Луцкій всю подноготную и про такіе-же скандальные нравы Лушкова, и про то, что предстоитъ разводъ.

А отсюда не трудно сообразить, что передъ нимъ сидитъ „ходокъ“ за Лушкову, тотъ самый графъ Таманцевъ, который, прошлой зимой, вызвалъ на дуэль ея теперешняго мужа.

Смущеніе уже начинало овладѣвать имъ.

— Вы, конечно... уважете мнѣ — выговорилъ онъ, отводя голову.

— Специалиста?

Луцкій поднялъ указательный палецъ и прищурился.

— Конечно, укажу, графъ! И, кажется, онъ самый опытный и, сколько мнѣ извѣстно, не изъ живоглотовъ.

— Вопросъ вознагражденія—тутъ второстепенный. Главное—быстрота.

— И натискъ? Ха, ха!

— Да, именно натискъ.

— Я съ нимъ встрѣчаюсь. По наружности и тону онъ—самый тихій и безобидный *pater familias*. И никто бы не подумалъ, что у него такая специальность... Кажется, по этой части установились цѣны. Мнѣ приводилось, годъ тому назадъ, заняться повѣтріемъ разводовъ.

— А это развѣ родъ повѣтрія?—остановилъ Таманцевъ.

— Помилуйте, графъ! Да я не дальше какъ на той недѣлѣ, на одномъ раутѣ, въ мирѣ нашихъ крупныхъ финансистовъ, слышалъ такую фразу... Нѣсколько дамъ и въ томъ числѣ двѣ маленькія дѣвицы на возрастѣ взапуски говорили о какой-то „разводѣ“...

— Это слово обязательно теперь?—спросилъ Таманцевъ.

— Помилуйте! Оно уже въ литературѣ употребляется больше десяти лѣтъ. Такъ вотъ-съ... одна изъ этихъ почтенныхъ маэтронъ произнесла такой афоризмъ: „Разумѣется, за перваго мужа выходитъ всякая *rouge faigé une expérience*. Только второй бракъ бываетъ серьезнымъ“. Вы видите, графъ, что у нашихъ полудѣвъ, — протянулъ Луцкій, — это входитъ въ правило. Первый

мужъ—только, такъ сказать, подмости... знаете, то, что называется un tremplin, съ котораго гимнасты въ циркѣ прыгаютъ въ пространство. Ха, ха!..

Разсмѣялся и Таманцевъ; но внутренно ему становилось неловко. Луцкій не дѣлалъ никакихъ намековъ; но такъ выходило. И его Кэтъ могла, въ дѣвицахъ, держаться точно такой же теоріи.

Попавъ на эту зарубку, умъ талантливаго фельетониста заигралъ. Онъ успѣлъ, въ четверть часа, привести цѣлую дюжину самыхъ „свѣжихъ“ подробностей изъ міра разводовъ. Дошло до того, что теперь совсѣмъ не диво слышать, какъ „барынька“, разведенная съ первымъ мужемъ, выходитъ за своего любовника и потомъ, черезъ годъ, ѣдетъ съ его пріятелемъ, т.-е. со своимъ первымъ мужемъ, за границу и живетъ съ нимъ въ однихъ отеляхъ, а злые языки прибавляютъ—и въ одномъ вѣмерѣ.

Таманцевъ не перебивалъ остроумнаго собесѣдника и силится улыбаться.

— Насчетъ же гонорара, графъ,—остановился Луцкій,—вы можете быть увѣрены, что къ тому господину, на кого я вамъ сейчасъ указалъ—какъ Подхалюзинъ выражается... помните, у Островскаго—можете малолѣтка послать: „въ луковкѣ не обсчитаетъ“. Разумѣется, для свѣтскихъ и состоятельныхъ людей такса вдвое и втрое дороже; а нашего брата, писателя, и за тысячку могутъ освободить отъ брачныхъ узъ.

Черезъ полчаса Таманцевъ собрался уходить, чувствуя, что ему надо страхнуть съ себя настроеніе, вызванное пикантными фактами изъ хроники петербургскихъ разводовъ.

Луцкій удержалъ его у дверей въ переднюю и вполголоса спросилъ:

— Одинъ маленький вопросъ, графъ... Вы поддерживаете хорошія отношенія съ Овчининимъ?.. Онъ, кажется, вашъ товарищъ по школѣ.

— Въ этотъ пріѣздъ еще не былъ у него.

— Но вы съ нимъ на товарищеской ногѣ?

— Да.

— Вы знаете, что онъ не сегодня-завтра будетъ очень крупной особой?

— Это меня не удивляетъ.

— И меня также. Такъ вотъ... хотя онъ совсѣмъ по другому вѣдомству, но у него обширныя связи. Вы бы ему поговорили про тотъ разводъ, которымъ вы интересуетесь, чтобы онъ замолвилъ слово... кому нужно. Извините за этотъ совѣтъ. Право, будетъ лишнее.

— Благодарю васъ, я подумаю объ этомъ.

— А затѣмъ желаю вамъ, графъ, полнѣйшаго успѣха, а также и тѣмъ особамъ, кто ищетъ расторгенія узъ.

Таманцевъ торопливо пожалъ руку хозяина и не допустилъ его провожать себя въ переднюю.

XXIV.

Изъ-подъ широкаго бронзоваго абажура четыре свѣчи бросали яркй свѣтъ на средину письменнаго стола и оставляли весь кабинетъ въ полутемнотѣ.

У камина, другъ противъ друга, сидѣли Таманцевъ и Овчининъ и допивали кофе. Они отобѣдали вдвоемъ. Хозяйка извинилась передъ гостемъ — легкая простуда держала ее въ постели — чему онъ былъ скорѣе радъ. Какъ ему сказала Луцкй, товарищъ его былъ наканунѣ назначеня на очень высокй постъ, но онъ нашелъ Овчинина съ такимъ же тономъ и обращенiемъ, только сильно постарѣвшимъ въ лицѣ. За обѣдомъ Овчининъ проговорился, что ему приходится работать по шестнадцати часовъ въ день и болѣе.

Въ кабинетѣ, въ полутемнотѣ комнаты, у камина, Таманцевъ гораздо свободнѣе, чѣмъ самъ ожидалъ, заговорилъ о Кэтъ и ея разводѣ, не скрывъ и того, что онъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ „самое близкое участiе“.

Всѣ лишнiихъ разспросовъ Овчининъ понялъ сразу, что тутъ говорить любовь.

Помѣшавая золу, онъ спросилъ Таманцева, по привычкѣ своей нахмурилъ брови:

— Значить, это серьезно?

— Ты видишь, — тихо отвѣтилъ Таманцевъ, слѣдя за тѣмъ, какъ тлѣютъ остатки углей въ каминѣ.

— И не боишься за свою дальнѣйшую судьбу?

О бракѣ съ Кэтъ не было еще рѣчи.

— Безъ риска не проживешь. Мое чувство къ этой женщинѣ сильнѣе меня самого.

Овчининъ повелъ своими толстоватыми губами.

— А пока, Андриша, — ласково выговорилъ онъ: — ты будешь ходатаемъ по разводу. *Triste besogne!* — добавилъ онъ съ безразличной усмѣшкой.

— Чтѣ дѣлать, братъ!

И тутъ, безъ всякихъ подходовъ, онъ попросилъ его о поддержкѣ.

Овчининъ замѣтно поморщился.

— Я не охотникъ до такихъ обращеній. Да и на душу свою не хотѣлъ бы брать грѣха толкать тебя въ эту галеру.

— Все равно, — возразилъ горячѣ Таманцевъ: — свободы своей она добьется. Только тутъ есть особая и очень важная причина ускорить дѣло. Не въ службу, а въ дружбу прошу тебя... Тебѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ...

— Подумаю, — сказалъ Овчининъ, поведя головой. — Боюсь я за тебя, Андрюша...

„Но она теперь не та! — хотѣлъ Таманцевъ крикнуть ему. — Она проснулась совсѣмъ для другой жизни. Она любитъ меня!“

— Твоей совѣсти я насиловать не буду, — сказалъ онъ болѣе вѣско и задумчиво.

— Я и не въ тому, — замѣтилъ ему въ тонъ Овчининъ в протянуль руку въ его кофѣну. — Въ страсти мы не властны. Но какъ же ты думаешь теперь устроить свою жизнь? Ты предашь землѣ и народу. Не любишь Петербурга. А не заставитъ ли тебя твоя судьба тянуть лямку будущаго мужа свѣтской женщины? Я ставлю этотъ вопросъ... не изъ пустого любопытства.

Таманцевъ зналъ натуру своего „*bonnet bienfaisant*“. По игрѣ его щекъ и бровей и по движениямъ плечъ онъ видѣлъ, что Овчининъ — въ очень искреннемъ товарищескомъ настроеніи.

— Нѣтъ, не бойся, — отвѣтилъ онъ спокойно. — Та, кого я люблю, не будетъ насиловать моей совѣсти.

— Дай-то Богъ!

Искренній „стихъ“ Овчинина продолжался. Онъ еще пододекнулъ свое кресло и, положа руку на кофѣни Таманцева, спросилъ съ усмѣшкой:

— Ты и теперь, Андрюша, все въ тѣхъ же уничтожающихъ чувствахъ ко всѣмъ намъ грѣшнымъ? Помнишь, какъ ты прошлой зимой разносилъ насъ, а?

Овчининъ добродушно разсмѣялся и сталъ покрывать золой тлѣющіе угли.

— Нѣтъ, я уже не такой прямолинейный. И не такой юный, какъ въ прошломъ году, — отозвался Таманцевъ, низко опустивъ голову. — Тогда я былъ слишкомъ дикъ и даже невозможенъ.

— Ты сознаешь это заднимъ числомъ, — съ юморомъ замѣтилъ Овчининъ.

— Сознаю. Разумѣется, своей природы не передѣлаешь. Я —

первый сангвиникъ. Способенъ и теперь разнести какую-нибудь петербургскую... розу.

— Особенно вицмундирную?—подсказал Овчининъ.

— Какую придется! Но это будетъ уже въ экстренныхъ случаяхъ... и за дѣло. А въ прошломъ году я самъ навидывался.

— Напримѣръ... на твоего покорнаго слугу и жену мою, ни въ чемъ неповинную.

— Прошу ее великодушно забыть это.

Про себя Таманцевъ прибавилъ: „Я былъ дикъ; но будущая министерша все-таки изъ кисло-сладкаго тѣста“.

— Она давно забыла.

— Точно также и мое отношеніе къ землѣ, какъ ты выразился, къ деревнѣ, къ мужику, къ нашему брату дворянину...

О своей исторіи съ Мурашкинскою волостью онъ уже говорилъ за обѣдомъ.

— И культъ народа въ тебѣ поостылъ?—въ томъ же шутиломъ тонѣ выговорилъ Овчининъ.

— Ты думаешь, изъ-за черной неблагодарности мурашкинцевъ?—спросилъ также шутиливо Таманцевъ. — Нѣтъ! Конечно, все это не очень чтобы вкусно, но понятно. И я пришелъ къ тому выводу, что никакихъ барскихъ требованій по этой части и заявлять нельзя.

— Въ какомъ же именно смыслѣ?—отозвался Овчининъ, уже тономъ молодого сановника.

— А вотъ, что... мы—благодѣтели, и народъ долженъ намъ оказывать, всегда и во всемъ, преданность и уваженіе. Такъ вѣдь, какъется, и Хлестаковъ выражается?

— Да, сколько помню.

Овчининъ тихо разсмѣялся.

— Народъ я не обсахариваю, какъ у насъ говорятъ въ уѣздѣ; но не желаю и принижать его. Онъ теперь и для васъ, господъ заправилъ русской жизни, главная цѣль. Ты этого скрывать не станешь.

— Да, если хочешь, одна изъ первенствующихъ, въ настоящую минуту.

— Но я, другъ Овчининъ,—назвалъ онъ его по-товарищески,—прихожу вотъ къ какому выводу: и народъ мы не поднимемъ, пока люди высшей культуры — дворяне или купцы съ образованіемъ, тѣ, что сидятъ на землѣ—не станутъ создавать себѣ и своей жизни, конечно, на общее благо, но своей, съ своими интересами и цѣлями, а не съ однимъ полу-мистическимъ культомъ мужика...

— Въ добрый часъ!—вдумчиво выговорилъ Овчининъ.

— Ты это признаешь?

— И весьма! И мы—тѣ чинушй, которыхъ ты такъ громилъ въ прошломъ году — желаемъ того же. Повѣрь мнѣ! Но ты, кажется, слишкомъ тревожно и нетерпимо смотришь на людей твоего сословія?

— Видишь ли, Овчининъ... Я радъ тому, что юнцомъ жилъ за границей, тамъ много прочелъ о Россіи и вобралъ въ себя то, что даетъ только воздухъ Запада... брезгливое чувство ко многому, съ чѣмъ я бы мирился, еслибъ прошелъ школьную выучку дома. Одной изъ первыхъ, прочитанныхъ мною, была книга русскаго барина-западника, Александра Тургенева: „La Russie et les Russes“—теперь уже немного устарѣлая. Но ея духъ еще не выдохся... извини за игру словъ... А онъ былъ русскій баринъ двадцатыхъ годовъ. Стыдно было бы, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, стоять ниже его по своимъ взглядамъ и чувствамъ.

Овчининъ не возражалъ.

Такъ они просидѣли молча нѣсколько минутъ.

— Только темпераментъ-то у тебя бѣдовый! — выговорилъ Овчининъ, вставая.—А главное—ни на чемъ не ставь креста. Не въ одной деревнѣ спасеніе. И здѣсь, въ ненавистномъ тебѣ Петербургѣ, можно выполнять твою же программу. Да и на личное счастье ты имѣешь право... Смотри, Андрюша!..

И, не досказавъ, Овчининъ потрепалъ Таманцева по плечу и отошелъ къ столу.

XXV.

У Доминика была толкотня около стойки буфета.

Нѣсколько человѣкъ въ разъ тянулось къ пирожкамъ и бутербродамъ. Въ спертomъ воздухѣ первой комнаты ходили струи съѣстныхъ запаховъ.

Часу въ двѣнадцатомъ Таманцевъ зашелъ выпить рюмку водки и закусить кускомъ кулебяки. Онъ очень не жаловалъ Доминика, но по дорогѣ некуда было зайти въ другое мѣсто.

Насилу протискался онъ къ стойкѣ, гдѣ на металлической доскѣ наливаютъ рюмки водки. На дворѣ крутила метель, и мѣховой воротникъ своими мокрыми усиками шерсти щекоталъ ему щеки.

Съ кускомъ кулебяки на блюдечѣ отошелъ онъ къ двери въ биллиардную и присѣлъ у окна.

Въ биллиардной уже шла оживленная игра. Высокіе диваны были заняты зрителями. Марверъ, улылымъ звукомъ, опираясь на машинку, считалъ очки.

Таманцеву были видны, вдоль простѣвва, прилавокъ съ газетами и дверка въ глубинѣ, выкрашенная въ темную краску.

Изъ этой двери шумно вышелъ, размахивая на ходу руками, высокій мужчина, въ свѣтломъ пиджакѣ, небрежно и пестро одѣтый.

Прежде чѣмъ Таманцевъ замѣтилъ его, тотъ уже, еще изъ биллиардной, крикнулъ ему:

— Се cher Таманцевъ!.. Какъ я радъ!

Къ нему, такъ же размахисто, подошелъ князь Карай, послѣ *шекендса* на англійскій манеръ.

— А я къ тебѣ собирался, — слишкомъ громко выговорилъ онъ и крикнулъ проходящему гарсону:—бутылку экспорта!

Отъ него уже пахло спиртнымъ.

Противъ прошлаго года онъ смотрѣлъ еще „арыжиѣ“—это деревенское слово и пришло Таманцеву. Тутъ же попенялъ онъ себѣ, что зашелъ въ „кабакъ“, гдѣ такъ легко натѣнуться на товарищей дѣтства, въ родѣ Карая.

— Tu sais?..—спросилъ тотъ потише, нагибаясь къ нему черезъ столъ:—Je serai du prosès?

Таманцевъ взглянулъ на него вопросительно.

— Ты точно не понимаешь, душа моя?

— Нѣтъ, не понимаю,—построже отвѣтилъ Таманцевъ.

— Ну, да въ разводѣ... Лушкова и Кэтъ? Тебѣ смѣшно со мной скрытничать. У тебя есть эта институтская замашка. Puis-que je suis de la boutique! Ха, ха! Да, братъ, вотъ до чего меня довела моя мегера... ma chipie! Дойдешь и до того, что будешь каллиграфіей заниматься—имитировать почеркъ денежныхъ тузовъ на соло-веселяхъ.

Тутъ только сталъ Таманцевъ догадываться, о чемъ болтаетъ Карай.

— Что-жъ ты... въ свидѣтели, что-ли, ходишь по бракоразводнымъ дѣламъ?—не безъ смущенія промолвилъ онъ.

— Yes, sir!—полушопотомъ выговорилъ Карай, наклонившись опять черезъ столъ.—Человѣкъ! — крикнулъ онъ на весь ресторанъ.—Что-жъ бутылку пива? Экспорта!

Струей пошлости пахнуло на Таманцева, и ему стало вдругъ очень жутко.

Вотъ она, житейская-то правда, съ ея плохо-прикрытой грязью! И разомъ все, что въ эти двѣ недѣли онъ испыталъ у Кэтъ, у

Лушкова, въ денежныхъ поискахъ — еще рѣзче и беспощаднѣе представилось ему.

— Кто же будетъ...? enfin qui paye les pots cassés? — спросилъ Карай, наливая себѣ пива.

— Почему же я знаю? — Таманцевъ чуть не прикрикнулъ на Карая.

— Чего же тутъ жантильничать, душа моя? Вѣдь не Лушковъ же будетъ расплачиваться! Pas si bête! Хотя можно бы было накрыть его какъ слѣдуетъ.

Карай сдѣлалъ выразительный жестъ ладонью правой руки.

— Полно болтать! — не выдержалъ Таманцевъ и поднялся.

— Что я болтаю? — крикнулъ Карай, и его прыщавый лобъ покраснѣлъ. — Ne fais pas la béguenle, mon cher! Твой адвокатъ — слишкомъ большая мямля... А я бы на его мѣстѣ здорово ободралъ тебя! И за дѣло!

Большого усилія надъ собою стоило Таманцеву, чтобы не оборвать Митьку.

— Князь! — окликнулъ Карая какой-то игрокъ съ восточнымъ лицомъ. — Что-жъ вы? Мы васъ ждемъ. Въ пирамидку!

— По крайней мѣрѣ заплати за мое пиво! — шепнулъ ему Карай и сердито кивнулъ головой.

Почти физическая тошнота поднялась въ груди Таманцева. Онъ подозвалъ гарсона и заплатилъ за себя и за пиво Карая. Спертый воздухъ ресторана, съ волнами табачнаго дыма, съ запахомъ ѣды и пивной кислоты, давилъ его и усиливалъ впечатлѣннѣе отъ разговора съ „другомъ дѣтства“.

Торопливо пошелъ онъ къ выходу.

— А! Графъ! Comment va? — остановилъ его возгласъ у самой двери.

Онъ не сразу узналъ Банарцева. Тотъ приподнялъ мѣлковой воротникъ пальто и нахлобучилъ шапку — всю въ снѣгу.

— Какова погодка! Брр!..

Банарцевъ снялъ шапку и потряхнулъ ее.

— Не дошелъ до Кюба... захотѣлось выпить водки. Какъ вы, графъ? Нигдѣ не вижу васъ... Neureux mortel!

Намежъ французской фразы былъ слишкомъ прозраченъ. Таманцевъ хотѣлъ уклониться отъ разговора, но Банарцевъ, держа его за руку, отвелъ къ столику, около двери.

— Une minute! Позвольте мнѣ только проглотить рюмку зубровки и взять пирожокъ. Une minute!

Приходилось опять присаживаться.

— Вотъ я и готовъ... Вы никуда не спѣшите, графъ?

— Есть дѣло.

— Я хотѣлъ сказать вамъ...—и Банарцевъ продолжалъ по-французски и вполголоса:—желаю полнаго успѣха. Мнѣ все известно. *Ce farceur de Louchkoff*, когда мы встрѣчаемся, посвящаетъ меня въ свои тайны. Я интересуюсь вопросомъ—какъ вы смотрите на его поведеніе?

Таманцеву не хотѣлось отвѣчать.

— Согласитесь,—продолжалъ Банарцевъ по-русски:—это еще очень мило съ его стороны. А? Не правда ли? Другой бы уперся. Такъ, здорово живешь! Онъ—снобъ, все, что вамъ угодно... и мужъ онъ отвратительный... Но могъ бы поиграть на этой струнѣ. *Entre nous, comte! Qu'est-ce que ça va vous coûter? Les yeux de la tête? Hein?!*

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ Таманцевъ и всталъ.

— Конечно, конечно... Преклоняюсь передъ вашей скромностью. И пожалуйста,—Банарцевъ нагнулся и досказалъ на ухо:—если встрѣтятся какія-нибудь закорючки, скажите мнѣ—мы пустимъ разные ходы.

И онъ потрепалъ Таманцева по плечу.

„Когда же это кончится?“—возмущенно вскричалъ про себя Таманцевъ и сбѣжалъ по ступенькамъ крыльца.

XXVI.

Два дня пролежалъ Таманцевъ дома и не видалъ Кэтъ. Онъ боялся, что у него окажется инфлюэнца, и попросилъ ее не заѣзжать къ нему, пока онъ не вылечится.

Петя Долговъ привезъ ему молодого врача-пріятеля, и тотъ такъ усердно занялся имъ, что на третій день температура спала до нормальной, голова больше не болѣла, и онъ—одѣтый и довольно бодрый—сидѣлъ въ кабинетѣ, на своемъ любимомъ мѣстѣ, у камина.

И Петя помѣщался передъ нимъ и—совсѣмъ по-дамски—курилъ. Студентомъ онъ не зналъ табаку и недавно сталъ принуждать себя, находя, что иначе онъ уже слишкомъ „барышня“. Съ хорошенькаго лица Пети не сходила улыбка.

Онъ сейчасъ только передавалъ Таманцеву содержаніе большой депеши, полученной имъ отъ его матери. Ей покупка дома графа „очень улыбается“, и она вышлетъ сыну полную довѣренность, визированную за границей у консула.

— Какъ же мы съ тобой будемъ торговаться, Петюня?—ска-

заль Таманцевъ, поглядывая на него вбокъ. — Или я прошеплю, или ты передашь.

— Что съ другихъ хотѣли, графъ, то и съ маман возьмите.

— А не лучше ли намъ поручить это дѣло двумъ дѣльцамъ?

— Зачѣмъ, графъ?—вскричалъ Петя. — Это только лишній расходъ. Развѣ мы не съумѣемъ? Вѣдь я—тоже юристъ!..

— А все-таки лучше обратиться къ экспертамъ, — сказалъ Таманцевъ. — Мнѣ неловко торговаться съ тобой, Петюня.

— Да мы не будемъ торговаться, графъ. Если угодно, пускай эксперты оцѣнятъ.

Дѣловая мина на личикѣ Пети размѣшила Таманцева.

— Ты дѣльнѣе меня оказываешься!—вскричалъ онъ. — Помнишь? Когда ты попалъ неожиданно въ секунданты... Какъ ты все обстоятельно продѣлывалъ!.. Съ какимъ серьезомъ!

— Какъ же иначе, графъ! Дѣло шло о вашей жизни, — выговорилъ Петя замедленно. — И теперь... мнѣ такъ приятно, что маман покупаетъ именно вашъ домъ. И я являюсь посредникомъ. Вамъ нужно реализовать извѣстный капиталъ... Мы это устроимъ — какъ можно скорѣе. И нашего меда будетъ хоть капелька въ вашемъ благополучіи. Простите, графъ, такое хвастовство.

— Никакого хвастовства тутъ нѣтъ, Петюня. Не скрою отъ тебя, я могъ бы достать сумму, нужную мнѣ изъ другого источника, но мнѣ пріятнѣе быть обязаннымъ тебѣ.

— Какая же тутъ услуга! Самый вздоръ! Маман чрезвычайно довольна этой именно комбинаціей.

Долговъ всталъ и поправилъ свой высокій галстухъ. На его личикѣ было написано—до какой степени онъ доволенъ, что все такъ хорошо уладится.

Вошелъ Лаврентій и подалъ барину карточку. Наклонившись въ его креслу, онъ спросилъ вполголоса:

— Прикажете попросить въ гостиную или въ столовую?

Петя сейчасъ же подумалъ, что это какой-нибудь дамскій визитъ—можетъ быть, Катерина Денисовна—и стыдливо отошелъ въ глубь кабинета.

— Попроси въ столовую!—сказалъ Таманцевъ, поднимаясь.

— Къ вамъ визитъ?—спросилъ Петя. — Я удаляюсь. Завтра, если позволите, графъ, пораньше, я явлюсь—и тогда мы обстоятельно перетолкуемъ.

— Ладно, Петюня, спасибо, дружокъ.

Таманцевъ проводилъ его до двери. Петя не могъ воздержаться отъ любопытнаго движенія головы. Но ту, кого онъ могъ

бы встрѣтить, Лаврентій, навѣрно, впустилъ въ столовую, прямо изъ передней.

Спросить: кто это—у Таманцева и даже у Лаврентія онъ не рѣшился.

— Попроси даму въ кабинетъ!—сказалъ Таманцевъ, когда Лаврентій пришелъ доложить ему, что дама въ столовой.

Это была Клавдія Колчанова. Онъ не ждалъ ея визита. Ему слѣдовало еще третьяго дня заѣхать къ нимъ—она вызывала его депешей; но нездоровье помѣшало, и онъ забылъ ей отвѣтить.

— Клавдія Спиридоновна!—ласково встрѣтилъ онъ ее на порогѣ и провелъ къ тому диванчику, гдѣ нѣсколько дней назадъ сидѣла Кэтъ.

Клавдія вошла въ короткой шубѣ и мерлушчатой бѣлой шапочкѣ; она стояла передъ нимъ и смотрѣла на него бодро и возбужденно, съ оттѣнкомъ „себѣ на умѣ“ въ выраженіи ея большихъ круглыхъ глазъ.

Онъ извинился передъ нею.

— Мы такъ и думали, графъ, что вамъ нездоровится. Вотъ и Глазня у меня тоже... опять захватило горло.

— Ничего серьезнаго?—заботливо спросилъ Таманцевъ.

— Надо посидѣть денька два-три. Да для нея здѣшній климатъ никуда не годится.

— Для кого онъ годится!

— Въ одно слово, графъ. Вы знаете, Глазня собралась-было здѣсь оставаться до весны—свою греческую грамматику зубрить и начать занятія по анатоміи и химіи. Но теперь думаетъ по другому.

— Вернуться въ Колчановку?

— Нѣтъ, за границу ѣдетъ на цѣлый весенній семестръ. Въ Лозанну... или въ Парижъ.

— Одна?

— Одна. Мнѣ надо домой собираться.

По лицу Клавдіи прошла тѣнь.

Для него было ясно, что Глафира бѣжить не отъ климата Петербурга, а отъ него. И ему стало опять очень совѣстно, что онъ могъ рассчитывать на денежную услугу сестеръ и, вѣроятно, принялъ бы ее, не явись Петюня съ своей „комбинаціей“.

— И неужели вы разстанетесь? вы?—говорилъ онъ тихо, съ опущенной головой.

— До іюля. Она обѣщаетъ вернуться передъ лѣтними вакаціями. Что-жъ! Я не препятствую. Она рвется къ живому дѣлу и къ новому знанію. Видите, я и не хотѣла этого, графъ,

а выходитъ точно естественница въ лицѣ моемъ пересилила словесницу.

И, высвободивъ правую руку изъ муфты, Клавдія заговорила быстрее и другимъ тономъ.

— Но у насъ время есть покончить наше дѣло. Я и отъ себя, и главное отъ Глаи, пріѣхала къ вамъ сама, графъ, чтобы просить васъ объ одномъ: пожалуйста не стѣсняйтесь! Не обижайте вашихъ друзей! Вы способны на попятный дворъ, хотя бы вамъ и всего удобнѣе и проще было сдѣлаться съ вашими приятельницами. Такъ пожалуйста. Глаи и я дружески завѣраемъ васъ, что свободныя деньги, какія у насъ есть — къ вашимъ услугамъ.

Голосъ Клавдіи такъ звучалъ, что трудно было заподозрить ее въ неискренности. Но Таманцевъ зналъ навѣрно, что Глафира заставила сестру быть такой же щедрой.

— Спасибо, спасибо! — тронутымъ голосомъ вымолвилъ онъ и протянулъ ей руку. — Повѣрьте, я бы воспользовался... но вотъ что вышло, какъ разъ на этихъ дняхъ.

Онъ рассказалъ ей о продажѣ дома въ самыхъ лучшихъ условіяхъ.

— Домъ для меня обуза, — сказалъ онъ, пожимая ее руку.

— Никакая собственность не обуза, графъ, если ею заниматься.

— А я не умѣю! Чѣмъ меньше у меня будетъ задѣловъ въ Петербургѣ, тѣмъ лучше!

Клавдія ощутила пріятное облегченіе. Она боялась денежныхъ дѣлъ между друзьями. И деликатность Таманцева она оцѣнила, хотя тотчасъ же подумала: „не хочетъ аристократъ одолжаться у купчихъ“.

И оба они, до конца ея визита, не сказали больше ни слова о Глафирѣ.

XXVII.

Почтовая станція Байдары дремала въ полусвѣтѣ ранняго утра. Кругомъ понадвинулись горы, покрытыя еще свѣжей зеленью. Прямо противъ подъѣзда, черезъ широкую дорогу, начинался подъемъ по мшистымъ глыбамъ на крутизну скаль, шедшихъ къ морю стѣной, съ плосковатой площадкой.

На дворѣ станціи виднѣлся дормезъ съ двумя крытыми сѣдьями для прислуги — спереди и сзади. У крыльца потертый фаятонъ — какіе нанимаютъ въ Севастополѣ и Ялтѣ — стоялъ въ сторонѣ, и порывѣвшій красный трипъ его обивки выдѣлялся пят-

номъ на сѣроватомъ фонѣ утра. Дышло фэтона было приподнято брусомъ и позади чемоданъ привязанъ веревками къ заднему ходу.

На крыльцо вышелъ уже одѣтый по дорожному Лаврентій, замердинеръ Таманцева. Онъ оглянулся вправо и влѣво, потомъ воззрѣлся на полосу неба, протянувшуюся надъ верхушками горной отлогости, за которой лежало море. Голубоватый волеръ, безъ мажнѣшаго облачка, чуть-чуть внизу, надъ линіей горныхъ отроговъ, начиналъ розовѣть.

„Пора будить!“ — сказалъ онъ про себя и подошелъ къ одному изъ оконъ станціи, выходящихъ по фасаду на шоссе.

Лаврентій плотно пододвинулся къ окну и тихонько постучалъ. Въ окнѣ стора была спущена.

Не прошло и минуты, какъ стору подняли и одну половину окна пріотворили. Показалась курчавая голова его барина.

— Пора, графъ.

— Скоро взойдетъ? — спросилъ Таманцевъ, успѣвшій накинуть на себя пальто.

— Черезъ четверть часа навѣрно. Прикажете подать умыться?

— Сейчасъ. Я разбуджу графиню. Она еще поживаетъ. А ты подожди меня въ сѣняхъ.

Окно захлопнули и стору опять опустили. Лаврентій обогнулъ крыльцо и на площадкѣ столкнулся съ зрителемъ — очень еще молодымъ блондиномъ, такимъ же курчавымъ, какъ его баринъ.

Тотъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ въ парусинную визитку, въ малороссійскую рубашку съ шитьемъ и въ большіе сапоги.

Его открытое свѣжее лицо, розовое отъ крѣпкаго сна, тихо улыбалось. Волосы и густую подстриженную бороду онъ еще не успѣлъ причесать.

— Разбудилъ? — спросилъ онъ Лаврентія.

— Графъ уже вставши. Они разбудятъ графиню. Вотъ сейчасъ горничную позову.

— То-то, — протянулъ добродушнымъ баскомъ зритель. — Пора... А та компанія никакъ поднялась... Загудѣли.

Онъ сошелъ съ крыльца и сдѣлалъ тоже, что и Лаврентій — постучалъ въ окно.

Оттуда раздались разомъ нѣсколько женскихъ голосовъ. Половина ставни отворилась, и женская голова съ остриженными волосами — голова дѣвочки-подростка — выглянула оттуда.

— Мы ужъ ждемъ. Сейчасъ выйдемъ.

— Пожалуйста! — ласково и шутливо вмѣстѣ выговорилъ зритель и большими шагами своихъ длинныхъ ногъ прошелся взадъ и впередъ по шоссе, присматриваясь къ небу, какъ дѣлалъ

это пять минутъ раньше графскій камердинеръ, скрывшійся въ сѣни станціи.

Ему забавно будетъ показывать дорогу цѣлому обществу барышень, отправляющихся въ первый разъ на южный берегъ Крыма. Онѣ ночевали, чтобы захватить знаменитый восходъ солнца. Затѣмъ же ночевалъ и тотъ „графъ“, ѣдущій съ женой въ Севастополь. Должно быть, они еще первый разъ въ Байдарахъ и могли проѣхать въ Ялту на Симферополь.

Эта чета ему понравилась. Много всякаго народа проѣзжаетъ вверхъ и внизъ черезъ его станцію, и онъ, по своимъ убѣжденіямъ, ни передъ кѣмъ не „унижается“, у него взглядъ на всѣхъ одинаковый. Но этотъ графъ—сейчасъ видно—хорошій господинъ. И жена его такая интересная. Ему хочется оказать ей вниманіе, и вотъ сейчасъ, когда они пойдутъ смотрѣть восходъ солнца, онъ предложитъ свои услуги провести ее поудобнѣе. Она—блѣдная и слабая, точно послѣ болѣзни. Можетъ и дурнота случиться, или гдѣ-нибудь на подъемѣ запугается.

Смотритель что-то вспомнилъ и пошелъ влинуть старосту.

Не прошло и двадцати минутъ—наверху скалистой отлогости, отдѣльно отъ группы дѣвушекъ, вѣзшихъ въ Ялту, сидѣлъ Таманцевъ съ женой своей, Катериной Денисовной.

Смотритель поддерживалъ графиню на подъемѣ. Въ одномъ мѣстѣ надо было перескочить съ камня на другой. Она замѣтно поблѣднѣла. Мужъ хотѣлъ взять ее подъ локоть; но смотритель попросилъ позволенія перенести ее и сдѣлалъ это ловко и быстро. Они оба благодарили его.

Теперь онъ отошелъ къ сторонѣ и, тихо усмѣхаясь, смотрѣлъ на пару. Разумѣется, они новобрачные и очень влюблены другъ въ друга.

Таманцевъ, въ свѣтло-сѣромъ сукотѣ и соломенной шляпѣ, лежалъ на травѣ, прислонившись къ круглому камню, гдѣ—на разостланномъ пледѣ—сидѣла Кэтъ. Онъ глядѣлъ на нее тревожными глазами, боясь, какъ бы ей не сдѣлалось дурно. Она очень мало спала. Сейчасъ, заторопившись, они пошли со станціи со всѣмъ натошакъ.

Замѣтно похудѣла Кэтъ съ зимы. Вѣки были утомлены, матовый цвѣтъ кожи терялъ прежній отблескъ.

Но она ему еще дороже—вотъ такая, слабая, съ худобой и блѣдностью лица. Прошло всего три недѣли, какъ она стала оправляться. Они пріѣхали весной на южный берегъ и поселились около Алупки, въ Мискорѣ. Мигомъ пролетѣли первыя недѣли. Цѣлые дни проводили они на воздухѣ, дѣлали экскурсіи и

вздали верхомъ. Это было неблагоприятно. Случилось то, чего онъ могъ бы желать, еслибы не любилъ ее такъ беззаветно...

Кэтъ не будетъ матерью. Но онъ ее не подозрѣвалъ ни въ чемъ умышленномъ.

— Какъ тебѣ?—тихо спросилъ онъ ее.

— Мнѣ хорошо, André.

Ея гибкую фигуру драпировала темная шелковая накидка съ высокимъ воротникомъ. Изъ-подъ шляпы съ широкими полями глядѣли на него ея длинные глаза съ выраженіемъ тихой радости.

Все тревожное и горькое было назади. Они—мужъ и жена. За здорье она не боится. Они ѣдутъ къ нему въ имѣніе и тамъ останутся. Быть можетъ, на нѣсколько лѣтъ. И это ее не пугаетъ, ее—Кэтъ Брянскую, танцовавшую „ригодонъ“ съ Душловымъ въ балетномъ трио.

— Смотрите, смотрите, господа!—крикнула дѣвочка-подростокъ въ группѣ налѣво, сидѣвшая на самомъ обрывѣ, шагахъ въ пятнадцать отъ нихъ.

Слѣва пурпуръ вдругъ разлился по окраинѣ неба, и полосы свѣта пошли въ разныя стороны.

— Bravo, bravo!—крикнуло молодое общество, и всѣ неистово захлопали въ ладоши.

Таманцевъ и Кэтъ весело и молодо переглянулись. Ихъ подхватила волна жизни, въ ожиданіи той минуты, когда большой рубиновый шаръ выплыветъ изъ лазоревой морской воды.

И надъ ними восходить солнце. Чтò оно сулитъ имъ—они не хотѣли загадывать. Въ нихъ самихъ--половина судьбы.

Кэтъ нагнулась и шепнула ему, опираясь одной рукой о его плечо:

— Это наша заря, André! Видишь—какая!..

Онъ схватилъ ее руку и поднесъ молча къ губамъ.

XXVIII.

Черезъ двое сутокъ они входили, раннимъ утромъ, въ университетскій садъ того города, который лежалъ на пути въ Москву и дальше—въ усадьбу Таманцева.

Надо было ждать поѣзда нѣсколько часовъ. Они проѣхались по городу и отпустили извозчика около зданія университета. Въ садъ забрели они, думая, что это обыкновенный городской садъ и тамъ они могутъ выпить чаю въ какомъ-нибудь трактирчикѣ или кофейной.

Ничего такого не оказалось. Но въ сторожке толстая баба согласилась поставить самоваръ и провела ихъ въ бесѣдку, стоящую на возвышеніи, откуда открывался видъ на спускъ, покрытый купами кустовъ и грядами растеній.

Оба чувствовали себя такъ, точно они откуда-то убѣжали и скрываются. Кэтъ, такъ же одѣтая, какъ и третьяго дня въ Бадарахъ при восходѣ солнца, осматривалась кругомъ, сидя на скамейкѣ у перилъ, въ ожиданіи самовара. Таманцевъ прохаживался мелкими шагами по бесѣдкѣ, заложивъ руки въ карманы своего дорожнаго пиджака.

Снизу, съ грядъ и аллей, доносился запахъ цвѣтовъ. Ласковый вѣтерокъ игралъ мелкими завитушками волосъ на лбу и щекахъ Кэтъ. Она подставляла подъ него свое все еще блѣдное лицо.

Въ первый разъ попала она въ дальнюю провинцію. Крикъ плѣнилъ ее, и даже послѣ того, что съ ней случилось и заставило ее пролежать больше двухъ недѣль, она не переставала восхищаться видомъ моря, лунными ночами, прозрачностью воздуха, видомъ горъ. Но дорогу туда и назадъ она находила однообразной и тусклой. Сплошныя, безконечныя пространства подавляли ее. Но она не жаловалась. Она хотѣла чувствовать себя бодро— „être robuste et vaillante“,—повторяла она про себя.

— André!—окликнула она.—Не правда ли, мы точно бѣжали?

— Отъ кого?—спросилъ Таманцевъ и подошелъ къ ней.

— Отъ тирана-мужа.

Оба разомъ разсмѣялись.

— И какъ все это примитивно! — продолжала она. — Вот сидимъ и ждемъ самовара... Самоваръ! — протянула Кэтъ. — Я начинаю понимать, какое это великое слово... Sans samovare—pas de patrie!

Таманцевъ подсмѣлъ къ ней.

— Samovare... Patrie!—повторилъ онъ шутливо; но тотчасъ же пристально поглядѣлъ на нее.—Кэтъ!—заговорилъ онъ другимъ тономъ. — Мы черезъ два-три дня будемъ въ деревнѣ. Я ѣду туда съ радостью и готовъ тамъ остаться. Но ты? Не эгоистично ли это съ моей стороны, запереть тебя въ нашу глушь?

— Вовсе нѣтъ, André! Я съ такой же радостью буду жить тамъ, какъ и ты.

— Въ деревнѣ есть одно—народъ. Если имъ не интересоваться, то и личная жизнь сдѣлается безвкусной.

— Я такъ и думала,—сказала Кэтъ, отвѣчая какъ бы на

собственную мысль.—Но развѣ народъ—все? Я его не знаю. И мнѣ хочется его узнать...

— Я боюсь, Кэтъ, что тебѣ будетъ тяжело и дико. Да и я самъ, говоря тебѣ это, вовсе не желаю впадать...

— Dans du Tolstoï?—веселѣе подсказала она.

— Именно!

Ему припомнились всѣ его деревенскія пренія и недавнiе разговоры въ Петербургѣ на тему: „народъ“. Нѣтъ! Онъ не хочетъ поступаться своею личностью. Надо имѣть въ увѣдѣ свое, немужичье дѣло, не отказываться отъ своего культурнаго значенiя и превосходства, когда оно значитъ въ немъ. Но подъ силу ли ему это теперь, когда онъ связалъ судьбу свою съ существомъ, у котораго нѣтъ никакой связи съ землей. И на что онъ его обрекаетъ?

Таманцевъ взялъ ее за руку и крѣпко пожалъ.

— Попробуемъ!—сказалъ онъ тронутымъ звукомъ.—Можетъ быть, и я только обманываю себя, и не достанетъ у меня силъ пустить прочныя корни въ землю. И я прошу тебя, Кэтъ, остеречь меня, когда нужно будетъ. Ты проникательна, отъ тебя ничто не ускользнетъ. Не бойся говорить мнѣ правду, воздерживать меня отъ самообмана и рисовки. А главное: будетъ глупо и нечестно лишать тебя той жизни, гдѣ ты была бы въ своей сферѣ.

— Какая это жизнь, André?—остановила его Кэтъ.—Я не знаю. Петербургъ мнѣ противенъ. Il m'est odieux!—вырвался у нея возгласъ.—Совершенно такъ, какъ тебѣ. Быть одной изъ нашихъ *dommeuses* у меня нѣтъ никакой охоты. Надо... я не говорю—пересоздать себя... Это невозможно. Но найти себя. *Se trouver*,—выговорила она медленно.—Вѣдь можно такъ выразиться и по-русски?

— Конечно, можно! И какъ хорошо ты это сказала!

Онъ нагнулся къ ней и поцѣловалъ въ шею.

— Такъ хочется,—продолжала Кэтъ, прикрывая свои длинные глаза рѣсницами отъ косвенныхъ лучей солнца:—такъ хочется побыть однимъ, на полной свободѣ, читать, говорить, видѣть кругомъ совсѣмъ другую жизнь. *Le peuple! C'est tout un monde!*..

— А вдругъ потянетъ туда, въ Парижъ, въ Биаррицъ, на Ривьеру?

— Когда потянетъ, тогда и поѣдемъ. И за границей я вѣдь ничего серьезно не знаю... Италия, Германия, Франція—это все такъ... *Des villes d'eau, des plages chic! Voilà!* Самое лучше, что

тамъ есть—природа, искусство—все это только мелькало передо мною. Совѣстно и досадно вспомнить... И знаешь ли, André, что я тебѣ сважу... я не понимаю даже, какъ я могла, еще годъ тому назадъ, держаться за то, что тамъ меня окружало. Я сама себѣ лгала. И тогда уже все, и часто, очень часто, казалось мнѣ скучнымъ и слѣпцомъ вздорнымъ. Des pantins! Des marionnettes! И надъ всѣмъ этимъ—грязь! Брр!..

Она нервно вздрогнула съ гадливымъ жестомъ. Таманцевъ подскѣлъ къ ней сзади и взялъ за талию.

— For shame!—шепнула по-англійски Кэтъ.—Voici le savonage!

Сторожиха показала на дорожкѣ съ самоваромъ. Она поставила передъ ними столъ безъ скатерти, принесла чаю и сахару въ бумажкѣ, двѣ чашки безъ ложекъ и связку черствыхъ баранокъ.

Но какъ имъ этотъ чай показался вкусенъ! И баранки также. Они пили въ-прикуску, и Кэтъ дурачливо отгрызала кусочки сахара. Сухіе баранки слегка хрустѣли на ея бѣлыхъ, блестящихъ зубахъ.

И вдругъ имъ обоимъ захотѣлось болтать и смѣяться, какъ шевальникамъ, убѣжавшимъ изъ классовъ. Цѣлый часъ пролетѣлъ за этимъ веселымъ питьемъ чая, и ни одинъ изъ нихъ не подумалъ, какъ бы не опоздать на поѣздъ. Они еще долго бродили по дорожкамъ сада и спустились совсѣмъ внизъ, не зная, какъ имъ попасть на желѣзную дорогу.

Встрѣчный студентъ, на ихъ вопросъ, какъ имъ пройти, отвѣтилъ имъ съ мѣстнымъ акцентомъ:

— Сейчасъ будутъ Пески. Ими и пройдетъ.

И слово „Пески“ онъ произнесъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Они поблагодарили его—и оба засмѣялись, когда пошли дальше.

XXIX.

Въ барскомъ домѣ цѣлую недѣлю мыли и чистили. Авдотѣ было приказано, черезъ нарядчика, получавшаго письма отъ барина, нанять двухъ работницъ для кухни и господскихъ комнатъ. Повара взяли опять того же. И кучеръ Перфиль—за недѣлю до пріѣзда господъ—проѣзжалъ лошадей.

Наканувѣ получили депешу съ нарочнымъ—выслать на стан-

цію желѣзной дороги объ тройки, въ коляскѣ и тарантасѣ, и еще одну подводу для багажа.

Всѣ уже давно знали, еще съ весны, что графъ женится. А теперь ѣдетъ изъ Крыма.

Авдотья часу въ десятомъ утра обошла всѣ жилыя комнаты. Въ спальнѣ поставлены были двѣ кровати, и комната, около дѣвичьей, гдѣ валялись разныя старыя вещи, была заново оклеена и въ нее внесли два платаныхъ шкафа и комодикъ старинной работы.

Въ домѣ уже давно „гуторять“, что барыня—модница. Наверно все вверхъ дномъ поставить. Авдотья не мало думала объ этомъ; но она что-то не боится. Ея дѣло—ключи. Ни въ чемъ она не провинилась; съ бариномъ у нея большіе лады; отъ дѣла ни отъ какого она не бѣгаетъ. Ежели барыня и привезетъ съ собою какую „мамзель“, она будетъ ей все показывать на первыхъ порахъ. У ней же подъ командой и та женщина, что взята на кухню.

А только баринѣ—ежели она „франтиха“—тоскливо покажется въ деревнѣ. Сосѣдей—такихъ, чтобы ей „лестно“ было—совсѣмъ нѣтъ. Съ Кувшинковыми баринѣ не водится... Купчихи Колчановы не подойдутъ. Опять же меньшая на барина „зарилась“, мѣтила замужъ за него. Теперь ея, слышно, нѣтъ на хуторѣ; только одна старшая.

Во всему къ этому сразу озадачить господъ слухъ о страшной гостьѣ, надвигавшейся на ихъ округу.

Идетъ холера.

Авдотья не боится ея. Она была еще молодой дѣвкой, когда народъ „мѣръ“ въ Таманцевѣ по нѣскольку человекъ на день. И она провалялась больше двухъ недѣль—пила мяту и клала на животъ распаренное пшено въ трапицѣ. И не померла. Тогда и лечить-то некому было, кромѣ одного пьяненькаго фельдшера.

Народъ сталъ жиже, малодушнѣе. Уже и теперь всѣ трусятъ, и всякія розказни идутъ, что, молъ, самую эту холеру развовать какіе-то „лихіе люди“ и ставнулись съ докторами. Болтаютъ про какую-то „агличанку“. Она, вишь, прислала гнилой хлѣбъ съ лихой подмѣсью; и съ той поры пошелъ моръ на людей. И здѣсь, въ Таманцевѣ, мужики судачать такимъ же ма-неромъ.

Третьяго дня въ Муражино вернулись косарі, изъ-за Волги, и одинъ изъ нихъ утромъ добрался, а къ вечеру Богу душу отдалъ, и урядникъ приказалъ всю его одѣжу сжечь и яму, куда его опустили, известью обсыпать.

Авдотью тревожило, въ послѣдніе три-четыре дня, докладывать ли объ этомъ господамъ, тотчасъ какъ они придутъ. Перфиль кучеръ кричалъ— „не слѣдуетъ, молъ, ихъ беспокоить“. А она была того мнѣнія, что надо предупредить, ужъ для одного того, какъ бы (въ пищѣ и питьѣ чего лишняго не съушали).

Съ ней согласился и нарядчикъ. Онъ поѣхалъ встрѣчать ихъ на станцію. И Авдотья условилась съ нимъ: онъ доложитъ господамъ тамъ же, а она, если они спросятъ, скажетъ, что на селѣ все еще благополучно, а въ округѣ— „забираетъ“. Докторъ Илья Ефимовичъ ускакалъ за Волгу. Туда же, слышала она, ушли и „лекареху“, что живетъ въ княжеской усадьбѣ, верстъ за сорокъ. И про „субѣнтовъ“ какихъ-то гуторятъ, посланныхъ не то изъ Москвы, не то изъ Питера.

Не въ добрый часъ попадетъ графиня въ вотчину своего муженька. Молодая „бабочка“, никогда въ деревнѣ не жила, безъ родныхъ. Случись что — и фельдшера не добудешь въ-время. Графъ будетъ бояться за нее сильнѣе, чѣмъ за себя самого. И нужно оставаться однимъ въ усадьбѣ. Ъхать назадъ — кто ее знаетъ, въ какое мѣсто она повернетъ.

Въ этихъ мысляхъ Авдотья продолжала свой досмотръ, заглянула въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ, и пошла въ кухню.

Тамъ все было на-готовѣ, и „поваренокъ“—Авдотья такъ его до сихъ поръ звала—въ чистѣйшей курткѣ и съ колпакомъ на затылкѣ—лихо рубилъ котлеты.

Только-что она стала подниматься на ступеньки передняго крыльца, выходившаго противъ оконъ кухни, слышалась переаэонъ колокольчиковъ за оврагомъ. Она повернулась лицомъ къ воротамъ, стоя у широкорасворенныхъ дверей въ переднюю, гдѣ дожидались двѣ женщины—одна въ крестьянскомъ сарафанѣ и душегрѣйкѣ, другая одѣтая по городскому. Изъ людской избы, на звонъ колокольчиковъ, вышли двое рабочихъ въ праздничныхъ ситцевыхъ рубахахъ и поддевахъ. Остальной народъ былъ въ полѣ—такъ распорядился нарядчикъ. Они оба съ Авдотьей знали, что баринъ не любитъ, чтобы передъ нимъ работали.

Сама Авдотья была въ своемъ неизмѣнномъ кафтанѣ и большомъ свѣтломъ платкѣ, надѣтомъ, какъ всегда, глубоко на лобъ, въ чистыхъ бѣлыхъ чулкахъ своей работы и козовыхъ башмакахъ.

Коляска шумно влетѣла въ ворота. Перфиль молодцовато стаянулъ голубыя возжи и, сдѣлавъ крутой поворотъ, разомъ остановилъ тройку у крыльца.

Авдотья, съ низкимъ поклономъ, сошла съ послѣдней ступеньки.

Баринъ высочилъ первый, въ одно время съ Лаврентіемъ, сидѣвшимъ на возлахъ, и сталъ высаживать баринню.

Проницательные глаза Авдотьи разомъ оглядѣли и лицо, и фигуру Катъ, и то, какъ она была одѣта. Она ей показалась „хворой“ и вокругъ себя „скудноватой“. Шляпка и накидка—такія, какихъ она никогда не видывала.

— Авдотья!—ласково окликнулъ ее баринъ.—Здравствуй! Ну, какъ у васъ, все благополучно?

Авдотья поняла, что нарядчикъ уже доложилъ о холерѣ.

— Слава тебѣ Господи, ваше сіятельство!—истово отвѣтила она и такъ же истово подошла къ рукѣ.

XXX.

Утро стояло яркое и немного душное. Катъ, въ пенъюарѣ, безъ шляпки и зонтика, сошла съ террасы въ палисадникъ и проникла въ гротъ.

Въ рукахъ у нея былъ томикъ англійскаго романа. Она помѣстилась на диванчикѣ, испытывая пріятную прохладу отъ мшистыхъ стѣнъ грота.

Третій день живетъ она въ усадьбѣ. Она не можетъ еще рѣшить: какъ ей—совсѣмъ ли хорошо, или немного смутно и тревожно? Только-что вышли они изъ вагона, какъ нарядчикъ доложилъ графу, что въ уѣздѣ у нихъ „неблагополучно“. И вотъ третій день не прекращается разговоръ о холерѣ. Ея мужъ спросилъ ее: не хочетъ ли она вернуться назадъ въ Москву? Этотъ вопросъ сдѣлалъ онъ уже ночью, когда они легли спать. Она, разумеется, отвѣтила, что не боится. Не солгала ли она? Ей еще не приходилось испытывать страха эпидеміи. Но она воспиталась въ воздухѣ дворянскихъ страховъ отъ всего: отъ тифа, дифтерита, оспы... Ея мать постоянно дрожала отъ малѣйшаго подозрѣнія, что есть какое-нибудь повѣтріе въ томъ мѣстѣ, гдѣ она живетъ. Ей было бы стыдно передъ André. Онъ такой мужественный. Его заботитъ только то, что если холера придетъ на дняхъ въ ихъ село, то какъ организовать помощь? Доктора—его пріятеля—до сихъ поръ нѣтъ; онъ гдѣ-то за Волгой, гдѣ болѣзнь уже „забираетъ“.

Она впервые слышитъ это крестьянское слово. Мужики прислали вчера стариковъ, „поздравить графа и графиню съ благополучнымъ прибытіемъ“, и прислали въ подарокъ полотенце и тарелку пряниковъ. Графъ сталъ ихъ такъ искренно и серьезно

разспрашивать о ихъ дѣлахъ. Они что-то просили, насчетъ земли—она хорошенько не поняла, чтѣ именно. И о холерѣ шла рѣчь. Они все повторяли: „никто, какъ Богъ... Его святая милость!“ Но ей казалось, что они очень трусятъ.

André потомъ за обѣдомъ долго говорилъ о томъ, что народъ геройски переносить смерть; но что онъ способенъ „на массовыя движенія“ безумной ярости, когда ему вдругъ покажется, что его зараза идетъ отъ „ликихъ людей“.

Вотъ третій день никакого другого разговора нѣтъ, какъ только о мужикахъ, о народѣ. Онъ издали интересовалъ ее. Здѣсь она еще не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, какое у нея чувство можетъ сложиться въ этихъ бородачатымъ и дурно пахнущимъ мужикамъ, съ плутовскими глазами и льстиво-благодарными словами, подъ которыми врядъ ли кроется искренняя преданность.

Да и за что? André и не требуетъ ея. Онъ находитъ, что никакими иллюзіями не слѣдуетъ убаюкивать себя. Надо дѣлать *свое* дѣло.

Какое?—спрашиваетъ она себя и еще не видитъ, въ чемъ будетъ заключаться это дѣло и для нея—вотъ въ этой, довольно запущенной усадьбѣ, съ хозяйствомъ, въ которомъ она еще ничего не смыслитъ. И безъ нея все можетъ идти. Довольно для этого нарядчика и старухи Авдотьи. Видъ и тонъ этой старухи кажутся ей очень характерными и въ то же время смущаютъ ее немножко.

Англійскую книжку находитъ она очень безвкусной. Мысли со всѣхъ сторонъ надвигаются на нее, вызванныя совѣтъ не тѣмъ, чтѣ она прочла. И какая глубокая пропасть между русской деревней и той жизнью въ замкѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе романа, написаннаго навѣрно какой-нибудь старой миссъ, прикрывшейся мужскимъ псевдонимомъ.

Съ террасы обликнулъ ее голосъ мужа.

Кто-то къ нимъ ѣдетъ. Надо распорядиться завтракомъ и переѣмнать туалетъ.

Когда она вышла къ гостямъ, черезъ полчаса, графъ былъ въ оживленномъ разговорѣ съ двумя господами, которыхъ она въ Петербургѣ приняла бы за купцовъ или за артельщиковъ.

Ей представили ихъ: одинъ—кандидатъ въ предводители; другой—земскій начальникъ. Фамилія одного Томилинь, другого—Сурепинъ.

Томилинь обратился къ ней такимъ тономъ, точно они давно знакомы, и сталъ возбужденно говорить о томъ, что графу слѣдуетъ идти въ уѣздные предводители. И Сурепинъ настаивалъ на

томъ же. Мужъ разъяснилъ ей, что этого кандидата, послѣ недавней смерти предводителя, высшее начальство не утвердитъ, и надо выбирать новаго предводителя.

— Мой мужъ, кажется, не честолюбивъ, — замѣтила она и подумала тотчасъ же, что если André выберутъ, они просидятъ въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, три года — и зиму, и лѣто.

Но она себя внутренне пристыдила за такое малодушное опасеніе.

Она поняла, что эти господа пріѣхали просить его.

— Это еще не уйдетъ! — сказала ей мужъ. — Вы, — обратился онъ къ Томилину, — исправляете должность по прежнему. И ваша опытность, ваша энергія понадобятся, если намъ придется перенести эпидемію.

Земскій начальникъ сталъ вполголоса, по-русски, — кажется, ни одинъ изъ нихъ по-французски не умѣлъ — передавать, какіе тревожные слухи идутъ съ Волги... „съ низу“, какъ онъ выразился. Были уже серьезные беспорядки, и не нынче-завтра онъ ждетъ „гостью“ въ свой участокъ.

Потомъ они всѣ трое заговорили о земствѣ, о предсѣдателѣ управы, какомъ-то „интеллигентномъ купчикѣ“ — она запомнила это выраженіе. Земскій начальникъ находилъ, что онъ „только пускаетъ пыль въ глаза“, и эпидемія можетъ застать уѣздъ врасплохъ. Кандидатъ былъ того же мнѣнія и повторилъ, что „очень усердствовать“ и не надо, потому что въ народѣ уже идутъ неглѣпныя розказни, и онъ можетъ сейчасъ же „освирѣпѣть“, и тогда „дезинфекціей“ накличешь еще „душую“ бѣду.

Прислушиваясь къ этому разговору, Кэтъ забыла про себя, про то, что она — изящная дама, что слѣдовало бы гостямъ заниматься только ею. И въ ней росла тревога, предчувствіе чего-то, стоящаго надъ всѣмъ, что — она сама, и ея мужъ, и обыкновенные барскіе мысли, разговоры, волненія и утѣхи. Одно въ нее уже вошло клиномъ: что-то надвигается грозное, и это что-то — не въ одной „непрощенной гостьѣ“, а въ самомъ народѣ, въ той дремучей массѣ, въ которой идетъ свое внутреннее броженіе.

„Вотъ онъ — народъ!“ думала она, продолжая прислушиваться къ разговору мужа съ уѣздными „чиновниками“, какъ она опредѣлила ихъ по-своему.

Она почти все время молчала. Ей было бы совѣстно задавать „дѣтскіе“ вопросы или прерывать разговоръ чѣмъ-нибудь своимъ, дать почувствовать, что она — урожденная княжна Брянская, изящѣйшая женщина, требующая отъ cadaго мужчины, чтобы онъ занимался ею.

Ничего подобнаго она еще никогда не испытывала; минутами даже забывала, что она у себя въ усадьбѣ, что графъ Таманцевъ — ея мужъ.

XXXI.

Гости только-что уѣхали. Отъ духоты дыма папирось, ѣды и разговоръ Кэтъ совсѣмъ разомгѣла и пошла—въ первый разъ днемъ—прилечь въ спальню. Въ головѣ у нея ныло. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась тяжесть и желаніе освѣжиться. Но какъ? Купаться негдѣ. Есть только прудъ, куда входятъ лошади, коровы и овцы и гдѣ бабы мочать ленъ. Она еще никогда не испытывала такого томительнаго зноя.

Толки о холерѣ и темнотѣ простого народа всколыхнули въ ней невѣдомое еще ей чувство страха передъ этой „дремучей стихійной силой“—какъ выразился нѣсколько разъ въ разговорѣ кандидатъ въ предводители. Онъ показался ей умнѣе и проще земскаго начальника Сурепина.

И въ нее закрадывалось такое чувство: отъ этой дремучей стихіи уже не уйти ей, какъ жонѣ человѣка, которому хочется жить здѣсь, а не въ Петербургѣ, не въ Парижѣ или Ниццѣ. Въ немъ нѣтъ ни тщеславія карьериста, ни суетности свѣтскаго барина. Въ этомъ онъ не рискуетъ: будь это иначе, она бы давно уже подмѣтила и сказала бы ему, въ чемъ его рисовка. Вѣдь онъ самъ—по дорогѣ, когда они попали въ университетскій садъ губернскаго города—просилъ объ этомъ.

Кэтъ лежала на кровати въ пеньюарѣ, и даже онъ ее тагитъ. Полегоныку она забылась.

И вдругъ ее разбудилъ очень громкій разговоръ въ гостиной или залѣ; разомъ слышались и мужскіе голоса, и два женскихъ.

Это ее встревожило. Не заболѣлъ ли внезапно André? Можетъ быть, это дворовыя женщины растерялись и голосятъ.

Она вскочила и быстро прошла по кабинету и гостиной, не успѣвъ даже оправить кружевной борозъ пеньюара.

И въ дверяхъ залы она остановилась удивленная.

Мужъ ея у окна сидѣлъ съ возбужденнымъ лицомъ. По срединѣ комнаты, разставя широко ноги, стоялъ коренастый мужчина въ помятой парусинной парѣ. Это былъ докторъ Домашневъ. Двѣ молодыхъ женщины—одна съ короткими волосами,—одѣтыя какъ горничныя,—расхаживали около него, на перебой вставляя свои возгласы въ рассказъ доктора. Въ углу, на ступѣ, въ полъ-оборота, курилъ молодой человѣкъ, совсѣмъ блѣдный,

худой и загорблѣй. Онъ сильно дымилъ своей папиросой. И онъ былъ одѣтъ какъ рабочий—въ большихъ пыльных сапогахъ, ситцевой рубашкѣ и обдерганномъ пальтецѣ въ накидеу.

Они всѣ такъ были поглощены своимъ разговоромъ, что никто не замѣтилъ ее.

— Неужели,—спросилъ ее мужъ, замѣтно волнуясь:—они васъ продержали такъ всю ночь въ изобѣ и все время грозили и надѣвались надъ вами?

— Вотъ у Анны Сергѣевны,—докторъ указалъ на одну изъ женщинъ:—сдѣлался припадокъ—не выдержала.

— Зато коньякъ изъ фляжки весь выпили!—сказалъ блондинъ молодой человекъ.

— Господи! Что это за звѣрье!—возмущенно вскричала женщина постарше, въ ситцевой кофтѣ и съ длинными волосами, беспорядочно разметавшимися по плечамъ.

Кэтъ быстро сообразила, что это за народъ. Доктора она узнала по портрету въ кабинетѣ мужа. Блондинъ молодой человекъ—навѣрно, студентъ медицины. Женщины—фельдшерицы или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Она, стоя еще въ дверяхъ, хотѣла сдѣлать знакъ мужу, но онъ не замѣчалъ ее.

— André! De grâce!—окликнула она довольно громко.

Первый услышалъ докторъ и сейчасъ же обернулся къ ней. Она, немного смущенная, подалась назадъ.

Тутъ только мужъ, увидавъ ее, быстро поднялся со стула и подбѣжалъ къ ней.

— Кэтъ! Какія ужасныя вещи!

И, не обращая вниманія на то, что она въ пеньюарѣ, онъ потянулъ ее за собою, сейчасъ же представилъ ей все общество, усадилъ рядомъ съ собою. Она не ошиблась. Одна изъ женщинъ была врачъ, другая—фельдшерица. Блондинъ въ ситцевой рубашкѣ—студентъ изъ Казани.

Они бѣжали отъ обезумѣвшей толпы крестьянъ; ихъ чуть не утопили, и, только переодѣвшись, они могли добраться до переезда черезъ рѣку. Въ слободѣ, куда Домашневъ поѣхалъ сначала, толпа равнесла всѣ бараки и не давала холерныхъ въ руки больничной прислуги. Студентъ и фельдшерица ночью попали въ заволжское село, гдѣ ихъ держали подъ арестомъ, обыскивали, грозили, ругали, чуть не били. Только подоспѣвшій урядникъ еле-еле выручилъ ихъ.

Кэтъ, молча, нѣсколько разъ взглядывала на мужа. Онъ нервно

пожималъ плечами, то вставалъ, то садился и, наконецъ, не выдержалъ.

— Это Богъ знаетъ что такое!—повторялъ онъ, и щеки его были красны отъ волненія.

Студентъ началъ, въ свою очередь, рассказывать про ихъ плѣнъ въ земской избѣ, и у него вырывались негодующіе звуки.

— Ты понимаешь, — обратился Таманцевъ къ Кэтъ:—изъ любви къ этому самому народу рисковать жизнью—и вдругъ такая благодарность!

— Эхъ, ваше сіятельство!—перебилъ его докторъ и, повернувшись лицомъ къ Кэтъ, продолжалъ въ полшутливомъ тонѣ, которымъ онъ прикрывалъ и свое горькое чувство:—Развѣ можно требовать отъ обезумѣвшей толпы джентльменскихъ поступковъ? Вы, графиня, попадаете въ самое пекло. Ужъ извините! Можетъ быть, вамъ и не выдержать такихъ пріятныхъ сюрпризовъ...

Кэтъ взглянула на него очень серьезно и, какъ бы про себя, выговорила:

— Надо быть на все готовыми.

И, подойдя къ мужу, она вполголоса сказала ему по-французски:

— Они должны быть голодны. Я распоряжусь.

Въ эту минуту у нея не было страха ни за себя, ни за мужа. Бѣжать отсюда—постыдно. Да André и не согласится. Но въ немъ самомъ происходитъ тяжелая внутренняя борьба. Всего сильнѣе долженъ былъ подѣйствовать на него тонъ студента.

Они всѣ тамъ—одного толка, всѣ любятъ народъ и во имя его готовы идти на всякую жертву.

И такой „сюрпризъ“!—повторила она слово доктора.

Въ точно такомъ же положеніи могутъ очутиться и они съ мужемъ, если народъ заподозритъ ихъ, какъ заподозрилъ студента и фельдшерицу.

„Надо ихъ накормить“, остановила Кэтъ свои жуткія мысли и сама пошла звать Лаврентія. И ей сдѣлалось пріятно отъ сознанія, что она не труситъ и готова сдѣлать то, что будетъ дѣлать ея мужъ.

XXXII.

На террасѣ все было приготовлено въ утреннему чаю.

Таманцевъ вышелъ первый и присѣлъ на каменную балюстраду, между двумя колоннами.

Было жарко даже въ тѣни террасы. По воздуху тянулись нити, и мошки рѣяли около кустовъ бузины и жимолости.

Онъ плохо спалъ и глаза смотрѣли утомленно. Свѣтлое пальтецо надѣлъ онъ на полковую рубашку и остался въ туфляхъ.

Ночь прошла тревожно. У Кэтъ были два раза припадки сердцебиенія, и только на разсвѣтѣ она забылась.

Послать за докторомъ хотѣлъ онъ чѣмъ свѣтъ; но куда? Домашневъ уѣхалъ отъ него третьяго дня, вмѣстѣ съ женщиной-врачомъ, фельдшерницей и студентомъ. За нимъ прискакалъ урядникъ, ѣхать надо было за сорокъ верстъ, гдѣ холера начала „восить“.

И всѣ они—даже озлобленный на „мужиць“ студентъ—сейчасъ же встрепенулись и поѣхали, рискуя тѣмъ же, что они испытали за Волгой.

Кэтъ, оставшись съ нимъ наединѣ, повторала все:

— C'est inouï! C'est repugnant!

Это слово „repugnant“ пришло ему сейчасъ. Поразительная незлобивость русскихъ „интеллигентовъ“! Другіе бы обвалились и врыгнули:

„Убирайтесь вы! Не стоятъ эти звѣри! Пускай околѣваютъ, какъ зачумленные скоты!“

А они сейчасъ же поѣхали.

Въ себѣ онъ не сознавалъ того же самаго. Нѣтъ! Слишкомъ велико противорѣчіе между тѣмъ, что сознаешь въ себѣ—и что видишь въ народѣ. Никогда не забудеть онъ звуковъ голоса и выраженія лица студента, возмущеннаго дикимъ звѣрствомъ, цинической бранью „мужиць“, осаждавшего его и его спутницу въ земской избѣ. Теперь онъ опять поскакалъ на такую же борьбу съ дремучей массой, но третьяго дня онъ весь еще дрожалъ отъ негодованія и обиды.

И такъ во всемъ. Судьба тѣхъ, кто, какъ онъ, вѣрить въ народъ, хоронитъ себя въ деревенскомъ захолустьѣ „для идеи“—постоянно упираться—точно въ стѣну—въ невѣжество и звѣрство темной массы.

Развѣ это не жалкій самообманъ? И добро бы еще онъ одного себя обрекалъ на такую жизненную долю; а она, Кэтъ, чѣмъ же она-то виновата? Безчестно и жестоко держать ее здѣсь, когда не нынче-завтра на деревнѣ можетъ разразиться эпидемія. Нарядчикъ вчера опять доложилъ ему, что на выселкахъ, въ двухъ верстахъ отъ погоста, двѣ женщины „маются животомъ“.

Но не можетъ же онъ убѣжать теперь! На селѣ у него заведена давно амбулаторія. Надо ѣхать за фельдшеромъ, просить предсѣдателя управы организовать помощь. Дѣло не ждетъ. По-

надобятся сейчасъ же бараки. Придется, можетъ быть, поѣхать въ губернской городъ.

А какъ же онъ оставитъ Кэтъ одну, хворую, ничего не знающую въ деревенской жизни? Это немислимо.

Вошелъ Лаврентій.

— Баринъ доложилъ?—сказалъ Таманцевъ.

И ему какъ бы страшно было спросить: „все ли благополучно на селѣ?“

— Доложилъ, — отвѣтилъ Лаврентій и поставилъ на столъ корзинку съ сдобными булками, только-что испеченными поваромъ.

Въ дверяхъ гостиной показалась Кэтъ.

Таманцевъ быстро соскочилъ на плиты террасы и подбѣжалъ къ ней.

Лаврентій удалился вправо, по ступенькамъ. Онъ зналъ, что баринъ не любитъ, чтобы „торчали“.

— Какъ ты?

Онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ столу.

— Хочешь, я самъ заварю?

— Пожалуйста... такая глупая голова...

Лицо ея немного порозовѣло отъ теплоты воздуха. Подъ прозрачной кожей точно трепетали жилки. Длинные рѣсницы бросали тѣнь на похудѣлыя щеки. Полуобнаженные руки бѣгли изъ-подъ буффъ легкаго свѣтлаго пеньюра.

Губы его прикоснулись къ одной изъ этихъ милыхъ ружъ.

— Кэтъ! Тебѣ здѣсь тяжело... Прости! Такое безвременье...

— Нѣтъ, ничего!—выговорила она, выпрямляя станъ.

— Нездоровится тебѣ?

— Это пустяки.

— Можетъ быть?..

Онъ не досказалъ, и краска пробралась на его загорѣлыя щеки.

Стыдливое чувство не позволило ему спросить ее: не есть ли ея слабость, безсонница и сердцебиеніе—признаки другой, здоровой болѣзни?

— Не уѣхать ли?—тише спросилъ онъ, принимаясь заваривать чай.—Ты видишь, какое время... А у насъ и доктора нѣтъ своего.

— Я не боюсь, — твердо и ласково выговорила Кэтъ.—Je te jure!—вскричала она нервнѣе. — Je te jure, André!—повторила она.

Она не боится. Можетъ быть. Но онъ не можетъ не бояться за нее. Онъ обязанъ бояться.

— Это лучшее средство противъ холеры,—веселѣе заговорила Кэтъ:—не думать о ней.

— Ты видишь,—возразилъ Таманцевъ:—какое здѣсь теперь броженіе. Вѣдь у насъ въ селѣ больше тысячи душъ. Могутъ произойти такія же дикія сцены.

— Ты—не докторъ, я—не фельдшерца.

— Народъ можетъ и меня заподозрить, если я стану принимать какія-нибудь мѣры.

Кэтъ помолчала.

— Я понимаю, André,—начала она медленно:—тебѣ очень—она искала русское слово—очень горько... не правда ли?—И быстрее она проговорила:—*On se sacrifie et on se heurte contre la barbarie du peuple.* Но что же дѣлать? И всегда это бываетъ. И за границей! Въ образованныхъ странахъ. *C'est inévitable!*

Она смолкла и подняла свои трепетныя рѣсницы.

— Обо мнѣ не думай! Гдѣ ты, тамъ и я.—И тономъ, въ которомъ слышалась и прежняя петербургская Кэтъ, она прибавила:—*C'est pas drôle, mais c'est la vie!*

Своими тонкими, прозрачными пальцами приняла она изъ его рукъ чашку чаю.

— Совсѣмъ не хочется,—недовольно вымолвила она.—Такъ душею!

Таманцевъ взглянулъ вправо и увидалъ Лаврентія, поднимавагося по ступенькамъ террасы, со стороны параднаго крыльца.

— Что тебѣ?—тревожно спросилъ Таманцевъ.

— Староста прибѣжалъ съ села,—вполголоса доложилъ онъ, остановившись у колонны.

— Неблагополучно?

— Неблагополучно-съ. Прикажете ему подождать?

— Я сейчасъ выйду.

Лаврентій исчезъ.

— Какъ же мы можемъ не дѣйствовать?—спросила Кэтъ и поднялась.—Если ты пойдешь, и я...

— Нѣтъ, ради Бога, Кэтъ!—вскрикнулъ онъ и обнялъ ее.

— *Je ne suis pas lâche,*—строго выговорила она.

Ихъ обоимъ пронизало одно чувство: надо быть на своемъ посту, ничего не бояться, впередъ идти на то, что ихъ, какъ тѣхъ бѣглецовъ изъ-за Волги, потащатъ топить.

Безъ словъ онъ взялъ ее за голову и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ...

II. БОВОРЫКИНЪ.

ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ЦЕЗАРИЗМЪ

-80

Ф Р А Н Ц І И

I.

Какъ защитники принциповъ французской революціи, такъ и ихъ противники, долгое время представляли себѣ революцію единымъ общимъ процессомъ, который послѣдовательно развивался и разрастался въ теченіе пяти лѣтъ со дня открытія генеральныхъ штатовъ до паденія Робеспьера. Съ этой точки зрѣнія якобинцы являлись лишь самыми послѣдовательными и энергичными представителями принциповъ, восторжествовавшихъ въ 1789 году. Токвиль впервые раздвоилъ этотъ процессъ, разбивъ революцію на два весьма различныхъ періода: первый, „въ который французы какъ будто желали уничтожить все, что было создано прошлымъ“, и второй періодъ, когда они начали „возстановлять часть того, что было дѣломъ прошлаго“. Сообразно съ взглядомъ Токвиля, именно якобинцы завязали связь съ прошлымъ, возстановивъ то, что было всего характернѣе въ *старомъ порядкѣ*—правительственную власть и централизацію.

Этимъ вполне вѣрнымъ замѣчаніемъ Токвиль впрочемъ лишь намѣтилъ историческую роль якобинцевъ. Почему же послѣдніе держались другой правительственной программы, чѣмъ предшествовавшіе имъ революціонеры? Почему якобинскій періодъ революціи столь рѣзко отличается отъ его начала? Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ известной книгѣ Тэна.

Никто не характеризовалъ такъ отчетливо торжество якобинцевъ, въ видѣ наступленія особаго періода въ исторіи революціи,

какъ это сдѣлалъ Тэнъ. Въ его изображеніи ихъ успѣхъ обусловливается натискомъ второго „шевала“ революціоннаго потока, менѣе широкаго, чѣмъ первый, такъ какъ онъ „несетъ“ не всю націю, а лишь престонародную массу, но зато онъ гораздо болѣе разрушительнъ (II, 145). Уже въ первомъ томѣ своей исторіи революціи Тэнъ вполне выяснилъ, какое значеніе имѣлъ въ событіяхъ 1789 г. социальный вопросъ, т.-е. освобожденіе сельскаго населенія отъ феодальныхъ поборовъ и захватъ поземельной собственности въ такихъ размѣрахъ, что можно говорить о переходѣ землевладѣнія отъ однихъ классовъ населенія къ другимъ. Тотъ же самый процессъ, но въ еще болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ видитъ Тэнъ въ основаніи второго *приступа* революціи, сопровождавшаго торжество якобинцевъ и его обусловливавшаго. Въ своемъ сочиненіи Тэнъ подробно вычислилъ всѣ барыши, которые извлекла изъ переворота 1789 года народная масса во Франціи, вслѣдствіе внезапнаго прекращенія всѣхъ повинностей по отношенію къ государству, къ сеньорамъ и къ церкви. При перечисленіи этихъ выгодъ, нужно, кромѣ того, еще принять въ расчетъ тѣ громадныя послѣдствія переворота, которыя нельзя перевести на деньги: освобожденіе народа отъ нравственнаго гнета, отъ безсильной злобы и постояннаго раздраженія, которыя были слѣдствіемъ старой фискальной и феодальной системы съ ея соляными приставами и безчисленными досмотрщиками, разорительнымъ произволомъ сборщиковъ податей, нахальствомъ сеньориальныхъ лѣсничихъ и судебныхъ приставовъ, опустошеніемъ полей барскою охотою и мелочной тиранніей деревенской полиціи. Наконецъ, въ этотъ расчетъ долженъ войти громадный барышъ, который приобрѣли покупщики церковныхъ земель, барышъ, который все болѣе возрасталъ съ паденіемъ курса ассигнацій. И всѣ эти денежныя и нравственныя выгоды, казалось, должны были исчезнуть, когда лѣтомъ 1792 года французскую границу переступила армія побѣдителей при Россбахъ, а по ея пятамъ вошелъ во Францію вооруженный отрядъ эмигрантовъ, жаждавшихъ восстановленія стараго порядка.

Къ чувству страха утратить то, что было приобретено, и снова подвергнуться прежнему гнету, присоединились чувства, которыя очень хорошо изображены Тэномъ (II, 145), — чувства, „сила которыхъ превосходитъ всякое вычисленіе, гордость плебея, подданнаго, бѣдняка, который, неожиданно поднятый изъ вѣковаго приниженія, испыталъ выше всякаго ожиданія и всякой мѣры наслажденія равенства, независимости и господства“... „Пятнадцать милліоновъ бѣлыхъ негровъ“, по выраженію Тэна, заимствован-

ному у Малле-Дюпана, хуже питавшихся, болѣе несчастныхъ, чѣмъ негры Санъ-Доминго, подобно имъ взбунтовавшихся и освободившихся посредствомъ мятежа отъ всякаго авторитета, подобно имъ привыкшихъ въ теченіе 30 мѣсяцевъ полного своеволія царствовать надъ тѣмъ, что осталось отъ ихъ прежнихъ господъ, подобно имъ гордившихся возвышеніемъ своей касты и хваставшихся своими моголистымъ руками! Пусть кто-нибудь вообразитъ себѣ приступъ ихъ ярости при звукѣ военной трубы, которая ихъ пробуждаетъ и указываетъ имъ на горизонтѣ плантаторовъ, возвращающихся съ новыми бичами и болѣе тяжелыми кандалами. Ничто не располагаетъ къ большей подозрительности, чѣмъ такіе чувства и у такихъ людей; ничто не вызываетъ такой внезапной тревоги, такой охоты пустить въ ходъ кулакъ, такой готовности на всякія буйства физической силы, такой слѣпой легковѣрности, такой способности немедленно и свирѣпо наброситься не только на своихъ настоящихъ, открытыхъ враговъ, но кромѣ того и прежде всего на воображаемыхъ внутреннихъ враговъ, короля, министровъ, дворянъ, членовъ бывшихъ парламентовъ, правовѣрныхъ католиковъ, на чиновниковъ и судей, неблагообразно ссылающихся на законъ, на фабрикантовъ, купцовъ и собственниковъ, осуждающихъ беспорядокъ, на богачей, по эгоизму остающихся у себя дома, на всѣхъ людей съ достаткомъ, съ хорошими манерами и изящно одѣтыхъ; всѣ они подозрительны, потому что много потеряли при установленіи новаго порядка, или потому, что не усвоили себѣ принесенныхъ имъ вѣнскихъ формъ.

Входя въ мысль Тэна, можно сказать, что созданное войной 1792 года настроеніе народныхъ массъ во Франціи представляло собой почву и условіе для второй или *якобинской* революціи. Оно объясняетъ возможность успѣха якобинцевъ. Однако масса, воспламенившаяся при мысли объ иноземномъ вторженіи и подовѣрѣвавшемъ своего короля и своихъ администраторовъ въ тайномъ соглашеніи съ врагомъ и съ эмигрантами, принадлежала лишь пассивная роль. Настоящее ополченіе якобинцевъ, которое они повели на приступъ противъ установленныхъ революціей 1789 г. властей, сформировалось изъ другихъ элементовъ. Несомнѣнная заслуга Тэна заключается въ томъ, что онъ вывелъ на свѣтъ, на основаніи собранныхъ имъ фактовъ, силу и значеніе грабительскихъ инстинктовъ и элементовъ въ той арміи *сласенія*, съ помощью которой якобинцы совершили *завоеваніе* Франціи. Тэнъ указалъ, какъ въ нѣкоторыхъ департаментахъ, напр. въ Варѣ, грабежи и насилія появились еще раньше, чѣмъ произошелъ въ Парижѣ якобинскій переворотъ — уже весной

1792 года (II, 318). По обычаю, дѣло начиналось съ замковъ и монастырей, хотя бы они стали—вслѣдствіе конфискаціи—національною собственностью; причиною грабежа выставлялось, что администрація слишкомъ оттягиваетъ исполненіе декретовъ противъ эмигрантовъ, то, „что замокъ, стоя на возвышенности, слишкомъ давить жителей“. Нѣтъ ни одной французской деревни, поясняетъ Тэнъ, въ которой бы не было полсотни негодяевъ, всегда готовыхъ погрѣть себѣ руки, подобныхъ тѣмъ, которые похищаютъ изъ замка Монтеро или изъ сосѣднихъ замковъ все до чиста—мебель, припасы, одежду и посуду въ погребѣ. Въ другихъ мѣстахъ населеніе деревень собирается, толпой идетъ на сосѣдніе замки и принуждаетъ владѣльцевъ дать письменное обязательство возвратитъ не только полученные ими феодальные оброки, но и возмѣститъ убытки, которые могли быть причинены уплатою этихъ оброчковъ даже при предшественникахъ теперешняго владѣльца; въ обезпеченіе же уплаты толпа забираетъ семью владѣльца, располагается въ замкѣ, требуетъ вознагражденія за потраченное время, опустошаетъ зданія и продаетъ мебель (II, 340). И нѣтъ никакой возможности положить конецъ этому сельскому грабежу; господствующій догматъ о народовластіи ослабляетъ власть въ рукахъ администраторовъ; а кромѣ того всякій, кто вздумалъ бы помѣшать безпорядкамъ, выставляется на позоръ, какъ врагъ конституціи и свободы, — ему ставятъ въ упрекъ, что подобные ему люди всегда только говорятъ о законѣ, какъ будто не зная, что воля народа—законъ, а народъ—это мы“. Возникаетъ новый терминъ для обозначенія враговъ народа — *аристократы*. Первая революція совершилась во имя третьяго штата, т. е. народнаго большинства противъ привилегированныхъ. Вторая—якобинская революція—направлена противъ *аристократовъ*. Но кто же *аристократы*? Кого клеймятъ этимъ опаснымъ въ то время названіемъ?

Въ городахъ это—крупные торговцы, богатые собственники; въ деревняхъ—всѣ, не принадлежащіе къ классу земледѣльцевъ; повсюду это слово обозначаетъ всѣхъ мирныхъ гражданъ, приверженцевъ порядка, которые желали бы, наконецъ, воспользоваться плодами новаго порядка. Страсть къ доносамъ доходила до того, что въ одномъ изъ клубовъ былъ объявленъ аристократомъ простой крестьянинъ, сказавшій грабителямъ сосѣдняго замка, что имъ не удастся безнаказанно насладиться плодами своего преступленія. На основаніи такихъ собранныхъ имъ данныхъ Тэнъ дѣлаетъ выводъ, что вторая революція заключалась въ раздѣленіи французскаго народа на два класса, въ ограбленіи одного

нѣзъ нихъ и деспотизмъ другого, въ сокрушеніи людей достаточныхъ, порядочныхъ и честныхъ подѣ диктатурой тѣхъ, у которыхъ не было этихъ качествъ“ (II, 319).

Якобинская революція является такимъ образомъ въ глазахъ Тѣна въ сущности узурпаціей власти со стороны имущественнаго и нравственнаго пролетаріата и его диктатурой надѣ французской націей. При этой точкѣ зрѣнія долженъ былъ измѣниться у Тѣна и взглядъ на самихъ якобинцевъ. До Тѣна подѣ якобинцами почти исключительно разумѣли членовъ извѣстнаго парижскаго клуба, названіе котораго затѣмъ перешло къ цѣлой партіи, въ нему примыкавшей. Исторія якобинцевъ сливалась съ судьбою якобинскаго клуба и даже съ судьбою его главныхъ руководителей. Если историки и упоминали о дѣятельности монтаньяровъ или другихъ террористовъ, не состоявшихъ членами якобинскаго клуба, то это не измѣняло господствующаго взгляда на дѣло, такъ что вообще на роль якобинцевъ въ провинціи обращалось мало вниманія. Владычество якобинцевъ представлялось дѣломъ клуба въ улицѣ Сентъ-Онорѣ, который распространилъ свою дѣятельность на всю остальную Францію и счумѣлъ подчинить своему руководству всѣ мѣстные клубы. У Тѣна раскрывается другая сторона дѣла. Благодаря ему, мы убѣждаемся, что сила якобинства обуславливалась не однимъ только воспланеннымъ краснорѣчіемъ и холодной догматикой ораторовъ центрального клуба, но что она коренилась глубоко въ провинціи; якобинское ополченіе собиралось самостоятельно по городамъ и весямъ Франціи отдѣльными шайками, которыя постепенно смыкали свои ряды; сформировавшись, это ополченіе ищетъ себѣ руководителей и находитъ ихъ въ „генеральномъ штабѣ“ якобинства, который успѣлъ образоваться въ клубѣ на улицѣ Сентъ-Онорѣ (II, 55).

Отъ такой постановки вопроса у Тѣна якобинскій клубъ не теряетъ своего значенія; сравненіе его съ генеральнымъ штабомъ, которому во всякой арміи принадлежить руководящая роль, доказываетъ, что Тѣнъ вовсе не склоненъ умалить историческую роль якобинскаго клуба; но, благодаря новому приему Тѣна, въ первый разъ выдвигается на полный свѣтъ исторіи масса провинціального и мѣстнаго якобинства, безъ котораго парижскіе якобинцы достигли бы, можетъ быть, не большаго успѣха, чѣмъ коммуна 1871 года. Но пока якобинцы Парижа вели атаку на центральную позицію, чтобы свергнуть конституціонную монархію, провинціальные клубы совершили завоеваніе Франціи. Подѣ предлогомъ необходимости покварать родственниковъ эми-

грантовъ и пособниковъ отказавшагося присягнуть духовенства, мѣстные якобинцы разнуздали бунтъ отъ Дордонны до Авейрона, отъ Кантала до границы Испаніи и Италиі, и составили себѣ армию изъ воровъ и нищихъ, которая жгла, грабила, убивала, вымогала и на полномъ просторѣ производила эту работу надъ беззащитнымъ стадомъ собственниковъ всѣхъ классовъ и всѣхъ степеней (II, 182). И гдѣ же имъ было найти защиту, когда въ 40 департаментахъ еще вовсе не были установлены новые уголовные суды, а въ остальныхъ 43 департаментахъ эти суды напуганы и бездѣйствуютъ по недостатку средствъ и агентовъ для исполненія своихъ приговоровъ.

По тщательному изученію этого болѣзненнаго процесса, раздѣлавшаго Францію, и въ виду тысячи добросовѣстно установленныхъ мѣстныхъ фактовъ, Тэнъ даетъ слѣдующее свое заключеніе о происхожденіи и основаніи якобинскаго владычества: „это конфедерация 1200 олигархій, которыя направляютъ свои шайки пролетаріевъ по указанію, присланному изъ Парижа; это настоящее государство, организованное, дѣятельное, снабженное своимъ центральнымъ правительствомъ, своей вооруженной силой, своей официальной газетой, своей правильной, официальной перепиской, своей открыто объявленной политикой, своими представителями и мѣстными агентами; эти послѣдніе фактически всѣмъ заправляли божь-о-божь съ парализованной ими администраціей или даже черезъ ея посредство. Когда дерево утратило все, чѣмъ оно держалось въ почвѣ (*déchaussé*), тогда легко его свалить, и теперь, послѣ того какъ якобинцы обрубили кругомъ его всѣ корни, достаточно одного толчка въ центрѣ, чтобы свалить самый стволъ“ (II, 185).

Въ виду этого можно сказать, что у прежнихъ историковъ, которые, при изображеніи якобинскаго періода, почти не выходили изъ Парижа, якобинство освѣщалось лишь сверху; сильный свѣтъ падалъ только на вершины *горы*, на вождей, и преимущественно на тѣхъ, которые обладали или извѣстными талантами, какъ Варреръ, или выдавались качествами характера, какъ Робеспьеръ. Вниманіе читателя останавливалось на этихъ личностяхъ, и онъ невольно принималъ ихъ за представителей всего якобинства. У Тэна якобинцы освѣщаются снизу; поэтому самый яркій свѣтъ падаетъ у него на массу партіи, на *зауряднаго* якобинца, и личный составъ этой партіи вслѣдствіе этого является впервые въ своемъ настоящемъ видѣ. Мало того, Тэнъ выясняетъ, насколько общій характеръ якобинства, направленіе его дѣятельности и его вліяніе на Францію зависѣли болѣе отъ свойствъ зауряднаго яко-

бинства, чѣмъ отъ признанныхъ всѣми вождей, стоявшихъ выше массы по своему развитію и по своимъ нравственнымъ свойствамъ. Во времена (II, 264) авархіи,—говоритъ Тэнъ, и исторія сто-кратъ подтверждаетъ вѣрность этого замѣчанія, — преобладаетъ воля, идущая не сверху, а снизу, и вожди, чтобы остаться вождями, принуждены слѣдовать за слѣпымъ порывомъ своего полчища. Вотъ почему въ данномъ случаѣ самымъ главнымъ и важнымъ лицомъ, чья мысль вездѣ беретъ верхъ, настоящимъ преемникомъ Ришельё и Людовика XIV, становится рядовой якобинецъ (subalterne), клубный засѣдатель, сочинитель постановленій кофеенъ и площадей, уличный бунтовщикъ, въ родѣ Паниса, Сержана, Эбера, Варле, Ганріо, Маяра, Фурнье, Лавовскаго или, чтобы спуститься еще ниже, первый попавшійся изъ ихъ шайки, марсельскій сорви-голова (tаре dug), канониръ парижскихъ предмѣстій или носильщикъ съ рынка—пьяница (entre deux hoquets), измышляющій свои политическія соображенія (II, 264) послѣ похмеля. Всѣ его свѣденія почерпаются изъ уличныхъ сплетенъ, убѣждающихъ его, что въ каждомъ домѣ скрывается измѣнникъ, и всѣ его политическія комбинаціи сводятся въ клубнымъ фразамъ, призывающимъ его взять на себя руководство великимъ государственнымъ механизмомъ. Этотъ механизмъ такъ обширенъ и сложенъ, онъ представляетъ такое сочетаніе различныхъ вѣдомствъ, развѣтвляющихся на безчисленныя должности и переплетающихся между собою, онъ заключаетъ въ себѣ столько тонкихъ специальныхъ аппаратовъ, которые необходимо примѣнять въ измѣнчивымъ обстоятельствамъ,—дипломатію, финансы, правосудіе, армію, администрацію, и все это выходитъ далеко за предѣлы узкаго лба зауряднаго якобинца, „такъ какъ нельзя вынуть ведра изъ бутылки“. Въ его необъемистомъ мозгу, подавленномъ и взбудораженномъ нагроможденіемъ несоразмѣрныхъ съ его пониманіемъ идей, всплываетъ только одно представленіе, простое и сообразное съ грубостью его способностей и истиннотой—желаніе *убить* своихъ враговъ, которые въ то же время враги государства, какіе бы они ни были, явные или тайные, настоящіе или будущіе, вѣроятные или даже только возможные. Свою дикость и свою панику онъ вноситъ въ политику, и вотъ почему его узурпація такъ зловредна. Еслибы онъ былъ простымъ разбойникомъ, онъ убивалъ бы только съ цѣлью ограбленія, что ограничило бы число его убійствъ. Какъ представитель государства, онъ предпринимаетъ убійство на широкую руку, и онъ располагаетъ на то нужными средствами.

Какъ видно изъ всего этого, обычное представленіе о я

бинцахъ существенно измѣняется подѣ перомъ Тэна: оно переносится изъ области политическихъ теорій на реальную почву; ораторская историографія разумѣла подѣ якобинцами какую-нибудь сотню образованныхъ и честныхъ патриотовъ, каждый вечеръ чинно расѣдывшихъ въ своемъ клубѣ, чтобы слушать тщательно отдѣланныя рѣчи Робеспьера о гражданской добродѣтели, — а въ книгѣ Тэна классическая живопись Давида замѣняется картинами во вкусѣ Брейгеля и Тенье. Но Тэнъ не останавливается на этомъ пути. Къ живописцу, подбирающему свои типы въ кабачкахъ и на рынкѣ, присоединяется судебный слѣдователь. Съ протоколами въ рукахъ, Тэнъ устанавливаетъ, какую громадную долю составлялъ въ якобинской партіи *осторожный* элементъ. Цѣлый рядъ страницъ ¹⁾ занимаетъ у него этотъ *новальный обыскъ* съ удостовѣреніемъ личности, занятій, прежней судимости и пр., на основаніи свидѣтельскихъ показаній и полицейскихъ справокъ. Мы не станемъ приводить здѣсь этого матеріала, но въ него необходимо внимательно вникнуть всякому, кто хочетъ судить о томъ, насколько правильно у Тэна слѣдующая характеристика той главной массы якобинской партіи, изъ которой вожди брали своихъ пособниковъ и исполнителей. Это были „люди, выбившіеся изъ жизненной колеи, сумасброды и негодяи всякаго рода и всякаго слоя, особенно самаго низшаго, завистливые и злобные подчиненные, мелкіе лавочники, запутавшіеся въ долгахъ, пьянствующие и слоняющіеся рабочіе, засѣдатели кофеенъ и кабаковъ, уличные и деревенскіе бродяги, мужчины, подбираемые полиціей, и разгульныя женщины, однимъ словомъ, всѣ антисоціальныя паразиты (*vermine*); среди этой сволочи (*gamassis*) — нѣсколько убѣжденныхъ фанатиковъ (*énergumènes*), въ поврежденный (*félé*) мозгъ которыхъ нашла себѣ легкій доступъ модная теорія; всѣ остальные и въ гораздо большемъ числѣ — настоящіе хищники, эксплуатирующіе установившійся порядокъ и усвоившіе себѣ революціонную догму только потому, что она обѣщаетъ удовлетворить всѣ ихъ похоти. Въ этихъ-то подонкахъ невѣжества и порока якобинское правительство набираетъ личный составъ своего штаба и своихъ кадровъ. Да и невозможно было бы найти нужныхъ ему людей въ другихъ классахъ общества. Ибо ежедневная работа, которая на нихъ возлагается, и которую они обязаны исполнять собственноручно, это — грабежъ и убійство; за исключеніемъ чистыхъ фанатиковъ, которые рѣдкі, только люди безпутные и съ звѣрской натурой находятъ въ себѣ спо-

¹⁾ II, 400—408 и 470.

собность и охоту къ такому ремеслу⁴. Еще другая крупная черта подмѣчена Тэнномъ въ исторіи якобинства, это—его постепенное ухудшеніе. Въ началѣ эта партія была гораздо разнообразнѣе по своему составу; къ ней примыкало множество лицъ, которыхъ временно соединяло съ якобинцами или чувство страха, или ослѣбленіе противъ враговъ революціи; такъ, напр., подъ знаменами якобинцевъ около 10-го августа находилось „много порядочныхъ людей изъ мелкихъ торговцевъ, содержателей винныхъ лавокъ, харчевенъ или приказчиковъ и т. п., раздраженныхъ противъ двора“⁵.

Съ теченіемъ времени эти мирные и честные граждане отпадаютъ, зато среди остающихся въ составѣ партіи все болѣе и болѣе всплываютъ самые дурные элементы. Вслѣдствіе давленія и насилій на выборахъ, вслѣдствіе системы доносовъ и особенно вслѣдствіе введеннаго обычая выдавать *паспорты* (*cartes civiques*)¹⁾ въ удостовѣреніе якобинскаго патриотизма, на первый планъ протискиваются самые нахальные и отъявленные негодяи. Якобинство *ухудшается* вслѣдствіе *естественнаго подбора*. Мало того: якобинцы въ своихъ клубахъ сознательно примѣняютъ къ дѣлу приемъ подбора, прибѣгая періодически къ такъ-называемому *очищенію* (*ébrigation*) своего клуба или секціи посредствомъ баллотировки. Желаніе получить мѣсто или должность приводитъ якобинцевъ къ тому, что они постоянно доносятъ другъ на друга. Вслѣдствіе этого, и въ клубѣ Сентъ-Онорѣ, и въ его отдѣленіяхъ по провинціямъ, они постоянно *очищали* себя и все въ томъ же направленіи, пока не очистили свою партію отъ всякой честной или порядочной примѣси, пока не осталось на-лицо лишь незначительное меньшинство, продолжающее ухудшаться при каждомъ отборѣ (*triage*). Такъ, въ одномъ революціонномъ клубѣ изъ 26 членовъ только семеро были оставлены послѣ сдѣланнаго имъ допроса. Одинъ изъ забраванныхъ, продавецъ табаку 68 лѣтъ, всегда исполнявшій свои обязанности по клубу, былъ отвергнутъ за то, что назвалъ предсѣдателя „monsieur“ и говорилъ на трибунѣ съ непокрытой головой; за это онъ былъ объявленъ „умѣреннымъ“, т. е. недостойнымъ оставаться въ клубѣ. Вслѣдствіе такого очищенія, — заключаетъ Тэнъ, — въ клубѣ, который самъ себя изувѣчиваетъ, „остается лишь самое ядро его, состоящее изъ шарлатановъ и мошенниковъ“²⁾.

¹⁾ Желающимъ получить гражданскій билетъ предлагали вопросъ: что они сдѣлали для того, чтобы заслужить повѣшеніе въ случаѣ реакціи?

²⁾ Ради аналогіи укажемъ на то, что одно изъ собраній анархистовъ въ современномъ Парижѣ окончилось общей бранью и свалкой потому, что одинъ изъ ораторовъ по оплошности два раза позволялъ себѣ употребить слово: „господа“.

Ухудшеніе якобинцевъ происходитъ, кромѣ того, вслѣдствіе постоянного давленія со стороны комитета общественнаго спасенія, который разжигаетъ ихъ страсти и сокрушаетъ въ нихъ всякое чувство собственного достоинства. По мѣрѣ того какъ революціонное правительство сосредоточивается въ однихъ рукахъ и дѣлается все деспотичнѣе, его агенты должны становиться все работлибнѣе и кровожаднѣе. Оно разитъ ихъ направо и налѣво для того, чтобы они были на-сторожѣ; оно арестуетъ и казнитъ въ своей собственной партіи самыхъ буйныхъ изъ числа второстепенныхъ демагоговъ, которые рвутся играть первую роль, сибльчаковъ, которые собираются произвести новую уличную революцію, вождей клуба кордильеровъ и коммуны, затѣмъ снисходительныхъ, которые желали внести въ терроризмъ нѣкоторую умѣренность — партію Дантона, наконецъ цѣлый рядъ другихъ, — всѣхъ болѣе или менѣе сомнительныхъ, непокорныхъ, въ чемъ-нибудь попавшихся или могущихъ скомпрометтировать партію, всѣхъ притомившихся терроромъ или слишкомъ эксцентричныхъ — отъ Маара и Шомета до Шабо и Клоца. Каждый изъ этихъ опальныхъ имѣлъ свой кружокъ — и вдругъ весь этотъ кружокъ принужденъ мѣнять свой костюмъ; тѣ, кто были способны къ инициативѣ, уходятъ въ себя; тѣ, кто были способны къ состраданію, черствѣютъ. Вслѣдствіе всего этого, среди второстепенныхъ якобинцевъ, задатки независимости характера, гуманности и честности, которые трудно истребить даже въ душѣ неблагородной и жестокой, вырываются съ самымъ корнемъ, и революціонный персоналъ, уже безъ того очень низкій, падаетъ настолько, что становится достойнымъ дѣла, которое ему поручается. Тѣмъ приводитъ множество примѣровъ тому, какъ поклонники и друзья какого-нибудь изъ болѣе видныхъ якобинцевъ публично отрекались отъ своего друга или вождя, взятаго подъ арестъ, одобряли декретъ, въ силу котораго его отправляли на эшафотъ, аплодировали доносчикамъ, сами выступали свидѣтелями противъ него на судѣ; въ числѣ судей и присяжныхъ въ судѣ надъ Дантономъ были люди близко къ нему стоявшіе, и они также были принуждены лишить его на судѣ права защиты и, зная его невиновность, признать его виновнымъ. Иной изъ этихъ судей двадцать разъ обѣдалъ съ Камиллемъ Демуленомъ — и теперь долженъ былъ не только его самого послать подъ гильотину, но потомъ гильотинировать и его молодую вдову. Служба, которую принуждены нести якобинцы въ революціонныхъ комитетахъ, канцеляріяхъ и судахъ, становится съ каждымъ днемъ все труднѣе и все отвратительнѣе. „Доносить на знакомыхъ, аре-

ствовать товарищей, забирать въ постели порядочныхъ людей, лично извѣстныхъ за таковыхъ; каждый день извлекать изъ тюрьмы 30, 50, 60 несчастныхъ жертвъ, представляющихъ ежедневную пищу гильотинѣ; „амальгамировать“ ихъ, какъ приведетъ случай, т.-е. запутать ихъ въ одно общее уголовное дѣло; провнести надъ ними повальный приговоръ, сопровождать ихъ до самаго эшафота, забравъ въ одну колесницу восьмидесятилѣтнихъ старухъ и шестнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ; смотрѣть, какъ падаютъ головы и подбрасываются вверхъ обезглавленные тѣла; придумывать средства, какъ скорѣе избавиться отъ слишкомъ многочисленныхъ труповъ и скрыть кровь, оставляющую слишкомъ много слѣдовъ!—какого качества должны быть люди, способные принять на себя такую должность и ежедневно исполнять ее съ перспективой исполнять ее безконечно!“

По мѣрѣ того какъ яеобинскій порядокъ вещей ухудшается, правительство принуждено спускаться все ниже и ниже, чтобы найти подходящихъ исполнителей. Напрасно Робеспьеръ, списывая и переписывая свои тайные списки, ищетъ людей, способныхъ поддерживать „систему“; онъ постоянно перебираетъ (gessasse) все тѣ же имена, имена людей неизвѣстныхъ, безграмотныхъ, какую-нибудь сотню негодяевъ или идиотовъ, между которыми пять-шесть деспотовъ или фанатиковъ второй руки, столь же вредныхъ и столь же ограниченныхъ, какъ онъ самъ. „Очищительная реторта работала слишкомъ долго и слишкомъ часто, ее слишкомъ много нагрѣвали, насильственно выпаривая всѣ здоровыя или полуждоровыя элементы первоначальной жидкости; остатокъ пришелъ въ броженіе и перекисъ, на днѣ сосуда остался осадокъ тупости и злобы, сконцентрированный, ѣдкій (sootivif) и мутный экстрактъ подонковъ“. Кто хочетъ ближе познакомиться съ этимъ „составомъ“, пусть прочтетъ послѣдній параграфъ книги о яеобинскомъ завоеваніи. На основаніи собранныхъ имъ данныхъ, Тэнъ показываетъ, „какъ отъ громаднаго вала, поднявшагося въ 1789 году, осталась лишь яма и илз,—все остальное было отброшено или отошло“: сначала всякіе классы, духовенство, дворянство и магистратура, потомъ средній классъ, фабриканты, торговцы, люди средняго состоянія, наконецъ лучшая часть низшаго класса—мелкіе собственники, арендаторы, ремесленники-хозяева, короче—всѣ отборные люди всѣхъ профессій, положеній и состояній, всѣ, кто обладалъ капиталомъ, доходомъ или какимъ-нибудь торгово-промышленнымъ заведеніемъ, всѣ, кто обладалъ репутаціей, уваженіемъ, воспитаніемъ, умственнымъ или нравственнымъ развитіемъ“. Кто же остался? Чтобы

характеризовать людской сбродъ, оставшіяся въ якобинской партіи, Тэнъ пріобрѣтаетъ въ самымъ рѣзкимъ мазкамъ своей кисти, къ такимъ ѣдкимъ и мѣткимъ выраженіямъ реалистическаго французскаго лексикона, что никакой переводъ не въ состояніи вѣрнѣе передать и всякій переводъ ослабитъ ихъ силу и оригинальность: „Pour composer le parti, il n'y a plus guère, en juin 1793, que les ouvriers instables, les vagabonds de la ville et de la campagne, les habitués d'hôpital, les souillons de mauvais lieu, la populace dégradée et dangereuse, les déclassés, les pervers, les dévergondés, les détraqués de toute espèce, et à Paris, d'où ils commandent au reste de la France, leur troupe, une minorité infime, se recrute justement dans ce rebut humain qui infeste les capitales, dans la canaille épileptique et scrofuleuse, qui, héritière d'un sang vicié et avarié encore par sa propre inconduite, importe dans la civilisation les dégénérescences, l'imbécillité, les affolements de son tempérament délabré, de ses instincts rétrogrades et de son cerveau mal construit“...

II.

На фактахъ и соображеніяхъ, приведенныхъ выше, основано у Тэна слѣдующее характерное заявленіе: „Я не думаю, чтобы въ какой-либо странѣ или въ какомъ бы то ни было вѣкѣ существовалъ такой контрастъ между націей и ея правителями“.

Мы возвратимся впоследствии къ этому заявленію Тэна и разсмотримъ, дѣйствительно ли контрастъ между якобинцами и остальными французами былъ такъ безусловно великъ, какъ онъ утверждаетъ. Какъ бы то ни было, указанный Тэномъ контрастъ чрезвычайно выясняетъ другой, капитальный фактъ въ исторіи революціи, а именно коренной переворотъ въ возрѣніяхъ правителей на управляемыхъ, совершившійся во Франціи вмѣстѣ съ захватомъ власти якобинцами. Никто изъ предшествовавшихъ Тэну историковъ не выставилъ такъ ярко этого факта, даже историки, специально задавшіеся цѣлью прослѣдить исторію террора, не сумѣли этого сдѣлать. Начало террора восходитъ ко времени, предшествовавшему господству якобинцевъ: съ самаго начала революціи терроръ сталъ проявляться въ мѣрахъ преслѣдованія противъ тѣхъ, кто не сочувствовалъ всѣмъ нововведеніямъ господствующей партіи. Въ этомъ смыслѣ первыми террористами можно назвать членовъ національнаго собранія, удалившихъ отъ должности всѣхъ духовныхъ лицъ, которые не считали возможнымъ

признать новый церковный уставъ. Еще далѣе пошли по пути террора жирондисты, принявшіе цѣлый рядъ жестокихъ мѣръ противъ эмигрантовъ и духовенства. Но въ глазахъ жирондистовъ это были мѣры исключительныя, направленныя противъ немногихъ гражданъ, враговъ революціи. Въ своихъ же общихъ представленіяхъ о государственной власти жирондисты расходились съ якобинцами. Въ этомъ заключается ихъ переходное значеніе въ исторіи революціи. Съ появленіемъ у власти якобинцевъ дѣло радикально измѣняется, люди у власти совершенно иначе смотрятъ на себя и на свои права относительно управляемыхъ. Вотъ какимъ образомъ изображаетъ Тэнъ происшедшую тогда перемѣну (III, 4).

„До сихъ поръ слабость законнаго правительства была безпредѣльна. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, изъ кого бы оно ни состояло, оно встрѣчало постоянное и повсемѣстное неповиновеніе. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, изъ кого бы оно ни состояло, оно не дерзало прибѣгать къ силѣ, чтобы заставить себя повиноваться. Набираемое изъ образованныхъ и благовоспитанныхъ классовъ, правители, получая власть, приносили съ собою предрасудки и чувствительность вѣка; подъ властью господствовавшаго догмата, они отступали передъ волею толпы и, слишкомъ вѣря въ права человѣка, они слишкомъ мало вѣрили въ права магистрата; къ тому же, по гуманности они питали отвращеніе къ крови и, не желая подавлять другихъ, допускали принужденіе надъ собою. Такимъ образомъ, съ 1-го мая 1789 г. по 2-е іюня 1793 г. они законодательствовали и администривали посреди тысячи бунтовъ, оставшихся почти всѣ безнаказанными, и ихъ конституція—зловещественный плодъ теоріи и страха—только лишь превратила самопроизвольную анархію въ анархію узаконенную. Намѣренно, изъ недовѣрія къ принципу власти, они разслабили правительство, свели короля къ положенію декоративнаго автомата, почти уничтожили центральную власть, сверху до низу по всей іерархической лѣстницѣ: всѣ начальствующія лица утратили свою власть надъ подчиненными, министръ надъ администраціей департаментовъ, департаменты надъ управленіями округовъ, окружныя администраціи—надъ общинами; во всѣхъ вѣдомствахъ начальникъ, избираемый на свою должность подчиненными, подпалъ зависимости отъ нихъ. Съ той поры всѣ посты, гдѣ еще держалась власть, оказались изолированными и были предоставлены нападающимъ безъ защиты, жертвою легкой добычи; а въ довершеніе всего, *декларация правъ*, провозгласивъ, по выраженію Марата, юрисдикцію „довѣрителей надъ ихъ при-

казниками" (*des commettants sur les commis*) призывала всѣхъ желавшихъ занять эти посты—брать ихъ приступомъ. Тогда образовалась партія, которая кончила тѣмъ, что стала шайкой; при ея крикахъ, подъ ея угрозами и пивами, въ Парижѣ и въ провинціяхъ, на выборахъ и въ законодательномъ собраніи, большинство вездѣ молчало, меньшинство голосовало, постановляло и царствовало. Законодательное собраніе было очищено, король свергнутъ съ престола, конвентъ изувѣченъ. Изъ всѣхъ гарнизоновъ центральной цитадели, въ ней чередовавшихся, роялистовъ, конституціоналистовъ, жирондистовъ—ни одинъ не умѣлъ защищаться, организовать „исполнительную власть“, вынуть изъ ноженъ мечъ, дѣйствовать имъ на улицѣ! При первомъ нападеніи, иногда просто при первомъ требованіи, всѣ эти гарнизоны сдавали свое оружіе, и главная цитадель, подобно всѣмъ прочимъ общественнымъ укрѣпленіямъ, была занята яacobинцами“.

Этотъ характеръ правительственной политики, столь образно здѣсь очерченный Тѣномъ, ведетъ, однако, свое начало не съ 1789 года. Его корни можно прослѣдить глубоко въ нѣдрахъ *старого порядка*. Въ этомъ отношеніи необходимо напомнить цѣнныя наблюденія, сдѣланныя Токвиллемъ надъ правительствомъ *старого порядка* и основанныя на долгомъ изученіи неизданной административной переписки министерства съ интендантами. Высказанныя по этому случаю замѣчанія Токвиля тѣмъ болѣе интересны, что они сдѣланы непреднамеренно, безъ всякаго желанія объяснить ходъ революціонной катастрофы.

Указавъ на то, что бюрократическая централизація утверждалась среди провинціальныхъ и сословныхъ особенностей и привилегій путемъ постепенныхъ захватовъ, Токвилль объяснял этимъ способомъ ея возникновенія самый характеръ новой власти. „Правительство, — говоритъ онъ, — плохо сознавало предѣлы своей власти; ни одно изъ его правъ не было ни точно сформулировано, ни прочно установлено; область его дѣйствій стала очень обширна, но оно двигалось въ ней нетвердымъ шагомъ, какъ въ мѣстности неизвѣданной. Мѣстная администрація (Токвилль разумѣетъ интендантовъ, которыхъ правительство брало не изъ аристократіи), сознавая свое недавнее и незнатное происхожденіе, была всегда робка въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ только встрѣчала препятствіе на своемъ пути. Когда читаешь переписку министровъ и интендантовъ XVIII вѣка, изумляешься поразительному зрѣлищу того, какъ правительство, — столь склонное къ захватамъ и деспотическое, пока никто не отказывалъ ему въ повиновеніи, — смущается передъ малѣйшимъ сопротивленіемъ, какъ самая лег-

кая критика его тревожить, какъ самый незначительный шумъ выводитъ его изъ себя, и какъ оно тогда останавливается, колеблется, вступаетъ въ переговоры и дѣлаетъ уступки, нерѣдко далеко отступая отъ естественныхъ предѣловъ своего могущества. Изнѣженный эгоизмъ Людовика XV и доброта его преемника способствовали установленію такой внутренней политики. Этими государямъ, конечно, никогда не приходила мысль, что у нихъ могутъ отнять престолъ" (Тосц., „А. R.“, р. 191). Итакъ, указанная Тэномъ—за первые четыре года революціи—политика послабленія имѣла глубокіе корни въ административномъ строѣ и нравахъ страны. Тѣмъ радикальнѣе и рѣзче былъ переворотъ въ правительственныхъ и административныхъ приемахъ, произведенный якобинцами, когда они захватили верховную власть.

На этотъ разъ, по метафорѣ Тэна, гарнизонъ, занявшій цитадель правительства, оказался совершенно другого пошиба. Изъ большой массы французскаго народа, миролюбивой по своимъ нравамъ и цивилизованной въ своихъ чувствахъ, революція отобрала людей настолько фанатическихъ или дикихъ, или же испорченныхъ, чтобы вполне утратить всякое уваженіе къ другимъ; этотъ новый гарнизонъ составленъ изъ сектантовъ, ослѣпленныхъ догматомъ, изъ убійцъ, зачерствѣлыхъ въ своемъ ремеслѣ, честолюбцевъ, судорожно цѣпляющихся за свои мѣста. По отношенію къ человѣческой жизни и собственности у этихъ людей нѣтъ никакой совѣстливости, ибо они приноровили теорію къ своимъ нуждамъ и свели народовластіе къ собственной власти. По мнѣнію якобинца, общественное дѣло—его достоиніе, а въ его глазахъ общественное дѣло заключаетъ въ себѣ всякое частное дѣло, простирается на тѣло и на душу, на имущество и совѣсть важдаго; такимъ образомъ, все ему принадлежитъ; въ силу того только, что онъ якобинецъ, онъ самымъ законнымъ образомъ становится царемъ и папою. Ему нѣтъ дѣла до дѣйствительной воли существующихъ на свѣтѣ французовъ; его полномочіе основано не на голосованіи, оно сходитъ свыше; оно ему дано въ силу Истины, Разума и Добродѣтели. Такъ какъ одинъ онъ просвѣщенъ и одинъ онъ патриотъ, то онъ одинъ достоинъ власти, и его властолюбивая гордость признаетъ во всякомъ сопротивленіи—преступленіе. Если большинство протестуетъ, то это потому, что оно тупо или извращено; въ силу этихъ двухъ причинъ оно заслуживаетъ того, чтобы его проучили, и оно должно быть проучено. Сообразно съ этимъ и съ самаго начала якобинецъ не зналъ другого дѣла, какъ бунтъ и узурпація, грабежи и убійства, покушенія противъ частныхъ лицъ, противъ властей, противъ законодательныхъ со-

браній, противъ закона, противъ государства — нѣтъ насилій, которыхъ онъ бы не совершалъ; по инстинкту онъ всегда вель себя властителемъ; въ качествѣ частнаго человѣка или клубиста онъ уже былъ властелиномъ, а *теперь*, когда власть стала ему принадлежать по закону, онъ не помышляетъ отъ нея отказаться — тѣмъ болѣе, что если онъ допустить послабленіе, онъ погибнетъ: чтобы спастись отъ эшафота, у него вѣдь нѣтъ другого убійца, кромѣ диктатуры! Подобный человѣкъ не дастъ себя прогнать, какъ его предшественники; совершенно наоборотъ, онъ заставитъ себя слушать во что бы то ни стало; онъ не задумается возстановить центральную власть и правительственный органъ; онъ прицѣпитъ къ нему весь механизмъ мѣстной администраціи, который былъ отдѣленъ отъ него; онъ вновь приспособитъ старую нагнетательную машину и будетъ орудовать ею болѣе сурово, болѣе деспотично и съ большимъ презрѣніемъ къ частнымъ правамъ и къ общественной свободѣ, чѣмъ Людовикъ XIV и Наполеонъ“.

Приведенная характеристика якобинцевъ проливаетъ яркій свѣтъ на два капитальныхъ факта въ исторіи революціи; она объясняетъ, почему именно якобинцы были виновниками того перелома во внутренней политикѣ Франціи, который заключался въ замѣнѣ системы „послабленія“ системой „диктатуры“: якобинская партія представляла собою меньшинство и потому могла держаться во главѣ Франціи только деспотическими мѣрами; затѣмъ якобинская партія, по личному характеру своихъ членовъ, не знала тѣхъ гуманныхъ и нравственныхъ соображеній, которыя удерживали прежнія правительства отъ крутыхъ мѣръ; наконецъ, большинство якобинцевъ по своимъ хищническимъ инстинктамъ видѣли во власти лишь средство безпощадной эксплуатаціи подвластныхъ. Во-вторыхъ, сдѣланная Тэномъ характеристика даетъ и другую точку зрѣнія на присвоеніе якобинцами диктатуры. Въ прежнее время, особенно благодаря сочиненіямъ Тьера и Мишлѣ, захватъ якобинцами диктатуры рассматривался лишь какъ патріотическій подвигъ, спасшій Францію въ моментъ иностраннаго нашествія. Стоявшіе тогда во главѣ государства жирондисты, вслѣдствіе отсутствія политическаго смысла или недостатка патріотизма (Мишлѣ), оказались неспособными исполнить выпавшую на ихъ долю задачу и уже готовы были предоставить Парижъ и Францію до самой Луары неприятелю. Якобинская диктатура спасла цѣлость и единство Франціи и обезпечила за ней плоды революціи. Ученныя изслѣдованія Токвилля, хотя онъ по своимъ политическимъ идеаламъ и гуманному духу

не сочувствовали якобинцамъ, также содѣйствовали косвенно ихъ оправданію. Токвилль выяснилъ, что централизація, характеристическая черта современной Франціи, была дѣломъ монархіи и уже укоренилась въ значительной степени при *старомъ* порядкѣ. Въ виду этого якобинцы, своей диктатурой окончательно установившіе правительственную централизацію, являлись исполнителями историческаго завѣта Франціи, вѣрными сынами ея политической традиціи. Изображеніе Тэна отнимаетъ у якобинцевъ всякую славу въ этомъ отношеніи: если послѣ анархіи и было нужно усиленіе власти, если возстановленіе централизаціи, созданной прежнимъ строемъ, и было неизбежно, то это не составляетъ заслуги якобинцевъ и не служитъ оправданіемъ ихъ диктатуры. Эта диктатура была лишь слѣдствіемъ узурпаціи власти со стороны партіи (*faction*) деспотической и хищнической по своимъ инстинктамъ; якобинцы не дали Франціи политической организаціи, сознательной, составленной по обдуманному плану — ихъ господство было лишь временнымъ поработеніемъ завоеванной страны и систематической эксплуатаціей поработенныхъ.

Деспотизмъ, которому якобинцы подвергли Францію, находился, конечно, въ діаметральномъ противорѣчьи съ принципами и завѣреніями самой этой партіи, нровозглашенными ею въ то время, когда она находилась еще въ оппозиціи и стремилась къ захвату власти. Въ заслугамъ Тэна по исторіи якобинцевъ нужно причислить и ту проникательную, безпощадную критику, съ которою онъ раскрываетъ это противорѣчіе. „Вчера еще, — говоритъ Тэнъ, — якобинецъ преувеличивалъ права управляемыхъ до полного уничтоженія правъ правителей; съ завтрашняго дня онъ начнетъ преувеличивать права правителей до полного уничтоженія правъ управляемыхъ. По его рѣчамъ, народъ — полный властелинъ, и однако онъ самъ будетъ обращаться съ народомъ какъ съ рабомъ. По его рѣчамъ, правительство — лишь слуга; на дѣлѣ, однако, онъ предоставитъ правительству всѣ полномочія султана. Онъ только-что изобличалъ, какъ преступленіе, всякое хотя бы малѣйшее проявленіе государственной власти; теперь онъ будетъ наказывать, какъ преступленіе, малѣйшее сопротивленіе этой власти“ (III, 1).

Не обративъ должнаго вниманія на это изумительное превращеніе, случившееся съ якобинцами, прежніе историки не были въ состояніи выставить въ надлежащемъ свѣтѣ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи революціи, сопровождавшей перемѣну фронта со стороны якобинцевъ. Какъ и многія другія партіи въ исторіи, руководившіяся принципами абсолютизма,

якобинцы, пока были въ оппозиціи, взывали къ самымъ крайнимъ догматамъ политическаго радикализма, но, добившись власти, обнаружили свой настоящій складъ. Оправдываться въ измѣнѣ своему прежнему принципу имъ не приходило въ голову; но такъ какъ они составляли меньшинство среди французскаго народа, который жилъ еще въ либеральныхъ и радикальныхъ мечтаніяхъ 1789 г.,—имъ нужно было скрыть отъ него переимѣну фронта или, по крайней мѣрѣ, прилично ее замаскировать. Это было сдѣлано въ августѣ 1793 г., когда вслѣдъ за обнародованіемъ и голосованіемъ радикальной конституціи якобинцы заставили конвентъ провозгласить установленіе „революціоннаго правительства“, т.-е. системы террора, „до заключенія мира“. У историковъ, прежде дававшихъ тонъ, этотъ крупный фактъ, знаменующій собою главный кризисъ въ исторіи революціи, выставлялся просто дѣломъ патріотическаго увлеченія делегатовъ, присланныхъ изъ провинцій для празднованія годовщины 10-го августа и побратавшихся съ парижскими якобинцами. Нѣкоторые изъ историковъ выставляли при этомъ на видъ политической смыслъ и патріотическую роль Дантона, который хорошо понималъ необходимость сосредоточенія власти въ рукахъ вѣрныхъ приверженцевъ республики и счумѣлъ для этой цѣли воспользоваться одушевленіемъ, вызваннымъ патріотическимъ празднествомъ.

Тѣмъ обнаружилъ, что переимѣна знамени совершилась не сирота, что за патріотическимъ торжествомъ скрывался политическій маневръ, который если не по обдуманности и единству плана, то по своей смѣлости и по беззащитности въ выборѣ средствъ представляетъ собою одну изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи макиавелистической политики.

Чтобы скрыть задуманную ими переимѣну фронта, якобинцы разыгрываютъ политическую комедію, которая, по изложенію Тѣна, распадается на нѣсколько актовъ. Ихъ прежнія рѣчи о владычествѣ и верховенствѣ народа заключаютъ въ себѣ осужденіе всѣхъ замышляемыхъ ими дѣйствій. Отречься прямо отъ нихъ невозможно; это значило бы довести до открытаго возстанія провинціи, недовольныя изгнаніемъ изъ конвента жирондистовъ. Якобинцы потому и не думаютъ отрекаться отъ своихъ радикальныхъ фразъ; напротивъ, они провозглашаютъ ихъ еще громче; „благодаря этому приему,—говоритъ Тѣнъ,—невѣжественная толпа, видя, что ей подносятъ все тотъ же сосудъ, думаетъ, что ее угощаютъ тѣмъ же напиткомъ, и такимъ способомъ ее заставляютъ испить чашу тиранніи, подъ ярлыкомъ свободы. Ярлыки, вывѣски, фразы

и шарлатанское вранье, все это они расточаютъ въ теченіе шести мѣсяцевъ для того, чтобы публика не распознала новаго зелья; тѣмъ хуже для нея, если оно потомъ окажется горькимъ; все равно, рано или поздно, она должна будетъ его проглотить, добровольно или насильно, ибо къ тому времени будутъ изготовлены снаряды для вливанія ей въ глотку^а яacobинскаго лекарства.

Прежде всего яacobинцы снѣшать наъборо настроичть новуу конституцію, столь давно ожидаемую и столь часто обѣщавшуря; эта яacobинская конституція вся разсчитана на то, чтобы привести правительственные органы въ возможно большую зависимость отъ народной массы; въ силу этдй конституціи народъ долженъ быть фактическимъ государемъ; онъ долженъ царствовать безсмѣнно, безъ промежутковъ; онъ долженъ сохранить возможность вмѣшаться во всякое, сколько-нибудь важное дѣло и дать почувствовать свою волю правителямъ, т.-е. исполнителямъ его приказаній. Какъ далеко заходило раболѣпство яacobинцевъ передъ народовластіемъ, особенно видно изъ статьи, провозглашавшей законность возстанія народа противъ своего избраннаго правительства, и не только всего народа, но всякаго сборища, которое стало бы дѣйствовать отъ его имени: „Когда, — сказано въ конституціонномъ актѣ, — правительство нарушаетъ права народа, возстаніе составляетъ для народа и для всякой доли народа самое священное право и самую неотложную обязанность“.

Съ точки зрѣнія такой доктрины было естественно и самую конституцію повергнуть на усмотрѣніе народа. Это былъ первый *плебисцитъ* въ исторіи Франціи, и онъ прошелъ такъ же удачно для правительства, какъ и позднѣйшіе плебисциты, устанавливавшіе на мѣсто народовластія диктатуру. Закулисная исторія этого плебисцита впервые раскрыта Тѣномъ. Изъ собранныхъ имъ цифровыхъ данныхъ оказывается, что въ голосованіи приняла участіе лишь одна треть населенія въ городахъ и одна четверть въ деревняхъ. Впрочемъ собраніе избирателей состоялось въ большей части кантоновъ—всего было около 7.000 собраній на 8.000 кантоновъ. Этотъ фактъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ каждомъ почти кантонѣ существовалъ свой яacobинскій клубъ, который и составлялъ ядро собранія; въ яacobинцамъ примыкали наивные люди, вѣрившіе въ официальные заявленія и надѣявшіеся, что принятіе конституціи принесетъ съ собою свободу и порядокъ; ибо конвентъ объявилъ, что какъ скоро конституція будетъ принята, народъ будетъ снова созванъ для избранія новыхъ представителей, вполне достойныхъ его довѣрія. Даже въ департаментахъ, которые стояли за жирондистовъ, и

послѣ 31-го мая возстали противъ конвента, населеніе приняло новую конституцію, видя въ ней средство избѣгнуть междоусобной войны.

Избиратели однако были созваны вовсе не для того, чтобы искренно высказать свое мнѣніе о новой конституціи; отъ нихъ требовалась лишь манифестація въ пользу якобинцевъ. Поэтому вездѣ, гдѣ якобинцы встрѣтили несочувственное имъ настроеніе, они прибѣгали къ застрашиванію и насиліямъ. Какъ мало свободы одобрять или не одобрять конституцію было предоставлено избирателямъ, можно судить по протоколамъ собраній и по мѣрамъ, принятымъ противъ тѣхъ, кто подавалъ голосъ противъ якобинскаго проекта. А нѣсколько мѣсяцевъ спустя бывали случаи, что людей гильотинировали „за то, что они подали голосъ противъ конституціи 1793 года“.

Такимъ образомъ прошелъ первый актъ политической комедіи, поставленной якобинцами; второй актъ ея былъ разыгранъ въ Парижѣ. Онъ заключался въ томъ, чтобы обратить въ орудіе якобинцевъ тѣхъ 7.000 делегатовъ, которые были отправлены въ Парижъ кантональными собраніями съ результатами голосованія. Одни изъ нихъ везли съ собой отрицательный отвѣтъ; другіе, въ большемъ числѣ, имѣли въ виду представить заключеніе на конституціонный актъ, или дополненія къ нему; наконецъ, многіе желали, чтобы этотъ актъ былъ скорѣе примѣненъ къ дѣлу, и для этого конвентъ распущенъ. У предшествовавшихъ Тѣну историковъ нѣтъ рѣчи о такомъ разногласіи; всѣ делегаты одушевлены однимъ духомъ; ихъ патріотическій энтузіазмъ, ихъ братаніе съ якобинцами представлены какъ въ идилліи. Тѣнь, обнаруживъ разногласіе, обличилъ и политическій маневръ якобинцевъ: для подавленія рѣзни, мы узнаемъ, противъ делегатовъ заблаговременно были приняты мѣры, и весьма осмотрительныя. Декретомъ конвента комитетъ „Общественной безопасности“ уполномоченъ арестовать „подозрительныхъ делегатовъ“; на комитетъ возложена обязанность имѣть надзоръ надъ тѣми изъ нихъ, которые снабжены спеціальнымъ порученіемъ и захотѣли бы вербовать въ Парижѣ единомышленниковъ и пособниковъ. „Уже напередъ и еще до прибытія ихъ въ Парижъ,—говоритъ Тѣнь,—якобинизмъ делегатовъ подвергается провѣркѣ—какъ товаръ на тамождѣ—со стороны спеціальныхъ агентовъ исполнительнаго совѣта; среди этихъ агентовъ въ особенности выдается Мальяръ, пресловутый судья сентябрьской рѣзни, со своей свитой изъ 68 негодяевъ (chevarans) съ усами и длинными саблями, на вербованныхъ за 5 франковъ въ день“. По всѣмъ дорогамъ,

на 15 и 20 лѣ отъ Парижа, делегатовъ останавливаютъ, обыскиваютъ, раскрываютъ ихъ чемоданы, распечатываютъ ихъ письма. У заставъ изъ Парижа ихъ встрѣчаютъ инспектора, назначенные коммуной подъ предлогомъ, чтобы защитить ихъ отъ вольнаго поведенія женщинъ и отъ мошенниковъ. Ими завладѣваютъ, ведутъ ихъ въ мэрію, снабжаютъ квартирнымъ билетомъ, и пикетъ жандармовъ разводитъ ихъ по одиночкѣ на отведенныя квартиры. Вотъ они загнаны какъ бараны, каждый въ своемъ нумерованномъ стойлѣ. Несогласнымъ съ новой конституціей нечего и думать о томъ, чтобы высвободиться и собраться въ отдѣльную партію; съ однимъ изъ такихъ, который приходитъ просить у конвента зала для себя и своихъ единомышленниковъ, расправляются (гавгопé) самымъ внушительнымъ образомъ; его обываютъ интриганомъ, обвиняютъ въ томъ, что онъ намѣренъ защищать измѣнника Кюстина, записываютъ его имя, гровать слѣдствіемъ, говорятъ при немъ о тюрьмѣ въ аббатствѣ; несчастный ораторъ можетъ почитать себя счастливымъ, что его не заставили слѣдующую же ночь провести въ аббатствѣ“.

Такъ же живо и характерно изображаетъ Тэнъ мѣры, принятыя противъ делегатовъ, прибывшихъ въ Парижъ уже въ готовомъ якобинскомъ настроеніи. Ихъ надлежало сдѣлать еще болѣе ревностными якобинцами. Теряясь въ громадной столицѣ, эти провинціалы нуждаются въ руководителяхъ. Парижская коммуна дѣлаетъ постановленіе, чтобы жители столицъ обнаружили по отношенію къ нимъ „самую пріятную изъ республиканскихъ добродѣтей—гостепримство во всей ея полнотѣ“. Въ силу этого 96 санюлотовъ, назначенныхъ секціями, ожидаютъ ихъ у мэрин, чтобы быть ихъ провожатыми, ихъ вождями, ихъ наставниками, чтобы помѣшать имъ завести дурныя знакомства, чтобы водить ихъ по клубамъ и стараться довести ихъ разгоряченный патриотизмъ до температуры парижскаго якобинизма. Въ виду этого театрамъ было запрещено оскорблять ихъ пьесами, противнымъ духу революціи, и вмѣнено въ обязанность ставить три раза въ недѣлю драмы „Брутъ“, „Кай Гракхъ“, и т. п., дышавшія республиканскимъ фанатизмомъ. Одинъ разъ въ недѣлю делегатамъ давалось даровое представленіе, во время котораго раздавались на сценѣ въ своемъ однообразномъ паесѣ (renflent) „александрійскіе стихи якобинскаго драматурга Мари Шеньé, для назиданія делегатовъ, набившихся въ ложахъ за счетъ государственной казны“... „На слѣдующій день делегатовъ стадами ведутъ въ галереи конвента, гдѣ тоже разыгрывается трагедія—классическая и однообразная,—обильная декламаціями и убійствами; но только

это уже не вымышленная трагедія, а реальная, и тирады ея раздаются въ прозѣ, а не въ стихахъ. Окруженные наемными крикунами, наши провинціалы рукоплещутъ подобно *римлянамъ партера* ¹⁾, кричать и приходять въ эстазъ, какъ и наганунѣ, по сигналу, который имъ подають также и обычные засѣдатели театра. Такое политическое воспитаніе делегатовъ продолжается потомъ въ разныхъ клубахъ, и такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ охваченные и какъ бы придавленные духотою водолазнаго колокола, они дышатъ въ Парижѣ лишь якобинскимъ духомъ; по мѣрѣ того какъ ихъ водятъ по якобинскимъ клубамъ, ихъ пульсъ (*de jacobinisme en jacobinisme*) въ этой воспаленной атмосферѣ бьется все чаще и чаще. Многие изъ нихъ, прибывъ въ Парижъ, были людьми благоразумными и спокойными, но, растерявшись на чужбинѣ и предоставленные вліянію заразы безъ всякихъ предохранительныхъ средствъ, они быстро схватываютъ революціонную горячку“.

По достиженіи этого результата, разыгрывается самый парадный актъ—водворенія якобинцевъ во власти—въ день праздника 10 августа, поставленнаго на сцену знаменитымъ живописцемъ и террористомъ Давидомъ. Празднество это было описано много разъ съ его внѣшней стороны, но никто еще не выяснилъ такъ отчетливо, какъ Тэнъ, его политическаго значенія и его *психологическаго* эффекта на самихъ актеровъ. Героями дня являются присланные изъ провинцій семь тысячъ делегатовъ; они размѣщены вмѣстѣ съ членами конвента по ступенямъ, которыя ведутъ къ „алтарю отечества“ на Марсовомъ полѣ. На самой верхней ступени старѣйшій изъ делегатовъ стоитъ рядомъ съ президентомъ конвента; такимъ образомъ, эти семь тысячъ делегатовъ, братаясь и сливаясь съ монтаньярами конвента, образуютъ съ ними въ полномъ смыслѣ этого слова „настоящую священную гору“.

На вершинѣ эстрады президентъ конвента обращается къ 87 старѣйшимъ изъ делегатовъ, представляющимъ департаментъ, и вручаетъ имъ ковчегъ, заключавшій въ себѣ конституціонную грамоту и итогъ голосованія; они съ своей стороны отдають ему свои пучки, которыя онъ собираетъ въ одинъ пучокъ, какъ символъ единства и нераздѣльности націи. Это моментъ высшаго энтузіазма; со всѣхъ концовъ громадной площади раздаются привѣтствующія ликованія; пушки салютуютъ удвоенными залпами; „небо и земля

¹⁾ *Romains du lustre* по аналогіи съ *chevaliers du lustre*—прозвище сидящихъ въ партерѣ подъ люстрой кланеровъ.

какъ будто отъликаются, чтобы ознаменовать величайшую эпоху въ исторіи человѣчества“.

Апологетъ якобинства, или историкъ-декораторъ, увлеклись бы этимъ зрѣлищемъ и изображили бы въ восторженномъ тонѣ его эффектную сторону—историкъ-психологъ Тэнъ не отвлекается, глядя на него, отъ своего дѣла; онъ спокойно ждетъ этого момента, чтобы произвести свои наблюденія. Конечно,—говоритъ Тэнъ,—делегаты видѣ себя; ихъ нервный аппаратъ, напряженный до крайности, пришелъ въ слишкомъ сильное колебаніе; передъ ихъ глазами разверзлось „тысячелѣтнее царство благодати на землѣ“. Уже по пути, на площади Бастиліи, многіе обращались съ своею рѣчью къ вселенной; нѣкоторые, „охваченные пророческимъ духомъ“, возвѣщали конституціи вѣчное существованіе. Они заявляютъ, что „возрождаются вмѣстѣ съ человѣчествомъ“; они смотрятъ на себя какъ на творцовъ новаго міра; въ нихъ завершается исторія; будущее—въ ихъ рукахъ, они считаютъ себя богами на землѣ.

Въ этомъ кризисѣ „равновѣсіе зависитъ отъ разума, какъ у расквашенныхъ вѣсовъ—отъ одного щелчка, и вотъ подъ толчками фабрикантовъ энтузіазма въ делегатахъ совершается неожиданный поворотъ чувствъ, который уноситъ ихъ въ противоположномъ направленіи“. Не даромъ заявляли они въ якобинскомъ клубѣ, что составляютъ съ парижскими якобинцами и террористами конвента „единую, громадную и страшную гору, которая будетъ изрыгать свою огненную лаву на всѣхъ роялистовъ и на всѣхъ слугъ тиранніи“. Подъ вліяніемъ этого новаго фанатизма ихъ настроеніе круто измѣняется. Они только-что признавали новую конституцію какой-то папацеей, а теперь готовы запрятать ее какъ опасное лекарство въ тотъ самый ящикъ, который они называютъ ковчегомъ. Они только-что провозгласили свободу народа, а теперь готовы увѣковѣчить диктатуру конвента!

Когда делегаты были доведены до высшей степени психическаго возбужденія, якобинскіе вожаки разыграли три искусно ими задуманныя и обставленные политическія сцены, значеніе которыхъ рельефно изображено у Тэна. На другой день послѣ праздника, конвентъ въ своемъ утреннемъ засѣданіи скромно объявилъ, что его *миссія окончена* и что онъ приступаетъ къ подготовленію новыхъ выборовъ. Въ тотъ же вечеръ, въ засѣданіи якобинскаго клуба, Робеспьеръ высказываетъ какъ бы мимоходомъ рѣшающее слово: „я чуть не забылъ самаго главнаго изъ моихъ соображеній; предложеніе, сдѣланное сегодня утромъ, имѣетъ лишь цѣлью замѣну членовъ очищеннаго нынѣ конвента—эmissарами Питта и Кобурга“. Присутствующіе якобинцы, конечно, громко вопіютъ противъ пере-

дачи власти измѣнникамъ и врагамъ отечества—и делегаты шумно присоединяются къ нимъ. На другой день, 12 августа, разыгрался въ конвентѣ заключительный актъ великой политической комедіи. Делегаты съ такимъ напоромъ нахлынули въ залу засѣданія, что весь конвентъ скучился на лѣвой сторонѣ ея и предоставилъ гостямъ свои мѣста на *правой*, „для ея патріотическаго очищенія“. Обезумѣвшіе отъ одушевленія делегаты превратили верховное собраніе французскаго народа въ анархическій клубъ, въ которомъ въ перемежку провозглашались самыя сумасбродныя предложенія. На этомъ дивномъ фонѣ разворачивается, однако, во всемъ блескѣ политическій талантъ Дантона. Это былъ несомнѣнно самый великій моментъ въ жизни этого демагога. Изъ анархическихъ и кровавыхъ воплей онъ извлекъ принципъ *террора*, т.-е. якобинской диктатуры. Онъ воспользовался состояніемъ почти невѣроятности сбитыхъ съ толку делегатовъ. Для того, чтобы приписать имъ *инициативу террора* и провозгласить въ общихъ чертахъ самую программу террора, а именно: заключеніе въ тюрьму „подозрительныхъ“, реквизицію всѣхъ нужныхъ людей и припасовъ, сосредоточеніе всей правительственной силы въ рукахъ комитета общественнаго спасенія и отправленіе домой самихъ делегатовъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Всѣ эти предложенія были приняты огуломъ, и въ чадѣ рукоплесканій и криковъ зрители и актеры поклялись исполнить программу террора. Политическій фокусъ удался—*le tour est fait*—мнимое выраженіе народной воли освятило персоналъ, принципъ и самое названіе террора. Что же касается до орудій политической операціи, то теперь оставалось лишь водворить ихъ на мѣсто. Делегаты—а ихъ вмѣшательства и протеста монтаньяры именно и опасались—высылаются каждый въ свое захолустье въ качествѣ агентовъ и миссіонеровъ парижскихъ террористовъ. Нѣтъ болѣе рѣчи о томъ, чтобы ввести въ дѣйствіе новую конституцію; она служила только для отвода глазъ, приманкой, сфабрикованной, чтобы лучше уловить рыбу въ мутной водѣ. По окончаніи ловли, эту приманку убираютъ для храненія въ видномъ мѣстѣ залы, въ маленькомъ художественномъ памятникѣ, по рисунку Давида. „Теперь,—говоритъ Дантонъ,—конвентъ долженъ быть весь проникнутъ сознаніемъ своего достоинства, ибо онъ нынѣ облеченъ всѣмъ полномочіемъ національной мощи“.

III.

Такъ завершилось „завоеваніе“ Франціи якобинцами. Тѣмъ не *придумалъ* этого термина, онъ извлекъ его изъ оффиціального языка партіи, захватившей власть. Якобинцы вполне сознавали, что ихъ торжество надъ большинствомъ обуславливалось насиліемъ: республика, — говорили они, — только тогда будетъ упрочена, „когда санкюоты будутъ царствовать по праву завоеванія“ (*régneront par droit de conquête*). Якобинцы поняли, что они имѣютъ противъ себя не только побѣжденныхъ противниковъ, роялистовъ, конституціоналистовъ, жирондистовъ или федералистовъ, но и всю массу „равнодушныхъ“ (*les indifférents*). Поэтому ихъ власть, добытая насиліемъ, могла держаться лишь съ помощью насилія — терроръ естественно вытекалъ изъ такого порядка вещей. „Мы должны карать всякаго, — говорили они, — кто относится пассивно къ республикѣ и ничего для нея не сдѣлалъ“... „Между народомъ и его врагами нѣтъ ничего общаго, кромѣ меча; надо властвовать силою меча надъ тѣми, къ которымъ нельзя управлять въ силу права“. Сообразно съ этимъ якобинцы организируются и упрочиваются во власти; они устраняютъ народъ отъ всякаго участія въ верховной власти и потому лишаютъ его права избирать своихъ мѣстныхъ администраторовъ и законодателей. „При обыкновенномъ способѣ правленія, — говоритъ Кутонъ, — народу принадлежитъ право избранія, вы не можете его лишить этого права. При чрезвычайномъ же порядкѣ управления (*dans le gouvernement extraordinaire*) всякій починъ (*impulsions*) долженъ исходить изъ центральной власти и самыя избранія должны совершаться конвентомъ“. Этими словами конвентъ провозглашаетъ принципъ, примѣненный къ дѣлу потомъ „первымъ консуломъ“. „Избирательныя собранія, — вторитъ Кутону послушный и смѣтливый Барреръ, — это — *монархическія* учрежденія, они пропитаны роялизмомъ; въ этотъ моментъ революціи ихъ надо тщательно избѣгать“. Для того, чтобы народъ не ропталъ и не виновался, у него отбираютъ оружіе, которымъ онъ свободно и произвольно пользовался въ первые годы революціи, и его подчиняютъ якобинской полиціи; съ этою цѣлью устраиваютъ по возможности въ каждой общинѣ „революціонный (полицейскій) комитетъ“. По словамъ Дантона, „эти комитеты учреждены для того, чтобы установить диктатуру гражданъ, преданныхъ свободамъ надъ подозрительными“. Въ виду того, что „истинные граждане“ со всѣхъ сторонъ окружены подозрительными и равнодушными,

необходимо, по выраженію Бильо-Варенна, чтобы мечъ Дамокла висѣлъ отнынѣ повсюду, по всему пространству государства.

Чтобы держать этотъ Дамокловъ мечъ надъ всей страной, якобинцы вручили его верховному комитету, которому они безусловно подчинили всѣ правительственные учрежденія, не исключая самыхъ высшихъ. По мѣткому выраженію Тэна, комитетъ общественнаго спасенія сдѣлалъ для себя изъ органа исполнительной власти, т.-е. изъ министерства—дворню (*une escouade de domestiques*), а изъ главнаго органа верховной власти—изъ законодательнаго собранія—толпу клаверовъ. Дѣйствительно, конвентъ играетъ при комитетѣ роль, на которую короли когда-то свели парламентъ—роль послушнаго и пассивнаго хранителя ихъ повелѣній—*une chambre d'enregistrement*.

Забравъ такимъ образомъ въ свои руки всѣ силы и средства государства, якобинцы приходятъ въ упоеніе отъ идеи абсолютизма или *всемогущества государства* (*l'omnipotence de l'Etat*). Эта идея всецѣло ими овладѣла. Описывая этотъ процессъ, Тэнъ снова прибѣгаетъ къ психологій. „Нѣтъ ничего опаснѣе того,—говоритъ онъ,—какъ если какая-нибудь общая идея попадетъ въ узкій и пустой мозгъ; въ силу того, что онъ пустъ, эта идея не встрѣчаетъ въ немъ никакихъ познаній, ограничивающихъ его; въ силу того, что этотъ мозгъ узокъ, общая идея его цѣликомъ наполняетъ. Люди въ такомъ положеніи ни одной минуты не принадлежатъ себѣ, а находятся подъ господствомъ овладѣвшей ими идеи; она дѣйствуетъ въ нихъ и черезъ нихъ; въ букввальномъ смыслѣ слова человекъ—*одержимъ*, онъ *самъ не свой* (*possédé*). Въ немъ живетъ что-то другое, какой-то чудовищный паразитъ, какая-то чужая и несоразмѣрная съ нимъ мысль, которая развивается въ немъ и порождаетъ въ немъ зловердныя вожелѣнія. Человекъ не могъ предвидѣть, что они явятся у него, онъ не зналъ смысла своей догмы, не зналъ ея ядовитыхъ и убійственныхъ выводовъ. Теперь они роковымъ образомъ изъ нея проистекаютъ, по очереди и подъ давленіемъ обстоятельствъ—сначала вызвавшихъ анархію, теперь порождавшихъ деспотизмъ.

Увоенная якобинцами идея „всемогущества государства“ включаетъ въ себѣ свою политическую теорію, т.-е. свое представленіе о государствѣ, о его правахъ и о его назначеніи. Разъясненіе этого вопроса составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ отдѣловъ книги Тэна. Политическая догматика якобинцевъ не представляетъ ничего самостоятельнаго. Тэнъ выводитъ ее всецѣло изъ *общественнаго договора* Руссо. Въ этомъ трактатѣ Руссо признавалъ нормальнымъ только такое общество,

которое возникло изъ общественнаго договора; основнымъ же положеніемъ этого договора является „полное отчужденіе всякаго индивидуума, со всѣми его правами и силами, въ пользу общества“... „Подобно тому какъ природа даетъ всякому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, общественный договоръ даетъ общественному тѣлу такую же безграничную власть надъ гражданами“.

Эту теоретическую формулу якобинцы перевели на популярный, общедоступный языкъ. „Все принадлежитъ народу, — восклицаетъ мало извѣстный депутатъ Йзоре, — и ничего не принадлежитъ индивидуумамъ, въ случаѣ общественной нужды“. Но народъ представляютъ теперь якобинцы, государственная власть въ ихъ рукахъ, и потому имъ однимъ принадлежитъ право опредѣлять случаи общественной нужды и ея размѣры. „Они же не стѣснялись установленіемъ этихъ размѣровъ. Тѣ миллиарды, которые уплатила Франція послѣ самыхъ жестокихъ военныхъ пораженій, представляютъ только небольшую долю того, что поглотило якобинское государство. Однихъ имуществъ духовенства конфисковано было на 4 миллиарда; конфискованное имущество эмигрантовъ составило около 3 миллиардовъ; имущество гильотинированныхъ и сосланныхъ доставило сотни милліоновъ; доходъ съ севестрованныхъ имуществъ „подозрительныхъ“ — также сотни милліоновъ, съ перспективой захвата и самого имущества на нѣсколько миллиардовъ; имущества госпиталей и благотворительныхъ учрежденій отобранныя въ казну — 800 милліоновъ. Возвращеніе въ казну государственныхъ имуществъ, отчужденныхъ или заложенныхъ въ частныя руки въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ — два миллиарда. Присвоеніе государственныхъ общинныхъ имуществъ дало также не малую сумму. Далѣе, захватомъ чеканной монеты и всѣхъ предметовъ изъ золота и серебра выручено въ два мѣсяца (ноябрь, декабрь 1793 г.) отъ 300 до 400 милліоновъ; посредствомъ права „перекупа“ (régemption) и „реквизиціи“ государство становилось собственникомъ всего, что торговля, промышленность и земледѣіе провозвели и доставили въ предѣлахъ Франціи“. „Государство налагаетъ свою руку непосредственно на все — на зерновой хлѣбъ въ амбарѣ земледѣльца, на выпященные на улицѣ лошади возчика; оно забираетъ всецѣло бѣлые и синіе плащи пиренейскихъ крестьянъ, десять тысячъ паръ сапогъ, снятыхъ въ одинъ день съ г-дъ гражданъ одного города и т. д. И не только имущества всѣхъ, но и самыя лица поступаютъ въ полное распоряженіе государства въ видѣ солдатъ или рабочихъ на казенныхъ мастерскихъ — даже женщины и дѣвушки не избѣгаютъ общей участи; онѣ должны

парадировать на гражданскихъ празднествахъ, и приданое богатыхъ невѣсть служить наградою патриотамъ“...

Таковы въ самомъ сжатомъ перечнѣ послѣдствія теоріи о „все-могуществѣ государства“ у якобинцевъ; но эта теорія служить лишь подножіемъ для другой, болѣе своеобразной и роковой въ своихъ послѣдствіяхъ—теоріи о *назначеніи* государства. Въ глазахъ якобинцевъ государство снабжено такими безграничными полномочіями потому, что оно призвано „возродить“ (*régénérer*) человѣка, возстановить „естественнаго человѣка“, т.-е. вернуть его къ тому состоянію, въ какомъ онъ находился, когда вышелъ изъ рукъ природы и когда еще не былъ испорченъ цивилизаціей. И въ этомъ также отношеніи якобинцы являются послѣдователями Руссо, исполнителями его мечты о „естественномъ человѣкѣ“. Они всѣ воспитывались въ его школѣ, всѣ усвоили себѣ его принципъ, что человѣка надо „принуждать быть свободнымъ“—*forcer d'être libre*; и всѣ средства дозволены для того, чтобы привести человѣка къ тому идеальному состоянію, которое намѣчено Руссо и его послѣдователями въ литературѣ. На этотъ счетъ между якобинцами нѣтъ разногласія; въ этомъ стремленіи они сходятся, несмотря на всѣ различія характеровъ и стремленій. „Наше призваніе въ томъ,—воскликаетъ литературно образованный поклонникъ Руссо, строгій теоретикъ Робеспьеръ,—чтобы удовлетворить вождѣльнѣямъ природы, осуществить предназначеніе человечества, исполнить обѣщанія философіи“. Ему вторитъ невѣжественный практикъ Бильо-Вареннъ: „Необходимо въ извѣстномъ смыслѣ *пересоздать* тотъ народъ, который хочешь возвратити къ свободѣ, ибо нужно разрушить въ немъ издавнаше предразсудки, измѣнить застарѣлыя привычки, очистить испорченныя страсти, уменьшить излишнія потребности, вырвать съ корнемъ закоренѣлыя пороки“. То же самое говоритъ сумасбродный палачъ Каррьеръ: „Мы скорѣе сдѣлаемъ изъ Франціи кладбище, чѣмъ откажемся возродити ее (*régénérer*) на нашъ ладъ“. И почти тѣми же словами выражается бывшій протестантскій пасторъ, затѣмъ капитанъ корабля, членъ комитета общественнаго спасенія и, наконецъ, майнцскій префектъ при Наполеонѣ Жанъ Бонъ Сентъ-Андре: „Говорятъ, что наша власть произвольна, насъ упрекаютъ въ деспотизмъ! Насъ? въ деспотизмъ? Да, конечно! но если призваніе деспотизма обезпечитъ торжество свободы, то такой деспотизмъ есть политическое *возрожденіе*“.

Касаться здѣсь сколько-нибудь подробно якобинской системы „возрожденія“ было бы невозможно потому, что сюда вошла бы вся внутренняя политика якобинцевъ. Представленіе о „естествен-

номъ человѣкъ", созданное раціонализмомъ и облеченное пылкимъ воображеніемъ Руссо въ идиллическій образъ, носило на себѣ двѣ выдающіяся черты,—объ отрицательнаго свойства. Естественный человѣкъ не зналъ никакихъ предразсудковъ и никакого неравенства. Отсюда *первой* задачей якобинскаго государства было уничтоженіе всѣхъ религіозныхъ, социальныхъ и бытовыхъ „предразсудковъ“, созданныхъ предшествовавшей исторіей и культурой. Что касается до *второй* задачи—возстановленія равенства, то якобинцы не хотѣли въ этомъ отношеніи довольствоваться результатами, уже достигнутыми революціей 1789 г.—устраненіемъ всякаго неравенства въ области *права*. Имъ нужно было *фактическое* равенство—равенство состояній, образованія и быта. Еще Кондорсэ заявилъ, что фактическое равенство (l'égalité de fait) есть высшая цѣль социальной политики (de l'art social). Для этого нужно было прежде всего уничтожить различіе между богатыми и бѣдными. „Богатство есть подлость“ (une infamie), провозглашаетъ Сенъ-Жюсть, а Робеспьеръ отождествилъ *богатыхъ* съ *порочными* (vicieux) и объявилъ тѣхъ и другихъ врагами народа. Финансовая политика якобинскаго государства, принужденнаго жить накопленнымъ въ предшествовавшіе вѣка капиталомъ, играла въ руку ихъ социальной политикѣ. Прогрессивный налогъ и принудительный заемъ сильно содѣйствовали разоренію и ограниченію крупныхъ состояній. Весь излишекъ сверхъ 1.000 франковъ дохода на cadaго члена семьи подвергался прогрессивной экспроприаціи, на $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или на $\frac{1}{2}$, а свыше 9.000 франковъ цѣликомъ; по такому разсчету самая богатая семья могла сохранить, помимо своей доли, опредѣленной количествомъ членовъ семьи, лишь 4.500 франковъ годового дохода. И это было еще милостиво, такъ какъ Робеспьеръ предлагалъ, чтобы самый богатый изъ французовъ не имѣлъ болѣе 3.000 франковъ дохода.

Остальное должны были довершить законодательныя мѣры: ограниченіе права завѣщанія; запрещеніе дарить лицамъ, доходъ которыхъ превышалъ извѣстную сумму, опредѣленную четвертыми зернового хлѣба; уравненіе незаконныхъ дѣтей въ правахъ наследства съ законными. Любопытно, что докладчикомъ этихъ мѣръ былъ тотъ же самый Камбасересъ, который потомъ былъ награжденъ Наполеономъ состояніемъ (dotation) въ 450.000 франковъ годового дохода.

Но недостаточно было, по словамъ Баррера, „пускать врозь торговль“ и сокрушать крупныя состоянія; нужно еще было „сестреть съ лица республики... рабство бѣдности“. Такова другая сторона социальной программы якобинцевъ. „Въ хорошо устроенной

обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ“, восклицалъ Сень-Жюсть, и согласно съ тѣмъ парижская коммуна постановила: „что богатство и бѣдность должны одинаково исчезнуть въ порядкѣ вещей, основанномъ на равенствѣ“.

Понятіе бѣдности якобинскіе законодатели истолковываютъ весьма широко: они включаютъ сюда не только 1.300.000 бѣдняговъ (*indigents*), которыхъ тогда насчитывали во Франціи, но и всѣхъ тѣхъ, кто жилъ изо дня въ день трудомъ рукъ своихъ. Сень-Жюсть заявляетъ въ своемъ докладѣ конвенту: „пусть Европа узнаетъ, что вы хотите, чтобы на французской территоріи не было ни одного несчастнаго... Счастье является для Европы новымъ понятіемъ“. А Барреръ ставитъ демократіи задачу: „поднять бытъ всякаго гражданина *выше* удовлетворенія первыхъ потребностей—посредствомъ работы, если онъ здоровъ; посредствомъ воспитанія, если онъ ребенокъ; посредствомъ помощи, если онъ хилъ или старъ“. Но о какой помощи идетъ здѣсь рѣчь? Характерною чертою якобинской филантропіи является *пренебреженіе къ частной благотворительности*. Въ глазахъ якобинцевъ милостыня есть *оскорбленіе*. Поэтому они считаютъ нужнымъ искоренить самую идею благотворительности. Всѣ нуждающіеся имѣютъ *право* на помощь, и государство *обязано* ее доставить. Въ силу этого якобинская конституція постановила: „правительственная помощь составляетъ священный долгъ; общество обязано давать пропитаніе нуждающимся гражданамъ, либо доставляя имъ работу, либо обеспечивая средства въ жизни неспособнымъ къ работѣ“. Въ поясненіе этого Барреръ въ докладѣ конвенту восклицаетъ: „Мы предоставляемъ монархіямъ благотворительныя работы (*les travaux de charité*); этотъ нахальный и подлый способъ оказывать помощь пригоденъ только для рабовъ и господъ; мы замѣняемъ его великимъ и широкимъ способомъ національныхъ работъ, открытыхъ (на самомъ дѣлѣ только *подлежащихъ* открытію) по всей территоріи республики“.

Этого мало: отношенія между тѣми, кто нуждается въ помощи, и тѣми, кто обязанъ ее доставить, совершенно извращаются. Развивая до парадокса мысль, высказанную Руссо, Сень-Жюсть говоритъ: „бѣдствующіе—властелины міра; они въ правѣ говорить повелителями (*en maitres*) съ правительствомъ, которое не заботится о нихъ, они имѣютъ право на національную помощь“. Съ этой точки зрѣнія правительственная помощь немущимъ является въ глазахъ Сень-Жюста „*вознагражденіемъ*“ (*indemnité*), и по его предложенію конвентъ постановляетъ, чтобы комитетъ общественнаго спасенія представилъ докладъ о сред-

ствахъ вознаградить (indemniser) всѣхъ несчастныхъ на счетъ имущества враговъ республики. Не дожидаясь этого доклада и его утверждения, комитетъ разослалъ въ томъ же мѣсяцѣ своимъ комиссарамъ въ департаментахъ слѣдующій циркуляръ, извлеченный Тэномъ изъ архива: „Необходимъ былъ рѣшительный ударъ (un grand coup), чтобы сокрушить аристократію. Національный конвентъ нанесъ ей этотъ ударъ: добродѣтельная бѣдность (indigence) должна была войти во владѣніе того, чѣмъ преступность у нея захватила. Національный конвентъ провозгласилъ ея права; вамъ слѣдуетъ выслать общій списокъ всѣхъ „арестованныхъ“ въ комитетъ общей безопасности, который рѣшитъ ихъ судьбу. А комитету общественнаго спасенія нужно доставить списокъ бѣдныхъ въ каждой общинѣ, чтобы онъ опредѣлялъ приходящееся на ихъ долю вознагражденіе (indemnité qui leur est due). Эти двѣ операціи требуютъ всевозможной быстроты и должны идти рука объ руку. Необходимо, чтобы терроръ и справедливость обнаружались одновременно на всѣхъ пунктахъ. Революція есть дѣло народа, пора ему воспользоваться ея плодами (qu'il en jouisse)“.

Изъ этого циркуляра ясно видно, какимъ принципомъ руководились якобинцы въ своей социальной политикѣ: это былъ революціонный принципъ надѣленія бѣдныхъ достояніемъ богатыхъ. Держась этого принципа, якобинская республика считала свои средства неисчерпаемыми. „Республика разсчитываетъ, — сказано въ докладѣ Сень-Жюста, — для улучшенія быта небогатыхъ гражданъ (peu fortunés) на тѣ миллиарды, которые богачи пересчитывали у себя въ интересахъ контръ-революціи... Тѣ, кто хотѣлъ задушить свободу, обогатили ее... Богатство заговорщиковъ — къ услугамъ всѣхъ несчастныхъ“.

Но конфискованныя у эмигрантовъ и „заговорщиковъ“ громадныя средства якобинская республика на практикѣ тратила всецѣло на себя и потому для оказанія помощи бѣднымъ прибѣгла къ установленію *принудительной* благотворительности. Ея комиссары налагали на богатыхъ обязанность: „квартировать, питать и одѣвать всѣхъ больныхъ гражданъ, стариковъ, нуждающихся и сиротъ въ своемъ кантонѣ“. Одинъ изъ нихъ, Фушэ, будущій Наполеоновскій министръ полиціи, издалъ въ своемъ департаментѣ приказъ, въ силу котораго въ главномъ мѣстечкѣ cadaго округа долженъ былъ быть установленъ „филантропическій комитетъ“, которому предоставлялось право взимать съ богатыхъ налогъ, соразмѣрный съ количествомъ нуждающихся“.

Помимо такихъ революціонныхъ мѣръ случайнаго и произвольнаго характера, якобинцы успѣли сдѣлать весьма мало для

прочной организаціи государственной помощи. Они не пошли даже проекта книги національной благотворительности, въ которую должно было быть внесено на каждую тысячу жителей 4 земледѣльца, 2 ремесленника и 5 женщинъ; внесенные въ книгу становились „пансіонерами“ государства, „подобно изувѣченному солдату“. Мѣра, не приведенная, впрочемъ, въ исполненіе, сводилась къ созданію новаго класса *привилегированныхъ*, произвольно набираемыхъ правительственными агентами изъ массы бѣдныхъ. Отсюда было далеко до тѣхъ фразъ, которыми якобинцы обязывались уничтожить бѣдность и обезпечить всѣхъ нуждающихся. Тѣмъ болѣе далеко, что господствующая партія въ лицѣ Баррера провозгласила обязанностью государства не только обезпечить всѣмъ гражданамъ пропитаніе, но сдѣлать ихъ *собственниками*. „Въ хорошо организованной республикѣ всякому слѣдуетъ имѣть собственность“. Подъ этой собственностью разумѣлась земля. Въ виду этого руководители якобинства мечтали о томъ, чтобы привести въ извѣстность въ каждой общинѣ число не собственниковъ и количество нераспроданныхъ національныхъ имуществъ, и затѣмъ безвозмездно распредѣлить эти имущества мелкими надѣлами между немущими, способными работать, и кромѣ того дать въ аренду поддесятины (агrent) земли каждому семьянину, владѣвшему меньшимъ участкомъ. Это мечтаніе отзывалось вліяніемъ литературныхъ идиллій XVIII-го вѣка, прославлявшихъ блаженство хижины и поля, воздѣлываемаго собственными руками.

Но хотя якобинцы въ теоріи и въ своихъ идеалахъ держались принципа частной собственности, они на практикѣ впадали въ приемы чисто социалистическіе. Двойное побужденіе толкало ихъ въ этомъ направленіи—ихъ увлеченіе государственнымъ деспотизмомъ и иллюзіями ихъ моралистовъ. Въ первомъ отношеніи нужно имѣть въ виду, что якобинское правительство, вслѣдствіе быстрого паденія своихъ ассигнацій, установило казенную таксу или тарифъ на цѣну всѣхъ жизненныхъ припасовъ и товаровъ. Слѣдствіемъ этого была, съ одной стороны, пріостановка всякой индивидуальной дѣятельности и предприимчивости во всемъ народномъ хозяйствѣ—въ торговлѣ, промышленности и даже землѣдѣліи. Другимъ послѣдствіемъ было преслѣдованіе многочисленныхъ разрядовъ гражданъ, благосостояніе которыхъ подрывалось политикою правительства и которые поэтому навлекали на себя его подозрѣнія. Представители торговли и промышленности, даже крестьяне, сдѣлались въ глазахъ якобинскаго правительства „контр-революціонерами“, готовыми „изъ-за нѣсколькихъ сантимовъ бары-

шей продать отечество". Якобинцы сочли своей обязанностью „разстроить расчеты варварской арифметики“ производителя и торговца, „очистить ихъ отъ заразы и порчи аристократизма“, подвергнуть поэтому всю ихъ дѣятельность строжайшему надзору, заставить купца сбывать свой товаръ, крестьянина продавать свой хлѣбъ или скоть, а фабриканта и ремесленника производить свои издѣлія—*себѣ въ убытокъ*. Всякое неисполненіе этихъ распоряженій признавалось „хищеніемъ“ (assaragement) и уголовнымъ преступленіемъ. Смертная казнь была участью всякаго торговца или земледѣльца, который не доставлялъ точныхъ свѣдѣній о хранившихся у него припасахъ или товарахъ, всякаго крестьянина, который не вывозилъ еженедѣльно на рынокъ своего хлѣбнаго запаса. Смертная казнь постигала того гастронома, которому хлѣбникъ доставлялъ за разъ по 30 хлѣбцевъ, особымъ способомъ для него приготовлявшихся по указанію врача. Онъ былъ гильотинированъ за намѣреніе вызвать своимъ хищеніемъ „недостатокъ хлѣба (disette) среди всеобщаго довольства“. Въ томъ же направленіи дѣйствовала уравнительная и централистическая дѣятельность правительства. Оно отбирало хлѣбъ въ богатыхъ общинахъ и департаментахъ въ пользу небогатыхъ общинъ и департаментовъ. Оно вообще не хотѣло терпѣть никакого различія въ благосостояніи общинъ и находило „несовмѣстнымъ съ принципами“ то, что у однихъ общинъ были „богатые общинныя владѣнія, а у другихъ—лишь долги“. Даже таковой чисто практической администраторъ и специалистъ, какъ Карно, не ладившій съ идеологами въ комитетѣ общественнаго спасенія, находилъ, что различіе въ благосостояніи общинъ создаетъ „мѣстныя привилегіи и мѣстный аристократизмъ, который влечетъ за собою индивидуальныя привилегіи и аристократизмъ обитателей“.

Видѣвъ съ тѣмъ централизація изъ области бюрократической все болѣе и болѣе переходила и въ экономическую. Правительство стало строить за счетъ государства всѣ мосты, дороги и каналы и носилось съ планомъ „обширной и плодотворной (opulente) централизаціи труда всего французскаго народа“. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ провинціальныхъ якобинскихъ клубахъ возникали проекты сосредоточить въ рукахъ правительства всю хозяйственную жизнь Франціи. Всѣ производители должны были доставлять свои издѣлія за извѣстную цѣну въ національные магазины; *нація* должна была предоставлять эти издѣлія оптовымъ торговцамъ, удержавъ въ свою пользу прибыль въ 6⁰/₀; прибыль оптоваго торговца опредѣлялась въ 8⁰/₀, а молочнаго—въ 12⁰/₀. Такимъ образомъ, всѣ—землевладѣльцы, промышленники

и торговцы, — получая опредѣленный барышъ, были бы исцѣлены отъ порока жадности и перестали бы быть *эгоистами*.

Въ этомъ именно пунктѣ централисты и бюрократы якобинцевъ сходились съ моралистами и идеологами. Всѣ они согласно между собою видѣли окончательную цѣль якобинской революціи въ *пересозданіи* человѣка, въ восстановленіи естественнаго человѣка. Но если первые довольствовались уравнительными мѣрами, то вторые считали достиженіе идеальнаго строя невозможнымъ безъ цивизма, а главное препятствіе для развитія гражданственности въ ихъ глазахъ составлялъ *эгоизмъ*. Основная формула „общественнаго договора“ — отчужденіе гражданиномъ своей политической воли со всѣми физическими силами и имущественными средствами въ пользу общаго государства — должна была заключать въ себѣ и полное отчужденіе отъ всѣхъ личныхъ желаній, отъ своего я, отъ своего эгоизма, или, какъ это формулировалъ главный теоретикъ якобинской морали и истолкователь Жанъ-Жака Руссо: „Все, что ведетъ къ концентраціи человѣческихъ страстей въ мерзости личнаго я (*dans l'objection du moi personnel*), должно быть отвергнуто или подавлено“.

Есть только одно средство избавиться отъ „мерзости своего я“ — это отдаться тѣломъ и душою *государству*, — конечно, законному правовѣрному государству. Вотъ въ этомъ-то и заключается *патріотизмъ*, и потому патріотизмъ для якобинца — источникъ всѣхъ добродѣтелей и равносильная замѣна ихъ. На этотъ счетъ ученіе самаго добродѣтельнаго изъ патріотовъ не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію. „Это возвышенное чувство, — говоритъ Робеспьеръ о патріотизмѣ, — противопоставляетъ предпочтеніе общественнаго интереса частнымъ интересамъ; отсюда слѣдуетъ, что любовь къ отечеству предполагаетъ или порождаетъ *есть добродѣтели*“.

Поэтому — и это также взято изъ Руссо, который утверждалъ, что въ нормальномъ государствѣ не должно быть никакого различія интересовъ, никакихъ партій — поэтому патріотъ обязанъ уничтожать въ себѣ и *въ другихъ* всѣ привязанности, которыя могли бы стать между нимъ и государствомъ; сюда относятся: вѣра, если она не совпадаетъ съ религіей государства; привязанность къ своей мѣстной общинѣ, къ родной своей области и къ своей особой національности. Все это называлось якобинцами *федерализмомъ* и было въ ихъ глазахъ сепаратизмомъ. Оттого *федерализмъ* былъ для нихъ величайшимъ преступленіемъ, не допускавшимъ никакой пощады, и они совершенно послѣдовательно разсуждали, что если патріотизмъ есть высшая нравственность, то федерализмъ — крайняя безнравственность. Эти два послѣднія по-

нятія такъ покрывали другъ друга, что Сентъ-Жюсть съ своею безстрастной логикой опредѣлилъ *безураственность* „федерализмомъ въ гражданскомъ быту“.

Отсюда вполне ясно, насколько нравственное пересозданіе человека казалось якобинцамъ необходимымъ—и въ чемъ оно состояло. Оно заключалось въ томъ, что якобинцы называли *цивилизмомъ*, т.-е. имѣло цѣлью уничтожить всѣ различія между гражданами, житейскія и мѣстныя, искоренить всѣ индивидуальныя потребности, порвать всѣ мѣстныя связи и привязанности, внушить всѣмъ общіе идеалы и всѣхъ подвести насильственно подъ одинъ общій типъ.

Для этого нужно было прежде всего сокрушить ту вѣковую религію, которая такъ сильно отлекала многихъ отъ якобинскаго государства, и вмѣсто нея создать для французовъ новую, гражданскую, т.-е. государственную религію,—что и было сдѣлано сначала различными попытками провозгласить культъ разума, а потомъ торжественнымъ принятіемъ религіи, установленной Робеспьеромъ. Другимъ могучимъ средствомъ служила *школа* якобинская. Школа должна была исключительно принадлежать государству, и исключительной цѣлью ея было гражданское воспитаніе дѣтей. Поэтому *все* дѣти должны были быть съ самаго ранняго возраста отняты у семьи и подвергаться одинаковому способу воспитанія. „Отечество,—восклицалъ Робеспьеръ,—имѣетъ право воспитывать *своихъ* дѣтей; оно не можетъ предоставить этотъ залогъ ни высокоумію семействъ, ни предразсудкамъ частныхъ лицъ, вѣчнымъ питомникамъ аристократизма и домашняго федерализма, который суживаетъ души, изолируя ихъ“. Въ этомъ отношеніи Дантонъ былъ совершенно согласенъ со своимъ антагонистомъ. „Дѣти,—заявлялъ онъ,—принадлежать республикѣ, прежде чѣмъ они принадлежатъ семьямъ... Кто поручится мнѣ, что эти дѣти, подъ вліяніемъ эгоизма отцовъ своихъ, не станутъ опасностью для республики? И какое намъ дѣло до индивидуальнаго права (*raison*) въ виду національнаго? Въ національныхъ школахъ ребенокъ долженъ всосать въ себя республиканское молоко... Государство (республика) едино и нераздѣльно, и народное просвѣщеніе также должно исходить изъ этого центра единства“.

Но пока новая государственная религія, новые учебники и „республиканскіе катехизисы“ готовились внутренней *цивилизацией*, господствующая партія заботилась о томъ, чтобы правительственными распоряженіями, внушеніемъ страха и примѣромъ проводить *наружный цивилизмъ*, т.-е. измѣнять обычаи, привычки, названія

и даже внѣшній видъ гражданъ сообразно новому „патріотизму“. Съ этою цѣлью календарь Рима на мѣсто воскресенья (седьмица) поставилъ десятницу, переименовалъ дни и мѣсяцы и христіанскія празднества замѣнилъ гражданскими; съ этою цѣлью мѣстечко Сентъ-Дени было переименовано въ Франсіаду; депутатъ Леруа переименовался въ Лалуа, а присяжный Леруа назвалъ себя Десятымъ-Августомъ. Съ тою же цѣлью Сентъ-Жюсть предписалъ въ своихъ „гражданскихъ учрежденіяхъ“, чтобы рабочіе и прислуга ѣли за однимъ столомъ съ хозяевами; комиссаръ Леканіо приглашалъ въ своемъ департаментѣ всѣхъ гражданъ въ день десятницы собираться на общія братскія трапезы (*banquets fraternels*); парижская коммуна предписала хлѣбникамъ печь только одинъ сортъ хлѣба. Конвентъ постановилъ, чтобы заключенные кормились одной общей пищей на счетъ богатыхъ. Съ этою же цѣлью конвентъ поручилъ живописцу Давиду представить ему „проектъ улучшенія національнаго костюма и приноровить его къ республиканскимъ нравамъ и характеру революціи“, а затѣмъ отдалъ приказъ награвировать и распрасить въ 25.000 экземплярахъ образецъ гражданского костюма. Впрочемъ, уже и безъ того наружный видъ санюлота, съ длинными волосами, усами, краснымъ колпакомъ, карманолой, длинными панталонами и деревянными или по крайней мѣрѣ толстыми бабшаками, „становился, вмѣстѣ съ свойственнымъ ему образомъ рѣчи и манерами, обязательнымъ типомъ патріота или всякаго, кто хотѣлъ таковымъ казаться“.

Вотъ къ чему сводился въ итогѣ якобинскій идеалъ, la conception jacobine, какъ его сжато формулируетъ Тэнъ: „Отмеченное построеніе сплюснутаго (*réduit*) человѣческаго типа; стремленіе пригнать къ нему живой индивидуумъ; вмѣшательство государственной власти во всѣ области частной жизни; принужденіе, охватывающее трудъ, обмѣнъ собственности, семью и воспитаніе, религію, нравы и чувства; принесеніе въ жертву частныхъ лицъ обществу и всемогуществу государства“.

Что же касается до результатовъ соціальной программы якобинцевъ, то самый расположенный въ ней и вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрный свидѣтель, всю жизнь остававшійся преданнымъ якобинскому идолу, депутатъ конвента Байѣль, два года спустя, въ самомъ конвентѣ, т.-е. передъ очевидцами и компетентными судьями, характеризовалъ господство якобинскихъ идеалистовъ слѣдующими словами: „Терроръ сокрушалъ всѣ умы, давилъ всѣ сердца; онъ составлялъ силу правительства, и это правительство было таково, что многочисленные обитатели обширной территоріи какъ будто утратили всѣ качества, отличающія человѣка отъ домашняго жи-

вотнаго. Казалось, что въ нихъ осталось лишь столько жизни, сколько правительству угодно было имъ предоставить. Человѣческое я не существовало болѣе; каждый индивидуумъ превратился въ автомата: ходилъ, возвращался, мыслилъ или переставалъ мыслить сообразно съ тѣмъ, какъ его толкала или одушевляла общая траннія“¹⁾).

IV.

Этой-то программѣ якобинцевъ Тэнъ противопоставляетъ свою теорію о государствѣ и обществѣ. Можно даже сказать, что социологія Тэна сама сложилась или во всякомъ случаѣ точнѣе опредѣлилась подъ вліяніемъ якобинскаго представленія о государствѣ и индивидуумѣ и въ противоположность имъ. Во всякомъ случаѣ, нужно думать, что его требованіе невмѣшательства государства въ школьное дѣло было вызвано попыткой якобинцевъ сдѣлать изъ школы средство „пересоздать“ природу человѣка и вылить его въ узкій типъ, соответствующій идеаламъ небольшой фанатической партіи — подобно тому какъ и частые протесты Спенсера противъ господствующей въ Англіи системы *филантропіи* вызваны ея ошибками и крайностями.

Но кромѣ социологической критики, Тэнъ подвергаетъ программу якобинцевъ критикѣ исторической. Онъ сравниваетъ ихъ деспотизмъ съ аналогическими формами въ исторіи и приходитъ къ заключенію, что представленіе якобинцевъ о государствѣ—*ретроградное*, такъ какъ оно соответствуетъ давно пережитымъ культурнымъ формамъ, обусловленнымъ исключительными обстоятельствами—какія представляетъ, напр., античный міръ съ его тѣснымъ муниципальнымъ бытомъ. Тамъ каждый городъ имѣлъ своихъ боговъ, и религія совпадала съ отечествомъ; тамъ царствовала постоянная война съ жестокими послѣдствіями, и побѣжденный со всей семьей продавался въ рабство; вслѣдствіе этого античный городъ заключалъ въ себѣ для каждаго гражданина всю сумму необходимыхъ ему нравственныхъ и матеріальныхъ благъ, и внѣ его стѣнъ человѣкъ не имѣлъ убѣжища ни для себя, ни для своихъ боговъ и идеаловъ. Такое признаніе очевидца и единомышленника, приведенное Тэномъ въ одномъ изъ примѣчавій къ его книгѣ, можетъ замѣнить собой цѣлый рядъ другихъ фактовъ, рисующихъ порядокъ вещей, установленный якобинцами. Только такимъ подавляющимъ и притупляющимъ душу терроромъ можно было до-

¹⁾ Bailleul, въ рѣчи 29 вентоза III года. Тэнъ, II, 67.

стигнуть цѣли и создать типъ якобинца, вѣрующаго въ догму и исполняющаго обряды, вполне правовѣрнаго, безъ пятна или подозрѣнія въ ереси или схизмѣ—безъ отклоненія влѣво въ сторону преувеличенія (Эберъ и парижская коммуна) и безъ отклоненія вправо—въ сторону зловредной снисходительности (Дантонъ и Камилль Дюмуленъ),—однимъ словомъ, тотъ однообразный и строго очерченный типъ, по образцу котораго должны были быть передѣланы всѣ французы. На основаніи всего этого изображенія социальной программы якобинцевъ и ея результатовъ Тэнъ даетъ ей слѣдующую оцѣнку: „Ея исходная точка—„общественный договоръ“ съ его полнымъ отчужденіемъ личности въ пользу общества—есть *софизмъ*; ея цѣль—возстановленіе естественнаго человѣка—есть фантастическій *бредъ*; ея средство—уничтоженіе всякаго неравенства и искорененія всякаго эгоизма и „федерализма“—политическое *донкихотство*; ея орудіе—безпощадное истребленіе всѣхъ разномыслящихъ—преступный *фанатизмъ*“. Совсѣмъ не таково положеніе современнаго человѣка, которому христіанство внушило понятіе *соотности*, а исторія привила чувство индивидуальной *чести*, какъ на это было указано въ изложеніи взгляда Тэна на значеніе индивидуума.

Но еще и третій способъ критики примѣняетъ Тэнъ къ якобинской программѣ, на которомъ мы здѣсь должны остановиться подробно. Выше было приведено выраженіе Тэна, назвавшаго внутреннюю политику якобинцевъ *донкихотствомъ*. Онъ этимъ хочетъ сказать, что задуманное ими пересозданіе французскаго общества и народа было сумасбродною затѣей безъ всякой возможности успѣха, такъ какъ, несмотря на весь свой деспотизмъ, она была имъ не по силамъ и не по плечу.

Тэнъ подкрѣпляетъ эту мысль прежде всего историческими поясненіями. Уже не одинъ разъ жестокій деспотизмъ оставлялъ свой кровавый слѣдъ въ исторіи; но никогда онъ не сопровождался такою *неразумностью* на практикѣ. Когда Филиппъ II преслѣдовалъ мавровъ и евреевъ, когда Людовикъ XIV подвергалъ гоненію гугенотовъ,—жертвами ихъ деспотизма была лишь $\frac{1}{15}$ или $\frac{1}{20}$ часть ихъ подданныхъ. Власть Кромвеля, правда, была узурпаціей, ненавистной большинству народа, но зато этотъ узурпаторъ не подвергалъ гоненію религіозныя партіи, а напротивъ, сдерживалъ рвеніе фанатиковъ. Даже дикій фанатизмъ магометанскихъ калифовъ или султановъ въ VII или въ XV вѣкѣ щадилъ поработенныхъ христіанъ и предоставлялъ имъ право жить по своему закону, подъ руководствомъ своихъ духовныхъ вождей.

Такимъ образомъ, никто изъ прежнихъ тирановъ не пытался

порабощать *всѣхъ* подвластныхъ ему людей и переименовывать ихъ *во всѣхъ*. Какъ ни велика была тиранія, она касалась лишь одного какого-нибудь класса людей; какъ ни глубока была тиранія, она останавливалась на известной чертѣ, и за этой чертой чувства и вѣрованія человѣка оставались неприкосновенными. Съ другой стороны, прежніе тираны располагали достаточной силой для достиженія своей цѣли. Филиппъ II и Людовикъ XIV имѣли за себя большинство націи, столь же фанатическое и озлобленное противъ диссидентовъ, какъ они сами. Кромвель, проводившій въ жизнь пуританскую программу, опирался, правда, на незначительное меньшинство, армию ригористовъ, еще болѣе строгихъ къ себѣ, чѣмъ къ другимъ; это были самые честные, самые умѣренные, самые трудолюбивые и настойчивые изъ людей.

Совершенно обратное видимъ мы у якобинцевъ: по мѣрѣ ихъ успѣха ихъ теорія становится все требовательнѣе и возлагаетъ на исполнителей все большія тягости. Въ началѣ якобинецъ нападалъ только на королевскую власть, на церковь, на дворянство, на церковную собственность и феодальныя привилегіи; однимъ словомъ, на средневѣковыя учрежденія; потомъ онъ сталъ нападать на учрежденія гораздо болѣе древнія и гораздо болѣе прочныя— на христіанскую религію, на собственность и на семью. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ довольствовался разрушеніемъ; теперь онъ вздумалъ создавать; онъ хлопочетъ не о томъ только, чтобы отиѣнить существующую религію и уничтожить социальное неравенство, искоренить догмы, основанныя на откровеніи, унаслѣдованныя вѣрованія и установленное богослуженіе, всякое преимущество въ званіи или состояніи, богатство и досугъ, вѣжливость и изящество;—ему нужно еще передѣлать гражданина, сфабриковать для него новыя чувства, навязать личности естественную религію, гражданское воспитаніе, однообразіе нравовъ, якобинскій пошибъ, спартанскую доблесть; однимъ словомъ, онъ не предоставляетъ человѣку ничего своего, ничего такого, что не было бы ему предписано, указано и вынуждено у него. „Съ этой минуты революція имѣетъ противъ себя не только приверженцевъ стараго порядка, патеровъ, дворянъ, прежнюю магистратуру, роялистовъ и католиковъ, но еще и всѣхъ тѣхъ, кто проницаетъ европейской цивилизаціей, кто состоитъ членомъ прочной семьи, владеетъ капиталомъ значительнымъ или небольшимъ, имѣетъ собственность какого-либо вида или степени,—т.-е. имѣетъ противъ себя всѣхъ земледѣльцевъ, промышленниковъ, торговцевъ, арендаторовъ, ремесленниковъ и даже большинство революціонеровъ, которые вовсе

не желаютъ подвергаться принужденію, не отъ нихъ исходящему, и любятъ горячую рубашку только на спинѣ другихъ“.

„А гдѣ же,—спрашиваетъ Тэнъ,—та сила, на которую могли опереться якобинцы въ своемъ безумномъ начинаніи? Они составляютъ меньшинство, ихъ приходится по одному на 15 или 20 человекъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Ихъ господство установилось со вчерашняго дня; они водворились во власти посредствомъ мнимыхъ выборовъ, вынудивъ силою или обманомъ голоса въ свою пользу; тѣми же способами среди нихъ самихъ меньшинство одолѣло большинство, запугавъ уличными бунтами конвентъ и подавивъ департаменты вооруженной силой. Во главѣ ихъ партіи теперь какая-нибудь дюжина вожаковъ съ неограниченной властью; но ихъ авторитетъ шатокъ, каждый мѣсяцъ перемѣщеніе большинства въ конвентѣ можетъ ихъ ниспровергнуть. Въ ихъ партіи нѣтъ дисциплины и подчиненія; самыя послѣдніе крикуны, въ родѣ Эбера и Ру, стараются превзойти фанатизмомъ вожаковъ и протиснуться на ихъ мѣсто. Вожаки могутъ удержаться во власти только проявленіемъ самой грубой силы, кровопролитіемъ и терроромъ. Но чтобы терроръ сохранялъ свое дѣйствіе надъ умами, они принуждены злоупотреблять имъ, и все больше и больше налегаютъ на это орудіе“... „Вотъ почему руководители секты, ея естественные и напередъ отмѣченные вожди представляютъ собою теоретиковъ, способныхъ усвоить себѣ принципъ и вывести изъ него всѣ послѣдствія, но въ то же время настолько неразумныхъ, чтобы не видѣть, что ихъ затѣя превосходитъ ихъ *силы* и *всякія* человѣческія силы,—достаточно смысленныхъ, чтобы понять, что дикое насиліе—ихъ единственное орудіе; настолько безчеловѣчныхъ, чтобы пустить его въ ходъ безъ всякаго удержа со стороны совѣсти, и настолько извращенныхъ, чтобы расточать убійства для внушенія страха“.

Несообразность и невыполнимость якобинской программы, ея противорѣчіе основнымъ условіямъ человѣческой природы и общезжитія никто еще не обнаруживалъ съ такою очевидностью и убѣдительностью, какъ Тэнъ въ указанной главѣ его сочиненія. Но онъ сдѣлалъ еще болѣе. Онъ не ограничился обличеніемъ теоретической несостоятельности якобинскаго деспотизма, но наглядно раскрылъ передъ читателемъ поразительный контрастъ между фантастическими цѣлями этой партіи и ничтожностью ея политическихъ средствъ. Суетность якобинской затѣи, осуществлявшейся цѣною небывалаго и невыносимаго гнета, ничѣмъ не могла быть такъ безпощадно разоблачена, какъ фактически изуче-

нiемъ и описанiемъ самаго *механизма* недолговѣчнаго якобинскаго государства. Изображенiе этого механизма, основанное, какъ всегда, на обильномъ и искусно сгруппированномъ материалѣ, представляетъ собою совершенно *новую* страницу въ исторiи Францiи. Какъ и кѣмъ держалось якобинское государство? какъ дѣйствовали его орудiя? насколько были они надежны и прочны, насколько способны принудить двадцатипятимиллионный народъ идти къ намѣченной въ программѣ цѣли? Организациа якобинской партiи въ самомъ Парижѣ была уже и прежде извѣстна; но и тутъ Тэнъ прибавилъ такiя черты и подробности, благодаря которымъ парижская коммуна и революцiонные комитеты 48 секцiй явились въ новомъ освѣщенiи;—такъ, напр., онъ указалъ, что изъ 88 членовъ коммуны, званiе и образованiе которыхъ могло быть обнаружено, 56 были безграмотны или почти безграмотны. Объ организации же террора въ провинцiяхъ можно сказать, что она совершенно заново выяснена Тэнномъ.

Въ силу декретовъ конвента, въ каждой общинѣ долженъ былъ быть свой мѣстный центръ террора, т.-е. свой революцiонный комитетъ, что дало бы для всей Францiи 45.000 комитетовъ съ 540.000 членами и стоило бы государству 591 миллионъ въ годъ. Тэнъ, въ первомъ томѣ своего сочиненiя высчитавшiй неприводимые расходы *старою порядкомъ*, теперь замѣчаетъ, что якобинскiй деспотизмъ, помимо обыкновенной своей администрацiи, вдвое болѣе многочисленной и вдвое болѣе стоившей, чѣмъ администрацiя при старомъ порядкѣ, долженъ былъ бы такимъ образомъ тратить „на простой надзоръ за народомъ“, т.-е. на революцiонные комитеты, на 100 миллионъ больше всей совокупности налоговъ, тяжесть которыхъ привела къ возстанiю противъ стараго порядка. „Но, къ счастью, чудовищный грибокъ успѣлъ вырости только на половину—вмѣсто 45.000 комитетовъ во Францiи возникло лишь 21.000: якобинское сѣмя и зараженная атмосфера, необходимая для его восхода, не вездѣ была на лицѣ“. На самомъ дѣлѣ въ маленькихъ общинахъ съ населенiемъ ниже 500 человекъ, а также въ общинахъ, хотя и болѣе населенныхъ, но отдаленныхъ отъ городовъ и чисто земледѣльческихъ, особенно же тамъ, гдѣ жители говорили на мѣстномъ нарѣчiи (*paroiss*), не оказывалось людей, годныхъ для революцiоннаго комитета. „Деревенское населенiе доступно менѣе, чѣмъ городское, социальнымъ эпидемiямъ“. Въ деревнѣ меньше досуга, меньше грамотѣевъ и меньше охотниковъ до канцелярской работы. Къ тому же истый крестьянинъ не принадлежитъ ни къ какой пар-

тія, онъ ни роялистъ, ни республиканецъ, его представленія для этого слишкомъ скудны, слишкомъ ограниченны и неподвижны. Изъ всей революціи онъ усваиваетъ только то, что его хватается за живое, или что онъ каждый день видитъ вокругъ себя: 1793-й и 1794-й годъ остались для него „эпохой плохихъ ассигнацій и большого страха“ — и ничѣмъ болѣе. Съ обычнымъ своимъ терпѣніемъ онъ покоряется новому порядку, какъ поворачался старому, и стибаетъ спину изъ страха, чтобы не было хуже. Но онъ избѣгаетъ сельскихъ должностей и всякой отвѣтственности; если ему насильно навязываютъ должность, онъ принимаетъ ее изъ страха и „становится молотомъ, чтобы не служить наковальней. Но онъ ждетъ только случая, чтобы уйти подъ благовиднымъ предлогомъ, а пока остается въ должности, работаетъ, подобно своей лошади, по неволѣ, изъ-подъ влута“.

Въ большихъ селахъ и въ мѣстечкахъ, гдѣ существуетъ революціонный комитетъ, „запряженные лошади иногда дѣлаютъ видъ, какъ будто *тянутъ*, на самомъ же дѣлѣ вовсе не тянутъ, боясь, какъ бы кого-нибудь не задавить“. Тѣмъ наглядно описываетъ внутренній, обособленный мірокъ, который представляетъ собою такое мѣстечко, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ, всѣ связаны интересами и мѣстнымъ преданіемъ, и потому щадятъ другъ друга. Въ иныхъ мѣстечкахъ и въ небольшихъ городахъ недоброжелатели и фанатики были не въ достаточномъ числѣ, чтобы занять всѣ должности, и принуждены допустить въ свою среду людей равнодушныхъ, сомнительныхъ или просто нуждающихся и приставшихъ къ господствующей партіи изъ-за куска хлѣба. Наконецъ, въ среднихъ и большихъ городахъ суматоха, вызванная коллективными отрѣшеніями отъ должности и импровизированными назначеніями, такъ велика, что въ администрацію массой проникаютъ *мнимые* якобинцы, которые слишкомъ много болтали въ клубахъ и собраніяхъ, и потому оказались на виду, но въ душѣ остаются жирондистами или фельянами. Они сидятъ рядомъ съ якобинцами худшаго сорта на самыхъ худшихъ должностяхъ, но въ сущности дѣйствуютъ какъ автоматы. Тѣмъ приводитъ въ примѣръ одного судью революціоннаго трибунала въ Камбрѣ, который рассказывалъ, что передъ тѣмъ, какъ идти въ судъ, онъ проглатывалъ большой стаканъ ликера, чтобы придать себѣ силы вынести засѣданіе. „Я долженъ былъ ставить приговоръ на основаніи вердикта присяжныхъ; что мнѣ было дѣлать? Я напивался и старался все забыть, даже самыя имена подсудимыхъ“.

Очевидно, мѣстный персоналъ, на который возложено осущест-

вление якобинской программы, слишкомъ валь, ненадеженъ или даже втайнѣ враждебенъ. „Необходимо его постоянно подновлять и замѣнять свѣжими силами изъ якобинскихъ резервуаровъ въ главныхъ городахъ и особенно изъ Парижа“. И вотъ почему, по выраженію Тэна, якобинцы настоящей саранчой налетаютъ изъ своихъ центровъ на провинцію и деревню. Тэнъ подробно слѣдитъ за полетомъ и губительнымъ дѣйствіемъ „вреднаго на-сѣкомаго“ и показываетъ, какъ якобинизмъ распространяется и спускается сверху, и какъ пришлая и навязанная мѣстнымъ общинамъ администрація накладываетъ „на всю безцвѣтную страну свое красное пятно“. И на самомъ дѣлѣ это только *пятно*, лежащее на самой поверхности; ибо санюлоты хотятъ довѣрить административныя должности лишь людямъ своего закала, а въ провинціи, особенно въ селахъ, такіе люди рѣдки. По признанію одного изъ членовъ конвента—годныхъ людей вездѣ недостаетъ— „il y a disette de sujets“. Отовсюду слышатся жалобы якобинскихъ заправиль и агентовъ: „народъ не хочетъ открыть глаза“; „общественный духъ среди крестьянъ, ремесленниковъ и поденщиковъ прескверный“... число недовольныхъ „ростетъ какъ будто со дня на день“; „придется истребить все племя, колонизовать сѣзнова всю страну“; „республиканскія чувства еще въ колыбели; фанатизмъ невѣроятно силенъ... лишь революціонная армія и святая гильотина излечать этотъ народъ отъ его смраданаго аристократизма“. А тамъ, гдѣ общее настроеніе нѣсколько горячѣе, якобинцы сами говорятъ, что это „напускной жаръ“, поддерживаемый лишь присутствіемъ пяти-шести парижскихъ террористовъ; въ Греноблѣ якобинскій агентъ сознается, что все дѣло его пропадетъ, лишь только онъ на одинъ день предоставитъ населеніе самому себѣ. Иначе и не могло быть: во многихъ городахъ якобинцы пересчитываютъ *своихъ* людей, террористовъ настоящаго закала, и оказывается, что ихъ всего одинъ десятокъ или два—22 въ Труа, 21—въ Греноблѣ, 10—въ Бордо, 7—въ Пуатье, столько же въ Дижонѣ—„весь персоналъ, дѣйствующій въ большомъ городѣ, могъ бы усѣсться за однимъ столомъ“. Отъ своихъ усилій распространиться по всей странѣ якобинская шайка только рѣдѣетъ. „Якобинцы остаются тѣмъ, чѣмъ всегда были—немногочисленнымъ разбойничьимъ станомъ, расположившимся въ іерархическомъ порядкѣ, какъ нѣкогда феодалы надъ завоеванной Франціей; если терроръ, ими распространяемый, увеличиваетъ число ихъ рабовъ, то ужасъ, который они внушаютъ, въ то же время уменьшаетъ число преданныхъ имъ людей, и ихъ мень-

шинство остается крайне незначительнымъ, такъ какъ ихъ пособниками могутъ служить лишь лица имъ подобныя“ (III, 334).

Если принять во вниманіе безусловный авторитетъ комитета общественнаго спасенія, всемогущество его комиссаровъ, многочисленность и дисциплину выставленныхъ ими армій, нельзя не представить себѣ якобинство грозною, прочно установленною силою. Между тѣмъ это оптический обманъ. Тэнъ доказываетъ, что никогда въ мірѣ не было деспотизма, который повоился бы на такомъ относительно шаткомъ основаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему это основаніе было такъ шатко. Слабость якобинскаго владычества обуславливалась не только малочисленностью партіи, настоящіе члены которой терались въ управляемой и терзаемой ими странѣ, но и негодностью административнаго персонала якобинцевъ. Они захватили власть надъ страной богатой, съ вѣковой и утонченною цивилизаціей; кому же они предоставили управленіе этой страной и безконтрольное распоряженіе ея средствами? Самое названіе партіи служитъ достаточнымъ отвѣтомъ: это были *санжолоты*, какъ они себя называли, т. е. люди безъ прочнаго достатка или заработка, перебивавшіеся со дня на день, промышлявшіе мелкими дѣльщиками и нуждавшіеся въ какомъ-нибудь жалованьѣ, чтобы заниматься общественными дѣлами. Тэнъ подробно знакомитъ читателя съ личнымъ составомъ правительствующаго класса при якобинскомъ господствѣ; этотъ классъ набирался изъ слоевъ, наименѣе пригодныхъ для правительствующей дѣятельности не только по своему невѣжеству, но и по своей нравственной недоброкачественности. „Они такъ же глупы, какъ безпутны“, говорилъ членъ конвента Альберъ о своихъ пособникахъ въ Труа. Недаромъ въ Ропфорѣ президентомъ якобинскаго клуба состоялъ палачъ. „Но какъ ни низко ихъ общественное положеніе, ихъ развитіе и ихъ сердце еще ниже, потому что каждый изъ нихъ въ своемъ ремеслѣ или промыслѣ представляетъ собою не отборную часть гражданъ, а отребье“. Вотъ почему этими, мимоходомъ сказанными, словами Тэнъ даетъ существенное объясненіе одному изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ исторіи якобинской революціи, „вотъ почему послѣ 10-го термидора ихъ повсюду выгоняютъ, многихъ какъ террористовъ, но большинство какъ глупцовъ, скандалистовъ, сумасбродовъ или просто какъ проходимцевъ“. „Было бы слишкомъ много чести,—говорить Тэнъ,—приписывать такимъ людямъ убѣжденіе или принципы—у нихъ можно найти только личную злобу и вождельнія (*des appetits*), и они пользуются своими должностями, чтобы дать

этому удовлетвореніе. Обычнымъ мѣстомъ собранія для заправилъ муниципалитета или клуба во многихъ мѣстахъ служили харчевни или кабаки; ньянство играло видную роль въ проведеніи террора. „Кто хочетъ быть людскимъ живодеромъ (un bon égorgeur), долженъ предварительно напиться“ — такъ говорили и дѣйствовали въ Парижѣ сентябрьскіе убійцы; а такъ какъ „революціонное правленіе“ было не чѣмъ инымъ, какъ организованною, продолжительною и непрерывною рѣзней (Septembrisade), то большинство его агентовъ принуждены много пить.

Но еслибы еще эта новая бюрократія „революціонныхъ комитетовъ“ и клубовъ ограничилась порокомъ нетрезвости! Больше крупнымъ недостаткомъ новыхъ правителей было хищеніе. Въ самомъ конвентѣ было заявлено, что „революціонные комитеты“ самовольно оплачивали себя за свои труды; а когда послѣдовалъ декретъ, назначавшій ихъ членамъ по 3 и по 5 фр. въ день, они продолжали наживаться помимо этого жалованья. И какъ было устоять противъ искушенія, когда такая масса богатства проходила безконтрольно черезъ руки подобныхъ людей. То, что не было сдѣлано въ свое время — приведеніе въ извѣстность якобинскихъ хищеній — отчасти восполнено теперь историкомъ. На четыре рубрики — по четыремъ источникамъ незаконныхъ присвоеній — распредѣлилъ Тэнъ свой громадный обвинительный матеріалъ: первый изъ нихъ составляло взиманіе революціоннаго налога на богатыхъ, принудительные займы и такъ называемыя добровольныя пожертвованія. На основаніи приведенныхъ въ своей книгѣ данныхъ, Тэнъ утверждаетъ, что до трехъ или четырехъ сотъ милліоновъ золотомъ и серебромъ, вымученныхъ до конца 1793 года, а послѣ того сотни милліоновъ въ ассигнаціяхъ, — однимъ словомъ, почти весь результатъ чрезвычайныхъ революціонныхъ поборовъ — были присвоены и расхищены мѣстными санкулотами. Другимъ выгоднымъ источникомъ наживы была жизнь и свобода управляемыхъ; въ теченіе двухъ лѣтъ безнаказанно производилась во всѣхъ концахъ Франціи самая оживленная торговля этими „драгоценными предметами“; какъ платившіе, такъ и получавшіе плату были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ торговые сдѣлки производились въ тайнѣ, не оставляя слѣдовъ, и тѣмъ не менѣе въ книгѣ Тэна можно найти поразительныя доказательства тому, какъ нахально и на какую широкую ногу производилась эта торговля. Далекое не всѣмъ несчастнымъ однако удавалось откупиться тяжелыми денежными жертвами отъ заключенія, и вотъ эти-то несчастные, наполнявшіе тюрьмы,

представляли собою третій источникъ наживы, не менѣе обильный, но болѣе открытый и еще болѣе заманчивый. Какъ скоро „заподозрѣнное“ лицо попадало въ заключеніе, все, что оно приносило съ собою, и все, что оно оставляло дома, становилось добычей комиссаровъ и администраторовъ. Даже жены обвинителя и судей являлись въ канцелярію и отбирали себѣ изъ вещей, принадлежавшихъ обвиненнымъ, все, что имъ было по вкусу—серебряныя пряжки, тонкое бѣлье и кружева. Все это однако бездѣлица въ сравненіи съ тѣмъ имуществомъ арестованныхъ, которое попадало подъ севестръ. Всѣ дома, принадлежавшіе духовнымъ лицамъ и дворянамъ, замки и дворцы по всей Франціи съ находившеюся въ нихъ движимою собственностью, а также и большинство лучшихъ домовъ въ буржуазіи съ богатымъ, хорошо устроеннымъ хозяйствомъ, и сверхъ того почти всѣ склады и магазины крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ подлежали севестру и представляли колоссальную цѣнность, порученную охраненію санкюлотовъ, которые все это „завоевывали для націи“, а сами были бѣдны, и при ближайшемъ осмотрѣ всѣхъ этихъ полезныхъ и прекрасныхъ вещей „еще болѣе чувствовали свою нужду“. Все это принадлежало націи, т. е. собственно не имѣло господина и охранялось узкимъ лоскуткомъ бумаги съ двумя печатями. Чего же удивляться,—спрашиваетъ Тэнъ,—если этотъ слабый лоскутокъ, наложенный на конфискованныя имущества или севестрованные товары, такъ часто рвется подъ грубыми и хищными руками? Однако, четвертый источникъ добычи былъ самымъ обильнымъ изъ всѣхъ. Несмотря на всевозможныя лихоимства и на всѣ хищенія агентовъ, у республики, грабившей въ громадныхъ размѣрахъ, многое оставалось на рукахъ: крупные предметы движимой собственности, неудобные для расхищенія, значительныя массы разнаго товара и главнымъ образомъ недвижимая собственность. Все это республика распродала, и можно было бы за дешевую цѣну сдѣлаться законнымъ владельцемъ самыхъ цѣнныхъ предметовъ. Этимъ путемъ приобретались почти даромъ самыя рѣдкіе предметы роскоши и искусства. Республиканскіе комиссары спѣшили спускать съ торговъ все, что было возможно, чтобы посворѣе получить свои проценты; а часто они же сами занимались покупкой и перепродажей, прибѣгая къ плутовству, чтобы дешевле приобрести подлежащее продажѣ: разрознивали тома большихъ сочиненій при продажѣ библиотекъ, продавали объекты телескопа отдѣльно отъ трубы, замѣняли драгоцѣнные камни фальшивыми. Но все это ничто

сравнительно съ выгодой, которую доставляла покупка недвижимыхъ имуществъ: нерѣдко барышомъ отъ порубки одного участка покрывалась цѣна, заплаченная за весь лѣсъ, или продажей желѣзной рѣшетки парка или же свинцовой крыши замка оплачивалась стоимость цѣлаго имѣнія.

Посредствомъ этой-то торговли, — говоритъ Тэнъ, — создались тѣ громадныя состоянія, которыя успѣвали составить себѣ наиболѣе ловкіе террористы. Такъ объясняются „колоссальныя богатства“, которыми „мирно наслаждались“, по отзывамъ современниковъ, „послѣ паденія Робеспьера, тѣ хитрые мошенники, которые до термидора были каждый въ своемъ околоткѣ „маленькими Робеспьерами“. Но развѣ, — спрашиваетъ Тэнъ, — имущества контръ-революціонеровъ могли попасть въ лучшія руки? Вѣдь по ученію Марата, апостола и канонизованнаго мученика революціи, цѣль ея только и заключалась въ отнятіи богатства у великихъ міра сего и въ передачѣ его малымъ! Правительствующій классъ въ революціи — якобинцы — и придерживался этой аргументаціи вездѣ и во всемъ: и при продажѣ національныхъ имуществъ, и при охраненіи севестровъ, и при освобожденіи отъ ареста, и при взиманіи революціонныхъ налоговъ и займовъ. „Нигдѣ, — таковъ выводъ Тэна изъ его тщательнаго и обширнаго разслѣдованія о дѣятельности якобинской администраціи, — нигдѣ ни въ печатныхъ, ни въ рукописныхъ документахъ я не встрѣтилъ революціоннаго комитета, соединявшаго терроризмъ съ честностью“ (III, 363).

Это *doznanie*, произведенное Тэномъ, оставило глубокий слѣдъ въ исторіографіи. Изображеніе Тэномъ низшаго правительствующаго персонала эпохи террора завершаетъ проводимую имъ въ своей книгѣ идею о діаметральной противоположности якобинской теоріи и практики. Во имя непосредственнаго народовластія, якобинцы ниспровергли конституціонную монархію и немедленно установили надъ французскимъ народомъ самый безконтрольный и тяжелый деспотизмъ. По теоріи и рѣчамъ клубныхъ ораторовъ, побѣда якобинцевъ должна была ознаменовать собою удаленіе отъ власти „испорченныхъ роскошью“ и зараженныхъ слоевъ общества и призваніе къ власти „непорочнаго“ и „неподкупнаго“ — по опредѣленію Руссо — народа; а на самомъ дѣлѣ побѣда якобинцевъ предала народъ въ жертву самымъ хищническимъ и негоднымъ его элементамъ. Какъ декорація для отвода глазъ Франціи и Европы, на самой верхушкѣ якобинской державы красовалась одинокая фигура дѣйствительно безкорыстнаго,

„неподкупнаго“ Робеспьера,—но какъ горько было бы для этого пророка и жреца моральнаго террора сознание, что его смерть будетъ началомъ избавленія французскаго народа отъ господства самыхъ вредныхъ и злобачественныхъ его *паразитовъ*, и что оставшіеся въ администраціи якобинцы превратятся, подъ бдительнымъ надзоромъ „перваго консула“ и заведеннаго имъ строгаго бюрократизма, въ исполнительныхъ чиновниковъ—добросовѣстныхъ и честныхъ, если не по натурѣ, то по инстинкту самосохраненія и изъ честолюбія, какъ это выяснилъ Тэнъ въ томъ о Наполеоновскомъ порядкѣ.

В. ГЕРЬЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши, исчезаетъ,—
Тѣнь мертвыхъ ужь близка,
И радость горькая имъ снова отвѣчаетъ,
И сладкая тоска.

Что жъ онъ пророчитъ мнѣ,—настойчивый и властный
Призывъ родныхъ тѣней?
Расцвѣтъ ли новыхъ силъ торжественный и ясный,
Конецъ ли смертныхъ дней?

Но что бъ ни значилъ онъ, привѣтъ вашъ замогильный,—
Съ нимъ сердце бьется въ ладъ.
Оно за вами, къ вамъ,—и по дорогѣ пыльной
Мнѣ не идти назадъ.

II.

Наконецъ она страхнула
 Обветшалый свой уборъ,
 Улыбнулась, и вздохнула,
 И раскрыла ясный взоръ.

Неба пламенные розы
 Отражаются въ волнѣ,
 И разносятъ духъ березы
 Лѣсъ въ прозрачномъ полуснѣ.

Отчего же день расцвѣта
 Для меня—печали день?
 Отчего на праздникъ свѣта
 Я несу ночную тѣнь?

Съ пробудившейся землею
 Разлучень, въ нѣмой странѣ
 Кто-то съ тяжелой тоскою
 Шепчетъ: „вспомни обо мнѣ!“

Владимиръ Соловьевъ.

28 апрѣля.

МИНУСИНСКАЯ БЫЛЬ

ИЗЪ СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ ДО ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Въ южной полосѣ Сибири, въ хлѣбородномъ и богатомъ всевозможными дарами природы округѣ ¹⁾ минусинскомъ, вблизи многоводнаго и быстрого Енисея находится село Абаканское. Села въ этой части Сибири обыкновенно очень населены и тянутся въ одну улицу иногда на нѣсколько верстъ. Главный крестьянскій промыселъ тамъ—хлѣбопашество. Да и грѣхъ было бы крестьянину мѣнять этотъ промыселъ на какой-либо другой: пшеница минусинская славится на всю восточную Сибирь. Другая пшеница, такъ называемая линейская, въ томской губерніи и въ степныхъ областяхъ, считается уже второстепенною. Хлѣбопашество и обогащало минусинскихъ крестьянъ, такъ какъ сбытъ хлѣба внизъ по Енисею былъ незатруднителенъ даже до учрежденія пароходства между Красноярскомъ и Минусинскомъ.

Есть, впрочемъ, почти въ каждомъ большомъ сибирскомъ селѣ также и крестьяне не хлѣбопашцы, а извѣстные подъ именемъ „крестьянъ торгующихъ“. Они въ своихъ селахъ заводятъ лавки съ разными товарами для крестьянскаго обихода, которые покупаютъ въ губернскихъ городахъ и преимущественно въ Томскѣ зимой. Нѣкоторые берутъ на себя поставки товаровъ на присски и провозятъ ихъ туда по зимнему пути. Иные занимаются продажей и покупкою скота и лошадей. Такимъ образомъ они отбиваются совершенно отъ крестьянской жизни и почти постоянно вочуютъ съ мѣста на мѣсто. Въ лавкахъ же въ ихъ родныхъ селахъ торгуютъ или жены, или взрослые дѣти, или родственники.

¹⁾ Сибирскія губерніи раздѣлены не на уѣзды, а на округа.

Въ селѣ Абаканскомъ лѣтъ двадцать тому назадъ проживалъ одинъ изъ такихъ торгующихъ крестьянъ—по имени Иванъ Кузьмичъ Юдинъ съ женою Марьею Ивановною, очень видною женщиною, которую постоянно видѣли въ лавкахъ при ихъ собственномъ домѣ. Всегда опрятно одѣтая, сидѣла она обыкновенно за прилавкомъ, подъ образомъ съ неугасимою лампадою, освѣщавшею и образъ, и прибитые по сторонамъ его торговые документы. Трое малыхъ здоровыхъ ребятшекъ рѣзвились предъ лавкою и всегда на глазахъ матери. Самъ же Иванъ Кузьмичъ былъ почти постоянно въ разѣздахъ.

Въ молодые годы, какъ только Юдинъ женился, ему по-счастливилось въ торговлѣ. Правда, тогда и золотопромышленность была въ самомъ разгарѣ на енисейскихъ пріискахъ. По зимамъ въ Томскѣ онъ дѣлалъ большія закупки, да и кредитъ приобрѣлъ тамъ значительный. А потомъ какъ-то случилось, что надули его, купили у него въ долгъ товаръ, перепродали его за наличныя деньги и исчезли. Однакожь и затѣмъ Юдинъ скоро поправился. Но когда золотопромышленники начали сокращать работы на пріискахъ, съ одной стороны, вслѣдствіе введенія стѣснительныхъ правилъ для нихъ, а съ другой—потому, что лучшіе пріиски были уже выработаны, при чемъ хозяева ихъ стали и туго разсчитываться съ поставщиками,—Юдину пришлось и самому разсрочить свои платежи у томскихъ купцовъ. Однакожь эти извѣстные тогда по всей Сибири кулаки не были такъ стоворчивы съ нимъ, какъ онъ самъ съ своими должниками. И бѣдный добрякъ Юдинъ попалъ, какъ говорятъ въ Сибири, въ тѣсноту. Пришлось и у милой своей супруги Марьи Ивановны забрать кой-какія сбереженія, собранныя на черный день. Перебивались, перебивались Юдины, но наконецъ наступила очередь вынуть изъ сундука Марьи Ивановны и купленный ею самою выигранный билетъ на дѣтское счастье. Къ такой жертвѣ принудилъ Юдиныхъ одинъ изъ самыхъ назойливыхъ ихъ кредиторовъ. Со вздохами и причитаніями отнесенъ былъ билетъ въ залогъ мѣстному волостному писарю. Въ то время, въ которому относится нашъ рассказъ, волостные писаря въ Сибири играли еще роль не-маловажную.

Уладивъ дѣло съ назойливымъ кредиторомъ, Юдинъ далъ себѣ слово быть болѣе настойчивымъ въ требованіи уплатъ должныхъ ему денегъ. Марья Ивановна съ своей стороны дала ему строгое наставленіе по этому предмету, и какъ только установилось лѣто и поправились дороги, она отправила мужа по разнымъ мѣстамъ собирать долги. Юдинъ уѣхалъ тотчасъ же послѣ Троицы, проѣз-

диль весь Петровъ постъ и не извѣщалъ жену, гдѣ онъ находится.

„Что это случилось съ нимъ? — думала Марья Ивановна. — Не случилась ли какамъ бѣда, не дай, Господи? Вѣдь у насъ въ Сибири на все нужно быть готовымъ“.

Наступилъ и июль мѣсяцъ, а Юдинъ все не возвращался домой и даже не писалъ женѣ.

Разъ какъ-то Марья Ивановна сидѣла за прилавкомъ и раздумывала — кого бы разспросить, куда бы можно было написать мужу и переслать ему письма изъ Томска, полученные въ его отсутствіе, и во время этихъ ея печальныхъ размышленій увидѣла идущаго по улицѣ волостного писаря — Пармена Парменовича Сухихъ. Онъ шелъ въ ея сторону. Юдина подумала: „Вотъ и хорошо. Нужно звать его въ лавку и спросить: можетъ быть, онъ знаетъ что-нибудь о мужѣ, или спрошу у него совѣта, что дѣлать?“

Волостной писарь, средняго роста, плотный мужчина, съ замѣтнымъ брюшкомъ, съ круглою головою, въ свѣтлой фуражкѣ и въ легкомъ широкомъ верхнемъ платьѣ, несомнѣнно спитомъ въ губернскомъ городѣ, шагаль маленькими, скорыми шажками и безпрестанно осматривался по сторонамъ. Встрѣчные пѣшие и проѣзжіе крестьяне, завидѣвъ его, уже издали снимали шапки и кланялись, а онъ въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія чуть-чуть приподнималъ фуражку лѣвою рукою, такъ какъ въ правой держалъ толстую сучковатую палку, которая, какъ говорили, не разъ со служила ему хорошую службу при нѣсколькихъ выдержанныхъ имъ нападеніяхъ на его особу. Къ тому же, во время этихъ нападеній оказалось, что и силы былъ онъ необыкновенной, такъ что въ концѣ концовъ потомъ былъ уже застрахованъ отъ злоумышленниковъ и лѣтъ тридцать состоялъ волостнымъ писаремъ Абаванской волости. Кромѣ своихъ служебныхъ обязанностей, онъ имѣлъ и другое болѣе любимое занятіе — давалъ деньги на проценты и бралъ проценты въ ужасающемъ размѣрѣ, извѣстномъ только въ сибирской глуши.

Размахивая своею палкою, онъ приближался къ лавкѣ Марьи Ивановны, которая, въ намѣреніи звать его, вышла на улицу и смотрѣла въ его сторону. Къ удивленію своему, она увидѣла, что писарь круто повернулъ и прямо по направленію къ лавкѣ.

— Здравствуйте, Пармень Парменычъ, — привѣтствовала его Марья Ивановна. — Ужъ какъ я рада, что вы зашли въ лавку. Ужъ такъ кстати, можно сказать. Вамъ купить что-нибудь?

— Нѣтъ, Марья Ивановна, пока купить ничего не требуется; а вотъ по одному дѣльцу зашелъ поговорить.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Но не прикажете ли чайку? Дѣти, бѣгите сказать работнику, чтобы ставилъ самоваръ, да несъ бы его намъ сюда въ лавку!

— Гдѣ это запропастился вашъ Иванъ Кузьмичъ? Куда легкая его занесла?—грубо спрашивалъ писарь.

Въ этой грубой манерѣ своего писаря давно привыкло абаганское населеніе.

Марья Ивановна тяжело вздохнула.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Парменъ Парменичъ, что не знаю я, гдѣ мужъ. Съ вами хотѣла посоветоваться, какъ его разыскать. Господи, чтѣ онъ со мною дѣлаетъ,—вѣдь я ночей не сплю! Да и дѣла запускаетъ. Вотъ письма ему изъ Томска. Нужно отвѣчать на нихъ, чтобы люди не безпокоились.

— Какія письма?—порывисто спросилъ писарь, и глаза его запрыгали и заблестѣли.—Дайте-ка сюда ихъ, я посмотрю, отъ кого.

— Да извѣстно отъ кого. Требуютъ люди платежей, сроки наступаютъ.

И Марья Ивановна подала ему пачку писемъ.

Писарь внимательно осмотрѣлъ ихъ и видимо успокоился.

— Вотъ чтѣ, Марья Ивановна, — вдругъ рѣзко заговорилъ онъ. — Я захелъ сказать вамъ, чтобы вы выкупили вашъ выгрышный билетъ. Миѣ нужны деньги, страсть какъ нужны...

Быстрые глаза писаря остановились на Юдиной и слѣдили за ея смущеніемъ. Она, видимо, затруднялась, чтѣ ей отвѣчать.

— Я дольше ждать никакъ не могу, — продолжалъ писарь чрезъ минуту, и приподнялся со стула, на которомъ сидѣлъ.

— Позвольте, Парменъ Парменичъ, куда же вы? чайку откушайте...

— Благодарю покорно. Я спѣшу. А вотъ денька чрезъ три-четыре зайду за отвѣтомъ насчетъ билета. Просимъ прощенья, Марья Ивановна, а объ Иванѣ Кузьмичѣ ничего не слышно. Вотъ чтѣ значить хватать чрезъ верхъ въ торговлѣ... Нехорошо!

Писарь надѣлъ фуражку и пошелъ далѣе по улицѣ, махая неистово сучковатою палкою.

Марья Ивановна, видимо глубоко опечаленная, долго глядѣла вслѣдъ удалявшемуся грубому кредитору.

„Господи, чтѣ же это такое будетъ? Неужели и дѣтскій билетъ пропадетъ?“—думала Марья Ивановна, и на ея красивыхъ большихъ глазахъ, освѣненныхъ черными густыми бровями, показались крупныя слезы... Вотъ до чего довела доброта и простота Вани: вѣрилъ онъ людямъ безъ разбора, — гдѣ ихъ теперь искать? А самъ плати въ срокъ. Не заплатилъ, — ну и конецъ. А тутъ

еще этотъ кровопійца, нашъ Пармень... Вѣрно что-нибудь недоброе прослышалъ о нашихъ дѣлахъ. Должно быть, Ваню опять кто-нибудь обманулъ... Царица Небесная, умиловившись надъ нами грѣшными!.. Отврати отъ насъ всякую бѣду!.."

Марья Ивановна вошла въ лавку, и глаза ея съ теплою, хотя и безмолвною молитвою устремились на образъ Божьей Матери, освѣщенный желтымъ пламенемъ лампы.

Дѣти, замѣтившія опечаленное лицо матери, подбѣжали къ ней съ ласкою.

— Голубчикъ, Ванюша, — обратилась она къ старшему изъ нихъ: — пойдн скажи, чтобы не подавали самовара. Или, быть можетъ, вы хотите чайку напиться? такъ что же, я васъ побалую и вареньица еще дамъ.

И она начала съ нѣжностью цѣловать своихъ дѣтей. Разговаривая съ ними, она видимо немного успокоилась. Когда же размѣстила ихъ пить чай и сама сѣла около стола, то все же опять тяжело вздохнула...

— Нѣтъ, не можетъ быть! Господь не допуститъ нашего разоренія ради этихъ крошекъ!

Спустя нѣсколько дней, Юдина раннимъ утромъ сидѣла за прилавкомъ на обычномъ мѣстѣ и провѣряла на счетахъ недѣльную выручку. Какъ вдругъ сучковатая палка писаря стукнула о порогъ лавки. Марья Ивановна вздрогнула.

— Что же, надумались насчетъ билета? — сказалъ онъ, и даже не поздоровался съ растерявшеюся женщиною.

Писарь снялъ свою бѣлую фуражку, досталъ изъ кармана пестрый носовой платокъ и, въ ожиданіи отвѣта на свой вопросъ, началъ вытирать потъ съ раскраснѣвшагося лица.

— Думала я-то, думала, Пармень Парменичъ, да только — что же я могу сдѣлать безъ хозяина? Явите божескую милость, потерпите до прїѣзда Ивана Кузьмича!

— То-есть почему же вы такъ полагаете, что я могу терпѣть? — насмѣшливо провзнесъ писарь. — Никакъ это невозможно. У каждаго, Марья Ивановна, свои расчеты...

И онъ замолчалъ. Черезъ минуту однакожь опять заговорилъ, но уже болѣе мягкимъ голосомъ:

— Такъ какъ вы плохо думали о своемъ дѣлѣ, то я за васъ подумалъ, Марья Ивановна. Обижать васъ ужъ больно не хочется...

— Что же вы придумали, Пармень Парменовичъ? — съ видимымъ любопытствомъ спросила женщина.

— Да какъ вамъ сказать? Нужно намъ съ вами учинить законную сдѣлку. Вы, то-есть, продавецъ, а я—покупщикъ. Вы, значитъ, продали собственно вамъ принадлежащій вытритынный билетъ за такимъ-то номеромъ, и деньги за него сполна получили...

— Позвольте, Пармень Парменычъ, вѣдь вы намъ дали всего полтора ста рублей, а билетъ, сами знаете, дороже стоитъ...

— Не нужно совсѣмъ беспокоиться вамъ, Марья Ивановна. Достальные деньги, то-есть по курсу, какъ въ газетахъ напечатано, можете получить при подписаніи сей записки...

И онъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука листъ бумаги, свернутый вчетверо, и подалъ его Юдиной. Та начала читать записку, съ трудомъ разбирая смыслъ ея.

— А не желаете подписать, такъ я и по закладной вашей запискѣ имѣю право распорядиться билетомъ, потому самому она уже просрочена на шесть дней,—говорилъ писарь въ то время, какъ Юдина читала бумагу.—Только, опять говорю, обижать васъ не хочется...

— Какъ же это, Пармень Парменовичъ: въ запискѣ поставленъ прошлый годъ,—значить, вы хотите, чтобы я записала, что въ прошломъ году еще проданъ вамъ билетъ, а вѣдь вы получили проценты за годъ впередъ.

Писарь посмотрѣлъ на нее пристально.

— Совершенно вѣрно вы разсуждаете. Дай Богъ любому мужику понимать. И проценты вамъ возвратимъ, только кончить нужно дѣло, чтобы, то-есть, я былъ хозяиномъ билета. По секрету вамъ, Марья Ивановна, скажу: билетъ мнѣ нуженъ для представленія залога въ казну по одной казенной же постройкѣ...

Марья Ивановна задумалась. Писарь продолжалъ всматриваться въ ея глаза и даже тяжело дышалъ—такъ ему хотѣлось знать, о чемъ думала и на что могла рѣшиться Юдина.

Въ лавкѣ сдѣлалась тишина, только слышенъ былъ стукъ маятника въ стѣнныхъ часахъ, да со двора доносилось перекликаніе пѣтуховъ и кудахташе куръ.

— Пармень Парменычъ! уважьте насъ, пожалуйста! Мы все сдѣлаемъ по вашему желанію, но только подождите приѣзда Ивана Кузьмича. Я никогда ничего по торговлѣ безъ него не дѣлала. Сами посудите, какъ я могу рѣшиться подписать бумагу, въ которой я ничего не понимаю. Приѣдетъ Иванъ Кузьмичъ—и улаживайте вы съ нимъ, съ Богомъ, какъ хотите.

— Нѣтъ ужъ, извините меня, Марья Ивановна,—запальчиво заговорилъ писарь и всталъ со стула.—Если вы не хотите подписать сейчасъ продажи, то я завтра же заявлю въ волостное

правленіе залоговую записку, и тогда уже не пеняйте, — ничего болѣе не получите по билету!

Марья Ивановна тоже поднялась съ своего обычнаго мѣста за прилавкомъ, и не знала, что отвѣтить писарю, только поблѣднѣла она и губы ея дрожали.

— Прощайте. Завтра же вызовутъ васъ въ волостное правленіе, — громко произнесъ писарь и вышелъ изъ лавки. Марья Ивановна только махнула ему вслѣдъ рукою.

„Что же дѣлать? — подумала она. — Значить, билетъ пропалъ. Не посчастливилось моимъ дѣткамъ. Да оно, можетъ быть, и лучше. Пусть трудомъ собственнымъ живутъ... Ахъ, Ваня, Ваня, а все отъ простоты твоей!“ закончила она, посылая упрекъ отсутствующему мужу.

Въ тотъ же день, ночью, въ домѣ Юдиныхъ вдругъ залаяли собаки, застучали въ ворота, и проснувшаяся Марья Ивановна, выглянувъ въ окно, увидѣла тарантасъ мужа и тройку своихъ лошадей, на которыхъ онъ отправился въ путешествіе.

Она быстро зажгла свѣчу, побѣжала съ нею по лѣстницѣ внизъ, гдѣ и встрѣтилась съ мужемъ, бросившимся обнимать ее.

— Заждалась, чай, безпоковалась? — звонкимъ голосомъ заговорилъ Юдинъ. — А что ребятишки? Пусть спятъ теперь, не буди; а завтра я ихъ гостинцами позабавлю.

Онъ вошелъ въ большую комнату, обратился къ иконамъ, занимавшимъ весь передній уголъ дома, и набожно положилъ три земныхъ поклона.

Потомъ опять обнялъ жену, троекратно поцѣловалъ ее и спросилъ:

— Все ли благополучно у тебя?

— Благодареніе Господу Богу, и по дому, и по лавкѣ все благополучно, — отвѣчала Марья Ивановна, но все же не удержалась и тяжело вздохнула, вспомнивъ о посѣщеніяхъ писаря.

Юдинъ, разумѣется, замѣтилъ что-то недосказанное въ отвѣтѣ жены. Но въ это время поднялась суета въ домѣ. Разгружали тарантасъ, вносили мѣшки, ящики, обшитые цыновками, и мелкія вещи. Хозяинъ распорядился, гдѣ что положить и поставить, а жена направилась въ другую комнату, поменьше первой, и занялась приготовленіемъ чая и ужина.

Наконецъ все успокоилось въ домѣ, и мужъ, тихо, чтобы не разбудить дѣтей, ступая по тюменскимъ коврамъ, покрывавшимъ обѣ переднія комнаты верхняго этажа, подошелъ къ женѣ, снялъ

пиджакъ и въ красной кумачной рубашкѣ подсѣлъ къ столу, освѣщенному маленькою керосиновой лампою.

Юдинъ былъ, какъ говорится, въ самой порѣ жизни. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, плотный, роста выше средняго, съ умнымъ лицомъ, окаймленнымъ темно-русою складистою бородою. Движенія его отличались мягкостью и степенностью.

— Гдѣ же ты былъ, Ваня, и какъ наши дѣла?—начала спрашивать его жена.

— Гдѣ былъ, тамъ меня уже нѣтъ. И дѣла наши нельзя сказать, чтобы ужъ совсѣмъ худы были,—отвѣчалъ шутливо Иванъ Кузьмичъ.

— Тамъ въ лавкѣ письма есть изъ Томска.

— Знаю, знаю, голубушка моя. И все по нимъ и въ другихъ мѣстахъ благополучно устроено. И хотя я домой воротился съ пустымъ кошелькомъ, да честное имя и кредитъ поддержанъ. И за это великое благодареніе Царю Небесному. Хотя и долго продавалъ, да на этотъ разъ благополучно,—задержки въ полученіи и въ расчетахъ почти нигдѣ не было. А ты вотъ чтѣ скажи, Маша: я замѣчаю, будто чего-то ты не договариваешь—чтѣ безъ меня случилось?—спросилъ жену Юдинъ, ласково глядя на нее.

Марья Ивановна тоже ласково и со слезами на глазахъ взглянула на Ивана Кузьмича.

— Говори, говори, чтѣ такое!—торопилъ ее мужъ.

— Былъ тутъ безъ тебя два раза писарь Парменъ Парменичъ. Говорить, давайте деньги, выкупайте билетъ. Требовалъ, чтобы я подписала записку, что ему проданъ билетъ еще въ прошломъ году. А не подпишешь, говорить, завтра же вызову тебя въ волостное правленіе... Какъ же намъ быть? вѣдь билетъ купленъ на дѣтское счастье...

— Чтѣ за притча такая?—возразилъ Юдинъ и задумался.— Такъ ты говоришь, приходилъ онъ къ тебѣ два раза?

— Два раза. А покупаетъ билетъ потому самому, что нуженъ онъ ему для какого-то казеннаго подряда.

— Ахъ, онъ сваредъ этакой! Да у него разныхъ билетовъ и этихъ, какъ ихъ зовутъ, серій—хоть прудъ пруди.

— Я упоминала ему, что процентъ данъ ему за годъ впередъ. Одно твердить: „давайте мои деньги или продавайте билетъ!“

— Ну, что-жъ, дьяволъ съ нимъ, продадимъ ему билетъ. Дѣло наше идетъ на поправку. Богъ дастъ, купимъ не одинъ, а на каждого изъ дѣтей,—заклучилъ Юдинъ и началъ пить чай.

— Не хотѣлось бы продавать. Вѣдь я, прежде чѣмъ купить билетъ, молебень служила Царицѣ Небесной, чтобы Она, Ма-

тушка, послала счастье нашимъ дѣткамъ... Охъ, не хотѣлось бы продавать... А впрочемъ твоя воля, Ванюша, какъ знаешь, такъ и дѣлай...

И мужъ, и жена смолкли. Слышалось одно слабое кипѣніе самовара, да въ открытое окно доносился далекій стукъ трещотокъ ночныхъ сторожей и еще болѣе отдаленный лай собакъ.

— Не рассчитывалъ на эту оказію!—закончилъ громко Юдинъ свои размышленія.—Еслибы знать, припасъ бы денегъ, чтобы икупить билетъ. Тому-другому немного не доплатилъ бы. И они ни слова не сказали бы... А тутъ, видишь, пріѣхалъ съ двадцатью рублями въ карманѣ.

Марья Ивановна молча смотрѣла мужу въ глаза, такъ, какъ смотреть другъ на друга люди, которые сроднились между собою до того, что у нихъ не только интересы и чувства, но и мысли общія.

— Удивительный сонъ видѣла я за нѣсколько минутъ до твоего возвращенія,—наконецъ заговорила она.—Уложила я это дѣтей рано, чуть только солнце зашло, и вышла во дворъ посмотреть, данъ ли кормъ скотинѣ и лошадамъ, потомъ за воротами сѣла на скамейку и задумалась о тебѣ, что ты не только не пишешь о дѣлахъ, но и не извѣщаешь, гдѣ находишься, что такого случая съ тобою въ жизни бывало, чтобы ты домъ забылъ, меня и дѣтей. Духота на дворѣ была страшная, да и пыль на улицѣ стояла, какъ туша какая. Въ горницахъ, подумала, куда прохладнѣе. Пошла наверхъ, открыла окно, зажгла предъ кіотомъ лампаду, раздѣлась и легла. Не помню, какъ я заснула. Только вижу, какъ будто подбирается къ дѣткамъ этотъ самый извергъ Парменъ. Глаза у него горятъ, и онъ хочетъ ихъ забрать куда-то. Какъ вдругъ нашъ Ванюша, смотрю, уже большой, выступилъ впередъ и какъ закричитъ: „не смѣешь!“—и загородилъ собою Гришу и Катю. А дѣло было на берегу рѣки. Вдругъ подплылъ пароходъ. Ванюша посадилъ на него всѣхъ насъ,—то-есть, тебя, меня, Гришу и Катю. И мы поплыли. А писарь Парменъ кричитъ намъ вслѣдъ: „кровь мою увезли!“ Въ это время слышу стукъ, какъ бы отъ колесъ парохода, и собачій лай. Стукъ становился сильнѣе и собаки лаяли громче—я проснулась, а это ты пріѣхалъ и стучалъ въ ворота...

И Марья Ивановна нѣжно обняла мужа.

— Два раза онъ приходилъ, и записка у него для подпихи была припасена? Такъ ли было дѣло?—спрашивалъ, размышляя, Юдинъ.

— Записку-то онъ въ другой разъ приносилъ.

— Ну, я тебѣ скажу, и штука же нашъ Парменъ! А все я

не разберу въ своихъ мысляхъ, для чего ему понадобился нашъ билетъ...

Иванъ Кузьмичъ ночью лежалъ долгое время на постели съ открытыми глазами. Изъ сосѣдней большой комнаты мерцалъ свѣтъ лампы. Вдругъ онъ вспомнилъ: июль мѣсяць въ исходѣ. Билетъ—перваго выигранныя займа. А если билетъ выигралъ?.. Не получены ли уже газеты здѣсь съ объявленіями о тиражѣ 2-го іюля? Должно быть, получены. И онъ, этотъ аспидъ Парменъ, понуждалъ выдать продажную росписку годомъ назадъ... Непремѣнно съ умысломъ онъ подходилъ... „Нѣтъ, почтенный, шалишь!“ — закончилъ Юдинъ свои размышленія...

Съ самымъ восходомъ солнца въ домѣ Юдиныхъ пошла обычная суета. Марья Ивановна возилась съ дѣтьми. А мужъ вѣско́ро осмотрѣлъ дворъ, скотину, лошадей, сдѣлалъ кой-какія распоряженія и приказалъ подать самоваръ въ лавку, куда вслѣдъ за нимъ спустилась съ дѣтьми и жена его.

Марья Ивановна замѣтила, что Иванъ Кузьмичъ о чемъ-то серьезно думалъ и спѣшилъ пить чай.

Выпивъ послѣдній стаканъ, онъ всталъ, надѣлъ пиджакъ, взялъ картузь, перекрестился предъ образомъ и объявилъ женѣ, что идетъ повидать Пармена.

Юдинъ нашелъ писаря въ волостномъ правленіи, воссѣдающимъ за своимъ столомъ и разбирающимъ какое-то дѣло. Два крестьянина горячо спорили между собою и даже выдались другъ на друга съ кулаками, а онъ ихъ унималъ, но слегка, и какъ будто потѣшался происходящей предъ нимъ сценою, доходившею до драки.

Завидѣвъ стоявшаго у дверей Юдина, онъ смутился, улыбка исчезла съ его лица, но черезъ нѣсколько секундъ у него восстановилось самообладаніе, и онъ громко обратился къ нему:

— А, Иванъ Кузьмичъ. Изъ какихъ странъ пожаловалъ? гдѣ пребывалъ такъ долго? чай, цѣлый ворохъ товаровъ навезъ?

— Побывалъ я, Парменъ Парменовичъ, вездѣ, гдѣ было нужно.

— И деньжищъ, чай, кучу привезъ?

— Сколько ни привезъ, да все свои. На чужое не зарился.

Писарь остолбенѣлъ отъ этого отвѣта и замолчалъ.

Юдинъ чрезъ минуту совершенно спокойно ему сказалъ:

— У меня до тебя, Парменъ Парменовичъ, есть дѣльце. Нельзя ли намъ поговорить о немъ велейно?

— Да и у меня есть кой-что повѣдать тебѣ.

— Такъ какъ же? сейчасъ будемъ говорить или опосля? не лучше ли сразу все повончить? Вѣдь и дѣла-то у насъ съ тобой немудренныя.

Писарь обратился къ спорившимъ между собою крестьянамъ:

— Вотъ что, братаны ¹⁾: если хотите драться, такъ ступайте на улицу, а если задумаете какъ слѣдуетъ разбираться, такъ давайте свидѣтелей. До того же вамъ дѣлать здѣсь нечего.

Крестьяне, попрежнему перебраниваясь, побрели на улицу.

— Ну, Иванъ Кузьмичъ, что скажешь?—спросилъ писарь, затворяя дверь за вышедшими крестьянами.

— Я вотъ что, Пармень Парменовичъ, скажу прямо. Зачѣмъ приходишь ты въ женѣ? какую записку совадь ей подписать и грозилъ вызвать ее въ волостное правленіе?

Писарь съ удивительною наглостью посмотрѣлъ Юдину въ глаза.

— Да вотъ и хорошо, что ты явился вмѣсто жены. Давай деньги за билетъ съ неустойкою, коли ты такъ разговариваешь. Вѣдь неустойка обозначена въ залоговой запискѣ, и срокъ ей уже окончился.

— Ты хотя и писарь, а, я вижу, не больно грамотенъ. Если ты не помнишь, такъ я помню, что въ запискѣ сказано: неустойка платится тебѣ, если билетъ не будетъ выкупленъ въ теченіе десяти дней отъ вышечисаннаго числа. Ты считаешь, что записка просрочена, а я знаю, что имѣю еще четыре дня для выкупа билета, и торопиться не буду.

Все это Юдинъ проговорилъ мягкимъ, ровнымъ голосомъ и безъ малѣйшаго раздраженія.

— Да растолкуй ты мнѣ еще,—продолжалъ онъ:—зачѣмъ ты требовалъ, чтобы жена выдала тебѣ продажную записку прошлымъ годомъ?

Писарь видимо начиналъ теряться!

— Тутъ есть съ твоей стороны умыселъ... А не выигралъ ли нашъ билетъ малую толику? Какъ ты полагаешь, Пармень Парменовичъ? Давай-ка газету вмѣстѣ посмотримъ...

— Это за какія дѣла была бы тебѣ такая благодать?—грянулъ злобно грубый голосъ писаря.

— Ну, о дѣлахъ-то ты лучше помолчи. Цѣлый округъ до самой губерніи тебя знаетъ. Такъ вотъ что я тебѣ скажу: при готовь билетъ и рассчитайся какъ слѣдуетъ. А глазъ на глазъ я рассчитываться съ тобою не буду.

¹⁾ Сибирское выраженіе.

Юдинъ съ этими словами направился къ двери.

— Не изъ пугливыхъ я, братъ. А билетъ-то теперь мой!— кричалъ ему вслѣдъ писарь.

Юдинъ почти бѣгомъ направился къ мѣстному священнику, отцу Василю, доброму человѣку, но въ высшей степени безхарактерному, и хотя онъ былъ очень любимъ жителями Абаканскаго за свою доброту, но мало имѣлъ вліянія на свою паству, чтд было даже большою рѣдкостью въ краѣ, такъ какъ въ Сибири духовенство пользуется гораздо большимъ почетомъ, чѣмъ въ европейской Россіи, а вслѣдствіе этого и авторитетность его тамъ сильнѣе.

Отецъ Василій былъ дома и приготовлялся къ отъѣзду въ губернской городъ по вызову преосвященнаго. Наскорю рассказавъ ему свою исторію съ писаремъ, Юдинъ спросилъ совѣта, чтд ему дѣлать, и умолялъ снабдить его деньгами для выкупа билета.

Отецъ Василій погладилъ свою русую бороду, расправилъ пальцами волосы на головѣ и развелъ руками.

— Нѣтъ денегъ,—заявилъ онъ грустнымъ голосомъ.—Расходы на семью одолѣли.

А семья у него была громадная, такъ какъ по добротѣ своей у него жили какія-то племянницы и родственницы жены.

Тогда они начали вмѣстѣ съ Юдинымъ перебирать, у кого бы изъ абаканскихъ тузовъ перехватить денегъ. Но оказалось, что одинъ живетъ въ эту рабочую пору на заимѣ, другой—въ городѣ, третій—на присахѣхъ.

— Такъ вотъ чтд, батюшка,—рѣшилъ Юдинъ:—берите меня съ собой въ городъ. А тамъ чтд Богъ дастъ.

Отецъ Василій безпрекословно согласился. Юдинъ сбѣгалъ домой, простился съ недоумѣвавшей женою, перецѣловалъ дѣтей и черезъ часъ былъ уже у отца Василя съ небольшимъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Еще черезъ часъ легкой тарантаскѣ отца Василя выѣхалъ на большую дорогу. Въ то время, къ которому относится рассказъ, въ Сибири ѣздили двоякимъ образомъ: по подорожной брали за извѣстныя прогонныя деньги на почтовыхъ станціяхъ почтовыхъ же лошадей; а купцы преимущественно ѣздили на вольныхъ лошадяхъ, которые брали дешевле казенныхъ прогоновъ, и на каждой станціи (не-почтовой) вольный ямщикъ сдавалъ путниковъ своему дружку, своему знакомому новому ямщику и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири ѣзда на вольныхъ

или, какъ тамъ называютъ, „ѣзда дружками“ почитается и болѣе скорою, и болѣе удобною.

Юдинъ не жалѣлъ денегъ платить на чай (на водку въ Сибири не просятъ ямщики), и на другой день, то-есть съ небольшимъ чрезъ сутки, онъ съ отцомъ Василиемъ ѣхалъ уже по главной улицѣ губернскаго городка. Поравнявшись съ зданіемъ отдѣленія государственнаго банка, онъ попросилъ выпустить его изъ тарантаса.

Отецъ Василій сказалъ, гдѣ онъ будетъ на квартирѣ, чтобы найти его—на случай, если Юдинъ пожелаетъ ѣхать съ нимъ обратно домой.

Юдинъ вошелъ въ первую комнату банка, гдѣ сидѣло нѣсколько чиновниковъ, и нерѣшительно подалъ одному изъ нихъ клочокъ бумажки, на которомъ написанъ былъ номеръ его билета и серіи.

— Позвольте попросить васъ, ваше благородіе, справиться, не вышелъ ли въ тиражъ мой билетъ? или не благословилъ ли Господь выиграть на него что-нибудь?—прибавилъ онъ, шутливо улыбаясь.

Чиновникъ, къ которому Юдинъ обратился, передалъ его бумажку молодому человѣку и что-то приказалъ ему. Тотъ началъ пересматривать таблицы, испещренныя цифрами. Юдинъ слѣдилъ за его движеніями и за выраженіемъ лица. Какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что палецъ молодого человѣка остановился на одной цифрѣ, и онъ какъ будто свѣрлялъ эту цифру съ цифрою на бумажкѣ. Потомъ онъ какъ-то особенно взглянулъ на самого Юдина, затѣмъ поспѣшно подошелъ къ своему начальнику и что-то шепнулъ ему. Этотъ, въ свою очередь, свѣрилъ указанную ему молодымъ человѣкомъ цифру съ бумажкою Юдина и тоже какъ-то недовѣрчиво взглянулъ на него.

— Это номеръ чьего билета?—спросилъ онъ его.

— Собственно моего. Одинъ только этотъ билетъ мы съ женою и купили на дѣтское счастье.

— А гдѣ же самый билетъ?

— Да какъ доложить вамъ, ваше благородіе... Нужда заставила заложить его волостному писарю въ нашемъ селѣ.

— А ты ошибки не сдѣлалъ въ цифрахъ, списывая номера билета и серіи?

— Помилуйте, затѣмъ же ошибаться. Я и на память знаю свои номера. Хоть ночью разбудите и спросите, и то вѣрно скажу.

Чиновникъ всталъ съ своего мѣста и съ таблицами, и съ

бумажкой Юдина направился въ кабинетъ управляющаго отдѣленіемъ банка.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда, сопровождая управляющаго, державшаго въ рукахъ бумажку съ номеромъ билета Юдина. Управляющій сразу произвелъ на Юдина пріятное впечатлѣніе своимъ ласковымъ взглядомъ.

— Это номеръ твоего билета?—спросилъ онъ тихо, чтобы не слышали другіе посѣтители банка.

— Моего.

— Въ такомъ случаѣ ступай за мною.

Когда они вошли вдвоемъ въ кабинетъ, управляющій заперъ дверь и торжественно произнесъ:

— Если дѣйствительно ты владѣлецъ билета за этимъ номеромъ,—онъ указалъ глазами на бумажку,—то тебѣ Господь послалъ неожиданное счастье: билетъ этотъ въ послѣдній тиражъ выигралъ двѣсти тысячъ рублей. Но мнѣ сказали, что билетъ заложенъ. Кому? и зачѣмъ?

Юдинъ, взволнованный радостнымъ извѣстіемъ, разсказалъ, какъ обстоятельства заставили его заложить билетъ, купленный женою его, семь лѣтъ тому, на дѣтское счастье и отдать въ такія руки, изъ которыхъ рѣдко что заложенное нуждающимися людьми возвращается имъ обратно; разсказалъ, какъ писарь хотѣлъ заставить жену, въ его отсутствіе, подписать продажную записку прошлымъ годомъ и выразилъ предположеніе, что пройдоха-писарь навѣрное узналъ о выигрышѣ откуда-нибудь и тогда задумалъ воспользоваться и билетомъ, и выигрышемъ, благо билетъ у него въ рукахъ. Разсказалъ, затѣмъ, послѣдній разговоръ свой съ писаремъ и какъ тотъ грозилъ ему, что срокъ залога билета истекъ и что теперь билетъ принадлежить ему, а по его, Юдина, расчету осталось еще два дня времени для выкупа билета, а затѣмъ уже онъ обязанъ заплатить неустойку сто рублей.

Выслушавъ внимательно толковый разсказъ Юдина, въ искренности котораго, смотря на честные глаза его и симпатичную вообще личность, нельзя было усомниться, управляющій заинтересовался и Юдинымъ, и исторіею съ его билетомъ.

— Такъ ты говоришь, что срокъ, данный тобою залоговой запискѣ, истекаетъ черезъ два дня?—спросилъ онъ Юдина.

— Черезъ два дня, ваше благородіе.

— Ну, такъ вотъ что. Я сейчасъ же пошлю въ Петербургъ телеграммы провѣрить, дѣйствительно ли твой номеръ выигралъ 20.000 рублей. Затѣмъ ты посиди въ банкѣ, а я отправлюсь

въ губернатору и посоветуюсь, какъ выручить отъ волостного писаря билетъ.

Когда Юдинъ проходилъ съ управляющимъ отъ кабинета до передней, всѣ чиновники какимъ-то особенно любопытнымъ взглядомъ провожали его. Вѣсть объ интересномъ субъектѣ, выигравшемъ 200.000 руб., прошла уже по всѣмъ комнатамъ банка.

Юдинъ, въ своемъ коротенькомъ, порыжѣвшемъ пиджакѣ, съ растеряннымъ взглядомъ, присѣлъ въ передней банка и началъ соображать, чтѣ съ нимъ происходитъ. Поѣздка съ отцомъ Василиемъ, придуманная имъ въ одну минуту, неожиданное извѣстiе о большомъ выигрышѣ, разговоръ съ управляющимъ, внимательство самого губернатора въ дѣло, — все это перемѣшалось въ его головѣ. Онъ старался дать себѣ отчетъ: зачѣмъ онъ сидитъ въ банкѣ, и неужели это не сонъ, что онъ выигралъ такъ много денегъ? Зачѣмъ представился ему вопросъ: чтѣ онъ будетъ дѣлать съ такою большою суммою? Да не можетъ быть, тутъ вѣрно ошибка, — думалъ онъ, — и ему, пожалуй, еще достанется, что побезпокоили губернатора. А Пармень отплатить, охъ, какъ отплатить, если дѣло повернется въ его сторону!.. Тогда все пропало: Пармень разорить его въ конецъ...

Холодный потъ выступилъ у него на лбу при этихъ послѣднихъ мысляхъ. Рядомъ съ нимъ сидѣли сторожа банка и, восо посматривая на Юдина и его крайне разстроенное лицо, заключили, что въ его дѣлѣ есть какая-то фальшь, и не даромъ управляющій поѣхалъ къ губернатору. Навѣрное — этого раба божьяго отсюда прямо поведутъ въ острогъ.

Но дѣло разрѣшилось совсѣмъ иначе. Управляющій, возвратясь отъ губернатора, объявилъ Юдину, что, въ виду важности дѣла, онъ отправилъ эстафету въ минусинскому исправнику о немедленной высылкѣ въ городъ волостного писаря Сухихъ, для разбирательства по дѣлу залога ему Юдинымъ выигрышнаго билета. Такого рода разбирательства практиковались въ Сибири сравнительно даже недавно, и были часто единственнымъ спасенiемъ отъ сѣтей кулачества, подчинявшаго въ старое время своей власти цѣлые округа и громадныя области, въ особенности находящiяся вдали отъ такъ-называемаго главнаго сибирскаго тракта.

Управляющій прибавилъ:

— Ступай теперь на квартиру, скажи здѣсь сторожамъ, гдѣ мнѣ тебя найти въ случаѣ надобности, и будь покоенъ — мы тебя отстоимъ.

Юдинъ нашелъ своего спутника у соборнаго протоіерея отца

Алексѣя. Они выпили воды и закусывали омулемъ ¹⁾, груздями и пирогомъ съ любимую сибирскую рыбою моксуномъ ²⁾.

— А! Иванъ Кузьмичъ. Чтѣ, братъ, выправилъ свой билетъ? Или Парменъ одолѣлъ? Охъ, этотъ Парменъ... Одно слово, пивка... высосеть всю кровь...

Это говорилъ отецъ Василій. Его перебилъ отецъ Алексѣй:

— Позвольте, прежде чѣмъ говорить съ человѣкомъ, ему выпить и закусить нужно, а вы отдыха почтенному не даете. Съ вашимъ Парменомъ къ нему лѣзете...

И отецъ Алексѣй дрожащею рукою налилъ рюмку воды и поднесъ Юдину.

Юдинъ только при видѣ закусокъ на столѣ почувствовалъ голодъ и вспомнилъ, что со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ, а потому съ жадностью выпилъ и съѣлъ порядочную порцію пирога.

— Такъ какъ же, Иванъ Кузьмичъ, чья взяла? Охъ, этотъ Парменъ! — продолжалъ отецъ Василій.

— Дайте опомниться, святые отцы! — отвѣчалъ Юдинъ. — Я самъ еще не пойму, чтѣ со мною творится. Пришелъ въ банкъ, и вдругъ мнѣ говорятъ тамъ, что мой билетъ выигралъ 200.000 рублей...

Отецъ Алексѣй, подносившій-было рюмку къ губамъ, пролилъ ее всю на себя. А отецъ Василій, не сообразившій сразу, въ чемъ дѣло, переспросилъ:

— Откуда двѣсти тысячъ? Чьи деньги? Неужто Пармена?

— Да отстаньте съ вашимъ Парменомъ! — вскрикнулъ отецъ Алексѣй. — Слушай, Иванъ Кузьмичъ, такъ ли я понялъ? Ты выигралъ двѣсти тысячъ?

— То-есть, не я, а билетъ мой; да еще бабушка на-двое сказала, — мой ли это теперь билетъ...

И онъ тяжело вдохнулъ. Потомъ подробно рассказалъ святымъ отцамъ о распоряженіи губернатора.

— Вывернется Парменъ, ужъ такой онъ аспидъ! — заключилъ отецъ Василій.

— Однавожь, батюшка, отецъ протоіерей, пріютите меня пожалуйста дня на два... Не хочется при такихъ обстоятельствахъ отправляться куда-нибудь на квартиру въ городъ... Я хоть на сѣновалѣ переночую...

¹⁾ Сибирская селедка, ловится въ озерѣ Байкалѣ.

²⁾ Рыба сходная съ бѣлорыбцею, но размѣромъ значительно меньше.

— Что ты, Иванъ Кузьмичъ! Вотъ выдумалъ, — на снѣвалъ! Домъ у меня большой. Найдется, братъ, мѣсто и постель для тебя, только спроси попадью, — она ужъ тамъ распорядится... Табъ ты говоришь — двѣсти тысячъ... И что же ты будешь съ ними дѣлать?

— Парменъ, Парменъ все заберетъ! — отвѣтилъ спавшій уже и обловотившійся на столъ добрякъ отецъ Василій.

Черезъ два дня потребовали Юдина къ губернатору. Онъ сказалъ о себѣ стоявшему въ передней жандарму. Тотъ пошелъ доложить, и въ отворенную имъ дверь увидѣлъ Юдинъ управляющаго банкомъ. Черезъ полчаса подъѣхалъ къ губернаторскому дому полиціймейстеръ, а вслѣдъ за нимъ минусинскій исправникъ съ волостнымъ писаремъ Парменомъ Сухихъ, въ форменномъ кафтанѣ съ галуномъ. Писарь прошелъ мимо Юдина, только покосился на него, но видно было, что онъ очень взволнованъ.

Ихъ обоихъ ввели въ пріемную губернатора, и черезъ нѣсколько времени вышелъ туда и губернаторъ.

— Покажи мнѣ росписку крестьянина Юдина на залогъ тебѣ его выигрышнаго билета и дай самый билетъ! — сказалъ онъ писарю.

Вмѣсто писаря, исправникъ представилъ губернатору требованныя имъ бумаги. Рябоватое широкое лицо писаря покрылось потомъ, и онъ тяжело дышалъ съ полуоткрытымъ ртомъ.

Губернаторъ внимательно прочелъ записку нѣсколько разъ, потомъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, куда позвалъ полиціймейстера, исправника и управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка. Черезъ нѣсколько минутъ совѣщанія съ ними, онъ вышелъ и объявилъ писарю:

— Ты далъ крестьянину Юдину подъ залогъ его выигрышнаго билета полтора ста рублей, вычелъ изъ нихъ за годъ впередъ проценты не малые, по двадцати въ годъ, обезпечилъ платежъ въ срокъ неустойкою въ сто рублей. Сдѣла хорошая! Не правда ли? — обратился губернаторъ съ улыбкою къ окружающимъ. — Теперь ты заявилъ исправнику, что годовой срокъ записки истекъ, и ты считаешь себя собственникомъ билета. Но ты не покупалъ билета, а только взял его въ обезпеченіе долга. При уплатѣ суммы долга, даже съ неустойкою, ты обязанъ возвратитъ его залогодателю, по всей справедливости. Я увѣренъ, еслибы ты не узналъ, что билетъ этотъ выигралъ большую сумму, то ты вполне довольствовался бы ловко устроеннымъ и обезпеченнымъ

тобою своимъ барышемъ. Итакъ, ты получишь свои деньги и неустойку, а билетъ возврати Юдину.

Писарь слушалъ рѣшеніе губернатора, уже совсѣмъ обливаясь потомъ. Юдинъ оставался почти безчувственнымъ къ тому, что происходило вокругъ него, какъ будто бы дѣло къ нему вовсе не относилось. До такой степени онъ былъ ошеломленъ небывалыми съ нимъ событиями.

При послѣднихъ словахъ губернатора, управляющій отдѣленіемъ банка подошелъ къ нему и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, внести весь долгъ Юдина по залогу его билета и получить билетъ для соблюденія формальностей, необходимыхъ при полученіи выигрыша.

Послѣ размѣна денегъ на билетъ и росписку, губернаторъ заключилъ сцену, происходившую въ его приемной, слѣдующими словами, обращенными къ волостному писарю:

— Я оставляю тебя писаремъ въ уваженіе твоей долголѣтней службы въ волости, но только до первой жалобы. Советую тебѣ бросить ростовщичество. Довольно съ тебя. Ты не бѣдный человѣкъ.

Писарь, эта грубая натура, расплакался.

Юдинъ однакожъ подозрительно посмотрѣлъ на его слезы.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ расчета Юдина съ писаремъ Сухихъ. Онъ получилъ свой выигрышъ въ 200.000 рублей и оставилъ его на храненіи въ банкѣ, за исключеніемъ небольшой суммы, которая нужна была ему для полного расчета по долгамъ. Для уплаты долговъ онъ лично съѣздилъ въ Томскъ, гдѣ встрѣтили его съ почетомъ, съ поздравленіями и съ предложеніемъ самаго широкаго кредита. Но онъ уклонился отъ закупокъ товаровъ, говоря, что больше не намѣренъ брать на себя поставокъ на прински.

— Самъ хочеть сдѣлаться водотопромышленникомъ, развѣ не видно, — замѣчали томскіе кулаки. — Теперь ему при сотняхъ тысячъ милліоновъ захотѣлось.

Скромный Юдинъ постоянно отмалчивался на всѣ такіа выходы и, повончивъ дѣла въ Томскѣ, возвратился къ себѣ въ Абаванское. Тамъ его начали осаждать односельчане, прося помочь то въ томъ, то въ другомъ.

— Тебѣ теперь ничего не стоитъ раскошиться, вѣдь деньги тебѣ съ неба свалились. Развѣ можно такихъ денегъ жалѣть! — говорили они.

— А почему вы знаете, можетъ быть Господь послалъ эти

деньги для какого-нибудь особаго дѣла, — отвѣчалъ имъ Юдинъ. — Дайте время обсудить все хорошенько и вдуматься...

И онъ постоянно былъ задумчивымъ и что-то соображалъ.

Марья Ивановна, по прежнему хлопотавшая въ лавкѣ, начала беспокоиться относительно задумчивости мужа и суровости въ его лицѣ. Прежней веселости у Юдина и слѣдовъ не осталось.

Вечеромъ, когда Юдины оставались наверху у себя одни, жена подсаживалась къ мужу, стараясь вывѣдать, о чемъ онъ все думаетъ, и надѣясь хотя разсказами о дѣтахъ развлечь его.

— Нашъ Ваня настоящимъ мнѣ помощникомъ становится въ лавкѣ, — говорила она мужу: — на счетахъ такъ скоро владеть и не ошибается.

— Это хорошо. А вотъ объ ученѣ его нужно подумать. Пора, одиннадцатый годокъ пошелъ. Въ городъ нужно вести, подготавливать въ гимназію, — разсуждалъ Иванъ Кузьмичъ.

— Какъ же такъ? въ чужіе люди отдать его? Ужъ не лучше ли намъ всѣмъ переѣхать въ городъ? Съ нашимъ капиталомъ мы тамъ какую хошь отероемъ торговлю...

— Ну, капиталы-то ты оставь.

— Да что въ самомъ дѣлѣ мы съ ними будемъ дѣлать? Ты все молчишь, да молчишь...

— Говорять тебѣ, оставь этотъ разговоръ! Не время еще начинать его.

И Юдинъ, недовольный, отходилъ отъ жены и дѣлался еще суровѣе.

Это было всякій разъ, какъ только она касалась вопроса о деньгахъ и нежеланія мужа заняться болѣе широкою торговлею въ городѣ.

Какъ-то разъ въ большой лѣтній церковный праздникъ семья Юдиныхъ со всѣми дѣтьми размѣстилась на дрогахъ ¹⁾ и отправилась къ обѣднѣ въ церковь, которая хотя и находилась въ серединѣ села, но почти въ двухъ верстахъ отъ дома ихъ. Церковь была деревянная и мало-помѣстительная для такого большого села, какъ Абаканское. Внутренность ея не отличалась также богатствомъ — ни иконостаса, ни другихъ церковныхъ принадлежностей, начиная съ облачений священника. Служилъ обѣдню нашъ знакомый отецъ Василій. Пѣлъ хоръ любителей изъ мѣст-

¹⁾ Дроги — родъ линейки, но только не на рессорахъ, а на рамахъ, на колесахъ устрояются тарантасы.

нихъ крестьянъ, — мальчиговъ и взрослыхъ. На видномъ мѣстѣ у праваго клироса стоялъ писарь Парменъ Сухихъ съ неразлучною сучковатою палкою, на которую опирался, кладя земные поклоны; Марья Ивановна съ дѣтьми стала по лѣвую сторону церкви, гдѣ стояли и всѣ женщины, а Юдинъ по обыкновенію выстоялъ обѣдню, помѣстившись почти у самаго входа въ церковь.

Еслибы кто со вниманіемъ смотрѣлъ на Юдина во время богослуженія въ этотъ день, то тотъ замѣтилъ бы сердечность его молитвы и особую сосредоточенность въ немъ. По окончаніи обѣдни, когда прихожане подходили къ кресту, онъ тихо сказалъ отцу Василию:

— Позвольте мнѣ прійти къ вамъ, батюшка. Есть хорошее дѣльце до васъ. Не выберете ли свободное времечко потолковать со мною.

— Да ты хоть сегодня приходи, къ вечерку, чайку вмѣстѣ пошьемъ, — отвѣчалъ спороговоркою священникъ и какъ бы немного занекаясь.

Вообще онъ не мастеръ былъ говорить.

Писарь пріѣзжалъ Юдина съ низкимъ поклономъ и съ заискивающею улыбкою. Между ними давно уже установились миролюбивыя отношенія, какъ бы и не бывало никогда исторіи съ билетомъ.

Семья Юдиныхъ возвратилась домой и сѣла за чай, къ которому по случаю большого праздника наготовлено было разныхъ печеній и пироговъ¹⁾. Жена замѣтила, что мужъ ея повесѣлъ, озабоченность исчезла съ его лица, и онъ началъ шутить съ дѣтьми, чего давно съ нимъ не бывало.

Марья Ивановна обрадовалась и свою радость выражала угощеніемъ мужа то пирожкомъ, то горячею шаньгою. И онъ не отказывался, а даже ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

Послѣ чая, когда дѣти убѣжали играть и супруги остались вдвоемъ, Юдинъ такъ заговорилъ съ женою:

— Маша, ты часто послѣ того, какъ Господь благословилъ насъ счастьемъ, счастьемъ рѣдкимъ, неслыханнымъ въ нашихъ краяхъ, спрашивала меня: что же мы будемъ дѣлать съ деньгами и когда для дѣтей переѣдемъ жить въ городъ? Ты замѣтила, что я ничего не отвѣчалъ тебѣ и даже сердился за нерезонный спросъ.

¹⁾ По-сибирски все то, что подается къ чаю, называется „прикусомъ“. Въ составъ ея входятъ — пироги, шаньги, оладьи, вафли, бисквити и т. п.

— Что же въ этомъ было нерезоннаго? вѣдь я о дѣтяхъ говорила, вѣдь они растутъ и не бросать же ихъ въ деревнѣ безъ ученья...

— Не о дѣтяхъ, а прежде всего нужно подумать о Богѣ. Я такъ сужу: за какія наши съ тобою заслуги давъ намъ такой большой капиталъ? Мы его не заслужили ничѣмъ, а потому я и считаю, что деньги эти не наши, а Божьи.

Марья Ивановна смотрѣла въ глаза мужа и молчала.

— Да, это—Божьи деньги. И ими прежде всего нужно угодить Богу. Вотъ я все думалъ и думалъ—чѣмъ и какъ возблагодарить Создателя милосердаго за его благодать и щедроту, ниспосланную мнѣ грѣшному. Думалъ я и молился въ тиши, проса другой еще милости у Бога, указать мнѣ, безписьменному неучу, на какое удобное Ему дѣло отдѣлить добрую часть нашихъ денегъ. И ходилъ я съ своею думою, какъ бессмысленный,—ты это знаешь,—и никакъ не могъ осилить своихъ мыслей. Какъ вдругъ сегодня у обѣдни поднялъ я глаза вверхъ и вижу подтѣки на крышѣ, рамы въ окнахъ гнилыя, еле держатся, иконостасъ почернѣвшій, риза на отцѣ Василиѣ на плечахъ и спереди совсѣмъ взорванная. Господи, думаю, гдѣ же у меня прежде глаза были? Вѣдь давно я знаю, что у насъ въ приходѣ мало радѣтелей для церкви. Всякій норовитъ запрятать рубль къ себѣ въ кофину. Для примѣра взять того же Пармена. И вотъ какъ будто мнѣ кто-то и сказалъ: строй церковь въ селѣ, да каменную, укрась ее и на это самое Господь послалъ тебѣ капиталъ. Вотъ я и рѣшилъ: давай, Маша, строить церковь.

Марья Ивановна прослезилась.

— Что же, Ваня, я могу тебѣ сказать противъ этого? Я только радуюсь и плачу отъ радости, что Господь привелъ насъ приступить къ такому святому дѣлу.

— Ну, вотъ и ладно. Значитъ, въ этомъ дѣлѣ по рукамъ мы съ тобою. Сегодня же къ вечеру меня звалъ отецъ Василій, я ему и открою наше общее, то-есть съ тобою, желаніе и посмотрю, чтѣ скажетъ онъ или какой совѣтъ дастъ.

На этомъ разговоръ между супругами и покончился.

Къ вечеру, когда жаръ началъ спадать, и повѣяло со стороны рѣки прохладою, Юдинъ былъ уже у дома священника. Отца Василия онъ нашелъ въ садикѣ у большого стола за самоваромъ и окруженнаго многочисленными домочадцами, преимущественно женскаго пола.

— Садись, братъ, садись. Подвиньтесь, дѣвушки. Дайте мѣсто гостю и налейте ему чайку. А я, знаешь, схожу, принесу са-

маго настоящаго рому отъ братьевъ Елисеѣвыхъ изъ Петербурга. И мы съ тобою для праздника пуншику выпьемъ.

— Благодаримъ покорно. Только какъ бы намъ о дѣльцѣ поговорить.

— Все, братъ, сдѣлаемъ, и пуншу выпьемъ, и о дѣлѣ по-толкуемъ. Вечеръ большой...

И отецъ Василій пошелъ въ домъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ бутылкою въ рукахъ.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ онъ гостя, прихлебывая пуншъ.

— Пока еще никакихъ особенныхъ дѣлъ нѣтъ, батюшка, сами знаете.

— Все присматриваешься. Это, братъ, хорошо! Такъ, должно быть, неправда, что здѣсь толковали,—будто бы приски покупаешь?

Юдинъ улыбнулся.

— Мало ли какіе пустяки болтаетъ народъ. Знаемъ мы эти приски. Даромъ ихъ не возьмешь.

— Вотъ это вѣрно. Я, братъ, читалъ или слышалъ, не помню, что одинъ генераль, Анисимовъ, Астафьевъ или какъ тамъ его, только нашъ же сибирскій золотопромышленникъ, богатѣйшій и придворный, а присковъ у него по Сибири все равно, что гороху насѣяно, умеръ, значить, въ Петербургѣ. Открываютъ духовное завѣщаніе, а у него два сына, и читаютъ: не позволяю моимъ дѣтямъ золото мыть, продать всѣ приски и капиталомъ раздѣлить ихъ. Вотъ что значить приски по новѣйшимъ временамъ.

— Да-съ, чувствительно благодаримъ за угощеніе! — сказала Юдинъ, опоражнивая второй стаканъ пунша.

— Еще стакачигъ, Иванъ Кузьмичъ. Выѣстѣ выпьемъ, — упрашивалъ отецъ Василій.

Выпили по третьему стакану, но отъ дальнѣйшихъ стакановъ Юдинъ отказался и просилъ священника приступить къ дѣлу.

Они вошли въ домъ, въ просторную комнату, по стѣнамъ которой развѣшены были портреты царскаго семейства и нѣсколькихъ архіереевъ,—все грубыя олеографіи.

Юдинъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Батюшка, отецъ Василій, вы мой отецъ духовный, благословите приступить къ строенію храма Божія въ нашемъ селѣ.

— То-есть, примѣрно, кто же будетъ строить и на какія деньги?

— Да самъ я хочу строить каменную церковь на тотъ капиталъ, который даровалъ мнѣ Господь неслышанно-негаданно.

— Да ты что? какъ тебя понять, съ чего ты это взялъ? на собственныя свои денежки цѣлую церковь хочешь строить? Такъ, что-ли?

— Такъ точно, съ полнымъ усердіемъ берусь за это дѣло. Благословите, батюшка.

Отецъ Василій со слезами и сильно растроганный бросился на шею Юдину и, сильно уже заикаясь, говорилъ ему:

— Ахъ, ты бессребренникъ Божій. Одно слово — бессребренникъ. Миѣ ли, недостойному, благословить тебя на такое дѣло? Если Господь внушилъ тебѣ такую мысль, — строить, то-есть, храмъ, — то Онъ же и благословить тебя...

Но въ эту же минуту отецъ Василій задумался.

— Позволь, братъ, Иванъ Кузьмичъ. Нужно намъ съ тобою обсудить еще по этому дѣлу пункты. Первый — въ какомъ мѣстѣ села намѣренъ ты строить церковь?

— Да извѣстно гдѣ, рядомъ съ старою церковью, — тамъ же мѣста очень довольно, цѣлая площадь.

— Такъ, — размышлялъ отецъ Василій.

— А впрочемъ — гдѣ вашему благословенію покажется лучше. Я на все согласенъ.

Священникъ продолжалъ молча размышлять.

— А не поведетъ ли твоя затѣя, Иванъ Кузьмичъ, такъ сказать, въ расколъ?

— Съ нами Царица Небесная! Чтѣ это вы говорите, батюшка? Какой такой расколъ можетъ быть? Все село у насъ православное...

— Не то хотѣлъ я сказать. А не раздвоится ли приходъ? вмѣсто одного, да учредить два — при другой церкви. Тогда, братъ, самъ посуди, вѣдь у меня, видѣлъ, какая семья...

— Какое же тутъ, батюшка, раздвоеніе, когда я, вмѣсто старой деревянной, ветхой церкви, усердствую выстроить новую каменную...

— Это, положимъ...

— Только, значить, старая церковь, за ветхостью, упраздняется, а приходъ вашъ остается въ прежнемъ видѣ.

— Такъ, вѣрно. Теперь второй пунктъ будемъ судить. Деньги ты думаешь представить епархіальному начальству на построеніе храма...

— Помилуйте, зачѣмъ же? Сами желаемъ усердствовать въ построеніи.

— А, понимаю. Значить, хочешь быть вполне создателемъ храма. Дѣло угодное Богу.

— Всю постройку, то-есть, полагаю вести по утвержденному преосвященнымъ владыкою плану и подъ вашимъ наблюденіемъ.

— Вотъ это ты хорошо придумалъ. Вместе, значить, будемъ трудиться.

— Какъ же возможно безъ мѣстнаго пастыря! Я хотѣлъ, батюшка, просить васъ,—ужь вы не откажите, сдѣлайте милость,—проѣхать въ городъ со мною въ преосвященному, чтобы какъ лучше объяснить ему это дѣло, и какъ, то-есть, планъ составить и все прочее. Куда же мнѣ одному ѣхать! Я и начать-то говорить съ нимъ не сумѣю.

— Это, дѣйствительно, со мной лучше. Можно вознудиться вопроса и о нераздѣленіи прихода. Такъ, что-ли?

— Можно и объ этомъ сказать.

— Такъ когда же ѣхать?

— Я во всякую минуту готовъ. Дѣль спѣшныхъ у меня теперь нѣтъ. Да я и рѣшился ничего не предпринимать до сооруженія храма...

— А во имя каковаго святаго полагаешь храмъ? Съ этого нужно начать докладъ владыкѣ.

— Вотъ чего, батюшка, я еще не думалъ.

— То-то,—не думалъ. Такъ вотъ я объ этомъ подумаю дорогою. А ты собирай тарантасъ, — въ твоёмъ поѣдемъ, — да не забудь припасти того, другого для архіерейскаго дома. Безъ этого, братецъ, нельзя.

Черезъ два дня они уже были на пути въ губернской городъ.

Преосвященный пришелъ въ умиленіе, слушая рассказъ Юдина, какъ онъ, послѣ выигрыша большой суммы денегъ, не разставался съ мыслью, что ему слѣдуетъ на эти деньги, — „Божьи деньги“, какъ онъ называлъ ихъ при архіерей, — прежде всего сдѣлать угодное Богу дѣло, и онъ рѣшилъ выстроить каменную церковь въ родномъ селѣ, такъ какъ старая, деревянная, очень ветха и мала для нынѣшняго, разросшагося въ немъ населенія.

— Госнодь да благословить тебя привести въ исполненіе задуманное тобою святое дѣло! — сказалъ преосвященный, когда Юдинъ высказалъ ему свои предположенія о постройкѣ церкви. — Я тоже приму участіе въ твоёмъ дѣлѣ: озабочусь составленіемъ плана для храма, отведеніемъ достаточнаго мѣста для него, а о внутренней отдѣлкѣ, Богъ дастъ, поговоримъ въ свое время. А какую сумму полагаешь опредѣлять на дѣло?

— Сколько потребуется, ваше преосвященство, — заранѣе на-

значать не смѣю. Буду вести постройку какъ можно хозяйственнѣе, а на полпути останавливаться не буду.

Отецъ Василій старался тоже принять участіе въ обсужденіи предмета, близкаго его интересамъ, но ему приходилось сказать въ разговорѣ только нѣсколько разъ: „да“, или: „это онъ вѣрно говорить“.

Но вдругъ онъ рѣшительно подошелъ къ архіерею и, заикаясь, произнесъ:

— А вотъ, владыко, строитель, — и при этомъ онъ указалъ на Юдина, — затрудняется рѣшить, во имя какого святого слѣдуетъ ему создать храмъ. Спрашивалъ меня, — я отвѣчалъ: дорогою придумую. И полагаю, что наиболѣе приличествуетъ посвятить храмъ святымъ Козьмѣ и Даміану Безсребренникамъ. Почему?

Отецъ Василій загнулъ одинъ палецъ на лѣвой рукѣ, а правую держалъ въ воздухѣ.

— Во-первыхъ, онъ и самъ есть безсребренникъ. Второе, — отецъ его былъ Козьма: значить, память родителя. — И отецъ Василій загнулъ второй палецъ.

— Третье, — выигрышь-то былъ второго іюля, а перваго числа церкви празднуетъ святыхъ Козьмы и Даміана, т.-е. наканунѣ того дня, когда Господь послалъ ему счастье. Всего болѣе приличествуетъ быть храму святыхъ Безсребренниковъ Козьмы и Даміана.

— При послѣднихъ словахъ отецъ Василій рѣшительно загнулъ третій палецъ.

— Предоставимъ строителю рѣшить этотъ вопросъ по его усердію и дадимъ ему для этого время, — отвѣтилъ съ улыбкою преосвященный на горячіе доводы отца Василія.

Юдинъ началъ часто ѣздить въ губернской городъ и возвращался оттуда или съ бумагами, или съ архитекторомъ. На эти поѣздки жители села Абаканскаго, однакожь, не обращали сначала вниманія, такъ какъ и прежде онъ былъ постоянно въ разъѣздахъ. Но какъ осенью обмѣряли и загородили землю на площади около церкви и стали туда возить и складывать камни и кирпичъ съ баржъ на Енисей, а потомъ и рыть ямы для фундамента новаго храма, то односельчане Юдина задавали себѣ вопросъ: что это будетъ за постройка и кто ее затѣялъ? Отецъ Василій не выдалъ тайны Юдина своимъ прихожанамъ; а такъ какъ онъ самъ постоянно находился и суетился на постройкѣ, то абакан-

скіе жители сообразили, что это новая церковь строится, и объяснили себѣ, что постройка идетъ на счетъ казны, а потому и казенный архитекторъ и исправникъ тутъ находятся. Участіе же Юдина въ покупкѣ и доставкѣ строительныхъ матеріаловъ, въ наймѣ рабочихъ и во всемъ прочемъ было истолковано, что онъ ловко подхватилъ себѣ этотъ казенный подрядъ.

— Ишь ты, тихоня!—говорилъ писарь Пармень:—такъ подкрался въ дѣлу, что никто и не замѣтилъ. И откуда онъ вызналъ про это дѣло? Справлялся я въ городѣ,—никто ничего не знаетъ.

— Чай, тысячь десять, а то и болѣе заработаетъ? Какъ скажешь, Пармень Парменовичъ?—спрашивали своего писаря крестьяне.

— Еще бы. Вотъ доносъ слѣдовало бы написать, что онъ ставнулся съ архитекторомъ и съ отцомъ Василюмъ.

— Ну, ты, братъ, Пармень Парменовичъ, ужъ это дѣло оставь. Отца Василя не трогай!—въ одинъ голосъ заговорили крестьяне.—Отецъ Василюй—что! Нешто онъ что можетъ!

А постройка все подвигалась впередъ, даже очень быстро. Остановилась она только съ наступленіемъ зимы. Но зато весною вновь закинула работа, и еще не наступилъ сѣнокосъ, а ужъ начали возводить куполъ новой церкви. Абаканцы любовались новымъ своимъ храмомъ, который издалека былъ виденъ, пожалуй, верстъ за десять, если ѣхать по почтовому тракту. Старая же деревянная церковь смотрѣла при новомъ зданіи храма еще болѣе убогою.

Однакожъ русская пословица: „шила въ мѣшицѣ не утаишь“, оправдалась и въ этомъ дѣлѣ. Сосѣднее духовенство провѣдало, что каменная церковь въ селѣ Абаканскомъ сооружается усердіемъ Юдина и единственно на его собственные средства. Спрашивали отца Василя—правда ли это? Тотъ отвѣчалъ, что лучше всего спросить самого Юдина. А между тѣмъ соборный протоіерей въ городѣ Минусинскѣ въ проповѣди прославилъ уже и ставилъ въ примѣръ своимъ прихожанамъ его подвигъ. Тогда и отецъ Василюй счелъ долгомъ заявить объ этомъ подвигѣ своей паствѣ и приглашалъ людей, ищущихъ подражать жертвователю. Хотя проповѣди его по этому предмету не отличались краснорѣчіемъ и онъ часто совсѣмъ не тѣ тексты, какіе нужно было, приводилъ изъ евангелія для подтвержденія своихъ поученій, но все же и они также привлекали кой-какія пожертвованія на украшеніе будущаго храма.

Односельчане прониклись къ Юдину особеннымъ уваженіемъ,

съ тѣхъ поръ, какъ узнали секретъ о постройкѣ у нихъ новаго храма. Мало того, что когда онъ шелъ по улицѣ, всякій встрѣченный издали уже снималъ шапку и низко кланялся ему, но къ нему приходили они совѣтоваться въ дѣлахъ и даже разбираться въ спорахъ между собою. Женщины изъ окопъ избъ тоже всегда ласково привѣтствовали его или словами, или поклонами. Одинъ писарь Парменъ не унижался и съ волостнымъ начальствомъ возбуждалъ вопросъ о неправильномъ отводѣ земли подъ новую церковь.

„Хоть этимъ донять его!“ злобно думалъ онъ. — А все отецъ Василій виноватъ, — громко уже говорилъ онъ: — скрылъ отъ обывателей такое дѣло. Его безъ общества рѣшить было никакъ нельзя. Правду я говорю? — обращался онъ къ присутствующимъ въ волостномъ правленіи.

— Истинную правду, только денегъ-то сколько онъ отсчиталъ. А еслибы общество строило церковь, то, по твоему, сколько капиталу собралъ бы ты, Парменъ Парменычъ? Да ты въ жизнь того не собралъ бы, что онъ одинъ отдалъ сразу. А потому и храмъ какъ изъ земли растетъ, — отгѣчали степенно писарю нѣкоторые старики-крестьяне.

— А можетъ быть, Парменъ Парменычъ, ты самъ хотѣлъ строить храмъ на свои денежки, да, вишь, Юдинъ перебилъ у тебя это дѣло... Опоздалъ, братъ, ты! — подшучивали нѣкоторые изъ крестьянъ, помоложе.

И шутки ихъ сопровождались въ толпѣ язвительнымъ смѣхомъ, чего прежде не могло быть, когда всякое слово писаря для всѣхъ считалось непогрѣшимымъ и властнымъ.

Наконецъ, въ исходу второго года постройки, храмъ былъ оконченъ во всѣхъ частяхъ, какъ въ наружной, такъ и во внутренней отдѣлкѣ, съ каменнымъ же домомъ для священника. Въ оградѣ черви и предъ домомъ священника насажены были деревья. Колокола повѣшены на своихъ мѣстахъ. Изъ Томска прибыли ящики съ заказанными тамъ священническими облаченіями, на престольными одеждами и хоругвями. Прибыла большая посылка и изъ Москвы съ дарохранительницею, съ серебряными вызолоченными сосудами и прочими церковными принадлежностями. Только художникъ, писавшій образа для иконостаса, заповѣдалъ нѣсколько съ своею работою, впрочемъ не по своей винѣ, а болѣе вслѣдствіе указаній ему отцомъ Василюемъ въ точномъ изображеніи святыхъ, при чемъ художникъ, хотя и петербургскій, какъ онъ говорилъ, не противился его замѣчаніямъ. Отецъ Василій считалъ себя большимъ знаткомъ въ иконописи.

Какъ-то сидѣлъ онъ вдвоемъ съ Юдинымъ въ новомъ храмѣ и разсуждалъ о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ по церкви, и между прочимъ спросилъ его:

А что же, надумался ты, кому посвящаешь храмъ? Хотя преосвященный предоставилъ тебѣ рѣшить это дѣло, но ты послушайся меня: наиболѣе приличествуетъ...

— Помню, помню, батюшка. Ваше мнѣніе—освятить храмъ во имя святыхъ Козьмы и Даміана Безсребренниковъ,—оно, точно, это какъ бы въ лѣсть мнѣ, но куда же я, грѣшный, могу приравняться въ безсребренникамъ, когда всю жизнь, почитай, гонялся за наживой? Потому, батюшка, я еще такъ мыслю: если быть по вашему, то храмовой праздниекъ придется, то-есть, въ самую рабочую крестьянскую пору. Весь народъ, значить, будетъ тогда въ полѣ и по займамъ—кто же будетъ въ церкви на праздниекъ? и какая польза будетъ въ такомъ случаѣ для церкви и для причта?

— Ахъ, ты умная голова!—не удержался сказать отецъ Василій, весело глядя въ глаза Юдину.—Ну, такъ какъ же по твоему?

— А вотъ разсудите сами, отецъ духовный. Нѣтъ народа въ церкви въ самый, то-есть, свой главный деревенскій праздниекъ,—нѣтъ и самаго праздника. А нельзя ли намъ такъ устроить, чтобы въ храмовой нашъ праздниекъ не только весь нашъ народъ былъ въ церкви, но и изъ сосѣднихъ селъ, и изъ Минусинска самого жаловали бы въ намъ гости. И всѣ бы они являлись съ молитвою и съ лептою усердія своего. По всему тому, не въ укоръ вамъ, отче, позвольте измѣнить ваше мнѣніе.

— Что же ты думаешь? Какъ измѣнить?—нерѣшительно возражалъ отецъ Василій.

— Да такъ. Учредить храмовой праздниекъ 15-го августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, когда, то-есть, все село наше будетъ въ сборѣ, и крестьянскія работы будутъ окончены, и всякій съ радостью явится благодарить Господа за принесенный отъ труда его плодъ...

— Послушай, Иванъ Кузьмичъ, скажи ты откровенно—кто-нибудь навелъ тебя на такую мысль или самъ дошелъ?

— Помилуйте, батюшка, да вѣдь это совсѣмъ простое дѣло: кто же изъ нашихъ крестьянъ бываетъ у себя дома въ июнѣ и июлѣ мѣсяцахъ?

— А какъ же я преосвященному говорилъ о Козьмѣ и Даміанѣ?—встревожился отецъ Василій.

— Такъ что же? И преосвященный владыко не будетъ противиться умноженію средствъ для благолѣпія храма.

— Такъ. Это вѣрно ты говоришь. Только я все же думаю... Послушай, Иванъ Кузьмичъ, уважь ты меня: сооруди хотя икону святыхъ Безребренниковъ. Повѣрь, такъ слѣдуетъ. А иначе и преосвященный подумаетъ, что я какой-то пустословъ, что я такъ, зря, тогда ему говорилъ...

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ Юдинъ священнику, пронося по-сибирски, особенно ударяя на букву „о“.

— И поставимъ мы этотъ образъ съ боку на видномъ мѣстѣ.

— И это можно.

— Ну, такъ и ладно. Пусть будетъ по твоему.

Преосвященный вполне одобрилъ предположеніе Юдина и благословилъ освятить выстроенный имъ храмъ въ честь праздника Успенія Божьей Матери. Мало того, онъ самъ общалъ пріѣхать въ Абаканское участвовать въ чинѣ освященія.

Пріѣздъ преосвященнаго и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ совсѣмъ сбилъ съ толку добраго отца Василия. Разумѣется, всѣ расходы по приему гостей Юдинъ ваялъ на себя и въ этомъ отношеніи сумѣлъ распорядиться очень толково и хозяйственно. Отецъ Василій все же ни на минуту не оставался покойнымъ и постоянно повторялъ: „охъ, что и какъ будетъ?“ Добрый этотъ священникъ переживалъ самое тревожное время въ своей жизни, но вмѣстѣ и лучшіе свои дни, о которыхъ потомъ съ большимъ одушевленіемъ рассказывалъ сначала многочисленнымъ племянникамъ своимъ, а потомъ и внукамъ.

Къ четырнадцатому августа всѣ гости были въ сборѣ въ Абаканскомъ селѣ. На площади около церкви устроилось что-то въ родѣ ярмарки: стояли выпряженные телѣги и около нихъ кормились лошади; подъ телѣгами въ тѣни закусывали и пили чай пріѣзжіе крестьяне, съ женами и дѣтьми; тутъ же продавались минусинскіе арбузы, привезенные именно съ цѣлью распродажи ихъ по случаю особаго торжества въ селѣ, и раскупались они бойко, такъ какъ день былъ очень жаркій; были между крестьянами и заранѣе подгулявшіе, но этихъ послѣднихъ сравнительно было немного.

Но вотъ на закатѣ солнца раздался первый ударъ большого колокола въ новой церкви, и народъ потянулся къ ней толпами. Тамъ началась всенощная. Пѣли прибывшіе заранѣе архіерейскіе пѣвчіе, а къ утру пріѣхалъ и преосвященный со свитою.

Во время церемоніи освященія храма всѣ присутствовавшіе замѣтили, что отецъ Василій былъ не въ скуфьѣ, а въ лиловой

камилавѣ, а Юдинъ, распорядившійся продажей свѣчь, имѣлъ на шеѣ серебряную медаль на красной лентѣ.

Проповѣдь за литургією говорилъ, разумѣется, отецъ Василій. Хотя передъ его глазами лежала тетрадка и онъ часто въ нее заглядывалъ, но все же сбивался, повторялъ уже разъ сказанное и вообще говорилъ негладко и очень долго, что вызвало безпокойство и нетерпѣніе среди духовенства въ алтарѣ. Минусинскій протоіерей началъ совѣщаться по этому поводу съ благочиннымъ и наконецъ подозвалъ дьякона.

— Пойдите, шепните отцу Василю, чтобы онъ кончалъ проповѣдь. Уже онъ утомилъ владыку, да и началъ говорить что-то непонятное.

Хотя это приказаніе дьякону отдано было довольно тихо, но все же преосвященный услышалъ послѣднія слова и, обращаясь къ своимъ сослужащимъ, кратко сказалъ имъ:

— Оставьте, оставьте его. Если мы съ вами не понимаемъ, что онъ говорить, то дѣти его духовныя отлично понимаютъ все...

Торжество освященія новой абаканской церкви закончилось обильнымъ угощеніемъ въ старомъ священническомъ домѣ.

— А когда же, отецъ Василій, будете справлять новоселье?— спрашивали гости, усаживаясь за столы.

— Справимъ, справимъ, — отвѣчалъ весело абаканскій пастыръ, поправляя на головѣ камилавку.

— А въ старомъ домѣ кого намѣрены помѣстить?

— Тамъ у насъ будетъ школа. Видите ли, господа честные, всякое доброе дѣло тѣмъ и велико, что влечетъ за собою другія полезныя дѣла. Вотъ проявился у насъ Иванъ Кузьмичъ, выстроилъ единолично храмъ во славу Божью. Возблагодаримъ, значить, Господа за Его къ нему щедроты. А другой добрый человѣкъ думаетъ, — зачѣмъ и я не удѣлю отъ достатковъ своихъ въ дополненіе къ храму? Явился ко мнѣ и говорить: что вы предполагаете дѣлать съ старымъ домомъ? А я, скажу прямо, немышлялъ еще объ этомъ за хлопотами. Такъ позвольте мнѣ его отдѣлать подъ школу, говорить, и при этомъ я жертвую неприкосновенный капиталъ на нее. Процентовъ съ капитала будетъ достаточно на все нужное для школы, — и на содержаніе учителей, и на прочее. Только все это я сдѣлаю съ однимъ условіемъ, говорить. Люблю я до страсти церковное нотное пѣніе, а потому желаю, чтобы при школѣ содержался регентъ для пѣвческаго хора. У меня близко отъ васъ работаются золотые прінски, такъ оно и пріятно будетъ прѣзжать въ церковь и слушать стройное пѣніе. Что же?—думаю я. Положимъ, Иванъ Кузьмичъ прино-

силъ жертву благому дѣлу не разсуждая, безъ всякихъ условій, но и это побужденіе хорошее. Я донесъ преосвященному, и вотъ сегодня владыко сообщаетъ, что и это дѣло устроено. Жаль только, что жертвователя между нами нѣтъ. Говорятъ, у него бѣда на одномъ принскѣ случилась, и онъ поскакалъ туда. Принскъ-то былъ безъ воды и воду провели издалека по жолобамъ съ трудностями. Какъ вдругъ, на дняхъ, во время сильной грозы молнія и разбила жолобъ въ одномъ мѣстѣ. Вода-то и хлынула на сосѣдній принскъ. Переполохъ, говорятъ, тамъ страшный...

— Такъ это жертвователь-то, выходитъ, Быковъ,— у него бѣда случилась эта исторія, — такъ, что-ли, отецъ Василій? — спрашивали нѣкоторые изъ гостей.

Отецъ Василій увидалъ, что, по своему простодушію, проговорился и спѣшилъ поправиться.

— Почему же полагаете, что именно Быковъ? Можетъ быть, выискался и другой человѣкъ...

— Да нѣтъ, батюшка, Быковъ. Онъ же все въ церкви на клиросѣ подтягиваетъ басомъ.

— Только Быкову теперь не до шкеры. Убытокъ, говорятъ, будетъ громадный, — замѣтилъ одинъ минусинскій вучиць, выпивая большую рюмку мадеры.

— Молодой человѣкъ,— отвѣтилъ отецъ Василій ему, закаясь:— нельзя говорить такъ смѣло. Господь выволить Быкова. Да если и не Быковъ,— другой, третій найдутся,— а шкеры у насъ будутъ.

Прошло около пятнадцати лѣтъ послѣ построенія и освященія новой церкви въ селѣ Абаканскомъ. Многое измѣнилось за это время по всей Сибири. Старые порядки начали замѣняться новыми и, какъ иногда бываетъ, не все и новое было хорошо, но это не помѣшало жизни дѣлать свое и подвигать культуру обширной страны впередъ. Прошла золотопромышленная горячка въ ней почти повсемѣстно, и страстное стремленіе къ обогащенію розысками золота, поглотившее безплодно десятки милліоновъ, замѣнилось холоднымъ разсужденіемъ, что лучше довольствоваться малымъ барышомъ, но при этомъ нужно, чтобы и капиталъ былъ сохраненъ. Въ это время появился въ Томскѣ сибирскій университетъ, расширилась телеграфная вѣтвь далеко въ стороны отъ главной проволоки, развилось пароходство и торговое движеніе, кромѣ Оби, по Енисею, Ангарѣ, Ленѣ и Амуру, построенъ неудачный обь-енисейскій каналъ, который совсѣмъ наглядно и фактически убѣдилъ передовыхъ коммерческихъ сибирскихъ лю-

дей, что водные пути не могутъ удовлетворить нужды страны, что нуженъ рельсовый путь ей, что сообщеніе съ Европою чрезъ устья ея рѣкъ вообще ненадежно: одинъ годъ удастся проникнуть въ цѣли, другой—нѣтъ. И вообще на сѣверные пути возлагалось уже мало надежды.

— Вотъ еслибы желѣзная дорога прошла вдоль Сибири, — мечтали молодыя силы:—тогда можно было бы заняться правильною эксплуатаціею южныхъ областей съ помощью пароходства по верховьямъ рѣкъ и ихъ большимъ притокамъ.

Самую большую изъ сибирскихъ рѣкъ по протяженію, многоводію и самая быстрая по теченію считается Енисей, исключая притока ея, Ангары, вытекающей изъ озера Байкала, которая по быстротѣ не надолго даже замерзаетъ. Теченіе Енисея дѣлится на три части: первая—отъ устья вверхъ до города Енисейска, по которой могутъ доходить до него даже морскія суда малыхъ и даже среднихъ размѣровъ; вторая—отъ Енисейска до Красноярска, и по этой части рѣки въ то время, въ которому относится наше повѣствованіе, не ходили пароходы, потому что пороги на ней пугали предпринимателей, и въ народѣ существовало убѣжденіе, что побороть теченіе между порогами никакими паровыми силами невозможно; третья часть — отъ Красноярска вверхъ до Минусинска и немного далѣе съ давнихъ поръ служила для сплава плотовъ съ лѣсомъ и хлѣбныхъ барокъ самой грубой конструкціи, между тѣмъ какъ эта часть совсѣмъ не порожистая и представляла превосходный путь для движенія рѣчныхъ пароходовъ.

Однакожь, величественная рѣка эта оставалась сравнительно еще недавно пустынною и безжизненною. Даже переправы черезъ нее не совершались иначе, какъ паромами самаго незатѣйливаго устройства. Въ проѣздъ чрезъ Сибирь одного изъ высокопоставленныхъ лицъ, оно перѣѣзжало Енисей подъ Красноярскомъ въ особой, нарочно по этому случаю сооруженной лодкѣ, въ которой гребцами были почетнѣйшіе изъ купцовъ, разводѣтые въ красныя шоловыя рубашки и въ бархатныя поддевки. Вскорѣ послѣ этого событія красноярское городское управленіе вдумало, — а вѣроятнѣе всего кѣмъ-либо было наведено на мысль, — построить для переправы чрезъ Енисей паромъ-самолетъ ¹⁾, но мѣстные техники долго не могли сладить съ нимъ. Сильное теченіе обрывало канаты и часто нагруженный крестьянскими телѣгами паромъ безпомощно уносился теченіемъ, пока не наталкивался гдѣ-нибудь на какое-либо пре-

¹⁾ Родъ малютки на водѣ.

пятствіе, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ отъ города. Оттуда бѣдные крестьяне и возвращались уже сухимъ путемъ по своимъ селамъ. Разумѣется, при такихъ способахъ сообщеній могла ли зародиться какая-либо предпріимчивость въ краѣ съ цѣлью разработки естественныхъ богатствъ, хотя бы и въ томъ же минусинскомъ округѣ. Поэтому тамъ и существовали только хлѣбопашество и золотопромышленность, которая не руководствовалась хозяйственными и правильными расчетами, а всегда сопровождалась рискомъ и азартнымъ соперничествомъ. Даже паровыхъ мельницъ долго не было вблизи Енисея для размола превосходной минусинской пшеницы.

Семья Юдиныхъ давно уже переселилась въ губерскій городъ, гдѣ купленъ былъ и заново передѣланъ каменный домъ. Старшій сынъ, Ваня, поступилъ въ мѣстную гимназію, а самъ Юдинъ въ слѣдующемъ же году послѣ освященія церкви отправился въ Нижній на ярмарку. Осенью, по возвращеніи Юдина изъ Нижняго, открылась торговля въ магазинѣ при ихъ домѣ въ небываломъ еще въ городѣ размѣрѣ. Онъ снова погрузился въ торговныя дѣла, которыя пошли очень успѣшно и съ каждымъ годомъ развивались болѣе и болѣе. Имя его черезъ нѣсколько лѣтъ получило значеніе въ коммерческомъ сибирскомъ мірѣ и извѣстность въ Нижнемъ, даже и въ Москвѣ.

Марья Ивановна скучала въ городѣ по своемъ Абаканскомъ, и такъ какъ Юдины завели тамъ сельское хозяйство, то она часто ѣздила туда съ дѣтьми и почти ежегодно проводила въ родномъ домѣ лѣтніе мѣсяцы, въ которые мужъ ея тоже отсутствовалъ, посѣщая нижегородскую ярмарку ежегодно. Къ осени же произведенія хозяйства складывались на плоты и сплавлялись въ городъ, какъ для домашняго обихода, такъ и для продажи.

Проходили такъ однообразно годы и, какъ всегда, незамѣтно для людей труда. Марья Ивановна за обыденными суетливыми занятіями своими тоже не замѣтила, что старшій сынъ ея, Ваня, изъ мальчика превратился въ молодого человѣка и кончилъ курсъ въ гимназіи. Онъ тоже любилъ деревню и сельское хозяйство и уже нѣсколько лѣтъ вмѣшивался въ дѣла по этому хозяйству, — торговля отца его не интересовала. Въ послѣдніе два года онъ все чаще и чаще сталъ говорить отцу и матери о необходимости построить на ихъ землѣ въ Абаканскомъ паровую крупчатную мельницу.

— Кто теперь знаетъ тонкія качества минусинской пше-

ницы? А тогда наша мука вытѣснить во всѣхъ сибирскихъ городахъ казанскую крупчатку. Шутка ли при нашей пшеницѣ мы ѣдимъ хлѣбъ изъ привозимой за нѣсколько тысячъ верстъ муки! Вѣдь это безобразіе!

И молодой человѣкъ выходилъ изъ себя, прибавляя, что мѣстные капиталисты и этой простой вещи не могутъ понять, а на золотые прински, не справляясь съ будущимъ доходомъ, тратить десятки тысячъ.

— Хотя бы компанію составить для этого нужнѣйшаго для края предпріятія, — заканчивалъ обыкновенно свои жалобы молодой человѣкъ.

Но отецъ всегда упорно молчалъ, хотя со вниманіемъ выслушивалъ сына.

— А на чемъ ты будешь развозить крупчатку съ мельницы? — какъ-то разъ возразилъ онъ ему: — не на плотахъ ли или на баржахъ нашихъ? Такъ, ты знаешь, съ нашимъ Енисеемъ шутить нельзя: или плоты разбросаетъ, или половину товара твоего подмочитъ. Нѣтъ, братъ, не съ того начинаешь. Заведи ты сперва пароходы между Красноярскомъ и Минусинскомъ или, пожалуй, пусти ихъ вверхъ по рѣкѣ до самой китайской границы, тогда можешь мельницу строить, — убытка не дастъ... Только у насъ за малымъ остановка: капиталовъ у меня съ тобою такихъ нѣтъ, чтобы пароходы завести.

Молодой Юдинъ вздыхалъ и скорбѣлъ душою, что его родная Сибирь такъ неумѣло еще относится къ своимъ богатствамъ.

Какъ-то разъ зимою отецъ-Юдинъ собирался ѣхать на ирбитскую ярмарку и приглашалъ сына сопровождать его.

— При торговлѣ ты лишній совсѣмъ, что-то не по нраву она тебѣ. Поѣдемъ, прокатимся, людей посмотримъ, — говорилъ отецъ. — А можетъ быть, ты на ярмаркѣ и компанію составишь на постройку паровой мельницы, — прибавилъ онъ, подтрунивая надъ сыномъ.

Въ это время пришелъ снизу изъ магазина приказчикъ и подалъ письмо хозяину, сказавъ, что оно принесено отъ управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и при всякомъ случаѣ выказывалъ ему свою благодарность, помня, какъ онъ помогъ ему выручить выигрышный билетъ отъ писаря Пармена.

— Безъ него Богъ знаетъ еще, чтѣ и было бы, — часто говаривалъ онъ.

Юдинъ надѣлъ очки и началъ читать письмо. Прочелъ и даже въ лицѣ измѣнился. Прочелъ другой разъ и перекрестился.

— Возьми, читай и ты, — подавъ онъ письмо сыну.

Содержаніе его было короткое. Вотъ оно:

„Любезнѣйшій Иванъ Кузьмичъ! Спѣшу поздравить тебя съ новымъ счастьемъ. Ну, и счастливецъ же ты. Ужъ это даже совсѣмъ несправедливо: все тебѣ одному судьба даетъ, слѣдовало бы и другимъ удѣлить частичку твоего счастья.

„Иавѣщаю тебя, что старикъ, выигрышный билетъ твой, опять сослужилъ тебѣ службу — выигралъ второго января 25.000 рублей. Сейчасъ самъ свѣрлялъ нумеръ съ таблицею, присланною изъ Петербурга.

Значить, будемъ пить магарычи. До свиданья“!

Отецъ задумался.

— Вотъ что, Ваня, — сказалъ онъ черезъ минуту: — чтобы люди не укоряли меня счастьемъ и чтобы не сглазили, пожалуй, пусть этотъ выигрышъ будетъ твой. Бери себѣ эти 25.000 рублей и начинай съ ними дѣло. Мой совѣтъ — купи пароходъ въ Тюмени и переправь его въ Енисей каналомъ и пусть онъ пока хотя одинъ ходитъ рейсами между Красноярскомъ и Минусинскомъ. Когда увидятъ люди у тебя пароходъ — примутся за мельницы и за другія хорошія дѣла. Вотъ и недаромъ совѣтовалъ я тебѣ ѣхать со мною въ Ирбитъ. Въ Тюмени найдемъ подходящій пароходецъ, только машину нужно поставить посильнѣе, вѣдь нашъ Енисей не тихая Обь.

Ваня все еще не приходилъ въ себя отъ неожиданнаго извѣстія.

— Зови сюда мать, — продолжалъ весело старикъ Юдинъ, — нужно и ее порадовать.

Марья Ивановна не заставила себя долго ждать.

— Вотъ, поздравь сына, — обратился къ ней мужъ: — 25.000 рублей выигралъ.

И Юдинъ показалъ ей только-что имъ полученное письмо и объявилъ, что назначаетъ деньги сыну на начало дѣла.

— Пусть начинаетъ трудиться. Съ Богомъ, — добавилъ онъ.

— Начинай, начинай, Ванюша, пора. Тебѣ уже скоро двадцать-пять годковъ минетъ. Начнешь дѣло, а потомъ мы и женимъ тебя, — говорила нѣжно мать.

— Ну, вотъ, пошла дурь вбивать въ голову сыну. Ужъ сейчасъ и женить. Баба — по-бабьи и судишь. Придетъ время самъ себѣ жену найдетъ. Нѣшто меня женили на тебѣ родители — самъ напелъ тебя.

— Оно конечно...

— То-то — конечно. А вотъ собирай сына въ дорогу. Онъ со мною поѣдетъ.

— Какъ же это такъ неожиданно?!

Не успѣлъ молодой Юдинъ снарядить для плаванія свой небольшой пароходъ, какъ явился и другой предприниматель, одинъ изъ самыхъ крупныхъ сибирскихъ капиталистовъ съ нѣсколькими пароходами на верхній Енисей, которые и начали дѣлать срочные рейсы между Красноярскомъ и Минусинскомъ. Но и Юдинскій пароходъ работалъ не въ убытокъ и всѣ въ край знали, что первая идея учрежденія въ этой мѣстности пароходнаго движенія принадлежитъ ему.

Вмѣстѣ съ пароходами появилась въ край и паровая мельница, а потомъ вскорѣ и другая, и минусинская мука дѣйствительно быстро начала вытѣснять казанскую изъ всей Восточной Сибири. Затѣмъ, вмѣсто одного, давно уже существовавшаго винокуреннаго завода, имѣется въ виду основать еще нѣсколько, съ цѣлью вывоза спирта въ Европу чрезъ устье Енисея. Потомъ вдругъ неожиданно выросъ тамъ и стеклянный заводъ и, наконецъ, появился въ продажѣ сахаръ изъ минусинской свекловицы, громадной по величинѣ и съ обильнымъ содержаніемъ сахара.

Впрочемъ, и такъ уже увеличивается въ Россіи извѣстность богатаго минусинскаго края. Это сдѣлала постройка великой сибирской дороги. Какъ только стало извѣстно, что постройка этого величайшаго въ мірѣ рельсоваго пути рѣшена, — въ минусинскій край потянулись для разныхъ изслѣдованій ученые геологи и горные инженеры, какъ правительственные, такъ и частные.

Къ чему приведутъ ихъ изслѣдованія — это вопросъ, интересующій всю Сибирь. Быть можетъ, эти новѣйшіе пришельцы и есть тѣ добрые люди, о которыхъ говорить древняя легенда о минусинскомъ крайѣ.

Когда-то въ незапамятные времена, очень давнія, разумѣется, существовало въ Сибири чудесное царство. Слѣдовъ этого царства почти не осталось, но все же они есть. Въ курганахъ по берегамъ Енисея и его притоковъ выкапываются позеленѣвшіе отъ времени бронзовые сосуды, шлемы, оружіе и женскія украшенія, тоже изъ бронзы и камней. Центромъ его былъ минусинскій край, въ немъ и имѣли свою резиденцію правители царства. Чудесное царство вело большую торговлю съ древними южными народами Азіи и вообще процвѣтало, о чемъ упоминается въ самыхъ древнѣйшихъ китайскихъ лѣтописяхъ. Послед-

нимъ изъ правителей была женщина-царица. При ней появились варвары дикіе съ востока. Можно догадываться, что это были воинственные прежде тунгусы, — теперь, какъ извѣстно, исчезающее, ничтожное и по прежнему дикое племя. Эти варвары и начали погромъ чудснаго царства. Царица, видя неминуемую гибель и царства, и свою, собрала свои несмѣтные богатства, удалилась съ ними на самый югъ царства, гдѣ Енисей прорывается на сѣверъ чрезъ Саянскій хребетъ, велѣла зарыть сокровища въ самой дикой, непроходимой мѣстности, потомъ умертвила всѣхъ людей, зарывавшихъ ихъ, и, наложивъ заклятіе на это мѣсто, приказала двумъ сыновьямъ своимъ и бывшимъ съ нею женщинамъ разжечь большой костеръ, въ который бросились сначала женщины, потомъ сыновья и, наконецъ, сама царица и всѣ они сгорѣли на кострѣ.

Заклятіе же состояло въ томъ: пусть никакому злomu человеку, проливающему кровь, не достанутся сокровища, и всякій такой человекъ, если и найдетъ мѣсто, гдѣ они зарыты, погибнетъ безслѣдно; но если явятся въ край добрые миролюбивые люди, которые не будутъ алчны и кровожадны, а напротивъ, будутъ помогать другъ другу въ трудѣ, — для тѣхъ чудесныя богатства сами собою откроются, и опять весь край сдѣлается населеннымъ и цвѣтущимъ...

С. Петровъ-Батуричъ.

МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ

ВЪ

С.-А. СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Въ Америкѣ министерство земледѣлія, какъ и у насъ, недавно учреждено, недавно организовалось вполнѣ для дѣйствительной работы, и только-что вошло въ свою волю; такъ какъ Америка съ давнихъ поръ является главнымъ конкурентомъ русскаго земледѣльческаго сырья на всемірномъ рынкѣ, а ея производительность—главной, если не единственной причиной небывалаго паденія цѣнъ на хлѣбный товаръ,—то, надобно думать, настоящій очеркъ дѣятельности министерства земледѣлія въ Америкѣ будетъ не безынтересенъ и для русскаго читателя.

I.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты до самаго послѣдняго времени были земледѣльческой страной, и фермерское ихъ населеніе, по цenzу 1890 года составлявшее 72⁰/₁₀₀ цѣлаго, всегда было какъ главнымъ оплотомъ государственныхъ учрежденій страны, такъ и гражданской доблести націи. Фермеры всегда жаловались на то, что городскіе классы, преимущественно же адвокатское сословіе, несмотря на свою относительную малочисленность, въ сущности одни управляли страной, и, обыкновенно, въ ущербъ прямымъ земледѣльческимъ интересамъ. Уже начиная съ семидесятыхъ годовъ, они начали попытки къ образованію самостоятельной политической партіи, сначала подъ именемъ „грэнжеровъ“, потомъ „грбанке-

ровъ"; но только въ восьмидесятихъ годахъ, съ организаціей фермерскаго союза (Farmers' Alliance), они успѣли достигнуть извѣстнаго значенія и добились того, что конгрессъ призналъ, наконецъ, необходимымъ дать имъ представительство въ управленіи, въ лицѣ самостоятельнаго члена кабинета—министра земледѣлія. Хотя, благодаря чрезвычайно своеобразному государственному устройству Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, кабинетъ президента и не является отвѣтственнымъ министерствомъ, какое встрѣчается въ западныхъ европейскихъ государствахъ,—тѣмъ не менѣе значеніе его членовъ, какъ ближайшихъ сотрудниковъ и совѣтниковъ исполнительной власти, съ одной стороны, и докладчиковъ конгрессу съ другой—несомнѣнно даетъ имъ возможность вліять до извѣстной степени какъ на общую политику страны, такъ и, въ особенности, на завѣдуемыя ими отдѣльныя отрасли государственнаго хозяйства. Но принципы децентрализаціи и самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ въ Америкѣ чрезвычайно сильны, а потому сфера прямой дѣятельности такого министра, какъ министр земледѣлія, по самому существу вещей, всегда будетъ крайне ограничена, и страна вообще; да вѣроятно и сами фермеры, никогда не ожидали отъ него никакихъ чудесъ въ пользу сельскаго хозяйства; государственные же люди, признавая принципъ представительства фермерскаго класса въ кабинетѣ во всякомъ случаѣ безвреднымъ, не сочли нужнымъ обижать фермерское самолюбіе, особенно въ такое время, когда политика страны была въ очень неопредѣленномъ, возбужденномъ состояніи, и фермерскій союзъ насчитывалъ болѣе милліона голосовъ; вотъ, какимъ образомъ учрежденіе новаго министерства сдѣлалось совершившимся фактомъ. Министерство это, кромѣ центрального департамента въ Вашингтонѣ и „бюро погоды“ съ его многочисленными станціями,—учрежденія давно существовавшаго и вполнѣ установившагося, переданнаго въ его завѣдываніе изъ военнаго министерства,—не имѣетъ въ штатахъ никакихъ прямыхъ органовъ; даже опытные станціи, какъ читатель увидитъ ниже, содержащія по всему союзу на средства федеральнаго казначейства, находятся въ завѣдываніи штатныхъ властей и совершенно независимы отъ министерства земледѣлія; прямая сфера его дѣятельности, за двумя, тремя незначительными исключеніями, о которыхъ мы скажемъ ниже, покуда ограничивается добываніемъ и распространеніемъ полезныхъ для земледѣльческаго класса научныхъ и опытныхъ свѣдѣній. Внимательно просмотрѣвъ протоколы всѣхъ преній конгресса по поводу учрежденія министерства земледѣлія, мы пришли къ тому убѣжденію, что мѣра эта была главнымъ обра-

зомъ мѣрой политической, уступкой притязаніямъ на представительство, и что чисто сельско-хозяйственному, экономическому его значенію, очевидно, не придавалось большой важности. Лично для насъ, довольно близко знакомыхъ съ условіями американской жизни, это совершенно понятно и логично. Въ дѣлѣ чисто экономическомъ, заурядный американецъ, и тотъ никогда не вѣрять въ возможность какихъ-либо существенныхъ реформъ *сверху*. Онъ думаетъ, что для нихъ прежде всего необходима самостоятельность самихъ участниковъ, въ данномъ случаѣ — фермеровъ. Опаса имъ не нужна — въ какой бы то ни было формѣ. Если условія производства почему-либо измѣнились, — упали цѣны, уменьшились урожаи, прекратился спросъ — фермеръ ищетъ выхода самъ, измѣняетъ методы, перемѣняетъ систему, быстро примѣняется къ новымъ требованіямъ, къ новымъ условіямъ — не сидитъ у моря, дожидаясь погоды и продавая запасы или живя въ долгъ. Онъ не вѣрять въ необычное, не вѣрять въ то, что если онъ самъ на мѣстѣ, у руля испортившейся, такъ сказать, машины, не можетъ исправить поломки, то это можетъ, будто, за него сдѣлать сидящій за своимъ письменнымъ столомъ, за тридцать земель, кабинетный дѣятель. Еслибы, пять лѣтъ тому назадъ, въ моментъ учрежденія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ министерства земледѣлія, американскій фермеръ полагалъ, что оно не только выведетъ его изъ всяческихъ затрудненій, но и явится, такъ сказать, панацеей отъ всякихъ золъ и напастей въ будущемъ, то теперь, когда цѣна на пшеницу упала на 150⁰%, онъ совершенно разочаровался бы въ немъ и поносилъ бы его напропалую, проклиная свою злосчастную судьбу, и познавая тщету надеждъ въ концѣ XIX столѣтія на необычное. Само собой разумѣется, что это было бы абсурдомъ; никакое не только министерство земледѣлія, но и какое бы то ни было другое человѣческое учрежденіе, будь оно хоть семи пядей во лбу, не могло бы ему помочь; но къ счастью для Америки, ея фермеры никогда ни на что подобное не рассчитываютъ и надѣются главнымъ образомъ на свою собственную самостоятельность, на самопомощь, не ожидая чудодѣйственныхъ превращеній сверху; вотъ почему, хотя новизна учрежденія теперь уже и утрачена, а времена для нихъ теперь дѣйствительно крутыя, особенно тяжелыя, благодаря неожиданнымъ рѣзкимъ пертурбаціямъ на всемірномъ рынкѣ, но тѣмъ не менѣе фермеры такъ же дружелюбно относятся къ своему министерству, и такъ же точно ждутъ отъ него только того, что оно можетъ имъ дать — представительства,

въ извѣстныхъ случаяхъ, и добыванія и распространенія полезныхъ свѣденій.

Чтобы читатель могъ вполне уразумѣть все значеніе именно этихъ послѣднихъ функцій американскаго министерства земледѣлія, необходимо прежде всего принять во вниманіе отношеніе американскаго народа къ печатному слову вообще и дать понятіе о распространенности среди массъ правительственныхъ отчетовъ и популярно-научныхъ докладовъ разныхъ специальныхъ учреждений. Годичный докладъ министра земледѣлія президенту издается въ полумилліонѣ экземпляровъ. Это обыкновенно большой томъ въ 700—800 страницъ in-quarto, самъ по себѣ составляющій цѣлую сельско-хозяйственную энциклопедію. Кромѣ того, каждый отдѣльный департаментъ выпускаетъ въ теченіе года множество отдѣльных бюллетеней—нѣкоторые объемомъ въ 10, 15 печатныхъ листовъ. Всѣ эти изданія рассылаются бесплатно всякому желающему; стоитъ только написать, что именно вамъ нужно, и съ оборотомъ почты вы получите желаемое. Въ нашей собственной библіотекѣ въ настоящій моментъ имѣется отдѣлъ изъ правительственныхъ и общественныхъ публикацій разнаго рода, въ которомъ свыше шестисотъ томовъ и который не стоитъ намъ ничего. Вся эта громадная масса печатнаго матеріала быстро расходуется по странѣ и усваивается населеніемъ, постоянно увеличивая и распространяя запасы его знанія. Мы находимъ и находимъ изданія министерства земледѣлія и штатныхъ опытныхъ станцій въ каждомъ фермерскомъ домѣ. Нѣтъ такой отрасли сельскаго хозяйства, нѣтъ такой новинки въ сельско-хозяйственномъ мірѣ, которая бы не разрабатывалась гдѣ-нибудь, или въ департаментахъ министерствъ въ Вашингтонѣ, или на опытныхъ станціяхъ—и нѣтъ такого предмета, о которомъ нельзя бы было разузнать все въ подробности изъ этихъ отчетовъ и докладовъ. Посредствомъ нихъ фермеръ узнаетъ все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и дома, по какой бы то ни было специальности—и узнаетъ не въ формѣ сухого научнаго реферата, съ массой непонятныхъ ему научныхъ тонкостей и латинскихъ названій, а въ живомъ изложеніи сотоварища-практика. Его мысль находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ наиболѣе блестящими специалистами, выбранными съ толкомъ и благодаря ихъ знаніямъ и успѣхамъ на извѣстномъ поприщѣ. Достаточно было взглянуть на перваго министра земледѣлія, Джеффри Рюска, теперь уже покойнаго, чтобы понять это: высокій, сухой, мускулистый, съ огромными руками и ногами, въ мѣшеовато сидѣвшемъ на его жилистомъ, неуклюжемъ, но могучемъ тѣлѣ платьѣ, онъ былъ блестящимъ типичнымъ представителемъ лучшаго класса

фермеровъ Запада, прохозяйничавъ съ успѣхомъ на отдаленныхъ, большихъ фермахъ сорокъ лѣтъ, и ни разу не занимая никакого чиновничьяго мѣста, пока президентъ Гаррисонъ не назначилъ его оразу министромъ. Онъ понималъ, чтд нужно фермеру, зналъ, какъ нужно съ нимъ говорить и какъ для него писать—это не былъ кабинетный дѣятель, а родившійся, выросшій и прожившій всю свою жизнь на фермѣ практикъ. Въ томъ же родѣ былъ имъ подобранъ и составъ сотрудниковъ, начальниковъ отдѣльных департаментовъ и специалистовъ по разнымъ отраслямъ. Когда вновь устроенная машина министерства земледѣлія заработала, она немедленно же и удачно вступила въ непосредственное соприкосновеніе со всѣмъ фермерскимъ населеніемъ союза посредствомъ своихъ изданій и бюллетеней. Американскій народъ давно сжился съ своей прессой, она давно успѣла сдѣлаться насущной необходимостью, въ родѣ воздуха и воды, для всякаго жителя ¹⁾—и новый источникъ знанія, отчасти благодаря своей авторитетности и легкости распространенія, сдѣлался сразу доступнымъ, понятнымъ и необходимымъ для каждаго фермера.

Хотя дѣятельность частныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и ассоціацій и не имѣетъ прямого отношенія къ предмету настоящей статьи, тѣмъ не менѣе, въ связи съ вопросомъ о печатномъ сельско-хозяйственномъ матеріалѣ министерства земледѣлія необходимо упомянуть и о нихъ, потому что они являются главнѣйшими факторами въ дальнѣйшей разработкѣ и ассимиляціи массами. Каждая земледѣльческая мѣстность непременно имѣетъ нѣсколько специальныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, обыкновенно ведущихъ самую активную жизнь, и мы никогда не встрѣчали фермера, который бы не принадлежалъ къ одному или нѣсколькимъ изъ нихъ. Общества эти соединяются въ штатныя и національныя организаціи, ихъ члены сѣзжаются массами на годичныя собранія, издають свои собственные журналы, содержатъ національныя администраціи, и вообще всячески стараются дать своимъ сочленамъ возможность стоять au courantъ всего происходящаго на бѣломъ свѣтѣ по ихъ специальности. Они быстро приспособились къ новому учрежденію, работаютъ съ нимъ рука объ руку, имѣють обыкновенно рѣшающій голосъ относительно характера предпринимаемыхъ имъ новыхъ изслѣдованій, и его отчеты и доклады за послѣднее время занимають значительную часть ихъ

¹⁾ Въ Америкѣ издается около 800 специальныхъ сельско-хозяйственныхъ периодическихъ изданій всякаго рода, и въ настоящемъ году болѣе половины изъ нихъ выходитъ въ числѣ отъ ста до трехъ сотъ тысячъ экземпляровъ; нѣтъ въ странѣ фермера, который бы не получалъ нѣсколькихъ изданій.

вниманія и составляютъ обычную пищу для преній и дальнѣйшихъ розысканій. За послѣдніе года эти общества очень энергично взялись за дѣло продажи продуктовъ земледѣлія прямо въ оптовые центры, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., ассоціація апельсинныхъ производителей южной Калифорніи, уже успѣли вытѣснить всякое посредничество и всякія комиссіи при продажѣ между своими сочленами и главными рынками страны.

Эти главные факторы американской жизни вообще, — самодѣятельность самага населенія, привычка къ усвоенію знанія и легкость его распространенія — и должны быть прежде всего приняты во вниманіе читателемъ; благодаря имъ, дѣятельность министерства земледѣлія чрезвычайно облегчена и ея значеніе соотвѣтственно увеличивается. Тѣ же средства при другихъ условіяхъ дали бы совершенно другіе, можетъ быть, самые ничтожные результаты. Сравненіе съ чѣмъ-нибудь другимъ, не чисто американскимъ, было бы безцѣльнымъ и неумѣстнымъ.

Покончивъ съ этими общими чертами, перейдемъ къ деталямъ и прежде всего займемся сельско-хозяйственными коллѣджами и опытными станціями.

II.

Еще въ 1862 году конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, особымъ актомъ, извѣстнымъ подъ именемъ акта вспомошествованія сельско-хозяйственному образованію, постановилъ передать въ непосредственное распоряженіе отдѣльныхъ штатовъ и территорій по тридцати-тысячъ акровъ государственной земли на каждого члена обѣихъ палатъ конгресса отъ этихъ штатовъ и территорій, съ тѣмъ, чтобы на полученныя отъ продажи этихъ земель средства былъ образованъ въ каждомъ изъ нихъ неприкосновенный фондъ, проценты съ котораго шли бы на поддержаніе одного или нѣсколькихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ земли эти не могли быть проданы дешевле доллара съ четвертью за акръ, и такъ какъ самый маленький штатъ имѣлъ не меньше трехъ представителей въ конгрессѣ — отъ трехъ до тридцати въ то время — то образованные этимъ актомъ фонды простирались въ различныхъ штатахъ отъ ста десяти тысячъ до слишкомъ милліона долларовъ. Установивъ методы образованія фондовъ и способы отчетности, актъ этотъ въ то же время предоставилъ самое устройство коллѣджей и всего къ нимъ относящагося въ безусловное распоряженіе самихъ штатовъ, требуя

только, чтобы деньги расходовались именно на этот предмет, а не на что-либо другое.

Въ настоящій моментъ въ союзѣ насчитывается 61 высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе, поддерживаемое, или полностью, или отчасти, на средства этихъ фондовъ; нѣкоторыя изъ нихъ самостоятельны, нѣкоторыя являются сельско-хозяйственными факультетами штатныхъ университетовъ. Продолжительность курса и программы въ нихъ настолько разнообразны, что говорить о нихъ въ общихъ чертахъ совершенно невозможно. Каждый штатъ, каждый университетъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, руководствуясь мѣстными условіями и требованіями, и, можетъ быть, ни въ одной другой отрасли народнаго образованія въ Америкѣ не встрѣчается такой пестроты и разнообразія программъ и разницы въ требуемомъ и даваемомъ ими уровняхъ знанія.

Въ 1887 году, актъ 1862 года былъ дополненъ другимъ, относительно устройства и поддержанія опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій (*agricultural experiment stations*), сдѣланнымъ извѣстнымъ подъ именемъ акта Гатча (*Hatch act*), по имени внесшаго въ конгрессъ члена, и ассигнованнымъ на этотъ предметъ изъ специальныхъ суммъ федеральнаго казначейства по пятнадцати тысячъ долларовъ въ годъ на каждый штатъ и территорію союза—а въ 1890 году, опять особымъ актомъ конгресса сумма эта была увеличена еще на пятнадцать тысячъ долларовъ въ годъ на каждый штатъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ она была бы увеличиваема ежегодно еще на тысячу долларовъ, такъ что въ 1900 году каждый штатъ и территорія союза будутъ получать изъ специальныхъ суммъ федеральнаго казначейства по сорока тысячъ долларовъ въ годъ на содержаніе своихъ опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій. Оба эти послѣдніе акта, установивъ источники и способы отпуска денегъ, передали какъ устройство самихъ станцій, такъ и завѣдываніе ими и опредѣленіе размѣровъ и методовъ ихъ работы, отдѣльнымъ штатамъ, требуя только, чтобы ассигнованныя такимъ образомъ деньги тратились исключительно на этотъ предметъ, и вмѣняя станціямъ въ обязанность публиковать результаты ихъ работъ не меньше четырехъ разъ въ годъ и доставлять копіи ихъ ежегодныхъ отчетовъ всѣмъ другимъ опытнымъ станціямъ въ союзѣ и въ министерство земледѣлія; этому же послѣднему предоставлено только право совѣта, посильной помощи и установленія по возможности однообразныхъ формъ для отчетовъ и бюллетеней станцій.

Такимъ образомъ, оказывается, что, во-первыхъ, всѣ штаты

и территоріи, какъ бы велики или малы они ни были, получаютъ одинаковое ежегодное вспомошествованіе отъ государства на содержаніе своихъ опытныхъ станцій; во-вторыхъ, имъ представлена полная автономія относительно всего, до нихъ относящагося. Число станцій въ каждомъ штатѣ, завѣдываніе ими, опредѣленіе состава служащихъ, ихъ назначеніе и отношеніе къ администраціи—все это предоставлено усмотрѣнію самихъ штатовъ. Само собою разумѣется, что каждый штатъ завелъ свои собственныя порядки, нерѣдко чрезвычайно широко разнящіеся одинъ отъ другого, и говорить въ общихъ чертахъ объ американскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ совершенно невозможно: существуетъ 50 (по числу отдѣльныхъ штатовъ и территорій) отдѣльныхъ системъ, каждая съ своеобразной организаціей и порядками. Всѣ онѣ стремятся къ одной и той же цѣли, но методы и средства къ ихъ достиженію чрезвычайно разнообразны. Принципы децентрализаціи и предоставленія отдѣльнымъ общинамъ абсолютной независимости по всѣмъ отраслямъ самоуправленія и въ дѣлѣ помощи сельскому хозяйству, проявляются самымъ существеннымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ опытная станція завѣдуются особымъ комиссаромъ, въ нѣкоторыхъ особыми комиссіями, въ другихъ онѣ предоставлены штатнымъ совѣтамъ народнаго образованія, во многихъ онѣ переданы въ распоряженіе или спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, или сельско-хозяйственныхъ факультетовъ штатныхъ университетовъ, или совѣтовъ, завѣдующихъ этими послѣдними вообще. Само собою разумѣется, что никакъ нельзя сказать, которая изъ этихъ системъ наилучшая—все зависитъ отъ людей, стоящихъ въ ихъ главѣ и отъ отношенія различныхъ лицъ къ дѣлу. Да и системы эти, какъ и всякое законодательство въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, постоянно подлежатъ измѣненіямъ и улучшеніямъ, постоянно прогрессируютъ и нерѣдко существенно перемѣняются. Поэтому мы и не находимъ нужнымъ на нихъ останавливаться, и сообщимъ только, какъ примѣръ, настоящія детали организаціи въ нашемъ штатѣ—Калифорніи, хорошо намъ лично извѣстныя.

Первая, и, въ настоящее время, центральная опытная сельско-хозяйственная станція штата Калифорніи основана уже давно, вмѣстѣ съ учрежденіемъ сельско-хозяйственнаго факультета (College of Agriculture) при университетѣ штата въ мѣстечкѣ Берkeley. Она содержалась частію на средства университета, частію особыми ассигновками парламента, и когда въ 1887 году прошелъ вышеупомянутый актъ конгресса относительно ассигновки

федеральныхъ средствъ на содержаніе опытныхъ станцій, совѣтъ регентовъ, особое коллегіальное учрежденіе, завѣдующее университетомъ, постановилъ, что существовавшая уже и бывшая въ полномъ ходу опытная станція при самомъ университетѣ будетъ продолжать содержаться на его средства, и что вся ассигнованная конгрессомъ сумма пойдетъ на устройство и содержаніе другихъ опытныхъ станцій въ другихъ мѣстностяхъ штата. Такимъ образомъ, тогда же было положено основаніе вспомогательнымъ опытнымъ станціямъ, которыхъ въ настоящее время въ штатѣ Калифорніи уже цѣлыхъ семь—четыре общихъ, двѣ специальныхъ лѣсныхъ и одна специальная по винодѣлію или вивиткултурѣ. Всѣ онѣ находятся въ непосредственномъ завѣдываніи вышеупомянутаго совѣта регентовъ, состоящаго изъ высшихъ выборныхъ властей штата *ex officio*, и членовъ отъ народа, назначаемыхъ губернаторомъ изъ числа наиболѣе выдающихся по просвѣщенію гражданъ. Совѣтъ этотъ назначаетъ директора,—въ настоящее время уже много лѣтъ имъ состоитъ профессоръ земледѣлія въ университетѣ *E. W. Hilgard*, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ и съ нѣкоторыми русскими сельско-хозяйственными учрежденіями—инспектора, управляющихъ отдѣльными станціями и вообще всѣхъ служащихъ. Въ работѣ центральной станціи принимаютъ непосредственное участіе всѣ профессора сельско-хозяйственного факультета и всѣ студенты. Кромѣ того, къ работѣ по опытамъ привлекаются и многіе фермеры, которымъ посылаются сѣмена, выводки, прививки и т. д., и которые представляютъ станціямъ отчеты по опытамъ. Всѣ эти отчеты собираются и редактируются центральной станціей, которая завѣдуетъ публикаціей всего печатнаго матеріала; она, черезъ совѣтъ регентовъ и губернатора, дѣлаетъ обширные доклады разъ въ два года собранію штата, и, кромѣ того, выпускаетъ отъ 10 до 15 такъ называемыхъ фермерскихъ бюллетеней въ годъ. Отчетъ за 1891—92 года, наприкладъ, состоитъ изъ двухъ томовъ, одного общаго въ 316 страницъ, другого специального по вивиткултурѣ, въ 346 стр. Въ общемъ даны слѣдующіе доклады: 1) анализъ почвъ; 2) анализъ водъ; 3) анализъ минераловъ; 4) о свойствахъ алкали; 5) о фруктахъ и овощахъ, съ химическими анализами; 6) объ удобреніяхъ, особенно извести; 7) отчеты объ опытныхъ работахъ въ полѣ центральной и вспомогательныхъ станцій; 8) отчетъ о лабораторныхъ работахъ по энтомологіи; 9) докладъ о методахъ физическаго и химическаго анализа почвъ; 10) синопсисъ болѣзней воздѣлываемыхъ растений, и 11) синопсисъ вредныхъ насекомыхъ. Фермерскіе бюллетени изложены кратко, ясно, и въ то же

время даютъ всѣ практическія детали, особенно важныя для земледѣльца—ихъ уже вышло до 120 нумеровъ, отъ 2 до 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ, и ихъ сфера, въ сущности, безконечна. Всѣ эти изданія рассылаются бесплатно всѣмъ желающимъ. При центральной станціи находится сельско-хозяйственная бібліотека и читальня, снабженная цѣлой сотней американскихъ и иностранныхъ сельско-хозяйственныхъ періодическихъ изданій.

Въ интересахъ объединенія лицъ, занимающихся экспериментальными сельско-хозяйственными работами, для обмѣна мыслей относительно упрощенія методовъ, выработки болѣе совершенныхъ способовъ и регулированія производимыхъ опытовъ, уже нѣсколько лѣтъ какъ организована національная ассоціація представителей опытныхъ станцій, собирающихся ежегодно на годичныя сѣзды въ разныхъ городахъ. Последній такой сѣздъ, седьмой, со времени образованія ассоціаціи, происходилъ въ Чикаго; предпоследній, шестой, въ Новомъ-Орлеанѣ. Сѣздъ этотъ раздѣляется на шесть секцій: земледѣлія, ботаники, химіи, университетскаго образованія, энтомологіи и гортивультуры, съ постоянными организациями для каждой, кромѣ того, по нѣскольку десятковъ постоянныхъ комиссій и подкомиссій, разрабатывающихъ разныя спеціальности по порученію сѣзда. Стенографическіе протоколы преній сѣзда со всѣми приложениями печатаются насчетъ министерства земледѣлія, а личные расходы членовъ покрываются изъ средствъ станцій. Затѣмъ, существуетъ національная ассоціація служащихъ при опытныхъ станціяхъ сельско-хозяйственныхъ химиковъ, собирающихся тоже ежегодно, и функціонирующая такимъ же образомъ.

III.

Перейдемъ теперь къ организаціи и непосредственной дѣятельности министерства земледѣлія. Самъ министр—членъ кабинета президента—назначается имъ при вступленіи его въ должность на четыре года и утверждается въ своей должности сенатомъ. Положеніе министровъ въ Америкѣ очень своеобразно. De jure—они подчинены непосредственно президенту; de facto, это далеко не такъ, и въ дѣйствительности они пользуются довольно широкой самостоятельностью. Въ исторіи союза не мало случаевъ, когда назначенные президентами министры съ теченіемъ времени не только расходились съ ними, но и съ успѣхомъ имъ противодействовали. Вопросъ объ ихъ смѣнѣ и до сихъ поръ не разрѣ-

шенъ окончательно. Острое столкновение въ шестидесятихъ годахъ президента Джонсона съ военнымъ министромъ Стантономъ, въ которомъ сенатъ положительно высказался противъ права президента смѣнять утвержденныхъ сенатомъ министровъ безъ согласія сената, окончилось весьма неопредѣленнымъ, въ сущности, компромиссомъ — и принципъ такъ и остался неразрѣшеннымъ верховнымъ судомъ, единственной инстанціей, вердиктъ которой принимается американскимъ народомъ за окончательный. Во всякомъ случаѣ, самое назначеніе министровъ всегда является какъ результатъ соглашенія президента съ вожаками той политической партіи, въ которой онъ принадлежитъ, и чаще всего диктуется компромиссами между различными ея фракціями и требованіями представительства или отъ отдѣльныхъ штатовъ, или отъ извѣстныхъ ихъ группъ. Благодаря этому, степень самостоятельности министра зависитъ гораздо больше отъ прочности его положенія и отъ его личнаго значенія въ рядахъ его партіи, чѣмъ отъ симпатій или антипатій президента. Въ одномъ и томъ же кабинетѣ засѣдаютъ *de jure* равноправные, *de facto* же находящіеся въ совершенно различныхъ условіяхъ относительно самостоятельности и сферы вліянія и значенія министры. Правда, особый законъ, устанавлиющій замѣщеніе мѣста президента въ случаѣ смерти его самого и вице-президента министрами въ извѣстной послѣдовательности — сначала министръ иностранныхъ дѣлъ, потомъ финансовъ, и такъ далѣе — какъ бы опредѣляетъ ихъ относительное значеніе, но въ дѣйствительности это не что иное какъ форма, такъ какъ нерѣдко послѣдній въ линіи министровъ пользуется большимъ вліяніемъ на дѣла націи, чѣмъ первый.

Всѣ они получаютъ по восьми тысячъ долларовъ жалованья въ годъ, и въ ихъ распоряженіи нѣтъ рѣшительно никакихъ экстраординарныхъ или секретныхъ суммъ. Государственное казначейство совершенно самостоятельно, также какъ и государственный контроль — сенатъ утверждаетъ ихъ начальниковъ такъ же, какъ и самихъ министровъ — всѣ ассигновки дѣлаются конгрессомъ, всякій расходъ въ ихъ предѣлахъ долженъ быть удостовѣренъ извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ способомъ ¹⁾, всякіе перерасходы и передержки абсолютно воспрещены разъ навсегда, и ни одинъ грошъ изъ сундуковъ „дяди Сама“ не можетъ быть издержанъ безъ вѣдома конгресса и всего народа.

¹⁾ Кстати, Брайсъ, въ своей надѣлавшей шума книгѣ: „The American Commonwealth“, совсѣмъ, очевидно, не понялъ американской государственной финансовой системы, и сдѣлалъ нѣсколько очень грубыхъ ошибокъ относительно ея практическаго приложенія.

Великобританскій совѣтъ агрикультуры (Board of Agriculture), учрежденный въ 1889 году и вѣденію котораго не подлежатъ Ирландія, обходится странѣ въ \$ 1.420.345⁰⁰ въ годъ; прусское министерство земледѣлія въ \$ 2.876.285⁰⁰ (не включая лѣсного департамента, который стоитъ \$ 8.637.500⁰⁰, но приносить доходу \$ 14.495.000⁰⁰); французское министерство земледѣлія \$ 5.792.628⁰⁰ (не включая лѣсного департамента, который стоитъ \$ 2.644.000⁰⁰, но приноситъ доходу \$ 5.600.000⁰⁰); итальянскій департаментъ земледѣлія, составляющій часть министерства земледѣлія, промышленности и торговли, \$ 1.424.613⁰⁰. Все это цифры, данныя уже въ девяностыхъ годахъ послѣдними официальными отчетами этихъ государствъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ министерство земледѣлія обошлось въ 1894 г. въ \$ 3.323.500⁰⁰, и на 1895 годъ ассигновано всего \$ 2.953.843⁰⁰, включая всѣ расходы на „бюро погоды“ и на федеральную субсидію штатнымъ опытнымъ станціямъ. Принимая въ соображеніе громадность территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ сравненіи съ территоріями вышеперечисленныхъ европейскихъ государствъ, нельзя не видѣть, что расходъ Америки очень невеликъ, и что министру земледѣлія приходится быть очень осторожнымъ, чтобы успѣшно сводить концы съ концами.

У министра земледѣлія имѣется помощникъ, назначаемый президентомъ съ утвержденія сената и получающій четыре тысячи долларовъ въ годъ жалованья; за послѣдніе три года онъ былъ занятъ исключительно всемірной выставкой въ Чикаго, будучи однимъ изъ членовъ федеральной правительственной комиссіи; въ годичномъ докладѣ министра за 1893 годъ помѣщенъ его подробный отчетъ объ участіи министерства земледѣлія въ этой выставкѣ.

Самое министерство состоитъ изъ двухъ бюро: погоды и скотоводства, 13 департаментовъ или дивизій, какъ они здѣсь называются (отчетности, статистики, ботаники, энтомологіи, орнитологіи и маммалогіи, помологіи, микроскопическихъ изслѣдованій, растительной патологіи, химіи, лѣсного, печатнаго, иллюстрацій ¹⁾ и сѣмянъ), библиотеки, сельско-хозяйственнаго музея и центрального бюро опытныхъ станцій съ отдѣленіями для различныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій (ирригаціи, проселочныхъ дорогъ, экспериментовъ съ сахаромъ, фибровыми растеніями, и т. д.) Въ распоряженіи министра находится въ текущемъ году всего 1.994 служащихъ всякаго рода, получающихъ какое-либо жалованье. Этими

¹⁾ Всѣ изданія министерства земледѣлія роскошно иллюстрированы, а годовые доклады снабжены многочисленными иллюминированными картами и превосходными хромофотографіями.

числомъ покрывается весь личный составъ министерства земледѣлія, начиная съ самого министра и кончая послѣднимъ сторожемъ. Изъ нихъ 725 подлежатъ правиламъ о гражданской службѣ, съ жалованьемъ отъ 840 до 1.800 долларовъ въ годъ, а остальные—вольнорабочіе.

Функции перечисленныхъ выше бюро и отдѣльныхъ департаментовъ министерства земледѣлія въ большинствѣ случаевъ достаточно ясно опредѣляются ихъ названіями, и мы выяснимъ дѣятельность только тѣхъ изъ нихъ, которые почему-либо имѣютъ своеобразное значеніе.

Задачи бюро скотоводства (Bureau of animal industry) состоятъ исключительно въ борьбѣ съ эпизоотіями, въ охраненіи отъ заразы главныхъ внутреннихъ мясныхъ рынковъ и въ инспекціи импортныхъ и экспортныхъ скота и мясныхъ продуктовъ. Живой скотъ передвигается внутри союза исключительно по желѣзнымъ дорогамъ; скотопригонныхъ трактовъ въ странѣ совсѣмъ нѣтъ. Благодаря этому, изолированіе зараженныхъ почему-либо мѣстностей сравнительно легко, и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ союзѣ не было ни одной серьезной эпизоотіи и ни одна изъ нихъ не проникла ни въ Чикаго, главный внутренній мясной рынокъ союза, ни въ одинъ изъ экспортныхъ пунктовъ Атлантическаго океана. Чахотку рогатаго скота (pleuropneumonia), въ восьмидесятихъ годахъ свирѣпствовавшую довольно сильно въ нѣкоторыхъ главныхъ скотоводственныхъ районахъ, удалось совсѣмъ искоренить, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ; съ 25-го марта 1892 года, не было констатировано официально во всей странѣ ни одного случая. Бюро скотоводства не только инспектируетъ скотъ при отправкѣ за границу, но и содержитъ значительный штатъ инспекторовъ во всѣхъ портахъ приѣма въ Европѣ, преимущественно въ Англии. Этотъ иностранный штатъ служитъ, во-первыхъ, извѣстнымъ противовѣсомъ въ случаяхъ притѣсненій и злоупотребленій мѣстными инспекціями, а во-вторыхъ, строго слѣдитъ за соблюденіемъ перевозочными трансатлантическими компаниями всѣхъ требованій закона.

За послѣдніе года, благодаря неустойчивости и въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстному партизанству тарифныхъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ, возникли многія недоразумѣнія и столкновенія международнаго характера именно по поводу экспорта союзомъ живого скота и разныхъ мясныхъ товаровъ. Еще въ 1891 г., благодаря репрессивнымъ мѣрамъ и прямымъ требованіямъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, американскому министерству земледѣлія пришлось ввести цѣлый рядъ обязательныхъ постанов-

лений относительно микроскопической инспекціи экспортируемыхъ мясныхъ продуктовъ, процесса дорого стоющаго и требующаго времени, тѣмъ не менѣе сдѣланнаго обязательнымъ относительно многихъ сортовъ этихъ продуктовъ, прежде чѣмъ они могутъ быть выгружены въ нѣкоторыхъ европейскихъ портахъ. Въ теченіе 1892 года были подвергнуты такому изслѣдованію между прочимъ около сорока милліоновъ фунтовъ свинины; а въ 1893 году правительство было вынуждено опять расширить сферу своей инспекціи новымъ рядомъ постановленій, и на этотъ разъ ею оказались обнятыми рѣшительно всѣ сорта мясныхъ продуктовъ. Главный потребитель—Европа, относится къ нимъ все строже и строже, и устанавливаетъ все большія и большія преграды—не потому, чтобы качество ихъ понизилось, а вслѣдствіе враждебности къ американскому товару ея внутреннихъ промышленныхъ и земледѣльческихъ интересовъ.

„Бюро погоды“ (Weather bureau), стоющее ежегодно около милліона долларовъ ¹, является, по нашему мнѣнію, самымъ интереснымъ учрежденіемъ министерства земледѣлія. Начало ему было положено много лѣтъ тому назадъ, учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ приморскихъ трактахъ Атлантическаго океана наблюдательныхъ станцій для предупрежденія судоходства о приближающихся морскихъ буряхъ; съ теченіемъ времени такія станціи были устроены и на великихъ озерахъ, по берегу Мексиканскаго залива и по Тихоокеанскому побережью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предсказанія были такъ удачны, что нельзя было не видѣть ихъ важности и для сельскаго хозяйства; въ тоже время оказалось, что наблюденія во внутренности страны часто необходимы для полнаго успѣха предсказаній, такъ какъ многія метеорологическія пертурбаціи берутъ тамъ свое начало. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, число станцій постепенно увеличивалось, и съ теченіемъ времени работа „бюро погоды“, не утративъ нисколько своего значенія для судоходства и даже значительно расширивъ его большею точностью, въ тоже время сдѣлалось чрезвычайно важнымъ и для успѣховъ земледѣлія, и по своему значенію для этого послѣдняго, а благодаря ему и для всей страны, оставило далеко позади первоначальные мотивы для своего существованія. Въ настоящее время въ союзѣ содержится 159 казенныхъ наблюдательныхъ станцій съ полнымъ персоналомъ и снабженныхъ всѣми новѣйшими инструментами для самыхъ точныхъ метеорологиче-

¹) „Бюро погоды“ обощлось министерству земледѣлія въ 1894 г. въ \$ 951.000⁰⁰, на 1895 годъ ассигновано \$ 854.228⁰⁰.

скихъ наблюдений, и свыше 2.500 волонтерныхъ, снабженныхъ инструментами отъ „бюро погоды“ и дѣлающихъ ему регулярные отчеты и доклады о своихъ наблюденияхъ. На 72 станціяхъ ежедневно составляется предсказательная карта погоды (forecast map) на слѣдующіе 24, иногда 48 часовъ. Карты эти печатаются въ числѣ слишкомъ 8.000 экземпляровъ и телеграфируются во всѣ концы страны, въ 1.622 отдѣльныхъ казенныхъ пункта и свыше 5.000 частныхъ. Точность этихъ предсказаній постоянно усиливается, по мѣрѣ усовершенствованія всей системы и инструментовъ наблюдений и лучшаго изученія мѣстныхъ условий; для нѣкоторыхъ мѣстностей она достигла уже 100⁰%, и нигдѣ не опускается ниже 70—75⁰%. Сила предсказываемыхъ бурь, циклона, электрическихъ проявленій, дождя, снѣга, мороза, можетъ быть, благодаря обстоятельствамъ, еще ускользающимъ отъ наблюденія, ошибочна, преувеличена или уменьшена—но уже самъ фактъ точнаго предсказанія этихъ явленій иногда за 48 часовъ впередъ имѣетъ, само собой разумѣется, огромное значеніе для земледѣлія. „Бюро погоды“ употребляетъ массу сигналовъ для оповѣщенія публикѣ своихъ предсказаній; помимо спеціальныхъ сигнальныхъ станцій, расположенныхъ обыкновенно на самыхъ высокихъ городскихъ башняхъ, печатанія во всѣхъ рѣшительно газетахъ страны, выставляють особые сигналы на всѣхъ желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ станціяхъ, желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, пароходахъ, и т. д., и т. д. Сами фермеры вездѣ чрезвычайно тщательно слѣдятъ за этими сигналами, которые съ теченіемъ времени сдѣлались всеобщимъ достояніемъ и абсолютной необходимостью.

Кромѣ федеральнаго „бюро погоды“, 42 штата учредили уже свои собственныя штатныя бюро, которыя расширяють по возможности сферу наблюдений и оповѣщеній, работаютъ сообщаясь федеральными, и уже успѣли издать нѣсколько очень цѣнныхъ докладовъ по метеорологіи.

Служащіе какъ въ федеральномъ „бюро погоды“, такъ и въ штатныхъ, въ 1892 году образовали національную ассоціацію, которая съѣзжается ежегодно для обмѣна мыслей и выработки новыхъ методовъ, и организована она точно такъ же, какъ и всѣ учрежденія этого рода въ Америкѣ.

„Бюро погоды“, кромѣ ежедневныхъ предсказательныхъ картъ погоды, выпускаетъ въ теченіе года до пяти милліоновъ экземпляровъ различныхъ метеорологическихъ картъ, обыкновенно росшитою или алюминированныхъ; кромѣ того, оно же издаетъ мѣсячный

журналъ, „Monthly Weather Review“, посвященный теоріи и техникѣ дѣла.

Дѣятельность лѣсного департамента до самаго послѣдняго времени ограничивалась почти исключительно изслѣдованіями лѣсовъ и лѣсныхъ породъ союза. Что сдѣлано въ этомъ направленіи лѣснымъ департаментомъ и какова цѣнность этихъ изслѣдованій въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ, читатель можетъ судить по слѣдующему отзыву объ нихъ начальника прусскаго государственнаго лѣсного дѣла ¹⁾: „планъ этихъ изслѣдованій замѣчательнъ какъ по своему объему, такъ и по настойчивому преслѣдованію самыхъ существенныхъ цѣлей. Хотя Германія достигла многого въ тѣхъ же сферахъ, особенно относительно изслѣдованія законовъ роста и строенія дерева, она еще далека отъ таковаго всесторонняго и положительнаго знанія даже самыхъ важныхъ своихъ лѣсныхъ породъ. Мы вынуждены сознаться со стыдомъ, что американцы увязываютъ намъ на то, что мы и сами должны бы знать, и что они далеко ушли отъ насъ въ дѣлѣ организаціи и исполненія подобныхъ изслѣдованій“. Начальникъ лѣсного департамента американскаго министерства земледѣлія, В. Е. Фергюсъ—ученый съ европейскою репутаціей, и русскимъ лѣсоводамъ не мѣшало бы также поближе познакомиться съ его замѣчательными работами.

Въ 1891 году конгрессомъ былъ проведенъ актъ, уполномочивающій президента обращать извѣстныя лѣсныя пространства, признанныя необходимыми для климатическаго преуспѣянія страны, въ заповѣдныя резерваціи. Съ того времени свыше семнадцати милліоновъ акровъ лѣсовъ были обращены особыми прокламаціями въ такія резерваціи. Дѣло это только-что начато, и, съ теченіемъ времени, вонечно, дастъ лѣсному департаменту и болѣе широкую сферу дѣйствія. До сихъ же поръ участіе федеральнаго правительства союза въ поощреніи лѣсной культуры ограничилось закономъ о безвозмездной уступкѣ казенныхъ земель въ извѣстныхъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ частнымъ лицамъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени занимавшимися лѣсонасажденіемъ извѣстной части этихъ земель (Timber culture act), и дѣломъ этимъ занимались на практикѣ только правительства отдѣльныхъ штатовъ; ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи не имѣетъ никакого отношенія къ федеральному лѣсному департаменту.

Департаментъ ирригаціи, такъ же какъ и лѣсной, до сихъ поръ

¹⁾ См. „Darkleman's Zeitschrift“, Сентябрь 1898 г.

занимался исключительно изслѣдованіями. Но въ самомъ ближайшемъ будущемъ ему предстоитъ чрезвычайно обширная задача. Дѣло въ томъ, что удобныя къ воздѣлыванію государственныя земли, подлежащія homestead act'у, повсюду приходятъ въ концу, громадная европейская эмиграція послѣднихъ десятилѣтій, особенно изъ германскихъ и скандинавскихъ странъ, захватила ихъ, и въ настоящій моментъ главнымъ, если не единственнымъ ресурсомъ являются тѣ шестьдесятъ милліоновъ акровъ пустынныхъ земель центральнаго нагорнаго плато, которыя способны къ ирригаціи, и при ея посредствѣ могутъ быть обращены въ цвѣтущіе сады, подобные приморскимъ долинамъ южной Калифорніи. За послѣднее время на эту громадную площадь съ богатѣйшей почвой и превосходными климатическими условіями было обращено всеобщее вниманіе; но она недоступна частной предпримчивости, такъ какъ первоначальные расходы слишкомъ велики и рискованны для какаго бы то ни было богатаго отдѣльнаго лица и даже компаніи, да и найдись желающіе, они бы, конечно, потребовали самыхъ опредѣленныхъ монополій, и главный мотивъ, увеличеніе свободнаго запаса государственныхъ земель для немущихъ поселенцевъ, былъ бы принесенъ въ жертву. Года полтора тому назадъ, при посредствѣ интернаціональнаго ирригаціоннаго конгресса въ нашемъ городѣ, тѣми штатами и территориями, въ районѣ которыхъ расположена эта площадь, была сдѣлана смѣлая попытка принудить государство уступить эти земли отдѣльнымъ штатамъ—попытка эта, спекулятивная по натурѣ и хищническая по вѣроятнымъ результатамъ, была разбита здравымъ смысломъ большинства, и теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что только государство и можетъ съ успѣхомъ разрѣшить эту одну изъ самыхъ грандіозныхъ современныхъ для американскаго союза проблемъ. Топографія водораздѣловъ и необходимыхъ для водохранилищъ мѣстъ такова, что для успѣшнаго орошенія территоріи Аризоны главные работы должны быть произведены въ штатѣ Колорадо, для орошенія восточной Калифорніи—въ штатѣ Невадѣ, и такъ далѣе. Необходимые главные каналы должны пересѣкать на своемъ пути два или нѣсколько штатовъ. Для успѣха неизбеженъ общій для всего плато планъ работъ, не обращающій вниманія на политическія и финансовыя границы, а только на топографію страны и на конечные результаты. А это возможно только при федеральномъ завѣдываніи дѣломъ, при чемъ мѣстные, частные интересы окажутся подчиненными успѣху дѣлага. Страна ожидаетъ отъ департамента ирригаціи именно таковой работы, и не подлежитъ сомнѣнію, что ея

неотложная необходимость, чувствуемая все больше и больше, вынудить одинъ изъ самыхъ ближайшихъ конгрессовъ приступить къ ней серьезно и энергично.

Центральное бюро опытныхъ станцій систематизируетъ, редактируетъ и издаетъ извлечения изъ отчетовъ и докладовъ какъ штатныхъ опытныхъ станцій союза, такъ и все, заслуживающее вниманія въ работѣ опытныхъ станцій всего міра. Въ теченіе прошлаго года выпущенъ имъ четвертый томъ свода дѣятельности опытныхъ станцій міра, заключающій въ себѣ выдержки изъ 321 работы американскихъ и 190 заграничныхъ станцій и изъ 71 отдѣльныхъ изданій и бюллетеней министерства земледѣлія.

Самостоятельная экспериментальная дѣятельность министерства земледѣлія направлена исключительно на предметы, имѣющіе обще-государственное значеніе и преимущественно такіе, которые составляютъ главныя статьи импортной торговли союза. Сахаръ—тростниковый и свекловичный, кофе, чай, фибровыя растенія—лёнъ, пенька, джутъ, рами—со всѣми этими растеніями производятся въ разныхъ мѣстностяхъ союза самыя серьезныя, самыя разносторонніе опыты. Американецъ терпѣть не можетъ зависѣть отъ другихъ странъ относительно самыхъ существенныхъ своихъ ежедневныхъ потребностей, и настойчиво добивается изысканія путей, которые бы освободили его отъ этой зависимости хотя бы отчасти.

Мы уже не разъ касались издательской дѣятельности министерства земледѣлія и его отдѣльныхъ департаментовъ, и читатель изъ того, что сказано, имѣетъ возможность самъ составить надлежащее понятіе объ ея значеніи; не будемъ утомлять его дальнѣйшей статистикой по этому поводу, какъ она ни поучительна, и напомнимъ только, что всѣ эти много-милліонныя цифры листовъ печатной бумаги особенно важны именно потому, что *каждый фермеръ не только можетъ читать, понимать и усвоивать ихъ, но и привыкъ относиться къ нимъ, какъ къ чему-то существенно необходимому въ его ежедневной жизни.*

Настоящій министръ земледѣлія, Стирлингъ Мортонъ (J. Sterling Morton), 4-го марта 1893 года смѣнившій Руска, не пользуется особенной популярностью, какъ, впрочемъ, и вся администрація президента Кливленда. Его главный вѣнокъ составляетъ, повидимому, экономія; въ послѣднемъ годовомъ отчетѣ—его личный докладъ президенту—на каждой страницѣ указываются достигнутыя его мудростью сбереженія, въ общей суммѣ достигавшія \$ 350.000 въ годъ. Но, къ счастью, настоящаго американца

нельзя удовлетворить однѣми грошовыми урѣзками въ существенныхъ потребностяхъ страны; въ тому же, личный персоналъ министерства, назначенный еще покойнымъ Рюсомъ, благодаря своей безусловной компетентности, почти цѣликомъ удержался на своихъ мѣстахъ, и, по всей вѣроятности, будетъ въ состояніи поддержать значеніе министерства и установившійся въ теченіе предъидущей администраціи высокій уровень и авторитетъ его работъ.

П. А. Тверской.

г. Лосъ Анжелесъ.
Калифорнія.

ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ ПОЭТОВЪ

МАРІА КОНОПНИЦКАЯ.

I.

СОНЕТЪ.

Какъ мотылекъ ночной на яркій свѣтъ летить,
Такъ мысль моя, взмахнувъ могучими крылами,
Несется въ небеса, гдѣ вѣчность сторожить
Земную нищету бессонными очами.

По млечному пути чуть зыблется туманъ
Разсѣянныхъ свѣтилъ волною золотистой...
Хотѣла бь разгадать я тайну горнихъ странъ
Безъ вѣры въ вѣчный міръ, но съ жаждой вѣры чистой.

Прости -меня, Господь!.. Ты—правда, милость, свѣтъ!..
Чело твое въ громахъ, Ты въ молніи одѣтъ,
И съ трона Своего на землю длань протеръ Ты...

Что слезы для Тебя? ахъ! капельки росы,
Но несочтенной нѣтъ межъ тѣмъ людской слезы...
Что?! слезы сочтены?! и слезы не отерты?!

II.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ НОЧЕЙ.

Предъ сумрачнымъ лицомъ осеребренной дали
 Я повѣряю вздохъ задумчивой печали
 Твоимъ, Господь, нѣмымъ звѣздамъ!

Ты видишь—спитъ земля у ногъ Твоихъ, вздыхая,
 И жаждетъ хоть во снѣ, безсиле проклиная,
 Взлетѣть къ далекимъ небесамъ.

Надъ головой ея роятся тихо грезы
 И мѣсяцъ серебрить пылающія слезы
 Холоднымъ, медленнымъ лучомъ...

Голодный и бѣднякъ заснулъ сномъ безопасно—
 Имъ снится лучший мѣръ, гдѣ счастье безконечно,
 Гдѣ радость свѣтлымъ бьетъ влючомъ...

Но лишь блеснетъ заря—о томъ Ты знаешь, Боже!
 Застонуть люди вновь въ заботахъ дня—за что же?
 Заплачутъ бѣдныя опять!

О, лучше бѣ, лучше бѣ Ты на сомнутыя очи
 На вѣки наложилъ печать мертвящей ночи—
 Небытія печать!

III.

Уста, что днемъ весь мѣръ съ отчаянія вляли,
 Пылаютъ въ тишинѣ и горестно молчатъ—
 Такъ сорванный цвѣтовъ, коль лепестки завяли,
 Теряетъ нѣжный ароматъ.

Отрадныя мечты былыхъ восторговъ краше,
 Будившія меня такъ часто ото сна,
 Стоять передо мной, какъ дорогія чаши—
 Пустыя чаши, безъ вина!

И тщетно я зову: „я жажду“!.. и напрасно
 Вперяю жадный взоръ въ глубь меркнущихъ небесъ—
 И тамъ сомнѣнья духъ своей рукою властной
 Сорвалъ покровъ чудесь!

Я именемъ Твоимъ уста мои не въ силахъ,
 О, Боже, оградить отъ вздоховъ, словъ унылыхъ—
 Печаль, какъ море, глубока...

А блѣдная луна съ эфира голубого
 Ужасное, какъ смерть, на нихъ роняетъ слово:
 Неутолимая тоска!

IV.

ПОЭТАМЪ.

Къ чему намъ пѣть невнемлющему міру?..
 Нѣтъ, отвзвукъ намъ въ струнахъ не найти!
 Разбей, поэтъ, въ негодованьи лиру
 И разметай осколки по пути...

Пуускай поетъ въ зеленой рощѣ птица,
 Пусть заунывно вѣтеръ голоситъ—
 Твоя душа, какъ мрачная гробница:
 Въ ней чудный даръ до времени зарыть.

Отступниковъ на свѣтѣ есть не мало—
 Пусть славить зло продажной лиры звонъ...
 Такъ гадины, лишившіяся жала,
 На звукъ рожка ползутъ со всѣхъ сторонъ.

Ихъ часъ насталь! Пусть воспѣваетъ смѣло
 Ничтожество притворный гимнъ льстеца—
 Вы съ пира—прочь!.. Лишь сердце бѣ пламенѣло
 Въ презрѣнны закалялись бы сердца!

Когда вокругъ въ молчаньи слышны стоны,
 Когда нѣтъ словъ—заговарятъ дѣла...
 Такъ распускаются прекрасные бутоны,
 Чуть прояснѣтъ призрачная мгла.

V.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Въ мое окно зоря заглянетъ,
Сонъ прогоняя...
Косить пора—востокъ алѣетъ,
Огнемъ пылая...
Навѣнь армякъ, хотъ потъ не высохъ
Дня трудового,
Бери косу ты, бѣдный пахарь,
И въ поле снова!

Въ мое окно заглянетъ полдень
Въ лучахъ прекрасныхъ
И оваритъ тоскливымъ взоромъ
Дѣтей несчастныхъ,
Что черный хлѣбъ нужды тяжелой
Ломя кусками,
Неволью гнетъ суровой доли
Кропать слезами.

Придетъ и ночь сюда къ порогу,
Вдыхая тяжело...
И вдругъ въ тоскѣ застонеть пѣсней
Она, бѣдняжка!
И птичвой вновь забьется сердце,
Томясь въ неволѣ,
Лишь только ночь заплачетъ горько
Надъ нашей долей.

VI.

Какъ молодой олень, бѣгущій къ водою,
 Алмазную росу съ вѣтвей страхнетъ порой—
 Роняя перлы слезъ, я жажду всей душою
 Воды живой!

Я жажду и томлюсь, какъ на лугу широкомъ
 Засохшая трава, что солнце лѣтнимъ днемъ
 Немилосердно жжетъ своимъ открытымъ окомъ,
 Палить огнемъ.

О, гдѣ же тѣ ручьи, источники живые,
 Что напоить меня въ разсвѣтной тишинѣ—
 Какъ дальнихъ волнъ прибой, ихъ отзвуки глухие
 Чуть слышны мнѣ!

Сбѣжавъ съ высокихъ горъ лазурнымъ покрываломъ
 Изъ потайныхъ ключей составятся они,
 И утолятъ слѣпыхъ, чуть день на небѣ аломъ
 Зажжетъ огни.

Серебрянымъ крыломъ они сметутъ громады,
 Громады старыхъ скалъ, нависшія вкругомъ...
 И люди задрожать, прося у нихъ пощады,
 И грянетъ громъ.

И воды по полямъ потокомъ разольются,
 Гдѣ поглотила пыль грядущихъ дней посѣвъ...
 Опять въ цвѣтной нарядѣ могилы уберутся,
 Какъ встарь расцвѣвъ.

И съ ними уплывутъ чредою неизмѣнной
 Волна тяжелыхъ слезъ, кровавая рѣка—
 И новая заря займется надъ вселенной
 И новыя вѣка!

Мих. ПРѢАНОВСКІЙ.

БОГИНЯ ВЕСНЫ и СМЕРТИ

ВЪ ПѢСНЯХЪ и ОБРЯДАХЪ СЛАВЯНЪ.

Палящій зной. Жгучее южное солнце на безоблачной синевѣ небесъ—въ высшей точкѣ своего стоянія. И засушены нивы и луга жаркимъ дыханіемъ вѣтра. Сыплются изъ колосьевъ стѣбли зерна; падаютъ на землю зрѣлые древесные плоды. Роскошно распутившаяся и расцвѣтшая весною растительность отживаетъ свой вѣкъ.

И рисуетъ воображеніе человѣка эту пышную зелень садовъ и луговъ, гибнущую отъ зноя и засухи, въ видѣ прекрасной божественной дѣвы, покищаемой и увлекаемой въ бездну мрачнымъ владыкою пѣкла и нѣдръ земныхъ. Плачетъ и скорбитъ объ утратѣ любимаго своего дѣтища, ищетъ и не находитъ его неутѣшная родительница его, богиня—„мать-земля“; долги и томительны ея поиски; но разлукѣ приходитъ конецъ,—мать обрѣтаетъ дочь: въ глубокихъ нѣдрахъ земли, грозная владычица мрака и смерти, царитъ она, раздѣляя престолъ своего похитителя. Властвованіе ея въ преисподней, однако, не непрерывно: каждую весну она возвращается на поверхность земли, на радость своей матери и всего человѣчества, по прежнему добрая и прекрасная, принося съ собою и разстилая на лицу земли пышный зеленый покровъ; но затѣмъ вновь увлекается въ пропасть до будущей весны..

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе мѣта, возникшаго въ Греціи въ пеласгійскую эпоху—среди народа пеласговъ, „дѣтей черной земли“, какъ называли ихъ греки, во многихъ отношеніяхъ

приближающихся къ типу первобытныхъ славянъ, земледѣльцевъ по преимуществу. Сходное представленіе весны свойственно было потому и славянамъ: отголоски его сохранились до нашихъ дней въ цѣломъ рядѣ обрядныхъ дѣйствій и сопровождающихъ эти дѣйствія обрядныхъ пѣсенъ, коренящихся въ древнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ. Такой же мифъ сложился и у литовцевъ; но наибольшаго развитія онъ достигъ у древнихъ грековъ.

У грековъ богиня-матерь называлась *Деметрой*; имя это объясняется нѣкоторыми какъ „земля-мать“; имя богини-дочери было *Персефона*, т.-е. „смертоносная“, въ качествѣ царицы преисподней—въ дни отсутствія ея съ поверхности земли. Древнее названіе ея было *Кора*, т.-е. *дѣва, дочь*. Время пребыванія Персефоны на землѣ и подъ землею измѣнялось въ разныхъ сказаніяхъ, очевидно, подъ влияніемъ климатическихъ и земледѣльческихъ условій. По словамъ Гомерова гимна въ честь Деметры, также по свидѣтельству Аполлодора, Персефона оставалась въ подземномъ царствѣ третью часть года, т.-е. зиму, другія же двѣ трети года она пребывала на поверхности земли, у своей матери и среди боговъ. По римскимъ сказаніямъ (у Овидія и др.), вѣроятно, слѣдовавшимъ за сицилійскимъ (въ Сициліи культъ Деметры и Персефоны, подъ именами Цереры и Либеры, былъ особенно распространенъ), богиня проводила какъ подъ землею, такъ и на поверхности ея по полугодию. Временемъ нисхожденія Персефоны у грековъ считалась, повидимому, пора посѣва, совпадавшая съ отправленіемъ великаго (осенняго) элевсинскаго торжества и эсμοфорій; въ Сициліи же—пора лѣтнаго зноя и жатвы. Въ Греціи, кромѣ того, правдновалось также и возвращеніе Персефоны на землю, ознаменовывавшееся малымъ (весеннимъ) элевсинскимъ торжествомъ, которое отправлялось въ февралѣ. Культъ Деметры и Персефоны, тѣсно связанный съ земледѣліемъ, распространенный въ Греціи, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ древности жили пеласги, былъ извѣстенъ въ Аркадіи, Мессеніи, Лаконіи, Аттикѣ (Элевсисѣ), Віотіи, Локридѣ, Тессалии и другихъ мѣстахъ, а также на островахъ: Критѣ, Лемносѣ, Имвросѣ, Самоосѣ; онъ распространился и на востокъ, въ Малую Азію и на берега Чернаго моря, и на западъ—въ Великую Грецію и Сицилію. На пеласгійское происхожденіе этого культа намекаетъ Геродотъ, говоря, что посвященный Деметрѣ и Персефонѣ праздникъ эсμοфорій принесенъ въ Пелопоннесъ, будто бы, изъ Египта дочерью Даная, научившими этимъ мистеріямъ *пеласгійскими* жень. Послѣ покоренія Пелопоннеса дорійцами, эти мистеріи, по свидѣтельству

Геродота, исчезли, сохранившись лишь въ средѣ оставшихся на мѣстѣ не изгнанными пелопонесцевъ, а именно аркадянъ.

Въ пѣсняхъ и обрядахъ славянскаго племени также обнаруживаются, какъ уже замѣчено выше, слѣды вѣрованія въ богиню, родственную Персефонѣ, но она гоститъ на поверхности земли менѣе продолжительное время, а именно отъ 3-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ. Чествованія двухъ главнѣйшихъ моментовъ—похищенія, или гибели богини, и ея возрожденія—приурочены у славянъ къ порѣ высшаго солнцестоянія, въ июнѣ (купальское торжество), съ одной стороны, и къ началу весны—съ другой. Принявъ въ настоящемъ изслѣдованіи руководящую нитью развившійся изъ той же основной идеи греческій мифъ о Персефонѣ и разложивъ его, для большей наглядности, на его главные моменты, попытаемся прослѣдить ихъ въ сказаніяхъ, пѣсняхъ и обрядахъ славянъ (и отчасти литовцевъ): I) Мать и дочь; II) Похититель; III) Похищеніе; IV) Царица смерти и наконецъ, V) Возрожденіе.

I.—Мать—и дочь.

1) Крумина и Ниола.

Литовская легенда, записанная Нарбуттомъ, рассказываетъ слѣдующее: Царица *Крумина* (Krumine) имѣла прекрасную дочь *Ниолу* (Niola), которая, увидѣвъ изъ своего замка красивые, блестящіе яркими красками цвѣты, вышла за ними на лужайку. Одинъ изъ такихъ весеннихъ цвѣтковъ, самый красивый, находился, казалось, у самаго берега рѣки. Царевна сняла съ себя пурпуровое одѣяніе и, чтобы сорвать цвѣтокъ, вступила въ воду. Но *русло рѣки разверзлось*, и царевна, *поглощенная бездной*, очутилась въ преисподней (Pragagas). Здѣсь властвовалъ *Поклузъ* (Pocluz), прельстившійся красотой Ниолы. Неутѣшная мать тщетно искала свою дочь по всей землѣ,—но на землѣ ея нигдѣ не оказалось. Крумина возвратилась въ Литву изъ странствованія по міру и принесла съ собою не дочь, а искусство земледѣлія, которое она ввела, поощряла и распространяла. Этимъ она осчастливила свой народъ, который до того времени съ трудомъ кормился. Однажды, при рубкѣ стараго лѣса, прежняго обиталища драконовъ, найденъ былъ камень, на которомъ Прамжимасъ (Pramžimas, богъ судьбы), за много вѣковъ передъ тѣмъ, начерталъ повѣствованіе о судьбѣ царицыной дочери. Какъ только царица прочла эту надпись, изъ которой узнала о мѣстопробываніи царевны, она, взволнован-

ная и гнѣвная, спустилась въ подземное царство, гдѣ увидѣла бессмертную дочь свою окруженную толпою милыхъ внучатъ, т.-е. уже вступившею въ *брачный союзъ съ Поклусомъ*. По настоянію матери, царевна согласилась *возвратиться на некоторое время на поверхность земли*. Въ царствѣ матери своей она застала полное запустѣніе; голодь, нужда и горе одолѣли жителей страны. Съ радости, по случаю *возвращенія царевны, примесшей свою счастье странѣ*, жители ея воздали дочери Крумины божескія почести.

Аналогія литовской легенды со сказаніемъ о Деметрѣ и Персефонѣ, независимо отъ нѣкоторыхъ уклоненій въ частности, въ общихъ чертахъ полная: дочь *похищается*, какъ въ упомянутомъ выше Гомеровомъ гимнѣ, *при срываніи ею цветовъ, царемъ преисподней*, съ которымъ вступаетъ *въ брачный союзъ*. Во время ея отсутствія съ поверхности земли (т.-е. въ зимнее время года), опять, какъ въ томъ же гимнѣ, наступаетъ нужда и голодь. Подательница плодородія, мать похищенной, ищетъ дочь и, найдя ее, входитъ съ нею въ соглашеніе относительно времени ея возвращенія на землю (разумѣется, въ весеннюю пору), которое вновь надѣляетъ людей обиліемъ и счастьемъ. Аналогія подкрѣпляется еще и слѣдующими обстоятельствами: похищенная царевна носить имя: „Niola“, свидѣтельствующее о ея подземной природѣ, о ея значеніи какъ богини смерти въ періодѣ пребыванія ея въ преисподней. Польскіе лѣтописцы (Длугошъ, Бѣльскій и др.) называютъ въ числѣ боговъ польскихъ *божество преисподней*, соотвѣтствующее, по ихъ толкованію, Плутону, по имени Нуа, или Niia, — а это имя сближается съ именемъ Niola, царицей преисподней. Мать Ниолы, Крумина, изображалась вся окруженная колосьями,—главнымъ атрибутомъ матери Персефоны, Деметры, служили также колосья.

Смутные отголоски той же легенды отразились и въ нѣкоторыхъ литовскихъ и латышскихъ пѣсняхъ о *дѣвушкѣ, утопающей въ рѣкѣ*, и такимъ образомъ отходящей „*въ чужую сторону*“, но душа которой *возвращается* на землю въ образѣ *зеленой лилы*, т.-е. въ видѣ зеленого дерева—эмблемы возрождающейся весной природы. Въ этихъ пѣсняхъ встрѣчается также нѣрѣдко намекъ на то, что возвращеніе ея повторяется черезъ каждые *девять мѣсяцевъ*; моментъ же гибели дѣвушки, принимая, что возвращеніе ея происходитъ съ наступленіемъ весны и отсчитывая назадъ девять мѣсяцевъ, приходится около поры высшаго солнцестоянія. Въ нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ этой категоріи, кромѣ утопающей, удаляющейся въ *чужую землю* дѣвушки, является и *мать ея*; она съ

грустью вспоминаетъ объ утонувшей, или съ радостью привѣтствуетъ ея возвращеніе, какъ то увидимъ ниже.

2) Купала и ея дочь.—Весна и ея дочь.—Королевна.

Тѣ же мотивы, —миенческая чета матери и дочери, гибель дочери, оплакиваемой матерью, —повторяются и въ пѣсняхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ, а именно въ пѣсняхъ „купальскихъ“, т.-е. специально приуроченныхъ въ празднику Ивана-Купала, совпадающему съ порою высшаго солнцестоянія. Такъ, въ бѣлорусской пѣснѣ, поюшіе обращаются въ миенческой Купалѣ съ вопросомъ о ея дочери:

—*Купалючка,*
Гдѣ твоя дочка?
—У горѣдѣ (въ саду) красочки (цвѣты) рве,
Красочки рве, вяночки вѣе,
Дѣвочкамъ дае,
Сней-таей (той-другой) по вяночку...

Купалина дочка является именно какъ богиня весны, зелени и цвѣтовъ, завивающею вѣнки и раздающею ихъ дѣвушкамъ. Въ другой, такой же пѣснѣ, слѣдуетъ отвѣтъ:

—Моя дочка у горѣдѣ,
Рожу (розу) рветъ,
Вяночки вѣетъ.

Разложеніе и искаженіе представленія о Купалѣ и ея дочери находимъ и въ одной изъ южно-русскихъ купальскихъ пѣсней, гдѣ ей приписываются уже не одна, а три дочери:

Въ *Купалючки три дочки:*
Перва дочка товста, горбата;
Друга дочка слѣпа, косоока;
Треття дочка тонка, висока.

Въ весеннихъ южно-русскихъ пѣсняхъ мѣсто Купалы заступаетъ „Весна“, опять снабжаемая дочкой:

Весна, Весна, Весняночка,
Дѣ твоя дочка паняночка?
—Мѣя дочка у садочку
Шне вона сорочку...

—или:

Погнала бички за воротички...

т.-е. она или занята шитьемъ въ саду, или выгоняетъ стадо быковъ на пастбище за ворота.

Впрочемъ, иногда миенческая богиня-дочь сама именуется въ пѣсняхъ Весной, или Купалой, напр.:

Весняночка-паняночка

Десь у садочку шие сорочку..

—или:

—*Купала, Бупала!*

Гдѣ жь ты зиму зимовала?

Гдѣ жь ты лѣто лѣтовала?

—*Зимовала у пирьечку* (на перинѣ, т.е. спала),

А лѣтовала у зильечку (въ травѣ).

Въ первомъ случаѣ произошло слитіе въ одномъ лицѣ Весны и паняночки, являвшихся раздѣльно въ предыдущей пѣснѣ; во второмъ—Купалой названа богиня, подобно Персефонѣ, лѣто проводящей на землѣ, среди травъ и цвѣтовъ, а зимою усыпающей, отходящей въ другой міръ (подземный). Не должно упускать изъ виду, что и Деметра, и Персефона, представляютъ собою только раздвоеніе идеи *одной* и той же богини плодородія, на мать и дочь, весною обусловливающихъ оживленіе природы, и потому радостныхъ и блаженныхъ, а къ осени совершенно измѣняющихъ свой характеръ, дѣлающихся мрачными, гнѣвными, подземными богинями, что продолжается до наступленія слѣдующей весны. Такое раздвоеніе богини на мать и дочь оставило наиболѣе очевидныя слѣды въ купальскихъ пѣсняхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, какъ увидимъ ниже. Въ этихъ пѣсняхъ неоднократно поется объ утопающей *дочери* и оплакивающей ее гibelь *матери*, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣвушка, по словамъ пѣсни, утопаетъ именно *на Ивановъ день*, что составляетъ какъ бы усугубленное приурочиваніе главнаго мотива къ порѣ высшаго солнцестоянія. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, пѣніе такихъ пѣсенъ входитъ въ составъ наиболѣе характеристическихъ обрядовъ купальскаго торжества, сопровождая собою дѣйствіе потопленія эмблемы оплакиваемого божества (обряднаго деревца или куклы). Пѣсни эти находятся, слѣдовательно, въ тѣснѣйшей, непосредственной связи съ такими обрядами.

3) Марзавна и Дзѣванна.

Въ числѣ польскихъ языческихъ божествъ, упоминаемыхъ Длугошемъ и другими лѣтописцами, встрѣчаются тѣ же самыя двѣ богини, по свидѣтельству Длугоша чествовавшіяся въ весеннюю пору особыми обрядами: изображенія ихъ, нахѣтыя на шесты, носились народомъ и затѣмъ потоплялись. Длугошь, а за нимъ и другіе лѣтописцы, уподобляютъ Марзавну—Церерѣ, т.е. Деметрѣ, а Дзѣванну, или Дзѣвонію—Дианѣ, т.е. богинѣ луны. Извѣстно, что Персефонѣ, въ древности, какъ богинѣ мрака, также иногда присвоивалась лунная природа. Въ пользу сближенія Дзѣ-

ванны съ Персефоной свидѣтельствуешь и ея имя, въ основѣ котораго лежитъ общеславянское слово — *дѣва* (польск. *Dziewa*). Вспомнимъ, что древнее названіе Персефоны было также *Кора*, т.-е. *Дѣва*. Важнѣйшимъ же моментомъ, сближающимъ Дзѣванну съ Персефоной, служить упомянутый выше и совершавшійся въ честь ея весенній обрядъ, соотвѣтствующій обряду, въ ту же пору, и еще недавно, отправлявшемуся въ разныхъ мѣстахъ среди западныхъ славянъ въ честь богини, тѣсно сближающейся въ этомъ отношеніи съ Персефоной (см. ниже).

II.—Похититель.

Плутонъ былъ — „Зевесъ подземный“, властитель надъ всѣми силами преисподней и надъ умершими, необузданный, ненавидимый и богамъ, и людямъ, *богъ смерти и разрушенія*. Его представляли быстро несущимся на золотой колесницѣ, запряженной конями темной масти. Выѣстъ съ тѣмъ, однако, его, какъ представителя подземной области, признавали и *пода-телямъ* исходящаго изъ нѣдръ земли *урожаю*, а отсюда — представителемъ *богатства и изобилія*, и эта идея выражалась и въ имени его — „Плутонъ“. Къ нему, по словамъ Гезіода, обращается съ молитвою объ урожаѣ земледѣлецъ, приступая въ пахотѣ нивы. Внезапно появляясь изъ развершейся бездны, подземный богъ похищаетъ Персефону изъ толпы играющихъ съ нею на лугу подругъ. На лучшихъ изображеніяхъ этого факта въ произведеніяхъ греческаго искусства Плутонъ представленъ въ образѣ грознаго, незнающаго пощады царя преисподней: онъ стоитъ на колесницѣ и, держа въ рукахъ свою добычу, направляетъ быстрыхъ коней своихъ въ глубину пропасти.

1) Поклусъ.

Похитителемъ Ніолы, въ литовскомъ сказаніи, былъ *Поклусъ* (*Roklus* или *Rokole* [литовск.], *Pikolos*, *Rekolos* [др.-прусск.]), по опредѣленію Стрыйковскаго (XVI вѣва), богъ *нѣкла* (ада), тучъ, затменія (т.-е. мрака вообще), летающихъ духовъ, *богъ разрушитель*, словомъ, богъ, по характеру своему роднящійся съ Плутономъ. *Поклусъ* — *богъ нѣкельникъ*, а подъ именемъ *нѣвала*, т.-е. царства этого бога, у славянъ и литовцевъ понимается смоляной адъ. *Rokkole* назывались у пруссовъ *змеи духи*. Во время похоронъ умершаго, — рассказываетъ Стрыйковскій, — когда уже вели тѣло его къ мѣсту погребенія, провожавшіе его отгоняли отъ покойника

злыхъ духовъ, громко возглашая: „Gei, gei! begeite, Pokkole!“ что значило: „бѣгите прочь (отъ этого тѣла) вы, дьяволы!“ „Якъ дидько по яѣклу шибаетца“, говорятъ малоруссы, изъ чего явствуетъ народное представленіе о властвующемъ въ пѣкль *дядь-сатань*. Въ русскихъ заговорахъ нечистая сила посылается „въ океанъ-море, въ бездны пренсподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары, во тьму кромечную“. Такою же, вѣроятно, представлялась и древнимъ литовцамъ область, въ которой властвовали Поклусъ. Последній, какъ богъ-пѣкельникъ, сближается и съ египетскимъ Сетомъ или Сутехомъ, получившимъ у грековъ названіе: *Тифомъ*. Тифонъ-Сеть былъ представителемъ *зноя и засухи*, убійцею бога плодородія, Озириса. Въ виду свойственной ему огненной и всеиссушающей природы, древніе писатели видѣли въ немъ олицетвореніе *палющаго южнаго солнца*, выжигающаго растительность и дѣлающаго многія страны необитаемыми. Самое имя Поклусъ, находящееся въ тѣсной связи съ словами: пеку, печь,—сближается съ именемъ Тифона, производимымъ отъ *turho*—курюсъ, дымлюсь, тлѣю, курю, зажигаю, палю. Печь, жечь смолу (пѣкло—смоляной адъ)—понятія весьма близкѣ подходящія къ *turho*.

2) ИВАНЪ-КУПАЛО.

Славянскій *Купало*, прозванный *Иваномъ*, по имени чествуемаго въ пору высшаго солнцестоянія св. Іоанна Крестителя (24 іюня), соединяетъ въ себѣ черты Плутона, Поклуса и Тифона. Въ дѣломъ рядѣ купальскихъ пѣсенъ, подобно Плутому-Поклусу, похититель Персефоны-Нюлы, Купало, или замѣщающій его Иванъ, является именно *похитителемъ, увозчикомъ* или даже *убійцею* дѣвушки. Подобно Тифону, представителю палющаго зноя, всепожигателя огня, и Купало въ самомъ имени своемъ заключаетъ понятіе о *кипѣніи, жарячности, ярости*: именно, въ этомъ смыслѣ объяснено имя его академикомъ Э. И. Буслаевымъ, производящимъ его отъ корня *кунъ* или *кынъ*, въ значеніи: *ярый, кипучій, горячій, гнѣвный*. Купало ежегодно чествуется въ пору высшаго солнцестоянія *возрожденіемъ костровъ*—символомъ лѣтнаго зноя. Наконецъ, опять подобно Плутому, съ другой, благотвельной, благоприятной для человѣчества стороны его природы, онъ является подателемъ урожая, представителемъ богатства и изобилія. Купало также въ старинныхъ памятникахъ русскихъ именуется *богомъ обилія, богомъ плодовъ земныхъ*. Купалу, по словамъ густинской лѣтописи, „безуміи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяша настати жатва“... „Идолъ Купало—пишетъ Гизель—его же бога плодовъ земныхъ быти мнѣху,

в ему прелестью Ђсовскою омраченіи благодареніе и жертвы *съ началъ жизни* приношаху“. Какъ представитель палящаго зноя и пѣкла (подземнаго огня, по народному представленію жгущаго „травы и муравы“ и древесные „подземельные корни“), Купало является въ купальскихъ пѣсняхъ, подобно Плутону-Поклусу, *похитителемъ* и *убителемъ* упомянутой выше „паняночи“, богини-дочери, подобной Персефонѣ-Нюлѣ. Роль Купала обыкновенно передается въ пѣсняхъ слившемуся съ нимъ Ивану. Нельзя не замѣтить, что имя Купало не особенно древне: въ письменныхъ памятникахъ оно встрѣчается не ранѣе XVI вѣка. Оно, быть можетъ, замѣстило собою другое имя древняго мионческаго лица, черты котораго сохранились до нашего времени въ образѣ постоянно дѣйствующаго въ купальскихъ пѣсняхъ *Ивана*.

3) Иванъ-Купало, похититель на сушь: на возу или на конѣ.

Въ одной изъ бѣлорусскихъ купальскихъ пѣсенъ является *Купальникъ*, онъ —

Вадѣ на конюгу,
А ту жъ въ сладѣ
Възъ на возику
Дѣву, гды бы квять (что цвѣтокъ).

Въ другой таковой же пѣснѣ, *Купальникъ* —

На конику выѣждаецъ,
Себѣ дѣвотку выльдаецъ.

Еще въ другой бѣлорусской купальской пѣснѣ изображаются приготовления *Ивана* къ *увозу* вдовы или дѣвушки (это, конечно, уже позднѣйшее раздвоеніе образа похищаемой дѣвы):

А у *Ивана* на воротникахъ (у воротъ)
Стоять кони воронье ¹⁾,
Воронье, сѣдланье,
Только усѣсти да поѣхати
За гороньку, по *удовотку*.

Въ другой строфѣ:

За рѣченку да по *дѣвотку*.

Пріѣздъ *Ивана*-похитителя, всадника, иногда встрѣчается толпою враждебно. Въ одной малорусской купальской пѣснѣ поющіе обращаются къ пріѣзжающему Ивану съ *уходами*, какъ ко врагу:

¹⁾ У Плутона также запряжены были къ колеснице кони *темной масти*.

Иване, Ивашечку!

Не переходъ же да дорижечкы!

Иване Ивашечку, Иване Ивашечку!

Якъ перейдешъ, *виновать будешъ,*

Виновать будешъ и воянка збудешъ!

Якъ поймаемъ, порубаемъ

На дрибенъ макъ, на кашусточку... ¹⁾

Въ слѣдующей бѣлорусской купальской пѣснѣ прямо изображается *похищеніе* дѣвушки. Вѣроломная жена хитростью передаетъ свою золовку (золву) въ руки похитителя, приѣзжающаго въ Иванову ночь, но уже не въ одиночку, а съ сообщниками. Первая приглашаетъ вторую къ себѣ ночевать: „Да тебе у мене *мѣсто не украде*“...

Слей ночи у поуночи (т.-е. въ ночь на Ивана-Купала)

Да приѣзжаютъ *три дворянина,*

Три дворянина не женатые:

Одинъ дворянинъ *кѣтку отчинну* (кѣтъ отомкнулъ);

Другій завѣсомъ подняъ;

Трети дворяникъ мене молоду узая (взялъ).

Някто того ни чоу (не чуялъ), ни бачу,

Тольки чуло Небо да Земля

Тольки бачила (говорила) *чужа сторона.*

Послѣднія слова указываютъ на *увозъ дѣвушки на чужую сторону*. Въ родственной бѣлорусской купальской же пѣснѣ проданную братовой женою золовку *похищаютъ* трое незнакомцевъ: одѣтый въ синемъ кѣтъ открылъ, одѣтый въ зеленомъ пологъ отдернулъ, а *одѣтый въ красномъ „золву узая“*. Красный цвѣтъ одежды соотвѣтствуетъ пламенной, жгучей природѣ Купала.

Подробное изображеніе всего факта похищенія находимъ въ одной изъ весеннихъ пѣсенъ гомельскаго уѣзда (могилевской губ.), очевидно, перенесенной съ купальскаго праздника, такъ какъ въ числѣ бѣлорусскихъ *купальскихъ* пѣсенъ встрѣчается пѣсня близко сходная съ нею въ главныхъ своихъ моментахъ. Героинями воспѣваемой драмы являются *мать-вдова, дочь ея Маруся*, по имени сближающаяся съ обычной „Мареной“ купальскихъ пѣсенъ, а героемъ — *королевичъ-похититель*. Мать, отпуская дочь въ „войско“, т.-е. въ толпу дѣвушекъ, поучаетъ ее, чтобы она не шла „попередъ войска“, не оставалась „позадъ войска“, а держалась средины:

Маруся мамки не слухала, попередъ войска поѣхала;

Откуль взялся *королевичъ,*

¹⁾ По позднѣйшимъ сказаніямъ и изображеніямъ на намятникахъ, Демна (Минерва) и Артемиды (Діана), находящіяся въ толпѣ, окружающей Персефону, оказываютъ Плутову *сопротивленіе* при похищеніи ея Персефоны.

И взялъ коника за гривочку, а Марусю за рученьку,

Коннику сѣна и овса, а Маруси меду и вина.

Конь рже, овса не ѣ, у войско хоче, а *Маруся плаче*, домогени хоче.

—Коникъ ржи хоть перестань, тебѣ въ войскѣ не бывать, войсковыхъ
конниковъ не видать!

Маруся плачь хоть перестань, *тебѣ у мамки не бывать*, мамкинаго
подворья не видать!

Маруся же *попхала и утонула*,—только ручкою махнула.

Эта пѣсня прямо отождествляетъ *похищеніе* съ *утопаніемъ* дѣвушки: „поѣхала (съ похитителемъ) и утонула“.

Ниже мы увидимъ ту тѣсную связь, какая существуетъ между купальскими пѣснями объ утопаніи дѣвушки и купальскимъ обрядомъ потопленія дерева—Маринны, или куэлы, символовъ чествуемой богини—сопровождаемымъ этими пѣснями. Въ харьковской губ., *передъ тѣмъ какъ снимать дерево-Марину* и нести его къ рѣкѣ для потопленія, поется пѣсня, въ которой *сербка* сравнивается съ *дичиною*, еще слышномъ молодой, чтобы выходить замужъ за *Ивана* (прямой намекъ на то, что *потопленіе* дерева-Маринны въ обрядѣ соотвѣтствуетъ ея *браку* съ Иваномъ-похитителемъ): „подожди—говорить Ивану голосъ *матери*—подожди до Иванова, до Петрова дня, чтобы дичина моя могла до того нагуляться и подрости“, т.-е. созрѣть. Итакъ, въ Ивановъ, или въ Петровъ день наступаетъ „дичиннѣ“ пора вступить въ союзъ съ Иваномъ, т.-е. быть похищенной Иваномъ, и утонуть, какъ утопаешь въ Иванову ночь дерево-Марина въ соотвѣтствующемъ купальскомъ обрядѣ.

4) Иванъ-Купало, похититель на вода.

Въ одной бѣлорусской купальской пѣснѣ *Иванъ* готовить *лодку*, чтобы ѣхать за вдовой или за дѣвушкой, какъ въ приведенной раньше пѣснѣ онъ для той же цѣли сѣдлаетъ вороныхъ коней. Въ этой пѣснѣ онъ называется „балваномъ“, т.-е. идоломъ (богомъ):

Иванъ балванъ
Чованъ чеша (челнѣ вытесываетъ),
Васло стружа (строгаетъ),
Только усѣсти,
Да поѣхати,
Да за горбчуку
По удовочку...

Въ слѣдующей строфѣ:

Да за рѣчочку
А по *дичочку*.

Въ наиболѣе распространенныхъ и употребительныхъ припѣвахъ, рѣже въ самыхъ текстахъ купальскихъ пѣсенъ, Иванъ является *купающимся въ водѣ*. Замѣтимъ, что *купаніе* вообще, и въ обрядахъ (напр., при *потопленіи* дерева-Марины или куклы, — дѣвушки, участницы обряда, сами *купаются*), и въ пѣсняхъ, неоднократно аллегорически выражаетъ собою *потопленіе*; потопленіе же, какъ мы видѣли выше, отождествляется съ *похищеніемъ*. *Купаніе Ивана* въ припѣвахъ купальскихъ пѣсенъ тѣмъ болѣе должно представлять близкое отношеніе къ главному его дѣйствию — а именно къ *похищенію въ Иванову ночь*. Моментъ этотъ еще болѣе подчеркивается фактомъ *паденія Ивана въ воду*, т.-е. погруженія его въ водную бездну, обыкновенно также входящимъ въ составъ припѣва. Вотъ главнѣйшія формы этихъ припѣвовъ:

1. Купала на Ивана! ¹⁾
Та *купается Иванъ*
Та и *въ воду упавъ*.
Купала на Ивана!
2. *Накупався Иванъ та въ воду упавъ*,
Купала пидъ Ивана.
3. Ой на Ивана на Бувайла
Купався Иванъ тай въ воду упавъ.

Повторяемъ, — во всѣхъ трехъ припѣвахъ важную роль играетъ именно *паденіе*, т.-е. *погруженіе въ воду* Ивана-похитителя.

Въ слѣдующей бѣлорусской купальской пѣснѣ Иванъ купается вмѣстѣ съ Марією:

Иванъ да Марія
На горѣ *купались*:
Гдѣ Иванъ *купався*,
Берегъ колыхался;
Гдѣ Марья *купалась*,
Трава растималась.

Эта замѣчательная пѣсня можетъ быть объяснена такъ: Иванъ и Марія купались, т.-е. *потонули*; гдѣ купался и исчезъ Иванъ, тамъ берегъ колыхался (что какъ бы естественно при его появленіи изъ пропасти преисподней); гдѣ исчезла Марія, тамъ выросла трава, точно такъ, какъ мы увидимъ тоже въ литовскихъ, латышскихъ и русскихъ пѣсняхъ душа или тѣло *утонувшей* дѣвушки превращаются въ дерево или траву.

¹⁾ Т.-е. день Купала (Аграфени-купальницы, 28 іюня) накануне Иванаова дня. Доказательствомъ такому толкованію служатъ припѣвы пѣсенъ:

Сегодня Купала, а завтра Ивана!

или:

Теперь Купала, завтра Иванъ!

Б) ИВАНЪ-КУПАЛО—УВИЙЦА, ИСТЯЗАТЕЛЬ.

Въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ купальскихъ пѣсняхъ, кромѣ потопленія или похищенія дѣвушки Иваномъ, неоднократно встрѣчается родственныи тому мотивъ *умерщвленія* дѣвушки, именно сестры—братомъ. Послѣднїи или вовсе не называется, или именуется *Иваномъ*, а дѣвушка, по большей части также безыменная, а если называется, то *Анной*, т.-е. обычнымъ въ купальскихъ пѣсняхъ, рядомъ съ Мариной, именемъ утопающей дѣвушки, что подтверждаетъ въ данныхъ случаяхъ тѣсное родство мотивовъ похищенія и убїенія. Приведемъ отрывки изъ такихъ пѣсней:

Бѣлорусск.: Купала на Ивана!
 Да шуметь, шуметь по дубровѣ,
 А звинить, звинить по дорозю:
 Да *братъ сестру* хоча забить...

Малорусск.: Порохъ, порохъ по дорози!
 Що за гоминь по дуброви?
 Купала на Ивана!
 Ой, *братъ сестру* обивать хоче...

Сестра въ разныхъ вариантахъ этой пѣсни молитъ брата, чтобы онъ убилъ ее не въ субботу, а въ „недѣлю“, т.-е. въ *воскресенье*. Воскресенье — обычный *свадебный* день въ народѣ, слѣдовательно, въ просьбѣ дѣвушки заключается намекъ на то, что убїеніе ея находится въ связи съ ея *бракомъ*. Изъ дальнѣйшаго текста пѣсни видно, что разсѣченное братомъ тѣло сестры превращается въ *луговую зелень и цвѣты*, какъ тѣло утопающей дѣвушки—въ другихъ купальскихъ пѣсняхъ.

Убїеніе замѣщается въ нѣкоторыхъ случаяхъ *истязаніемъ*. Такъ, въ одной бѣлорусской купальской пѣснѣ *бѣса*, замѣстившїи Ивана, *истязаетъ*, именно въ Иванову ночь, *видьму*; онъ бросаетъ ее черезъ заборъ, вырываетъ у нея глаза:

Теперь Купала, завтра Иванъ!
Бидаетъ бисъ видьму черезъ парканъ (заборъ);
 Купальное ночи (во время купальской ночи)
Видраетъ бисъ видьмѣ очи.

Четъ бѣса и вѣдьмы въ одной галицко-русской купальской пѣснѣ соответствуетъ чета—Морозъ и Смерть:

Смерти, Смерти, йди на лѣсы!
 Йди на безвѣсть, йди за море!
 И ты, *Морозе*, великій и лысый,
 Не приходи до насъ изъ своей коморы!
 Смерть съ Морозомъ танцовала,
 Танцовала и спѣвала,
 И за море *дещь* потала.

Здѣсь опять изображается картина похищенія Смерти Морозомъ—въ заморскую страну. Имя „Смерть“ находится въ непосредственной связи съ тѣмъ значеніемъ *богини смерти*, какое пріобрѣтаетъ похищенная царемъ преподней божественная дѣва, дѣлающаяся на *зимнее время* женою его. Самъ же царь преподней является тутъ въ образѣ не менѣе злого, лютаго, чѣмъ Купало-пѣвельникъ, врага природы—*Мороза*, похищающаго, въ вихрѣ танца увлекающаго „за море“, свою зимнюю подругу жизни—„Смерть“. Такимъ образомъ, какъ бы естественно объясняется воспоминаніе о Морозѣ въ самую жаркую пору года, въ обрядной купальской пѣснѣ.

III.—Похищеніе.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли цѣлый рядъ примѣровъ изображенія въ пѣсняхъ похищенія мифической дѣвы Ивановъ (Купаломъ) на „*возикъ*“, на *конь*, въ *лодку*, наконецъ, прямо въ *водную бездну*, — похищенія, пріуроченнаго именно къ Иванову дню; мы видѣли также, что *похищеніе* представляется воображенію народа въ видѣ *потопленія* похищенной: „*попхала* (Маруса съ королевичемъ-похитителемъ) *и потонула*“. Мотивъ потопленія дѣвушки вообще принадлежитъ къ наиболѣе характеристичнымъ въ цѣлой серіи купальскихъ пѣсень. Тотъ же мотивъ, представляющій какъ бы смутный отголосокъ легенды о Нюгѣ, утонувшей въ рѣкѣ, русло которой разверзлось подъ ея ногами, повторяется и въ литовскихъ, и латышскихъ пѣсняхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

По словамъ литовской пѣсни, на берегу рѣки стоятъ три липы. Приходятъ къ рѣкѣ три сестры. Двѣ изъ нихъ, держась за вѣтви, благополучно переходятъ черезъ рѣку, третья же *падаетъ въ рѣку*. Не удержала ее рѣчка, понесла ее дальше въ Нѣманъ; не удержалъ ее и Нѣманъ, а понесъ дальше, въ Русу, Руса—въ Гаффъ, Гаффъ—въ море; *море выбросило* ее на берегъ. Тутъ *выросла зеленая липа съ девятью вѣтвями*. Изъ зеленой вѣтви братъ утонувшей дѣлаетъ дудочку. Сладко звучитъ дудочка, грустно раздается эхо. Со слезами говорила старая мать: это не звукъ липы, это *душенька твоей сестры*; это она носится надъ водой.

Въ родственной латышской пѣснѣ, *дѣвушка падаетъ въ рѣчку* и уносится въ море; *море выбрасываетъ ее на берегъ*. Тамъ вы-

росла густая *липа о девяти отъяхъ*. Изъ девятой вѣтви братья утонувшей дѣвушки сдѣлали гусли. Говорятъ братья: „печально звучать эти гусли; такъ плачетъ наша сестра, *ходя по чужой земль*“. Въ другой латышской же пѣснѣ, выданная замужъ *въ чужую землю* дочь *послѣ домой разлуки навѣщаетъ родительскій домъ*. Старая *мать* встрѣчаетъ ее, утирая слезы: „мое милое дитятко! какъ далеко ты на чужбинѣ! это *девятое лѣто*, а ты въ первый разъ *пріѣхала навѣстить*“. Утонувшей, въ первыхъ двухъ пѣсняхъ, дочери соответствуетъ *выданная замужъ* — въ послѣдней. Во всѣхъ случаяхъ дѣвушка отходитъ въ *чужую землю*, въ далекую чужбину. Утонувшая *возрождается на земль въ видѣ липы*, а выданная замужъ — сама *возвращается къ матери*. Во всѣхъ трехъ пѣсняхъ играетъ роль число *девять*: *девяти отъямъ* липы соответствуютъ *девять лѣтъ разлуки*; изъ *девятой отъи* строятся гусли (въ литовской пѣснѣ, дудочка), изъ которыхъ раздается голосъ утонувшей; черезъ *девять лѣтъ* она навѣщаетъ родительскій домъ. Можетъ быть, сохранилось здѣсь воспоминаніе о возвращеніи миѳической дочери къ матери черезъ *девять мѣсяцевъ* послѣ ея похищенія, — если принять пору высшаго солнцестоянія за время похищенія (потопленія) дочери, то черезъ девять мѣсяцевъ наступаетъ весна, время возрожденія природы.

У бѣлоруссовъ и малоруссовъ *потопленіе* дѣвушки приурочивается иногда и въ текстѣ пѣсни именно къ *Ивановой ночи*; далѣе, *плачъ матери* о погибшей, *превращеніе* частей тѣла утонувшей въ траву, березу, калину и т. п., все это тѣсно сближаетъ тѣ пѣсни съ приведенными литовской и латышскими. Въ малорусской купальской пѣснѣ дѣвушки идутъ, опять *на Ивановъ день*, „въ лѣсъ по ягідочки“; имъ приходится переплывать Дунай, и всѣ онѣ переплыли воду, одна Явдошка „въ Дунаи *отонула*“.

Якъ пріѣшли слухи (слухи) та до *матінки*:

„Ой не жаль мені плахти шовкивки (плахти шелковой, въ которую одѣта была дочь),

„Ой та *жаль мені дочки Явдошки*.“

Въ другой купальской пѣснѣ утопаетъ Ганна (Анна). Ганнина *мать* собираетъ „громаду“ (толпу народа) и объясняетъ, что *трава и калина на луцѣ*, даже вода и рыба въ водѣ, все это преобразившіяся части Ганнина тѣла, преобразившаяся Ганнина *краса*. Метаморфозъ тѣла и души погибшей въ водѣ дѣвушки въ растенія повторяется въ разныхъ купальскихъ пѣсняхъ.

Приведемъ интересный отрывокъ изъ бѣлорусской пѣсни, гдѣ говорится, что дѣвушка воду брала, „сама *впала*“:

Кліча-поклича *маточку*:

„Да ратуѣ (спаси) мене съ моря
Да съ великаго горя!“

— N (яма дѣвушки) *мая дачушка!*

Я цябе не вратую,

Ніхай (пустъ) цябе Богъ ратуя.

Ни сама туды увайшаа (ушла),

Цябе долечка унясла.

Замѣчательны послѣднія слова матери: „не сама ты упала въ море, а доля тебя унесла“, т.-е. такъ predetermined тебѣ было судьбою. Это напоминаетъ predetermined, по которому Персефона ежегодно нисходитъ въ бездну преисподней.

Мы видѣли, что въ большинствѣ случаевъ утопающая дѣвушка въ купальскихъ пѣсняхъ носить имя или *Анны* (Ганны, Аницы), или *Марены* (Марины, Маринцы), напр.:

— Пришлось *дівці Маринці* передъ вести,
Передъ вести, на Дунай плисти...
Діжа Маринка утонула.

— Ой ненько, ненько, *Маренка* *втонула*,
Маренка втонула, плахта зринула.

— *Утонула Мареночка*, утонула,
Та и поверхъ кісонька зринула.

Мареной называется и обрядное дерево, играющее столь важную роль въ купальскихъ играхъ, какъ увидимъ ниже.

Кромѣ такихъ пѣсенъ, пора солнцестоянія въ іюнѣ ознаменовывается у славянъ, преимущественно у восточныхъ, частью же и у западныхъ и южныхъ, обрядными дѣйствіями, въ которыхъ также нельзя не узнать отголосковъ легенды о похищеніи или погубленіи богини весны. Мы можемъ отличить три главные типа такихъ дѣйствій: буквальное похищеніе, потопленіе и сожиганіе эмблемы погибшей богини (дерева, куклы и т. п.).

На Украинѣ, Подолѣ и Волыни, наканунѣ Иванова дня, по захоженіи солнца, *дѣвичи* собираются въ одно мѣсто, куда приносятъ *вѣтвь вербы*, убранныю цвѣтами, и, утвердивъ ее въ землю, ходятъ вокругъ этого дерева, называемаго у нихъ *Купайло*, поютъ жалобныя пѣсни въ честь этого Купайла, символа оплакиваемой богини. Это продолжается болѣе часа; потомъ *нарты*, очевидно изображающіе мнѣстескаго похитителя, *бросаются на вербу* и, несмотря на защиту дѣвиць, *уносятъ и обрываютъ вербу*; тѣмъ и кончается этотъ обрядъ, вошедшій даже и въ купальскую пѣсню, гдѣ рѣчь идетъ о *хлопцахъ, ломающихъ Купайла*: „Нехай Купайла не ломаетъ“...

Въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи *дѣвушки* наканунѣ Иванова дня готовятъ *спинки*, который насаживается на палку, или *чучело* изъ соломы, изъ крапивы и шиповника, чаще—изъ черно-клена; его убираютъ вѣнками, намистами (монистами), цвѣтами и лентами, относятъ на мѣсто, назначенное для праздника, и даютъ ему названіе: *Марена*. Какъ украшенія, такъ и имя этого символа свидѣтельствуютъ о женскомъ полѣ чествуемаго въ образѣ его божества. Поставивъ на землю Марену, приносятъ пуви соломы, а иногда соломенную *куклу*, одѣтую въ *женскую рубаху*, въ лентахъ, намистахъ и большомъ вѣнѣ. Эта кукла называется *Купало*. Пришедши на мѣсто, ставятъ Купало воалѣ Марены и невдалекѣ разводять огонь. Затѣмъ, взявшись за руки, *ходятъ вокругъ Марены*, скачутъ черезъ огонь и при этомъ поютъ пѣсню: „Ой, верба, вербице!“ — въ которой *верба* сравнивается съ *дичиной*. Пока дѣвушки поютъ и кружатся, *парни* подрадываются въ нимъ и *отнимаютъ*, т. е. *похищаютъ Марену* и также скачутъ и поютъ пѣсни. Затѣмъ слѣдуетъ повтореніе того же дѣйствія, превращающагося уже въ простую забаву: *дѣвушки дѣлаютъ* новую *Марену*, но *фарубки* и эту отъ нихъ *отнимаютъ*; все это повторяется иногда нѣсколько разъ. *Отнятую* у дѣвушекъ *Марену парни разрываютъ на части, разбрасываютъ или топятъ въ воду*. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвушки поютъ:

*Утонула, Мареночка, утонула,
Та поверхъ кісонька зринула.*

Вѣнчикъ на шестѣ, называемый Мареной, соответствуетъ дереву-Маринѣ въ описываемомъ ниже обрядѣ, — а кукла Купало — куклѣ или дитяти, сажаемому подѣ дерево-Марину въ томъ же обрядѣ.

По уничтоженіи вѣника-Марены, дѣвцы на возвратномъ пути поютъ пѣсню про несчастную долю утопающей *Ганны* и про *дерево*, привезенное *изъ-за моря*.

Замѣтимъ, что близко отстоящіа другъ отъ друга Ивановъ день и Петровъ день (24-го и 29-го іюня) въ разныхъ мѣстахъ получили одинаковое въ глазахъ народа значеніе; при этомъ, первый преимущественно почитается у бѣлоруссовъ и малоруссовъ, а второй — у великоруссовъ. Оба обладаютъ короткими ночами (ср. слова пѣсенъ: „Малая ночка купалночка“; „Янова (Иванова) ночка невеличка“, и „Малая ночка Петровѣчка“ и т. п.). Отсюда понятно, что тѣ же, или по крайней мѣрѣ близко родственные между собою обряды, являются приуроченными у бѣлоруссовъ и малоруссовъ къ Иванову, а у великоруссовъ — къ Петрову дню, чаще же къ началу или кануну тѣсно связаннаго съ Петровымъ

днемъ Петрова поста, т.-е. къ всесвятскому заговѣнью; отсюда въ свою очередь естественно истекаетъ, что между однородными обрядами великорусскими, съ одной стороны, и обло- и малорусскими съ другой, открылся промежутокъ времени въ нѣсколько недѣль, не препятствующій, однако, признавать несомнѣнную однородность тѣхъ и другихъ обрядовъ.

Въ муромскомъ уѣздѣ (владимірской губ.) во всесвятское воскресенье отправлялся обрядъ, извѣстный подъ названіемъ *проводовъ*, или *похороны Костромы*. Собравшись въ назначенное мѣсто, дѣлали изъ соломы *чучело*. Въ однихъ мѣстахъ убирали его въ какое-нибудь платье, въ другихъ только перевязывали веревками. Чучело называли *Костромой*. Его брали на руки и съ пѣснями относили на берегъ овера или рѣки. Здѣсь всѣ сопровождавшіе Кострому раздѣлялись на двѣ стороны. Одна, охранявшая чучело, становилась въ кружокъ; молодцы и дѣвицы кланялись Костромѣ и производили передъ ней разныя тѣлодвиженія. Другая сторона *нападала внезапно* на первую для *похищенія Костромы*. Обѣ стороны вступали въ борьбу. Какъ скоро *захватывали чучело*, то тотчасъ *срывали съ него платье, перевязи; самому топтали* ногами и *бросали въ воду* съ хохотомъ. Первая сторона съ отчаянія производила заунывный вой, другіе закрывались руками, какъ бы *оплакивая погибель Костромы*. Послѣ того обѣ стороны соединялись вмѣстѣ, и съ веселыми пѣснями возвращались въ селеніе. Похищеніе Костромы, какъ видно изъ описаннаго обряда, въ сущности своей совпадаетъ съ похищеніемъ Купайла и Марены въ только-что приведенныхъ малорусскихъ купальскихъ играхъ. Проводы и хороненіе Костромы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ того же уѣзда, также въ губерніяхъ пензенской и симбирской, происходило и безъ борьбы.

„Кострому“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняетъ *Русалка*. Въ черниговской губ., въ Петровъ день происходитъ разбиваніе семицкихъ (т.-е. сплетенныхъ въ семьѣ) вѣнковъ, именуемое *проводами русалокъ*. Во Владимірѣ-на-Клязьмѣ бываетъ *чучель на Русалку*—вѣроятно, остатокъ прежнихъ „проводовъ“—около Ивана дня. Самый обрядъ *проводовъ* въ Спаскѣ-Рязанскомъ исполняется въ первый день Петрова поста, именуемый *проводжаніемъ Русалокъ*. Онъ заключается въ слѣдующемъ: вечеромъ сходятся хоробы дѣвицъ и женщинъ съ веселыми пѣснями съ разныхъ сторонъ города въ назначенномъ мѣстѣ и стоятъ около часа на углахъ улицъ; каждый почти хорободъ имѣетъ *чучело въ видѣ женщины*, представляющее, по ихъ словамъ, *Русалку*. Составляются хорободные вѣружки, а въ срединѣ ихъ бойкая *женщина*

съ *чучеломъ въ рукахъ* пляшетъ подъ веселую пѣсню, дѣлая разныя кривлянья. Потомъ хоробы раздѣляются на *дѣтъ стороны, наступательную и оборонительную*. Держащія въ рукахъ Русалокъ защищаются нѣсколькими женщинами отъ *нападеній* другихъ, которыя стараются *вырвать* у нихъ *чучело*; при этомъ обѣ стороны кидаютъ другъ въ друга пескомъ и обливаютъ водою. Выйдя за городъ, онѣ говорятъ, что *проводили* Русалокъ, т.-е. собственно *Русалку*, такъ какъ множественное число ихъ происходитъ вслѣдствіе дробленія участницъ обряда на нѣсколько самостоятельныхъ хоробовъ, имѣющихъ каждый свою Русалку. Игра заканчивается тѣмъ, что *чучела разрываются и разбрасываются по полю*, а провожавшія ихъ дѣвицы возвращаются въ городъ съ *уныніемъ*: онѣ *причитываютъ похоронныя завыванія*, а нныя, распустивъ косы, *припадаютъ къ землѣ*, какъ бы къ могиламъ. Известно, что именно въ праздникъ есемофорій (т.-е. при отправленіи пеластійскаго торжества въ честь Деметры и Персефоны) аѳинскія жены выражали печаль о похищеніи Персефоны тѣмъ, что *постылись и сидѣли на землѣ*. Несомнѣнно, онѣ при этомъ распускали волосы, ударили себя въ грудь и возглашали *плачи или причитыванія*, по словамъ Ямблиха, высоко цѣнимыя теоническими (подземными) божествами. Въ Віотіи показывали камень, у котораго Деметра на поискахъ за Персефоной *звала* похищенную дочь (т.-е. причитывала). Нѣчто сходное, по свидѣтельству Павзанія, еще въ его время дѣлали мѣстныя женщины. Все это совпадаетъ съ только-что описанными дѣйствіями женщинъ, провожающихъ Русалку. Указанный обрядъ, въ древнѣйшей формѣ своей, какъ изображеніе похищенія свѣтлой богини, исполненный печальнаго характера, въ позднѣйшей формѣ получаетъ иной характеръ, принимаетъ видъ ожесточеннаго преслѣдованія Русалки, которая подъ вліяніемъ христіанскаго мировоззрѣнія нерѣдко отождествляется съ Вѣдьмою.

Независимо отъ болѣе или менѣе случайнаго въ нѣкоторыхъ изъ вышеописанныхъ обрядовъ дѣйствія потопленія объекта торжества, — потопленія, составляющаго лишь второстепенный моментъ обряда, мы встрѣчаемъ и такую форму обряда, въ которомъ потопленіе эмблемы чествуемаго божества составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ актовъ обряднаго дѣйствія. Такъ, напр., въ полтавской губ., дѣлаютъ вечеромъ подъ Ивановъ день *чучело* изъ соломы, называемое *Мара*. Его несутъ къ рѣкѣ и *бросаютъ въ воду*. Какъ похищаемая мнѣческимъ Ивановъ богиня, а также и Русалка, отождествляются въ пѣсняхъ съ Вѣдьмою, такъ и *Мара* на родномъ языкѣ получила значеніе *Вѣдьмы* или *Сатаны*. „*Мара*

свѣтова“, бранятся малоруссы въ смыслѣ: „ѡка ты Сатана“, „*Мара* бы ты взяла!“ —вослипаютъ до сихъ поръ карпато-руссы.

Мѣстами (въ харьковской губ.) въ самый Ивановъ день срубаютъ *дерево-Марину* и ставятъ его въ какомъ-нибудь мѣстѣ, а потомъ каждая изъ дѣвушекъ вѣшаетъ на немъ свой вѣнокъ изъ разныхъ цвѣтвъ. Подъ дерево сажаютъ *дитя* или *куклу*, которую украшаютъ своими уборами, т.-е. одѣваютъ въ *женское* платье. Подъ деревомъ ставятъ *столъ* убранный, и на немъ *юрилку и закуску*, именно *личные млинцы*, — это черта, подающая поводъ къ интереснымъ сближеніямъ. Держась за руки, ходятъ около дерева и поютъ пѣсни. Послѣ того сѣдаютъ пригтовленное угощеніе, какъ бы жертвенную трапезу, и затѣмъ снимаютъ дерево; одна изъ дѣвушекъ несетъ его къ рѣкѣ, а прочія идутъ за нею и поютъ пѣсню, начинающуюся словами:

Ой купалочка купалася,
Та на берегу сушилася,
Тай тому люди дивовались...

Подошедши къ рѣкѣ, начинаютъ всѣ *купаться* и *потопляють Марину*. Дерево-Марина, очевидно, представляетъ собою здѣсь, какъ въ описанномъ выше обрядѣ, вѣнникъ-Марена — главное лицо. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, дѣвушки „ходятъ около Марени“; это же подтверждается и словами одной купальской пѣсни, начинающейся такъ:

Ходили дивочки коло Мареночки...

Но какую роль играетъ *дитя* или *кукла*, сажаемая подъ Марену? Намъ извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ сходнаго *усузбленія символа* чествуемаго божества, именно въ *весеннихъ обрядахъ*. Такъ, напр., у чеховъ въ весеннему *деревицу* привѣивается изображеніе *дѣвушки*; у словиновъ „*Зеленый Юрій*“ шествуетъ рядомъ съ зеленымъ *деревицомъ*; у поляковъ *Майя* чествуется у *майскаго деревца*; у морованъ *красовнички* шествуютъ съ *манкомъ* (т.-е. майскимъ обряднымъ *деревицомъ*); у нѣмцевъ (Thann) ходитъ дѣвушка, называемая „*Майской розочкой*“ (Maigröslein), съ *майскимъ деревицомъ* въ рукахъ; во Франціи водится окутанный зеленью *майскій отецъ* (le père May), независимо отъ во-двигнутаго *деревица*; наконецъ, въ Англїи рядомъ съ *майскимъ деревицомъ* сажается *дѣвушка* или *кукла*, именуемая *майской испожей* (Maylady). Послѣдній случай совпадаетъ въ точности съ разсматриваемымъ нами купальскимъ обрядомъ: подъ *деревицей-Мариной* сажаютъ *дитя* или *куклу* въ *женскомъ* уборѣ, какъ *усузбленіе* символа чествуемаго божества.

Тотъ же обрядъ отправляется на Украинѣ—и въ слѣдующей формѣ. Дѣвушки за недѣлю до Иванова дня начинаютъ пѣть пѣсни, относящіяся къ празднику Купала, а наканунѣ Иванова дня, передъ закатомъ солнца, онѣ и съ ними молодежь, въ праздничномъ платьѣ, съ вѣнками изъ травы и цвѣтовъ, собираются вокругъ *срубленнаго дерева*, обыкновенно черноклѣна, и, схватясь за руки, поютъ пѣсни. Потомъ ставятъ подъ деревомъ *куклу* изъ соломы, довольно большой величины; надѣваютъ на нее *женскую рубашку*, голову ея убираютъ лентами, наместами и пр. Въ иныхъ мѣстахъ *кукла* получаетъ названіе *Купала* или *дерево* — *Марена*, въ другихъ — *кукла* называется *Мареной*, а *дерево* — *Купалой*. По исполненіи извѣстныхъ пѣсней, *дерево* и *куклу* *приносятъ къ рѣкѣ*; тогда начинаютъ бросать съ себя вѣнки или въ воду, или на дерево, а вслѣдъ затѣмъ *кидаютъ въ воду* и *дерево*, и *куклу*, а сами начинаютъ прыгать черезъ огонь разложеннаго костра.

Подобный обрядъ, но не связанный съ зажиганіемъ костра, представляютъ у великоруссовъ такъ-называемые *проводы Весны*, приурочиваемые къ Петрову дню или къ кануну петровскаго поста. Въ саратовской губ., наканунѣ Петрова дня, или 30-го іюня, дѣлали изъ соломы *чучело* и, одѣвъ его въ сарафанъ или кокошникъ съ ожерельями, словомъ, въ *женскіе наряды*, и украсивъ цвѣтами, носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и *бросали въ воду*. Въ другихъ мѣстахъ (въ симбирской, пензенской, костромской губ.), *проводами Весны* въ петровское заговѣнье. Поселяне наряжались въ оборванныя старыя платья, представляя изъ себя хромыхъ, увѣчныхъ, калѣвъ, слѣпыхъ, попрошайекъ. Дѣвицы приготавливали соломенное *чучело*, а молодежь вывозила на улицы тележки безъ переднихъ колесъ, связывали ихъ одну съ другою веревками, въ видѣ гуська, и впрягали лошадей. Потомъ начинался поѣздъ съ одного конца селенія до другого. На передней тележкѣ помѣщалась старуха, державшая на колѣняхъ *чучело*. Послѣ поѣзда разыгрывали хороводы. Вечеромъ съ пѣснями отправлялись къ рѣкѣ и *бросали чучело въ воду*. Поѣздъ съ *чучеломъ Весны* съ наглядностью изображаетъ *отъѣздъ* или *увозъ* Весны, *потопленіе* чучела — *шбель*, т.-е. погруженіе увезенной въ водную бездну.

Персефона возвращается ежегодно на поверхность земли, какъ дорогая *гостья*, на радость всему міру, а затѣмъ вновь погружается въ преисподнюю. Въ одномъ изъ наиболѣе характеристическихъ и распространенныхъ въ Великороссіи обрядовъ самымъ нагляднымъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, вос-

производится основная идея даннаго мива. Эмблемою богини служить *зеленая березка*, время отправленія обряда—четыре дня отъ семика (четверга передъ Троицей) до Троицы. По словамъ одной старинной русской пѣсни, *первый* праздникъ въ году—„семикъ честной“. Это праздникъ *начала лѣта* (т.-е. весны), въ этотъ праздникъ привѣтствуютъ возвращающуюся благодѣтельную богиню въ образѣ зеленой березки. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне и городская чернь собираются на семикъ въ лѣса и рощи, поютъ пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ *молодое березовое деревцо*, наряжаютъ его въ *женское платье* или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутьями. Затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ. По окончаніи торжества, поднимаютъ наряженную березку, съ радостными пѣснями и плясками несутъ ее въ деревню и становятся въ избранномъ съ общаго согласія домѣ, гдѣ оно и остается *юстейкою* до Троицына дня. Въ пятницу и субботу приходять навѣщать „гостейку“, а въ троицкое воскресенье выносятъ его къ рѣкѣ и *бросаютъ въ воду*. Тогда же пускаютъ по водѣ и семицкіе вѣнки. Образъ разукрашенной семицкой березки перешелъ и въ обрядныя семицкія пѣсни. Такъ, въ селахъ и деревняхъ перехтскаго уѣзда (костромской губ.) дѣвушки идутъ въ лѣсъ съ „*козулами*“ (такъ называются круглыя лепешки съ яйцами въ видѣ вѣнка); здѣсь съ пѣснями завиваютъ ленточки, бумажки и нитки на *березкѣ*, на которой завязываютъ еще вѣтви вѣнками. При завиваніи дѣвушки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поютъ:

*Береза моя, берѣзонька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудреватая!
Стоишь ты, берѣзонька,
Осередь долинушки;
На тебѣ, берѣзонька,
Листья бумажные,
Подъ тобой, берѣзонька,
Трава шелковал.
Близъ тебя, берѣзонька,
Красны дѣвушки въ семицъ поютъ;
Подъ тобой, берѣзонька,
Красны дѣвушки стночь плетуть.*

Послѣ этой пѣсни садятся подѣ березу *пять козули* и *ячмичу*. Эта жертвенная трапеза подѣ обрядною разукрашенною березкою также увѣковѣчилась въ семицкихъ пѣсняхъ, напр.:

*Ты, радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвушки идутъ,*

Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яичницей,
Со драконами...

Вся обстановка чествованія „березки-гостейки“, именно во второй его части, чрезвычайно напоминает малорусскіе купальскіе обряды съ деревомъ-Мареною. И „березка-гостейка“, и „Марена“, украшаются женскими уборами и служат символами божества женскаго пола. Подъ обоими деревцами ставится и вѣшается жертвенная трапеза, въ обоихъ случаяхъ состоящая изъ обрядныхъ яичныхъ печеній; оба деревца *потопляются въ воду*, при чемъ это главнѣйшее дѣйствіе въ обоихъ случаяхъ сопровождается *бросаніемъ обрядныхъ вѣнковъ въ воду*, а равно и *заданіями по вѣнкамъ*. Даже *енесеніе* на нѣкоторое время *березки-гостейки въ домъ* находятъ себѣ аналогію въ слѣдующей формѣ малорусскаго купальскаго обряда: мѣстами *дерево-Марена* и *кукла Купало* не уничтожаются въ Иванову ночь, но на разсвѣтъ Иванова дня *вносятся* въ какую-нибудь *хату*, а вечеромъ въ этотъ день, до закатѣ солнца, ихъ несутъ къ водѣ, снимаютъ съ нихъ всѣ украшенія, *кромя вѣнковъ*, поютъ тѣ же пѣсни, какія пѣлись наканунѣ, съ крикомъ всѣ *бросаютъ* съ себя *въ воду вѣнки*, а вслѣдъ за ними и *Марену*, и *Купало*. Вся судьба богини-гостьи изображается въ описанномъ великорусскомъ обрядѣ чествованія „березки-гостейки“ въ теченіе четырехъ дней: она встрѣчается и привѣтствуется какъ гостья въ лѣсу, приносится изъ лѣса въ семьѣ, ставится въ домъ, угощается жертвенными дарами и славится въ пѣсняхъ, а въ заключеніе *прожигается* обратно туда же, откуда она, въ качествѣ гостьи, появилась на поверхность земли, въ *подводную бездну*, до будущей весны, до будущаго семени.

Въ окрестностяхъ Збруга, въ галицкой Руси, въ старину существовалъ обычай, по которому въ Ивановскую ночь молодежь собиралась у рѣки и *купала*, а потомъ *пускала по водѣ чучело*, сдѣланное изъ соломы и опоясанное чернобыльникомъ, при пѣніи какихъ-то пѣсенъ, которыхъ, по словамъ Гальеи, теперь уже нельзя попытаться.

У западныхъ, въ меньшей степени у южныхъ славянъ (чеховъ, моравянъ, поляковъ, мазуровъ, словаковъ, болгаръ), встрѣчается еще мѣстами обычай *бросать* въ Ивановскую ночь *вѣнки въ воду* и по нимъ *идать*, какъ то дѣлается и въ Россіи; о потопленіи же деревца или куклы въ пору высшаго солнцестоянія извѣстій мы имѣемъ мало.

Въ то время какъ у восточныхъ славянъ обрядъ, символи-

зующій гибель въ знойную пору весенней богини, развился преимущественно въ формѣ дѣйствительнаго похищенія, иногда связываемаго съ потопленіемъ эмблемы божества, или же въ видѣ одного только потопленія, въ средѣ западныхъ славянъ соотвѣствующій обрядъ выразился почти исключительно въ видѣ сожганія символа, обыкновенно представляемаго *деревцомъ, стоящимъ на кострѣ*. Обрядъ этотъ у чеховъ совершается такимъ образомъ: хворостомъ и дровами обкладывается наканунѣ Ивана дня стволъ какого-нибудь стоящаго на пригоркѣ близъ селенія дерева, костеръ зажигаютъ, и дерево сгораетъ. Въ окрестностяхъ Эгера молодые люди, для той же цѣли, привозятъ изъ гѣса срубленную тамъ *ель* или *сосну*. Дѣвушки украшаютъ привезенное дерево цвѣтами, букетами, вѣнками и красными лентами. Вокругъ воткнутаго въ землю, разуукрашеннаго дерева складывается *костеръ* изъ хвороста, дровъ и другихъ горючихъ матеріаловъ, а когда стемнѣетъ, костеръ *зажигаютъ*. Во время горѣнія дерева и костра мужчины и женщины поютъ и пляшутъ. Мораване также съ пѣснями и плясками *ослутъ* въ Иванову ночь *костры съ воткнутымъ* въ каждый изъ нихъ *майемъ*, т.-е. весеннимъ (майскимъ) *деревцомъ*, украшеннымъ вѣнкомъ.

Между различными породами деревъ, избираемыми для „мажковъ“, нерѣдко встрѣчаемъ липу. Воспоминаніе о *сожжаніи липы*, очевидно связанномъ съ святоянскимъ (купальскимъ) обрядомъ, сохранилось въ одной весьма распространенной въ разныхъ редакціяхъ между всѣми западными и отчасти южными славянами, признаваемой за весьма древнюю, пѣснѣ, начинающейся въ одной изъ словацкихъ редакцій такъ:

*Горѣла липа, горѣла,
Подъ ней дѣвица сидѣла;
Когда на нее искры падали,
Всѣ молодцы плакали.*

Продолженіемъ этой пѣсни въ большинствѣ вариантовъ служатъ слѣдующіе два стиха:

*Не плакалъ одинъ только
Соблазнившій ее;*

ИЛИ:

Снявшій у ней перстечки.

Снятіе перстня или *перстней* есть фигуральное выраженіе, означающее *похищеніе*. Слѣдовательно, *одинъ* не плачущій о несчастной дѣвушкѣ *парень-соблазнитель* и служитъ представителемъ мнѣческаго *убителя-похитителя* богини, олицетворе-

мой здѣсь дѣвушкой, сидящей подъ пылающей липой, подобно дитяти или куколѣ подъ деревомъ-Мареной въ малорусскомъ купальскомъ обрядѣ.

Въ хорватскомъ вариантѣ этой же пѣсни рисуется слѣдующая картина:

*Зеленая мила горѣла,
Подъ нею милая сидѣла.
Искры на нее падали,
И всѣ птицы (объ ней) плакали.
За девяносто-девятью горами,
Тамъ милый материнъ дворъ...
Заручная невѣста плакала
О своей матери горевала...*

Сгорающая вмѣстѣ съ деревомъ, увезенная за девяносто-девять горъ, плачущая о своей матери невѣста тѣсно сближается съ утонувшей, плачущей на чужой сторонѣ дѣвушкой литовскихъ и латышскихъ пѣсенъ, съ утопающей Ганной или Мареной, Маріей (Марусей) малорусскихъ и бѣлорусскихъ купальскихъ пѣсенъ, въ свою очередь неразрывно связанныхъ съ купальскими обрядами, въ которыхъ, какъ изложено выше, изображается аллегорически древнее представленіе о похищеніи богини, родственной Персефонѣ древнихъ грековъ.

У словиновъ, въ Градѣ (въ Штиріи), существовалъ обычай въ Ивановъ день носить *чучело*, насаженное на высокій пестъ.

Его *закидывали юрлицами метлами*, пока оно не сгорало.

Сходные съ описанными обряды встрѣчаются иногда и въ Россіи. Такъ въ махневскомъ уѣздѣ (киевской губ.) дѣвушки втыкаютъ вечеромъ наканунѣ Иванова дня въ землю дерево, которое украшаютъ цвѣточными *отнками*, и при пѣніи *зажигаютъ вокругъ него костеръ*.

Бѣлоруссы на Ивановъ день дѣлаютъ изъ соломы *куклу* или *чучело-женщину*, именуемое *купалою*. Купалу носятъ, около нея пляшутъ, потомъ ее *зажигаютъ* и въ заключеніе *потопляютъ въ воду*; или вбиваютъ колъ въ землю, обкладываютъ его соломой и коноплемъ, а на верхушкѣ прикрѣпляютъ *пукъ соломы*, называемый *Купалою*; когда смерзнется, *зажигаютъ солому*; собравшіеся поселяне обѣгаютъ троекратно огонь съ березовыми сучьями въ рукахъ и восклицаютъ: „*Кабы мой ленъ такъ велики бувъ, якъ гетая фарасина (какъ эта хворостина)!*“

А. С. Фаминцынъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МОРЕ.

Море, море, ты довольно?
Серебристою змѣей
Ты сѣвшишь обнять невольно
Бѣлой пѣной берегъ злой.
Гдѣ жъ твоя бывшая сила,
Гдѣ же твой могучій гнѣвъ?
Иль ты землю полюбило
И трепещешь, присмирѣвъ?
Еслибъ мнѣ да волю,
Еслибъ силу мнѣ—
Я бы не жилъ долѣ
Въ празднои тишинѣ!
Я порвалъ бы цѣпи,
Пути бѣ разметалъ,
И далеко бѣ въ стени
Голосъ мой звучалъ...
Въ душахъ непреклонныхъ
Правду бѣ онѣ будилъ,
Слезы обдѣленныхъ
Я бы осушилъ,
И надъ міромъ темнымъ—
Новый полубогъ—
Я бѣ потокомъ ровнымъ
Счастья лучъ зажечь..

Море дышетъ, море блещетъ
Изумрудной влагой плещетъ
На сѣдьющій гранитъ
И ласкаясь говорить:
„Укроти свое стремленье
Жалкій человекъ—
Для меня одно мгновенье
Твой кичливый вѣкъ.
Ты и любашь, и страдаешь,
Ненавидишь ты;
Ты, родившись, умираешь,
Не свершивъ мечты...
Я, страстей твоихъ не зная,
Долгій трудъ вѣковъ
Совершаю, подмывая
Камни береговъ.
Съ каждымъ всплескомъ снова, снова,
Я колеблю вновь
Ихъ порфирныя основы,
Красныя какъ кровь.
Я безъ гнѣва, безъ услады
Совершу мой трудъ—
И скалистыя громады
Предо мной падуть.
Несдержимо, всепобѣдно
Я помчусь тогда,
Я твой прахъ, весь міръ твой блѣдный
Смою навсегда.
Буду я лишь надъ землею,
Да подобно мгнѣ,
Отражаемое мною
Небо въ вышинѣ“.

* * *

Безсиленъ звукъ, безсильно слово,
Безсильны кисти и рѣзецъ,
Со дня рожденья ждешь сурово
Ихъ преждевременный конецъ...

Но мысль родится не напрасно;
Она не сгибнетъ, не умретъ,
Она божественно прекрасна
Съ вѣками долгими взростетъ.

Челанъ, художникъ плодотворный,
Для мысли мировой звено,
И сѣи смиренно и поворно
Ея безсмертное зерно.

* * *

Не вѣрь, не вѣрь, что горести дѣтей
Малы, ничтожны, переходящи—
Сердца ихъ проще нашихъ и нѣжнѣй,
Страданья ихъ больнѣй и чаще.
Надъ чистыми владычествуемъ мы,
Душою черные и сердцемъ злые,
Мы, вскормленники старой тьмы,
Мы, развращенные, больные.
О, сколько горя въ маленькихъ сердцахъ
Таятъ малютки передъ нами,
Душевныхъ ранъ, слезъ, пролитыхъ впотымахъ,
Занозъ съ колючими шипами!
О, сколько мучъ бессмысленныхъ, тупыхъ,
О, сколько силъ, загубленныхъ безъ цѣли,
И чувствъ высокихъ и живыхъ,
Убитыхъ въ дѣтахъ съ колыбели!
Они святы безропотнымъ страданьемъ,
Они прекрасны, какъ эдемъ,
Какъ тѣ, чью гибель съ грознымъ содроганьемъ
Когда-то видѣлъ Вилелемъ.
А дѣтскій смѣхъ—улыбка Серафима,
Она должна быть грѣшными хранима,
Храни жъ ее, люби дѣтей,
Люби, не мучь ихъ и жалѣй.

ДОЖДЬ.

Идеть, идеть... И дождь, и слякоть!..
 Кто плачетъ тамъ? Проступки нищеты,
 Голодныя ль, плывучія мечты
 На небесахъ внезапно стали плакать?

Идеть, идеть... Довольно, перестань!
 Когда въ слезахъ прольеть людское горе—
 Изъ береговъ своихъ выиграетъ море
 И разорветъ положенную грань...

Идеть, идеть... Стучить неумолкая...
 Полить слезой небесной черноземъ,
 И овими поднялися на немъ,
 Пророча намъ обилье урожая.

Идеть, идеть... Все плачетъ безъ борьбы...
 Но нищетъ, слеза которой съ неба
 На землю льетъ, достанется ли хлѣба,
 Смягчится ль къ ней озлобленность судьбы?

* * *

Я ль виновать, что предо мною блещетъ
 Вашъ неземной и лучезарный ликъ?
 Хоть сердце у меня въ груди трепещетъ—
 За то молчить окованный языкъ...
 А взглядъ одинъ васъ оскорбить не можетъ:
 Вѣдь божество, конечно, не встревожить
 Ни страстный взглядъ, ни, даже, страстный крикъ.

ИЗЪ КАТУЛЛА.

Я любовался, какъ, тьму разгоняя, Аврора встала...
 Вдругъ, пробудясь, Валерія съ ложа возстала.
 Боги благіе! Молю васъ, простите мнѣ дерзкія рѣчи:
 Смертной лицо—милѣ мнѣ лика богини.

А. П. К—шевъ.

ПОЭТЪ И МУЗЫКАНТЪ

— Der Liedermacher.—Roman aus Neu-Berlin, von Julius Stinde *).

VII *).

ДѢЛА ПОДВИГАЮТСЯ.

На слѣдующее утро маіорша фонъ-Винглебъ получила письмо съ золотымъ ободкомъ, и маіоръ ей замѣтилъ:

— Вѣрно, приглашеніе?

— Не думаю; почеркъ совсѣмъ незнакомый, — возразила жена, и разорвала конвертъ.

— Ну?

— Это не приглашеніе... Это стихи.

— И... посвященные тебѣ?

— И да, и нѣтъ. Вчера, въ гостяхъ у брата, я высказал свое мнѣніе объ искусствѣ и его значеніи въ жизни человѣка, прибавивъ, что безъ него не могла бы дня прожить; случился тамъ еще ихъ знакомый молодой поэтъ, и мы съ нимъ объ этомъ говорили... Вотъ и все отношеніе этихъ стиховъ ко мнѣ. Впрочемъ, разсуди самъ.

И она подала ему золотообрѣзанный листокъ, на которомъ красовалось нѣсколько строкъ подъ заглавіемъ: „Одинъ лишь день“.

Маіоръ пробѣжалъ его глазами.

— Гмъ! И въ самомъ дѣлѣ, это скорѣе картина настроенія,

*) См. выше: май, стр. 260.

— замѣтилъ онъ. — Слогъ недуренъ, и мысль выражена весьма образно; въ послѣдней строкѣ есть небольшая ошибка въ стихосложеніи, но это не бѣда: въ общемъ получается нѣкоторое впечатлѣніе. А все-таки, Marie, я бы просилъ тебя держать себя подалше отъ всякой такой бродячей братіи, вольныхъ художниковъ.

— А я только-что хотѣла просить тебя поближе познакомиться съ нимъ... И, наконецъ, я уже пригласила его.

— Marie!

Вмѣсто отвѣта на отчаянный возгласъ мужа, маіорша отерла золотой медальонъ, который всегда носила на цѣпочкѣ, и поднесла его къ мужу.

— Такихъ лѣтъ былъ бы и нашъ мальчикъ, — тихо и нѣжно проговорила она. — Онъ такъ похожъ!..

— Что за глупость! Чего только не забудешь ты себѣ въ голову!.. Ну, хорошо! Пусть онъ приходитъ, твой новопеченный юноша-Гомеръ, и пусть себѣ катаетъ гекзаметры, сколько его душѣ угодно; только ужъ не прогибайся, если онъ натворитъ глупостей и угодить — вмѣсто Олимпа — въ лечебницу душевнобольныхъ!

Виттъ неоднократно слышалъ мнѣніе, что въ Берлинѣ талантливому человѣку легче всего пробить дорогу. Какъ именно пробивается дорога, и что это значитъ — онъ не задумывался надъ этимъ вопросомъ. Но вотъ пришло время, и онъ самъ по себѣ теперь узналъ, какъ это все выходитъ: Монна сказала ему напрямикъ:

— Да вы, голубчикъ, — талантъ!

До тѣхъ поръ Виттъ былъ весьма низкаго мнѣнія о себѣ, о своемъ дарованіи. Ему казалось, что его стихи не выдерживаютъ критики, и что всѣ его мысли и грезы были уже гдѣ-то и кѣмъ-то выражены гораздо лучше и полнѣе, красивѣе.

Виттъ былъ вообще робкаго десятка, и его неувѣренность въ обществѣ не побѣдила его и по отношенію къ его пѣснямъ. Но теперь... О, теперь онъ узналъ себѣ цѣну, — онъ увѣренъ въ своемъ дарованіи. Монна — несравненный пианистъ и музыкантъ — самъ ему сказалъ, что у него есть талантъ!

— Не бойтесь, не сомнѣвайтесь въ себѣ: вы можете писать еще лучше. Главное, помните, что у васъ есть талантъ, т.-е. залогъ къ творчеству!

Двѣ пѣсни, по его мнѣнію, такъ и просились на музыку, а къ третьей — „Утѣшеніе въ разлукѣ“ — онъ просилъ автора прибавить еще двѣ строфы. Одной слишкомъ мало, главнымъ обра-

зомъ потому, что публика еще не успѣтъ прислушаться къ мелодіи, освоиться съ нею настолькоъ, чтобы она поправилась. Самое лучшее для романа двѣ строфы, а третья—заключительная. Это въ самый разъ: не слишкомъ длинно и не слишкомъ коротко.

Слово Монны было для Витта святыней; но, несмотря на свое смущеніе, онъ твердо, почти рѣзко сказалъ:

— Нѣтъ, по смыслу пѣсни, въ ней не должно быть больше одной строфы!

Сердито вскинулъ на него глазами музыкантъ, и натакнутой улыбкой постарался скрыть свое раздраженіе.

— Какъ угодно, милый другъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что вы еще предложите гнѣвъ на милость и, изъ состраданія къ бѣдному композитору, подарите его еще парочкой строфъ... А только не думалъ я, что вы такъ себялюбивы...

Витту тяжело было вынести упрекъ друга. Конечно, Монна не могъ знать, какой борьбы съ самолюбіемъ стоила ему присылка его стихотвореній. Монна къ нему такъ добръ, такъ внимателенъ, такъ снисходителенъ, а онъ-то—онъ чтѣ дѣлаетъ?!

И Виттъ, чутъ не со слезами на глазахъ, проговорилъ:

— Что-жъ, я пожалуй... попробую прибавить вамъ еще строфу, но не ручаюсь за нее: она ужъ будетъ другого пошиба, потому что написана не заразъ...

— Ну, полно, полно малодушничать! Говорятъ вамъ: вы человекъ съ талантомъ!..

Зайдя къ Витту на квартиру, музыкантъ былъ пораженъ чистотой и порядкомъ, которымъ положили начало тетушки, и его неволью взяло сомнѣніе, захочетъ ли еще его новый другъ поселиться въ маленькой комнатѣ у Чмиттовъ.

Но все обошлось благополучно.

Тамъ заблаговременно начали приготовляться къ принятію такого чуда, какъ новый жилецъ, который не только не нуждается, но даже аккуратно платитъ *каждое* первое число *каждою* мѣсяца. Сестры—Илова и Леслова—усердно чистили, мыли комнаты и покрывали лакомъ потертую мебель, которая, равно какъ и ихъ пальцы, покрывалась яреюй, нѣсколько красноватой, блестящей краской. Это смутило ихъ еще больше, когда оказалось, что ни мыло, ни даже уксусъ, не беретъ противную краску. Но изъ бѣды ихъ выручилъ папа (о, милый, милый папа!); онъ посоветовалъ дочерямъ принимать гостя въ перчаткахъ. Въ Польшѣ—а гдѣ и учиться тонкому обращенію въ обществѣ, какъ не въ царствѣ польскомъ?!—дамы высшаго круга всегда и дома встрѣчаютъ гостей въ перчаткахъ.

Виттъ, какъ всегда, на первый разъ чувствовалъ себя неловко передъ чужими. Онъ покрывался румянцемъ, какъ красная дѣвица, молчалъ или робко ронялъ слова два, бережно держа въ рукахъ большую чашку кофе съ молокомъ. Леслова приставала къ нему, чтобы онъ взялъ хоть одинъ пирожокъ, но онъ казался ему такимъ непривлекательнымъ, что Виттъ хоть и взялъ, но не рѣшился его ѣсть.

Разговоръ, главнымъ образомъ, поддерживалъ самъ Чмиттъ, съ особымъ рвеніемъ пересказывая въ сотый разъ давно извѣстные его семьѣ анекдоты. Но и это всѣмъ казалось сегодня особенно пріятнымъ и остроумнымъ; всѣ нашли, что и гость обладаетъ въ значительной степени умѣньемъ держать себя въ обществѣ.

Онъ такъ мило слушалъ папѣ, такъ встати улыбался его шуткамъ, что окончательно плѣнилъ сердца дочерей. Всѣ были счастливы и довольны; только Монна выказывалъ нетерпѣніе и, наконецъ, не будучи въ силахъ его поборотъ, перебилъ папѣ Чмитта на полусловѣ:

— Мой другъ Виттъ пришелъ къ намъ главнымъ образомъ для того, чтобы прослушать мою музыку къ его пѣснямъ; въ политическихъ же хитросплетеніяхъ онъ ровно ничего не понимаетъ. И, наконецъ, вы, милый Чмиттъ, рискуете опоздать къ графу... графу... ну, какъ тамъ его?..

— ...Лещинскому! — поспѣшно подсказалъ тотъ глубоко убѣжденнымъ тономъ. — Я чуть-было не забылъ, что приглашенъ къ обѣду! Надѣюсь, молодой человекъ, что вы будете у насъ частымъ гостемъ и убѣдитесь на себѣ, что главные черты поляковъ — безграничное радушіе, гостепріимство и полное отсутствіе себялюбія!.. Леслова, дѣтя мое! Гдѣ моя пальца? Гдѣ шляпа и перчатки?

Красивый и статный, несмотря на свои густые волосы, убѣленные сѣдиною, Чмиттъ раскланялся съ гостемъ и его другомъ, поцѣловалъ въ лобъ дочерей и вышелъ, одѣтый какъ настоящій зажиточный баринъ.

— Ну, а еще пирожокъ? — приставала къ Витту Илова.

— Благодарю васъ, больше не могу, — отказывался Виттъ.

— Да слушайте кусочекъ! Мама сама пекла.

— Да, мама чудесно печетъ эти пирожки, — подхватилъ Монна: — знаете ли, вамъ лучше бы всего здѣсь же получать и столъ, в квартиру.

— Да, да... да, только не сейчасъ: мой абонементъ еще не законченъ, — въ смущеніи, съ разстановкою отговаривался Виттъ. Ему трудно было лгать съ непривычки, и Монна это замѣтила.

Ну, да вѣдь не всѣ же такъ увѣренно лгутъ и такъ сами вѣрять въ свои выдумки, какъ Стефанъ Чмиттъ!

— А жалъ!—вслухъ сказалъ Монна.—Намъ бы тогда удобнѣе было вмѣстѣ работать. Пойдите-ка, вотъ я вамъ сыграю, чтѣ мнѣ пришло на умъ послѣ вашей „Встрѣчи въ лѣсу“.

И онъ подошелъ въ роялю; но въ ту же минуту гнѣвными заревомъ вспыхнули его блѣдныя щеки, и у него вырвались грубыя слова:

— Когда же вы будете?..—выпалилъ онъ вдругъ и уже сдержаннѣе докончилъ:—то-есть, я хочу сказать... нельзя ли... Нельзя ли, фрейлейнъ Илова, дать понять вашей прислугѣ, что непристойно швырять свои вещи гдѣ ни попало, такъ же, какъ и устраивать себѣ уборную у васъ въ гостиной!..

— Хорошо, я такъ и скажу ей,—поворно и тихо согласилась Илова, и ея голосъ звучалъ настолько не-гордо, что Виттъ невольно вскинулъ на нее глазами. Чтѣ же такое натолковалъ ему Монна о страшномъ самолюбіи и гордости всей этой семьи неудачниковъ-аристократовъ?.. Но ему показалось, что въ глазахъ дѣвушки заблестѣли слезы, когда она молча, повидимому, вспоминала свое прежнее величіе.

Подмѣтивъ взглядъ Витта, другъ его обратился снова къ Иловѣ:

— Пожалуйста, не сердитесь на нее, фрейлейнъ; можетъ быть, неряшливость у нея—врожденный недостатокъ? Нельзя же взыскивать съ бѣдняжки за то, чтѣ перешло къ ней по закону наслѣдственности?

Илова вскочила, какъ ужаленная, и двумя пальцами схватила валявшуюся на роялѣ большую, старую и уже давно беззубую гребенку—предметъ насмѣшекъ ея жениха.

Монна уже сидѣлъ за роялемъ и игралъ свою блестящую импровизацію, когда она неслышно исчезла за дверь. Музыка увлекала его, и онъ уже забылъ обо всемъ происшедшемъ, изображая на послушныхъ клавишахъ то шумъ лѣса и звукъ роговъ, то весь гамъ охоты.

Поэтъ понялъ, что музыкантъ представляетъ себѣ суженаго крестьянки въ видѣ охотника, и эта мысль очень ему понравилась.

Между тѣмъ звуки все разрастались и мѣрные удары баясовъ какъ нельзя живѣе походили на лошадиннй топотъ; затѣмъ съ нимъ смѣшались крики охотниковъ, звукъ роговъ, и весь этотъ гулъ постепенно умолкъ, удаляясь... Вся картина закон-

чилась, какъ и началась, шумомъ вѣтра и замирающимъ шелестомъ зеленой листвы...

Виттъ былъ пораженъ, озадаченъ.

— Ну, что? Вѣдь роскошная, сильная картина?—обратился къ нему Монна, вставая.

— Да... да, конечно,—пробормоталъ Виттъ.—Даже слишкомъ роскошная, слишкомъ сильная для такого слабого произведенія, какъ мое.

— Ну да, голубчикъ мой, я просто увлекся и слишкомъ развилъ эту часть своей фантазіи. Понятно, ее надо разработать, и тогда охота войдетъ въ ея составъ съ болѣе гладкими переходами отъ общаго настроенія вашей пѣсни къ частному... Это все пустяки, никакого труда не стоить.

— Мнѣ, знаете, когда-то пришла мысль изобразить волшебную сказку въ пѣсняхъ,—замѣтилъ поэтъ.—Тогда въ отдѣльных картинахъ явились бы ея различные моменты: и злая мачиха, и бѣдная царевна, которая находитъ себѣ убѣжище въ лѣсу, и королевичъ съ охотниками... и, наконецъ, пробужденіе царевны...

— Сказку? Сказку?.. — воскликнулъ Монна въ восторгѣ. — Да я, дружище, давнымъ давно только о томъ и мечтаю! Волшебная сказка въ пѣсняхъ! Вотъ было бы ново, вотъ оригинально!.. Надо это обдумать хорошенько... А пока... Илова, покажи... Фрейлейнъ Илова, покажите гостю его комнату!

Четверть часа спустя, Виттъ уже числился жильцомъ квартиры „С. Чмиттъ“ и выразилъ желаніе вручить, въ видѣ задатка, наемную плату за двѣ недѣли впередъ. Для этого Леслова вызвала изъ кухни свою матушку, которая, повидимому, не отличалась опрятностью. Поспѣшно засовывая деньги въ карманъ своего неказистаго платья, она сконфуженно что-то бормотала насчетъ того, что прислуга ушла со двора, и ей приходится самой... Но Витта поразила ея общая манера держаться, и онъ подумалъ, что она, должно быть, женщина съ замѣчательной силой воли и самоотверженія, если такъ свыклась со своимъ ограниченнымъ, даже скуднымъ положеніемъ послѣ былой роскоши и виднаго мѣста въ обществѣ, которое ему краснорѣчиво рисовалъ Монна...

Въ высшей степени любезно и почтительно простился съ ними Виттъ и ушелъ вмѣстѣ съ Монной.

— Ну, слава Богу, теперь у насъ есть деньги!—облегченно вздохнула г-жа Чмиттъ, а Леслова прибавила:

— Да! И какъ встать! Сегодня утромъ я отдала папѣ по-

слѣднія деньги, полученныя за вязанье... Чего бы намъ купить, мамѣ? Вырѣзки? Или лучше разрѣшить себѣ полакомиться шоколадомъ? А тебѣ бы чего хотѣлось, Илова?

Но Илова не отвѣчала. Тихо, беззвучно катились слезы по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.

— Илова! Чего ты?

Съ трудомъ, едва выговаривая каждое слово, бѣдная дѣвушка проговорила, рыдая:

— Мнѣ... стыдно... стыдно!

VIII.

Илова и Ридеръ.

На другой день утромъ Илова получила письмо.

— Это еще отъ кого? Мнѣ не отъ кого получать письма... — начала-было молодая дѣвушка въ недоумѣннн; но сестра перебила ее:

— Да посмотри же; вотъ и узнаешь!

— Это отъ вчерашняго господина: онъ проситъ, чтобы мы пока пользовались его комнатою, а перейдетъ онъ къ намъ только послѣ концерта Монны, когда уже начнутся ихъ занятія вмѣстѣ.

— Лишь бы не передумалъ до тѣхъ поръ! — замѣтила Леслова; — ну, да его можно убѣдить... Монна ужъ слумбѣтъ... А? какъ ты думаешь?

Илова читала письмо и не отвѣчала.

— И учениковъ своихъ тоже Монна прекрасно заговариваетъ. У него для всѣхъ одна и та же пѣсня: „Съ вашимъ талантомъ“, и т. д., и т. д., напѣваетъ онъ каждому, ну, каждому безъ разбора. Но все-таки очень мило съ его стороны, что онъ изъ любезности къ мамѣ уговорилъ Витта...

— А? Кто это любезенъ?

— Какъ кто? Или ты ничего не слышишь? Ну, Монна, конечно.

— Монна? Любезенъ?.. О, какъ ужасно насмѣялся онъ надъ нами! Онъ смѣялся надъ папѣ, надъ бѣдной, до изнеможения трудящейся мамѣ...

— Развѣ? И надъ папѣ?..

— Гдѣ ты была, что ничего не видала? Развѣ папѣ дѣй-

ствительно быть приглашенъ въ какому-то графу? Ты ничего не замѣтила? Тебѣ не было стыдно?

Леслова съ удивленіемъ смотрѣла на сестру.

Ей въ голову не приходило стыдиться обиденныхъ, привычныхъ проявленій ихъ будничной жизни, и она не понимала, что могло такъ сильно взволновать и обидѣть сестру. Она не замѣтила вчера ничего такого особеннаго, выдающагося, что бы могло пристыдить кого бы то ни было.

— Не понимаю, что съ тобой сдѣлалось, — не совсѣмъ смѣло начала она. — Если тебя такъ стѣсняетъ нашъ новый жилецъ, то успокойся: ты видѣла, какой онъ скромный, почтительный съ papà и мамá? Какъ онъ выслушивалъ папины рассказы, съ какимъ уваженіемъ откланялся мамѣ, словно какой графинѣ?

— Вотъ это-то и бѣда, что онъ считаетъ насъ болѣе важными, нежели слѣдуетъ: что же онъ подумаетъ, какъ поживетъ у насъ?

— Да полно же! Ну, къ чему забѣгать впередъ?

Илова покраснѣла и отвернулась.

— И, наконецъ, чѣмъ мы виноваты, что у papà, послѣ войны, отобрали имѣнія? Вѣдь говорить же papà, что въ одинъ прекрасный день...

Илова только молча, безнадежно качала головой.

— Лова! Да что съ тобой? Ты меня просто пугаешь! И чего ты, если papà говорить...

— И papà правъ!.. Но Монна... Монна сыгралъ ту самую фантазію на охотничью тему, которую никто изъ издателей не взялся печатать, а самъ сказалъ Витту, что это — музыка къ его пѣснѣ... Монна надуваетъ его!

— Да нѣтъ же, я этого не вижу. Вѣдь надо же ему на что-нибудь да употребить свою вещь?

— Но вѣдь тотъ вѣритъ ему... Онъ такой же простодушный, какъ и...

— Кто?

— Какъ и другіе, которые вѣрили въ него, — горько проговорила Илова.

— А этотъ, какъ его? — стихотворецъ — очень мнѣ нравится; только ужъ слишкомъ онъ молодъ... совсѣмъ юноша! Вообще, я не думаю, чтобы онъ былъ уменъ...

— А глаза его? Глаза ты не замѣтила: большіе, вдумчивые, глубокіе? Кажется, такъ и смотреть они тебѣ въ душу, и душа раскрывается имъ на встрѣчу...

— Тебѣ такъ показалось, или ты гдѣ-нибудь въ книжкѣ вы-

читала нѣчто подобное... А по мнѣ такъ хоть бы и вовсе не было книгъ: ну, какая въ нихъ польза? Только напрасная трата времени! Вотъ я навязу накидокъ — и денегъ заработаю, хоть это утѣшеніе!.. Кстати, я пойду за бумагой; не надо ли тебѣ чего?

— Нѣтъ. Спроси мамѣ и... вотъ еще что: убери гребенку, да постарайся въ другой разъ ее не бросать.

Леслова вышла, а ея сестра задумчиво поникла головой надъ письмомъ, которое еще лежало раскрытое у нея на колѣняхъ.

— Кажется, я бы желала, чтобы у насъ не показывались никогда ни Виттъ, ни... Монна!—печально проговорила она.

Фрейлейнъ Ридеръ имѣла причины преслѣдовать своей злобой ассессора, т.-е. того пѣвца, который смѣялся надъ нею вмѣстѣ съ Монной. Она и прежде не могла его переваривать, но затѣмъ онъ еще больше разозлилъ ее: онъ подхватилъ насмѣшку надъ венгуру и, наконецъ, разстроилъ ея важный разговоръ съ г-жею Терменъ послѣ ея встрѣчи на лѣстницѣ съ подозрительно-радостнымъ поетомъ.

По мѣрѣ того, какъ ассессоръ овладѣвалъ бесѣдой, она чувствовала, какъ холоднѣе въ ней становилась радушная хозяйка дома. Но почему же? Что высказала она такого, въ чемъ бы они всѣ не обязаны были поддержать ее? Она только всего и сказала, что Монна—идеальный исполнитель Листа и Шопена, но что до Бетховена (она говоритъ это со словъ другихъ,—знатковъ искусства!)—Монна еще не дошелъ до него!

— Простите, пожалуйста,—возразилъ вѣжливо ассессоръ: — онъ его даже перешелъ!

Всѣ засмѣялись его шуткѣ, и ей самой пришлось не отставать отъ другихъ.

— Конечно,—согласилась она:—въ технику никто съ нимъ не сравнится, но какъ композитору—ему, кажется, не везетъ...

— Какъ такъ?—перебилъ ее пѣвецъ. — Ему-то не везетъ? А знаете ли вы его „Шелестъ липъ“? Музыка его такъ дивно подражаетъ вѣтру, что васъ пробираетъ дрожь, и невольно хочется поднять воротникъ, чтобы отъ него защититься.

— Ну да; вы вѣдь его пріятель и судите по пріятельски. А по моему, истинный другъ, изъ желанія другу добра, не долженъ закрывать глазъ на его недостатки и указывать ему на нихъ, не разглашая о томъ никому.

— Гмъ! Весьма идеально!.. Но еслибы всѣ люди такъ и по-

ступали, то у насъ былъ бы рай земной. А можно ли представить себѣ рай безъ змія?

— А вы вѣрите въ такія выдумки?

— Да это не выдумка, а только аллегорія. Змій, угрожающій нашему райскому состоянію — любопытство. Дитя его — злорадство; у злорадства же много отпрысковъ: сплетня, преувеличеніе и клевета, и еще много, много и другого хорошенькаго. Люди плодятся и множатся, и ихъ пороки—эти змій земные!—также.

— Вы, повидимому, умудрены опытомъ?..

— Такъ точно.

— Но не можете же вы отрицать, что многое переменялось къ лучшему?

— Исторія Каина съ Авелемъ еще не устарѣла: корень злобы и ненависти—зависть, и она-то многихъ лишаетъ жизни. Мы никого сознательно не убиваемъ: упаси Боже! Мы только толкаемъ человѣка на край могилы, дѣлаемъ ему жизнь невыносимой. Да вотъ вамъ примѣръ. Есть люди, которые боятся выпить рюмочку рома, а тотъ же ромъ не боятся безъ рюмки вливать себѣ въ чай. И въ этомъ они подчиняются тому чувству изящнаго, которымъ мы можемъ гордиться!

— То есть, кто это: „мы“?

— Современное общество.

— А!.. Значитъ, и мы всѣ въ томъ числѣ: и наша любезная хозяйка, и ея прелестная дочь?

— Всѣ, кромѣ присутствующихъ, — невозможно возразилъ ассессоръ.— Впрочемъ, какъ это мы попали на такую неистощимую тему? Ахъ, да: вы говорили о Моннѣ.. Скажите-ка мнѣ, пожалуйста, вы вѣдь, вѣроятно, раздѣляете мое мнѣніе, что одно злобное, хотъ и остроумное словцо можетъ испортить всю жизнь артисту? Вотъ и Сервантесъ давнымъ давно, въ своемъ „Выборѣ альбада въ Даганцѣ“, уже сказалъ: „Бѣдными рѣчами судья можетъ гораздо больше наказать человѣка, нежели своимъ приговоромъ, какъ бы ни было строго наказанье“.

— Изъ этого слѣдуетъ: держи всякъ языкъ за зубами, дабы не навлекъ ала на ближняго своего,—проговорила рѣзко фрейлейнъ Ридеръ.

— Мнѣ кажется,—виѣшалась въ разговоръ г-жа Терменъ,—что наше общество не дѣлаетъ и не можетъ преднамѣренно дѣлать зло. Оно шумитъ, восхищается или порицаетъ, но въ немъ нѣтъ злобы и ненависти—до того, чтобы испортить жизнь человѣку. Вы, милѣйшій ассессоръ, какъ юристъ, естественно склонны

къ подозрительности, и это нельзя вамъ поставить въ вину. Но все-таки наше общество не заслуживаетъ этой подозрительности...

Разговоръ оборвался, и фрейлейнъ Ридеръ надѣялась, что ассессоръ поднимется уходить. Но тотъ сидѣлъ, какъ прикованный, и ей оставалось самой подать примѣръ.

— Мы вмѣстѣ выйдемъ?—обратилась она къ нему, вставая.

Какъ мужчина и человѣкъ благовоспитанный, пѣвецъ долженъ былъ отвѣтить утвердительно.

— Къ вашимъ услугамъ,—любезно проговорилъ онъ.—Пора закрыть засѣданіе суда.

— Какой шутникъ!—улыбнулась она, но подъ улыбкой не могло совершенно укрыться ея озлобленіе.—А какъ вашъ голосъ, вашъ прелестный голосъ? Правда ли, что вы поступаете на сцену?

— Это для меня новость,—возразилъ ассессоръ, видимо польщенный.

— Какъ же! Объ этомъ говорятъ... и даже такіе люди, какъ, на примѣръ, графъ Гохбергъ: онъ васъ замѣтилъ.

— А! Поздравляю!—радушно воскликнула г-жа Терменъ.

— Помилуйте... Это слишкомъ любезно и... преждевременно!—отвѣчивался ассессоръ и, раскланявшись, удалился вмѣстѣ съ фрейлейнъ Ридеръ, съ которою хозяйка дома была сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно.

На улицѣ гости разошлись, и всю дорогу домой фрейлейнъ Ридеръ припоминала мельчайшія подробности минувшей бесѣды. И чѣмъ больше она ее разбирала, тѣмъ сильнѣе закипала въ ней злоба на врага: теперь ужъ не было сомнѣнія, что этотъ горе-пѣвецъ—ея лютейшій врагъ.

— Но онъ у меня берегася! Не спущу я ему ничего... не спущу!—повторяла она про себя и незамѣтно дошла до своей квартиры. Не теряя ни минуты, вынула она изъ стола свой дневникъ и поспѣшно занесла въ него результатъ своихъ послѣднихъ думъ и впечатлѣній.

„Отомстить ему... отомстить непременно!—писала она.—Держать съ нимъ ухо востро, чтобы не возбудить подозрѣній. Сегодня я увлеклась, была слишкомъ несдержанна: это глупо и неосторожно. Впредь дѣйствовать обдуманнѣе“...

„Не забыть!“—приписала она особенно тонкимъ шрифтомъ въ концѣ и подчеркнула.

Раздался короткій и самоувѣренный звонокъ.

— А, это Петроле мѣ!—догадалась она и отворила дверь.

— Ну, ты зачѣмъ?

— За деньгами!—былъ краткій отвѣтъ.

— Какъ за деньгами? Да ты получилъ за недѣлю.

— Получилъ, да не сполна: надо еще два зильбергроша.

— Это еще за чтѣ? Войди-ка, войди сюда: тутъ впору волковъ морозить!

Петролеумъ вошелъ вслѣдъ за ней въ ея бѣлую, какъ снѣгъ, спальню.

— Говорю: ты за чтѣ получаешь деньги?

— А я почему знаю? Знаю, что не все получилъ,—и только!

— Ты врешь!—крикнула ему фрейлейнъ Ридеръ. Руки у нея чесались покарать достоюльнымъ образомъ виновнаго: прибить его, испарпать... Ей особенно бросилась сегодня въ глаза дерзкая самоувѣренность его осанки и привычка не смотрѣть ей прямо въ глаза.

— Посмотри, посмотри на меня: у тебя, вѣрно, совѣсть не чиста?—горячилась она.

— Совѣсть? За нее развѣ деньги платятъ?.. А ужъ насчетъ глазъ извините: каковъ родился, таковъ я и есть! Видно, отъ роду не глядѣлъ прямо; ну, и состарюся кривоглазымъ. А все-таки, вижу, что мнѣ двухъ зильбергрошей не хватаетъ.

— Говорятъ тебѣ, что ты все получилъ въ субботу!

— Какъ угодно, а мнѣ слѣдуетъ еще два зильбергроша, и я отъ нихъ не отступлюсь. Не по праву я вамъ,—извольте искать другого, и конецъ тому дѣлу! Мальчишекъ на побѣгупкахъ сколько угодно, а въ Камерунѣ—даже черныхъ тьма тьмуцая!

Худенькій мальчишка-подростокъ, блѣдный, съ тонкими, безкровными губами, стоялъ передъ нею такъ самоувѣренно, говорилъ такъ обстоятельно и твердо, какъ будто онъ по меньшей мѣрѣ прожилъ съ полвѣка и всю жизнь только и дѣлалъ, что велъ денежные дѣла.

— А, ты еще разсуждать!—внѣ себя закричала почтенная дѣвушка и до тѣхъ поръ наступала на него, пока онъ, пятясь передъ нею, не очутился за дверью, на лѣстницѣ. Особенно бѣсило фрейлейнъ Ридеръ, что за все это время мальчишка не сморгнулъ, сохраняя невозмутимое выраженіе лица.

— Да что-жъ это такое?! Неужто и прежде простой народъ былъ такъ грубъ и самонадѣянъ?—кипятилась она.—Волей-неволей терпи дерзости всякаго негоднаго щенка, и даже еще необходимо льстить и притворяться. Ну, а тамъ... тамъ ужъ газетные слухи сдѣлаютъ свое дѣло, а противъ нихъ трудно бороться. Да, да: вотъ бы пропечатать въ газетахъ... то ли дѣло! И придраться-то невозможно!..

Она знала, что ее считают сильнѣе и зловреднѣе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности; и въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ ей еще не удавалось помѣстить ни одной замѣтки, какъ бы забориста она ни была, потому что рукописи безъ подписи не принимались въ редакціи. Но фрейлейнъ Ридеръ порѣшила не отчаиваться—до поры до времени.

IX.

Отгылъ „Кайзергофъ“.

Уже не разъ и не два упоминалось въ самыхъ распространенныхъ газетахъ о предстоящемъ концертѣ молодого, многообщающаго піаниста—Виктора Монны, который, несмотря на свои молодые годы, уже успѣлъ приобрести нѣкоторую извѣстность и на этотъ разъ подарить публику исполненіемъ еще неизграннаго русскаго „Каприччіо“. Были и объявленія, въ которыхъ обозначалось время, мѣсто и входная плата; но отзвывы не стоили и пфеннига. Объявленія же стоили большихъ денегъ, а ихъ-то и не было у Монны. Сверхъ того, ему предстояло уплатить за помѣщеніе, освѣщеніе, прислугу, билеты и афиши,—не говоря уже о томъ, во что должно было обойтись участіе другихъ артистовъ.

По счастью, у Монны былъ другъ, который и пришелъ ему на помощь. Когда понадобились деньги, Виттъ пошелъ къ Термену и просилъ его выдать ему впередъ слѣдующіе проценты съ капитала.

Но Терменъ былъ недаромъ банкиръ и, вдобавокъ, опекунъ Витта: онъ спросилъ, для чего ему понадобилось столько денегъ? На это поэтъ откровенно объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— А, такъ вотъ оно что! Вы хотите поддержать друга? А я-то ужъ думалъ, что такихъ друзей въ наше время не бываетъ! Только смотрите, молодой человекъ, держите ухо востро съ этими артистами: это такой народъ!.. Впрочемъ, люди вообще бываютъ двухъ родовъ: одни любятъ копить, а другіе—сорить деньгами. Къ которымъ изъ нихъ принадлежатъ люди, затрачивающіе чужія деньги,—я думаю, мнѣ нечего вамъ пояснять. Скажу только одно, что вамъ не мѣшало бы побольше думать о себѣ и не тратить, такъ сказать, своего капитала безъ надежды получить съ него проценты.

— А кто же вамъ сказалъ, что у меня надежды нѣтъ?—перебилъ его Виттъ.—Какъ только окончится концертъ Монны, онъ засядетъ за сочинительство и положитъ на музыку мои пѣсни. Да

я и безъ того многимъ ему обязанъ. Онъ вѣдь не допустилъ меня впасть въ отчаяніе; не я—его, а онъ—меня поддержалъ, когда сказалъ, что я не долженъ считать себя бездарнымъ... какииъ я, въ сущности, можетъ быть, и есть...

— „Въ испанцахъ гордость я люблю“,—продекламировалъ, шутя, банкиръ.—Но шутки въ сторону: отчего вы намъ до сихъ поръ не прочли ни одного изъ вашихъ стихотвореній? Наши дамы тоже любятъ стихи!

— О, для чтенія вслухъ мои пѣсни слишкомъ слабы, незначительны: имъ не хватаетъ музыкальной иллюстраціи, и ее-то мнѣ дастъ мой другъ Монна.

— Что за бѣда, что они слабы! А вы все-таки съ ними приходите,—настаивалъ Термень, и, пожалуйста, когда вамъ вздумается, за-просто, не дожидая приглашенія...

Виттъ съ удовольствіемъ выслушалъ своего опекуна, благодарилъ за радушіе и чистосердечно согласился имъ воспользоваться: Что же касается его отношеній къ Моннѣ, ничто не могло поколебать его вѣру въ талантъ друга.

— Увѣрены ли вы, что вашъ другъ непременно создастъ что-либо хорошее и приобрететъ извѣстность?—говорилъ Термень.

Но Виттъ только жалостливо улыбнулся на его сомнѣнія.

— О, Монна будетъ знаменитостью!—убѣжденно воскликнулъ онъ.

И никто не могъ его разувѣрить, какъ бы худо ни говорили о его другѣ.

По вечерамъ весь артистическій мірокъ сходился въ кафѣ отеля „Кайзергофъ“, и бесѣда, главнымъ образомъ, вертѣлась вокругъ вопросовъ дня—выставокъ и концертовъ. Пѣвцы разбирали по восточкамъ и осуждали пѣніе, тонъ, манеру, произношеніе артиста; пианисты—игру и ея подробности: тушѣ, бѣглость и выразительность. Композиторы находили, что музыка не соответствуетъ мысли, что она вообще слаба и неоригинальна. Каждый изъ критиковъ былъ того мнѣнія, что онъ выполнилъ бы данную задачу несравненно лучше самого ея автора. Даже признанныхъ гениевъ,—всѣхъ, начиная съ Баха и кончая Ромеромъ,—здѣсь безжалостно разбирали по восточкамъ и ухитрялись находить въ нихъ непростительныя погрѣшности. Знавшіе порядки этого кафе и особенности его посѣтителей называли его въ насмѣшную кафѣ „Тщеславія“. Но зато, если всѣ его посѣтители хвалили что-либо горячо, единодушно,—хоть это и рѣдко случалось,—можно было съ увѣренностью сказать, что это нѣчто дѣйствительно выдающееся, прекрасное.

Въ числѣ завсегдатаевъ былъ также и пѣвецъ-ассессоръ, неизмѣнно ругавшій всѣхъ теноровъ на свѣтѣ, потому что у него самого былъ теноръ. Какъ бы ни спорили съ нимъ, какъ бы очевидны ни были доказательства противнаго, онъ стоялъ на своемъ, что высокое *do* и *do-diez* никто изъ знаменитостей не возьметъ такъ чисто и свободно, какъ онъ самъ.

Галлерштейнъ, пианистъ, однако, утверждалъ, что ассессору еще ни разу это вполне не удавалось... Впрочемъ, говорилось это только въ отсутствіи пѣвца, а въ прочее время Галлерштейнъ больше всего говорилъ о самомъ себѣ и о своемъ желаніи поразить публику совершенно новыми музыкальными эффектами и тѣмъ превзойти Берліоза, Листа и Вагнера. Всѣмъ и каждому рассказывалъ онъ, что ужъ нѣсколько лѣтъ день и ночь работаетъ надъ величественной симфонической драмой подъ названіемъ: „Землетрясеніе“.

Эбербергъ, специально занимавшійся разработкой и примѣненіемъ октавъ, уже успѣлъ напечатать свой „Opus I“ — „Привѣтъ арфы“, и всѣмъ уши прожужжалъ, повторяя безъ умолку, что получилъ за него баснословный гонораръ.

Друзья-пріятели не щадили и Монну. Они признавали за нимъ замѣчательную разработку бѣглости, но его композиторскій талантъ бранили на чемъ свѣтъ стоитъ; увѣряли, что дарованія въ немъ нѣтъ никакого; что лучшія мѣста своей „Охотничьей фантазіи“ онъ просто-на-просто цѣликомъ выкралъ изъ старинныхъ, мало извѣстныхъ сонетовъ и симфоній.

Виттъ чувствовалъ себя въ этомъ обществѣ чужимъ, сиротинкой и почти ребенкомъ. Но мало-по-малу Виттъ нѣсколько присмотрѣлся къ нему; тѣмъ болѣе, что музыканты и композиторы смотрѣли на него съ уваженіемъ и предупредительностью: Монна представилъ его какъ поэта-лирика, который пишетъ тексты для музыкальныхъ сочиненій. Тексты могли имъ очень пригодиться, и каждый, — не исключая даже и ассессора, — желалъ бы быть безраздѣльнымъ обладателемъ такой рѣдкости, какъ незаграничные пѣсни и романсы.

— Публика любитъ разнообразіе, — говаривалъ онъ. — Ей подавай новинку за новинкой. Посмотрите-ка, какъ ломится она на первыя представленія: это наилучшее доказательство ея жадности ко всему новому, еще неизвѣстному.

— Пустяки! — возражалъ ему одинъ изъ присутствующихъ: — не изъ любви къ новизнѣ, а просто изъ любопытства, или отъ нечего дѣлать, идетъ толпа на первыя и на другія представленія.

— Васъ вѣрно забавляетъ, что бездѣйствующая публика без-

жалостно прохаживается насчетъ беззащитнаго автора?—возразилъ Монна, который терпѣть не могъ этого завсегдатая кафе, не принадлежавшаго къ числу артистовъ.

— Кто платитъ, тотъ имѣетъ право высказывать свое сужденіе. Такъ ли я говорю, ассессоръ?

— Да, къ сожалѣнію. Театръ—удовольствіе слишкомъ дорогое для настоящихъ его знатоконъ и цѣнителей; а до сихъ поръ еще не доказано, что можно золотые мѣшки считать знатоками музыки и искусства только потому, что владѣльцы ихъ богаты.

— А я всегда скажу, что искусство должно имѣть цѣлью—правиться тѣмъ, кто можетъ за него платить,—замѣтилъ Эбербергъ:—ну, какой прокъ изъ того, что кто-то тамъ, дѣйствительно, великій композиторъ и артистъ, но сочиняетъ только *стихомолку*...

— Втихомолку?!—удивленно переспросилъ Витъ.

— Ну да, онъ сочиняетъ, и сочиняетъ прекрасно, но его никто не играетъ, не поетъ. И это ужъ такъ всегда, непремѣнно, когда люди берутъ примѣръ со старинныхъ, такъ-называемыхъ классическихъ авторовъ, уже устарѣлыхъ, прискучившихъ публикѣ. Напротивъ того, все пріятное, нѣжное и изящное...

— Размазня!..—насмѣшливо подсказалъ Монна.

— Ну, и пусть размазня! Вы себѣ смѣйтесь, сколько душѣ угодно, а я все-таки имѣю заказы отъ издателя, чѣмъ вы никто не можете похвастать!—возразилъ спокойно Эбербергъ.—Слава Богу, на мою размазню есть и будетъ спрос!

— Полно, оставимъ это!—сухо прервалъ его Монна.—Вотъ лучше спросимъ Галлерштейна, какой инструментъ онъ еще прибавилъ къ своему „Землетрясенію“.

— Какой? Какой?—заговорилъ Галлерштейнъ.—Разные тамъ будутъ инструменты. На первый планъ я ставлю гармонизацію и инструментовку; мелодія, по моему, дѣло второстепенное. Нельзя же не признать, что съ теченіемъ времени хорошіе, пріятные и поразительные для слуха переходы становятся все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Поэтому я въ своей драматической картинѣ введу стenanье погибающихъ, отчаянье и крики задыхающихся подъ рухнувшими глыбами земли и построекъ. Умирающіе по всѣмъ правиламъ ритмичности и контра-пункта—неестественны! Въ такія минуты каждый думаетъ и дѣйствуетъ самъ по себѣ: мечется, кричитъ и забываетъ обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ угрожающаго ему конца...

— Но развѣ это музыка?—вставилъ словечко Эбербергъ.

— Заглянемъ еще глубже, — продолжалъ, не слушая его,

Галлерштейнъ.—Наши чувства, нашъ умъ—сильно избалованы: имъ нужны болѣе возбуждающія впечатлѣнія. Глазамъ нашимъ, которые прежде довольствовались масляными лампочками, теперь мало и газоваго свѣта. Наши уши способны выносить такой грохотъ, такія неблагозвучія, отъ которыхъ прежніе композиторы пришли бы въ безграничный ужасъ. Прежде уменьшенная септима считалась преступленіемъ; теперь—слѣдованіе цѣлаго ряда уменьшенныхъ септимъ никого не удивить. Что прежде считалось яркимъ и красивымъ, то нынче поблѣднѣло, потускнѣло передъ электрическимъ свѣтомъ... Но въ наше время, кто поинтересуется раскапывать сокрытыя совершенства? Всякій замѣтитъ только то, что само бросится ему въ глаза, что его поразитъ...

— Мнѣ казалось, что музыка, это—сама радость, воплощенная въ звуки,—робко вмѣшался Виттъ.

— Милый мой стихотворецъ! Это понятіе устарѣло, и вы бы сами въ этомъ убѣдились, еслибы занимались музыкой,—замѣтилъ Монна поучительнымъ тономъ.

— Да я бы и теперь еще готовъ учиться музыкѣ...

— Опоздали, другъ любезный! Было бѣ учиться съ дѣтства, а теперь проку не будетъ: все равно, техники вамъ не развить!

— Да мнѣ и не надо! Лишь бы играть для своего удовольствія и знать толкъ въ музыкѣ.

— А я вамъ ужъ и учительницу нашель,—подхватилъ Эбербергъ.—Это фрейлейнъ Альтъ; ей, бѣдной, это будетъ встать,—ея дѣла идутъ такъ плохо!

— Ну, чего ради обязанъ нашъ стихотворецъ швырять деньгами?—перебилъ недовольно Монна; но Виттъ не сталъ его слушать и взялъ у Эберберга адресъ учительницы, разжалобившись тѣмъ, что она нуждается въ урокахъ.

Обыкновенно высшей точки возбужденія достигала бесѣда завсегдаевъ-артистовъ послѣ нѣкотораго возліанія. Большинство присутствующихъ чувствовало тогда особый приливъ энергіи и увѣренности въ себя, въ своемъ дарованіи, и, отуманенный винными парами, каждый видѣлъ себя въ лучезарномъ сіяніи славы и почестей. Не избѣжалъ общей участи и поэтъ Виттъ. Онъ хотъ и не могъ пить много и долго, но, подъ вліаніемъ возбужденія, тоже предавался мечтамъ, которыя и сообщалъ тому или другому изъ своихъ новыхъ друзей. Какъ дитя, поддавался онъ приливу энергіи и съ дѣтскимъ простосердечіемъ повѣрялъ всѣ свои надежды и намѣренія людямъ, которые, въ сущности, только потому и слушали его, что видѣли, что онъ имъ не соперникъ. Но вино ему было вредно. Онъ просыпался на утро какъ избитый, и ду-

шой, и тѣломъ. Голову ломило, сердце болѣзненно ныло и глубокое уныніе и безнадежность овладѣвали имъ, вмѣсто недавнихъ надеждъ и энергіи. И все, что ему наканунѣ казалось такимъ прекраснымъ и возможнымъ, теперь являлось для него недостижимымъ; обычная робость и неувѣренность въ себѣ возвращались къ нему въ еще болѣешихъ размѣрахъ, и то, что ночью представлялось такимъ желаннымъ, поэтическимъ и талантливымъ, на утро теряло въ его глазахъ всякую цѣну и ужъ больше не мило его.

Монна привыкъ къ излишествамъ, и это не вредило ему: онъ только спалъ дольше обыкновеннаго и вставалъ какъ встрепанный.

— А скажите, пожалуйста, — обратился вдругъ къ нему Гельмъ, завсегдатай кафе, не артистъ. — Что могутъ вамъ стоить рекламы для концерта?

— Это не трудно подсчитать, если это васъ такъ интересуетъ: цѣны построчно стоятъ въ заголовкѣ каждой газеты, — уклончиво отвѣчалъ Монна.

— Однако, я думаю, за то, чтобы васъ порицать, съ васъ не должны бы брать ни пфеннига? — полу-вопросительно произнесъ Гельмъ.

Монна вспыхнулъ какъ зарево. Ему хорошо была извѣстна страсть Гельма исподтишка и подъ видомъ сочувствія сказать чело-вѣку непріятное и вызвать его на раздражительное откровенничанье.

Пианистъ смолчалъ, но Виттъ уже пылалъ негодованіемъ:

— Кто? Кто осмѣлился оскорбить его, порицать, унижать?

— Тотъ, кто благоразумно утаилъ свое имя, какъ и водится, — усмѣхнулся Гельмъ. — Я, было, не хотѣлъ вамъ показывать, но если вы ужъ такъ настаиваете... Вотъ, извольте! — и онъ протянулъ стихотворцу газетную вырѣзку, которую вынулъ изъ кармана.

Едва заглянувъ въ нее, Виттъ воскликнулъ:

— Какая мерзость! — и, въ свою очередь, подалъ ее Моннѣ.

Монна пробѣжалъ ее глазами и разорвалъ въ клочки.

— Я въ концертѣ своемъ покажу, что умѣю играть Бетховена, что я не простой *рубака*, какъ говорить эта гаденькая газетка! — горячился онъ.

— Какая газетка?

— Ахъ, да почему же я знаю: какая! Ужъ вѣрно одна изъ тѣхъ, которымъ я не давалъ печатать объявленій. Ну, вотъ, со злости, она и задѣваетъ меня!

— Ну, однако, эту „гаденькую газетку“ читаютъ всѣ, благодаря ея французскому пошибу: легкости, остроумію и... ѣдкости.

Это—„Время“, самая крупная и распространенная изъ берлинскихъ газетъ.

— Вы говорите... благодаря остроумію? Остроумію?! А! такъ, по вашему, это остроумно—шельмовать артиста? По моему, это значитъ—подрывать его успѣхъ! Наконецъ, кто вознаградитъ меня за убытки, если такая клевета разгонитъ мою публику, напугаетъ ее до того, что она и вовсе на концертъ не пойдетъ? Ужъ, конечно, не ваша распространенная газета!

— Критики вольны критиковать кого и сколько имъ угодно, — пояснилъ ассессоръ. Оскорбленіе, нанесенное критикой артисту, не можетъ подлежать суду, т.-е., собственно, не можетъ имѣть послѣдствій, въ смыслѣ удовлетворенія. Еслибы, напримѣръ, кто незаслуженно хулилъ работу башмачника, съ того непремѣнно взыщутъ судебнымъ порядкомъ за подрывъ въ торговлѣ, но между артистомъ и частнымъ лицомъ—большая разница.

— Частнымъ лицомъ?.. А если оно не названо, какъ же можетъ оно явиться на судъ?

— Вы кого-либо подозреваете?

— О, нѣтъ. Но вѣдь что-нибудь да должно же значить такое сообщеніе въ газетахъ? Читали вы сегодняшній номеръ? Кельнеръ! Сегодняшнее „Время“... если оно свободно!

Газета оказалась свободна, и вотъ что въ ней стояло, вотъ что прочелъ Виттъ пріятелямъ вслухъ:

„Θемида и искусство“.

„За послѣднее время не разъ и не два приходится намъ слышать жалобы на то, что молодые и многообѣщавшіе юристы, поражающіе въ университетѣ своимъ острымъ и явительнымъ умомъ, не сдержали своихъ обѣщаній. Таковъ выводъ, напримѣръ, можно сдѣлать изъ того, что молодой юристъ не столько стремится разбирать судебныя дѣла, сколько прельщать людей своимъ пѣніемъ. Какъ это ни странно, а между тѣмъ это—фактъ. Гляди на него, можно принять его скорѣе за странствующаго пѣвца, поющаго за деньги, нежели за жреца Θемиды. Вмѣсто того, чтобы стараться пополнять свои университетскія познанія, онъ силится соперничать съ оперными пѣвцами. Достойно ли наказанія такое стремленіе—не намъ судить; но слушатели его уже достаточно наказаны“...

— А что? Вѣдь довольно-таки ѣдко?—спросилъ Гельмъ.

— Слишкомъ плоско,—замѣтилъ ассессоръ.—Будетъ съ насъ этой прелести!

— Но дальше пойдетъ еще лучше,—настаивалъ Гельмъ.

— Довольно!—рѣшительно проговорилъ Монна, но ассессоръ взялъ въ руки газету и прочелъ ругательную статью до конца. Для него было ясно, что неизвѣстный мѣтитъ въ него, и потому онъ спокойнымъ тономъ обратился къ присутствующимъ

— Я знаю прекрасно, на кого это написано, но кто написалъ эту подлость—этого я не знаю! Пусть только мнѣ еще разъ попадетъ „Время“ подъ-руку, и тогда... увидимъ! Однако, господа, пора бы и по домамъ. Кому со мной по дорогѣ?

Х.

ЗА-ПРОСТО.

Виттъ вспомнилъ приглашеніе Термена побывать у нихъ „за-просто“, и какъ-то вечеромъ, въ будни, откликнулся на него.

До сихъ поръ онъ видѣлъ только приемныя, залы и гостиныя банкира; въ этотъ же разъ лакей провелъ его въ первый этажъ, гдѣ помѣщались жилые покои. Ему почему-то казалось, что у Терменовъ каждый день долженъ проходить какъ праздникъ, и его удивило, что большія, красивыя сѣни освѣщены лишь настолько, сколько было необходимо, чтобы не остаться впотьмахъ и не споткнуться на лѣстницѣ. Люстры висѣли уныло, безъ огня, а матовые стеклянные цвѣты, въ которыхъ тогда горѣло электричество, какъ-то безжизненно выдѣлялись теперь на мраморныхъ стѣнахъ залы. Во время большихъ празднествъ эти стѣны раздвигались, и такимъ образомъ зала непосредственно соединялась со столовой. Яркіе, пестрые ковры словно поливали въ полутьмѣ наступившихъ сумерекъ, а гобелены висѣли по стѣнамъ будто посыпанные пепломъ. Вездѣ было тихо, безмолвно: ни музыки, ни пѣнія, ни звона бокаловъ, ни смѣха и говора, сливающегося въ общій нестройный и оживленный гулъ. Только высокіе старомодные часы, прихрамывая, тикали не переставая и безъ усталости, но съ запинкой, и что-то рассказывали сами себѣ подъ-нось. Безъ нихъ вся сумрачная и безмолвная обстановка большихъ глубокихъ комнатъ непремѣнно навѣяла бы впечатлѣніе чего-то полумертваго, таинственнаго... Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Виттъ, подымаясь по лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ: ему казалось, что изъ этого дома куда-то безвозвратно исчезли и радость, и малѣйшіе признаки жизни. Еслибъ его въ эту минуту спросили, не хочетъ ли онъ поселиться въ этомъ богатомъ, красивомъ домѣ, онъ бы, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это какой-то полумертвый домъ!..

Но наверху, въ жилыхъ покояхъ, было зато свѣтло и уютно. Здѣсь самъ банкиръ отвоевывалъ себѣ у архитектора каждую изъ мелочей, противъ которыхъ возставалъ *показной* вкусъ послѣдняго.

Здѣсь не было ничего бьющаго въ глаза, ничего „показнаго“: Термень твердо стоялъ на своемъ и даже бранился, отстаивая свое убѣжденіе, что самый дорогой и изящный стулъ—будь онъ расписанъ хоть самимъ Альбрехтомъ Дюреромъ—никуда не годится, если на немъ сидѣть неудобно.

— Не то мнѣ дорого въ каждой вещи,—говорилъ онъ:—что она у меня есть; а то, что она можетъ быть мнѣ полезна. Неудобный стулъ—мой личный врагъ и лишняя, непригодная вещь.

Дома были только дамы, которыя и оказали Витту самый милый, радушный приемъ. Онѣ были тепло, но просто одѣты, совсѣмъ по домашнему и отдыхали отъ безпрестанныхъ выѣздовъ и баловъ. Онѣ были рады его приходу; имъ было пріятно поболтать и послушать гостя, пока, до обѣда. А тамъ—опять немножко послушать, немножко поболтать, поужинать слегка и спать, спать побольше и, главное, подольше! Таковы были ихъ заманчивые планы на этотъ день полнаго отдыха и тишины.

Торжественной, салонной натянутости не было и помину: ее забросили тамъ гдѣ-то внизъ, въ полутемныхъ залахъ и пріемныхъ. Разговоръ шелъ бойко, непринужденно, и это было особенно по-сердцу молодому поэту, который не искалъ красивыхъ и выразительныхъ словъ и не взвѣшивалъ предварительно каждую свою мысль, какъ это дѣлалъ обыкновенно изъ робости. Рѣчь его текла плавно и безхитростно, отчего, конечно, она выстривала въ оборотахъ и въ выраженіи. Въ кабинетѣ Термена было свѣтло и тихо; какъ-то особенно привѣтливо освѣщали лампы большой круглый столъ и разставленные вокругъ него стулья, сдѣланные по указаніямъ самого Термена.

— А случалось вамъ быть въ Миланѣ? — между прочимъ, спросила Гизела.

— Нѣтъ, никогда. Да я и не жалѣю объ этомъ,—возразилъ Виттъ. — Я боюсь, что его роскошная краса можетъ ослѣпить меня и сдѣлать менѣе отзывчивымъ къ скромнымъ прелестямъ моего родного края; а разочароваться въ немъ я ни за что бы не хотѣлъ.

— Такъ вы не ослѣпляйтесь!—засмѣялась молодая дѣвушка.

— О, впечатлѣнія частенько дѣлаютъ изъ меня все, что угодно! И, наконецъ, гдѣ найти силы противиться чарующему дѣйствию волшебнаго прекраснаго, вѣчно юнаго юга? Посмотрите,

какія похвалы расточаютъ ему нѣмцы, вернувшись домой; и тѣмъ больше его восхваляютъ, чѣмъ хуже и презрѣннѣе кажется имъ тогда ихъ собственная родина... Я тоже побывалъ за границей и подымался въ Парижъ на Эйфелеву башню. Конечно, высоко это твореніе рукъ человѣческихъ, красивы его чугунныя рѣшетки; но выше и прекраснѣе ихъ синее небо и его легкія бѣлыя облачка. И это небо, раскинувшееся надъ зеленымъ лугомъ, и бѣлыя цвѣты, выглядывающіе изъ пушистой травы, говорятъ моему чувству прекраснаго несравненно больше, чѣмъ высокіе желѣзные столбы и рѣшетки, которыя оставляютъ меня хладнокровнымъ...

— А что говорятъ вамъ цвѣты и луга? Расскажите-ка намъ! — попросила Гизела.

Виттъ смутился; на него опять напала его обычная робость. Ему почудилась вдругъ грозная тѣнь учителя, знатока молоссовъ и трибрахіевъ, и онъ молча взглянулъ на молодую дѣвушку, словно прося разрѣшенія умолчать объ этомъ.

— Это маленькая, простенькая пѣсенка, — наконецъ проговорилъ онъ. — Она не стоитъ вниманія... Тѣмъ болѣе, что музыки въ ней не хватаетъ... и это еще болѣе вредитъ впечатлѣнію...

— О, пустяки! музыку мы можемъ сами себѣ представить... Читайте же скорѣе! У васъ есть талантъ, — замѣтила г-жа Терменъ.

— О, помилуйте, вы слишкомъ снисходительны!

— Нисколько. Намъ сказалъ Монна: онъ напишетъ къ нимъ музыку.

— А я ихъ спою! — подхватила Гизела.

Виттъ не чувствовалъ себя отъ радости: его мечты, его заветныя надежды готовы осуществиться! Его пѣсни оживутъ, украсятся пѣвучими, чарующими звуками музыки.

— Самыя лучшія свои пѣсни напишу я для васъ! — воскликнулъ онъ въ искреннемъ порывѣ. — Для кого-нибудь писать стихи особенно отрадно!

— И вы ихъ всегда заранѣе кому-нибудь предназначаете?

— Нѣтъ, то-есть, да: мнѣ всегда представляется, что кто ихъ прочтаетъ, тотъ ихъ и споетъ; и такъ именно споетъ, какъ того требуетъ ихъ содержаніе. Но я этого *тыща* не знаю, и только могу мечтать о томъ, что онъ найдется... Иной разъ на меня вдругъ нападаетъ ощущеніе чего-то безнадежнаго, мертвеннаго; мнѣ начинаетъ казаться, что моимъ пѣснямъ суждено непременно умереть, угаснуть, не успѣвъ разгорѣться, потому что никто не замѣтитъ ихъ, не сжалятся надъ ними. И тогда мои пѣсни не вьются, утопаютъ въ печали... Но стоитъ только кому-нибудь по-

желать ихъ услышать, — и откуда только онѣ возьмутся! Такъ и заляются онѣ, защебечуть, какъ вешнія пташки, которыя всю ночь, до зари, заливаются, ливуютъ, что солнце вернулось.

Увлекаясь какъ дитя, Виттъ предавался вслухъ своимъ излюбленнымъ мечтамъ. Щеки его покрылись нѣжнымъ румянцемъ, и еще бѣлоснѣжнѣе казались его высокой лобъ и виски, отъбвенные прядями волнистыхъ волосъ.

Гизела не сводила съ него глазъ, а мать ея съ замѣтнымъ удовольствіемъ прислушивалась къ безхитростнымъ, горячимъ рѣчамъ, которыя были для нихъ совершенной новинкой. Онѣ были обѣ такъ удивлены, такъ озадачены, что не нашлись ничего сказать, когда онѣ замолчали. Мать думала о томъ, что мужъ еще такъ недавно хвалилъ ей Витта и готовъ былъ остановить на немъ свой выборъ. Она была съ нимъ только въ томъ несогласна, что для нея богатство и счастье были чѣмъ-то нераздѣльнымъ, а поэтъ не отвѣчалъ первому изъ этихъ требованій. Но и она желала полного счастья своей единственной дочери, и потому, поглядывая на Витта, невольно чувствовала, что его простота и дѣтски-милая чистосердечность — большая притягательная сила.

„Онъ малъ и красивъ... Надо съ нимъ быть осторожнѣе!“ — подумала она про себя и любезно прибавила вслухъ:

— Ну, такъ что же? Неужели мы получимъ отказъ?..

— О, нѣтъ! Вотъ я вамъ сейчасъ прочитаю:

„Невѣрная“.

И тихимъ, прочувствованнымъ голосомъ полились его рѣчи, безыскусственныя и полныя сердечной тоски...

— Вы, вѣрно, сами на себѣ испытали ея невѣрность? — шутливо, но въ сущности не шпроста сказала г-жа Термень.

— Нѣтъ! — открыто признался Виттъ. — Но, мнѣ кажется, я не пережилъ бы такого несчастья: я бы до смерти затосковался! Еслибъ я полюбилъ, то полюбилъ бы всей душою, всѣмъ сердцемъ своимъ — и еслибы мнѣ отказали въ любви, измѣнили бы мнѣ, — и сердце во мнѣ замерло бы, утихло на вѣкъ, вмѣстѣ съ жизнью!

— Да кто вамъ это сказалъ? — начала Гизела.

— Никто: я самъ это чувствую! — и онѣ удивленно вскинулъ на нее широко раскрытыми глазами. — О, я знаю много такого, чего объяснить не могу; но оно выливается иногда неожиданно въ пѣсняхъ, — какъ неожиданно налетитъ и унесетъ насъ въ мечтахъ далеко отсюда прелестъ чарующаго, животворнаго майскаго дня!..

И Виттъ, самъ для себя неожиданно, прочелъ съ увлеченіемъ

дѣй длинныхъ красивыхъ строфы, въ которыхъ воспѣвался невольный, внезапный порывъ любви и счастья.

Онъ закончилъ, рдѣя словно красная дѣвица, и умолялъ, испугавшись, что непрошенно навязываетъ другимъ свое стихотвореніе... Вдругъ молчаніе перебила Гизела.

— Вотъ и на меня такъ же налетитъ любовь, и охватитъ меня, и мнѣ будетъ отрадно! — вырвалось у нея съ искреннимъ увлеченіемъ.

— Гизела! — вполголоса остановила дочь г-жа Терменъ.

Молодая дѣвушка задумчиво откинулась на спинку стула, и тѣнь небольшого абажура помогла ей скрыть румянецъ, какъ заревомъ залившій ея щеки.

И въ самомъ дѣлѣ: — ну, можно ли такъ неосторожно касаться такихъ щекотливыхъ вопросовъ съ постороннимъ человекомъ! Молодая дѣвушка застыдилась, и оба продолжали неловко молчать.

— Пока мы еще не знаемъ навѣрное, какъ долго пробудемъ въ Миланѣ. Одно только вѣрно, — что мы скоро ѣдемъ: дадимъ здѣсь еще одинъ прощальный вечеръ — и ѣдемъ на югъ, гдѣ Гизела можетъ всецѣло предаться своей мечтѣ, — служенію искусству!

Въ голосѣ г-жи Терменъ слышались рѣшительныя и словно отрезвляющія нотки, которыхъ Виттъ не могъ не замѣтить; и онъ только-что принялся ломать себѣ голову надъ вопросомъ: къ чему бы онѣ могли относиться, — какъ вошелъ Терменъ, извиняясь, что неотложныя дѣла такъ некстати его задержали.

Первой новостью, которую онъ рассказывалъ, былъ возрастающій успѣхъ газеты „Время“.

— Съ нѣкоторыхъ поръ, хотя подписчиковъ у нея и не прибавилось, но ровничные №№ продаются просто нарасхватъ: въ ней появились неизвѣстно кѣмъ доставляемыя статейки, очень бойкія, или вѣрнѣе, злыя, на которыя публика бросается, какъ муха на сахаръ. Оставивъ въ сторонѣ настоящую оцѣнку такого приѣма газеты, можно, однако, съ достовѣрностью сказать, что ее ожидаетъ матеріальный успѣхъ: о ней — худо ли, хорошо ли — заговорили; ее замѣтили, — и этого уже довольно! Конечно, одного такая ябедная статейка задѣнетъ, обидитъ, обозлитъ кого-нибудь, а зато въ десятыхъ возбудитъ злорадство, зародышъ котораго таятся въ глубинѣй человеческой природы. Напримѣръ, жена моя и дочь, я знаю, не могли бы видѣть равнодушно, какъ индѣецъ истязаетъ свою безпомощную жертву, привязанную къ поворному столбу; но ѣдкую, несправедливую и вредную статью онѣ прочтутъ съ удо-

вольствіемъ и безъ приступовъ жалости, потому только, что она ловко, остроумно написана!..

— Терменъ!!..

— Папа!..

— Да, да: не возмущайтесь! Такова ужъ подкладка человеческой души и я этимъ вовсе не хочу сказать, что отъ того она чернѣе... Только еще одно я позволю себѣ замѣтить, что артисту и поэту, или вообще послѣдователю искусства, надо закалить свои нервы и не возмущаться нападками озлобленныхъ и навѣрно тщеславныхъ авторовъ такихъ недостойныхъ пасквилей.

— Слышите, чтѣ онъ говоритъ?—обратилась къ поэту г-жа Терменъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ Гизела рѣшила посвятить себя искусству, отецъ всячески старался показать ей эту „тернистую стезю“ въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ, чтобы отбить охоту. Но ему не удастся и, конечно, „никогда“ не удастся поколебать ея рѣшимость. Не правда ли, дитя: вѣдь не удастся?

— Конечно, мамъ!—твердо воскликнула Гизела.—Я буду вѣрна искусству!

Отца поразило что-то особенное въ ея голосѣ, и онъ спросилъ:

— Гизела! дитя! Что это значитъ?..

— Видишь-ли, г-нъ Виттъ читалъ намъ свое стихотвореніе, въ которомъ говорится, что невѣрность нельзя снести,—она убиваетъ медленно, но неуклонно;—такъ онъ и самъ говоритъ. Если я измѣню искусству,—повѣрь мнѣ, папа: я этого не переживу и умру съ тоски!..

— Полно, дитя!—Ты, кажется, въ трагедію пустилась?—насмѣшливо, но добродушно перебилъ ее отецъ.—Ступай себѣ, если хочешь, пускайся въ открытое, бурное море, посчитайся съ нимъ и научись цѣнить свою тихую, беззаботную жизнь. Ты самолюбива и твоему самолюбію показалось тѣсно въ небольшомъ, замкнутомъ кружкѣ: оно рвется на просторъ; но тамъ встрѣтитъ его суровая, еще неизвѣданная дѣйствительность и полное, безжалостное равнодушіе, холодность... А ничего нѣтъ на свѣтѣ ужаснѣе равнодушія... для самолюбиваго и честолюбиваго человѣка, непривычнаго артиста!

— Ахъ, папа, чтѣ ты!—жалобно взмолилась Гизела.—Мы все время такъ мило тутъ болтали, а ты вотъ опять нападаешь на влосчастное искусство и на артистовъ!

— Нисколько, я даже имъ очень сочувствую... вотъ хоть бы, напримѣръ, нашему молодому другу. Вы имъ читали стихи, а меня позабыли? Не найдется ли и для меня что-нибудь подходя-

щес?—привѣтливо проговорилъ хозяинъ дома, и гость такъ же привѣтливо откликнулся:

— Отчего же?.. Хотите, я вамъ прочитаю своего „Бездѣльника“? Между прочимъ будъ сказано, этотъ бездѣльникъ—я самъ, то-есть, собственно говоря, мы съ нимъ однихъ правилъ... Прикажете?

— Пожалуйста!

И Виттъ, отбросивъ всякое смущеніе, продекламировалъ:

— Бездѣльникъ! Безъ дѣла шатаешься ты;
 Все строишь ты замки, разводишь мечты...
 Гдѣ дѣлся твой плугъ? Пройдена ль борозда?
 — „Мнѣ все недосугъ... Я усталъ бы тогда!“
 — Въ зеленомъ бору ты разгвѣнишься тутъ,
 А въ полѣ,—поди,—люди спинушку гнутъ!
 Вотъ осень пройдетъ: время близко къ зимѣ...
 Припасъ ли ты чтд, заработалъ себѣ?—
 — „Зима не страшна мнѣ! Пусть все отцвѣтеть;
 Пусть пташки умолятъ и листь опадеть;
 Пусть вьюга сугробами свѣгъ намететь...—
 Зима, словно мигъ, для меня промелькнетъ!
 Я вновь о веснѣ буду сладко мечтать,
 Безъ скуки зимой буду дни коротать.
 Весной зацвѣтеть, оживится все вновь;
 Соловко зальется, споетъ про любовь;
 На майскія розы смотреть—не устать!..
 Весенніе дни къ намъ вернутся опять!“

Насмѣшливая улыбка на губахъ Термена мало-по-малу пропала и онъ уже внимательно дослушалъ „пѣсенку“ до конца. Основная мысль, какъ нѣчто живое, бодрящее, повидимому, понравилась ему, а Гизела даже захлопала въ ладоши.

— Мнѣ и самому хотѣлось бы зимой не думать о зимѣ, а вспоминать лишь о томъ, что ее смѣнитъ „свѣтлый“ май,—замѣтилъ Термень.—Да нервы, проклятые, такъ расходятся къ веснѣ, что не даютъ покоя... а отдохнуть беззаботно,—вотъ, какъ вашъ „бездѣльникъ“,—право бы не мѣшало!

— Успѣешь еще отдохнуть! Ты не старикъ,—проговорила г-жа Термень.

— Когда же, по твоему, я буду старикомъ?—Когда мнѣ перевалитъ за шесть десятковъ? Зачѣмъ же мнѣ еще такъ долго себя мучить? И наконецъ, на чтд уходятъ у насъ наши лучшіе годы? На борьбу съ жизнью, на стремленіе обезпечить себѣ кусокъ хлѣба! Развѣ еще до старости мы не приобретаемъ право

отдохнуть, пользоваться возможностью побездѣльничать и полѣниться?

— Однако, нельзя же всѣмъ быть бездѣльниками!—возразила г-жа Термень.

— Но я бы *хотѣла* быть бездѣльникомъ,—проговорилъ ей мужъ. Я бы съ наслажденіемъ полюбовался на майскіе дни, на пышныя розы, хотя бы это стоило мнѣ немало настоящихъ, звонкихъ червонцевъ!

Лакей вошелъ доложить, что кушать подано, и все общество перешло въ столовую. Въ присутствіи слугъ господ болтали весело и непринужденно о болѣе нейтральныхъ предметахъ: о послѣдней „злюбъ дня“, о театрѣ, музыкѣ и живописи; о свѣтскомъ обществѣ и о его выдающихся представителяхъ. Въ заключеніе, Гизела потребовала, чтобы молодой поэтъ непременно былъ ея сосѣдомъ за столомъ и взяла съ него слово, что на слѣдующій разъ онъ принесетъ свою карточку и свои новыя пѣсни.

Прощаясь съ нимъ, она тихо прибавила:

— Нѣтъ: „двѣ“ карточки! Одну намъ въ альбомъ, а другую— для меня. И пѣсни... только для меня одной!

XI.

ВѢТТЬ ОБРАЗУЕТСЯ.

Концертъ Монны, наконецъ, состоялся и прошелъ вполне благополучно.

Публики было столько, сколько могъ вмѣстить концертный залъ. Было, конечно, немало и даровыхъ билетовъ; но вѣдь безъ рецензентовъ нельзя обойтись, а также и безъ представителей музыкальнаго міра. Какой-то весьма умудренный жизненнымъ опытомъ господинъ однажды сказалъ:

„Еслибы всѣ обладатели даровыхъ билетовъ понимали свою роль и обязанность, связанную съ ихъ присутствіемъ въ концертѣ, т.-е. необходимость, хочешь не хочешь, рукоплескать артисту,—они принялись бы громче другихъ критиковать его и порицать“...

Онъ же сказалъ, какъ-то въ другой разъ:

„Настоящее, истинное искусство заключается въ ловкихъ и бойкихъ объявленіяхъ и въ умѣннѣ подготовить себѣ дутый успѣхъ, съ помощью хлопальщиковъ... Кто понимаетъ это дѣло, тотъ только и можетъ рассчитывать хоть на что-нибудь“...

Монна понималъ хорошо и то, и другое: эту житейскую премудрость онъ вынесъ еще изъ своего дѣтства, когда онъ слылъ „чудо-ребенкомъ“. Но, какъ артистъ, онъ не могъ до тѣхъ поръ сказать ничего рѣшительнаго о своемъ успѣхѣ, пока не появится отчетъ въ газетахъ и не увеличится число его учениковъ.

Ночью ему не спалось.

Первы его были слишкомъ натянуты во время подготовки къ концерту, — къ долгожданному, желанному успѣху. Самый концертъ довелъ ихъ напряженіе до крайней степени, такъ что во время игры, поглощавшей все вниманіе артиста, онъ не могъ замѣтить, до чего усиленно работали всѣ фибры его души и тѣла. Онъ весь предавался искусству и, забывая о слушателяхъ, увлекался имъ до полного самозабвенія. Но это напряженіе проходило, по мѣрѣ того, какъ наступало постепенно изнуреніе, словно отливъ „артистической“ лихорадки, которая уноситъ здоровье и сжигаетъ жизнь артиста, но зато даритъ успѣхъ и самыя блестящія надежды. Холодный рассудокъ и неувѣренность въ себя, какъ нервная дрожь, охлаждають порывъ увлеченія. Являются сомнѣнія: настоящій ли былъ успѣхъ, или онъ только былъ подогретъ сочувствіемъ и снисходительностью друзей и знакомыхъ? Чтѣ скажутъ рецензенты? Чтѣ думаютъ о немъ присяжные артисты? Последнихъ также было немало въ числѣ слушателей. Какъ будто кто-то зашикалъ среди аплодисментовъ?.. Или ему такъ показалось?.. Впрочемъ, чего же удивляться: и у него завистники найдутся!

Его собственныя произведенія не особенно прилились публикѣ по вкусу; имъ тоже аплодировали, но сравнительно мало. Русское „Каприччіо“ вызвало бурный восторгъ: оно понравилось несомнѣнно! Или, можетъ быть, его вещи, какъ послѣдніе нумера, утомили слушателей, и они не могли настоящимъ образомъ ихъ оцѣнить?..

Долго, долго роились въ его усталой головѣ самыя разнорѣчивыя мысли и наконецъ расплылись въ неопредѣленный туманъ...

Природа взяла свое: онъ крѣпко заснулъ.

Илова разбудила его позже, чѣмъ обыкновенно.

— Я уже нѣсколько разъ заглядывала къ тебѣ, — начала она, какъ бы извиняясь. — Ты спалъ такъ сладко!

— Сладко ли, нѣтъ ли, — я, въ сущности, вовсе не спалъ!.. Гдѣ же газеты?

— Газеты?.. Какія?

— И ты еще спрашиваешь? Развѣ ты не ходила сама къ

газетчицѣ, не отобрала у нея всё нумера, гдѣ говорится обо мнѣ и о моемъ концертѣ? Ты совсѣмъ о немъ позабыла?

— Нѣтъ, не забыла; но у меня нѣтъ денегъ!

Монна разсмѣялся:

— И у меня—также!

— Какъ же такъ? А доходъ съ концерта?—смущенно про-
бормотала молодая дѣвушка.—Ты самъ же насъ такъ обнадежилъ...

— Да успокойся, не плачь! Говорять тебѣ, папа-Чмиттъ по-
лучить свое... хоть и не настолько, чтобы вернуть себѣ вновь свои
польскія помѣстья. Вы всё налетаете на деньги, какъ воронѣ на
добычу, а нѣтъ того, чтобы подумать, съ какимъ я нетерпѣннѣмъ
жду газетъ, и позаботиться обо мнѣ... И ты еще говоришь, что
меня любишь!..

— Да какъ тебя любить, когда ты такъ со мной обращаешься?

— А, ты на меня сердилась?

Илова промолчала.

— Да скажи же! Ты знаешь, я не изъ сантиментальныхъ,
я не обижусь. Скажи же прямо, что доходъ съ концерта вамъ
ближе въ сердцу, нежели я самъ... И я тебѣ повѣрю.

— Викторъ! Чтѣ я тебѣ сдѣлала...

— Да ничего: въ томъ-то и есть твоя вина! Ты не купила
мнѣ газетъ, хотя и знала, какъ онѣ мнѣ нужны, съ какимъ я
нетерпѣннѣмъ ихъ ожидаю! Теперь—не надо: я могу и самъ пойти
въ кафе и тамъ прочесть все, чтѣ угодно.

— Но ты вѣдь обѣщала мамѣ...

— Да послѣ... послѣ. Если я могу ждать, такъ и вы подо-
ждете!

Илова не возразила ни словечка и только посмотрѣла на
него такимъ молящимъ и страдальческимъ взоромъ, что онъ оста-
новилъ потокъ своихъ рѣзкостей.

— Я слишкомъ вволновался,—какъ бы извиняясь, прогово-
рилъ онъ.—Прощай, я уйду... Я еще не сводилъ счетовъ, но
все равно... вонъ тамъ, въ карманѣ, у меня лежатъ ассигнаціи:
возьми ихъ пару и отдай своей мамѣ. Но берегись, чтобы папа
не распозналъ объ этомъ, а то не одобровать деньгамъ!.. О, Илова!
Еслибы у меня были деньги... побольше денегъ! Какъ бы намъ
было хорошо обонимъ!..

Илова взяла деньги.

— Спасибо, Викторъ,—прошептала она, съ трудомъ удержи-
ваясь, чтобы не заплакать.—Прости, если я тебѣ надѣждаю... Я
и сама хотѣла бы достать тебѣ газету, но у меня и у Леслови
не было ни гроша! Или ты сердилась на насъ?

— Ахъ, что за мука—нужда! И конца-то ей нѣтъ!—воскликнула Монна.—Если концертъ не подвинетъ меня сразу на мило впередъ—какъ тогда быть?

Монна заранѣе знала, что она возразитъ. Она скажетъ:

— Я могу подождать...

Но Илова молчала.

— А? Что ты говоришь?—переспросилъ онъ, будто не слыша.

— Да развѣ я что сказала?

— Мнѣ показалось.

— Но я ужъ тебя поблагодарила...

— За что?

— За деньги.

— Но я вамъ много долженъ: вы имѣете полное право требовать съ меня еще. Безъ васъ куда бы я дѣвался?...

— Ахъ, полно, Викторъ! Что ты говоришь? Ты не понимаешь, какъ больно бѣдняку, когда надъ нимъ смѣются! Твой другъ, „поэтъ“, такъ бы не говорилъ...

— Онъ незнакомъ съ нуждой: у него нѣтъ заботъ, и ему дѣла нѣтъ ни до чего на свѣтѣ. Онъ пишетъ себѣ свои пѣсенки и счастливъ, и доволенъ, какъ... снѣгурка! И нѣтъ ему ни въ чемъ нужды!.. Счастливецъ!

— Какой онъ милый, добрый!

— Вотъ потому-то я съ нимъ и связался. А то онъ могъ бы Богъ вѣсть на кого напасть...

Тонъ голоса артиста былъ мягкій, но въ глазахъ свѣтилась злоба и досада. Илова отвернулась и, не оглядываясь на него, ушла, не говоря ни слова, чтобы не выдать своей грусти. Монна принялась торопливо одѣваться, чтобы скорѣе пойти прочесть газеты.

Въ скорости по уходѣ Монны пришелъ Виттъ и повстрѣчался на порогѣ съ самимъ хозяиномъ дома. Читтъ, безукоризненно приличный и вылощенный, какъ всегда, шелъ завтракать и радушно предложилъ гостю:

— Ну что жъ? Идемте вмѣстѣ?

— Нѣтъ; благодарю васъ!—былъ отвѣтъ, и Виттъ былъ радъ, когда остался дожидать пріятеля одинъ.

Ему и одному было не скучно: онъ только-что прочелъ хвалебную рецензію на концертъ Монны и былъ ей гораздо больше радъ, чѣмъ еслибы эти похвалы относились къ нему самому. На душѣ у него было такъ отрадно и свѣтло! За послѣднее время

ему какъ-то случилось слышать смутныя нападки на совершенство его друга, какъ піаниста; но теперь рецензія... о, рецензія все ступевала! Всѣ эти жалкія, мелочныя и завистливыя придирки она уничтожила побѣдоносно!

Онъ сообщилъ свою радость Иловѣ; но его поразило ея равнодушіе.

— Да; онъ вѣроятно будетъ радъ,—почти безучастно сказала она, и Витта удивило такое безсердечіе или холодность.

Удивило тѣмъ болѣе, что за послѣднее время онъ ежедневно бывалъ у Чмиттовъ, обсуждалъ вмѣстѣ съ ними „концертный“ вопросъ и помогалъ усердно, въ чемъ могъ, при устройствѣ его своему другу и пріятелю Моннѣ, а потому и встрѣчалъ полное сочувствіе въ Иловѣ.

Она не продолжала разговора и только предупредила поэта, что его другъ еще не скоро вернется.

— Не бѣда!—весело возразилъ Виттъ.—Я могу его ждать, сколько угодно. У меня пропасть свободнаго времени, и, кстати, есть еще наготовѣ кой-какіе планы для нѣсколькихъ новыхъ строфъ, которыми я и займусь покуда, до его прихода. Вотъ, не хотите ли я вамъ скажу, что я задумалъ?

Илова утвердительно кивнула головой, и Виттъ продолжалъ:

— Видите ли, я бы хотѣлъ знать ваше мнѣніе,—и онъ прочелъ уже готовыя строфы. — Какъ вамъ кажется? Довольно ли это жизненно?.. Дѣвушка всю свою душу, всѣ помыслы отдаю другу.—Не спрашивай меня, родная,—говорить она, что со мной творится, что я люблю, чего желаю: спроси объ этомъ того, въ комъ радость, жизнь моя!—Я вся принадлежу ему, душой и тѣломъ, на всю жизнь мою, на вѣки! Не спрашивай, родная, какъ это все случилось: сама не знаю я, и не могу сказать.

Илова проницательно посмотрѣла на него.

— Да, въ пѣсняхъ есть жизнь и правда,—съ трудомъ проговорила она: — до сихъ поръ я этого не знала. А теперь... теперь я понимаю, что онѣ могутъ выражать. Вотъ эта, новая... въ ней столько счастья, которое мнѣ не дано узнать!.. Къ чему, къ чему вы мнѣ глаза открыли? Я удовлетворялась своей незавидной долей, я мирилась съ ней и не просила лучшаго, а вы... вы уничтожили мнѣ мое счастье, мой покой!

Виттъ былъ пораженъ и озадаченъ. Онъ такъ сердечно, такъ безобидно увлекался своей темой, и вдругъ онъ же разрушилъ душевный покой, Иловы... огорчилъ ее.

— Не можетъ быть, Илова! Что я вамъ сдѣлалъ? Въ чемъ я провинился?

— Ни въ чемъ, ни въ чемъ!.. Я, кажется, готова умереть!.. — и молодая дѣвушка скорѣе убѣжала, оставивъ нашего поэта въ полномъ недоумѣніи: что съ ней случилось?

Ему стало жаль, что онъ невольно огорчилъ ее; что она изъ-за него страдаетъ. Не можетъ быть! Это вѣрно ошибка, недоразумѣніе. Но какое? Въ чемъ дѣло?.. Онъ даже не успѣлъ развить Иловѣ хорошенько свою мысль; не успѣлъ даже узнать ея мнѣніе. Конечно, въ его пѣснѣ должна была звучать нѣкоторая грусть... но вѣдь это еще недостаточно выяснено...

Виттъ рѣшительно терялся въ догадкахъ.

Вошла Леслова, извинилась, что „помѣшала“, и спросила: разрѣшить ли г-нъ Виттъ войти сюда одной особѣ, которая также будетъ ждать возвращенія Монны.

— Но вы, кажется, хотѣли работать?—прибавила она робко.

— Работать?... Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, не буду... Я и такъ посижу. А гдѣ фрейлейнъ Илова?

— Не знаю; кажется, гулять пошла,—былъ уклончивый отвѣтъ, и больше ничего не успѣлъ Виттъ спросить.

Въ дверяхъ показалась маленькая женская фигурка, вся въ черномъ. Убутанная, какъ улитка въ своей скорлупкѣ, она, казалось, вся ушла въ свое толстое зимнее верхнее платье, и только изъ пышнаго капора смотрѣло миниатюрное и тонкое личико, напоминавшее скорѣе лицо лѣсной нимфы, нежели обыкновенной смертной. Но выбившіяся изъ-подъ чернаго капора волнистыя пряди пушистыхъ волосъ были совершенно сѣдыя, а сѣдыхъ нимфъ, сколько извѣстно, не бываетъ. Да и черты лица, изящно обрисованныя и тонкія, все-таки носили отпечатокъ испытанныхъ тревогъ.

Леслова поспѣшила ихъ познакомить:

— Фрейлейнъ Альтъ;—г-нъ Виттъ!—и миниатюрная фрейлейнъ любезно и торжественно, какъ настоящая старая барышня, отвѣсила глубокой реверансъ и проговорила:

— Позвольте мнѣ побыть здѣсь пока, до возвращенія г-на Монны, вмѣстѣ съ вами. Къ сожалѣнію, времени у меня на это хватитъ, сколько угодно.

Виттъ ничего не отвѣтилъ: онъ былъ весь поглощенъ думами объ Иловѣ.

Маленькая черная женщина тихонько примостилась въ сторонѣ, на кончикѣ стула, словно вотъ-вотъ ее должны были согнать. Она такъ тихо и такъ смиренно сидѣла, что даже внимательный и добрый Виттъ позабылъ объ ея существованіи, продолжая

думать объ Иловѣ... Она готова была умереть... И убѣждала... но куда, зачѣмъ? Надо ее догнать и распросить хорошенько!...

Шагая тревожно взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ дошел до двери и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ чей-то глубокой и умный взглядъ остановилъ его. Въ этомъ взглядѣ не было и тѣни нескромнаго любопытства, а между тѣмъ въ немъ ясно отражался вопросъ: не помочь ли ему? Такъ и понялъ его поэтъ, котораго ничуть не удивило предложеніе старой барышни:

— Не надо ли вамъ чего передать г-ну Моннѣ? Вы, видно, очень спѣшите, а я досижу до конца и съ удовольствіемъ передамъ ему все, чтó угодно.

— Нѣтъ, благодарю васъ: я съ нимъ еще увижусь въ теченіе дня.

— Простите, если я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло,—продолжала фрейлейнъ Альтъ:—но будьте добры, извините Леслоу и фрау Чмиттъ: имъ столько хлопотъ по хозяйству! А фрейлейнъ Илова такъ озабочена, огорчена...

— Да? Озабочена?—повторилъ Виттъ:—Она ушла куда-то... Но куда? Да говорите же: вы должны мнѣ сказать!

— Я не имѣю права...

— Прошу васъ, умоляю! Никто и не узнаетъ...

— Ну, хорошо же: она пошла къ Петену...

— Къ кому?—удивленно вскинулъ на нее глазами Виттъ.

— Такъ вы не знаете, кто такой Петенъ? Его самъ Господь Богъ создалъ, одновременно съ бѣдняками, чтобы не дать имъ окончательно погибнуть... Значить, вы не артистъ?

Виттъ, кажется, и самъ не зналъ, чтó онъ такое? Этимъ вопросомъ онъ еще никогда не задавался. Онъ не рѣшался назвать себя студентомъ: какой же онъ студентъ, если бросаетъ всю свою науку, свой будущій трудъ насущный, ради стихоплѣтства? Назвать себя поэтомъ только потому, что онъ кропаетъ стихи, также неудобно, хоть Монна и произвелъ его въ высочій санъ поэта... И не артистъ онъ, и не музыкантъ... Да: онъ *ничто* и есть!..

— Я... я изучаю... изучаю...—пробормоталъ онъ стыдливо и уже тверже договорилъ:—но мнѣ бы хотѣлось знать: кто такой этотъ Петенъ?

— Какой же вы счастливецъ, что не имѣли дѣла съ ссудной кассой! Какъ, вѣроятно, хорошо, легко живетъ такимъ людямъ, которымъ никогда и ничего не приходилось относить въ закладъ!..

Виттъ понялъ, кто такое Петенъ, и вздохнулъ свободнѣе.

— А я боялся чего-нибудь похуже,—неволью признаться онъ.

— Нельзя сказать, чтобъ семья Чмиттовъ дѣйствительно была въ такихъ уже тискахъ, — продолжала пояснять фрейлейнъ Альтъ, — но долговъ у нихъ много, очень много, и такая доходная статья, какъ концертъ Монны, для нихъ все равно, что манна небесная. И ему самому, а слѣдовательно и имъ, онъ долженъ что-нибудь да принести. Послѣ такого блестящаго концерта дѣла его пойдутъ успѣшнѣе, увеличится число уроковъ. Но онъ будетъ брать себѣ только тѣ, что подороже, а дешевле — по 6—8 грдшей — отдастъ мнѣ. Теперь май мѣсяцъ, но и въ май бываетъ холодно, если не топить, а чтобы купить дровъ, вотъ и приходится прибѣгать къ Петену, и весна тогда покажется теплѣе...

Миниатюрная женщина улыбнулась, и Виттъ не могъ удержаться, чтобы не улыбнуться вмѣстѣ съ нею. Въ ея словахъ слышно было, что она терпѣла нужду, но ни желчи, ни жалобы не слышалось въ ея мягкомъ голосѣ.

— Вы даете уроки музыки, не такъ ли? — спросилъ Виттъ.

— О, я ужъ давно справила серебряную свадьбу своего „учительства“, и теперь дѣло идетъ уже къ золотой. Я часто жалѣю, что я — не рояль: его можно настроить, подтянуть ему струны, если онъ ослабнуть, и даже совсѣмъ передѣлать за-ново. Человѣка же не подтянешь, не подновишь, коли онъ слабъ и старъ... Впрочемъ, нѣтъ! У меня есть большое преимущество надъ роялемъ: онъ не можетъ самъ себя подтянуть, настрой въ себя на веселый ладъ, а я могу! — оживленно заключила подвижная старушка. — Да, вотъ, и вы сами, кажется, уже лучше настроены теперь, чѣмъ сначала?

Виттъ утвердительно кивнулъ головой и прибавилъ:

— Не возьметесь ли вы меня учить? Я еще ничего въ музыкѣ не понимаю, и мнѣ хотѣлось бы попробовать, сумѣю ли я что-либо понять и чему-либо научиться?

— Но я не отобью васъ, какъ ученика, отъ Монны? — тревожно спросила фрейлейнъ Альтъ.

— Монна не беретъ меня учить.

— А! Ну, такъ хорошо: я съ удовольствіемъ! Конечно, тяжело имѣть дѣло съ начинающими, но я ужъ какъ-то къ этому приоровилась, да такъ на этомъ и засѣла... до конца дней моихъ. Что-жъ, ничего: я ужъ привыкла, а для артиста это невозможно, это ножъ острый! У меня же, наоборотъ, нѣтъ смѣлости учить людей тому, чего я сама не могла бы исполнить. Ну, какъ я, напримѣръ, возьмусь за рапсодію Листа? А вѣдь еще недавно одна дама проситъ: „Нельзя ли, чтобы моя дочь разучила рапсодію Листа?“...

— Простите, говорю, но это невозможно: за 50 грдшей въ часть ее не одолѣешь. Кто можетъ давать ее своимъ ученицамъ, тому не 50 грдшей цѣна! Ну, и конечно дѣло, мнѣ отказали!

— Вотъ вмѣсто этого урока я вамъ себя и предлагаю. Только позвольте ужъ мнѣ приходиться къ вамъ на-домъ: у меня нѣтъ рояля.

— Хорошо, мнѣ все равно. Вотъ мой адресъ!—и фрейлейнъ Альтъ вытаскала изъ кармана свою визитную карточку, но вслѣдъ за нею потянулся носовой платокъ, а за нимъ выпалъ какой-то пушистый черненькій комочекъ и повалился на полъ. Виттъ нагнулся, чтобъ его поднять, и увидалъ, что это была перочистка въ видѣ пуделя изъ черной шерсти, съ красненькимъ сукопнымъ язычкомъ и бисерными глазками.

— Вамъ нравится? Возьмите его, пожалуйста, себѣ!—предложила учительница.

— Да нѣтъ... зачѣмъ же я буду васъ лишать?..

— Пожалуйста, лишайте, не стѣсняйтесь! Бѣдные пудельки вышли изъ моды, никто ихъ не покупаетъ, а они продолжаютъ плодиться и множиться, какъ песокъ морской... Пожалуйста, возьмите же себѣ хоть одного!

— Я васъ не понимаю...

— Не понимаете, и слава Богу, что вамъ никогда не приходилось этого понимать! Та, которая вяжетъ этихъ пуделей, ничего больше дѣлать не умѣетъ, да и не можетъ. Давно уже лежитъ она безъ ногъ и можетъ только слегка шевелить руками, и рада бы работать, да не въ силахъ!.. Ну, кто бы подумалъ, что такой шерстяной пудель переживетъ свою славу?—полусутоливо проговорила она.

Въ эту минуту послышался голосъ Монны:—Кто тамъ?—и онъ вошелъ, прибавивъ разочарованно:

— А, это вы!

Затѣмъ, замѣтивъ Витта и вдругъ перемѣнилъ тонъ:

— Здравствуйте, Виттъ!—Но вдругъ бросился на диванъ, такъ что тотъ затрещалъ, и громко, раздраженно крикнулъ:

— Тутъ самъ чортъ ногу сломить!

— Я, кажется, пришла не въ-время?—начала робко фрейлейнъ Альтъ. Отвѣта не послѣдовало.

— Ничего, я въ другой разъ зайду... Мнѣ только хотѣлось просить, если будутъ у васъ лишніе...

— Что? Лишніе?!—прошипѣлъ Монна.—Лишняго-съ ничего не будетъ: все самимъ-съ пригодится! Да, все... если только мы

не предпочтемъ сапожное... искусство. Съ нами поступаютъ какъ съ сапожниками, такъ чего жъ тутъ стыдиться?

— Значить, ничего ровно, ничего! Ни одного урока, хотя бы дешевенькаго?

— Ахъ, Боже ты мой, Господи! Да говорятъ же вамъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Оглохли вы, что-ли?

— Нѣтъ, но убѣгу скорѣе, чтобы не оглохнуть! Г. Виттъ, мое почтеніе!—и, наклонясь къ нему, она шепнула:

— Вотъ, видите: это мнѣ наказаніе за мое самолюбіе и неумѣстную гордость. Надо было мнѣ взяться за рапсодію Листа. Велика важность, что моя ученица смазала бы ее самымъ ужаснымъ образомъ! Въ наше время и музыканты-то порядочной нѣтъ: одна мазня! Всякій берется за трудныя вещи, и нието не только хорошо, но и порядочно ихъ не сыграетъ... Главное только, чтобы названіе было погромче... Ну, до свиданія!

Какъ тѣнь, легко и быстро исчезла за дверью фрейлейнъ Альтъ, и Виттъ спросилъ тревожно:

— Ну, Монна: чтѣ случилось?

— Я просто виѣ себя! Рецензія...

— Чудесна!—перебилъ Виттъ въ восторгѣ.—И даже у меня съ собой газета, чтобы намъ вмѣстѣ еще разъ перечитать, порадоваться похваламъ... Ну, да послушайте, чтѣ за конецъ!..

— „Его игра просто поражаетъ полнотою гениальнаго чувства, одухотворенной поэзіи и утонченной предести, какъ сама Психея. Его талантъ, его гений рвется впередъ, впередъ, высоко къ небесамъ, въ золотистую высь... Пылкій темпераментъ, обворожительный тонъ, грандіозная концепція...“

— Переливанье изъ пустого въ порожнее! Ну, кто изъ читателей способенъ разобраться въ этомъ наборѣ громкихъ словъ и вывести изъ него что-либо полезное для меня, или... хотя бы для себя?.. Да, милый другъ, это, къ сожалѣнію, холостой зарядъ похвалъ! Но вотъ это... это другое дѣло! Это—оборотная сторона медали!

И Монна подала другу свою газету.

— А, это—„Время“? Оно и до концерта на тебя нападало.

— Я могъ, конечно, ожидать, что оно чтѣ-нибудь да поднесетъ мнѣ неприятное... но только *что-нибудь*, а не такое крупное, ехидное и безобразное! Это ужъ не игра газетнаго слововыверженія, злого и остроумнаго,—это злоба, ненависть, и ненависть личная, полная насмѣшки и издѣвательства надъ моею безвинной особой. Кто бы это могъ быть? Я и ума не приложу!

— Что-жъ, на судъ узнаемъ!

— Да нѣтъ! Я уже спрашивалъ ассессора. Онъ говоритъ: ничего тутъ нельзя подѣлать! Очевидно, статью писалъ чело-вѣкъ, которому хорошо извѣстны законы, и его никакъ не пой-маешь! Главное, что для меня ужасно, она клонитъ къ тому, чтобы оставить меня безъ хлѣба и безъ будущности! Извольте-ка смотрѣть: такъ вѣдь и начинается.

— „Жаль, очень жаль, что концертантъ не далъ намъ ни Мо-царта, ни Бетховена“... А это я ужъ знаю все наизусть, отъ доски до доски!.. Такія вещи прочтешь и навсегда запомнишь: онъ такъ и врѣжутся тебѣ въ память...

Виттъ, между тѣмъ, читалъ уже дальше:

— „Съ ранняго дѣтства выросли мы на музыкѣ великихъ ком-позиторовъ и гениальныхъ артистовъ. Мы научились ихъ пони-мать и любить; въ насъ естественно растетъ и крѣпнеть стрем-леніе, чтобы и дѣти наши воспитывались подъ ихъ благотвори-тельнымъ, возвышающимъ и облагораживающимъ душу вліяніемъ. Но кто же изъ насъ можетъ рѣшиться довѣрить такое отвѣтствен-ное, высое дѣло челоуѣку, который самъ неспособенъ пони-мать, а слѣдовательно и цѣнить такого, напимѣръ, всемірнаго генія, такое совершенство души, какъ Бетховенъ?..

„Концертантъ,—г. Монна,—приподнесъ намъ вчера какое-то каприччіо русскаго композитора. О, великій Бетховенъ!—восклик-нули мы мысленно, слушая эту оргію дикихъ, необузданныхъ бурныхъ звуковъ.—Конечно, намъ не трудно себѣ представить, что на свѣтѣ не мало бываетъ нервно-больныхъ, которые живутъ и не въ больницахъ, а на свободѣ; но что для насъ совершенно непонятно, такъ это то, какъ здоровые могутъ убивать свои силы на изученіе такихъ ужасныхъ и запутанныхъ трудностей. Поло-жимъ, г. Монна показалъ намъ на дѣлѣ, до какого совершен-ства можно, при усердномъ упражненіи, довести технику пальцевъ челоуѣческихъ. Но къ чему, къ чему ведетъ такая производи-тельная затрата силъ, про которую врачи утверждаютъ, что она рѣшительно вредна для организма и влечетъ за собою полное расслабленіе, какъ необходимое слѣдствіе всякаго физическаго переутомленія? Тѣмъ болѣе, что всѣ эти руколомныя хитроспле-тенія стдуютъ большихъ усилій бѣдному труженику-артисту, не закигая въ немъ ни тѣни чувства, какъ признака священнаго, артистическаго огня!

„Были тутъ и сочиненія самого концертанта. Не знаемъ, гдѣ и какъ уже случалось намъ слышать нѣчто похожее; но только отъ его композицій рѣшительно повѣяло на насъ чѣмъ-то зна-комымъ. Во всякомъ случаѣ, можно только порадоваться за моло-

дого концертанта, что онъ состоитъ въ такомъ близкомъ духовномъ родствѣ съ корифеями нашего современнаго музыкальнаго искусства. Конца мы не дождались, и потому не можемъ сказать о немъ ничего—ни за, ни противъ, такъ какъ не были свидѣтелями пониженія или повышенія того сочувствія публики, которое, можетъ быть, было и не совсѣмъ чистосердечно приподнято. Мы удалились подъ впечатлѣнiемъ наружно-прикрытаго пониженія (въ будущемъ) цѣны концертанта-исполнителя на артистическомъ рынкѣ“...

— Ну, что? Чтѣ вы можете на это возразить?—спросилъ Монна, когда Виттъ кончилъ читать и свертывалъ газету, весь блѣдный отъ волненія. — Ничего! Ровно ничего!.. И вотъ для этого-то я трудился до изнеможенія, для этого старался превзойти самого себя... и превзошелъ, и сыгралъ каприччио такъ, какъ никто другой не сыграетъ! А все-таки, вотъ вы увидите, чтѣ принесетъ мнѣ мой долго жданный концертъ. Руганъ и издѣвательство онъ уже принесъ, а затѣмъ унесетъ и всѣхъ моихъ доходѣйшихъ учениковъ. Вѣрно вамъ говорю: „Время“ читается исключительно въ томъ кругу, который видѣе, состоятельнѣе, и въ которомъ у меня есть нѣсколько уроковъ: я ихъ-то и надѣялся получить побольше! Да, меня унесло стремительно назадъ... назадъ, почти-что въ бездну!

— Нельзя ли какъ-нибудь помочь этому дѣлу?.. Вызвать его на возраженія?

— Кого это: его? Неизвѣстнаго автора-пасквилянта? Какъ же это такъ, и подѣ какимъ предлогомъ? Въ искусствѣ каждый воленъ высказывать свое мнѣнiе, и онъ въ такой же степени правъ, съ своей стороны, какъ и я—съ моей. Но только онъ имѣетъ одно большое надъ мной преимущество: онъ состоитъ при газетѣ и его матеріальное положенiе вполне обезпечено; мнѣ же приходится ежечасно бороться съ нуждою. Онъ можетъ совершенно меня уничтожить, а я ни волоска на его головѣ не посмѣю тронуть изъ боязни, чтобы не повредить себѣ въ общественномъ мнѣнiи, отъ котораго всецѣло зависитъ мое существованiе... Но я не хочу, не хочу жить въ тискахъ, я хочу...

Голосъ Монны вдругъ оборвался.

Виттъ постарался его успокоить:

— Но вѣдь не всѣ же критики такъ злы и несправедливы? Ихъ можно выслушать и...

— На все нужно время. Пока чтѣ перемелется... а тамъ видно будетъ... О, мой „поэтъ“! Мой милый, дорогой!—вновь горячо заговорилъ артистъ:—намъ надо приготовить въ достой-

ной оборонѣ. Ты мнѣ поможешь? Вѣдь ты мнѣ другъ и братъ? Кромѣ тебя, у меня нѣтъ вѣдь никого на свѣтѣ...

— У меня также! — воскликнулъ Виттъ, и Монна протянула ему обѣ руки.

Ему отраднo было чувствовать, что въ горѣ у него есть опора, что есть на свѣтѣ человѣкъ, которому близки и дороги его удачи и... и несчастья.

— Ты можешь положиться на меня... до гроба! — говорилъ ему Виттъ.

— Я это зналъ, — просто отвѣтилъ Монна.

И, несмотря на грусть, на сердцѣ Витта просвѣтлѣло: Монна считаетъ его братомъ, Монна знаетъ, что онъ ему преданъ!

XII.

Опять въ вольномъ обществѣ.

Виттъ усердно принялся за дѣло, и это отразилось у него на лицѣ: онъ поблѣднѣлъ, губы стали блѣже, носъ обострился, и вокругъ губъ легла глубокая складка, словно отъ утомленія.

И въ самомъ дѣлѣ, его утомляло почти ежедневно бывать въ театрѣ послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ душныхъ покоехъ королевской библіотеки, въ пыли пожелтѣвшихъ отъ времени книгъ и документовъ. Тамъ онъ искалъ интересной исторической, еще не затронутой темы для оперы, а въ театрѣ — изучалъ постановку и условія оркестроваго и голосоваго ансамбля. Послѣ представленія онъ еще забѣгалъ въ „кафе Кайзергофъ“, чтобы тамъ понаслушаться сужденій художниковъ и артистовъ, а затѣмъ работалъ дома и ночью.

Работа его подвигалась успѣшно: Монна былъ очень доволенъ тѣмъ, что либретто слагается въ самомъ строгомъ древнегерманскомъ духѣ.

„Отчего это люди гонятся за всѣмъ старымъ и уже выцвѣвшимъ? — думалъ Виттъ, копаясь въ библиотечныхъ сокровищахъ. — Домашняя утварь и вся обстановка часто является лишь подражаніемъ старой модѣ. Вотъ и на картинахъ художники особенно любятъ изображать средневѣковые наряды. Въ поэзіи — та же исторія: стихотворцы ищутъ указаній и образцовъ въ старыхъ сочинителяхъ, и прежде чѣмъ они успѣютъ оглянуться, въ нихъ уже всосалось стремленіе къ подражанію... Нѣтъ, только однѣ пѣсни вѣчно юны, вѣчно новы: на нихъ нѣтъ моды, потому что

онѣ—языкъ сердца... А сердце у людей всегда было, есть и будетъ... пока свѣтъ стойтъ!

Онъ принесъ Моннѣ двѣ пѣсни для мужского голоса и заиѣтилъ ему, что содержанію ихъ соответствовали бы лучше всего басы.

— Это поэтъ ландскнехтъ, здоровый, грубый малый, и пѣсни его не должна мѣть и томиться нѣжнымъ теноромъ, а ужъ скорѣй рубить, какъ здоровый топоръ!..

Монна не могъ удержаться отъ улыбки.

— Изъ тебя выйдетъ правтикъ: ты уже образуюшься!—протворилъ онъ одобрительно. Конечно, въ пѣніи все зависитъ отъ пѣвца и отъ соответствія его голоса съ содержаніемъ текста. Пѣвецъ можетъ совсѣмъ, безповоротно, провалить новый романсъ, который поется въ первый разъ; я же хочу имѣть успѣхъ... А знаешь ли ты, что такое успѣхъ?

— Не совсѣмъ; мнѣ кажется, имѣть успѣхъ тотъ, кого могутъ забыть, но не забудутъ его сочиненій. Успѣхъ, это... это—такъ овладѣть сердцемъ людей, чтобы они полюбили наше дѣяніе, какъ свое собственное...

Монна разсмѣялся, но не поощрительно.

— Вотъ ты чего захотѣлъ: славы?—возразилъ онъ, и Виттъ увидалъ, что онъ его не понялъ. Слава, душа моя, вся на языкѣ, а не на дѣлѣ: это—звукъ пустой, который протрубить, однако, о тебѣ по всей вселенной, если его станутъ повторять неоднократно. Заговорятъ о тебѣ, разнесутъ повсюду лестную молву—и ты знаменитость! Тебѣ кадятъ, тебѣ завидуютъ; а то, чему люди могутъ завидовать, они называютъ счастьемъ... Но умолкни сегодня эта молва,—и о тебѣ позабудутъ, какъ забыли обо мнѣ, когда я выросъ. Устойчивость славы я испыталъ на себѣ послѣ того, какъ пересталъ быть чудо-ребенкомъ. Меня заживо скоропили... и теперь, когда я хочу начать новую жизнь, надо мной снова прихлопнули крышку гроба, чтобы я не поднялся... Но ты мнѣ поможешь, „поэтъ“... Вѣдь поможешь? Еслибъ не ты...

— Чего въ насъ не цѣнятъ теперь, тѣ оцѣнятъ потомство!

— Ахъ ты поэтъ! Да не суди же ты такъ по-дѣтски! Потомство! Потомство! ну, кто... кто оно, твое „потомство“? Все тѣ же люди, какими были и наши современники. Пройдетъ столѣтье—и все на свѣтѣ останется по-старому: развѣ только на нѣсколько десятковъ Мюллеровъ, Шульцовъ и Шмидтовъ станетъ больше! Вотъ и вся разница. Какъ и теперь, люди не будутъ признавать ничего новаго, ничего любопытнаго; затѣмъ признаютъ и поймутъ, и будутъ его же восхвалять до небесъ. Такъ всегда

было, есть и будетъ!.. Мало того: возьмемъ такія знаменитости (въ свое время), какъ Гуммель, Герцъ и Тальбергъ. Гдѣ ихъ вліяніе, ихъ слава и почетъ? На чтѣ ужъ Мендельсонъ — и того критикуютъ; на Шумана — пожимаютъ плечами, на Мейер-бера выходятъ съ дрекольемъ, а Доницетти и Беллини заброшены въ чуланъ, какъ старая, ненужная шарманка!..

— Вотъ такъ-то, милый другъ, чествуютъ потомки гениальныхъ людей, которыхъ ихъ предки просто боготворили! Куда дѣвалась ихъ слава? Чтѣ сдѣлали съ нею? въ какой темный чуланъ упрятали ее эти „потомки“?.. Нѣтъ, нѣтъ: не говори! Надо жить настоящимъ. Надо нравиться публикѣ, т.-е. нашимъ современникамъ; надо сзумѣть у нихъ добиться успѣха... И успѣхъ, настоящий, прочный успѣхъ, будетъ на сторонѣ того, кто сзумѣетъ его достигнуть!..

Еще ни разу не говорилъ Монна такъ горячо, желчно и откровенно. Виттъ былъ удивленъ, озадаченъ. Ему казалось, что это какой-то другой Монна, — его двойникъ, котораго онъ прежде не замѣтилъ и слышитъ теперь въ первый разъ. Ему стало жутко и онъ невольно отшатнулся.

— Чего ты? — удивился Монна. — Ты и самъ-то такое же *потомство*. Ну, дорого ли ты цѣнишь прежнихъ знаменитостей, героевъ? Да ты же первый ихъ бы въ грязь стопталъ, еслибъ они стояли на дорогѣ новой знаменитости, которой ты желалъ бы всей душой успѣха! Въ нашъ вѣкъ одинъ только и можетъ быть девизъ: *на проломъ!* Ну, и ломись себѣ впередъ, сокрушай все на своемъ пути, — все новое и прочное, и рухлядь... Впередъ, не падая ничего, лишь бы понасть впередъ...

— Куда?

— Какъ это такъ: *куда?* Понятно, къ деньгамъ! Слава непостоянна; восторгъ толпы — бурный, но мимолетный вихрь; мода на время обратить на тебя вниманіе и все-таки пройдетъ!.. Но деньги... деньги остаются. На нихъ куплю я славу и поворю себѣ толпу съ ея бурнымъ восторгомъ, и огражу себя на вѣки отъ ея непостоянства. Деньги даютъ наслажденіе, а въ наслажденіи — жизнь!

— Но чтѣ полюбятъ наши современники, тѣ естественно должно бы нравиться и нашимъ потомкамъ, — замѣтилъ приунывшій Виттъ, и подаль Моннѣ свои пѣсни.

— Годятся! — лаконично, тономъ поощренія проговорилъ тотъ. — И, право, безразлично, кому онѣ придутся больше по вкусу: намъ или нашимъ потомкамъ, — лишь бы понравились теперь, когда намъ это важно!.. Ну, постарайся-ка, поэтъ: пиши еще

нѣсколько штукъ, чтобъ у насъ вышла цѣлая тетрадь! Въ одиночку публика ихъ не такъ замѣтитъ.

— Изволь... попробую... — отвѣтилъ Витъ со вздохомъ.

У Терменовъ былъ послѣдній сезонный вечеръ.

На этотъ разъ собирались *на чашку чая*, который назначенъ былъ въ половинѣ девятаго; но гости начали прѣижать *уже* съ десяти часовъ вечера. Приемныя комнаты были ярко освѣщены, и въ нихъ двигались пестрыя группы приглашенныхъ, при чемъ зачастую тотъ или другой удивлялся, что такой-то или такая-то наравнѣ съ нимъ попали подъ сѣнь гостеприимнаго дома Терменовъ. Однимъ было досадно, что и другіе пьютъ чай въ тонкихъ фарфоровыхъ чашкахъ съ аристократически-тонкимъ золотымъ ободкомъ; другіе завидовали красотѣ, богатству наряда или роскоши убора своихъ сосѣдей и сосѣдокъ.

Гизела была одинаково мила и любезна со всѣми, но никому не оказывала она предпочтенія изъ всей толпы фраговъ и мундировъ, которые по обыкновенію ее окружали. На губахъ у нея была улыбка—неизмѣнная, какъ у хорошенькой фарфоровой куколки.

Фрейлейнъ Ридеръ впервые измѣнила своему свѣтло-сѣрому, неизносимому платью; на этотъ разъ на ней было тяжелое темно-красное платье и бронь, которой прежде у нея не видали. Что жъ такое, что разодѣтыя богачихи не замѣчали, до какой степени она принарядилась? Довольно и того, что ей самой пріятно слушать, какъ шуршитъ ея шолковый подолъ, какъ горятъ золотыя браслеты на ея шведскихъ перчаткахъ!

Хозяйка дома приняла ее какъ стараго друга.

— Я счастлива, что могу еще разъ услышать вашу милую дочь,—ей въ тонъ отвѣчала фрейлейнъ Ридеръ.—Такой голосъ на рѣдкость, и было бы жаль, еслибъ свѣтскія обязанности завладѣли фрейлейнъ Гизелой настолько, чтобы помѣшать ей предаться искусству: для искусства это была бы большая потеря!!

Гости, стоявшіе поближе, наострили и слухъ, и зрѣніе; но одинъ только ассессоръ Роббе успѣлъ подмѣтить многозначительный взглядъ, которымъ обѣ собесѣдницы быстро обмѣнялись.

— Очевидно, „венгуру“ получила на эту выходку разрѣшеніе свыше,—подумалъ онъ.—Ея доброжелательство стоило денегъ г-жѣ Терменъ, и она права: когда эта ехидна Ридеръ не шипитъ и не кусается исподтишка, это уже прекрасно; когда она хвалитъ—это еще болѣе, чѣмъ прекрасно, это все!.. Да, умная женщина г-жа Терменъ!

Въ полутьмѣ зимняго сада ассессоръ набрелъ на Витта.

— Вамъ ужъ претятъ эти модныя сборища?—спросилъ онъ.
— Да и мнѣ самому,—еслибъ я только не далъ слова пѣть,—было бы гораздо пріятнѣе бѣжать сюда изъ душевнои залы. Кажется, хозяйева рассчитывали, что не всѣ гости отзовутся на приглашеніе, а между тѣмъ... имъ мѣста не хватаетъ, какъ ни велики хоромы банкира Термена. А дочку видѣли? Я до нея такъ и не дотолкался. А вы?

— Я съ нею видѣлся и говорилъ, —самодовольно отвѣчалъ поэтъ. — Ей не легко съ каждымъ быть любезной, какъ это ей приказываетъ долгъ хозяйки дома. Она сказала мнѣ, что ее тагтатъ всегда такіе вечера...

— Чего же, не спросяся броду, она суется въ воду?—продекламировалъ шутивно г-нъ ассессоръ.—Впрочемъ, такова участь богачей: хочешь не хочешь, а наслаждайся жизнью до пресыщенія. Есть деньги—поглощай ихъ, пока не подавишься...

— Однако, мнѣ кажется, что для дочери хозяина дома подобное сравненіе можетъ быть оскорбительно,—съ особымъ удивреніемъ проговорилъ Виттъ.

Ассессоръ удивленно вскинулъ на него глазами.

— Прошу прощенья! Ничего оскорбительнаго я не хотѣлъ сказать: беру свои слова назадъ. Я виноватъ, что слѣдую всеобщему дурному примѣру—безпощаднѣе всего судить хозяйевъ дома, въ которомъ въ эту минуту ѣшь и пьешь. Въ будущемъ постараюсь быть осторожнѣе!

Онъ вѣжливо поклонился, вышелъ изъ зимняго сада и смѣшался съ толпой.

— Какая муха его укусила,—сообразалъ ассессоръ:—что онъ, какъ рыцарь, воспрянулъ въ защиту своей сказочной царевны? Если она и выберетъ кого себѣ въ мужья, такъ ужъ навѣрно тотъ будетъ сдѣланъ изъ другого тѣста, нежели нашъ „поэтъ“.

Встрѣтивъ Монну, онъ рассказалъ ему, что съ нимъ случилось, и тотъ расхохотался.

— Онъ добрый малый, но не умудренъ житейскимъ опытомъ и простъ, какъ дитя!—пояснилъ Монна ассессору.—Онъ все принимаетъ за чистую монету, а такимъ въ Берлинѣ,—особенно же въ нѣкоторыхъ его кругахъ,—не мѣсто!

— Но онъ говорилъ съ такой торжественностью...

— Это съ нимъ часто бываетъ. Онъ привезъ съ собой изъ провинціи порядочный-таки запасъ идеализма. Надѣюсь, что онъ станетъ постепенно практичнѣе и, наконецъ, совсѣмъ образуется.

Столичныя бури иной разъ бываютъ полезны и отрезвляютъ мечтателей.

— Да я и не сержусь: онъ еще такъ юнъ, нашъ „поэтъ“!

Къ нимъ подошелъ скрипачъ, приглашенный въ качествѣ исполнителя, и отозвалъ Монну. Ассессоръ тихо пошелъ впередъ, и не замѣтилъ, какъ столкнулся съ фрейлейнъ Ридеръ. Бѣжать ужъ было поздно, и онъ покорился своей злосчастной участи. Старая дѣва дѣйствовала на нервы, а ему еще предстояло пѣть!..

„Ну, постой же!“ пригрозилъ онъ ей мысленно, между тѣмъ какъ она уже оклинула его:

— А, милѣйшій ассессоръ! Мы съ вами не видались съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ встрѣтились здѣсь... помните?.. тогда, днемъ. Я уже стала побаиваться, не оттого ли вы скрылись, что потеряли голосъ? Это вѣдь и со знаменитыми тенорами бываетъ.

— Чѣмъ теноръ знаменитѣе, тѣмъ у него меньше голосу!— пробурчалъ ассессоръ.

— Мнѣ очень пріятно, что я кстати могу подтвердить вамъ, что была права, утверждая, что Монна—не исполнитель Бетховена, а вы тогда говорили...

— Ахъ, да не все ли равно, чтѣ я говорилъ? Право, блаженной памяти, Бетховену ни жарко, ни холодно отъ того, что мы съ вами говорили!

— Да и не въ этомъ дѣло! Въ чемъ вы мнѣ не повѣрили, въ томъ, я думаю, васъ достаточно бы убѣдила обстоятельная статья...

— Гдѣ? Въ чемъ?

— Въ газетѣ „Время“.

— „Время“? А что это за птица?

— Какъ будто вы не знаете?!

— Ну... *время*—это аксіома. По Канту—это квадратъ вмѣстимости по разстоянію; по Шопенгауэру—отрицаніе отвлеченности; по Гартману—невѣдомая причина бытія, раздробленная эклиптической...

Фрейлейнъ Ридеръ метнула на него злобнымъ взглядомъ: она видѣла ясно, что онъ надъ ней смѣется.

— Я полагаю, что всѣмъ юристамъ знакома газета „Время“...

— Какъ видите... Но будьте такъ добры, скажите мнѣ, въ которомъ номерѣ эта статья?

— Въ восемьдесятъ-седьмомъ.

— Какая у васъ память!.. Но какъ вы достали этотъ номеръ?

— Развѣ нельзя мнѣ получать газеты?

— А, въ такомъ случаѣ, значить, намъ предстоитъ удоволь-

ствіе прочесть въ газетѣ „Время“ хвалебный гимнъ восходящему свѣтлу въ области пѣнія? — вдругъ насмѣшливо и ѣдко заговорилъ ассессоръ, возвышая голосъ и глядя на нее пытливо, по-судейски.

— Что вы хотите сказать? — запинаясь, пробормотала Ридеръ.

— Я напряженно его поджидаю и прочту съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ прочелъ статью: „Фемида и искусство“, равно какъ и безпристрастные отзывы о моемъ другѣ Моннѣ. Они появились также въ газетѣ „Время“.

— Такъ вы знакомы съ этой газетой? — вослихнула пораженная фрейлейнъ Ридеръ.

— Да! — былъ сухой отвѣтъ. — Но для юристовъ, какъ извѣстно, время — деньги, а потому...

Онъ насмѣшливо поклонился и пошелъ прочь, процѣдивъ сквозь зубы ничего не значащую фразу:

— Крайне пріятно было съ вами встрѣтиться!..

Какъ ни крѣпилась Ридеръ, а ее бѣсило, что она далась въ обманъ, — и въ такой грубой обманъ!

„Ужъ лучше бы мнѣ было держать языкъ за зубами, — разсуждала съ досадою она. — Онъ рѣшительно дѣлалъ мнѣ намеки...“

Съ досады у нея даже пропала охота наблюдать за гостями и хозяевами. Она потихоньку, ни для кого незамѣтно, удалилась въ зимній садъ. Тамъ было тихо и стоялъ пріятный для глазъ полусвѣтъ. Изъ залы почти не долетали звуки скрипки, которую собралось слушать далеко не все общество. Люди пожилые и старички, завидя приготовленія къ концерту, разбрелись по другимъ комнатамъ; дамы — молодья и старья — усѣлись слушать музыку съ такимъ внушительно-сосредоточеннымъ видомъ, словно готовились присутствовать при погребальной церемоніи... Въ концертной залѣ зазвѣла скрипка...

Проходя по коридору, который велъ изъ залы въ зимній садъ, фрейлейнъ Ридеръ замѣтила у одного изъ книжныхъ шкафовъ, которые тамъ стояли, молодую хозяйку дома и Витта. Гизела выбирала себѣ ноты для пѣнія, а поэтъ принималъ ихъ на руки, чтобы отнести въ залу. Но отъ проникательныхъ взоровъ старой дѣвы не укрылось, что Виттъ передалъ молодой дѣвушкѣ какой-то пакетикъ, въ родѣ письма, и что она долго и тщетно искала въ своемъ модномъ платьѣ кармана. Затѣмъ Гизела опустила пакетикъ въ ближайшую китайскую вазу; ихъ тутъ стояло не мало въ промежуткахъ между шкафами, и ихъ пестрыя изогнутыя фигуры красиво выдѣлялись на блѣдно-зеле-

номъ фонъ гладкихъ стѣнъ. Не укрылось отъ вниманія старой дѣвы и то, что Гизела предварительно раскрыла конвертикъ и, заглянувъ въ него, пожала руку поэту, который отвѣтилъ на это рукопожатіе горячѣе, чѣмъ подобало обыкновенному гостю. Фрейлейнъ Ридеръ они замѣтили только тогда, когда она прошла мимо нихъ съ совершенно невиннымъ видомъ, но скрипачъ не докончилъ еще и первой части своей сонаты, какъ пакетика уже не было въ вазѣ. Онъ былъ въ рукахъ фрейлейнъ Ридеръ.

Примостившись поукромнѣе подъ сѣнью развѣсистой пальмы, старая дѣва приготовилась разглядывать свою находку. Это была фотографическая карточка Витта и стихи—его же.

— Какія нѣжности на розовомъ маслѣ! — злобно шептала она. — И чего только привязалась къ нему эта дѣвчонка? Не такого ей надо воздыхателя и мужа: за свои деньги она достанетъ любого красавца и Геркулеса. Виттъ совсѣмъ ей не пара! — Она бережно сложила стихи въ конвертикъ и, послѣ нѣвотораго колебанія, вынула оттуда карточку, которую рѣшила оставить у себя.

— Онъ самъ принадлежитъ ей, — проговорила она: — съ меня же довольно и его портрета. Она отняла ею у меня, когда я ужъ была готова привязаться къ нему всей душой и желала ему добра! — и злобная усмѣшка снова скривила ея губы.

А. Б—г—.

ВРЕМЕНА ЕКАТЕРИНЫ II

II. — Поворотъ въ мнѣніяхъ императрицы, и его причины. — Французская революція. — Состояніе русскаго общества и литературы въ концѣ вѣка. — Отношенія Екатерины II къ литературѣ; Державинъ; Фонъ-Визинъ *).

Наиболѣе значительныя и знаменитыя произведенія литературы второй половины вѣка почти безъ исключенія (какое представляеть, напр., „Бригадиръ“, вѣроятно 1766) относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II. Въ 1782 явился „Недоросль“ Фонъ-Визина; съ восьмидесятыхъ годовъ начинается слава Державина; около восьмидесятыхъ открывается широкая дѣятельность Новикова въ Москвѣ, литературная и общественная, и особенное развитіе масонства; въ 1783 основана была руссійская Академія, и началось изданіе „Собесѣдника любителей руссійскаго слова“; въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II вышло „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ Радищева, и готовились „Письма русскаго путешественника“ Карамзина (1797—1801)... Не говоримъ о длинномъ рядѣ второстепенныхъ писателей, которые въ свое время пользовались большою славой, какъ Херасковъ, Княжнинъ, Хемницеръ, Костровъ, Богдановичъ, Петровъ, Майковъ и т. д.

„Вѣкъ Екатерины“, съ ея временъ и почти до сихъ поръ, былъ предметомъ ревностнаго прославленія; дѣйствительная исто-

*) См. выше: май, стр. 310.

рiя наступаетъ для него только въ последнее время: отдаленность эпохи, заглушая панегирики современниковъ, дѣлаетъ, наконецъ, возможнымъ болѣе безпристрастное изученiе, въ помощь которому являются многочисленныя историческiе памятники, извлеченныя изъ архивовъ,—только при ихъ помощи и была, конечно, возможна болѣе обстоятельная и правдивая исторiя ¹⁾). Исслѣдованiя, конечно, далеко не докончены; но уже теперь времена импер. Екатерины представляются историку въ гораздо болѣе реальныхъ чертахъ, безъ того почти фантастическаго освѣщенiя, какое окружало ихъ до недавней поры.

Фантастическое освѣщенiе той эпохи не было лишено основанiя, и прежде всего это основанiе было въ блескѣ царствованiя, въ великихъ успѣхахъ внѣшней политики и въ личномъ авторитетѣ императрицы. Екатерина II считала себя продолжательницей дѣла Петра Великаго, и дѣйствительно, никто изъ его преемниковъ не совершилъ такъ много для государственнаго развитiя Россiи, для утвержденiя ея политическаго значенiя въ Европѣ. Военныя успѣхи, обширныя завоеванiя, увеличивая внѣшнее могущество, создавали и внутри авторитетъ, каковаго не достигали ея предшественники; цѣлая литература была въ ея услугамъ, воспѣвая ея мудрость и могущество; во главѣ стоялъ поэтъ, про-

¹⁾ Первымъ опитомъ такой исторiи были томы „Исторiи Россiи“, Соловьева (XXV-XXIX, 1875-1879), посвященные царствованiю Екатерины II; вторымъ опитомъ была книга г. Бригнера: „Исторiя Екатерины Второй“ (иллюстрированная, Сиб. 1885); третьимъ — „Исторiя Екатерины Второй“ г. Вильбасова (Сиб. 1890), основанная по-русски на первомъ томѣ, и со вторымъ томомъ на нѣмецкомъ языкѣ (Берлинъ, 1898).

Богатый и въ высокой степени интересныи и важный материалъ для исторiи Екатерины доставилъ „Сборникъ Импер. Р. Историческаго Общества“, гдѣ, кромѣ множества различныхъ документовъ того времени, издана также неизвѣстная до тѣхъ поръ ея переписка, и въ первый разъ явились бумаги знаменитой Коммиссiи объ Уложенiи. Большое количество важныхъ документовъ издано въ „Архивѣ кн. Воронцова“, также въ „Русскомъ Архивѣ“ и „Русской Старинѣ“. Много важныхъ указанiй доставили детальныя изслѣдованiя литературы того времени, хотя онѣ все еще не достаточны; извлечены изъ забвенiя многiе мемуары того времени (напр., Добринина, Гарновскаго, Болотова, Челышева и пр.); предприняты спеціальныя изслѣдованiя о лицахъ и событiяхъ того времени, какъ исторiя Пугачевскаго бунта, биографiи Суворова, Безбородка, Разумовскихъ, Паниныхъ, Потемкина и пр. Въ связи съ европейскою исторiей изученiе дѣятельности и характера Екатерины вызвало многiя изслѣдованiя въ иностранной литературѣ: упомянемъ труды Альфреда Рамбо, Альбера Сореля (*L'Europe et la Révolution française*, — есть въ русскомъ переводѣ; *La question d'Orient au XVIII siècle*), Пэнго (*Pingaud, Les Français en Russie et les Russes en France*, и др.), Вандаля, Эрнеста Додэ (*Histoire de l'émigration*), Валишевскаго (*Le roman d'une Impératrice; Autour d'un trône*), Ларивьера (*Ch. de Larivière, Catherine II et la Révolution française*) и др.

изведенія котораго безъ сомнѣнн я превышали все, что имѣла до него русская литература въ этомъ направленн я; смѣлая и великодушная мысль о новомъ Уложенн я произвела сильное впечатлѣнн я на умы, которые почерпали здѣсь ожиданн я будущихъ преобразованн я, и идеи „Наказа“ были превозносимы еще долго послѣ того, какъ онѣ изгладились въ памяти самой императрицы. Мы видѣли раньше, что съ первыхъ лѣтъ своего царствованн я Екатерина съумѣла распространн я и въ Европѣ славу своихъ дѣянн я, носителями которой прежде всего стали ея друзья и поклонники — „философы“. Наконецъ, на все окружающее дѣйствовала ея необычайная личность: со времени Петра на русскомъ престолѣ не было лица съ умомъ столь сильнымъ, съ характеромъ столь энергическимъ, наконецъ, можно прибавн я — съ такимъ пониманн ямъ (въ первые годы) духа времени, которое ставн яло ее на уровнѣ величайшихъ умовъ той эпохи. Ея переписка, о которой только теперь можно составн ять себѣ болѣе точное представленн я, поражаетъ удивительною находчивостн я этого ума: въ бесѣдѣ съ философами она умѣла остатьс я независимой, остроумно сводн ять теоретическн я принципы на почву реальной дѣйствн ятельности, иногда тонко посмѣяться надъ ними, найтн мѣткн я и живописныя выраженн я своей мысли, особенно когда что-нибудь ее задѣвало или раздражало. Едва ли историки ошибаются, находя, что этимъ умомъ она превышала всѣхъ, кто окружалъ ее, — хотя, какъ увидн ямъ, это былъ умъ рѣзко одностороннн я. Среди этихъ окружающихъ бывали люди недюжинныя; въ особенности высоко цѣнн яла она, кажется, только одного Потемкина, но надъ всѣми она господствовала не одною только силою власти, но не менѣе того силою своей личности ¹⁾. Все это создавало славу, которая ослѣпляла не только современн яковъ, но долгн я годы и самое потомство: должно прибавн ять, что ослѣпленн я потомства способствовало малое развитн я общественнаго мнѣнн я, и рядомъ съ этимъ малое развитн я исторической критн я ²⁾.

¹⁾ „Catherine fut par excellence une individualité de cet ordre exceptionnel. De tout ce qui a constitué sa grandeur personnelle, son prestige et son charme, rien, on peut le dire, ne lui est venu par héritage: elle a tout conquis ou tout créé autour d'elle; les palais qu'elle a habités, elle les a bâtis elle-même pour la plupart; les hommes qu'elle a employés, elle a mieux fait que de les choisir, elle les a façonnés à son usage, un peu à son image aussi, conséquemment. Parmi ses collaborateurs, ceux mêmes qui ont apporté à son service le plus de valeur propre, d'initiative et même d'originalité, ont pu à bon droit être appelés par elle ses élèves: le génial Patiomkine en fut.“ (Waliszewski, „Autour d'un trône“).

²⁾ Многн я факты исторн я того времени долго были совсѣмъ закрыты для изслѣдованн я. Такова была исторн я ея вступленн я на престолѣ, исторн я ея фаворитовъ,

Царствование Екатерины было знаменательнымъ періодомъ нашей исторіи. По признанію иноземныхъ историковъ, — судъ которыхъ любопытенъ въ особенности потому, что остается совершенно чуждъ тому, что можетъ быть приписано у насъ національному самообольщенію, — Екатерина II создала то внѣшнее политическое положеніе Россіи, которое сохранилось до самой половины XIX-го столѣтія. Съ другой стороны, на внутренней жизни русскаго общества, на постановкѣ просвѣщенія и литературы, въ теченіе того же періода тяготѣло то настроеніе, которое господствовало въ мысляхъ и чувствахъ Екатерины II во вторую половину ея царствованія. Это настроеніе было реакціонное, совсѣмъ не похожее на то, какое заявляло о себѣ въ первые годы ея правленія и котораго самымъ яркимъ свидѣтельствомъ въ государственной жизни остались Коммиссія объ уложеніи и „Наказъ“, а относительно ея личной жизни — ея переписка съ французскими философами: но чѣмъ сильнѣе были прежнія увлеченія императрицы въ пользу свободы и просвѣщенія, тѣмъ рѣзче былъ поворотъ въ реакціи, ознаменовавшей послѣдніе ея годы. Наши историки и историки литературы давно замѣтили эту перемену въ ея личныхъ и правительственныхъ взглядахъ, правда, слишкомъ бросающуюся въ глаза, но до сихъ поръ еще не прослѣдили вполне эту перемену¹⁾.

До сихъ поръ полагали обыкновенно, что причиною этой перемены были событія французской революціи, которая казалась Екатеринѣ II послѣдствіемъ излишества свободы умовъ, а этой свободѣ послужила именно та французская философія, которою нѣкогда она сама восхищалась: отсюда недовѣріе и наконецъ вражда въ этой философіи и ко всякому свободному движенію мысли, въ которомъ видѣлась ей политическая опасность. Въ дѣйствительности однако перемена во взглядахъ императрицы началась уже раньше: ее относятъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ²⁾, когда пережито было потрясеніе пугачевского бунта; но въ сущности ее можно замѣтить и гораздо ранѣе. А именно первые признаки разочарованія въ „философіи“ наступили, вѣроятно, еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ послѣ „Наказа“ и Коммиссіи, которая кончила свое существованіе не только по внѣш-

ея отношеній къ вел. кн. Павлу Петровичу, исторія Коммиссіи объ Уложеніи“ и т. д. Имя Новикова долго оставалось полузапрещеннымъ; книга Радищева въ новомъ изданіи была уничтожена еще въ 1872 году; бумаги Екатерины II появляются только въ семидесятыхъ годахъ въ изданіяхъ Имп. Русскаго Историческаго Общества.

¹⁾ Это довольно удачно сдѣлалъ Ларивьеръ, въ упомянутой книгѣ.

²⁾ Какъ де-Ларивьеръ.

нему поводу (какъ турецкая война), но и по внутренней причинѣ. Екатерина увидѣла слишкомъ много фактическаго опроверженія тѣхъ благихъ намѣреній, съ какими писанъ былъ „Наказъ“ (какъ, напр., вопли о расширеніи вѣрностнаго права, вмѣсто его ограниченія; голоса противъ уничтоженія пытки и т. п.); ей впервые представилась трудность исполненія того, что она устроивала теоретически; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ей казалось, что былъ затронутъ ея самодержавный авторитетъ, когда не были поняты ея мысли, когда выражаемы были желанія, которыхъ сама она не имѣла,—и уже тогда она не выносила этого противорѣчія. Приближенные администраторы какъ будто угадывали близкое будущее, когда съ самага начала сдѣлали „Наказъ“ полу-запрещенной книгой. Въ одно время съ этимъ Екатерина, какъ мы видѣли, возимѣла мысль дѣйствовать на умы общества той, конечно очень умѣренной, публицистикою, которая выразилась журналами 1768—1769 годовъ; но мы видѣли также, что и здѣсь опять ея желанія не были вполне поняты, и тѣ отвѣты, какіе давала она журналистамъ, слишкомъ далеко простиравшимъ свои желанія, свидѣтельствуютъ, что уже въ это время она понимала свободу, предоставленную ею литературѣ, въ предѣлахъ весьма ограниченныхъ, и несомнѣнно болѣе ограниченныхъ, чѣмъ та свобода, съ какою она сама ставила теоретическіе вопросы въ „Наказѣ“, не говоря объ ея интимныхъ письмахъ къ философамъ. Фактъ прекращенія журналовъ (которое вообще признается произвольнымъ) указываетъ, что уже въ это время теоретическая философія не казалась ей пригодною для практическаго примѣненія и свобода мнѣній излишнею для русскаго общества и писателей. По всей вѣроятности въ это время уже начинался поворотъ, которому предстояло развиваться впоследствии въ полную реакцію. Съ одной стороны прошло то время, когда забота объ утвержденіи своего престола побуждала ее искать популярности въ томъ литературномъ кругу, который былъ авторитетнымъ во всей образованной Европѣ, который могъ сдѣлать и, дѣйствительно, въ немалой мѣрѣ сдѣлалъ ея славу на Западѣ. Съ другой стороны, хотя она сохраняла и теперь многое изъ идеалистическихъ стремленій своей юности, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше она знакомилась съ грубою дѣйствительностью, съ которой ей приходилось постоянно встрѣчаться, и привыкала къ безграничному авторитету своей власти.

Въ семидесятихъ годахъ Екатерина еще не отказывается отъ идей, которыми нѣкогда увлекалась, продолжаетъ сноситься съ философами, но въ ея отзывахъ какъ о самыхъ философамъ, такъ

и объ ея собственныхъ работахъ прежняго времени, сдѣланныхъ подъ ихъ вліяніемъ, начинаетъ сквозить недовѣріе, а иногда почти прямое отрицаніе. Въ 1775 она еще совѣтуется съ Гриммомъ и Дидро относительно плана учебныхъ заведеній, но уже далеко не съ тѣмъ вниманіемъ, какъ прежде, относится къ ихъ мыслямъ и совѣтамъ. Въ томъ же году она пишетъ къ Гримму по поводу своихъ работъ надъ учрежденіемъ о губерніяхъ и находитъ, что никогда она не сдѣлала ничего лучше, и самый „Наказъ“ теперь кажется ей только „болтовней“ ¹⁾. Въ 1776, когда Дидро только-что сдѣлалъ свою поѣздку въ Петербургъ, въ письмахъ ея къ Гримму можно замѣтить слѣды того разочарованія въ философіи, какое она выносила изъ самыхъ бесѣдъ съ философомъ ²⁾. Философія была ей больше не нужна и въ самой Франціи теряла значеніе, когда одни изъ ея дѣятелей сошли со сцены, а другихъ заслоняло уже открытое политическое движеніе. Руссо она никогда особенно не любила; онъ казался ей писателемъ опаснымъ, потому что его увлекательный стиль экзальтируетъ молодыя головы: это былъ авторъ „Общественнаго Договора“ и сочиненія о Польшѣ, которое не могло ей нравиться; но въ прежнее время не безъ ея участія или даже инициативы Григорій Орловъ предлагалъ Руссо уѣзжиче въ своихъ имѣніяхъ подъ Петербургомъ.

Событія стали тревожить Екатерину только съ тѣхъ поръ, какъ въ Парижѣ совершилось взятіе Бастильи. Графъ Иванъ Чернышевъ давно писалъ ей о страшномъ волненіи во французскомъ обществѣ: „никто не можетъ предвидѣть, куда поведетъ это броженіе умовъ“ ³⁾. Но она все еще не видѣла въ событіяхъ ничего особеннаго. Въ 1787 году былъ заключенъ торговый трактатъ съ Франціей, что должно было быть началомъ дальнѣйшихъ политическихъ комбинацій, и интересъ Екатерины къ французскимъ дѣламъ направленъ былъ именно на эти политическія ком-

¹⁾ „Mes derniers réglemens du 7 nov. contiennent 250 pages in quarto imprimés, mais aussi je vous jure c'est ce que j'ai jamais fait de mieux et que vis-à-vis de cela je ne regarde l'instruction pour les lois dans ce moment-ci que comme un bavardage“ (Письмо къ Гримму отъ 29-го ноября 1775).

²⁾ Ср. письма къ Гримму отъ 18-го августа, 1-го сент. 1776: „Les philosophes déraisonnent comme les autres hommes“ и т. п. Позднѣе, 28-го ноября 1775, по поводу встрѣтившихся ей замчаній Дидро о „Наказѣ“ она пишетъ: „Cette pièce est un vrai babil dans lequel on ne trouve ni connaissance de choses, ni prudence, ni prévoyance; si mon instruction avait été du goût de Diderot, elle aurait été propre à mettre toutes les choses sens dessus-dessous. Or, je soutiens que mon instruction a été non seulement bonne, mais même excellente“ и пр., и опять желчное замчаніе о Дидро.

³⁾ Вриннеръ, стр. 670 и далѣе.

бинаціи: она едва ли тогда предвидѣла, что онѣ могутъ быть совершенно разстроены этимъ внутреннимъ броженіемъ французскаго общества. Она переписывалась съ Неккеромъ о французскихъ дѣлахъ, порицала расточительность версальскаго двора, легкомысліе королевы, требовала всѣхъ подробностей дѣла объ ожерельѣ, хвалила Неккера, Лафайета. О собраніи нотаблей въ 1787 году она отзывалась въ письмахъ къ Гримму противорѣчиво: это собраніе дѣлаетъ честь намѣреніямъ короля, но „у насъ“ не имѣютъ пока о немъ высокаго мнѣнія; въ разговорѣ съ Храповицкимъ она замѣчала: „не всякому сіе удастся, мы могли сдѣлать собраніе депутатовъ“¹⁾; въ другой разъ она находила, что мысль о собраніи нотаблей „великоколѣпна“ (admirable), но опять сравнивала его съ собраніемъ депутатовъ²⁾. Сравненіе съ нашей Коммиссіей указываетъ, что отъ Екатерины укрывалось еще все великое различіе отношеній и все фатальное положеніе французской монархіи. Въ концѣ концовъ она не знаетъ, чтò думать о нотабляхъ, чего они хотятъ; она полагаетъ, что все дѣло въ деньгахъ: „у нихъ требуютъ денегъ, и несомнѣнно, и весьма естественно, что они не желаютъ ихъ давать“. Въ іюні 1787 она опять приравниваетъ французскія дѣла къ русскимъ, — и послѣднія, конечно, идутъ гораздо лучше, „безъ фразъ“³⁾. Въ 1788 году она все еще не думала, чтобы французскія дѣла могли принять ихъ роковой оборотъ⁴⁾. Она поняла размѣръ событій уже только послѣ взятія Бастильи. Въ 1794 она хвалилась, что „предсказала принцу нассаускому и многимъ другимъ за четыре года впередъ то, чтò случилось съ Людовикомъ XVI“, и дѣйствительно, у Храповицкаго записано подъ 16 сент. 1789: „Ils sont capables de pendre le roi à la lanterne, c'est affreux“; подъ 21 октября Храповицкій записываетъ, что императрица говорила о

¹⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, Спб., 1874; подъ 26 апрѣля 1787.

²⁾ „Ce qui a fait la fortune de mon asssemblée des députés, c'est que j'ai dit „Tenez, voilà mes principes, dites vos plaintes; où est ce que le soulier vous blesse? Allons, remédions; je n'ai point de système, je souhaite le bien commun: il fait le mien. Allons, travaillez, faites des projets; voyez où vous en êtes“. Et ils se mirent à visiter, à ramasser les matériaux, à parler, à rêver, à disputer, et votre très humble servante était à écouter et très indifférente pour tout ce qui n'était pas utilité commune et bien commun“ (Письмо къ Гримму отъ 5-го апрѣля 1787).

³⁾ „Allez vous en avec vos notables; on ne sait plus sur quoi compter chez vous. Votre M. de Calonne ni aucun autre de chez vous ne me tente; gardez les pour vous; cela en sait dix fois plus que moi, et fait dix fois plus mal que moi et mes employés, qui avons moins de belles phrases“ (Письмо отъ 29-го іюня 1787).

⁴⁾ „Je ne suis pas de l'avis de ceux qui croient que nous touchons à une grande révolution“ (Письмо къ Гримму отъ 19-го апрѣля 1788).

парижскихъ событіяхъ и о королѣ: „il aura le sort de Charles I“. До 14-го іюля она была только недовольна тѣмъ ходомъ вещей, какой предвѣщали первыя дѣйствія учредительнаго собранія; съ 14-го іюля это недовольство превратилось въ открытую вражду и съ этого времени она отвергла свое либеральное прошлое и вступила на путь крайней реакціи ¹⁾.

Люди, болѣе близко знакомые съ внутренней жизнью французскаго государства и общества, давно уже предвидѣли, что данное положеніе вещей не можетъ кончиться иначе, какъ страшнымъ переворотомъ. Форстеръ еще въ 1782 году говорилъ, что Европа представляется ему наканунѣ страшной революціи; людей, думавшихъ подобнымъ образомъ, было очень много въ западной Европѣ: броженіе умовъ, совершавшееся во Франціи, отражалось здѣсь потому, что въ другихъ формахъ старый политическій порядокъ и здѣсь отживалъ свое время; понятно было, что все философское вольномысліе, всѣ поиски за естественнымъ и справедливымъ устройствомъ человѣческаго общества не были дѣломъ только немногихъ свѣтлыхъ или необузданныхъ умовъ, но были также и отраженіемъ стремленій цѣлыхъ массъ, утомленныхъ устарѣвшими формами быта и искавшихъ избавленія въ новомъ болѣе разумномъ и справедливомъ устройствѣ общества и государства. Видимо приближался конецъ феодальнаго строя: въ сущности параллельно къ тому политическому броженію, которое совершалось во Франціи, шло броженіе умовъ въ средней Европѣ, — таковы были философскіе, политическіе и литературные вопросы, волновавшіе Германію: Лессингъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, все это были представители настроенія, ставившаго новые вопросы нравственности, мышленія, поэзіи и самой государственной жизни... Очевидно, ничего подобнаго не могла представить русская жизнь съ ея элементарнымъ, все-таки мало распространеннымъ образованіемъ, съ ея привычнымъ, безгласнымъ общественнымъ бытомъ. Есть извѣстія, что французскія событія, какъ взятіе Бастильи, были привѣтствованы даже въ извѣстной части русскаго общества какъ фактъ освобожденія отъ тираніи; но понятно, что это могло быть или въ средѣ иностранцевъ, которымъ событія были болѣе понятны, или въ очень небольшомъ кругу болѣе образованныхъ людей, знакомыхъ ближе съ политическимъ положеніемъ Франціи. Въ большинствѣ эти событія могли казаться только бунтомъ, т.-е. неосмысленнымъ, беспорядочнымъ возстаніемъ, которое должно было и могло быть подавлено энергическими мѣрами. Именно такое объяс-

¹⁾ De Larivière, стр. 55.

неніе и давала французскимъ событіямъ единственная политическая газета того времени, „Спб. Вѣдомости“, выражавшая взгляды правительства. Замѣчательно, что сама императрица не оцѣнила всего значенія событій и самой причины ихъ; не понимая ихъ происхожденія, она ошибалась потомъ и относительно средствъ ихъ подавленія. А именно она не видѣла, что въ ходѣ революціи все болѣе и болѣе обнаруживалось полное распаденіе стараго порядка, все болѣе непримиримая вражда между старой монархіей и народными массами. Этого раздора она никакъ не предполагала; о народныхъ массахъ она не думала или полагала, что онѣ необходимо должны были быть привержены къ монархіи; монархія можетъ быть только абсолютной и должна лишь отличаться „просвѣщеніемъ“, которое принесетъ необходимыя и полезныя улучшенія; депутаты представляются Екаторинѣ какъ будто случайнымъ сбродомъ необузданныхъ людей, для которыхъ потомъ установилось у нея одно названіе „гидры о 1.200 головахъ“. Вслѣдствіи она не дѣлаетъ различія между учредительнымъ и законодательнымъ собраніями и конвентомъ. Позднѣе ее тяжело поразило извѣстіе о событіи 4-го августа 1790, объ отреченіи французской аристократіи отъ своихъ привилегій: она не могла представить себѣ смысла этого безумнаго дѣйствія „гидры“¹⁾. Предполагая, что все это дѣлается только буйнымъ собраніемъ противъ воли самой націи, Екаторина говорить о собраніи только бранными словами: это лишь крючкотворцы и сапожники, „procureurs et cordonniers“ или „avocats et savetiers“. Еще въ 1789 г. (подъ 25 сентября) мы читаемъ въ дневникѣ Храповицкаго: „О король французскомъ: j'aimerais mieux le voir chassé de Versailles, mais enfermé à Metz. Тутъ бы дворянство къ нему пристало. Я сказала вчера Сегюру, que Henry IV se nommait le premier gentilhomme, et que Louis XIV dans les moments de détresses disoit qu'il se mettroit à la tête de la noblesse. Онъ отвѣчалъ вздохомъ. И какъ можно сапожникамъ править дѣлами? Le cor-

¹⁾ „Une des plus absurdes opérations de l'hydre à 1.200 têtes, c'est la destruction de la noblesse; quoi? ce que les familles ont acquis par leurs travaux, par leurs services, on le leur ôte? Et pourquoi, s'il vous plait, ôter aux gens l'honneur et le profit? Quel sera donc l'aiguillon qui les fera aller?“ (Письмо отъ 18-го сентября, 1790). Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 27-го сентября, она признаетъ добровольное отреченіе самой знати отъ своихъ привилегій уничтоженію іезуитскихъ школъ: „on a beau dire, ces coquins-là veillaient aux mœurs et au goût des jeunes gens, et tout ce que la France a eu de meilleur est sorti de leurs écoles“. Она совѣтуетъ перечитывать старую Генриаду: „Je lis et relis la Henriade pendant ces troubles de la France; conseillez aux Français de la lire, afin que les grands ci-dessus nommés apprennent à penser“.

donnier ne sait que faire des souliers". Членовъ учредительнаго собранія она сравнивала съ Пугачевымъ. Впрочемъ она не признаетъ и самой націи; въ письмахъ къ Гримму она не однажды выражается, что на толпу нечего обращать вниманія, что публика всего чаще не имѣетъ здраваго смысла ¹⁾.

Смерть Людовика XVI сильно ее поразила; она даже заболѣла отъ этого потрясенія. „Ея величество, — пишетъ Храповицкій (подъ 2 февраля 1793), — говорила со мной о варварствѣ французовъ и о явной несправедливости въ утайкѣ голосовъ при сужденіи: c'est une injustice criante même envers un particulier". По поводу негодованія, какое произвела казнь короля въ Англіи, она замѣтила: „il faut absolument exterminer jusqu'au nom des français". Затѣмъ, „былъ оборотъ къ собственному ея правленію, съ вопросомъ у меня о соблюденіи правъ каждаго". Храповицкій подтвердилъ, что не только ни у кого ничего не было отнято при новыхъ установленіяхъ, но и пожалованы права и привилегіи. Подъ 8 февраля у Храповицкаго отмѣчено: „Подписанъ указъ Сенату о разрывѣ политической связи съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ тѣхъ обоюбого пола французовъ, которые не сдѣлаютъ присяги по изданному при указѣ образцу". Тѣ, которые не принесли этой присяги, были дѣйствительно высланы изъ Россіи ²⁾, но и положеніе оставшихся, которые очистили себя присягой, было тогда все-таки очень тягостное. Затѣмъ не велѣно было принимать въ русскіе порты судовъ подъ французскимъ флагомъ, запрещено было русскимъ ѣздить во Францію, получать французскія газеты, поддерживать сношенія съ французами, наконецъ, ввозить въ Россію какіе бы то ни было предметы французскаго происхожденія...

Революція въ глазахъ Екатерины грозила великими опасностями самой Европѣ; она не только колебала монархію, но грозила Европѣ наступленіемъ варварства... Какъ было помирить это съ ея прежними увлеченіями литературой и философіею этой самой Франціи? Въ разгаръ террора Екатерина еще находила однако извиненія для нѣкогда любимыхъ философовъ, которыхъ въ то время считали вообще виновниками революціи: „французскіе философы, — говорила она, — о которыхъ думаютъ, что они приготовили французскую революцію, быть можетъ, ошиблись

¹⁾ „Le royaume est à plaindre et tous les gens sensés! Pour de la multitude et de son avis il n'y a pas grand cas à faire"... „Le public n'a pas le sens commun, la plupart du temps".

²⁾ Считаютъ, что французовъ было тогда въ Россіи до 1.500 человекъ; изъ нихъ не приняли присяги 48.

только въ одной вещи, а именно они думали, что проповѣдуютъ людямъ, у которыхъ они предполагали доброе сердце и добрую волю, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и всѣ злодѣи привернулись ихъ принципами, чтобы подъ этимъ покрываломъ, которое они скоро сбросили, сдѣлать все то, что совершало самого страшнаго самое ужасное злодѣйство, а эта парижская чернь, подчиненная самими свирѣпѣйшими преступленіями, осмѣливается называть себя свободной, тогда какъ она никогда не испытывала тираніи болѣе жестокой и болѣе бессмысленной¹⁾. Но въ 1795 году она пишетъ въ Гримму, что, по словамъ самихъ Гельвеція и д'Аламбера, Энциклопедія имѣла только двѣ цѣли: одна—уничтожить христіанскую религію, другая—королевскую власть.

Революція должна погубить и ту французскую литературу, которая нѣкогда столько послужила къ славѣ и величію Франціи. „Національному собранію надо будетъ велѣть бросить въ огонь всѣхъ лучшихъ французскихъ писателей и все то, что распространило ихъ языкъ въ Европѣ, потому что все это обличаетъ отвратительную распрю, какую они производятъ“, и она прибавляетъ затѣмъ: „до сихъ поръ считали заслуживающимъ висѣльниці того, кто будетъ замышлять разрушеніе страны, а тутъ занимается этимъ цѣлая нація или, лучше сказать, тысяча двѣсти депутатовъ этой націи. Еслибы повѣсили изъ нихъ нѣсколько человекъ, то я думаю, что остальные бы образумились“²⁾. Дальше она опять повторяетъ эту мысль: „Что же сдѣлаютъ французы съ своими лучшими писателями, которые почти всѣ жили при Людовикѣ XIV? Всѣ они, даже Вольтеръ—роялисты, всѣ они проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе и все то, что противно системѣ гидры о 1.200 головахъ. Бросятъ ли они ихъ въ огонь? Если этого не сдѣлаютъ, то изъ этихъ писателей будутъ почерпнуть правила противныя ихъ системѣ, если она у нихъ есть“... „Это бѣшенство съ ужасающей быстротой искажаетъ даже самый языкъ, такъ что языкъ Расиновъ и Вольтеровъ будетъ, наконецъ, казаться чужимъ“... „Я хотѣла бы знать, что сдѣлаютъ французы съ своими лучшими писателями: сожгутъ ли они ихъ пьесы и прозведенія на Гревской площади, потому что это уже не подходитъ къ глупостямъ, какія они дѣлаютъ; Руссо заставитъ ихъ ходить на четверенькахъ“³⁾. Еще раньше, въ 1789, вспоминая блестящее владычество Людовика XIV, она говорила: „что сказали бы

¹⁾ Письмо отъ 5-го декабря 1793.

²⁾ Письмо отъ 25-го іюня 1790.

³⁾ Письма отъ 12-го сентября, 20-го декабря 1790, 29-го апрѣля 1791.

Буало и его великій король, еслибы воскресли въ Парижѣ въ эту минуту?“. Она ужасалась и недоумѣвала передъ событіями XVIII-го вѣка, который „еще такъ недавно хвалился, что онъ—самый мягкій, самый просвѣщенный изъ вѣковъ и который породилъ свирѣпыя души среди города, самаго знаменитаго, какой только былъ извѣстенъ. Фу, ужасные люди!“

Къ сожалѣнію, сама Екатерина во второй половинѣ царствованія не сохранила этой мягкости, и даже раньше, чѣмъ событія во Франціи произвели на нее свое потрясающее дѣйствіе. Она была въ полной мѣрѣ представительницею той правительственной системы, которой дано имя „просвѣщеннаго деспотизма“. Наравнѣ съ нею въ разрядъ такихъ правителей ставить Фридриха II прусскаго и Иосифа II австрійскаго: между ними была, однако, громадная разница; послѣдніе дѣйствовали въ странахъ, гдѣ, особливо въ Германіи, независимо отъ нихъ существовало уже сравнительно высокое просвѣщеніе, которому ихъ примѣръ послужилъ только новымъ ободреніемъ и укрѣпленіемъ; мы замѣчали, что, при всемъ пренебреженіи Фридриха II къ нѣмецкой литературѣ, историки ея придаютъ великое значеніе его нравственному вліянію именно въ этомъ смыслѣ. Совершенно иное было въ Россіи. Екатерина съ ея сильно возбужденнымъ умомъ имѣла передъ собой, конечно, весьма трудную политическую задачу установить свое правленіе, но затѣмъ она имѣла передъ собой, за весьма немногими исключеніями, общество крайне малоразвитое. Покоривши своему авторитету придворную и боярскую среду, совершавшую еще не такъ давно дворцовые перевороты, она имѣла передъ собой полную свободу дѣйствій для воспитанія общества, для устройства судьбы народа. Изъ своей молодости она вынесла великодушныя желанія послужить благу своего новаго отечества; изъ своего чтенія она извлекла болѣе широкіе взгляды нравственно-политическіе, чѣмъ имѣлъ теперь кто-либо въ ея ближайшей обстановкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ развѣ одного Ломоносова, доживавшаго свой вѣкъ въ первые годы ея царствованія (она оставалась къ нему чужда, хотя все-таки оказала ему рѣдкое царственное вниманіе), едва ли былъ въ тогдшнемъ русскомъ обществѣ кто-либо, кто стоялъ бы на одномъ съ нею умственномъ уровнѣ. Она была чрезвычайно самолюбива, но ея самолюбіе могло быть оправдано, когда въ первые годы своего правленія она писала „Наказъ“. Можно было бы, кажется, думать, что еслибы она осталась на высотѣ того настроенія, въ которомъ написано было это замѣчательное произведеніе, она успѣла бы совершить очень многое для русскаго общества и для русскаго народа,—совершить больше,

чѣмъ произошло на самомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, она не осталась на этой высотѣ; впечатлѣнія дѣйствительности, конечно, не отвѣчавшей этимъ идеаламъ, увлеченіе безграничностью своей власти съ одной стороны примирали ее съ грубыми чертами быта (каково было, напр., крѣпостное право), съ другой, дѣлали нетерпѣливой ко всякому противорѣчію, которое она начинала считать нарушеніемъ своего авторитета; самолюбіе заставляло ее думать, что ея мысли и ея дѣйствія не подлежатъ никакому спору. Въ концѣ концовъ она оставляла нетронутыми существенные вопросы народной жизни, полагая, что они рѣшаются полумѣрами: она сурово осуждаетъ Салтычиху, но въ сущности оставляетъ возможность безобразныхъ злоупотребленій крѣпостного права, потому что жалобы крестьянъ на помѣщиковъ оставались запрещены. Она еще довольно долго остается подъ влияніемъ своихъ первыхъ идей: какъ въ началѣ царствованія она работаетъ съ Бецкимъ надъ воспитательными учрежденіями, которыя должны были произвести „новую породу“ людей, такъ въ послѣдствіи въ основанныхъ ею „народныхъ училищахъ“ (къ сожалѣнію, только слишкомъ малочисленныхъ) была учебникомъ небывалая до тѣхъ поръ и послѣ книга „О должностяхъ челоука и граждаина“; въ своихъ административныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе о губерніяхъ (1775), какъ дворянская грамота, жалованная грамота городамъ (1785), она старается поднять гражданское, именно словесное чувство, чтобы дать устойчивость наличнымъ общественнымъ элементамъ. Но, съ другой стороны, во всемъ этомъ было что-то отрывочное и неполное: не было положено предѣла административному произволу, который хозяйничалъ по прежнему, не было принято мѣръ къ обезпеченію правильности суда, и во все теченіе царствованія продолжаютъ жалобы на господство зѣбды и взяточничества, какъ во все теченіе царствованія совершается необузданное казнокрадство; а главное, во все царствованіе не было принято, къ удивленію, никакихъ мѣръ къ расширенію высшаго образованія: правда, въ 1780-хъ годахъ предположено было открыть три новыхъ университета и именно въ провинціальныхъ городахъ (вѣроятно, по заграничному образцу, только невѣрно понятому), во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ (потомъ въ Екатеринославѣ), но въ концѣ концовъ московскій университетъ остался единственнымъ. Въ политическихъ дѣлахъ и въ дѣлахъ внутреннихъ затѣвались грандіозные планы, какъ греческій проектъ, въ результатѣ котораго должна была возродиться византійская имперія съ русскихъ властителемъ во главѣ; постройка многочисленныхъ новыхъ городовъ, изъ которыхъ многіе остались только на

бумагъ; въ самыхъ широкихъ размѣрахъ задумана была постройка Еватеринослава, гдѣ Потемкинъ, между прочимъ, хотѣлъ построить церковь, которая равнялась бы храму Петра въ Римѣ и даже „на аршинъ“ длиннѣе его,—но фундаментъ этого храма послужилъ только оградой для небольшой церкви, построенной впоследствии; известно, наконецъ, путешествіе Екатерины II въ Крымъ¹⁾... Императрица обольщалась этими планами: они льстили не только политическому, но и ея личному самолюбію; въ сожалѣнію, при этомъ приходилось обманываться относительно дѣйствительнаго положенія вещей. Внѣшней славѣ не отвѣчалъ внутренній порядокъ: современники, свои и чужеземные, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ, о возрастающемъ разстройствѣ и злоупотребленіяхъ администраціи. Не оправдывались тѣ благія ожиданія, съ которыми царствованіе было начато и, между прочимъ, одинъ изъ основныхъ вопросовъ, о которомъ нѣкогда Екатерина имѣла весьма опредѣленное мнѣніе, вопросъ крестьянскій, не только не подвинулся къ разрѣшенію, но еще усложнился: обильная раздача деревень, особливо фаворитамъ, увеличила число крѣпостныхъ...

Екатерина II не осталась на высотѣ первоначальныхъ идеаловъ и въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и къ просвѣщенію. Какъ мы сказали, ни одного новаго университета не было основано; среднее образованіе оставалось въ тѣхъ же жалкихъ рамкахъ, какія мы видѣли въ началѣ 1760-хъ годовъ. Правда, нѣкоторыя изъ существовавшихъ учрежденій поднялись въ силу естественнаго роста; въ Петербургѣ академія наукъ, кромѣ выписанныхъ иностранныхъ ученыхъ, имѣла и нѣсколько своихъ замѣчательныхъ питомцевъ, которые въ особенности работали въ ученыхъ экспедиціяхъ для описанія Россіи, составлявшихъ продолженіе давно, еще при Петрѣ, предпринятаго плана; поднялся и московскій университетъ, но все еще приходилось прибѣгать къ иностранному гувернерству или изрѣдка къ посылкѣ молодыхъ людей для ученія за границу. Только къ концу царствованія мы встрѣчаемъ людей съ серьезнымъ образованіемъ, какъ, напр., Карамзинъ, воспитавшійся подъ тѣми просвѣтительными вліяніями, какія встрѣтилъ онъ въ кругу Новикова; но масса общества не могла похвалиться образованіемъ, и даже наиболѣе замѣчательные дѣятели литературы временъ Екатерины не имѣли никакой пра-

¹⁾ Ср., напр., въ запискахъ Державина изреченія Екатерины: „Ежелибъ я прожила 200 лѣтъ, то бы конечно вся Европа подвержена бѣ была Россійскому скипетру“. Или: „Я не умру безъ того, пока не выгоню турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индіей не оснуду торговлю“. Или: „Кто далъ, какъ не я, почувствовать французамъ право челоука?“ (Сочиненія, изд. Грота, VI, стр. 632).

вильной шеволы и оставались самоучками: таковъ былъ Державинъ и таковъ былъ Новиковъ, который, по словамъ близкаго свидѣтеля, Карамзина, „сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ“, но „безъ воспитанія, безъ ученія“... Въ огромномъ большинствѣ или точнѣе сполна, лишь за рѣдкими исключеніями, это было общество наивное во всемъ, что касалось науки, литературы, политики. Оно жило старымъ обычаемъ: дома—преданіями дѣдовскаго быта, уходя изъ котораго, вслѣдствіе новыхъ вліяній, молодая поколѣнія могли перенять только поверхностную моду, новый костюмъ, кое-какой французскій разговоръ, слегка познакомиться съ французской книгой и всего чаще сохранить при этомъ тѣ же дѣдовскіе нравы; въ жизни общественной оно жило старымъ служилымъ обычаемъ, который обострился при Петрѣ В. его требовательными мѣрами, но ослабѣлъ при Петрѣ III вслѣдствіе извѣстнаго указа. Мысль политическая не существовала: съ давнихъ временъ она была поглощена слѣпою вѣрою въ авторитетъ власти и безпрекословной покорностью; послѣ опыта протестовъ противъ реформы, кончавшихся пытками и казнями, послѣ дворцовыхъ переворотовъ первой половины XVIII-го вѣка, страхъ тайной канцеляріи, „слова и дѣла“, отбивалъ всякое помышленіе о политическихъ дѣлахъ; для такихъ помышленій не было ни матеріала и никакого органа: неуройства внутреннего быта сказывались только стихійно—въ религіозномъ броженіи раскола, крестьянскомъ возстаніи Пугачева; мыслящій человѣкъ, который задавалъ себѣ вопросъ о личномъ порядкѣ вещей, долженъ былъ молчать или записать свои мысли только для себя—такъ лишь спустя цѣлое столѣтіе могли быть напечатаны подобныя мысли князя М. М. Щербатова или явиться въ свѣтъ мемуары людей Екатерининской эпохи.

Когда въ эту среду стали проникать теперь западныя,—въ первыя времена Екатерины особливо французскія,—книги и мысли, понятно, что онѣ могли оказывать въ громадномъ большинствѣ только поверхностное, элементарное вліяніе... Верхъ простодушія была, напримѣръ, увѣренность литературныхъ кружковъ временъ Елизаветы, что у насъ дѣйствительно уже тогда готовы были свои Расины и Вольтеры; но это простодушіе продолжалось и теперь,—явился даже русскій Гомеръ въ лицѣ Хераскова... Прежде всего (исторически, конечно, не безъ основанія) погнались за формой, и когда усердными стараніями риемотворцевъ наполнены были всѣ рубрики псевдо-классической шитки, подумали, что наша литература имѣла великихъ писателей и, пожалуй, можетъ равняться съ французскою, какъ Сумароковъ съ Вольте-

ромъ. Не было мысли о томъ, что эта французская литература была плодомъ вѣкового историческаго труда, что эта поэзія имѣла органическіе корни въ жизни общества и его образованія, что рядомъ съ нею сильно работала научная мысль, что скептицизмъ Вольтера и энциклопедистовъ, фантастическій идеализмъ Руссо не были теоретическимъ капризомъ отдѣльныхъ лицъ, но отраженіемъ внутреннихъ процессовъ цѣлаго общества, что когда за этимъ движеніемъ послѣдовало заявленіе политическихъ требованій, а наконецъ надвинулся грозный переворотъ, это было только новымъ проявленіемъ давно совершавшагося процесса, которое явилось вовсе *не ослѣдствіе* философіи, а *рядомъ* съ нею. Мы видѣли, что въ западной Европѣ это было совершенно понято и за нѣсколько лѣтъ впередъ предвидѣна была политическая катастрофа. У насъ это было совершенно не понято или понято крайне поверхностно, потому что и вообще французская литература понималась съ точки зрѣнія реторики и шиттики или съ точки зрѣнія анекдотической занимательности; когда немногіе болѣе серьезные люди вникали въ самое содержаніе этой литературы, для нихъ все-таки оставалось неясно ея теоретическое и историческое значеніе.

Для ознакомленія русскаго общества съ философіей всего больше потрудились сама императрица. Во всемъ тогдашнемъ образованномъ кругу не было никого, кто бы такъ увлекался философіей и такъ близко былъ знакомъ съ тогдашнимъ французскимъ литературнымъ движеніемъ. Ей казалось въ первое время, что она можетъ осуществить на дѣлѣ тѣ высокія идеи, какія находила въ своихъ авторитетахъ; ей, безъ сомнѣнія, чрезвычайно льстила та слава, которою окружали ее преклоняшіеся передъ нею философы: она—Семирамида съвера и съ съвера идетъ теперь свѣтъ ¹⁾. Первое охлажденіе произошло послѣ Коммиссіи и послѣ тѣхъ опытовъ публицистики, которые мы видѣли.

Насколько оно могло имѣть основаніе въ послѣднемъ случаѣ? Извѣстно, что обширная, во всякомъ случаѣ наибольшая часть тогдашней литературы, насколько она касалась современной жизни, государства и общества, была наполнена безусловнымъ панегирикомъ, нерѣдко терявшимъ всякую мѣру вѣроятія, доходившимъ до той степени лести, которую авторитетный историкъ литературы назвалъ прямо пресмыкательствомъ ²⁾. Это не было

¹⁾ C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.

²⁾ Починъ. Сборникъ моск. Общества любителей россійской словесности. М. 1895, стр. 9 (ст. Тихопророва).

то преувеличеніе панегирика, которое понятно въ патриотическихъ увлеченіяхъ Ломоносова или, повдѣе, Державина: всего чаще это была холодная, придуманная реторика, одна грубая лезть, лишенная и личнаго, и общественнаго достоинства. Изъ этого общаго тона выдѣлялось немногое, что хотѣло говорить о настоящей дѣйствительности и становилось публицистикою или сатирою.

Что же представляла собою эта первая попытка литературы обратиться къ вопросамъ дѣйствительной жизни? Издатели журналовъ 1768—1769 г., вызванныхъ самою императрицею, не удовлетворили ея ожиданіямъ: они не были такъ услужливы, какъ бы слѣдовало,—но въ дѣйствительности публицистическіе опыты журналовъ 1768—1769 годовъ были весьма элементарны. Первый и существенный вопросъ былъ крѣпостной—но сама Екатерина имѣла о немъ то-же самое понятіе, а въ томъ, что писалось въ журналахъ, во-первыхъ, дѣлались всѣ оговорки о добрыхъ помѣщикахъ и осуждались только дурные, а во-вторыхъ, не было никакой рѣчи, а тѣмъ менѣе требованія о настоятельной необходимости рѣшенія, не было мысли о какой-либо реальной пропагандѣ. Второй вопросъ было неправосудіе, подкупность чиновничества: это также было хорошо извѣстно императрице, но и здѣсь въ журналахъ опять не было никакого опредѣленнаго требованія, никакой мысли о средствахъ искорененія зла—одни только моральныя сокрушенія. Третьимъ вопросомъ было воспитаніе, гдѣ сатирики единогласно ополчались противъ иностраннаго, особливо французскаго гувернерства, но гдѣ опять не было никакой опредѣленной мысли о средствахъ устраненія этого недостатка, не создано и не высказано было никакого желанія или требованія о необходимости размноженія школъ, и среднихъ, и высшихъ... Таковы были главныя темы, которыми занималась публицистика и сатира, начиная съ Сумарокова и до конца XVIII вѣка: размножались подробности особенно по двумъ послѣднимъ предметамъ, давались иногда довольно рѣзкія черты нравовъ, но сущность вопроса не подвигалась. Прибавлялись еще и другія черты быта, которыя усердно разрабатывала сатира, какъ, напр., невѣжество и суевѣріе людей стараго вѣка; въ правоучительныхъ стихахъ и прозѣ затрогивались даже подробности изъ жизни высшаго круга, осуждалась лезть придворныхъ, но обыкновенно въ столѣ общихъ чертахъ и въ столѣ невинной формѣ, что это правоученіе можно было спокойно оставить безъ вниманія. О немногихъ исключеніяхъ скажемъ далѣе и замѣтимъ пока, что ихъ судьба была вообще болѣе или менѣе фатальная.

Таковъ былъ невинный тонъ общественнаго мнѣнія, насколько оно выражалось въ литературѣ, а другого органа его выраженія и не было: это былъ тонъ или безмѣрно льстиваго панегирика, или очень умѣренной и пугливой публицистики. И среди этого тона Екатерина могла обезпोकиться и могла счесть нужнымъ остановить этотъ лепетъ общественнаго мнѣнія! Какъ мы видѣли, въ журналахъ были, кажется, сдѣланы неловкости, которыя однако было бы очень легко умѣрить. И еще удивительнѣе, что, встревожившись французскими событіями, которыя дѣйствительно были опаснымъ симптомомъ для стараго порядка вещей на Западѣ, она могла счесть французскую революцію опасною для русскаго общества и начать ту печальную реакцію, которая наполняетъ послѣдніе годы ея царствованія. Нѣкогда она думала, что съверъ можетъ поучать западную Европу; въ Россіи, въ ближайшемъ кругу императрицы переводились книги, запрещенныя въ Парижѣ, въ Парижѣ былъ запрещенъ „Наказъ“, она поддерживала гонимыхъ философовъ и Энциклопедію и еще въ 1780 говорила: „chez moi tout le monde a son franc parler“ ¹⁾; къ концу восьмидесятихъ годовъ положеніе совершенно измѣнилось и въ результатъ она собственными руками разрушала слабыя зачатки просвѣщенія, которое прежде хотѣла насаждать.

Мы видѣли, какъ императрица представляла себѣ французскія событія: отъ нея ускользнула та органическая причина, которая привела къ паденію стараго режима во Франціи и которая отразилась въ другихъ странахъ западной Европы сильнымъ измѣненіемъ общественнаго строя; ей казалось, что переворотъ исходитъ только отъ одной гидры о 1200 головахъ, отъ необузданной толпы прокуроровъ и сапожниковъ, а наконецъ и отъ Энциклопедіи. Отъ нея, къ удивленію, далека была мысль о томъ, что условія русской жизни не представляли ничего общаго съ тѣми элементами, какіе дѣйствовали на Западѣ: не было ни той цѣлой исторической судьбы, ни того развитія общественности, ни той широко распространенной образованности, не было, наконецъ, того политическаго сознанія, которое въ сущности готовилось цѣлыми вѣками. У насъ была только скромная литература, въ которой изрѣдка встрѣчались отголоски западнаго просвѣщенія, были скромныя попытки общественной дѣятельности, какъ въ кружкѣ Новикова, и это немногое, въ чемъ сказывались жизненные инстинкты общества, показалось теперь опаснымъ.

Таково было настроеніе, подъ гнетомъ котораго должна была

¹⁾ Письмо къ Гримму отъ 14 мая, 1780.

существовать литература въ послѣдніе годы XVIII вѣка, а къ этимъ годамъ, какъ мы видѣли, относятся наиболѣе крупныя явленія этой литературы. На нихъ несомнѣнно отразилось это настроеніе, а то, что не подходило къ нему, испытало суровыя преслѣдованія: такова была судьба Новикова, Радищева, гоненіе противъ трагедіи Бняжнина „Вадимъ“ (послѣ смерти автора), предостереженія, данныя Фонъ-Визину. Самымъ печальнымъ было то, что, какъ замѣчаютъ даже иноземные историки ¹⁾, эти послѣдніе взгляды стали антецедентомъ къ послѣдующему тяжелому положенію русской литературы: недовѣріе къ просвѣщенію, которое по исторической необходимости было въ своемъ источникѣ чуждымъ, „западнымъ“, — осталось до самой второй половины нашего вѣка, а въ сущности остается и до сихъ поръ.

Наша литература второй половины XVIII столѣтія производитъ на историковъ двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны она имѣетъ видъ внѣшняго богатства: современники были о ней очень высокаго мнѣнія и подтверждали его именами Державина, Фонъ-Визина, Хераскова, Бняжнина, Хемницера, Кострова, Петрова, Майкова и пр., умалчивая еще о Радищевѣ и Новиковѣ. Мы имѣли случай упоминать, что безусловные поклонники этой литературы, особливо въ лицѣ Мерзлякова, дожили почти до Бѣлинскаго. По этому преданію литература XVIII вѣка считалась богатой и тогда, когда наступила новая школа: дѣлалась только оговорка объ условности псевдо-классической формы, которой писатели того времени должны были слѣдовать. Но со временъ Пушкина возникаютъ уже сильныя сомнѣнія, которымъ подвергается достоинство поэзіи не только Ломоносова, но самого Державина. Бѣлинскій началъ свое поприще извѣстнымъ положеніемъ, что у насъ нѣтъ, или не было литературы — до тѣхъ поръ, когда явилось сознаніе ея значенія: по его тогдашнему взгляду истинная литература началась только съ Пушкина и Гоголя. Несомнѣнно, что за литературой XVIII вѣка должно быть оставлено только значеніе предварительной, нѣрѣдко элементарной школы: это были первые опыты усвоить литературныя формы, наполняя ихъ нѣкоторымъ содержаніемъ изъ русской жизни, но содержаніемъ пова еще весьма поверхностнымъ. Мы видѣли, что въ предшествующемъ періодѣ, временъ Анны и Елизаветы, русская литература состояла всего изъ трехъ-четыреухъ именъ, ко-

¹⁾ De Larivière, стр. 228.

торыя наполняли своими трудами всё рубрики псевдо-классической поэзии и прозы. Большую долю этой литературы составляла торжественная риторика; литература исполняла служебную роль, какъ будто въ своихъ высокопарныхъ одахъ составляя только дополненіе къ придворнымъ празднествамъ, къ иллюминаціи и фейерверку. Если немного было писателей, то былъ еще не великъ и кругъ читателей и литература вполнѣ удовлетворяла ихъ скромнымъ запросамъ и немудрому взгляду на вещи.

Въ этихъ условіяхъ тотъ характеръ, какой принимало содержаніе литературы, становился неизбежнымъ и литература приносила свою воспитательную пользу. Она обращалась къ весьма смѣшанному обществу: реформа въ самомъ большинствѣ ея приверженцевъ понята была пова еще слишкомъ вѣшнимъ практическимъ образомъ; искусственная литература, которую начинали люди новаго образованія, находила еще немногихъ любителей; было, наконецъ, не мало людей, которымъ реформа была даже мало вразумительна. Такимъ образомъ новая литература естественно принимала тотъ популярный и вмѣстѣ риторическій и панегирический тонъ, которымъ отличалась старинная ода. Не даромъ начало новой русской литературы полагали вообще съ извѣстной оды Ломоносова на взятіе Хотина.

„Ода,—замѣчалъ одинъ историкъ той литературной эпохи,— съ нашей современной точки зрѣнія, самая пустая форма лирики, была въ то время едва ли не единственной формой, въ которой поэзія могла заговорить съ успѣхомъ передъ младенчествуящимъ русскимъ обществомъ. Общество это, до фаватизма ревнивое къ вѣрованіямъ, преданіямъ, обычаямъ своихъ отцовъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны въ высшей степени подозрительно: во всемъ новомъ, во всякой новой мысли и словѣ видѣло посягательство на свою святыню, на народную самостоятельность, честь и т. д., съ другой—было крайне невѣжественно, такъ что для него былъ вполнѣ закрытъ міръ истинной науки и истиннаго искусства. Самое лучшее изъ поэтическихъ произведеній, которому не нашли бы достойной цѣны современные знатоки поэзіи, тогда никѣмъ бы не было понято и осталось бы безъ всякаго вниманія. Ода обратила на себя общее вниманіе. Она заговорила о предметахъ, интересныхъ и доступныхъ для всякаго русскаго человѣка того времени, о дѣлахъ и событіяхъ, совершавшихся въ Россіи, и заговорила съ такимъ тактомъ, съ какимъ никто не умѣлъ говорить до нея. По поводу дѣлъ и событій, ода воспѣвала красу русской земли, ея несчетныя богатства, силу и величіе Россіи, могущество русскаго народа, его побѣды, его славное

прошедшее, его великую будущность и т. п. Таковы были всѣ оды Ломоносова! Кто изъ русскихъ, въ какой бы партіи ни принадлежалъ, могъ безъ восторга слушать эти чудные звуки, въ первый разъ прогремѣвшіе въ Россіи о ея славѣ, о славѣ русскаго народа?—Правда, ода стояла на сторонѣ реформъ, за новую Россію, за Петра, котораго пѣлъ Ломоносовъ почти въ каждой своей одѣ и, ни мало не обинуясь, называлъ богомъ Россіи¹⁾... Но ода умѣла и здѣсь принять примиряющій характеръ. Она не оставляла ни для кого никакого сомнѣнія въ томъ, что она привязана къ этимъ реформамъ лишь настолько, насколько онѣ не касаются вѣрованій народа, насколько онѣ даютъ славу и блескъ русскому имени предъ иностранцами. Ода сама пѣла и молитвы къ Богу, и псалмы царя Давида, и величіе и красоту божественную въ природѣ, и грозно вооружалась на иностранцевъ, какъ скоро подозрѣвала ихъ посягательство на вѣру русскую, на преимушества предъ русскими²⁾...

„Если мы вспомнимъ, что главное обвиненіе противъ реформъ состояло въ томъ, что онѣ имѣютъ цѣлью ниспровергнуть вѣру отцовъ, затереть русскихъ и все русское, и дать ходъ только иностранцамъ и ихъ обычаямъ, то для насъ будетъ понятно, какъ примирительно и пріятно должны были дѣйствовать оды Ломоносова на современное ему русское общество. Не забудемъ при этомъ, что въ Ломоносовской одѣ русской стихъ являлся въ первый разъ легкимъ, плавнымъ, звучнымъ, который очаровывалъ слухъ cadaго и самъ просился на языкъ“³⁾.

Тотъ же историкъ объясняетъ далѣе, почему въ новомъ начинавшемся періодѣ литературы поэзія отличалась этимъ хвалебнымъ настроеніемъ. Кромѣ того, что ей приходилось, какъ мы сейчасъ видѣли, объяснять для самой массы общества реформу, ей нужно было найти доступъ въ высшіе и вліятельные круги, внушить имъ интересъ къ литературѣ, потому что только этимъ путемъ литература могла войти въ составъ образованія и распространиться въ обществѣ,— „а доступъ въ высшіе, но грубые,

¹⁾ Известные стихи:

„Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскіе,
Сомель къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ“...

²⁾ „А вы (иностранцы), которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство, вольности златя...
На то ль склонились къ вамъ монархи...
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?“ и пр.

³⁾ „Современникъ“, 1866, октябрь, стр. 248—249, статья Грицько (Екисѣев).

не тронутые образованіемъ классы общества безъ лести невозможны”.

Съ этихъ первыхъ шаговъ литературы сложился ея характеръ, удержавшійся въ теченіе всего XVIII-го вѣка. Одною изъ ея особенностей стало меценатство, о которомъ говорятъ всѣ ея историки, обыкновенно видя въ немъ утѣшительный фактъ вниманія высшихъ круговъ общества къ интересамъ науки и литературы и даже иногда сожалѣя, что такого меценатства уже нѣтъ въ настоящее время. Въ дѣйствительности вліяніе меценатства было обоюдное. Высшимъ образцомъ и примѣромъ его было, конечно, меценатство самихъ монарховъ, за которыми уже на второмъ планѣ слѣдовали вельможи. На первое время это меценатство самой власти, находившей конечно и собственный интересъ въ восхваленіи существующаго правленія, очень поддержало едва возникавшую литературу: вниманіе двора внушало къ ней интересъ и въ придворномъ, и въ болѣе широкомъ общественномъ кругу; писатель или ученый становился замѣтнымъ лицомъ въ обществѣ только ради того, что онъ—писатель или ученый; этого прежде не бывало и съ этихъ поръ устанавливается, хотя бы смутное на первый разъ, представленіе объ особенномъ правѣ литературнаго слова. Когда импер. Елизавета освобождала Ломоносова отъ законнаго взысканія за его буйство—„ради его довольнаго обученія“, или Екатерина возвышала Державина изъ-за его оды, это были факты небывалые и они должны были производить впечатлѣніе въ обществѣ, большинство котораго были люди полуобразованные. Меценаты-вельможи, конечно, слѣдовали только примѣру двора: и здѣсь покровительство литературному труду,—который былъ обыкновенно „подношеніемъ“,—выражалось весьма реальной протекціей, подарками, доставленіемъ мѣста и т. п. Изрѣдка бывали примѣры, когда меценатство бывало полезно не только данному лицу, но приводило и къ прямой общественной пользѣ: таково было при Елизаветѣ покровительство Шувалова Ломоносову или впоследствии покровительство Екатерины историческимъ предпріятіямъ Новикова; позднѣе при Александрѣ I таково было покровительство графа Румянцова, впрочемъ слишкомъ исключительное, изслѣдованіямъ о русской древности. Но вообще покровительство не пошло дальше; оно простиралось только на панегирики или на произведенія безразличнаго характера и нисколько не способствовало развитію самостоятельной дѣятельности литературы. Напротивъ, оно вѣроятно только препятствовало ему, потому что меценаты могъ покровительствовать только тому, что подходило къ господствующему тону, и не могъ дать своего одобренія тому,

что представляло бы какую-нибудь попытку самостоятельнаго мнѣнія, которое шло бы въ разрѣзъ съ этимъ тономъ. Такимъ образомъ само собою установилось то хвалебное направленіе, которое начинается одами Ломоносова и танется безъ перерыва въ теченіе всего XVIII вѣка, переходя наконецъ и въ XIX. Разница была только въ томъ, что если ода была естественна въ данныхъ условіяхъ во времена Ломоносова, то въ концѣ вѣка она становилась нерѣдко тѣмъ „пресмыкательствомъ“, о которомъ мы приводили слова Тихонравова. На пространствѣ шестидесяти лѣтъ, когда наростало два-три новыхъ поколѣнія, положеніе вещей уже значительно измѣнилось; при всемъ медленномъ развитіи общества возникали новыя, болѣе сознательныя стремленія, но творцы одъ продолжали „пѣть“ все въ томъ же тонѣ: это свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что старое меценатство перестало приносить какую-либо пользу, такъ и о томъ, что литература въ этой области не сдѣлала да и не могла сдѣлать никакихъ успѣховъ въ смыслѣ самостоятельности.

Указывая характеръ меценатства, приведившаго только къ панегирику, тотъ же историкъ, котораго мы раньше цитировали, замѣчаетъ: „Отъ этого ложнаго направленія лучшихъ литературныхъ силъ, искусственно поддерживаемаго и поощряемаго, наша литература въ своихъ лучшихъ представителяхъ, въ продолженіе всего XVIII столѣтія, почти не имѣла никакого движенія, если не брать во вниманіе языка; она толкалась на одномъ мѣстѣ, начиная съ Ломоносова до Карамзина, не возростая нисколько въ своихъ понятіяхъ ни о внутреннемъ, ни о вѣдѣнномъ достоинствѣ поэтическихъ произведеній. Это зависѣло оттого, что наши литературныя знаменитости возводились въ этотъ титулъ не по дѣйствительному достоинству своихъ произведеній, а по успѣху, который имѣли ихъ творенія въ извѣстномъ кружкѣ, — и въ литературѣ были чистыми временщиками. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы наши литературныя знаменитости были люди безъ таланта, напротивъ, большая часть изъ нихъ имѣла замѣчательные таланты; но это именно самое и причиняло тѣмъ болѣе вредъ литературѣ, ибо тормозило ея развитіе тѣмъ съ большою силою. Не говоря уже о томъ, что, дѣйствуя на ложномъ пути, таланты сами представляли собою силы, погибшія для литературы болѣе или менѣе бесплодно; они кромѣ того на тотъ же ложный путь увлекали и второстепенныя дарованія и на томъ же ложномъ пути держали и развитіе общественное“¹⁾. Надо прибавить, что

¹⁾ „Современникъ“, 1865, ноябрь, стр. 142—143.

общественное развитие двигается не одной литературой: оно определяется очень многими условиями и въ свою очередь оказывает вліяніе на литературу.

Для того, чтобы литература приобрѣла самостоятельное значеніе, нужно было, во-первыхъ, чтобы въ самомъ обществѣ нашлись дѣятельныя силы, нашлось умственное содержаніе, которое изъ круга наиболѣе просвѣщенныхъ и даровитыхъ людей могло бы пробуждать общественное сознаніе. Но мы видѣли, что этотъ кругъ образованныхъ людей былъ еще слишкомъ немногочисленъ, что у него не было возможности никакой общественной дѣятельности (впослѣдствіи попыткой создать такую дѣятельность были издательскія, школьныя и масонскія предпріятія Новикова); что было слишкомъ скудно то научное содержаніе, какое было однако необходимо, для того чтобы эта дѣятельность имѣла прочную опору знанія. Наконецъ, нужно было, чтобы въ обществѣ или по крайней мѣрѣ въ наиболѣе образованномъ кругу создалось понятіе о самостоятельномъ значеніи литературы, которая должна занимать не служебную роль писательства, дѣйствующаго только по приказу, а была выраженіемъ внутренняго сознанія и свободнаго поэтическаго творчества. Мы видѣли однако, что такого представленія о литературѣ не существовало. По мнѣнію Тредьяковскаго, который однако усиленно заботился объяснить русскому обществу необходимость и красоту поэзіи, эта поэзія есть только „утѣшная и веселая забава“, и что произведенія ея суть „Фрукты и Конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ“. По взгляду Державина, поэзія есть „даръ боговъ“, однако не черезъ-чуръ важный; онъ радуется, обращаясь къ Фелицѣ:

„Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“,—

т.е. опять нѣчто въ родѣ фруктовъ и конфетъ; за своимъ собственнымъ даромъ онъ признаетъ только служебную роль; его поэзія имѣетъ цѣну только потому, что прославляетъ Екатерину:

„Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду...
Превознесу тебя, прославию,
Тобой бессмертенъ буду самъ“.

Поэзія, которую можно было (на пространствѣ пятидесяти лѣтъ) сравнивать съ конфетами и лимонадомъ, была, конечно, не настоящая поэзія; это было механическое мастерство, на которое покушался даже человѣкъ до такой степени лишенный дарованія,

какъ Тредьяковскій. Державинъ былъ, разумѣется, неизмѣримо его выше, потому что владѣлъ несомнѣннымъ талантомъ; но этотъ грубый взглядъ на поэзію, которую можно было употребить при случаѣ для устройства практическихъ выгодъ, сказывается безъ малѣйшихъ недоумѣній и у него. Онъ самъ рассказываетъ простодушно въ своихъ запискахъ, что когда ему надо было для его служебныхъ видовъ „достигнуть до фаворита“ (Зубова) и это оказалось не легко, то „не осталось другого средства, какъ *прибѣгнуть къ своему таланту*“, т.-е. написать хвалебную оду (это было „Изображеніе Фелицы“). Въ другой разъ онъ навлекъ на себя неудовольствіе императора Павла: въ своемъ крайнемъ огорченіи „наконецъ вздумалъ онъ безъ всякой посторонней помощи возвратить къ себѣ благоволеніе монарха *посредствомъ своего таланта*“. Онъ опять написалъ оду и она имѣла свое дѣйствіе: Державинъ достигъ желаемого...

Такой большой писатель, какъ Фонъ-Визинъ, уже близко къ концу XVIII вѣка, все еще не видитъ самостоятельнаго значенія литературы. Въ „Челобитной Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей“ онъ жалуется на знатныхъ и сильныхъ невѣждъ, сдѣлавшихъ будто бы постановленіе— „всѣхъ, упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, къ дѣламъ не употреблять“ или отрѣшнить, и проситъ Минерву отмѣнить это незаконное постановленіе, „насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣтъ по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, *служба Россійскимъ музамъ на досугъ*, могли главное нашей жизни время посвятить на дѣло службы вашего величества“.

Какъ упорно держались подобные взгляды въ кругу самихъ писателей, можно судить между прочимъ по удивительной живучести оды: хотя она давно уже вызвала насмѣшки своими крайностями (вспомнимъ, что еще Сумароковъ писалъ пародіи на оды Ломоносова), удерживала однако твердо свое мѣсто въ литературѣ и дожила до XIX-го вѣка. Писатель Карамзинскаго періода, И. И. Дмитріевъ, прославился нѣкогда своей сатирой „Чужой толкъ“ (1795), которая осмѣивала плохихъ одописателей; историкъ литературы находитъ, что эта сатира была „самымъ ловкимъ пораженіемъ хвалебной лирики“, что она „съ большимъ остроуміемъ и вѣрностью изобразила приемы и свойства громкихъ одъ, выходившихъ изъ-подъ пера бездарныхъ римоплетовъ“¹⁾, но самъ Дмитріевъ въ сущности вовсе не отвергаетъ этой поэтической формы и ея направленія: виноваты только плохіе стихотворцы, и онъ говоритъ объ нихъ:

¹⁾ Галаховъ, „Исторія русской словесности“, изд. 2-ое, Спб., 1880, II, стр. 849.

„Желать бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
 Кто въ громкѣй славою Екатерининнѣ вѣкъ
 Хвалою ему сердцеъ другихъ не восхищаетъ
 И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
 Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ“,—

и для большей ясности онъ прибавляетъ примѣчаніе, что въ сатиры осуждаются не всѣ, а только нѣкоторыя оды, „но читатели и безъ сего замѣчанія должны быть увѣрены, что произведенія Хераскова, Державина, Петрова не въ числѣ оныхъ“. Несмотря на всѣ насмѣшки, эта форма удерживалась: ода представляла собою не только литературную манеру, но еще больше—ступень общественнаго пониманія.

Обратившись къ другимъ областямъ литературы, мы найдемъ въ сущности то же самое настроеніе: каждый разъ, когда писатель обращается къ дѣйствительной жизни, мы рѣдко найдемъ непосредственное и правдивое ея изображеніе, не говоря объ истинной поэзіи, которая была бы въ ней подмѣчена и искренно выражена. Была, правда, сатира и комедія, но онѣ ограничивались тѣмъ небольшимъ кругомъ предметовъ, который былъ для нихъ допущенъ, потому что съ официальной точки зрѣнія былъ болѣе или менѣе безразличенъ. Выше мы указывали, какъ эти предметы являлись въ сатиры Новикова: дурные помѣщики, лихоимцы судьи и подьячіе, глупые франты, помѣшанные на французскихъ модахъ, такія же щеголихи, у которыхъ принадлежностью французскаго воспитанія является непремѣнно безнравственность; изъ людей стараго вѣка—невѣжды, ханжи, суевѣры и т. п. Всѣ эти темы излагались безчисленное множество разъ въ разныхъ вариацияхъ, доводились (еще со временъ Сумарокова) до чистой каррикатуры. Мы не знаемъ, имѣла ли какое-нибудь дѣйствіе эта сатира; можно думать, что она такого дѣйствія не имѣла,— въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ эти изображенія повторяются, мѣняясь только въ подробностяхъ; а главное, во всѣхъ указанных случаяхъ сатира или комедія не доводились до конца. Подобныя явленія несомнѣнно существовали, составляли даже великое зло въ общественной жизни, но писатель никогда не объяснял (и вѣроятно самъ не додумался до этого объясненія), откуда происходитъ это зло и чѣмъ бы оно могло быть исправлено. Писатель, карая эти общественные недостатки, прибѣгалъ къ вмѣшательству закона (какъ Фонъ-Визинъ въ „Недорослѣ“, гдѣ такимъ представителемъ закона является Правдинъ) или призывалъ къ добродѣтели (какъ въ томъ же „Недорослѣ“ представляетъ ее Стародумъ); но въ одномъ случаѣ читатель или зритель зналъ,

что на дѣлѣ законъ всего чаще былъ безсиленъ услѣдить за всѣми вопіющими злоупотребленіями, а въ другомъ случаѣ было ясно, что добродѣтельные лица комедіи—лица выдуманныя. Читатель или зритель съ удовольствіемъ слушалъ рѣчи Стародума, потому что находилъ въ нихъ нравственное удовлетвореніе, голосъ правды среди лжи и безправія, но онъ не зналъ Стародума въ жизни: неизвѣстно было, гдѣ могъ воспитаться такой характеръ, какаго шеола могла его приготовить, на что онъ могъ опереться въ житейской борьбѣ среди испорченнаго общества и испорченной администраціи; наконецъ, если бы такія лица существовали, они были бы исключеніемъ и невозможно было строить исправленіе общества на этихъ исключеніяхъ.

Такимъ образомъ мысль объ общественныхъ предметахъ оставалась недосказанной, а всего чаще и недодуманной, поэтому возможенъ былъ такой выводъ о нашей литературѣ XVIII вѣка: „Органическаго роста напрасно бы мы стали искать въ поэзіи XVIII столѣтія. Служа не дѣлу общественнаго развитія, а сдѣлавшись орудіемъ забавы или исключительныхъ цѣлей въ рукахъ небольшого кружка лицъ, поэзія, естественно, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была сдѣлаться поэзіею *минуты*. Минутою опредѣлялось ея содержаніе и *минутою* исчерпывалось все ея значеніе. Поэтъ нисходилъ на степень занимательнаго забавника, ловкаго комплиментера или исправнаго чиновника, а поэзія дѣлалась орудіемъ прихоти и произвола. Содержаніе ея опредѣлялось чисто внѣшними, случайными требованіями минуты, безъ всякаго отношенія къ прошедшему, и теряло всякую историческую почву. Одинъ поэтъ нисколько не опредѣлялся другимъ, предшествующимъ ему, и не условливалъ собою слѣдующаго за нимъ ни въ какомъ отношеніи, исключая развѣ языка и версификаціи. Вотъ почему наша поэзія XVIII вѣка представляетъ собою чисто механической агрегатъ словесныхъ произведеній, который не имѣетъ никакой внутренней связи, и произведенія, ранѣе явившіяся, не даютъ никакого ключа къ уразумѣнію какъ потребности, такъ и достоинства послѣдующихъ. Послѣ Ломоносова до Карамзина нѣтъ почти никакого поступленія впередъ ни въ содержаніи, ни въ формѣ поэтическихъ произведеній“¹⁾.

Надо прибавить къ этому, во-первыхъ, что если по существу наша старая поэзія не оказывала большого прогресса, то исторически немалое значеніе имѣлъ успѣхъ ея во внѣшней обработкѣ: съ одной стороны, расширялась область литературной формы, съ

¹⁾ „Современникъ“, 1865, ноябрь, стр. 144.

другой—языкъ все больше выработывалъ свои средства, чтобы стать наконецъ орудіемъ для болѣе широкаго содержанія. Въ этомъ отношеніи успѣхъ несомнѣненъ, когда къ концу временъ Екатерины могъ образоваться писатель, какъ Карамзинъ, а вслѣдъ за Карамзинимъ уже идетъ Жуковскій. Во-вторыхъ, развитіе нашей литературы XVIII вѣка заключалось не въ одной только поэзіи. Какъ ни были слабы тогдашнія попытки русскаго общества опредѣлить свое міровоззрѣніе, свои взгляды на политическую и общественную дѣйствительность, эти попытки однако были. Правда, многое изъ того, что думало общество объ этихъ предметахъ, не могло быть высказано въ печати и въ теченіе цѣлаго столѣтія оставалось подъ спудомъ, какъ сочиненія князя М. М. Щербатова, какъ многочисленныя мемуары изъ временъ Екатерины, но по крайней мѣрѣ теперь подобныя произведенія являются историческимъ свидѣтельствомъ, что общественная мысль не оставалась въ бездѣйствіи. Другимъ свидѣтельствомъ остается дѣятельность Новикова; книга Радищева указывала также, что литература того времени могла бы не казаться столь безсодержательной, еслибы ея внѣшнія условія были болѣе благопріятны.

Далѣе, если припомнить состояніе нашей школы, о которомъ мы выше говорили, то не можетъ не броситься въ глаза чрезвычайно малый уровень образованія, какимъ располагало общество, а въ томъ числѣ и его литературные представители. Такимъ образомъ все дѣло литературы совершалось при весьма скудныхъ средствахъ знанія. Европейская образованность представлялась идеаломъ и цѣлью, но къ ней не было никакого правильного пути: отсюда то поверхностное усвоеніе внѣшнихъ формъ западнаго (собственно французскаго) образованія, въ сущности только усвоеніе моды, на что такъ плавались сатирики XVIII вѣка. Мы видѣли, что иначе быть не могло, когда вмѣсто школы молодому баричу приходилось учиться только у невѣжественнаго гувернера. Подобнымъ образомъ первые шаги литературы XVIII вѣка состояли въ ученической подражательности: заимствовали не только внѣшнія литературныя формы, но и самое содержаніе: ода, трагедія, комедія, комическая опера, сатира и всевозможныя мелкія формы псевдо-классической поэтики составлялись по французскимъ (изрѣдка нѣмецкимъ) образцамъ, и въ нихъ влагалось или цѣлкомъ чужое содержаніе (какъ въ трагедіяхъ съ классическими сюжетами), или подобіе русскаго содержанія (какъ въ трагедіяхъ Сумарокова изъ русской исторіи или въ подобныхъ эпopeяхъ Хераскова). Ода естественно наполнялась съ самаго

начала панегирикомъ на русскія темы, какъ сатира—обличеніемъ русскихъ подъячихъ. Комедія не имѣла бы, конечно, смысла безъ предметовъ, взятыхъ изъ русской жизни; но и здѣсь чужіе образцы постоянно давали себя чувствовать. Первые комедіи, которыя написаны были Сумароковымъ, были совершенно безобразны; онъ бралъ цѣликомъ не только лица французской комедіи съ ихъ именами (Пасквинъ, Леандръ, Арликинъ, Криспинъ и т. п.), но даже ихъ обстановку, а рядомъ съ ними ставилъ русскихъ подъячихъ или щеголей; по французскому примѣру, комедія зачастую вертѣлась на плутоватомъ слугѣ или субреткѣ и т. п. Это послѣднее казалось такъ необходимо, что слуги и служанки еще долго послѣ Сумарокова являлись необходимой подмогой для проведенія комическаго дѣйствія.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о тѣхъ ребяческихъ приемахъ, съ которыми писались первые русскія комедіи, и какъ возникали первые несмѣлыя требованія отъ комедіи русскаго содержания. Одинъ изъ писателей 60-хъ годовъ XVIII вѣка, Дувинъ, понималъ уже нелѣпость комедіи Сумарокова, грубо скопированной съ французскихъ пьесъ, и удивлялся, какъ не „сдѣлають отвращенія“ подобныя творенія. „Кажется, — говоритъ онъ, — что въ зрителѣ, прямое понятіе имѣющему въ произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды услышитъ, что русской подъячей, пришедъ въ какой ни есть домъ, будетъ спрашивать: *Здѣсь ли имѣется квартира господина Оронтоа? Здѣсь, скажутъ ему: да чего жъ ты отъ него хочешь? Свадебной написать контрактъ,* скажетъ въ отвѣтъ подъячей. Сіе вскружить у знающаго зрителя голову. Въ подлинной россійской комедіи, имя Оронтово, старику данное, и написаніе брачнаго контракта подъячему, вовсе несвойственно. Однако иные говорятъ, что и сіе имъ не противно. Я же чрезмерно дивлюсь, какъ можетъ русскому человѣку, дѣлающему подлинную комедію, притти въ мысли включить въ нее нотаріуса или подъячаго, для сдѣланія брачнаго контракта, вовсе намъ невзвѣстнаго. Первой у насъ только вексели протестуетъ; а другой только по должности своей дѣла въ томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье. И какая связь тутъ будетъ, если дѣйствующія лица такъ наминаются: *Геронтъ, Подъячей, Фонтицидѣусъ, Иванъ, Финета, Криспинъ и Нотаріусъ.* Не могу проникнуть, откуда могутъ притти сіи мысли, чтобы сдѣлать такое сочиненіе. Это дѣло по истинѣ странное; а то еще сравнѣе, чтобы почитать его правильнымъ. Я мню, что не можно русскому писателю сплести

толь несвойственное сочиненіе¹⁾). Дѣйствительно, комедіи были чрезвычайно нелѣпы, но авторитетъ Сумарокова былъ еще такъ великъ, что Лукинъ прослылъ въ свое время „худителемъ славныхъ сочиненій“.

Прошли десятии лѣтъ, за комедію взялся писатель и съ большимъ литературнымъ пониманіемъ и съ несомнѣннымъ комическимъ талантомъ,—и все-таки не могъ обойтись безъ подражательности и заимствованій—такъ еще чувствовалась надобность въ чужой помощи. Въ самой, повидимому, русской комедіи, какъ „Недоросль“, правоучительныя сентенціи Стародума и Милона заимствованы, между прочимъ, изъ Лабрюйера, Дюфрени, Дюкло, изъ „Слова похвальнаго Марку Аврелію“ Томаса (ранѣе переведеннаго Фонъ-Визинимъ), изъ французскаго „Dictionnaire des synonymes“, но даже извѣстное разсужденіе г-жи Простаковой о географіи взято изъ повѣсти Вольтера. Но еще гораздо больше заимствованій находится у другого писателя, который пользовался въ XVIII вѣкѣ большой славой, у Княжнина: это былъ человекъ не лишенный дарованія, съ большой любовью къ литературѣ, желавшій давать своимъ произведеніямъ идейное содержаніе, но тѣмъ не менѣе онъ былъ не въ силахъ освободиться отъ своихъ французскихъ образцовъ, какъ Мольеръ, Дотупъ, Бомарше, Брюэ, которыхъ онъ приноравлялъ къ русскимъ нравамъ, но комедіи все-таки оставались натянуты. Къ концу вѣка комедія нѣсколько оживляется: въ числѣ изображаемыхъ лицъ являются дѣйствительно русскіе типы, все сильнѣе пробивается народный языкъ, иногда даже очень характерный,—начиная съ Аблесимова. Думаютъ обыкновенно, что это вступленіе народной стихіи въ комедію и комическую оперу было признакомъ стремленія создать, наконецъ, національную драму; предметъ не изученъ достаточно, но болѣе точное изслѣдованіе едва ли не укажетъ и здѣсь извѣстнаго вліянія французскихъ образцовъ... Ранѣе, надо предполагать вліяніе итальянскаго фарса, а затѣмъ отразились новыя направленія французской драмы, въ которой около половины столѣтія совершался сильный переворотъ: еще держалась героическая трагедія въ строгомъ псевдо-классическомъ стилѣ, но стремленіе сблизить сцену съ жизнью ввело и въ концѣ концовъ утвердило тотъ средній родъ драмы, который называли слезливой комедіей, буржуазной драмой; въ комедію все больше проникали живые вопросы, волновавшіе общественное мнѣніе, какъ, на примѣръ, вопросъ сословныхъ отношеній, а въ концѣ концовъ явился и вопросъ о народѣ съ той

¹⁾ Сочиненія и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, Спб. 1868, стр. XLVII—LVI, 118—119 и др.

идеализаціей, которая съ одной стороны напоминаетъ идиллію, а съ другой готовится къ вопросу о политическомъ значеніи народа ¹⁾). Какъ проникла къ намъ буржуазная драма и „Шакспиръ“, такъ могли проникнуть и отголоски тенденціозной драмы, изображавшей народную жизнь... Последнимъ предѣломъ, какого достигла комедія прошлаго вѣка, была „Ябеда“ Капниста—на ту тему, которая занимала русскую сатиру и комедію въ теченіе всего XVIII-го вѣка, вещь по своему времени довольно смѣлая и яркая.

Мы говорили о началѣ нашей трагедіи. Въ рукахъ писателей первой половины вѣка это была простая копія французской псевдо-классической трагедіи, иногда весьма уродливая, какъ мы видѣли это у Сумарокова. Во второй половинѣ столѣтія наибольшей славой пользовались трагедіи Княжнина, отчасти на старья классическія темы, отчасти на русскія. Подражаніе французской и итальянской псевдо-классической драмѣ доходитъ до простаго повторенія этихъ образцовъ, до такой степени, что въ „Ярополкъ и Владиміръ“ скопирована „Андромаха“ Расина, а „Владисанъ“ копируетъ „Меропу“ Вольтера. Новый драматургъ нисколько не подвинулъ русскую трагедію: отъ Сумарокова отличается его только бѣдшая отдѣлка языка и стиха...

Но этотъ „переимчивый Княжнинъ“, какъ давно опредѣлили его Пушкинъ, хотя былъ не самостоятельный писатель, но былъ весьма достойный человѣкъ. Онъ служилъ при Бецкомъ, пользовался его довѣріемъ и, повидимому, принималъ большое участіе въ его работахъ: одушевленный тѣми идеями, какія заявила Екатерина въ первые годы своего правленія, онъ не былъ льстецомъ, но былъ искреннимъ поклонникомъ Екатерины, потому что въ этомъ направленіи ея дѣятельности ожидалъ великихъ благъ для отечества. Это настроеніе отразилось на выборѣ тѣхъ идей, какія излагалъ онъ въ своихъ трагедіяхъ: ему одинаково служили здѣсь источникомъ и „Наказъ“, и западная псевдо-классическая трагедія. Прежде всего это было высокое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ, представленіе, которое такъ настойчиво развивала западная просвѣтительная литература и которое желала объяснять Екатерина въ „Наказѣ“. Въ этомъ понятіи соединилось и личное достоинство, и обязанности гражданина къ своему отечеству, а, наконецъ, и обязанности правителя къ народу. Княжнинъ постоянно возвращался къ этимъ темамъ и въ особенности производилъ на современниковъ впечатлѣніе „Титова Милосердія“,

¹⁾ Ср. въ книгѣ Иванова, „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка“. М. 1895, стр. 546 и далѣе.

написанное по Метастазію и Дю-Беллу, и трагедія „Рославъ“, гдѣ, какъ онъ говоритъ въ посвященіи княгинѣ Дашковой, „не обыкновенная страсть любви, которая на Россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству изображена“. Современные свидѣтельства говорятъ о необыкновенномъ успѣхѣ трагедій Княжнина. Когда исполнялось „Титово Милосердіе“, то, по словамъ біографіи, „ни одного разу занавѣсъ безъ того не опускалася, чтобы зритель не провожалъ актеровъ съ наполненными слезъ глазами“. О „Рославѣ“ та же біографія говоритъ, что „во время представленія сей трагедіи многочисленная публика съ восторгомъ приняла несравненное произведеніе пера великаго стихотворца, и можно сказать, что каждый стихъ сопровождала громкими рукоплесканіями“¹⁾.

Біографъ рассказываетъ съ великимъ сочувствіемъ о достойномъ личномъ характерѣ Княжнина: это былъ человѣкъ скромный, образованный и убѣжденный патріотъ²⁾.

Это приводитъ насъ въ типическую черту того времени. То подражаніе, въ которомъ видать столь великій недостатокъ прошлаго столѣтія, было органически необходимо, какъ извѣстная стадія общественнаго воспитанія. Было бы дѣломъ первой важности, чтобы власть, которой только и могла принадлежать вся инициатива, озаботилась—вступая на европейскій путь—основаніемъ школы; этого не было (мы видѣли, что школа была чрезвычайно недостаточна),—потому что самая мысль о необходимости широкой школы была бы уже дѣломъ таковаго серьезнаго пониманія, до какаго еще не дошли; а если этого не было, если для установленія даже элементарныхъ понятій должна была работать едва

¹⁾ Сочиненія Якова Княжнина. Изд. 3-е. Спб. 1817, т. I, стр. 7, 9. Сочиненія Княжнина вызвали нѣкогда очень подробное изслѣдованіе Стожнина; ср. также объясненіе его просвѣдательныхъ и патріотическихъ идей въ статьѣ: „Изъ прошлаго русской драмы“, г. Юрія Веселовскаго, въ „Артистѣ“, 1894.

²⁾ „Вотъ изображеніе свойствъ его: тихой, благоправной характеръ, обработанной чтеніемъ и опытами всей его жизни, привнесалъ къ себѣ любовь и уваженіе тѣхъ, которые были съ нимъ знакомы, и тѣхъ, которые только что слышали о немъ... Страхась навлечь себѣ непріятелей, онъ лучше желалъ быть болѣе скритенъ, нежели менѣе любимъ.“

„Открытой домъ его былъ самымъ лучшимъ сборищемъ для всѣхъ ученыхъ людей. Любители изящныхъ наукъ, въ кругу сего общества, въ маленькомъ семь Пантеонѣ читали сердца свои, а молодые стихотворцы образовывали юныя свои дарованія, оживотворяясь разумомъ нашего поэта“. Въ бумагахъ его осталось начало поэмы о Петрѣ Великомъ и трагедія о Пожарскомъ. Поэма осталась незаконченной, какъ думаетъ біографъ, потому что онъ не хотѣлъ соперничать съ творцомъ „Россиады“; Княжнинъ оставилъ лирику, когда явился Державинъ, но за то онъ „содѣлался нашимъ Эврипидомъ, нашимъ Расиномъ“.

возникшая литература, то она по необходимости должна была пройти тѣ же ступени первоначальнаго воспитанія, какія давала бы школа, и потому естественно становилась элементарной, ученической, подражательной. Такова она и была отъ Ломоносова до Карамзина и даже послѣ. Но эта литературная школа находила ревностныхъ учениковъ. Съ конца XVII-го вѣка не только государство видѣло необходимость реформы, но и въ средѣ общества была почувствована потребность въ образованіи, которая съ теченіемъ времени становилась все болѣе серьезной. Мы видѣли равнѣе, что самоучки времени Петра, какъ Татищевъ, стремились уже, сколько могли, овладѣвать ученіями тогдашней науки и опредѣлять свое міровоззрѣніе на историческомъ распутьѣ, на которой вступилъ тогда русскій народъ. Вскорѣ потомъ „вѣкъ философіи“, который въ самой Европѣ былъ такимъ сильнымъ умственнымъ и нравственнымъ переворотомъ, отразился и у насъ новымъ возбужденіемъ мысли: если уже старая псевдо-классическая драма заключала въ себѣ извѣстное популярное правоученіе, то „философская“ литература ставила религію, мораль, политику основными вопросами своихъ изслѣдованій. Само собою разумѣется, что „философія“, по самымъ размѣрамъ нашей образованности, могла быть понята у насъ только крайне поверхностно, какъ пресловутое „вольтеріанство“; но въ лучшихъ умахъ и характерахъ новыя мысли, заимствованныя въ философской литературѣ, будили собственную мысль, ставили нравственные и общественные вопросы въ средѣ самой русской жизни. Такимъ образомъ то, что называютъ подражаніемъ, имѣло свое несомнѣнное просвѣтительное значеніе, восполняя недостатокъ школы и отсутствіе общественности. Русскій читатель родился съ этимъ теоретическимъ содержаніемъ и искалъ ему примѣненій въ собственной средѣ. Въ началѣ второй половины вѣка примѣръ подала сама Еватерина, и цѣлый рядъ писателей, отъ Сумарокова до Карамзина, находилъ въ „Навазѣ“ опору для своихъ назиданій. Литература переполнена нравственными разсужденіями: ода, сатира, трагедія, комедія (въ рѣчахъ „добродѣтельныхъ“ лицъ) говорятъ о человѣческомъ достоинствѣ, о добродѣтели, о долгѣ гражданъ къ отечеству и самимъ царей къ ихъ подданнымъ, о справедливости и милосердіи и т. д. И это было не только въ книгѣ: въ кругу болѣе образованныхъ людей подобныя интересы начинаютъ считаться признакомъ просвѣщенія, конечно, являясь иногда только на показъ, какъ, напримѣръ, тѣ высокія чувства, которыми обмѣнялись Державинъ однажды съ враждовавшимъ къ нему гр. Панинымъ, а въ другой разъ съ кн. Вяземскимъ, при

чемъ даже проливались слезы, но послѣ того (какъ замѣчаетъ объ этомъ самъ Державинъ въ своихъ запискахъ) и тотъ и другой остались, однако, его вѣрными врагами... Высокія чувства были съ обѣихъ сторонъ комедіей, но она считалась уже нужной для нравственнаго приличія...

Но въ этомъ тонѣ нравственныхъ требованій дѣйствовали и воспитывались и люди съ болѣе развитымъ чувствомъ, и изъ этого содержанія просвѣтительныхъ идей выросла дѣятельность Новикова, и на этомъ нравственномъ содержаніи воспитался Карамзинъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ явленіяхъ той эпохи. Послѣ журнала 1768 года Екатерина не оставила литературныхъ занятій. Съ конца шестидесятыхъ годовъ она написала длинный рядъ комедій, комическихъ оперъ, историческихъ драмъ; въ восьмидесятыхъ приняла участіе въ „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова“, гдѣ печатала „Были и небылицы“ и предприняла работы по русской исторіи; наконецъ, написала извѣстныя правоучительныя сказки о царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Феверѣ, сочиненія о воспитаніи. Своимъ чисто литературнымъ трудамъ она не придавала значенія, говорила о нихъ скромно, какъ о бездѣлкахъ, сознавалась въ незнаніи русской грамоты (дѣйствительно, ея сочиненія выправлялись другими, а стихи въ ея пьесахъ писалъ Храповицкій), хотя, какъ мы уже замѣчали, при нѣкоторой неправильности стили у нея было большое знаніе самаго языка и именно народнаго ¹⁾; но въ существѣ она считала ихъ дѣломъ серьезнымъ, потому что хотѣла дѣйствовать ими воспитательно на общество. Первая попытка съ журналами не удовлетворила ее, оставила въ ней непріятное впечатлѣніе: писатели не поняли того, въ какомъ духѣ она хотѣла вести свои публицистическія поученія, или не хотѣли подчиниться ея желаніямъ; вмѣсто уклончиваго порицанія „слабостей“, они хотѣли прямого обличенія вопіющихъ недостатковъ русской жизни. Такъ или иначе журналы прекратились, но въ 1772 году Новиковъ

¹⁾ „Ты не смѣйся надъ моею русскою орфографіей (говорила она своему статъ-секретарю Грибовскому): я могла учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе.— Впрочемъ (замѣчаетъ Грибовскій), государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ множество знала“ (Записки объ импер. Екатеринѣ Великой, Грибовскаго. Изд. 2-е. М. 1864, стр. 25),— и это было справедливо, потому что множество подобныхъ словъ разбросано въ ея сочиненіяхъ, именно въ пьесахъ и въ „Былицахъ и небылицахъ“.

началъ опять изданіе „Живописца“, въ которомъ сама Екатерина приняла нѣкоторое участіе. Одинъ изъ историковъ тогдашней литературы считаетъ возможнымъ утверждать, что, несмотря на прекращеніе „Трутна“, Екатерина до извѣстной степени подпала потомъ вліянію Новикова ¹⁾. Трудно сказать, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, какъ все это могло происходить: по крайней мѣрѣ при содѣйствіи императрицы Новиковъ въ семидесятихъ годахъ получалъ старыя рукописи для предпринятаго имъ тогда историческаго изданія. Но хотя бы Екатерина дѣйствительно измѣнила свое отношеніе къ Новикову, ея собственная сатира сохранила вообще свой прежній характеръ, уклончивый и неясный, которому она измѣняла только въ тѣхъ случаяхъ, когда ей хотѣлось выразить въ сатирѣ или въ комедіи свое личное раздраженіе

Послѣ журнала она издала, какъ мы сказали, длинный рядъ комедій, комическихъ оперъ и драмъ. Ея комедіи направлены вообще противъ извѣстныхъ нравственныхъ недостатковъ: ханжества, суевѣрія, дворянской расточительности, невѣжества, подражанія французскимъ обычаямъ, страсти къ сплетнямъ и т. п., все—темы, которыя множество разъ разрабатывались тогдашней комедіей. Эта комическая сатира сохраняла въ сущности тотъ же характеръ, какъ прежняя журнальная публицистика: осмѣивались общія слабости безъ всякаго опредѣленнаго указанія на то, откуда онѣ происходили и чѣмъ можно было бы имъ противоудѣйствовать. Другое дѣло тѣ нѣсколько пьесъ, которыя были направлены ею противъ „мартинистовъ“ (такъ называли иногда масоновъ). Это было опредѣленное явленіе, и отношеніе къ нему Екатерины было категорически отрицательное, и комедіи: „Шаманъ сибирскій“, „Обманщикъ“, „Обольщенный“, указываютъ тотъ взглядъ, какой Екатерина имѣла на масоновъ въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ. Здѣсь еще не было пока политическихъ подозрѣній, но ея трезвому, холодному уму противно было пристрастіе къ такъ называемымъ тайнымъ наукамъ, въ которыхъ она предполагала съ одной стороны обманщиковъ, а съ другой—обольщенныхъ. Екатерина давала, наконецъ, тексты для комическихъ оперъ; въ одной изъ нихъ: „Горе богатырь Косометовичъ“, предполагаютъ сатиру на короля шведскаго; въ другихъ, какъ „Новгородскій богатырь Боеславаевичъ“, „Храбрый и смѣлый витязь Ахридъвичъ“, „Федулъ съ дѣтьми“, она пользовалась матеріаломъ народной поэзіи, при чемъ иногда цѣликомъ

¹⁾ Незеленовъ, „Новиковъ“, стр. 190 и далѣе.

помѣщены въ нихъ народныя пѣсни. Наконецъ, Екатерина написала двѣ драмы изъ древней русской исторіи; она называла ихъ „историческими представленіями“ и „подражаніемъ Шекспира, безъ сохраненія театральныя обыкновенныхъ правилъ“; здѣсь она излагала въ драматической формѣ тѣ взгляды, какіе составились у нея при ея изученіяхъ русской исторіи.

Въ 1783 году основанъ былъ „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“. Екатерина приняла въ немъ весьма дѣятельное участіе: здѣсь помѣщены, во-первыхъ, „Записки касательно русскаго исторіи“, занимающія почти половину журнала ¹⁾, затѣмъ извѣстныя „Были и небылицы“.

Какъ мы замѣчаемъ, Екатерина утверждала, что не придаетъ значенія своимъ сочиненіямъ, что онѣ посредственны, что она находитъ въ нихъ только развлеченіе и забаву. Такъ она говорила въ письмѣ къ издателю „Живописца“, въ письмахъ къ Вольтеру и Гримму. Что это дѣйствительно могла быть для нея забава и развлеченіе, можно судить, напр., по „Былямъ и небылицамъ“, которыя сама она изображала какъ простую шутовскую болтовню, подсмѣиваясь надъ тѣми, кому видѣлось въ нихъ что-то глубокое. Вѣроятно такимъ же развлеченіемъ бывали для нея и комедіи: читая ея переписку, особливо многолѣтнюю переписку съ Гриммомъ, можно наблюдать этотъ хотя холодный, но подвижный, пронырливый умъ, быстро переходившій съ одного предмета къ другому, не лишенный оригинальной шутки; эти свойства сказывались и въ ея комедіи. Въ письмахъ къ Вольтеру, которому посылала она французскій переводъ своихъ комедій, она замѣчала, что у автора много недостатковъ, что онъ не знаетъ театра, но характеры взяты изъ жизни и выдержаны, и что автору хорошо извѣстенъ народъ. Писательство давалось ей легко, занимало ее, и, хотя она называла это забавой, она цѣнила свои труды довольно высоко. Она много разъ съ видимымъ удовольствіемъ пишетъ о нихъ къ Гримму, рассказываетъ объ успѣхѣ своихъ комедій на сценѣ, о шуткахъ, которыя помѣщала въ „Быляхъ и небылицахъ“, посвящаетъ его въ свои историческіе труды и т. п. ²⁾, и ея сочиненія продолжаютъ въ томъ же духѣ давно начатую публицистику. Съ самаго начала и до конца проходятъ тѣ же мысли; иногда это мысли, усвоенныя нѣкогда изъ французской философіи, но извѣстнымъ образомъ сѣуженныя для

¹⁾ Онѣ изданы были потомъ отдѣльной книгой, исправленныя и дополненныя съ именемъ импер. Екатерины II. Спб. 1785—1797, шесть частей.

²⁾ См., напр., письма къ Гримму 1785, 8 апрѣля; 1786, 17 февраля, 17 апрѣля, 23 іюля, 24 и 30 сентября, 12 октября; 1787, 1 января и пр.

русскаго общества: рядомъ съ общими мыслями о человѣческомъ достоинствѣ, о свободѣ, справедливости, постоянно чувствуется настоящая власть авторитета и требованіе повиновенія. Можно замѣтить, что эта послѣдняя черта съ теченіемъ времени выступаетъ все болѣе замѣтно: въ параллель тому, какъ (мы видѣли это раньше) съ теченіемъ времени въ ней все сильнѣе развивалось самолюбіе правительственнаго авторитета, она нетерпѣливо относилась ко всякой критикѣ; все сдѣланное ею было хорошо; если есть недовольные, то это или дурные люди, или фантазеры. То же настроеніе можно видѣть въ ея сочиненіяхъ: она хочетъ поощрять просвѣщеніе, но желаетъ, чтобы люди, ему служащіе, шли именно по той самой дорогѣ, какую она указывала, и не осмѣливались отъ нея уклоняться. Ея комедіи, направленные противъ масоновъ, внушены не только ея антипатіей къ тайнымъ наукамъ, о которой мы упоминали, но и этой нетерпимостью къ движенію, возникшему мимо ея воли: въ самомъ дѣлѣ, въ комедіяхъ не только осмѣивается пристрастіе къ таинственному, къ алхиміи и къ магіи, но осуждается и филантропія масоновъ, источника которой она не понимала.

„Записки касательно російской исторіи“ представляютъ собственно лѣтописный сводъ, въ составленіи котораго участвовали московскіе профессора Барсовъ, Чеботаревъ и который доведенъ былъ въ „Собесѣдникѣ“ до 1224 года, а въ отдѣльномъ изданіи до 1276. Нѣкоторыя мѣста лѣтописи внесены даже цѣлкомъ, безъ перемѣны языка; тѣмъ не менѣе этотъ пересказъ старой лѣтописи имѣетъ свою опредѣленную окраску. Поводъ къ составленію „Записокъ“ былъ тотъ, что императрица хотѣла опровергнуть клеветы иностранныхъ писателей на русскій народъ и его исторію, опровергнуть изображеніемъ его древнихъ доблестей: она дѣлала это довольно тонко—не расточая голословныхъ похвалъ, а только сопоставляя русскую исторію съ современными событіями у другихъ народовъ. Въ предисловіи она замѣчала, что при такомъ сравненіи „безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣчскій вездѣ и по вселенной одинакѣ имѣлъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употреблялъ нерѣдко одинакіе способы“. Императрица и раньше предпринимала подобный трудъ защиты русскаго народа отъ нареканія иноземныхъ писателей, которые дѣйствительно нерѣдко простирали слишкомъ далеко свои представленія о варварствѣ и приниженности русскаго народа, забывая иногда, что положеніе ихъ собственнаго народа (въ тѣ времена) бывало не лучше. Такъ написала она опроверженіе книги аббата Шаппа, въ самомъ дѣлѣ легко-

мысленной, но Екатерина слишком перетянула вѣсы въ другую сторону: можно видѣть, что защита русскаго народа была для нея прямо вопросомъ личнаго самолюбія; осужденіе его казалось косвеннымъ, а иногда открытымъ упрекомъ правительству, но ошибокъ правительства она никакъ не желала признавать. Подобнымъ образомъ и въ запискахъ о русской древности она, хотя стараясь сохранять факты, умѣетъ придать всему благовидную, даже блестящую форму. Настоящій характеръ русской древности остался не понятъ: Екатерина, какъ долго спустя самъ Карамзинъ, видѣла монархію еще во времена Рюрика и авторитетъ правителей представляла всегда ярче, чѣмъ говоритъ сама старая лѣтопись. Между прочимъ княгиня Ольгѣ приписывается та заслуга, что она привела въ общее употребленіе славянскій языкъ, и при этомъ замѣчается: „Извѣстно, что народы и языки народовъ *мудростію и тщаніемъ вышнихъ правителей умножаются* и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ о чести своего народа и языка прилеженъ, потому и языкъ того народа процвѣтетъ. Многіе народныя языки исчезли отъ противнаго сему“. Она признаетъ „суровость вѣка“, которой принадлежать многія мрачныя событія, но все благополучіе и особливо просвѣщеніе приходитъ въ народамъ отъ правителей; ошибки послѣднихъ происходятъ обыкновенно отъ того, что они слушали совѣты коварныхъ вельможъ и ласкателей. Въ удѣльномъ періодѣ великій князь изображается полновластнымъ государемъ, а удѣльные князья—его подданными, которымъ онъ раздаетъ владѣнія; о новгородскомъ вѣчѣ не упоминается и т. д. Несомнѣнно, что кромѣ обличенія превратныхъ сужденій иностранцевъ, или даже гораздо больше этого, Екатерина имѣла въ виду поученіе для собственныхъ подданныхъ: это было историческое доказательство необходимости полновластной монархіи для блага подданныхъ, которое только при ея помощи и можетъ быть достигнуто; это была защита ея собственнаго способа правленія, того просвѣщеннаго абсолютизма, который, по ея убѣжденію, былъ наилучшей политической формой не только для Россіи, но и для самой западной Европы. Однимъ словомъ, „Записки касательно російской исторіи“ чрезвычайно любопытны, какъ выраженіе на фактахъ прошлаго ея правительственныхъ идей, которыя она желала внушить и своимъ подданнымъ...

Всѣхъ лучше понялъ ее Державинъ, который и остался въ исторіи литературы именно пѣвцомъ Екатерины. Извѣстно, какимъ безусловнымъ прославленіемъ пользовался онъ съ тѣхъ поръ, какъ ода къ Фелицѣ доставила ему благосклонность Екатерины.

Едва ли не первый Пушкинъ усумнился въ достоинствахъ его поэзіи, это сомнѣніе раздѣлилъ потомъ Бѣлинскій, и съ тѣхъ поръ Державинъ сохраняетъ за собой только историческій интересъ: въ его произведеніяхъ стали оспаривать даже присутствіе истинной поэзіи, находя только болѣе или менѣе искусную стихотворную реторику, продолжавшую Ломоносова. Если для созданія истинной поэзіи въ искусственномъ періодѣ литературы требуется высокое художественное воспитаніе и широта мысли, которая можетъ открыть поэту пониманіе національной жизни, то Державину недоставало многого, чтобы онъ могъ назваться и дѣйствительно быть національнымъ поэтомъ. Онъ вступалъ на свое поэтическое поприще съ очень небольшимъ запасомъ познаній и художественнаго воспитанія. По его собственному разсказу, онъ почерпнулъ правила поэзіи изъ сочиненій Тредьяковскаго, въ своихъ произведеніяхъ старался подражать Ломоносову, но ему не удавалось достигнуть великолѣпія и пышности его рѣчи и потому онъ (съ 1779) „изобрѣлъ совершенно особый путь“, руководясь наставленіями Баттѣ и совѣтами друзей, людей литературно-образованныхъ. „Особый путь“ состоялъ въ томъ, что въ высокопарный тонъ прежней оды онъ ввелъ извѣстную простоту и даже шутку: ода стала естественнѣе, переходя отъ торжественной декламации къ простому языку жизни и это могло только увеличить ея интересъ; онъ любилъ и очень распространенную тогда форму посланія, которая также давала большую свободу поэтическаго стиля. Сравнительно съ прежнимъ поэтическіе интересы Державина были шире: кромѣ давно рекомендованнаго Горация, онъ подражалъ анакреонтической поэзіи, знакомъ былъ съ нѣмецкими поэтами (впрочемъ только второстепенными), увлекался туманно-величественной поэзіей появившагося тогда Оссіана и подражалъ ей; подъ конецъ онъ писалъ въ драматическомъ родѣ очень усердно, но крайне неудачно. Несмотря на то, что поэзія Державина была съ формальной стороны значительнымъ успѣхомъ, его художественный горизонтъ оставался тѣсенъ: онъ понималъ поэзію какъ дидактику, занятую возвышенными предметами, и которую разнообразить шутка и сатира. Непосредственнаго наблюденія жизни, какъ основы поэзіи, онъ не зналъ или давалъ этой жизни мѣсто только въ отдѣльныхъ подробностяхъ. Несмотря на „особый путь“, его основныя темы остаются тѣ же, какими занята была прежняя торжественная ода: онъ пишетъ духовныя оды, между которыми современниковъ поразила знаменитая ода „Богъ“, назидательныя стихотворенія, а въ реальной жизни онъ былъ пѣвцомъ Еватеринны, сильныхъ

людей ея двора, побѣдъ русскаго оружія, но въ особенности Екатерины: въ этомъ онъ самъ видитъ свою главную заслугу и свое право на славу. Онъ нѣсколько разъ возвращается къ этой темѣ:

„Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ явственъ сталъ,
Что первый я дернулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить“.

Или:

„Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвонитъ,
Подъ именемъ твоимъ громея она пребудетъ;
Ты славою,—твоимъ я эхомъ буду жить“.

Или:

„Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лести я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду..
Какъ солнце, какъ луна, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой бессмертенъ буду самъ“.

Надо представить себѣ характеръ Екатерины, ея собственное представленіе о своихъ правительственныхъ трудахъ, ту атмосферу лести, которою она была окружена и хотѣла себя окружать, и которая соединялась съ великой боязнью сдѣлать ей что-либо неудобное, — чтобы оцѣнить, до какой степени удачно ода къ Фелицѣ попала въ тонъ этого характера и этой обстановки.

Разсматривая содержаніе „Собесѣдника“, Добролюбовъ замѣчалъ по поводу наполнявшихъ его дидактическихъ и сатирическихъ статей: „Но чтѣ особенно замѣчательно, такъ это постоянное выраженіе глубокаго благоговѣнія къ „Августѣйшей наукѣ повровительницѣ, Россійской Минервѣ, Милосердой Монархинѣ“, Императрицѣ Екатеринѣ. Нѣтъ почти ни одного произведенія, въ которомъ бы какъ-нибудь, встать или не встать—все равно—не выразились чувства благоговѣнія къ Государынѣ. Въ особенности сатирики отличались этимъ, и даже чѣмъ острѣе, чѣмъ рѣзче была сатира, тѣмъ съ большимъ чувствомъ говорилось въ ней о благодѣяніяхъ, изливаемыхъ на народъ Императрицей, какъ будто бы авторъ хотѣлъ этимъ устранить отъ себя всякій упрекъ въ *свободолюбіи*, и старался заранѣе показать, что онъ

предпринимаетъ обличать пороки единственно по желанію добра обществу. Вѣроятно, въ то время находились тоже люди, способные перетолковать все въ дурную сторону, какъ перетолковали, напримѣръ, вопросы Фонъ-Визина¹⁾ Но это было не только въ „Собесѣдникѣ“, а въ цѣлой тогдашней литературѣ, при всякомъ поводѣ, когда говорилось объ управленіи, о политическихъ дѣлахъ, о литературѣ, о шюолѣ и т. д. Екатерина привыкла къ этому оміяму и принимала лести тѣмъ легче, что сознаніе говорило ей о дѣйствительномъ превосходствѣ ея ума; тѣ годы, когда писалась „Фелица“, были лучшимъ расцвѣтомъ ея политической системы, просвѣщеннаго абсолютизма, и она еще не охладѣла къ „философіи“. Ода Державина чрезвычайно удачно соединила всѣ тѣ черты, которыя представляли и ея замѣчательную государственную дѣятельность, и ея превосходство надъ окружающими, и ея литературные вкусы, любовь къ свободѣ, все, чѣмъ она гордилась и хвалилась, наконецъ ея простые нравы.

Ода открывалась въ самомъ началѣ тонкимъ комплиментомъ, когда сама Екатерина являлась въ видѣ мудрой царевны изъ ея собственной сказки; вмѣсто традиціонной музы поэтъ обращался къ ней самой:

„Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть“,—

а Екатерина въ своихъ сочиненіяхъ и правительственныхъ предпріятіяхъ высказывала именно эти заботы. Дальше слѣдуетъ изображеніе простыхъ нравовъ самой Фелицы, соединенное опять съ похвалой, которую Екатерина должна была считать справедливой:

„Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ накоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь“.

Совсѣмъ не похожа на это изнѣженная, лѣнивая жизнь ея придворныхъ; опять—вѣрно взятыя черты дѣйствительности, при которыхъ тѣмъ ярче выдается ея мудрая дѣятельность: послѣ прежнихъ суровыхъ временъ Екатерина принесла кроткое прав-

¹⁾ Сочиненія. Слб. 1862. I, стр. 71. О Фонъ-Визинѣ см. дальше.

леніе, справедливость, любовь къ просвѣщенію и даже свободу мысли. Только царица можетъ создать свѣтъ изъ тьмы, раздѣлить хаосъ на сферы, крѣпить ихъ цѣлостъ соювомъ и изъ свирѣпыхъ страстей создавать счастье:

„Такъ кормицѣ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять“.

Фелица умѣетъ награждать заслуги, но не считаетъ пророкомъ того, кто умѣетъ плестъ рѣзны (это могло напомнить Екатеринѣ ея отношеніе къ Сумарокову), хотя любить и считаетъ полезной и поэзію, „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“. Далѣе:

„Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нисколько не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
Что отяглась и мудрой слыть.
Еще же говорить не ложно,
Что будто всегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло,
О всемъ, и въ явь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и нѣбыль говорить“...

И здѣсь опять восхваленіе могло опираться на факты. Сравнительно съ недавними тяжелыми временами правленіе Екатерины могло дѣйствительно казаться освобожденіемъ общественной жизни и процвѣтаніемъ литературы: собственные труды императрицы, разрѣшеніе „вольныхъ типографій“, извѣстный просторъ для печати, были дѣломъ несслыханнымъ и были несомнѣннымъ поощреніемъ литературной дѣятельности¹⁾. Екатеринѣ пріятно было читать о себѣ въ посланіи Вольтера извѣстный стихъ: „Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense“, и эти слова повторялись теперь въ новомъ оборотѣ у Державина. Правда, что эти слова не были совершенно точны: извѣстное нетерпѣніе къ тому, что думалось и говорилось иначе, чѣмъ она желала, обнаруживалось и во время изданія журналовъ конца шестидесятыхъ

¹⁾ Эти времена Пушкинъ въ „Первомъ посланіи цензору“ (1824) ставилъ въ укоръ цензору своего времени. Ср. Добролюбовъ, I, стр. 85; „Современникъ“, 1865, октябрь, стр. 254—256.

годовъ и вскорѣ послѣ Фелицы во время изданія „Собесѣдника“, по всей вѣроятности обнаруживалось и при другихъ случаяхъ; впоследствии и совсѣмъ не позволялось правду говорить или мыслить,—но въ данную минуту Державинъ могъ искренно сказать свои слова, потому что слишкомъ рѣзкихъ случаевъ противорѣчій не представлялось, а русская общественная жизнь и литература не были раньше избалованы особенной свободой.

Какъ извѣстно, Екатерина была чрезвычайно довольна „Фелицей“; если она и замѣтила лесть, то это была лесть болѣе тонкая, чѣмъ обычныя высокопарныя и тяжелыя оды. Державинъ былъ богато награжденъ и потомъ быстро двинулся въ своей карьерѣ; Екатерина встрѣтила въ немъ самаго талантливаго панегириста, носившаго видъ независимости... Мы видѣли раньше, что Державинъ бывалъ очень услужливъ и не затруднялся „прибѣгать къ своему таланту“; онъ и послѣ воспѣвалъ императрицу, но ему дѣлаетъ великую честь, что онъ обнаружилъ при этомъ и большое достоинство характера. Въ своихъ Запискахъ онъ рассказываетъ: „Случалось, что заводила рѣчь и о стихахъ докладчика, и неоднократно, такъ сказать, прашивала его, чтобъ онъ писалъ въ родѣ оды Фелицы. Онъ ей общалъ и нѣсколько разъ принимался, запираясь по недѣлѣ дома; но ничего написать не могъ, не будучи возбужденъ какимъ-либо патріотическимъ славнымъ подвигомъ; но о семъ объяснится ниже“. А ниже объясняется слѣдующее: Державинъ рассказываетъ, что какіе-то наговоры поселили въ сердцѣ императрицы „остуду“, которую онъ замѣчалъ по самую ея кончину. „Можетъ быть и за то, что онъ по желанію ея, видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки, не собрался съ духомъ и не могъ таковыхъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность его еще при дворѣ: ибо издалека тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламененіе, явились ему, при приближеніи къ двору, весьма человѣческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея. Напримѣръ, я скажу, что она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ“... ¹⁾

Такимъ образомъ среди реторики въ литературѣ и приближенности въ обществѣ сохранилась однако или воспиталась нрав-

¹⁾ Записки Державина (Сочиненія, изд. Грота, т. VI, Спб. 1871), стр. 692, 694.

ственная независимость. Державинъ высказывалъ собственное сознание, когда влагалъ въ уста самой Фелицы слѣдующія слова:

..... „Когда
 Поэзія не сумасбродство,
 Но вышній даръ боговъ, тогда
 Сей даръ боговъ лишь къ чести
 И къ поученью ихъ путей
 Быть долженъ обращенъ, не къ лести
 И тѣмной похвалѣ людей.
 Владыки свѣта—люди тѣ же,
 Въ нихъ страсти, хотъ на нихъ вѣнцы:
 Ядъ лести ихъ вредить не рѣже“.

И въ этой дидактикѣ, хотя эстетически тѣсной по литературнымъ понятіямъ вѣка, у Державина, несмотря на всё много разъ указанные его недостатки, была истинная поэзія, настоящее одушевленіе, которое не осталось безъ вліянія на дальѣйшее развитіе художественной формы и самаго пониманія достоинства литературы.

Подобную литературную заслугу имѣетъ другой наиболѣ замѣчательный писатель Екатерининскаго времени, Фонъ-Визинъ. Годомъ моложе Державина, ровесникъ Новикова, онъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое, получивъ только скудное и неправильное образованіе во времена Елизаветы, вступало въ жизнь въ первые годы царствованія Екатерины и подпадало возбуждающему вліянію просвѣтительныхъ стремленій той эпохи. При воцареніи Екатерины они были юношами, но тогда молодые люди раньше вступали въ дѣйствительную жизнь,—между прочимъ потому, что людей, нѣсколько образованныхъ, было слишкомъ мало и ихъ силы требовались на ту или другую службу. Намъ наглядно представится это нравственное возбужденіе и работа сознанія, если вспомнимъ, что Фонъ-Визину было всего 22 года, когда онъ написалъ „Бригадира“, что Новикову было 24 года, когда онъ предпринималъ изданіе своего перваго журнала и вступалъ подъ маской псевдонимовъ въ принципиальный споръ съ самою императрицей по вопросу о томъ, какъ дѣйствовать для исправленія общества. Темы сатирической комедіи Фонъ-Визина извѣстны; это были, рядомъ съ нимъ и вслѣдъ за нимъ, очень распространенныя темы тогдашней сатиры: если не косвенное отрицаніе самого крѣпостного права, то прямое осужденіе его злоупотребленій, обличеніе стараго невѣжества и грубыхъ предразсудковъ, судейской продажности, дурного воспитанія съ французскими гувернерами и проповѣдь истиннаго просвѣщенія и граж-

данской чести. Мы видѣли, что по формѣ Фонъ-Визинъ находится въ полной зависимости отъ своихъ образцовъ, но въ его комедіяхъ разсыяны однако мѣтко схваченныя черты русской дѣйствительности, которыя могли быть только дѣломъ высокаго таланта.

Новѣйшіе литературные историки относятся къ Фонъ-Визину довольно строго и самый характеръ его считаютъ наивнымъ и легкомысленнымъ ¹⁾. Это и должно представляться съ нынѣшней точки зрѣнія; но въ томъ и было особенное положеніе нашихъ писателей XVIII в., что они еще не умѣли справиться съ задачами и формами литературы, не умѣли опредѣлить самаго своего мировоззрѣнія.

У нихъ не было и еще не могло быть непосредственнаго творчества. Поезія была конечно „вышній даръ боговъ“, но все-таки ея назначеніе было только тѣсно прикладное, подчиненное: боги дали въ ней людямъ „вкусный лимонадъ“ или поученіе. Надъ литературной формой еще господствовала псевдо-классическая теорія съ точными правилами и обязательными образцами: освободиться отъ нихъ собственными силами русская литература была еще не въ состояніи. Въ комедіи они господствовали до самого Грибоѣдова. Нарождавшаяся комическая идея могла складываться только въ этихъ заученныхъ формахъ: мы видѣли, что первыя комедіи буквально повторяли французскую комедію, и первымъ опытомъ самостоятельности была мысль, что эту чужую комедію надо „склонять на русскіе нравы“. Комедія должна была смѣшнить и вмѣстѣ поучать: отсюда у Фонъ-Визина противоположеніе лицъ порочныхъ и добродѣтельныхъ, осуждаемыхъ и поставляемыхъ въ примѣръ. Публика восхищалась смѣшнымъ, не замѣчая, что иногда оно бывало дѣланное и натянутое, но ей нравилось и поученіе: самъ Фонъ-Визинъ говоритъ, въ письмѣ къ Стародуму, что успѣхомъ „Недоросля“ обязанъ его особѣ. Черта—весьма любопытная и исторически важная. Въ XVIII вѣкѣ любили дидактику и резонерство, но кромѣ этого моднаго вкуса

¹⁾ „Сила таланта Фонъ-Визина была огромная, такъ что этой силѣ не соответствовали даже, были узки для нея тѣ рамки непосредственно, инстинктивно-народнаго направленія, въ которыя была заключена дѣятельность высоко-даровитаго писателя. Но сама личность этого писателя была наивна и нѣсколько легкомысленна...

„Сатира Фонъ-Визина часто была сатирой бессознательной; за смѣхомъ знаменитаго комика иной разъ не крылось ясной мысли; онъ самъ не всегда сознавалъ—надъ чѣмъ и во имя чего онъ смѣется. Серьезность и возвышенность его юмора иной разъ подрывалась его же собственнымъ резонерствомъ“ и пр. (Незвелезовъ, „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“. Спб. 1889, стр. 256—257; и въ книгѣ того же автора о Новиковѣ).

было здѣсь и другое: общество видимо искало выхода изъ окружающихъ его недоумѣній; оно жило между двумя стульями—старинной и новизной, и когда въ самой новизнѣ оказывались противорѣчія, которыя чувствовалъ, напр., Державинъ, недоумѣніе становилось неразрѣшимымъ...

Фонъ-Визинъ не нашелъ рѣшенія или, какъ увидимъ, находилъ его наконецъ только въ прекращеніи своей писательской дѣятельности... Его собственныя мысли были здѣсь неясны: какъ помирить просвѣщеніе и (предполагаемые) старыя добрыя нравы? Если просвѣщеніе нужно, гдѣ взять его? Рядомъ съ проповѣдью просвѣщенія наши предки XVIII-го вѣка, вслѣдъ за Локкомъ, а потомъ и за Руссо, думали, что нашли истину: нужны только добродѣтель, воспитаніе сердца, но образованіе ума, безъ воспитанія сердца, есть „сухая бездѣлица“. Не говоря о томъ, насколько могло быть полезно внушать это пренебреженіе къ образованію въ обществѣ невѣжественномъ, оставался все-таки вопросъ: гдѣ искать эту добродѣтель, это воспитаніе нравственности? Люди стараго вѣка, обходясь безъ образованія, этой „сухой бездѣлицы“, воспитали г-жу Проставову, а она воспитала Митрофанушку.

Эта запутанность понятій, которую Фонъ-Визинъ дѣлилъ съ современнымъ ему обществомъ, особенно ярко выразилась въ его письмахъ изъ Франціи. Нѣкогда ихъ строго осудилъ кн. Вяземскій, находившій въ нихъ „злословіе холодное и сухое“¹⁾; новѣйшій историкъ защищаетъ Фонъ-Визина между прочимъ его собственными словами, что „надобно отречься вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго“²⁾; нельзя однако не видѣть, что послѣдняго указано мало, а гораздо больше того, что можно было справедливо назвать холоднымъ и сухимъ злословіемъ. Напримѣръ: „Вообще, надобно отдать справедливость здѣшней націи, что слова сплетаютъ (?) мастерски и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслить здѣсь мало“... „Разсудка французъ не имѣетъ и имѣетъ его почель бы несчастьемъ своей жизни“... „Острота (?), не управляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ“ (!)... „Корыстолюбіе заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ

¹⁾ „Фонъ-Визинъ“. Сиб. 1848 (въ „Полномъ собраніи сочиненій“, т. V. Сиб. 1880; см. стр. 74 и далѣе).

²⁾ Сочиненія и пр. Фонъ-Визина. Изд. Ефремова. Сиб. 1866, стр. 381; ср. Невеленова, „Литер. направленія“, стр. 284 и д.

разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видѣлъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній въ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе¹⁾... Фонъ-Визинъ соглашается, что „Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращеніемъ цѣлаго міра. Сіе титулъ заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концовъ земли. Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицей свѣта, а свѣтъ своею провинціей“,—но Фонъ-Визинъ находитъ, что чужестранцевъ привлекаютъ сюда только двѣ вещи: спектакли и развратъ. Кн. Вяземскій объяснялъ уже, — чего не видалъ и не понималъ нашъ писатель, — что Парижъ того времени былъ „родъ вселенскаго собора умовъ и знаменитостей, куда изъ разныхъ концовъ Европы стекались для совѣщанія о важныхъ вопросахъ наукъ, искусствъ и философіи“²⁾... Но самъ Фонъ-Визинъ пишетъ и другое: „Способовъ къ просвѣщенію здѣсь очень довольно. Я могу ими пользоваться, не разстраивая моего малаго достатка; и хотя тѣлесная пища здѣсь весьма дешева, но душевная еще дешевле. Учитель философіи, обзвываясь читать всякій день лекціи, запросилъ съ меня въ первомъ словѣ на наши деньги по 2 р. 40 коп. въ мѣсяцъ“... „Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная“ (но въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что *la politesse française*, — которая конечно была результатомъ давней общественной культуры, а также и этой доброты, — есть только прикрытіе порока: „Опытъ показываетъ, что всякій порокъ ищетъ прикрыться наружностью той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, присвоаетъ себѣ бережливость, мотъ — щедрость, а легкомысленные и трусливые люди — вѣжливость“). Когда ему писали изъ Россіи, что, по словамъ пріѣзжихъ изъ Парижа, тамъ множество ученыхъ людей таскается безъ пропитанія, Фонъ-Визинъ отвѣчаетъ, что вѣрно эти пріѣзжіе при-

¹⁾ Сочиненія, стр. 329, 342, 348. Ср. о д'Аламбертѣ еще стр. 448. Степень достоверности и приличія этихъ обвиненій была уже указана кн. Вяземскимъ.

²⁾ Для примѣра онъ приводитъ мнѣніе Гиббона (въ письмѣ отъ 1768), — „которое нельзя приписывать ни пристрастію, ни легкомыслію“: „Vous direz tout ce qu'il vous plaira de la frivolité des français, mais je vous assure qu'en quinze jours, passés à Paris, j'ai assisté à plus de conversations bonnes à retenir, et vu plus d'hommes de lettres parmi les gens comme il faut, qu'il ne m'est arrivé à Londres dans deux ou trois hivers“. Но это было мнѣніе чело́вѣка високо просвѣщеннаго.

няли за ученыхъ какихъ-нибудь шарлатановъ. „Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго человека, который бы не имѣлъ вѣрнаго пропитанія; да къ тому же всѣ они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сіе похвальное чувство вкоренено, можно сказать, во всемъ французскомъ народѣ... Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно и коли что всѣмъ перенимать здѣсь надобно, то конечно любовь къ отечеству и государю своему“¹⁾.

Но, увн, отдѣлавши такимъ образомъ французовъ и смѣшавши съ грязью ихъ славнѣйшихъ писателей (въ 1778), Фонъ-Визинъ въ „Недоросль“ (въ 1782) мудрость своего любимаго Стародума накропалъ изъ тѣхъ же французскихъ писателей, и даже второстепенныхъ, и, какъ давно указывалъ кн. Вяземскій, а потомъ и другіе, самыя „наблюденія“ Фонъ-Визина надъ положеніемъ Франціи ввзаты опять изъ французскихъ писателей, — изъ книги Дюкло: *Considérations sur les mœurs de ce siècle*, 1752, изъ „Философскихъ мыслей“ Дидро, и еще изъ статейки нѣмецкаго журнала *Literatur und Völkerkunde*²⁾.

Еще только прибывши во Францію, онъ пишетъ къ Булгакову изъ Монпелье: „Если здѣсь прежде насъ жить начали, то по крайней мѣрѣ мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ (?), и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. *Nous commençons. et ils finissent.* Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастлививъ того, кто умираетъ“³⁾. Упомянутый новѣйшій историкъ на основаніи въ особенности этихъ писемъ заключилъ, что мысли Фонъ-Визина во многомъ напоминаютъ современное славянофильство, что въ нихъ много вѣрнаго, а вообще Фонъ-Визинъ былъ „вполнѣ русскій человекъ по характеру, и притомъ съ непосредственно-народнымъ направленіемъ въ своей литературной дѣятельности“⁴⁾. Скорѣе можно сказать, что въ приговорахъ Фонъ-Визина были начатки не славянофильства, а красного патріотизма.

Наконецъ, онъ дѣлаетъ еще такое разсужденіе: „Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по

¹⁾ Сочиненія, стр. 325, 336, 340, 342, 438.

²⁾ Полн. собр. сочиненій кн. Вяземскаго, V, стр. 87 и д. Кн. Вяземскій замѣчаетъ: „Должно правдаться, что нашъ писатель въ этомъ отношеніи былъ на руку нечестъ. Пользоваться чужимъ добромъ можно; но присвоивать его себѣ украдкой не позволено“. Другія указанія на заимствованія Фонъ-Визина см. у Веселовскаго: „Западное вліаніе въ новой русской литературѣ“. М. 1883, стр. 70—77.

³⁾ Сочиненія, стр. 272—273.

⁴⁾ Незеленовъ, „Литературныя направленія“ и пр., стр. 286, 291.

праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ ¹⁾...

Послѣ „Недоросля“ его литературной дѣятельности не случилось. Въ 1783 году онъ принялъ участіе въ „Собесѣдникѣ“ извѣстными Вопросами, гдѣ съ нѣкоторою волкостью затрогивалъ тогдашнее положеніе нашей общественной жизни. Екатерина (между прочимъ заподозривъ участіе въ Вопросахъ нелюбимаго ею Шувалова) подѣ именемъ автора „Былей и небылицъ“ отвѣчала на вопросы довольно рѣзко, находила нѣкоторые изъ нихъ неумѣстными, а на одинъ, въ которомъ дѣлалось сравненіе съ предками, замѣтила: „Сей вопросъ родился отъ *сабододзячія*, котораго предки наши не имѣли“. Фонъ-Визинъ испугался видимаго гнѣва императрицы, доставилъ въ „Собесѣдникъ“ длинное покаянное объясненіе, что „самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и не могъ дать своимъ вопросамъ приличнаго оборота“, и оканчивалъ словами: „Доброе мнѣніе творца ²⁾, вмѣщающаго, какъ вы, въ творенія свои пользу и забаву въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неосцѣненно; напротивъ же того, всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ-нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься“. Екатерина написала на это пренебрежительный отвѣтъ, который и былъ напечатанъ въ „Собесѣдникѣ“.

Оно такъ и случилось. При жизни Фонъ-Визинъ ничего уже больше не напечаталъ. Онъ написалъ-было „Всеобщую придворную грамматику“, но въ „Собесѣдникъ“ ея не приняли. Въ 1778 онъ задумалъ изданіе журнала „Другъ честныхъ людей или Стародумъ“, и на него была уже „отворена подписка“. Въ приготовленныхъ статьяхъ говорилось между прочимъ ³⁾: „Вѣкъ Екатерины Вторія ознаменованъ дарованіемъ россіянамъ свободы мыслить и изъясняться“ (письмо сочинителя Недоросля къ Стародуму). „Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ россіяне, составляетъ челоуѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ,

¹⁾ Сочиненія, стр. 347.

²⁾ Т.-е. писателя (автора „Былей и небылицъ“, къ которому онъ обращался въ этомъ покаянномъ письмѣ).

³⁾ Сочиненія, стр. 328, 330.

вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣт-дателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества" (отвѣтъ Стародума). Но въ письмѣ Фонъ-Визина къ гр. П. И. Панину отъ апрѣля 1788 читаемъ: „Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума, итакъ я не виноватъ, если онъ въ публику не выйдетъ“.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЕСНА.

Какъ весело глядѣлъ роскошный ландышъ мая,
Надъ розами вился рой пестрыхъ мотыльковъ;
Какъ яблони въ саду цвѣли, благоухая,
И пчела на цвѣтахъ жужжала золотая...
Да, то была весна; да, то была любовь!

Какъ ласково шумѣлъ листвою обновленный
Могучій старый дубъ, маститый царь лѣсовъ;
И миртъ благоухалъ, рососою окропленный,
Пѣлъ въ роцѣ соловей, любовью упоенный...
Да, то была весна; да, то была любовь!

Какъ звонко горный ключъ журчалъ въ руслѣ кремнистомъ
И навѣвалъ толпу неясныхъ, чудныхъ сновъ;
Какъ гасла медленно заря на небѣ чистомъ,
И мѣсяцъ выплывалъ въ сіяньѣ серебристомъ...
Да, то была весна; да, то была любовь!

Какъ сердце больно вдругъ и сладко замирало,
Какъ жгучею волной въ него вливалась кровь,
Какъ рвалось впередъ и робко трепетало,
И жизнь, и радости, и счастье призывало...
Да, то была весна; да, то была любовь!

РАННЯЯ ОСЕНЬ ВЪ КРЫМУ.

Солнце не жжетъ, а, лучами лаская,
Весело смотреть съ спокойныхъ небесъ.
Ирѣдка листь пожелтѣвшій роняя,
Дремлетъ, какъ въ связѣхъ, задумчивый лѣсъ.

Въ воздухѣ чистомъ висятъ паутины;
Пахнетъ упавшею прѣлой листвою;
Мирно въ садахъ доцвѣтаютъ куртины;
Вянетъ трава и шуршитъ подъ ногой.

Носится сизый туманъ надъ долиной
Въ блескъ холодной осенней зари,
И, не спѣша, вереницею длинной
Тянутся съ кривою на югъ журавли.

Пышно убрались деревья плодами,
Лѣтній зеленый смѣняя нарядъ,
И, обвивая веранды, кистями
Нѣжный, душистый виситъ виноградъ.

Чудная осень, пора дорогая, —
Время безоблачныхъ ясныхъ небесъ, —
Гордо стоишь ты, дары разсыпая,
Вся утонувшая въ міръ чудесъ!

* * *

I.

Если на лилію — утромъ росистымъ, —
Важной заботой полна, —
Спустится пчелка за медомъ душистымъ, —
Вздоргнетъ пугливо она.

Если, надъ нѣжнымъ цвѣткомъ пролетая,
Крылышкомъ вдругъ мотылекъ
Вѣнчикъ задѣнетъ, пылинки сдувая, —
Быстро сожметъ цвѣтокъ.

Если шума, надъ мимозой стыдливой
 Бурно промчится гроза,—
 Сложить листочки она боязливо
 И притаится, дрожа.

II.

Чутко трепещетъ душа у поэта,
 Нѣжно звучить, какъ струна,
 Ищетъ тревожно простора и свѣта,
 Жаждетъ свободы она.

И безмятежно на лирѣ священной,
 Въ высь уносясь отъ земли,
 Въ звукахъ небесныхъ поетъ вдохновенно
 Вѣщія пѣсни свои.

Если же къ ней тяжело прикоснуться
 Грубой, небрежной рукой,—
 Звуки ея, задрожавъ, оборвутся
 Грустно звенящей струной.

* * *

I.

У синяго моря, на камнѣ прибрежномъ
 Въ нѣмой тишинѣ мы сидѣли вдвоемъ.
 Все спало кругомъ глубоко, безмятежно,
 И намъ все казалось чарующимъ сномъ.

На небо глубокое тихо всплывала
 Въ холодномъ и кроткомъ сѣннѣ луна,
 Подвижная даль серебромъ отливала,
 И, пѣнясь у камней, искрилась волна.

Всѣ въ пышномъ расцвѣтѣ, какъ снѣгомъ сверкая,
 Густымъ ароматомъ курились сады,
 И, жадно прохладу ночную впивая,
 Истомой и нѣгой дышали цвѣты.

А сердце въ груди трепетало и мѣло:
Весна пробудила въ немъ жизнь и любовь.
Другъ друга мы поняли молча, безъ словъ...
И море чуть слышно и робко шумѣло.

II.

У бурнаго моря на камнѣхъ прибрежномъ
Въ глубокой тоскѣ я сидѣла одна.
На берегъ песчаный изъ бездны мятежной,
Шума, за волной набѣгала волна.

Тяжелыя тучи осення скучно
Ползли надъ остывшею влажной землей,
И плакало мутное небо беззвучно
И даль закрывало свинцовою мглой.

Веселыя рощи давно опустѣли,
Въ лѣсу обнаженномъ была тишина,
Лишь хмуро глядѣли мохнатые ели,
Да чуть зеленѣла въ туманѣ сосна.

А сердце, разбитое горемъ, болѣло
И плакало молча о счастьѣ быломъ...
Все было угрюмо и мертво кругомъ...
И море стонало и глухо шумѣло.

Лид. Бѣляева.

ДЕНЕЖНЫЯ НЕДОУМЪНІЯ

I.

На каждомъ рублевомъ кредитномъ билетѣ напечатано, что „кредитнымъ билетамъ присвоится хожденіе во всей Имперіи наравнѣ съ *серебряною* монетою“. Это правило, извлеченное изъ Высочайшаго манифеста 1 іюля 1841 года, значитъ и на рублевыхъ бумажкахъ самыхъ послѣднихъ выпусковъ. Серебряный рубль до сихъ поръ остается у насъ по закону главною, официально признанною мѣрою обращающихся въ государствѣ денегъ; золотая же монета имѣетъ лишь второстепенное, вспомогательное значеніе. Всѣ денежные счеы и сдѣлки совершаются номинально въ рубляхъ серебромъ. Законъ о серебряномъ рублѣ, какъ объ обязательной монетной единицѣ, до сихъ поръ не былъ отмѣненъ и слѣдовательно сохраняетъ понынѣ полную силу. Для обезпеченія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую (т.-е. главнымъ образомъ серебряную) монету установленъ размѣнный фондъ, въ которомъ естественно должно было преобладать серебро. Свободный размѣнъ бумажныхъ рублей на серебряные былъ тѣмъ нормальнымъ порядкомъ денежнаго обращенія, въ которому долго стремилось правительство.

Этотъ нормальный порядокъ самъ давался намъ въ руки, благодаря сильному упадку цѣнности серебра въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Кредитные билеты не только достигли равной цѣны съ серебромъ, но стали цѣниться выше этого металла. Обстоятельства складывались въ высшей степени благоприятно для нашего финансоваго управленія, и намъ ничего не стоило бы возстановить постоянный размѣнъ бумажекъ на полновѣсные серебряные рубли. Но серебряный рубль все-таки упорно не показывался, когда

сравнялся съ нимъ рубль кредитный, и серебро было почему-то совершенно забыто и заброшено, въ качествѣ законной основы нашей монетной системы. Чеканка серебряныхъ рублей не возобновлялась и послѣ того, какъ сдѣлалось чрезвычайно выгоднымъ пу-скать ихъ въ оборотъ взаи́мнѣ бумажныхъ денегъ. Мало того,— для извѣтїя временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ упо-треблялся гораздо болѣе дорогой металлъ—золото, и государственное казначейство приносило въ этомъ направленіи огромныя, ра-зорительныя жертвы, безъ малѣйшей къ тому надобности.

Неизвѣстно откуда и на какомъ основаніи выступилъ на сцену несуществующій на дѣлѣ золотой рубль, который и явился бичомъ нашего денежнаго обращенія и нашихъ государственныхъ финан-совъ. Законное орудіе обмѣна, серебро, было вполнѣ къ нашимъ услугамъ, но мы молча отвернулись отъ него и пустились въ по-гоню за малодоступнымъ намъ и почти излишнимъ для внутрен-няго обращенія золотомъ, какъ единственнымъ будто бы достойнымъ средствомъ обезпеченія цѣнности бумажныхъ денегъ. Отъ времени до времени дѣлались новыя выпуски кредитныхъ билетовъ, и вза-и́мнѣ ихъ казначейство отдавало государственному банку не серебро, а соотвѣтственное количество золота по нарицательной цѣнѣ, теряя весьма значительныя суммы на этой ненужной замѣнѣ одного ме-талла другимъ. Въ настоящее время находится въ государственномъ банкѣ 75 милліоновъ золотомъ, обезпечивающихъ, рубль за рубль, временные выпуски кредитныхъ билетовъ; а такъ какъ для обезпеченія этихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ надлежало внести лишь равное количество серебряныхъ рублей, которые обошлись бы приблизительно на 25⁰/₁₀₀ дешевле золотой монеты, то въ данномъ случаѣ казна пожертвовала лишнихъ почти двадцать милліоновъ рублей золотомъ, которые могли бы смѣло остаться въ свободномъ распоряженіи государственнаго казначейства. У насъ накопился громадный размѣнный фондъ, но исключительно золотой, какъ будто законною монетною единицею служить у насъ уже не се-ребряный рубль, а имперіаль или полумперіаль. Въ размѣнномъ фондѣ собрано теперь около 375 милліоновъ рублей золотомъ, сверхъ упомянутыхъ выше 75 милліоновъ,—всего 450 милл. зо-лота, тогда какъ серебра оказывается немногимъ больше одного милліона, и то, быть можетъ, преимущественно въ мелкой размѣн-ной монетѣ ¹⁾. Если считать, что размѣнный фондъ существуетъ

¹⁾ По отчету государственнаго банка, къ 1-му апрѣля текущаго года, значатся всего въ размѣнномъ фондѣ около 276 милл. сверхъ 75 милл. золотомъ, при чемъ упу-щено изъ виду увеличеніе этого фонда на 98 милл. зол. по указу 8 марта; вслѣдствіе этого выходитъ противорѣчіе между свѣдѣніями, напечатанными въ № 10 „Вѣстника

для обезпеченія будущаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, которая по закону есть главнымъ образомъ серебряная, то можно было бы имѣть то же самое количество металлическихъ рублей при сбереженіи цѣлой сотни миллионѡвъ золотомъ, а именно достаточно было собрать 350 миллионѡвъ серебромъ (равныхъ по цѣнѣ 245 миллионамъ золота, при курсѣ 70 в.п. зол. за серебряный рубль) и сверхъ того сто миллионѡвъ золотомъ, всего 450 миллионѡвъ рублей нарицательныхъ, какъ и теперь. Такимъ образомъ, благодаря забвенію законной функціи серебра, въ размѣнный фондъ положено лишнихъ болѣе ста миллионѡвъ золотомъ для составленія существующей наличности въ 450 миллионѡвъ металлическихъ рублей. Еслибы открылся размѣнъ, то эти сто миллионѡвъ рублей золотомъ были бы просто выброшены за окно.

Чтобы устроить безпрепятственный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро, финансовое управленіе не должно было бы дѣлать никакихъ особенныхъ усилій и затратъ; нужно было бы только приготовить значительный запасъ полновѣсной серебряной монеты, равной по цѣнѣ установившемуся курсу бумажныхъ денегъ. Если же имѣть въ виду размѣнъ на золото по нарицательной цѣнѣ, то при курсѣ 67 в.п. золотомъ за бумажный рубль пришлось бы увеличить цѣнность существующихъ кредитныхъ билетовъ (болѣе миллиарда рублей постоянного выпуска) на колоссальную сумму 345 миллионѡвъ золотомъ, или прибавить, ни за что ни про что, около 500 миллионѡвъ рублей серебромъ къ законной цѣнѣ обмѣниваемыхъ бумажекъ. Устроивъ же размѣнъ на золото по биржевому курсу, мы номинально уменьшили бы цѣнность кредитныхъ билетовъ приблизительно на 33%, т.-е. признали бы частичную несостоятельность государства въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ по обмѣну бумажныхъ денегъ на равноцѣнную звонкую монету; а это официальное обезцѣненіе (девальвация) находилось бы въ явномъ и непонятномъ противорѣчій съ тѣмъ безспорнымъ фактомъ, что кредитный рубль стоитъ по цѣнѣ на одномъ уровнѣ съ своею законною металлическою валютою—серебрянымъ рублемъ. Признавать обезцѣненіе бумажныхъ денегъ только потому, что кредитный рубль серебромъ равенъ серебряному рублю, а не золотому,—значить предполагать у насъ другую монетную единицу, чѣмъ какая установлена въ дѣйствительности. Забывъ серебряную валюту золотою для су-

финансовъ“, и данными отчета, опубликованными въ № 16 того же официального изданія. Вѣроятно, эти 98 милл. золотомъ не попали въ отчетъ банка по ошибкѣ.

ществующихъ кредитныхъ билетовъ, мы добровольно возвысили бы повинности казначейства въ огромныхъ размѣрахъ, безъ достаточно ясныхъ къ тому побужденій.

Официальный „Вѣстникъ Финансовъ“, говоря о недавнемъ усиленіи размѣннаго фонда на 98 милліоновъ золотомъ, справедливо отмѣчаетъ всю значительность жертвъ, приносимыхъ государствомъ для поддержанія курса бумажныхъ денегъ. Нынѣ „нарицательная цѣнность золота размѣннаго фонда превышаетъ одну третью часть номинальной цѣны государственныхъ кредитныхъ билетовъ постоянного выпуска. Еще ни разу, — говоритъ далѣе „Вѣстникъ“, — металлическій фондъ не достигалъ ни такого размѣра, ни подобнаго процентнаго отношенія къ выпущеннымъ кредитнымъ билетамъ“. Для приданія большей устойчивости курсу кредитныхъ билетовъ, „правительство не остановилось нынѣ передъ передачей изъ свободной наличности государственнаго казначейства крупной суммы, свыше 98 милл. рублей, въ размѣнный фондъ; иными словами, сумма эта, бывшая въ полномъ распоряженіи казны, фактически изымается изъ ея распоряженія и предназначается исключительно для обезпеченія кредитныхъ билетовъ. Такимъ образомъ, усиленіе размѣннаго фонда вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительной затратѣ наличныхъ средствъ. Подобное пожертвованіе, оказавшееся нынѣ вполнѣ возможнымъ по соображенію съ ресурсами казны, конечно само по себѣ велико. Но упроченіе цѣны кредитныхъ билетовъ — весьма настоятельная государственная потребность, удовлетвореніе которой, подобно всякой другой первостепенной государственной потребности, вызываетъ и должно еще вызывать въ будущемъ значительныя пожертвованія“.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что упроченіе цѣны кредитныхъ билетовъ весьма важно и необходимо; но относительно формы и способовъ пожертвованій, употребляемыхъ для этой цѣли, возможны еще большія и основательныя сомнѣнія. Возвысился ли замѣтно и упрочился ли на болѣе высомомъ уровнѣ курсъ бумажныхъ денегъ, послѣ внесенія добавочной сотни милліоновъ золотомъ въ размѣнный фондъ? — Нѣтъ, цѣна кредитныхъ билетовъ осталась та же самая, чтò и прежде, и степень прочности курса не измѣнилась. Въ сущности, такъ называемый размѣнный фондъ представляетъ пока еще фикцію въ смыслѣ обезпеченія цѣнности кредитныхъ билетовъ, ибо послѣдніе вовсе не подлежатъ размѣну на золото. Размѣнный фондъ, въ противность своему названію, есть фондъ неподвижный, въ которомъ собраны металлическіе капиталы, не выпускаемые въ обращеніе и не приносящіе поэтому процентовъ. Существованіе размѣннаго фонда,

хотя бы самого богатаго по количеству металла, не имѣть практическаго значенія для держателей кредитныхъ билетовъ при отсутствіи размѣна. Сокровища, находящіяся въ кассахъ государственнаго банка, существуютъ не для владѣльцевъ бумажныхъ денегъ, и курсъ этихъ денегъ по необходимости опредѣляется разными другими обстоятельствами, въ зависимости отъ общаго довѣрія къ финансовой политикѣ правительства.

Но предположимъ, что прибавка новой сотни миллионѣвъ золота къ неподвижному и неразмѣнному фонду могла дѣйствительно придать большую устойчивость биржевой цѣнѣ кредитныхъ билетовъ. Читатель публикѣ было, разумѣется, очень пріятно и утѣшительно узнать отъ „Вѣстника Финансовъ“, что такое крупное пожертвованіе для усиленія металлическаго фонда оказалось нынѣ вполне возможнымъ по соображенію съ ресурсами казны. Если казна настолько не стѣснена въ средствахъ, что можетъ свободно удѣлить почти сто миллионѣвъ золотомъ на дѣло, не обещающее нивакихъ непосредственныхъ и положительныхъ результатовъ, то тѣмъ скорѣе и легче могла бы она назначить эту сумму на удовлетвореніе первой насущной потребности государства — на дѣло народнаго образованія. Почему же говорятъ объ отсутствіи необходимыхъ денежныхъ ресурсовъ, когда рѣчь идетъ объ устройствѣ надлежащаго количества народныхъ школъ? Упроченіе цѣны кредитныхъ билетовъ, насколько оно достигается передачей новой сотни миллионѣвъ въ размѣнный фондъ, есть, быть можетъ, дѣло полезное и важное; но неизмѣримо важнѣе и настоятельнѣе другая задача, тѣсно связанная съ основными интересами народа и со всею его будущностью, — постановка народнаго обученія на прочныхъ и широкихъ началахъ. Пожертвованіе ста миллионѣвъ на усиленіе размѣннаго фонда могло произвести нѣкоторое впечатлѣніе только на иностранныя биржи, интересующіяся курсомъ нашихъ кредитныхъ билетовъ; а назначеніе этой суммы на устройство народныхъ школъ было бы крупнымъ событіемъ, чрезвычайно благотворнымъ для страны, и возбудило бы повсюду въ Европѣ безусловное сочувствіе и довѣріе къ цѣлямъ русской политики. „Вѣстникъ Финансовъ“ имѣлъ бы тогда полное основаніе сказать: „подобное пожертвованіе, оказавшееся нынѣ вполне возможнымъ по соображенію съ ресурсами казны, конечно, само по себѣ велико; но обезпеченіе и упроченіе дѣла народнаго образованія — весьма настоятельная государственная потребность, удовлетвореніе которой, подобно всякой другой перво-степенной государственной потребности, вызываетъ и должно вызывать въ будущемъ значительныя пожертвованія“. Можно со-

гласиться съ „Вѣстникомъ Финансовъ“ что усиленіе размѣннаго фонда вполне соответствуетъ дѣйствительной затратѣ наличныхъ средствъ; но и „Вѣстникъ Финансовъ“, безспорно, согласится съ нами, что затрата ста милліоновъ (хотя бы не золотомъ, а кредитными) на дѣло народнаго образованія была бы болѣе существенно необходима, чѣмъ на усиленіе размѣннаго фонда, и что даже въ экономическомъ отношеніи она была бы несравненно болѣе производительна. На великую потребность народнаго образованія ассигновано было недавно три милліона кредитныхъ рублей, и это маленькое пожертвованіе изъ государственныхъ средствъ на пользу народную было встрѣчено весьма сочувственно въ нашей печати; что же было бы, еслибы назначено было сразу цѣлыхъ сто милліоновъ, сообразно дѣйствительному первостепенному значенію вопроса о народномъ образованіи! Трудно исчислить убытки, происходящіе отъ невѣжества, большинства населенія, и еще труднѣе опредѣлить опасности, которымъ подвергается государство вслѣдствіе отсутствія элементарныхъ знаній въ народѣ; несомнѣнно только одно, что сотня милліоновъ, употребленная на устройство школъ, принесла бы великіе плоды и окупилась бы сторицею въ будущемъ. Весь годовой бюджетъ нашего министерства народнаго просвѣщенія составляетъ лишь пятую долю той суммы, которую государственное казначейство нашло возможнымъ отдать на дальнѣйшее увеличеніе неразмѣнныхъ металлическихъ запасовъ размѣннаго фонда. На этомъ примѣрѣ наглядно подтверждается неудобство совмѣщенія двухъ разнородныхъ функций—управленія государственными финансами и заведыванія специальными интересами промышленности и торговли. Соображенія торгово-промышленнаго свойства, — иногда довольно спорныя, какъ, напр., въ вопросѣ о размѣнномъ фондѣ, — будутъ неизбежно преобладать надъ интересами и задачами общегосударственными, пока вѣдомство, располагающее всѣми средствами казны, сосредоточиваетъ въ себѣ въ то же время спеціальныя заботы объ успѣхахъ торговли и промышленности. Какъ бы возвышенны ни были стремленія и цѣли лицъ, стоящихъ въ главѣ финансоваго управленія, они не могутъ быть свободны отъ односторонняго вліянія тѣхъ видныхъ промышленныхъ элементовъ, съ которыми имъ постоянно приходится имѣть дѣло. Съ точки зрѣнія торгово-промышленныхъ интересовъ вопросъ о биржевомъ курсѣ кредитныхъ билетовъ имѣетъ такую исключительную важность, что за малѣйшій шагъ къ его желанному разрѣшенію можно пожертвовать сотню казенныхъ милліоновъ; а дѣло народнаго образованія слишкомъ далеко отстоитъ отъ обычнаго круга заботъ финансовыхъ

дѣятелей, обязанныхъ невольно считаться съ настойчивыми желаніями и домогательствами однихъ лишь промышленныхъ капиталистовъ и предпринимателей. Съ точки зрѣнія общей государственной пользы не могло быть никакого спора о томъ, что свободные 98 милліоновъ золотомъ слѣдовало сохранить для болѣе важной цѣли, чѣмъ усиленіе размѣннаго фонда; но мѣра эта сама по себѣ имѣла только значеніе симптома, указывая на серьезную рѣшимость приступить къ крайне сложной и трудной задачѣ— къ регулированію и устраненію застарѣлыхъ недостатковъ нашего денежнаго обращенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ упомянутая мѣра ясно свидѣтельствовала о направленіи, въ какомъ предполагается возстановить у насъ металлическую валюту.

II.

Собрать до 450 милліоновъ рублей золотомъ для обезпеченія цѣнности кредитныхъ билетовъ можно было только въ видахъ подготовленія будущаго размѣна послѣднихъ на золото. Этимъ заранѣе какъ бы предрѣшался вопросъ, издавна занимающій умъ въ Европѣ и Америкѣ и почти не затронутый у насъ,—вопросъ о предпочтеніи золота или серебра для звонкой монеты, или о признаніи равноправности обоихъ металловъ. Останутся ли на одномъ металлѣ (монометаллизмъ), или допустить равноправность обоихъ (биметаллизмъ),—объ этомъ много спорили и рассуждали повсюду, особенно со времени упадка цѣны серебра сравнительно съ прежнимъ. У насъ таковой вопросъ даже и не ставился настоящимъ образомъ, и объ обсужденіи его не было и рѣчи, а прямо, еще съ шестидесятихъ годовъ, установилась практика, въ силу которой законная монетная единица была забыта и уступила первенствующую роль золоту. Объясняется этотъ поразительный фактъ преобладаніемъ болѣе дорогого металла въ международныхъ платежахъ по нашимъ долговымъ обязательствамъ. Такъ какъ внѣшніе займы заключались на металлическую и преимущественно золотую валюту, то тяжесть уплаты процентовъ звонкою монетою увеличивалась для казны по мѣрѣ паденія цѣны кредитныхъ билетовъ именно сравнительно съ золотомъ, а не съ серебромъ. Казна получала свои доходы бумажными рублями, а должна была платить иностраннымъ кредиторамъ золотомъ по курсу; поэтому правительство было наиболѣе заинтересовано въ поддержаніи и улучшеніи курса по отношенію къ золоту, и могло совершенно не заботиться о серебрѣ. Международные денежные

счета незамѣтно приняты были за основу и мѣрило всего нашего денежнаго обращенія, при чемъ упущена изъ виду принципиальная разница между внѣшними долговыми обязательствами и внутренними условіями правильнаго денежнаго оборота. Можно было дѣлать все, что возможно, для облегченія тягостей внѣшняго кредита, и въ то же время пользоваться относительною дешевизною серебра для восстановленія законной монетной единицы внутри государства. Но одностороннее и даже исключительное вниманіе къ интересамъ международнаго кредита не оставляло мѣста заботамъ объ упроченіи внутренней денежной системы, согласно интересамъ плательщиковъ. Даже по займамъ, заключеннымъ на серебро, мы соглашались платить золотомъ, по свойственному намъ въ подобныхъ случаяхъ великодушію, и такимъ образомъ мы увеличивали наши долги изъ уваженія къ иностраннымъ кредиторамъ, въ ущербъ податному населенію собственной страны. Упадокъ цѣны серебра зависѣлъ отъ общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ помимо нашего участія, и мы не имѣли никакого основанія брать на себя возмѣщеніе чужихъ убытковъ отъ происшедшей перемѣны въ относительной цѣнности благородныхъ металловъ. Если тѣмъ не менѣе мы пожелали платить по нѣкоторымъ металлическимъ займамъ на цѣлую треть больше, чѣмъ были должны, то это еще не оправдывало распространенія этой непонятной щедрости на всю колоссальную сумму нашихъ обязательствъ по кредитнымъ билетамъ, обращающимся внутри государства. Однако у насъ почему-то увѣрены въ необходимости такой расплаты золотомъ по обязательствамъ, рассчитаннымъ на серебро, и эта увѣренность доводитъ нѣкоторыхъ публицистовъ до предложенія признать частичное банкротство, въ виду явной невозможности достигнуть размѣна кредитныхъ рублей серебромъ на золотую монету по нарицательной цѣнѣ. Въ печати повторялись слухи о новомъ опытѣ официальной „девальвации“, въ родѣ прежнихъ попытокъ, сдѣланныхъ въ шестидесятыхъ и семидесятихъ годахъ. Необычайное накопленіе золота въ размѣнномъ фондѣ предвѣщало рѣшительный шагъ къ допущенію размѣна путемъ девальвации, такъ какъ нельзя было и думать о поднятіи курса кредитныхъ билетовъ на 33%, до равной цѣны съ золотомъ по курсу; поднялись споры за и противъ обезцѣненія или девальвации, но никто, вѣжесся, не вспомнилъ, что кредитный рубль долженъ быть равенъ серебряному рублю, а не золотому, и что при наличности этого условія нѣтъ и не можетъ быть ни-

какого обезцѣненія. На дѣлѣ девальвациа не была объявлена, а только разрѣшены денежныя сдѣлки на золото по курсу, что, какъ предполагалось, должно способствовать появленію металлическихъ денегъ во внутреннемъ обращеніи. Подобное разрѣшеніе было бы вполне естественно, еслибы одновременно съ нимъ серебряный рубль былъ восстановленъ въ своихъ правахъ; тогда серебро исполняло бы свою монетную функцію безъ пониженія цѣны бумажныхъ денегъ, а золото употреблялось бы для сдѣлокъ на болѣе крупныя суммы или для международныхъ платежей по желанію сторонъ, соотвѣтственно данному курсу, какъ это отчасти и было въ прежнее время. Теперь же сдѣлки на золото равносильны косвенной девальваци, ибо законной монетной единицы не существуетъ въ обращеніи, а сравнительно съ золотомъ кредитные билеты обезцѣнены. Въ началѣ столѣтія, когда курсъ ассигнацій дошелъ до четвертой доли цѣнности серебряной монеты, были также допущены сдѣлки на металлъ по курсу; тогда постановлено было, что „контракты, закладныя, купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и другія всякаго рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется на волю ихъ заключать и писать на ассигнаціи или серебро, по добровольному согласію; но платежъ по онымъ не можетъ быть отринуть ассигнаціями по промѣну на серебро въ день платежа“ (п. 13 манифеста 9-го апрѣля 1812 года). Это было предвѣстіе неминуемой ликвидаціи бумажно-денежнаго разстройства; результатъ уже совершившагося обезцѣненія, о которомъ знаменитый адмиралъ Мордвиновъ писалъ съ негодованіемъ въ свойственномъ ему высокомъ стилѣ: „Никакая несправедливость личная, никакое оскорбленіе права общественнаго, колико бы оныя чувствительны ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго дѣйствія на умы и сердца подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потеряннаго монетою достоинства. Рубль есть достояніе каждаго, богатаго и бѣднаго, и малѣйшая часть, отъятая изъ онаго, преобразуется въ похищеніе великое, простирающееся на все количество стяжаемаго, наслѣдуемаго или же работою рукъ произведеннаго. При упадкѣ монеты ропщеть воинъ, негодуеть гражданинъ, лихоимствуетъ судья, охладѣваетъ вѣрность, ослабѣвають взаимныя услуги и пособія, благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ“¹⁾. Такого непоправимаго разлада между бумажнымъ рублемъ и серебрянымъ не существуетъ въ

¹⁾ П. А. Нивольскій, „Бумажныя деньги въ Россіи“. Казань, 1892, стр. 228—4, 267 и др.

настоящее время; напротивъ, кредитные билеты цѣнятся наравнѣ съ серебромъ, и слѣдовательно нѣтъ почвы даже для косвеннаго признанія пониженной цѣны бумажныхъ денегъ относительно металла. Если теперь считается нужнымъ признать обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ специально по отношенію къ золоту, то почему, по крайней мѣрѣ, въ видахъ справедливости, не признана и не подтверждена равноцѣнность бумажнаго рубля съ серебрянымъ? Наконецъ, почему само государственное казначейство продолжаетъ обеспечивать временно выпущенные съ 1891 года кредитные билеты соответственнымъ количествомъ золота, рубль на рубль, по нарицательной цѣнѣ? Тутъ есть внутреннія противорѣчія, которыя нуждались бы въ разъясненіи.

У насъ вообще не помнятъ многого, и некому напоминать забытое при разработкѣ вопросовъ въ типѣ канцелярій; поэтому прошлыя ошибки часто повторяются даже тогда, когда исчезли поводы къ нимъ, вслѣдствіе радикальной перемѣны обстоятельствъ. То, что прежде безуспѣшно дѣлалось для восстановленія серебряной валюты, вновь примѣнялось позднее для поднятія курса кредитныхъ билетовъ до равной цѣны съ золотомъ. Въ 1810 году объявлено было манифестомъ, что законною монетною единицею установленъ серебряный рубль опредѣленнаго вѣса и пробы, и что всѣ прочія серебряныя монеты, равно какъ монеты золотыя, „оставляются въ свободномъ обращеніи по сравнительному ихъ достоинству въ настоящему серебряному рублю“; затѣмъ всѣ акты и сдѣлки предписано впредь совершать на російскую монету. Но усиленные выпуски ассигнацій не дали осуществиться хорошимъ намѣреніямъ 1810 года. При графѣ Гурьевѣ надѣялись достигнуть возвышенія упавшей цѣнности ассигнаціоннаго рубля посредствомъ изятія изъ обращенія избытка ассигнацій и для этой цѣли заключались обременительные займы; въ результатѣ бессрочный безпроцентный долгъ былъ частью превращенъ въ процентный, а курсъ ассигнацій поднялся всего на $2\frac{1}{2}\%$. Графъ Канкринъ рѣзко критиковалъ этотъ способъ дѣйствій своего предшественника, такъ какъ погашеніе ассигнацій, производимое нерѣдко огромными массами, „не имѣло никакого ощутительнаго вліянія на промѣнъ серебра“, а между тѣмъ обременяло государственное казначейство долгами, требующими крупныхъ суммъ на уплату процентовъ. По мнѣнію Канкринина, принятія мѣры бесполезны, и слѣдовало ихъ прекратить; если же продолжать выкупъ ассигнацій и жечь ихъ, то на народъ это произведетъ невыгодное впечатлѣніе, „которое истребленіе ассигнацій производило въ ономъ въ прошедшіе годы“; иностранные же капиталисты нисколько

этимъ не интересуются, — для нихъ важно непрерывное получение процентовъ по займамъ и увѣренность, что количество ассигнацій не будетъ увеличено. Банкринъ находилъ „дикую“ самую мысль объ уменьшеніи излишняго количества бумажныхъ денегъ при помощи займовъ ¹⁾. Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ удалось восстановить правильное металлическое обращеніе; курсъ ассигнацій былъ точно опредѣленъ закономъ по счету на серебро, и серебряный рубль опять вступилъ въ свои права. Что касается золотой монеты, то она считалась дороже своей нарицательной цѣны на 3⁰/₀, и существованіе этого узаконеннаго лажа на золото нисколько не мѣшало свободному „хожденію“ металлическихъ денегъ, подтверждая лишь второстепенный, вспомогательный характеръ золота въ нашей монетной системѣ. Но и реформа графа Банкрина не принесла желанныхъ плодовъ, и, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ историковъ ея, въ этой неудачѣ „отразилось полное игнорированіе тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ разрабатывались вопросы, т.-е. общества“. Гр. Банкринъ „свылся съ господствовавшимъ направленіемъ, считавшимъ каждую мѣру государственною тайною“; онъ велъ все дѣло очень секретно и самъ писалъ множество бумагъ, не доверяя другимъ. Ближайшимъ помощникомъ его былъ графъ Вронченко, впоследствии министръ финансовъ, „какъ кажется, человекъ семинарскаго образованія и, повидимому, совершенно лишенный знакомства съ экономическими науками“ ²⁾. Съ 1856 года размѣнъ кредитныхъ билетовъ былъ прекращенъ, и новымъ бумажнымъ деньгамъ угрожала судьба ассигнацій. Черезъ нѣсколько лѣтъ былъ повторенъ опытъ графа Гурьева: сдѣланъ вышній заемъ на 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ для возобновленія размѣна и для изытія изъ обращенія части кредитныхъ билетовъ. Мысль, признанная „дикой“ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, нашла опять примѣненіе сорокъ лѣтъ спустя. Собранъ былъ запасъ металла на 180 милліоновъ рублей, и въ маѣ 1862 года открылся размѣнъ безразлично на золото и серебро, по извѣстному постепенно повышаемому курсу; а поступающіе такимъ путемъ въ казну кредитные билеты должны были неотлагательно предаваться сожженію. Черезъ полтора года, послѣ безплодной потери собранныхъ милліоновъ золота, пришлось приостановить размѣнъ, о которомъ осталась только печальная память въ видѣ платежа процентовъ по займу въ размѣрѣ 5 мил. 360 тысячъ рублей металлическихъ въ

¹⁾ В. Т. Судейкинъ, Восстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія (1889—1848), Москва, 1891, стр. 6—9.

²⁾ Судейкинъ, тамъ же, стр. 50—1 и 68—9.

годъ; въ то же время курсъ кредитныхъ билетовъ понизился до 77 коп. за рубль. Разорительныя операціи по закупкѣ и продажѣ металла для поддержанія курса въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, при графѣ Рейтернѣ, были отчасти повтореніемъ экспериментовъ графа Вронченко; онѣ обошлись государству сотни милліоновъ, окончательно подорвали номинальную цѣнность кредитныхъ билетовъ и были чрезвычайно выгодны только для заграничныхъ и отечественныхъ спекулянтовъ¹⁾.

Большія усилія употреблялись для накопленія металлическаго размѣннаго фонда съ цѣлью придать устойчивость курсу кредитныхъ билетовъ, а затѣмъ этотъ фондъ опять расходовался въ напрасной надеждѣ повліять на бумажный рубль искусственными спекулятивными мѣрами; но непокорный курсъ одинаково колебался и падалъ, какъ при обиліи, такъ и при сокращеніи запасовъ металла въ государственномъ банкѣ. Въ 1864 году, при размѣнномъ фондѣ въ 65 мил., и въ 1875 году, когда фондъ достигъ 229 милліоновъ, курсъ стоялъ почти на одномъ и томъ же уровнѣ, несмотря на огромную разницу въ размѣрахъ этого фиктивного металлическаго обезпеченія кредитныхъ билетовъ, какъ вполнѣ вѣрно указываетъ г. Никольскій. Старые расчеты на размѣнный фондъ, много разъ опровергнутые фактами, упорно сохраняютъ свою убѣдительную силу для новыхъ финансовыхъ дѣятелей и приводятся теперь съ такою же серьезностью, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Государственное казначейство все еще дѣлаетъ непосильныя пожертвованія для увеличенія размѣннаго фонда, въ видахъ устойчивости курса, какъ будто прошлыхъ примѣровъ вовсе не было. Дважды оказавшаяся несостоятельною идея о замѣнѣ излишняго количества бумажныхъ денегъ процентными долгами была снова испробована въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда выпускались пятипроцентныя золотыя и кредитныя ренты для погашенія фиктивного долга государственному банку, по 50 милліоновъ въ годъ, за временные выпуски кредитныхъ билетовъ на 400 милліоновъ рублей. О позднѣйшихъ конверсионныхъ займахъ, увеличившихъ сумму нашихъ долговъ на сотни милліоновъ и продлившихъ ихъ сроки до второй половины будущаго вѣка, мы говорить не станемъ; эти займы также имѣли связь съ мечтою о добычѣ золота для поддержанія курса и подготовленія размѣна. Даже одинъ изъ хвалителей новой финан-

¹⁾ Никольскій, стр. 810—826; С. Герингъ, Рубль. Исторія, причины колебанія и средства упроченія бумажнаго рубля. Спб., 1898, стр. 8—9 и 50—1; Л. Федоровичъ, Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія. Одесса, 1888, стр. 614 и слѣд.

совой политики, г. Вессель, рѣшительно осуждает „исключительно биржевой спекуляціонный характер“ бывшего министерства финансовъ и сознается въ законности сомнѣнія относительно пользы многихъ современныхъ мѣръ и проектовъ, такъ какъ „продолжающееся уже свыше тридцати лѣтъ неустройство нашего государственнаго хозяйства“ приучило насъ къ подобному сомнѣнію и недовѣрію. И дѣйствительно, говоритъ названный авторъ, „если въ столь продолжительномъ разстроенномъ положеніи нашихъ государственныхъ финансовъ и происходили временныя улучшения, иногда даже весьма значительныя, какъ въ 1872—75 годахъ и особенно въ 1887—1890 годахъ, то единственно лишь по милости Божіей; министерство же финансовъ не только не умѣло пользоваться милостью Божіею и не упрочивало такихъ улучшеній, но своими мѣропріятіями быстро уничтожало ихъ и приводило государственныя финансы еще въ большее разстройство“¹⁾.

Въ появившемся недавно интересномъ этюдѣ „Старога профессора“ высказывается, по поводу дѣятельности послѣдняго министра финансовъ, далеко не новая, но всегда справедливая мысль, что для управленія государственными финансами необходимы соответственныя экономическія знанія и гласное обсужденіе проводимыхъ мѣръ. „Человѣкъ умный, даровитый, но лишенный знаній, мечется изъ стороны въ сторону, не обончивъ одного, хватается за другое, примѣняетъ опыты, и странѣ приходится дорого расплачиваться за его смѣлость и незнаніе“. Въ частности, возобновившіеся временныя выпуски кредитныхъ билетовъ свидѣтельствовали о „полномъ забвеніи законовъ денежно-кредитнаго обращенія и о невозможности достичь когда бы то ни было восстановленія металлическаго обращенія въ странѣ, гдѣ отсутствуетъ твердая и опредѣленная система“²⁾. Но забвеніе прежде всего относилось къ вопросу, о которомъ не вспоминаетъ и авторъ приведенныхъ строкъ,—о томъ, нужно ли было стремиться къ расплатѣ золотомъ за кредитные билеты, выпущенные на серебро, и какая у насъ вообще существуетъ монетная единица. Отъ неясности и спутанности понятій въ этой области наибольше страдали наши финансы, и надо сознаться, что специальная литература очень мало помогала устраненію этой путаницы.

Большинство лицъ, писавшихъ у насъ въ послѣдніе годы о

¹⁾ Н. Х. Вессель, Наша новая государственная финансовая дѣятельность (1892—1894). Спб., 1894, стр. 4, 80 и др.

²⁾ Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ, „Старога профессора“, въ „Журналѣ Юридическаго Общества“, 1895, кн. IV, стр. 149, 162—163 и 180.

бумажныхъ и металлическихъ деньгахъ, исходить почему-то изъ предположенія, что подъ металломъ, обезпечивающимъ кредитные билеты, можно разумѣть безразлично золото или серебро, но что первое должно обязательно преобладать при размѣнѣ. Когда говорить о восстановленіи размѣна, то имѣютъ въ виду только размѣнъ на золото. Это молчаливое предпочтеніе платежнаго средства, вздорожавшаго въ полтора раза сравнительно съ установленною серебряною валютою, должно, конечно, отражаться крайне плачевнымъ образомъ на должникѣ, на убогомъ и безъ того плательщикѣ-народѣ; но въ толкахъ и спорахъ о финансахъ обыкновенно принимаются въ расчетъ всевозможныя соображенія, кромѣ лишь единственнаго,—о судьбѣ плательщика. Должнику скажутъ: вы обязались платить свои долги рублями серебромъ или соотвѣтственно по цѣнѣ золотою монетою; но серебро подешевѣло, и потому, вмѣсто условленныхъ рублей, давайте намъ золото по прежней низкой оцѣнкѣ его относительно серебра; мы получимъ тогда въ полтора раза больше, чѣмъ можно было бы по справедливости требовать съ васъ, но зато кредитъ вашъ увеличится, и вы утвердите за собою репутацію необыкновенно великодушнаго и щедраго плательщика. Правда, никакому частному лицу или учрежденію не стануть кредиторы держать подобную рѣчь, ибо должникъ отвѣчалъ бы очень просто:—я не безтолковый расточитель и не имѣю повода соглашаться на такое разорительное для меня измѣненіе своихъ обязательствъ; я добросовѣстно уплачу серебромъ, какъ было условлено, или золотомъ по измѣнившемуся курсу его, а давать золотую монету по номинальной цѣнѣ вмѣсто серебряныхъ рублей было бы съ моей стороны слишкомъ странно... Но то, что не можетъ случиться съ денежными интересами частныхъ лицъ, сплошь и рядомъ бываетъ съ финансовыми интересами государства; послѣдніе обладаютъ особою способностью приравниваться къ частнымъ требованіямъ и расчетамъ, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ внѣшняго кредита. Самыя удивительныя метаморфозы возможны и естественны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чемъ-то общемъ и отдаленномъ, допускающемъ всякіе опыты и компромиссы,—гдѣ прошлое забывается легко и разглядѣть настоящее трудно. Такъ осталось почти незамѣченнымъ и исчезновеніе нашей монетной единицы, замѣненной небывалымъ золотымъ рублемъ, и очень немногіе останавливаются на этомъ любопытномъ фактѣ; по крайней мѣрѣ намъ пришлось встрѣтиться съ дѣльными замѣчаніями по этому предмету только въ одной анонимной брошюрѣ, вышедшей въ 1887 году и пи-

санной повидимому не финансистомъ, а юристомъ по специальности ¹⁾.

Вполнѣ понятны недоумѣнія, вызываемыя преувеличенною и неправильною ролью золота въ нашихъ кредитныхъ обязательствахъ, заключенныхъ въ серебряной валютѣ, и хотя для специалистовъ все ясно въ новѣйшихъ толкахъ о девальвации, усиленія размѣннаго фонда, сдѣлкахъ на золото и т. п., но простые смертные, становясь на точку зрѣнія плательщиковъ, могутъ поставить цѣлый рядъ вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта. Профаны не въ состояніи понять, почему нужно было дѣлать процентные долги для погашенія безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ и потомъ опять дѣлать новые временные выпуски этихъ билетовъ подъ обезпеченіе золотомъ, т.-е. замѣнять одно зло другимъ, болѣе тягостнымъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ возстановить прежнее зло на ряду съ новымъ, цѣною дальнѣйшихъ жертвъ. Для профановъ остается загадочнымъ назначеніе золотого размѣннаго фонда, накопляемаго съ такими огромными усилиями, когда обязательствъ лишь свободный размѣнъ на серебро, а золотая монета могла бы ходить по курсу, какъ это было предположено при самомъ учрежденіи кредитныхъ билетовъ въ 1841 году. Профаны не понимаютъ, почему не пускается въ обращеніе полновѣсная серебряная монета взамѣнъ бумажныхъ денегъ, цѣною отъ одного до трехъ рублей; тогда извлечены были бы изъ обращенія избытки кредитныхъ билетовъ, и металлическій рубль пересталъ бы быть мнѣомъ. Сильный упадокъ цѣны серебра, вслѣдствіе сокращенія спроса на этотъ металлъ, какъ матеріалъ для монеты, и особенно послѣ прекращенія чеканки серебра въ Индіи и въ Сѣверной Америкѣ въ 1893—94 годахъ, не можетъ продолжаться долго; есть полное основаніе предвидѣть поворотъ въ этомъ отношеніи ²⁾, и очень можетъ быть, что мы пропустили единственный въ своемъ родѣ моментъ для возстановленія у насъ прочнаго металлическаго обращенія, если не воспользуемся настоящими благоприятными обстоятельствами. Замѣна бумажныхъ рублей серебряными представляла бы, между прочимъ, ту выгоду, что владѣльцы монеты не подвергались бы риску лишиться своего достоянія по недоразумѣнію или незнанію, какъ это бывало со многими при перемѣнѣ формы кредитныхъ билетовъ. Темные, неграмотные обыватели составляютъ еще до сихъ поръ большинство

¹⁾ Подготовительныя мѣры къ возстановленію обращенія звонкой монеты. Сиб. 1887.

²⁾ См. соображенія Шеффле въ статьѣ „Der Währungsstreit“, помѣщенной въ сборникѣ Deutsche Kern- und Zeitfragen. Neue Folge. Berlin, 1895, стр. 248—402.

нашего населенія, ибо нѣтъ средствъ на шевы для плательщиковъ податей; объявленія о недѣйствительности бумажныхъ денегъ стараго образца часто доходили до сельскаго люда слишкомъ поздно, обрушиваясь на людей въ видѣ неожиданныхъ ударовъ судьбы, которые могли даже казаться несогласными съ буквальнымъ смысломъ словъ, напечатанныхъ на каждомъ рублевомъ кредитномъ билетѣ. Быть можетъ, и на распространеніе грамотности и образованія въ народѣ найдутся необходимыя милліоны, когда уменьшатся заботы о накопленіи золота для размѣннаго фонда и объ удовлетвореніи преувеличенныхъ ожиданій иностранныхъ банкировъ, въ видахъ кажущагося и мимолетнаго поддержанія курса и кредита.

Л. Слонимскій.

ПО ИСПОЛНЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ НА 1894 ГОДЪ.

По предварительнымъ, „неокончательно провереннымъ въ контрольномъ порядкѣ“ кассовымъ свѣденіямъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1894 году, помѣщеннымъ въ „Вѣстникъ Финансовъ“¹⁾, исполненіе росписи этого года является какъ бы самымъ блестящимъ въ ряду вообще весьма благопріятно исполненныхъ росписей послѣднихъ семи лѣтъ. Мы не разъ уже объясняли, что показанія предварительныхъ свѣденій вполне точны только по доходамъ и поступлениямъ, для которыхъ льготнаго срока не существуетъ. Точный же размѣръ расходовъ можетъ быть опредѣленъ только во второй половинѣ года, по прошествіи всѣхъ льготныхъ сроковъ,—и то за исключеніемъ расходовъ по кредитамъ, отпускаемымъ не на одинъ, а на нѣсколько смѣтныхъ періодовъ. Теперь же можетъ быть обозначенъ только предѣлъ, до котораго могутъ дойти расходы за счетъ росписи 1894 года.

По первоначальнымъ предположеніямъ росписи по обыкновенному бюджету, избытокъ доходовъ надъ расходами—въ 23¹/₂ м. р., а по всей росписи, со включеніемъ незначительныхъ, чрезвычайныхъ поступленій (около 20 м. р.) и весьма большихъ чрезвычайныхъ расходовъ (до 102¹/₂ м. р.), предвидѣлся недоборъ въ 59 милл. рублей. Въ печати своевременно уже указывалась крайняя, какъ бы преднамѣренная, *осторожность* этихъ исчисленій²⁾, но и печать въ своихъ

¹⁾ „Вѣстн. Фин.“ 1895 г., № 13.

²⁾ См. „Вѣстн. Европы“, февраль 1894 г., стр. 881 и слѣд.

предположеніяхъ все-таки была далека отъ цифръ, оказывающихся по дѣйствительному исполненію росписи: по обыкновенному бюджету избытокъ доходовъ надъ расходами превзошелъ ожиданія въ $7\frac{1}{2}$ разъ слишкомъ; по чрезвычайному же бюджету, если не считать суммъ, полученныхъ путемъ такъ называемыхъ кредитныхъ операцій, этотъ избытокъ уменьшился немного сравнительно съ тѣмъ, что ожидалось; но въ общемъ, по исполненію росписи 1894 года, оказывается не недоборъ въ 59 м. р., а излишекъ доходовъ въ суммѣ около 100 м. р. Такимъ образомъ, погрѣшность въ исчисленіяхъ росписи достигла огромнаго размѣра въ 150—160 м. р.,—слишкомъ 15% сѣтнаго оборота. Правда, погрѣшность поведла на этотъ разъ къ одной изъ пріятныхъ неожиданностей, приготовленіе которыхъ многими считается, особенно въ послѣднее время, верхомъ финансовой мудрости. Мы смотримъ на это нѣсколько иначе: для насъ наиболѣе пріятнымъ сюрпризомъ было бы приблизительно точное исчисленіе росписи, съ погрѣшностію въ одинъ, много въ два процента, хотя бы и въ неблагоприятную сторону. Такая точность ручалась бы за приблизительно вѣрное знакомство съ условіями народнаго хозяйства.

По росписи обыкновенные доходы были исчислены въ миллиардъ 5 милл. р., а обыкновенные расходы—въ 981 м. р. съ небольшимъ, что и представляло превышеніе доходовъ въ $23\frac{1}{2}$ м. р. Въ дѣйствительности же обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ получено 1.153 милл. руб., болѣе на 148 милл. руб. Если предположить расходы въ полной исчисленной по росписи суммѣ, 981 м. р., съ присоединеніемъ 6 милл. руб., отпущенныхъ сверхсѣтнымъ кредитомъ, то оказывается, по обыкновенному бюджету, избытокъ доходовъ въ 166 милл. руб. Но это еще не все. Отъ расходныхъ кредитовъ всегда бываютъ остатки. Съ 1888 года, когда по военному и морскому вѣдомствамъ эти остатки остаются въ запасъ этихъ вѣдомствъ, цифра остатковъ, присоединяемыхъ по истеченіи сѣтнаго періода къ средствамъ казначейства, вообще не велика, но они все-таки есть. Затѣмъ, къ доходамъ постановлено присоединять остатки отъ сѣтъ прежнихъ лѣтъ, заключенныхъ въ отчетномъ году. Въ 1893 году этихъ остатковъ было по обыкновенному бюджету 9 милл. руб. Если принять во вниманіе и тѣ, и другіе остатки, то цифра превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 1894 году должна достигнуть 172—176 милл. руб. Такой избытокъ, самъ по себѣ огромный, не только вполне покрываетъ недоборъ чрезвычайнаго бюджета, но и затѣмъ, по всей росписи, представляетъ, какъ замѣчено выше, превышеніе доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 100 милл. руб. слишкомъ. О чрезвычайномъ бюджетѣ мы скажемъ ниже, а пока остановимся на бюджетѣ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, замѣ-

тивъ однако, что правильное раздѣленіе нашей росписи на бюджеты обыкновенный и чрезвычайный установлено лишь съ росписи настоящаго 1895 года, а въ прошломъ отъ нормы встрѣчались болѣе или менѣе крупныя отступленія (напримѣръ, отнесеніе на чрезвычайный бюджетъ такихъ постоянныхъ расходовъ, какъ перевооруженіе, сооруженіе портовъ и пр.). Тѣмъ не менѣе, желая сравнивать бюджеты разныхъ годовъ, мы должны принимать во вниманіе лишь цифры обыкновеннаго бюджета, такъ какъ лишь въ немъ, хотя бы недостаточно правильно и не совсѣмъ точно, выражается однако отношеніе періодическихъ средствъ, получаемыхъ государствомъ, къ его текущимъ потребностямъ.

Едва ли въ исторіи финансовъ какой-либо страны можно встрѣтить подобное той метаморфозѣ, какаю послѣдовала въ хроникѣ нашихъ государственныхъ бюджетовъ за послѣднія тридцать лѣтъ, т.-е за время, совпадающее съ введеніемъ нынѣ дѣйствующихъ смѣтной и контрольной системъ; исторія нашихъ государственныхъ бюджетовъ можетъ быть раздѣлена на четыре періода. Первый изъ нихъ, 1864—1870 годовъ,—составляя какъ бы продолженіе прежнихъ лѣтъ, ознаменовывается сплошными дефицитами. Сумма ихъ за всѣ семь лѣтъ составляетъ 173 милл. руб.,—среднимъ числомъ около 25 милл. руб. въ годъ,—при чемъ расходы въ концѣ періода достигаютъ 482 милл. руб., при доходѣ въ 465½ милл. руб. Второй періодъ—1871 по 1879 гг.—является перемежающимся: избытокъ въ доходахъ чередуется съ дефицитами, съ перевѣсомъ на сторонѣ удачныхъ годовъ: изъ девяти лѣтъ этого періода по шести годамъ получился избытокъ доходовъ въ общей суммѣ 105 милл. руб., а по тремъ остальнымъ—дефицитъ въ 5 милл. руб. Доходовъ въ 1879 году поступило 663 милл. руб., а расходовъ произведено 644 милл. руб. Далѣе слѣдуетъ самый тяжелый семилѣтній, 1880—1886 годовъ, періодъ нашихъ бюджетовъ. Во всѣ семь лѣтъ роспись сводится съ дефицитами, размѣръ которыхъ въ иные годы достигаетъ 40 и 50 милл. руб. Въ общей сложности за семь лѣтъ сумма дефицитовъ составляетъ 210 милл. руб., среднимъ числомъ 30 милл. руб. въ годъ.

Такимъ образомъ, за всѣ 23 года недоборъ въ доходахъ сравнительно съ расходами по обыкновенному бюджету составилъ около 327 милл. руб., при чемъ доходы съ 360 милл. руб. (въ 1864 г.) увеличились до 783 милл. руб., а расходы съ 406 милл. руб. до 832½ милл. руб. Это увеличеніе, болѣе чѣмъ вдвое, и доходовъ, и расходовъ, отчасти объясняется измѣненіемъ въ составѣ росписи: внесеніемъ въ нее бюджета царства польскаго и нѣкоторыхъ бюджетныхъ отраслей окранныхъ, ранѣе составлявшихъ какъ бы спеціальныя средства, присоединеніемъ къ общей росписи оборота выкупныхъ

платежей и проч., но главнымъ образомъ ростъ въ расходахъ зависитъ отъ увеличенія государственныхъ потребностей, а ростъ доходовъ — отъ постоянного, хотя относительно (судя по новѣйшимъ примѣрамъ) и небольшого увеличенія налоговъ, которые все-таки не могли стать въ уровень съ возростающими потребностями. 1887-й годъ былъ переходный; огульное повышение съ половины года налоговъ разомъ поднало на 50 милл. руб. доходы, такъ что въ результатѣ оказался лишь незначительный дефицитъ. Но затѣмъ въ 1888 году съ нашимъ бюджетомъ произошло превращеніе, по истинѣ волшебное; не даромъ за виновникомъ превращенія, И. А. Вышнеградскимъ, чуть не официально была признана репутація вершителя чудесъ. Дѣйствительно, превращеніе было разительное: недавній пятидесяти-милліонный дефицитъ по обыкновенной росписи преобразился въ шестидесятимилліонный избытокъ доходовъ. Волшебство не ограничилось однимъ годомъ: въ 1889 году избытокъ доходовъ составилъ 86½ милл. руб.; въ 1890 году 73 милл. руб. Даже въ злополучномъ 1891 году по исполненію обыкновенной государственной росписи оказался избытокъ доходовъ въ 20½ милл. руб. Въ не менѣе злополучномъ 1892 году этотъ избытокъ составляетъ уже 65 милл. руб.; въ 1893 году — 108 милл. руб., и наконецъ въ 1894 году, какъ сказано, около 175 милл. руб.

Слѣдя годъ за годомъ исполненіе нашихъ государственныхъ росписей, мы подробно разбирали и указывали условія, при которыхъ было возможно такое разительное измѣненіе въ балансахъ нашихъ бюджетовъ, и теперь повторять не будемъ. Причина возвышенія нашихъ обыкновенныхъ доходовъ весьма наглядно и съ полною компетенціею указана государственнымъ контролемъ въ его объяснительной запискѣ къ отчету за 1893 годъ ¹⁾. Каковы бы однако ни были эти причины, въ семилѣтній періодъ 1888—1894 гг. избытокъ доходовъ надъ расходами по обыкновенному государственному бюджету доставилъ казнѣ до 590 милл. руб., сумму, чуть не вдвое превышающую выведенный выше 23-хъ-лѣтній недоборъ.

Нѣкоторые изъ экономистовъ утверждаютъ, что для страны бѣдной, истощенной платежами, съ недостаточно развитой культурой и промышленностью, не бѣда въ плохомъ, даже дефицитномъ, исполненіи бюджета, но бѣда въ его блестящемъ исполненіи ²⁾. Это, разумеется, парадоксъ, но онъ, какъ большая часть парадоксовъ, не ли-

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“, декабрь 1894 г., стр. 821 и 822.

²⁾ „Богатый бюджетъ въ обидлившей странѣ разрушаетъ и страну, и самого себя“, говорилъ недавно Леонъ Се въ одной изъ своихъ рѣчей по поводу бюджета.

шенъ справедливыхъ основаній. Не говоря о томъ, что при данныхъ условіяхъ блестящій бюджетъ можетъ быть слѣдствіемъ лишь крайняго напряженія платежныхъ средствъ страны,—онъ невыгоденъ и въ другихъ отношеніяхъ: 1) онъ внушаетъ невѣрное представленіе о степени народнаго экономическаго благосостоянія; 2) способствуетъ предпринимчивости, порождающей, съ одной стороны, дорого стоящаго предпріятія, въ родѣ разныхъ военныхъ демонстрацій и экскурсій (таковыхъ, слава Богу, у насъ не было), съ другой—предпріятія мирныя, хотя бы и полезныя, но такія, которыя въ данное время странѣ не по силамъ, и которыя, постепенно ширясь за предѣлы первоначальныхъ предположеній, къ прежнимъ усиленнымъ вниманіямъ заставляютъ добавлять новыя; 3) наконецъ,—и это, пожалуй, главное,—финансовая администрація, сосредоточившаяся на бюджетномъ успѣхѣ, на связанныхъ по господствующимъ мнѣніямъ съ этимъ успѣхомъ банковскихъ и биржевыхъ операціяхъ и на казенныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, хотя бы и выгодныхъ для казны (что сомнительно), но представляющихъ интересъ низшаго порядка,—не можетъ удѣлить достаточно вниманія и силъ на содѣйствіе удовлетворенію болѣе существенныхъ государственныхъ потребностей.

Оставляя въ сторонѣ парадоксы, обратимся къ исполненію росписи 1894 года. Въ періодъ хроническихъ дефицитовъ въ нашихъ бюджетахъ, мы постоянно говорили о ненормальности этого явленія, хотя путь, которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало устранить его, не совпалъ съ путемъ, избраннымъ съ 1887 г. министерствомъ финансовъ. Съ 1888 года дефициты были устранены и, какъ мы тогда же заявляли, устранены радикальнымъ образомъ на продолжительное время. Нужно помнить, что въ то время принимали во вниманіе лишь балансъ по *обыкновенному* бюджету, а чрезвычайные расходы въ счетъ не шли. Лишь позднѣе, кажется въ 1889 г., министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій заявилъ, что задачу министерства финансовъ онъ станетъ считать исполненною лишь въ томъ случаѣ, если обыкновенными доходами будутъ покрыты не только текущія государственныйя потребности, но и расходы чрезвычайные. Мы не соглашались съ этимъ взглядомъ; мы утверждали, что производительные чрезвычайные расходы лишь въ малой мѣрѣ (въ размѣрѣ, напр., процентовъ на позайствованный для нихъ капиталъ) могутъ быть отнесены на обыкновенныя счѣты, а за тѣмъ должны оплатить сами себя изъ доходовъ предпріятія. Но и бывшій, нынѣ уже покойный, министръ въ своей программѣ, очевидно, не имѣлъ въ виду того широкаго размѣра чрезвычайныхъ расходовъ, котораго они достигли въ послѣдніе годы. Тѣмъ не менѣе и эта программа оказалась исполненною и даже слишкомъ: сто-милліонные чрезвычайные расходы

1893 года (при чрезвычайных доходах в 21 м. р.) не только покрыты избытком доходов обыкновенного бюджета, но и за темъ по всей росписи получилось избытка доходов в 28¹/₂ м. р. По исполненію росписи 1894 года, какъ мы замѣтили выше, избытокъ в доходахъ по *всей росписи* составляетъ огромную сумму в 100 милл. рублей, а в этой росписи значатся чрезвычайныхъ расходовъ на 102¹/₂ м. р., изъ которыхъ чрезвычайными поступлениями покрываются лишь безъ малаго 20 милл. руб. Въ преуспѣяніи исполненія росписи дагѣ идти, повидимому, некуда; остается приложить лишь заботу къ тому, чтобы не извлекать изъ народнаго производительнаго обращенія огромныхъ суммъ, совершенно не нужныхъ для государственнаго казначейства.

Какъ извѣстно изъ газетъ, богатая Франція никакъ не можетъ свести безъ дефицита бюджета настоящаго года; оказывается дефицитъ в 50 милл. франковъ. Тщетно мучается и ломаетъ голову министръ измыслить источникъ покрыть этотъ дефицитъ. А вазалось бы, стоитъ лишь увеличить на нѣсколько сантимовъ акцизъ съ градуса спирта или акцизъ съ фунта сахара. Дѣло было бы сдѣлано. Прибавимъ, что у насъ в теченіе 13—14 лѣтъ акцизъ съ градуса спирта повышенъ на 3 коп., что увеличило питейный доходъ почти на 70 м. р., акцизъ съ фунта сахара на 3 коп. слишкомъ, на 1 р. 25 к. съ пуда, что доставило излишка сахарнаго дохода около 25 милл. рублей.

Неожиданное преуспѣяніе бюджета, вполне обеспечивающее на много лѣтъ его положеніе, даетъ полную возможность, отрѣшавсь отъ бюджетныхъ заботъ, обратить теперь преимущественное вниманіе на потребности населенія в финансово-экономической сферѣ. Отрицать заботы администраціи в этомъ отношеніи было бы несправедливо, но пока онѣ проявляются лишь в проектахъ или, лучше, в неопредѣленныхъ начинаніяхъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ подлежитъ сомнѣнію или можетъ осуществиться весьма не скоро. Главная забота должна бы быть обращена на содѣйствіе народной производительности, не в формѣ промышленности, представителямъ которой предстоитъ скоро фигурировать на банкетахъ нижегородской ярмарки, а содѣйствіе основному народному труду. Необходимость этого прекрасно сознается администраціей. „Несомнѣнно,—говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1895 годъ,—что наше сельское хозяйство, для дальнѣйшаго своего движенія впередъ, нуждается и в усовершенствованіи техники, и в улучшеніи его общихъ экономическихъ условий“. Въ этихъ словахъ заключается программа, хотя и в неопредѣленной формѣ. Она можетъ быть развита в слѣдующихъ положеніяхъ: для подъема народнаго труда

прежде всего необходимо открытіе доступныхъ народу школъ земледѣльческихъ, лѣсныхъ и сельско-хозяйственныхъ фермъ и школъ винодѣлія, табаководства и проч., учрежденіе въ разныхъ мѣстностяхъ складовъ сѣмянъ, земледѣльческихъ машинъ, съ доступностію ихъ какъ для приобрѣтенія въ собственность, такъ и для временнаго пользованія. Насколько извѣстно, въ этомъ отношеніи пока еще ровно ничего не сдѣлано. Затѣмъ необходима организація мелкаго деревенскаго кредита. Проектъ такой организаціи внесенъ въ новый уставъ государственнаго банка, но осуществленіе проекта, съ характеромъ общей мѣры, долго, вѣроятно, заставитъ себя ждать, если вообще окажется осуществимо. Потомъ необходимо коренное измѣненіе въ основахъ нашей международной торговли. Господствующая у насъ нынѣ покровительственная, почти запретительная система таможеннаго тарифа, доставивъ большіе барыши крупнымъ промышленникамъ, служить къ подрыву и народной производительности, и народныхъ средствъ. Оно и понятно: международная торговля держится обманомъ: нѣмцы, французы или англичане, естественно станутъ покупать сырыя произведенія у тѣхъ странъ, которыя въ уплату отпускаютъ произведенія своихъ фабрикъ и заводовъ. Исключеніемъ явится только покупка за безцѣнокъ, напр., нашего сахара, что-то по 1 р. 10 к. пудъ съ доставкой для откармливанія англійскихъ свиней.

Въ связи съ этимъ находится необходимость приведенія въ порядокъ нашей денежной системы. Необходимо придать устойчивость, какъ внутри имперіи, такъ и для заграничныхъ сдѣлокъ, покупной или денежной единицѣ, какова бы эта единица ни была: золотой рубль, серебряный или кредитный. Объ этомъ мы еще скажемъ въ концѣ статьи.

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ обыкновенные доходы по исполненію государственной росписи 1894 г. возросли на 117½ м. р. Впрочемъ, изъ этой суммы увеличеніе на 30½ м. р. произошло отъ расширенія казенной желѣзнодорожной сѣти; оно не только цѣликомъ, но даже съ избыткомъ погашается расходами по эксплуатаціи вновь присоединенныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ переведенными на казну ихъ долговыми обязательствами. Такимъ образомъ, дѣйствительное увеличеніе равняется 87 м. р. Главное увеличеніе оказалось въ питейномъ доходѣ, на 36½ м. р., въ таможенномъ, на 27 м. р., и въ сахарномъ, на 11 м. р. Крупная цифра питейнаго и сахарнаго дохода составляетъ прямое слѣдствіе увеличенія обложенія: на 75 коп. съ ведра безводнаго спирта, на 50% пива и пр., сахара на 35 коп. рафинада и на 75 коп. сахарнаго песка. Относительно причины крупнаго увеличенія таможеннаго дохода сказать

что-нибудь трудно, пока не появится отчетъ, въ этомъ году западавшій, объ оборотахъ нашей ви́ншей торговли въ 1894 году. Любопытно, что въ росписи таможенный доходъ былъ внесенъ всего въ цифрѣ 129¹/₂ м. р., такъ что поступленіе превысило предложеніе на 54 м. р., почти въ полтора раза. Небольшое увеличеніе оказалось также по многимъ другимъ статьямъ, по доходамъ лѣсному, нефтяному, по пошлинамъ и пр. Въ сожалѣнію, оно оказалось не по всѣмъ статьямъ. Замѣтное уменьшеніе, на 6 м. р. слишкомъ, произошло въ поступленіи выкупныхъ платежей: до милліона рублей уменьшился сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, на полмилліона рублей — съ оброчныхъ статей и промысловъ. Выкупные платежи, поступавшіе въ неудовлетворительномъ размѣрѣ, съ огромной недоимкой въ 1891 и 1892 году, въ 1893 г. внесены въ полномъ размѣрѣ оклада, въ суммѣ 99 м. р. Можно было ожидать, что двухлѣтній прекрасный урожай поведетъ къ тому, что и въ 1894 году поступитъ не меньше, если не больше предшествовавшаго года, между тѣмъ, какъ сказано, не поступилъ даже и окладъ, такъ что недоимка не только не уменьшилась, но возросла; такимъ образомъ, къ недоимкамъ въ 1894 г. въ размѣрѣ 90 м. р. слишкомъ прибавилось еще 6 м. р. Неудовлетворительное поступленіе выкупныхъ платежей и другихъ указанныхъ нами сборовъ, повидимому, не совсѣмъ согласуется съ удостовѣреніемъ всеподданнѣйшаго доклада о росписи на 1894 годъ, что „финансовое благосостояніе Россіи крѣпнетъ и могучими шагами двигается по пути развитія“. Налоговъ поземельныхъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податей хотя и поступило нѣсколько болѣе (на полмилліона рублей), нежели въ предъидущемъ году, но меньше противъ исчисленія росписи на цѣлыхъ два милліона рублей. Это также не можетъ считаться благоприятнымъ признакомъ.

Увеличеніе такихъ поступленій, какъ таможенного, едва ли можетъ служить признакомъ развившагося благосостоянія страны. Можно предполагать, что весьма значительный доходъ 1894 г. былъ, во-первыхъ, слѣдствіемъ состоявшагося съ Германіей торговаго договора: ожиданіе конца долго длившихся переговоровъ побуждало торговцевъ откладывать оплату пошлиной товаровъ, такъ что по всему вѣроятію въ 1894 году оплачена часть товаровъ, которая при иныхъ условіяхъ была бы отищена пошлиной въ предшествовавшемъ году; во-вторыхъ, на увеличеніе таможенного дохода могло повліять приобрѣтеніе за границей принадлежностей для сибирской желѣзной дороги. Пошлина въ 183 м. р., если судить о процентномъ отношеніи пошлины и цѣнности товара, по расчету, сдѣланному государственными контролемъ за 1893 годъ ¹⁾, соответствуетъ привозу на сумму до 600 м. р., такъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1894 г., стр. 822, вноска.

что поборники торговаго баланса обрадовани не будутъ. Кстати, въ одномъ изъ номеровъ „Вѣстника Финансовъ“ (№ 14) приводятся свѣденія о торговыхъ оборотахъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ за 1894 годъ. Привозъ Англiи въ этомъ году составлялъ цѣнность въ 408 милл. фунт. стерл., а вывозъ—всего лишь 216 м., почти половину; во Францiи привозъ—4 миллиарда франковъ, а вывозъ—3 миллиарда; въ Бельгiи привозъ—1.367 милл. франковъ, а вывозъ—1.138 милл. фр., и т. д. Нужно думать, что или эти страны очень дурно ведутъ свои торговыя дѣла, или что выгода торговли съ одной стороны и степень благоденствiя съ другой не соразмѣряются простымъ сопоставленiемъ цѣнности привоза и вывоза.

По удостовѣренiю министра финансовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1895 годъ¹⁾, за 13 лѣтъ минувшаго царствованiя цѣнность отпуска нашихъ товаровъ за границу превышала цѣнность привоза на 2 миллиарда рублей, при чемъ особенное развитiе получилъ отпускъ хлѣбовъ, который въ послѣднее десятилѣтiе царствованiя императора Александра II составлялъ въ среднемъ до 236 милл. пудовъ: въ первую половину минувшаго царствованiя повысился до 288 милл. пуд., а во вторую дошелъ до 374 милл. пудовъ. Бъ сожалѣнiю, никто намъ не объясняетъ, въ какихъ видахъ, сами оставаясь впроголодь, мы снабжаемъ иностранцевъ, вдобавокъ по удешевленной цѣнѣ, всякими продуктами на 154 милл. рублей въ годъ лишнихъ противъ того, что сами отъ нихъ получаемъ. Что этотъ излишекъ уплачивается намъ не золотомъ, это—несомнѣнно: золота въ народномъ обращенiи нѣтъ; въ государственномъ банкѣ и кассахъ государственнаго казначейства оно имѣется, какъ извѣстно, на сумму до 650 милл. р., но отъ этой цифры далеко до двухъ миллиардовъ, при томъ золото добывается и у насъ; затѣмъ, съ установленiемъ *золотыхъ* пошлинъ у насъ ежегодно поступаетъ золотомъ доходовъ миллионновъ на 20—30 болѣе, чѣмъ расходуется. Рождается вопросъ: не пошли ли эти миллиарды на уплату лежащихъ на нашемъ государственномъ казначействѣ заграничныхъ долговъ, другими словами, не перешли ли долговыя обязательства казны изъ-за границы въ Россiю? Разумѣется, прослѣдить движенiе цѣнныхъ бумагъ для самой тщательной статистики также недоступно, какъ невозможно на вѣсахъ опредѣлять тяжесть лежащаго надъ нами атмосфернаго столба. Но это легко дѣлается барометромъ. То же и съ цѣнностями. Движенiе ихъ, хотя и не съ барометрической точностью, но все же опредѣляется какъ курсомъ ихъ, такъ и кредитомъ страны, которая ихъ выпустила. Курсъ нашихъ бумагъ,

¹⁾ „Вѣстн. Финансовъ“, 1895 г., № 1, стр. 10.

несмотря на ихъ относительную выгодность, очень мало поднялся противъ прежняго, а относительно нашего кредита достаточно сослаться на непонятно низкій курсъ за границей нашего кредитнаго рубля, — несмотря на блестящее, повидимому, положеніе нашего государственнаго бюджета.

О расходахъ, какъ мы объяснили, пока говорить нечего. Общая сумма обыкновенныхъ расходныхъ кредитовъ 1894 г. опредѣлилась въ 987 милл. рублей, болѣе дѣйствительныхъ расходовъ предшествовавшаго года (947 милл. руб.) на 40 м. р., т.-е. приблизительно на сумму, въ которую должна обойтись эксплуатация желѣзныхъ дорогъ, вновь присоединенныхъ къ казенной сѣти.

Переходимъ къ *чрезвычайному* бюджету. Съ нынѣшняго года вошло въ силу постановленіе государственнаго совѣта о болѣе правильномъ распредѣленіи доходовъ и расходовъ между бюджетами обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ, что должно повести особенно къ значительному уменьшенію рубрикъ по чрезвычайнымъ расходамъ; но за 1894 годъ въ числѣ ихъ все еще числятся расходы, относящіеся собственно къ разряду обыкновенныхъ, какъ, напр., на перевооруженіе, на сооруженіе и ремонтъ портовъ и т. п. Постановленіе государственнаго совѣта имѣетъ несомнѣнно большую важность въ цѣляхъ приведенія въ должный порядокъ нашей государственной росписи, но нельзя не замѣтить, что сдѣланнымъ постановленіемъ о распредѣленіи доходныхъ и расходныхъ статей между двумя бюджетами задача не исчерпывается. Было бы необходимо дополнить его правиломъ, что никакіе чрезвычайные расходы не должны покрываться изъ средствъ обыкновеннаго доходнаго бюджета, и что такіе расходы могутъ быть разрѣшаемы не иначе какъ въ виду имѣющихся для удовлетворенія ихъ чрезвычайныхъ источниковъ, къ которымъ могутъ быть отнесены остатки отъ чрезвычайныхъ бюджетовъ прежнихъ лѣтъ, а равно и суммы, полученныхъ именно для производительныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, въ родѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, при помощи займовъ. Это устранило бы отъ обыкновеннаго (текущаго) бюджета тяжесть тратъ, для этого бюджета совершенно постороннихъ, и съ другой стороны внесло бы нѣкоторую норму для чрезвычайныхъ расходовъ, размѣръ которыхъ въ настоящее время ничѣмъ не ограниченъ.

Нагляднымъ примѣромъ слишкомъ широкаго назначенія чрезвычайныхъ расходовъ и неопредѣленности источниковъ, изъ которыхъ они должны быть удовлетворены, служить роспись 1894 года. По чрезвычайной росписи доходы исчислены въ суммѣ менѣе 20 милл. рублей, а расходовъ предположено 102¹/₂ м. р., при чемъ для по-

крытія недостающихъ 82¹/₂ м. р. назначался, во-первыхъ, ожидавшійся избытокъ обыкновенныхъ доходовъ въ 23¹/₂ милл. р., а затѣмъ недостающіе 59 м. р. предполагалось покрыть „изъ свободныхъ остатковъ отъ реализаціи 3⁰/₁₀₀ золотого займа 1891 года“. Послѣдній источникъ не совсѣмъ намъ понятенъ. Что это за свободные остатки отъ реализаціи?—вѣдь это не свободныя же деньги отъ займа? Тогда бы онѣ значились просто свободной наличностью государственнаго казначейства. Единственное возможное толкованіе этого оборота повидимому то, что это нереализованный остатокъ отъ предполагавшагося, но не осуществленнаго въ полномъ размѣрѣ займа, т.-е. заготовленные билеты, которые предстояло бы еще пустить въ продажу. Но въ такомъ случаѣ это не болѣе какъ возможный источникъ, а между тѣмъ онъ указывается какъ бы несомнѣннымъ.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на этомъ потому, что подобную загадочную для насъ версію мы встрѣчаемъ по поводу чрезвычайныхъ поступленій въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ „Вѣстникомъ Финансовъ“. Изъ нихъ видно, что чрезвычайныхъ поступленій было не 20 м. р., а 72¹/₂ м. р., болѣе на 52¹/₂ мил. руб. Часть этого излишка (7 м. р.) поступила отъ большей суммы уплаченнаго долга желѣзными дорогами, небольшія суммы отъ другихъ поступленій, въ томъ числѣ 100 тысячъ (не миллионъ) отъ реализаціи 3⁰/₁₀₀ золотого займа, а главное, 44¹/₂ м. р., отъ центрального банка поземельнаго кредита за переданный банку 3⁰/₁₀₀ золотой заемъ. Но это еще не все: оказывается, что 44¹/₂ м. р. казна получала не деньгами, а вкладными листами центрального банка поземельнаго кредита на номинальную сумму. Тутъ уже является цѣлый рядъ вопросовъ: какимъ образомъ государственный доходъ могъ поступить не деньгами, а спекулятивными бумагами? Какимъ образомъ обратить вкладные листы: на постройку ли сибирской дороги, или на расходы по перевооруженію? Далѣе, какое значеніе имѣетъ этотъ обмѣнъ однихъ цѣнныхъ (или квази-цѣнныхъ) бумагъ на другія? Если цѣнность ихъ равна, то къ чему этотъ обмѣнъ? Если билеты золотого займа выгоднѣе, для чего казна ими поступалась? Предположить вторую половину альтернативы, т.-е. болѣшую выгодность вкладныхъ листовъ, мы даже не смѣемъ: русская казна—не банкиръ.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ условій всякаго финансово-экономическаго преуспѣянія является устраненіе ненормальности въ денежномъ обращеніи. Въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ наша періодическая печать не переставала при случаѣ указывать на невыгодна для нашей экономической жизни послѣдствія, сопряженныя съ такою на-

звѣсаемымъ курсомъ нашего кредитнаго рубля и особенно съ постояннымъ его колебаніемъ. Еще недавно этому предмету и мы отвели мѣсто въ нашемъ журналѣ при обсужденіи исполненія государственной росписи за 1893 годъ ¹⁾, предлагая даже послыный планъ къ устраненію нѣкоторыхъ невыгодныхъ условій нынѣ существующаго денежнаго обращенія. Мѣсяца два тому назадъ этотъ вопросъ сталъ неожиданно „злбоду дня“, какъ потомъ оказалось, по недоразумѣнію. Одна изъ газетъ получила свидѣніе, что въ министерствѣ финансовъ разрабатывается проектъ объ измѣненіи порядка нашего денежнаго обращенія и нанечтала объ этомъ. По дошедшимъ до газеты слухамъ дѣло шло о девальваціи нашего кредитнаго рубля; при этомъ газета сообщала даже о самомъ планѣ девальваціи. Послѣ нѣкоторой паузы, на газету обрушились и частные, наибѣрнѣйшимъ образомъ освѣдомленные органы, и полуоффициальные ²⁾ съ раздражительной полемикой на тему, что девальвація—вадоръ, что ни о какой девальваціи и рѣчи быть не можетъ, да и чтѣ такое девальвація? Усердствующие органы доказывали, что если подѣ девальваціей разумѣть неполную оплату кредитныхъ билетовъ металлической валютой, то въ такой неполной оплатѣ нѣтъ никакой надобности. Казна готова оплатить вполне и сдѣлаетъ это, молъ, съ большою готовностью. На билетѣ написано: по предъявленіи выдается серебряною или золотомъ монетой. Платить по номинальной цѣнѣ золотомъ конечно невыгодно, но казна вправѣ платить и серебромъ; а такъ какъ курсъ серебрянаго рубля въ настоящее время ниже курса бумажнаго почти на 25%, то и уплативъ съ этой сбавкой слишкомъ миллиардъ кредитныхъ билетовъ, казна выигрываетъ 250.—300 милл. руб. Если она этого не дѣлаетъ, то лишь потому, что не хочетъ пользоваться своимъ полнымъ правомъ. Полемизаторамъ не пришелъ въ голову, повидимому, ни одинъ изъ вопросовъ, которые однако представляются цѣлымъ роємъ. Такъ напримѣръ: прекративъ, вопреки обязательства, развѣтъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ теченіе которыхъ основная металлическая валюта, серебряная, понизилась и замѣнилась золотомъ, имѣетъ ли право казна теперь уплачивать по своимъ обязательствамъ этою неполноцѣнною валютой? Если казна имѣетъ это право, то не имѣютъ ли права и частныя лица, по своимъ долговымъ обязательствамъ, написаннымъ притомъ по требованію закона *на серебро*, безъ всякаго упоминанія о золотой валютѣ, также уплатить серебряными рублями, т.-е. по оцѣнкѣ, сдѣ-

¹⁾ См. „Вѣстн. Европа“ декабрь 1894 г., стр. 824 и слѣд., и январь 1895 г., стр. 359 и слѣд.

²⁾ Точнѣе, редакторъ полуоффиц. органа, печатавшій однако возраженія не въ своей газетѣ, а въ частной.

ланной министерствомъ финансовъ, на 25% ниже стоимости кредитныхъ билетовъ? Положимъ, что все это возможно. Чего достигла бы этимъ казна? Во-первыхъ, серебряные рубли ей пришлось бы получить обратно въ видѣ податей и налоговъ; во-вторыхъ, при серебряныхъ рубляхъ, какъ единственной ходячей монетѣ для внутреннихъ оборотовъ, остаться было бы невозможно; нужно было бы выпустить билеты, хотя и разнѣнные (на серебро), но все-таки подверженныя колебанію, какъ всякія бумажныя деньги; къ этому присодинилось бы колебаніе цѣнности металла, который представляли бы эти билеты. Для заграничныхъ платежей по торговымъ сношеніямъ, по долговымъ обязательствамъ пришлось бы произвести перечисленіе: теперь нашъ кредитный рубль цѣнится въ 67¹/₂ коп. золотомъ; новый кредитный рубль (какъ и серебряный) пришлось бы тотчасъ переоцѣнить въ 45 коп. золотомъ. Затѣмъ остаются еще цѣнныя бумаги въ кредитныхъ рубляхъ: казенныя, желѣзнодорожныя разныхъ обществъ. Ихъ цѣнность также пришлось бы понизить на 25%. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Но доводы защитниковъ полноцѣнности (даже съ излишкомъ) нашего кредитнаго рубля на этотъ разъ были непримѣнны. Какъ оказалось, проектъ министерства финансовъ не имѣлъ въ виду никакихъ коренныхъ измѣненій въ системѣ нашего денежнаго обращенія. По этому проекту допускаются, въ отиѣву существующихъ законовъ, сдѣлки между частными лицами (за исключеніемъ крестьянъ и мѣщанъ), наравнѣ съ „серебряной“ валютой также и на золото, при чемъ расчетъ можетъ быть произведенъ въ кредитныхъ рубляхъ по курсу дня. Въ случаѣ спора онъ разрѣшается курсомъ дня с.-петербургской биржи. Затѣмъ вклады въ золотой монетѣ могутъ вноситься въ государственный банкъ съ условіемъ возврата ихъ таковой же монетой; далѣе, золотомъ же монетой, по опредѣленному министерствомъ финансовъ курсу, могутъ быть вносимы нѣкоторые налоги; наконецъ, по такому же курсу, съ согласія получателя, могутъ производиться выдачи золотомъ изъ кассъ государственнаго казначейства. Вотъ и все. Проектъ этотъ прошелъ уже чрезъ разсмотрѣніе какъ соединенныхъ департаментовъ, такъ и общаго собранія государственнаго совѣта, но пока въ формѣ закона не опубликованъ. Его законодательное утвержденіе едва ли однако подлежитъ сомнѣнію.

Въ дополненіе къ мнѣнію государственнаго совѣта по проекту министра финансовъ „Новое Время“ (№ 6882) приводитъ свѣденія о рѣчи, произнесенной министромъ финансовъ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта. Приводимъ часть этой рѣчи въ редакціи упомянутой газеты: министръ финансовъ съ особенною

рельефностью выставилъ ту мысль, что предложенная имъ мѣра ни въ чемъ не затрогиваетъ коренныхъ основаній нашей денежной системы и не предрѣшаетъ ни въ какомъ смыслѣ вопроса о переходѣ къ золотой валютѣ и о томъ или другомъ способѣ ликвидаціи обязательствъ правительства по отношенію къ кредитнымъ билетамъ. Министръ финансовъ, правда, признаетъ безспорно вредныя стороны существующаго неразмѣннаго бумажно-денежнаго обращенія и необходимость его упорядоченія, а также постепеннаго водворенія металлической валюты, но мѣра, о которой идетъ рѣчь, имѣетъ гораздо болѣе скромную задачу — ввести въ нашъ оборотъ золото, дать ему право гражданства, котораго оно не имѣетъ, несмотря на то, что у насъ ежегодно добывается до 30 милл. руб. золота, которое, по отсутствію золотой монеты во внутреннемъ оборотѣ, уходитъ за границу.

Смыслъ и значеніе этой задачи министръ финансовъ видитъ въ томъ, что введеніе въ оборотъ золота дѣлаетъ денежное обращеніе страны болѣе эластичнымъ, тогда какъ неразмѣнное бумажно-денежное обращеніе отличается нерастяжимостью, т.-е. прямо противоположнымъ свойствомъ. Когда въ обращеніи имѣется золото, то въ случаѣ недостатка въ деньгахъ, обусловливаемого ходомъ торговыхъ дѣлъ, золото притекаетъ со стороны и восполняетъ этотъ недостатокъ. При бумажныхъ же неразмѣнныхъ деньгахъ недостатокъ ихъ въ оборотѣ, напримѣръ, очень часто бывающій въ періодъ осенней хлѣбной кампаніи, или вызываетъ повышенный учетъ въ банкахъ, или же пополняется временными, но трудно извлекаемыми изъ обращенія выпусками кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золотомъ, и въ обоихъ случаяхъ порождаетъ ненормальное положеніе, которое неблагоприятно отражается на экономической жизни. Къ устраненію этихъ невыгодныхъ явленій, неизбежныхъ при неразмѣнномъ бумажно-денежномъ обращеніи, предложенная мѣра прежде всего и предназначена. Если на первое время эта мѣра и не вызоветъ прилива къ намъ иностраннаго золота, то все-таки допущеніе сдѣлокъ на золото дастъ правительству возможность избѣгнуть необходимости новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ при обнаружившемся недостаткѣ въ деньгахъ для торговаго оборота правительство можетъ пустить въ обращеніе золото изъ запасовъ, принадлежащихъ государственному банку или казначейству, или же выпустить, взаимѣнъ золота, особыя депозитныя квитанціи на опредѣленные въ золотой монетѣ суммы и беспрепятственно размѣняваемыя въ банкѣ на золотую монету по нарицательной суммѣ этихъ квитанцій.

И изъ самаго постановленія, и изъ рѣчи министра финансовъ, видно, что принятая мѣра не представляетъ никакого существеннаго

рѣшенія, или даже какой-либо существенной программы, относительно системы нашего денежнаго обращенія. Она имѣетъ совершенно частный характеръ, и если ведетъ къ удовлетворенію какихъ-либо интересовъ, то лишь интересовъ такъ называемой высшей коммерціи (*de la haute finance*), при чемъ не совсѣмъ легко рѣшить, будетъ ли она содѣйствовать торговымъ оборотамъ, или преимущественно финансово-биржевымъ сдѣлкамъ. Вѣроятно—послѣднее. Во всякомъ случаѣ на экономическій строй нашей жизни эта мѣра не окажетъ никакого вліянія, а между тѣмъ, значеніемъ, какое имѣетъ для народнаго хозяйства установленіе устойчивой денежной единицы, и объясняется единодушный интересъ, съ которымъ и печать, и выдающіеся государственно-финансовыя дѣятели отнеслись къ возникшему вопросу „о девальваціи кредитнаго рубля“. Разумѣется, говорить о предстоящей девальваціи было нечего, такъ какъ девальвація эта—давно совершившійся фактъ: начало ей положено отказомъ отъ размѣна кредитныхъ билетовъ, и въ настоящее время девальвація кредитнаго рубля опредѣляется приблизительно третью его номинальной стоимости. Дѣло идетъ не о реабилитациі дѣйствительнаго—размѣномъ на золото, или фиктивнаго, размѣномъ на серебро—достоинства кредитнаго рубля, а объ упроченіи его покупной силы, безъ постоянства которой невозможно никакое правильное хозяйство, ни государственное, ни частное. Но съ этой точки зрѣнія мѣра, принятая министерствомъ финансовъ безъ программы, безъ указанія цѣли, къ которой она должна повести насъ въ общемъ вопросѣ о системѣ нашего денежнаго обращенія,—не только не умалаетъ затрудненій, но вноситъ въ вопросъ еще болѣе неопредѣленности.

Начать съ того, что въ данное время, въ данной странѣ, или во крайней мѣрѣ въ данномъ районѣ, денежная единица, въ смыслѣ мѣры цѣнности вещей, можетъ быть только одна. Даже такъ называемый биметаллизмъ—фикція. При металлическомъ обращеніи, деньгами, въ нормальномъ порядкѣ, можетъ быть только одинъ металл; другой (или даже третій, какъ было у насъ съ платиной) является *товаромъ* пригоднымъ впрочемъ служить до нѣкоторой степени суррогатомъ денегъ. Для Европы еще недавно деньгами было серебро (для Азии оно, какъ кажется, остается деньгами и до сихъ поръ, — разумѣется, не надолго); затѣмъ явилось колебаніе, при чемъ приходилось постоянно регулировать отношеніе серебра къ золоту; наконецъ, золото не только заняло первенствующее мѣсто, но и совершенно вытѣснило серебро, въ смыслѣ денегъ, для европейскаго обращенія, и сохранило за нимъ лишь значеніе биллона. Но денежной валютой можетъ быть не только цѣнный металл (и вообще цѣнные предметы); онъ могутъ быть также выданныя правительствомъ обяза-

тельства; словомъ, могутъ быть *бумажныя деньги*, ассигнаціи или, какъ онѣ у насъ теперь называются, кредитные билеты. Ихъ покупная сила основывается на томъ, что они — по выраженію Сперанскаго, „суть зачетныя квитанціи на платежъ слѣдующихъ правительству податей“¹⁾. Самый выпускъ бумажныхъ денегъ — по тому же Сперанскому — „иѣна податей, еще не поступившихъ, но поступить имѣющихъ, на произведенія труда, потребныя правительству“. Такимъ образомъ, выпускъ кредитнаго билета, — это авансъ, реализація котораго предстоитъ въ будущемъ, и какъ, авансъ, онъ неизбѣжно сопровождается скидкой, явной или тайной. Казна, напримѣръ, уплачивая билетомъ подрядчику, скидки не дѣлаетъ, но эта скидка внесена въ цѣну подряда; т. е. при сохраненіи номинальной стоимости денегъ дорожаютъ предметы. Чѣмъ болѣе выпущено въ обращеніе билетовъ, тѣмъ болѣе отдалается срокъ ихъ зачета и тѣмъ болѣе дѣлаемая съ нихъ скидка. Еслибы правительство той или другой страны выпустило бумажныхъ денегъ на сумму, равную, положимъ, трехлѣтнему государственному доходу, то скидка равнялась бы, по всему вѣроятію, половинѣ суммы, а можетъ быть и больше. Рубль продолжалъ бы называться рублемъ, но за него можно было бы купить не болѣе, чѣмъ раньше покупалось за полтинникъ. Потеря цѣнности въ бумажныхъ деньгахъ зависитъ не только отъ фактическаго усиленнаго ихъ выпуска, но и отъ опасенія такого ихъ выпуска. Наиболѣе рѣшительное заявленіе о намѣреніи прекратить дальнѣйшіе выпуски бумажныхъ денегъ не служатъ въ этомъ отношеніи достаточной гарантіей: обстоятельства всегда могутъ вынудить къ этому, тѣмъ болѣе, что въ странѣ съ неразвѣнной бумажной валютой нѣтъ никакого способа (какъ у насъ, напримѣръ, даже по изданіи закона о сдѣлкахъ на золото) рядомъ съ кредитными билетами пустить въ обращеніе металлическія деньги, несмотря даже (какъ у насъ) на большой запасъ золота въ кассахъ государственнаго казначейства. Наконецъ, къ числу неблагоприятныхъ причинъ присоединяется крошечное опасеніе, что официальное показаніе о количествѣ находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ не точно: даже при полномъ довѣрїи къ руководящимъ лицамъ гнѣздится подозрѣніе, что они сами недостаточно вѣрно освѣдомлены, хотя въ сущности нѣсколько большее или меньшее количество въ данномъ случаѣ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Мы знаемъ, напримѣръ, что у насъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ около 1.200 милл. р. Еслибы милліоновъ 200 изъ нихъ сжечь, то курсъ кредитнаго рубля вѣроятно

¹⁾ Записка о монетномъ обращеніи, графа Сперанскаго. Печатано по распоряженію министра финансовъ. Спб. 1895.

поднялся бы, но не на 16%, а на 2, на 3, и то не надолго; наоборотъ, еслибы совершился новый выпускъ на 100 милл. р., курсъ рубля упалъ бы замѣтно и продолжалъ бы падать. Между тѣмъ, самый мудрый финансистъ не объяснитъ, почему при 1.200 м. кред. рублей рубль долженъ стоить 2²/₃ франка, а при 1.300 м. р.—всего лишь 2¹/₂ франка.

Та или другая сумма запаснаго металлическаго фонда въ обезпеченіе кред. билетовъ нисколько не вліяетъ на ихъ курсъ, точно такъ же какъ не имѣетъ значенія при новыхъ выпускахъ обезпеченіе не только рублемъ за рубль, но и пятью рублями за рубль, такъ какъ при отсутствіи размѣна обезпечивающее золото недоступно, и относительно реализаціи кредитныхъ билетовъ путемъ зачета въ казенные платежи срокъ ея при большей массѣ билетовъ отдалится.

Переходъ въ денежномъ обращеніи отъ одной валюты къ другой, даже отъ серебряной къ золотой или наоборотъ, неизбѣжно сопровождается экономическимъ потрясеніемъ: одни безъ вины теряютъ часть цѣнностей, другіе незаслуженно выигрываютъ. Исключеніе составляетъ лишь переходъ отъ металлической валюты къ неразрѣвной бумажной: тутъ всѣ довольны, всѣ счастливы; „Московскія Вѣдомости“ не совѣтъ зря рекомендовали когда-то выпускать и выпускать какъ можно больше кредитныхъ билетовъ. И при этомъ несомнѣнно есть и несправедливая неравномѣрность, и потери, но все это покрывается обиліемъ точно съ неба упавшихъ средствъ. Всѣ ликуютъ. Центральныя учрежденія въ большомъ и свѣтломъ возбужденіи: дополнительныя суммы, въ которыхъ имъ долго отказывали за недостаткомъ денегъ, теперь разрѣшены; оклады повышены, въ штатахъ прибавлены должности. Инженеры составляютъ планы новыхъ казенныхъ построекъ, подрядчики наполняютъ переднія присутственныхъ мѣстъ, а потомъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ трактировъ, при хлопаньѣ пробокъ, совѣщаются съ инженерами о лучшемъ способѣ произвести постройки. Ликуютъ трактиры, ликуютъ заводчики и купцы, спускаю по выгодной цѣнѣ залежавшееся желѣзо, кирпичи, муку, для рабочихъ подрядчика; бодро смотритъ на міръ Божій и обыватель: одному удалось пристроить сына на вновь открывшееся мѣсто, другому—пустить лошадь въ извозъ, третьему за дорогую цѣну отдать внаемъ понаѣхавшимъ строителямъ пустовавшій домикъ.

Но прошло немного времени, и всѣ, за исключеніемъ подрядчиковъ и инженеровъ, съ удивленіемъ замѣчаютъ, что неожиданно свалившаяся благодать прошла между пальцевъ и жить стало труднѣе, чѣмъ прежде. Въ казенномъ бюджетѣ дефицитъ вмѣсто прежнихъ десяти милліоновъ—по полусотнѣ въ годъ, да сверхъ того на сотни милліоновъ увеличилась сумма заграничныхъ и внутреннихъ долговъ,

не считая кредитныхъ билетовъ. Сдѣланы, правда, постройки, но онѣ обошлись вдвое противъ того, что дѣйствительно стоятъ, и при томъ многія изъ нихъ лишнія; промышленность и торговля въ застоѣ, особенно виѣшняя: на бумагу ничего не дадутъ за границей; обыватель ходитъ понура голову съ вѣчной жалобой на невозможную дороговизну самыхъ необходимыхъ предметовъ и на удвоившіеся налоги. Невзрачное прошлое, по сравненію съ настоящимъ, кажется золотымъ вѣкомъ.

Конечно, это только эскизъ бумажно-денежнаго хозяйства. Сколько указанныя нами черты если и не совсѣмъ подходятъ къ нашему экономическому положенію, то во многомъ напоминаютъ его. Обратное движеніе необходимо. Но если легко переходить отъ металлическаго денежнаго обращенія къ бумажному, то неизвѣрно трудно переходить отъ бумажнаго къ металлическому. Полагаться въ этомъ на естественный ходъ вещей нельзя. Можно быть безусловнымъ сторонникомъ цѣлительной силы природы, но если поставили на спину мушкетера для исцѣленія головной боли, то нельзя затѣмъ предоставлять самому организму отдѣлаться отъ мушкетера: ее нужно снять, иначе можетъ возникнуть воспаленіе.

Переходъ къ металлическому денежному обращенію необходимъ, но онъ можетъ быть достигнутъ лишь въ продолжительный срокъ, отъ 20 до 25 лѣтъ, при настойчивой, направленной къ одной цѣли финансовой политикѣ, руководимой строго обдуманномъ планомъ. И планъ этотъ, и воздѣйствіе, не могутъ ограничиваться одною денежно-финансовою сферою, а должны коснуться всѣхъ сторонъ экономической народной жизни. Такъ, напримѣръ, наши налоги и подати доведены, повидимому, до предѣльнаго размѣра; насколько они тяжелы для населенія—видно изъ огромной суммы накопившихся недоимокъ тамъ, гдѣ недоимки возможны, и неподвижной цифры поступления въ косвенныхъ налогахъ. Но если страна все-таки съ грѣхомъ пополамъ справляется съ налогами, то лишь потому, что ихъ приходится уплачивать неполноцѣннымъ рублемъ. Поэтому-то пониженіе курса кредитнаго рубля и является передышкой для всѣхъ, чьи доходы поступаютъ не въ опредѣленныхъ денежныхъ суммахъ, а предметами: хлѣбомъ, лѣсомъ, шерстью и пр. Затѣмъ, подъ вліяніемъ того же фиктивного рубля повисла номинальная цѣна предметовъ обрабатывающей промышленности. Ожидать, что она понизится съ повышеніемъ внутренней цѣнности рубля, очень трудно, при тѣхъ обезпеченіяхъ, которыя успѣла себѣ отвоевать у администраціи наша воинствующая промышленность. Прямое воздѣйствіе администраціи въ этомъ отношеніи невозможно, но возможно и желательно косвенное: отмена льготъ, привилегій, устраненіе возможности ста-

чекъ, наконецъ, свободная конкуренція, открываемая путемъ погнѣйшаго измѣненія таможеннаго тарифа.

Указанныя мѣры, какъ и многія другія, должны не слѣдовать за возвышеніемъ цѣнности кредитнаго рубля, а ему предшествовать и готовить путь, ведущій въ то же время къ установленію металлическаго денежнаго обращенія. Есть мудрецы, особенно финансовыя, которые любятъ указывать: „выучитесь сперва ѣсть,—затѣмъ мы будемъ кормить васъ“. Начинайте кормить, а ѣсть мы съумѣемъ,—можно отвѣтить имъ.

Когда въ печати возникли толки о девальваціи, то нѣкоторые какъ бы предполагалось возможнымъ установить металлическое денежное обращеніе, разрубивъ узелъ: предполагалось фиксировать цѣну кредитнаго рубля по нынѣшнему его курсу въ 67 коп. золотомъ, эти 67 коп. назвать рублемъ и даже чеканить новую золотую монету съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ золота. Въ этомъ и заключалась бы девальвація. Въ сущности, такая мѣра, въ нѣкоторомъ смыслѣ *tour de force*, возможна: она нисколько не нанесла бы ущерба государственному достоинству Россіи, не нарушила бы ничьихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ нарушила бы ихъ менѣе, нежели они нарушаются колебаніемъ курса кредитнаго рубля. Но дѣло въ томъ — этого газеты не договаривали,—что девальвація, такая или иная, неизбѣжно была бы сопряжена съ установленіемъ безпрепятственнаго обмѣна кредитныхъ билетовъ на золото, а именно допустить такой обмѣнъ при теперешнемъ нашемъ экономическомъ положеніи невозможно. По какому бы курсу онъ ни былъ открытъ, хотя бы самому невыгодному для владѣльцевъ билетовъ, несомнѣнно, что все находящееся у насъ золото будетъ вымѣнено и уйдетъ за границу, а затѣмъ наши кредитные билеты, даже девальвированные, упадутъ въ курсъ, такъ что мы снова остались бы при томъ же бумажномъ денежномъ обращеніи, поплатившись всѣмъ золотымъ запасомъ. Переходъ къ денежному обращенію возможенъ только тогда, когда страна будетъ къ этому подготовлена постепеннымъ всестороннимъ экономическимъ развитіемъ.

Останавливаясь на состоявшемся нынѣ положеніи о допущеніи сдѣлокъ на золото, коснемся одного предположенія министра финансовъ, упоминаемаго въ приведенномъ выше отрывкѣ его рѣчи: выпускать особыя депозитныя квитанціи на опредѣленные въ золотой монетѣ суммы и безпрепятственно размѣниваемыя въ банкѣ на золотую монету по нарицательной суммѣ этихъ квитанцій.

Мѣра эта въ сущности равна той, которая предлагалась нами пять мѣсяцевъ тому назадъ ¹⁾. Мы находили возможнымъ взаимѣнъ выпу-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, январь 1896 г., стр. 861.

скаемых нынѣ кредитныхъ билетовъ „подъ обезпеченіе золотомъ рубль за рубль“, нынѣ теряющихся въ общей массѣ кредитныхъ билетовъ, выпускать особые билеты, гдѣ рядомъ съ кредитной валютой указывалась, по существующему курсу, и золотая, съ тѣмъ, чтобы билеты эти въ теченіе опредѣленнаго для нихъ срока обмѣнивались по предъявленію на золото, а по прошествіи этого срока сливались бы съ кредитными билетами вообще, золото же, назначенное для ихъ обмѣна, присоединялось бы къ золотому фонду. Та или другая форма выпуска бумагъ, которыя могли бы обмѣниваться на золото, дѣйствительно могла бы служить подготовительной мѣрой къ металлическому денежному обращенію; но для этого нужно, чтобы она въ общемъ планѣ была согласована съ другими мѣрами, ведущими къ той же цѣли, и прежде всего направлена къ обезпеченію цѣны кредитнаго рубля отъ колебаній, за которыя намъ такъ дорого приходится платиться.

0.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1895.

Законъ 10 апрѣля о льготахъ по взиманію пошлинъ крѣпостныхъ и съ безмезднаго перехода имущества.—Проектъ уголовного уложенія.—Отсрочка въ осуществленіи устава лечебныхъ заведеній.—Земство и проектъ продовольственнаго устава.—Взысканіе податей съ заработка фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ.—Десятилѣтіе фабричной инспекціи.

10-го минувшаго апрѣля Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, устанавливающее нѣкоторыя льготы по взиманію пошлинъ крѣпостныхъ и съ безмезднаго перехода имущества. Взысканіе пошлинъ послѣдняго рода отменяется вовсе для тѣхъ случаевъ, когда земля, въ уѣздѣ, переходитъ безмезднымъ способомъ отъ одного супруга къ другому или къ родственникамъ въ прямой нисходящей или восходящей линіи. Мотивомъ этой мѣры, какъ видно изъ официального сообщенія, послужило то соображеніе, что „переходъ имѣнія, вслѣдствіе смерти главы семьи, къ другимъ ея членамъ обыкновенно связанъ съ такимъ разстройствомъ въ дѣлахъ, при которомъ даже незначительный размѣръ прежней однопроцентной пошлины представляется стѣснительнымъ требованіемъ, препятствующимъ упроченію хозяйственнаго положенія“. Нельзя не замѣтить, что между этимъ мотивомъ и самымъ текстомъ закона существуетъ нѣкоторое противорѣчіе: законъ идетъ дальше и даетъ больше, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по принятымъ для него основаніямъ. Въ официальномъ сообщеніи говорится только о смерти—а законъ распространяется и на другіе, помимо наследства, безмездные способы приобрѣтенія имѣній (дареніе, выдѣлъ, приданое); въ официальномъ сообщеніи говорится только о смерти *матери семьи*—а законъ распространяется и на тѣ случаи, когда имущество переходитъ, по наследству или инымъ безмезднымъ способомъ, отъ жены къ мужу, отъ дѣда или бабки къ внукамъ, отъ дѣтей къ родителямъ или восходящимъ родственникамъ. Смерть отца въ большинствѣ слу-

чаевъ дѣйствительно ухудшаетъ хозяйственное положеніе семьи; въ нѣсколько меньшей степени ухудшаетъ его и смерть матери—но ничего подобнаго, *въ видѣ общаго правила*, нельзя сказать о другихъ случаяхъ смерти, перечисленныхъ нами выше. Наслѣдство послѣ дѣда или бабушки, сплошь и рядомъ, является прямымъ увеличеніемъ средствъ наслѣдниковъ; смерть жены далеко не всегда разстроиваетъ хозяйственныя дѣла мужа, особенно если онъ, какъ это болѣею частью бываетъ, еще при жизни жены управлялъ ея имѣніемъ. Не влечетъ за собою точно также никакихъ невыгодныхъ хозяйственныхъ послѣдствій „дареніе между живыми“. Если отецъ выдѣляетъ, при жизни, сына или дочь, то это свидѣтельствуетъ, вообще говоря, объ удовлетворительномъ имущественномъ положеніи семьи, и для особыхъ льготъ выдѣляющему или выдѣляемому здѣсь едва ли есть достаточный поводъ. Намъ кажется поэтому, что справедливѣе было бы ввести новый законъ въ рамки, указанные его мотивами, т. е. отмѣнить взысканіе пошлины только для тѣхъ случаевъ, когда оно дѣйствительно сопряжено съ серьезными затрудненіями... Болѣе выгодно для закона 10 апрѣля сравненіе его съ ходатайствами, въ которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь о налогѣ на наслѣдство. Вопросъ ставился здѣсь на почву сословныхъ привилегій; изъятіе изъ общаго правила испрашивалось не для извѣстной категоріи имуществъ, и не для извѣстныхъ степеней родства, а для *дворянъ*, безъ всякихъ ограниченій. Конечно, и теперь даруемой закономъ льготой пользуются, *de facto*, преимущественно дворяне, потому что имъ принадлежитъ почти повсемѣстно болѣшая часть крупной и средней земельной собственности (мелкая и безъ того свободна отъ налога); но все же они воспользуются ею *не одни и не какъ дворяне*, а какъ землевладѣльцы... Имуществъ неземельныхъ или хотя бы и земельныхъ, но лежащихъ въ городской чертѣ, законъ 10 апрѣля не касается вовсе—и это вполне понятно, потому что именно въ сельскомъ хозяйствѣ особенно чувствительна перемена хозяина и особенно тяжелъ всякій лишній накладной расходъ, хотя бы и разсроченный на нѣсколько лѣтъ. Основной принципъ закона 1882 г., установившаго налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмядными способами, остается неприкосновеннымъ. Главное значеніе этого налога, съ нашей точки зрѣнія, заключается въ томъ, что онъ привлекаетъ къ участию въ податномъ бремени классы общества наименѣе имъ стѣсненные и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе достаточные. Освободить отъ налога съ наслѣдствъ, вполне или отчасти, цѣлый общественный классъ значило бы взять назадъ одно изъ главныхъ приобрѣтеній финансовой политики, господствовавшей въ началѣ восьмидесятихъ годовъ и слишкомъ скоро уступившей мѣсто другимъ тече-

нямъ. Не особенно, наконецъ, велика, и потеря, которую повлечетъ за собою для казны первая статья закона 10 апрѣля; по словамъ правительственнаго сообщенія, она не превыситъ 750 тысячъ рублей.

Другая льгота, даруемая новымъ закономъ, касается крѣпостныхъ пошлинъ. При продажѣ по вольной цѣнѣ заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ земель въ уѣздахъ, крѣпостныя пошлины исчисляются съ цѣны имущества за вычетомъ изъ нея переводимаго на покупателя долга кредитному установленію. Это правило не примѣняется: 1) къ землямъ, которыя продаются до истеченія трехъ лѣтъ со времени предшествующаго возмезднаго ихъ перехода, и 2) къ землямъ, продаваемымъ съ публичнаго торга или остающимся за кредиторомъ вслѣдствіе несостоявшихся торговъ. Въ объясненіе этой мѣры правительственное сообщеніе указываетъ на то, что при взиманіи крѣпостной пошлины съ общей цѣны имѣнія, независимо отъ суммы лежащихъ на немъ долговъ, тяжесть налога растетъ прямо пропорціонально задолженности имѣнія, т.-е. особенно чувствительно для наименѣ состоятельныхъ землевладѣльцевъ; это уменьшаетъ выгодность сдѣлки для продавца и затрудняетъ продажу имущества по вольной цѣнѣ. Установленіе трехлѣтняго срока имѣетъ цѣлью предупредить распространеніе льготы на спекуляторовъ, покупающихъ земли исключительно съ цѣлью перепродажи ихъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Къ продажѣ съ публичнаго торга льгота не примѣняется, потому что здѣсь ею воспользовался бы не продавецъ, а кредиторъ или покупатель, не нуждающійся въ облегченіи. Намъ кажется, что увеличеніе продажной цѣны, соразмѣрное съ уменьшеніемъ крѣпостной пошлины и одинаково возможное, какъ при продажѣ по вольной цѣнѣ, такъ и при продажѣ съ публичнаго торга, въ послѣднемъ случаѣ весьма часто могло бы быть выгодно именно для прежняго собственника, въ пользу котораго идетъ вся сумма, превышающая цифру долга. Даже тогда, когда такой суммы не окажется вовсе, для прежняго собственника не всегда безразлично, сколько выручено за имѣніе: вѣдь если оно продавалось не по закладной, а по другимъ долговымъ обязательствамъ, то кредиторы въ правѣ взыскивать недополученныя ими суммы со всякаго иного имущества должника. Чѣмъ успѣшнѣе, наконецъ, идетъ продажа имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, т. е. чѣмъ полнѣе выручаются при этомъ ссуды, тѣмъ выгоднѣе могутъ быть условія, предлагаемыя банками своимъ заемщикамъ. Съ другой стороны, едва ли можно утверждать, что при продажѣ по вольной цѣнѣ пониженіе крѣпостной пошлины *всегда* влечетъ за собою *соотвѣтственное* повышеніе продажной цѣны. Последняя обуславливается сплошь и рядомъ не дѣйствительною стоимостью имѣнія, а разными побочными обстоя-

тельствами, между которыми главную роль играет общее имущественное положеніе продавца. Чѣмъ оно хуже, чѣмъ настоятельнѣе желаніе и потребность избавиться отъ имѣнія, тѣмъ меньше шансовъ добиться выгодной цѣны, хотя бы и была понижена до послѣднихъ предѣловъ крѣпостная пошлина. На самомъ дѣлѣ льготой, созданной новымъ закономъ, нерѣдко воспользуется не продавецъ, а покупатель. Ту сумму, которой требуетъ лично для себя спѣшащій, стѣсненный продавецъ, покупатель часто далъ бы и при прежнемъ размѣрѣ крѣпостной пошлины; вся разница останется, такимъ образомъ, въ карманѣ покупателя... Какъ гарантія противъ спекулятивныхъ покупокъ, трехлѣтній срокъ слишкомъ невеликъ; и теперь между покупкой, сдѣланной лишь съ цѣлью продажи, и самой продажей проходитъ обыкновенно не мало времени, потому что земля — не такой товаръ, на который всегда имѣется на лицо подходящій покупатель. Гораздо важнѣе было бы назначить минимальный промежутокъ времени между залогомъ имѣнія и продажей, т. е. опредѣлить срокъ, раньше котораго землевладѣлецъ, заложившій имѣніе, не имѣлъ бы права на льготное пониженіе крѣпостной пошлины. При отсутствіи такого срока непремѣнно будутъ встрѣчаться случаи залога именно и только съ цѣлью воспользоваться льготой, что вовсе не соответствуетъ намѣреніямъ законодателя.

Льготное исчисленіе крѣпостныхъ пошлинъ установлено закономъ только для тѣхъ имѣній, которыя заложены въ *кредитныхъ установленіяхъ*. „Долги по частнымъ закладнымъ“, — сказано, по этому поводу, въ правительственномъ сообщеніи, — „несомнѣнно, могутъ также въ значительной мѣрѣ обременять недвижимость; но, по существующимъ гражданскимъ законамъ, они должны быть погашены до совершенія купчей крѣпости и потому не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при исчисленіи пошлины“. На практикѣ погашеніе долга по частной закладной совпадаетъ обыкновенно съ совершеніемъ купчей, и доказать его было бы весьма легко; можно было бы, притомъ, установить и здѣсь, для полученія льготы, минимальный промежутокъ времени между залогомъ и продажей. Положеніе владѣльца, имѣніе котораго заложено въ частныхъ рукахъ, не только не лучше, но, *seteris paribus*, хуже положенія владѣльца, имѣніе котораго заложено въ кредитномъ установленіи; мы не видимъ, поэтому, причины, по которой облегченіе, признаваемое справедливымъ по отношенію къ послѣднему, не могло бы быть распространено и на перваго. Впрочемъ, это замѣчаніе чисто логическаго свойства; по существу мы сомнѣваемся вообще въ цѣлесообразности вновь вводимой льготы. Основаніями ея послужили, съ одной стороны, заботливость объ интересахъ частнаго землевладѣнія, съ другой — стремленіе „къ принципу

соразмѣрности налога съ достаткомъ плательщиковъ⁶. Объ этомъ послѣднемъ принципѣ всего меньше, думается намъ, можетъ быть рѣчь въ области крѣпостныхъ пошлинъ. Цѣнность имѣнія, переходящаго изъ рукъ въ руки, даже если и принимается въ соображеніе его задолженность—весьма ненадежное указаніе на *степень достатка* продавца и покупателя. У продавца могутъ быть другія имѣнія, могутъ быть промышленныя дѣла, денежные капиталы, выгодныя занятія; льгота, ему оказываемая, можетъ быть для него совершенно ненужна, можетъ имѣть характеръ подарка, ничѣмъ не вызваннаго. Въ еще болѣеишей мѣрѣ это примѣнимо къ покупателю. Чтобы быть „соразмѣрной съ достаткомъ плательщика“, крѣпостная пошлина должна была бы исчисляться не съ цѣны имѣнія, а пропорціонально общей цифрѣ дохода продавца или продавца и покупателя,—что, конечно, невозможно. Что касается до поддержки частнаго землевладѣнія, то, въ большинствѣ случаевъ, продажа имѣнія знаменуетъ собою окончательную ликвидацію земельныхъ дѣлъ продавца и, слѣдовательно, никакое пониженіе крѣпостной пошлины поправить эти дѣла не можетъ. По словамъ официального сообщенія, установленная закономъ льгота „облегчаетъ для продавца возможность перейти въ новымъ формамъ производительнаго труда“. Допустимъ, что это такъ (хотя самый размѣръ льготы только въ исключительныхъ случаяхъ оправдываетъ подобное заключеніе), но вѣдь „новой формой труда“ рѣдко будетъ сельское хозяйство, и интересы землевладѣнія останутся здѣсь, болѣею частью, совершенно не при чемъ. „Многіе землевладѣльцы“,—читаемъ мы дальше,—„путемъ продажи нѣкоторой части своихъ имѣній облегчивъ свою задолженность, получаютъ возможность продолжать свое исконное занятіе въ нѣсколько сокращенномъ размѣрѣ“. Такая комбинація условій, безспорно, мыслима, хотя едва ли она будетъ встрѣчаться особенно часто; но землевладѣлецъ, продающій только одно изъ своихъ имѣній, или часть имѣнія, принадлежитъ, обыкновенно, къ числу людей сравнительно обезпеченныхъ и не нуждающихся въ льготѣ. Одно изъ двухъ: или вниманіе крѣпостной пошлины съ *чистой* стоимости имѣнія, т. е. съ той лишь части его цѣны, которая остается за вычетомъ лежащаго на немъ долга, справедливо само по себѣ—въ такомъ случаѣ нѣтъ причины не распространять его на всѣ недвижимыя имѣнія, безъ различія между землями и домами, между уѣздомъ и городомъ; или оно не соответствуетъ общему характеру крѣпостной пошлины, какъ налога, не поддающагося уравновѣженію съ достаткомъ плательщиковъ,—въ такомъ случаѣ нѣтъ причины отступать отъ порядка, существовавшаго до сихъ поръ. Что законъ 10-го апрѣля не остановитъ такъ называемой „мобилизаціи поземельной собственности“ и даже не уменьшитъ ее—это не подле-

жить никакому сомнѣнію; сами составители закона ожидаютъ отъ него скорѣе „усиленія продажи имѣній“, предполагая только, что къ ней „будутъ прибѣгать лишь слабые хозяева, которые во всякомъ случаѣ не были бы въ состояніи удержать за собою задолженные имѣнія“. Въ покровительствѣ такимъ хозяевамъ едва ли есть особая надобность, особенно въ виду массы хозяйствъ крестьянскихъ, настоятельно нуждающихся въ поддержкѣ. Нельзя не признать, вмѣстѣ съ „Нехѣлей“, что „принципъ соразмѣрности налоговъ съ достаткомъ плательщиковъ“ требовалъ бы, прежде всего, пониженія выкупныхъ платежей и другихъ налоговъ, бремя которыхъ ложится преимущественно или всецѣло на бѣднѣйшіе классы населенія.

Одна изъ важнѣйшихъ законодательныхъ реформъ, давно поставленная на очередь, близка, наконецъ, къ осуществленію. Комиссія, учрежденная въ 1881 г. для составленія уголовного уложенія, завершила свой трудъ, выработавъ какъ текстъ проекта, такъ и обширную объяснительную къ нему записку. Слѣдующей стадіей въ движеніи дѣла должно было быть, по первоначальному плану, обсужденіе его въ особомъ комитетѣ; но въ настоящее время это признано излишнимъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 19-го апрѣля представлено министру юстиціи сообщить проектъ уложенія на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ, съ тѣмъ, чтобы отзывы ихъ были доставлены въ четырехмѣсячный срокъ, а затѣмъ, по рассмотрѣніи проекта въ связи съ этими отзывами, внести его въ государственный совѣтъ. Не вполне готовы, повидимому, нѣкоторые дополнительные къ проекту постановленія; но можно надѣяться, что это не задержитъ ходъ дѣла, такъ какъ сообщеніе ихъ на заключеніе другихъ министерствъ Высочайшимъ повелѣніемъ не требуется; они могутъ быть закончены, такимъ образомъ, именно въ четырехмѣсячный промежутокъ времени, назначенный для доставленія отзывовъ на проектъ уложенія. О характерѣ этого проекта и главныхъ нововведенійхъ, имъ намѣченныхъ, мы говорили много разъ ¹⁾. Если основныя его черты останутся неприкосновенными, онъ будетъ чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ наше законодательство... Далекое неудачной и во всякомъ случаѣ преждевременной кажется намъ попытка предрѣшить уже теперь наименованіе будущаго уголовного уложенія. „Работы по пересмотру уложенія,—читаемъ мы въ „Новомъ Времени“,—предприняты были по волѣ почившаго императора

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 12 „Вѣсти Европы“ за 1882 г., № 1 за 1883 г., № 12 за 1884 г., №№ 2, 3, 4 и 8 за 1885 г., №№ 10 и 11 за 1886 г., №№ 1 и 2 за 1887 г., № 2 за 1889 г.

Александра III, въ первый же годъ по вступленіи его на престолъ, 22 апрѣля 1881 г. Важность этихъ работъ понятна уже изъ одного того, что со времени уложенія царя Алексѣя Михайловича у насъ собственно не было общей систематической переработки уголовного кодекса". Указавъ, затѣмъ, на несомнѣнныя достоинства только-что законченнаго проекта, газета продолжаетъ: „мы думаемъ, что выразимъ требованіе элементарной справедливости, предлагая связать въ нашей исторіи этотъ важный законодательный трудъ съ именемъ его инициатора—императора Александра III, присвоивъ имѣющему выйти изъ этого труда новому уложенію титулъ: *Уложеніе Александра III*. Послѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича это будетъ первое, систематически во всѣхъ частяхъ переработанное новое уложеніе, и ему было бы вполне справедливо именоваться уложеніемъ Александра III". Въ основаніи этой аргументаціи лежатъ однако двѣ, дважды повторенныя, крупныя историческія ошибки. Невѣрно, во-первыхъ, что у насъ съ половины XVII в. не было общей систематической переработки уголовного кодекса. Не говоря уже о воинскомъ уставѣ 1716 г., имѣвшемъ большое значеніе не для однихъ только воинскихъ преступленій и военныхъ судовъ,—уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, составленное по повелѣнію императора Николая I и обнаруженное въ 1845 г., представляетъ собою настоящій систематическій кодексъ, замѣнившій крайне неполныя и несвязныя постановленія 1-ой части XV тома свода законовъ изд. 1832 и 1842 г. Недостатковъ въ этомъ уложеніи съ самаго начала было очень много, а послѣ судебной реформы 1864 г. его непригодность стала для всѣхъ очевидной; но въ свое время оно все-таки было шагомъ впередъ, и игнорировать его значеніе въ исторіи нашего уголовного законодательства совершенно непозволительно. Дѣйствительно, по повелѣнію императора Александра III была учреждена коммиссія, о которой мы говорили выше, но „работы по пересмотру уложенія" были предприняты еще въ царствованіе императора Александра II. Въ началѣ 1880 г. были Высочайше утверждены „основныя положенія для руководства при предстоящемъ тюремномъ преобразованіи и *пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ*". Одновременно съ этимъ второму отдѣленію собственной Е. И. В. Канцеляріи и министерству юстиціи предоставлено было составить планъ производства работъ по пересмотру уложенія и соображенія о томъ, какимъ порядкомъ оно можетъ быть всего ускѣпнѣе приведено въ исполненіе. Высочайшее повелѣніе 22 апрѣля 1881 г. было, очевидно, только одобреніемъ составленныхъ на этомъ основаніи предположеній. *Инициатива* новаго уложенія принадлежитъ, такимъ образомъ, императору Александру II, *завершеніе* же его будетъ принадлежать нынѣ царствующему Государю, а именно

къ этимъ-то двумъ моментамъ и приурочивается рѣшающая дѣятельность верховнаго законодателя. Его повелѣніемъ приводится въ движеніе законодательный механизмъ; его повелѣніемъ законопроектъ возводится на степень закона. Въ промежутокъ времени между обоими моментами могутъ, конечно, послѣдовать выраженія Высочайшей воли, но—за исключеніемъ случаевъ прекращенія этимъ путемъ законодательной работы, или направленія ея на совершенно новый путь, — они касаются лишь второстепенныхъ, формальныхъ вопросовъ и не предрѣшаютъ самаго содержанія закона. Таково было и Высочайшее повелѣніе 22 апрѣля 1881 г., относившееся къ проекту уголовного уложенія... Замѣтимъ еще, что уложеніе царя Алексѣя Михайловича обнимало собою далеко не одни только уголовные законы; оно было попыткой кодификаціи всего дѣйствовавшего тогда права, чѣмъ, конечно, и оправдывается означеніе его именемъ государя, при которомъ оно не только предпринято, но и составлено, издано и вступило въ силу.

Срокомъ для введенія въ дѣйствіе новаго устава лечебныхъ заведеній было назначено первоначально 1-ое іюля 1895 г. Въ настоящее время осуществленіе этого предположенія признано невозможнымъ въ виду—какъ объяснено въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ—несообщенія многими общественными учрежденіями затребованныхъ отъ нихъ свѣдѣній. Поручая губернаторамъ ускорить доставку недостающихъ данныхъ, министръ вынуждаетъ ихъ въ обязанность обратить „особое вниманіе на составленіе земскими собраніями и городскими думами правилъ по завѣдыванію содержащимися на земскія и городскія средства лечебными заведеніями, главнымъ образомъ съ цѣлью выясненія съ одной стороны ближайшихъ мѣстныхъ условій дѣятельности врачей какъ по управленію оными, такъ и по завѣдыванію врачебными участками (гдѣ таковыя имѣются), а съ другой—способовъ контроля со стороны земскихъ и городскихъ управъ хозяйственной дѣятельности врачей и правленій“. Эта послѣдняя часть циркуляра имѣетъ особенно важное значеніе. Она показываетъ, во-первыхъ, что отсрочка въ введеніи устава будетъ довольно продолжительна, такъ какъ составленія правилъ о завѣдываніи земскими лечебными заведеніями можно ожидать только отъ ближайшихъ очередныхъ земскихъ собраний, сессія которыхъ закончится лишь въ началѣ будущаго года; немало времени потребуетъ, затѣмъ, и на разсмотрѣніе всѣхъ этихъ правилъ. Совершенно ясно, во-вторыхъ, что не прошли безслѣдно указанія земскихъ собраний: 1) на затруднительность или невозможность совмѣщенія обязанно-

стей, возлагаемыхъ уставомъ на земскихъ врачей по управленію больницами, съ не менѣе важными обязанностями, лежащими на нихъ по завѣдыванію врачебными участками, и 2) на неопредѣленность и непрактичность тѣхъ постановленій устава, которыя касаются отношеній между врачами и земскими управами. Все это еще разъ освѣщено съ большою яркостью въ докладѣ с.-петербургской губернской земской управы, представленномъ недавно чрезвычайному с.-петербургскому губернскому земскому собранію и принятомъ имъ почти безъ преній. „Въ силу практическаго, почти тридцатилѣтняго опыта, — читаемъ мы въ этомъ докладѣ, — дѣятельность земскаго врача сосредоточивается преимущественно на амбулаторіи, выѣздахъ на домъ къ острымъ и труднымъ больнымъ, для акушерской помощи, для оспопрививанія, для борьбы съ эпидеміями, для санитарныхъ мѣропріятій и т. д., и лишь незначительную часть этой дѣятельности составляетъ коечное леченіе больныхъ въ пріемныхъ покояхъ и больницахъ; наоборотъ, циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 30 декабря 1894 г. смотритъ на завѣдываніе земскими врачами вѣренными имъ участками, какъ на совмѣстительство съ посторонней должностью, допускаемое лишь при условіи обезпеченія больныхъ надлежащимъ уходомъ за время отсутствія врача для разъѣздовъ по участку. Въ виду разъѣздовъ врача по участку, немислимъ требуемый ст. 42 устава ежедневный пріемъ приходящихъ больныхъ. Дежурство фельдшеровъ въ больницѣ, предписываемое уставомъ, опять-таки идетъ въ разрѣзъ съ практикой, требующей разъѣздовъ и фельдшеровъ по участку, и не вызывается необходимостью, такъ какъ во всякомъ случаѣ больные и нынѣ находятъ въ больницѣ лучшій уходъ, чѣмъ дома, а въ экстренныхъ случаяхъ, когда есть оперированные или труднобольные, дежурство врача и фельдшеровъ существовало и до настоящаго времени. Всѣ эти требованія устава должны вызвать крупный расходъ на двойной штатъ врачей и фельдшеровъ, вполне непосильный для земства, или повлечь измѣненіе всей сложившейся исторически системы земско-медицинской организаціи, направленной къ децентрализаціи и доступности помощи всему населенію, и возвращеніе къ доземской централизаціи, когда вся врачебная дѣятельность сосредоточивалась въ больницахъ приказа“. Дальше въ докладѣ разсматривается подробно положеніе медицинской части въ каждомъ изъ уѣздовъ губерніи—положеніе, вызывающее очень большія земскія затраты и все-таки оставляющее желать весьма многого, именно съ точки зрѣнія „децентрализаціи“ помощи, т. е. доступности ея для всего населенія. Введеніе устава, въ настоящемъ его видѣ, потребовало бы отъ уѣздныхъ земствъ столь же непосильныхъ, сколько и непрони-

водительныхъ расходовъ и остановило бы правильное развитіе медицинскаго дѣла, именно въ послѣднее время сильно двинувшася впередъ... О неудобствахъ, къ которымъ неизбежно должно привести совмѣстное „управленіе“ больницами со стороны врачей и „ближайшее завѣдываніе“ ими со стороны земства, мы уже говорили въ одномъ изъ прошлогоднихъ нашихъ обзорѣній ¹⁾. Возраженія противъ лечебнаго устава идутъ не только отъ всѣхъ почти земствъ, но и отъ многихъ городовъ, въ томъ числѣ и отъ такихъ, которые, по всей вѣроятности, никогда и не слышали о „принципіальной оппозиціи“. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ оренбургской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 120): „28-го апрѣля въ оренбургской городской думѣ слушался докладъ городской управы о введеніи новаго лечебнаго устава. Согласно съ этимъ уставомъ, годовой расходъ на служащихъ при городской больницѣ выразился въ суммѣ 9.792 р. Городская управа, имѣя въ виду, что городъ имѣетъ много долговъ, которые могутъ быть погашены лишь въ теченіе 15 лѣтъ, пришла къ заключенію о необходимости ходатайствовать объ отсрочкѣ введенія устава на 15 лѣтъ, въ виду плохого состоянія городскихъ финансовъ. Съ этимъ заключеніемъ согласилась и дума. Врачебный инспекторъ, желая знать, такъ сказать, наглядно, какъ относятся гг. гласные къ введенію новаго устава, обратился къ городскому головѣ съ просьбой подвергнуть вопросъ закрытой баллотировкѣ, которая дала два шара за введеніе устава и 18 шаровъ за отсрочку“.

Вопреки единодушнымъ заявленіямъ общественныхъ учреждений, нѣкоторые органы печати, съ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, продолжаютъ отстаивать необходимость немедленнаго и полнаго осуществленія лечебнаго устава. На первомъ планѣ между ними стоятъ, какъ и слѣдовало ожидать, „Московскія Вѣдомости“, начинающія свою послѣднюю статью по этому предмету (№ 113) меланхолическимъ возгласомъ: „много хорошаго, здороваго и самобытнаго разрушила эпоха реформъ въ нашей общественной и государственной жизни“ (желательно было бы знать, что именно?!). Взаимнѣ разрушеннаго эта эпоха создала много „нездоровыхъ общихъ мнѣній“, въ числу которыхъ московская газета относитъ формулу: „государственной власти не должно быть никакого дѣла до мѣстнаго управленія“. Не знаемъ, можетъ быть такой взглядъ и былъ когда-нибудь кѣмъ-нибудь высказанъ; но какъ общее мнѣніе, онъ существуетъ только въ воображеніи „Московскихъ Вѣдомостей“. Утверждалось и утверждается до сихъ поръ нѣчто совершенно другое: необходимость предоставленія мѣстному самоуправленію, въ возможно-

¹⁾ См. „Вѣстн. Европа“, 1894 г. № 11.

широкихъ предѣлахъ, возможно-полной самостоятельности дѣйствій, на основаніи закона и подѣ контролемъ государственной власти. О власти контролирующей никакъ нельзя сказать, чтобы ей не было дѣла до контролируемыхъ ею учреждений: она не только предупреждаетъ и устраняетъ явные нарушения закона, но и требуетъ точнаго исполненія всѣхъ его предписаній, становясь, въ противномъ случаѣ, на мѣсто неисправнаго учреждения и пополняя собственными распоряженіями всѣ допущенные имъ пробѣлы... Съ особенною яркостью вся фальшь темы, поддерживаемой московской газетой, выступаетъ именно въ вопросѣ о народной медицинѣ. Земство, въ эпоху своей сравнительной независимости, выдвинуло этотъ вопросъ на первый планъ, потратило на его разрѣшеніе массу труда и средствъ, достигло, въ большинствѣ случаевъ, прекрасныхъ результатовъ, послужившихъ образцомъ для не земскихъ губерній, и установила, въ концѣ концовъ, такой *modus vivendi* между земскими исполнительными органами и врачами, которымъ вполнѣ обеспечивались права и интересы однихъ сторонъ и, что еще важнѣе, права и интересы населенія. Государственная власть никогда при этомъ не утрачивала своего права контроля надъ всѣми медицинскими предпріятіями земства и пользовалась этимъ правомъ на практикѣ, утверждая земскихъ врачей, ревизуя больницы, требуя, въ извѣстныхъ случаяхъ, дарового леченія больныхъ. Недоставало, быть можетъ, законодательнаго опредѣленія минимальныхъ затратъ на врачебную часть, обязательныхъ для земства ¹⁾—но не чувствовалось никакой потребности въ детальной регламентаціи, направленной, вдобавокъ, къ возможно-большему ограниченію роли земскихъ учреждений и къ измѣненію системы, цѣлесообразность которой выяснена многолѣтней практикой.

Усматривая въ ходатайствахъ объ измѣненіи лечебнаго устава *амитацию* противъ закона, „Московскія Вѣдомости“ утверждаютъ, что право земскихъ ходатайствъ ограничено, въ данномъ случаѣ, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, указавшаго, при какихъ условіяхъ земства могутъ просить объ отсрочкѣ въ исполненіи нѣкоторыхъ требованій новаго устава. Нужно ли доказывать, что право ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, предоставленное земству закономъ, только закономъ и можетъ быть въ чемъ-либо отиѣнено или ограничено? Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлялъ заранѣе, какія просьбы земства относительно срока введенія лечебнаго устава будутъ имъ удовлетворены; но онъ не могъ опредѣлить и не

¹⁾ Спѣшимъ прибавить, что въ области охраненія народнаго здоровья между земствами разныхъ губерній и уѣздовъ нѣтъ столь рѣзкихъ различій, какъ въ области народнаго образованія, такъ что къ введенію минимума представлялось здѣсь гораздо меньше основаній.

опредѣляя, какъ отнесутся высшія государственныя учрежденія въ земскимъ ходатайствамъ объ измѣненіи тѣхъ или другихъ статей лечебнаго устава, о пересмотрѣ всего устава или о значительномъ отдаленіи срока, назначеннаго для его введенія въ дѣйствіе. Всѣ такія ходатайства должны быть представлены губернаторами министру внутреннихъ дѣлъ и не могутъ быть отклонены иначе, какъ положеніемъ комитета министровъ ¹⁾.

Если лечебный уставъ ограничиваетъ весьма существенно дѣятельность земства въ области попеченія о народномъ здоровьѣ, то еще дальше идетъ въ этомъ направленіи, судя по газетнымъ сообщеніямъ, проектъ продовольственнаго устава. Земство, какъ самостоятельное учрежденіе, перестаетъ завѣдывать не только сборомъ и храненіемъ хлѣбныхъ запасовъ, но и назначеніемъ и раздачей ссудъ въ случаѣ неурожаа; представители его входятъ только въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ продовольственныхъ присутствій, и тамъ, и тутъ оставаясь въ меньшинствѣ. Рѣшительная роль переходитъ въ руки земскихъ начальниковъ—тѣмъ болѣе рѣшительная, что имъ подчиняются и попечительства, учреждаемыя на мѣстахъ. Если районъ попечительства совпадаетъ съ волостью, попечителемъ ipso jure является волостной старшина, вполнѣ зависимый отъ земскаго начальника; при районахъ болѣе мелкихъ попечители *назначаются* уѣзднымъ присутствіемъ, по представленію земскаго начальника. Тотъ же порядокъ соблюдается и по отношенію къ попечительствамъ, открываемымъ, въ усиленномъ числѣ, въ случаѣ неурожаа. Очевидно, что такія попечительства не могутъ замѣнить собою ни постоянно существующей, самоуправляющейся мелкой единицы (всесословная волость, всесословный приходъ и т. п.), ни временной организаціи, при которой, какъ это было до сихъ поръ, во главѣ участковъ становились избранныя земства, ни сѣти добровольцевъ, оказавшей столько услугъ во время народныхъ бѣдствій 1891 и 1892 г. Составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ будутъ дѣйствовать проектируемыя учрежденія, можно на основаніи опыта послѣднихъ неурожайныхъ лѣтъ, когда во многихъ пострадавшихъ губерніяхъ существовали смѣшанныя продовольственныя комиссіи, близко подходившія, по своему составу и своимъ атрибуціямъ, ко вновь предполагаемымъ присутствіямъ, губернскимъ и уѣзднымъ. О слишкомъ хорошо вѣдѣмъ памятной лужковской продовольственной комиссіи мы напоминать

¹⁾ Оба эти положенія, въ нашихъ глазахъ совершенно бесспорны, обоснованы какъ нельзя лучше въ двухъ статьяхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№№ 72 и 80): „Порядокъ направленія земскихъ ходатайствъ“.

не станемъ, и укажемъ только на докладъ, представленный особой комиссіей послѣднему очередному нижегородскому губернскому земскому собранію. Здѣсь нарисована яркая картина безпорядка, господствовавшего въ продовольственномъ дѣлѣ — безпорядка, долго мѣшавшаго, а отчасти и теперь еще мѣшавшаго сведенію счетовъ по продовольственной операціи¹⁾. Несомнѣнно, что одною изъ причинъ этого безпорядка было внезапное появленіе новыхъ учреждений, поспѣшно созданныхъ *ad hoc* и сразу очутившихся въ водоворотѣ; немало способствовало ему, однако, и недостаточное знакомство съ положеніемъ вещей (хотя главными дѣятелями въ уѣздныхъ комиссіяхъ были именно земскіе начальники), а также множество другихъ занятій, лежавшихъ на членахъ комиссіи. „Сегодня, — говорится въ докладѣ земской комиссіи, — господствовалъ взглядъ, что народъ избалованъ подачками, пьянствуетъ, щеголяетъ и не заслуживаетъ помощи; вслѣдъ за тѣмъ убѣждались, что нужда дѣйствительно есть — тогда увеличивался размѣръ пособія, спѣшно подвозился хлѣбъ и т. п.“ Въ одномъ случаѣ наипрѣе отпущенный авансъ получается обратно лишь послѣ пятимѣсячной переписки; въ другомъ на требованіе оправдательныхъ документовъ дается слѣдующій отвѣтъ: „мною производилась закупка хлѣба у гг. помѣщиковъ и на базарахъ, но такъ какъ закупка эта производилась явно и вся работа того времени была основана на взаимномъ довѣрїи дѣятелей, то никакихъ росписокъ, могущихъ имѣть officialный характеръ, я не имѣю“. Отсюда ясно, что служебное положеніе лицъ, занимающихся продовольственнымъ дѣломъ, не всегда можетъ быть рассматриваемо какъ гарантія правильнаго его веденія.

Главное обвиненіе, возводимое на земство въ области продовольственнаго дѣла, всегда заключалось въ томъ, что оно не наблюдало за исправнымъ состояніемъ хлѣбныхъ магазиновъ и допустило истощеніе запасовъ, крайне затруднившее помощь населенію въ неурожайные годы. Въ *большинствѣ* не-земскихъ губерній хлѣбные магазины пополнялись дѣйствительно правильнѣе, чѣмъ въ большинствѣ земскихъ; но исключенія были и въ ту, и въ другую сторону, ясно свидѣтельствуя о томъ, что положеніе магазиновъ зависитъ не исключительно отъ органовъ, ими завѣдующихъ. Если, напримѣръ, въ астраханской губерніи (не-земской) было на лицо только 22% того запаса, который долженъ былъ существовать по закону, а въ екатеринславской губерніи (земской) наличность хлѣба доходила въ то же время до 93%, то были же, значить, — помимо надзора и понужденія —

¹⁾ По одному уѣзду не представлено оправдательныхъ документовъ на 8 тыс., по другому — почти на 60 тысячъ рублей.

еще какія-нибудь причины, вліявшія на состояніе хлѣбныхъ запасовъ. Сколько было хлѣба, въ 1891 г., въ магазинахъ оренбургской губерніи (также не-земской)—этого мы не знаемъ; но, судя по размѣрамъ, которыхъ тамъ очень скоро достигло народное бѣдствіе, нужно думать, что запасы были весьма невелики... Мы слышали, впрочемъ, что упрекъ, столько разъ дѣлавшійся земству, снимается съ него въ объяснительной запискѣ къ проекту продовольственнаго устава; она признаетъ, что надзоръ за магазинами былъ непосиленъ для земства, вслѣдствіе отсутствія у него органовъ на мѣстахъ и недостатка исполнительнѣйшей власти. По тѣмъ же основаніямъ нельзя ставить ему въ вину и недостаточную провѣрку ходатайствъ о ссудахъ. Нормальный выходъ изъ затрудненій, обнаруженныхъ неурожайными годами, заключался бы, слѣдовательно, въ приближеніи земства къ населенію, путемъ образованія мелкой земской единицы, и въ снабженіи представителей этой единицы властью, достаточною для понужденія къ точному исполненію закона. Земскій начальникъ слишкомъ для этого далекъ отъ населенія, слишкомъ обремененъ другими дѣлами. Правда, существуетъ предположеніе увеличить число земскихъ начальниковъ, между прочимъ—именно въ виду возложенія на нихъ новыхъ обязанностей по продовольственному дѣлу; но кому же не извѣстно, что пополненіе даже нынѣшняго комплекта земскихъ начальниковъ соединено, во многихъ уѣздахъ, съ величайшими трудностями, за отсутствіемъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, желающихъ занять эту должность и соединяющихъ всѣ требуемыя для нея условія. Еслибы даже и удалось преодолѣть эти помѣхи, еслибы и удалось найти свободныя средства для оплаты вновь учреждаемыхъ должностей, цѣль все-таки оказалась бы недостигнутою, потому что и при 2—3 лишнихъ должностяхъ въ уѣздѣ земскіе начальники не были бы настолько приближены къ населенію, чтобы успѣшно исполнить возлагаемую на нихъ задачу... Съ изъятіемъ изъ круга дѣйствій земства надзора надъ хлѣбными магазинами можно было бы, впрочемъ, примириться, еслибы за нимъ оставлена была, подъ контролемъ администраціи, выдача ссудъ, т.-е. опредѣленіе нужды каждаго отдѣльнаго хозяйства, и завѣдываніе доставкой и раздачей хлѣба. Въ этой области земство, въ широкомъ смыслѣ слова—т.-е. съ присоединеніемъ къ нему, въ случаѣ надобности, всѣхъ мѣстныхъ жителей, готовыхъ и способныхъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ—рѣшительно незаменимо, въ особенности при существованіи для него на мѣстахъ прочной точки опоры, въ видѣ мелкой земской единицы. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что всѣ главные промахи, неурядицы и даже злоупотребленія, допущенныя земствомъ въ послѣдніе неурожайные годы, относятся къ сферѣ закупки хлѣба не на мѣстахъ,

а въ отдаленныхъ торговыхъ центрахъ или вообще за предѣлами губерніи. И это вполне понятно: для внезапнаго обращенія въ странствующихъ скупщиковъ земскіе дѣятели не имѣли ни подготовки, ни призванія. Роль земства не должна выходить изъ его обычнаго района; такая сложная операція, какъ закупка и доставка сотенъ тысячъ или миллионъ пудовъ хлѣба, можетъ быть успѣшно выполнена только центральной администраціей.

Для того, чтобы земство могло стоять на высотѣ своего положенія, необходимы три главныя условія: достаточно широкая компетенція, достаточная самостоятельность дѣйствій и достаточно полное и свободное представительство мѣстнаго населенія. О томъ, въ какой степени осуществлены въ настоящее время первыя два условія, мы много говорили выше; относительно третьяго чрезвычайно краснорѣчивой иллюстраціей служить слѣдующій фактъ, сообщаемый „Новымъ Временемъ“ (№ 6884) со словъ корреспондента „Самарскаго Вѣстника“. На волостномъ сходѣ въ одной изъ волостей николаевского уѣзда (самарской губерніи) должны были происходить выборы кандидата въ гласные. Члены схода возбудили вопросъ, нельзя ли *ослобонить* ихъ отъ этого. Конечно, послѣдовало разъясненіе, что сдѣлать этого нельзя. На вопросъ, почему они вздумали просить „ослобонять“ ихъ отъ избранія гласнаго, выборные отвѣтили: „не охота понапрасну конфузить людей: прежде мы знали, что кого выберемъ въ гласные, тотъ и гласный, а теперь обойдется, чай, и безъ насъ“. Приступили къ выборамъ—никто не желаетъ избираться; перебрали всѣхъ почти выборныхъ—никто не хочетъ „конфузиться“, у всѣхъ нашлись причины въ отказу отъ почетнаго званія „гласный“. Наконецъ, порѣшили избирать кандидата посредствомъ жеребьевки; для этого назначили отъ каждаго общества (а ихъ въ волости три) по одному человѣку, и, не спрашивая ихъ согласія, положили въ шапку три мѣдныхъ пятака съ замѣтками, какой изъ нихъ кому изъ назначенныхъ для выбора лицъ принадлежать: уговорились быть гласнымъ тому, чей пятакъ первымъ выскочитъ изъ шапки при встряхиваніи ея... По справедливому замѣчанію корреспондента, въ этомъ случаѣ вѣрно выразился теперешній взглядъ крестьянъ на избраніе гласныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать нормальнымъ порядкомъ, при которомъ значительная часть „кандидатовъ въ гласные“ остается за порогомъ собранія, а попадаютъ туда только утверждаемые губернаторомъ, т.-е., de facto, земскими начальниками? Это—одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ избирательной системы, созданной положеніемъ 1890 г. Никакого интереса въ избирателяхъ выборъ, столь легко мо-

гущій остаться безрезультатнымъ ¹⁾, возбуждать не можетъ, да и сами утвержденные гласные чувствуютъ и сознаютъ себя не столько представителями населенія, сколько уполномоченными администраціи. Это сознаніе дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ болѣе удручающимъ образомъ, что рядомъ съ ними въ земскомъ собраніи засѣдаютъ обыкновенно земскіе начальники, которымъ они непосредственно и часто вдвойнѣ подвластны — какъ крестьяне и какъ должностныя лица крестьянскаго управленія; кандидатами въ гласные болѣею частью являются волостные старшины.

Три мѣсяца тому назадъ, возражая г. Сухотину по вопросу о правѣ его, какъ земскаго начальника, обращать заработокъ крестьянъ, безъ ихъ согласія, въ уплату податей, мы выразили мнѣніе, что такой образъ дѣйствій противорѣчитъ закону, точно опредѣляющему способы взысканія недоимокъ. Официальное подтвержденіе этого мнѣнія мы нашли на дняхъ въ распоряженіяхъ министерства финансовъ, оглашенныхъ передовою статью „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 105). „Департаментомъ торговли и мануфактуръ, — читаемъ мы въ этой статьѣ, — сдѣлано было не такъ давно разъясненіе, что *изъ заработка фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ не можетъ быть произведено никакихъ вычетовъ на погашеніе казенныхъ недоимокъ и податей*. Департаментъ сдѣлалъ подобное разъясненіе, конечно, только на основаніи *ныне дѣйствующаго законодательства*, которымъ въ число мѣръ къ взысканію налоговъ *не включено вычетовъ изъ жалованья или заработка...* Вслѣдъ затѣмъ министръ финансовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о дополненіи устава о промышленности слѣдующимъ правиломъ: *при выдачѣ рабочему заработной платы, фабриканты и заводчики, по требованію сельскаго и волостного начальства и другихъ подлежащихъ властей, производятъ вычеты на уплату податей и другихъ сборовъ, причѣмъ съ рабочаго можетъ быть удерживаемо, при каждой отдельной расплатѣ, не болѣе одной трети причитающейся ему сумми, если онъ холостъ, и не болѣе 1/4, если онъ женатъ, или вдовъ, но имѣетъ дѣтей*“. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, можно пойти еще дальше: *такіе вычеты можно узаконить вообще со всѣхъ служащихъ гдѣ бы то ни было, а не только съ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ*. Это было бы только справедливо, ибо, по смыслу закона и неоднократно разъясненіямъ, казенныя, напимѣръ, подати должны

¹⁾ Во многихъ уѣздахъ число волостей превышаетъ число гласныхъ отъ крестьянъ вдвое и даже втрое, такъ что изъ кандидатовъ въ гласные попадаетъ въ собраніе половина или даже треть.

быть взыскиваемы преимущественно предъ частными долгами; между тѣмъ, по исполнительному листу, по указаніямъ кредитора, вычеты изъ жалованья могутъ быть дѣлаемы, а казенныя подати и долги — не могутъ. Было бы при этомъ болѣе легкимъ и необременительнымъ для плательщиковъ, какъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, такъ и вообще служащихъ на сторонѣ (въ экономіяхъ, въ столицахъ и т. п.), дѣлать вычеты ежемѣсячно: для этого стобѣть только, въ началѣ каждаго года, сельскому или другому начальству представлять раскладочныя реестры по мѣсту службы плательщика. Министромъ финансовъ указанъ примѣръ; теперь и министерству внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ, съ своей стороны, позаботиться о соответствующихъ дополненіяхъ крестьянскаго законодательства и тѣмъ внести нѣкоторое упорядоченіе въ важное и трудное дѣло вниманія податей*. Что же оказывается изъ сличенія фактовъ, сообщаемыхъ московской газетой, съ письмомъ г. Сухотина, которому она такъ гостеприимно, безъ всякихъ оговорокъ, дала у себя мѣсто? Въ сферѣ фабричной работы признается невозможнымъ, пока дѣйствуетъ нынѣшній законъ, производить какіе бы то ни было вычеты изъ заработка рабочихъ (большую часть, конечно, крестьянъ), и предположенія объ измѣненіи закона вносятся на усмотрѣніе высшаго государственнаго учрежденія; въ сферѣ работы земледѣльческой такіе вычеты устанавливаются простымъ распоряженіемъ третьестепеннаго чиновника — земскаго чиновника, не стѣсняющагося, затѣмъ, оповѣстять *urbi et orbi* о допущенномъ имъ нарушеніи закона. Въ сферѣ фабричной работы проектируется измѣненіе закона, одинаково охраняющее интересы обѣихъ сторонъ: вычетъ изъ заработка предполагается производить постепенно, сообразно съ семейнымъ положеніемъ рабочаго. Въ сферѣ земледѣльческой работы такія предосторожности признаются излишними: земскій начальникъ предписываетъ зачислять заработанныя недоимщикомъ деньги въ уплату податей, безъ всякой постепенности и безъ соображенія съ семейными нуждами крестьянина. Работая на фабрикѣ, крестьянинъ пользуется охраной закона и даже въ случаѣ его измѣненія не рискуетъ сразу лишиться всего своего заработка; переходя работать къ землевладѣльцу, онъ сразу становится внѣ закона — если даннымъ участкомъ завѣдуетъ земскій начальникъ, раздѣляющій взгляды г. Сухотина, — и можетъ, усердно проработавъ нѣсколько дней или недѣль, очутиться, съ семьей, безъ копѣйки денегъ и безъ хлѣба. Можно ли представить себѣ положеніе дѣлъ менѣе нормальное и менѣе благоприятное для развитія и укрѣпленія чувства законности въ народѣ? Можно ли придумать болѣе сильное доказательство неудобствъ, съ которыми сопряжено „усмотрѣніе“ земскаго начальника?.. Мы готовы признать, что министерству внутреннихъ дѣлъ

слѣдовало бы возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ и при какихъ условіяхъ взысканіе податей можетъ быть обращено на заработокъ земледѣльческихъ рабочихъ— но впредь до законодательнаго разрѣшенія этого вопроса не должно быть мѣста для самовольныхъ и незаконныхъ „указовъ“ (припоминаемъ терминологію г. Коржунова), въ родѣ изданнаго г. Сухотиннымъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы привели нѣсколько любопытныхъ статистическихъ данныхъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ въ тульской губерніи; дополнимъ ихъ теперь еще нѣкоторыми свѣденіями. Какъ справляется волостной судъ съ обширной юрисдикціей, предоставленной ему закономъ 1889 г.? Повидимому—неудовлетворительно; на это указываетъ множество его рѣшеній, отмѣняемыхъ уѣздными сѣздами. Изъ 1.739 приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ, обжалованныхъ въ уѣздные сѣзды, утверждено только 707, отмѣнено 1.032 (т.-е. 60⁰/₀); изъ 2.300 рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ утверждено 902, отмѣнено 1.398 (около 61⁰/₀). Цифры эти, притомъ, распредѣляются весьма неравномѣрно между разными уѣздами: въ иныхъ уѣздахъ (напр. тульскомъ и крапивинскомъ—по уголовнымъ дѣламъ, въ новосильскомъ и одоевскомъ—по гражданскимъ) утвержденныхъ рѣшеній больше, чѣмъ отмѣненныхъ, но въ другихъ число отмѣненныхъ рѣшеній чрезвычайно сильно превѣшиваетъ число утвержденныхъ (въ богородицкомъ уѣздѣ, напримеръ, отмѣнено около 80⁰/₀ приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ, въ веневскомъ уѣздѣ—почти столько же рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ). Весьма неравномѣрно, съ другой стороны, земскіе начальники пользуются своимъ правомъ представлять въ уѣздный сѣздъ жалобы на волостные суды, въ тѣхъ случаяхъ, когда представленіе ихъ не обязательно (пун. 2 ст. 31 врем. правилъ 12 іюня 1889 г.). Всѣхъ подобныхъ жалобъ поступило въ земскіе начальникамъ 3.766, а представлено изъ нихъ 1.299, т.-е. около 34¹/₂⁰/₀; но въ иныхъ уѣздахъ (напр. бѣлевскомъ, новосильскомъ, алексинскомъ) этотъ процентъ повышается до 44 и даже 48, въ другихъ (напр. тульскомъ) падаетъ до 20. Чѣмъ меньше шансовъ правосуднаго рѣшенія дѣла въ волостномъ судѣ, тѣмъ важнѣе, очевидно, широкое пользованіе дискреціонною властью, которою облакаетъ земскихъ начальниковъ пун. 2 ст. 31; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ примѣняютъ ее крайне рѣдко, не желая, вѣроятно, увеличивать число дѣлъ, поступающихъ въ уѣздный сѣздъ. Весьма различно земскіе начальники пользуются также правомъ, даннымъ имъ ст. 20 временныхъ правилъ—правомъ вносить на разсмотрѣніе сѣзда, помимо жалобы заинтересованнаго лица,

рѣшенія волостного суда, въ которыхъ они усмотрятъ нарушеніе предѣловъ власти или явное неправосудіе. Въ среднемъ выводѣ на каждый изъ двѣнадцати уѣздовъ тульской губерніи такихъ случаевъ приходится 20—но въ четырехъ уѣздахъ ихъ менѣе 10 (въ веневскомъ уѣздѣ—4), въ четырехъ—отъ 11 до 18, въ четырехъ—отъ 34 до 45 (всего болѣе—въ одоевскомъ). Всѣхъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ отмѣнено уѣздными сѣздами по представленіямъ земскихъ начальниковъ 571; отклонено представленій объ отмѣнѣ—только 30, при чемъ въ четырехъ уѣздахъ (тульскомъ, каширскомъ, ефремовскомъ и чернскомъ) случаевъ отклоненія не было вовсе... „Первое мѣсто“ съ различныхъ точекъ зрѣнія, которыхъ ни касались, занимаетъ то одинъ, то другой уѣздъ, но *одно изъ первыхъ*, какъ ни смотрѣть, постоянно принадлежитъ тульскому уѣзду. Здѣсь очень много постановляется и очень много исполняется приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи, очень часто налагаются дисциплинарныя взысканія по ст. 61 и 62, очень мало, сравнительно, отмѣняется приговоровъ волостныхъ судовъ, очень рѣдко примѣняются права, предоставленныя земскимъ начальникамъ, въ интересахъ населенія, ст. 20 и 31 пун. 2 временныхъ правилъ и никогда не отклоняются представленія земскихъ начальниковъ объ отмѣнѣ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 117) напечатана интересная статья по поводу исполнившагося недавно (30 апрѣля) десятилѣтія существованія податной инспекціи. Въ официальномъ мирѣ провинціи новое учрежденіе было встрѣчено крайне недружелюбно; глухую оппозицію оно возбудило даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ палатахъ. Однимъ не нравилась возможность непосредственныхъ сношеній между податными инспекторами и центральнымъ управленіемъ, другимъ—возможность сообщенія податной инспекціей достовѣрныхъ свѣденій о положеніи населенія: „Полицейскія власти и органы, завѣдующіе крестьянскимъ управленіемъ, въ иныхъ случаяхъ видѣли въ податномъ инспекторѣ лишняго соглядатая, не всегда удобнаго при провинціальныхъ порядкахъ. Инспекторамъ ставилась масса препятствій при исполненіи ими служебныхъ обязанностей; имъ дѣлали множество неприяностей, умышленно не приглашали въ засѣданія крестьянскихъ присутствій и уѣздныхъ сѣздовъ, оспаривали ихъ право сносясь съ волостными правленіями и т. п. Они испытывали постоянныя затрудненія при собираніи свѣденій, производствѣ оцѣнокъ, выясненіи землевладѣнія и при многихъ другихъ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ; такъ, нотаріусы не предъявляли свѣденій о крѣпостныхъ актахъ, страховыя общества и банки скрывали свои оцѣнки, полиція не до-

ставляла свѣденій о принимаемыхъ ею мѣрахъ взысканія платежей. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ работаютъ податные инспекторы въ теченіе всѣхъ 10 лѣтъ, и при всемъ томъ ихъ дѣятельность оставляетъ несомнѣнно благотворные слѣды. Случайныя ревизіи торговли чиновниками особыхъ порученій замѣнены постояннымъ фактическимъ контролемъ податныхъ инспекторовъ, благодаря чему въ первый же (1886 годъ) государственное казначейство получило пошлинъ за право торговли и промысловъ больше почти на 1 милл. руб., что сразу съ избыткомъ окупило содержаніе податныхъ инспекторовъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы поступленіе торговыхъ пошлинъ шло еще быстрѣе: за пятилѣтіе съ 1885 по 1890 г. оно возросло на 4 милл. руб. Въ 1883 г. сумма пошлинъ за безмездный переходъ имуществъ едва достигала 1.337 тыс. руб., а въ 1.892 г. она превысила 6.782 тыс. руб. Замѣтные результаты для государственнаго казначейства имѣли произведенныя податными инспекторами провѣрки счета земельныхъ владѣній, подлежащихъ обложенію государственнымъ поземельнымъ налогомъ, переоцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ, изученіе инспекторами экономическаго положенія населенія, давшее возможность осуществить законъ о разсрочкахъ выкупныхъ платежей, и т. д., и т. д. Дальнѣйшее упорядоченіе нашей податной системы сдѣлалось возможнымъ только благодаря существованію податныхъ инспекторовъ.

Десятилѣтній опытъ института податныхъ инспекторовъ съ полной очевидностью указываетъ на необходимость упроченія его въ будущемъ, посредствомъ приданія ему большей независимости отъ старыхъ учреждений, большей самостоятельности и точности опредѣленія ихъ правъ и обязанностей, равно какъ и способовъ осуществленія этихъ обязанностей. Ближайшій надзоръ за дѣятельностью податныхъ инспекторовъ долженъ быть порученъ лично управляющимъ казенными палатами, а не палатамъ въ полномъ составѣ. Необходимо предоставить инспекторамъ больше простора въ наблюденіи за податными дѣлами въ селеніяхъ и волостяхъ, за взысканіемъ казенныхъ сборовъ полиціей и сборщиками. Мы думаемъ, что слѣдовало бы пойти еще дальше—и передать самое взысканіе податей изъ рукъ полиціи въ руки податныхъ инспекторовъ, которые, конечно, по прежнему могли бы пользоваться содѣйствіемъ должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія... Напомнимъ, въ заключеніе, что учрежденіемъ податной инспекціи предполагалось подготовить введеніе подоходнаго налога. Пора было бы дать ходъ этой полузабытой мысли Н. Х. Бунге; она составляетъ одну изъ существенно важныхъ частей наслѣдства, оставленнаго имъ, какъ министромъ финансовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1895 г.

Умеченіе японскими дѣлами.—Неумѣстное усердіе нѣкоторыхъ газетъ.—Разнодушіе къ дѣламъ Балканскаго полуострова.—Письмо изъ Бѣлграда о сербскихъ дѣлахъ.—Отставка графа Кальноки и вѣшная австрійская политика.—Внутренніа дѣла Германіи.

По свѣденіямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, русское общество всецѣло занято теперь вопросомъ о томъ, какъ поступить Японія относительно Кореи, и какое вообще направленіе примутъ событія на дальнемъ Востокѣ. Другихъ интересовъ и вопросовъ будто бы не существуетъ у насъ въ настоящее время. Такъ, напр., въ сообщеніи изъ Петербурга, напечатанномъ въ „Kölnische Zeitung“ (№ 21 еженедѣльнаго изданія), мы читаемъ буквально слѣдующее: „Все вниманіе русскихъ политическихъ кружковъ сосредоточено теперь на ходѣ дѣлъ въ Корей“. Затѣмъ, въ доказательство этого любопытнаго наблюденія приводятся статьи одной изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ по японско-китайскому вопросу. Такъ какъ эта газета волнуется по поводу дѣйствій и требованій Японіи и съ большою горячностью ежедневно обсуждаетъ способы обузданія японскаго честолюбія, то отсюда дѣлается заключеніе, что наше общество сильно озабочено японско-китайскими дѣлами и посвящаетъ имъ все свое вниманіе.

И въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія здраваго смысла, настойчивыя ежедневныя разсужденія газетъ объ извѣстномъ предметѣ должны указывать на исключительный интересъ къ нему въ обществѣ. Къ сожалѣнію, у насъ бываетъ часто наоборотъ, и наши газетные публицисты всего меньше занимаются вопросами, дѣйствительно интересующими русскую публику. Японія подчинилась требованіямъ великихъ державъ и отказалась отъ территоріальныхъ приобрѣтеній на азіатскомъ материкѣ; она не утвердится въ Портъ-Артурѣ, не завладѣетъ входомъ въ Печилійскій заливъ и не оставитъ за собою никакой полосы земли у границъ Кореи. Этого факта было вполне достаточно для мирнаго разрѣшенія кризиса, который угрожалъ серьезными замѣшательствами на восточной окраинѣ Азіи. Уступчивость Японіи, хотя и вынужденная, должна была бы положить конецъ нападкамъ на японскій шовинизмъ и на японскія притязанія. Почему же эти нападки продолжаютъ съ прежнею настойчивостью, съ обычными ядовитыми приправами газетной полемики? Неужели

потому, что японскій вопросъ дѣйствительно затрогиваетъ важнѣйшіе наши интересы и оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другія дѣла и заботы нашей политики? Этому не думаетъ, конечно, сама газета, о которой идетъ рѣчь. Въ ея разсужденіяхъ и возгласахъ чувствуется фальшь, мало замѣтная для иностранцевъ, но хорошо знакомая русскому читателю. Мы уже привыкли къ тому, что журналистъ, вчера только восторгавшійся миролюбіемъ, проникается вдругъ воинственностью, и отъ проповѣди любви и доброты внезапно переходитъ къ идеямъ злобынмъ и явно несправедливымъ. Искать какуи-нибудь послѣдовательность или логическую связь въ этой смѣнѣ у насъ газетныхъ взглядовъ — было бы безцѣльно. Сегодня газета отрицаетъ всякое право завоеванія и алорадствуетъ по поводу невольной уступчивости Японіи, а завтра она предлагаетъ намъ самимъ выступить въ походъ для приобрѣтенія нужной намъ территоріи; то она настаиваетъ на сохраненіи независимости и неприкосновенности Кореи, то серьезно совѣтуетъ немедленно двинуть русскій флотъ къ Корей и подчинить ее русской власти. Собственные корреспонденты заграничныхъ изданій аккуратно сообщаютъ объ этихъ удивительныхъ идеяхъ и проектахъ, съ неизбежными комментаріями насчетъ коварства и честолюбія русской политики. Эти идеи и проекты такъ же легко исчезаютъ, какъ и возникли, и обыкновеннымъ источникомъ ихъ служитъ просто наклонность къ пустословію на модныя патріотическія темы.

Возможность смѣло высказываться о международныхъ дѣлахъ и задачахъ предъ лицомъ всей Европы, паравнѣ съ какимъ-нибудь „Таймсомъ“, соблазняетъ легкомысленныхъ публицистовъ и увлекаетъ ихъ на путь безпардоннаго сочинительства въ такой области, гдѣ побужденія истиннаго патріотизма требовали бы наибольшей осторожности и такта. „Times“ говоритъ въ одинаковомъ тонѣ и о внутреннихъ, и о вѣншихъ вопросахъ; въ излагаемыхъ имъ мнѣніяхъ отражается сознаніе цѣли и отвѣтственности, присущее англійской журналистикѣ, тогда какъ у насъ болъшею частью остается непонятнымъ, изъ-за чего и о чемъ хлопчутъ патріоты. Если они имѣютъ въ виду пользу Россіи, то зачѣмъ выступаютъ съ предложеніями, которыя повсюду должны возбудить противъ насъ недовѣріе и подозрительность? Мыслимо ли, тотчасъ послѣ принудительнаго ограниченія результатовъ японскихъ побѣдъ коллективнымъ европейскимъ вмѣшательствомъ, поднимать вопросъ о совершенно новомъ и неожиданномъ притязаніи одной изъ державъ на военное занятіе Кореи? Такого притязанія, конечно, не существуетъ и не можетъ существовать, — но зачѣмъ оно выдуманно и предложено газетою, берущаяся говорить отъ имени Россіи и русскаго общества? Не значить

ли это—давать матеріалъ для подозрѣній и обвиненій, для которыхъ вовсе нѣтъ почвы въ дѣйствительности?

Наши газеты какъ-то случайно увлекаются тѣми или другими вопросами иностранной политики, замалчивая зато другіе, не менѣе и часто гораздо болѣе важныя для Россіи. Недавно еще у насъ много — и по обыкновенію безцѣльно и бесплодно — занимались болгарскими и сербскими дѣлами; газеты были полны разсужденіями и спорами о Стамбуловѣ и принцѣ Фердинандѣ, о королѣ Милагѣ, его дѣйствіяхъ и замыслахъ, а теперь наступила почему-то полоса равнодушія къ интересамъ балканскихъ народностей, хотя въ Бѣлградѣ и въ Софіи происходитъ много любопытнаго и далеко не безразличнаго для иностранныхъ кабинетовъ.

Относительно положенія дѣлъ въ Сербіи мы получили недавно отъ одного изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣателей страны интересное письмо, которому охотно удѣляемъ мѣсто въ нашемъ обзорѣ:

„Сербіи какъ будто бы входитъ опять въ конституціонный порядокъ. Послѣ ряда переворотовъ, послѣдовавшихъ со дня неожиданнаго возвращенія бывшаго короля, скупщина въ первый разъ собрана теперь въ Нишѣ на основаніи устава 1869 года. Скупщина созвана въ сессію за *прошлый* 1894 годъ, чтѣ несогласно съ конституціею, по которой скупщина должна собираться *каждый* годъ (п. 75). Это новѣйшее нарушеніе только-что возобновленной конституціи объясняется нерѣшимостью правительства подвергнуть народному голосованію насильственныя перемѣны въ Сербіи, начиная съ 9-го января прошедшаго года. „Для замиренія партійныхъ страстей“ — какъ выражаются теперешніе правители — нужно было ровно 15 мѣсяцевъ усиленной подготовительной работы. По устраненіи радикаловъ изъ государственной службы стали вытѣснять ихъ и изъ службы по выборамъ. Общины всѣ, гдѣ были радикалы въ управленіи, простыми распоряженіемъ префектовъ переданы въ руки такъ называемыхъ „регентовъ“, т. е. ставленниковъ полиціи, не пользующихся никакимъ уваженіемъ или довѣріемъ мѣстнаго населенія. Имѣя такимъ образомъ администрацію общинъ въ своихъ рукахъ, полиція приступила къ составленію избирательныхъ списковъ по своему усмотрѣнію. Въ противоположность ясному опредѣленію закона о выборахъ и 25-лѣтней практикѣ, министерство полиціи приказало поголовную подать не засчитывать въ избирательный цензъ. Этимъ произвольнымъ распоряженіемъ администраціи *больше половины* полноправныхъ гражданъ — около 220.000 — вычеркнуто изъ избирательныхъ списковъ.

Мало того: въ большинствѣ уѣздовъ, гдѣ выборы въ скупщину совершаются черезъ выборныхъ „повѣренныхъ“, эти послѣдніе были просто назначены уѣзднымъ начальствомъ. Гдѣ мѣстное населеніе такому распоряженію сопротивлялось, тамъ полиція безцеремонно распоряжалась вооруженною жандармеріею, стрѣляла въ мирныхъ гражданъ (въ г. Лозницѣ, Солонницѣ, Вранѣ и т. д.). — а жалующихся на всѣ эти безобразія предавали суду „за оклеветаніе правительственной власти“! Совѣщанія по вопросамъ о выборахъ и обыкновенныя экскурсіи депутатскихъ кандидатовъ министръ полиціи публичнымъ циркуляромъ строго запретилъ, предписывая полицейскимъ агентамъ всѣхъ такихъ людей высылать немедленно или арестовать какъ послѣднихъ бродягъ, кто бы они ни были.

„Вотъ какими средствами и при какихъ обстоятельствахъ составила „народная скупщина“, въ которую по самой конституціи король указомъ уже поставилъ одну четверть—теперь 60—изъ всего числа депутатовъ. Такъ какъ тутъ, въ сущности, выборовъ и не было, то радикалы въ дѣлности, а либералы отчасти воздержались совсѣмъ отъ участія въ этихъ полицейскихъ выборныхъ фокусахъ. Радикальная партія при этомъ случаѣ показала строгую партійную дисциплину, тогда какъ либералы разложились на двѣ фракціи: одна, съ Ристичемъ во главѣ, воздержалась, какъ и радикалы, отъ выборовъ, а другая, подъ руководствомъ Авакумовича, всецѣло отдалась въ услуженіе Милану. Только для однихъ напредняковъ выборы были совершенно свободны, и при отсутствіи радикаловъ полиціи нетрудно было провести въ скупщину большинство ихъ же адептовъ.

„Впрочемъ, правительство „государственнаго удара“ (переворота) и не могло дѣйствовать иначе; ему нужна была скупщина, которая бы одобрила *coûte que coûte* два позорныхъ для Сербіи дѣла: уничтоженіе конституціи 1888 г. и всѣхъ либеральныхъ учрежденій въ связи съ нею, и нечестную банкротскую конверсію сербскихъ долговъ, которую при настойчивомъ и очень заинтересованномъ посредничествѣ короля Милана заключилъ въ Парижѣ прошлаго декабря нашъ честный министръ финансовъ г. Вукъ Петровичъ. Никакая скупщина, исходящая изъ свободныхъ выборовъ, такого предательства никогда бы не сдѣлала.

„Скупщина по настоянію правительства принялась за работу съ необыкновенною поспѣшностью. Выбранная только 7-го апрѣля, она уже собралась въ Нишѣ 10-го, а 13-го король открылъ засѣданія. Въ тронной рѣчи государственный переворотъ оправдывается избыткомъ фразой—„для успокоенія партійныхъ страстей“; дѣлаются комплименты иностраннымъ дворамъ—даже „двору“ (sic!) президента французской республики—за ласковый пріемъ, который король во

время послѣдняго путешествія по Европѣ находилъ, — и затѣмъ въ концѣ обѣщаются реформы въ скоромъ будущемъ. Вслѣдъ за открытіемъ скупщины, не дожидаясь обсуждения доклада о выборахъ, внесены проекты бюджетовъ за 1895 годъ и о частной конверсіи долговъ.

„Въ адресѣ своемъ скупщина съ мало лестною для Сербіи предупредительностью одобрила уничтоженіе конституціи 1888 королевемъ, но къ удивленію всѣхъ стала въ открытую оппозицію противъ заключенной не честной конверсіи. Уговоръ о конверсіи представляетъ новый 4% заемъ въ 98.000.000 динаровъ (франковъ) по курсу 70% за 75 лѣтъ. Облигаціями этого займа надлежало выкупить четыре 5% займа: поземельный, котораго курсъ 71%; желѣзнодорожный серіи С. съ курсомъ 80%; соляной монополии съ курсомъ at par, и военный 74³/₄%. Всѣ эти старые займы погашаются въ теченіе 40—50, а соляной даже черезъ пять лѣтъ. Радикальному кабинету предлагали конверсію по курсу 83%—значить, на 13% больше—безъ унижительнаго чужого контроля и безъ новыхъ гарантій. Это предложеніе тогда не было принято въ ожиданіи лучшаго момента для конверсіи. Если теперешній министръ финансовъ при посредничествѣ короля Милана могъ принять такія тягостныя и унижительныя для Сербіи условія, то ясно для всѣхъ, что въ этой сомнительной сдѣлкѣ прикрыты личные интересы. Вотъ почему органы печати всѣхъ трехъ партій,—не исключая и напреднацкаго „Budego“,—подняли громко свои протесты противъ такого уговора конверсіи, и скупщина, несмотря на всѣ угрозы бывшаго короля, отвергла 20 апрѣля позорную сдѣлку. Вслѣдствіе такого пораженія министръ финансовъ вышелъ въ отставку, а король Миланъ ускорилъ свой отъѣздъ за границу, куда поспѣшно теперь удалился.

„Съ отъѣздомъ короля Милана изъ Сербіи прекратится ли совмѣстное царствованіе его съ сыномъ—пока неизвѣстно; но извѣстно, что королева Наталія сильно на этомъ настаиваетъ, и что съ этою цѣлью она на дняхъ пріѣзжаетъ въ Бѣлградъ, гдѣ ей готовятъ торжественную встрѣчу. Королева будетъ дѣйствовать въ видахъ примиренія короля съ радикальною партією, и можно надѣяться, что миссія ея, хотя и трудная, все-таки удастся. „Нейтральный режимъ“, оставленный всѣми политическими партіями, потерпѣлъ окончательное фіаско. Для экспериментовъ Милана въ Сербіи нѣтъ больше надежныхъ сотрудниковъ; молодому королю пора возвратиться искренно къ законному порядку, единственно возможному въ демократической Сербіи. Этому настоятельно требуютъ интересы страны и интересъ династіи и престола. Въ заключеніе не могу не обратить вниманія на переимѣну политики русской дипломатіи относительно Сербіи. Какъ

извѣстно, король Миланъ—за извѣстное матеріальное вознагражденіе—далъ обязательство не возвращаться больше въ Сербію. Это обязательство бывший король не исполнилъ, и 9-го января прошлаго года безъ вѣдома министерства и безъ законныхъ причинъ неожиданно явился въ Сербію и сдѣлался неотвѣтственнымъ менторомъ юнаго короля. Здѣшнее русское посольство игнорировало пріѣздъ Милана и не имѣло съ нимъ никакихъ сношеній. Посланникъ русскій, послѣ нѣкотораго времени, получилъ отпускъ на неопредѣленное время. Съ недавняго времени русское посольство вступило опять въ сношенія съ ex-королемъ, а посланникъ при сербскомъ дворѣ вышелъ въ отставку съ пенсією. Говорить, что у насъ рѣшено не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи, и что Россіи все равно, какая партія будетъ у дѣлъ въ Бѣлградѣ; конечно, и намъ ничего больше не желательно какъ невмѣшательство иностранныхъ представителей въ наши внутреннія дѣла. Однако желательно было бы, чтобы тутъ дала искренній примѣръ наша доброжелательная сосѣдка Австро-Венгрія. Иначе равнодушіе Россіи къ происходящему въ Сербіи будетъ идти въ прокъ только нашимъ противникамъ”.

Печально видѣть, какъ хозяйничаютъ надъ бѣднымъ сербскимъ народомъ мелкіе честолюбцы и политиканы, руководимые бывшимъ королемъ Миланомъ. Нашъ почтенный корреспондентъ сильно смягчилъ краски въ своемъ описаніи тѣхъ политическихъ порядковъ или вѣрнѣе непорядковъ, которые установились въ Сербіи. Бывшій король, нѣсколько разъ продававшій за деньги свои королевскія, родительскія и даже гражданскія права, откровенно смотрѣлъ и смотритъ на Сербію, какъ на дойную корову, изъ которой можно безъ конца тянуть обильныя средства на личныя прихоти и фантазіи. Трудно сосчитать тѣ милліоны, какихъ стоилъ уже Миланъ своему народу, и страна до сихъ поръ ничѣмъ не могла откупиться отъ предприимчиваго главы своей національной династіи. Послѣ всѣхъ взимаемыхъ имъ по разнымъ поводамъ контрибуцій, онъ снова и снова требовалъ денегъ, и правительство каждый разъ придумывало способы для его удовлетворенія, несмотря на крайнее разстройство сербскихъ финансовъ. Послѣдняя комбинація, устроенная въ его пользу, можетъ считаться просто гениальною. Къ королю, отрекшемуся отъ престола, примѣнены правила объ отставныхъ чиновникахъ, имѣющихъ право на пенсію соотвѣтственно тому жалованью, какое они получали на службѣ, и на этомъ основаніи рѣшено ему выдавать ежегодно 350 тысячъ франковъ, независимо отъ его родительской доли въ „liste civile“ короля Александра. Сербамъ дорого приходится платить за удовольствіе имѣть такого „отставного“ прави-

толя, какъ Миланъ. Получивъ свою крупную пенсію, онъ опять покинулъ отечество, — но едва-ли надолго. Пенсіи ему не хватитъ, и онъ опять обратится къ своимъ бывшимъ подданнымъ за новыми экстренными капиталами. А сербскіе финансы находятся въ такомъ состояніи, что возникли даже слухи о прекращеніи платежа процентовъ по государственнымъ займамъ. Между тѣмъ такъ называемые консервативные и напредняцкіе политическіе дѣятели серьезно толкуютъ о внутреннемъ умиротвореніи путемъ явныхъ насилій и беззаконій, какъ будто главное зло заключается въ оппозиціи и настроеніи сербскаго общества, а не въ характерѣ и способѣ дѣйствій самого правительства. Конечно, никакая радикальнѣйшая оппозиція не могла бы причинить столько вреда нравственному авторитету династии, какъ многолѣтнее поведеніе Милана и его союзниковъ. Министры безцеремонно „умиротворяютъ“ всѣхъ несогласныхъ съ ними, ссылаясь на необходимость поддержать нравственный престижъ королевскаго дома Обреновичей; но бывший король съ своей стороны сдѣлалъ все возможное для того, чтобы уронить этотъ „престижъ“ въ глазахъ населенія. Эдъсъ-король уѣхалъ изъ Бѣлграда, и послѣ его разнообразныхъ подвиговъ, особенно финансовыхъ, прибытіе его супруги, королевы Наталіи, могло быть встрѣчено народомъ съ искреннимъ сочувствіемъ и воодушевленіемъ. Чтò бы ни говорили о королевѣ Наталіи, но ея безкорыстіе относительно сербскаго казначейства никѣмъ не подвергалось сомнѣнію, и со времени своего удаленія изъ Сербіи она не только не была бременемъ для страны, но въ предѣлахъ возможности употребляла свое вліяніе для противодѣйствія безцеремоннымъ домогательствамъ и требованіямъ Милана. Молодой король, привышій уже подчиняться своему отцу, вынужденъ опять считаться съ противоположнымъ вліяніемъ матери, и это постоянное лавированіе еще болѣе усиливаетъ правительственную неурядицу, которая въ послѣдніе годы возведена какъ будто въ систему.

Наша печать мало слѣдитъ за внутренними обстоятельствами и внѣшними отношеніями Сербіи, предполагая очевидно, что намъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Очень можетъ быть, что дѣйствительно намъ нѣтъ дѣла до сербской неурядицы; но возможно также, что иностранные кредиторы сербскаго королевства, преимущественно австрійцы, примутъ извѣстныя мѣры для охраны своихъ интересовъ и наложатъ свою руку на финансовое управленіе страны, чѣмъ окончательно утвердятъ существующую уже нынѣ экономическую зависимость ея отъ сосѣдней могущественной монархіи. Тогда наши газетные патриоты вспомнятъ, что Сербія все-таки ближе къ намъ, чѣмъ Японія, и поднимутъ свою обычную запоздалую полемику противъ

успѣховъ и посягательствъ Австро-Венгріи. То же самое мы видимъ относительно Болгаріи. Наши газеты неустанно громили болгарскихъ правителей, пока въ Софіи господствовалъ Стамбуловъ, а теперь почти забыли о существованіи княжества, которое такъ долго волновало ихъ своимъ „лже-княземъ“ и лже-министрами. Тѣмъ временемъ австрійское вліяніе все болѣе укрѣпляется въ Болгаріи, не встрѣчая на мѣстѣ никакого противовѣса при отсутствіи русскихъ дипломатическихъ представителей. Предполагаемыя или дѣйствительныя симпатіи болгаръ къ Россіи становятся все болѣе отвлеченными, теоретическими, и неизбежно уступаютъ почву реальнымъ иноземнымъ вліяніямъ и интересамъ. Глава болгарскаго министерства, Стояновъ, сильнѣе прежняго упрочилъ политическія и экономическія связи своего отечества съ Австро-Венгрією, во время своего недавняго пребыванія въ Вѣнѣ, и ничего этого не замѣчаютъ наши усердные патріоты, занятые фантастическими спорами о Корей или Памирѣ. Австрійская ежедневная печать существенно отличается въ этомъ отношеніи отъ нашей: она внимательно слѣдитъ за всѣмъ прісходящимъ въ балканскихъ государствахъ и сознательно поддерживаетъ австрійскіе интересы, не увлекаясь безцѣльными напаками и спорами, способными лишь раздражать населеніе и правителей этихъ государствъ. Австрійцы стараются привлечь, а не отталкивать тѣ небольшія державы, надъ которыми они хотятъ утвердить свое вліяніе, тогда какъ у насъ газеты упражнялись только въ ругательствахъ и напрасныхъ угрозахъ по адресу противниковъ, нисколько не заботясь о сохраненіи старыхъ политическихъ связей и симпатій. Неудивительно поэтому, что русское вліяніе въ Сербіи и Болгаріи не существуетъ на дѣлѣ и едва-ли возстановится въ близкомъ будущемъ. Нельзя ожидать другого результата и въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ на дальнемъ Востокѣ: прежнія дружественныя связи съ Японією едва-ли удержатся, если наши газеты будутъ говорить о японцахъ въ оскорбительномъ и вызывающемъ тонѣ, безъ всякихъ къ тому оснований. Разсуждая о насильственномъ захватѣ Кореи и объ обузданіи японскаго честолюбія, мы всего менѣе можемъ рассчитывать на пріобрѣтеніе одного изъ корейскихъ прибрежныхъ пунктовъ, чтобы имѣть незамерзающій портъ въ Тихомъ океанѣ; а устроить такую сдѣлку было бы вѣроятно не трудно при поддержаніи хорошихъ сосѣдскихъ отношеній съ Японією. Пока мы будемъ злорадно уличать японцевъ въ разныхъ политическихъ прегрѣшеніяхъ, англичане, пожалуй, успѣютъ извлечь реальную выгоду изъ своей новѣйшей дружбы съ страной „восходящаго солнца“, а наши патріоты доставать себѣ обычное свое утѣшеніе жестокими газетными нападеніями на злокозненную Англію,

—нападеніями, отъ которыхъ англичанамъ ни тепло, ни холодно. Старая, постоянно повторяющаяся исторія!

Послѣдовательная, всегда созвучающая свои цѣли и сообразующаяся со средствами иностранная политика, солидарная съ общественнымъ мнѣніемъ, составляетъ издавна характерную особенность и силу Австро-Венгріи. Видный представитель этой сдержанной и въ то же время дѣятельной политики, графъ Кальноки, сошелъ недавно со сцены послѣ четырнадцатилѣтняго управленія вѣшними дѣлами имперіи Габсбурговъ. Рескриптомъ 16 (4) мая императоръ Францъ-Іосифъ выразилъ свое согласіе на его отставку, вызванную враждебнымъ отношеніемъ къ нему венгерскаго правительства и венгерской либеральной партіи. Графъ Кальноки, склонный отчасти къ клерикализму и дорожившій сохраненіемъ традиціонныхъ австрійскихъ связей съ Ватиканомъ, не рѣшался протестовать съ надлежащею энергіею противъ дѣйствій и рѣчей папскаго нунція, монсиньора Альярди, во время его побѣдки по Венгріи, когда онъ открыто выступалъ противъ церковно-политическихъ законовъ и проектовъ мадьярскаго правительства. Вѣшательство папскаго нунція во внутреннія дѣла Венгріи тѣмъ болѣе раздражало мадьяръ, что у нихъ есть свой представитель римской церкви, князь-примась, которому одному только принадлежало бы право поднимать голосъ противъ тѣхъ или другихъ мѣръ венгерской государственной власти. Глава мадьярскаго кабинета, баронъ Банфи, потребовалъ отъ графа Кальноки, какъ общаго министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы сдѣланы были нужныя представленія Ватикану о неумѣстности усердія, обнаруженнаго монсиньоромъ Альярди, и графъ Кальноки обѣщалъ исполнить это законное желаніе своего венгерскаго коллеги, но не особенно торопился съ исполненіемъ. Черезъ нѣсколько дней мадьярскій министръ-президентъ счелъ себя вправе публично заявить въ парламентѣ, что представленія Ватикану уже сдѣланы, и этимъ навлекъ на себя довольно рѣзкое опроверженіе со стороны официознаго дипломатическаго органа графа Кальноки въ Вѣнѣ. Неожиданно разыгрался формальный конфликтъ между общимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и правительствомъ одной изъ половинъ имперіи; и въ виду господствовавшаго въ Венгріи настроенія графъ Кальноки предпочелъ выйти въ отставку, несмотря на старанія императора окончить кризисъ миролюбивымъ соглашеніемъ. Либеральный венгерскій кабинетъ одержалъ крупную побѣду, добившись паденія такого выдающагося и вліятельнаго дѣятеля, какъ графъ Кальноки; но вѣшняя политика Австро-Венгріи едва-ли измѣнится отъ этой перемены лицъ. Преемникомъ графа Кальноки назначенъ его единомышленникъ и послѣдователь, бывший посланникомъ въ Бухарестѣ, графъ Агеноръ

Голуховскій, не менѣе, если не болѣе, связанный съ клерикалами и съ консервативною австрійскою аристократіею. Польская національность новаго министра имѣетъ также свое значеніе при той значительной роли, какую играетъ польскій элементъ въ современной австрійской монархіи. По словамъ вѣнскихъ газетъ, графъ Голуховскій былъ рекомендованъ императору самимъ графомъ Кальноки, и эта рекомендація сама по себѣ заставляетъ думать, что выборъ сдѣланъ удачно. Графъ Кальноки долго дѣйствовалъ подѣ влияніемъ и отчасти руководствомъ князя Бисмарка; онъ много способствовалъ упроченію союза съ Германіею, устроилъ союзъ съ Италіею и умѣлъ соединить осторожность и миролюбіе съ настойчивымъ преслѣдованіемъ опредѣленныхъ положительныхъ цѣлей, особенно на Балканскомъ полуостровѣ. Преемнику остается только идти по проторенной дорогѣ, и только успѣшнаго продолженія прежней политики ждутъ отъ графа Голуховскаго австрійскія газеты.

Въ Германіи настало политическое затишье: засѣданія имперскаго сейма закрылись 24 (12) мая послѣ шумной, но довольно безплодной сессіи. Законопроектъ о мѣрахъ противъ разрушительныхъ партій, служившій главнымъ предметомъ политической борьбы въ парламентѣ и въ печати, являлся торжественно въ засѣданіи 11 мая (нов. ст.), несмотря на поддержку правительства. Экономическіе и финансовыя проекты, принятые имперскимъ сеймомъ, представляютъ мало общаго интереса; они не удовлетворили ни аграріевъ, ни прогрессистовъ и оставили вообще неопредѣленное, смутное впечатлѣніе въ нѣмецкой печати. Симптомы предстоящаго министерскаго кризиса выступаютъ все болѣе ясно, и многія даже вполне умѣренные газеты рѣшительно указываютъ на необходимость замѣнить нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, барона Келлера, болѣе способнымъ и тактичнымъ государственнымъ человекомъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1895 г.

— Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1896.

Настоящая книга составляетъ введеніе къ будущей полной біографіи Я. К. Грота и къ изданію его переписки и бумагъ; она дастъ также общее понятіе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ тѣмъ, кто его лично не зналъ. Главную часть книги составляетъ автобіографія, написанная Гротомъ въ 1852 для его задушевнаго друга, Плетнева, и продолженная послѣ отдѣльными отрывками до 1878 года. Далѣе, помѣщены здѣсь „Случайныя замѣтки и мысли“, относящіяся къ сороковымъ годамъ; рядъ стихотвореній съ 1837 до 1878 года, также имѣющихъ отношеніе къ біографіи; „Мысли, посвященныя въ Богѣ почившему государю наследнику Николаю Александровичу“ (въ день его совершенвольтія); „Изъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ жизни Я. К. Грота“, Нат. Петр. Гротъ. Въ приложеніяхъ помѣщены нѣкоторые документы, относящіеся къ юбилеямъ 1882 и 1892 г. и къ 80-лѣтію Я. К. Грота 15-го декабря 1892; наконецъ, библиографическій списокъ его сочиненій, переводовъ и изданій.

Полная біографія Я. К. Грота еще впереди, какъ и (приготовляемое) изданіе его переписки; но и настоящая книга представляетъ чрезвычайно любопытныя черты его характера и дѣятельности. Дѣдъ Грота — протестантскій пасторъ, уроженецъ Голштиніи — пріѣхалъ въ Россію, по словамъ автобіографіи, въ 1760, при Петрѣ III, за два года до воцаренія Екатерины II (точнѣе, вѣроятно: въ концѣ царствованія импер. Елизаветы). По обычаю протестантскихъ духовныхъ лицъ, это былъ человѣкъ ученый, и Шлѣцеръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, которому былъ много обязанъ; особенная дружба связывала ученаго пастора съ Эйлеромъ. Почетное положеніе пастора было поводомъ, что сынъ его Карлъ избранъ былъ (еще при Екатеринѣ) въ число тѣхъ молодыхъ людей,

которые во время малолѣтства в. кн. Александра Павловича были призываемы во дворъ для практическаго упражненія великихъ князей въ иностранныхъ языкахъ. Это обстоятельство помогло впоследствии принятію Я. К. (который рано потерялъ отца) въ царскосельской лицей... Мать Я. К. была по происхожденію нѣмка, „но любила все русское и, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала насъ, дѣтей, въ любви къ русскому языку и народу, въ обязанности и благодарности къ Россіи. И она раздѣляла мысль отца, что первый языкъ дѣтей ихъ долженъ быть русскій; но и французскій и нѣмецкій мы усвоили себѣ въ ранніе годы, незамѣтно, въ семейномъ кругу, такъ что мнѣ трудно припомнить, которому изъ нихъ я научился прежде“. Гротъ рассказываетъ, что самъ онъ также считалъ себя не иначе какъ русскимъ и только поздѣе, когда ближе позналъ значеніе нѣмецкой литературы, сталъ цѣнить свое нѣмецкое происхожденіе. Въ лицей онъ шелъ въ своемъ классѣ первымъ, что приписывалъ не столько прилежанію, сколько понятливости; но видно въ то же время, что онъ весьма усидчиво работалъ надъ тѣмъ, что его самого особенно занимало: главнымъ образомъ это были языки. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго, извѣстныхъ съ дѣтства, онъ рано овладѣлъ итальянскимъ, англійскимъ, латинскимъ, поздѣе греческимъ, шведскимъ, наконецъ славянскими нарѣчіями. Въ лицей живо было Пушкинское преданіе и продолжали держаться литературные интересы: Гротъ рассказываетъ, съ какимъ восторгомъ питомцы лицея (самъ онъ былъ тогда еще мальчикомъ) встрѣтили Пушкина, когда онъ однажды пріѣхалъ въ Царское Село взглянуть на лицей.

Свою службу Гротъ началъ въ канцеляріи комитета министровъ, но канцелярскія занятія уже вскорѣ стали его тяготить и, напротивъ, все сильнѣе развивались въ немъ литературные интересы и потребность научнаго труда. Тѣмъ временемъ онъ познакомился съ Плетневымъ и чрезъ него съ Жуковскимъ, который одобрилъ его литературные труды. Кончилось тѣмъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ Гротъ покинулъ свою службу, которая открывала ему въ будущемъ блестящую карьеру, и принялъ мѣсто профессора русской словесности и исторіи въ Гельсингфорсскомъ университетѣ; товарищи и знакомые были крайне изумлены этимъ рѣшеніемъ, которое, по ихъ мнѣнію, было крайнимъ неблагоразуміемъ; прошелъ даже слухъ, что онъ сошелъ съ ума... Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Гельсингфорсѣ, гдѣ Гротъ между прочимъ ревностно изучалъ скандинавскую литературу, онъ вернулся опять въ Петербургъ, гдѣ назначенъ былъ преподавателемъ къ молодымъ великимъ князьямъ, покойному наслѣднику Николаю Александровичу и его брату, впоследствии императору Александру III. Вмѣстѣ съ этимъ Гротъ принялъ службу въ Александров-

скомъ лицѣ и наконецъ сталъ членомъ русскаго отдѣленія Академіи наукъ, гдѣ окончательно установилась ему достаточно извѣстная ученая дѣятельность.

Я. К. Гротъ былъ своеобразный характеръ, кажется намъ, рѣдкій въ русскомъ обществѣ. Было и есть не мало достойныхъ людей въ общественной жизни, въ мірѣ науки и литературы, но Гротъ и между ними былъ бы нѣкоторымъ исключеніемъ. Если будущій биографъ поставитъ вопросъ о томъ, какъ образовался этотъ характеръ, ему, быть можетъ, придетъ мысль о наслѣдственности—если не отъ отца, о которомъ мы пока ничего не знаемъ, то отъ дѣда. На всей его жизни лежитъ печать какъ бы унаслѣдованнаго культурнаго характера, какимъ издавна отличалась нѣмецкая семья: какъ дѣдъ, онъ былъ религіозенъ; какъ дѣдъ былъ авторомъ замѣчательныхъ духовныхъ писаній, „изъ которыхъ многія до сихъ поръ поются въ протестантскихъ церквахъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ съ научными интересами, такъ повсюду внука всегда направлена была къ лучшимъ движеніямъ чувства, къ возвышеннымъ вопросамъ нравственности, и научные интересы у него, еще молодого человѣка, взяли верхъ надъ перспективою блестящей карьеры въ такое время, когда на ученую дѣятельность смотрѣли просто съ пренебреженіемъ (Гротъ рассказываетъ о томъ времени, когда онъ рѣшилъ покинуть службу при комитетѣ министровъ: „Тогдашній директоръ департамента *народнаго просвѣщенія* (В. Д. Комовскій), братъ моего лицейскаго товарища, замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и что, конечно, я со временемъ раскаяюсь въ томъ, что дѣлаю“). Свидѣтельствомъ его внутренней нравственной жизни остались любопытныя замѣтки сороковыхъ годовъ, помѣщенныя въ настоящей книгѣ: эти замѣтки указываютъ на постоянное нравственное самонаблюденіе; онъ ставитъ въ нихъ задачи и для своихъ научныхъ занятій, и для своихъ нравственныхъ отношеній съ людьми,—и тѣмъ, кто зналъ его, не трудно видѣть, что онъ дѣйствительно исполнялъ тѣ правила, надъ выработкой которыхъ онъ сталъ думать конечно еще ранѣе сороковыхъ годовъ. Другое, не менѣе замѣчательное свидѣтельство о его внутреннемъ нравственномъ мірѣ представляютъ „мысли“, собранныя въ альбомѣ, который поднесенъ былъ Гротомъ наслѣднику цесаревичу, когда онъ вступилъ въ совершеннолѣтіе въ 1859 году. Альбомъ открывается молитвой (въ стихахъ) и далѣе заключаетъ слѣдующія статьи: „Особенность Вашего положенія; Время летитъ; Правдивость; Минутный призракъ, жизнь земная (стихотвореніе); О значеніи Русской Исторіи; О любви народа къ Монарху; Зачѣмъ учиться; Чѣмъ пріобрѣтается общая любовь; Всегда впередъ; Какъ узнать правду“.

Нѣсколько примѣровъ дадутъ понятіе о высокомъ стрѣи мысли, съ которымъ Гротъ относился къ дѣлу своего преподаванія.

Въ статьѣ о любви народа къ Монарху онъ говоритъ: „Зачѣмъ Монарху заботиться о томъ, чтобы его любили? Онъ стоитъ такъ высоко, онъ такъ могущественъ, что ему и безъ того должны оказывать всѣ знаки любви и благоговѣнія, а какое ему дѣло до того, что люди при этомъ думаютъ и чувствуютъ въ душѣ?“

„Но если Государь хочетъ жить для блага и счастья людей, то не можетъ не желать, чтобы его любили искренно, ибо нелюбовь къ Монарху есть уже несчастье для народа.“

„Въ любви выражается единство мыслей, чувствъ, желаній и стремленій съ обѣихъ сторонъ; но каково же положеніе страны, въ которой Государь и народъ думаютъ иначе, желаютъ разнаго, стремятся къ различнымъ цѣлямъ?“

„Государь и народъ должны составлять одно. Нѣтъ на землѣ союза величественнѣе и важнѣе этого, потому что отъ него зависитъ благодѣнствіе милліоновъ; но нѣтъ также союза могущественнѣе, потому что онъ ведетъ государства къ величію и славѣ. Вѣчная хвала тому Государю, который понялъ это, который счастье своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній...“

„Нелюбовь народа къ Государю печальна не только сама по себѣ; она доказываетъ, что и Государь не любитъ народа, ибо любовь приобрѣтается любовью же. Она доказываетъ, что Государь мало думалъ о своемъ народѣ, мало его изучалъ, не понялъ его нуждъ, однимъ словомъ, не узналъ и не оцѣнилъ его; но она доказываетъ также, что онъ не возлюбилъ выше всего правды и добра, потому что народу всегда дорогъ Государь, которому они священны.“

„Съ любовью народа бремя правленія легко даже въ тяжкія времена, и самыя трудныя обстоятельства можно переносить бодро, опираясь на любовь народную“...“

Въ статьѣ: „Къ чему учиться“, Гротъ объясняетъ необходимость для человѣка познаній, и въ особенности: „чѣмъ выше роль, которая предназначена человѣку, тѣмъ ему нужнѣе приобрѣсти заблаговременно многообразныя и особенно основательныя познанія... Чѣмъ болѣе кто знаетъ, тѣмъ менѣе онъ стѣсненъ въ естественныхъ границахъ своего ума, тѣмъ шире будетъ и взглядъ его на жизнь. Человѣкъ, которому предстоитъ обширный и высокій кругъ дѣйствія, будетъ тѣмъ менѣе зависѣть отъ другихъ, чѣмъ богаче будетъ запасъ его собственныхъ свѣденій, потому что при недостаточныхъ и нетвердыхъ познаніяхъ онъ долженъ будетъ слишкомъ много довѣрять другимъ“... „Лучшее доказательство важности многостороннихъ по-

знаній находимъ мы въ любовательности великихъ людей. Отчего Петръ Великій съ дѣтства побуждаемъ былъ неудержимой страстью къ учению? Оттого, что онъ гонимъ своимъ бессознательно постигаль необходимость познаній для простора своихъ способностей и дѣлъ. Кому же сама природа не вложила въ душу столь могучаго стремленія, тотъ пусть старается убѣдить себя всѣми доводами разума, что познанія для жизни необходимы и тѣмъ необходимѣе, чѣмъ жизнь будетъ сложнѣе въ своемъ составѣ и выше въ своей сферѣ.

Въ статьѣ: „Чѣмъ пріобрѣтается общая любовь“, Гротъ объясняетъ: „Чтобы внушать любовь, необходимѣе всего теплое сердце“... „О, какъ привѣтливость прістала каждому человѣку, какъ она краситъ сильнаго и высокопоставленнаго! Но въ особенности какъ она къ лицу юношѣ! Какъ прискорбно видѣть, когда человѣкъ въ возрастѣ пылкихъ и благородныхъ порывовъ надѣваетъ на себя маску расчетанной холодности и даже въ выраженіи своихъ чувствъ къ самымъ близкимъ лицамъ сдерживается соображеніемъ разныхъ внѣшнихъ отношеній“... „Другое необходимое условіе для пріобрѣтенія любви есть чистота намѣреній и прямодушіе дѣйствій. Нужно, чтобъ все, что исходитъ отъ насъ, было внушаемо одною справедливостью, однимъ желаніемъ истиннаго блага. Если же въ поступкахъ нашихъ будутъ выражаться мелкіе расчеты самолюбія или другихъ личныхъ побужденій, то неминуемо поколеблется уваженіе и довѣріе къ намъ. Чтобы сдѣлаться въ полной мѣрѣ любимымъ, не довольно быть добрымъ и любящимъ, надо быть сверхъ того въ высшей степени благомыслящимъ и искренно великодушнымъ“.

Въ статьѣ: „Всегда вперед“, Гротъ объясняетъ, что потребность самоусовершенствованія есть необходимое условіе всякаго величія и даже всякаго истиннаго достоинства. Всѣхъ людей въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на двѣ категоріи: „Одну составляютъ люди, постоянно стремящіеся впередъ, чувствующіе потребность въ самоусовершенствованіи и болѣе или менѣе удовлетворяющіе ей; къ другой принадлежатъ тѣ, которые успокоились на известной достигнутой ими степени развитія и, по непреложному закону духовнаго міра, не подвигаясь далѣе, идутъ назадъ“. Но пусть самоусовершенствованіе будетъ высшимъ честолюбіемъ всякаго истинно просвѣщеннаго человѣка. „Чѣмъ выше будетъ его гражданское положеніе, чѣмъ обширнѣе его кругъ дѣйствія, тѣмъ этотъ девизъ будетъ знаменательнѣе: ибо, стремясь впередъ въ своемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ, такой человѣкъ не можетъ не проявить своихъ успѣховъ дѣлами. Такимъ образомъ онъ въ своемъ движеніи будетъ увлекать за собою всю ту массу общества, на которую простирается его вліяніе“.

Наконецъ въ статьѣ: „Какъ узнавать правду“ Гротъ указываетъ,

что чѣмъ обширнѣе дѣятельность человѣка, тѣмъ больше онъ долженъ дорожить умѣньемъ узнавать правду, потому что только это правильно поставитъ и его собственную дѣятельность. Чтобы научиться узнавать правду, нужно прежде всего искреннее желаніе знать ее. Для людей высоко стоящихъ узнать правду бываетъ особенно трудно, и причина этого заключается въ томъ, „что они по большей части сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ знаній и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ“. „Такъ какъ,—продолжаетъ Гротъ,—не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что несогласно съ ихъ собственной выгодой. Итакъ, человѣкъ высоко стоящій находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающіеся удалить отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза“.

Такимъ образомъ главное средство узнавать истину состоитъ въ томъ, чтобы „не гнушаться общенія съ людьми гораздо ниже насъ стоящими“: „часто немногія слова, обмѣненные съ такимъ человекомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія“. Онъ приводитъ въ примѣръ Петра Великаго, Екатерину II, Генриха IV, Фридриха II. „И не должно думать,—заключаетъ Гротъ,—чтобы такая доступность и вообще снисходительность въ сношеніяхъ съ нашими могла сколько-нибудь вредить сильнымъ въ должномъ къ нимъ уваженіи. Напротивъ, доступностью приобрѣтается общее сочувствіе и довѣріе, потому что она свидѣтельствуетъ о любви къ ближнему и вниманіи къ его нуждамъ. Сильнаго человѣка любить тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ доступнѣе и привѣтливѣе; въ этомъ заключается тайна дѣйствительной и прочной власти, а вмѣстѣ и тайна все видѣть и знать и доходить до сокровеннѣйшей правды. А что можетъ быть дороже правды для того, кто облеченъ властію и желаетъ добра? Зачѣмъ и власть, если не для содѣйствія торжеству правды на землѣ?“

Читатель оцѣнитъ высокое нравственное чувство, внушившее эти строки: въ ряду многочисленныхъ трудовъ Грота онѣ займутъ почетное мѣсто, какъ прекрасное свидѣтельство достойнаго характера, отличавшаго его дѣятельность.

— Памяти Николая Саввича Тихонравова. Императорское Московское Археологическое Общество и Общество Любителей Россійской Словесности. М. 1894. (4^о, съ портретомъ).

Эта книга дошла до насъ только теперь и мы не встрѣчали ея въ книгопродавческихъ извѣщеніяхъ: упоминаемъ объ этомъ потому, что если бы выходъ въ свѣтъ этой книги былъ оповѣщенъ раньше, безъ всякаго сомнѣнія она заинтересовала бы очень многихъ, кому близки вопросы нашей исторіи, этнографіи и особливо исторіи литературы и кто желалъ бы ближе ознакомиться съ дѣятельностію такого большого ученаго, каковымъ былъ Н. С. Тихонравовъ. Эта книга, почти цѣлый томъ, есть достойная дань памяти Тихонравова, принесенная его друзьями, товарищами и учениками. Это сборникъ многочисленныхъ статей, составляющихъ воспоминанія, очерки различныхъ сторонъ ученой, педагогической и общественной дѣятельности Тихонравова, наконецъ подробный обзоръ его научно-литературныхъ трудовъ. Тихонравовъ былъ одинъ изъ первыхъ начинателей и первостепенныхъ дѣятелей въ той новой области историко-литературныхъ изученій, которыя въ старую раму исторіи литературы ввели цѣлый особый міръ произведеній народнаго творчества и заброшенной ранѣе письменности. Онъ былъ замѣчательный профессоръ, образовавшій цѣлую школу учениковъ, слѣдующихъ по его стопамъ и успѣвшихъ обогатить нашу ученую литературу важными изслѣдованіями о книжной и народно-поэтической дѣятельности старины. Онъ былъ педагогъ и ему принадлежатъ немалыя заслуги въ вопросахъ средняго образованія. Одно время онъ былъ ректоромъ Московскаго университета и здѣсь оставилъ по себѣ почетную память стойкимъ служеніемъ интересамъ науки и университета. Нѣкогда онъ много работалъ по устройству и руководству московскихъ воскресныхъ школъ. Онъ былъ богатый знаніями ученый, указаніями котораго дорожили специалисты, и наконецъ замѣчательный собиратель, сумѣвшій отыскать и сохранить для науки множество важныхъ и рѣдкихъ памятниковъ старой письменности, особливо памятниковъ книжно-народныхъ. Всѣ эти стороны дѣятельности Тихонравова нашли себѣ оцѣнку въ настоящемъ сборникѣ, изданномъ двумя московскими учеными обществами и гдѣ соединились труды его друзей, товарищей и учениковъ, хорошо знающихъ его ученые труды и близко стоявшихъ къ нему лично. Мы находимъ здѣсь слѣдующія статьи: рѣчи въ память Тихонравова—Н. И. Стороженка въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности и А. С. Павлова въ засѣданіи славянской коммисіи при московскомъ археологическомъ Обществѣ; воспоминанія

Алексѣя Н. Веселовскаго; рассказы С. Н. В — аго и А. Е. Грузинскаго о дѣятельности Тихонравова въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ (въ первое время его службы), въ воскресныхъ школахъ при первомъ ихъ возникновеніи и въ средней школѣ; М. Н. Сперанскій, ученикъ Тихонравова за послѣднее время, изображаетъ его какъ профессора; Н. И. Аммонъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣденій объ его цѣлой преподавательской и ученой дѣятельности; статья А. Д. Карнѣева: „Университетскія чтенія Н. С. Тихонравова въ связи съ его научно-литературными идеалами“, даетъ чрезвычайно любопытную характеристику приемовъ его ученой работы, какъ и статья М. И. Соколова объ его трудахъ по изданію памятниковъ литературы; В. И. Шенровъ далъ подробное объясненіе трудовъ Тихонравова по изданію Гоголя; С. О. Долговъ сообщилъ нѣсколько біографическихъ данныхъ; В. И. Сизовъ рассказываетъ о Тихонравовѣ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ; наконецъ Д. Д. Языковъ составилъ очеркъ его ученой литературной дѣятельности въ подробныхъ бібліографическихъ данныхъ и указатель статей о Тихонравовѣ.

Съ трудами Тихонравова, который самостоятельно повелъ далѣе возбужденія, полученныя отъ своего достойнаго учителя, Ѳ. И. Буслаява, и уже вскорѣ развилъ цѣлую систему широкихъ историко-литературныхъ изученій, съ этими трудами связанъ сильный поворотъ во всей постановкѣ изученія исторіи нашей литературы, и тѣ разностороннія объясненія его дѣятельности, какія даны теперь его товарищами и учениками, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно интересный матеріалъ для исторіи нашей науки. Его интересы, какъ изслѣдователя, обнимали самыя разнообразныя и далекіе одинъ отъ другаго вопросы нашей литературной исторіи отъ ея старѣйшихъ памятниковъ до Гоголя. Одинъ изъ его учениковъ какъ будто считаетъ несправедливостью къ Тихонравову замѣчаніе, сдѣланное въ нѣкоторыхъ некрологахъ, что онъ „не оставилъ ни одной широкой цѣльной работы“, „не оставилъ печатныхъ трудовъ общаго характера“; но эти отзывы совершенно понятны, когда вслѣдъ затѣмъ говорится, что лекціи Тихонравова „остались при его жизни ненапечатанными и лежать доселѣ въ разрозненныхъ тетрадяхъ“ (стр. 68). Другой изъ учениковъ Тихонравова, изображавшій его какъ профессора, замѣчаетъ опять, что оцѣнка трудовъ, оставшихся въ его бумагахъ, составляетъ еще дѣло будущаго (стр. 56). Относительно этихъ трудовъ и особенно относительно университетскаго курса давно уже были высказаны желанія, чтобы они были изданы: какъ стоитъ это дѣло, мы и теперь не узнаемъ съ точностію; только въ воспоминаніяхъ Алексѣя Н. Веселовскаго мы читаемъ: „когда группѣ младшихъ учениковъ Н. С., взявшихъ на себя трудъ пересмотрѣть и издать

оставшіяся въ рукописи или корректурѣ сочиненія учителя, удастся выполнить это дѣло, мы узнаемъ еще болѣе примѣчательнаго *меморіала* Тихонравова. Чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше" (стр. 14).

— Иванъ Щегловъ. О народномъ театрѣ. М. 1896.

Второе подробное заглавіе указываетъ слѣдующія статьи: Жанъ-Жакъ Руссо о театральныя зрѣлищахъ.—На Варгунинскомъ народномъ гуляньи.—Письмо Льва Толстого о народномъ театрѣ.—Василеостровскій театръ для рабочихъ.—Какія пьесы нравятся народу.—Въ защиту мелодрамы. Пьесы „мизирныя“ и классическія.—О простотѣ обстановки.—Народный театръ въ Москвѣ.—Простонародныя фарсы и слово Достоевскаго.

Книжка г. Щеглова интересна вдвойнѣ: во-первыхъ, авторъ рассказываетъ о тѣхъ попыткахъ народнаго театра, какія дѣлались и дѣлаются въ настоящее время и, во-вторыхъ, онъ даетъ не мало полезныхъ совѣтовъ тѣмъ, кто беретъ на себя устройство народной сцены. Въ предисловіи авторъ указываетъ за послѣднее время „благодѣтельные признаки возрожденія нашего народнаго театра“, гдѣ первое мѣсто принадлежитъ Петербургу; таковы: народный театръ братьевъ Варгунинныхъ, другія болѣе скромныя предпріятія этого рода въ фабричныхъ мѣстностяхъ за Нарвской заставой, на Выборгской сторонѣ, на Охтѣ; любительскіе спектакли Общества трезвости, наконецъ, извѣстный Василеостровскій театръ; въ Москвѣ театръ „Скоморохъ“, народныя спектакли на фабрикахъ московской и владимірской губерніи, въ Ярославлѣ и т. д. „Очевидно, — говоритъ г. Щегловъ, — что гг. фабриканты и педагоги, трезвенники и народники, вольные и невольные народныя опекуны—всѣ, въ концѣ концовъ приходятъ къ тому самому выводу, къ которому давно пришли всѣ благомыслящіе врачи-гигіенисты, не разъ уже проповѣдывавшіе, что, откидая у народа кабаки и алкоголь, необходимо дать ему взамѣнъ, въ качествѣ такъ сказать „психическаго противовѣса“, извѣстное количество развлеченій, въ ряду которыхъ „народный театръ“ является само собою однимъ изъ достойнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ факторовъ“. Г. Щегловъ припомнилъ еще, что приближается сто-тридцатая годовщина нашего народнаго театра и по всѣмъ этимъ соображеніямъ счелъ не лишнимъ собрать свои замѣтки о народномъ театрѣ, появившіяся въ разное время въ журналахъ. „Набросанныя подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и пережитаго, затрогивающія по силѣ возможности коренныя положенія вопроса и зацѣпляющія мноюходомъ сбуд-

ный матеріалъ, найденный по этой части на русскомъ языкѣ,—замѣтки эти, быть можетъ, помогутъ неопытному, но искреннему ревнителю народнаго театра уберечься во-время отъ тѣхъ предвзятыхъ и вредныхъ взглядовъ на задачи народнаго театра, которые уже успѣли посѣять на этой неводѣланной почвѣ—педагогическая рутина, антрепренерская корысть и общественное лицемеріе! И дѣйствительно, эти замѣтки могутъ весьма помочь искреннему, но неопытному ревнителю народнаго театра, потому что наглядными примѣрами объясняютъ, чѣмъ должна бы быть народная сцена (хотя бы въ современномъ состояніи нашего репертуара). Очевидно, что народный театръ представляетъ свои особныя условія и требованія, долженъ сообразоваться со степенью пониманія и настроеніемъ своей публики, долженъ представлять для нея извѣстный идеальный интересъ; онъ не долженъ быть, напримѣръ, ни слишкомъ грубымъ фарсомъ, ни слишкомъ грубымъ поученіемъ, не долженъ превышать простого бытового пониманія; для народной сцены иногда были бы совсѣмъ непригодны пьесы изъ самаго народнаго быта, хотя бы могли быть весьма пригодны для публики другого круга и т. д. Г. Щеголовъ приводитъ нѣсколько очень странныхъ примѣровъ неумѣнья выбрать матеріалъ для народнаго спектакля, неумѣнья, доходящаго иногда до крайнихъ предѣловъ или вслѣдствіе неумѣтнаго желанія поучать, къ которому народная публика относится обыкновенно недоувѣрчиво или съ недоумѣніемъ, или вслѣдствіе желанія поддѣлываться подъ мнимо-народный тонъ и т. п. Возьмемъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Однажды авторъ попалъ на спектакль Общества трезвости, гдѣ давалась драма Карпова „Тяжелая доля“.

„Я рѣшительно сталъ втункиъ передъ такимъ выборомъ для народнаго развлеченія... Нѣтъ спора, что мужицкая драма Карпова, удостоенная преміи Вучича, написана весьма недурно и, несмотря на свою „мизерную“ гражданскую мораль, можетъ съ успѣхомъ даваться на Александринскомъ и Маломъ театрахъ; но давать ее для народа, да еще для начала развлеченій, это прямо-таки негѣпо, чтобы не сказать хуже... Подумайте, въ продолженіе всѣхъ четырехъ актовъ пьесы, на сценѣ пьянствуютъ, ругаются, ссорятся, и, въ заключеніе, происходитъ убійство пьянымъ мужемъ провинившейся жены! Я ставлю себя на мѣсто зрителя-рабочаго, представляю, какое необычайное удовольствіе доставили бы мнѣ господа трезвенники, наполнивъ мой воскресный досугъ лицезрѣніемъ драмы г. Карпова... Вѣдь чтѣ видитъ такой зритель-рабочій въ продолженіе недѣли въ своемъ грязномъ рабочемъ кварталѣ? Брань, ссоры, пьянство, подчасъ самую звѣрскую расправу. И вотъ, въ воскресенье, онъ чистится, моется и отправляется въ ближайшую дешевую „чайную“, располагая пове-

селиться отъ души... Недурное веселье! Его поятъ жидкимъ чаемъ и угощаютъ пьесой съ жидкою моралью, благодаря чему онъ видитъ на сценѣ все то же, что опротивѣло такъ ему за недѣлю,—то же пьянство, тѣ же ссоры, ту же ругань,—словомъ, почти ту же безотраднѣйшую картину, отъ которой онъ ушелъ отдохнуть. Скажите на милость, развѣ это не возмутительнѣйшее издѣвательство надъ бѣднякомъ-рабочимъ, хотя бы и подъ флагомъ трезвенности?.. И неужели же никому изъ господъ распорядителей не пришло въ голову, что въ настоящемъ случаѣ Анатолий Дуровъ со своими крысами былъ бы болѣе у мѣста, чѣмъ Евтихій Карповъ со своими гражданскими идеями?!... Можно ли, скажите, послѣ того обвинять такого рабочаго, если онъ махнетъ рукой на господскую затѣю и, не досмотрѣвъ пьесы до конца, отправится въ сосѣдній кабакъ запить свою истиннѣ „тяжкую долю“ (стр. 145—146)?“

Подобныхъ замѣтокъ не мало въ книжкѣ г. Щеглова и онѣ, безъ сомнѣнія, могутъ быть весьма поучительныя для лицъ, которые берутъ на себя устройство народной сцены.

Но не все намъ нравится въ книжкѣ г. Щеглова. Иногда онъ слишкомъ быстръ въ своихъ сужденіяхъ и особливо осужденіяхъ. Очевидно, между прочимъ изъ примѣровъ имъ самимъ приводимыхъ, что вопросъ о народномъ театрѣ есть вопросъ очень сложный, быть можетъ болѣе сложный, чѣмъ представляется г. Щеглову. Прежде всего народная публика далеко не однородна: на разныхъ ступеняхъ грамотности или безграмотства, умственнаго развитія, жизненнаго опыта, должна быть весьма различная степень доступности для нея того или другого репертуара, и невозможно подвести подъ какой-нибудь одинъ уровень тѣ требованія, которымъ должна бы удовлетворять народная сцена. Драматическая пьеса есть тоже что книга, и если ревнители народной литературы предпринимали цѣлые обширные (и заслуживающіе всякаго уваженія) труды для того, чтобы выяснить: „что читать народу?“, то совершенно такимъ же образомъ можно поставить вопросъ: что играть для народа? Исслѣдователи перваго вопроса при всѣхъ стараніяхъ рѣшить его приходили къ разнорѣчивымъ сужденіямъ о томъ, насколько доступны народу, напр., Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ и т. д. Очевидно, какъ бы ни хотѣлось намъ, чтобы эти писатели стали не только „національными“, но и „народными“, очень многое изъ нихъ будетъ для народа совершенно недоступно, потому что для пониманія ихъ требуется степень образованія, которой въ среднемъ народномъ уровнѣ нѣтъ, и это многое будетъ или совсѣмъ не понято, или понято, какъ говорится, съ пятого на десятое. Съ большей увѣренностью можно бы говорить о народномъ театрѣ, еслибы у насъ была—

пока еще далеко не достижимая—всеобщая обязательная грамотность, которая по крайней мѣрѣ ознакомила бы народную публику съ литературнымъ языкомъ и сообщила извѣстныя знанія. Пока этого нѣтъ, вопросъ о народной сценѣ остается очень труднымъ, и весьма понятно, что люди неопытные дѣлаютъ ошибки при выборѣ пьесъ для народа, какъ приводитъ этому примѣры г. Щегловъ. Ошибки конечно слѣдовало указать, можно даже негодовать, когда онѣ слишкомъ грубы, но мы думаемъ, что если самъ авторъ признаетъ у многихъ ревнителей народнаго театра побужденія благожелательныя, то справедливо было бы отнестись и къ ихъ ошибкамъ благожелательно, а не злобно. Къ сожалѣнію, нѣчто подобное послѣднему можно найти въ отзывахъ нашего автора о „педагогахъ“, „трезвенникахъ“ и иныхъ почтенныхъ лицахъ, которыя брали на себя заботу о народномъ театрѣ, но иногда по недостаточной обдуманности ошибались: вѣдь эти люди могли бы и совсѣмъ не брать на себя такой общественной заботы и трудъ ихъ во всякомъ случаѣ имѣетъ право на признаніе; ихъ ошибки могутъ быть исправлены, а ихъ вѣрныя мысли могутъ послужить съ пользою для будущаго.

Приведемъ одинъ примѣръ строгихъ сужденій нашего автора. Г. Щегловъ начинаетъ свою книжку разсказомъ о своемъ знакомствѣ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ съ однимъ господиномъ, очень добродушнымъ, но „ограниченнымъ и грубоватымъ“. Знакомство шло, но однажды г. Щеглову случилось взять съ собой на прогулку книгу — „Гамбургскую Драматургію“ Лессинга (въ русскомъ переводѣ). Знакомецъ заглянулъ на заглавіе, подозрительно покосившись на г. Щеглова; „потомъ онъ вдругъ круто всталъ, объявилъ, что ему пора пить какой-то источникъ... и съ тѣхъ поръ пересталъ со мной кланяться“. Очевидно, авторъ встрѣтился съ человѣкомъ, можетъ быть, добродушнымъ, но совершенно невѣжественнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ: „Какъ ни страннымъ покажется вамъ сопоставленіе, но совсѣмъ нѣчто подобное произошло со мной весной нынѣшняго года въ засѣданіи одной очень почтенной педагогической комиссіи, куда я былъ приглашенъ для совмѣстнаго обсужденія вопроса объ устройствѣ народнаго театра или, какъ фигурально гласило приглашеніе: для разработкы вопроса о дешевомъ и полезномъ развлеченіи для народа“. Предсѣдатель предложилъ на разсмотрѣніе собранія записку одного изъ членовъ о цѣломъ рядѣ народныхъ развлеченій (въ ихъ числѣ были и спектакли), какія могли бы быть устроены; но, по мнѣнію г. Щеглова, упущено было одно— „разсмотрѣніе вопроса о добрѣ и злѣ предмета“, и г. Щегловъ вознамѣрился „напомнить почтенному собранію объ одномъ человѣкѣ, любившемъ народъ, разумѣется, не меньше всѣхъ настоящихъ и

будущихъ комиссій, но смотрѣвшемъ на вопросъ о народныхъ зрѣлищахъ болѣе зоркимъ и смѣлымъ взглядомъ^а, а именно о Жанъ-Жакѣ Руссо и его извѣстномъ письмѣ о театрѣ къ д'Аламберу. „Но тутъ,—разсказываетъ г. Щегловъ,—какъ я предупредилъ васъ, повторилась до нѣкоторой степени выше разсказанная минеральная исторія: члены комиссіи при имени Руссо оглядѣли меня исподлбья такимъ страннымъ взглядомъ, точно я произнесъ нѣчто предосудительное; сосѣдь мой, извѣстный богачъ-заводчикъ, тихонько отъ меня отодвинулся, а предсѣдатель собранія, добродушнѣйшій человѣкъ, съ деликатной проноіей мнѣ замѣтилъ: „что слѣдуетъ сначала потолковать о запискѣ Петра Ивановича, а о письмѣ Руссо можно потолковать какъ-нибудь на досугѣ“...

„Нечего дѣлать—я уступилъ; но, сознаюсь, остался до сихъ поръ при мысли, что г-жѣ комиссіи слѣдовало поступить совершенно обратно тому, какъ она поступила, т.-е. начать съ Жанъ-Жака Руссо и окончить... пожалуй, Петромъ Ивановичемъ, — другими словами, начать съ корня, а не съ поверхности“ (стр. 9—12).

У насъ отъ этого разсказа получилось совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое желалъ произвести г. Щегловъ. Быть можетъ, „богачъ-фабрикантъ“ тихонько отъ него отодвинулся, и члены комиссіи могли оглядѣть г. Щеглова исподлбья; но, во-первыхъ, едва-ли авторъ поступилъ основательно и, скажемъ даже, достаточно вѣжливо, когда комиссію (изображенную довольно прозрачно), которая все-таки оказала ему вниманіе своимъ приглашеніемъ, сравнилъ со своимъ тупоумнымъ кавказскимъ знакомымъ, а во-вторыхъ, быть можетъ, не была ли комиссія совершенно права, отклонивши угрожавшій ей докладець о Жанъ-Жакѣ Руссо? Дѣло шло о прямомъ правтическомъ предметѣ и, конечно, неумѣстно было пускаться въ длинныя разсужденія объ общихъ вопросахъ, о которыхъ въ этомъ случаѣ можно было сказать въ двухъ словахъ. Г. Щегловъ желалъ разсказать комиссіи о Руссо; другой, на томъ же самомъ основаніи, могъ бы предложить докладець о Лессингѣ, третій о Гёте, четвертый о Гоголѣ, пятый объ Островскомъ и т. д., безъ конца. По нашей общественной практикѣ извѣстно, что у насъ есть очень много любителей ораторствовать общими мѣстами при всякомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ, и комиссія, очевидно, испугалась, что г. Щегловъ угрожаетъ ей подобнымъ ораторствомъ, и когда г. Щегловъ завелъ рѣчь о Руссо, т.-е. очень издалека, испугъ ея кажется намъ совершенно основательнымъ. Но „разсмотрѣніе вопроса о добрѣ и злѣ предмета“! возразить г. Щегловъ. Добро и зло несомнѣнно существуютъ, но на нихъ можно было бы указать только нѣсколькими словами, напри- мѣръ, хотъ словами Л. Н. Толстого, дальше у него приведенными

(стр. 47), что театр можетъ быть „игрушкой, препровожденіемъ времени или школой разврата, или орудіемъ распространенія свѣта между людьми“, — и безъ сомнѣнія этихъ двухъ-трехъ строкъ было бы достаточно, чтобы обратить вниманіе комиссіи на „добро и зло“, и сдѣлать ненужнымъ рефератъ о Жанъ-Жакъ Руссо, а объ этомъ послѣднемъ авторъ могъ бы напечатать статью въ журналѣ.

Мы совершенно раздѣляемъ негодованіе автора противъ тѣхъ, кто пробуетъ вводить въ народный театръ „кафе-шантанную заразу“, но едва-ли автору не слѣдуетъ быть болѣе осторожнымъ въ нѣкоторыхъ другихъ сужденіяхъ.

Наконецъ, надо сказать два слова въ защиту русской грамматики и правописанія: г. Щегловъ пишетъ: опека (вм. опека), чайничить, ревьтъ ревя (вм. рѣва), скомпановать, Гете, Лессажъ, Бруттъ (это—знаменитый римлянинъ Брутъ) и т. п. — Т.

Въ теченіе мая мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры.

Александрскій, А. И. — Памяти имп. всеросс. Александра III. Спб. 95. Стр. 32. Ц. 60 к.

Андерсонъ. — Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Перев. съ дат. подлинн. А. и П. Ганзель. Т. IV, вып. XVI. Спб. 95. Стр. 401—511. Ц. за 4 т. 8 р.

Буте, Н. А., проф. — Курсъ химической технологіи. Вып. II: Химическія производства въ тѣсномъ смыслѣ слова. Съ 93 политип. Кіевъ, 95. Стр. 778.

Буте, Н. X. — Очерки политико-экономической литературы. Спб. 95. Стр. 465.

Ветеровъ, С. А. — Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Вып. V. Спб. 95. Стр. 177—886 и 134. Ц. 1 р. 50 к.

Гвоздевъ, И. М. — Краткій очеркъ 30-лѣтней судебной-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани. Каз. 95. Стр. 14.

Гете. — Собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей. 2-е изд., п. р. П. Вейнберга. Т. VIII. Спб. 95. Стр. 513.

Гиринъ, д-ръ В. — Геніальность и вырожденіе. Пер. съ 2 нѣм. изд. Од. 95. Стр. 213. Ц. 1 р.

Гойеръ, Г. — Мозгъ и мысль. Перев. съ польск. Спб. 95. Стр. 95. Ц. 1 р.

Гробинъ, А. Т. — Воздушные замки. Комическій этюдъ. М. 95. Стр. 60. Ц. 40 коп.

Гротъ, Я. К. — Нѣсколько данныхъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ юбилеямъ Якова Карловича въ 1882 и 1892 гг. и библиографическаго списка его сочиненій, переводовъ и изданій. Спб. 95. Стр. 238. Ц. 1 р.

Дмитріевскій, А. — Русскіе на Афонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена русскаго Пантелеймон. мон. св. арх. Макарія (Супнина). Спб. 95. Стр. 111. Ц. 2 р. 50 к.

Картевъ, Н. — Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 4-е.

Доходъ съ изданія поступить въ кассу вспомошествованія студентамъ сиб. университета. Спб. 95. Стр. 164. Ц. 50 к.

— Бесѣды о выборкѣ миросоверданія. Изд. 2-е. Спб. 95. Стр. 182.

Башъ, д-ръ Р. А. — Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. Спб. 95. Стр. 34. Ц. 30 к.

Кубасовъ, П. И. — О грибахъ палюдима (болотной лихорадки). Самаркандъ, Спб. 95. Стр. 17.

Бузьминъ-Каравасовъ, В. Д., орд. проф. в-юрид. Академіи. — Военно-уголовное право. Спб. 95. Стр. 306. Ц. 2 р. 50 к.

Латто, Д. Е. — Бѣлорусскіе рассказы. Каз. 95. Стр. 185. Ц. 1 р.

Ленинъ, Е. — Нѣсколько замѣчаній по поводу книжки Л. В. Ходскаго: „Основы государственнаго хозяйства“. Кіевъ. 95. Стр. 15.

Линевъ, Д. А. (Далинъ). — Не Словаки. Спб. 95. Стр. 417. Ц. 1 р. 60 к.

Лунскій, Н. — Вычисленіе процентовъ, интересовъ и дисконта. Од. 95. Стр. 55. Ц. 35 к.

— Бурсовныя вычисленія. Од. 95. Стр. 57. Ц. 35 к.

Мамтеевъ, С. Н. — Библиографія желѣзнодорожнаго вопроса Сибири. Указатель статей, корреспонд. и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ период. изд. и сборн. за 1857—1894 гг. Tob. 95. Стр. 56. Ц. 50 к.

Миклашевскій, Александръ. — Деньги. Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіею денежнаго вопроса. М. 95. Стр. III и 729. Ц. 3 р.

Незеленовъ, А. И. — Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е. Ч. I: Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. Одобрено Учен. Комит. м. н. пр., Учебн. Комит. по учрежденіямъ имп. Маріи и Учебн. Комит. при св. Синодѣ. Спб. 95. Стр. 242. Ц. 1 р.

Пюнтковскій, А. А. — Условное осужденіе въ Норвегій. Од. 95. Стр. 17.

Поповъ, П. С. — Записки о монгольскихъ ночевьяхъ, перев. съ кит. Спб. 95. Стр. 487 и 92.

Пясковскій, д-ръ Н. Я. — Болѣзни роскоши и лѣнн, публич. лекція. Курскъ, 95. Стр. 42.

Рибо, Т. — Современная германская психологія. Опытная школа. Перев. съ франц. Л. Ройзмана. Спб. 95. Стр. 274. Ц. 1 р. 50 к.

— О чувственной памяти. Перев. съ франц., п. р. В. М. Бехтерева. Каз. 95. Стр. 42.

Саловъ, И. А. — Грѣвъ, пов. М. 95. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.

Самтыкова, М. Е. — Полное собраніе сочиненій, т. IX: Господа Ташкентцы; Пошехонскіе рассказы; Круглый годъ. 3-е изд. Спб. 95. Стр. 635. Ц. 1 р. 75 к.

Смирновой, А. О. — Записки. Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг. Ч. I. Спб. 95. Стр. 341. Ц. 2 р.

Станюковичъ, К. М. — Отравенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 95. Стр. 405. Ц. 1 р. 50 к.

Стукалицъ, В. К. — Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витебскъ, 95. Стр. 62.

Тришканъ, Ю. — О бѣдствіяхъ повышенія курса бумажныхъ денегъ и о девальвации. Кіевъ, 95. Стр. 22.

Турскій, М. — Разведеніе лѣсныхъ деревьевъ. М. 95. Стр. 62.

Фаррара, Ф. В. — Въ дни твоей юности. Духовно-нравственныя бесѣды. П. р. Ф. С. Комарскаго. Спб. 95. Стр. 608. Ц. 2 р.

Фейтисъ, д-ръ Ф. — Привычные запоры и геморрой. Причины ихъ развитія и средства къ испълненію. Спб. 95. Стр. 72. Ц. 50 к.

Шохоръ-Троцкий, С. И. — Методическій сборникъ арифметическихъ задачъ для средн. учебн. зав. Ч. II: Задачи и упражненія для первыхъ трехъ классовъ. Спб. 95. Стр. 214. Ц. 50 к.

Шелли. — Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Вальмонта. Вып. 2. Изд. 3. Спб. 95. Стр. 74. Ц. 50 к.

Щеркинъ, Е. Ѳ. — Иванъ Ѳедоровъ, пионеръ просвѣщенія Великой Руси. Историч. повѣсть о началѣ книгопечатанія въ Россіи. Спб. 95. Стр. 122. Ц. 80 коп.

Эмсъ, В. — Опыты по физиологіи растеній. Спб. 94. Стр. 70. Ц. 50 к.

Эмтисинъ, Е. — Бумажныя деньги въ Италіи, Австріи и Сѣв.-Ам. штатахъ. М. 95. Стр. 168.

Эрисманъ, Ф. Ф. — Изъ области школьной гигиены. Санитарная обстановка учебныхъ заведеній. М. 95. Стр. 68. Ц. 40 к.

Krzywicki, L. — Za Atlantykiem. Wrazenia z podróży po Ameryce. Warsz. 95. Стр. 340.

— Движеніе на населеніи въ Българското Княжество, прѣвъ 1892 год. Софія, 94. Стр. 471. Ц. 10 лева.

— Историческое Обзорніе. Сборникъ Истор. Общ. при имп. спб. унив., издав. п. р. Н. И. Карѣева. Т. VIII. Спб. 95. Стр. 279 и 56. Ц. 2 р.

— Международная Библіотека. № 27: Сила и право, проф. Меркель. № 28: Основы литературной критики. Ад. Гельцфельдтъ. № 29: Государственный строй Франціи, по А. Лебону. № 30: Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейсинеръ. Од. 95. Ц. по 15 к.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 99, 100 и 102 (Сладкое дерево—Термохимія). М. 95. Стр. 4555—4650 и 4699—4746. Ц. по 40 к.

— Нѣкоторыя свѣденія о ломовомъ взвозѣ въ Москвѣ. М. 95. Стр. 32.

— Общедоступная Библіотека. Серия I. Природа: № 1. Физическая географія, п. р. Г. Пекаторось. № 2. Миръ животныхъ. № 3. Явленія въ атмосферѣ. № 4. Законы вселенной, соч. Э. Алюга. Од. 95. Ц. по 25 к.

— Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1894 г. Спб. 95.

— Отчетъ о дѣятельности, состоящаго при Имп. В. Эк. Общ. Спб. Комитета грамотности за 1894 г. Спб. 95. Стр. 96.

— Отчетъ (XII) Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1894 г. Спб. 95. Стр. 108.

— Отчетъ Харьковской общественной бібліотеки за 1893—94 г. Харьк. 95. Стр. 61.

— Памяти отца современной педагогин Яна Амоса Коменскаго, по поводу 302 годовщины его рожденія, № 2. Спб. 95. Стр. 118. Ц. 50 к.

— Полевая Библіотека: Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми. Состав. д-ръ мед. С. Б. Съ 45 рис. въ текстѣ. Стр. 187. Ц. 50 к.

— „Русская Библіотека“. № 2: Поэзія мировой скорби, Н. И. Стороженко. Од. 95. Ц. 15 к. № 3: Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи, Н. И. Карѣева. Од. 95. Ц. 20 к.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій о Тверской губерніи. Т. X: Башинскій уѣздъ. Тв. 94. Стр. 221 и 110.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Сиб. губерніи. 1894 г. Періодъ: лѣто и осень. Сиб. 94. Стр. 205.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1894 г. Тв. 95.

— Сенатскій Архивъ. Т. VII: 1. Протоколы Правит. Сената. 2. Списки военнымъ чинамъ 1-й полов. XVIII ст. Сиб. 95. Стр. 811.

— Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Сиб. Комитета грамотности, специальною комиссіею. Отдѣлы: 1) По медицинѣ и гигиенѣ; 2) по гимнастикѣ; 3) по ручному труду; 4) по рисованію и черченію, и 5) по пѣнію. Сиб. 95. Стр. 78. Ц. 1 р.

— Статистика за торговлята на Българското Княжество съ чуждитѣ държави, прѣзъ 1894 година. Издава Статистическото бюро. София. 95. Стр. 323. Ц. 5 лева.

— Тульское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ. 1894 г. Т. 95. Стр. 115.

— Указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній. Изд. мин. пут. сообщ. Лѣтнее движеніе 1895 г. Съ прилож. карты. Сиб. 95. Стр. 424. Ц. 60 к.

Г-нъ Д. ИЛОВАЙСКІЙ, ВЪ НОВОЙ РОЛИ ШКОЛЬНАГО ПУБЛИЦИСТА ¹⁾).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.—На дняхъ мнѣ попался въ руки краткій учебникъ русской исторіи г. Иловайскаго, по которому въ гимназіяхъ готовятся въ эту минуту къ экзамену, и тамъ я неожиданно встрѣтилъ слѣдующее изумительное мѣсто о русской печати въ царствованіе императора Александра II:

„...Литературные нравы юной ежедневной печати за это время нерѣдко страдали грубостью и неуваженіемъ къ личности. Нѣкоторые органы столичной печати проявили сверхъ того лже-либеральное и анти-патріотическое направленіе, не согласное съ отечественнымъ строемъ и русскими интересами. Напр., журналъ „Вѣстникъ Европы“, издаваемый Стасюлевичемъ“, и т. д. За этимъ слѣдуетъ такая историческая справка: „Голосъ (газета) за подобное (?) направленіе былъ закрытъ“ ²⁾).

Какъ могла попасть подобная выходка въ учебникъ, хотя бы для старшихъ классовъ гимназій?! Правда, г. Д. Иловайскій—не только составитель гимназическихъ руководствъ, но и лже-патріотическій публицистъ и постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“; извѣстно также, что, въ качествѣ газетнаго патріота, онъ усердно нападалъ тамъ и на „Вѣстникъ Европы“, обвиняя его въ измѣнѣ отечеству, олицетворяемому будто бы російскими коммерсантами и промышленниками. Все это нисколько не удивительно; но на этотъ разъ г. Иловайскій, повидному, забылъ, что онъ—авторъ учебника—является совѣтъ на другомъ поприщѣ—воспитателя юности: предъ нимъ не взрослый читатель, который можетъ соглашаться и не соглашаться съ нимъ, а „единный отъ малыхъ сихъ“, имѣющій обязанность „узнать“ себѣ все изреченное г. Иловайскимъ, безъ всякихъ возраженій автору, и даже безъ возможности спросить его: „а что такое значить „лже-либеральное“ направленіе?“—Онъ, конечно, обратится съ этимъ вопросомъ къ своему наставнику, который будетъ тогда вынужденъ вступить въ объясненіе того, что такое либерализмъ, консерватизмъ,

¹⁾ Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Изд. 28-ое. Москва, 1898.

²⁾ Стр. 835.

лже-либерализмъ, лже-консерватизмъ, ретроградство и т. д. Да и вообще къ чему г. Иловайскому въ краткомъ учебникѣ понадобилось ознакомить подростующія поколѣнія съ „Вѣстникомъ Европы“ и съ журналами другихъ направленій; и уже совсѣмъ непонятно то, къ чему г. Иловайскій приводитъ даже имя редактора журнала и съ одной стороны обременяетъ память учащихся еще однимъ именемъ, а съ другой—помѣщаетъ на „скрижалахъ“ своего краткаго учебника лицо, не имѣющее никакихъ претензій на подобную славу: теперь всѣ школьники обязаны отвѣчать на вопросъ г. Иловайскаго — „а какъ зовутъ редактора Вѣстника Европы?“ Я полагаю, что г-ну Иловайскому вообще не слѣдовало бы смѣшивать два различныя его ремесла и брать за одинъ и тотъ же трудъ и гонораръ съ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, и плату съ гимназистовъ за его учебники, гдѣ онъ повторяется.

Что должны въ самомъ дѣлѣ подумать ученики, прочитавъ, напр., въ учебникѣ фразу изъ статей того же г. Иловайскаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о лже-либеральномъ направленіи, за которое, будто бы, закрытъ былъ „Голосъ“, и за которое еще—напоминаетъ онъ—не закрыты другія періодическія изданія? Изъ этого косвеннаго намека, обращеннаго, впрочемъ, къ гимназистамъ, слѣдуетъ, помимо всего, заключить одно, — что, вѣроятно, кромѣ лже-либеральнаго, должно существовать и просто либеральное направленіе, которое не подлежитъ преслѣдованію и, пожалуй, заслуживаетъ даже похвалы; но въ чемъ заключается этотъ простой либерализмъ—остается неизвѣстнымъ. Зачѣмъ же напрасно смущать юныя умы ядовитыми намеками и недомолвками, возбуждающими въ нихъ одно лишь недоумѣніе?

Мы увѣрены, что допущеніе такого рода неблагоприятныхъ замѣчаній и вполне неумѣстныхъ, особенно въ учебникѣ, есть дѣло совершенно случайнаго недосмотра при одобреніи еще прежнихъ изданій книги г. Иловайскаго для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; но крайняя безцеремонность, какую позволилъ себѣ въ данномъ случаѣ г. Иловайскій, вполне зато характеризуетъ нравы той лже-патріотической печати, къ которой онъ принадлежитъ въ качествѣ публициста, бойко торгующаго въ двухъ лавочкахъ—и для малолѣтнихъ, и для взрослыхъ.—Л. М.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Pierre Loti, Jerusalem. Paris. 1895. Стр. 221.

Во французской литературѣ за послѣдніе годы замѣчается характерное явленіе: замкнутость, которая отличала всегда французскихъ писателей, начинаетъ уступать мѣсто доступности вліяніямъ извнѣ. Французы, такъ долго ограничивавшіе кругъ своихъ умственныхъ интересовъ почти исключительно національной жизнью и культурой, стали прислушиваться къ тому, что говорится и пишется въ другихъ европейскихъ странахъ. Съ свойственной имъ легкостью усвоения, они отражаютъ всѣ современныя теченія въ философской и литературной жизни Европы и подчиняются вліянію отдѣльныхъ мыслителей, воплощающихъ въ себѣ эти теченія. Несмотря на негодующіе протесты нѣкоторыхъ французскихъ шовинистовъ, это подчиненіе Франціи иностраннымъ вліяніямъ несомнѣнно, и въ каждомъ новомъ литературномъ явленіи во Франціи не трудно прослѣдить нити, ведущія къ „эстетному“ англійскихъ прерафаэлитовъ, къ культу свободной личности, созданному Ницше и скандинавскими писателями, и къ нео-христіанству гр. Толстого.

Французы не только отражаютъ доходящія до нихъ изъ-за границы идеи, но идутъ на встрѣчу впечатлѣніямъ извнѣ, стремятся обновить свою литературу свѣжими элементами, почерпнутыми изъ наблюденія иныхъ странъ, совершенно противоположныхъ по духу цивилизацій. Романисты, ограничивавшіеся долго наблюденіемъ и воспроизведеніемъ парижскихъ нравовъ въ своихъ „*romans parisiens*“, побѣдили національную черту французовъ, нелюбовь къ путешествіямъ, и стали объѣзжать близкія и далекія страны въ погонѣ за новыми ощущеніями. Имъ руководитъ при этомъ одно общее и, кажется, искреннее стремленіе—найти въ новой атмосферѣ, среди жизни и людей иной культуры, то, что они уже не могутъ найти въ окружающей ихъ во Франціи жизни. Они какъ будто чувствуютъ жажду идеальныхъ вѣрованій и невозможность найти ихъ въ себѣ, и всѣ ихъ путешествія являются въ большинствѣ случаевъ самообманомъ. Они ищутъ повсюду элементовъ національнаго и душевнаго обновленія и объѣзжаютъ всѣ страны, въ которыхъ можно проникнуться свѣжими жизненными силами и пробудить въ себѣ заглушную способность вѣрить и жить идеальными стремленіями. Но это желаніе привить себѣ

внѣшнимъ образомъ несуществующую въ душѣ жизненную энергію на идеалистической почвѣ придаетъ исканіямъ французскихъ писателей особый отпечатокъ фальши, чувствующійся во всѣхъ ихъ описаніяхъ. Въ книгѣ Бурже объ Америкѣ фальшь эта сравнительно мало замѣтна, потому что талантливый писатель наблюдаетъ и восхваляетъ благодѣянія цивилизаціи, созданной руками человѣческими помимо всякихъ идеалистическихъ основъ жизни. Урокъ, вынесенный имъ изъ Америки, можетъ быть полезенъ или безплоденъ для французскаго общества, смотря по тому, съумѣетъ ли оно воспользоваться практичностью американскаго строя. Во всякомъ случаѣ, основа американскаго благополучія—чисто жизненная, материалистическая, и французу, разъясняющему ее, не приходится надѣвать на себя маску идеализма и жажды иного, высшаго, чѣмъ въ современной Франціи, пониманія жизни.

Нѣчто другое и въ самомъ дѣлѣ фальшивое по внутреннему настроенію получается, когда французъ съ современной холодной и удрученной душой совершаетъ путешествіе въ страну наивной вѣры, и ищетъ тамъ непонятныхъ и недоступныхъ ему ощущеній. Такое впечатлѣніе получается отъ послѣдней книги Пьера Лоти: „Jérusalem“. Лоти — не случайный путешественникъ, какъ Бурже. Вся его слава основана на его артистическомъ „экзотизмѣ“, на неподражаемой художественности описаній невѣдомыхъ, заморскихъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчный праздникъ, гдѣ природа заколдовываетъ чловѣка своими чарами, гдѣ неизвѣстны были страданія до пріѣзда европейцевъ, и гдѣ люди не знаютъ, что такое мысль, а живутъ полной жизнью чувствъ, среди вѣчной красоты и любви. „Aziadé“, „Madame Chrysanthème“, „Mariage de Loti“ и др. сдѣлали Лювию и разныя далекіе океанскіе острова близкими и обаятельными для европейскаго читателя; они обнаружили, кромѣ того, въ авторѣ оригинальный и крупный талантъ въ описаніяхъ отдаленныхъ странъ, близкихъ его душѣ по тѣмъ отбѣнкамъ чувствъ и настроеній, которые онѣ возбуждаютъ; нѣжность и грусть, проникающія чувства наивныхъ островитянокъ, самый характеръ ихъ любви, глубокой, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, и полной трагизма отъ сознанія своей краткости, отъ близости разлуки навсегда,—все это волнуетъ душу художника и отражается въ истинно поэтическихъ повѣстяхъ на вѣчную тему любви и смерти.

Но, создавши себѣ славу своими экзотическими описаніями, Лоти давно уже пересталъ вдохновляться впечатлѣніями прежнихъ плаваній. Изъ морскаго офицера Віо онъ превратился въ академика Пьера Лоти и ни на минуту не забываетъ этого. Если имъ овладѣваетъ прежняя страсть къ путешествіямъ и является жажда новыхъ

ощущений, то выборъ конечной цѣли дѣлается болѣе строгимъ у академика, который уже не слѣдуетъ прежнимъ непосредственнымъ побужденіямъ молодого, жаждущаго новизны, творчества. Лоти ищетъ теперь въ виду и свое академическое достоинство, и то, что идеализмъ и жажда вѣры сдѣлались преобладающими нотами въ современномъ искусствѣ, и, несмотря на свою полную отчужденность отъ всякихъ религиозныхъ настроеній, онъ отправляется „искать вѣры“ въ Іерусалимъ. То, чему его не могла научить собственная жизнь и все, чѣмъ живетъ его родина, онъ надѣется найти среди мѣстъ, сохранившихъ слѣды священнаго прошлаго, и чтобы сдѣлать возможнымъ свое душевное обновленіе, онъ постоянно гипнотизируетъ себя именами, носящими въ себѣ святину. Влеземъ! Геесиманскій садъ! Голгова!—воскликаетъ онъ со слезами (которыхъ онъ не забываетъ отмѣтить въ своей книгѣ) при видѣ евангельскихъ мѣстъ,—но повтореніе именъ не можетъ вызвать несуществующихъ настроеній, и читателю становится тяжело видѣть, какихъ усилій стоитъ автору его кажущееся проникновеніе святостью мѣсть и его безсиліе сказать что-нибудь искреннее, прочувствованное по поводу своихъ впечатлѣній.

Мы увѣрены, что еслибы Лоти отправился путешествовать по Палестинѣ просто въ качествѣ любопытствующаго туриста, его книга была бы очень интересна; этотъ тонкій наблюдатель и знатокъ восточныхъ нравовъ могъ бы подмѣтить черты характера и стороны нравовъ, ускользнувшія отъ другихъ путешественниковъ. Но онъ нацѣленно отрываетъ себѣ путь къ бытописанію; онъ не эксплуатируетъ своего врожденнаго таланта къ отыскиванію тонкихъ „affinités“, нитей, соединяющихъ основу экзотическихъ нравовъ съ настроеніями современнаго культурнаго человѣка. Онъ ѣдетъ въ Іерусалимъ съ особой миссіей, которой онъ придаетъ такое же національное значеніе, какъ Бурже—своему путешествію въ Америку. Говоря о настроеніи, съ которымъ онъ отправляется въ путь, онъ прибавляетъ слѣдующее: „мою книгу могутъ прочесть и понять только тѣ, которые умираютъ оттого, что имѣли и утратили единственную надежду, тѣ, которые, подобно мнѣ, потерявъ навсегда вѣру, отправились бы все-таки къ Гробу Господню съ глазами полными слезъ, съ готовностью совершить путь на колѣняхъ...“ Въ этихъ словахъ слышится основное настроеніе книги: колѣнопреклоненный и со слезами на глазахъ Лоти все время своего путешествія говоритъ о святости, о Христѣ, настраиваетъ себя на благочестивый тонъ и среди кажущагося экстаза начинаетъ вдругъ увѣрять себя въ возможности преклоненія предъ великой личностью Христа при видѣ мѣсть, среди которыхъ протекла Его земная жизнь; такими самоувѣреніями онъ сразу показываетъ придуманность своего рели-

гюзнаго настроенія, которое можетъ быть создано внутренними причинами, а не путешествіемъ по мѣстамъ, священнымъ только для вѣрующаго. „Когда вѣра угасаетъ въ современныхъ людяхъ“, говоритъ Лоти, мучительная жалость къ погибшему Спасителю пробуждаетъ въ невѣрующихъ, подобныхъ мнѣ, столь человѣчный культъ мѣстъ и реликвій. Какоеъ смыслъ этого преклоненія передъ святыней, лишенной символическаго значенія, которое она имѣетъ для всякаго, приходящаго поклониться ей? Французскій академикъ упивается своими красивыми фразами и слезами, которыя онъ проливаетъ заранѣе, настроивая себя для ожидаемаго впечатлѣнія отъ евангельскихъ мѣстъ, и не замѣчаетъ при этомъ удручающаго впечатлѣнія своихъ лирическихъ изліаній, молитвъ и возгласовъ. Среди толпы паломниковъ, которыхъ онъ описываетъ, онъ самъ кажется рѣзкимъ диссонансомъ. Зачѣмъ было привозить парижскую скуку и пустоту на берега Иордана? Среди обстановки вѣбовыхъ религій, сходящихся здѣсь у общаго родника, еще рѣзче выступаетъ пустота напускнаго идеализма, прикрывающаго искреннюю скуку и безсиліе. Художникъ по темпераменту, Лоти въ состояніи понять и идеализировать дикую и нѣжную красоту природы и жителей Танти, но ему должна остаться чуждой тайна евангельскаго міра. Онъ по-своему сознается въ этомъ, намѣреваясь отмѣтить двойственность своихъ настроеній во время путешествія, но въ сущности подписывая приговоръ и себѣ, и своей книгѣ. „Христось, евангельскій Христось,—въ сущности я пріѣхалъ только ради Него, подобно самому смиренному изъ паломниковъ; меня привела сюда какая-то наивная, смутная и послѣдняя надежда найти здѣсь какіе-нибудь слѣды Его жизни, почувствовать хоть отчасти возрожденіе Его въ глубинѣ души, хотя бы только въ образѣ брата-утѣшителя... И мое отчаяніе дѣлается болѣе глубокимъ и безнадежнымъ, потому что тѣнь Христа окончательно ускользаетъ теперь отъ меня“.

Эти слова въ переводѣ на болѣе опредѣленный языкъ обозначаютъ только, что, пріѣхавъ въ Палестину съ холодной душой, искусственно разогрѣваемой чтеніемъ Евангелія, Лоти оставался холоденъ и нѣмъ при видѣ мѣстъ, ничего не говорящихъ его душѣ и бывшихъ для него только литературными значками, воспоминаніемъ только-что и, быть можетъ, въ первый разъ прочитаннаго Евангелія.

А между тѣмъ, сознавая себя чуждымъ окружающей его святыни, Лоти все-таки продолжаетъ молиться и плакать, все болѣе увеличивая впечатлѣніе придуманности своего настроенія. „При видѣ Гроба Господня,—говоритъ онъ,— мои глаза дѣлаются влажными въ порывѣ къ молитвѣ—нелогичной, я это знаю, но несказанно сладкой и безконечной“... Искренность этого порыва читатель чувствуетъ такъ же

мало, какъ справедливость его разсужденій о томъ, что гдѣ такіа толпы вѣрующіхъ молятся—долженъ быть Богъ, Который ихъ услышитъ. Лоти слишкомъ далеко отъ этой молящейся толпы, чтобы проникнуться ея экстазомъ и понять внутренней смыслъ его. Онъ только повторяетъ слова молитвъ, чтобы загниготизировать себя, но истинное настроеніе постоянно просвѣчиваетъ сквозь восторженные слова.

Религіозность, окрашивающая книгу Лоти, въ тому же чисто-католическая. Онъ не видитъ порыва вѣры, объединяющей всѣ религіи въ общемъ экстазѣ, а отличаетъ алтари различныхъ религіи и видитъ въ однихъ превосходство надъ другими. Русскіе мужики и „матушки“ вызываютъ въ немъ безконечныя слезы умиленія (намъ кажется, что въ этихъ слезахъ немалую роль играетъ модное во Франціи преклоненіе предъ Россіей), а на ряду съ этимъ у него посвящены безобразныя страницы плачу евреевъ надъ стѣнами храма. Забывая свое высокое, христіанское настроеніе и начиная говорить разнузданнымъ языкомъ Дрюмона, онъ описываетъ патетическую сцену плача надъ развалинами не только безъ всякаго достоинства, но съ какой-то преднамѣренной злобой, употребляя на каждомъ шагѣ слова: „geraire de la juiverie“. Странно читать у чувствительнаго академика эти описанія толпы евреевъ, собравшихся со всѣхъ концовъ міра съ благочестивой цѣлью. „Лица, оборачивающіяся, чтобы взглянуть на насъ,—пишетъ Лоти,—отличаются почти всѣ спеціальнымъ уродствомъ, вызывающимъ дрожь: худыя, вытянутыя, съ маленькими лукавыми и слезливыми глазками, выглядывающими изъ-подъ мертвыхъ вѣкъ... Особенно выдѣляются старики своимъ изменнымъ, коварнымъ, гнуснымъ видомъ; рядомъ съ ними попадаются и совсѣмъ молодые, маленькіе евреи, свѣжіе какъ леденцы изъ разрисованнаго красками сахара; они носятъ такіа же завитушки, какъ взрослые, и тоже раскатываются во всѣ стороны и плачутъ, держа библію въ рукахъ“.

Продолжая въ томъ же тонѣ описаніе сцены плача, Лоти доваривается до слѣдующихъ словъ. „Видно, въ самомъ дѣлѣ, на народѣ, распявшемъ Христа, клеймо преступленія несмываемо; нужно, быть можетъ, пріѣхать сюда, чтобы убѣдиться въ этомъ, но здѣсь это становится несомнѣннымъ: на этихъ лбахъ отпечатанъ особый знакъ, вся эта нація отмѣчена печатью отверженія“. И это говоритъ человѣкъ, заявляющій о своемъ невѣрїи въ истинность евангельскихъ преданій и не имѣющій оправданія фанатизму, руководящему иногда вѣрующими людьми въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ?! На фонѣ напускнаго идофобства автора вдругъ выступаетъ опять съ своеобразнымъ достоинствомъ приведенный имъ самый текстъ плача: „Это величественно, трогательно и единственно въ своемъ родѣ!“—не можетъ не сознаться Лоти, описывая церемонію у стѣны. „Почти-что

хотѣлось бы плакать съ ними, еслибы, — прибавляетъ онъ, — это не были *серои*, и сердце не сжималось бы отъ холода при видѣ ихъ отвратительныхъ лицъ“.

Вся книга Лоти полна подобныхъ странныхъ описаній Палестины, гдѣ дѣланное религиозное умилеиe идетъ рука объ руку съ слѣпой расовой ненавистью; послѣдняя доходитъ у него до того, что встрѣчающихся около храма еврейскихъ дѣтей онъ ругаетъ потому, что они слишкомъ „бѣлы и розовы“.

Наиболѣе удачными выходятъ у Лоти описанія исламскихъ святыхъ и магометанскаго культа. Сильными красками изображаетъ онъ знаменитую мечеть Омара, магометанскія церемоніи и спокойствіе сознающаго свою силу магометанства. При этихъ описаніяхъ въ Лоти пробуждается прежняя любовь къ Востоку; онъ забываетъ уже свои христіанскія изліанія, и, быть можетъ, одно изъ самыхъ искреннихъ мѣстъ во всей книгѣ—заключительныя слова о мечети Омара: „Весь этотъ тихій уголокъ Гарамъ-эхъ-шерифа, съ его грустью и великолѣпіемъ, возбуждаетъ мечтательное настроеніе; онъ не волнуется и не трогаетъ, а только успокоиваетъ и восторгаетъ. Для меня это теперь самое подходящее по настроенію мѣсто, родное душѣ; точно также исламъ, къ которому я когда-то былъ склоненъ, могъ бы, понятый извѣстнымъ образомъ, сдѣлаться со временемъ основанной на искусствѣ и на фантази внѣшней религіей, въ которую облеклось бы мое невѣріе“.

Внѣшняя религія, исканіе красивыхъ формъ культа, — вотъ чтó близко воображенію и душѣ Лоти,—и все, чтó на Востокѣ подходитъ къ этому идеалу, отражается съ яркостью и талантомъ въ его книгѣ. Но болѣе глубокія настроенія, связанныя съ колыбелью современныхъ человѣческихъ вѣрованій, идутъ въ разрѣзъ съ его поверхностнымъ талантомъ, и во всѣхъ своихъ описаніяхъ святыхъ мѣстъ и въ своихъ разсужденіяхъ о нихъ Лоти производитъ впечатлѣніе туриста, путешествующаго съ Библіей, вмѣсто Бедекера, въ рукахъ.—В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 Юня 1896 г.

Организація академической комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.—Предстоящее открытіе женскаго медицинскаго института.—Имѣетъ ли высшее медицинское образованіе женщинъ право на матеріальную поддержку государства?—Дальнѣйшія *via desideria* высшаго женскаго образованія.—П. В. Павловъ †.—*Post-scriptum*: Новый эпизодъ изъ войны городского фильтра съ ключевой водою.

Постоянная комиссія, учрежденная при Академіи Наукъ, въ силу Высочайшаго указа 13 января, для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, получила окончательную организацію и уже открыла свои дѣйствія, на основаніи преподанныхъ ей временныхъ правилъ. Она состоитъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи, изъ непремѣннаго секретаря академіи (исполняющаго обязанности товарища предсѣдателя комиссіи), двухъ избираемыхъ ею на два года академиковъ и двухъ лицъ, приглашаемыхъ президентомъ академіи, на одинъ годъ, изъ числа извѣстныхъ русскихъ писателей¹⁾. Комиссія можетъ, съ разрѣшенія президента академіи, приглашать въ свои засѣданія, съ правомъ совѣтательнаго голоса, еще другихъ лицъ, преимущественно изъ числа русскихъ писателей, для полученія свѣденій по дѣламъ, требующимъ ближайшаго разъясненія. Протоколы комиссіи представляются предсѣдателемъ ея на утвержденіе президента академіи; ему же представляется, по окончаніи каждаго года, отчетъ комиссіи, присоединяемый, затѣмъ, къ общему отчету академіи. Нельзя не пожалѣть, что дѣлопроизводство и счетоводство по комиссіи, т.-е. исполненіе обязанностей секретаря и казначея, не возложено на членовъ комиссіи; это было бы существенной гарантіей противъ излишняго формализма, а для самихъ членовъ комиссіи не составило бы большого бремени, потому что вся черновая работа секретарская и казначейская (разсылка повѣстокъ и извѣщеній, веденіе алфавитнаго указателя, составленіе денежныхъ отчетовъ и т. п.) могла бы быть производима канцеляріей академіи. Не совѣмъ понятно для насъ, далѣе, почему члены-академики избираются въ комиссію на два года, а члены-писатели приглашаются только на одинъ годъ. Для устойчивости взглядовъ было бы

¹⁾ По газетнымъ извѣстіямъ, избранными оказались: гр. А. А. Голенщевъ-Кутузовъ и М. А. Загуляевъ; кандидатъ къ нимъ—редакторъ „Правит. Вѣстника“ К. К. Случевскій.

гораздо лучше, еслибы члены-писатели, какъ и члены-академики, оставались въ комиссіи нѣсколько дольше и выбывали изъ нея поочередно.

Временныя правила, которыми должна руководствоваться комиссія, не свободны отъ избытка регламентаціи. Вотъ, напримѣръ, параграфъ 7-й, относящійся къ пенсіямъ: „пенсіи могутъ быть назначаемы лишь такимъ лицамъ, которыя выдающимися дарованіями и долговременнымъ трудомъ на поприщахъ науки, литературы или повременной печати, заслужили почетную извѣстность, если эти лица достигли преклонныхъ лѣтъ или впади въ болѣзненное состояніе и такимъ образомъ лишились возможности пріобрѣтать себѣ средства къ существованію, и если притомъ они не получаютъ пенсіи изъ казны или другихъ источниковъ и находятся въ бѣдности“. Многое, прежде всего, можно было бы возразить противъ эпитетовъ: *выдающихся* дарованія, *долговременный* трудъ, въ особенности разъ что для назначенія пенсіи требуется наличность обоихъ условій. *Выдающееся* дарованіе можетъ проявиться и принести блестящіе плоды въ самое короткое время. Не говоримъ уже о Лермонтовѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ занявшемъ одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими поэтами; неужели Надсону или Гаршину, еслибы они остались въ живыхъ, но страдали бы неизлечимою болѣзью, можно было бы отказать въ пенсіи, потому что дѣятельность ихъ продолжалась недостаточно долго? Наоборотъ, *долговременный* трудъ, честный, упорный и не бесполезный, даетъ право на пенсію и при отсутствіи „выдающагося дарованія“. Эту сторону дѣла мы считаемъ, впрочемъ, сравнительно менѣе важною, потому что на практикѣ комиссія едва-ли будетъ понимать текстъ параграфа слишкомъ буквально, едва-ли будетъ признавать право на пенсію исключительно за крупными талантами или за людьми, состарившимися и одряхлѣвшими съ перомъ въ рукахъ. Выраженія: „выдающіяся дарованія“, и „долговременный трудъ“ довольно эластичны и допускаютъ распространительное толкованіе. Болѣе опасными кажутся намъ другія требованія правилъ, именно потому, что они имѣютъ болѣе определенное и точное значеніе. Представимъ себѣ, что заслуженный пожилой писатель, сохранившій умственную свѣжесть, продолжаетъ работать себѣ средства къ жизни, но достигаетъ этого цѣною изнурительнаго труда и тяжелыхъ лишеній. По смыслу параграфа 7-го онъ не имѣетъ права на пенсію. Между тѣмъ, литературный фондъ при такихъ условіяхъ не колеблется въ назначеніи пенсіи (если писатель, съ другихъ точекъ зрѣнія, имѣетъ на нее право) — и это вполне естественно, потому что потребность въ отдыхѣ законна не только тогда, когда уже совершенно утрачена рабочая сила. Получивъ пенсію, писатель, о которомъ мы говорили выше, будетъ рабо-

тать сравнительно мало, безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, и благодаря этому не только приобретають нѣсколько лишнихъ лѣтъ здоровья и жизни, но, быть можетъ, окажутъ лишнюю услугу наукѣ или литературѣ. Едва-ли справедливо, далѣе, ставить въ зависимость назначеніе пенсій отъ неполученія ея изъ казны или другого источника. Извѣстно, какъ невелики, болѣею частью, казенныя пенсій, а также пенсій изъ литературнаго фонда; вполне обезпечить существованіе писателя, особенно семейнаго, онѣ могутъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и къ дополненію ихъ изъ средствъ комиссіи мы не видимъ никакихъ серьезныхъ препятствій. Достаточно было бы постановить, что пенсія, получаемая изъ другого источника, принимается въ соображеніе при опредѣленіи *размѣровъ* пенсій, назначаемой комиссіею. Параграфъ 11-й позволяетъ назначать *временное пособіе* и такому лицу, которое получаетъ казенную или иную пенсію (не свыше 1500 рублей); совершенно логично было бы распространить это правило и на назначеніе пенсій. Все сказанное нами о самомъ писателѣ примѣнимо вполне и къ его вдовѣ и сиротамъ — а между тѣмъ параграфъ 8-й и имъ отказываетъ въ пенсій изъ средствъ комиссіи, если они получаютъ пенсію изъ казны или другого источника.

Наибольшій размѣръ пенсій, за силою § 10-го, не долженъ превышать: для семейнаго лица—1.200 руб. въ годъ, а для холостого—720 рублей. Пенсія въ высшемъ размѣрѣ можетъ быть назначаема лишь по единогласному рѣшенію комиссіи въ полномъ ея составѣ при закрытой баллотировкѣ. Цѣлесообразность послѣдняго правила кажется намъ по меньшей мѣрѣ сомнительною: трудно понять, почему пенсія въ 1.150 или 700 рублей можетъ быть назначена простымъ большинствомъ голосовъ, а пенсія въ 1.200 или 720 рублей требуетъ единогласія. Мнѣніе одного члена комиссіи, расходящагося со всѣми остальными, можетъ быть вызвано побужденіями чисто личнаго свойства, напр. нерасположеніемъ къ самому писателю или къ его литературнымъ взглядамъ. Къ избытку регламентаціи слѣдуетъ отнести и то постановленіе § 11-го, въ силу котораго пенсія, назначенная писателю, въ полномъ ея размѣрѣ можетъ быть сохранена за его вдовою лишь тогда, когда у нея не менѣе трехъ дѣтей. Тяжесть положенія вдовы зависитъ не только отъ числа дѣтей: молодая, здоровая женщина, мать трехъ здоровыхъ дѣтей, гораздо легче можетъ устроить свою и ихъ судьбу, чѣмъ болѣзненная, слабая мать одного болѣзненнаго ребенка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при назначеніи пенсій комиссія должна сообразоваться, между прочимъ, съ числомъ членовъ семьи — но едва-ли нужно устанавливать какія-либо безусловно-обязательныя правила по этому предмету.

По § 15-му правилъ, лицо, нуждающееся въ пенсій или времен-

номъ пособіи, обращается въ комиссію съ заявленіемъ, въ которомъ обстоятельно излагаетъ свое матеріальное положеніе, а также важнѣйшія данныя своей литературной дѣятельности, *сопровождая по возможности эти свидѣнія удостовѣреніемъ отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія комиссіи*. Подчеркнутыя нами слова легко могутъ привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Иные писатели, не имѣя въ числѣ своихъ знакомыхъ и друзей лицъ, извѣстныхъ комиссіи или несомнѣнно въ ея глазахъ авторитетныхъ, будутъ воздерживаться отъ обращенія къ комиссіи, какъ бы велика ни была удручающая ихъ нужда. Лица, почему-либо близкія или считающіяся близкими къ комиссіи, будутъ осаждаться просьбами о рекомендаціи, и удовлетвореніе этихъ просьбъ часто будетъ зависеть не столько отъ реальныхъ правъ, сколько отъ настойчивости (или назойливости) просителя. Въ практикѣ литературнаго фонда удостовѣренія, представляемыя просителемъ—фактъ сравнительно не рѣдкій; *условіемъ* помощи они никогда не служатъ, потому что комитетъ фонда всегда находитъ возможнымъ собрать недостающія ему свидѣнія помимо самого просителя. Столь же возможнымъ это окажется и для академической комиссіи, если она широко будетъ пользоваться правомъ приглашенія въ ея засѣданія постороннихъ лицъ.

Отмѣтивъ главные недостатки правилъ, спѣшимъ показать и другую сторону медали. Вопреки обычнымъ официальнымъ понятіямъ о лицахъ, имѣющихъ право на пособіе, правила относятъ къ числу такихъ лицъ не только вдовъ и сиротъ писателя, но и его престарѣлыхъ родителей, ближайшихъ родственниковъ или воспитанниковъ, находившихся на его попеченіи. Ненадѣливо-большимъ и неспособнымъ къ личному труду сиротамъ литературныхъ дѣятелей пенсія можетъ быть продолжаема и по достиженіи ими совершеннолѣтія. Комиссія можетъ принимать и отъ постороннихъ лицъ заявленія о бѣдственномъ положеніи того или другого ученаго или литературнаго дѣятеля и, по наведенію справокъ, принимать мѣры къ его обезпеченію. Къ числу обстоятельствъ, дающихъ право на помощь, отнесено воспитаніе дѣтей школьнаго возраста. Предсѣдателю комиссіи предоставлено право, въ случаяхъ безотлагательной необходимости, выдавать пособія, въ размѣрѣ до 150 рублей, собственною властью, не ожидая очереднаго совѣщанія комиссіи. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что всѣ эти постановленія, широко раздвигающія предѣлы дѣятельности комиссіи и облегчающія достиженіе намѣченной для нея цѣли, заимствованы изъ устава и еще болѣе изъ практики литературнаго фонда, обогащенной указаніями тридцатипятилѣтняго опыта. Остается пожелать, чтобы примѣру литературнаго фонда комиссія слѣдовала и въ отношеніяхъ своихъ къ пред-

ставителямъ различныхъ литературныхъ теченій и взглядовъ. Мы очень хорошо знаемъ, что литературный фондъ часто подвергался обвиненіямъ въ партійности—но знаемъ, точно также, что эти обвиненія лишены всякаго основанія. Передъ лицомъ нужды должны исчезнуть всякія симпатіи и антипатіи. Комиссія, большинство которой стоитъ въ сторонѣ отъ „воинствующей“ печати, не трудно будетъ сохранить полнѣйшее безпристрастіе въ своихъ рѣшеніяхъ, въ особенности если временные ея члены изъ писательской среды будутъ принадлежать то къ одному, то къ другому литературному лагерю, и если изъ ея лексикона съ самаго начала будутъ изъяты слова: *среднее направленіе*. Въ правилахъ мы не видимъ ничего препятствующаго такой постановкѣ дѣла. На основаніи параграфа 6-го, право на помощь принадлежитъ „лицамъ, посвятившимъ свои дарованія и усиленные труды на служеніе Государю и отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *служеніе* здѣсь слѣдуетъ понимать не въ прямомъ, а въ косвенномъ смыслѣ слова, какъ добросовѣстное исканіе истины, въ концѣ концовъ всегда приводящее къ общему благу.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать, наконецъ, учрежденія въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института. Въ принципѣ общепользность такого учебнаго заведенія была признаваема даже тогда, когда въ 1882 г. постановлено было закрыть высшіе врачебные курсы, существовавшіе при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ; но при дальнѣйшемъ движеніи вопроса встрѣтились препятствія, задержавшія его разрѣшеніе на цѣлыхъ тринадцать лѣтъ. Главное изъ этихъ препятствій заключалось въ нѣкоторой двойственности взгляда на высшее медицинское образованіе для женщинъ. Съ одной стороны оно рассматривалось какъ дѣло большой важности, завѣдываніе которымъ должно, поэтому, всецѣло принадлежать правительству; съ другой стороны принималось за правило, что всѣ средства на это дѣло должны быть даны частными лицами или общественными учрежденіями, безъ всякой приплаты отъ государственнаго казначейства. Послѣдній „принципъ“ проводился съ такой послѣдовательностью, что три года тому назадъ открытіе института, казавшееся почти рѣшеннымъ, не состоялось исключительно за неимѣніемъ въ виду достаточныхъ для того суммъ. Менѣе замѣтную, но, быть можетъ, не менѣе важную роль играло при этомъ и недовѣріе, нерасположеніе къ женщинамъ-врачамъ. Не будь его, женскіе врачебные курсы не были бы закрыты съ такой послѣдностью, прежде присканія вѣдомства, которое согласилось бы

принять ихъ подъ свою охрану; не будь его, возстановленіе курсовъ было бы допущено уже давно въ томъ справедливомъ предположеніи, что пожертвованія на учрежденіе существующее собирать гораздо легче, чѣмъ на учрежденіе еще проектируемое; не будь его, наконецъ, нашлись бы и казенныя средства на вспомошествованіе дѣлу, имѣющему безспорно общегосударственное значеніе. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, возьмемъ хотя бы фельетонъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 100), въ которомъ—новидимому на основаніи официальныхъ источниковъ—изложена исторія вопроса о женскомъ медицинскомъ образованіи, въ промежутокъ времени между 1882 и 1895 г. „Необходимость ввѣрять здорovie подрастающаго женскаго поколѣнія женщинамъ же, научно къ тому подготовленнымъ,—читаемъ мы въ этомъ фельетонѣ,—вполнѣ сознается и родителями, и начальствомъ женскихъ учебныхъ заведеній; въ настоящее время при Смольномъ институтѣ и большинствѣ гимназій вѣдомства учреждений императрицы Маріи состоятъ женщины-врачи, которымъ поручено и преподаваніе гигиены. Не менѣе нуждаются въ женщинахъ-врачахъ женскіе монастыри, общины и другія богоугодныя и лечебныя заведенія. Польза женщинъ-врачей среди крестьянскаго населенія вполнѣ выяснилась; только со времени ихъ появленія стали уничтожаться мало-помалу знахарки, и леченіе женскихъ и дѣтскихъ болѣзней приняло болѣе правильное развитіе среди сельскаго люда. Цѣлыя области, населенныя магометанами, крайне нуждаются въ женской врачебной помощи, такъ какъ, по закону своей религіи, магометанскія женщины, даже подъ страхомъ смерти, не могутъ показаться врачу-мужчинѣ. Внося медицинскую помощь въ мусульманскую семью, женщина-врачъ явится тамъ и распространительницей русской культуры“. Всѣ эти соображенія далеко не новы — но для насъ важно то, что мы встрѣчаемъ ихъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Та же газета констатируетъ крайнюю недостаточность медицинской помощи въ Россіи вообще (1 врачъ на 6.000 жителей, между тѣмъ Германія имѣетъ одного врача на 3.000, Франція — на 1.800, Англія — на 1.600 жителей), выводя и отсюда существованіе потребности въ женщинахъ-врачахъ. Какъ же совмѣстить со всѣми этими фактами тотъ принципъ, въ силу котораго женскимъ врачебнымъ курсамъ или женскому медицинскому институту должно быть отказано въ матеріальной поддержкѣ государства? Какъ совмѣстить, съ другой стороны, существованіе института исключительно на собственные средства съ правительственнымъ назначеніемъ не только директора и профессоровъ института, не только инспектрисы и ея помощницъ, но даже членовъ попечительнаго совѣта, заботящагося о хозяйственныхъ нуждахъ института и объ увеличеніи его средствъ? Въ этомъ отношеніи

женскій медицинскій институтъ поставленъ въ условія еще менѣе благоприятныя, чѣмъ высшіе женскіе курсы, хозяйство которыхъ находится въ рукахъ частнаго общества и избираемаго имъ комитета... *Контроль* правительства вполне понятенъ по отношенію ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, на чей бы счетъ они ни существовали—но *завѣдываніе* дѣломъ, созданнымъ и содержимымъ на частныя средства, по всей справедливости должно было бы быть предоставлено тѣмъ, кто даетъ эти средства.

Неопредѣленность взгляда на значеніе женскаго медицинскаго института отразилась, повидимому, и на его устройствѣ. Еслибы исходной точкой для всего дѣла было принято его общегосударственное значеніе, то нельзя было бы не позаботиться о томъ, чтобы привлечь въ женскій медицинскій институтъ возможно-большее число общеобразованныхъ женщинъ и удовлетворить, такимъ образомъ, какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе потребность населенія въ женскомъ врачебномъ трудѣ. Для этого, въ свою очередь, нужно было бы не затруднять доступъ въ институтъ требованіями, исполнимыми лишь для немногихъ. Десятилѣтній опытъ показалъ съ полною ясностью, что для женщины-врача нѣтъ надобности въ аттестатѣ зрѣлости. Что врачебные курсы семидесятихъ годовъ дали и въ военное и въ мирное время множество полезныхъ дѣлательницъ, ни въ чемъ не уступавшихъ врачамъ-мужчинамъ—это признаютъ теперь всѣ, признаетъ даже такая газета, какъ „Московскія Вѣдомости“; а между тѣмъ для вступленія на эти курсы не требовалось знанія греческаго языка, безъ котораго теперь ни для кого не раскроются двери женскаго медицинскаго института. При обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ многіе, по словамъ „Новаго Времени“, высказывались противъ испытанія по греческому языку, но большинство признало его необходимымъ. „Недѣля“ приписываетъ это рѣшеніе желанію соблюсти справедливость, т. е. установить для женщины-врача ту же „повинность“, какую несутъ врачи-мужчины. Съ такой догадкой едва-ли можно согласиться. Равенство „повинностей“ предполагаетъ равенство правъ—а права женщинъ-врачей значительно меньше, чѣмъ права ихъ коллегъ-мужчинъ. Не говоря уже о томъ, что женщины-врачи не могутъ состоять на государственной службѣ, не могутъ рассчитывать на полученіе пенсій—онѣ не будутъ допускаемы ни къ завѣдыванію общими городскими больницами, ни даже къ дежурству въ нихъ. Уравновѣшеніемъ такихъ ограниченій безъ всякаго нарушенія справедливости могло бы служить освобожденіе вступающихъ въ институтъ отъ экзамена по греческому языку; да и знаніе латинскаго языка могло бы быть требуемо отъ нихъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ отъ абитуриентовъ мужскихъ гим-

назій. Дѣвушка, окончившая высшіе курсы, представляется, конечно, несравненно болѣе подготовленною къ слушанію медицинскихъ наукъ, чѣмъ дѣвушка, окончившая гимназію госпожи Фишеръ (единственную, полагаетъ, гдѣ курсъ ученія сравненъ съ мужскими гимназіями)—а между тѣмъ послѣдней дается преимущество передъ первой; гимназистка прямо, безъ экзамена, поступаетъ въ медицинскій институтъ, а курсистка должна подвергнуться экзамену по древнимъ языкамъ, т.-е., въ большинствѣ случаевъ, затратить не мало времени и средствъ на ихъ изученіе. Мы имѣли уже поводъ замѣтить ¹⁾, что этимъ путемъ создается привилегія въ пользу болѣе достаточныхъ лицъ и ставится не всегда преодолимая преграда для многихъ стремящихся къ изученію медицины и вполне къ нему способныхъ... Облегченіе условій вступленія въ медицинскій институтъ было бы въ высшей степени важно и потому, что иначе могутъ не оправдаться расчеты, убѣдившіе министерство народнаго просвѣщенія въ возможности существованія института безъ содѣйствія со стороны казны. По этимъ расчетамъ, приведеннымъ въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ первый годъ послѣ открытія института (которое состоится только въ 1897 г., послѣ окончанія возводимыхъ для института построекъ) слушательницъ предполагается 30, во второй—70, въ третій—120, въ четвертый—200. Столь быстрый ростъ числа слушательницъ весьма желателенъ, но считать его несомнѣннымъ, при строгихъ экзаменныхъ требованіяхъ, довольно трудно. „Московскія Вѣдомости“ ссылаются на наплывъ слушательницъ въ высшіе женскіе курсы, гдѣ уже теперь далеко превзойденъ комплектъ; но вѣдь для принятія на эти курсы не требовалось и не требуется аттестата зрѣлости.

Какъ бы многого, впрочемъ, ни оставалла желать организація женскаго медицинскаго института, открытіе его во всякомъ случаѣ будетъ событіемъ весьма отраднымъ, въ особенности если курсъ ученія въ институтѣ, согласно поправкѣ, предложенной государств. совѣтомъ, будетъ установленъ не четырехлѣтній, а пятилѣтній, т.-е. сравненъ вполне съ курсомъ медицинской академіи или медицинскаго факультета. Воскреснетъ учрежденіе, блистательно доказавшее свою жизнеспособность; вспомнится пробѣлъ, такъ неожиданно и безпричинно образовавшійся, тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ системѣ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Чѣмъ рѣже у насъ проявленія общественной самодѣятельности, тѣмъ выше слѣдуетъ цѣнить пожертвованія и усилія, благодаря которымъ создались въ свое время женскіе врачебные курсы и создается теперь женскій медицинскій институтъ. Какъ ни важенъ этотъ шагъ впередъ, за нимъ должны

¹⁾ См. Обществ. Хроника въ № 11 „В. Европа“ за 1894 г.

послѣдовать еще другіе. Петербургъ слишкомъ далекъ отъ восточныхъ и южныхъ окраинъ Россіи, чтобы оставаться надолго единственнымъ центромъ высшаго женскаго образованія. Прежде всего и легче всего могутъ открыться въ другихъ городахъ высшіе женскіе курсы, съ такимъ успѣхомъ существовавшіе, напримѣръ, до 1886 г., въ Москвѣ и Кіевѣ; за ними, быть можетъ, послѣдуютъ и провинціальныя медицинскіе институты, если только исчезнетъ предубѣжденіе, мѣшавшее до сихъ поръ матеріальному участію казны въ распространеніи врачебныхъ знаній между женщинами.

Прошло уже около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Некрасовъ напечаталъ „Медвѣжьё Охоту“—но многіе ея стихи кажутся написанными только вчера. Особенно часто намъ приходили въ голову въ послѣднее время слѣдующія строки: „у русскаго особый взглядъ—преданьямъ рабства страшно вѣрять;—всегда побитый виноваты,—а битымъ—счетъ потерявъ“. Живымъ доказательствомъ того, что эта жестокая характеристика до сихъ поръ не потеряла своей силы, служить, между прочимъ, фельетонъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№№ 103, 110, 118), озаглавленный: „Образцовое земство“. Авторъ его, г. Буѣвскій, и раньше уже отличался ожесточенными нападками на тверское земство, въ такое время, когда, съ точки зрѣнія уважающей себя прессы, это было всего менѣе... удобно. Цѣль послѣдней его статьи—сокрушить, вмѣстѣ съ ненавистнымъ ему земствомъ, весь вообще „земскій либерализмъ“, а мимоходомъ, пожалуй, и всё вообще губернскія земскія учрежденія. Въ усердіи у автора нѣтъ недостатка, но этимъ и ограничивается запасъ силъ, съ которыми онъ приступаетъ къ исполненію своей задачи. Разбирать всё пункты длиннаго обвинительнаго акта было бы слишкомъ скучно; остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые особенно характеристичны для обвинителя.

Въ счѣтахъ тверскаго губернскаго земства отношеніе необязательныхъ расходовъ въ обязательнымъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, достигая 84%. Въ глазахъ обвинителя это чуть не преступленіе; въ нашихъ глазахъ это только показатель энергичной дѣятельности земства. Всѣ наиболѣе производительныя земскія расходы принадлежатъ къ числу необязательныхъ. Конечно, отсюда еще не вытекаетъ обратное положеніе: никто не станетъ утверждать, что всѣ необязательныя расходы—непремѣнно производительны. Чтобы судить о томъ, къ какой категоріи принадлежатъ необязательныя расходы тверскаго губернскаго земства, нужно было бы рассмотреть каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Этому не дѣлаетъ г. Буѣвскій,

выхватывая изъ земской смѣты лишь нѣсколько статей, наиболѣе, по его мнѣнію, преувеличенныхъ или бесполезныхъ. Первая изъ этихъ статей—затрата на *второе* статистическое бюро, учреждаемое для переоцѣнки всѣхъ недвижимыхъ имѣній губерніи. Фельетонистъ московской газеты, принадлежащій, какъ и всѣ наши „охранители“, къ числу принципиальныхъ противниковъ земской статистики, никакъ не можетъ примириться съ этимъ *вторымъ* бюро, когда, съ его точки зрѣнія, не нужно и первое. Онъ не видитъ или не хочетъ видѣть, что переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ, обязательная для земства на основаніи закона 8 іюня 1893 г., неизбѣжно влечетъ за собою цѣлую массу лишняго труда, а слѣдовательно и лишнихъ расходовъ, требуемыхъ отъ земства, если оно не предусматриваетъ ихъ *прогріо поту*, административною властью. Совершенно все равно, назвать ли совокупность лицъ, признаваемыхъ для оцѣночныхъ работъ, „вторымъ статистическимъ бюро“ или какъ-нибудь иначе; безъ этихъ работъ ни въ какомъ случаѣ обойтись нельзя. Нечего удивляться и тому, что изъ-за оцѣнки земель земство не пріостанавливаетъ и не бросаетъ всѣ другія, начатыя имъ статистическія изслѣдованія; это было бы просто неразумно, потому что неоконченный трудъ, въ большинствѣ случаевъ, потерялъ бы всякую цѣну и не оправдалъ бы затратъ уже произведенныхъ... Исторію учрежденія злополучнаго *второго* бюро сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ могъ бы узнать изъ источника отнюдь не подозрительнаго—изъ тверской корреспонденціи „Новаго Времени“ (№ 6864), напечатанной шестью днями раньше фельетона г. Букѣвскаго. Онъ нашелъ бы тамъ одну вѣсть, которая, вѣроятно, порадовала бы его сердце: вслѣдствіе упраздненія выборной губернской земской управы и замѣны ея управою назначенной, въ Твери „появилось очень много кандидатовъ на различныя земскія должности (между прочимъ—и на должности статистиковъ) изъ числа бывшихъ становыхъ приставовъ, исправниковъ, наставниковъ (?), секретарей и другихъ лицъ, расчитывающихъ, какъ слышно, устроиться, при новой управѣ, въ земствѣ. Быть можетъ, новой управѣ удастся набрать изъ этихъ „кандидатовъ“ такой составъ статистиковъ („числомъ поболѣе, цѣною подешевле“), который позволитъ ей понизить расходы на *второе*—и даже на первое—статистическое бюро.

Второе доказательство расточительности тверского губернскаго земства—это чрезвычайно крупный и постоянно растущій расходъ на содержимую земствомъ Бурашевскую колонію для умалишенныхъ. Въ 1881 г. въ ней призрѣвалось 160 человекъ, теперь призрѣвается до 550. Въ содѣйствіи размноженію числа душевныхъ болѣзней даже г. Букѣвскій не заподозриваетъ тверское земство; но онъ находитъ,

что многіе изъ призрѣваемыхъ, а именно спокойные, тихіе и вмѣстѣ съ тѣмъ неизлечимые больные должны были бы быть оставляемы у ихъ родныхъ, съ назначеніемъ послѣднимъ небольшого пособія на ихъ содержаніе. Въ этомъ мнѣніи такъ много жестокаго, что мы не хотимъ объяснять его ничѣмъ инымъ, кромѣ незнанія дѣла. Кто жила въ деревнѣ, тому извѣстно, что призрѣніе душевно-больныхъ составляетъ одно изъ самыхъ наболѣвшихъ мѣстъ крестьянскаго быта. По самымъ условіямъ этого быта, тѣснотѣ помѣщеній, отсутствію, особенно въ страдное время года, свободныхъ силъ для присмотра за больнымъ, скученности построекъ и т. п., психически больной, даже тихій, представляетъ страшную тягость для семьи и постоянную опасность для всей деревни. Сколько бываетъ однихъ пожаровъ, причиненныхъ лѣтомъ, напримѣръ, во время ухода всѣхъ взрослыхъ и даже подросткамъ на уборку сѣна, неосторожностью умышленныхъ! Какъ безотраднa, съ другой стороны, участь самихъ больныхъ, съ которыми не умѣютъ обращаться какъ слѣдуетъ, по отношенію въ которымъ сплошь и рядомъ пускаются въ ходъ самыя суровыя мѣры предосторожности!.. Не говоримъ уже о томъ, что „тихий“ больной можетъ внезапно оказаться буйнымъ и надѣлать много серьезныхъ бѣдъ. Освобождая, по возможности, населеніе отъ душевно-больныхъ, земство оказываетъ ему крупную услугу, и сокращеніе пріема, въ видахъ экономіи, было бы для него настоящимъ бѣдственіемъ. Быть можетъ, возможно нѣкоторое уменьшеніе затратъ на Бурашевскую колонію, безъ пониженія числа призрѣваемыхъ—объ этомъ мы судить не беремся; во всякомъ случаѣ, нельзя согласиться съ тѣмъ, что изъ смѣты колоніи безусловно должны быть исключены расходы на пиво, медъ, водку, табакъ. Крѣпкіе напитки, по указаніямъ врача, могутъ входить въ составъ леченія, да и табакъ едва ли составляетъ предметъ роскоши по отношенію къ больному крестьянину, если онъ привыкъ употреблять его, и внезапное лишеніе можетъ вредно повліять на ходъ болѣзни. Желательно было бы знать, при томъ, какъ великъ процентъ расходовъ Бурашевской колоніи, упавшій на покупку пива, меда, водки и табаку, и затѣмъ рѣшить, стоитъ ли приходить отъ него въ „ужасъ“?

Третій укоръ, дѣлаемый тверскому земству, касается предполагаемаго учрежденія въ тверской губерніи, на счетъ губернскаго земства, такъ называемыхъ *межгубудныхъ* врачебныхъ пунктовъ, съ небольшими больницами. Сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей“ подозрѣваетъ тверскую губернскую управу (конечно, прежнюю) въ томъ, что она намѣревалась провести подъ этимъ именемъ просто вмѣшательство губернскаго земства въ организацію уѣздной земской медицины. Подозрѣніе это основано только на томъ, что въ докладѣ

управы не названо ни одного реального *межгубернскаго* пункта, къ которому примѣнялись бы приведенныя ею общія соображенія. Но вѣдь безъ согласія земскаго собранія, даннаго прямо по отношенію къ опредѣленному пункту, все равно нельзя было бы открыть ни одной больницы, ни одного приѣмнаго покоя. Управа, очевидно, хотѣла сначала заручиться принципиальнымъ одобреніемъ намѣченной ею мѣры, а затѣмъ уже представить собранію другой докладъ о способахъ ея осуществленія. Что *межгубернскаго* пункты вполнѣ целесообразны, это показываетъ, между прочимъ, примѣръ петербургскаго губернскаго земства, которое, не принадлежа вообще къ числу энергичныхъ и предприимчивыхъ, все-таки открыло недавно осмиинскій приѣмный покой, въ такомъ углу гдовскаго уѣзда, къ которому близко подходят уѣзды лужскій и амбургскій. Содержится этотъ покой на счетъ губ. земства, трехъ уѣздныхъ и одной волости, и вполнѣ удовлетворяетъ нуждамъ мѣстнаго населенія.

Объ общихъ вопросахъ, возбуждаемыхъ г. Бугѣвскимъ по поводу дѣятельности тверскаго губернскаго земства, мы поговоримъ въ другой разъ; они не лишены своеобразнаго интереса.

28-го апрѣля скончался въ Петербургѣ Платонъ Васильевичъ Павловъ, по выраженію одной газеты—старѣйшій изъ русскихъ профессоровъ. Судьба его во многихъ отношеніяхъ была весьма печальна. Богато одаренный отъ природы; рано возбуждвшій большія надежды, онъ оправдалъ ихъ своимъ первымъ крупнымъ трудомъ: „Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова“ (1849), обратившимъ на себя всеобщее вниманіе. Получивъ награду въ Кіевѣ и проведя, въ половинѣ 50-хъ годовъ, нѣсколько лѣтъ за границей, Павловъ распространилъ область преподаванія исторіи, первый въ Россіи введя въ нее „курсъ исторіи властическихъ искусствъ, въ связи съ развитіемъ культуры“. Къ этому же времени относится главная его заслуга—устройство въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ, куда онъ былъ переведенъ въ 1859 г., первыхъ воскресныхъ школъ, сыгравшихъ такую симпатичную роль въ эпоху пробужденія русскаго общества. Въ началѣ 1862 г., на публичномъ чтеніи въ пользу нуждающихся литераторовъ, Павловъ закончилъ свою рѣчь о тысячелѣтіи Россіи (этому предмету онъ еще ранѣе посвятилъ обширную статью, вышедшую и отдѣльной брошюрой) слѣдующими словами: „Россія стоитъ теперь надъ бездною, въ которую мы и повергнемся, если не обратимся къ послѣднему средству спасенія—къ сближенію съ народомъ. Имѣющій уши слышать, да слышитъ“. За эти слова (появившіяся въ печати только въ 1891 г.; до тѣхъ поръ исторія съ

Павловымъ была извѣстна только по слухамъ) Павловъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ одинъ изъ самыхъ глухихъ городовъ костромской губерніи, Ветлугу, откуда черезъ нѣсколько времени переведенъ въ Кострому. Ссылка его закончилась въ 1866 г., но только въ 1870 г. онъ получилъ возможность вновь поступить на службу (въ археографическую комиссію), а въ 1875 былъ возвращенъ на кафедру (исторіи и теоріи искусства) въ кіевскій университетъ. Само собою разувѣется, что долгій перерывъ въ ученой и общественной дѣятельности долженъ былъ отразиться на Павловѣ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неблагоприятнѣе были условія, въ которыя онъ былъ поставленъ во время ссылки и въ первые годы послѣ возвращенія оттуда. Катастрофа 1862 г. застигла его въ самомъ расцвѣтѣ умственной жизни. Судя по его статьѣ о тысячелѣтніи Россіи, у него были широкіе планы изученія русской исторіи, въ правильномъ пониманіи которой онъ видѣлъ самопониманіе народа; все больше и больше, также, онъ увлекался исторіей культуры. Когда онъ, много лѣтъ спустя, возобновилъ прерванные труды, у него уже не достало силъ, чтобы довести ихъ до конца; его статьи: „Опытъ введенія въ исторію“ („Отечеств. Записки“ 1874 г., №№ 5 и 6) и „Введеніе въ науку объ искусствѣ“ (Кіевскія „Университетскія извѣстія“ 1880 г.), даютъ только указаніе на то, что онъ могъ бы сдѣлать при другихъ обстоятельствахъ. Въ общественной дѣятельности онъ не принималъ больше никакого участія. Его судьба служитъ одною изъ самыхъ яркихъ иллюстрацій той роли, которую играютъ такъ называемыя „случайности“ въ жизни русскаго человѣка. Перечитывая теперь слова, рѣшившія судьбу Павлова, можно только недоумѣвать, какимъ образомъ столь небольшая причина могла вызвать столь серьезныя послѣдствія... На могилѣ Павлова, среди небольшой группы друзей, воздавшихъ ему послѣднюю честь, были пронанесены рѣчи, упрекавшія русское общество въ забывчивости, въ неблагодарности къ своимъ лучшимъ дѣтелямъ. Намъ кажется, что эти упреки не совсѣмъ справедливы. Печатные труды Павлова появились въ свѣтъ, болѣею частью, уже давно и не собраны въ одно цѣлое (что, по отношенію къ главнымъ изъ нихъ, непременно слѣдовало бы сдѣлать), а исторія нашего общества въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ еще не написана и потому мало извѣстна, въ деталяхъ, позднѣйшимъ поколѣніямъ. Когда этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ, имени Павлова воздадутъ должное; почти забытое въ моментъ его смерти, оно заблеститъ новымъ и уже не угасающимъ блескомъ.

Post-scriptum.— Когда послѣднія страницы этой книжки журнала были въ печати, мы получили вышедшее недавно въ свѣтъ „Балте-

ріологическое изслѣдованіе нефльтрованной и фильтрованной невской воды“, д-ра Е. И. Важевова (Спб. 95), гдѣ между прочимъ дѣлается также сравненіе и нашей рѣчной воды съ ключевой водой гатчинскаго бассейна, на основаніи точныхъ анализовъ той и другой; одновременно съ тѣмъ появилось въ газетахъ и описаніе послѣдней побѣдки г. городского Головы, 18-го мая, въ окрестности г. Гатчины, гдѣ ищутъ ключевую воду; эта побѣдка была предпринята какъ разъ наканунѣ продолженія того послѣдняго въ этомъ полугодіи очереднаго засѣданія Думы, на которомъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ объ отчужденіи подъ расширеніе фильтровъ сосѣдней земли, чтб, какъ извѣстно, возбудило спорное дѣло между городской Думою и представителемъ торговой фирмы „Громовъ и К^о“—онъ же и городской Голова—такъ какъ упомянутая земля принадлежитъ этой „фирмѣ“.

Ключевая вода, говоря вообще, обладаетъ драгоцѣнными свойствами, когда она—ключевая въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. прозрачна, какъ кристаллъ, въ чемъ легко можно убѣждаться даже при помощи глаза, а въ то же время индифферентна и не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для здоровья,—напротивъ, обладаетъ иногда даже общепользными качествами; но въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве никакъ нельзя убѣдиться другимъ органомъ нашихъ чувственныхъ воспріятій—языкомъ: тутъ необходимы химическіе и бактериологическіе анализы. Но ключевая вода гатчинскаго бассейна въ исторіи городского водоснабженія обладала до сихъ поръ еще однимъ свойствомъ, ей одной собственно принадлежащимъ: она въ теченіе 12 послѣднихъ лѣтъ служила, всякій разъ, какъ она появлялась на сценѣ городской Думы, удобнымъ тормазомъ къ упорядоченію водоснабженія. Когда 12 лѣтъ тому назадъ городъ началъ борьбу съ „обществомъ водопроводовъ“, потребовавъ отъ него въ первый разъ постройки фильтра, общество, опираясь на химическія изслѣдованія г. Пеля, съ одной стороны, и доводы своего техника, г. Алтухова, съ другой—старалось доказать, что невская вода сама по себѣ никуда не годна и служить проводникомъ холерныхъ бациллъ, а потому необходимо провести ключевую воду изъ гатчинскаго бассейна; но по контракту съ городомъ такую ключевую воду долженъ былъ бы городъ провести на свой счетъ, между тѣмъ какъ фильтры обязано было устроить само общество и истратовать на то до полутора милліона руб. (въ дѣйствительности фильтры обошлись обществу въ 1.800.000 руб.). Въ настоящее время это общество не существуетъ, и если въ послѣдніе два года было какое-нибудь препятствіе къ расширенію площади фильтра, устроеннаго первоначально на 8 милл. ведеръ въ сутки (нынѣ черезъ ту же площадь фильтруется или, вѣрнѣе, пролетаетъ до 16 милл. ведеръ воды, неосновательно называемой фильтрованной), то такимъ препятствіемъ

служилъ единственно—бесконечный споръ между городской оцѣночною комиссіею и представителемъ торговой фирмы „Громовъ и К^о“ о размѣрѣ платы; въ средѣ же Думы явилась опять на сценѣ та же ключевая вода, за которую 12 лѣтъ тому назадъ ухватилось общество водопроводовъ, чтобы отдѣлаться отъ постройки фильтровъ; благодаря ключевой водѣ, самъ собою могъ бы и теперь прекратиться тотъ споръ о расширеніи фильтровъ, какъ дѣлѣ напишемъ. При этомъ, въ основаніе научной стороны дѣла опять кладутся анализы того же г. Пела, а во главѣ технической стороны дѣла явился тотъ же г. Алтуховъ—старый врагъ фильтровъ еще въ эпоху его служенія интересамъ обществу водопроводовъ,—что, впрочемъ, не мѣшало ему позже строить фильтры въ другихъ городахъ. Какъ видно изъ газетъ, онъ же руководилъ и последнею поѣздкой г. городского Головы на р. Пудость, гатчинскаго бассейна; между лицами, принимавшими участіе въ этой поѣздкѣ были, правда, весьма почтенные специалисты и знатоки горнаго дѣла, ученые геологи, инженеры, но не было ни одного бактериолога, ни даже химика; а потому г-ну Алтухову пришлось обращаться къ самому первобытному способу для убѣжденія спутниковъ въ полной доброкачественности воды, а именно, показать ее въ какомъ-нибудь стеклянномъ сосудѣ (въ одной газетѣ оказалось, что вода „изумруднаго“ цвѣта!) и дать попробовать. Но ни прозрачность воды на глазъ, ни вкусъ ея на языкъ, не рѣшаютъ безапелляционно вопроса о свойствахъ и качествахъ воды, особенно если дѣло идетъ о миллионныхъ затратахъ—не со стороны тѣхъ, которые пробуютъ воду, а со стороны города.

Вотъ потому встали явились одновременно съ такою первобытною пробой гатчинской воды результаты весьма точныхъ анализовъ ея въ упомянутомъ выше трудѣ. Мы, конечно, можемъ здѣсь познакомить читателя только съ общими выводами изъ этихъ анализовъ Е. И. Важенова, отсылая любознательныхъ къ самому труду, гдѣ они найдутъ всѣ подробности. Вотъ эти результаты:

1) „Резюмируя полученные мною,—говоритъ г. Важеновъ,—результаты надъ изученіемъ вліянія водъ различнаго состава на холерныя бактерии, мы видимъ, что бѣдная известью и богатая легко окисляющимися органическими веществами вода р. Большой Невы, Ладожскаго озера и р. Морья способна поддержать жизнь холерныхъ бактерий *minimum* — семь дней, и *maximum* — 16 дней. Богатая же известью вода гатчинскихъ, танцкихъ и дудергофскихъ источниковъ способна къ той же роли *minimum* — до восьмого дня, *maximum* — до 15 дня“ (стр. 79).

2) „Отсюда, конечно, нельзя не придти къ заключенію, что известь въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ ключевыхъ во-

дахъ петербургскихъ окрестностей, *не оказываютъ вліянія на холерныя бациллы*, и что ключевыя воды этихъ окрестностей *ничѣмъ не отличаются по своему вліянію на болѣзнетворные организмы отъ водъ рѣки Невы и Ладожскаго озера*. Изъ опытовъ своихъ надъ стерилизованной водой гатчинскаго ключа, Большой Невы и рѣчки Морьи, я долженъ признать, что и въ этомъ отношеніи известковныя воды *мало отличаются отъ невской воды*, а если и *отличаются*—то *тѣснѣе болѣею способностью поддерживать жизнь холерныхъ бактерій*“ (стр. 80),—чѣмъ, прибавимъ отъ себя, онѣ, конечно, не могутъ гордиться предъ бактеріями, а не предъ людьми.

А вотъ и послѣдній общій выводъ, которымъ д-ръ Е. И. Важенновъ заключаетъ главу съ анализами ключевой воды:

„Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—на основаніи своихъ опытовъ надъ стагнаціей различныхъ водъ, т.-е. надъ жизнеспособностью въ нихъ безвредныхъ водныхъ бактерій, и также на основаніи опытовъ надъ вліяніемъ этихъ водъ на бактеріи холеры и тифа, я долженъ придти къ убѣжденію, что *невская вода, по способности поддерживать жизнь какъ безвредныхъ, такъ и болѣзнетворныхъ бактерій холеры и тифа, ничѣмъ не отличается отъ водъ окрестностей С.-Петербурга*“ (курсивъ автора). При этомъ авторъ въ подтвержденіе своего вывода ссылается на авторитетъ германскаго бактериолога Крауса, пришедшаго къ аналогическимъ результатамъ ¹⁾ и къ такому же выводу. Авторъ могъ бы къ этому присоединить и то, что, при анализѣ ключевой воды гатчинскаго бассейна, были уже наблюдаемы бактеріи, а слѣдовательно, мы имѣемъ пока дѣло не съ ключевой водой, хотя бы она и была „наумруднаго“ цвѣта, точно также какъ мы уже давно пьемъ и въ городѣ воду, которая только называется фильтрованной, но она въ дѣйствительности вовсе не фильтруется, а пролетаетъ съ быстротою мимо фильтра,—въ чемъ собственно и состоитъ вся бѣда! Совершенно справедливо замѣчаетъ потому и Е. И. Важенновъ, что „при фильтраціи, допущенной у насъ въ городскомъ фильтрѣ, при скорости ея равной 380 мм. въ часъ (15 дюймовъ, вмѣсто 7) и толщинѣ слоя песка менѣе 1 фута (гораздо менѣе!!), когда фильтрующимъ слоемъ является только одна пленка, да и та подвергается частой чисткѣ, врядъ ли можно считать воду р. Невы, проходящей чрезъ городъ, даже и послѣ ея фильтраціи чрезъ *подобный* фильтръ, годной для питья“.

„Врядъ ли?“—навѣрное нельзя! такъ какъ вода, которой городъ снабжаетъ нынѣ своихъ обывателей, называется фильтрованной только

¹⁾ Dr. Kraus, Ueber das Verhalten pathogener Bakterien in Trinkwasser (Archiv für Hygiene. 1887. Heft 2).

потому, что она получается съ того мѣста, гдѣ построены фильтры, но настоящей фильтраціи воды давно уже не существуетъ. „Если поставить дѣло фильтраціи невской воды,—говорить Е. И. Баженовъ,—правильнымъ образомъ, то-есть, *увеличить поверхность фильтровъ, сообразно съ требованіями на воду*, уменьшить скорость фильтраціи, и т. д.—то городъ получитъ изъ воды рѣки Невы чистую фильтрованную—питьевую воду, въ достаточномъ для своего населенія количествѣ“.

Итакъ, въ результатъ всей почти двухлѣтней войны городского фильтра съ „ключевой“ водою, оказывается слѣдующее: чтобы имѣть настоящую фильтрованную воду, какою пользуются другіе европейскіе города, нужно расширить фильтрующую площадь, но для того, увн! пришлось бы сократить площадь лѣсного склада торговой фирмы „Громовъ и К^о“, и при этомъ заплатить за землю по высокой цѣнѣ; ключевая же вода—говорятъ намъ—избавила бы городъ и отъ необходимости расширить фильтръ, и отъ необходимости сократить лѣсной складъ за высокую для города цѣну, представивъ при этомъ высокія качества и полное отсутствіе холерныхъ и иныхъ болѣзнетворныхъ бактерий. Последнее обстоятельство заставило городъ даже израсходовать 50.000 рублей на предварительныя буровыя изслѣдованія,—а теперь вдругъ является другое изслѣдованіе съ фактическими доказательствами, что такія бактерии могутъ жить еще съ большимъ для нихъ комфортомъ и въ ключевой водѣ. Такимъ образомъ, ключевая вода, служившая, правда, безъ успѣха, стѣннотнымъ орудіемъ въ рукахъ общества водопроводовъ противъ Думы, когда дѣло шло о постройкѣ фильтровъ, должна будетъ теперь искать новыхъ защитниковъ, если она пожелаетъ остановить расширеніе площади фильтра и тѣмъ покончить съ неприятнымъ вопросомъ объ уступкѣ сосѣднихъ земель за ту цѣну, которой онѣ стоятъ въ дѣйствительности...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ИЗЪ ОТЧЕТА СЕКРЕТАРЯ И БАЗНАЧЕЯ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБІЯ
НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ ЗА ЯНВАРЬ—
АПРѢЛЬ 1895 Г.

I.—Съ 1 января по 10 апрѣля Комитетъ Общества имѣлъ 8 за-сѣданій, въ которыхъ состоялось 250 постановленій по разнымъ хо-датайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета:

1) Выдача единовременныхъ пособій 34 лицамъ: въ 125 р.—одному лицу; по 100 р.—четыремъ; въ 79 р. 86 коп.—одному; въ 75 р.—одному; по 60 р.—двумъ; по 50 р.—десяти; въ 40 р.—одному; по 30 р.—пяти; по 25 р.—шести; въ 15 р.—одному; въ 10 р.—одному; всего на сумму 1.676 р. 86 коп.

2) Назначеніе продолжительныхъ пособій 6 лицамъ: годовыхъ— въ 300 р.—одному; годовыхъ по 180 р.—тремъ и годовой же пенсій въ 100 р.—одному; восьмимѣсячной въ 80 р.—одному.

3) Выдача безсрочныхъ ссудъ 15 лицамъ: въ 500 р.—одному; въ 300 р.—одному; въ 200 р.—одному; по 150 р.—двумъ; по 100 р.—пяти; въ 75 р.—одному и въ 50 р.—четыремъ.

4) Выдача срочныхъ ссудъ 5 лицамъ: годовыхъ въ 200 р. каждая—двумъ; годовыхъ въ 150 р. каждая—двумъ, и восьмимѣсячной въ 50 р.—одному.

5) Производство уплаты за воспитаніе и обученіе 12 дѣтей и зачисленіе двухъ на стипендіи, предоставленныя Обществу: въ гимназій княгини Оболенской и на курсахъ новыхъ языковъ г-жи Бобріщевой-Пушкиной.

6) Выдача на погребеніе одной писательницѣ 50 рублей и одного писателя—30 р.

7) Оказаніе неденежныхъ пособій. Пособія эти заключались: въ сношеніяхъ съ редакціями по уплатѣ гонорара сотрудникамъ—для 3 лицъ, въ сношеніяхъ съ издателями о возвращеніи рукописей—для одного лица; въ медицинской помощи больнымъ кліентамъ фонда; въ пожѣщеніи въ клинику—двухъ лицъ и хлопотахъ по пріисканію мѣста для двухъ лицъ.

8) Отелоненіе 46 разныхъ просьбъ 33 лицъ.

9) Выпускъ въ свѣтъ 13-го изданія сочиненій С. Я. Надсона въ количествѣ 6 тысячъ экземпляровъ и 3-го изданіе 1-ой книги рассказовъ В. М. Гаршина въ количествѣ 1 тысячи экземпляровъ.

10) Приглашеніе П. Д. Боборыкина для прочтенія публичной лекціи, которая и состоялась 5 января, давъ Обществу 258 р. 87 коп. чистой прибыли, и устройство литературнаго вечера въ память Грибоѣдова (21 января), доставившаго чистой прибыли 491 р. 70 коп.

11) Ходатайство о возмѣщеніи понесенныхъ Обществомъ вслѣдствіе конверсіи принадлежащихъ ему билетовъ убытковъ въ размѣрѣ 13.078 р. 25 коп., которые нынѣ и возмѣщены.

II.—Съ 1 января по 21 апрѣля 1895 года Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Получено:

а) отъ мин. фин. въ возмѣщеніе убытковъ по конверсіи принадлежавшихъ ему 5% банков. бил. и облиг. восточн. займовъ въ 4% ренту 13.078 р. 25 к.

б) въ именные капиталы 4.950 „ — „

в) „ расходный капиталъ

1. Пожертв. Высоч. особъ 1.500 р. — к.

2. Годовыхъ членск. взносовъ . . . 610 „ — „

3. Пожертвованій 91 „ — „

4. Отъ публичн. лекціи П. Д. Боборыкина 258 „ 87 „

5. Отъ Грибоѣдовскаго вечера . . . 491 „ 70 „

6. Отъ изданій Общ. (за исключеніемъ причисленныхъ выше показанныхъ въ именныхъ капиталамъ) 7 „ — „

7. Пособія отъ мин. нар. пр. . . . 1.000 „ — „

8. Процентовъ

а) съ капитала 3.389 „ 84 „

б) „ срочн. ссудамъ 51 „ 25 „ 7.399 р. 66 „

и г) въ возвратъ срочныхъ ссудъ 1.451 „ 60 „

За то же время Общ. истратовало:

а) на изданія 1.723 „ 35 „

б) за счетъ расходнаго капитала

1. На пенсіи 1.802 р. — к.

2. „ продолж. пос. 1.310 „ — „

3. „ стипендіи 910 „ — „

4. „ обученіе и воспитаніе . 1.126 „ 50 „

5. „ единовремен. пособія . . 2.261 „ 86 „

6. „ ссуды безсрочныя . . .	1.450 „ — „
7. „ выдачи по дух. зав. Елисеѣва	475 „ — „
8. „ расходовъ общихъ . . .	185 „ 10 „

Засявъ къ 21 апрѣля числится:

Въ расходномъ капиталѣ перерасходъ . . .	1.175 „ 59 ³ / ₄ „
Остатокъ ссуднаго капитала	1.170 „ — „
Въ долгахъ за разными лицами по ссудамъ .	1.830 „ — „
Въ % ² / ₁₀ бумагахъ	806.675 „ — „
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ Общ. . .	10.127 „ 42 ¹ / ₂ „

Опечатка.—Редакція покорнѣйше проситъ исправить вправшуюся по недосмотру опечатку: выше, на 674 стр., вмѣсто—Прбановскій, слѣдуетъ читать: Гербановскій.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

МАЙ — ІЮНЬ 1895.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Общественное владѣніе и частная собственность.—I-II.—Ф. Г. ТЕРНЕРА	5
Ходокъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть третья и послѣдняя: I-XV.—П. Д. БОБОРЫКИНА	68
Молодость Бенжамена Констана.—Очерки.—VII-VIII.—М. М. КОВАЛЕВСКАГО	121
Стихотворенія.—Майская ночь.—Первый громъ.—А. М. ФЕДОРОВА	155
Июль Вожли.—Повѣсть.—Съ польскаго.—VIII-X.—Озвончаніе.—Э. Л. ОРЖЕШКО.	157
Новыя теченія въ англійскомъ искусствѣ.—I. Прерафаэлитское братство.—II.—Давидъ-Габриэль Россетти.—III. Вильямъ Моррисъ и Алджернонъ Свинборнъ.—ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ	192
Подводныя растенія.—Советъ.—К. ВАЛЬМОНТА.	236
Повѣи гр. А. К. Толстого.—I-XII.—В. С. СОЛОВЬЕВА.	237
Поэтъ и музыкантъ.—Der Liedermacher. Roman aus Neu-Berlin; von J. Stinde.—I-VI.—А. Б-Г.	260
Ф. Коппъ.—„Les petits robesmes“: I. Дѣя гробницы.—II. Который изъ двухъ?—III. Мадьяръ.—IV. Дуэль.—V. Вездомная собака.—Пер. съ франц.—О. МИХАЙЛОВОЙ	304
Времени Екатерины II.—I. Новый періодъ французскихъ вліаній.—Благосклонность имп. Екатерины II къ философамъ.—Условія русской жизни и образованія.—Журнальная дѣятельность Екатерины II.—Новиковъ.—Внутреннія противорѣчія.—А. Н. ПЫПИНА	310
Стихотворенія.—Когда душа, расправивъ крылья.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	356
Новый разсказъ гр. Л. Н. Толстого.—Соч. гр. Л. Н. Толстого, ч. XIV: „Хозяинъ и работникъ“.—Л. С.	357
Стихотворенія.—Лучей блестящихъ поляхъ за полкомъ.—В. С. СОЛОВЬЕВА	367
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Русскій музей Императора Александра III.—Газетные слухи о пересмотрѣ одной статьи закона о земскихъ начальникахъ.—Почетные земскіе начальники и ихъ помощники.—Къ чему приводить избытокъ вниманія въ дѣла сельскихъ обществъ.—Ходатайства съѣзда дѣателей по печатному дѣлу.—Полемика о вексельномъ уставѣ.—Инспекторская часть гражданскаго вѣдомства.—И. А. Вышеградскій †	368
Зимство по положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г.—ВН. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИЦКАГО	391
Иностранное Овозраженіе.—Заключеніе мира между Японіею и Китаемъ и вопросъ о вѣнательствѣ европейскихъ державъ.—Газетныя нападки на японцевъ и отавны сѣдующихъ лицъ.—Ходъ переговоровъ о мирѣ.—Возможныя послѣдствія японскихъ побѣдъ, и наши задачи на дальнѣйш. Востоцѣ.—Внѣшняя политика Англій.—Положеніе дѣлъ въ Германіи	410
Литературное Овозраженіе.—„Починъ“ сборн. Общ. люб. русск. словесности.—Изъ путешествія по В. Сибири и т. д., А. В. Потаниной.—Письма Александровичъ къ Тургеневу.—Историческій очеркъ русск. книгопечатнаго дѣла, И. Вожегова.—Т.—Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Н. Бельтова.—Л. С.—Новыя книги и брошюры	424
Новости Иностранной Литературы—I. Paul Bourget, Outre-Mer.—II. H. Oelzner, The influence of Dante on modern thought.—З. В.	443
Изъ Овощивенной Хроники.—Новыя подвиги газетныхъ „добровольцевъ“.—Мятава, какъ „дѣтальдъ бѣгства“.—Люблинскій епископъ и польскій языкъ.—Обвинительный актъ противъ орловскаго комитета народныхъ чтеній.—„Добровольческая“ театральная цензура.—Разногласіе въ адвокатской средѣ.—Несправедливое нападеніе на Петербургъ.—Густавъ Фрейтагъ †	456
Библиографическій Листокъ.— Овъявленія.—I-XVI стр.	

Книга шестая. — Июнь.

	стр.
Ощущенное владѣнiе и частная собственность. — III. — Окончанiе. — Θ. Г. ТЕР-НЕРА	469
Ходокъ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья: XVI-XXXII. — Окончанiе. — П. Д. БОБОРЫКИНА	509
Демократической цезаризмъ во Франци. — В. И. ГЕРЬЕ	564
Стихотворенiя. — I-II. — В. С. СОЛОВЬЕВА	612
Минутная жизнь. — Изъ сибирской жизни до желѣзной дороги. — С. В. ПЕТРОВА-БАТУРИЧА	614
Министерство земледѣлiя въ С.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ. — I-III. — П. А. ТВЕРСКОГО	651
Изъ польскихъ поэтовъ. — Марiя Конопницкая . — I-V. — Перев. М. ГЕРБАНОВСКАГО	670
Богиня весны и смерти въ мѣсяцахъ и обрядахъ славянъ. — I-III. — А. С. ФАМИНЦЫНА	675
Стихотворенiя. — I. Море. — II. Безслезный звукъ. — III. Не вѣрь, не вѣрь. — IV. Дождь. — V. Изъ Катюли. — А. П. Б.-ШЕВА	700
Поэты и музыканты. — <i>Der Liedermacher, Roman aus Neu-Berlin, von Jul. Stinde.</i> — VII-XII. — А. Б-Г	704
Времена Екатерины II. — II. Поворотъ въ мнѣнiяхъ императрицы, и его причины. — Французская революцiя. — Состоянiе русскаго общества и литературы въ концѣ вѣка. — Отношенiя Екатерины II къ литературѣ; Державинъ; Фонъ-Визинъ. — А. Н. ПЫШИНА	750
Стихотворенiя. — I. Весна. — II. Ранняя осень въ Крыму. — Если на лилю, утромъ росистымъ. — Чуть-то трепещетъ душа у поэта. — У сиваго моря. — У бурнаго моря. — Д. П. ВЪЛНУШЕВОЙ	800
Денежныя недоумки. — Д. З. СЛОНИМСКАГО	804
Хроника. — По исполненiю государственной росписи на 1894 годъ. — О. Внутреннее Овозраженiе . — Законъ 10 апрѣля о льготахъ по взиманiю пошлинъ крѣпостныхъ и съ безмеднаго перехода имуществъ. — Проектъ уголовного уложенiя. — Отсрочка въ осуществленiи устава лечебныхъ заведенiй. — Земство и проектъ продовольственнаго устава. — Вансканiе податей съ заработка фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ. — Десятилѣтiе фабричной инспекцiи.	840
Иностранное Овозраженiе. — Умеченiе японскими дѣлами. — Неумѣстное усердiе въ-оторныхъ газетъ. — Равнодушiе къ дѣламъ Балканскаго полуострова. — Письмо изъ Бѣлграда о сербскихъ дѣлахъ. — Отставка графа Кальноки и вѣнскiя австрiйская политика. — Внутреннiя дѣла Германiи	860
Литературное Овозраженiе. — Я. К. Гротъ . — Памяти Н. С. Тихонравова . — О народномъ театрѣ, Ив. Щеглова . — Т. — Новые книги и брошюры	870
Г-нъ Д. Изовайскiй , въ новой роли школьнаго публициста. — Письмо въ Редакцiю. — Д. М.	887
Новости Иностранной Литературы. — <i>Piege Loti, Jerusalem.</i> — В.	889
Изъ Ощущенной Хроники. — Организациа академической комиссiи для пособiя нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. — Предстоящее открытiе женскаго медицинскаго института. — Имѣтъ ли высшее медицинское образованiе женщинъ право на материальную поддержку государства? — Дальнѣйшiя <i>ria desideria</i> высшаго женскаго образованiя. — П. В. Павловъ † . — <i>Post-scriptum</i> : Новый эпизодъ изъ войны городскаго филътра съ блочною водою	895
Извѣщенiя. — Изъ отчета секретаря и казначея общества для пособiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь — апрѣль 1895 г.	912
Библиографическiй Листокъ. — Очерки политико-экономической литературы, Н. Х. Бунге . — Нефтяная промышленность Соед. Штатовъ, Ст. Гулишамбарова . — Исторiя русскаго языка, ч. I, А. Невзелина . — Русская поэзия, вып. V, С. Венгерова . — Сочиненiя Шелли, вып. 2, перев. Б. Вальмонта . — Объявленiя . — I-XVI стр.	

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Очерки политико-экономической литературы.
Н. Х. Бунге. Сиб. 95. Стр. 465.

Въ настоящемъ выпускѣ соединены авторомъ статьи, написанныя имъ исключительно по исторіи литературы политической экономіи за послѣдніа 35—40 лѣтъ; но онѣ являются здѣсь «пересмотрѣнными и дополненными въ прошедшемъ году. Исследования же, относящіяся къ отдаленнымъ отраслямъ экономической политикѣ и государственнаго хозяйства, предполагаются собрать особо. Въ составѣ пятнадцатаго выпуска вошли обширный историческій очеркъ экономическихъ ученій, дополненный, сверхъ обзорной повѣстной германской литературы, еще особою статьей о книгѣ Менгера; теорія соглашенія частныхъ интересовъ у Эмеля Кэра; законъцѣ отъзвѣ о Дж. Ст. Миллѣ, какъ экономистѣ. Автору такое изданіе представляло удобный случай для возврата всего того, что за послѣдніа десятилѣтія служило основаніемъ сближенію другъ друга теорій; такъа возврата и придаетъ имъ особый интересъ новому изданію упомянутыхъ отъзвѣвъ въ прежняго времени. Хотя авторъ и дѣлаетъ отъ себя мысли, что всѣ наши познанія условны и имѣютъ значеніе лишь для извѣстной эпохи, но, тѣмъ не менѣе, настоящая ретроспективная работа сдѣлала для него очевиднымъ, что «теоріи господствуютъ часто не потому, что въ нихъ воплощаются непререкаемая истина, а потому, что онѣ отъзвѣчаютъ современному настроенію».

Нефтяная промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ связи съ общими промышленными развитіемъ страны. Составилъ Ст. Гулшамбаровъ, инженеръ-технологъ. Изданіе департамента торговли и мануфактуръ. Съ картою и таблицами. Сиб. 1894. Стр. VIII+184. Ц. 2 р.

Въ интересной книгѣ г. Гулшамбаровъ изложены результаты изученія американской промышленности вообще и нефтяной въ особенности, въ связи съ положеніемъ этого дѣла въ другихъ странахъ. Множество новыхъ свѣдѣній, статистическихъ и экономическихъ, придаетъ этому труду характеръ спеціальнаго исследования, весьма цѣннаго для всѣхъ интересующихся вопросамъ крупной промышленности и торговли; но нѣкоторые отъдѣлы книги любопытны и поучительны не для однихъ специалистовъ. Исторія Джона Рокфеллера, организатора и всевластнаго распорядителя могущественной нефтяной компаніи „Standard-Oil“, есть въ то же время исторія возникновенія и господства своеобразныхъ повѣстныхъ формъ промышленной монополіи въ Сѣверной Америкѣ; новая организація „трестовъ“, система сдѣлокъ съ желѣзными дорогами, разнообразіе усиленныхъ способовъ борьбы съ противниками и законодательствомъ отдаленныхъ штатовъ, докѣи обходы препятствій и блестящее достиженіе поставленныхъ цѣлей, — все это доставило Рокфеллеру не только много милліоновъ долларовъ, но и репутацію умнѣйшаго человека, гениальнаго дѣльца, вѣрѣ которымъ насуетъ самъ старый Вандервальтъ. Зато положеніе простыхъ рабочихъ, которыми добываются и пускаются въ оборотъ нефтяныя богатства, оказывается крайне печальнымъ и непрочнымъ, несмотря на высокую заработную

плату. Вообще авторъ съ большою добросовѣстностью отнесся къ задачѣ, возложенной на него министерствомъ фискаловъ по поводу поставка въ Чикаго, и его книга заслуживаетъ вниманія по одному уже количеству и значенію сообщенныхъ въ ней фактовъ.

Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Соч. А. Н. Незеленова. Изд. 4-ое (въ 2-хъ частяхъ). Ч. I. Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. Сиб. 95. Стр. 242. Ц. 1 р.

Трудъ г. Незеленова давно уже извѣстенъ по прежнимъ его изданіямъ, и одними издателями одобренъ какъ руководство, другими — какъ учебное пособіе. Авторъ объявляетъ отъ себя, что руководство насчитано „безъ переизмѣнъ со 2-го изданія“, такъ сказать стереотипно, какъ печатають классическія произведенія; но причина того, конечно, не въ томъ, что авторъ имѣетъ безграничную увѣренность въ полномъ совершенствѣ своего руководства, или не желаетъ дать себѣ трудъ пересмотра; всякое измѣненіе пошло бы за собою новый пересмотръ книги въ подлежащихъ издателяхъ, и тогда значительную при этомъ потерю времени. Авторъ въ предисловіи объясняетъ самъ свой методъ изложенія; не ограничиваясь очеркомъ разбираемыхъ имъ произведеній, онъ, по возможности, сопровождаетъ ихъ характерными данными изъ жизни писателей, при чемъ строго ограничивается фактами, болѣе или менѣе установленными въ науцѣ. Въ настоящемъ выпускѣ первое мѣсто уделено народной поэзіи прежнихъ временъ, насколько она сдѣлалась уже теперь достояніемъ печати; исторія литературы излагается въ двухъ отъдѣлахъ: до Петра В., и послѣ него до начала Карамзинской эпохи.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Изд. и р. С. А. Венгерова. Вып. V. Сиб. 95. Стр. 777—886 и 134. Ц. вып. I—V 6 руб.

Настоящій выпускъ только приближаетъ, но еще не приближаетъ перваго тома, какъ то предполагалось. Авторъ посвящаетъ этотъ томъ XVIII вѣку; если новое предположеніе автора осуществится, то слѣдующій, 6-й, выпускъ будетъ послѣднимъ для перваго тома, и затѣмъ дальнѣйшіе три тома будутъ посвящены XIX-му вѣку. Изъ семи писателей, введшихъ въ пятый выпускъ, первое мѣсто принадлежатъ Радищеву и Фонъ-Визину; для характеристикъ Радищевъ избраны статьи о немъ его сына и А. Пушкина; а для Фонъ-Визина — статья кн. П. Вяземскаго. Послѣдній отъдѣлъ выпуска посвященъ „мелкими поэтамъ“ XVIII-го вѣка и различнымъ дополненіямъ и библиографическимъ примѣчаніямъ.

Сочиненія Шелли. Перев. съ англ. К. Д. Вальмонта. Вып. 2-й. Изд. 3-е. Сиб. 95. Стр. 74. Ц. 50.

Главное мѣсто въ настоящемъ выпускѣ принадлежитъ поэмі „Аласторъ“ (1815 г.); по справедливому замѣчанію переводчика, „пигдѣ Шелли не высказалъ столько личнаго и характернаго для себя, какъ въ этомъ внѣшескомъ произведеніи“. Въ связи съ этою поэмою помѣщены отрывки въ прозѣ: „О любя“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходятъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союзѣ . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Внѣго разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1895 г.

Ближыя магазины, при годовой и полугодной подпискѣ, пользуются обычнымъ услуженіемъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риклера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о). и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Куанецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* назлача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) *Переминая адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородіе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Выслеты* на полученіе журнала выставляются Конторой только гдѣ въ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 пов. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

